

АРХЕОЛОГИЯ

Эпоха бронзы
лесной полосы СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б. А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Академик Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

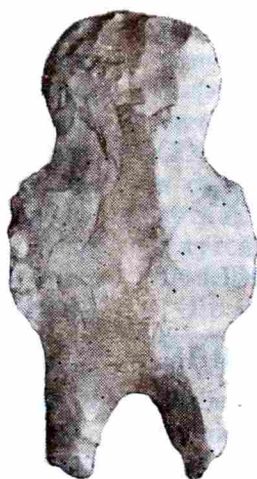
В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

П. Г. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1987

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Эпоха бронзы лесной полосы СССР

Ответственные редакторы тома:

О. Н. БАДЕР, Д. А. КРАЙНОВ,
М. Ф. КОСАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1987

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

*ПАЛЕОЛИТ СССР

1984

МЕЗОЛИТ СССР

НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР

*ЭНЕОЛИТ СССР

1982

ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

*ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

1985

*АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1984

СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ
СССР

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

*ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ.

1982

*ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО

1985

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1981

КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год
выхода тома.

Настоящий том посвящен археологии бронзового века лесной, лесостепной и тундровой зон СССР. Разнообразие природных условий определило и различие в путях экономической, социальной и духовной адаптации населения к окружающей среде. Освоение бронзовой металлургии в начале II тысячелетия до н. э. повысило производительность труда человека, что привело к сложению многоотраслевого хозяйства, сочетавшего присваивающие промыслы с производящими отраслями.

Авторы тома — ведущие археологи СССР по данной проблематике.

Авторы тома:

Ж. В. АНДРЕЕВА

И. И. АРТЕМЕНКО

О. Н. БАДЕР

Я. Я. ГРАУДОНИС

Н. Н. ГУРИНА

М. Ф. КОСАРЕВ

Д. А. КРАЙНОВ

С. В. КУЗЬМИНЫХ

И. А. ЛОЗЕ

Л. А. НАГОВИЦИН

С. В. ОШИБКИНА

Т. Б. ПОПОВА

А. Д. ПРЯХИН

С. В. СТУДЗИЦКАЯ

А. Х. ХАЛИКОВ

Л. П. ХЛОБЫСТИН

Е. Н. ЧЕРНЫХ

Введение

Настоящий том посвящен археологии бронзового века лесостепной, лесной и отчасти тундровой зон СССР. Исследуемая территория занимает около 17 млн. кв. км, т. е. 0,75 площади нашей страны. Кроме двух гигантских равнин — Русской и Западно-Сибирской, почти целиком лежащих в рассматриваемых широтах, специалисты выделяют здесь обширнейшее Средне-Сибирское плоскогорье и несколько горных физико-географических областей: Уральскую, Южно-Сибирскую (Алтай, Западный и Восточный Саяны), Путорано-Анабарскую, Байкальскую, Южно-Дальневосточную (Среднее Приамурье, Южное Приморье и о-в Сахалин), Якутско-Чукотскую и Камчатско-Курильскую.

По ботаническим, климатическим, почвенным и зоологическим показателям на исследуемых пространствах — пять основных типов природной зональности: лесостепь, хвойно-широколиственные (смешанные) леса, тайга, лесотундра и тундра. Лесостепь и особенно зона хвойно-широколиственных (смешанных) лесов имеют достаточно ограниченные широтные пределы; последние три ландшафтных пояса — тайга, лесотундра и тундра — одинаково характерны для восточноевропейской, сибирской и дальневосточной частей СССР.

Основной лесостепной массив приурочен к югу Русской и Западно-Сибирской равнин. На подступах к Алтае-Саянам лесостепь теряет характер непрерывной полосы и далее на восток встречается в виде изолированных островов по депрессиям рельефа. Любопытна уникальная северная лесостепь в Центральной Якутии. Флора здесь вплоть до 63-й параллели богата степными видами. Широко распространены «лугостепи», где лугово-степные участки чередуются с разрушенными березняками и листвягами. Много пастбищных угодий, издревле используемых якутами для выпаса скота.

Зона смешанных лесов локализуется в двух территориально не связанных между собой районах — на Русской равнине (зона хвойно-широколиственных лесов) и в южной части Дальнего Востока (зона муссонных хвойно-широколиственных лесов).

Тайга протянулась широкой полосой от Кольского п-ва и Карелии до Тихого океана. Здесь господствуют хвойные деревья, обычны береза и осина, не характерны широколиственные породы. В европейской части зоны среди хвойного древостоя преобладает ель, в Западной Сибири — сосна, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — лиственница.

Между тайгой и тундрой простирается лесотундровое редколесье. Зона тундры практически безлесна: преобладает моховая и лишайниковая растительность, приобретающая в ряде мест травяно-моховой и кустарничково-моховой характер.

По направлению с юга на север, от степной зоны к

таежной, наряду с закономерным понижением зимних и летних температур, наблюдается постепенное увеличение влажности; на севере тайги и в тундре сумма годовых осадков вновь снижается — до уровня лесостепной и даже степной зон. Засушливость климата возрастает и с запада на восток. Так, если на Ямале сумма осадков достигает 200—300 мм, то в дельте Енисея (Диксон) она составляет 159 мм, а в дельте Лены опускается до 100 мм (Шумилова, 1962).

Недостаточная влажность особенно зримо проявляется в лесостепной зоне. В некоторые годы засухи заходят много севернее лесостепей, поднимаясь на востоке европейской части выше 60-й параллели, а в Восточной Сибири — до берегов Северного Ледовитого океана. Любопытно, что в Лено-Вилюйской котловине вплоть до 63-й параллели распространены осолоделые почвы с пятнами солодей и солонцов, типичные для засушливых степей и полупустынь юга СССР. Континентальность выражена здесь не только в сухости климата, но и в контрастности зимних и летних температур. Средняя температура января в Якутске равна $-43,3^{\circ}$, а июля $+19,1^{\circ}$ (на 2° выше, чем на Рижском взморье).

По направлению с запада на восток от Европейской части СССР до Восточной Сибири включительно наряду с уменьшением влажности климата и возрастанием амплитуды колебания зимних и летних температур увеличивается диспропорция в соотношении количества летней и зимней атмосферной влаги (за счет повышения доли летних осадков). Если следовать вдоль 56-й параллели, то это соотношение будет выглядеть следующим образом: в Москве годовая сумма осадков 694 мм, из них в теплые месяцы (май — октябрь) выпадает 58%, в холодные (ноябрь — апрель) — 42%. В Свердловске общее количество осадков 582 мм; из них летние составляют 66%, зимние — 34%. В Тюмени при годовой норме осадков 405 мм летом выпадает 73%, зимой — 27%. В Красноярске за год выпадает 338 мм осадков, в том числе в теплые месяцы 80%, в холодные — 20%.

Усиление континентальности климата с запада на восток объясняется в первую очередь тем, что основная часть осадков в умеренном поясе обеспечивается воздушными массами, приходящими летом с запада и северо-запада. Атлантический воздух по мере движения к востоку постепенно иссушается. Высокие горные массивы на южных и восточных окраинах СССР препятствуют поступлению в Сибирь теплых и влажных воздушных масс с морей, расположенных южнее и восточнее Азиатского материка. Континентальность вновь уменьшается на Дальнем Востоке, где в южной части, прилегающей к Японскому морю, господствует сравнительно теплый муссонный климат, а вдоль Охотского побережья — холодно-умеренный с элементами муссонного.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке многократно возрастают площади, занятые вечной мерзлотой. Южная граница ее начинается от восточных берегов Белого моря, идет по южной окраине тундры, а в Западной Сибири проходит несколько южнее Полярного круга. Далее, пересекая Енисей в районе Турханска, она резко смещается на юг по правому берегу Енисея и уходит в Монголию. Лишь Дальний Восток — с низовьев Амура и южнее — не входит в зону вечной мерзлоты.

На исследуемой территории протекают целиком или большей частью величайшие по длине и площади бассейнов реки Евразии: Обь с Иртышом (длина 5410 км, площадь бассейна 2976 тыс. кв. км), Енисей с Бий-Хемом (длина 4092 км, площадь бассейна 2580 тыс. кв. км), Лена (длина 4400 км, площадь бассейна 2490 тыс. кв. км), Амур с Шилкой и Ононом (длина 4416 км, площадь бассейна 1855 тыс. кв. км), Волга (длина 3531 км, площадь бассейна 1380 тыс. кв. км). На Евразийском континенте с ними может сравниться лишь р. Янцзы (длина 5200 км, площадь бассейна 1940 тыс. кв. км).

Много озер, однако распределены они неравномерно. В Европейской части СССР основная масса их тяготеет к северо-западу, где находятся крупнейшие озера Европы: Ладожское (площадь 18,4 тыс. кв. км), Онежское (площадь 9,61 тыс. кв. км) и Чудское с Псковским (площадь 3,55 тыс. кв. км). Особенно богат внутренними пресноводными водоемами Кольский п-в; здесь насчитывается 110 700 озер площадью более 10 га. В Западной Сибири более 800 тыс. озер. Основная масса их находится в пределах Западно-Сибирской равнины. Они обычно невелики по размерам и относительно мелководны.

В Восточной Сибири озер сравнительно немного. На огромнейшей территории, превышающей 7 млн. кв. км, известно 100 тыс. с лишним озер — примерно столько же, сколько на Кольском п-ве, площадь которого в 70 раз меньше. Зато в Восточной Сибири находится знаменитый Байкал. Байкал — самое глубоководное озеро в мире: средняя глубина его 730 м, максимальная 1620 м. Этот гигантский природный резервуар вмещает 23 600 куб. км пресной воды высочайшей чистоты и качества. В Байкале сосредоточено не менее 80% доступных для использования поверхностных пресных вод Советского Союза и более 20% их мировых запасов. В водах этого уникального пресноводного моря обитает более 1800 видов растений и животных, причем около 750 из них — эндемики. Среди последних следует особо выделить байкальскую нерпу, промысел которой играл значительную роль в хозяйстве древнего населения байкальского региона.

Дальний Восток, как и Восточная Сибирь, не слишком богат озерами. Наиболее крупные — Ханка, Чукчагирское, Красное, Болонь, Орель и др. — сосредоточены в южной части региона.

Значительная часть исследуемой территории покрыта болотами. Особенно много их в Западной Сибири, где они занимают не менее половины площади. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где преобладает горный рельеф, заболоченность сравнительно невелика. В лесной полосе Европейской части СССР болота занимают достаточно обширные пространства, но по размерам и общей площади сильно уступают западносибирским.

В лесостепи живут как обычные степные обитатели (суслик, сурок-байбак, корсак, дрофа, степной орел и др.), так и животные, которых привычнее видеть в лесу (лось, косуля, барсук), весьма типичны также волк, лиса, заяц-русак, журавль, различная водоплавающая дичь. Несколько веков назад в европейской части зоны водился дикий бык — тур. До XVIII в. включительно на всей территории зоны (Восточная Европа, Урал, Западная Сибирь) обитала дикая лошадь (тарпан). Судя по костным остаткам, обнаруженным на древних памятниках, встречался дикий кабан; в западносибирскую и уральскую лесостепь нередко забредали стада сайгаков.

Животный мир хвойно-широколиственных (смешанных) лесов более богат, чем таежной зоны. В европейской части зоны, кроме обычных таежных обитателей (которых мы перечислим ниже, при характеристике животного мира тайги), представлены зубр, европейская косуля, дикий кабан, европейская лесная кошка, выхухоль. Еще в XVI в. в смешанных лесах Белоруссии и Литвы добывался соболь, ныне не обитающий западнее Урала. Фаунистический состав дальневосточных смешанных лесов еще более разнообразен.

Помимо животных, характерных для таежной зоны, здесь обитают леопард, тигр, черный медведь, енотовидная собака, дальневосточный кот, харза, красный волк, пятнистый олень, марал, манчжурский заяц, крысовидный хомячок и др. Такое богатство и разнообразие объясняется тем, что характеризуемый район находится на стыке нескольких ландшафтно-климатических и зоологических областей.

Фауна тайги выглядит беднее. Постоянными обитателями таежной зоны являются лось, северный олень (обычно на севере зоны), бурый медведь, рысь, россомаха, бобр, соболь (к востоку от Урала), норка, колонок, белка, бурундук, горностай, заяц-беляк, глухарь, рябчик и др. В бесчисленных таежных озерах гнездится разнообразная водоплавающая дичь — гуси, лебеди, разные породы уток. Среди боровой дичи наибольшее промысловое значение имеют глухарь, тетерев, рябчик. В южных горнотаежных районах Восточной Сибири, кроме перечисленных выше животных и птиц, водятся кабарга, снежный баран, каменный глухарь, а также некоторые степные виды — длиннохвостый суслик, черношапочный сурок и др. Такое необычное обилие видов объясняется наличием здесь вертикальной климатической зональности, обеспечивающей ландшафтно-климатическое несходство в сравнительно узких локальных рамках. Вообще в восточносибирской тайге наблюдается большее фаунистическое разнообразие, чем в западных областях зоны. Так, типичных таежных птиц в европейской тайге насчитывается 23—26 видов, в западносибирской — 30—33 вида, а восточнее Енисея — 57—59 видов (Мильков, 1977, с. 70).

Лесотундра представляет собой переходную зону от тайги к тундре не только по ботаническим, климатическим и почвенным показателям, но и по характеру животного мира. Здесь одинаково обычны дикие животные северной тайги и южной тундры.

Символом тундры является северный олень. Из других млекопитающих здесь живут волк, песец, лиса, заяц-беляк, пеструшка. Летом в поисках пищи из тайги в тундру заходит бурый медведь. Исключитель-

но велика численность птиц, прежде всего водоплавающей дичи.

Разнообразие природных условий рассматриваемой территории заставляло жившее здесь население выбирать разные пути экономической, социальной и духовной адаптации к окружающей среде; отсюда мозаичность хозяйственных типов, этносов и культур.

Этническая карта

На исследуемой территории проходили ранние этапы формирования разных этнолингвистических общностей: славянской, балтской, финской (Восточная Европа), самодийской, угорской (север Европейской части и Западная Сибирь, отчасти бассейн Енисея), юкагирской, тунгусо-маньчжурской (Восточная Сибирь и Дальний Восток), палеоазиатской (в основном Дальний Восток) и др. Лесостепные и южнотаежные области Восточной Европы и Зауралья были в бронзовом веке периферией индоиранского языкового массива. Судя по топонимическим данным, в некоторых районах Обь-Иртышья и Енисейского бассейна проживали в эпоху бронзы предки нынешних кетов — сейчас небольшой народности, язык которой обнаруживает определенные соответствия в языках палеоазиатской и тибето-бирманской групп.

Главным историческим итогом развития перечисленных этнолингвистических общностей было сложение многих ныне живущих народов — украинцев, белорусов, русских (славянская группа языков), литовцев, латышей (балтская группа языков), саамов, эстонцев, коми, удмуртов, марийцев, мордвы (финская группа языков), манси, ханты (угорская группа языков), ненцев, энцев, нганасан, селькупов (самодийская группа языков), эвенков, ламутов, удэгейцев, нанайцев, орочей, ороков, ульчей (тунгусо-маньчжурская группа языков), чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, чуванцев, алеутов, нивхов (палеоазиатская группа языков) и др. Видимо, уже в бронзовом веке на юге Восточной Сибири — в районах, лежащих в основном к югу от Байкала, жили предки нынешних тюркоязычных и монголоязычных народов, однако их активное участие в этнической истории Сибири и Восточной Европы падает на более поздние времена, уходящие за пределы эпохи бронзы, а следовательно, и за рамки настоящего тома.

Бронзовый век как историческая эпоха

Бронзовый век не является непосредственным продолжением неолита. Между ними лежит переходный период — особая историческая эпоха, в течение которой экономическое и социальное развитие шло особенно быстрыми темпами. Появление первых медных изделий дало основание назвать эту переходную эпоху энеолитом или медно-каменным веком. Однако следует иметь в виду, что, например, в глубинных таежно-тундровых районах Восточной Сибири энеолитический период был сильно растянут и фактически не перерос в развитый бронзовый век, т. е. не выполнил в полной мере своей исторической предназначенности. Применительно же к северной части Дальнего Востока, где до этнографической современности су-

ществовали культуры так называемого «переходного неолита», об «энеолите» вообще не может быть речи.

Необходимо также иметь в виду, что освоение меди является лишь одним из показателей развития производительных сил и поэтому не определяет в полной мере социально-экономического содержания энеолитической эпохи. В лесостепной зоне и отчасти на южной окраине тайги энеолит отмечен активным внедрением в традиционное охотничье и охотничье-рыболовецкое хозяйство элементов производящей экономики. В таежной полосе в это время совершенствуются и рационализируются охотничье-рыболовецкие промыслы, возрастает роль сетевого и запорного рыболовства, что повысило продуктивность присваивающего хозяйства, способствовало большей оседлости населения, увеличению его численности, налаживанию прочных связей с югом.

Начало бронзового века совпало с освоением металлургии бронзы. В лесостепной полосе Восточной Европы и Западной Сибири, а также в Алтае-Саянах бронзовые изделия появляются в первой четверти или в первой трети II тысячелетия до н. э., т. е. примерно в то же время, что и в более южной степной зоне. В глубинных районах тайги введение в обиход бронзовых орудий произошло с некоторым отставанием, а в тундровой зоне еще позже, хотя эти интервалы, видимо, не были слишком длительными.

Отмеченные запоздания объясняются тем, что центры бронзолитейного производства сформировались раньше в южных районах и распространение бронзовых орудий, равно как и навыков бронзолитейного дела, шло с юга на север. Если говорить о тундровой и таежной зонах Сибири и Дальнего Востока, то помимо определенного технического отставания севера от юга здесь наблюдается еще одно проявление неравномерности экономического развития: в то время как бронзолитейное дело в Восточной Европе и Западной Сибири достигло своего расцвета, на территории Якутии металлические орудия были крайне редки, а население Охотского побережья оставалось на неолитической стадии развития.

Историческая значимость освоения бронзовой металлургии состоит в том, что это открытие повысило производительность труда, обогатило производственный процесс в целом, дало лучшие возможности для распространения и закрепления положительного технического опыта, обеспечило серийное производство наиболее рациональных форм изделий, создало возможности для выделения ремесленников как особой социальной прослойки общества, изменило характер торгово-экономических связей. Однако факт освоения металлургии бронзы сам по себе не определяет исторического существа бронзового века. Появление бронзовых орудий — всего лишь один из показателей значительных успехов в развитии производительных сил, достигнутых к началу II тысячелетия до н. э. В степной зоне и на юге лесостепей эти успехи выразились в победе пастушеско-земледельческого хозяйства; на севере лесостепной и на юге лесной зон — в сложении многоотраслевого хозяйства, динамично сочетавшего присваивающие промыслы (охоту и рыболовство) с производящими

отраслями (скотоводством и земледелием); в таежных и тундровых районах — в усовершенствовании способов добычи охотничьего и особенно рыболовческого продукта. Отмеченные достижения способствовали увеличению численности населения и развитию социальной структуры общества.

Неравномерность исторического развития разных географических районов не позволяет разработать единую периодизацию бронзового века исследуемой территории. Наиболее четко и полно схема периодизации эпохи бронзы вырисовывается для Восточной Европы, Западной Сибири и Алтае-Саян. Так, для лесостепной и таежной полосы Западной Сибири между неолитом и эпохой железа выделяются по крайней мере пять периодов: 1) энеолит (III тысячелетие до н. э.); 2) период ранней бронзы (примерно первая четверть или первая треть II тысячелетия до н. э.); 3) период развитой бронзы (вторая и третья четверти II тысячелетия до н. э.); 4) период поздней бронзы (последние века II и начало I тысячелетия до н. э.); 5) переходное время от бронзового века к железному (около VIII—VII вв. до н. э.). На территории Якутии эпоха бронзы не поддается столь дробной периодизации. Что касается Охотского побережья, то там проблема периодизации бронзового века вообще повисает в воздухе, так как население этого региона во II тысячелетии до н. э. и позже продолжало жить неолитическим бытом.

Состояние источниковедческой базы

Авторам настоящего тома не удалось вполне снивелировать некоторые точки зрения, касающиеся абсолютной хронологии культур, их происхождения, этнической принадлежности и исторических судеб. Это естественно, потому что ученые-археологи, выйдя на интерпретационный уровень исследования, апробируют разные пути научного поиска, степень эффективности которых и результаты могут быть не вполне сходными.

Неодинаковая изученность разных частей исследуемой территории, неравномерность их исторического развития не позволили подчинить археологическую характеристику разных регионов единой композиционной схеме. Так, бронзовый век Восточной Европы, имеющий достаточно богатую источниковедческую базу, представлен в томе 15 очерками, написанными 13 авторами. Одни из этих очерков посвящены характеристике конкретных культур, другие — отдельным историко-культурным областям, третьи — рассмотрению бронзового века какой-либо части региона. Бронзовый век Западной Сибири, где археологический материал не так велик и легче поддается исследовательскому охвату, написан одним

автором. Эта часть тома организована композиционно по хронологическому принципу: сначала характеризуется энеолит Западной Сибири, затем период ранней бронзы, далее период развитой бронзы и т. д. Примерно в таком же композиционном ключе (и тоже одним автором) написан бронзовый век Восточной Сибири, однако здесь с большей или меньшей четкостью выделяется лишь два этапа бронзового века: «ранний» (по существу энеолитический) и «поздний». Изложение материалов по южной части Дальнего Востока, где культуры исследуемой эпохи, судя по имеющимся пока материалам, мало менялись во времени, построено по культурно-территориальному принципу: рассмотрение той или иной культуры здесь в общем совпадает с рассмотрением всего бронзового века той части региона, где эта культура локализовалась.

Настоящий том посвящен в основном обобщению и систематизации источников по бронзовому веку лесостепной, лесной и тундровой зон СССР, характеристике археологических памятников и культур, их периодизации, типолого-хронологической и функциональной классификации инвентаря. Гораздо меньше места уделено экономической, социальной, этнической и духовной истории древнего населения. Это объясняется тем, что предлагаемая вниманию читателя коллективная монография подводит итог в основном источниковедческому уровню наших археологических знаний.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы не позволяют очертить территориальные границы многих культур эпохи бронзы, так как значительная часть их ареалов уходит в малоисследованные и неисследованные районы; не для всех культур известны погребальные памятники, мало данных по древней архитектуре, весьма скромны наши успехи в исследовании происхождения, структуры и динамики разных сторон древней экономики. На восполнение этих и других пробелов потребуются многие годы широких, активных и целенаправленных исследований как специалистов-археологов, так и представителей смежных наук.

Структурно том разделен на две большие части, первая из которых посвящена бронзовому веку лесной полосы восточноевропейской части СССР, вторая — азиатской. И та, и другая части имеют раздельную порядковую нумерацию глав, раздельное иллюстративное приложение и раздельную библиографию. В целом настоящий том представляет собой коллективную монографию, написанную большой авторской группой, в состав которой входят как сотрудники Института археологии АН СССР, так и представители других научных учреждений нашей страны (фамилии их указаны в оглавлении в связи с теми или иными разделами). Рисунки и карты составлялись авторами разделов и корректировались редакторами тома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бронзовый век Восточной Европы

Глава первая
Энеолит центра Русской равнины
и Приуралья

Глава вторая
Ранний бронзовый век лесной полосы
Европейской части СССР

Глава третья
Поздний бронзовый век лесной полосы
Европейской части СССР

Глава четвертая
Энеолит и бронзовый век
Севера Европейской части СССР

Глава первая

Энеолит центра Русской равнины и Приуралья

Лесная территория Европейской части СССР в VI—IV тыс. до н. э. была занята родственными раннеэнеолитическими племенами верхневолжской, нарвской и волго-камской культур. В середине IV — первой четверти III тыс. до н. э. вся территория лесной полосы от Прибалтики до Камы и от лесостепи до Беломорья была заселена племенами родственных культур с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Эти энеолитические культуры развивались в условиях атлантического периода, характеризующегося теплым влажным климатом и развитием широколиственных лесов. Начиная примерно с середины второй четверти III тыс. до н. э. на территории центра Русской равнины природные условия изменяются. Наступает суббореальный период. Происходит сокращение ареала широколиственных лесов, увеличение роли сосняков, березняков и тундровых элементов флоры. Наступление нового периода сопровождалось похолоданием в сочетании с регрессией в гидрологической сети. Климат стал более сухой, но холодней, чем в настоящее время. Происшедшие изменения в растительности привели к изменениям и в животном мире. В лесах центра Русской равнины появляются куница, северный олень и другие животные, существовавшие здесь в предыдущую эпоху. Эти изменения природной среды совпали с крупными этнокультурными и хозяйственными сдвигами в развитии местных культур конца эпохи позднего неолита. В III — начале II тыс. на указанной территории наступает новая эпоха в развитии культур, получившая в археологической науке название эпохи энеолита.

Характер энеолита лесной полосы Европейской части и Приуралья довольно резко отличается от энеолита юга СССР. Если на юге в эту эпоху широко внедряются в быт и хозяйство медные орудия, наблюдается деградация каменной индустрии, развиваются производящие виды хозяйства и появляются крупные поселки, то у населения лесной полосы в это время еще господствуют неолитические традиции в социально-экономическом укладе и быту. Однако и здесь чувствуются новые веяния, но отличные от южного энеолита. Появляются, хотя и редкие в начале эпохи, медные изделия. Каменная индустрия продолжает играть преобладающую роль в хозяйстве и быту. Она достигает такого совершенства в обработке и выделке орудий труда и в производстве, какое не наблюдалось в неолите. Некоторые орудия из камня (ножи, копья, кинжалы, долота, тесла, топоры и пр.) этого времени являются шедеврами каменной индустрии, они были во многом производительнее прежних. Кроме того, появляются комбинированные орудия, несущие несколько рабочих функций, это экономило труд и давало большой эффект.

Изменения коснулись и организации охотничье-рыболовческого хозяйства. Оно становится сложнее по своим методам и приемам и более производительным. Стоянки становятся более крупными и долговременными, расширяются контакты между племенами и обмен. На территории Верхней Волги, Волго-Окского междуречья и Прикамья в III — начале II тыс. до н. э. появляются новые культуры, объединенные в одну большую волосовскую историко-культурную область. Рядом с ней развиваются близкие культуры гаринско-борской общности. В Северо-Восточной Прибалтике появляются сходные культуры с пористой керамикой.

Исторические судьбы племен указанной территории так тесно переплетаются между собой и имеют так много общих черт в материальной и в духовной культуре, что мы вправе сделать вывод о культурной близости племен Северо-Восточной Прибалтики (носители культур с пористой керамикой), Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и Прикамья и общих закономерностях в их развитии, что подтверждается археологическими исследованиями последних лет.

Волосовская культура

Волосовская культура была впервые выделена В. А. Городцовым на основе раскопанных им Волосовской и Панфиловской стоянок (Городцов, 1915, 1926). Материалы, добытые в первой из них, он отнес к неолитическому времени (V тыс. до н. э.) и назвал эту культуру волосовской, а материалы второй датировал эпохой палеометалла (2500—2000 л. до н. э.) и назвал эту культуру панфиловской (Городцов, 1926). При сравнении этих комплексов В. А. Городцов пришел к заключению об их генетической связи (Городцов, 1926, с. 20). Впоследствии исследователи объединили эти памятники и близкие к ним в одну волосовскую культуру, тем более что и сам В. А. Городцов считал, что «народ, создавший культуру волосовского типа, жил долго, перешел в этой стране в металлургический период, выделяя и давая начало производным культурам, дожившим до ранней поры неометаллической эпохи» (Городцов, 1926, с. 20). К концу 20-х годов разными исследователями были открыты новые стоянки этой культуры не только на Оке, но и на Верхней Волге, но лучше других они были изучены на Нижней Оке.

Впервые карту распространения памятников волосовской культуры и их интерпретацию дал А. Я. Брюсов (Брюсов, 1952). Она была ограничена частью р. Оки и ее притоков в районах городов Муром и Вязников, но А. Я. Брюсов при этом высказал предположение о возможности распространения во-

ловоских памятников далеко к западу и северу от Оки (Там же, с. 72).

По керамике он наметил три хронологических этапа в развитии волосовской культуры, причем происхождение ее связывал с местным докерамическим неолитом, а развитие основных памятников волосовской культуры относил ко всему II тыс. до н. э. Однако позднее он изменил свою точку зрения и на происхождение, и на датировку этой культуры (Брюсов, 1965, 1968).

Более развернутую характеристику волосовской культуры дала И. К. Цветкова (Цветкова, 1953). Она так же, как и А. Я. Брюсов, отнесла волосовские памятники, расположенные на Нижней и Средней Оке, к неолиту и датировала их II тыс. до н. э. Составленная ею карта волосовских памятников охватывает не только нижнее и среднее течения р. Оки, но и выходит за ее пределы на Верхнюю Волгу (Буньково, Языково, Станок, Никола-Перевоз). Однако, к основной территории автор отнесла только Оку, причем наметила распространение волосовской культуры в направлении Среднего Поволжья, считая более ранними памятники района г. Муром. На основе анализа главным образом керамики она выделила три хронологических этапа в развитии волосовской культуры. В последующие годы И. К. Цветковой были исследованы новые памятники волосовской культуры на Оке и в Ярославской области (Цветкова, 1948, 1957). По вопросам волосовской культуры высказала свое мнение и М. Е. Фосс (Фосс, 1952). Особенно интересен ее вывод о преемственности кремневой техники населения волосовской культуры от льяловских традиций (Фосс, 1959).

Значительное внимание волосовским древностям уделил О. Н. Бадер (Бадер, 1953а, 1966а, 1970, 1972б и др.). Он первым обратил внимание на сходство волосовских и турбинских памятников и указал на их связь с местным уральско-камским неолитом. Кроме того, он высказал гипотезу о камском происхождении волосовцев и их прафинском этносе.

Вопросов волосовской культуры касался и П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1966). Он вслед за О. Н. Бадером связывал ее происхождение с уральско-камскими племенами. П. Н. Третьяков считал, что «расселение уральско-камских племен на Нижней Оке и Верхней Волге было, очевидно, не единичным явлением, не одной волной, а многократным процессом» (Третьяков П. Н., 1966, с. 55).

Представляют интерес карты волосовских поселений и распространения «фигурных кремней», приведенные П. Н. Третьяковым в его книге, рисующие несколько иную, более обширную территорию распространения волосовских древностей, чем на картах И. К. Цветковой и А. Я. Брюсова. Заслуживает внимания и отнесение П. Н. Третьяковым стоянок Бологое, Коломцы, Копчашское к памятникам, близким волосовским.

А. Х. Халиков более подробно рассмотрел проблему волосовской культуры во всех ее аспектах (Халиков, 1969). Он, так же как О. Н. Бадер и П. Н. Третьяков, придерживается мнения о волго-камском происхождении волосовской культуры и рисует картину еще более широкой экспансии волосовских племен на запад, северо-запад и север, однако никак не объясняет причин такого широкого расселения волосовцев.

А. Х. Халиков первым дает характеристику Волго-Камского региона волосовской культуры и выделяет в Волго-Камье ранние и более поздние памятники. Однако, разработанная им периодизация волосовской культуры (Халиков, 1969) не имеет твердой хронологической и стратиграфической основы.

Ко взглядам указанных авторов на волосовскую проблему близок и В. П. Третьяков (Третьяков В. П., 1961, 1966, 1967а, 1970, 1972, 1975а и др.).

В. М. Раушенбах исследовала несколько волосовских памятников в Московской и Владимирской областях, посвятив ряд статей описанию этих памятников и решению некоторых общих вопросов волосовской культуры (Раушенбах, 1953, 1960, 1969, 1970). В Московской области ряд волосовских поселений исследовал В. В. Сидоров (Сидоров, 1971, 1973, 1975, 1976).

В Новгородской и Калининской областях волосовские памятники исследовала М. П. Зимина (Зимина, 1968, 1973, 1974, 1975). Памятники Репище и Кончанское дали прекрасный материал, характеризующий погребальный обряд волосовцев.

На волосовской стоянке в урочище Модлона Вологодской области С. В. Ошибкина обнаружила раннюю волосовскую керамику с раковинной примесью, предметы искусства (скульптура лося) и получила радиоуглеродные даты разных горизонтов волосовской культуры (Ошибкина, 1966, 1976, 1978).

Н. Н. Гурина также уделяла внимание отдельным вопросам волосовской культуры (Гурина, 1960, 1963, 1970).

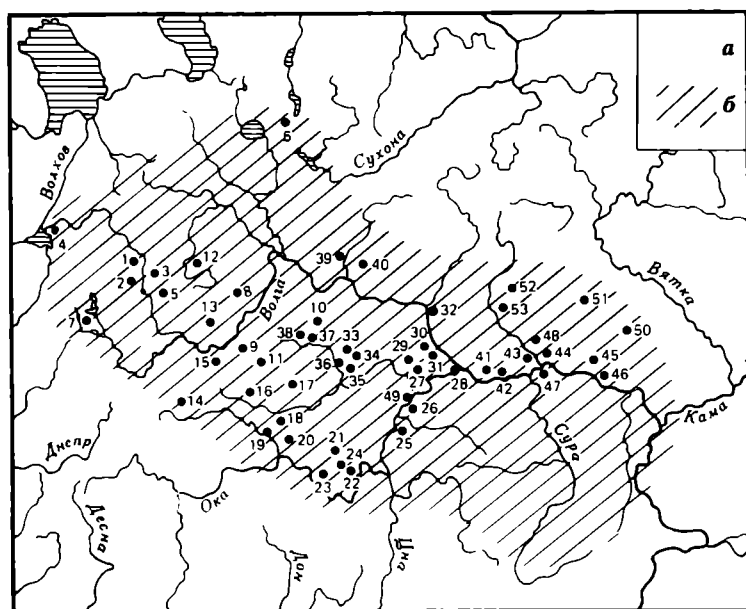
Средневожским памятникам волосовской культуры посвящены исследования В. В. Никитина (Никитин В. В., 1976, 1977). Характеризуя памятники Марийского Поволжья, он уделил особое внимание анализу жилищ, поселений и металлургии. Датировка этих памятников требует уточнения в связи с передатировкой волосовской культуры.

Верхневожской экспедицией Института археологии АН СССР (рук. Д. А. Крайнов) исследовались волосовские поселения в Ивановской, Ярославской и Калининской областях (Сахтыш I, II, VII, VIII, Стрелка I, II, Толстуха, Клячино I, II, Уница, Ивановское III, VII, Торговище, Иванково IV, Ронское I, II, III и др.).

В работах Д. А. Крайнова (Крайнов, 1964, 1965, 1972б, 1976б, 1977б, 1978а, 1981 и др.) было высказано мнение о местном происхождении волосовской культуры на основе смешения верхневожской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики, разработаны вопросы хронологии, периодизации, взаимоотношений с фатьяновской культурой, проанализированы погребальный обряд, искусство волосовских племен и другие вопросы.

Проблеме металлургии волосовской культуры посвящены работы Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых (Черных, 1966; Черных, Кузьминых, 1977; Кузьминых, 1977а).

За последнее время в Куйбышевской, Саратовской и Оренбургской областях были открыты и исследованы поселения, близкие волосовским. Судя по предварительным данным, эти поселения разновременны (Тезисы докладов конференции. Оренбург, 1981). Сейчас еще трудно судить об их характере и культурно-этнической принадлежности, но их открытие

Карта 1. Распространение основных памятников волосовской культуры

a — памятники; *b* — территория распространения культуры
 1 — Репище; 2 — Бологое; 3 — Кончанское; 4 — Коломицы; 5 — Иванково I; 6 — Модлона; 7 — Ронское; 8 — Языково I; 9 — Польцо; 10 — Уница; 11 — Вашугино; 12 — Иловец; 13 — Петровские озера; 14 — Тростенское озеро; 15 — Никола-Перевоз; 16 — Буньково; 17 — Заречье; 18 — Маслово Болото VII; 19 — Коренец; 20 — Ушмар; 21 — Владычино; 22 — Ибердус; 23 — Черная Гора; 24 — Панфилово; 25 — Легалин Бор; 26 — Волоссово; 27 — Володары; 28 — Гавриловка; 29 — Холомониха; 30 — Стрелка I; 31 — Толстуха; 32 — Сокольское; 33—36 — Сахтыш I, II, VII, VIII; 37, 38 — Ивановская III, VII; 39 — Борань; 40 — Станок; 41 — Безводная; 42 — Удельно-Шумецкая; 43 — Майданская; 44 — Руткинская; 45 — Сумская; 46 — Обсерватория III; 47 — Токаревская; 48 — Ахмыловское II; 49 — Подборице-Щербинская; 50 — Яндашево; 51 — Кубашево; 52, 53 — Выжумское I

расширяет наши представления о волосовской общности и заставляет по-иному взглянуть на происхождение ее различных вариантов и их взаимосвязь.

Несмотря на обширную литературу и расширившиеся масштабы исследований, многие вопросы волосовской культуры остаются нерешенными. Это вопросы ее ареала, хронологии, периодизации, локальных вариантов, происхождения и др.

Ареал волосовской культуры, или, вернее, волосовской культурно-исторической общности, оказался значительно шире, чем это представлялось раньше (карта 1). Наряду с компактной группой памятников Нижней и Средней Оки, а также Нижней Камы и Среднего Поволжья, наблюдается скопление памятников в Ивановской, Владимирской, Московской и Ярославской областях, причем здесь так же, как на Оке и в Среднем Поволжье, есть поселения различных хронологических этапов.

В Костромской области пока известны только несколько поздних стоянок, в Калининской и Новгородской областях открыты и ранние, и поздние памятники. В Вологодской области находится известная стоянка Модлона. Возможно, здесь будут открыты и другие волосовские памятники, так как на некоторых стоянках найдены валикообразные топоры, топоры карельского типа, «рубанки» (*krummeisse*) и другие вещи, встречающиеся на северных волосовских поселениях.

Сходные с волосовскими и одновременные им поселения и могильники обнаружены в Эстонии и Латвии; на некоторых из них встречена типичная волосовская керамика. Если их и нельзя считать волосовскими, то во всяком случае можно отнести к родственной группе.

Таким образом, выясняется широкое распространение памятников волосовской культуры — от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы (карта 1). Это по существу почти вся лесная территория, занятая прежде культурами с ямочно-гребенчатой керамикой.

Трудно себе представить, что на таком огромном пространстве существовала одна культура. Очевидно, мы здесь имеем дело с несколькими одновременными родственными культурами и их локальными и хронологическими вариантами, представляющими в совокупности единую большую историко-культурную общность. П. Н. Третьяков собственно волосовскими называл только волго-окские памятники, а остальные — западные и восточные — «близкими волосовским» (Третьяков П. Н., 1966). Сейчас предварительно можно выделить пять основных вариантов волосовской культурно-исторической общности: верхневолжский, западный, средневолжский, окский, северо-западный.

Топографическое положение волосовских памятников также неодинаково. На Верхней Волге они в основном расположены на местах неолитических стоянок на берегах древних озер или около них недалеко от устьев или истоков небольших речек. Часть окских стоянок располагается в таких же условиях, но значительное количество памятников находится на первой надпойменной террасе низкого берега Оки или на невысоких песчаных дюнах.

Средневолжские памятники занимают в основном края надлуговых террас или дюнные всхолмления (Никитин В. В., 1976). Местоположение волосовских поселений зависело и от природных условий, и от хозяйственной деятельности. Так, поздние поселения с металлом встречаются на более высоких местах, а ранние — на низких, ближе к воде. Первые в основном расположены в Среднем Поволжье и низовьях Камы, т. е. ближе к месторождениям медистых песчаников.

Следует отметить большое количество волосовских поселений в Марийском Поволжье (около 60 памятников), где они расположены вдоль Волги, в приустьевой части Ветлуги и в бассейнах рек Большой Кокшаги и Илети. Топография поселений, характер жилищ, своеобразие орнаментики керамики, особые типы каменных орудий, отсутствие погребений и другие данные выделяют средневолжскую группу памятников в особый культурный вариант волосовской общности (Никитин В. В., 1976).

Значительное скопление волосовских поселений наблюдается в среднем и нижнем течении Оки. Их исследование началось еще в XIX в. (Уваров, 1881; Кудрявцев, 1893) и начале XX в. (Иверсен, 1903; Городцов, 19146). Окские памятники отличаются от средневолжских и расположением поселений, и формой сосудов и их орнаментикой, и формами кремневых орудий, обилием изделий из кости, предметами искусства, наличием погребений и пр. Особый характер окских волосовских памятников неодно-

кратно подчеркивался исследователями (Цветкова, 1953, 1985).

На территории Верхней Волги (в Ивановской, Ярославской и Калининской областях) сейчас открыто значительное количество волосовских памятников. Наиболее известными волосовскими стоянками в Верхнем Поволжье, исследованными за последние два десятилетия, являются Сахтыш I, II, IV, VIII, Поляна, Клячино I, II, Толстуха, Ивановское III, VII, Стрелка I, II, Языково I, III, Польцо, Уница, Слободка, Берендеево и др. Почти все эти поселения располагаются на многослойных неолитических стоянках и только несколько являются чисто волосовскими однослойными (Клячино I, II, Ивановское IV и др.) или двуслойными (Стрелка I).

Верхневолжские памятники имеют свою специфику, что отличает их от средневолжских и окских. Это особые мотивы в орнаментике керамики, наличие оригинальных форм кремневых, каменных и костяных орудий, линейное расположение поселков вдоль речек, специфика погребального обряда, культ медведя и куниц и пр. Очевидно, эти памятники составляют особый культурный вариант волосовской общности.

В западной и северной частях ареала волосовской общности исследовано меньше памятников. Здесь наряду с известными стоянками Коломцы, Бологое, Кончанское выявлены новые поселения и могильники, это: Репище, Ивановское IV, Иловец, Ронское I, II, III в Новгородской и Калининской областях, в Вологодской известны стоянки Модлона, Кубенино. В Костромской области встречены только поздние поселения: Станок, Борань, Федоровская. Вероятно, в этих частях ареала будут выделены особые варианты.

Степень исследованности волосовских памятников Среднего Поволжья, Оки и Верхней Волги почти одинакова, хотя в последнем регионе они были выявлены сравнительно недавно и в литературе не получили еще должного освещения. Недостаточная исследованность памятников разных регионов затрудняет более подробную характеристику указанных вариантов и этапов их развития.

Одним из сложных и спорных вопросов является хронология волосовских памятников и их периодизация.

В датировке волосовской культуры у исследователей нет единогласия, поскольку данные по C_{14} появились недавно. Определение хронологии сравнительным и типологическим методом привело к различным датам — от V до последней четверти II тыс. до н. э.

А. Я. Брюсов первоначально датировал начало собственно волосовских памятников концом III — последней четвертью II тыс. до н. э. (Брюсов, 1952); позднее появление волосовской культуры он относил к IV тыс. до н. э., не имея на это фактических данных (Брюсов, 1965, 1968). И. К. Цветкова относила волосовскую культуру ко II тыс. до н. э. (Цветкова, 1953). О. Н. Бадер датировал волосовскую культуру концом III — последней четвертью II тыс. до н. э. (Бадер, 1970). Тех же дат придерживались П. Н. Третьяков и А. Х. Халиков.

Особняком стоят даты В. А. Городцова. Он отнес раннюю стадию (Волосовскую стоянку) к V тыс.

до н. э., а позднюю (Панфиловскую стоянку) — к середине и концу III тыс. до н. э. (2500—2000).

Как видно из приведенных данных, большинство исследователей датировали волосовскую культуру от конца III до последней четверти II тыс. до н. э.

В свете новейших исследований эти даты не могут быть приняты, так как они построены без учета стратиграфических данных, разницы в топографических особенностях расположения поселений, данных исследования по C_{14} и т. д.

Одним из важнейших факторов в установлении хронологии волосовской культуры является стратиграфия многослойных поселений Ивановское III, VII, Сахтыш I, II, VIII, Стрелка I, Языково I и др. Исследования этих поселений показали, что волосовские культурные слои всюду залегают непосредственно над слоями с так называемой «протоволосовской керамикой», представляющей собой результат смешения верхневолжской культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (Крайнов, Хотинский, 1977б; Крайнов, 1978б, 1981). Особенно хорошо прослежена смена неолитических культур волосовской культурой в жилище 1 на стоянке Сахтыш I. Здесь установлены четыре строительных горизонта (Крайнов, 1972а, 1973а, 1984): нижние два относятся к культуре с ямочно-гребенчатой керамикой, третий горизонт характеризуется протоволосовской керамикой, над ним располагался четвертый строительный горизонт с ранней волосовской керамикой с раковинной примесью. Нижние два горизонта датируются по C_{14} временем 5150 ± 40 лет (LE=1024), 5000 ± 70 лет (LE=1020), т. е. концом IV — началом III тыс. до н. э. Следовательно, «протоволосовский» слой будет датироваться примерно началом второй четверти III тыс. до н. э., а лежащий выше ранневолосовский слой — серединой III тыс. до н. э.

Исследуя стоянки Сахтыш I, Стрелка I и др., Д. А. Крайнов установил, что для раннего этапа волосовской культуры характерна керамика с раковинной примесью, а для поздней — с растительной примесью, что подтверждается данными стратиграфии. К такому же выводу пришла И. К. Цветкова, изучая окские стоянки (Цветкова, 1959). Таким образом, вопреки мнению А. Х. Халикова (Халиков, 1969), раковинная примесь в керамике может служить хронологическим показателем. Стратиграфические наблюдения подтверждаются радиоуглеродными датами, полученными к настоящему времени по восьми волосовским поселениям:

Сахтыш II — LE-1900	4570 ± 150 (2620 г. до н. э.)
LE-1891	4470 ± 80 (2520 г. до н. э.)
LE-1899	4320 ± 80 (2370 г. до н. э.)
Сахтыш VIII — LE-1427	4400 ± 60 (2420 г. до н. э.)
Модлона — LE-994	4850 ± 120 (2870 г. до н. э.)
LE-993	4360 ± 100 (2380 г. до н. э.)
LE-992	3960 ± 120 (1880 г. до н. э.)
Владычино-Береговая	4300 ± 60 (2320 г. до н. э.)
Языково I — LE-1082	4100 ± 40 (2220 г. до н. э.)
Ивановское III — ГИН-241	4800 ± 250 (2820 г. до н. э.)
LE-1971	4790 ± 50 (2780 г. до н. э.)
Берендеево I	4750 ± 190 (2800 г. до н. э.)
	4720 ± 190 (2770 г. до н. э.)
Волосово — ИГАН-505	4500 ± 60 (2520 г. до н. э.)

Таким образом, начало волосовской культуры, ее протоволосовский этап, датируются первой четвертью III тыс. до н. э., а конец — первой четвертью II тыс. до н. э. Однако протоволосовский этап мог начаться еще в IV тыс. до н. э. Эта датировка волосовской культуры подтверждается и радиокарбонowymi датами культур с пористой керамикой Прибалтики, близких волосовской культуре.

Стоянки Лубанской низменности]

ТА-6	4780 ± 225	(2830 г. до н. э.)
ЛЯ-750	4670 ± 150	(2620 г. до н. э.)
ЛЯ-748	4520 ± 120	(2570 г. до н. э.)
ТА-4	4350 ± 200	(2400 г. до н. э.)

Начало волосовской культуры согласуется с радиокарбонowymi датами позднего неолита. Что же касается ее позднего этапа, то он может датироваться концом первой четверти II тыс. до н. э. На многих многослойных стоянках Верхнего Поволжья фатьяновская керамика и погребения встречаются в поздневолосовских слоях. Фатьяновская культура на Верхней Волге датируется по C_{14} 1800—1700 гг. до н. э. (Тургиновский и Волосово-Даниловский могильники). Этим же временем по C_{14} датируются и могильники с боевыми топорами в Прибалтике. Контакты волосовских и фатьяновских племен отмечались многими исследователями (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, Д. А. Крайнов, В. М. Раушенбах и др.). Не исключено, что самые поздние волосовские памятники просуществовали в некоторых регионах до середины II тыс. до н. э. (особенно в восточной части ареала).

Палинологические данные по стоянкам Ивановское III, Языково I и Сахтыш I (Крайнов, Хотинский, 1977) фиксируют то же время для волосовской культуры, т. е. начало и середину суббореального периода, середину III — начало II тыс. до н. э.

Таким образом, на основе стратиграфии, радиокарбонowych и палинологических анализов устанавливается более ранняя датировка волосовской культуры, чем она была до сих пор принята в специальной литературе.

Многие исследователи пытались создать периодизацию волосовской культуры, выделяя в ней два, три и четыре этапа (Городцов, 1928; Брюсов, 1952; Цветкова, 1953; Бадер, 1970; Халиков, 1969 и др.). Однако все эти периодизации плохо обоснованы хронологически и исходят из неверных посылок о происхождении волосовской культуры. В связи с новыми датировками памятников волосовской культуры и новыми данными, полученными при раскопках волосовских памятников в Верхнем Поволжье и на Оке, придется несколько иначе подойти и к выделению этапов развития волосовской культуры. Не исключено, что в Прикамье и Среднем Поволжье содержание этапов будет иное, чем на Оке и Верхнем Поволжье, так как, очевидно, в разных регионах по-разному проходило развитие культуры. В Среднем Поволжье нельзя не учитывать влияния балановцев и абашевцев на волосовское население, а на Верхней Волге — фатьяновцев и других племен. Например, металл у волосовцев в Среднем Поволжье появляется раньше, чем на Верхней Волге.

Исходя из новейших исследований, для Верхней Волги и Оки можно наметить предварительно четыре этапа в развитии волосовской культуры.

Первый — протоволосовский этап относится к позднему неолиту. Датируется по C_{14} началом второй четверти III тыс. до н. э. (не исключено и удревнение этого этапа — IV тыс.). Это гибридный комплекс позднего неолита, образовавшийся путем смешения двух культур — верхневолжской и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Он характеризуется особой ямочно-гребенчатой керамикой с примесью в тесте дресвы или дробленой раковины речного моллюска. Кремневые и каменные орудия по технике производства двух видов: отщепы и пластины. Каменный и костяной инвентарь близок к местному неолитическому. Поселения расположены на берегах озер и речек, хозяйство охотничье-рыболовческое с преобладанием рыболовства. Наиболее характерными являются соответствующие слои следующих поселений: Сахтыш II, VIII, Ивановское III, VII и др. Так называемые протоволосовские слои прослеживаются и на Оке (стоянка Владычино и, возможно, Волосово)*.

Второй — ранневолосовский этап возникает на базе протоволосовского и только там, где основным (ведущим) компонентом является комплекс верхневолжской культуры. Он датируется по C_{14} и другим данным (стратиграфии, палинологии и пр.) серединой III тыс. до н. э. Характеризуется этот этап керамикой с примесью раковины и сосудами с утолщенным или скошенным венчиком и округлым дном. Форма сосудов полуяйцевидная и горшковидная. В орнаментике доминируют зубчатые и ямчатые узоры, веревочный, нарезной и другие виды орнамента. Появляется и развивается характерный кремневый инвентарь с прекрасной двусторонней ретушью. Представлены всевозможные каменные орудия: тесла, желобчатые долота, топоры и пр., встречены разнообразные костяные орудия. К этому этапу относятся следующие основные поселения на Оке и Верхней Волге: Стрелка I (нижний слой), Сахтыш I, II, VIII (ранние волосовские горизонты), Языково I, Модлона, Владычино (верхний слой), Коренец, Бологое (ранний слой) и др.

Третий этап относится к развитому волосовскому времени. Датируется он, вероятно, последней четвертью III тыс. до н. э. Господствует керамика с органической примесью, но есть и смешанная примесь: раковина и органика. Форма сосудов горшковидная, с уплощенным и плоским дном, но встречаются еще и округлые днища. Сосуды более толстостенные. Орнамент сосудов разнообразен: господствуют зубчатые штампы, ромбы, елочки, зигзаги и пр. Кремневый инвентарь становится разнообразней, развиваются всевозможные комбинированные орудия. Техника вторичной обработки кремня достигает совершенства. Появляются усложненные жилища, погребения, всевозможные украшения. Охотничье-рыболовческое хозяйство достигает высокого развития. К этому времени относятся следующие основные памятники: Стрелка I (верхний слой), Сахтыш I, II, VII, VIII — средние волосовские горизонты, Уница, Польцо, Володары, Колпь I и др.

Четвертый этап — поздневолосовский, он датируется первой четвертью II тыс. до н. э. Характеризуется

* Подробная характеристика позднего (протоволосовского) этапа неолита Верхнего Поволжья дана в томе «Неолит СССР» издания «Археология СССР» в статье «Неолит Верхнего Поволжья».

керамикой с органической примесью и другими смешанными примесями. Сосуды плоскодонные с Г-образным и Т-образным венчиками, шириной по срезу до 3 см, форма сосудов горшковидная. На самом позднем отрезке этого этапа появляются сосуды с выраженной шейкой, возникшей под влиянием фатьяновской культуры. Продолжает господствовать кремневая, каменная и костяная индустрия, но появляется металлообработка. Развиваются каменные орудия, сопутствующие металлообработке; возникают поселки с большим количеством жилищ с переходами, со сложными очагами. На поселениях появляются компактные могильники.

Господствующей формой хозяйства остаются охота и рыболовство, но уже появляются домашние животные и, возможно, земледелие (под влиянием фатьяновцев). Ведущими памятниками являются Клячино I, II, Толстуха, верхние горизонты волосовского слоя стоянок Сахтыш I, II, VIII, Иванково IV, Холомошиха, Панфилово, Сокольская, Подборица-Щербининская, Вапугинская, Рождественский Остров и другие более поздние памятники, близкие к поздняяковским. Возможно, поздняяковские памятники, во всяком случае развитая культура с сетчатой керамикой, имеют одним из компонентов поздневолосовскую культуру.

В настоящий момент мы не можем дать полного освещения каждого этапа, а остановимся на общей характеристике культуры. Площадь волосовских поселений различна: от 1500 до 5000 кв. м, а иногда 6000 кв. м. Мощность культурных слоев также различна (от 0,10 до 1,5 м). Наряду с многочисленными вещественными остатками на поселениях встречены: жилища, мастерские, погребения, ритуальные сооружения и различные хозяйственные и бытовые детали.

Почти ни одно из волосовских поселений не раскопано полностью, и поэтому судить об устройстве поселков пока трудно, но, судя по значительному количеству жилищ, их характеру и компактности, можно утверждать о существовании у волосовцев довольно больших поселков, основанных на прочной оседлости. Жилища обнаружены на всех волосовских поселениях, они имеют близкий характер на всей территории волосовской общности.

Некоторые исследователи считают, что на волосовских поселениях существовали жилища двух форм: округлые или овальные землянки и большие прямоугольные столбовые полуподземные жилища, углубленные в землю на 0,40—1,00 м.

Округлые большие землянки были исследованы первооткрывателем волосовской культуры В. А. Городцовым на стоянках Волосовской и Панфиловской (Городцов, 1914, 1926). Впоследствии на тех же стоянках были открыты прямоугольные жилища с переходами (Жуков, 1927; Горюнова, 1961). Отрицать наличие округлых жилищ у волосовцев вряд ли возможно, так как и сейчас исследователи находят их. В. В. Никитин исследовал округло-овальное жилище на Ахмыловском поселении в Марийской АССР (Никитин В. В., 1977). Округлые жилища обнаружены и на стоянках Сахтыш I, II (Гадзяцкая, Крайнов, 1965).

На всех других поселениях прослежены только четырехугольные и прямоугольные жилища площадью от 40 до 150 кв. м, соединенные узкими пере-

ходами. Среди них есть как наземные, так и полуподземные жилища. На Средней Волге жилища прослеживаются в виде характерных западин, встречающихся компактными группами.

На Майданской стоянке, расположенной недалеко от устья Ветлуги, было обнаружено 12 жилищ, соединенных переходами (размеры 7,5×7; 7×8; 9×6 м). Стены их были углублены на 50—70 см в землю (Халиков, 1969). На Ахмыловском поселении зафиксированы 16 жилищ. Они также соединялись переходами и располагались вдоль дюны в направлении с запада на восток (Никитин В. В., 1977). На 30 волосовских поселениях в Марийском Поволжье зафиксированы 260 западин от жилищ-полуземлянок. Число жилищ в каждом из них исчислялось от 5 до 17 (Никитин В. В., 1976а). На многослойных поселениях Волго-Окского междуречья обнаружены такие же жилища, но западины их на поверхности стоянок не прослеживались, за исключением Вашутинской стоянки (Крайнов, 1984).

На окских волосовских поселениях прямоугольные жилища с переходами встречены на Волосовской, Панфиловской, Володарах, Ибердусе II, Подборице-Щербининской и других стоянках (Цветкова, 1953, 1958, 1961а) (рис. 7).

Большинство этих жилищ являются полуподземными, некоторые — наземными, как, например, жилище на стоянке Подборица-Щербининская со сложной деревянной конструкцией (Цветкова, 1961а.)

На волосовских поселениях Верхней Волги (Стрелка I, Сахтыш I, II, VII и VIII в Ивановской области) также исследованы прямоугольные жилища.

На стоянке Стрелка I были раскопаны три волосовских жилища. Особый интерес представляет большое жилище 1 прямоугольной формы, углубленное в землю на 1,5 м, площадью 130 кв. м. На дне его были прослежены очаги, хозяйственные ямы, тлен от столбов кольев, плах, бревен, веток и пр., развалы сосудов, береста, заготовки крупных кусков глины, груды толченых раковин. Около жилища встречены и погребения.

Очевидно, жилище 1 имело промысловый характер, на что указывают его размеры, расположение на мысу при впадении р. Люлех в р. Лух и находки большого количества костей и чешуи рыб (крупные осетровые, сомы, язп, щукп и пр.), костей промысловых животных (куница, северный олень, бобр, лось, медведь, кабан и др.) и костей водоплавающих птиц.

Такое же большое промысловое жилище обнаружено на стоянке Сахтыш I. Здесь полуподземное жилище волосовского времени (четвертый горизонт) площадью около 180 кв. м имело выход прямо к речке. Волосовские прямоугольные жилища более позднего времени располагались выше, на Малом Острове. Около этих жилищ встречены погребения и ритуальные памятники. Особый интерес представляют жилища, обнаруженные на стоянке Сахтыш VIII (Крайнов, 1976а, 1977а, 1978б). Здесь ближе к р. Койке исследовано большое прямоугольное жилище ранневолосовского времени. Площадь его около 60 кв. м. Оно вытянуто с ССЗ на ЮВВ. В центре сохранились остатки большого столба, уходящего в материк на 1 м. Столбы и тлен от бревен прослеживались по краям жилища. В центре его помещался очаг, углубленный в материк на 0,4 м. Около очага

сохранились костные остатки млекопитающих, рыб и птиц. В западной части жилища много столбов — возможно, от нар. В северо-западном конце жилища остатки сосуда, около которого лежали крупная кремневая кувалда и мотыгообразный предмет из кости. Над южной стеной жилища обнаружены более поздние волосовские погребения с янтарными украшениями (Крайнов, 1978б). Жилище по данным палеогеографии можно датировать примерно серединой III тыс., или началом суббореального периода, когда вода в озере и речке стояла ниже. Это подтверждает недавно полученная дата этого жилища по C_{14} -LE=1427, 4400 ± 60 (2420 г. до н. э.).

На самом высоком месте стоянки Сахтыш VIII обнаружен целый поздневолосовский поселок, состоящий из прямоугольных полуподземных жилищ, углубленных в землю на 0,3—0,4 м и соединенных друг с другом узкими переходами. Пока что исследовано 5 жилищ. Это столбовые жилища площадью 50—60 кв. м, ориентированные с юго-востока на северо-запад; они вытянуты в одном направлении и расположены параллельно друг другу. К этому же позднему волосовскому поселку относится и большой могильник, расположенный ниже. Находки янтарных украшений в жилищах и на могильнике указывают на их одновременность. Очевидно, этот поселок поставили дальше от речки в связи с повышением уровня воды в озере и речке или в связи с большими наводнениями. Подобный же поселок обнаружен на стоянке Сахтыш II (Крайнов, 1978б) (рис. 7).

Восстановить архитектуру волосовских жилищ трудно. Все они были столбовыми, деревянными. По остаткам тлена от столбов, бревенчатых стен и других деревянных вещей (плах, веток, бересты, мха и пр.), степени углубленности жилищ в землю можно судить, что стены делали из бревен и укрепляли столбами. Столбы разных диаметров поддерживали деревянные стены и, очевидно, двускатную крышу. На верхневолжских стоянках (Стрелка I, Сахтыш I, II, VII, VIII) хорошо прослежены остатки столбов, расположенных по центру и вдоль стен жилищ, остатки бревен, плах, ветвей и бересты от крыш. О прочности таких жилищ свидетельствуют толстые столбы, затесанные на конце и уходящие в грунт от 0,5 до 1 м. Во всех жилищах прослежены очаги, вырытые в земляном полу, округлой или овальной формы, нередко имеющие с боков вспомогательные ямы для сосудов, других хозяйственных надобностей. Иногда очаги обмазывались толстым слоем глины (Крайнов, 1975а) или обкладывались камнями. Обычно очаги помещались в центре жилища и у выхода. Размеры их различны: $1,5 \times 1,7$ м и глубина до 0,5 м. Часто у края очага зафиксированы остатки столбов, служивших, вероятно, для подвешивания над очагом сосудов с пищей, кусков мяса и рыбы для копчения. Около очагов сосредоточены и разнообразные кухонные остатки в виде костей животных, птиц и рыб. Дым из очагов уходил в отверстие на крыше.

Наряду с очагами прослежены разные хозяйственные ямы с кухонными остатками, развалами сосудов, с вещами домашнего обихода, кладами кремневых орудий, посыпанных красной краской, и пр.

Полы жилищ были земляными, хорошо утрамбованными. Нередко прослеживаются прослойки песка, которым засыпали пол. Часто на полу жилищ встре-

чались ямы в виде опрокинутого горшка, заполненные углем и золой и покрытые берестой (Сахтыш I, II, Стрелка I и др.). Очевидно, они служили для отопления жилища и высушивания пола. И в прямоугольных и в округлых жилищах встречаются нары и лежанки, возвышающиеся над полом (Городцов, 1926; Крайнов, 1964г).

Таким образом, на всех волосовских поселениях Среднего Поволжья, Оки и Верхнего Поволжья господствующей формой были прямоугольные жилища полуподземного и наземного типа с узкими переходами и выходами, площадью от 20 до 180 кв. м (рис. 7). На стоянках Сахтыш I, II, VIII, Володары, Ахмыловской, Уржумкинской и других эти жилища составляют целые поселки, вытянутые вдоль берегов рек и речек компактной группой. Следует заметить, что волосовские поселки с большим количеством жилищ появляются на позднем этапе развития культуры.

Наряду с жилищами на волосовских поселениях обнаружены мастерские по выработке кремневых и костяных орудий. Обычно мастерские располагались рядом с жилищем. В них найдены кремневые желваки, нуклеусы, отщепы и осколки разных размеров, заготовки орудий, обломки испорченных орудий, отбойники, наковальники, полировальные плиты и другие готовые орудия. В самих жилищах мастерские встречаются редко.

Культурные остатки на волосовских поселениях состоят из обломков глиняной посуды, кремневых, каменных, костяных, роговых, деревянных и других изделий, предметов искусства, украшений из кости, камня, янтаря и зубов животных, отходов производства, кухонных остатков в виде костей животных.

Основную массу культурных остатков волосовских поселений составляет керамика. По примесям в тесте, по форме сосудов и орнаментике эта керамика резко отличается от ямочно-гребенчатой керамики тех же стоянок. На первый взгляд создается впечатление резкой смены культуры. Волосовская керамика имеет разные примеси: раковинную или органическую, а также смешанную на основе этих исходных. Волосовская посуда производилась из местной темной глины. Лепили ее с помощью ленточной техники.

В женской половине жилищ стоянок Сахтыш I и Стрелка I обнаружены заготовки кусков глины, рядом с ними лежали кучки толченых раковин и целые раковины речной двустворки. Около них были найдены женские украшения и предметы домашнего обихода — очевидно, гончарным делом занимались женщины.

Полуяйцевидная и котловидная форма сосудов с округлым дном, с прямыми стенками, суживающимися ко дну, и несколько утолщенным венчиком характерна для ранней стадии волосовской культуры. Позднее появляются сосуды горшковидного типа с уплощенным, а затем с плоским дном. Наряду с большими сосудами существовали миски и чашки с прямым срезом венчиков.

В процессе развития волосовской керамики наблюдается тенденция к утолщению венчиков, и в позднее время появляются Г-образные и Т-образные венчики с шириной среза до 3 см. В самом конце эпохи встречаются сосуды с выраженной шейкой.

Толщина стенок сосудов различна: тонкостенная посуда (более ранняя) имеет толщину стенок от 0,5

до 0,6 см, а толстостенная — от 0,7 до 0,8 см и от 0,9 до 1,4 см. Часто внешняя поверхность сосудов заглажена, а внутренняя покрыта штриховкой в виде расчесов при помощи зубчатого штампа. Позднее появляется штриховка и на внешней поверхности сосудов.

Волосовские сосуды имеют своеобразную орнаменту, нанесенную костяными, каменными или кремневыми штампами (рис. 1). Преобладающими элементами орнамента являются: зубчатый, ямчатый, шнуровой, рамчатый, линейный, ямочный и др. Зубчатый орнамент разнообразен как по форме, так и размерам зубцов и композиции узора. Во-первых, сам зубчатый штамп различен — крупный, средний, мелкий, частый, редкий и пр. Оттиски этого штампа бывают короткие, длинные, узкие и широкие. Во-вторых, они расположены на сосудах по-разному: наклонно, вертикально, горизонтально, иногда беспорядочно. Отпечатки зубчатого штампа образуют разные узоры: ромбическую решетку (или сетку), горизонтальную елочку, «шагающую гребенку», ромбические или треугольные фигуры, зигзаги — широкие, длинные, узкие, короткие, наклонные отпечатки и пр. Нередко отпечатки зубчатого штампа образуют сложные композиции. Часто они встречаются на одном и том же сосуде с другими элементами орнамента (ямчатым, линейным, шнуровым, рамчатым и др.). Зубчатый орнамент существует на всех этапах развития волосовской культуры и доминирует над всеми другими элементами орнамента.

Вторым элементом орнаментики волосовской керамики являются всевозможные ямчатые вдавления (рис. 1, 4, 12). Это крупные бесформенные вмятины, мелкие ямки, вдавления овальные, треугольные, четырехугольные, линзовидные, каплевидные, фигурные, погтевидные, парные и др., образующие разнообразные узоры. Ямчатые вдавления располагаются вертикально, горизонтально и наклонно, создавая иногда геометрические фигуры: треугольники, ромбы, зигзаги, «елочку» и т. д. Наряду с ямчатыми вдавлениями, нанесенными разными тычковыми инструментами, встречаются и конические ямки, близкие ямочно-гребенчатой керамике. Это главным образом тонкостенные сосуды с раковинной примесью или примесью дресвы. Такие сосуды круглодонные и относятся к раннему времени. Но встречаются и сосуды толстостенные с раковинной или органической примесью со сплошным ямочным орнаментом.

Рамчатый штамп характерен для развитого этапа волосовской культуры, он чаще встречается на Верхней Волге и Оке, на Средней Волге его мало. На стоянках Верхней Волги рамчатый штамп изощренно разнообразен (рис. 1, 7, 8, 11). Простые рамчатые узоры наносятся зубчатым штампом, а сложные — разными инструментами. Сложные узоры заполняются ромбической сеткой, зигзагом, елочкой, крестиками, косыми или прямоугольными линиями и т. д. Эти узоры бывают в виде удлиненных прямоугольников, удлиненных овалов в виде лодок с острыми концами, коротких овалов (мокрицеобразные) и пр. Располагаются они по вертикали и по горизонтали, иногда беспорядочно. В сочетании с другими элементами орнамента они составляют сложные композиции.

Шнуровой, или веревочный, орнамент употребляется реже, чем предыдущие элементы. Он состоит из

коротких отпечатков шнура, намотанного на палочку. Эти отпечатки располагаются по-разному: россыпью по орнаментальному полю или в виде вертикальных, косых, горизонтальных полос, образующих разные узоры: сетку, ромбы, фестоны, елочку и пр. (рис. 1—3). Этот орнамент характерен для ранних этапов волосовской культуры. На стоянке Стрелка I он встречается в самом низу волосовского слоя в значительном количестве, а выше — в меньшем. Этот орнамент связывает волосовскую орнаменту с ямочно-гребенчатой и верхневолжской орнаменту, где он также присутствует.

Довольно широко в орнаментике волосовской керамики развит так называемый линейный или нарезной узор. Он разнохарактерен: или в виде коротких косых насечек (мелких, глубоких, узких, широких), длинных или коротких линий, образующих ромбическую сетку, треугольников, зигзагов, вертикальных и горизонтальных, или в виде сложных узоров (рис. 2). В более позднее время встречаются широкие полосы (канавки) такого рисунка. Этот орнамент появляется в ранневолосовское время (Стрелка I) и существует вплоть до поздних памятников.

Наряду с этими основными узорами встречаются и другие элементы орнаментики. Среди них особый интерес представляет так называемый «перевитой узор» из S-образных знаков, или спиралеобразный. Он встречается в развитое волосовское время, но присутствует и позднее. Сюда же можно отнести «волнистый узор», образованный двумя волнистыми линиями.

Характерен кружковый орнамент, нанесенный полый трубчатой костью. Для ранней стадии типичен пунктирный узор, сближающий волосовский орнамент с верхневолжским. На стоянке Стрелка I встречен орнамент, напоминающий колосья пшеницы или ячменя. На некоторых сосудах (на наружной и внутренней стенке) встречаются отпечатки сети (рис. 1, 1, 3). Следует отметить тонкость нитей, из которых плелась сеть.

Орнамент на волосовских сосудах располагается по всему тулову, но он не сплошной. В более позднее время орнамент переходит и на внутреннюю часть венчика, а иногда даже ниже. Срезы венчиков орнаментируются и в раннее, и в позднее время.

Керамика волосовской культуры является ценным материалом для выделения хронологических этапов. Эволюция форм волосовской керамики, примесей и орнаментики хорошо разработана рядом исследователей (И. К. Цветкова, А. Х. Халиков, В. П. Третьяков, В. В. Никитин, Д. А. Крайнов и др.). С нашей точки зрения, ими правильно выделены ранние, развитые и поздние признаки. Эти общие признаки характерны для всех вариантов волосовской культуры. Однако в каждом регионе (средневолжском, окском, верхневолжском, западном и северном) имеются свои специфические черты, присущие только ему и не встречающиеся в других регионах. В каждом регионе имеются ранние признаки не только в керамике, но и в других категориях материальной культуры, что опровергает мнение о происхождении волосовцев из одного какого-либо региона.

На втором месте по количеству находок идет кремневый и каменный инвентарь. Он отличается большим разнообразием и высокой техникой обработ-

ки. Следует отметить, что в Волго-Окском междуречье ранний волосовский инвентарь трудно отличить от предыдущих неолитических форм, что доказала М. Е. Фосс (Фосс, 1952). В дальнейшем у волосовцев развиваются присущие только им формы орудий. Они достигают своего совершенства, о чем свидетельствует знаменитый «Волосовский клад» (Цветкова, 1957). В нем кремневые изделия (наконечники дротиков, стрел, кинжалы, ножи и пр.) изготовлены в единообразной манере с применением прекрасной отжимной и струйчатой техники в ретушировании орудий. Создается впечатление, что они вышли из-под руки одного мастера. В этом кладе встречаются все основные виды кремневых и каменных орудий, характерные для развитого этапа волосовской культуры. Следует отметить, что у волосовцев господствует отщепная техника в изготовлении кремневых орудий, но встречается и отжимная — пластинчатая.

Наиболее распространенными видами кремневых орудий волосовской культуры являются всевозможные скребки на отщепах и сколах: прямые, скошенные, дуговые, угловые и пр., низкие, средние и высокие. Размеры разные: от миниатюрных микро-скребков до больших скребков-скребел (рис. 4, 15—19, 23, 24). Среди них есть своеобразные формы секирообразных или сегментовидных скребков, топовидные скребки, квадратные с обработкой всех сторон прекрасной струйчатой ретушью, всевозможные скребковидные орудия и орудия типа ложкарных инструментов.

По количеству скребки и скребковидные орудия доминируют над всеми другими видами и, судя по разнообразию их форм, имели разное функциональное назначение: служили не только для обработки шкур, но и для обработки дерева и кости. К этой же категории орудий относятся широко распространенные скобели и резчики на отщепах.

В значительном количестве встречаются во всех волосовских горизонтах разнообразные ножи на пластинчатых отщепах и сколах. Форма их различна: есть ножи с длинным прямым лезвием (рис. 4, 26—28), коротким лезвием, концевые ножи со скошенным лезвием, изогнутые, коленчатые, серповидные с прекрасной двусторонней обработкой и др.

Также многочисленны и всевозможные наконечники дротиков, копий и стрел. Среди них есть характерные, типично волосовские формы, как, например: листовидные широкие и узкие, черешковые (рис. 4, 1—6, 12, 11—14, 20—22, 29, 30), треугольные с черешком, с выемками на черешке, иволистные, ромбические и другие формы.

Следует особо отметить небольшие, а иногда миниатюрные наконечники стрел с двусторонней обработкой и такие же миниатюрные наконечники на пластинчатых отщепах ромбической формы, листовидной и с черешком. Некоторые из этих наконечников близки формам постсвидерских наконечников верхневолжской культуры. Разнообразие форм наконечников дротиков и стрел и их тщательная обработка свидетельствуют о дифференциации этих орудий и применении их для разных объектов охоты, а также в вооружении.

Интересны кремневые сверла и проколки разных размеров и форм (рис. 4, 7—10). Сверла оформляются резцовыми сколами. Широкое распространение

этих орудий указывает на развитие обработки дерева и кости.

Особенно надо отметить массовое появление на развитом этапе волосовской культуры всевозможных комбинированных кремневых орудий, среди которых скребки-резчики, скребки-сверла, скобели-сверла, скобели-проколки, ножи-скобели, ножи-резчики, ножи-сверла и др. Этими орудиями можно резать, сверлить, скрести, скоблить и пр. Сосредоточение в одном инструменте нескольких функций увеличивало производительность труда.

Наряду с указанными орудиями у волосовцев имелись кремневые тесла, долота, топоры и рубанки разных форм с частичной или полной заполировкой. Из других кремневых изделий встречаются «фигурные кремни», пластинки, штампы и др.

Кремневые орудия производились из местного валунного кремня. В мастерских обнаружены: крупные кремневые куски, желваки, нуклеусы (конические, призматические, плоские и др.), отщепы и осколки разных размеров, чешуйки, заготовки и обломки орудий, отбойники, ретушеры, плитки и т. д. На стоянке Сахтыш VIII около волосовского жилища обнаружена большая мастерская, в которой найдено несколько тысяч отщепов и осколков (Крайнов, 19786).

В волосовских поселениях в значительном количестве встречаются шлифованные каменные орудия и поделки. Наиболее характерными являются топоры разных размеров и форм, среди которых есть миниатюрные сланцевые топоры, тесла, желобчатые долота, широкие и узкие, стамески, рубанки, клинья, колуны, колотушки, молоты, куранты-терочники, бруски, полировальные плиты, ретушеры, отбойники и др. Большое количество этих орудий и их обломков, особенно в волго-окских поселениях, свидетельствует о развитии домостроительства, а также об изготовлении различных деревянных изделий.

Из других каменных орудий в волосовских поселениях найдены: ромбические каменные сверленные «топоры», часть которых украшена по краям нарезками. Эти «топоры» могли служить мотыгами. В поздних верхневолжских поселениях встречаются черешковые топоры лепельского типа. Их присутствие указывает на связь с Прибалтикой и Западной Белоруссией, где находился первоначальный центр их производства. Среди каменных изделий есть штампы разных форм и размеров из сланцевых плиток, подвески, кольца и плитки с нарезками.

В волго-окских и северо-западных поселениях, особенно приозерных, обнаружено большое количество орудий и поделок из кости и рога. Основную массу костяных орудий составляют гарпуны разной формы (рис. 5, 22, 28—32), употреблявшиеся не только для рыбной ловли, но и для охоты на бобров, выдр и т. п. Встречены рыболовные крючки разных форм и размеров (рис. 5, 1, 9, 11—13). Некоторые крючки близки металлическим, так называемым щучьим крючкам, как, например, крючок из стоянки Стрелка I. Большую группу составляют костяные биконические наконечники стрел разных размеров (рис. 5, 19—21, 24—27), игловидные, уплощенные и др. Найдены костяные копыта, кинжалы и ножи. В домашнем хозяйстве применялись костяные пещни, лошिला, струги, мотыги из рогов лося, оленя и косули; долота разной длины, ширины и толщины; проколки, шилья, коче-

дыки, челноки для плетения сетей, иглы, игольники, накладки для луков, колотушки, крюки, рукоятки для орудий и пр. Из кости, рога и зубов также делали штампы, скульптуры людей, зверей, птиц, украшения и другие предметы искусства (рис. 6).

На костяные изделия шли главным образом кости лося, рога оленя, лося, косули, медвежьих кости, кабаньи и птичьи. Волосовские костяные орудия и поделки связаны с местным мезолитом и неолитом.

Набор кремневых, каменных и костяных орудий и предметов домашнего обихода характеризует разнообразие хозяйственной и домашней деятельности волосовцев.

Также широко были распространены и всевозможные деревянные изделия: крюки, остроги, дубинки, ковши, верши и пр. Надо полагать, что у волосовцев были и всякие плетеные кошель, корзины и прочие вещи из прутьев и корней.

Несмотря на появление у волосовцев металлических изделий, их уклад по-прежнему оставался неолитическим. Основой хозяйства были охота, рыболовство и собирательство, а относительно появления у них скотоводства и земледелия вопрос остается нерешенным.

Об охотничье-рыболовческом оседлом хозяйстве волосовцев можно судить по топографии поселений, кухонным остаткам и характеру вещественных материалов. Тяготение всех волосовских поселений к водным пространствам свидетельствует о доминанте рыболовства в их хозяйстве. В кухонных остатках встречается много рыбьих костей и чешуи (Крайнов, 1967; Цветкова, 1948, 1953, 1980; Городцов, 1926 и др.).

На стоянках Сахтыш I и Стрелка I определены кости осетровых рыб размерами свыше 1 м, сомов до 2 м, язей, щук, окуней, карасей, плотвы и др. Разные размеры и формы гарпунов свидетельствуют о дифференцированной рыбной ловле в разное время года. Большое количество костяных «пешней» указывает на развитие зимнего подледного лова. Рыболовные крючки разных форм и размеров свидетельствуют о развитии и индивидуального способа рыбной ловли. Однако основой было коллективное рыболовство. У волосовцев были сети, сплетенные из тонкого и толстого волокна. Отпечатки их обнаружены на керамике. Найдены каменные грузила и поплавки из коры и бересты. Обнаружены верши, сделанные из прутьев и тонких подпрямоугольных палочек.

У волосовского жилища на поселении Сахтыш I на р. Койке прослежены «заколы» и завалы, перегородившие речку для постановки верш, морд и др. Эти коллективные способы рыболовства прослеживались около многих поселений. Рыболовство, очевидно, было основой хозяйства волосовцев, об этом свидетельствуют и скульптуры рыб из кремня и кости (сомы и осетры), найденные на поселениях. Очевидно, рыбу ловили круглый год. Наличие у волосовцев лодок подкрепляется находками весел. Вероятно, прочная оседлость связана именно с развитием рыболовства.

Охота на диких животных давала мясо и шкуры. Промысловыми животными были куница, бобр, северный олень, лось, кабан, медведь, косуля, заяц, барсук, волк, лисица, выдра, хорь и др. Следует отметить, что процентное соотношение костей разных живот-

ных неодинаково по отдельным регионам, что свидетельствует о существовании разных объектов охоты. Однако повсюду больше всего костей лося, северного оленя и кабана, мясо которых шло в пищу, а среди пушных зверей — куницы и бобра.

Находки огромного количества костей куницы на стоянках Сахтыш I и Стрелка I (80% от общего состава), наличие зубов и челюстей куницы среди украшений, скульптура куницы на стоянке Сахтыш I и «святилище» из скопления черепов и челюстей куницы свидетельствуют о важном значении этого зверя в хозяйстве волосовского человека. Не исключено, что шкурки куницы служили основной меновой единицей в обмене с прибалтийскими племенами.

О большом значении охоты на лося указывают не только костные остатки, но и находки скульптур лося (Сахтыш I, II, Модлона, Володары и др.). О существовании культа лосихи у охотничьих племен написано много работ (Рыбаков, 1976; Студзицкая, 1969 и др.). Из костей лося делали все крупные костяные орудия. О значении охоты на лося, северного оленя, куницу и бобра свидетельствует открытие на стоянке Сахтыш II «святилища», отражающего сложный жертвенный обряд, связанный с культом промысловых животных (лося, северного оленя, куницы и бобра) (Крайнов, 1980). Охота на медведя, вероятно, имела особый характер, так как он почитался священным животным. Кости его, особенно черепа, сопровождают погребения людей, а клыки служили амулетами.

Большим подспорьем была охота на водоплавающих птиц (утки, гуси, лебеди, гагары и др.) и на боровую дичь (тетерева, глухари, рябчики, куропатки и др.). Кости их часты среди кухонных остатков. О значении этого вида охоты свидетельствуют многочисленные находки костяных и кремневых скульптур птиц на волосовских поселениях (особенно волго-окского региона).

Лучшая охота на зверя и дичь доминировала над другими способами. Вероятно, в этом виде охоты большое значение имела собака, существование которой у волосовцев доказывается ее костными остатками и копролитами в жилищах. Собака — главный помощник человека в охоте. Находки захоронений целых собак на поселениях (Волосовском, Володары) подтверждают значение ее в хозяйстве волосовцев.

Относительно существования у волосовцев других домашних животных среди исследователей нет единого мнения. В. А. Городцов обнаружил на Панфиловской стоянке кости молодых поросят, что дало повод для предположения о существовании у панфиловцев домашней свиньи (Городцов, 1926). Много костей домашней свиньи было найдено в верхнем горизонте стоянки Стрелка I (Крайнов, 1969). Не исключено, что на позднем этапе волосовской культуры под влиянием фатьяновцев у волосовцев появляется домашняя свинья, но на основании только этих находок окончательное решение вопроса вряд ли возможно.

А. Я. Брюсов, исходя из большой плотности волосовского населения и некоторых косвенных данных (отпечатки сетей из льняных волокон), высказал предположение о существовании у волосовцев примитивного земледелия и скотоводства (Брюсов, 1952).

О. Н. Бадер также считает возможным существование скотоводства у волосовцев (собаки и свиньи)

(Бадер, 1972б). О скотоводстве и примитивном земледелии у волосовцев пишет А. Х. Халиков (Халиков, 1969). Он считает, что на втором этапе развития волосовской культуры появляется земледелие и скотоводство. Однако исследования костных остатков Ахмыловского поселения и других, даже более поздних, не обнаруживают домашних животных (Петренко, 1977). Последние могли появиться у волосовцев только под влиянием фатьяновцев и балановцев и то на самом последнем этапе.

Следует признать, что охотничье-рыболовческое хозяйство волосовцев достигло высокого развития и обеспечивало пищей довольно большое население поселков. Собирачество плодов, ягод, желудей, орехов, грибов, съедобных кореньев и трав служило важным подспорьем в хозяйстве волосовского человека. Всем этим можно объяснить позднее появление в лесной зоне производящих видов хозяйства.

Высокого развития у волосовцев достигло ремесло. Постройка больших деревянных домов, лодок, изготовление лыж, заколов и прочих предметов быта при помощи только каменных орудий требовали большого мастерства. Значительное количество кремневых резчиков, ложкарей, скребков, ножей и других орудий для производства деревянных ковшей, ложек, лопаток, весел, луков, мутовок свидетельствует о процветании деревообработки.

Большого искусства волосовцы достигли в костезрном деле. Однотипность костяных биконических наконечников стрел, игловидных наконечников, гарпунов, рыболовных крючков, шильев, долот и других костяных изделий заставляет предполагать существование особых мастеров, специализировавшихся на обработке кости. Об этом же говорят прекрасные костяные скульптуры животных, птиц и рыб.

В выделке каменных орудий волосовцы достигли вершин расцвета. Многие каменные полированные желобчатые долота, рубанки, стамески и тесла являются верхом мастерства. Известный волосовский клад содержит однотипные кремневые наконечники стрел и дротиков; техника их вторичной обработки доведена до совершенства. Даже появление медных орудий не могло вытеснить каменную индустрию.

Определенного прогресса волосовцы достигли и в гончарном деле. Для изготовления сосудов волосовские гончары пользовались местными болотными темными глинами (заготовки больших кусков такой глины обнаружены в жилищах стоянок Сахтыш I, II и Стрелка I). Сосуды лепились от руки. В. А. Городцов упоминает о двух способах выделки сосудов у панфиловцев (Городцов, 1926).

Существование металлических изделий у поздних волосовцев не подлежит сомнению. Они найдены на десятках волосовских поселений Среднего Поволжья, где наряду с металлическими вещами были обнаружены и многочисленные тигли с остатками застывших капель меди. Небольшое количество металлических вещей (медный клинок, шилья, обломки спиралек, кусочки медных предметов, слитки и пр.) было обнаружено и на окских стоянках (Панфиловская, Холломониха и пр.). На верхневолжских стоянках их еще меньше (в поздних волосовских слоях стоянок Сахтыш I и Сахтыш II). В западных и северных даже поздних стоянках металл не встречается.

Основная масса металлических изделий была най-

дена в восточном регионе волосовской культурной общности, расположенной ближе к месторождениям медистых песчаников. Можно согласиться с Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, что у волосовцев еще не было собственной металлургии, а существовала только первоначальная металлообработка, возникающая под влиянием фатьяновско-балановских и частично полтавских племен (Черных, Кузьминых, 1977; Кузьминых, 1977а). Но не исключено, что восточные волосовцы знали металл раньше фатьяновцев.

Е. Н. Черных ставит вопрос о выделении волосовского металлообрабатывающего очага в досейминское время (Черных, 1966). Однако эта металлообработка носит еще примитивный характер, отсутствует техника литья (Кузьминых, 1977а). Кроме того, у волосовцев еще нет разнообразия в изделиях и своих оригинальных орудий. Анализами установлено, что все волосовские изделия были сделаны из чистой меди. Рудной базой являлись медистые песчаники Среднего Поволжья и Прикамья, так же как и у фатьяновско-балановских племен.

Вряд ли можно согласиться с утверждением С. В. Кузьминых, что «волосовская культура — культура эпохи раннего металла» (Кузьминых, 1977а). Он сам пишет, что металл у волосовцев появляется на позднем этапе. По этому вопросу среди специалистов до сих пор нет единого мнения. Одни относят волосовскую культуру к неолиту, другие — к энеолиту. Очевидно, начальные стадии ее развития следует считать неолитической культурой. Об этом свидетельствуют охотничье-рыболовческий характер хозяйства, господство каменных орудий, обряд погребения и другие данные.

* * *

Одной из характерных черт волосовской культуры являются разнообразные кремневые и костяные фигурки людей, животных, птиц и рыб. Оригинален и выразителен орнамент на костяных и каменных изделиях и на керамике.

Эти предметы искусства представляют интерес не только для выяснения социально-экономических условий жизни волосовцев, их духовной культуры, но и для воссоздания этногенетических процессов, передвижений племен и их взаимосвязей.

Находки кремневых фигурок концентрируются в основном на волосовских поселениях Волго-Окского междуречья и в Среднем Поволжье, т. е. в границах волосовской ойкумены, и изредка встречаются на ее периферии. Классическое описание кремневых фигурок и карту их распространения впервые дал С. Н. Замятнин (Замятнин, 1948). Эти фигурки немногочисленны, но разнообразны. Среди них имеются антропоморфные, зооморфные, солярные и др. Антропоморфные скульптуры названы нами условно, вслед за С. Н. Замятниным (Замятнин, 1948). Они обнаружены на стоянках Среднего Поволжья (Майданской и Мало-Кокузинской), на окских (Волосовской, Владычинской, Ибердус, Холломонихе, Подборице-Щербининской, Володарской) и верхневолжских поселениях (Сахтыш I, II, VIII, Уницкой, Николо-Перевозской, Никольской II, на берегу Тростнинского озера, Пиресе, Алексеевской, Иловец I). На северо-западе антропоморфные фигуры найдены на стоянке Репи-

ще. Все они сделаны из кремневых отщепов разного цвета и размера (рис. 6, 9—11, 15—17) и выполнены в основном схематично. На некоторых фигурках голова округлая, на других — треугольная, на третьих вместо головы «лунарное изображение». На некоторых фигурках выделяется шея. Руки большей частью вытянуты вдоль туловища или отсутствуют. Ноги даны в виде коротких отростков (иногда одна нога короче другой) или показаны одним выступом.

Некоторые «антропоморфные» фигуры скорее можно считать изображением медведя или медвежьей шкуры. Здесь «руки» и «ноги» даны хорошо обозначенными выступами. Шея всегда выражена слабо и сливается с головой, имеющей прямой срез. Следует отметить, что у всех таких фигур наблюдается искривление ног, характерное для медведя, когда он стоит на задних лапах. Эти изображения, вероятно, связаны с медвежьим культом, который прослеживается у волосовцев и по другим данным и отмечен в разных регионах волосовского ареала.

Скульптуры животных встречаются чаще, среди них есть фигурки лося, медведя, барсука (или собаки), кабана, «зубра», черепахи (рис. 6, 1—4, 12, 27—32) и др.

Если антропоморфные фигуры выполнены во фронтальном положении, то животные сделаны в профиль. Несмотря на некоторую схематичность, в каждой из них можно узнать изображенное животное. Основная часть их найдена на стоянках Сахтыш I, Стрелка I, Ронское I, Модлона, Волосовская, Сивья гора и др.

Кремневые фигурки птиц встречаются редко. Среди них есть изображения уток, глухарок, тетерок и хищных птиц (рис. 6, 5—8, 18—26). Выполнены они в реалистическом стиле, часть в профиль, часть фронтально. Особый интерес представляет скульптура хищной птицы (ястреба, орла?), изображенная фронтально в полете. Размах крыльев 5 см, длина от края хвоста до края головы 8,9 см (!). Найдена на стоянке Сахтыш I. Близкой к ней является фигура из стоянки Волосово I, трактуемая С. Н. Замятниным как символическое изображение лунарно-солярного знака (Замятнин, 1948, с. 109, рис. 6, 17).

Наряду с ними есть фигуры, похожие на птиц, но допускающие иную трактовку. Это скульптуры в виде распростертых крыльев, якорьков, двойных крючков и пр. С. Н. Замятнин относит их также к солярно-лунарным знакам. Они найдены на стоянках Сахтыш I, II, VIII, Модлона, Никольская II и др.

Кроме перечисленных скульптур, найдены фигурки, расшифровка которых затруднительна. Некоторые из них напоминают рыб, змей и пр. Непонятной является фигурка в виде многозубчатого наконечника стрелы на стоянке Сахтыш II (рис. 6, 13). Часты находки лунниц с прекрасной двусторонней обработкой (рис. 6, 14). Их можно трактовать как лунарные символы. По форме к ним близки небольшие серповидные ножи.

Широко представлены на волосовских стоянках всех регионов кремневые фигурки в виде клыков хищных животных с выемкой на конце для привязывания. Встречаются кремневые кружки со сверлиной в центре, а также каменные и глиняные кружки.

Большинство кремневых фигурок имеет выемки для привязывания и ношения их в качестве украше-

ний или амулетов. Все они отличаются единообразием техники обработки и стандартностью форм. Среди них доминируют изображения основных промысловых животных (медведь, лось, кабан, дикий бык, выдра, бобр, барсук и пр.) и птиц (утки, боровая дичь). Очевидно, они имели культовое магическое значение.

Не меньший интерес представляют и костяные скульптуры, найденные в волосовских поселениях Верхнего Поволжья и Оки. Антропоморфные фигуры редки, в основном это изображения женщин. Их всего 4 экз., они найдены в жилищах стоянок Сахтыш I, Стрелка I. Они схематичны и незаконченны. Но у всех четырех художник подчеркнул женские признаки — грудь и живот. Возможно, что эти фигурки имели магическое значение, как палеолитические трипольские и подобные им скульптуры.

Костяные скульптуры животных также редки. Это изображения лосихи, медведя, выдры, куницы и др. Костяные скульптуры окских стоянок подробно изданы (Цветкова, 1969б, 1970, 1975). На верхневолжских стоянках представляет интерес большая скульптура головы лосихи, выполненная в профиль из рога. Художник не закончил свое произведение, но успел подчеркнуть все характерные особенности головы, дав ее в идеальном правильных пропорциях. Близкой к этой скульптуре является голова лосихи со стоянки Модлона, но на ней имеется солярное изображение (Ошибкина, 1976 и др.). Скульптуры лося встречены и в других волосовских поселениях: Сахтыш II (Гадзяцкая, 1966, с. 21, рис. 8, 21).

Близкие изображения (роговые и костяные) найдены на многих стоянках Прибалтики, относящихся к тому же времени (Лозе, 1970). Известно, что лось — излюбленная фигура в искусстве неолитических и более поздних охотничьих племен (Студизцкая, 1969, с. 39—68), особенно часто он встречается в наскальных изображениях Урала (Чернецов, 1971) и Карелии (Савватеев, 1977).

Не исключено, что у волосовцев существовал культ лося (лосихи). Культ лосихи и верованиям первобытных охотников посвящены статьи Б. А. Рыбакова (Рыбаков, 1975, 1976).

Из других животных особый интерес представляет фигурка выдры, найденная в жилище стоянки Сахтыш I (Крайнов, 1978в). Она выполнена в реалистическом стиле (рис. 6, 29). Особенно хорошо проработаны голова и глаза (в виде ямок). Вместо лап сделаны выступы с отверстиями (для нашивки или привязывания). На спине прочерчены в одну линию три ромба, семантика которых пока не выяснена. Аналогично этой фигурке можно усмотреть в предмете со стоянки Валма в Эстонии (Янитс, 1959а), но она без рисунка.

Загадочна скульптура пушного зверя (очевидно, куницы), найденная в волосовском жилище стоянки Сахтыш I. Она объемна и сделана очень тщательно. Отмечены все основные детали тела, но несколько схематично, особенно изображенный зубчатый хвост (рис. 6, 28). Возможно, художник хотел этим подчеркнуть его пушистость.

Наряду с реалистическими изображениями животных найдены схематические скульптуры, как, например, фигурка животного с птичьей головой и длинным хвостом, загнутым на конце. Сделана она

на пластинке (рис. 6, 27). Ноги изображены в виде небольших отростков. На спине одно отверстие, а на животе — пять, очевидно, для нашивки или подвешивания. Возможно, схематичность этой фигурки (Сахтыш I; Крайнов, 1972а) можно объяснить тем, что она употреблялась в качестве штампа для нанесения орнамента.

Костяные скульптуры рыб встречаются реже. Две найдены на стоянке Сахтыш I (Крайнов, 1975а, 1978в) и на стоянке Владычино. Одна фигурка изображает сома (рис. 6, 31), она выполнена в реалистическом стиле. Глаза нанесены высверлинами, рот оформлен двумя глубокими надрезами, а хвост едва намечен. Вторая фигурка изображает осетра (рис. 6, 32)*. Глаза выполнены так же, как у сома, жаберы и плавники показаны выступами, на хвосте два отверстия для подвешивания.

Скульптуры рыб часты в прибалтийских стоянках того же времени и связываются исследователями с магическими обрядами промыслового значения (Лозе, 1970, с. 22, рис. 7, 7, 8 и с. 28).

Наиболее многочисленную группу изображений представляют скульптуры птиц. В них легко можно узнать гусей, уток, гагар, чаек, куликов, лебедей, тетерок, орлов, глухарей и др. Почти все они представлены объемными формами, выполненными из кости. Особенно хорошо в реалистическом стиле сделаны фигурки гусей, уток и других птиц (рис. 6, 5—8, 18—26). Выполнение их в одном стиле указывает на установившиеся канонические традиции. Первобытный художник в своих удивительно реалистических скульптурах тонкими штрихами подчеркивает самые характерные особенности каждого вида этих птиц. Найдены скульптуры в основном только на верхневолжских и окских стоянках (Волосово, Сахтыш I, VIII, Стрелка I, Ивановское VII и др.). Их отсутствие на средневолжских стоянках свидетельствует о специфике хозяйства каждого региона волосовского ареала или о хронологическом разрыве.

Кроме готовых изделий, найдены и заготовки их из костей и клыков кабана. Выделяется фигура водоплавающей птицы (утки) со стоянки Сахтыш I (рис. 6, 25). Она изображена на костяной пластинке в профиль с наклоненной головой. Хвост и лапы обозначены обрубленными уступами. На спине от головы до хвоста идут зубчики. Вверху — два отверстия рядом, а внизу — два отверстия по краям живота. Клюв, хвост, лапы и спина скульптуры служили сложным штампом для нанесения орнамента на посуду.

Рассмотренные нами кремневые, костяные и роговые скульптуры отражают не только наблюдательность и высокое мастерство первобытных художников, но и их мировоззрение и представления об окружающем мире.

О назначении кремневых и костяных скульптур существуют разные мнения, но большинство исследователей считают их ритуальными предметами и видят в них отражение культа предков, тотемизма, солнечного культа и т. д. Очевидно, они служили амулетами или иными сакральными атрибутами при выполнении тех или иных культовых обрядов.

* Эта фигурка неправильно отнесена к стоянке Ронское III в статье Д. А. Крайнова и О. С. Гадзяцкой (АО 1966 г., с. 23).

И. А. Лозе видит в костяных скульптурах птиц предметы культа, связанные с представлениями об уходе души в загробный мир (Лозе, 1970, с. 28). Конечно, семантика их трудна, но безусловно одно: все эти предметы отражают внутренний мир первобытного человека. По мнению С. Н. Замятнина, кремневые скульптуры имели такое же значение, как и петроглифы, и занимали одно из центральных мест при исполнении обрядов в дни календарных праздников (Замятнин, 1948).

Сейчас, пожалуй, ни у одного исследователя не возникает сомнений в отнесении кремневых и костяных скульптур, находимых в стоянках Поволжья, Волго-Окского междуречья и Марийского Поволжья, к волосовской культуре. В. А. Городцов первым усмотрел связь кремневых скульптур с выделенной им волосовской культурой. Он отнес их ко времени первых металлических изделий и, не имея еще достоверных данных, правильно очертил границы их распространения (Городцов, 1926, с. 362—364). Нельзя согласиться с С. Н. Замятниным (Замятнин, 1948, с. 99) и А. А. Формозовым (Формозов, 1959, с. 102—103), связывавшими кремневые и костяные скульптуры с культурой племен с ямочно-гребенчатой керамикой. Если сопоставить карту распространения этих скульптур, составленную С. Н. Замятниным (Замятнин, 1948, с. 98, рис. 1), с картой ареала волосовской культуры, то они совпадут.

Что же касается редких находок скульптур, сходных с волосовскими, в Прибалтике, Карелии, Беломорье и Приуралье, то их присутствие там можно объяснить или заимствованием, или частичными передвижениями волосовских племен, или существованием обмена у родственных племен в этих регионах. О тесных связях волосовских племен с родственными балтийскими племенами свидетельствуют многие факты: сходство в орнаменте и примесях в керамике, сходный обряд погребения, а главное — общая закономерность в развитии культур с мезолита.

К предметам искусства относятся и волосовские музыкальные инструменты. На стоянке Сахтыш I найдена флейта из большой округлой кости с семью игровыми отверстиями. Подобные музыкальные инструменты были найдены и на окских стоянках (Цветкова, 1970, с. 11, рис. 22, 23).

С изобразительным искусством волосовцев связана и великолепная резьба по кости. Древние художники украшали сложными геометрическими узорами костяные предметы. Особо следует отметить находку костяной пластинки на стоянке Сахтыш II с изображением жилища. Насечки и нарезки часто встречаются и на каменных орудиях, особенно на штампах.

Самыми распространенными украшениями волосовцев являются подвески из клыков и зубов животных (лося, кабана, медведя, куницы, лисицы, собаки и др.). Эти подвески украшали ожерелья, одежду, сумки, пояса, обувь и пр. Они обнаружены в жилищах и погребениях (Гадзяцкая, 1966; Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1972а, 1982).

Медвежьи клыки с нарезками для подвешивания, вероятно, служили амулетами. Они всегда встречаются единичными экземплярами. Для этой же цели служили, очевидно, и фаланги медведя со сверлинами. Находки этих амулетов подтверждают существование у волосовцев медвежьего культа.

Очень часты находки подвесок из челюстей куницы, встречается много привесок из костей животных. Есть и фигурные костяные подвески.

Цилиндрические пронизки из птичьих круглых костей встречены в небольшом количестве главным образом в погребениях (Гадзяцкая, Крайнов, 1965). Подобные пронизки являются основным украшением и в ожерельях фатьяновцев.

Широкое распространение у волосовцев имели костяные хорошо отполированные подвески прямоугольной, овальной, подквадратной, треугольной, редко округлой и асимметричной форм. Размеры их различны. Некоторые подвески сделаны из клыков кабана. Эти подвески служили и для ожерелий, и для нашивки на одежду. Иногда по краям подвесок наблюдаются нарезки (Цветкова, 1969б).

Одним из наиболее характерных украшений волосовцев являются каменные пластинчатые подвески разных размеров и форм: овальные, круглые, трапециевидные, подпрямоугольные. Как и костяные, они имеют сверлины в середине верхнего края. Сделаны они из разных пород камня (сланца, диорита и др.). В одном из погребений могильника Сахтыш VIII (Крайнов, 1973б, с. 51, рис. 3) найдено 12 экз. подвесок. Шесть из них и три пронизки из круглых птичьих костей лежали возле тазовых костей, очевидно, украшая набедренную повязку или пояс. Встречаются каменные подвески и в жилищах стоянок Сахтыш I, II, VII, VIII, в Стрелке I и др. Они известны и с окских стоянок (Цветкова, 1969б), имеются и в известном волосовском кладе (Цветкова, 1957, с. 17, IV, табл. XIII, 5). Обнаружены каменные подвески и в волосовских стоянках Среднего Поволжья.

В стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой они не встречаются. Из других каменных украшений для волосовцев характерны каменные кольца и полулунницы из сланца. Они идентичны прибалтийским кольцам (Янитс, 1959б).

Особый интерес представляют янтарные украшения, встреченные на многих волосовских поселениях и в погребениях. Они найдены в значительном количестве на стоянках Сахтыш I, II, VIII (Крайнов, 1973б), Иловец (Урбан, 1969), Модлона (Брюсов, 1951, 1952), Кончанском, Решице (Рерих, 1903, с. 23; Зимица, 1974), Белом озере (Фосс, 1952), на Майданской стоянке (Халиков, 1969, с. 140, рис. 37, 4), Языково I (Портнягин, Урбан, 1972), в Володарах и др. (Цветкова, 1975, с. 103). Большая часть янтарных украшений найдена в погребениях (Сахтыш VIII и Кончанском). В жилищах они встречаются реже, за исключением стоянки Модлона, где они обнаружены в значительном количестве.

Формы янтарных украшений довольно разнообразны. Это округлые пуговицы с U-образным отверстием разной величины и формы, кольца, цилиндрические пронизки, удлиненные и короткие, цилиндрические пронизки с утолщением в середине, пластинчатые привески — подпрямоугольные, трапециевидные, овальные, квадратные, прямоугольные, каплевидные, асимметричные и др. Янтарные украшения на стоянках Сахтыш I, II и VIII связаны с поздними волосовскими погребениями и поздними жилищами.

О назначении янтарных украшений можно судить по местам их находок в погребениях. Часть их ис-

пользовалась в качестве пронизок в ожерельях (находки на шее и груди), а большая часть нашивалась на одежду, головные уборы, пояса, обувь, о чем свидетельствуют их находки в области черепа, рук, таза, ног и пр. Повторяемость расположения украшений свидетельствует об определенной традиции в украшении одежды и головного убора. Следует указать, что они встречены в женских погребениях.

Все перечисленные формы янтарных украшений встречаются в Прибалтике, например на стоянках Лубанской низменности в Латвии найдены абсолютно идентичные формы янтарных украшений. И. А. Лозе предполагает, что на Верхнюю Волгу они попали именно из Лубанской низменности (Лозе, 1969). Она датирует их серединой III — серединой II тыс. до н. э.

На стоянке Сарнате также встречаются все сахтышские формы янтарных украшений (Ванкина, 1970). В связи с этим важно отметить, что на стоянках Лубанской низменности и Сарнате встречаются обломки сосудов, близкие волосовским по примесям в тесте и по орнаментике. Очевидно, это объясняется родством волосовских и прибалтийских племен с культурой пористой керамики.

Подобные украшения найдены и на стоянках Эстонии, где, кроме того, имеются сходные с волосовскими погребения, каменные кольца, фигурки животных и пр. (Янитс, 1959б). Очевидно, янтарные украшения попадали на волосовскую территорию по Двине и Волге и доходили до Средней Волги (Майданская стоянка). Вероятно, в III—II тыс. до н. э. между верхневолжскими и балтийскими племенами были более тесные связи, которые вряд ли можно объяснить только обменом. Возможно, между ними существовали родственные связи.

Своих покойников волосовцы хоронили на поселениях около жилищ, а иногда и в самих жилищах. Отдельных кладбищ, как у фатьяновцев, у них не было, они появляются только на более позднем этапе, но опять-таки не вдали от поселений, а на них (Крайнов, 1973б). Обычно погребения располагались в культурном слое на глубине от 10 до 40 см, проследить в таких случаях могильные ямы и другие ритуальные сооружения невозможно. Очень редки могилы, уходящие в материк. Иногда погребения встречаются над очажными ямами, как, например, на Панфиловской стоянке (Городцов, 1926) и на стоянке Сахтыш VIII (Крайнов, 1978б).

На всех волосовских поселениях большинство погребенных положены вытянуто на спине, реже на животе и только в позднее время встречаются скорченные погребения. Скорченный обряд погребения не свойствен волосовцам, но встречается, особенно в коллективных захоронениях, в волосовских и близких им памятниках Верхнего Поволжья (Гадзяцкая, Крайнов, 1965, с. 37; Цветкова 1969а) и Прибалтики (Лозе, 1979, с. 49—54; Янитс, 1959а). Очевидно, появление скорченных погребений относится ко времени контактов волосовцев с фатьяновцами (Крайнов, 1972б, с. 267—272).

Ориентировка погребенных различна: север, северо-восток, восток, юго-восток, запад, юго-запад. Такое разнообразие ориентировки иногда на одном и том же поселении пока трудно объяснить. Возможно, они разновременны.

Встречаются как одиночные, так и коллективные погребения, как, например, на стоянке Сахтыш II (Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1982, с. 80, рис. 1), Языково I (Урбан, 1971) и на стоянке Володары (Цветкова, 1948). Вероятно, в коллективных могилах похоронены или убитые, или умершие одновременно от эпидемии. Самое большое коллективное погребение (16 человек) встречено в 1984 г. на стоянке Сахтыш II (Крайнов, 1985). Иногда погребенных завертывали в бересту (Сахтыш I и Берендеево I).

Во многих погребениях обнаружена красная краска, густо посыпанная по всей могиле или около головы и ног (Сахтыш I, II, VIII, Репище, Иловец, Языково I, Владычино-Береговая и др.).

Очевидно, красная краска как символ крови и огня играла большую роль в обряде погребения волосовцев. «Клады» кремневых орудий, иногда сопутствующие погребениям, также посыпались красной краской (Сахтыш II, VIII, Володары и др.), в жилищах волосовцев нередко находки ее скопления.

Большую роль в обряде погребения играл огонь как «очистительная сила». Кострища около погребений прослежены на стоянках Сахтыш II, VIII, Языково I и др. Вероятно, эти костры горели длительное время, так как почва под ними сильно прокалена. Следует отметить частые находки около погребений костей (особенно разбитых черепов) медведей, оставленных здесь преднамеренно при совершении каких-то ритуальных действий, связанных с культом медведя (стоянки Сахтыш I, II, VIII).

Находка в «ритуальном кладе» стоянки Володары костяной булавки с навершием в виде головы лосихи (Цветков, 1975, с. 109) и другие данные о культе лосихи подтверждают существование культа лося у волосовцев.

Для всех погребений волосовской культуры характерно отсутствие посуды и сравнительно редкие находки вещей. Волосовские погребения найдены на многих стоянках в различных регионах волосовской культуры: Стрелка I, Сахтыш I, II, VIII (Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1969, 1973а, 1982, 1985); Ивановское VII (Крайнов, 1974, 1975а); Вашутинская (Гадзяцкая, Крайнов, 1985); Иловец (Урбан, 1969); Языково I (Бадер, 1936, 1937; Урбан, 1971; Портнягин, Урбан, 1972); Репище и Кончанское (Зимина, 1974, 1975, 1976, 1984), Коломцы (Бадер, 1970); Волосово (Бадер, 1970; Жилин, Кольцов, 1980; Цветкова, 1980, 1985); Панфиловская (Городцов, 1926); Холмониша (Бадер, 1970); Володары (Цветкова, 1980); Владыченская-Береговая (Цветкова, 1980); Модлона (Брюсов, 1951) и др. В последнее время волосовские погребения обнаружены и на Средней Волге (Габяшев, 1984). Отнесение перечисленных могильников и погребений к волосовской культуре или общности не вызывает сомнений.

Таким образом, на более чем 20 волосовских поселениях Верхней Волги, Оки, севера и востока ареала волосовской культуры были прослежены погребения. Почти все они найдены около жилищ или в жилищах, и только на стоянке Сахтыш VIII обнаружено компактное кладбище. Количество погребенных различно. Самыми большими могильниками являются: Сахтыш II, VIII, Языково I, Репище, Кончанское и Володары.

К погребальному инвентарю достоверно можно отнести только предметы украшений из кости, камня, янтаря и отдельные орудия из камня и кости.

В последнее время на волосовских погребениях стоянок Сахтыш II, Вашутинская, Волосово и др. встречены наряду с украшениями орудия из камня и кости (особенно в мужских погребениях). Среди орудий особое место занимают наконечники стрел, они кучно лежали в области таза скелета (Сахтыш II, Вашутинская). Возможно, они были положены в колчанах. Встречаются и костяные наконечники стрел, а также отдельные кремневые орудия (скребки, ножи). Керамику в погребениях ни разу не встретили.

Сходство погребального ритуала указанных стоянок является бесспорным доказательством родства племен западного и восточного регионов волосовской этнокультурной общности. Погребения, близкие к волосовским, обнаружены в Эстонии на стоянках Акали, Нарва, Тамула, Валма и др. (Янитс, 1959б, с. 63, 101, 102, 105; 1956, 1957; Гурина, 1955).

Анализ краниологических остатков из погребений позволяет определить антропологический тип носителей волосовской культуры. Определенные остатки со стоянок Сахтыш I и II отнесены Г. В. Лебединской и Р. Я. Денисовой к европеоидному антропологическому типу. Черепа из погребений 1, 2 стоянки Володары по определению М. М. Герасимова также принадлежали к европеоидному типу (Цветкова, 1959), а череп из Панфиловской стоянки отнесен к ярко выраженному европеоидному типу (Городцов, 1926). Следует отметить близость антропологического черепа панфиловского волосовца и волосовца со стоянки Сахтыш II с фатьяновским антропологическим типом. Этот факт свидетельствует или о родстве фатьяновцев и волосовцев, или об их тесных контактах. Наряду с этим в волосовских погребениях встречается европеоидный антропологический тип с монголоидными или, скорее, лапоноидными признаками (Герасимов, 1955). По мнению некоторых антропологов (Гохман), лапоноидность является местной антропологической чертой, наблюдающейся на территории Восточной Европы с эпохи палеолита.

Этот антропологический тип волосовцев, включающий европеоидов и европеоидов с признаками монголоидности или лапоноидности, является результатом смешения населения двух культурно-этнических общностей: верхневолжской и населения с ямочно-гребенчатой керамикой. Следует указать, что количество европеоидных черепов в волосовских погребениях доминирует над черепами с монголоидными (лапоноидными) признаками. Очевидно, волосовцы принадлежали к этнической группе северных европеоидов, потомков населения верхневолжской культуры, являющейся основой волосовской культуры (Крайнов, 1981), а монголоидность (лапоноидность) они могли получить от второго составного компонента — носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, относящихся, вероятно, к другой этнической общности, или от смешанного населения, существовавшего здесь раньше.

Такая же картина наблюдается при антропологическом изучении населения Прибалтики, относящегося к культурам с пористой керамикой и родственного волосовской культуре (Денисова, 1975). Здесь

также наблюдается смешанный антропологический тип, получившийся от смешения населения нарвской и гребенчато-ямочной культур. Однако тип населения волосовской культуры и культуры типа «пиестия» различен на разных территориях. Там, где преобладали носители верхневолжской и нарвской культур, зафиксирован европеоидный тип.

Недостаточная изученность волосовских памятников на всей территории их распространения, особенно хронологии и периодизации волосовской культуры, а также спорность смены неолитических культур, предшествовавших волосовской культуре, привели к возникновению различных гипотез о ее происхождении. Одни исследователи связывали волосовскую культуру с местным волго-окским неолитом (Городцов, 1926; Брюсов, 1952; Цветкова, 1953; Крайнов, 1973б и др.), другие — с волго-камским или камско-уральским неолитом (Бадер, 1953а, 1966а, 1970, 1972б; Третьяков П. Н., 1966; Халиков, 1969; Раушенбах, 1969 и др.), третьи указывали на связь с прибалтийскими неолитическими культурами и, наконец, высказывались взгляды о связи с ямной и белевской культурой. К настоящему времени выявились две точки зрения: о волго-окском и камско-уральском происхождении волосовской культуры.

И. К. Цветкова, поддерживая первую точку зрения, пришла к выводу, что волосовская культура на Оке связана с волго-окскими культурами с ямочно-зубчатой керамикой (Цветкова, 1968).

Поиски решения проблемы происхождения финно-угров на территории Восточной Европы привели к возникновению гипотезы о происхождении волосовской культуры из уральско-камского региона. Впервые эту гипотезу обосновал О. Н. Бадер (Бадер, 1953б). Он высказал мнение, что волосовцы являются одной из групп камских племен, близких племенам гаринского этапа турбинской культуры (Бадер, 1953б, 1966а). Позднее вместе с А. Х. Халиковым О. Н. Бадер стал искать «корни» волосовской культуры в волго-камской неолитической культуре (Бадер, 1970, 1972б; Халиков, 1969). По их мнению, волосовские племена на грани III — II тыс. до н. э. распространились из Волго-Камья на Оку и Верхнее Поволжье, где заняли территорию населения с ямочно-гребенчатой керамикой и постепенно ассимилировали его. В дальнейшем они распространились на запад вплоть до Прибалтики и на северо-запад до Карелии и Беломорья. В своей позднейшей работе О. Н. Бадер несколько изменил свой взгляд, назвав прибалтийские и северо-западные племена уже не волосовскими, а близкими им. Турбинскую же культуру (которую он ранее считал протоволосовской) О. Н. Бадер отнес к родственной волосовцам культуре, возникшей, как и последняя, на основе западной группы неолитических племен камской этнокультурной области (Бадер, 1972).

О. Н. Бадер видел в волосовских поселениях центра Русской равнины следы мощной уральской, древнефинской миграционной волны, а в их обитателях — древнейших предков волжских и окских финнов.

П. Н. Третьяков также связывал происхождение волосовской культуры с уральско-камскими неолитическими племенами, одна из групп которых продвинулась из области бассейна Камы на Оку и далее на запад (Третьяков П. Н., 1966). Волосовцы, по его

мнению, являются протофиннами. Однако, отрицая связь волосовцев с местным ямочно-гребенчатым неолитом, он все же считал, что местные неолитические племена не исчезли, а сыграли, хотя и подчиненную, но значительную роль в дальнейшей этнической истории Волго-Окской области.

А. Х. Халиков, развивая дальше эту гипотезу (Халиков, 1969), пытается обосновать переход западнокамских неолитических племен к ранней волосовской стадии (майданской), их дальнейшее развитие в Прикамье и экспансию волосовцев в Волго-Окское междуречье и дальше к западу, северо-западу и на север. Однако, как и предыдущие авторы, он никак не объясняет причин такой колоссальной экспансии волосовцев. В. П. Третьяков также развивает гипотезу восточного происхождения волосовцев (Третьяков В. П., 1969, 1972 и др.).

В. М. Раушенбах связывает происхождение волосовцев с уральскими племенами горбуновской культуры (Раушенбах, 1969). А. Я. Брюсов впоследствии также стал поддерживать гипотезу восточного происхождения волосовцев (Брюсов, 1965, 1968).

В. В. Никитин высказал мнение, что формирование волосовской культуры в Волго-Окском междуречье происходило на местной неолитической основе, но при сильном влиянии пришлых с востока элементов прафинно-угров (Никитин В. В., 1977). Наконец, к защитникам восточного происхождения волосовских племен надо отнести и С. В. Студзицкую (Студзицкая, 1969).

Доводы восточных связей волосовцев, приведенные О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым и другими исследователями, в свете новых данных вряд ли могут быть приняты. Таблица сходства ряда элементов волосовской, турбинской и неолитической волго-камской культур, предложенная О. Н. Бадером как «бесспорное» доказательство (Бадер, 1970, с. 35), не может служить основой для решения вопроса о происхождении волосовской культуры из Волго-Камья (Крайнов, 1981).

Благодаря исследованиям последних лет верхневолжских многослойных поселений, открытию новой раннеолитической верхневолжской культуры и установлению новой хронологии волосовской культуры методом C_{14} можно с новых позиций рассмотреть проблему происхождения волосовской культуры и вопрос о смене культур неолита и энеолита центра Русской равнины.

Раскопки многослойных поселений, особенно торфяниковых (Ивановское III, VII, Языково I, Сахтыш I, Ронское I и др.), показали следующую закономерность в смене культурных комплексов данного региона: внизу над мезолитическими слоями (Ивановское III, VII, Золоторучье III, Пеньково, Федюково I и др.) залегают культурные остатки верхневолжской раннеолитической культуры, открытой в 1972 г. (Крайнов, Хотинский, 1977б), над ними располагались культурные комплексы с ямочно-гребенчатой керамикой. В верхних горизонтах этого слоя всюду появляется так называемая редкочемная тонкостенная керамика с фигурным ямочным орнаментом и гребенчатым узором, отнесенная к протоволосовскому этапу позднего неолита. Над этими культурными остатками располагается ранневолосовский комплекс с круглодонной керамикой с раковин-

ной примесью. Выше идут горизонты с развитой поздней волосовской керамикой.

Такая последовательность в смене культурных комплексов устанавливается стратиграфически на всей территории центра Русской равнины. Эта же закономерность прослеживается и в Прибалтике, где слои с нарвской керамикой сменяются слоями с гребенчато-ямочной керамикой, выше которой залегают близкие волосовским культурные комплексы типа культуры «пшестиня». Эта последовательность в смене культур подтверждается и их новой хронологией (Крайнов, Хотинский, 1977б). Раньше волосовская культура датировалась рубежом III—II тыс. (начало) и до последней четверти II тыс. до н. э. (конец). Теперь же, как мы видели, волосовская культура датируется радиоуглеродным, палинологическим, стратиграфическим, сравнительно-типологическим и другими современными методами началом III, а возможно, и концом IV тыс. до н. э. по конец первой четверти II тыс. до н. э., что противоречит теории происхождения волосовской культуры из Волго-Камья.

Верхневолжскую и волосовскую культуры сближают общие элементы в орнаментике, такие общие признаки, как сквозные отверстия под венчиком сосудов в определенном, одном и том же месте, штриховка на внутренней стороне сосудов в виде расчесов, нанесенных зубчатым штампом, и наличие «пустых» мест на орнаментальном поле.

Следует также указать на преемственность и сходство форм костяных орудий, на присутствие призматических пластинок в «волосовском кладе» (Цветкова, 1957) и в волосовских слоях стоянки Стрелка I (Крайнов, Гадзяцкая, 1967, 1969), на наконечники стрел на пластинках и пластинчатых отщепках, найденных на волосовских поселениях Верхней Волги. Наблюдается совпадение ареалов верхневолжской и волосовской культур и их локальных вариантов. Необходимо также отметить близость керамики верхневолжской культуры с раннеолитической керамикой Нижнего Прикамья, т. е. близость основы, на которой возникли волосовские древности в обоих регионах.

Однако непосредственный переход от верхневолжской культуры к волосовской сомнителен, так как между ними значительный хронологический разрыв; кроме того, в волосовской культуре встречаются элементы, связанные с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Очевидно, кроме верхневолжского основного компонента в происхождении волосовской культуры участвовала и культура с ямочно-гребенчатой керамикой, поздний этап которой имеет сходные с ранневолосовской керамикой элементы. Это прежде всего полужайцевидная форма сосудов с округлым дном и венчики с тенденцией утолщения наружу. Есть близость и в орнаментике: это наличие ромбов, «елочек», рамчатых, гребенчатых, ямчатых и других узоров. Кстати, ранняя волосовская керамика Верхнего Поволжья имеет значительный процент ямочного и ямчатого орнамента.

Кремневая индустрия ранней стадии волосовской культуры идентична индустрии культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Волосовские поселения Верхней Волги и Оки располагаются непосредственно на местах предшествующих неолитических поселений. Наблюдается одинаковое соотношение количества ко-

стей и особей промысловых животных у позднеолитических и волосовских племен, а также приемов охоты и рыбной ловли. Есть преемственность и в искусстве, например в изображениях водоплавающих птиц на ямочно-гребенчатой и волосовской керамике (Сахтыш I, VIII), в скульптурных головках водоплавающих птиц в неолитических и волосовских слоях на стоянках Сахтыш I и др. Наблюдается близость и в формах прямоугольных жилищ в поселениях с балахнинской и льяловской ямочно-гребенчатой керамикой. Существование в волосовских поселениях жилищ овальной и прямоугольной формы указывает на двойственную основу волосовской культуры.

Приведенные факты свидетельствуют, что культуры с ямочно-гребенчатой керамикой стали одним из компонентов волосовской культуры. Очевидно, последняя могла возникнуть только на основе местного гибридного «протоволосовского» этапа позднего неолита, возникшего в результате смешения верхневолжской культуры с культурами ямочно-гребенчатой керамики (льяловская, рязанская, балахнинская и др.). Процесс слияния культур наблюдается в это время и в Прибалтике (нарвская и гребенчато-ямочная) и в Среднем Поволжье (волго-камская и балахнинская); здесь также возникают гибридные культуры, близкие волосовской.

«Протоволосовские» горизонты позднего неолита прослежены на многих многослойных поселениях Верхней Волги (Ивановское VII, Сахтыш I, VIII и др.). Наиболее характерным протоволосовским памятником является торфяниковая стоянка Ивановское VII (Крайнов, 1974, 1975а, 1976а). Здесь в одном слое обнаружена тонкостенная керамика трех типов: 1) с ямочным и ямчатым орнаментом с примесью дресвы или раковины; орнамент двоякий: типичный поздняямочный (фигурный) и ямочный, нанесенный тычковым инструментом; 2) с гребенчатым орнаментом с примесью раковины; 3) со смешанной примесью — дресвы и раковины. Микроскопический анализ этой керамики, произведенный лабораторией ИА АН СССР (Бобринский, Цетлин), позволил установить в ней две культурные традиции: 1) использование в качестве примесей пресноводных моллюсков с дробленой раковиной и 2) крупной дресвы. Присутствие смешанного рецепта указывает на смешение носителей двух традиций. По заключению лаборатории, процесс смешения находился на начальной стадии, так как чистые рецепты значительно преобладают над смешанными.

Над этим «протоволосовским» слоем располагался слой с типичной волосовской керамикой, костяными скульптурами водоплавающих птиц и погребениями. Этот слой является дальнейшим звеном в развитии волосовской культуры.

Таким образом, фактический материал опровергает гипотезу о возникновении волосовских племен только в Прикамье и их миграциях на Оку, Верхнюю Волгу и северо-запад. Очевидно, волосовская культура или общность является результатом дальнейшего развития местных неолитических племен. На Верхней Волге она развивается на основе смешения двух культур — верхневолжской и ямочно-гребенчатой (льяловской) с доминантой первой; на Оке — при смешении верхневолжской и рязанской культур или балахнинской. Вероятно, такая же картина наб-

людается и при возникновении западных и северо-западных волосовских памятников (Репище, Иловец, Бологое, Коломцы, Модлона и др.).

В Волго-Камье и на Средней Волге волосовская культура возникает также на основе смешения двух культур, с доминантой волго-камской. В этом регионе она появляется только там, где наблюдаются контакты ранней волго-камской культуры (близкой верхневолжской) и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Выше по Каме, где нет этих контактов, возникают другие культуры, отличные от волосовской, типа левшинской, турбинской и др.

Что касается большого количества поздних волосовских памятников, выявленных в некоторых регионах (Марийская АССР, Костромское Поволжье и более северные области), то они могли появиться там в результате расселения волосовских племен.

Мы уже отмечали, что некоторые элементы материальной и духовной культуры волосовцы получили из Прибалтики (раковинная примесь в керамике, штриховка внешней поверхности сосудов, каменные кольца, некоторые формы костяных орудий, черешковые топоры и пр.). О тесных связях с прибалтийскими племенами свидетельствует наличие в волосовских памятниках балтийских янтарных украшений и др. Однако нельзя согласиться с авторами, связывающими происхождение волосовской культуры от прибалтийской. Гипотезы ее восточного и западного происхождения опровергаются огромной территорией распространения волосовских поселений и наличием локальных вариантов этой культуры. Уже одно существование огромного ареала волосовской общности опровергает теорию миграции волосовских племен из Прибалтики или Волго-Камья.

Локальные варианты волосовской культуры еще недостаточно изучены. Сейчас пока можно говорить о пяти вариантах: это средневолжский, окский, верхневолжский, западный и северо-западный. Не исключено, что их будет больше. Все названные варианты имеют много общих черт, указывающих на генетическое родство населения.

Таким образом, на огромной территории центра Европейской части СССР исследованиями последних лет выявлены волосовские и близкие к ним памятники, относящиеся к разным вариантам большой волосовской общности. Близкое сходство ее отдельных элементов с одновременными культурами Прибалтики, а также тесные их связи заставляют предполагать родственную близость населения, жившего в III — начале II тыс. до н. э. в центре Русской равнины — от Прибалтики до Волго-Камья.

Установление существования огромного ареала волосовской культурно-исторической общности (близость форм хозяйства, погребального обряда, предметов искусства и пр.) позволяет утверждать, что племена волосовской культуры были тесно связаны между собой не только экономически, но и генетически. От восточных волосовских племен племена Оки и Верхней Волги получали металл, вероятно, в слитках. На стоянках Сахтыш I и II найдены медные вещи, тигли и медные «выплески». Тесные связи и широкий обмен были налажены с западными прибалтийскими племенами, жившими на территориях современной Латвии и Эстонии. Подобные контакты существовали и с соседями на северо-западе и

севере, о чем свидетельствуют находки волосовских фигурных кремней в Беломорье и заимствование с территории Карелии керамической примеси асбеста. О связях с племенами ямной культурно-исторической общности свидетельствует сходство в формах сосудов и орнаментике в контактных зонах.

О тесных контактах племен волосовской территории можно судить по быстрому распространению по всему ареалу новшеств в материальной культуре, хозяйственной деятельности и проявлениях духовной жизни (топоры карельского типа, топоры лепельского типа — круммайзе, каменные кольца, металлические предметы, украшения и т. д.). Не исключено, что имели место и отдельные передвижения волосовских групп внутри волосовской ойкумены.

Расположение волосовских поселений компактными группами внутри локальных вариантов общности указывает, вероятно, на принадлежность их отдельным племенам, а отдельные крупные поселения следует рассматривать как поселки родовых общин.

Первобытнообщинный характер социально-экономической организации волосовцев подтверждается устройством общинных поселков, состоящих из ряда домов, соединенных переходами друг с другом; господством коллективных форм охоты и рыболовства; наличием общих промысловых помещений, больших мастерских по выработке орудий труда; существованием общего культа предков (культ медведя, лося) с совершением обрядов и празднеств.

Очевидно, все взрослые мужчины и женщины участвовали в коллективном охотничье-рыболовческом хозяйстве. Женщины играли главную роль в домашнем хозяйстве, производстве глиняной посуды и пр. Одинаковое положение погребенных в волосовских могильниках свидетельствует об отсутствии какого-либо имущественного неравенства в волосовском коллективе.

Значительная площадь жилищ с несколькими или одним большим очагом указывает, что в нем могла проживать большая семья. Эти семьи, очевидно, составляли родовую волосовскую общину, объединенную кровным родством и общим ведением хозяйства. По мнению А. Я. Брюсова, в больших волосовских жилищах проживало несколько десятков человек, а на поселении обитало несколько сот людей (Брюсов, 1952). Возможно, эти цифры завышены. Скорее ближе к истине И. К. Цветкова, считающая, что волосовское поселение состояло из 50—60 взрослых людей, составлявших род, а несколько поселений, расположенных компактной группой недалеко друг от друга, составляли племя (Цветкова, 1953).

Наличие данных о сложном коллективном хозяйстве у волосовских племен, организованности, широком межплеменном обмене, о столкновениях с враждебными племенами позволяют предполагать у них существование вождей — родовых и племенных.

Установившийся ритуал в погребальном обряде волосовцев (определенное положение, ориентировка погребенных, красная краска, ритуальные кострища, «клады» и т. д.), а также наличие культа медведя и, возможно, других животных (лосихи, куницы), присутствие на поселениях «святилищ» (Крайнов, 1984; Цветкова, 1980) могут служить косвенными доказательствами существования особых хранителей традиций — «шаманов».

Волосовская культурно-историческая общность завершает эпоху энеолита центра Русской равнины. Начавшись в неолите, она продолжает свое развитие в эпоху энеолита и бронзового века. Что же касается хозяйства, то на всем протяжении развития волосовской культуры оно остается охотничье-рыболовческим. Позднее под влиянием фатьяновских и других пришлых скотоводческо-земледельческих племен у волосовцев появляется скотоводство и земледелие.

Дальнейшие судьбы волосовских племен в разных регионах их ареала различны. В центре Русской равнины огромное влияние на их дальнейшее развитие оказали пришлые скотоводческие племена (фатьяновцы, балановцы, абашевцы и др.), а на востоке — турбинско-сейминские племена. На западе, северо-западе, Оке, Верхней Волге и Среднем Поволжье волосовцы не только входили в контакт с фатьяновцами, но и смешивались с ними (Крайнов, 1972б и др.). В некоторых фатьяновских могильниках прослеживались метисные черты, указывающие на это смешение. О тесных контактах волосовцев с фатьяновцами и балановцами свидетельствуют и факты нахождения фатьяновских вещей на волосовских стоянках (Сахтыш I, II, VIII, Рождественский Остров, Торговище и др.) и появление так называемой гибридной керамики (Гурина, 1963; Халиков, 1966б; Бадер, 1970; Крайнов, 1964, 1972б, 1980 и др.).

Появление скотоводческих племен в центре Русской равнины привело в дальнейшем к крупным хозяйственным, культурным и этническим изменениям в истории местных племен. Вероятно, поздние волосовцы растворились или были ассимилированы племенами культуры с сетчатой керамикой, быстро распространившейся почти по всей территории лесной полосы Восточно-Европейской части СССР.

Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры

Территория Прикамья и Вятского края расположена в восточной части Восточно-Европейской равнины, непосредственно примыкая с запада к Уральским горам. Северные и центральные районы этого обширного региона находятся в подзонах средней и южной тайги, а южные — в подзоне хвойно-широколиственных лесов. В приустьевой части р. Камы и далее к югу полоса лесов сменяется лесостепным ландшафтом. Рассматриваемый регион имеет густую речную систему, наиболее крупными реками в которой являются Кама и Вятка.

Первые энеолитические памятники в Прикамье были открыты в 30-е годы Н. А. Прокошевым (Бадер, 1961б, с. 8—9). В послевоенные годы основной вклад в изучение энеолитических древностей Прикамья внесли О. Н. Бадер (1961а, б), В. П. Денисов, Р. С. Габышев (1981, 1982), И. Б. Васильев (1982), А. А. Выборнов (1984). Энеолитические памятники в Вятском крае впервые были открыты в середине 50-х годов В. П. Денисовым. В последующие годы энеолит бассейна р. Вятки изучался С. В. Ошибкиной (1980б), Т. М. Гусенцовой (1980) и Л. А. Наговициным (1980а; 1983).

В настоящее время в Камско-Вятском регионе выделены три археологические культуры эпохи энеолита

(карта № 2): 1) новоильинская, охватывающая оба района; 2) гаринско-борская в Прикамье; 3) юртиковская в Вятском крае. Кроме этого, в Нижнем Прикамье известна небольшая группа энеолитических памятников с накольчатой керамикой.

Периодизация энеолитических культур Прикамья впервые была разработана О. Н. Бадером по материалам среднекамских поселений (Бадер, 1961а, с. 264—271; 1961б, с. 179—196). Исследователь считал, что в Прикамье гаринско-борская культура непосредственно сменяет поздний камский неолит, а новоильинские памятники одновременны поселениям раннего этапа (т. е. гаринским) гаринско-борской культуры. Последнеолитический возраст гаринско-борских памятников убедительно доказывался стратиграфическими и типологическими наблюдениями. Гораздо меньше данных для определения относительной хронологии новоильинской культуры, которая базировалась фактически на материалах поселения Тюремка I (Бадер, 1961а, с. 218—226).

Новые исследования в Нижнем Прикамье и Вятском крае в 60—80-х годах во многом подтвердили выводы О. Н. Бадера, но в то же время позволили внести и некоторые уточнения. Был подтвержден посленеолитический возраст гаринско-борской культуры и впервые выделенной юртиковской. Кроме этого, было установлено, что гаринско-борская и юртиковская культуры одновременны, но занимают разные территории (Ошибкина, 1980, с. 61; Наговицин, 1984, рис. 1). Несколько по-другому стал рассматриваться вопрос о хронологии новоильинской культуры. Благодаря стратиграфическим наблюдениям на поселениях II Татарско-Азибейском, III Русско-Азбейском, IV Кочуровском, Аркуль IV и др. был установлен ее посленеолитический, но догаринско-борский и доюртиковский возраст (Габышев, 1981, с. 24; Васильев, Габышев, 1982, с. 7; Гусенцова, 1980, с. 70—72; Наговицин 1984, с. 114—115).

Таким образом, в настоящее время можно выделить два этапа в развитии энеолита Нижнего Прикамья и Вятского края: ранний и поздний. Ранний этап характеризуют памятники новоильинской культуры, которые известны во всех районах рассматриваемой территории. Поздний этап в Нижнем Прикамье представлен гаринско-борскими поселениями, а в Вятском крае — юртиковскими. Менее ясно положение с периодизацией энеолитических памятников в Среднем Прикамье, где пока нет стратифицированных поселений. Поселение Тюремка I трудно считать таковым, так как оно, видимо, демонстрирует так называемую обратную стратиграфию. Представляется наиболее вероятным, что в Среднем Прикамье, так же как в Нижнем Прикамье, новоильинские памятники отражают ранний этап энеолита, а гаринско-борские — поздний.

Абсолютная хронология энеолита Прикамья и Вятского края разработана пока слабо. В последние годы получена небольшая серия дат по С₁₄ (Наговицин, 1984, с. 116—117):

Поселение новоильинской культуры Среднее Шадбегово I — 3710 ± 40 (1760 \pm 40 до н. э.) ЛЕ-1925 + 1926.

Поселение гаринско-борской культуры Непряха IV (гаринского типа по типологии О. Н. Бадера) — 4420 ± 50 (2740 \pm 50 до н. э.) ЛЕ-1877.

Поселения юртиковской культуры

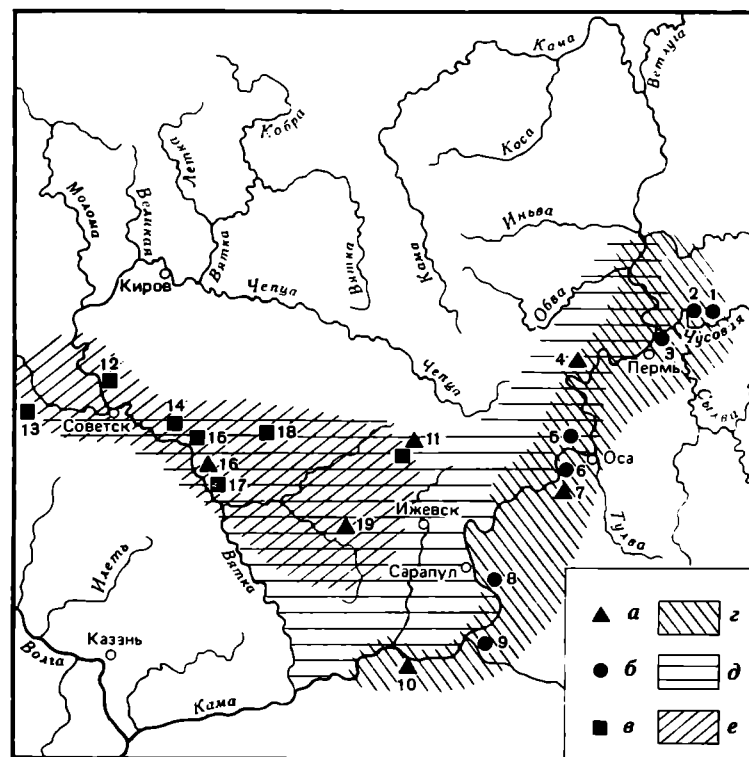
Юртик — ТА-938	3975 ± 80 (2025 ± 80 до н. э.)
ТА-937	3530 ± 60 (1530 ± 60 до н. э.)
Аркуль III — Ле-1447	3750 ± 50 (1800 ± 50 до н. э.)
Чернушка I — Ле-1928	3480 ± 50 (1530 ± 50 до н. э.)
Ле-1931	3460 ± 40 (1510 ± 40 до н. э.)
Ле-1927	2960 ± 40 (1010 ± 40 до н. э.)
Ле-1929	2930 ± 40 (980 ± 40 до н. э.)
Ле-1874	5350 ± 60 (3400 ± 60 до н. э.)
Ле-1875	4990 ± 50 (3040 ± 50 до н. э.)
Ле-1876	6870 ± 70 (4920 ± 70 до н. э.)

Обращает внимание большой разброс дат: от конца V до начала I тыс. до н. э., несоответствие некоторых из них сравнительной стратиграфии поселений и типологии материала. Особенно это касается пятой, шестой и седьмой даты (жилище 6) поселения Чернушка I, в котором найдены обломки тиглей и медных изделий, что никак не позволяет рассматривать этот памятник в качестве ранне- или среднеэнеолитического. Невозможно принять и дату для новоильинского поселения Среднее Шадбегово I, так как она получена по углю из плохо сохранившихся очагов и соответствует позднеюртиковским.

По-видимому, из вышеперечисленных данных можно использовать даты для поселений Непряха IV и Аркуль III, первую дату для Юртика, первую и вторую для Чернушки I, так как они соответствуют представлениям об абсолютной хронологии энеолитических памятников Волго-Камья, выведенных другим путем (Халиков, 1969, с. 155; Черных, 1970, с. 108), и в то же время не противоречат большой серии дат по C₁₄, полученных для волосовских поселений Верхнего Поволжья (Крайнов, 1981). В целом, опираясь на абсолютные даты, юртиковскую и гаринско-борскую культуры можно датировать последней четвертью III — серединой II тыс. до н. э. Возможно, в дальнейшем ранние даты могут быть углублены до середины III (дата для Непряхи IV), а поздние — ближе к началу второй четверти II тыс. до н. э.

Определение абсолютной хронологии новоильинской культуры сейчас затруднено в силу отсутствия дат по C₁₄, в том числе и для памятников волго-камского неолита, за исключением позднеэнеолитического поселения Чумайтло I из бассейна р. Вятки: 4170±90 (2290±90) ЛЕ 1289 (Гусенцова, 1981, с. 115). Представляется, что указанная дата слишком завышена. Возможно, новоильинские памятники существовали в первой половине — середине III тыс. до н. э., если учесть хронологию ранних юртиковских и гаринско-борских древностей, а также примерную датировку позднего неолита Прикамья концом IV тыс. до н. э. (Васильев, 1978, с. 173; Бадер, Выборнов, 1980, с. 129).

О. Н. Бадер и некоторые другие археологи относят гаринско-борскую культуру (турбинскую, по О. Н. Бадеру) к эпохе бронзы. Однако исследованиями Е. Н. Черных доказано, что все гаринско-борские металлические изделия приготовлены из «чистой» меди, а деятельность гаринско-борского металлургического очага протекала в досейменском хронологическом горизонте (Черных, 1970, с. 108), т. е. до сложения металлургии бронзы и культур бронзового века в лесном Волго-Камье. Поэтому представ-

Карта 2. Энеолитические культуры Прикамья и Вятского края

a — памятники новоильинской культуры; *b* — памятники гаринско-борской культуры; *c* — памятники юртиковской культуры; *d* — территория распространения новоильинской культуры; *e* — территория распространения гаринско-борской культуры; *e* — территория распространения юртиковской культуры

1 — Бор I; 2 — Бор II; 3 — Астраханцевское; 4 — III Новоильинское; 5 — Первомайское; 6 — Басенький Борок; 7 — Тюремка I; 8 — Непряха IV; 9 — Сауэ II; 10 — II Татарско-Азиевское; 11 — Среднее Шадбегово I; 12 — Чернушка I; 13 — Худяковское; 14 — Усть-Лудяна II; 15 — Юртик; 16 — Аркуль IV; 17 — Аркуль III; 18 — Лобань I; 19 — IV Кочуровское

ляется более правильным предложение Е. Н. Черных сохранить название турбинская культура за памятниками типа Турбинского могильника бронзового века, а для камских энеолитических поселений употреблять понятие гаринско-борская культура (Черных, 1970, с. 9).

Энеолитические памятники Прикамья и Вятского края представлены в основном поселениями, для которых характерно расположение преимущественно на первой надпойменной террасе или ее останце. Новоильинские поселки чаще размещались на относительно низких местах высотой 1–5 м над поймой, тогда как гаринско-борские и юртиковские занимали и низкие и высокие, иногда до 8–10 и даже 22–24 м над уровнем поймы. Некоторая разница в высотном расположении памятников указывает, очевидно, на неоднородность климатической обстановки и определенные изменения в гидрорежиме рек Камы и Вятки в эпоху энеолита.

Характерной особенностью гаринско-борских и юртиковских поселений в настоящее время является наличие воронковидных или тарелкообразных впадин, оставшихся на месте древних жилищ.

Новоильинская культура. Памятники новоильинской культуры распространены на всей территории Камско-Вятского региона (карта № 2); сейчас их свя-

ше 60. Около 30 поселений раскопаны. Крупные материалы для характеристики культуры получены на поселениях Ново-Ильинское III, Тюремка I, Заюрчим I, II Татарско-Азиебейское, Сауз II в бассейне р. Камы; Кочуровское IV, Среднее Шадбегово I в бассейне р. Вятки.

На поселениях новоильинской культуры изучен ряд жилищ. Они располагались вдоль кромки террас и соединялись друг с другом переходами (Гусенцова, 1980). Все жилища имеют прямоугольную удлиненную форму, длина превышает ширину на несколько метров. Так, жилище на поселении Усть-Паль на р. Каме имело размеры 11×5 м; жилища IV Кочуровского поселения — 13×7,5 м; 18×8 м; Среднего Шадбегово I—9,7×7,4—7,7 м; 7,4×5,2—6,5 м; 6,9×5,1 м. Каждое сооружение было углублено в землю на 0,25—0,65 м. Выходы из жилищ устраивали в виде длинных коридоров, начинающихся от уровня пола и выходящих к поверхности. Длина их в среднем 2—3 м при ширине до 1 м.

Вдоль стен жилищ и по центральной оси зафиксированы ямки от столбов, служивших для укрепления стен и поддержания крыши. Вероятно, стены жилищ складывались из нетолстых бревен, уложенных горизонтально друг на друга и укрепленных вертикально вбитыми столбами с внутренней и наружной стороны. Вверху вертикальные столбы, видимо, чем-то связывались для устойчивости стен. Сверху сооружения перекрывались, возможно, двускатной крышей. Переходы между жилищами также, очевидно, имели перекрытия, чтобы ими можно было пользоваться и в зимнее время.

Новоильинская керамика (рис. 8, 17, 18, 20—23) с примесью шамота, песка и реже — органических остатков изготавливалась ручным способом. Цвет фрагментов сосудов чаще коричневый, красно-коричневый или желтый. По сравнению с неолитом наибольшее распространение получают сосуды со слабооткрытым или прямым горлом. Днища конические, округлые, редко уплощенные или плоские. Края венчиков скошенные внутрь, округлые, приостренные, реже плоские, утолщенные, с напылом изнутри и т. п. Внутренняя поверхность сосудов преимущественно гладкая, но в поздних памятниках возрастает процент керамики, обработанной изнутри гребенчатыми штампами, — 51,5% в Среднем Шадбегово I.

В орнаментации посуды преобладает гребенчатый орнамент, реже использовали ямочный, или гладкие штампы, ногтевидные насечки. В отличие от неолитической посуды орнамент на новоильинской керамике разреженный, а между поясками часто имеются свободные зоны шириной до 2—5 см. Более разнообразной становится и форма гребенчатых штампов. Орнамент расположен горизонтально в виде чередующихся поясков. Различные элементы орнамента образуют одни и те же узоры, а иногда дополняют друг друга. Узоры простые и во многом аналогичны неолитическим: пояса из наклоненных вправо или влево отпечатков, горизонтальных, вертикальных, зигзагообразных и диагональных линий, состоящие из ромбов, треугольников или сетки. Украшались и торцы венчиков, чаще всего гребенчатыми штампами.

Для изготовления каменных орудий использовался кремень преимущественно серого цвета или пестроцветный с общим серым фоном. В технике раскалы-

вания кремня преобладает отщеповая индустрия, но для изготовления ножей, скребков и острий иногда использовались крупные пластины (13,1% орудий в Среднем Шадбегово I). Среди наконечников стрел и копий (рис. 8, 3, 5, 6) доминируют листовидные формы с округлым или приостренным насадом; найдены также ромбические и треугольно-черешковые. У скребков (рис. 8, 9, 13—15) выразительную серию составляют трапециевидные, подквадратные и прямоугольные формы. Отдельные экземпляры имеют выделенные путем подработки справа или слева приостренные уголки. Вероятно, это скребки-резчики. Большинство ножей изготавливали из отщепов и кремневых плиток разнообразных форм. Четкие морфологические признаки имеют ножи (рис. 8, 1, 10, 12,) так называемых фигурных форм: саблевидные, трапециевидные, листовидные и т. п., а также ножи на пластинах. Рубящие орудия делались из сланца и кремня, это тесла, долота, топоры (рис. 8, 8, 16). Кроме этого, представлены отбойники из удлиненных галек, сверла и проколки, скобели; найдено несколько молотов.

По некоторым особенностям керамики в пределах новоильинской культуры можно условно выделить три района: среднекамский, нижнекамский и вятский. Для среднекамского района характерны сосуды с широко открытым горлом, округлыми и плоскосрезанными внутрь венчиками (Бор IV, Тюремка I и др.), хотя есть поселения, где значителен процент посуды прямостенной или закрытой формы (Заюрчим I). Днища округло-конические. Среди узоров присутствует «флажок» и изредка «шагающая гребенка» (Гагары II). На нижнекамских поселениях крупными сериями представлены сосуды с закрытым горлом, с венчиками, скошенными внутрь или округлыми с напылом изнутри (II Татарско-Азиебейское, III Русско-Азиебейское); часть посуды имеет плоские днища (Габяшев, 1982, с. 32). В орнаменте встречаются «флажки» и «шагающая гребенка». В памятниках вятского района наиболее многочисленны прямостенные сосуды — 75—78% в коллекциях; специфичны венчики с пальцевыми защипами (18,4% в IV Кочуровском, 22,1% в Среднем Шадбегово I), что придает им волнистую форму. Полностью отсутствует узор «шагающая гребенка».

В орнаментации среднекамской и вятской керамики чаще, чем в нижнекамской, использовались ямки овальной и округлой формы. Некоторые различия между тремя районами прослеживаются и в типах гребенчатых штампов, использовавшихся для орнаментации посуды.

Внутренняя периодизация новоильинской культуры пока не разработана ввиду отсутствия дат по C_{14} и стратифицированных поселений. Однако по типологии керамики можно предварительно выделить более ранние и поздние памятники. К числу ранних можно отнести Кочуровское IV и Аркуль IV в бассейне р. Вятки; II Татарско-Азиебейское и III Русско-Азиебейское на Нижней Каме; к поздним — Среднее Шадбегово I в бассейне р. Вятки; Бор IV, Тюремка I и другие на Средней Каме; Сауз I—II на Нижней Каме.

По вопросу формирования новоильинской культуры О. Н. Бадером была высказана точка зрения о ее местных истоках (Нижнее Прикамье или Вятский край), но с участием носителей культуры ямочно-

гребенчатой керамики, откуда новоильинцы переселились в Среднее Прикамье (Бадер, 1961а, с. 268—271; 1961б, с. 191, 194—196). Раскопки неолитических и новоильинских памятников в 60—70-е годы во многом подтвердили правильность этой гипотезы (Васильев, Габяшев, 1982, с. 7; Габяшев, 1982, с. 32). Вероятно, процесс формирования новоильинской культуры на основе поздних памятников волго-камского неолита проходил в целом одновременно на территории Прикамья и Вятского края. Пришлое население, изготовлявшее ямочно-гребенчатую керамику, очевидно, не участвовало непосредственно в сложении новоильинской культуры, так как было ассимилировано в местной среде еще в позднем неолите. Сложение энеолитической культуры имело свои особенности в каждом районе, зависящие от окружения и влияния соседей (Васильев, Габяшев, 1982, с. 6—9). Не ясным остается и вопрос о роли неолитических и энеолитических культур, изготовлявших накольчатую керамику, в сложении новоильинской культуры.

Образование новоильинских и красномостовских памятников отражает, видимо, распад волго-камской неолитической культуры и сложение на ее основе локальных вариантов более мелких культур. Дальнейший процесс культурной дифференциации населения отдельных районов приводит к возникновению на территории лесного Волго-Камья новых этнокультурных образований. В Прикамье и Вятском крае на основе вариантов новоильинской культуры складываются гаринско-борская и юртиковская культуры. Ввиду общей подосновы у гаринско-борской и юртиковской культуры возникают сходные черты в жилищах, керамике и каменном инвентаре.

Гаринско-борская культура. Ее ареал включает Среднее и Нижнее Прикамье (см. карту № 2). В настоящее время открыто свыше 120 памятников, около 90 из них исследованы раскопками. Основная заслуга в изучении культуры принадлежит О. Н. Бадеру (1961а, б). Гаринско-борские памятники в Нижнем Прикамье раскапывались преимущественно Р. С. Габяшевым (1981; 1982).

В развитии гаринско-борской культуры О. Н. Бадер выделял два этапа, характеризуемых памятниками гаринского (ранний) и борского (поздний) типа. По мнению исследователя, эти этапы являлись генетически и хронологически преемственными. Однако указанная периодизация имеет условный характер, поскольку целиком разработана на основе типологического сравнительного метода. Прежде всего обращает внимание отсутствие памятников переходного типа, по которым можно было бы проследить смену одного этапа другим. В плане дальнейшей разработки внутренней периодизации гаринско-борской культуры можно проверить возможность сосуществования гаринских и борских памятников, для чего необходимы новые полевые исследования и даты по С₁₄.

В пределах гаринско-борской культуры выделяются три основных локальных варианта: два в Среднем Прикамье — Чусовской и Осинский (Бадер, 1961б, рис. 128) и один в Нижнем Прикамье (Халиков, 1969, с. 148, 159). Памятники среднекамских вариантов близки между собой, различия между ними касаются лишь количественных характеристик материала. Более разнообразен материал нижнекамских поселений, в котором в керамике прослежива-

ется влияние волосовской и других культур (Габяшев, 1982, с. 33—35).

Основными памятниками гаринского типа являются поселения Бор I, Астраханцевское, Выстелишна, Забойное I и др. Гаринские поселки состояли из нескольких жилищ полуземляночного типа, часто соединенных углубленными в землю переходами (Бадер, 1961а, б). Дома чаще всего подквадратной формы, размерами около 8×6 м, пол ниже уровня поверхности на 0,5—1,0 м. Каждое жилище имело один-два коридорообразных входа-выхода. Основу таких полуземлянок составлял сруб, перекрывавшийся двускатной крышей (Бадер, 1964а, с. 153). Очаги в виде простых кострищ размещались на земляном полу вдоль центральной оси жилищ. Иногда на дне полуземлянок устраивали хозяйственные ямы.

Гаринская керамика (рис. 9, 23—27) изготовлена ручным способом путем кругового налепа глиняных лент. В качестве примеси использовались органические остатки. Сосуды имели преимущественно прямые стенки с утолщенными венчиками и округло-коническими или реже плоскими днищами. Современный цвет керамики в основном желто-серый. Наряду с прямостенными распространены сосуды со слабо прикрытым или открытым горлом (Бадер, 1961б, рис. 9—11). Вся посуда в основном крупных размеров, диаметр по венчику 25—40 см и более. Характерным признаком гаринской керамики является также обработка внутренней, а иногда и наружной поверхности гребенчатым штампом. Основными элементами орнамента были гребенчатый и ямочный, реже применялся линейный. Так, на крупнейшем гаринском поселении Бор I в жилище 1 из 134 сосудов гребенчатый орнамент присутствовал на 125 экз. (93%), ямочный — на 46 (34%), линейный — на 7 (5%). Часто на одном сосуде сочетались отпечатки гребенчатых штампов и ямок (Бадер, 1961б, табл. 5, с. 34). Орнамент, как правило, располагался горизонтальными зонами, каждую из которых составлял какой-нибудь один узор. Чаще всего это были пояски из наклонных и горизонтальных линий, «шагающей гребенки», зигзага, которые образовывали на сосудах определенные композиции. Часто орнамент наносили по венчику или изнутри его (80% сосудов в жилище 1 поселения Бор I).

На многих гаринских поселениях найдена керамика с примесью талька. О. Н. Бадер считал, что она попадала в Прикамье из-за Урала (1964а, с. 156). Исследователь установил значительное совпадение прикамских и зауральских узоров (Бадер, 1961б, с. 37).

Каменный инвентарь гаринских поселений довольно разнообразен. Преобладают орудия, изготовленные на отщепах. Среди наконечников стрел (рис. 9, 8, 11—13, 18) наиболее характерны наконечники с усеченным основанием в различных вариантах: подтреугольные, пятиугольные; основания их часто вогнутые, имеют один или два шипа. Распространены также листовидные, миндалевидные, ромбические и другие наконечники. Скрепки (рис. 9, 3, 4, 10) в большинстве своем изготовлены на отщепах разнообразных форм, часто сохраняют желвачную корку на спинке. Лезвия округлые, слабовыпуклые, реже прямые. Большинство ножей (рис. 9, 5—7, 17) из кремневых плиток, у которых ретушировалась одна или

две стороны. Характерными гаринскими ножами являются ножи с расширением на конце в виде «пуговки». Из прочих орудий широко представлены скобели, проколки, сверла, резак, отбойники, рыболовные грузила из галек, молоты.

Весьма разнообразны рубящие орудия (рис. 9, 1, 2), в том числе шлифованные, сделанные из сланца, кремня и других пород камня. Типичными гаринскими являются короткие шлифованные тесла, желобчатые долота, топоры симметричной формы. Найдены шлифовальные плитки, острые шлифованные ножи из сланца и т. п.

Среди гаринских памятников выделяются ранние и поздние. В поздних поселениях типа Выстелишны, Бойцовское III, Тюремка III увеличивается число плоскостной посуды, орнамент становится разреженным и занимает в основном верхнюю половину сосудов; появляются гофрированные венчики и налпные пояски на стенках. В кремневом инвентаре преобладает отщеповая техника раскалывания кремня, ножевидные пластины единичны. Возрастает количество медных изделий.

Поселения борского типа занимают ту же территорию, что и гаринские. Основными памятниками являются Бор II, V, Боровое озеро VI, Бойцовское VI и др. В отличие от гаринских на борских поселках чаще строились длинные жилища с разницей сторон в 3—5 м и более. По своему устройству борские постройки не отличаются от гаринских, за исключением, может быть, наличия ниш в стенках жилищ, как это наблюдалось в некоторых неолитических жилищах этого района. Длинные борские дома, возможно, делились на две половины: мужскую и женскую (Бадер, 19616, с. 105). Наряду с удлиненными возводились и жилища подквадратной формы, а в среднем течении Камы, в районе городов Оханск — Оса, они преобладают.

Керамика борских памятников (рис. 9, 23—27) аналогична гаринской по составу глиняного теста, способу формовки и обработки поверхности сосудов, но имеет некоторые отличия. Прежде всего сосуды борских поселений имеют преимущественно широко открытое горло, округло-конические днища и слегка округлый отогнутый наружу венчик. Много крупных сосудов с диаметром по венчику 25—40 см и более. Венчики, как и в гаринской керамике, чаще толще стенок на 1—5 мм. Орнамент борской керамики во многом близок гаринскому. Преобладает гребенчатый (91,6% в Бор V; 77,5% в Боровом озере VI), реже встречается ямочный (соответственно 13,8 и 20%) и линейный орнамент (8,3 и 9%). Большинство сосудов имеют сплошную, но разреженную орнаментацию от венчика до дна. В узорах преобладают пояски из наклонных, горизонтальных и вертикальных линий, один узор заполняет все поле или комбинируется с другими. Взаимосочетание разных элементов встречается редко. В отличие от гаринской на борской керамике отсутствует узор «шагающая гребенка», но присутствует «флажок», который, по мнению О. Н. Бадера, является типичным борским узором (Бадер, 19616, с. 184—185). Часто украшались и венчики сосудов, но на памятниках ниже устья р. Чусовой этот прием использовался очень редко.

Каменный инвентарь, как и керамика, во многом

сходен с гаринским. Наконечники стрел (рис. 9, 8, 11—13, 18) весьма разнообразны: листовидные, миндалевидные, подтреугольные с усеченным основанием, ромбические, черешковые. Скрепки в основном изготавливались на отщепах случайных форм, хотя имеются округлые и трапециевидные. Для памятников устья р. Чусовой характерны скрепки с плоской подтеской со стороны брюшка. В технике изготовления ножей заметную роль играют крупные пластины, хотя основная масса делалась из отщепов и кремневых плиток. Орудия для обработки дерева представлены разнообразными теслами, топорами и долотами; встречаются плоские плитки из песчаника для шлифовки орудий. Весьма обычны скобели, проколки и сверла, очень многочисленны рыболовные грузила из галек с поперечными желобками.

О. Н. Бадер отмечал, что борские памятники различаются между собой по материалу, что, видимо, указывает на их разновременное существование. В более поздних поселениях увеличивается число сосудов с плоскими днищами, упрощается орнамент, уменьшается процент орудий на пластинах.

Вопрос о сложении гаринско-борской культуры разработан пока не достаточно полно. Представляется несомненным, что она имеет местную основу, но вряд ли формировалась непосредственно на базе камского неолита (Бадер, 19616, с. 181—191). Более вероятно, что ее истоки следует связывать с новоильинской культурой. Некоторые различия между гаринскими и борскими памятниками объясняются, возможно, неоднородностью новоильинских древностей, особенно в Среднем Прикамье. Вероятно, памятники гаринского типа складывались на базе тех новоильинских памятников, которые сохранили большинство характерных черт камского неолита. Памятники же борского типа, кроме местных особенностей, отразили в своем материале значительное наследие традиций ямочно-гребенчатого неолита, перешедших к ним от новоильинской культуры (Бадер, 19616, с. 196).

Юртиковская культура. Территория распространения памятников юртиковской культуры включает бассейн средней и частично нижней Вятки (карта № 2). Сейчас известно уже свыше 40 поселений, на 15 из них проводились раскопки. Основными памятниками являются Юртик (Ошибкина, 1980), Аркуль III, Среднее Шадбегово III, Усть-Лудяна II, Чернушка I (Наговицин, 1983, 1984).

Юртиковские жилища на протяжении всего развития культуры сохраняют прямоугольную близкую к квадрату форму, размеры в среднем 7×7,5—8,5×10 м (Наговицин, 1984, табл. 5). Каждое сооружение имело один—два коридорообразных входа-выхода. Пол жилищ углублялся в землю до 0,4—0,8 м. На многих постройках изучены остатки сгоревших стен, а также дверных проемов и столбовых ям. Спальные места, вероятно, в виде нар-лежанок, находились вдоль стен, не примыкавших к выходам. В некоторых такие места были приподняты над полом (Ошибкина, 1980, с. 40; Наговицин, 1984, с. 113). Очаги-ямы и простые кострища размещались вблизи выходов и по центральной оси жилищ; хозяйственные ямы — у стен, противоположных входам, и около очагов. Представляется, что юртиковские дома по своей конструкции были аналогичны новоильинским. Для предположения о срубной

конструкции стен данных пока мало. На поселениях Юртик, Аркуль III и Чернушка I обнаружены хозяйственные пристройки прямоугольной формы, соединенные с жилищами переходами.

Юртиковская керамика изготовлялась от руки из глины с примесью органических остатков. Современный цвет сосудов желто-коричневый, красно-коричневый, оранжевый. Внутренняя, а иногда и наружная поверхность часто заглаживалась гребенчатым штампом. Основной тип керамики (рис. 10, 25—28) составляют прямостенные сосуды с округлыми или округло-коническими днищами. Венчики преимущественно утолщенные (с плоским или округлым срезом) по сравнению со стенками. Диаметр сосудов чаще 20—36 см.

Орнамент располагается горизонтальными полосами, часто со свободными зонами. Судя по венчикам и стенкам, часть посуды была полностью без узоров. Основным элементом орнамента является гребенчатый (от 75 до 100% сосудов на отдельных поселениях). встречался также ямочный, ногтевидные насечки и гладкие штампы. Разные элементы образуют одни и те же узоры, а иногда и дополняют друг друга. В юртиковской культуре наиболее многочисленны сосуды с композициями из чередующихся поясов наклонных, вертикальных и горизонтальных линий и их взаимосочетаний с зигзагом. Украшались и венчики сосудов, чаще всего гребенчатыми отпечатками.

Каменные орудия юртиковской культуры изготовлялись на отщепках; пластины и орудия из них единичны и найдены только в ранних поселениях. Цвет кремня преимущественно серый и пестроцветный. Для наконечников стрел и копий (рис. 10, 12—16) характерны листовидные формы с округлым или приостренным насадом, ромбические и черешковые встречаются реже. Среди скребков (рис. 10, 2, 5, 8) преобладают подквадратные, трапециевидные и прямоугольные. Ножи (рис. 10, 1, 9, 19) на отщепках, кремневых плитках и гальках имеют самую разнообразную форму: это фигурные ножи, ножи-ложкари и ножи-вспарыватели. Рубящие орудия (рис. 10, 18, 24) включают мелкие и крупные тесла, желобчатые долота, топоры. Найдены также скобели, проколки, сверла, отбойники и рыболовные грузила из галек, ретушеры и т. п.

Юртиковские памятники при общем сходстве имеют некоторое различие в материале, что указывает на их существование в течение длительного времени. Об этом же свидетельствуют даты C_{11} и аналогии с соседними культурами. В развитии юртиковской культуры можно условно выделить два этапа: ранний и поздний (Наговицин, 1983, с. 11; 1984, с. 117—118). К раннему этапу относятся поселения Юртик, Среднее Шадбегово III, Аркуль IV, Тархан I, Курекгурт III; к позднему — Усть-Лудяна II, Аркуль III, Чернушка I, Лобань I и др. Керамика ранних памятников более плотная, с округло-коническими днищами, орнамент заполняет всю поверхность сосудов. В каменном инвентаре еще встречаются орудия на пластинах, преобладают архаичные листовидные наконечники стрел. На позднем этапе посуда становится более хрупкой, значительно увеличивается число плоскодонных сосудов и сосудов без орнамента. В кремневом инвентаре исчезают пластины, среди наконечников стрел возрастает процент черешковых

форм. На позднем этапе в два—три раза увеличивается и число жилищ на поселениях: Аркуль III — 10, Усть-Лудяна II — 22, Чернушка I — 8.

Основываясь на раннеюртиковских материалах, и в первую очередь на керамике, можно предполагать, что юртиковская культура формируется на основе вятского варианта новоильинской культуры, без активных внешних воздействий со стороны соседних культур (Наговицин, 1983, с. 18; 1984, с. 120).

Памятники с накольчатой керамикой. В последние годы в Нижнем Прикамье выявлена еще одна группа энеолитических памятников с так называемой накольчатой керамикой. Число открытых и раскопанных поселений пока незначительно. В настоящее время они известны преимущественно в низовьях рек Белой и Ика (Габяшев, 1982, с. 30—31). На некоторых поселениях проведены раскопки: II Татарско-Азбейском, II Дубово-Гривском, II Саузовском и др. Для этих памятников характерны плотные тонкостенные сосуды баночной и горшковидной формы с плоскими днищами. Расположение орнамента горизонтальное, но встречается и вертикальное. Яркой особенностью керамики является способ нанесения узоров — концом заостренной либо округлой палочки или пластиной. Среди узоров преобладают горизонтальные, наклонные и волнообразные линии, а также треугольники. Часто украшались кромки венчиков и днищ. Каменные орудия изготовлялись как на отщепках, так и на пластинах. На поселениях II Татарско-Азбейском, III Русско-Азбейском зафиксированы остатки металлопроизводства, в том числе обломки тиглей, что доказывает знакомство обитателей с металлом.

Памятники с накольчатой керамикой известны также в Среднем Прикамье (Мельничук, Пономарева, 1984, с. 46, 49) и Вятском крае (Гусенцова, 1981), где они датируются эпохой неолита. Не исключено, что в этих районах будут открыты и энеолитические поселения. Памятники с накольчатой керамикой не связаны с общей линией развития местных культур. Возможно, что население, оставившее эти памятники, продвинулось в Нижнее Прикамье с юга, может быть из лесостепных районов Среднего Поволжья (Габяшев, 1982, с. 31; Васильев, Габяшев, 1982, с. 12) или Зауралья (Выборнов, 1984, с. 12). Дальнейшая судьба коллективов с накольчатой керамикой пока остается неясной. Возможно, они ассимилировались в среде местного населения.

Таким образом, как показывают археологические материалы, в эпоху энеолита население Прикамья и Вятского края продолжало развивать традиционные отрасли хозяйства: охоту и рыболовство. Однако соотношение между ними изменяется, ведущая роль переходит к рыболовству. Изменяется и сам характер рыболовства, которое становится преимущественно сетевым, хотя возникновение последнего относится, видимо, еще к неолитической эпохе. Наличие сетевого рыболовства доказывается многочисленными рыболовными грузилами из галек с поперечными желобками или без них. В рассматриваемом регионе особенно много грузил на поселениях гаринско-борской культуры.

Успешное развитие сетевого рыболовства в этот период могло быть возможным только при трудовых

усилиях значительного коллектива, что также подтверждается археологическими материалами. Многие энеолитические поселения Прикамья и Вятского края состоят из 5—10 и более жилищ, тогда как неолитические стоянки имели всего 2—3 жилища. Таким образом, сетевое рыболовство обеспечивало регулярное поступление пищевых продуктов и создание их запасов на зиму. В связи с этим правомерно мнение М. Ф. Косарева о том, что оседлое рыболовство более сопоставимо с ранним земледельческим типом хозяйства, чем с охотничьим и охотничье-рыболовческим (1981б, с. 140). Наряду с сетевым рыболовством использовались, вероятно, разнообразные ловушки, а также индивидуальные способы ловли рыбы с помощью гарпунов и крючков.

Важное значение сохраняла и охота на диких животных, особенно в осенне-зимнее время. Судя по костным остаткам, основными объектами охоты были лось, северный олень, благородный олень, бобр, кабан, а также мелкие пушные звери (Бадер, 1964б, с. 155; Наговицин, 1983, с. 21). На развитую охоту указывают многочисленные мелкие и крупные наконечники стрел и копий.

Очень сложным является вопрос о времени и масштабах распространения в Прикамье и Вятском крае скотоводства и земледелия. Единичные находки костей домашних животных дают основание предполагать, что гаринско-борское и юртиковское население было уже знакомо с домашними животными (Бадер, 1964б, с. 155; Наговицин, 1980б, с. 117). Достоверных данных о наличии земледелия пока нет.

Первые следы плавки меди и медные изделия появляются в регионе в период существования новоильинской культуры (Бадер, 1961б, с. 190) и культуры с накольчатой керамикой (Габяшев, 1982, с. 33). На втором этапе энеолита металлургическое производство получает дальнейшее развитие. В Прикамье и Вятском крае складываются очаги металлургии (Черных, 1970, с. 108; Кузьминых, 1980, с. 150). В каждом районе выделялись ножи (рис. 10, 21, 23) листовидной формы с узкими черенками, кольца (рис. 10, 22), тонкие проколки, четырехгранные шилья, пластинки и т. п.; широко применялись чашевидные тигли (рис. 10, 20). На камских поселениях найдены также крупное тесло, подвески-лунницы, четырехгранные стержни, копьё (Бадер, 1946б, рис. 120). На юртиковском поселении Худяки обнаружен гарпун, а на Буй II — толстый стержень с заостренным концом. В качестве руды местные металлурги использовали залежи медистых песчаников. Куски такой руды найдены на юртиковском поселении Усть-Лудяна II (Наговицин, 1980, с. 117; Кузьминых, 1980, с. 148).

Большой интерес представляет могильник, открытый недавно В. С. Стоколосом в Нижнем Прикамье (1984). В нем изучено 25 погребений, ориентированных преимущественно по линии СВ-ЮЗ. Могильные ямы небольших размеров и неглубокие. Скелеты умерших почти не сохранились. Основными находками в погребениях были фрагменты или развалы сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом. Найдены также кремневые скребки и отщепы. Судя по керамике (форма сосудов и орнамент), могильник

существовал в самом конце неолита или в начале новоильинской культуры.

К числу гаринско-борских памятников, вероятно, относится «писанный камень» с наскальными рисунками, выполненными красной краской (охрой), найденный на р. Вишере — левом притоке Камы в ее верхнем течении (Генинг, 1954, с. 272—273). То, что гаринско-борское население посещало это место, подтверждают подтреугольные наконечники стрел с усеченным основанием, найденные в культурном слое под скалой (Бадер, 1954, с. 247—250). «Писанный камень», видимо, служил прикамскому населению для отправления каких-то культовых и магических обрядов.

Материалы энеолитических памятников дают свидетельства о связях коллективов Прикамья и Вятского края с населением соседних районов. Наиболее важными были контакты позднеэнеолитического и энеолитического населения со своими южными соседями, населявшими лесостепные районы Южного Предуралья и Среднего Поволжья. Вероятно, под их влиянием нижнекамские коллективы (а затем среднекамские и вятские) впервые знакомятся с металлом и производящими формами хозяйства (Васильев, 1980, с. 7; Васильев, Габяшев, 1982, с. 5—10; Габяшев, 1982, с. 33). Возможно, эти контакты продолжались и на втором этапе энеолита (Васильев, Габяшев, 1982, с. 9).

Весьма интенсивными были, видимо, связи населения Среднего Прикамья и Зауралья, что прослеживается по находкам на поселениях гаринского типа многочисленных зауральских сосудов с примесью талька. Причины и характер этих контактов интерпретируются археологами по-разному (Бадер, 1964, с. 139, 156—158; Матюшин, 1982, с. 269, 292, 297—300).

Определенные связи поддерживались и с населением других областей. Так, отдельные вещи из янтаря на гаринско-борских и юртиковских поселениях указывают на какие-то контакты с Прибалтикой, а керамика с Т- и Г-образными венчиками, отпечатками рамчатых штампов и шнура, намотанного на палочку, — на связи с носителями волосовской культуры Среднего Поволжья.

Эпоха энеолита в Прикамье и Вятском крае охватывала значительный промежуток времени, начиная от первой половины III до середины II тыс. до н. э. И если истоки раннего этапа энеолита можно достаточно уверенно связывать с местным волго-камским неолитом, то финал гаринско-борской и юртиковской культур остается пока не ясным. Трудность изучения этого вопроса связана с тем, что в настоящее время практически неизвестны памятники раннего бронзового века. Отсутствие связующего звена между культурами энеолита и поздней бронзы затрудняет использование ретроспективного метода в разработке такой важной проблемы, как этническая принадлежность носителей местных неолитических и энеолитических культур. Согласно существующим гипотезам, они являлись далекими предками современных финно-угорских народов Прикамья — коми и удмуртов (Бадер, 1972б; Халиков, 1969, с. 370—387).

Глава вторая

Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР

1. Культуры раннего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР

Культуры шнуровой керамики (среднеднепровская, подкарпатская, городокско-здолбицкая, стжижовская)

Во второй половине III — начале II тыс. до н. э. в составе населения Восточной и Средней Европы произошли значительные изменения. Они были вызваны расселением среди местного поздненеолитического населения скотоводческо-земледельческих племен, культуры которых получили название культур шнуровой керамики, кубков, ладьевидных топоров, одиночных погребений, боевых топоров и др. Ранние памятники этих культур обнаруживают значительное сходство в формах и орнаментации глиняной посуды, типах каменных орудий, в погребальном обряде, что позволяет объединять их в культурно-историческую область племен шнуровой керамики, которая занимала в Европе огромную территорию — от Волги на востоке до берегов Рейна на западе и от Южной Скандинавии на севере до Швейцарии, Чехословакии, Поднестровья и Среднего Поднестровья на юге. На территории распространения племен шнуровой керамики в результате включения в их состав местного субстрата возникло более 20 родственных культур и культурных групп с локальными особенностями.

До последнего времени носители культур шнуровой керамики характеризовались как скотоводческие племена с подвижным пастушеским и даже кочевым образом жизни. Новые исследования позволяют говорить о них как об оседлых скотоводах и земледельцах. На поселениях этих племен найдены кости домашних животных и остатки злаков или отпечатки их на глиняной посуде, а также орудия для обработки земли и уборки урожая, свидетельствующие о наличии у них развитого скотоводства и земледелия. В состав домашнего стада входили крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь. Племена шнуровых культур выращивали пшеницу, ячмень, овес, чечевицу и другие злаки. Они жили на сравнительно небольших поселениях в наземных или немного углубленных прямоугольных жилищах столбовой конструкции. Предполагается существование у них и наземных срубных жилищ.

Для племен шнуровой керамики характерны курганные и грунтовые захоронения в скорченном положении, глиняные сосуды эсвидной формы и шаровидные амфоры с короткой шейкой и двумя ручками-ушками в наиболее широкой части тулова, орна-

ментированные отпечатками шнура и нарезными линиями, а также боевые каменные сверленные топоры.

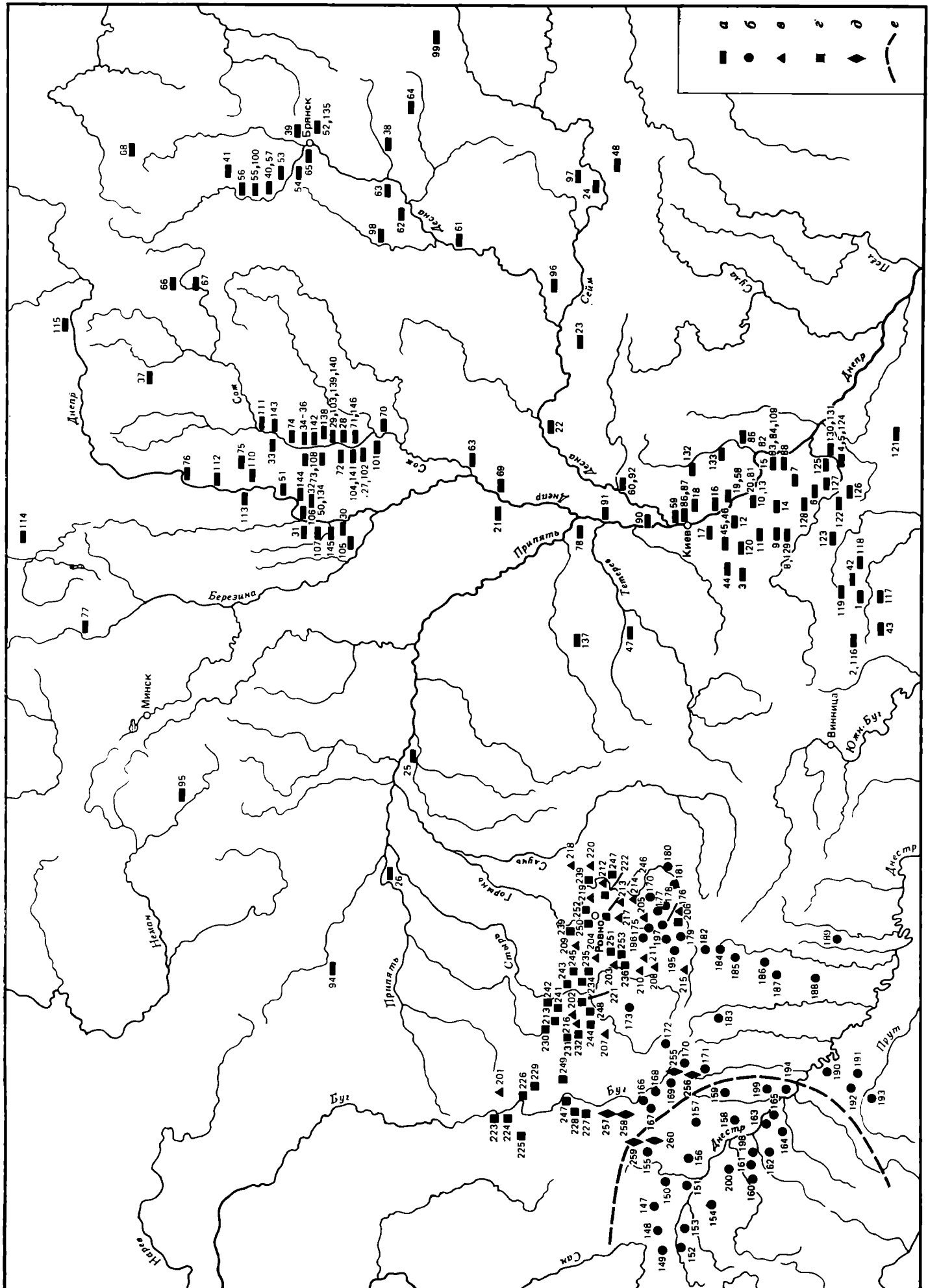
Антропологический состав населения культур шнуровой керамики неоднородный. Выделены средиземноморский антропологический тип, который преобладает, палеоевропеоидный (кроманьонидный), лапоноидный, арменоидный и нордический. Это свидетельствует о сложном процессе формирования племен шнуровых культур.

Происхождение культур шнуровой керамики окончательно не выяснено. Большинство исследователей считают, что культуры племен шнуровой керамики не имели ничего общего с поздненеолитическими культурами Волго-Окского бассейна, Верхнего Поднестровья, Восточной Прибалтики, Южной Скандинавии и Средней Европы. На этих территориях племена шнуровых культур пришлые, они расселились среди местного населения.

Сходство предметов, происходящих из разных мест расселения племен шнуровой керамики, не оставляет сомнений в том, что эти племена имели общего предка (Третьяков П. Н., 1966, с. 70).

Истоки племен культур шнуровой керамики ищут в юго-восточных областях Европы, примыкающих к северному побережью Черного моря (Г. Розенберг, П. Глоб, К. Струве, М. Гимбутас, А. Я. Брюсов, В. Н. Даниленко и др.), в лесостепной зоне Правобережной Украины (И. И. Артеменко, И. К. Свешников, П. Н. Третьяков, С. С. Березанская, Н. Н. Бондарь и др.), в области между Днестром и Вислой (Д. А. Крайнов, Р. Я. Денисова и др.), между Вислой и Рейном (У. Фишер, А. Хойслер, К. Яжджевский и др.).

Существующие абсолютные датировки культур шнуровой керамики (по радиоуглеродному методу) свидетельствуют о том, что распространение этих культур в Европе не было кратковременным. Это не была экспансия или грандиозные походы завоевателей с каменными боевыми топорами. Процесс этот был сложным и долговременным, длившимся несколько столетий. Это было расселение шнуровых племен, охватившее огромную территорию Европы. Эти племена оказали значительное влияние на судьбы местного населения, внесли большой вклад в формирование культур целого ряда народов Европы. Расселение скотоводческо-земледельческих племен указанной историко-культурной общности привело к широкому распространению производящих видов хозяйства в среде местного населения, жившего по традициям присваивающего охотничье-рыболовецкого хозяйства. С появлением на территории Восточной Европы племен шнуровой керамики и боевых топоров начался бронзовый век, приведший к дальнейшим крупным социально-экономическим изменениям в недрах первобытнообщинного строя и появлению новых культур позднего бронзового века.

Среди советских и зарубежных исследователей (археологов и лингвистов) распространено мнение о том, что племена культур шнуrowой керамики сыграли решающую роль в этногенезе славян, балтов и германцев в качестве их общей подосновы. Территория расселения племен культур шнуrowой керамики в более позднее время почти полностью совпадает с областью расселения славян, балтов и германцев.

Среди культур шнуrowой керамики Восточной Европы (карта № 3) исследователи выделяют в Среднем и Верхнем Поднепровье среднеднепровскую культуру, в Прикарпатье и Западной Подолии — подкарпатскую, на Волыни — городокско-здолбицкую и стжижовскую, в Поволжье — фатьяновскую, в Восточной Прибалтике — висло-неманскую (жуцевскую) и эстонскую (ладьевидных топоров).

Среднеднепровская культура. Начиная с середины XIX в. на правом берегу северных районов Среднего Поднепровья и в Подесенье различными исследователями проводились раскопки курганов эпохи бронзы (Самоквасов, Хвойко, Бранденбург, Чуев, Спицын и др.), но они носили случайный характер. В 1914 г.

Карта 3. Распространение памятников культур шнуrowой керамики на территории юго-западной полосы лесов и лесостепей Русской равнины и Карпат

a — среднеднепровской культуры (1—146); *б* — подкарпатской культуры (147—200); *в* — городокско-здолбицкой культуры (201—220); *г* — стжижовской культуры (221—254); *д* — почапского типа (255—258); *е* — граница распространения памятников верхнеднепровской группы подкарпатской культуры

I. Среднеднепровская культура. Ранний этап. Курганы: 1 — Долинка; 2 — Новоселки; 3 — Мокиевка; 4, 5 — Гамарня; Яблоновка, Деревенковец; 6 — Ивановка; 7 — Беркозовка; 8 — Зеленки; 9 — Липовец; 10 — Бурты; 11 — Каргарлык; 12 — Забара; 13 — Грищенцы; 14 — Шандра.

Средний этап. Поселения: 15 — Трахтемиров; 16 — Кийлов; 17 — Новоукраинка; 18 — Вишенки; 19 — Софиевка; 20 — Канев I—V; 21 — Асаревичи; 22 — Золотинки; 23 — Борзна; 24 — Волынцево; 25 — Загоринцы; 26 — Туров; 27 — Юрковичи, уроч. Наддача; 28 — Чечуровка; 29 — пос. Пролетарият; 30 — Малые Роги; 31 — Лучин, уроч. Иванское; 32 — Вороновка, уроч. Гренск; 33 — Гайшин; 34—36 — Дубны; 37 — Мстиславль; 38 — Партизанское; 39 — Брянск, уроч. Куракин Бор; 40 — Бельнец; 41 — Снопоть. Курганы: 42 — Гамарня; 43 — Подвыское; 44 — Красное; 45 — Черняхов; 46 — Стретовка; 47 — Стасева; 48 — Речки; 49 — Горохватка; 50 — Ходосовичи, уроч. Мошка; 51 — Юдичи; 52 — Белье Берега; 53 — Бесец I; 54 — Речица; 55 — Голосок; 56 — Луново; 57 — Бельнец. Грунтовые погребения: 58 — Софиевка; 59 — Красный хутор; 60 — Евминка; 61 — мыс Очкийский; 62 — Телец; 63 — Радутино; 64 — Брасово; 65 — Брянск, уроч. Куракин Бор; 66 — Столпники; 67 — Печкуры; 68 — Шаврички; 69 — Любеч; 70 — Беседки; 71 — Стрелица; 72 — Кокавня; 73 — Вороновка, уроч. Гренск; 74 — Старая Каменка, уроч. Сосновая Грива; 75 — Большая Зимница; 76 — с/х Вейна; 77 — Велятичи.

Поздний этап. Поселения: 78 — Домантово; 79, 80 — Пекари; 81 — Канев; 82 — Трахтемиров; 83, 84 — Зарубицы; 85 — Козипцы; 86, 87 — Бортичи; 88 — Селище V; 89, 90 — Староселье; 91 — Завадовка; 92 — Евминка; 93 — Суслонка; 94 — Погост; 95 — Опечки, уроч. Лысая гора; 96 — Погореловка; 97 — Марьяновка; 98 — Суворово; 99 — Лужки; 100 — Голосок; 101 — Любны; 102 — Юрковичи, уроч. Наддачи; 103 — пос. Пролетарият; 104 — Сябровичи, уроч. Бурьяка; 105 — Солоное; 106 — Лучин, уроч. Борк Семеновский; 107 — Лучин, уроч. Завалье; 108 — Вороновка, уроч. Гренск; 109 — Зарубицы; 110 — Веть; 111 — Славгород, уроч. Ивенская Струга; 112 — Обидовичи; 114 — Кривна; 115 — Катаны, Курганы; 116 — Новоселки; 117 — Корытное; 118 — Шуляки; 119 — Дубровка; 120 — Мокиевка; 121 — Будкивка; 122 — Медвин;

на основе изучения результатов этих исследований В. А. Городцов выделил на правом берегу Среднего Поднепровья приднепровскую культуру эпохи бронзы (1915, с. 165), которую позднее переименовал в среднеднепровскую (1927, с. 610—626).

В 20—30-х годах XX в. было обследовано большое количество памятников этой культуры в бассейнах Днепра, Припяти, Сожа и Десны (Паликарпович, 1928, 1930, 1957а; Лявданский, 1924, 1927, 1928, 1932; Пассек, Латынин, 1928, с. 374—390). В послевоенный период были произведены раскопки и обследование многочисленных памятников (Пассек, 1949, с. 42—48; Воеводский, 1949, с. 22—26; Розенфельдт, 1950, с. 130—140; Кропоткин, 1952, с. 52—66; 1959, с. 103—113). Т. С. Пассек опубликовала обобщающую статью о среднеднепровской культуре (1947, с. 34—51). В последующие годы обследования памятников этой культуры были осуществлены многими исследователями (Березанская, 1961, с. 102—118; Тереножкин, 1965, с. 4—7; Телегин, 1965; Довженок, 1962, с. 9).

Систематические исследования памятников среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья осуществлены И. И. Артеменко (1963а, б;

123 — Хировка; 124 — Деренковец; 125 — Нетеребки; 126 — Гноево; 127 — Ивановка; 128 — Емчиха; 129 — Зеленки; 130 — Гамарня; 131 — Гамарня-Яблоновка; 132 — Поток; 133 — Гречаники; 134 — Ходосовичи (уроч. Палик, Сергеева Грива); 135 — Белье Берега; 136 — Бельнец. Грунтовые погребения: 137 — Моства; 138 — Рудня-Споницкая; 139, 140 — пос. Пролетарият; 141 — Сябровичи (уроч. Липовый Брод); 142 — Городовка; 143 — Клыны; 144 — Ходосовичи (уроч. Хоршово); 145 — Лучин (уроч. Сосонка); 146 — Стрелица.

II. Подкарпатская культура (верхнеднепровская и подольская группа). Курганы: 147 — Баличи; 148 — Стоянцы; 149 — Межинец; 150 — Коропуж; 151 — Камарное; 152 — Кульчицы; 153 — Великая Озимица; 154 — Коловец; 155 — Ракитное; 156 — Красов; 157 — Сирпак; 158 — Колоколин; 159 — Стратин; 160 — Подгорцы; 161 — Лотатники; 162 — Нечивцы; 163 — Крылос; 164 — Комаров; 165 — Викторов; 166 — Убыни; 167 — Вырив; 168 — Новоселки — Лиски; 169 — Русилово; 170 — Ясиновка; 171 — Дусанов; 172 — Высокое; 173 — Хотынь; 174 — Осиповцы (Юсковцы); 175 — Перерослив; 176 — Радзимин; 177 — Шикиринцы; 178 — Корытное; 179 — Плужное; 180 — Сивки; 181 — Изяславль; 182 — Буглив; 183 — Великая Плавуча; 184 — Лисичинцы; 185 — Кликовцы; 186 — Качановка; 187 — Остапово; 188 — Хоростков; 189 — Завадинцы; 190 — Белогорка (Викняны); 191 — Гвоздець; 192 — Пядыки; 193 — Мишин. Грунтовые погребения: 194 — Демьянов; 195 — Тетильково; 196 — Кутянка (Исерпа). Поселения: 197 — Борки; 198 — Корчевка; 199 — Бовшев; 200 — Капское.

III. Городокско-здолбицкая культура. Курганы: 201 — Михайлов; 202 — Одерады; 203 — Мирогоща; 204 — Молодово III; 205 — Вильгир; 206 — Залужье. Грунтовые погребения: 207 — Берестечко; 208 — Липа; 209 — Новоселки; 210 — Мокрое; 211 — Клягинино; 212 — Забороль; 213 — Здолбица; 214 — Стадники; 215 — Верхив; 216 — Городок. Поселения: 217 — Городок; 218 — Майдан-Моквинский; 219 — Зозов I; 220 — Зозов II.

IV. Стжижовская культура. Курганы: 221 — Великий Боратин; 222 — Городок. Грунтовые могильники: 223 — Рацборовицы; 224 — Пиколосы; 225 — Скорохл Малые; 226 — Грудок Надбужный; 227 — Дениска Нове; 228 — Шевина; 229 — Черники; 230 — Валентинов; 231 — Торчин; 232 — Семакки; 233 — Гнедава; 234 — Ставок; 235 — Радив; 236 — Дубно; 237 — Липа; 238 — Пересошница; 239 — Забороль; 240 — Белокриница. Поселения: 241 — Валентинов; 242 — Торчин; 243 — Ставок; 244 — Лопавши; 245 — Муравица; 246 — Зозов II; 247 — Вильхово; 248 — Коршев; 249 — Ромош; 250 — Караевичи; 251 — Озлив; 252 — Великий Олексин; Клады: 253 — Липа; 254 — Стеблевка.

V. Памятники почапского типа: 255 — Почапы; 256 — Звенигород; 257 — Чижиков; 258 — Рипнев

1964а, с. 9—18; 1967, с. 3—135; 1975; 1976а; 1976в), а в Среднем Поднепровье — Н. Н. Бондарем (1974).

Памятники среднеднепровской культуры в настоящее время известны на обширной территории Среднего и Верхнего Поднепровья, включающей современную Черкасскую, Киевскую, Житомирскую, Черниговскую и часть Сумской области Украинской ССР; Гомельскую, Могилевскую и часть Минской и Витебской областей Белорусской ССР; Смоленскую, Брянскую и часть Калужской и Орловской областей РСФСР (карта № 3).

Среднеднепровская культура представлена поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, а также отдельными находками каменных, кремневых и металлических (бронзовых) изделий.

Поселения известны в 209 пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья. На 27 из них производились раскопки, а многие прошурфованы. Расположены они в пойме реки на песчаных возвышенностях, на мысах боровой или надпойменной террасы, а также на высоких мысах. Площадь поселения от 2 до 3,5 тыс. кв. м. На поселениях (Ксендзова гора, Завалье, Исковщина, Козинцы и др.) обнаружены остатки наземных жилищ столбовой конструкции с очажными ямами или каменными очагами внутри. Форма и размеры жилищ прослежены на поселении Исковщина. Здесь исследованы четыре наземных жилища прямоугольной формы длиной 5—6 м, шириной 4—5 м, ориентированных по длинной оси с севера на юг. В жилищах и за их пределами обнаружены хозяйственные ямы.

Могильники среднеднепровской культуры, курганные и грунтовые, с труположением и трупосожжением, исследованы в 93 пунктах. Среди курганных могильников наиболее крупными являются Бельнецкий (24 кургана) и Луневский (20 курганов), а среди грунтовых — Стрелица (94 погребения) и Сябровици (132 погребения), исследованные И. И. Артеменко.

На поселениях и в погребениях среднеднепровской культуры найден разнообразный вещественный материал: глиняная посуда, бронзовые предметы, кремневые и каменные орудия труда и оружие, различные украшения и др.

На обширной территории распространения среднеднепровской культуры памятники ее не одновременны. А. Эуропеус высказал предположение, что на правобережье Среднего Поднепровья глиняные сосуды из Стретовского кургана являются более ранними, чем из курганов гатнинского типа (Åugärää, 1933, s. 124 и сл.).

Т. С. Пассек разделила памятники среднеднепровской культуры на территории Среднего Поднепровья на два хронологических этапа: стретовский (ранний) и гатнинский (поздний). На территории Верхнего Поднепровья она выделила днепродеснинскую группу памятников и высказала предположение, что в ней имеются и более ранние, и более поздние памятники, соответствующие курганам типа Стретовки и типа Гатного (1947, с. 35—48).

И. И. Артеменко выделяет в среднеднепровской культуре три хронологических этапа: ранний, средний и поздний. Кроме того, среди памятников среднего этапа представляется возможным выделить более ранние и более поздние комплексы, соответствующие началу и концу этого этапа.

Памятники раннего этапа (рис. 11). Эти памятники

(Артеменко, 1963а, с. 38—48) известны на сравнительно небольшой территории правобережья Среднего Поднепровья (карта № 3). Они представлены только немногочисленными подкурганными захоронениями, исследованными Д. Я. Самоквасовым, Н. Е. Бранденбургом и А. Быдловским в 14 пунктах. Курганы расположены обычно на плато или на берегу реки в одиночку или небольшими группами. Высота их от 0,5 до 2,5 м, диаметр 12—30 м. Как правило, для захоронения умерших среднеднепровцы использовали курганы, насыпанные над погребениями среднеднепровского варианта ямной культуры. Могильные ямы прямоугольной формы длиной 1,8—2,2 м, шириной 1—2 м, глубиной до 1,5 м, перекрывались деревом. На дне могил прослежены следы дерева и остатки подстилки из камыша или бересты. Иногда встречается красная краска (Долинка, курган 28; Забара, погребение 2, курган 322).

Погребальный инвентарь раннего этапа сравнительно беден. Он состоит из ромбовидных и обушковых каменных сверленных топоров и глиняных сосудов (рис. 11). Обычно в погребении находится один сосуд или топор, но в некоторых (Забара, курган 2; Рыжановка) обнаружены глиняный сосуд и топор или три сосуда (Зеленки, курган 310, погребение 12).

Сосуды изготовлены из недостаточно перемешанной и отмученной глины с примесью в тесте песка и шамота. На внутренней, а иногда и на наружной поверхности имеются следы тонкой штриховки. Обжиг неравномерный. Для раннего этапа характерны сосуды со сравнительно высокой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, шаровидным или округлым туловом и круглым или уплощенным дном (Зеленки, курган 220, погребение 6; Забара, курган 322, погребение 2, курган 413, погребение 3; Берковка, курган 380, погребения 1 и 2; Бурты, курган 288, погребение 7 и др.). Встречаются также плоскодонные сосуды с выпуклым туловом и прямой или слегка отогнутой наружу шейкой (Зеленки, курган 220, погребение 3; курган 310, погребение 12), сосуды эсвидной формы (Зеленки, курган 343, погребение 4). Сосуды раннего этапа орнаментированы лишь в верхней части простым однозонным или двухзонным орнаментом из отпечатков шнура и линейного штампа, короткими насечками, прочерченными линиями, образующими горизонтальные ряды, «елочку», зигзаг и треугольники с опущенной вниз вершиной.

Памятники среднего этапа (рис. 12). На среднем этапе территория среднеднепровской культуры значительно увеличилась (карта № 3). Среднеднепровские племена расселились с правобережья на левобережье Среднего Поднепровья и в Верхнее Поднепровье на территории поздне трипольских племен софиевской группы, неолитических племен верхнеднепровской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики, а также, вероятно, на часть территории племен культуры шаровидных амфор Восточной Волинии.

Памятники среднего этапа представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками. Поселения известны в 47 пунктах, на шести из них производились раскопки. Они расположены в пойме реки на песчаных возвышенностях и по краю надпойменной или боровой террасы, а иногда и на высоких участках коренного берега (Иванское, Се-

лице III). Площадь поселений от 1 до 3,5 тыс. кв. м. Исследованы остатки наземных жилищ столбовой конструкции с выложенными из камней очагами или с очажными ямами (Ксендзова гора).

Кремневые и каменные орудия (рис. 12, 1—3; 13, 14, 16, 19) представлены скребками, ножами, скреблами, клиновидными топорами, наконечниками стрел и копий, обломками каменных сверленных топоров, зернотерок, отбойниками и др.

Керамика (рис. 12, 22—35) двух видов — кухонная и столовая. К первой группе относятся большие плоскодонные сосуды с выпуклым туловом и прямой отогнутой наружу шейкой. Тесто сильно запесоченное с примесью кварца. Сосуды украшены только в верхней части отпечатками шнура, линейного и зубчатого штампа, штампа (палочки), обмотанного ниткой или тонким шнуром, нарезными линиями, образующими елочные композиции, пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, горизонтальные и диагональные ряды. Кухонная посуда среднего этапа встречается только на поселениях. Вторая группа представлена тонкостенными сосудами с высокой прямой отогнутой наружу шейкой, уплощенным или плоским дном, сосудами баночной и эсовидной формы. По-видимому, во второй половине среднего этапа появляются сосуды колоколовидной формы. Тесто плотное, с небольшой примесью песка. Орнамент расположен по шейке или до половины высоты сосуда. Он состоит из нарезных и прочерченных линий, коротких насечек, отпечатков шнура и линейного штампа, образующих горизонтальные ряды, елочные композиции и пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников. Сосуды первой половины среднего этапа украшены одно- или двухзонным орнаментом, а второй половины — многозонным. Сосуды второй группы встречаются на поселениях и в погребениях. В количественном отношении на поселениях преобладает кухонная посуда.

В отличие от раннего этапа средний этап среднеднепровской культуры характеризуется разнообразием погребального обряда — это курганные и грунтовые могильники с труположением и трупосожжением. Курганные погребения исследованы в 20 пунктах, где раскопано 70 курганов, содержащих 112 погребений (Долинка, Зеленки, Стретовка, Бельнец, Лунево, Ходосовичи и др.). Высота курганов от 0,45 до 3 м, диаметр от 8 до 30 м. Первоначальная насыпь курганов окружалась ровиком или деревянной оградой. Под насыпью на древней поверхности обнаружены кострища. Могильные ямы овальной или прямоугольной формы перекрывались деревянным накатом. Над некоторыми погребениями (Ходосовичи, Бельнец, Речки и др.) прослежены остатки деревянных сооружений — навесов или оград. На дне могил обычна подсыпка из золы, встречается охра, остатки дерева, подстилка из камыша или бересты. В погребениях с труположением умерших хоронили на боку в скорченном положении, но встречаются и погребения на спине в вытянутом положении (Гатное, курган 6; Долинка, курган 60). В начале среднего этапа преобладает ориентировка могильных ям по линии восток—запад, а в конце его — по линии север—юг. Для подкурганных погребений с трупосожжением (Речица, Стретовка, Бельнец и др.) характерны такие же

размеры курганов, форма и размеры могильных ям, как и при труположении. Сожжение производилось на стороне, а в могилу ссыпались пережженные кости, часто смешанные с золой.

На среднем этапе появляется и получает распространение новый погребальный обряд — захоронение умерших в грунтовых могильниках с труположением и трупосожжением. Они известны в 27 пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья. Грунтовые погребения с труположением (Брасово, Телец, Партизанское, Столпники, Печкуры, Велятичи, Куракин Бор, Большая Зимница и др.) находятся в могильных ямах, перекрытых деревянным накатом. Известны захоронения на боку (Большая Зимница) и на спине (Брасово), в скорченном положении. Грунтовые погребения с трупосожжением (Стрелица, Сябровичи, Мыс Очкинский, Радутино, Евминки и др.) также находились в могильных ямах такой же формы и размеров, как и при труположении. Сожжение производилось на стороне, а в могилу ссыпали остатки от кремации, часто вместе с золой. Ориентировка могильных ям такая же, как и для погребений под курганными насыпями. В могильниках Стрелица и Сябровичи вокруг некоторых могил прослежены ровики с ямами от столбов — остатки ограды.

В погребениях найден разнообразный инвентарь: кремневые, каменные и бронзовые орудия труда и оружие, украшения, глиняная посуда. Посуда разделяется на три основных типа: горшки, амфоры и кубки (или бокалы). Горшки с высокой или короткой отогнутой наружу шейкой, округлым или яйцевидным туловом и округлым или уплощенным дном; горшки эсовидной формы с уплощенным или плоским дном. Они украшены только в верхней части отпечатками шнура, линейного штампа, прочерченными линиями, образующими горизонтальные ряды, елочные композиции, пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников и из треугольников с опущенной вниз вершиной. Амфоры и близкие к ним по форме сосуды (Гришенцы, Речица, Лунево) с биконическим или вытянуто-округлым туловом, короткой отогнутой шейкой и с двумя плоскими ручками, расположенными на наиболее выпуклой части тулова, украшены мелкими углублениями и прочерченными линиями, образующими вертикальные группы, окаймленные насечками или углублениями. Кубки (или бокалы) представляют собой небольшие сосуды с высокой шейкой и округлым туловом, нередко цилиндрической и колоколовидной формы, круглодонные и плоскодонные, украшены только в верхней части таким же орнаментом, как и горшки.

Металлические изделия представлены медными вислообушным и втульчатым топорами, наконечником копья, шильями, ножами, очковидными привесками и височными кольцами (Ходосовичи). За исключением одного шила из прикарпатского металла (Ходосовичи, курган 10, погребение 2), все они изготовлены из металла кавказского происхождения.

Среди кремневых орудий имеются ножи, наконечники стрел, копий, дротиков, клиновидные топоры, иногда скребки. В памятниках Поднепровья преобладают наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании, в памятниках Подесенья — треугольной формы с черешком, а в памятниках По-

сожъя оба типа встречаются примерно в одинаковом количестве. Клиновидные полированные топоры представлены восемью типами (по классификации Д. А. Крайнова): прямоугольные в сечении толстообушковые трапецевидной и прямоугольной формы, среднеобушковые также подпрямоугольной и трапецевидной формы; среднеобушковые, тонкообушковые и узкообушковые прямоугольной, трапецевидной и треугольной формы, линзовидные, овальные и трапецевидные в поперечном сечении.

Изделия из камня: сверленные и клиновидные топоры, булава, полировальные плиты, наковальни, мотыги, зернотерки, грузила. Среди многочисленных каменных сверленных топоров представлены только девять типов (по классификации Д. А. Крайнова): клиновидные, молотковидные, среднеобушковые, длиннообушковые, узкообушковые, обушковые усеченно-конические, коротколопастные, длиннолопастные и втульчатые. Коротко- и длиннолопастные топоры встречаются только в памятниках среднего этапа среднеднепровской культуры.

Изделия из кости и янтаря немногочисленны: найдены молотковидные булавки, ожерелья из волчьих и оленьих зубов, костяные цилиндрические бусы и пронизи, янтарные подвески.

Памятники позднего этапа (рис. 13). На позднем этапе территория среднеднепровских племен еще более увеличилась (карта № 3). Поселения и могильники этого времени появились на берегах Сейма, в верховьях Оки, на левобережье Западной Двины в Витебской области, в верховьях Немана и на р. Скема в Минской области. Поселения известны в 160 пунктах, на 21 из них произведены раскопки. Они расположены на высоких мысах, а также на песчаных возвышенностях, в пойме реки и на надпойменной или боровой террасе. Преобладают поселения площадью 2500—3000 кв. м. На них обнаружены остатки наземных жилищ столбовой конструкции площадью от 9,0 до 44 кв. м и хозяйственные ямы (Исковщина, Завалье). На поселении Селище II стены жилищ были сплетены из прутьев и обмазаны толстым слоем глины. Найдено большое количество фрагментов керамики, костей животных, кремневых, каменных и костяных орудий, глиняные пряслица.

Племена позднего этапа среднеднепровской культуры погребали умерших, как и на среднем этапе, в курганных и грунтовых могильниках по обряду труположения и трупосожжения. Погребения под курганами с труположением аналогичны погребениям среднего этапа. Они исследованы в 27 пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья. Раскопано около 40 курганов, в которых обнаружено более 50 погребений. Умерших погребали на боку в скорченном положении с разнообразной ориентировкой. Погребения под курганами с трупосожжением известны только в двух пунктах—в пос. Белые Берега и в Бельнецком могильнике (курган 10, погребения 3 и 4). Размеры могильных ям такие же, как и при труположении. Могилы ориентированы с востока на запад и с северо-востока на юго-запад. Грунтовые погребения с труположением (Стрелица, Рудня, Спонцкая, Городовка, Моства, Партизанское) исследованы только в Верхнем Поднепровье. Грунтовые погребения с трупосожжением также известны пока

только в Верхнем Поднепровье (Сосонка, Пролетариат, Хоршово, Стрелица, Сябровичи, Яново II). Захоронения совершались в могильных ямах, ориентированных с востока на запад и с юго-запада на северо-восток, как и на среднем этапе. В курганных и грунтовых погребениях с труположением и трупосожжением позднего этапа погребальный инвентарь однообразный, что свидетельствует об их одновременности.

Среди посуды (рис. 13, 20—34) кухонная посуда встречается только на поселениях. К ней относятся плоскодонные горшки различной формы и величины, изготовленные из глины с большой примесью песка и мелкого кварца. Среди них имеются сосуды с высокой и короткой отогнутой шейкой и выпуклым туловом, эсовидной и биконической формы. Под краем венчика многих сосудов имеется утолщение-воротничок. Они орнаментированы в верхней части или по всей поверхности отпечатками шнура, линейного, иногда зубчатого штампа, насечками, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, а также отпечатками штампа, обмотанного тонким шнуром или ниткой, образующими горизонтальные ряды или пояса, треугольные, диагональные и елочные композиции, а также другие узоры.

Столовая посуда встречается на поселениях и в погребениях. Она разделяется на две группы. К первой относятся плоскодонные, иногда круглодонные сосуды (горшки, амфоры, кубки или бокалы), которые по технологии изготовления и форме близки к сосудам из погребений среднего этапа и продолжают их развитие. Вторая группа по форме и технологии изготовления отличается от сосудов первой группы. Вся она плоскодонная, хорошо обожжена, в тесте незначительная примесь песка. Среди них выделяются горшки, банки и чаши. Горшки эсовидной формы и с загнутыми внутрь в верхней части стенками, а также с высоко расположенными плечиками, отогнутым венчиком и небольшим плоским дном. Некоторые из них близки по форме к поздненеолитическим сосудам и сосудам сосницкой культуры. Сосуды баночной формы плоскодонные, со слегка выпуклыми расширяющимися кверху стенками. Чаши плоскодонные и круглодонные, с расширяющимися кверху прямыми или слегка выпуклыми стенками. Большая часть сосудов этой группы орнаментирована по всей поверхности и по дну отпечатками шнура, линейного штампа, короткими насечками, образующими горизонтальные ряды, зигзаг, елочные композиции.

Металлические изделия (рис. 13, 10—13, 17, 18) из погребений позднего этапа найдены в курганах близ с. Ходосовичи, в погребении у пос. Пролетариат и в погребениях могильника Стрелица. Они представлены медными шильями, ножами, наконечником копья, диадемами, гривнами, браслетами, трубчатыми пронизками и височными кольцами. Основная часть их изготовлена из металла балкано-карпатского происхождения, а шило из погребения 53 могильника Стрелица—кавказского происхождения. Нож из погребения 1 кургана 12 в уроч. Мошка и браслет из погребения 88 могильника Сябровичи изготовлены из сплава меди с оловом. К позднему этапу относятся также клад медных украшений, найденный в Киеве.

Кремневые изделия (рис. 13, 1—6, 14, 15) в погребениях позднего этапа представлены таким же набором орудий, как и в погребениях среднего этапа. Клиновидные топоры пяти типов. Преобладают тонкообушковые топоры трапециевидной, подтреугольной, подпрямоугольной формы, прямоугольные, овальные и линзовидные в сечении.

Изделия из камня (рис. 13, 9, 16, 19) немногочисленны. Это отбойники, терочники, песчаниковые формочки и сверленные топоры. Последние представлены только двумя типами — длиннообушковым и усеченно-коническим.

Украшения из янтаря (рис. 13, 8) представлены подвесками, найденными в погребении 43 могильника Стрелица и в погребении 1 близ пос. Пролетариат.

Этапы развития среднеднепровской культуры позволяют определить район ее формирования (правобережье Среднего Поднепровья) и проследить процесс расселения среднеднепровских племен. Вначале среднеднепровские племена продвинулись с правобережья Среднего Поднепровья на север и на левобережье, на территорию позднетрипольских племен софиевской группы, затем по берегам Десны и Нижней Припяти, Сожа, и лишь во второй половине среднего этапа они освоили берега Верхнего Днепра. Памятники второй половины среднего этапа известны уже на всей территории Среднего и Верхнего Поднепровья, что свидетельствует о завершении этого процесса*.

С расселением среднеднепровских племен в Верхнем Поднепровье начался процесс культурной и этнической ассимиляции позднеолитического населения, который завершился, по-видимому, к концу среднего этапа. В материальной культуре позднего этапа отразился результат ассимиляции среднеднепровскими племенами местного населения. Особенно отчетливо это прослеживается в формах и орнаментации керамики (вторая группа столовой посуды).

Хронологические границы среднеднепровской культуры определяются XXVI—XV вв. до н. э. Ранний этап датируется XXVI—XXIV вв. до н. э. Он был, вероятно, одновременен второй группе древнеямных погребений среднеднепровского варианта (на боку в скорченном положении), позднетрипольским памятникам софиевской группы, раннему этапу верхнеднепровской группы подкарпатской культуры, неолитическим памятникам Верхнего Поднепровья.

Средний этап датируется XXIV—XVIII вв. до н. э. Он также был частично одновременен позднетрипольским памятникам софиевской группы и волынской группе культуры шаровидных амфор, второму этапу верхнеднепровской и раннему этапу подольской группы и любачевской группе подкарпатской культуры, городокскому и частично здолбицкому этапам городокско-здолбицкой культуры. На поселениях и в жилищах городокского этапа найдены фрагменты керамики среднего этапа среднеднепровской куль-

туры. В курганах могильника Лунево встречены обломки керамики культуры шаровидных амфор. В ранних памятниках московско-клязьминской группы фатьяновской культуры найдены глиняные сосуды, близкие по форме и орнаменту к сосудам первой половины среднего этапа среднеднепровской культуры. В памятниках обеих культур найдены также аналогичные кремневые наконечники стрел и копий, кремневые клиновидные и каменные сверленные топоры, свидетельствующие о синхронности этих культур и, вероятно, об участии среднеднепровской культуры в сложении фатьяновской культуры. Во второй половине III тыс. до н. э. среднеднепровские племена были соседями на юге древнеямных племен, а в первой половине II тыс. до н. э. — племен катакомбной культуры, через которых они получали с Кавказа бронзовые изделия, и, вероятно, слитки металла. Кроме того, на среднем этапе среднеднепровские племена сосуществовали с позднеолитическими племенами верхнеднепровской (рогачевской) культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Поздний этап среднеднепровской культуры датируется XVIII—XV вв. до н. э. Он был одновременен третьему этапу верхнеднепровской группы и позднему этапу подольской группы подкарпатской культуры, частично одновременен здолбицкому этапу городокско-здолбицкой культуры. В жилище II на поселении Зозов I здолбицкого этапа найден фрагмент сосуда позднего этапа среднеднепровской культуры. О синхронности позднего этапа со стжижовской и межановицкой культурами, а также с нитрянской группой Словакии второй четверти II тыс. до н. э. свидетельствуют находки в этих культурах египетских фаянсовых многосегментных бус и бронзовых иволистных подвесок. Поздний этап среднеднепровской культуры был одновременен также фатьяновской культуре и культуре многоваликовой керамики.

Развитие среднеднепровской культуры прекратилось, вероятно, в середине II тыс. до н. э., когда на ее территории сложилась сосницкая культура, а в район Каневщины на какое-то время продвинулось население культуры многоваликовой керамики.

По вопросу происхождения среднеднепровской культуры существуют различные противоречивые гипотезы. Одни исследователи связывают ее с пришлыми племенами одной из средневропейских культур (Городцов, 1927), другие — с пришлыми с запада племенами культуры шнуровой керамики (Мерперт, 1968, с. 63, 70—75), третьи — с трипольской (Пасек, 1947, с. 50), четвертые — с древнеямной степной (Даниленко, 1955, с. 128; Киселев, 1965, с. 41) или лесостепной культурой (Артеменко, 1963а, б); пятые исследователи связывают ее сложение с неолитическими племенами (Брюсов, 1952, с. 240), днепро-днепровской культурой (Третьяков П. Н., 1966, с. 77), среднеднепровской культурой (Телегин, 1973, с. 157).

Некоторые исследователи считают, что в сложении среднеднепровской культуры участвовало несколько местных культур: древнеямная и позднетрипольская (Березанская, 1975, с. 81—82), среднеднепровская, позднетрипольская и позднеолитическая (днепро-днепровская) культуры (Бондарь, 1975, с. 82—84). И. И. Артеменко предполагает, что среднеднепровская культура сложилась на правобережье Среднего Поднепровья на местной основе в результате

* Расселение среднеднепровских племен началось, по-видимому, во второй половине III тыс. до н. э. Это подтверждается датой по C₁₄—2350±50 лет до н. э. (погр. 1 кургана 5 Бельнецкого могильника с погребальным инвентарем среднего этапа).

сложного процесса, в котором могли участвовать не только древнеямная (как он считал ранее), но также среднестоговская и позднетрипольская (этапа С 1) культуры. Степень участия каждой из них пока трудно определить, так как ранний этап среднеднепровской культуры в настоящее время представлен только погребальными памятниками.

Об участии среднеднепровского (лесостепного) варианта древнеямной культуры в сложении среднеднепровской культуры свидетельствует сходство их погребального обряда. Для древнеямной и среднеднепровской культур характерны захоронения под курганными насыпями, в могильных ямах, перекрытых деревом, наличие красной краски (охры), золы и углей в могилах, обычай окружать первоначальную насыпь кургана ровиком. В конце первой и начале второй половины III тыс. до н. э. вышеперечисленные черты погребального обряда в Поднепровье были характерны только для древнеямной культуры. В позднетрипольской, среднестоговской (кроме красной краски) и других соседних культурах они отсутствовали.

Близость древнеямной и среднеднепровской культур прослеживается и в орнаментации керамики. Орнаментальный мотив на керамике среднеднепровской культуры состоит из отпечатков шнура, образующих горизонтальные ряды и треугольники с опущенной вниз вершиной, что находит аналогии прежде всего в керамике древнеямной культуры. Что же касается формы сосудов раннего этапа среднеднепровской культуры — широкогорлых круглодонных сосудов типа Бурты—Зеленки, возможно, прав Д. Я. Телегин, который считает, что прототипом их послужили высокогорлые остродонные сосуды дериевского типа среднестоговской культуры. Переживание среднестоговских традиций прослеживается и в керамике среднего этапа среднеднепровской культуры. Это прежде всего относится к высокошейным круглодонным сосудам и круглодонным кубкам с почти прямыми стенками и перехватом (углубленным пояском) в верхней трети или посередине высоты сосуда, аналогии которым имеются в остродонных сосудах среднестоговской культуры.

Об участии позднетрипольской культуры (этапа С1) правобережья Среднего Поднепровья в сложении среднеднепровской культуры свидетельствует положение погребенных раннего этапа среднеднепровской культуры на спине в вытянутом положении, характерное для позднетрипольской культуры этапа С1 (Чапаевский могильник). В некоторых формах и орнаментации керамики раннего и среднего этапов среднеднепровской культуры также прослеживается сходство с позднетрипольской керамикой этапа С1. В частности, система орнаментации среднеднепровской керамики из групп вертикальных и горизонтальных нарезных линий, окаймленных мелкими углублениями или насечками, близка к орнаментации сосудов этапа С1 трипольской культуры (Коломийщина I, Чапаевка и др.) Однако для окончательного решения вопроса о происхождении среднеднепровской культуры данных еще недостаточно.

Многие исследователи отмечают значительную роль племен среднеднепровской культуры в древней истории лесной полосы Восточной Европы. Существует мнение, что среднеднепровская культура при-

мала участие в формировании прибалтийских (висло-неманской, эстонской) и фатьяновской культур. В частности, Х. А. Моора предполагает, что с верховьев Днепра среднеднепровская культура распространилась на запад и северо-запад в Прибалтику, на север, вплоть до Приильменя, и, вероятно, также на восток, в Волго-Клязьминское междуречье (Моора, 1963, с. 15). Л. Килиан, отмечая наличие в висло-неманской (жуцевской) культуре приднепровских элементов, объясняет появление их результатом меновых сношений. И. И. Артеменко отмечает, что в висло-неманской культуре имеются сосуды, близкие по форме и особенно характеру орнамента к сосудам конца среднего и позднего этапов среднеднепровской культуры. Однако, степень участия среднеднепровской культуры в сложении висло-неманской культуры и культуры ладьевидных топоров Восточной Прибалтики еще предстоит выяснить, так как памятники этого времени в междуречье Верхнего Днепра и Немана, а также в Прибалтике еще недостаточно исследованы и связующие звенья между этими культурами пока отсутствуют.

Новые исследования могильников в Подесенье, а также выделение Д. А. Крайновым ранних памятников в московско-клязьминской группе фатьяновской культуры, сравнение основных форм сосудов и типов каменных и кремневых изделий этих культур подтверждают существующие гипотезы о сложении фатьяновской культуры, прежде всего ее московско-клязьминской группы, на основе среднеднепровской культуры. И. И. Артеменко считает, что московско-клязьминская группа складывалась в процессе продвижения на эту территорию части населения среднеднепровской культуры с Подесенья в начале ее среднего этапа — в конце III — начале II тыс. до н. э.

П. Н. Третьяков отмечает, что «значение среднеднепровских племен в этногенезе племен лесной полосы Восточной Европы заключается не только в том, что в течение ряда столетий они овладели обширными пространствами Верхнего и отчасти Среднего Поднепровья, но и в том, что последующая история этой области — это история прежде всего их прямых потомков» (1966, с. 83).

Археологические источники свидетельствуют о том, что среднеднепровская культура явилась основой сложения сосницкой культуры бронзового века, занимавшей во второй половине II — начале I тыс. до н. э. в Среднем и Верхнем Поднепровье почти ту же территорию, что и предшествовавшая ей среднеднепровская культура.

Подкарпатская культура *. Выделена И. К. Свешниковым в 1971 г. (1971, с. 13—20). Территория подкарпатской культуры охватывает современные польское и украинское Предкарпатье и соседние районы Подолии. В состав этой культуры И. К. Свешников включает четыре локальные группы: краковско-сандомирскую и любачевскую, верхнеднепровскую и подольскую. Первые две группы расположены на современной территории ПНР. Они были выделены в

* Написана по материалам исследований И. К. Свешникова.

1966 г. На территории СССР в украинском Предкарпатье и Подолии расположены верхнеднепровская и подольская группы (карта № 3) (Свешников, 1971, с. 14—20).

Верхнеднепровская группа (рис. 14). Памятники верхнеднепровской группы подкарпатской культуры распространены в украинском Прикарпатье от истоков Днестра до р. Быстрицы на его правом берегу и до междуречья Гнилой и Золотой Липы на левом берегу (карта № 3). Они представлены в основном курганными могильниками и отдельными погребениями, известными в 27 пунктах Львовской и Ивано-Франковской обл., а также поселениями у с. Корчевка, у Кавска и у с. Бовшев тех же областей.

Могильники верхнеднепровской группы — курганные с труположением и трупосожжением, расположены на водоразделах и возвышенностях, состоят из 10—20 насыпей высотой до 1,5 м и диаметром 12—30 м. Однако встречаются курганы до 4—5 м высотой. Раскопки их производились в разное время и разными исследователями (Chizzola, 1909; Бернякович, 1959, с. 34—42; Свешников, 1974, с. 29—30). Под курганными насыпями исследованы захоронения с труположением в могильных ямах прямоугольной формы размерами от 0,65 до 1,7 м шириной и от 0,9 до 4 м длиной, в скорченном положении на боку, а иногда в вытянутом, головами в разные стороны. Найдены погребения с трупосожжением, совершенным на стороне. Пережженные кости ссыпались кучкой на древний горизонт или в могильные ямы, ориентированные по длинной оси с востока на запад.

Погребальный инвентарь состоит из керамики, каменных, кремневых и костяных изделий. В некоторых погребениях найдены также медные украшения и оружие.

И. К. Свешников пришел к выводу, что исследованные памятники верхнеднепровской группы разновременны. На основании стратиграфических наблюдений, типологического анализа материала, датировки медных предметов, а также находок вещей других, соседних культур, он выделяет в верхнеднепровской группе три хронологических этапа.

Ранний (первый) этап еще недостаточно исследован. К нему относятся две насыпи (1 и 2) у Кавска, два кургана у с. Колпец, (курганы 8 и 7) и один курган у с. Кульчицы (курган III).

Наиболее характерной формой посуды (рис. 14, 11—17) этого этапа являются глубокие круглодонные или с уплощенным дном миски с прямой или отогнутой наружу шейкой. Они изготовлены из глины с примесью песка. Поверхность их заглажена, иногда подлощена. Миски украшены только в верхней части отпечатками шнура. Близкие по форме и характеру орнамента сосуды известны в памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры. К другим формам посуды раннего этапа относится круглодонный горшок с яйцевидным туловом, высокой прямой шейкой с вертикальным выступом у ее оснований, украшенный по шейке отпечатками шнура (Колпец, курган 3); неукрашенный плоскодонный горшок с выпуклым асимметричным туловом и высокой прямой шейкой (Кавск, насыпь 2), а также небольшой амфоровидный плоскодонный сосуд с выпуклым туловом и высокой шейкой, украшенной отпечатками шнура.

Каменные изделия (рис. 14, 1, 4, 5, 7, 9) представлены зернотерками, терочниками, отбойниками, клиновидными четырехугольными в сечении несверленными топорами и молотками овальной формы.

Среди изделий из кремня (рис. 14, 2, 3, 6, 8, 10) наиболее многочисленны ножевидные пластины, в некоторых из них лезвия заполированы, что, возможно, свидетельствует об использовании их в качестве вкладышей к серпам. Найдены также ножи, скребки, резцы, клиновидные четырехугольные в сечении топоры трапециевидной формы, два небольших трапециевидных вкладыша из обломков ножевидных пластин, прочолка и наконечник дротика листовидной формы.

Ко второму этапу верхнеднепровской группы относятся 40 подкурганных погребений. Они исследованы у с. Баличи (курганы 1 и 15), Кульчицы (курганы 1, 2, 4—9, 12, 13), Коропуж, Рокитное (курганы 1—3, 6), Красов (курганы 1 и 2), Лотатники (курган 2), Стоянцы Львовской обл., Колоколин (курган 1, погребение 2; курган 2; курган 3, погребение 2; курган 4, погребения 1 и 2; курган 5), Комаров (курганы 5, 25, 31, 37, 39, 40, 42, 44), Крилос Ивано-Франковской обл. Поселения еще не обнаружены.

Погребения расположены на древнем горизонте или в могильных ямах, часто перекрытых деревянным накатником. Большинство захоронений осуществлено по обряду труположения. Умершие были положены на бок в скорченном положении, головами ориентированы на запад и юго-запад. Два погребения ориентированы на восток (Рокитное). Многие из них были посыпаны красной краской (охрой). Погребения с трупосожжением исследованы у с. Комаров (курган 37).

Керамика (рис. 15, 20—27) из погребений представлена разнообразными формами. Среди них выделены амфоры, кубки, миски, сосуды эсвидной формы и черпаки. Наиболее характерными для второго этапа являются плоскодонные амфоры с двумя ручками в наиболее выпуклой части тулова, которые разделяются на два основных типа. К первому типу относятся амфоры с высокой цилиндрической шейкой, украшенной горизонтальными желобками или отпечатками шнура. В некоторых экземплярах амфор первого типа ручки расположены выше уровня максимального диаметра тулова. Ко второму типу относятся амфоры с короткой шейкой и отогнутым венчиком. Они украшены отпечатками шнура, нарезными линиями, короткими насечками и прочерченными линиями, образующими горизонтальные линии, зигзаг и группы вертикальных прочерченных линий, окаймленных короткими насечками. Встречаются и неукрашенные амфоры. Близкие по типу и характеру орнамента амфоры известны также в подольской группе подкарпатской культуры, в среднеднепровской культуре. В Польше, Чехословакии, ГДР и ФРГ исследователи (М. Бухвальдек, И. Глоб, К. Струве и др.) выделяют их в группу наиболее ранней посуды культур шнуровой керамики.

Кубки плоскодонные с выпуклым туловом и высокой отогнутой шейкой украшены отпечатками шнура, нарезными линиями и мелкими треугольными или полукруглыми углублениями (Кульчицы, Колоколин). Аналогии им известны в Средней Европе. Близкие по форме, но круглодонные кубки найде-

ны в памятниках среднего этапа среднеднепровской культуры.

Сосуды эсвидной формы по форме близки к кубкам, но отличаются от них более низкой шейкой, украшенной нарезным елочным орнаментом (Комаров, курганы 31, 39; Лотатники, Колоколин, курган 2).

Миски представлены тремя экземплярами: небольшой биконической мисочкой (Кульчицы, курган 7), миской с прямыми стенками, суживающимися к плоскому дну, украшенной горизонтальными нарезными линиями (Красов, курган 1), и миской конусовидной формы со слегка выпуклыми стенками (Лотатники).

Черпаки найдены в двух экземплярах (Лотатники, курган 2 и Кульчицы, курган 6). Они имеют круглое дно и петельчатую ручку, украшены в верхней части отпечатками шнура.

Из каменных изделий (рис. 15, 9–12) найдены: обломок зернотерки, клиновидный топор, четырехугольный в сечении, сверленные клиновидные и обушковые топоры.

Среди изделий из кремня (рис. 15, 1–5) имеются клиновидные четырехугольные и линзовидные в сечении топоры трапецевидной формы, ножи, скребки, наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании.

Металлические изделия (рис. 15, 6, 7, 8) представлены тремя медными предметами: шейной гривной из тонкой круглой в сечении проволоки (Кринос) и двумя спиральными проволочными подвесками или сережками.

Второй этап верхнеднепровской группы подкарпатской культуры является продолжением развития раннего (первого) этапа этой группы. Генетическая связь между ними прослеживается в обряде погребений, типах керамики, каменных и кремневых изделий.

К памятникам третьего этапа верхнеднепровской группы относятся два поселения у с. Корчевка и Бовшев, две насыпи у Кавска (3 и 6) и 25 погребений, исследованных в семи пунктах Львовской и Ивано-Франковской обл. К ним относятся погребения у с. Баличи (курганы 4, 6, 7, 14, 16–19), Комарное, Колпец (курганы 2–4, 6, 9 и впускное погребение в кургане 5), Серники (курган 1), Лотатники (курган 1) и Переможное Львовской обл.; у с. Колоколин (курган 3, погребения 1 и 3; курган 7, погребение 2) и грунтовые погребения у с. Бовшев и Демянов Ивано-Франковской обл.

Подкурганые погребения с труположением находились на древнем горизонте или в могильных ямах, ориентированных по длине с северо-востока на юго-запад. Сохранность скелетов плохая. И. К. Свешников отмечал, что умершие, очевидно, были положены на бок в скорченном положении. Только в курганах у с. Баличи погребенные находились на спине в вытянутом положении, ориентированы головами в разные стороны: на северо-северо-запад, северо-восток и запад.

Погребения с трупосожжением исследованы в курганах у с. Комарное и Колоколин (курган 3, погребения 1 и 3), у с. Бовшев и Демянов. В грунтовых погребениях, исследованных В. Д. Бараном, умершие были положены на правый бок в скорченном поло-

жении, головами ориентированы на юго-восток и юго-запад. И. К. Свешников предполагает, что эти погребения могли иметь курганные насыпи, которые впоследствии были распаханы (Свешников, 1974, с. 32).

В памятниках третьего этапа верхнеднепровской группы найдены: глиняная посуда, каменные, кремневые и металлические изделия.

Среди глиняной посуды (рис. 15, 28–42) выделяются амфоры, кубки, черпаки и миски. Амфоры с небольшим плоским дном, выпуклым туловом, короткой, слегка расширяющейся кверху шейкой и четырьмя небольшими ручками-ушками на плечиках. Они или не украшены (Баличи), или украшены в верхней части прочерченными линиями, окаймленными мелкими углублениями (Комарное) или короткими насечками в елочку (Бовшев). Кубки цилиндрические с небольшой ручкой, украшены горизонтальными отпечатками шнура (Кавск, Баличи, Колоколин). Миски немногочисленны. Среди них имеются плоскодонные с выпуклыми стенками (Кавск), с прямыми стенками и шнуровым орнаментом (Колпец, курган 9), с расширяющимися кверху стенками (Баличи, курган 16). Черпаки с ручкой украшены горизонтальными и вертикальными отпечатками шнура. Они найдены в подкурганых погребениях у с. Баличи, Колоколин, Кринос.

Каменные изделия (рис. 15, 13–16) представлены сверленными клиновидными (Баличи, Колоколин) и обушковыми (Колпец, Баличи и др.) топорами, сверленным молотком, обломком пестикового топора (Колоколин, курган 3, погребение 1), а также плоским клиновидным топором трапецевидной формы (Баличи, курган 16).

В состав кремневых орудий (рис. 15, 17–19) входят: клиновидные, линзовидные в сечении топоры трапецевидной формы, разнообразные ножи и ножевидные пластины, резцы, скребки, ножевидные серпы и вкладыши к серпам. Найден также один кремневый кинжал (Кавск).

Металлические изделия третьего этапа верхнеднепровской группы немногочисленны. К ним относятся кинжалы (Баличи, курган 7 и Серники, курган 1), имеющие аналогии в унетичкой культуре; браслеты с несомкнутыми концами из круглой в сечении проволоки (Баличи, Залуквы), аналогичные браслетам стжижовской и унетичкой культур; височные кольца иволистной формы с одним и двумя продольными ребрами (Переможное); обломок булавки из круглого в сечении стержня и перстень из свинцовой ленты (Баличи, курган 7). Во впускном погребении кургана 5 у Колпца находились 43 одноsegmentные и 14 многоsegmentных фаянсовых египетских бусин.

Памятники третьего этапа И. К. Свешников рассматривает как результат дальнейшего развития племен верхнеднепровской группы, что хорошо прослеживается в погребальном обряде, в формах и орнаментации керамики, а также в типах каменных и кремневых изделий.

Типологический анализ археологических материалов верхнеднепровской группы подкарпатской культуры и аналогии им в других культурах позволяют синхронизировать первый (ранний) этап этой группы с ранним этапом среднеднепровской культуры и отдельными погребениями любачевской группы; второй этап — со средним (а не с ранним, как считает

И. К. Свешников, см. 1974, с. 162) этапом среднеднепровской культуры, ранним этапом подольской группы и с любачевской группой подкарпатской культуры, а третий этап — с поздним этапом среднеднепровской культуры, с стжижовской и межановицкой культурами, частично со здолбицким этапом городокско-здолбицкой культуры, с памятниками типа Хлопице-Веселе-Почапы и с нитрянской группой Словакии.

Абсолютная хронология памятников верхнеднепровской группы может быть определена лишь приблизительно. И. К. Свешников датирует ее первый этап около начала третьей четверти III тыс. до н. э., второй этап — второй половиной III тыс. до н. э. и третий этап — первой половиной II тыс. до н. э. (Свешников, 1974, с. 168). Однако, учитывая датировку синхронных культур, следует, по нашему мнению, внести коррективы в эту хронологию и датировать первый этап верхнеднепровской группы началом второй половины III тыс. до н. э., второй этап — концом III — первой четвертью II тыс. до н. э. и третий этап — второй четвертью II тыс. до н. э.

Вопрос о происхождении верхнеднепровской группы подкарпатской культуры еще не решен. И. К. Свешников отмечает, что в районе распространения этой группы генетические корни ее отсутствуют, что заставляет считать племена этой группы пришлыми. Он считает, что ряд элементов в культуре верхнеднепровской группы — обычай насыпать курганы, скорченное положение погребенных, наличие охры в погребениях, близость керамики первого этапа этой группы и керамики раннего этапа среднеднепровской культуры — связывают ее с Восточной Европой, где в зоне контакта степных и лесостепных племен эти элементы могли проникнуть в культуры шнуровой керамики (Свешников, 1974, с. 155—156). По его мнению, племена культуры шнуровой керамики, проникнув в район Верхнего Поднепровья и частично в бассейн Сана, создали верхнеднепровскую и любачевскую группы подкарпатской культуры и, постепенно расселившись на соседние территории, ассимилировали местное население, в результате чего возникла подольская группа подкарпатской культуры (Там же, с. 157—158).

Подольская группа. Памятники подольской группы подкарпатской культуры представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками. Они известны в 48 пунктах и распространены в Подолии, в верховьях Западного Буга, Стыри, Иквы и Горыни (карта № 3).

Поселения подольской группы были открыты разведками О. Цинкаловского и Н. И. Островского в 1930-х годах у с. Стожок, Антоновцы, Малая Иловица и Великие Бережцы в Тернопольской обл. В 1969 г. Л. И. Крушельницкая обследовала еще одно поселение у с. Гончаровка Львовской обл. Поселения расположены на песчаных возвышенностях вдоль берегов рек.

Среди погребальных памятников этой группы преобладают курганные могильники, состоящие из нескольких насыпей высотой до 2 м и диаметром 15—30 м, под которыми находятся от одного до четырех погребений. Обряд погребения — труположение. Захоронение совершалось на древнем горизонте и в могильных ямах на левом или правом боку в

скорченном положении. Ориентировка погребенных разная. У с. Кочановка (курганы VI и VII) погребения были перекрыты каменной вымосткой округлой формы и окружены каменными кромлехами. В ряде курганов прослежены следы перекрытия могильных ям деревянным накатником (Белогорка Ивано-Франковской и Высоцкое Львовской обл.), а также остатки кострищ на древнем горизонте (Лисичанцы, Климковцы, Буглов Тернопольской и Ясеневка Львовской обл.), возле некоторых из них найдены кости животных.

Подкурганые погребения с трупосожжением были исследованы у с. Плужного Хмельницкой обл. и у с. Мишин Ивано-Франковской обл. У с. Плужного (курган 3) пережженные кости были ссыпаны в глиняный сосуд, а у с. Мишин — в юго-западном углу могильной ямы, ориентированной по длине с востока на запад. Инвентарь этих погребений не отличается от инвентаря погребений с труположениями.

Грунтовые погребения с труположением известны в могильных ямах и в гробницах из каменных плит. Несколько грунтовых захоронений в могильных ямах известно в верховьях Горыни и Иквы. Они были обнаружены у с. Тетильковцы, Кутянка, Борки Тернопольской обл. Погребения в каменных гробницах были исследованы в Тернопольской, Ивано-Франковской, Хмельницкой и Черниговской обл. (Кірког, 1878, с. 7; Захарук, 1959, с. 129—132 и др.). Они находились на глубине 0,2—0,45 м от современной поверхности и были сооружены из тонких (2—8 см толщиной) каменных плит. Ширина их 0,55—0,77 м, длина 1,2—1,55 м. По длине гробницы ориентированы с востока на запад и с севера на юг. Умершие были захоронены в них в скорченном положении на правом или левом боку, головами ориентированы в разные стороны. У с. Стрильче в гробнице III умерший был положен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на юг.

Инвентарь курганных и грунтовых погребений состоит из керамики, каменных, кремневых, костяных, янтарных и металлических изделий.

Памятники подольской группы подкарпатской культуры разделяются на два хронологических этапа — ранний и поздний (Свешников, 1974, с. 56—59).

К раннему этапу подольской группы относятся семь курганов у с. Сивки, Коротное (курган 1), Плужное (курган 3) Хмельницкой обл. и у с. Лисичинцы, Качановка (курганы 6 и 7), Остапье (курган 5) Тернопольской обл. Для них характерна западная ориентировка. Лишь в курганах у с. Качановка погребения были ориентированы головами на север (курган 6) и на восток (курган 7).

Керамика (рис. 16, 1—8) представлена двуручными амфорами, кубком, сосудом с эсвидным профилем. Сосуды изготовлены из глины с примесью песка. Как и в верхнеднепровской группе, амфоры подольской группы разделяются по форме на два типа, аналогичные верхнеднепровским. Они также не украшены или украшены в верхней части отпечатками шнура и мелкими углублениями. Кубок (Остапье) плоскодонный, с выпуклым коротким туловом и высокой, расширяющейся кверху шейкой, украшен отпечатками шнура, рядом мелких углублений и насечками по венчику. Сосуд с эсвидным профилем, украшенный елочным орнаментом

(Кошловцы), аналогичен сосудам второго этапа верхнеднепровской группы.

Каменные и кремневые изделия (рис. 16, 9–15) представлены сверленными клиновидными топорами (Качановка, Ворволинцы Тернопольской обл.). Кремневые клиновидные топоры, прямоугольные в сечении, трапециевидной формы (Сивки, Плужное, Остапье), аналогичны топорам второго этапа верхнеднепровской группы. В погребениях этого этапа найдены также кремневые ножи, два роговых долотовидных орудия (Остапье, курган 5), фрагменты янтарной подвески в виде диска с отверстием в центре (с. Душанов Львовской обл.).

К позднему этапу подольской группы относятся 15 курганов, а также грунтовые погребения в ямах и каменных гробницах. Курганы этого этапа исследованы у с. Русилов, Высоцкое, Ясенева Львовской обл., у с. Буглов, Великая Плавуча, Климовцы, Качановка, Остапье, Хоростков Тернопольской обл.; Белогорка и Гвоздец Ивано-Франковской обл. (Свешников, 1974).

К наиболее характерным формам сосудов позднего этапа (рис. 16, 16–28) относятся кубки, двуручные сосуды, амфоры и черпаки. Они изготовлены из глины с примесью песка или дресвы, иногда шамота. Кубки цилиндрические, представлены двумя типами: сосудами с небольшой петельчатой ручкой ниже края венчика, найденными в подкурганых (Хоростков, Качановка, Стриганов) и грунтовых (Студеницы, Кошиловец) погребениях, и кубками с небольшим вертикальным или горизонтальным выступом вместо ручки (Качановка, Буглов, Гвоздец, Климовец, Стерня). Большинство кубков украшены отпечатками шнура, а отдельные экземпляры — нарезными линиями.

Двуручные сосуды с выпуклым туловом, близкие к двуручным вазам комаровской культуры (Остапье, Поповцы), украшены шнуровым орнаментом.

Амфорки плоскодонные, с выпуклым туловом, цилиндрической шейкой и двумя ушками на плечиках, украшены отпечатками шнура (Белокриница, Стрельче). Черпаки с петельчатой ручкой, украшенные шнуровым орнаментом, найдены в подкурганых погребениях (Ясенева, Гвоздец, Великая Плавуча) и в каменных гробницах (Киселев, Беремьяны).

Каменные изделия позднего этапа (рис. 16, 37–41) представлены сверленными клиновидными и ромбовидными топорами, а кремневые (рис. 16, 29–36) — клиновидными линзовидными топорами, ножами, скребками, наконечниками стрел и копий. Из костяных изделий найдены только украшения — бусы округлые, уплощенные, округлая пластинка с отверстием (Кутянки, Студеницы), овальная пластинка с тремя отверстиями (Кутянка). Янтарные украшения представлены дисковидной пластинкой, подвеской с большим отверстием в центре и маленьким боковым (Хоростков), плоскими округлыми бусами, подвесками в форме зуба оленя и ромбовидной формы с отверстием в центре (Стрельча).

Металлические изделия представлены бронзовыми плоскими топорами, кинжалом унетичского типа, перстнями из серебряной проволоки, медными браслетами и перстнями из проволоки, височными иволлистыми подвесками с продольным ребром и золотой подвеской (Русилов).

И. К. Свешников на основании типологического анализа материалов синхронизирует ранний этап подольской группы подкарпатской культуры со вторым этапом верхнеднепровской группы. Этот этап может быть сопоставлен и со средним этапом среднеднепровской культуры. Поздний этап он синхронизирует частично со здолбицким этапом городокско-здолбицкой культуры, памятниками почапского типа, со стжижовской и межановицкой культурами (Свешников, 1974, с. 165).

Ранний этап подольской группы И. К. Свешников датирует третьей четвертью III тыс. до н. э., а поздний — первой половиной II тыс. до н. э. (1974, с. 168). Эта датировка может быть уточнена. Синхронизация раннего и позднего этапов подольской группы подкарпатской культуры с другими культурами позволяет относить ранний этап этой группы ко второй половине III — первой четверти II тыс. до н. э., а поздний этап — ко второй четверти II тыс. до н. э.

Памятники почапского типа *. В междуречье верхнего течения Западного Буга и Днестра выделена группа грунтовых могильников, которая получила название памятников почапского типа по могильнику, исследованному в 1931 г. у с. Почапы Львовской обл. (Свешников, 1973, с. 15–24).

Памятники почапского типа представлены в настоящее время только могильниками, поселения этой группы еще не обнаружены. Могильники исследованы у г. Злочев и у с. Почапы, Звенигород, отдельные погребения — у с. Чижикив, Дедылов и Рипнев (карта № 3).

Захоронение по обряду трупоположения совершалось в неглубоких (0,2–0,6 м от современной поверхности) могильных ямах овальной и подпрямоугольной формы, в скорченном положении, на правом или на левом боку, головой в разные стороны — на юг, восток или запад.

В погребениях найдена глиняная посуда, кремневые и костяные изделия, медные украшения и подвеска из ископаемой раковины.

Глиняная посуда (рис. 17, 10–17) представлена черпаками и кувшинами. Наиболее распространены черпаки с петельчатой ручкой, украшенные горизонтальными или вертикальными отпечатками шнура, короткими нарезками и мелкими углублениями. Кувшины плоскодонные, с шаровидными туловом, цилиндрической шейкой и с петельчатыми ручками, не украшены или украшены в верхней части шнуровым или нарезным орнаментом. Из разрушенного погребения у с. Почапы происходит небольшая ваза (мисочка?) на высокой пустотелой ножке с широким основанием.

Кремневые изделия немногочисленны (рис. 17, 9). Среди них имеются ножи и кинжалы. Костяные изделия представлены проколками из овечьих костей (Почапы) и иглой (Звенигород).

В состав медных изделий (рис. 17, 1–6) входят овальный удлиненный плоский наконечник стрелы (Почапы, погребение III) и разнообразные украшения. К последним относятся спиральные пронызки (Почапы), округлые бляхи с отверстием в центре (Почапы), очковидные подвески из круглой в сече-

* Написана по материалам исследований И. К. Свешникова и польских исследователей.

нии проволоки (Почапы), пластинчатые браслеты, перстни из проволоки с продольным спиральным шитком, а также височные кольца иволостной формы (Почапы, Рипнев, Чижиков). Спектральным анализом, произведенным Н. В. Рындиной, установлено, что металлические изделия из Почап, Злочева, Чижикова и Рипнева изготовлены из меди с небольшой примесью олова (до 1%), свинца (до 2%) мышьяка (1—3%). И. К. Свешников предполагает, что, судя по анализу, медь и медные изделия поступали в Северо-Восточное Предкарпатье из металлургических центров Словакии и Чехии.

По мнению И. К. Свешникова, памятники почапского типа, близкие памятникам типа Веселе в юго-западной Словакии и соседних районов Моравии (Budinsky-Kricka V., 1967) и Хлопице в Южной Польше, составляют восточный локальный вариант группы памятников типа Хлопице-Веселе. Он считает, что после дополнительных исследований эту группу можно будет выделить в отдельную культуру шнуровой керамики.

Памятники типа Хлопице-Веселе датируют 1900—1800 гг. до н. э. (Свешников, 1974а). Однако, учитывая синхронизацию памятников почапского типа с другими культурами, И. К. Свешников предполагает, что время существования их не ограничивалось первой четвертью и продолжалось во второй четверти II тыс. до н. э.

Вопрос о происхождении памятников почапского типа, так же как и памятников типа Хлопице-Веселе, еще окончательно не решен. По мнению польских исследователей памятники типа Хлопице-Веселе сложились в Южной Польше на основе культуры шнуровой керамики под влиянием культуры колесовидных кубков. И. К. Свешников считает, что отсутствие памятников почапского типа в западной части Львовской обл. может быть объяснено или недостаточным археологическим изучением этого района, или продвижением из Южной Польши на восток небольшой группы племен, которая осела в верховьях Западного Буга.

*Городокско-здолбицкая культура**. Выделена И. К. Свешниковым в результате его исследований и работ Ровенской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР (Свешников, 1971, 1974а, б). Название получила по двум поселениям у с. Городок (Свешников, 1964, с. 127—134) и у с. Здолбица (Свешников, 1961, с. 55—65) в Ровенской обл.

Территория памятников городокско-здолбицкой культуры охватывает Западную Волынь и южные районы Западного Полесья. Восточная граница ее проходит по левобережью р. Случь, западная — по левобережью Западного Буга, южная — по верхнему течению Стыри, Иквы и Горыни, северная граница в Полесье еще не определена (карта № 3).

Памятники городокско-здолбицкой культуры представлены поселениями и могильниками, известными почти из 100 пунктов. Большинство из них — поселения (80 пунктов). В Западной Волыни поселения расположены по берегам рек и озер, чаще всего на

мысах первой надпойменной террасы, а в Полесье — на песчаных возвышенностях.

Могильники и отдельные погребения городокско-здолбицкой культуры известны в 17 пунктах Ровенской и Волынской обл.

На основании стратиграфических данных (на поселении в уроч. Кут и у с. Зозов жилище с керамикой городокского типа было частично перерезано ямой с материалами здолбицкого типа), погребальных сооружений и некоторых особенностей керамики и кремневых изделий. И. К. Свешников разделил памятники городокско-здолбицкой культуры на два хронологических этапа — городокский и здолбицкий (Свешников, 1962, с. 44—53). Археологические материалы городокского и здолбицкого этапов свидетельствуют о постепенном и непрерывном развитии городокско-здолбицкой культуры.

Памятники городокского этапа. Памятники городокского этапа представлены поселениями и подкурганными погребениями. К городокскому этапу относятся 12 поселений: у с. Городок (уроч. Курганы, Кут, Карьер), Зозов I, II, III, Караевичи (уроч. Гаи), Бронники (уроч. Панский Сад), Мирогоща, Моквинский Майдан, Грабовец Ровенской обл., Горки Волынской обл., Волосвин и Волица Радванецкая Львовской обл. Археологические раскопки производились на поселениях Городок, Зозов I и II, Майдан Моквинский (карта № 3). На поселениях городокского этапа исследовано 15 жилищ и шесть хозяйственных ям. Жилища были наземными, подпрямоугольной или овальной формы, столбовой конструкции, с открытыми очагами в центре. У очагов прослежены округлые или подпрямоугольные ямы размером 1,5×2 м и глубиной до 1,35 м от древней поверхности, представлявшие собой углубленные части жилищ. По определению И. К. Свешникова длина жилищ составляла от 3,6 до 8,0 м, а ширина 3,5 м. Хозяйственные ямы находились недалеко от жилищ. Они неправильно-округлой формы, диаметром до 2 м и глубиной до 1 м от современной поверхности. В заполнении их найдены фрагменты керамики и кремневые изделия.

Могильники городокского этапа почти не исследовались. К этому этапу относятся лишь два кургана, раскопанные в 1869 г. у с. Залужье Хмельницкой обл. (Ossowski G., 1876, с. 101—108) и в 1956 г. у с. Молодово Ровенской обл. Курган у с. Залужье был высотой 1,7 м, диаметром 12,5 м. Под насыпью кургана на древнем горизонте находился скелет в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на запад. У головы стояла двуручная амфорка со шнуровым и углубленным орнаментом, а рядом с ней лежал кремневый нож. Насыпь кургана у с. Молодово была овальной формы размером 16×20 м, высотой 0,8 м. Под насыпью обнаружены два скелета в скорченном положении. Около них найден глиняный сосуд, кремневый клиновидный топор и нож. К городокскому этапу относят также и погребение собаки, обнаруженное в 1952 г. у с. Стжижув в ПНР, на левом берегу Западного Буга. В этом погребении, кроме скелета собаки, найдена миска и двуручная амфорка, аналогичная находкам на поселении у с. Городок.

Для керамики городокского этапа (рис. 18, 30—36) характерны горшки с шаровидным туловом и слегка вогнутым дном, амфорки с цилиндрической шейкой и двумя ручками, прикрепленными верхним концом

* Написана по материалам исследований И. К. Свешникова.

к венчикам, а также миски с загнутым внутрь или отогнутым венчиком. Горшки и амфорки орнаментированы двойными и тройными горизонтальными, а на ручках — вертикальными отпечатками тонкого шнура и короткими насечками или мелкими углублениями. Миски не орнаментированы. Сосуды изготовлены из глины с примесью в тесте крупнозернистого песка и иногда пережженного мелко толченого кремня. Поверхности сосудов подлощены. Среди керамических изделий городокского этапа найдены пряслица биконической формы. На поселениях городокского этапа, в том числе в отдельных жилищах III и V на поселении Городок, найдены фрагменты керамики среднего этапа среднеднепровской культуры, орнаментированные нарезными линиями и отпечатками линейного штампа.

К каменным орудиям этого этапа относятся овальные и четырехугольные зернотерки из песчаника, треугольники, полировальная плитка из мелкозернистого песчаника, сверленные клиновидные топоры и отбойники.

Кремневые орудия (рис. 18, 13—18) изготовлены из черного или черного с серыми пятнами волянского кремня. Наиболее многочисленны ножи на пластинах, скребки боковые и концевые на отщепах и пластинах, шаровидные отбойники и заготовки орудий — топоров, серпов, ножей. Клиновидные топоры и долота немногочисленны. Топоры трапецевидной формы, четырехугольные в сечении, с широким полированным лезвием. Отдельные экземпляры заполированы по всей поверхности. На поселении Городок найдено целиком полированное долото, прямоугольное в сечении. К характерным кремневым орудиям городокского этапа относятся массивные долотовидные орудия с оббивной ретушью по поверхности. В памятниках городокского этапа найдены вкладыши к серпам из обломков пластин с мелкой ретушью и обломки ножевидных серпов с прямым или вогнутым лезвием; кинжалы, накопечники дротиков, треугольные с черешком и листовидные, треугольные наконечники стрел с прямым или вогнутым основанием.

Среди костяных орудий (рис. 18, 19—20) наиболее многочисленны проколки. Найдены также долотовидные орудия, подвески (Городок), свисток роговой с продольным и боковым отверстиями (Моквинский Майдан), кирки и мотыги из рога оленя (Городок).

В культурном слое поселения Городок найден небольшой кусок необработанного янтаря, а также медный рыболовный крючок — единственный металлический предмет городокского этапа.

На поселениях Городок и Зозов в жилищах и хозяйственных ямах встречены обломки костей домашних (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и коня) и диких (оленя, кабана, косули) животных (Свешников, 1974, с. 94, табл. 1).

Памятники здолбицкого этапа. Представлены поселениями и грунтовыми могильниками. К этому этапу относятся три исследованных И. К. Свешниковым поселения — Здолбица, Зозов I и II (карта № 3), на которых обнаружены остатки восьми жилищ и хозяйственные ямы. Материалы здолбицкого этапа найдены также на многослойных поселениях у с. Чудвы Ровенской обл. и Коршев Волянской обл., с культурными слоями городокского и здолбицкого этапов, а также стжижовской культуры.

Жилища столбовой конструкции состоят из наземной и углубленной части, имеют открытый очаг в центре древней поверхности. Рядом с очагом — углубленная часть жилища овальной формы размером от 2,08×2,8 до 3,25×5,2 м. Вдоль стен прослежены земляные выступы-лежанки, вырезанные в материке, шириной 1 м, высотой 0,7 м. У входа в одно из жилищ (Зозов I, жилище II) на древней поверхности обнаружены остатки небольшой мастерской по изготовлению кремневых орудий в виде скопления отбойников, отщепов, сколов, пластин и нескольких мелких орудий (всего 37 предметов). Хозяйственные ямы расположены вблизи жилищ. Они имели удлиненно-овальную форму размером 2,3×3,9 м, глубиной до 1,2 м от современной поверхности. В их заполнении найдены фрагменты керамики, кремневые и костяные орудия, кости животных. В заполнении ямы 13 на поселении Зозов II кроме вышеперечисленных находок здолбицкого этапа, найден также фрагмент горшка и черпак стжижовской культуры.

К памятникам здолбицкого этапа И. К. Свешников относит также место добычи кремня у с. Половли Ровенской обл., открытое в 1937 г. Я. Фицке и обследованное И. К. Свешниковым в 1963 г. У с. Малый Олексин Остров, Крилов Ровенской обл. обнаружены кремневые мастерские.

Могильники здолбицкого этапа — грунтовые с трупоположениями. Они обычно расположены около поселений. Умерших погребали в грунтовых могильных ямах (Здолбица, Зозов I, Забороль, Княгинино, Городок, Мокрое Ровенской обл. и Берестечко Волянской обл.) и в каменных гробницах, сложенных из кусков камня (Городок, Здолбица, Липа, Стадники, Зозов, Мокрое, Великий Олексин, Верхов, Глинск Ровенской обл.) (Свешников, 1974, с. 99—103). В могильных ямах и в каменных гробницах погребали в скорченном положении на левом или правом боку, головами в разные стороны. У с. Забороль исследовано погребение на спине в вытянутом положении. В погребениях у с. Княгинино есть красная краска (охра).

Среди керамики здолбицкого этапа (рис. 18, 21—29) выделяются горшки, амфорки, кубки и черпаки. Они изготовлены из глины с примесью песка, реже пережженного толченого кремня или шамота. Поверхность большинства сосудов подлощена. Горшки с шаровидным туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком. Горшок из погребения в Здолбице имеет два небольших ушка на плечиках. Амфорки с выпуклым туловом и двумя ушками у основания шейки. Аналогичные сосуды известны в подкарпатской культуре. Амфорка из Забороля имеет четыре ушка. Кубки цилиндрической формы с петельчатыми ручками относятся к типу, широко распространенному в поздних памятниках подольской группы подкарпатской культуры. Черпаки плоскодонные с петельчатой ручкой. Они найдены в погребениях у с. Городок, Липа и Верховая. Черпак из погребения у с. Городок украшен по шейке отпечатками шнура. Среди единичных находок имеются кувшин с выпуклым туловом, высокой шейкой и петельчатой ручкой, миска с загнутым внутрь венчиком, сосуд биконической формы и др. Значительный интерес представляет находка в жилище II на поселении Зозов фрагмента дна с частью стенки от сосуда позднего этапа среднеднепровской культуры.

Орнамент на сосудах здолбицкого этапа состоит из двойных, тройных и подковообразных отпечатков шнура, оттянутых валиков с насечками или ногтевыми вдавлениями, коротких насечек и рядов треугольных углублений. Сосуды обычно орнаментированы только в верхней части или до половины высоты.

Каменные изделия здолбицкого этапа (рис. 18, 8) представлены зернотерками, терочниками, клиновидными сверленными топорами, полировальными плитками, отбойниками.

Наиболее многочисленны в памятниках здолбицкого этапа кремневые изделия (рис. 18, 1, 10—12). Среди них разнообразны ножи, скребки, отбойники шаровидной и грушевидной формы, трапециевидные и узкообушковые клиновидные топоры, линзовидные в сечении с заполированным лезвием, долота, линзовидные в сечении, резцы, проколки, ножевидные серпы и вкладыши для серпов, кинжалы, наконечники копий и стрел листовидной формы, треугольные с черешками и вогнутым основанием.

Орудия из кости и рога представлены проколками, долотами, стержнями, иглой, рукоятками вкладышевых серпов из челюсти животного, ромбовидными наконечниками стрел с черенком (Зозов I, Здолбица). Среди украшений из кости имеются подвески и бусы (Забороль, Зозов I).

Металлические изделия здолбицкого этапа немногочисленны (рис. 18, 2—7, 9). Они представлены только украшениями, среди которых имеются височные кольца иволлистной формы (Здолбица) и с прямоугольной или листовидной пластинкой и удлиненным проволочным стержнем (Стадники), спиральные провизки и перстни из проволоки (Зозов, Липа), фрагменты очковидной подвески (Стадники), кольца с несомкнутыми заостренными концами (Мокрое, Стадники).

На поселениях здолбицкого этапа найдены кости домашних и диких животных. Анализ костей из жилищ и ям поселений Зозов I и II, произведенный В. И. Бибиковой, свидетельствует о том, что по количеству особей первое место принадлежало крупному, второе — мелкому рогатому скоту, третье — коню и последнее — свинье. Из диких животных определены кости бобра и кабана.

Для определения хронологической границы городокско-здолбицкой культуры важно то, что в предшествующее время здесь бытовали памятники волынской группы культуры шаровидных амфор, датирующейся второй половиной III тыс. до н. э. И. К. Свешников отмечает, что на поселении Зозов II жилище здолбицкого этапа было частично перекрыто полуземляной стжижовской культуры. В то же время на поселениях Здолбица и Зозов II в некоторых жилищах и хозяйственных ямах здолбицкого этапа вместе с керамикой этого этапа найдена керамика и даже целые сосуды стжижовской культуры (Свешников, 1974, с. 97). Таким образом, городокско-здолбицкая культура может быть помещена между волынской группой культуры шаровидных амфор и началом стжижовской культуры, с которой она частично сосуществовала. Это время И. К. Свешников датирует концом III — второй четвертью II тыс. до н. э.

Для синхронизации городокско-здолбицкой культуры значительный интерес представляют находки в культурном слое и в жилищах на поселении Городок

фрагментов керамики среднего (а не раннего, как считает И. К. Свешников) этапа среднеднепровской культуры. В жилище здолбицкого этапа на поселении Зозов I и в культурном слое ряда других поселений найдены фрагменты керамики позднего этапа среднеднепровской культуры. Среди керамики здолбицкого этапа найдены типы сосудов, характерные или встречающиеся в поздних памятниках подольской группы подкарпатской культуры и в памятниках типа Хлопице—Веселе—Почап. На основании этих данных городокский этап городокско-здолбицкой культуры можно частично синхронизировать со средним этапом среднеднепровской культуры, вторым этапом верхнеднепровской группы и ранним этапом подольской группы подкарпатской культуры и датировать его концом III — началом II тыс. до н. э. Анализ угля, взятый И. К. Свешниковым, вероятно, из жилища VIII поселения Зозов II городокского этапа, произведенный в 1966 г. в лаборатории Института геологии АН СССР, дал дату 2124 ± 80 лет до н. э. (Свешников, 1974, с. 167). Дата, к сожалению, единичная, образец спорный, поэтому она не может быть надежным основанием для датировки.

Здолбицкий этап был частично синхронным позднему этапу среднеднепровской культуры и позднему этапу подольской группы подкарпатской культуры, а также стжижовской культуре и памятникам почапского типа. И. К. Свешников датирует его первой и началом второй четверти II тыс. до н. э. (Свешников, 1974, с. 167). Эту дату следовало бы сузить и здолбицкий этап датировать второй половиной первой — началом второй четверти II тыс. до н. э.

Для абсолютной датировки городокско-здолбицкой культуры данные отсутствуют. Условно ее можно было бы определить XXI—XVII вв. до н. э. Для городокского этапа — XXI—XVIII вв. до н. э., а для здолбицкого этапа — XVIII—XVII вв. до н. э.

Вопрос о происхождении городокско-здолбицкой культуры остается открытым. На ее территории в последующее время известны памятники стжижовской культуры.

Стжижовская культура *. Выделена А. Гардавским в 1959 г. (Gardawski A., 1959, s. 118—119). Названа она по поселению у с. Стжижув Люблинского воеводства ПНР, исследованному в 1935—1937, 1939 и 1961 гг. (Podkowska, 1936, s. 160; 1960, s. 39—80). В последующие годы эту культуру изучал И. К. Свешников (Свешников, 1974, с. 119—141), а также многие польские исследователи.

Памятники стжижовской культуры распространены в восточной части Люблинщины (ПНР) и в Северо-Западной Волыни. Они известны из 62 пунктов и представлены поселениями и могильниками. Восточная граница их проходит по левому берегу Горыни и лишь севернее Ровно переходит на ее левый берег; западная проходит примерно по линии Красныстав—Замостье—Томашув Любельский на левобережье Западного Буга на территории ПНР; северная проходит по южной части Волынского Полесья, но окончательно еще не определена; южная пересекает

* Написана по материалам исследований И. К. Свешникова и польских ученых.

верховье Западного Буга и среднее течение Иквы и Горыни (карта № 3).

Поселения стжижовской культуры зафиксированы в 42 пунктах. Они расположены на мысах, выступающих в пойму, и на песчаных возвышенностях среди болот в пойме реки. Раскопки производились на четырех поселениях в ПНР и пяти — в УССР (Eitzke, 1928, s. 128; Пелещишин, 1971, с. 89—98; 98—103; Захарук, 1957, с. 38—39, 1961; Свешников, 1962, 1966).

Площадь исследованных поселений от 14 до 30 тыс. кв. м. На поселениях исследованы остатки полужемлянок с очагами и хозяйственными ямами. Жилища-полужемлянки имели неправильно-овальную форму, размер 2,1×2,4; 2,4×3,1; 2,25×4,15 м и глубину от уровня обнаружения от 0,78 до 1,75 м. Ориентированы они по длине с юга на север, юго-востока на северо-запад и с юго-запада на северо-восток. На поселении Зозов II в полужемлянке 2 прослежены две ступеньки и ямы от столбов, окружавших в два ряда жилище, его вход и поддерживавших крышу. Вдоль стен некоторых полужемлянок находились земляные выступы-лежанки шириной до 0,65 м. На поселении у с. Муравица Ровенской обл. обнаружены остатки двух кремневых мастерских. На поселении Стжижов исследовано 40 хозяйственных ям, в заполнении которых найдены фрагменты керамики, каменные и кремневые орудия, кости животных.

Могильники и отдельные погребения стжижовской культуры известны в 22 пунктах на территории УССР и ПНР. Могильники в основном грунтовые, но известны и курганные. Грунтовые могильники расположены вблизи поселений, а в ряде случаев обнаружены на площади поселений (Ставок, Валентинов, Гнидава Волынской обл.; Дыньска Нова, Грудек, Надбужный и Рациборовице в ПНР). Одиночные погребения исследованы у с. Семаки, Черников и Ставок Волынской обл., Озлив, Липа, Волица Страклевская и Белокриница Ровенской обл.

В грунтовых могильниках захоронения совершались в могильных ямах подпрямоугольной или овальной формы размером 1,3×0,6; 1×2,25 м, глубиной от 0,4 до 1,3 м, в скорченном положении на боку или в вытянутом положении на спине, головами в разные стороны. Известны парные захоронения, ориентированные головами в противоположные стороны, ногами друг к другу (Пересопница, Рациборовицы).

Погребения под курганными насыпями исследованы у с. Великий Баратин Волынской обл. (Eitzke, 1938) и у с. Городок и Жорнов Ровенской обл. (Свешников, 1974, с. 127—128). В кургане у с. Жорнов, раскопанном И. К. Свешниковым в 1970 г., обнаружены мужское и женское захоронения в могильных ямах. Могильная яма женского погребения была перекрыта деревом. Умершая была положена на левый бок в скорченном положении, головой на восток. Рядом с женским погребением находилась яма со следами костра на дне и погребением собаки в ее заполнении. Мужское захоронение было неполным трупосожжением на месте. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку головой на юго-запад.

На поселениях и в погребениях стжижовской культуры найдены керамика, каменные и кремневые орудия труда и оружие, костяные изделия, медные и бронзовые украшения, подвески из ракушек и еги-

петские фаянсовые бусы. К стжижовской культуре относят также два клада бронзовых предметов, найденные в с. Стеблевка (бывш. Стубло) и Липа Ровенской обл.

Характерными особенностями керамики стжижовской культуры (рис. 19, 12—22) являются: примесь шамота в тесте, крупная штриховка внешней поверхности сосудов — следы сглаживания пучком травы или соломы — и богатый орнамент из отпечатков шнура, наколов, насечек, горизонтальных валков и овальных выступов. Распространенными формами сосудов являются амфоры, горшки, кубки, и миски. Амфоры разделяются на два типа. К первому относятся сосуды с широким плоским дном, яйцевидным туловом, цилиндрической шейкой и двумя ручками на переходе шейки в тулово. Они обычно орнаментированы только в верхней части отпечатками шнура и короткими насечками. Некоторые экземпляры на уровне ручек украшены двумя овальными выступами. Второй тип представлен сосудами с раздутым, почти шаровидным туловом, короткой шейкой и с двумя или четырьмя ручками на плечиках. Они орнаментированы в верхней части или до половины высоты сосудов. Горшки в основном с выпуклым туловом, короткой шейкой и прямым или отогнутым венчиком, кубки — с широким, плоским дном, выпуклым туловом и профилированным венчиком, орнаментированы до половины высоты или по всей поверхности. Миски разнообразны по формам: с выпуклыми стенками и четко выделенным краем венчика, с прямым краем венчика и двумя массивными ручками, а также с загнутым внутрь краем венчика, орнаментированы обычно до половины высоты. Черпаки немногочисленны. Среди керамических изделий найдены также биконические и плоские пряслица.

Изделия из камня представлены каменными сверленными клиновидными топорами, зернотерками из песчаника или гранита, терочниками, шаровидными отбойниками.

Кремневые изделия (рис. 19, 5—6; 8—10) на поселениях и в погребениях стжижовской культуры найдены в большом количестве. Они изготовлены из черного или серого с черными полосами волынского камня. К разнообразным кремневым орудиям труда относятся отбойники, ножи, сверла, резцы, ножевидные серпы с выпуклой спинкой и прямым или вогнутым лезвием, а также клиновидные топоры, линзовидные в сечении с широким лезвием и узкой обушной частью и массивные овальные, почти округлые в сечении топоры трапецевидной формы. Оружие из кремня представлено кинжалами, наконечниками стрел треугольной формы с черешком, прямым и вогнутым основанием, наконечниками копий ромбовидной или овальной формы, листовидной или треугольной формы с черешком.

Среди костяных изделий многочисленны проколки, найдены также иголки с одним отверстием и с двумя отверстиями — горизонтальным и вертикальным; наконечники стрел, подвески из птичьих костей и зубов животных и костяные трубочки разной длины (3—4,8 см и диаметром около 1 см), встреченные в погребениях у с. Жорнов, Новоселки, Торчин по 4 экз. Они рассматриваются как составные части музыкального инструмента типа так называемой «сви-рели Пана». В погребении 2 кургана у с. Жорнов

найдена костяная дисковидная пряжка с большим отверстием в центре и малым сбоку, аналогичная пряжкам культуры многоваликовой керамики.

На поселении у с. Ставок найдены прямоугольные бусы, вырезанные из раковин, а в погребении 15 могильника у с. Торчин — три подвески из створок ископаемых раковин. В погребениях у с. Рациборовицы и Скоморохи Малые (ПНР) найдены одно- и много-сегментные фаянсовые египетские бусы. Металлические изделия стжижовской культуры (рис. 19, 1, 3, 4, 7, 11) представлены набором предметов из клада в Стеблевке, одного сохранившегося предмета из клада в Липе и украшений из погребений у с. Торчин, Дубно, Семаки, Великий Баратын, Озлив, Жорнов. В состав клада из Стеблевки входили два вислообушных топора, браслеты, подвеска, височные кольца или подвески иволистной формы и серьги.

Подвеска из Стеблевки имеет форму полумесяца со спирально загнутыми концами, изготовлена из широкой бронзовой пластины. Два браслета с суживающимися, заходящими друг за друга концами изготовлены из узкой плоской медной или бронзовой ленты.

Ко второму типу браслетов относятся 7 экз. из Стеблевки, один из клада в Липе, один из погребения у с. Липа, остальные в погребениях у Рациборовиц и Жорнова. Они изготовлены из медного или бронзового круглого в сечении стержня с несомкнутыми или заходящими друг за друга концами.

Височные кольца или подвески иволистной формы, украшенные одним или двумя и тремя продольными ребрышками, найдены в кладах у Стеблевки (10 экз.), а также известны из погребений у Озлева, Дубно, случайная находка у Городка.

Серьги из погребения в Липе (4 экз.) с несомкнутыми и заходящими друг за друга суживающимися концами изготовлены из округлой или прямоугольной в сечении бронзовой проволоки.

В погребениях кургана у с. Великий Баратын найдены диадема, изготовленная из широкой бронзовой ленты длиной более 10 см, и три трубчатые бронзовые пронизки.

Спектральным анализом, выполненным Н. В. Гындиной и Е. Н. Черных, установлено, что височные кольца из Торчина и Озлева, а также находки из Семаков и Городка, изготовлены из меди, а височные кольца из Дубно, серьги и браслеты из погребения и клада в Липе — из низкооловянистой бронзы.

Судя по аналогиям металлических изделий и находкам керамики, стжижовская культура была частично одновременно здолбицкому этапу городокско-здолбицкой культуры и памятникам почапского типа. Она одновременна также поздним этапам среднеднепровской и подкарпатской (верхнеднепровской и подольской группам) культур, а также памятникам нитрянской группы Словакии. Польские исследователи датируют стжижовскую культуру приблизительно 1800—1600 гг. до н. э., а И. К. Свешников — концом первой четверти — серединой II тыс. до н. э. (Свешников, 1974, с. 167—168).

Вопрос о происхождении стжижовской культуры еще не решен. Я. Ковальчик и другие польские ученые рассматривают ее как результат дальнейшего развития предшествовавших местных культур шнуровой керамики (Kowalszyk, 1959, s. 5). И. К. Свеш-

ников, частично соглашаясь с этим, в то же время отмечает, что специфические черты стжижовской культуры — вытянутое положение погребенных, особенности в формах и технологии керамики, своеобразный орнамент, отсутствующие в предшествующих культурах шнуровой керамики — не позволяют рассматривать ее как прямое продолжение развития предшествовавшей ей городокско-здолбицкой культуры (Свешников, 1974, с. 158—159).

2. Культуры раннего бронзового века Прибалтики, лесной полосы Европейской части СССР и Приуралья

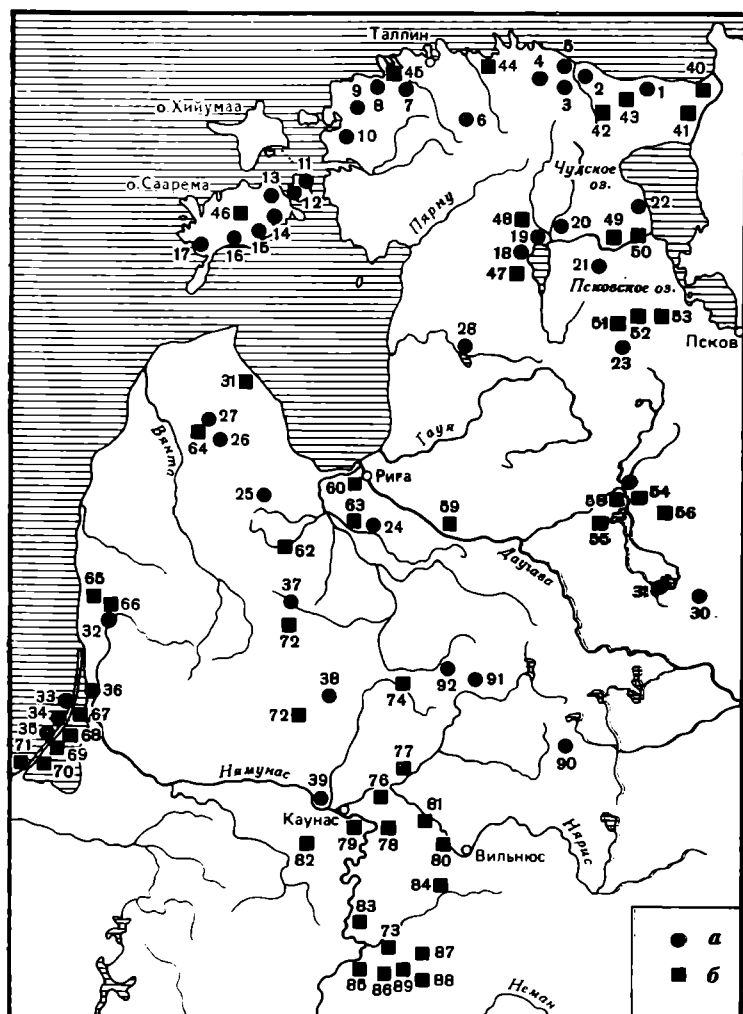
Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике

На рубеже III и II тысячелетий и в первой четверти II тыс. до н. э. на территории Восточной Прибалтики появляется культура шнуровой керамики и ладьевидных топоров. Довольно быстрое, почти одновременное распространение этой культуры прослежено в Литве, Латвии, Эстонии и юго-западной Финляндии.

Памятники культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике изучены неодинаково. Основными источниками информации о ней являются поселения, могильники и случайные находки. К настоящему времени на территории Прибалтики известно около 39 могильников, в которых обнаружено 70 погребений (карта № 4). В Литве и Латвии могильники известны главным образом вдоль морского побережья, а в Эстонии они распространены по всей территории и даже на островах (Саарема и Муху). Лучшее изучение эстонские грунтовые могильники, среди которых наиболее интересными являются Арду, Сопе, Кунила и поздний могильник Кивисааре. Обычно могильники располагаются на песчаных холмах вблизи водоемов и естественных пастбищ, но чаще встречаются на морском побережье, на островах и в районах речных пойм. Число погребений в могильниках небольшое — от одного до пяти и редко до 10 погребений.

Наибольшую известность получили поселения Швянтойи (1—4А и 9) на северо-западе Литвы (Rimantienė, 1980) и Нида на Куршской косе (Римантене, 1975—1980). На остальной территории большая часть находок этой культуры сосредоточена на неолитических памятниках в смешении с поздненеолитическими культурными остатками. Сейчас в Восточной Прибалтике известно около 70 поселений с находками культуры шнуровой керамики.

Наряду с этим на всей территории Восточной Прибалтики часто встречаются случайные находки каменных сверленных топоров-молотков, клиновидных топоров и других вещей данной культуры. В музеях Прибалтики хранятся сотни топоров-молотков разных форм, свидетельствующих о довольно широком распространении племен культуры шнуровой керамики.

Карта 4. Распространение поселений и могильников культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики

Условные обозначения: а — поселения; б — могильники. 1 — Сопе; 2 — Коогу; 3 — Рисувере; 4 — Метейку; 5 — Паювески; 6 — Арду; 7 — Туула; 8 — Лихула; 9 — Ямари; 10 — Ялуксе; 11 — Кюласема; 12 — Кюласема; 13 — Тутку; 14 — Тика; 15 — Кыльяла; 16 — Сайа; 17 — Коки; 18 — Кюа; 19 — Кивисааре; 20 — Кунила; 21 — Карлова; 22 — Хаапси; 23 — Тамула; 24 — Рутениеки; 25 — Тамас; 26 — Кандава; 27 — Тояты; 28 — Звейниеки; 29 — Абора; 30 — Крейчи; 31 — Саркани; 32 — Курмайчай; 33 — Мешкосгалва; 34 — Ялксунне; 35 — Юодкранте; 36 — Оанкупай; 37 — Шакуня; 38 — Гринкишкис; 39 — Паштува; 40 — Нарва-Рийгикюла; 41 — Нарва; 42 — Ябара; 43 — Сопе; 44 — Ягала; 45 — Лихула; 46 — Наакамяз; 47 — Валма; 48 — Симусааре; 49 — Кулламяги; 50 — Акали; 51 — Тамула; 52 — Вилла; 53 — Уяэпа; 54 — Абора I; 55 — Асне; 56 — Ича; 57 — Лагажа; 58 — Эйи; 59 — Леясбитены; 60 — Варнаскрогс; 61 — Пурциемс; 62 — Леяскас; 63 — Рутениеки; 64 — Тояты; 65 — Швянтайи 1; 66 — Швянтайи 2; 67 — Мешкосгалва; 68 — Алксунне; 69 — Юодкранте; 70 — Первалка; 71 — Нида; 72 — Шакуня; 73 — Маргяй; 74 — Тилтагалай; 75 — Ринкшеляй; 76 — Эйгуляй; 77 — Радикяй; 78 — Капитонишкис; 79 — Лауменай; 80 — Митишкис; 81 — Русяй; 82 — Нендриняй; 83 — Негсай; 84 — Маскаула; 85 — Швендубре; 86 — Марциконис; 87 — Линежерис; 88 — Крокшлис; 89 — Грибаша; 90 — Кратуонас 1А; 91 — Пакратуоне 1А; 92 — Яра

Для территории Литвы характерны групповые могилы и одиночные погребения с труположением в скорченном положении; это Мешкосгалва, Алксунне и Юодкранте на Куршской косе, Шакуня в северной части Литвы, в прибрежной части — Курмайчай и Ланкупай, в центральной части — Гринкишкис и Паштува. Для этих могил характерен инвентарь, состоящий из ладьевидных топоров и черепков шнуровой керамики (Rimantiené, 1974).

Погребальные памятники шнуровой керамики и ладьевидных топоров на территории Латвии представлены захоронениями на поселениях, групповыми могильниками, а также одиночными могилами. Шесть захоронений обнаружены на поселении Абора 1 (Лозе, 1979). Покойники лежали на боку в скорченном положении, ориентированы головами к юго-западу. Судя по наличию остатков дерева, умерших погребали на настилах. Погребальный инвентарь состоял из янтарных украшений в виде ключеобразных и зубовидных подвесок (рис. 23, 15, 16), ожерелий из пронизок, а также зооморфных фигур и фигурных подвесок (рис. 20, 1—3).

Единичная могила на поселении Рутениеки (Sturms, 1946) содержала ладьевидный топор.

Грунтовые могильники Латвии и Эстонии находятся вблизи водоемов на холмах. На могильнике Звейниеки обнаружено шесть захоронений в скорченном положении головами на юг и север (Zagorskis, 1974). Умершие были погребены в овальных ямах длиной 1,20 м и глубиной не более 0,45—0,50 м. Одно из погребений имело две роговые пластинки с орнаментом (рис. 23, 19), которые были обнаружены возле кистей рук. Подобная орнаментированная пластинка найдена на поселении Абора 1 и происходит из разрушенной могилы. Условия находки пластинок позволяют считать их предохранителями или браслетками, надевавшимися на обе руки.

Могильник в Крейчи, расположенный на востоке Латвии, содержит шесть могил с захоронениями в скорченном положении (Zagorskis, 1961). Могильные ямы различные, глубиной 0,25—0,65 м иногда имели камни по краям. Одно из захоронений было с перекрытием из плотно приложенных друг к другу камней. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Могильник в Сопе, расположенный на северо-востоке Эстонии, содержал остатки 10 погребений (Янитс, 1952). Территория могильника была, очевидно, значительной, так как одна группа могил обнаружена на расстоянии от другой на целых 150 м. Трое из умерших были погребены в скорченном положении. Погребальный инвентарь состоял из костяных изделий, речных раковин, янтарного кольца и ладьевидных топоров.

На северо-востоке Эстонии находятся еще три могильника, а остальные расположены в средней (Арду) и северо-западной части Эстонии (Тулла, Лихула, Ямари и Ялуксе).

Могильник в Арду имел два мужских захоронения, погребенных в непосредственной близости друг от друга. Умершие были положены на правом боку в скорченном положении, головами на север. Погребальный инвентарь составляли: каменное долото, нож из беловатого камня, костяное долото, пило из кости козы или овцы, проколка из рога, отжимник для ретуширования кремня, костяная палочка с отверстиями и слегка утолщенной средней частью и ладьевидный топор (рис. 20, 11).

Значительная часть захоронений культуры шнуровой керамики обнаружена на островах Эстонии Саарема и Муху. Всего здесь известно семь могильников. Два из них расположены около деревни Кюласема.

На территории восточной части Эстонии известны два могильника Кунила и Кивисааре и единичная

могила в г. Тарту. Захоронение в Тарту принадлежало мужчине, погребенный лежал в вытянутом положении. В могиле обнаружены ладьевидный топор и длинный трехгранный наконечник стрелы из офиллита.

Вероятно, погребения в вытянутом положении являются более поздними. Умерших погребали в могильных ямах различной глубины: от 20—30 до 100—150 см. Клади умерших преимущественно в скорченном положении на правом или левом боку. Ориентировка прослежена только в могильнике Арду, где мужчины лежали скорченно на правом боку головой на север.

Поскольку грунтовые могильники не раскапывались, трудно судить о форме и размерах погребальных сооружений, но, судя по описанию погребений, погребальные сооружения в могильниках Эстонии были такими же, как в одиночных погребениях Дании, в погребениях Финляндии и фатьяновской культуры (Крайнов, 1972б).

Самое большое число погребений обнаружено в могильнике Кивисааре, расположенном на северном побережье озера Выртсярв. Могильник размещен на друмлине среди болотистой местности. Умершие погребены на спине в вытянутом положении среди булыжников друмлины или под ними. Инвентарь могил состоял из просверленных зубов животных, кремневых скребков, костяных изделий и бронзового серпа.

Глиняные сосуды встречаются в могилах редко. Они по форме напоминают кубки, имеют эсовидный профиль, отогнутый наружу венчик и уплощенное дно. Орнамент зональный, покрывает верхнюю часть сосуда. Он или нарезной или шнуровой. Встречаются ямочные неглубокие вдавления в виде поясков, окаймляющих узор. Для керамики прибалтийской культуры ладьевидных топоров наиболее характерным является елочный узор. Обломки тождественных сосудов встречены и на поселениях (Янитс, 1959а, б). Изредка встречаются обломки сосудов амфорной формы.

Поселения с чистым комплексом культуры шнуровой керамики расположены на юго-западе Восточной Прибалтики. Это поселения Швянтойи 1—4А, 9, исследования на которых уже завершены (Rimantiené, 1980). Эти памятники располагаются на берегу Балтийского моря на месте бывшей лагуны-озерка севернее г. Палавги. Поселение 1А, культурные остатки которого сохранились в торфе, было огорожено оградкой. Здесь обнаружен также закол для ловли рыбы.

Эти памятники имеют богатый инвентарь, состоящий из кремневых, сланцевых и деревянных изделий. Это кремневые треугольные наконечники стрел, скребки, ножи и проколки. Из камня изготовлены топоры с пришлифованным лезвием, ладьевидный топор и желобчатые тесла. Домашняя утварь состоит из деревянных блюд и корыт, а также подноса и ложки. Обнаружены плетенки и циновки.

Украшения изготовлены из янтаря (трапециевидные пластинчатые подвески, цилиндрические пронызи, шаровидные и пуговицеобразные бусины, кольца, плоские кружки).

Керамика поселений Швянтойи (297 экз. горшков) представлена кубками с S-видной профили-

ровкой, кубкообразными горшками, горшками с валиками, воронковидными сосудами, мисками округлой и продолговатой формы и амфорами с ушками на плечиках (рис. 22).

Кубки различной формы: со стройным и вытянутым туловом и S-образной профилировкой края, более приземистые с округлым туловом и длинной шейкой; с расширенным туловом и суженным горлом; с прямыми стенками и боченковидные. Кубки украшены шнуровыми оттисками, нарезным елочным орнаментом, а также нарезками, опоясывающими горло, некоторые кубки целиком покрыты орнаментом. Горшки крупных размеров, часть из них имеет приземистую форму с открытым горлом. Миски крупных размеров, нередко снабжены ушками. Орнамент состоит из шнуровых оттисков, нарезных линий, треугольников. Встречаются также миски на ножках (рис. 22).

Для керамики поселений характерны ванночки и овальные мисочки. Длина ванночек 10—45 см. Амфоры имеют шаровидное тулово с коротким цилиндрическим горлом или со слабо намеченным горлом, имеются амфоры с выпуклым туловом, постепенно переходящим в цилиндрическую шейку или отогнутую шейку. Амфоры первых двух типов снабжены двумя — четырьмя ушками и украшены группами вертикальных нарезок на плечиках. Для последних характерны узоры из горизонтально расположенных оттисков шнура или нарезного елочного орнамента.

Крупные хозяйственные горшки украшены налепными валиками и ушками.

Поселение Нида находится к югу от курортного городка одноименного названия (Римантене, 1975—1980). Культурный слой этого поселения залегал в песке. Здесь установлено наличие наземных сооружений. Кремневый инвентарь поселения состоял из треугольных, ромбовидных и трапециевидных кремневых наконечников стрел, скребков с профилированными лезвиями, вкладышей для стамесок, ножей и резчиков, каменных клиновидных топоров и тесел, мотыг, метательных каменных шаров. Сосуды — крупные горшки с узким дном, налепными валиками и ушками, тонкостенные кубки, шаровидные амфоры, а также ваннообразные мисочки.

Остальные поселения Куршской косы: Алксуне, Юодкрапте и Первалка — менее изучены.

На территории Восточной Литвы изучены поселения: Крятуонас 1А и Пакрятуоне 1А, расположенные на берегу оз. Крятуонас (Гирининкас, 1982). На этих поселениях встречены плоскодонные сосуды с широким горлышком, в том числе с налепными валиками, амфоры, кубки и миски (всего 122 экз.). В более южных территориях республики изучены поселения Пасиеняй, Миткишкес, Русяй, Тилтагаляй, Маргай и Дуобис.

Поселения и могильники Литвы принадлежат к локальному варианту восточноприбалтийской культуры ладьевидных топоров и шнуровой керамики, получившей название жуцевской культуры (висло-неманской или приморской). Ладьевидные топоры этой культуры, преимущественно из случайных находок, представлены европейским типом А. Топоры-молотки классифицируются в четыре основные группы. Топоры первой из них имеют округленное че-

треугольное и трапециевидное сечение, несколько опущенное вниз лезвие с хордой на спине, они получили распространение главным образом в Западной Литве до р. Дубиса и среднего течения р. Неман. Топоры с конусовидным обухом, являющиеся более поздним вариантом первого типа топоров, встречаются исключительно на территории северной части Литвы. Вторую группу составляют топоры, близкие топорам фатьяновской культуры (Крайнов, 19726). Они распространены преимущественно в западной части Литвы (рис. 21, 6). В третью группу входят балтийские ладьевидные топоры с четырехугольным сечением, с притупленным обухом и несколько расширенным лезвием (рис. 21, 3). Выделяются два варианта этих топоров, которые отличаются формой обуха (имеются топоры с коротким, сильно суженным обухом и топоры с удлиненным обухом, округленными боковыми гранями и нередко с изогнутым профилем). Эти топоры локализируются в основном в бассейне р. Шешупе, что говорит о местном характере этой формы топоров европейского типа (Rimantinié, 1974). Последнюю группу составляют втульчатые топоры. Кремневые клиновидные топоры жуцевской культуры имеют четырехугольную или слегка трапециевидную форму. Поперечное сечение их овальное или четырехугольное. Вариантами являются короткие топоры, типичные для Куршской косы, и узкие, стройные — для юго-востока Литвы (Rimantiené, 1974).

На поселениях Литвы прослежены зачатки производящего хозяйства. Наблюдается минимальное присутствие костей крупного рогатого скота (Швянтоји 1А), свиньи и мелкого рогатого скота (поселения побережья оз. Крятуонас). Предполагается, что ограда на поселении Швянтоји 1А ограждала загон для скота. Из культурных растений обнаружены конопля, просо и мальва.

За последнее время в ареал жуцевской культуры включена и западная часть Латвии (Ванкина, 1980). Чистый комплекс этой культуры на территории Латвии обнаружен лишь на трех поселениях: Маткулес Тояты, Гарозас Рутениеки (Šturms, 1946) и Варнаскрогс (Šturms, 1936а, б). Следы пребывания носителей культуры шнуrowой керамики в этой части Латвии отмечены также на среднеолитических поселениях Сарнате (Ванкина, 1970), Леясцискас (Šturms, 1931а, б), Пурциемс (Šturms, 1937) и Силиньупе.

На территории Восточной Латвии и Эстонии находки шнуrowой керамики были обнаружены на многих неолитических поселениях. Очевидно, поселения восточноприбалтийской культуры в отличие от поселений жуцевской культуры устраивались на месте позднеолитических поселений. Поэтому в средней и северной частях Восточной Прибалтики шнуrowая керамика почти не встречается в виде чистых комплексов, а перемешана с керамикой позднего неолита. Нам представляется, что находки шнуrowой керамики и других вещей культуры ладьевидных топоров на десятках поселений неолита Латвии и Эстонии указывают на наличие поселений носителей указанной культуры на позднеолитических стоянках.

Это подтверждается идентичностью керамики со стоянок и из могильников. Вряд ли можно согласить-

ся со взглядами Х. А. Моора (Моора, 1958) и Л. Ю. Янитса (Янитс, 1959б) на эти находки как на результат мирных контактов племен культуры ладьевидных топоров и местной культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Скорее это проникновение на территорию других племен, которое впоследствии привело к сближению и ассимиляции, а в других местах — к приспособлению к местным условиям и утере своего облика. Находки боевых топоров на всей территории Прибалтики свидетельствуют о широком расселении новых пришельцев. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитс считают, что пришельцы длительное время сосуществовали рядом с местными племенами, не смешиваясь с ними, так как они были этнически различны и имели разное хозяйство.

К северу от Западной Двины распространены позднеолитические поселения со шнуrowой керамикой. Часть их расположена в бассейне озера Лубанас: Абора 1, Асне 1, Ича, Лагажа и Эйни (Лозе, 1979). На территории Эстонии следы пребывания носителей этой культуры обнаружены на поселениях Акали, Валма, Вилла, Куллямяги, Наакамяэ, Нарва — Риигикюла, Симусааре и Тамула (Jaapits, 1966). Находки шнуrowой керамики вместе с позднеолитическими вещами указывают, что носители культуры шнуrowой керамики расселились среди позднеолитического населения и как бы сменили его.

Представление о характере застройки поселений и о жилых сооружениях культуры шнуrowой керамики можно составить на основании поселений Лубанской равнины (Loze, 1978). Жилища были наземными, имели столбовую конструкцию, длину не более 10 м и ширину 4—5 м. Они состояли из одного — двух помещений с каменными очагами посередине. Крыша была двускатной. Поселения обычно располагались на возвышенностях среди болотистой равнины. По всей вероятности, врытые в материк сваи являются остатками мостков, облегчавших подход к реке.

Для керамики характерны следующие формы сосудов: кубки, крупные хозяйственные горшки, миски и ванночки. Амфоры встречаются редко. Кубки восточной части Латвии и Эстонии имеют профилированные края со сравнительно короткой шейкой и слегка округленным туловом (рис. 22). Они украшены шнуrowыми отисками, а также нарезным елочным орнаментом. Один из тонкостенных кубков, найденных на могильнике Сопе, имел еле заметное валикообразное утолщение вокруг шейки, которое украшено двумя рядами наколов. Крупные хозяйственные горшки с валикообразным утолщением вокруг шейки имеют слегка либо сильно округленное тулово. Округлые миски украшены шнуrowыми отисками или нарезным елочным орнаментом, днища также орнаментированы. Ванночки меньше ванночек жуцевской культуры. Амфоры встречены редко. Судя по фрагментам, они принадлежали к типу саксонско-тюрингских крупных и злотских малых амфор.

Кремневые орудия представлены треугольными ромбовидно-черешковыми наконечниками стрел (рис. 23, 5—8). Среди первых встречаются экземпляры с прямым либо вогнутым основанием. Скрепки изготовлены на узких либо крупных кремневых отщепках (рис. 23, 3, 4, 14), кремневые ножи отлича-

ются стройностью форм и хорошей обработкой (рис. 23, 9). Для костяных гарпунов характерны длинный насад и мелкие одно- или двусторонние зубцы, расположенные в верхней части орудия (рис. 23, 11). Из рога изготовлены ударные орудия с просверленными отверстиями в верхней части для прикрепления их к рукоятке.

Кремневые клиновидные топоры, имеющие прямоугольную форму и прямоугольное сечение, принадлежат в основном к двум типам: толстообушным и тонкообушным (рис. 23, 21–23). Реже встречаются широкие топоры трапециевидной формы со средней толщиной обуха и прямоугольным сечением. В единичных случаях найдены узкие тонкообушные трапециевидные топоры с линзовидным сечением. Находки разнотипных кремневых клиновидных топоров указывают на одновременность памятников. Наиболее поздними являются трапециевидные тонкообушковые топоры с линзовидным сечением (Крайнов, 1972).

Каменные ладьевидные топоры (рис. 21) представлены несколькими формами (Tallgren, 1922; Aугärää, 1952; Šturms, 1936b, 1970; Jaanits, 1971). Наибольшее распространение получили топоры европейского типа А, которые, по мнению Э. Штурмса, являются древнейшей формой боевых топоров (Šturms, 1970). Однако вряд ли можно согласиться, что топор типа А является древнейшей формой, ему предшествовали более простые топоры.

Второй формой, представленной на территории Восточной Прибалтики, являются фатьяновские топоры (Крайнов, 1972б). Для них характерно выдающееся вниз или отведенное назад лезвие, трапециевидное или сегментовидное сечение, крышеобразный верх. Однако на территории Латвии и Эстонии встречены лишь наиболее простые формы этих топоров, тогда как на территории Литвы и Калининградской области распространены и типичные формы фатьяновских топоров.

Третья форма топоров представлена типом карлова (от названия местечка Карлова в Эстонии; Jaanits, 1971). Для этого топора характерна втулка, косо выступающее вниз лезвие, довольно прямой и ровный верх. Поперечное сечение прямоугольное или трапециевидное. Эта форма топора возникла, по мнению Л. Ю. Янитса, под влиянием финских ладьевидных топоров, снабженных ярко выраженной втулкой (Jaanits, 1971). Нам представляется, что финские топоры возникают на основе эстонских.

Четвертая форма ладьевидных топоров, получивших распространение преимущественно в северной части Восточной Прибалтики — это острообушные топоры. Для них характерен ромбический фронтальный профиль, причем кончик обуха короче и сужен сильнее по сравнению с концом лезвия. Лезвие оттянуто назад и имеет дугообразный абзац. Поперечное сечение у подобных топоров ромбовидное или трапециевидное. Эта форма топора является более поздней по сравнению с топорами типа карлова и типологически выводится из последних.

Пятой формой являются простые ладьевидные топоры. Они со слегка изогнутым профилем. Топоры этой формы имеют хорошо выраженные широкие боковые стороны, обух у них уже, чем лезвие. Лезвие почти прямое и слегка загнутое.

Свыше 20 фрагментированных ладьевидных топоров происходят из поселений Абора 1 и Эйни (21 экз.) и Валма (1 экз.). На поселении Абора 1 обнаружены ладьевидные топоры всех вышеупомянутых форм. Их стратиграфическое расположение подтверждает схему типологического развития ладьевидных топоров, намеченную упомянутыми выше исследователями.

Ряд исследователей (Х. А. Моора, Л. Ю. Янитс, Эд. Штурмс, А. Европеус и др.) отмечают, что на ранней стадии развития культуры топоры имеют общие черты, а на поздней стадии в Литве, Латвии и Эстонии вырабатываются свои собственные формы топоров. К наиболее древнему типу относят топоры типа Кюласема (обушковые или ладьевидные). Местными формами считают топоры типа Карлова (втульчатый — коротколопастный) и острообушные, а массовое изготовление топоров относят ко второй четверти II тыс. до н. э. Сходство отдельных форм топоров со среднеднепровскими и фатьяновскими Х. А. Моора объясняет связями и влиянием указанных культур. Нам представляется, что наиболее ранними формами топоров будут клиновидные и конусообразные, в большом количестве обнаруженные в Прибалтике. Что же касается сходства форм топоров, то это объясняется, очевидно, общими истоками культур с боевыми топорами. Следует отметить, что каменные сверленные топоры-молотки встречаются только в мужских погребениях, в виде случайных находок они найдены в большом количестве на всей территории Прибалтики.

Украшения культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики изготовлены из кости и янтаря. Костяные лунницы (рис. 23, 1) и плоские кружки с отверстием в центре (рис. 23, 2) получили широкое распространение. Костяные лунницы известны и в фатьяновской культуре, что свидетельствует о тесных связях или об общности происхождения (Крайнов, 1972б).

Для составления ожерелий использовали янтарные пронизки, округлые, квадратные или прямоугольные пуговицы с S-образным отверстием (рис. 23, 12–13). Для скрепления ожерелий использовали «срединные части» в виде блоков с двумя парами сквозных отверстий. Для украшения головного убора употреблялись клинообразные и зубовидные подвески.

В позднем неолите наблюдается расцвет обработки янтаря, оживленный обмен им между родственными племенами культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики (Лозе, 1980). Янтарные украшения известны также в памятниках среднеднепровской (Артеменко, 1978) и фатьяновской культур (Крайнов, 1972б).

На позднелиолитических поселениях рассматриваемой территории обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота (памятники Лубанской низины, число особей 28) (Лозе, 1979). Кости домашних животных присутствуют также на позднелиолитическом поселении Тамула в Эстонии (Янитс, 1952).

О наличии земледелия у племен ладьевидных топоров и шнуровой керамики свидетельствует находка пшеницы на поселении Крейчи (побережье оз. Лиелайс Лудзас на востоке Латвии), а также многочисленные каменные терочки на поселении Абора 1 (Лозе, 1979).

Носители жуцевской культуры в Литве, а также восточно-прибалтийской культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров на территории восточной части Латвии и Эстонии осели приблизительно в одно время. На территории Литвы нижняя дата бытования этой культуры относится к концу III тыс., а на территории Латвии и Эстонии — к началу II тыс. до н. э.

Цикл развития этой культуры исследователи относят к различному хронологическому диапазону. Согласно Р. К. Римантене, жуцевская культура существовала в Литве вплоть до конца первой четверти II тыс. до н. э.

Верхняя дата бытования культуры ладьевидных топоров и шнуровой керамики на территории Эстонии относится к 1500—1300 г. до н. э. (Янитс, 1959б). Конечный этап развития этой культуры на территории Лубанской низины (восточная часть Латвии) датируется концом первой четверти II тыс. до н. э. (Лозе, 1979).

Жуцевская культура на территории Литвы имеет следующие радиоуглеродные датировки (Rimantienė, 1980):

- 1) Швянтойн 1А — ТА-246 — 4120 ± 80 — 2170 г. до н. э.
- 2) Швянтойн 1А — V_s-22 — 4100 ± 100 — 2150 г. до н. э.
- 3) Швянтойн 1А — LE-835 — 3860 ± 50 — 1910 г. до н. э.
- 4) Швянтойн 9 — V_{ib}-8 — 3860 ± 90 — 1910 г. до н. э.

На востоке Латвии культура шнуровой керамики датируется следующими радиоуглеродными датами (Лозе, 1979, 1982).

- 1) Абора 1 — LE-671 — 3870 ± 70 — 1920 г. до н. э.
- 2) Абора 1 — LE-749 — 3860 ± 100 — 1910 г. до н. э.
- 3) Абора 1 — ТА-394 — 3770 ± 60 — 1820 г. до н. э.

Вопрос о происхождении культур шнуровой керамики и боевых топоров и об их исходной территории ставился и решался многими исследователями по-разному (Tallgren, 1911, 1925, 1931; Äugärää, 1933; Glob, 1945; Чайлд, 1952; Gimbutas, 1956; Šturms, 1937; Свешников, 1958; Брюсов, 1961; Артеменко, 1963а, б, 1978; Бадер, 1963; Брюсов, Зимица, 1966, Халиков, 1966, 1969; Крайнов, 1972б; Денисова, 1975 и др.). Однако большинство указанных исследователей сходятся во мнении о генетической связи носителей культур шнуровой керамики и боевых топоров на огромной территории от Рейна до Камы и от Карпат до Швеции. Разногласия выявляются только в установлении исходной территории предков этих культур.

Очевидно, решение вопроса о происхождении культур шнуровой керамики и ладьевидных топоров Восточной Прибалтики зависит от решения всей проблемы в целом. Все исследователи до сих пор считают, что носители этой культуры в Восточной Прибалтике являются пришлыми. В свете новейших исследований выдвинуто предположение, что жуцевская культура, ареал которой занимает территорию Литвы и западную часть Латвии, возникла при слиянии пришлой культуры шнуровой керамики с бытующими здесь нарвской и верхненеманской культурами (Римантене, 1980; Rimantienė, 1980). Это местная основа, по мнению Р. К. Римантене, выражается в наличии кремневых треугольных наконечников стрел, топоришков с четырехугольным и овальным

разрезами, а также в присутствии сосудов воронковидной формы и мисок.

В связи с этим вопросом представляет интерес выяснение взаимоотношений между восточноприбалтийской культурой шнуровой керамики и ладьевидных топоров, памятники которой расположены на востоке Латвии и Эстонии, с жуцевской культурой, ареал которой занимает западную часть Латвии и Литву.

Сопоставление шнуровой керамики Лубанской низины с подобной керамикой из поселений жуцевской культуры позволяет утверждать наличие родственных форм сосудов (кубков, горшков с налепными валиками, амфор) (Лозе, 1979; Ванкина, 1980). Вполне возможно, что это дает право предполагать родство между этими двумя культурами.

При сопоставлении восточноприбалтийской культуры шнуровой керамики со среднеднепровской культурой некоторые исследователи (Моора, 1958) предполагали, что данная культура генетически теснее связана с Приднепровьем, чем с жуцевской культурой. Однако новейшие материалы, в частности из Латвии (Лубанской низины), показывают, что эти связи были более тесными с жуцевской культурой (Лозе, 1979; Ванкина, 1980).

Таким образом, выясняется близость культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров восточной части Латвии и Эстонии с жуцевской культурой, а с другой стороны — со среднеднепровской. Нижняя дата бытования последних культур — несколько более ранняя по сравнению с восточноприбалтийской культурой шнуровой керамики.

На вероятные близкородственные отношения между племенами культур ладьевидных топоров восточной части Латвии и Эстонии с племенами жуцевской культуры указывает и краниологический материал (Денисова, 1975).

По вопросу происхождения жуцевской культуры исследователи придерживаются различного мнения. Некоторые из них (Kilian, 1955) предполагали, что она генетически восходит к саксо-тюрингской культуре, а другие, в частности Х. А. Моора, усматривали в этой культуре не только средневропейские, но и среднеднепровские элементы. По мнению Р. К. Римантене, жуцевская культура может быть связана с общеевропейским горизонтом, а среднеднепровская культура сложилась на основе ямной культуры и в дальнейшем подверглась воздействию других культур, в том числе волынской мегалитической. Р. К. Римантене, таким образом, отрицает и связь между жуцевской и среднеднепровской культурами, указывая на разные формы боевых топоров (Римантене, 1980).

Другого мнения придерживается Д. А. Крайнов. Он указывает, что культуры восточноприбалтийской шнуровой керамики, в том числе и жуцевскую, следует считать родственными со среднеднепровской культурой. Он предполагает, что культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров Восточной Прибалтики близки фатьяновской культуре, что они генетически связаны и представляют единый культурный и этнический массив населения (Крайнов, 1980).

Х. А. Моора в ряде своих статей (Моора, 1956, 1958) считал пришлые племена культуры ладьевидных топоров носителями новых этнических элементов и относил их к ранним балтам или пробалтам. Он считал, что племена культуры ладьевидных топоров

Восточной Прибалтики генетически близки племенам фатьяновской и среднеднепровской культур; и те и другие он относил к прабалтам. Свою точку зрения он подкреплял присутствием древних балтских языковых элементов в языках западных и восточных финнов. Его точка зрения подтвердилась исследованиями Б. А. Серебренникова в области установления древних балтских элементов в языках восточных финнов, это явление он относит ко II тыс. до н. э. (Серебренников, 1957). Исходя из того, что балтские языки близки и родственны славянским, Х. А. Моора вопрос о происхождении балтов связывал с вопросом о древнейшем этногенезе славян, что, по его мнению, предполагает существование древней славяно-балтской общности. Территория этой общности могла находиться в бассейне Вислы и Одера.

Р. Я. Денисова на основе детального анализа краниологического материала племен культур боевых топоров и шнуровой керамики Европы доказала сходство антропологических типов племен культуры боевых топоров Восточной и Юго-Восточной Прибалтики и фатьяновцев, что позволило ей выделить их в отдельную группу племен, имеющих общее происхождение (Денисова, 1975, с. 110). Она связала их с протобалтами, формирование которых происходило в III тыс. до н. э. «в центре этой территории, которую в мезолите и раннем неолите населяли гипердолихокранные европеоидные племена, — от низовья Вислы на западе до среднего течения Днепра на востоке». Этим самым Р. Я. Денисова подтвердила точку зрения Д. А. Крайнова, что племена шнуровой керамики и боевых топоров имели общую исходную территорию между Днепром и Вислой (Крайнов, 1972б). Существование на указанной территории протобалтийского населения подтверждается и данными топонимии и гидронимии. В. В. Седов на основании изучения гидронимов и других данных пришел к выводу, что территория Понеманья, Верхнего Поднепровья, части бассейна Зап. Двины, верховьев Оки и, возможно, Верхней Волги была занята племенами балтской языковой группы. Позднейшие археологические данные и письменные источники подтверждают существование на этой территории балтских племен.

Древние балтские племена расселились на территории, занятой племенами позднеолитической культуры, относящимися, возможно, к протофинским племенам. По мнению Л. Ю. Янитса, их отношения постепенно стабилизировались и стали мирными на основе общественного разделения труда и обмена. Пришлые скотоводы оказали сильное влияние на местные племена, принеся с собой более высокую культуру. Наличие в эстонском и финском языках балтских древних слоев, связанных со скотоводством и земледелием, объясняется, по мнению Х. А. Моора, их совместным существованием.

Восточноприбалтийская культура шнуровой керамики не исчезла бесследно и не была полностью поглощена местным населением. Она является одним из компонентов сложения культуры бронзы, выявленной на территории Лубанской низины (Лозе, 1979). Эта культура, возникшая на основе сложного процесса взаимодействия культуры шнуровой керамики и позднеолитической культуры местного происхождения, впитала в себя черты, характерные и для со-

седних культур, в частности фатьяновской. Это подтверждается наличием некоторой общности в орнаментальных мотивах керамики этих двух синхронных культур.

Древние шахты

В Северо-Западной Белоруссии в течение ряда лет (1962, 1963—1967, 1969, 1970, 1972 гг.) исследовались древние шахты по добычи кремня, расположенные на левом берегу р. Рось вблизи пос. Красносельское (Гурина, 1976). Разведочные работы обнаружили большую группу шахт на правом берегу р. Рось вблизи д. Карповцы и Новоселки.

Все шахты выработаны в меловых линзах (отторженцах, передвинутых ледником), имеющих направление запад — восток. Предметом добычи древних горняков являлись конкреции кремня, залегающие в мелу в виде цепочек горизонтального или косоугольного простирания, реже — образующих беспорядочные россыпи.

К моменту раскопок почвенный слой полностью оказался снятым, в результате чего верхняя часть шахт была уничтожена. У Красного Села исследовались пять площадок (раскопы I, II, III, IIIa, IV), расположенных одна за другой на протяжении 1,5 км. Помимо того, два раскопа были заложены у д. Карповцы и один у д. Новоселки.

В общей сложности выявлено 678 стволов шахт, раскопано 225 шахт. Глубина их, видимо, не превышала 6 м, фактически же древние горняки работали на большей глубине, учитывая высоту выброшенной пустой породы (мела) на борта ствола шахты. Диаметр шахт в верхней части в большинстве случаев равнялся 1,5—1,6 м, в нижней (если отсутствовали подбой и штреки) — не более 0,8 м.

Среди исследованных шахт обнаружены единичные в виде простых колодцев и имеющие подбой и ниши, а также комплексы шахт, числом до пяти, соединенные штреками. Встречены разведочные шахты. Форма шахт в разных раскопах зависела от положения кремневых конкреций (в виде горизонтальных, параллельных цепочек или россыпей).

Исследование многочисленных шахт Красного Села и сопоставление их с древними горными выработками других стран заставляют считать, что форма шахт не являлась преднамеренной, их конфигурация возникла в результате добычи кремня. В целом форма шахт подчинялась закону целесообразности. В местах, где кремень был заключен в твердую коренную породу — известняк, было эффективнее вести разработку кремня под землей с помощью длинных штреков и камер, относительно редко опускающая стволы шахт. Залегание кремня в мягкой меловой породе не позволяло древнему шахтеру пробивать длинные штреки и камеры, заставляя в целях безопасности часто опускать стволы шахт; пространство, разделяющее наши шахты, нередко менее 1 м. Диаметр штреков чаще всего 0,6—0,8 м, длина их до 4 м. Вход в штрек всегда находился вблизи дна шахты, штреки никогда не располагались один над другим, в то время как подбой иногда бывали в несколько ярусов. Штреки и подбой в целях безопасности разделялись «целиками» (опорными столбами), являющимися частью невы-

бранной коренной породы. Встречались небольшие «окна» в камерах для освещения и вентиляции. Выработанные древними шахтерами основные приемы горного дела сохранились до современности.

На стенах стволов шахт, камер и подбоев отчетливо видны следы от древних горняцких инструментов и копать от лучины, а также отверстия от деревянных кольев, которые, возможно, указывают на наличие деревянных помостов. В центре ряда шахт прослежены отверстия более крупного диаметра, имеющие вертикальное направление, и более мелкие, расположенные под углом к нему, свидетельствующие о наличии «лестниц» в виде ствола дерева с обрубленными сучьями.

Внутри шахт, преимущественно в подбоях, обнаружены горняцкие инструменты из рога благородного оленя. Найдены концы сломанных орудий, оставшиеся в стенах. Наличие крупной костяной иглы на дне одной из шахт, где горняк обрабатывал конкреции (о чем свидетельствует скопление сколов и отщепов, а также сильно затертая часть ствола на уровне спины сидящего человека), возможно, указывает на то, что кремневые конкреции подавались вверх в кожаных мешках.

В заполнении шахт найдено свыше 56 000 обломков расщепленного кремня, преимущественно сколов с конкреций, попавших туда в процессе последующего, после эксплуатации, оползания выброшенной породы или умышленной засыпки их шахтерами при рытье новой шахты. Древние горняки оставляли в шахтах целыми лишь мелкие конкреции и конкреции неправильной формы, непригодные для орудий.

Первичное расщепление кремня производилось наверху в непосредственной близости от стволов, нередко в верхней части полузасыпанных шахт. Изготавливались только топоры, лишь в единичных случаях — долота. Для топоров отбирались ровные конкреции, близкие по величине к форме задуманных орудий, или куски от крупных конкреций. Первичное расщепление заключалось в удалении выступов (так же как обрубают сучья у дерева). Часто отбивались два противоположных конца, в результате чего образовывались две площадки, а затем приступали к формовке орудия при помощи сколов. Нуклеусы для топоров не изготавливались.

Помимо мастерских, расположенных в непосредственной близости от входа в шахты, обнаружены места массового изготовления орудий, главным образом в верхней части полузасыпанных шахт, расположенных по краю меловой линзы. Найдено и место сезонного шахтерского поселка, а также ряд стоянок по берегу р. Рось, синхронных горным выработкам.

Как показали наблюдения за шахтами, произведенные нами в различное время года, работа древних горняков могла производиться лишь в сухое время летом, когда мел был достаточно сухим и невязким. Об этом свидетельствует и отсутствие деформации шахт, которая была бы неизбежна в дождливое время года.

Фиксация изделий, изготовленных в мастерских, позволяет выявить пути движения этой продукции, а огромное количество горных выработок (несколько тысяч) приводит к заключению о наличии в то время начальной формы общественного разделения труда и относительно развитого обмена.

Многочисленные абсолютные даты, полученные методом C_{14} , определяют время существования большинства шахт серединой II тыс. до н. э. Сосуд, найденный в погребении в одной из шахт Красного Села, и керамика из шахты близ д. Новоселки указывают на то, что во всяком случае часть шахт была связана с племенами шнуровой керамики.

Близкое сходство в приемах работы древних шахтеров (наличие в шахтах подбоев, штреков, ниш, опорных столбов, вентиляционных окон и др.), а также аналогичные роговые орудия свидетельствуют в пользу существования связи древних племен, обменивавшихся, по-видимому, не только продуктами труда, но и идеями.

Фатьяновская культура

Свое название фатьяновская культура получила по названию первого могильника, открытого в 1873 г. у д. Фатьяново Даниловского района Ярославской области*. Один из его первых исследователей А. С. Уваров отнес фатьяновский могильник к каменному веку (Уваров, 1881). В дальнейшем по мере открытия новых однотипных памятников и находок в некоторых из них медных топоров они были отнесены к медному веку (Спицын, 1903а, 1905). Первое научное обоснование фатьяновской культуры было дано В. А. Городцовым (Городцов, 1914а). Он определил территорию ее распространения, чуждость местной неолитической культуре и отнес к бронзовому веку — ко II тыс. до н. э.

Свыше 100 лет прошло со дня открытия первого могильника. Известны сотни новых могильников, редкие места поселений и найдено множество отдельных предметов. Накоплен огромный археологический материал. Написаны десятки исследований по фатьяновской культуре как в СССР, так и за рубежом**.

За послевоенные годы некоторые вопросы фатьяновской культуры получили новое освещение (Кривцова-Гракова, 1947а; Бадер, 1963; Крайнов, 1941; Брюсов, Зимина, 1966; Третьяков П. Н., 1966; Степанов, 1967; Халиков, 1969).

Благодаря широким исследованиям памятников фатьяновской культуры, предпринятым Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР, были созданы Своды памятников фатьяновской культуры (Крайнов, 1963, 1964а; Гадзяцкая, 1976) и написана фундаментальная работа по основным вопросам фатьяновской проблемы (Крайнов, 1972б). По памятникам Среднего Поволжья (балановским) также составлен подробный свод (Бадер, Халиков, 1976). Однако, несмотря на это, дискуссии вокруг вопросов происхождения фатьяновской культуры, ее периодизации, хронологии, этноса и пр. не утихают до сих пор.

Сейчас фатьяновская культура заняла значительное место в древнейшей истории центра Русской равнины. Огромная территория распространения фатьяновских памятников в Европейской части СССР, влияние фатьяновской культуры на дальнейшие исто-

* Первыми исследователями могильника у д. Фатьяново были: Андрион, В. В. Антонович, А. С. Уваров, Л. К. Ивановский и И. С. Поляков.

** Подробная историография изучения фатьяновской культуры опубликована в кн.: Крайнов, 1972б, с. 5—17.

рические судьбы древних племен Волго-Окского междуречья, ее большой вклад в историю развития культуры народов СССР ставят эту тему в один ряд с важнейшими вопросами нашей исторической науки. Кроме того, связь фатьяновской культуры с большой культурно-исторической (этнической) общностью — культурами шнуровой керамики и боевых топоров, распространенной на огромной территории от Рейна до Волго-Камья и от Южной Швеции до Прикарпатья, а также связь последней с вопросами этногенеза славян, балтов и германцев поставили фатьяновскую проблему в ряды исторических проблем общеевропейского значения.

Основными источниками по фатьяновской культуре до сих пор остаются одни могильники. Имеют значение также фатьяновские культурные остатки, обнаруженные на многих поздних неолитических стоянках Волго-Окского междуречья и в случайных местах, главным образом сверленные каменные топоры.

Фатьяновские грунтовые могильники представляют собой родовые кладбища. Располагаются они обычно на высоких холмах моренного происхождения или на береговых скатах рек, речек, озер и пр. Выбор высоких мест для погребения умерших имел не только религиозное значение, связанное с культом солнца, но и практическое значение: с высоких холмов открывался обзор окружающей местности, и сами холмы были видны издалека. Наружных признаков, свидетельствующих о погребениях, могильники не имеют, они открыты случайно при земляных работах. Поэтому о большей части могильников мы знаем лишь по случайным находкам каменных сверленных топоров и костей людей, и только незначительная часть их исследована археологами.

Грунтовые могильники встречаются на всей территории распространения фатьяновской культуры, но неодинаково. В Новгородской обл. пока известны только пять могильников, в Калининской — около 30, в Смоленской — около 15, в Московской и Калужской — свыше 30, в Ярославской — около 70, в Ивановской — свыше 40, в Костромской — около 20, во Владимирской — не более 10, в Среднем Поволжье (Чувашская АССР) учтено около 50 могильников балановского типа.

Расположение могильников и число погребений в них различно в разных регионах фатьяновской культуры. Характерно, что все могильники тяготеют к водоемам (озерам, рекам, речкам и т. д.) и располагаются, как правило, около естественных пастбищ (заливных пойменных лугов, около озерных низин, болот и пр.).

Могильники в Московской и Калужской обл. находятся на высоких береговых склонах рек и речек и в их долинах, в Калининской обл. — и на береговых склонах, и на высоких холмах моренного происхождения, особенно в северной части области. Могильники Ярославской, Ивановской и Костромской обл. в основном расположены на высоких моренных холмах. Создается впечатление, что пространства севера и востока Калининской и Ярославской обл., запада Ивановской и севера Московской обл. особенно привлекали фатьяновцев. Очевидно, первоначальные могильники располагались по речным путям и только в позднее время развития фатьяновской культуры они появляются на водоразделах (Вауловский, Фать-

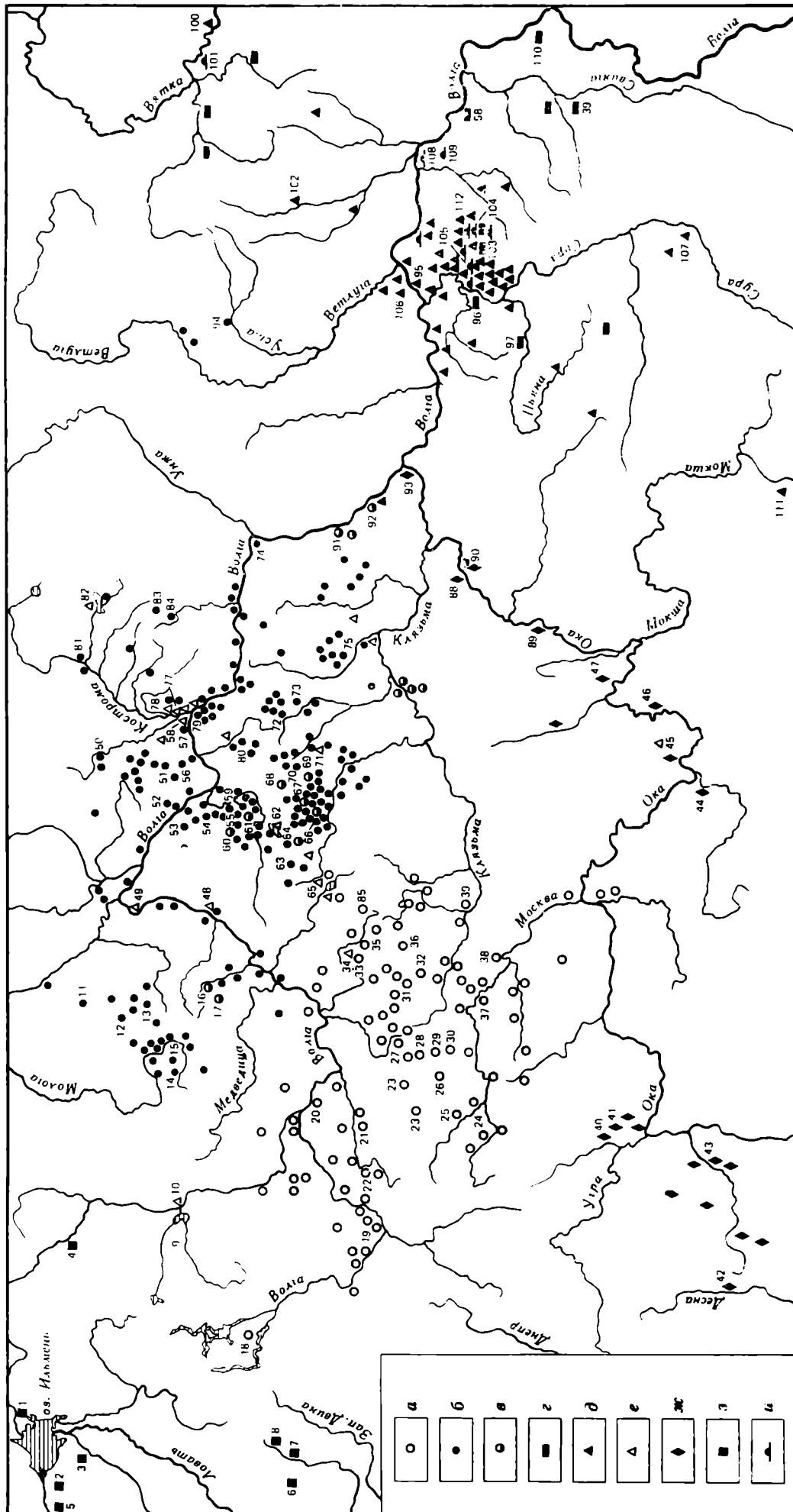
яновский, Волосово-Даниловский, Великосельский, Тимофеевский, Горкинский и др.).

На ранней стадии развития фатьяновской культуры могильники с числом погребений 2—10 чаще располагаются на берегах рек, они встречены в Московской и на юге Калининской обл. На развитой стадии они располагаются в основном на высоких моренных холмах недалеко от водоемов, число погребений — от 10 до 25 (Ярославская, Ивановская и север Калининской обл.). На поздней стадии могильники появляются на водоразделах, но обязательно около берегов речек, число погребений от 25 до 125 и выше. Самыми большими могильниками на Верхней Волге являются Волосово-Даниловский (125 погребений), а на Средней Волге — Балановский (117 погребений). Увеличение числа погребений в могильниках идет в направлении к северу, северо-востоку и востоку. Данный факт подтверждает наш вывод о постепенном освоении территории и дает ключ к выяснению направлений в расселении фатьяновских племен и определению хронологии тех или других памятников.

В Московской обл. могильники редки и расположены сравнительно далеко друг от друга, а на севере Калининской, в Ярославской и Ивановской обл. они сосредоточены группами — «гнездами» на расстоянии 1—2 км. «Гнездовое» расположение могильников указывает на концентрацию отдельных фатьяновских племен в определенных местах.

Наряду с грунтовыми могильниками у фатьяновцев существовали и курганные могильники, но появляются они на поздней стадии развития культуры и главным образом на Средней Волге на балановской территории. Их очень немного и они не характерны для фатьяновской культуры. Отдельные погребения встречаются на многослойных поселениях по берегам рек (Ока), указывая путь движения фатьяновских племен на восток.

Вопрос о поселениях фатьяновской культуры до сих пор окончательно не решен для ее значительной территории. Только в восточной, балановской части ее ареала теперь известны десятки поселений (Степанов, 1950, 1967; Бадер, 1963; Халиков, 1969; Бадер, Халиков, 1976). «Отсутствие» поселений на большей части территории фатьяновской культуры объясняется исследователями по-разному. Одно время приверженцы автохтонного происхождения фатьяновской культуры считали определенные неолитические стоянки фатьяновскими поселениями, а керамику из могильников рассматривали как ритуальную. Другие исследователи отсутствие поселений объясняли кочевым бытом фатьяновских племен (Третьяков П. Н., 1966), оставивших недолговременные поселения типа селищ, или расположением фатьяновских поселков в неисследованных археологами местах (на торфяниках, распаханых полях и пр.), на водоразделах (Бадер, 1939). П. Н. Третьяков, базируясь на мнении А. Я. Брюсова о враждебных отношениях местных охотничье-рыболовческих племен к пришлым фатьяновцам (Брюсов, 1952), высказал предположение о кратковременности фатьяновских поселений, культурный слой в которых не успевал накапливаться (Третьяков П. Н., 1966). Некоторые ученые запада считали фатьяновцев военными отрядами, которые при частых передвижениях не оставляли стоянок с большим культурным

Карта 5. Распространение основных памятников фатьяновской культуры

а — могильники московско-клязьминской группы; *б* — могильники верхневолжской группы; *в* — могильники «смешанные», московско-клязьминской и средневолжской групп; *г* — могильники «смешанные», верхневолжской и средневолжской групп; *д* — могильники средневолжской (балановской) группы; *е* — стоянки верхневолжской группы; *ж* — могильники окско-деснинской группы; *з* — могильники двинско-ильменской группы; *и* — курганные могильники средневолжской группы.

Памятники Новгородской обл.: 1 — Бронницкий могильник; 2 — Подгощинский могильник; 3 — Старорусский могильник; 4 — д. Елга; 5 — Шелонский могильник;

Памятники Калининской обл.: 6 — г. Торопец; 7 — Выгородово; 8 — Мартисовский могильник; 9 — с. Городолюбля; 10 — Вышний Волочек (стоянка); 11 — Овинищинский могильник; 12 — Краснохолмский могильник; 13 — Желобнянский могильник; 14 — Лозьевский могильник; 15 — Болшневский могильник; 16 — Олочинский могильник; 17 — Таскаихский могильник; 18 — с. Хотошино; 19 — Лихачевский могильник; 20 — Ошурковский могильник; 21 — Тургиновский могильник;

Памятники Московской обл.: 22 — Абушковский могильник; 23 — Новлянский могильник; 24 — Ханевский могильник; 25 — Ивановогорский могильник; 26 — Баланинский могильник; 27 — Солнечногорский могильник; 28 — Пятницкий могильник; 29 — Бужаровский могильник; 30 — Трусовский (Истринский) могильник; 31 — Икшанский могильник; 32 — Протасовский могильник; 33 — с. Николо-Перевоз (могильник); 34 — Николо-Перевоз (стоянка); 35 — Кузьминский могильник; 36 — Ахтырский могильник; 37 — Давыдовский могильник; 38 — Верейский могильник; 39 — Бушковский могильник;

Памятники Калужской обл.: 40 — Михеевский могильник; 41 — Детчинский могильник; 42 — Людиновский могильник; 43 — Козельский могильник;

Памятники Рязанской обл.: 44 — Поркинский могильник; 45 — с. Горицы; 46 — с. Куземкино; 47 — г. Касимов;

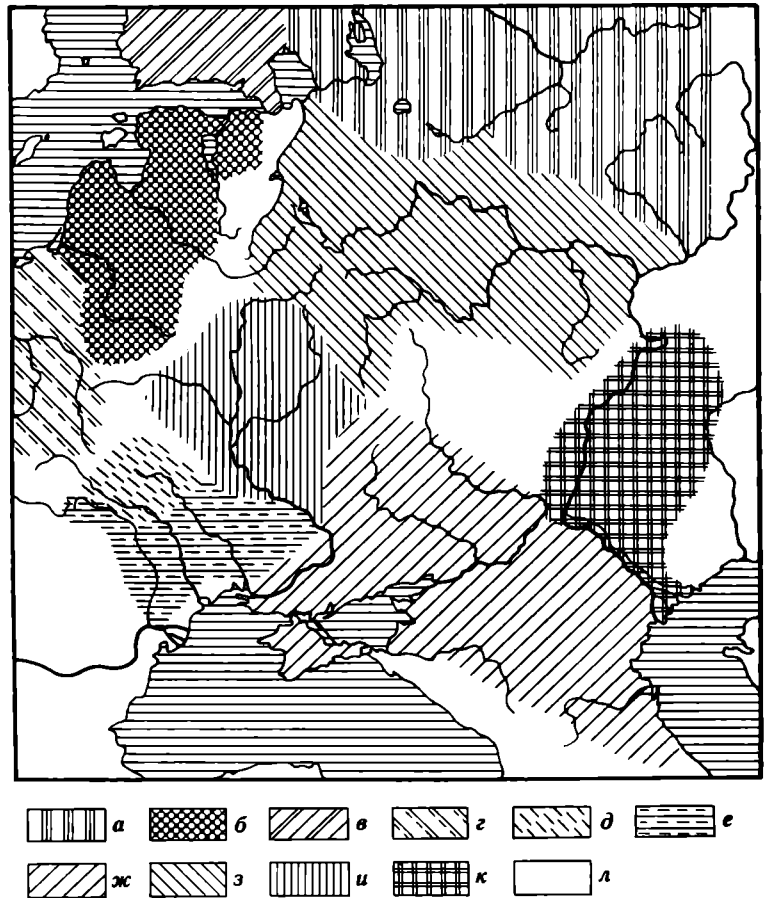
Памятники Ярославской обл.: 48 — Золоторучьинская стоянка; 49 — Копринская стоянка; 50 — Пречистынский могильник; 51 — Волосово-Даншловский могильник; 52 — Холмовогорский могильник; 53 — Вауловский могильник; 54 — Наумовский могильник; 55 — Никольский могильник, Воронковский могильник; 56 — Фатьяновский могильник; 57 — Воронковский могильник; 58 — д. Ворокса (стоянка); 59 — Великосельский могильник; 60 — Халдеевский могильник; 61 — Голузинский могильник; 62 — Рождественский остров (стоянка); 63 — Фатьяновский могильник II; 64 — Карашский могильник; 65 — Дикариха (стоянка);

Памятники Ивановской обл.: 66 — Милославский могильник; 67 — Ильинско-Хованский могильник; 68 — Тимофеевский могильник; 69 — Кривцовский могильник; 70 — Мытищинский могильник; 71 — Сахтыш I, II, IV (стоянки); 72 — Скомороховский могильник; 73 — Дьяковский могильник; 74 — Юрьевецкий могильник; 75 — Змеевский могильник; 76 — Заборьевский могильник;

Памятники Костромской обл.: 77 — Борань (стоянка); 78 — Станок (стоянка); 79 — Говядиновский могильник; 80 — Горпцкий могильник; 81 — г. Буй (могильник); 82 — Галичская стоянка (Туровская); 83 — Юрьевский могильник; 84 — Игодовский могильник;

Памятники Владимирской обл.: 85 — Сущевский могильник; 86 — Ковровский могильник; 87 — Шашевский могильник; 88 — Плеханов Бор (стоянка); 89 — Панфилово (стоянка);

Памятники Горьковской обл. и Среднего Поволжья: 90 — д. Кошкино; 91 — Губцевский могильник; 92 — Чуркинский могильник; 93 — Сейма (стоянка); 94 — Уреньский могильник; 95 — Васильсурское поселение; 96 — Курмышский могильник; 97 — Сергачский могильник; 98 — Балановский и 99 — Козловский могильник; 100 — Буй II (поселение); 101 — Спидовский курган; 102 — Кубашевское поселение; 103 — Таутовский грунтовый могильник; 104 — Таутовский курганный могильник; 105 — Атли-Касинский могильник; 106 — Галанкина Гора (поселение); 107 — Оп-Пандо (поселение); 108 — Чурачикский I курган; 109 — Чурачикский II курган; 110 — Красновидовский могильник; 111 — Озименки (стоянка); 112 — Хула-Суч

Карта 6. Фатьяновская культура и ее окружение

а — северные культуры с ямочно-ребричатой керамикой; *б* — прибалтийская культура ладьевидных топоров; *в* — финская культура ладьевидных топоров; *г-д* — культура шаровидных амфор и шнуровой керамики; *е* — позднетрипольская культура; *ж* — катакомбная культура; *з* — фатьяновская культура; *и* — среднеднепровская культура; *к* — полтавкинская культура; *л* — неисследованные места

слоем. Вряд ли это утверждение соответствует действительности. Сейчас известны фатьяновские могильники с большим количеством погребений (20–40 и свыше 100), что свидетельствует об их длительном обитании на одном месте.

При решении этого вопроса надо исходить из хозяйственной деятельности фатьяновских племен, специфики их лесного скотоводства и, возможно, «огневого» земледелия. Кроме того, необходимо по-новому взглянуть на все увеличивающиеся факты нахождения фатьяновских культурных остатков на позднеолитических стоянках. Эти находки раньше расценивались как факты связи местных племен с фатьяновцами. Мы же сейчас склонны видеть в них остатки фатьяновских поселений. Эти места встречаются на всей территории, занятой фатьяновскими племенами, но не в одинаковой мере. Чем дальше на восток от Московской, Калужской и Калининской областей, тем больше фатьяновских вещей на позднеолитических стоянках. Следует отметить, что всюду фатьяновские вещи на стоянках встречаются только в поздневолосовских слоях и слоях с текстильной керамикой, что дает право датировать начало фатьяновской культуры временем поздних волосовцев, а конец ее — временем распространения ранней текстильной керамики.

Небольшое количество фатьяновских вещей на стоянках в Калининской, Московской и части Ивановской обл., а также малое число погребений в могильниках этих областей позволяет предполагать большую подвижность московско-клязьминских племен фатьяновской культуры и наличие здесь небольших кратковременных поселений. На территории распространения верхневолжских фатьяновских племен количество фатьяновских культурных остатков на позднеэолитических стоянках возрастает в направлении с запада на восток и северо-восток, о чем свидетельствуют находки на таких стоянках, как Золоторучье I, Рождественский остров, Польцо, Дикариха, Торговище I, Николо-Перевоз, Ворокса, Туровская, Борань, Станок, Федоровская, Сахтыш I, II, IV, VIII, Толстуха и др. (Крайнов, 1972б). Если на западных стоянках находки исчисляются единицами, то на восточных, таких как Николо-Перевоз, Борань, Сахтыш I, Дикариха и др., находки исчисляются десятками и сотнями.

Рядом с этими поселениями обнаружены и фатьяновские могильники, а на стоянке Николо-Перевоз — фатьяновские погребения. На этих стоянках найдены обломки типичных фатьяновских глиняных сосудов, каменные сверленные топоры-молотки, выверлины от топоров, указывающие на производство их здесь же на поселениях; кремневые клинья, ножи, скребки, костяные украшения, костяные орудия фатьяновского типа и др. Кроме того, на указанных стоянках встречаются тонкостенная керамика с примесью песка с нарезным и штампованным мелкозубчатым орнаментом, культурная принадлежность которой не определена. Она близка фатьяновской и также встречена в позднеэолосовском слое. На стоянках Сахтыш I, II особенно много этой «фатьяновской» керамики. Возможно, это кухонная посуда. Примеров резкой разницы кухонной и ритуальной посуды в одной культуре много даже на территории Европейской части СССР. На Средней Волге фатьяновские (балановские) вещи также находят на поздних стоянках, там же обнаружены десятки фатьяновских поселений (Бадер, 1963; Халиков, 1969; Бадер, Халиков, 1976). За последние годы увеличилось количество находок на поселениях фатьяновских вещей, встречены скорченные погребения и другие культурные остатки на многочисленных стоянках Волго-Окского междуречья.

Рассмотренные примеры приводят к необходимости переоценки вопроса о поселениях фатьяновской культуры. Возможно, выясненная нами закономерность в увеличении количества фатьяновских находок на поселениях и количества погребений в могильниках рисует картину расселения и постепенного оседания фатьяновских племен в направлении с запада на восток.

Случайные находки вещей фатьяновской культуры, главным образом каменных сверленных топоров-молотков, также служат важным источником для установления локализации определенных форм топоров, топографии их находок, передвижения отдельных племен и освоения ими территории. Случайные находки топоров встречаются преимущественно по берегам крупных рек (Западная Двина, Волга, Ока, Клязьма и др.), указывая тем самым на значение речных путей при передвижениях фатьяновских

племен. Наблюдается увеличение количества случайных находок в направлении с запада на восток и северо-восток, что совпадает с расширением ареала культуры в указанном направлении.

На основании учета всех памятников фатьяновской культуры (могильников, поселений и мест случайных находок) устанавливается огромная территория их распространения (карта 5). Из приведенной карты видно, что фатьяновские племена во II тыс. до н. э. занимали почти всю центральную (лесную) часть европейской территории СССР — от Псковского озера до р. Вятки, от верховьев Десны до устьев Суры, Свияги и Цивили и от границ Вологодской области до Пензы*.

Следует указать, что западные границы культуры еще недостаточно выяснены, так как здесь не производились такие широкие плановые исследования фатьяновских памятников, как в Волго-Окском междуречье. Обнаруженные в этой зоне каменные сверленные топоры-молотки разнородны, что указывает на контактную зону с родственными прибалтийскими культурами боевых топоров. Северная граница очерчена по массовым находкам топоров и могильникам. Здесь фатьяновские памятники встречаются далеко за Волгой — у южных границ Вологодской и Кировской обл. Отдельные находки фатьяновских топоров обнаружены на берегах Белого озера и в других местах Вологодской и Архангельской обл. Они, очевидно, указывают или на связи с местными племенами, или на проникновение по рекам и речкам небольших групп фатьяновцев далеко на север.

На юго-западе фатьяновские памятники известны в верховьях Десны и Оки. Здесь они граничат со среднеднепровской культурой. На юге граница проходит ниже среднего течения р. Оки. На юго-востоке и востоке фатьяновские памятники балановского типа распространялись по Суре, Свияге, Цивилю и Мокше. В Среднем Поволжье они спускаются по Волге ниже устья Камы. Отдельные могильники встречаются на р. Белой (у г. Бирска) и даже в Башкирии найдено несколько каменных сверленных топоров фатьяновского типа. Очевидно, отдельные группы фатьяновцев проникали далеко на восток, на территорию распространения медистых песчаников, в поисках металлургического сырья.

Обширная территория, занятая фатьяновскими племенами, а также плотность расположения памятников приводят к выводу об относительной длительности существования культуры. Обзор карты ареала фатьяновской культуры показывает, что концентрация памятников различна. Их немного в западной части ареала (Новгородская, Псковская, Великолукская обл.), что, вероятно, объясняется недостаточной исследованностью. В Калининской обл. их значительно больше и число их увеличивается вниз по течению р. Волги. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в Бежецком, Краснохолмском, Кашинском, Калязинском, Кимрском, Ржевском и Зубцовском районах.

Расположение памятников на карте дает наглядное представление о движении фатьяновских племен, с одной стороны, по Западной Двине на Волгу, а с

* Д. А. Крайнов причисляет могильники балановского типа к фатьяновской культуре (Прим. ред.).

другой — с территории Смоленской области по Днепру и Вазузе на Волгу. Очевидно, территория первых фатьяновцев была сравнительно небольшой и только позднее произошло постепенное расселение фатьяновских племен.

Сходство погребального обряда, погребального инвентаря, других элементов материальной культуры свидетельствует, что фатьяновские племена, расселившиеся на огромной территории, имели генетическое родство и составляли единую культурно-историческую общность.

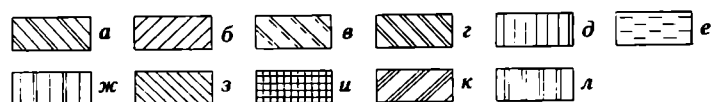
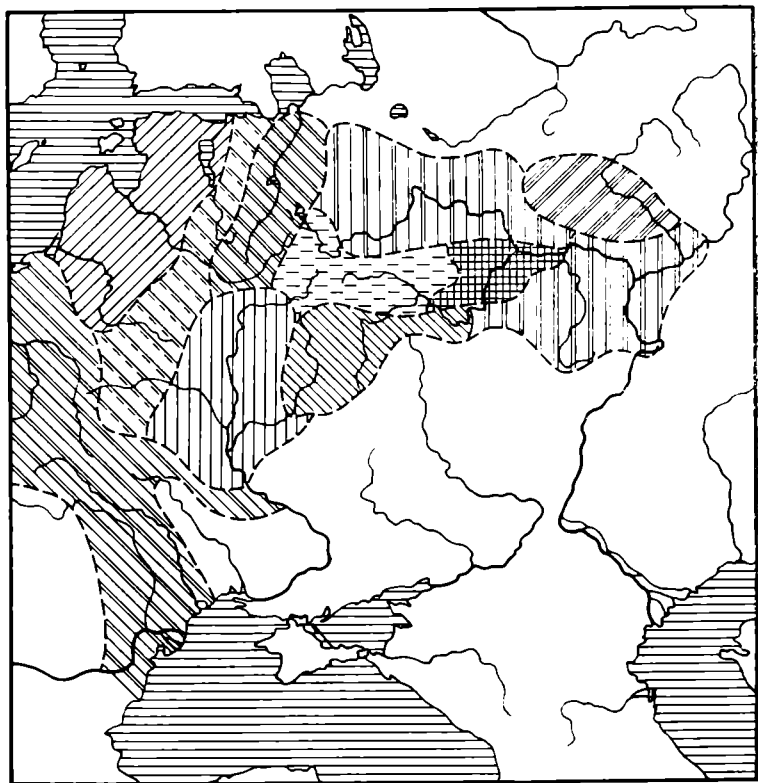
Исследования фатьяновских памятников позволяют выделить среди них локальные и хронологические группы. О. А. Кривцова-Гракова первая поставила вопрос о неоднородности фатьяновских памятников и наметила три разновременные группы могильников: московскую, ярославскую и чувашскую (восточную) (Кривцова-Гракова, 1938, 1947а). В основном она правильно подметила своеобразие каждой из трех основных групп, но вряд ли можно согласиться с ней о прямолинейной трансформации одной группы в другую с последовательным исчезновением предыдущей. Одновременно Д. А. Крайнов выделил четыре группы фатьяновских памятников с подразделением каждой из них на ранние и поздние (Крайнов, 1941). Позднее О. Н. Бадером восточные памятники фатьяновской культуры были выделены в самостоятельную балановскую культуру. В дальнейшем им и А. Х. Халиковым были разработаны и освещены вопросы происхождения, хронологии, периодизации обряда погребения, материальной культуры и хозяйства балановской культуры (Бадер, 1950а, 1961б, 1963 и др.; Халиков, 1964, 1969 и др.).

На основании современных данных фатьяновские памятники можно разбить на следующие основные локально-хронологические группы (карта 7):

1. Двинско-ильменская группа. Памятники сосредоточены по верховьям Западной Двины, по Ловати, берегам Ильменского озера, по Волхову и Мсте. Они граничат на юго-западе с латвийскими, в районе Псковского озера — с эстонскими и на севере — с финскими памятниками культуры ладьевидных топоров (карта № 5). Памятники этой группы имеют смешанный характер — фатьяновско-прибалтийский.

2. Московско-клязьминская группа. Ее памятники концентрируются в верховьях Днепра и Волги, по Москве-реке и Клязьме с их притоками. Они занимают Смоленскую и Московскую обл., юг и юго-запад Калининской обл., юг Ярославской, юго-запад Ивановской, большую часть Владимирской и север Калужской обл. Отмечается близость этих памятников с верхнеднепровскими памятниками среднеднепровской культуры*. Возможно, в будущем здесь можно будет выделить особую группу (карта № 5).

3. Верхневолжская группа. Памятники ее располагаются по Верхней Волге и ее притокам и отчасти по северным притокам Клязьмы. Они занимают северную половину Калининской и Ярославской обл., Костромскую обл. и часть Ивановской. На левом берегу Волги они доходят до границ Вологодской и Кировской обл., на востоке частично заходят в Горь-

Карта 7. Предполагаемые зоны распространения групп фатьяновской культуры

а — культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики; б — культуры ладьевидных топоров Прибалтики; в — неисследованная зона; г — двинско-ильменская группа; д — среднеднепровская культура; е — московско-клязьминская группа; ж — верхневолжская группа; з — окско-деснинская группа; и — нижнеокская группа; к — вятско-ветлужская группа; л — балановская группа (средневолжская)

ковскую обл. Продвижение этих племен хорошо прослеживается вниз по Волге. По количеству объектов это самая многочисленная и выразительная группа (карта № 5).

4. Окско-деснинская группа. Ее памятники расположены в Верхней Окско-Деснинской речной системе. Они занимают территории Орловской, Брянской и Рязанской обл., а также части Калужской (по Угре), Московской (юг) и, возможно, Курской обл. (карта № 5). Эти памятники, с одной стороны, близки среднеднепровским памятникам, а с другой — московско-клязьминским и ранним сурско-свияжским. Они также являются смешанными в пограничных территориях.

5. Сурско-свияжская группа (балановская). Памятники этой группы сосредоточены по Суре, Свияге, Цивилю, Мокше, Нижней Каме и Средней Волге, т. е. занимают огромную территорию в Пензенской и Горьковской обл., а также в Мордовской, Чувашской и Татарской АССР (карта № 5). Эта многочисленная группа в основном является более поздней, чем московско-клязьминская и верхневолжская*.

* Поскольку в данном томе глава о балановской культуре выделена отдельно, в данном разделе не дается характеристика ее памятников и только в отдельных случаях привлекаются сравнительные данные.

* В пограничной (контактной) зоне трудно отличить фатьяновские памятники от памятников родственной среднеднепровской культуры.

Кроме этих основных групп выделяются хронологические группы памятников нижнеокских и вятско-ветлужских. Наиболее ранние памятники встречаются на Западной Двине, Ловати, по верховьям Днепра и Волги, на Москве-реке, Десне, в верховьях Оки и на Свияге, а наиболее поздние — в Ярославско-Костромском Поволжье, на Средней Волге и в Вятско-Ветлужском междуречье.

Сейчас все исследователи признают, что фатьяновские племена являются пришлыми. Они расселились в основном на территории, занятой поздневолосовскими племенами. Приходится признать или одновременное сосуществование на одной территории фатьяновцев и поздних волосовцев, или допустить, что фатьяновские племена вытеснили волосовские и частично смешались с ними. Возможно, в Волго-Окском междуречье фатьяновцы попали не в чуждую среду, а в этнически близкую волосовскую среду. На западе фатьяновские племена соприкасались с балтийскими родственными культурами ладьевидных топоров, на юго-западе — со среднеднепровскими родственными племенами. На юге они граничили с чуждыми им поздними катакомбными племенами, на юго-востоке — с полтавкинской и позднее — с абашевской культурами, на востоке — с приуральскими и камскими племенами эпохи бронзы и на позднем этапе — с племенами срубной культуры.

Не исключено, что у фатьяновцев были контакты и с племенами андроновской культуры, о чем свидетельствуют могильники у г. Бирска на р. Белой и находки фатьяновских топоров в Башкирии. На севере и северо-западе с фатьяновцами соприкасались потомки племен поздних культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Погребальный обряд и погребальный инвентарь фатьяновцев являются основным историческим источником для суждения о фатьяновском обществе в целом, его хозяйстве, социальном устройстве и духовной культуре. Если у местных неолитических обитателей (охотников и рыболовов) погребения совершались прямо на поселениях около жилищ, то у фатьяновских скотоводческих племен «жилища мертвых» отделяются от «жилищ живых». У них появляются кладбища на высоких холмах, что свидетельствует об особых верованиях фатьяновцев, возможно, об отделении в их сознании земной жизни от загробной.

Своих умерших фатьяновцы погребали в грунтовых могильных ямах, однообразное устройство которых было общим для всех фатьяновских племен. Глубина могил различна — от 10 до 270 см, в большинстве — от 100 до 150 см. Размеры также неодинаковы: самые большие достигали величины 560 × 300 см, а самые малые — от 150 до 90 см. Размеры, глубина и место могил на могильниках зависели от общественного положения погребенных и возраста: чем почетнее и старше был член рода, тем больше размеры и глубина могилы. У различных фатьяновских племен при наличии общих черт в ориентировке могил отмечаются и различия. 1) В московско-клязьминских памятниках преобладает направление могил с востока на запад, а позднее — с юго-востока на северо-восток, но вместе с этим существуют направления юго-восток — северо-запад и юг — север. 2) В верхневолжских памятниках основной ориентировкой

могил является юго-запад — северо-восток, но встречаются юго-восток — северо-запад, юг — север и восток — запад. Надо отметить, что ориентировки юго-восток — северо-запад и юг — север наблюдаются в основном в памятниках Ивановской обл., связанных с Клязьминской речной системой. 3) В Балановском могильнике господствуют две ориентировки: юго-запад — северо-восток и юг — север, но есть восток — запад и реже — юго-восток — северо-запад.

В могилах устраивали особые погребальные сооружения прямоугольной формы с выступающими углами сложной конструкции (рис. 24). Они впервые были открыты Д. А. Крайновым при раскопках в 1933 г. Вауловского могильника в Ярославской обл. (Крайнов, 1941). Делались они из легкого разнообразного материала (деревянных плах, досок, луба, бересты, плетенки и др.). Иногда стенки сооружения обмазывали глиной. Различная высота и размеры сооружений указывают, вероятно, на неодинаковое общественное положение погребенных. Такие погребальные сооружения («жилища мертвых») встречаются в московско-клязьминских, верхневолжских и средневолжских фатьяновских памятниках, у прибалтийских племен культуры ладьевидных топоров, в Финляндии и Дании в одиночных погребениях культуры с боевыми топорами, указывая на общность их происхождения.

Погребальные сооружения устанавливались после копки могил, а покойника, завернутого в шкуру или бересту, клали в готовое сооружение, верх которого покрывался легким настилом. Почти все погребенные лежали в скорченном положении на правом или левом боку, мужчины в основном на правом боку головой на запад, юго-запад и северо-запад, а женщины на левом боку головой на восток, юго-восток и северо-восток. Соответственно полу погребались и дети.

Однако есть исключения в положении покойников, особенно в парных погребениях. Положение погребенных на спине с раскинутыми ногами обнаружено только в семи случаях в могильниках всех групп (рис. 24, б). Трупосожжение встречается редко и только в памятниках, граничащих со среднеднепровскими (Истринском, Тургиновском и Ошурковском могильниках).

Ориентировка лица погребенных фатьяновцев направлена в основном на юг, юго-восток и восток, т. е. связана с положением солнца. Возраст погребенных различен. Наибольшая смертность взрослых падает на возраст от 30 до 50 лет, а детей — от 2 до 5 лет. Женщины редко доживали до 40 лет, а мужчины жили дольше, но крайне редко — до 60 или 70 лет. Этот возраст характерен для наиболее богатых погребений, главным образом «вождей».

В погребальном обряде большую роль играл уголь. В некоторых могилах встречаются скопления углей в виде кострищ и отдельных угольков. Часто находят угли около черепа и ног. Очевидно, огонь считали очистительной силой. Иногда в погребениях под сосудами лежали кремневые отщепы, положенные сюда, очевидно, как символ огня. Очень редко встречается в погребениях красная краска.

Все фатьяновские погребения сопровождаются погребальным инвентарем, состоящим из каменных, кремневых, костяных и металлических орудий и по-

делок, глиняных сосудов, костей животных*, раковин и пр. Количество и качество погребального инвентаря зависит от пола и возраста погребенных, кроме того, есть более богатые и бедные погребения, что указывает на зачатки имущественного или социального неравенства. К наиболее богатым относятся погребения военачальников или вождей.

В расположении инвентаря наблюдается довольно строгая закономерность. Определенного назначения вещи всегда занимали одно и то же место в могиле. Боевые каменные сверленные топоры-молотки клали на ранней стадии развития культуры с каждым мужчиной, а иногда с женщинами и детьми. У мужчин они обнаружены около головы, а у юношей — в ногах. Медные вислообушные топоры клались в берестяных футлярах только в могилы вождей, чаще перед лицом.

Кремневые клиновидные топоры встречаются во всех погребениях, кроме могил «вождей». Располагаются они у ног, но иногда у пояса, перед лицом и за черепом. Почти обязательное присутствие их во всех погребениях, даже в детских, свидетельствует о важном значении этого орудия в хозяйстве фатьяновского общества. Полировальные каменные плиты встречаются редко и только в мужских могилах.

Кремневые ножи — также необходимая принадлежность каждого погребения. В их расположении наблюдается строгая закономерность. У мужчин они находятся у пояса, рядом с кистью руки, а у женщин — в ногах около сосудов или в сосудах. Другое расположение крайне редко. Этим, очевидно, подчеркивается роль мужчины — воина, пастуха и охотника и женщины — домашней хозяйки. В ранних могильниках присутствуют настоящие ножи, а в поздних они заменяются их «символами» (обломками, недоработанными орудиями, осколками и пр.). Костяные орудия встречаются одинаково во всех погребениях и находятся в основном у ног погребенных и реже — в других местах. В женских погребениях они часто обнаружены в сосудах. Шилья, проколки, лопца сопровождают в основном женские погребения, а долота, наконечники стрел, кинжалы, роговые острия и пр. — мужские погребения.

Из металлических вещей с мужчинами кладут топоры, копья и редко украшения, а с женщинами — медные шилья и разнообразные украшения: браслеты, перстни, привески, пронизки, спиральки, колечки и пр.

В женских погребениях очень часты всевозможные украшения из зубов и костей животных и птиц, а также пронизки (бусы) из раковин речной двустворки и редко — из янтаря. По их расположению можно судить, что они употреблялись не только в качестве ожерелий, но и как украшения головного убора, одежды и обуви.

Во всех могилах обычны различные амулеты, сделанные из клыков и зубов медведя (иногда с медными колечками), собаки и кабана. Зубы собаки кладутся как обереги в разных местах погребений. Амулеты из клыков медведя кладутся около кистей рук, около пояса или черепа.

Характерной чертой всех фатьяновских погребений является своеобразная круглодонная бомбовид-

ная и шаровидная посуда. Сосуды ставятся в разном количестве (от 1 до 8), но также в определенных местах. Основная масса (80%) находится в ногах погребенных у стенки сооружения. За черепом, перед лицом и у пояса сосуды встречены редко и только в погребениях женщин и юношей. Иногда (в богатых погребениях) их находят на крыше погребального сооружения. В женских погребениях всегда больше сосудов, что доказывает особую роль женщины в домашнем хозяйстве.

В московско-клязьминских могильниках в одной могиле было в среднем один — два сосуда, в верхневолжских — два — четыре сосуда, а в Балановском могильнике — еще больше. Увеличение количества сосудов и большее разнообразие их форм на поздней стадии развития говорят об усложнении хозяйства и улучшении жизненных условий фатьяновцев.

Известны находки и других вещей: раковин речного моллюска, кусков смолы и вара, трута, огнива, кремневых пластинок, скребков, нуклеусов, осколков, наконечников стрел, резчиков и т. д. Они дополняют наши сведения о различных сторонах жизни фатьяновцев. Кроме того, в могилах встречаются кости животных (главным образом свиньи и овцы) — это остатки мясной пищи, сопровождавшей погребение. В некоторых могилах встречаются кости свиньи и овцы в анатомическом порядке (клались части туш этих животных). Костные остатки мясной пищи всегда наблюдались в ногах погребенного рядом с сосудами и редко в сосудах. Следует отметить, что кости крупного рогатого скота никогда не были встречены. Только в поздних могильниках встречаются поделки из костей коровы и остатки черепов над могилами. Этот факт, возможно, указывает на молочное направление скотоводства. Наконец, следует упомянуть о ритуальных погребениях животных в некоторых могильниках фатьяновской культуры: овцы — козленка в Суцевском, Говядинском, Фатьяновском и Вауловском могильниках (в последнем овца была захоронена в отдельной могиле в погребальном сооружении — как человек) (Крайнов, 1941); медведей в Холмогорском и Вауловском могильниках, захороненных отдельно от человека; собак в Тимофеевском, Волосов-Даниловском и Болшневском могильниках (Крайнов, 1972б).

Совокупность всех современных данных, полученных исследованиями фатьяновских памятников, приводит к выводу о существовании у фатьяновских племен комплексного хозяйства (скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства и собирательства) с главенствующей ролью скотоводства; о существовании земледелия имеются только косвенные данные.

Остеологические остатки домашних животных из могильников разных групп, детали обряда погребения, топография расположения могильников, изменения количества и форм сосудов в погребениях и т. д. дают возможность восстановить картину развития скотоводства у фатьяновцев. В ранних могильниках московско-клязьминской группы встречаются костные остатки свиньи и очень редко овцы. В более поздних памятниках на Верхней Волге кости свиньи и овцы найдены в одинаковом количестве, а в самых поздних могильниках Верхней и Средней Волги, относящихся ближе к середине II тыс. до н. э., наряду с костями свиньи и овцы появляются кости коровы

* Остатки ритуальной пищи.

и лошади. Таким образом, на ранней стадии развития главную роль в стаде играет свинья, затем увеличивается роль овцы. (Кстати, такая же картина наблюдается и в памятниках среднеднепровской культуры и прибалтийской культуры ладевидных топоров). Появляются специальные ритуальные погребения овцы на могильниках. На самой поздней стадии возрастает роль крупного рогатого скота, разводимого главным образом для получения молочной продукции. Скотоводство становится основой хозяйства фатьяновских племен.

Фатьяновцы пасли свой скот в лесах, и это резко отличает фатьяновское скотоводство от степного, где свинья играет в стаде ничтожную роль. Скотоводство фатьяновцев сходно со скотоводством племен родственных культур Среднего Днепра, Белоруссии и Прибалтики. Вероятно, скотоводство у фатьяновцев было стойловым, придомным, с заготовкой корма на зиму (веники, ветки, кора, сено, желуди и пр.) и летними выпасами, совершаемыми пастухами-мужчинами со сторожевыми собаками. Погребения таких пастухов с собаками найдены в Волосово-Даниловском, Тимофеевском и Болшеневском могильниках (Крайнов, 1972б). Скотоводство давало основную пищу фатьяновцам (мясо и молочные продукты), а также кожу, шкуры и шерсть для производства обуви и одежды. Кости животных шли на выработку орудий и поделок.

О формах земледелия фатьяновцев пока трудно судить. Еще В. А. Городцов допускал наличие у фатьяновцев земледелия на основании находок бронзовых серпов на территории распространения фатьяновской культуры (Городцов, 1914а). С. П. Толстов и П. Н. Третьяков также считали возможным существование у фатьяновцев земледелия, но существенных доказательств не приводили (Толстов, 1930; Третьяков П. Н., 1935). Более подробную характеристику земледелия фатьяновцев дает О. Н. Бадер. Он называет его подсечным, исходя только из расположения фатьяновских памятников (Бадер, 1939). Скорее оно было подсечно-огневым (Крайнов, 1972б). Поэтому большой интерес представляют безлесные пространства Ярославской, Ивановской и Калининской обл. (Бежецкий, Даниловский районы). Здесь фатьяновские могильники располагаются группами. Вероятно, эти безлесные пространства — результат подсечно-огневого земледелия фатьяновцев. Но, очевидно, оно не имело основного значения в хозяйстве, и поэтому земледельческие орудия в обряде погребения не зафиксированы. Однако увеличение количества клиновидных кремневых топоров в погребениях поздних могильников косвенно свидетельствует о возможности подсечно-огневого земледелия у фатьяновцев.

Вероятно, значительное место в хозяйстве фатьяновцев занимала и охота. Костные остатки в могильниках свидетельствуют об охоте на медведя, северного оленя, лося, кабана, косулю, куницу, лисицу, рысь, волка, бобра и пр. Она производилась с целью добычи мяса и пушнины. Домашняя собака типа лайки была, очевидно, не только сторожем стада, но и участвовала в охоте.

Находки костей рыб, бус из рыбьих позвонков и раковин речных моллюсков свидетельствуют о рыболовстве и собирательстве.

Наряду с основными видами хозяйственной деятельности фатьяновцы занимались производством орудий труда и быта, оружия, украшений, гончарным делом, металлообработкой, строительством жилищ, лодок и т. д.

Несмотря на находки металлических изделий в фатьяновских могильниках, основную роль в их хозяйственной деятельности продолжают играть орудия, сделанные из камня, кремня и кости. Наивысшего мастерства фатьяновцы добились в выработке каменных сверленых боевых топоров-молотков. Сейчас насчитывается около 20 различных типов этих орудий (рис. 25). Многие из них по изяществу и совершенству форм, технике сверления и полирования, украшениям (нервюрам и лучеобразным нарезкам около сверлим) являются высокохудожественными произведениями (Крайнов, 1963, 1964а, 1972б).

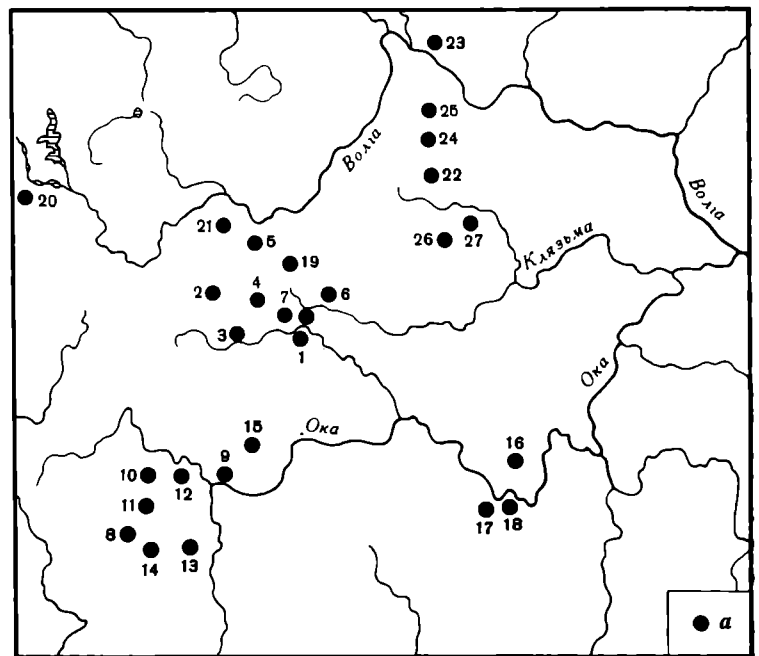
У отдельных фатьяновских племен были свои изблюбленные формы боевых топоров, по которым можно безошибочно определить тот или иной локальный вариант фатьяновской культуры. Например, усеченно-ромбические и длиннобушковые топоры (рис. 25, 2, 12) характерны для московско-клязьминской группы племен (карты № 8 и 9), длиннолопастные (рис. 25, 21—23; карта № 10) — для верхневолжских племен, коротколопастные (рис. 25, 24—26; карта № 10) — для деснинско-окских и средневолжских племен и т. д. Массовое производство каменных боевых топоров диктовалось необходимостью иметь эффективное оружие при продвижении фатьяновцев по чужой территории. Делались топоры из валунного камня (диабазы, гранита, диорита, порфирида и пр.). Своего расцвета техника боевых топоров достигает в первой половине II тыс. до н. э. Их боевое значение теряется с появлением более грозного оружия — медных вислообушных топоров.

Из других каменных изделий следует отметить редкие находки округлых булав, метательных шаров, долот, клиновидных топоров, так называемых «выпрямителей древков стрел», пестов, терочников, молотов, полировальных плит и точильных каменных плиток. Полировальные плиты делались из красного песчаника. Некоторые из них имеют следы полировки и заточки на четырех гранях. Подобное совершенство орудий производства могло быть достигнуто с появлением особых мастеров-специалистов (Крайнов, 1972б). Находки в ряде погребений вместе с полировальными плитами целых и недоработанных топоров доказывают правильность данного вывода о специализации этого ремесла.

Высокого совершенства фатьяновцы достигли и в производстве кремневых орудий (рис. 26, рис. 27). Особенно хорошо была развита у них пластинчатая техника (наряду с отщепной), о чем свидетельствуют находки в ряде могильников прекрасно огранных пластинок, микропластинок и карандашевидного нуклеуса (Голузинский, Воронковский могильники). Присутствие полированных кремневых клиновидных топоров почти в каждом погребении указывает на важность этого орудия для фатьяновского хозяйства. Нами выделено около 14 типов этих топоров (Крайнов, 1972б). О массовом их производстве свидетельствуют клады таких топоров и шахты, обнаруженные на территории современной Белоруссии, где добывали кремень и производились массовые заготовки

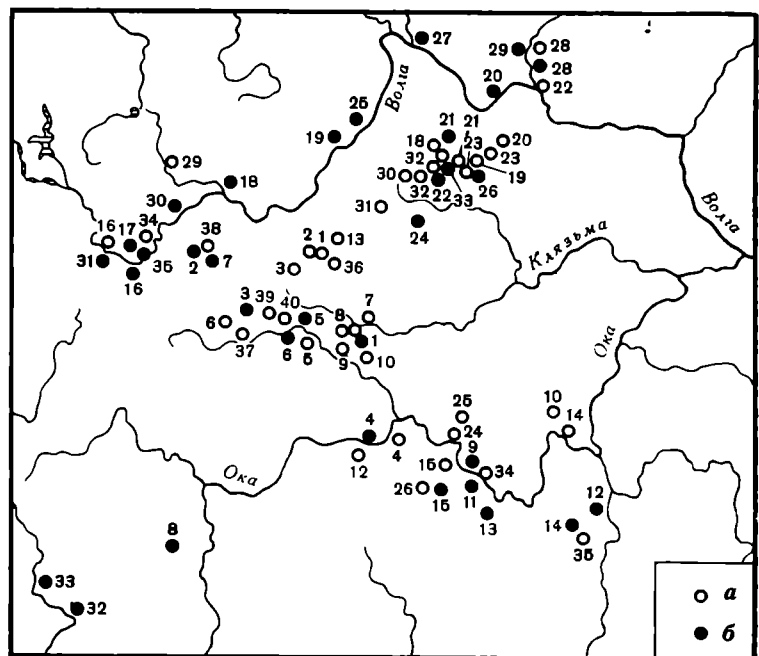
Карта 8. Распространение длиннообушковых каменных сверленных топоров-молотков на территории фатьяновской культуры

Длиннообушковые топоры: 1 — г. Москва (Сивцев Вражек); 2 — Волоколамский р-н; 3 — Звенигородский р-н; 4 — д. Трусово; 5 — с. Зубово; 6 — г. Москва; 7 — г. Химки; 8 — с. Зимница Калужской обл.; 9 — г. Калуга; 10—12 — Калужская обл.; 13 — д. Коломенка Калужской обл.; 14 — с. Николаевка (Калужская обл.); 15 — с. Новое (Калужская обл.); 16 — с. Горницы (Рязанская обл.); 17 — Поркино (Рязанская обл.); 18 — с. Устрянь (Рязанская обл.); 19 — с. Икша (Московская обл.); 20 — оз. Овселуг (Калужская обл.); 21 — Тургиновский могильник; 22 — с. Поречье (Московская обл.); 23 — Холмогорский могильник; 24 — Никульдинский могильник; 25 — Наумовский могильник; 26 — Данильцевский могильник; 27 — д. Шумятино (Ивановская обл.)

Карта 9. Распространение ромбических усеченных топоров-молотков на территории фатьяновской культуры

а — ромбические узкообушковые топоры: *Московская обл.*: 1 — с. Вороново; 2 — г. Дмитров; 3 — с. Синьково; 4 — д. Илешки; 5 — г. Москва; 6 — Ново-Петровский р-н; 7,8 — Ногинский р-н; 9 — Верецкий могильник; 10 — д. Кузнецово; 11 — ст. Малаховка; 12 — с. Колтово; 13 — с. Николо-Перевоз; 37 — д. Татищево; 38 — Минское шоссе; 39 — д. Головино; 40, 41 — Истринский могильник. *Рязанская обл.*: 14 — г. Касимов; 15, 25, 26 — Рязанская обл.; 24 — р. Ока; 34 — р. Проня (Спасский р-н); 35 — г. Шацк; 36 — Рязанская обл. *Ярославская обл.*: 17 — с. Деболовское; 18 — с. Сулость; 30 — Сарское городище; 31 — д. Рахманово; 32 — д. Борисовское; 33 — с. Угодичи. *Ивановская обл.*: 19 — Аньковский могильник; 20 — д. Миловское; 21 — д. Спирки; 23 — д. Никитинское; 27 — д. Чурилово. *Калининская обл.*: 16 — г. Ржев; 29 — г. Торжок. *Костромская обл.*: 22 — г. Кострома; 28 — д. Вежи. б — ромбические усеченные топоры: *Московская обл.*: 1 — Ногинский р-н (Буреломка); 2 — с. Моносново; 3 — с. Никольское; 4 — с. Спиридоново; 5 — г. Москва; 6 — около г. Москвы; 7 — с. Абушково. *Калужская обл.*: 8 — г. Козельск. *Рязанская обл.*: 9 — с. Горницы; 10 — с. Парахино; 11 — Спасский р-н; 12 — с. Старое Амесьево; 13 — с. Ухарь; 14 — с. Новообрезово; 15 — села Никольское и Дедюхино. *Калининская обл.*: 16 — г. Зубцов; 17 — с. Терешково; 18 — г. Калинин; 19 — г. Кашин; 30 — д. Пролезнево; 31 — г. Ржев; 34 — с. Холохольня; 35 — с. Новое. *Ярославская обл.*: 20 — с. Днево-Городище; 21 — д. Борисовское; 22 — д. Огарево; 23 — с. Угодичи; 24 — д. Старо-Высоково; 25 — д. Плоски; 27 — г. Рыбинск. *Ивановская обл.*: 26 — с. Пеня. *Костромская обл.*: 28 — д. Болотново; 29 — д. Вежи. *Брянская обл.*: 32 — г. Брянск; 33 — д. Макаровка

топоров, расходящиеся на обширной территории*. Фатьяновцы в совершенстве владели техникой расщепления кремня на пластинки и отщепы. При выработке наконечников стрел и некоторых типов ножей московско-клязьминские племена применяли так называемую «струйчатую ретушь», распространившуюся в эпоху бронзы и у степных и у лесных скотоводов (рис. 27). Надо отметить, что и по кремневым орудиям (клиновидные топоры, ножи, наконечники стрел, наконечники дротиков, скребки, скобели, проколки, острия и пр.) можно судить об общности культуры в целом и ее локальных вариантах. Наблюдается разница в форме и размерах клиновидных топоров, в форме ножей и пр. (Край-

нов, 19726). Например, наконечники стрел характерны только для московско-клязьминских племен (рис. 27, 1—21). Кстати, идентичные по форме и технике обработки наконечники стрел имеются и у обитателей северных районов среднеднепровской культуры, что подчеркивает, наряду с другими данными, близкое родство московско-клязьминских племен и племен среднеднепровской культуры.

Наряду с производством каменных и кремневых орудий у фатьяновцев было развито и костерезное дело. Из костей домашних и диких животных они делали различные орудия и украшения: проколки, кинжалы, шилья, иглы, долота, ложила, гладилки, наконечники стрел, молоточкообразные булавки, мотыги из рога, кочедыки, острия, украшения из зубов животных и трубчатых птичьих костей и т. д. (рис. 28а). Эти поделки очень часты у верхневолжских фатьяновских племен и реже встречаются у московско-клязьминских и средневолжских. Указан-

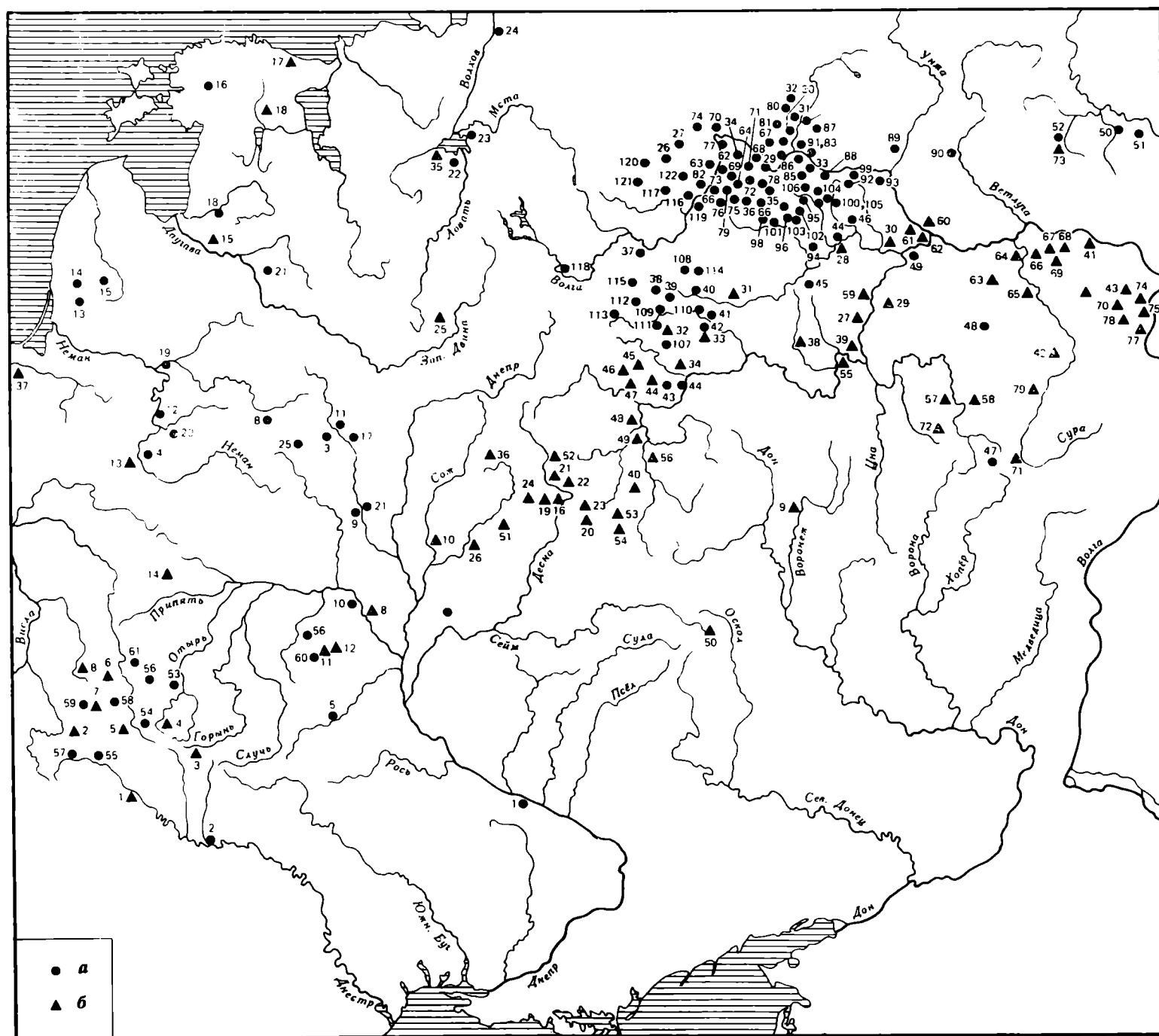
* Изучение форм клиновидных топоров и соотносимость их форм с разновременными погребальными комплексами позволило выделить ранние, развитые и поздние формы. Наиболее ранними являются толстообушковые, а поздними — тонкообушковые с лизовидным сечением (Крайнов, 19726).

ные костяные орудия связаны в основном с различными домашними работами: шитьем одежды, плетением, гончарным делом, добычей бересты, обработкой дерева и пр.

Лесные скотоводы-фатьяновцы принесли с собой и новую тонкостенную глиняную посуду, резко отличающуюся от толстостенной остродонной посуды неолитических охотников-рыболовов лесной полосы. Фатьяновская посуда имеет свой, присущий только этой культуре стиль (рис. 28б). Круглодонные сосуды разных форм: бомбовидные, шаровидные, реповидные, тарелковидные, чашевидные и пр., с высокими и низкими шейками и без шеек — только в какой-то степени напоминают посуду культур с боевыми топорами (Крайнов, 1963, 1964а, 1972б; Гадзюцкая, 1976). Ручная техника лепки сосудов, хорошо отмученное тесто с небольшими примесями песка, дресвы, шамота и пр., средний костровый обжиг, тонкостенность (0,4–0,8 см), лощеность

внешней поверхности, изящество и пропорциональность форм и т. д. указывают на высокое мастерство гончарного дела. Данные свидетельствуют, что гончарное производство находилось в руках женщин. По-видимому, сосуды лепились от руки при помощи кольцевой ленточной, ленточно-спиральной и комбинированной техники. На дне сосудов имеются ямки или кольцевые налеты, имевшие, вероятно, техническое значение. Различия в форме сосудов, орнаментике, примесях, технике выделки и т. д. отражают локальные особенности отдельных групп и хронологические этапы.

Орнаментальные узоры фатьяновской посуды оригинальны и характерны только для фатьяновской культуры (рис. 32 и 33). Орнамент нарезной, шнуровой и штампованный. Основными элементами орнаментики являются пояски, линии и треугольники из отпечатков шнура, нарезные и штампованные: елочные узоры, решетка, зигзаги, ромбы, треуголь-

ники, вертикальные и косые насечки, широкие заштрихованные зигзаги (балановского типа), солярные изображения, группы нарезок под углом друг к другу и т. д. (рис. 33). Кроме узоров, встречаются небольшие наклепные ручки, желобки, налепы, перемычки, сквозные отверстия и т. д. В основном узоры располагаются по венчику, шейке и плечикам сосудов и вокруг ямок на дне. На ранней стадии культуры узоры однозональны, а на поздней — двузональны и трехзональны. В узорах наблюдается определенный лейтмотив и строгое его чередование и разработка. Рисунки свидетельствуют о высоких художественных вкусах, чувстве ритма и гармонии у фатьяновцев. Особенно сложны и красивы фестонные (метопные) орнаменты на шаровидных низкошейных сосудах «амфорного» типа. Некоторые из них — настоящие художественные произведения. Солярные изображения на днищах сосудов связаны, очевидно, с верованиями фатьяновцев (рис. 33).

Карта 10. Распространение фатьяновских длиннолопастных и коротколопастных каменных сверленных топоров-молотков на территории Европейской части СССР

a — длиннолопастные топоры:

1 — г. Чигирин Киевской обл.; 2 — с. Хотин Каменец-Подольской обл.; 3 — Борисовский р-н Минской обл.; 4 — Гродненская обл.; 5 — г. Житомир; 6, 7 — Болсуны Волинской обл.; 8 — с. Гноево БССР; 9 — г. Бобруйск Минской обл.; 10 — г. Мозырь Гомельской обл.; 11 — с. Велятичи Минской обл.; 12 — с. Немунайтис Лит. ССР; 13 — с. Лекеме Лит. ССР; 14 — с. Норвачай Лит. ССР; 15 — с. Градучай Лит. ССР; 16 — с. Хагди Эст. ССР; 17 — с. Велятичи; 18 — Латвия; 19 — г. Каунас Лит. ССР; 20 — Зап. Белоруссия; 21 — г. Бобруйск Минской обл.; 22 — с. Чернышево Новгородской обл.; 23 — с. Бронницы Новгородской обл.; 24 — с. Дубовичи Новгородской обл.; 25 — Минская обл.; 26 — с. Подобино Калининской обл.; 27 — с. Желобня Калининской обл.; 28 — с. Уткино Ярославской обл.; 29 — с. Полехово Ярославской обл.; 30 — с. Семеновское Середского р-на; 31 — Волосово-Даниловский могильник; 32 — с. Пречистое Пречистенского р-на; 33 — Говядиновский могильник; 34 — г. Тутаев; 35 — с. Великое; 36 — с. Ушаково Ярославской обл.; 37 — с. Редкино Калининской обл.; 38 — Пятница Московской обл.; 39 — г. Истра Московской обл.; 40 — с. Пестово Московской обл.; 41 — с. Фаустово Московской обл.; 42 — с. Лукино Московской обл.; 43, 44 — с. Новое Калужской обл.; 45 — г. Ковров Владимирской обл.; 46 — г. Нерль; 47 — Инсарский р-н Пензенской обл.; 48 — г. Лукьянов Горьковской обл.; 49 — Горбатовский р-н; 50 — с. Толманы Кировской обл.; 51 — Уржумский р-н Кировской обл.; 52 — Яранский р-н Кировской обл.; 53 — с. Кропник Львовской обл.; 54 — с. Дашаво; 55 — с. Станиц Львовской обл.; 56 — Обручевский р-н; 57 — г. Самбор Львовской обл.; 58 — Зминач Львовской обл.; 59 — г. Ярослав Львовской обл.; 60 — Волянь-Овруч; 61 — Бучкани Львовской обл.; 62 — Вауловский могильник Ярославской обл.; 63 — Рыболовский могильник; 64 — Голузинский могильник; 65 — Ильинский могильник; 66 — Коркинский могильник; 67 — Толбухинский могильник; 68 — г. Норское; 69 — д. Дарцево Ростовского р-на Ярославской обл.; 70 — г. Андропов; 71 — Воронковский могильник; 72 — Никульдинский могильник; 73 — Наумовский могильник; 74 — д. Чотома бывш. Пошехонского у.; 75 — г. Ростов Ярославской обл.; 76 — Пужбольский могильник; 77 — д. Вакулино Ярославской обл.; 78 — д. Романцево Гаврило-Ямского р-на; 79 — г. Углич; 80 — Григорьевский могильник; 81 — д. Павлишино; 82 — д. Родионово Угличского р-на; 83 — с. Бочкино Костромской обл.; 84 — Болтоновский могильник; 85 — с. Лыково; 86 — Сельцо Никольское; 87 — Денисовский могильник; 88 — д. Гомоиха; 89 — с. Завратье; 90 — с. Варнавино Варнавинского р-на; 91 — д. Фатьянка (ус. Костромы); 92 — Пестовский могильник; 93 — г. Пучеж; 94 — г. Шуя; 95 — Жарковский могильник; 96 — Кривцовский могильник; 97 — Тимофеевский могильник; 98 — с. Антушково; 99 — д. Боровитиха; 100 — д. Пустоши Шуйского р-на;

Форма сосудов и орнаментика являются главными признаками для выделения локальных вариантов и хронологических этапов фатьяновской культуры. Московско-клязьминские, верхневолжские, окско-деснинские и средневолжские памятники довольно резко различаются по этим признакам.

Из глины, кроме посуды, изготавливали глиняные ложки, что свидетельствует о существовании вареной пищи и культуре ее приема, глиняные и каменные детские топоры, встречающиеся только в поздних фатьяновских памятниках (Волосово-Даниловский, Фатьяновский, Горкинский и Балановский могильники); глиняные шарики, колесики (Балановский могильник) и т. д.

Фатьяновцы умели добывать древесную смолу и делать вар, о чем свидетельствуют находки в Вауловском, Волосово-Даниловском и Фатьяновском могильниках (Крайнов, 1941, 19726). Находки кремневых огнив рядом с трутом из древесного гриба ука-

101 — Жилкинский могильник; 102 — с. Яксаево Комсомольского р-на; 103 — д. Дубасово Тейковского р-на; 104 — д. Хромцево Фурмановского р-на; 105 — д. Майдаково Палехского р-на; 106 — Комсомольский р-н; 107 — д. Литвиново Московской обл.; 108 — г. Дмитров; 109 — Истринский р-н; 110 — г. Москва; 111 — с. Лудино Звенигородского р-на; 112 — с. Михайловское Шаховского р-на; 113 — с. Поречье; 114 — с. Пестово; 115 — Новлянский могильник; 116 — г. Капшин Калининской обл.; 117 — Лозьевский могильник; 118 — г. Ржев; 119 — г. Калязин; 120 — д. Борок Бежецкого р-на; 121 — д. Борки Бежецкого р-на; 122 — д. Корницы Бежецкого р-на

b — коротколопастные топоры:

1 — г. Галич Станиславской обл.; 2 — с. Чернилява Львовской обл.; 3 — с. Черниховцы Тернопольской обл.; 4 — с. Берлин Львовской обл.; 5 — с. Почепник Львовской обл.; 6 — Гусьяки Львовской обл.; 7 — с. Ярослав Львовской обл.; 8 — Стали Львовской обл.; 9 — г. Липецк; 10 — с. Бабиновичи Могилевской обл.; 11, 12 — г. Овруч Житомирской обл.; 13 — г. Гродно; 14 — с. Антополь Брестской обл.; 15 — Латв. ССР; 16 — г. Брянск; 17 — с. Сопе Эст. ССР; 18 — с. Кувила Эст. ССР; 19 — с. Бежица Брянской обл.; 20 — Куркино Брянской обл.; 21 — с. Жуково Брянской обл.; 22 — с. Бельнед Брянской обл.; 23 — с. Белые Берега Брянской обл.; 24 — с. Красное Брянской обл.; 25 — с. Бор Псковской обл.; 26 — Крестьянский р-н Брянской обл.; 27 — Муромский р-н Владимирской обл.; 28 — д. Мохонино Горьковской обл.; 29 — д. Малое Окулово Горьковской обл.; 30 — д. Монихино Горьковской обл.; 31 — Покровский р-н Владимирской обл.; 32 — с. Лукино Московской обл.; 33 — с. Заборье Московской обл.; 34 — г. Серпухов (р. Ока); 35 — с. Подгечи Новгородской обл.; 36 — д. Костюневка Смоленской обл.; 37 — г. Калининград; 38 — с. Великое Рязанской обл.; 39 — г. Касимов Рязанской обл.; 40 — Болховский р-н Орловской обл.; 41 — Балановский могильник; 42 — с. Ош-Пандо; 43 — с. Шам-Булахчи; 44 — с. Новое Калужской обл.; 45, 46 — Михеевский могильник; 47 — Детчинский могильник; 48 — с. Можлово Калужской обл.; 49 — с. Погорелое Тульской обл.; 50 — с. Костеневка Белгородской обл.; 51 — с. Загорье Брянской обл.; 52 — с. Людиново Калужской обл.; 53, 54 — с. Жуково Орловской обл.; 55 — с. Курман Рязанской обл.; 56 — г. Белев Тульской обл.; 57 — с. Озименки Пензенской обл.; 58 — с. Пушкино Мордовской АССР; 59 — г. Муром Владимирской обл.; 60—62 — г. Горький (Сормово); 63 — с. Кремешки; 64 — с. Деяново Ульяновской обл.; 65 — с. Атли-Касы Чувашской АССР; 66 — с. Мочалин Ульяновской обл.; 67 — г. Цивильск Чувашской АССР; 68, 69 — с. Верхний Байдуш Казанской обл.; 70 — с. Большая Тояба Казанской обл.; 71 — г. Пенза; 72 — с. Поповка Пензенской обл.; 73 — Яранский р-н Кировской обл.; 74 — с. Барышево Казанской обл.; 75 — Тетюши Казанской обл.; 76 — с. Большая Тоймба Казанской обл.; 77 — с. Красновидово Казанской обл.; 78 — Эбалково Мордовской АССР; 79 — р. Сура Мордовской АССР

зывают на высекание огня из огнива при помощи металлического кресала (Крайнов, 1941).

Металл довольно широко входит в жизнь фатьяновцев только на поздней стадии их развития — ближе к середине II тыс. до н. э., хотя изделия из меди появляются уже в памятниках московско-клязьминской группы. У верхневолжских и средневолжских племен они встречены уже в довольно значительном количестве. Медные изделия фатьяновцев двух типов: это оружие и украшения. Боевые медные вислобушные топоры специфической фатьяновской формы встречаются редко и только в могилах «вождей» и знатных воинов. Втульчатые копья, украшенные иногда орнаментом (рис. 35, 23), также редки и найдены только в верхневолжских и средневолжских памятниках. Из орудий труда встречаются четырехгранные шилья, иногда с деревянными и костяными рукоятками (рис. 35, 24—25). Основную массу металлических изделий составляют украшения: браслеты, перстни, колечки, привески в полтора оборота, широкие ребристые привески, очкообразные привески, спиральки, пронизки в виде трубочек и т. д. (рис. 35, 1—22). Особо следует отметить находки браслетов из широких медных пластин (манжетовидные) с орнаментом в виде нарезных линий и ямочных узоров (Мытищинский, Северобирский, Владычинский могильники) (рис. 35, 18).

Долгое время многие ученые отрицали наличие собственной металлургии или металлообработки у фатьяновцев, считая их металлические изделия импортом с Кавказа и Прикарпатья (Кривцова-Гракова, 1947а; Бадер, 1959б). Однако после открытия захоронений с литейными формами для отливки вислобушных топоров в Волосово-Даниловском могильнике верхневолжской группы (Крайнов, 1964б, 1972б) (рис. 34) и Чурачикском могильнике средневолжской группы (Каховский, 1963), а также благодаря работам Е. Н. Черных (Черных, 1963, 1966) по химическому и структурному исследованию фатьяновского металла, мнение о существовании собственной металлургии у фатьяновцев, высказанное более 40 лет назад (Крайнов, 1941), получило неоспоримое доказательство.

Оно подтверждается также идентичностью орнаментики на металлических изделиях и фатьяновских сосудах. Химический анализ фатьяновского металла показывает его единообразие и резкое отличие от кавказского металла. Е. Н. Черных установило, что фатьяновские металлические вещи изготовлены из чистой меди с рядом примесей, перешедших в металл из исходных руд. Руду фатьяновцы добывали, очевидно, из медистых песчаников Среднего Поволжья, Вятско-Ветлужского междуречья и, возможно, Башкирии. Фатьяновские погребения около г. Бирска на р. Белой (Сальников, 1967) указывают на далекие экспедиции фатьяновцев в поисках металла. Фатьяновцы очень хорошо освоили не только ковку, но и литье и плавку металла. Собственная металлургия или металлообработка существовала у фатьяновцев, по-видимому, довольно длительное время, так как у них выработались свои оригинальные формы изделий и методы металлообработки.

Археологические и антропологические данные позволяют судить об общественном строе и физическом облике фатьяновцев (рис. 36). Очевидно, мо-

гильники были родовыми кладбищами, а группы могильников, близких по расположению и обряду погребения («гнезда могильников»), следует считать могильниками отдельных племен. Двинско-ильменские, московско-клязьминские, окско-деснинские, верхневолжские, средневолжские и другие группы памятников оставлены родственными племенами. Родовые общины фатьяновцев состояли, очевидно, из больших семей, о чем свидетельствуют группы семейных погребений в могильниках, где вокруг могилы пожилого мужчины концентрируются могилы женщин и детей (Крайнов, 1972б). Очевидно, фатьяновский род был патриархальным, что подтверждается наличием могил вождей-мужчин, наличием одновременных парных погребений мужчин и женщин (последняя умерщвлялась насильственно); захоронениями «мужчин-пастухов» с собаками; культом предков фатьяновцев и т. д.

Захоронения «вождей» четко выделяются своим центральным положением в могильниках, размерами могильных ям, величиной погребальных сооружений, количеством и качеством погребального инвентаря, отсутствием в их могилах рабочих клиновидных топоров, а также изяществом оружия, наличием большого количества углей и т. д.

Все мужчины с 16 лет были воинами. Различное положение топоров в могилах мужчин говорит о существовании каких-то «воинских градаций» или заслуг. Очевидно, юношу, достигшего совершеннолетия, посвящали в воины с исполнением определенных обрядов — как это делается у некоторых современных народов Африки, Азии и др. Находки игрушечных каменных и глиняных топоришков в погребениях мальчиков, особенно на поздних стадиях развития культуры (Волосовско-Даниловский, Балановский, Фатьяновский и Горкинский могильники), свидетельствуют об усилении военных столкновений и подготовке мальчиков к судьбе воина (Крайнов, 1972б).

Женщин не хоронили в центральной части могильников. Их погребения имеют особую ориентировку, большую скорченность, в погребальном инвентаре большое количество сосудов и вещей, характеризующих домашние работы, боевых топоров нет. В женских погребениях множество всевозможных украшений из зубов и костей животных и птиц, пронизок и бус из речных раковин, рыбьих позвонков, реже янтаря, а позднее из меди. Женщины носили высокие головные уборы из кожи или шерстяной материи, украшенные нашитыми пронизками и подвесками из зубов и костей животных и раковин. Все это свидетельствует хотя и об особом, но высоком положении женщины в фатьяновском обществе. Очевидно, между мужчинами и женщинами существовало разделение труда. Мужчины занимались, кроме военного дела, пастушеством и уходом за скотом, производством орудий труда, металлургией, строительством жилищ, охотой и пр. Женщины занимались ведением домашнего хозяйства, гончарным производством и воспитанием детей. Погребения детей резко отличаются от погребений взрослых. Вещи в них в основном носят votivный характер. Погребальный инвентарь мальчиков и девочек разнится так же, как инвентарь мужчин и женщин.

О верованиях фатьяновцев можно судить по их погребальному обряду и инвентарю. Отделение клад-

бищ от поселений, выбор высоких мест для могильников, устройство «жилища мертвых» наподобие жилища живых, снабжение покойников самыми необходимыми вещами домашнего и хозяйственного быта, пищей, сильная скорченность и т. д. — все это свидетельствует о развитии веры в загробную жизнь. Сложность погребального ритуала, сопровождавшегося, вероятно, соответствующими магическими обрядами, связанными с применением огня как очистительной силы, с культом солнца (захоронение лицом к солнцу, наличие солярных изображений на сосудах), с культом медведя, с жертвоприношениями ритуальных животных (овца — коза) и т. д., говорит о достаточно сложной системе представлений о мире у фатьяновцев. О существовании у фатьяновцев культа медведя можно судить по ритуальным погребениям медведя (Вауловский и Холмогорский могильники) (Крайнов, 1941), по находкам амулетов из медвежьих клыков, ритуальных кинжалов из костей медведя (рис. 28а, 21—23, 35—37), ритуального каменного сверленого топора-молотка с медвежьей головой на месте обуха (Крайнов, 1964а, 1972б), найденного в г. Ростове-Ярославском — центре распространения верхневолжских фатьяновских племен (рис. 28а, 20). Пережитки медвежьего культа прослеживаются на территории Верхнего Поволжья вплоть до XX в. (Крайнов, 1941, 1972б).

Костные остатки людей из могильников московско-клязьминской группы не дают полного представления об антропологическом типе фатьяновцев, но позволяют судить, что он близок, с одной стороны, верхневолжскому, а с другой — испытывает влияние юго-западных элементов (Денисова, 1966). По многочисленным краниологическим остаткам, собранным Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР за годы исследований фатьяновских могильников (Крайнов, 1972б) и обработанным Р. Я. Денисовой и Г. В. Лебединской, удалось определить антропологический тип верхневолжских фатьяновцев (рис. 36). Он характеризуется ярко выраженной долихокранией, большим высотным диаметром, среднешироким, средневысоким и резко профилированным лицом (Денисова, 1975). Верхневолжские фатьяновцы относятся к северному европеоидному типу. Они длинноголовые, высоки ростом и красивы. Антропологи отмечают близость их к прибалтийскому типу представителей культур с боевыми топорами и некоторое сходство с краниологической серией Средней Европы (Силезия, Чехия). Следует отметить у верхневолжских фатьяновцев трепанацию черепа (Суцевский могильник), а также искусственную деформацию черепа (Волосово-Даниловский могильник), что наблюдается и в могильниках Каупе (Калининградской обл.). В поздних могильниках верхневолжской группы замечены некоторые изменения в краниологических показателях (Р. Я. Денисова).

Средневолжский сурско-свияжский (балановский) антропологический тип имеет смешанный характер с преобладанием средиземноморского европеоидного краниологического варианта (Акимова, 1947; Герасимов, 1952).

Наиболее спорными вопросами фатьяновской культуры являются хронология, периодизация, происхождение и дальнейшие судьбы фатьяновских племен.

Большинство исследователей относили и относят

фатьяновскую культуру к первой половине II тыс. до н. э. (Городцов, 1915, 1927; Спицын, 1903а, 1905; Кривцова-Гракова, 1947а; Бадер, 1963; Крайнов, 1972б и др.). Эта дата была установлена на основе типологического анализа вещей и синхронизации культур бронзового века. В настоящее время хронология фатьяновской культуры устанавливается более точно при помощи стратиграфического, радиоуглеродного и палинологического методов.

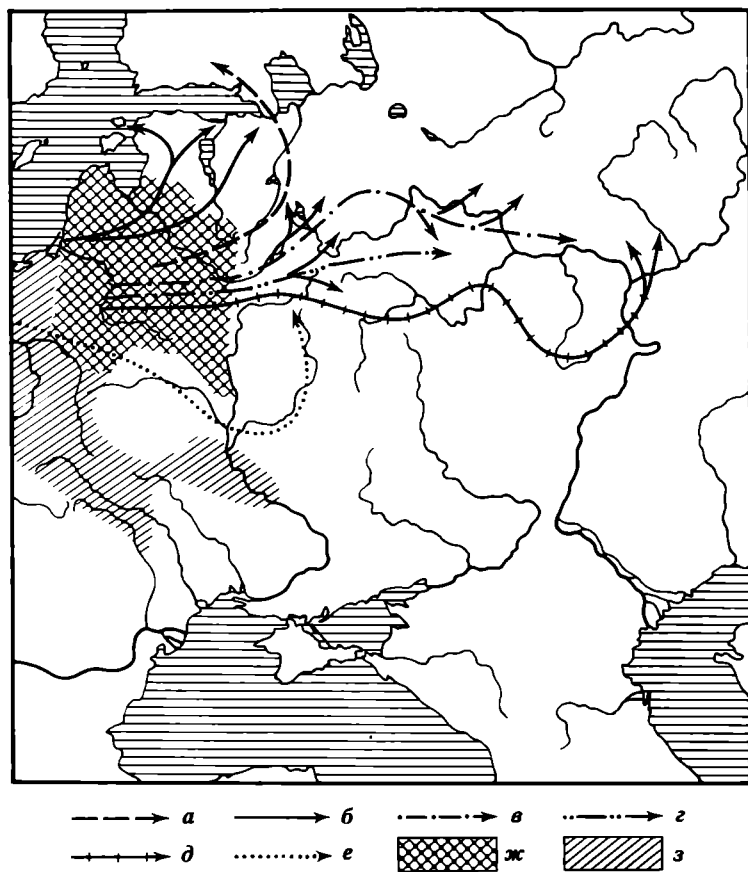
Изучение стратиграфии многослойных поселений Волго-Окского междуречья и других памятников показывает, что фатьяновские вещи начинают встречаться в них только в поздневолосовских слоях, датируемых исследователями гранью III—II и началом II тыс. до н. э. В этих стоянках над фатьяновскими вещами залегают слои поздней бронзы так называемых культур с текстильной и поздняяковской керамикой, относимых исследователями ко второй половине II тыс. до н. э.

Таким образом, массовое появление фатьяновских вещей в поздневолосовских слоях неолитических поселений неоспоримо свидетельствует о времени проникновения фатьяновских племен в Волго-Окское междуречье. Очевидно, «исчезновение» их будет датироваться временем массового появления комплексов с текстильной керамикой. Следует отметить, что в западной части ареала фатьяновской культуры фатьяновские вещи встречены в более ранних слоях неолитических стоянок, чем в восточной.

Радиоуглеродные даты подтверждают данную хронологию. Тургиновский могильник, относящийся к московско-клязьминской группе фатьяновской культуры, датируется 3780 ± 130 (JE-1046) лет до нашего времени, т. е. 1830—1800 лет до н. э. Волосово-Даниловский могильник, относящийся к верхневолжской группе памятников фатьяновской культуры, датируется 3650 ± 80 (JE-1044) лет до нашего времени, т. е. около 1700—1650 лет до н. э. Синхронные фатьяновским и близкие им прибалтийские памятники культур шнуровой керамики и боевых топоров датируются тем же временем: например, слой со шнуровой керамикой стоянки Тамула в Эстонии датируется 3000 ± 180 лет до нашего времени, т. е. 1700—1600 лет до н. э. (Янитс, 1952); стоянки Лейманишки, Эйни и Абора в Лубанской низменности в Латвии датируются: 3970 ± 250 ; 3870 ± 70 (JE-071); 3860 ± 100 (JE-749) лет до нашего времени (Лозе, 1972), т. е. от 2000 до 1500 лет до н. э. Радиоуглеродные даты жуцевской культуры указывают на более раннее время ее. Для стоянки Швентойи (Литва) имеются следующие даты: 4120 ± 80 ; 4100 ± 100 лет до нашего времени, т. е. рубеж III и II тыс. до н. э. (Rimantiene, 1974). В Прибалтике, так же как и на Верхней Волге, шнуровая керамика и другие вещи культуры ладьевидных топоров появляются на неолитических стоянках в слоях, близких поздневолосовским слоям стоянок Волго-Окского междуречья (Лозе, 1979).

Пыльцевые анализы из поздневолосовских слоев неолитических стоянок Волго-Окского междуречья подтверждают наши даты (Лисицына, 1959; Цветкова, 1953; Тюремнов, 1960, 1962; Нейштадт, 1957).

Сравнение фатьяновских комплексов из памятников Московской, Калужской, Калининской и других областей с комплексами памятников днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры показы-

Карта 11. Восточные пути передвижения культур боевых топоров

a — балтийская группа; *б* — ильменская группа; *в* — верхневолжская группа; *г* — московско-клязьминская группа; *д-е* — средневожская группа; *ж* — протофатьяновская территория; *з* — культуры шнуровой керамики и шаровидных амфор Прикарпаття и Прибалтики

вает их сходство, а иногда и тождество, что свидетельствует об их родстве в синхронности. Днепро-деснинские памятники среднеднепровской культуры датируются первой четвертью II тыс. до н. э. (Артеменко, 1978). Типологическое изучение вещей фатьяновской культуры и сравнение их с материалами других культур шнуровой керамики также подтверждают наши даты.

Таким образом, на основании изучения стратиграфии стоянок, где встречаются фатьяновские вещи, данных пыльцевого анализа, археологических материалов из могильников и сопоставления их с другими памятниками соседних культур, а также данных радиоуглеродных анализов из фатьяновских могильников и одновременных родственных культур (прибалтийских) начало фатьяновской культуры датируется рубежом III—II тыс. до н. э. или началом первой четверти II тыс. до н. э., а конец ее на Верхней Волге — серединой II тыс. до н. э. (1600—1500), а на Средней Волге, очевидно, начало будет датироваться более поздним временем, чем ранние окско-деснинские и московско-клязьминские памятники, а конец — также более поздним временем (Крайнов, 1972б; Бадер, 1963; Бадер, Халиков, 1976).

Вопрос внутренней хронологии и периодизация памятников фатьяновской культуры является наиболее трудным. Всеми исследователями признано, что фатьяновские племена являются пришлыми для цен-

тра Русской равнины. Первоначально они в условиях лесной полосы могли расселяться только по рекам (Западной Двине, Днепру, Волге, Оке, Клязьме и пр.). Основными водными магистралями расселения фатьяновцев были Волга и Ока с их притоками (карта № 11). Средоточие в определенных регионах памятников фатьяновской культуры и послужило основой для наименования групп памятников, а различия в обряде погребения, погребальном инвентаре, топографии памятников и пр. легло в основу деления на группы. Изучив весь комплекс фатьяновских вещей и обряд погребения, мы установили, что расселение фатьяновцев шло в направлении с юго-запада и запада на восток и северо-восток (Крайнов, 1972б). Нами выделяются следующие локальные группы фатьяновской культуры: двинско-пльменская, московско-клязьминская, окско-деснинская, верхневолжская и средневожская*. Наряду с этими крупными локальными группами выделяются и более мелкие группы памятников (нижнеокская, нижнекамская, вятско-ветлужская и др.), являющиеся, вероятно, хронологическими этапами части крупных локальных групп (карта № 7). Не исключено, что при дальнейшем изучении фатьяновской культуры будут выделены новые группы, особенно в необследованных местах.

Рассмотрим основные локальные группы. Наиболее ярким показателем специфики каждой группы является керамика. На первый взгляд она производит впечатление однородной, что и определяет единство культуры. Однако при более пристальном изучении выявляется неоднородность форм сосудов, их профилей, днищ, техники выделки, примесей в тесте, орнаментики и пр. Например, удлиненные бомбовидные сосуды с эсвидным профилем концентрируются на территории московско-клязьминских памятников, шаровидные сосуды с высоким слегка раструбным горлом — на территории верхневолжских памятников, а сосуды с прямыми высокими шейками характерны для Средней Волги (рис. 28а, б, 29). Низкошейные шаровидные сосуды (так называемые «амфоры») распространяются вдоль Волги в ее верхнем и среднем течении (рис. 30). Форма сосудов может служить хронологическим показателем. Например, бомбовидная посуда с эсвидным профилем считается в культурах шнуровой керамики и боевых топоров (среднеднепровской, прибалтийской, прикарпатской и др.) наиболее ранней, а посуда с хорошо выраженной шейкой и плечиками — более поздней. Показательна также разница и в орнаментике посуды (рис. 32).

Шнуровой орнамент присущ в основном только памятникам московско-клязьминской группы и встречается в контактной зоне Ярославской и Ивановской обл. Ромбический штампованный узор доминирует в верхневолжской группе памятников, а широкий зигзаг с внутренней штриховкой характерен в основном для средневожской группы. В московско-клязьминских памятниках господствует однозональный орнаментальный узор, в верхневолжских — дву-

* Средневожская группа рядом исследователей (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков) относится к особой «балановской культуре». Автор настоящего раздела относит эту локальную группу памятников к фатьяновской культуре или фатьяновской историко-культурной общности.

зональный, а в средневожских — трехзональный, но в каждой группе встречаются все три вида, что иллюстрирует внутреннюю хронологию памятников: так, однозональные узоры характерны для посуды ранних этапов развития культур шнуровой керамики и боевых топоров а трехзональные — для поздних. Эта закономерность является важным признаком для периодизации фатьяновской культуры. Разница наблюдается и в технике выделки сосудов, и в примесях в тесте, но этот вопрос еще недостаточно разработан. Предварительное изучение примесей показывает, что в сосудах московско-клязьминской группы господствует примесь дресвы, а на Верхней и Средней Волге глина очень хорошо отмучена и имеет основной примесью песок; на поздних этапах чаще встречается шамот.

Вторым показателем специфики каждой группы, не менее ярким, чем посуда, являются каменные сверленные топоры-молотки. В созданной классификации фатьяновских каменных сверленных топоров-молотков (Крайнов, 1963, 1964а, 1972б) выделены наиболее характерные типы топоров для той или иной группы памятников и даны карты их распространения (Крайнов, 1972б). Выяснилось, что в каждой группе памятников есть свои специфические формы топоров и они довольно точно очерчивают тот или иной локальный вариант или хронологически разные группы (карты 8—10). Например, для двинско-вожской группы характерны топоры с небольшими втулками и обушковые с короткой приподнятой лопастью; длиннообушковые и ромбически-усеченные, с узким обушком топоры характерны для московско-клязьминских памятников; коротколопастные топоры характеризуют окско-деснинские памятники и ранние памятники средневожской группы. Длиннолопастные топоры являются специфической формой в основном для верхневожской группы фатьяновских памятников. Отдельные экземпляры топоров указанных форм встречаются и на территории соседних групп. Они туда попали или при передвижениях фатьяновских племен, или путем обмена. Остальные выделенные нами типы и подтипы фатьяновских каменных сверленных топоров-молотков встречаются на всей территории распространения фатьяновской культуры и только в ряде мест выходят за пределы ее ареала, свидетельствуя или о контактах с соседями, или о проникновении отдельных мелких групп за пределы территории. Характерно, что в степных культурах (ямной, катакомбной и срубной) фатьяновские формы топоров не встречаются и только отдельные общие типы бытуют в родственных культурах шнуровой керамики и боевых топоров.

Кремневые клиновидные топоры, так же как и каменные сверленные топоры, считаются одним из наиболее характерных орудий фатьяновцев (рис. 25). В окско-деснинской группе встречаются толстообушковые и широколезвийные топоры, в московско-клязьминской группе в ранних памятниках господствуют толстообушковые с прямоугольным сечением, а в поздних — тонкообушковые с линзовидным сечением. Для ранних памятников верхневожской группы характерны среднеобушковые топоры с прямоугольным сечением, а для поздних — тонкообушковые с линзовидным сечением. В средневожской

группе на ранней стадии бытуют среднеобушковые с прямоугольным сечением, а на поздней стадии существуют короткие формы топоров.

Кремневые ножи также различаются по группам. В окско-деснинской и московско-клязьминской группах господствуют широкие и длинные ножи на пластинах, часто обработанные отжимной (струйчатой) ретушью (рис. 27, 24—26, 29, 38—52). В верхневожской группе в ранних памятниках — ретушированные ножи на пластинах, а на поздней стадии вместо ножей в погребения кладутся обломки пластинок без ретуши. Такая же картина наблюдается и в средневожских памятниках.

Кремневые наконечники стрел и дротиков характерны в основном для московско-клязьминской группы (рис. 27, 1—23).

Неодинаково для локальных групп и количественное соотношение металлических вещей. В памятниках окско-деснинской группы они пока не обнаружены, а в московско-клязьминской единичные медные подвески встречаются только в двух могильниках (Кузьминском и Истринском). Основная масса металлических изделий (орудий и украшений) найдена в верхневожских и средневожских фатьяновских памятниках, в основном в могильниках, относящихся к развитому и позднему этапу фатьяновской культуры.

Фатьяновские группы памятников имеют различия и в ориентировке могил и погребений. У всех фатьяновских групп доминирующим направлением могил является запад — восток и юго-запад — северо-восток. В московско-клязьминских и окско-деснинских могильниках преобладает западно-восточная ориентировка, а для верхневожских основной ориентировкой является юго-запад — северо-восток. Некоторые отличия прослеживаются в расположении могил, в форме и глубине могил и в устройстве погребальных сооружений. В окско-деснинских и московско-клязьминских памятниках редко встречаются погребальные сооружения, а в верхневожских и средневожских памятниках они присутствуют во всех могилах и абсолютно идентичны по форме и деталям устройства.

Некоторые различия наблюдаются в расположении и количестве погребального инвентаря. В памятниках московско-клязьминской и окско-деснинской групп почти не встречаются шаровидные («амфорного» типа) сосуды, число сосудов в погребениях небольшое, а в верхневожских и средневожских могильниках сосуды «амфорного» типа встречаются почти во всех могильниках и замечается резкое увеличение количества сосудов в могилах.

Судя по костным остаткам ритуальной пищи, состав стада у локальных групп фатьяновских племен был различным. В составе стада у окско-деснинских и московско-клязьминских племен господствуют свинья и овца, а у верхневожских и средневожских племен встречаются все виды домашних животных, а в поздних памятниках — лошадь.

В каждом из упомянутых локальных вариантов фатьяновской культуры есть ранние и более поздние памятники. Поэтому как локальные варианты, так и фатьяновскую культуру в целом нельзя рассматривать в статике, а следует выделить этапы их развития (Крайнов, 1972б).

На основе анализа всех источников по фатьяновской культуре в Верхнем Поволжье можно наметить следующие этапы ее развития: первый — Ивановогорский — XX—XVIII вв. до н. э.; второй — Никульчинский — XVIII—XVII вв. до н. э.; третий — Волово-Данциловский — XVII—XVI вв. до н. э.; четвертый — Скомороховско-Буньковский — XVI—XV вв. до н. э. Создание более подробной и твердой периодизации — дело будущего.

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры является одним из самых сложных. Все исследователи сходятся во мнении о чужеродности фатьяновских племен в Волго-Окском междуречье. Однако вопрос о месте их происхождения породил множество противоречивых теорий. В 30-х годах господствовала автохтонная теория (Бадер, 1939; Третьяков П. Н., 1935; Равдоникас, 1947; Крайнов, 1941 и в какой-то степени Чайлд, 1952), но эта точка зрения была потом оставлена ее защитниками. Одни ученые в споре об исходной территории видели ее на Кавказе (Городцов, 1914а, 1927; Спицын, 1903а; Трофимова, 1949; Кривцова-Гракова, 1947; Дамбский, 1955 и др.), другие — в Средней Европе (Kossina, 1928; Forssander, 1933; Tallgren, 1925, 1926; Åyrgäpää, 1933; Meinander, 1954 и др.); третьи склонны считать исходной территорией для всех культур боевых топоров и шнуровой керамики степное Причерноморье Восточной Европы (Glob, 1945; Sulimirski, 1933, 1956). Часть исследователей считает первоисточником этих культур ямно-катакомбные племена (Gimbutas, 1956; Šturms, 1937; Брюсов, 1961; Бадер, 1963; Артеменко, 1963а, б; Ozols, 1962 и др.); некоторые полагали, что исходной территорией для фатьяновских племен могла служить территория Среднего Днепра (Фосс, 1952; Герасимов, 1955; Моора, 1958 и др.).

Однако анализ археологического, антропологического материала и других данных фатьяновской культуры заставляет нас не согласиться с участием степных культур Причерноморья (ямной, катакомбной и др.) в образовании культур с боевыми топорами и фатьяновской (Крайнов, 1972б). Это два разных этнических мира. Первый относится к культурам индо-иранского этноса, а второй связан с северными индоевропейцами.

Происхождение фатьяновской культуры тесно связано с общим вопросом происхождения культур с боевыми топорами и шнуровой керамики. Фатьяновская культура является частью большой культурно-исторической общности так называемых «культур с боевыми топорами», относящихся к древним индоевропейцам, возможно, предкам славян, балтов и германцев. Эта общность распространялась на огромной территории от берегов Рейна до Прикамья и от Южной Швеции до Прикарпатья.

Общие черты в материальной и духовной культуре, связывающие культуры боевых топоров, заставляют предполагать их происхождение из одной исходной территории (Крайнов, 1972б). Такой исходной территорией не могли быть ни крайний запад (Северная и Средняя Европа), ни крайний восток (Средняя Волга), ни причерноморские степи*. Ис-

* В данном случае вопрос идет не о происхождении шнуровой керамики, что является особой проблемой, а о сходных, даже близких культурах.

ходной могла быть только территория, лежащая в середине области распространения культур с боевыми топорами, т. е. область между Днестром и Вислой-Одером (Белоруссия, Украина за Средним Днестром, Прикарпатья, Польша, Литва, Калининградская область и часть Латвии), где и сосредоточены все древние компоненты этих культур. Отсюда и произошло расселение их на запад и восток — к Дании и Приуралью. Они заняли Среднюю Германию, Южную Швецию, Польшу, часть Чехословакии, Прибалтику, юго-западную Финляндию, Подолию и Волынь, Белоруссию, Средний и Верхний Днепр, Верхнюю и Среднюю Волгу и другие прилегающие места. Не исключено, что в некоторых регионах указанной территории эти культуры возникали на местной основе, но под влиянием культур шнуровой керамики. Все эти племена были скотоводами и земледельцами. Судя по резким различиям в культурах боевых топоров, разместившихся на огромном пространстве, можно предполагать сложный и длительный процесс их развития, в котором могли принимать участие как местные, так и пришлые элементы.

Очевидно, в основе движения племен культур с боевыми топорами лежат глубокие причины, которые следует искать: 1) в изменении физико-географических условий суббореального периода, происшедшем в Южной Прибалтике в конце III — начале II тыс. до н. э.; 2) в специфике развития лесного скотоводства и земледелия; 3) в нехватке удобных мест для поселений и 4) давлении соседних племен на исходную территорию (ямно-катакомбных, трипольских, волыно-мегалитических и пр.).

Трансгрессия Литоринового моря, происшедшая на грани III—II тыс. до н. э., привела к резкому повышению воды в Немане, Висле и других реках Южной Прибалтики, что вызвало сокращение пригодной площади для поселений и пастбищ и поиски новых мест. В поймах рек и приозерных низинах сохранились участки широколиственных лесов. Очевидно, первоначальное переселение и проходило в эти места. Следует отметить что даже сейчас около фатьяновских могильников в Ярославской и Ивановской обл. сохранились реликтовые останцы широколиственных пород леса (дуб, вяз, липа, лещина и др.).

Заготовка кормов для скота в виде венчиков, молодых побегов, коры и пр. и, возможно, развитие подсеčno-огневого земледелия неизбежно приводили к уничтожению леса и сокращению пригодных площадей для пастбищ и как следствие — к новым переселениям. На основании археологических и антропологических данных устанавливаются генетические связи фатьяновской культуры с такими культурами боевых топоров, как среднеднепровская, волыно-подольская, прибалтийская и польская культуры шнуровой керамики и боевых топоров.

Области Литвы, Белоруссии и Восточной Латвии, вероятно, дали основное ядро для верхневолжской группы, получившей свое классическое развитие в Ярославской обл.

Территория Верхнего Поднепровья, Белоруссии и, возможно, части Среднего Поднепровья были областью становления московско-клязьминских фатьяновских племен, представленных в развитом виде в Московской обл.

Область по Десне и Верхней Оке была территорией дальнейшего формирования сурско-свияжских и потом средневоложских племен, прародиной которых могло быть более Южное Поднепровье и Прикарпатье. Двинско-ильменские племена связаны с Восточной Латвией и Белоруссией.

Передвижения фатьяновских племен проходили по рекам Западной Двине, Днепру, Припяти, Десне, Оке, Мокше, Волге, Ловати, Мсте, Москва-реке, Клязьме, Суре, Свияге и их бесчисленным притокам. Только в поймах рек в первое время и можно было вести скотоводческое хозяйство. Эти пути продвижения подтверждаются находками боевых топоров и других вещей фатьяновской культуры в долинах этих рек (карта № 11).

В процессе расселения фатьяновские племена смешивались с местными племенами и между собой, что доказывается смешанными комплексами в отдельных могильниках и метисным антропологическим типом погребенных, а также гибридной керамикой в поздневоловоских слоях стоянок и пр.

Определение места племен фатьяновской культуры в этногенезе народов Европейской части СССР может быть решено только комплексными исследованиями археологов, антропологов, лингвистов и историков.

Изучение стратиграфии и культурных остатков многослойных поселений Волго-Окского междуречья, Восточной Прибалтики и Верхнего Поднепровья указывает на общую закономерность в развитии и смене культур, начиная с мезолита и кончая историческими сведениями о расселении славянских, балтских и финских племен. Эта общая закономерность в истории указанных регионов не может быть случайным явлением, а, вероятно, свидетельствует об одинаковой и одновременной смене близких этнических групп населения (древних северных индоевропейцев, протобалтов, протославян, протофиннов) и появлении здесь исторически установленных балтов, финнов и славян.

Сейчас большинством ученых признается, что фатьяновская культура входила в большую историко-культурную общность культур с боевыми топорами и культур шнуровой керамики. Очевидно, эта общность относится к индоевропейской семье народов, а некоторые исследователи видят в ней неразделенную протобалто-славяно-германскую общность (Георгиев, 1958; Брюсов, 1961). Археологические данные свидетельствуют об особой близости фатьяновской, среднеднепровской, висло-неманской культур и прибалтийской культуры ладьевидных топоров (карта № 6) (Крайнов, 1972б; Артеменко, 1978; Моора, 1956, 1958 и др.). Очевидно, это объясняется не только их связями, но и генетическим родством этих племен. Археологические материалы подкрепляются и антропологическими данными. Р. Я. Денисова на основе детального изучения черепов из погребений фатьяновской, висло-неманской и прибалтийской культур боевых топоров доказала несомненное сходство и родство их антропологического типа. Европейский долихокранный тип людей этих культур очень близок и свидетельствует об их генетическом родстве (Денисова, 1975, 1980). Есть предположения и о близости к ним черепов из погребений среднеднепровской культуры (Марк, 1956, с. 170—238). Очевидно, указанные культуры представляют собой родственный круг пле-

мен, формирование которых происходило на общей основе. На основе археологических и антропологических данных исходной территорией для них устанавливается территория между Днепром и Вислой-Одером (Крайнов, 1972б). На территории междуречья Днепра и Вислы встречаются и долихокранный тип северных европеоидов (фатьяновский), и долихокранный средиземноморский антропологический тип. Таким образом, на исходной территории встречаются оба антропологических типа, известных в культурах боевых топоров.

Р. Я. Денисова на основе изучения антропологических материалов из погребений культур указанной территории от мезолита и до современности пришла к выводу, что носители висло-неманской культуры и прибалтийской культуры боевых топоров являются древними балтами, а фатьяновцы — восточной ветвью протобалтов (Денисова, 1975, 1980).

Отождествление фатьяновцев с протобалтами является наиболее вероятным решением вопроса. Оно поддерживается не только археологическими, антропологическими, но и лингвистическими данными. Б. А. Серебренников, пересматривая вопрос о заимствованиях в финно-угорских языках балтских элементов, обнаружил в языках восточных финнов десятки слов балтского происхождения. Появление их в Волго-Окском междуречье он отнес ко II тыс. до н. э. и связал их с расселением фатьяновских племен, с которыми финно-угры могли соприкоснуться в это время (Серебренников, 1957). Данное положение было поддержано Х. А. Моора, который относил племена культуры ладьевидных топоров Прибалтики к прабалтам, а близкие им племена среднеднепровской и фатьяновской культур также считал прабалтскими. Свои положения Х. А. Моора обосновывал археологическими, антропологическими и лингвистическими данными (Моора, 1956, 1958).

О. Н. Бадер также относил племена «балановской» культуры к прабалтам (Бадер, 1963). И. И. Артеменко на основе детального изучения развития среднеднепровских племен пришел к выводу об их прабалтском этносе (Артеменко, 1978). Не только археологи, но и некоторые лингвисты видят прародину славян и балтов в междуречье Днепра и Вислы (Георгиев, 1958).

Гидронимия также свидетельствует о том, что территория Принеманья, Верхнего Поднепровья, части западнодвинского бассейна, верховьев Оки, а, возможно, и Верхней Волги была занята племенами балтской языковой группы (Седов, 1970). Позднеисторические материалы косвенно также подтверждают наши положения об исходной территории прабалтов.

Фатьяновские пришлые племена расселились в основном на территории, занятой поздневоловосскими племенами. Об этом свидетельствуют, как мы писали выше, находки фатьяновской посуды, топоров и других вещей на неолитических стоянках в слоях с поздневоловосскими культурными остатками (Крайнов, 1972б; Раушенбах, 1960). В связи с новыми открытиями в области неолита центра Русской равнины (Крайнов, Хотинский, 1977б) и новой трактовкой вопроса происхождения волосовской культуры (Крайнов, 1981) сейчас вряд ли можно утверждать бесспорно финно-угорский этнос волосовцев, как это

мыслилось ранее (Бадер, 1972б). Возможно, фатьяновцы попали частично в родственную среду потомков северных индоевропейцев (Крайнов, 1977в, 1981) и только в более позднее время были окружены враждебными племенами, о чем свидетельствуют могилы фатьяновских воинов, погребенных с боевыми топорами. Враждебные отношения с какими-то племенами, возможно, не волосовцами, а новыми пришельцами, подтверждаются фактами разграбления и разрушения могил фатьяновцев на поздней стадии существования фатьяновской культуры (Волосово-Даниловский, Горицкий, Фатьяновский, Мытищинский и др.). Кроме того, о столкновениях свидетельствуют и коллективные погребения убитых фатьяновцев (Болшневский, Николо-Перевозский и другие могильники) и коллективные погребения убитых волосовцев (Гадзяцкая, Крайнов, 1965).

С другой стороны, местное население заимствовало у фатьяновцев прогрессивные культурные навыки: разведение скотоводства, приемы металлообработки, отдельные элементы в орнаментике посуды, в обряде погребения и пр. На многих поздневолосовских стоянках имеются следы смешения волосовской и фатьяновской культур, как в Волго-Окском междуречье, так и в Среднем Поволжье (Гурина, 1963; Халиков, Халикова, 1963, Халиков, 1966б, 1969; Крайнов, 1972б). Если допустить, что волосовские племена не являются угро-финнами, что более вероятно, то возникает вопрос о месте и времени контакта фатьяновских племен с финно-угорскими племенами. Очевидно, не волосовцы ассимилировали фатьяновцев, а население каких-то иноязычных более сильных культур, появление которых отмечается археологически (культура с текстильной керамикой — финноязычная и абашевская культура — ираноязычная). На месте распространения фатьяновской культуры в поселениях и могильниках появляются комплексы вещей новых, постфатьяновских культур: с текстильной керамикой, абашевская, поздняяковская, чирковско-сейминская, приказанская. Вероятно, не правы П. Н. Третьяков и А. Я. Брюсов, писавшие о бесследном исчезновении фатьяновской культуры (Третьяков П. Н., 1961; Брюсов, 1961). Пожалуй, скорее права М. Е. Фосс, которая понимала под ассимиляцией фатьяновцев более сложный процесс растворения фатьяновской культуры в появившихся новых культурах (Фосс, 1952).

Следы фатьяновцев прослеживаются и в более поздних культурах эпохи развитой бронзы и раннего железа. Несомненно, фатьяновская культура вошла одним из важных компонентов в состав последующих культур лесной полосы Восточной Европы.

Очевидно, фатьяновские племена прекратили свое существование не одновременно. Дольше они удержались в восточных районах: на Средней Волге, Вятке и Ветлуге, т. е. в районах нахождения медистых песчаников. Здесь они перемешались с местными племенами, образовав так называемую чирковско-сейминскую культуру (Халиков, 1969). На территории Волго-Окского междуречья фатьяновцы прекращают свое существование в связи с появлением здесь абашевских племен, племен с текстильной керамикой и племен поздняяковской культуры. В результате сложного смешения и взаимодействия потомков культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, поздневолосовской, фатьяновской, абашевской, поздняяковской и культу-

ры с текстильной керамикой на территории центра Русской равнины образовались ранние городищенские культуры (дьяковская, городецкая, ананьинская, юхновская культуры со штрихованной керамикой и др.).

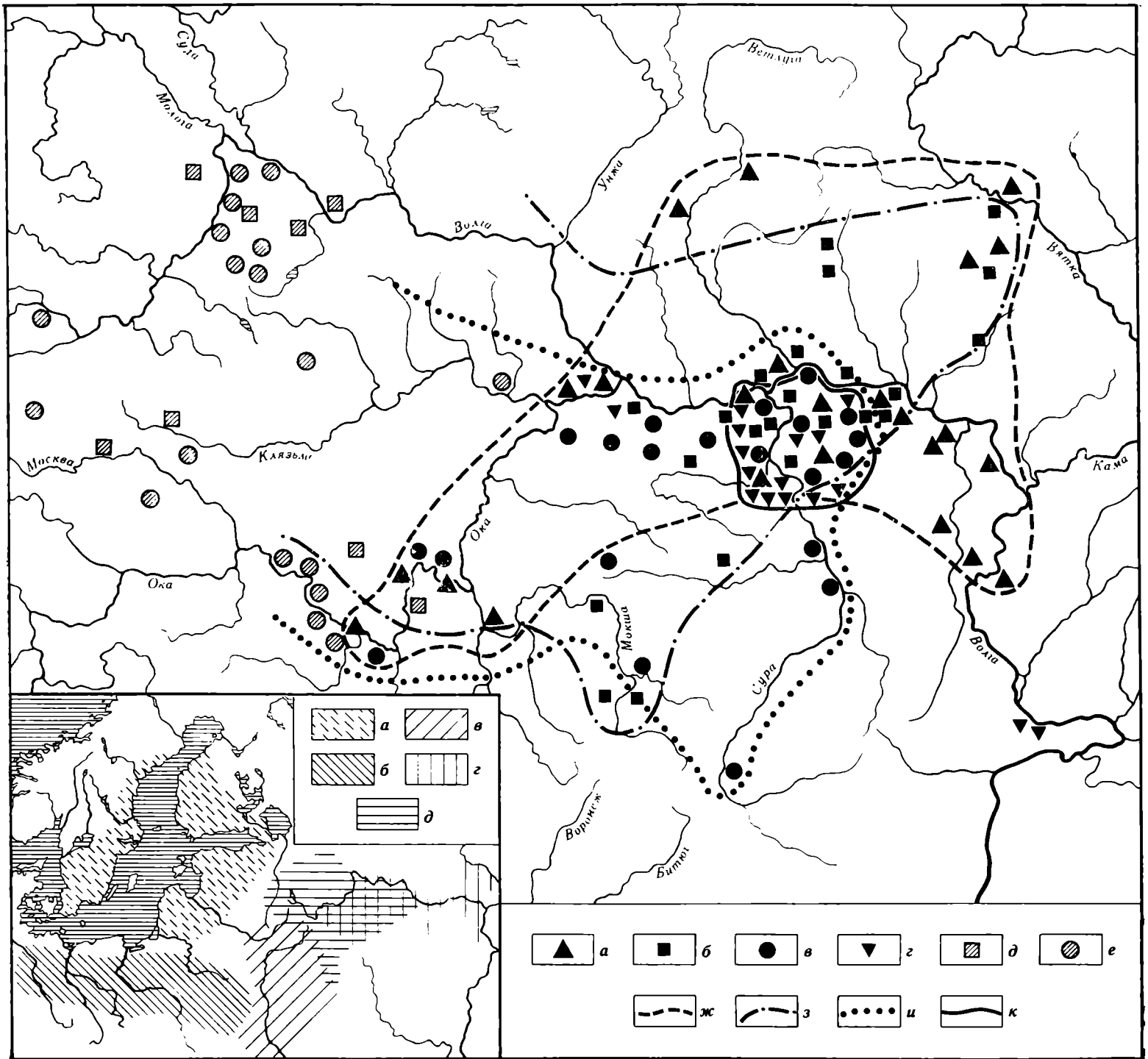
В Среднем Поволжье и Волго-Окском междуречье и севернее возникли этнические группы, в которых господствующим языком стал финский, о чем наглядно свидетельствуют топонимы и гидронимы данного региона. Ближе к западу (юхновская культура и культура со штрихованной керамикой), в Прибалтике и на Верхнем Днепре продолжали существовать прабалтские племена. В контактных зонах было смешанное население. Пережитки фатьяновской, прабалтской культуры прослеживаются в Волго-Окском междуречье вплоть до исторических времен, особенно в культуре ярославской мери.

Балановская культура

В 1930-е годы на территории Чувашии были открыты вначале курганы у д. Атли-Касы (Третьяков П. Н., 1948), а затем обширный грунтовый могильник у с. Баланово (Бадер, 1940). Основным исследователем этого могильника О. Н. Бадер высказал мысль о принадлежности памятника особому (волго-камскому) варианту фатьяновской культуры (Бадер, 1940). Одновременно эту же мысль высказала О. А. Кривцова-Гракова (Кривцова-Гракова, 1938), которая впервые подразделила фатьяновские могильники на три географические группы: московскую, ярославскую и восточную (типа курганов Атли-Касы), а затем назвала последнюю группу чувашской и сочла ее наиболее поздней (Кривцова-Гракова, 1947а). Антропологи заметили значительное отличие балановского антропологического типа от фатьяновского (Акимов, 1947), что побудило О. Н. Бадера (Бадер, 1950а) высказать мнение о существовании самостоятельной балановской культуры, входящей вместе с фатьяновской, среднеднепровской, прибалтийской и другими культурами в обширную историко-культурную общность культур боевых топоров и шаровидных амфор.

Несколько позднее О. Н. Бадер (Бадер, 1961 г., 1963) и А. Х. Халиков (Халиков, 1960), основываясь на большом числе открытых и широко исследованных памятников (честь их первого открытия принадлежит П. Д. Степанову (1950, 1967), выявили характерные особенности и разработали периодизацию культуры (см. Халиков, Халикова, 1963), увязав ее с историей балановских племен (Бадер, Халиков, 1976). Е. Н. Черных (Черных, 1966, 1970) разработаны вопросы металлургии балановского населения, А. Г. Петренко рассмотрела материалы по скотоводству (Андреева, Петренко, 1976). О. Н. Бадер и А. Х. Халиков (Бадер, Халиков, 1976) исследовали вопрос о культурно-экономических связях балановцев с племенами других культур Поволжья и Прикамья.

В истории развития балановской культуры можно выделить четыре периода: балановский (первая половина II тыс. до н. э.), атликасинский (XV—XIV вв. до н. э.), ошпандинский (XIII—XII вв. до н. э.) и хуласючский (XI—IX вв. до н. э.).

Карта 12. Распространение памятников балановской культуры

a — памятники балановского этапа; *b* — памятники атликасинского этапа в пределах основной территории; *e* — памятники ошпандинского этапа в пределах основной территории; *z* — памятники хуласючского этапа; *d* — памятники атликасинского этапа за пределами основной территории; *e* — памятники ошпандинского этапа за пределами основной территории; *ж* — пределы территории балановского этапа; *з* — пределы территории атликасинского этапа; *и* — пределы территории ошпандинского этапа; *к* — пределы территории хуласючского этапа.

Врезка: схема расположения балановской культуры среди культур с боевыми топорами: *a* — культуры ладьевидных топоров Дании, Южной Швеции, Прибалтики и Южной Финляндии; *b* — культуры шнуровой керамики; *e* — среднеднепровская культура; *z* — балановская культура; *d* — фатьяновская культура

В настоящее время известно около 700 памятников балановской культуры, среди которых более 70 поселений, до 50 могильников или мест погребения и более 520 отдельных или групповых находок без точного указания места (Бадер, Халиков, 1976) (карта № 12).

На ряде поселений балановской культуры: Ош-Пандо (Степанов, 1967), Кубашево (Халиков, 1960), Васильсурское (Халиков, Халикова, 1963). Чебаково (Бадер, 1963) — проведены широкие раскопки, вскрывшие остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений (рис. 38).

К раннему этапу можно отнести остатки четырех поселений (Галанкина Гора, Буй I и II на Вятке) и до 10 местонахождений. Галанкина Гора представляет собой смешанное балановско-волосовское поселение, относящееся к концу балановского этапа балановской культуры (Халиков, 1960, 1969).

Смешанный характер имели и жилища этого этапа. Такие жилища изучены на поселениях Буй I (Денисов, 1958), Буй II (Бадер, 1963) и Галанкина Гора (Халиков, 1969). Прямоугольная форма, полужемляночная конструкция, соединение жилищ между собой — это особенности жилищ местного волосовского населения. Но здесь отмечены и новые детали: следы срубных конструкций, более строгая внутренняя планировка, тенденция к превращению жилищ в наземные дома и т. п., что, очевидно, следует считать собственно балановской традицией.

В атликасинское время, т. е. около середины II тыс. до н. э., число поселений увеличивается, изменяется и характер их расположения. В настоящее время известно около 15 поселений (Бадер, Халиков, 1976, с. 41–42), из которых почти все располагаются на высоких, нередко естественно укрепленных холмах или мысах. Расположение поселений на недоступных местах и обнесение их искусственными укреплениями, очевидно, было вызвано тем, что около середины II тыс. до н. э. в Среднее Поволжье продвигаются абашевские племена, вступившие с самого начала в активную конфронтацию с балановскими племенами (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966). Классическим типом таких поселков являются Васильсурское поселение (Халиков, Халикова, 1963) в устье р. Суры и Кубашевское поселение (Халиков, 1960) на р. Кокшаге. На поверхности Васильсурского мыса были зафиксированы заплывшие следы канавки, идущей поперек мыса от одного края к другому. Раскопки показали, что эта канавка является остатками древнейшего рва, вырытого при основании поселка балановцами. Первые насельники Васильсурского поселения выжгли здесь лес и вырыли ров шириной 1,8–2 м и глубиной 1–1,3 м. Ров был окаймлен невысоким валом из желтого суглинка, вынутого при копке рва. Сохранившаяся часть вала имела высоту 0,6–0,8 м. На его гребне отмечены отдельные столбовые ямки и следы обгорелой глины — вероятно, остатки деревянных конструкций типа плетня или частыкола. Этими укреплениями была ограждена площадка поселения длиной около 100 м и шириной 30–35 м. Примерно такие же размеры имели Кубашевское, Галанкиногорское, Оленегорское и другие поселения, также расположенные на мысах и, очевидно, имевшие укрепления.

Стремление селиться на высоких естественно укрепленных местах характерно и для балановских поселений позднего времени. Так, из 16 ошпандинских поселений на таких местах расположены 9, из 28 хуласючских — все 28. Для более поздних поселений также известны следы укреплений: остатки частыкола, ограждавшего napольную сторону и края площадки мыса, выявлены Н. В. Трубниковой при изучении двух поселений у д. М. Яуши в Вурнарском районе Чув. АССР. Эти поселения функционировали в ошпандинское и хуласючское время.

Балановские поселки начиная с атликасинского времени застраиваются только изолированными наземными домами. Остатки таких домов изучены на поселениях Васильсурское, Кубашевское, Тохмеевское, Ош-Пандо, Тиханкинское, Янымовское и др. Дома имели бревенчатые срубные стены, односкатное или двускатное покрытие. Размеры их 4×4, 4×6, 5×5,5 м и т. п. В хуласючское время размеры домов

несколько увеличиваются — 8×6 м. Остатки такого наземного дома, слегка углубленного в землю и имевшего в центре земляного пола большой очаг, изучены Н. В. Трубниковой (1960) на Янымовском поселении.

Достаточно мощные культурные наслоения свидетельствуют об устойчивом характере поселений и длительном их существовании. Некоторые из них, например Васильсурское на Волге, Ош-Пандо на р. Сура, существовали не менее 500 лет.

Могильники или места погребений балановцев обычно располагались на относительно высоких местах — на вершинах холмов, в начале их склонов, обычно на стороне от рек, нередко у водоразделов.

Погребальный ритуал, включая устройство погребальных сооружений, состав инвентаря, был достаточно сложным. Две трети могильников балановского типа принадлежат к грунтовым, одна треть — к курганам. Для балановского этапа характерны грунтовые могильники (из 13–12), на атликасинском этапе из 22 могильников 7 уже имели курганные насыпи, на хуласючском — господствует курганный обряд (4 из 5 могильников).

Наиболее ранним могильником балановской культуры является Козловский могильник (Халиков, 1964), но классическим погребальным памятником всей культуры служит Балановский могильник, материалы которого исчерпывающе опубликованы в монографии О. Н. Бадера (1963) с приложением антропологических и металлографических анализов М. С. Акимовой (1963) и Е. Н. Черных (1963). Могильник относится к концу балановского и к атликасинскому этапам. Раскопками 1933–1957 гг. здесь вскрыто 75 могил с 117 погребениями. Для балановского этапа характерны одиночные или парные захоронения, для атликасинского — коллективные. Ямы имели прямоугольную форму, были углублены на 1,5–2 м и содержали следы внутримогильных сооружений, скорее всего в виде корзины или дощатого ящика высотой до 0,5 м с выступающими по углам краями. Погребенных всегда клали скорченно на боку — женщин на левом, головой на восток, мужчин — на правом, головой в меридиональном направлении.

Дно ям подстилало досками, берестой, иногда посыпали белой известью или мелом. В каждую могилу независимо от пола и возраста умершего помещали у ног, за спиной, реже в изголовье глиняные сосуды и иногда клали другие вещи — орудия труда, оружие, украшения, амулеты. По окончании погребальных церемоний, во время которых в яму иногда попадали угли от ритуальных костров, внутримогильное сооружение-гробовище перекрывали деревянным накатником, а могилу засыпали. Сверху могилу, очевидно, помечали, так как ни одна из могил Балановского некрополя не была нарушена другой.

В конце балановского этапа начинает распространяться подкурганый обряд захоронения, впервые четко зафиксированный в Чурачикском могильнике (Каховский, 1963). Ранние курганы отличаются довольно значительными размерами. Так, высота Чурачикского кургана 2 м, диаметр около 20 м; высота Раскильдинского — 1,5, Атликасинских — до 1 м, Синцовского — 1,2 м и т. д. Если на наиболее ранних курганах погребения совершались в могильных ямах,

то в более поздних ямы становятся неглубокими и затем исчезают, а погребенные выносятся на верхний уровень почвы. Очевидно, это было возможно лишь при наличии внутримогильных сооружений. К сожалению, костяки в таких захоронениях не сохранились, поэтому трудно судить о положении погребенных. Не исключено, что начиная с атликасинского этапа под курганами уже хоронили по обряду трупосожжения (Бадер, Халиков, 1976, с. 35). Причем до насыпания кургана устраивали подквадратную площадку, огражденную земляными валами (см. Синцовский, Мамалаевский, Янымовский курганы), внутри которой и проводился обряд захоронения.

Особую группу памятников балановской, впрочем, как и фатьяновской, культуры составляют отдельные находки, учтенные в своде О. Н. Бадера и А. Х. Халикова (1976, с. 47 и сл.) в 524 пунктах, среди которых 333 пункта с единичными находками, 74 — с парными и 117 — с групповыми, от трех и более предметов. Среди всех этих находок абсолютно преобладают каменные сверленные топоры — более 500, но есть и находки металлических предметов, других изделий из камня и отдельных балановских сосудов. Выделяются такие групповые находки, как Мосинские, Дубовлянские из Волго-Вятского междуречья, Маматкозпские, Майданские, Патрикеевские из бассейна р. Свияги, которые, очевидно, связаны с какими-то крупными памятниками, скорее всего могильниками (Бадер, Халиков, 1976, с. 52—53).

Оригинальная культура балановских памятников представлена разнообразным материалом, среди которого наиболее многочисленной является глиняная посуда, несколько меньше изделий из камня и относительно немного металлических и прочих предметов.

Балановская посуда на всем протяжении развития культуры довольно стандартна по форме: как в погребениях, так и в поселенческих комплексах бытуют три в большинстве круглодонные формы: 1) шаровидные или реповидные амфоры с узким и низким горлом; 2) бомбовидные сосуды с относительно высокой шейкой, шаровидным туловом и почти всегда с небольшим круглым углублением на дне; 3) чашевидные небольшие сосудики. Тесто всех типов сосудов хорошо промешанное и отмученное (на ранних этапах — с примесью песка, на поздних — шамота), лепка ленточная, стенки уплотненные, даже отбитые, наружная поверхность, как правило, имеет следы сплошного лощения. Обработка поверхности ошпандинских и хуласючских сосудов более грубая и несколько неряшливая; часто лощение заменялось ангобированием. Посуда хорошо обожженная, возможно, даже в закрытых печах, но есть обожженная и на костре. Первый тип сосудов, нередко имеющий по наиболее расширенной части желобчатые «ручки», бытовал в основном на балановском этапе, встречался в комплексах атликасинского времени и вышел из употребления в последующем.

Бомбовидные сосуды наиболее характерны для комплексов всех этапов. Сосуды ранних памятников (см. Козловский, Чурачикский памятники, ранние погребения Балановского могильника) имеют слегка расширенное раструбом горло, край которого несколько утоньшается. Для сосудов атликасинского этапа характерно цилиндрическое горло с отчетливым бортиком по краю. В ошпандинских и хуласючских комп-

лексах наблюдается тенденция к расширению горла, а бортик по краю венчика или подчеркивается отгибом (ошпандинский комплекс), или резной линией (хуласючский комплекс). В поселенческой керамике начиная с атликасинского времени встречаются сосуды с более плавным переходом от горла к относительно высокому тулову.

Чашевидные сосуды также изменяются со временем. В балановских и атликасинских комплексах это очень стандартные чашки в виде четверти сферы, в ошпандинское время — сильно открытые чашки, иногда с плоским поддоном, встречаются и баночные или стаканообразные формы.

Из единичных форм следует отметить наличие кружек, нередко плоскодонных, тиглей с ручками, глиняных ложек, сковородок и т. п. В ошпандинских и хуласючских комплексах нередко крупные бомбовидные и шаровидные сосуды с отверстиями на дне, служившие для процеживания сыворотки, бражной массы и т. п. Сохранились и глиняные затычки-пробки.

Поверхность большинства сосудов преимущественно в верхней части орнаментирована строго геометрическими зональными узорами, выполненными тонкой нарезкой (ранняя керамика), оттисками мелкозубчатого (атликасинская керамика) и среднезубчатого (ошпандинская керамика) штампа, прочерченными линиями (ошпандинская и хуласючская керамика), каннелюрами и выпуклинами-«жемчужинами» (хуласючская керамика). Начиная с атликасинского времени в орнаменте становятся обычными широкие геометрические узоры — заштрихованные ромбы, треугольники, зигзаги, метопы и т. п.

Из других керамических поделок следует отметить глиняные модели колес, каменных топоров, погремушки, ложки-ляльки, формы для отливки топоров, дисковидной и линзовидной формы пряслица и т. п. (рис. 40, 9—15).

Известно огромное число (более 1000) изделий из камня, среди которых наиболее многочисленны сверленные (около 800 экз.) и клиновидные (около 200 экз.) топоры — один из характерных атрибутов культур с боевыми топорами (рис. 39). Классификация балановских сверленных топоров (Бадер, Халиков, 1976, с. 59—65) включает 15 типов*: 1 — клиновидный (около 100 экз.); 2 — молотковидный (около 80 экз.); 3 — короткообушковый (до 150 экз.); 4 — обушковый (до 20 экз.); 5 — обушковый усеченноконический (более 50 экз.); 6 — длиннообушковый (14 экз.); 7 — обушково-пестиковый (17 экз.); 8 — обушково-втульчатый (45 экз.); 9 — ромбический молотковидный (8 экз.); 10 — ромбический усеченный (36 экз.); 11 — ромбический узкообушковый (32 экз.); 12 — ромбический лопастной (8 экз.); 13 — коротколопастной (60 экз.); 14 — длиннолопастной (13 экз.); 15 — ладьевидный (12 экз.). Топоры типов 1, 2, 4, 7, 8, 12 бытовали в основном в раннебалановское время; типы 5, 13, 14 — в балановский и атликасинский этапы; тип 3 — в атликасинское время; типы 9—11, 15 — в ошпандинский период. Для хуласючского времени каменные сверленные топоры не характерны.

Клиновидные топоры или мотыги-тесла без сверления подразделяются на: орудия с желобчатым пе-

* В основу ее положена классификация каменных сверленных топоров-молотков, разработанная Д. А. Крайновым (Крайнов, 1964а, 1972б).

рехватом (21 экз.), служившие скорее всего мотыгами; черешковые топоры (28 экз.), близкие к топорам борисовско-лепельского типа; клиновидные топоры-тесла. Среди последних выделяется 13 типов: 1 — прямоугольный толстообушковый (24 экз.); 2 — трапециевидный толстообушковый (30 экз.); 3 — короткий толстообушковый; 4 — трапециевидный узкообушковый (8 экз.); 5 — трапециевидный широкообушковый (29 экз.); 6 — трапециевидный широколезвийный; 7 — стамесковидный узкий (2 экз.); 8 — прямоугольный короткий (10 экз.); 9, 10 — треугольный и трапециевидный тонкообушковые (29 экз.); 11 — тонкообушковый с линзовидным сечением (31 экз.); 12 — толстообушковый с линзовидным сечением; 13 — тонкообушковый короткий с линзовидным сечением*. Среди клиновидных топориков типы 1—4, 7, 12 были характерны для раннего этапа; 5, 9—11 — для атликасинского; 13 — атликасинского и ошпандинского; 8 — ошпандинского.

Из других каменных орудий и предметов балановцы широко употребляли и, очевидно, изготавливали долота и тесла, мотыги и терочные камни, полировально-зернотерочные плиты и ступы, ножи, скребки, проколки, наконечники стрел и дротиков (рис. 37, 40). Среди последних выделяются наконечники листовидные (около 100 экз., подразделенные на 3 типа), ромбические (более 30 экз., также 3 типов), черешковые, подразделенные на 7 типов.

Балановские металлические изделия указывают на создание балановскими племенами собственного очага металлургии, базировавшегося «на вятско-казанской группе месторождений медистых песчаников Приуральяского горно-металлургического центра» (Черных, 1966, с. 77). Балановцы, очевидно, производили как разработку рудных месторождений, так и плавку металла (следы ее на поселениях) и литье медных предметов в формах. В поисках руды балановцы уходили иногда на восток к Уралу. Возможно, свидетельством этого является Верхне-Савинское погребение в Пермской обл. (Бадер, Кадиков, 1957) и погребения у Бирска на Белой (Сальников, 1967, с. 25). По мнению Е. Н. Черных (Черных, 1972), деятельность балановского очага протекала в пределах досейминского горизонта и закончилась в самом начале сейминского.

Наличие собственного очага металлургии позволило балановцам производить почти из чистой меди оружие: наконечники копий, вислообушные боевые топоры, шиловидные наконечники стрел; орудия труда: тесла, четырех- и шестигранные шилья, круглые в сечении иглы; украшения: височные кольца в 1,5—2 оборота, кольца-подвески и сережки, трубочки-пронизки и т. п. (рис. 41).

Из сделанного обзора ясно, что древняя металлургия балановских племен имела развитый характер. Она, очевидно, оказала воздействие на развитие металлургии не только местных поздневолосянских племен (Черных, Кузьминых, 1977, с. 95), но и на соседних фатьяновцев. Об этом свидетельствует как идентичность многих форм балановских и фатьяновских металлургических изделий, так и то, что фатьяновские металлические предметы по химическому

составу изготовлены из металла медистых песчаников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (Черных, 1963), широко освоенного прежде всего балановскими племенами (Черных, 1966).

Обычные на поселениях находки обломков тиглей, медные шлаки, различные абразивные инструменты, так же как и изученное под Чурачикским курганом (Каховский, 1963) захоронение бронзолитейщика, не оставляют сомнения в том, что в балановских родовых группах уже выделились специалисты-металлурги — первые ремесленники доклассового общества.

Изделия из других материалов — кости, рога, дерева сохранились плохо. Известны костяные проколки-шилья, пронизки-амулеты, небольшие орнаментированные дощечки, костяной гребень и т. п.

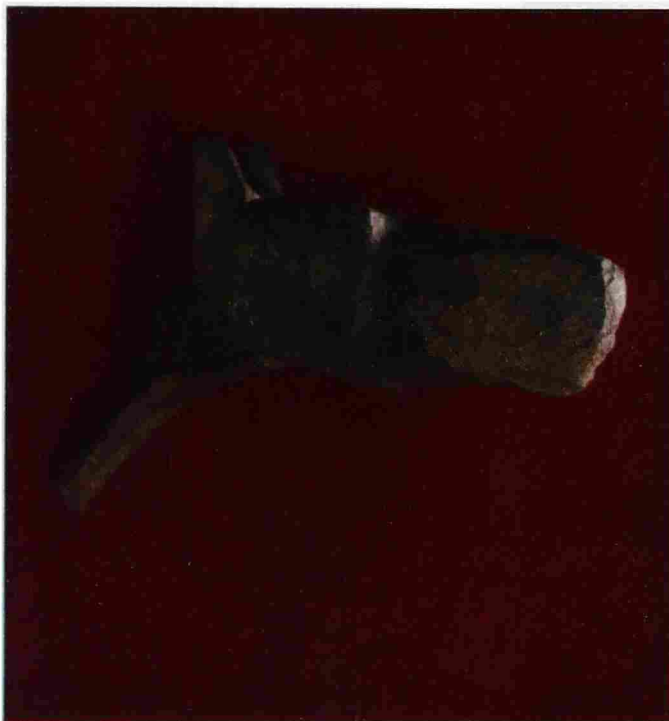
Балановские племена, появившиеся на берегах Волги и Камы не позднее рубежа III—II тыс. до н. э., были первыми в крае земледельческо-скотоводческими племенами. Им были известны почти все виды домашних животных. Так, в Балановском могильнике найдены кости быка, барана, лошади и свиньи (Бадер, 1963, с. 277).

На Кубашевском и Васильсурском поселениях (Халиков, 1969, с. 350) также известны находки костей крупного рогатого скота (18—49%), свиньи (46—53%), лошади (5—24%) и очень немного мелкого рогатого скота (1,5%). Кости всех этих животных, но с преобладанием крупного рогатого скота и свиньи, найдены также и на поселении Ощ-Пандо (Степанов, 1967, с. 57—58).

Скотоводами были и родственные фатьяновцы, в могильниках которых найдены кости, а иногда и целые скелеты таких животных, как овца (Крайнов, 1972б, с. 198—199). Не исключено, что быки у балановцев применялись в качестве тягловой силы, о чем свидетельствуют находки глиняных моделей колес от повозок типа двуколок (рис. 40, 10, 11). Отсутствие как в ранних, так и в поздних балановских комплексах деталей конской узды, прежде всего псалий, убеждает в правильности этого предположения. Скотоводство у балановцев, очевидно, носило оседло-пастушеский характер. Об оседлости свидетельствуют как поселения и могильники, так и абсолютное преобладание в балановском стаде крупного рогатого скота и свиньи при минимальном количестве мелкого рогатого скота. Продукты скотоводства, в том числе и молочные, широко употреблялись в пищу. О заготовке молочных продуктов впрямь свидетельствуют находки сосудов-педилок с отверстиями на дне и пробками-затычками для них.

Балановцы знали и земледелие. Хотя прямых фактов, подтверждающих его развитие, пока мы и не нашли, но все-таки ряд исследователей склоняются к мнению, что балановцы широко практиковали подсечно-огневое земледелие со вторичной и, очевидно, длительной обработкой расчищенных от леса участков (Краснов, 1967, с. 17—18), о чем свидетельствуют многочисленные находки каменных молотов-глыбобоек и каменных мотыг с перехватом и черешком. Наличие у балановцев колесного транспорта, упряжных животных — волов делает более убедительным и предположение о переходе позднебалановских племен к обработке земли при помощи упряжных пахотных орудий (Краснов, 1968, с. 13).

* По классификации, разработанной Д. А. Крайновым (Крайнов, 1964а, 1972б).

Волосовская культура:
антропоморфная кремневая фигурка. Сахтыш II;
голова лося. кость. Сахтыш I;

роговые скульптуры уток из волосовских слоев
стоянок Маслово болото IV и V;
головка лебедя, кость. Ивановское VII;
кремневая скульптура кабана. Юртик.
III тыс. до н. э.

Волосово и Фатьяново:
наконечники стрел, «душица».
Тихманга.
Первая половина II тыс. до н. э.;
наконечники дротиков.
Сахтыш II, VIII.
Волосовская культура.
III тыс. до н.

Топоры, долота и тесла. Сахтыш I, II, VIII.
Волосовская культура. III тыс. до н. э.;
каменный топор. Фатьяновская культура;
глиняный сосуд. Тургиновский могильник.
Фатьяновская культура.
Первая половина II тыс. до н. э.

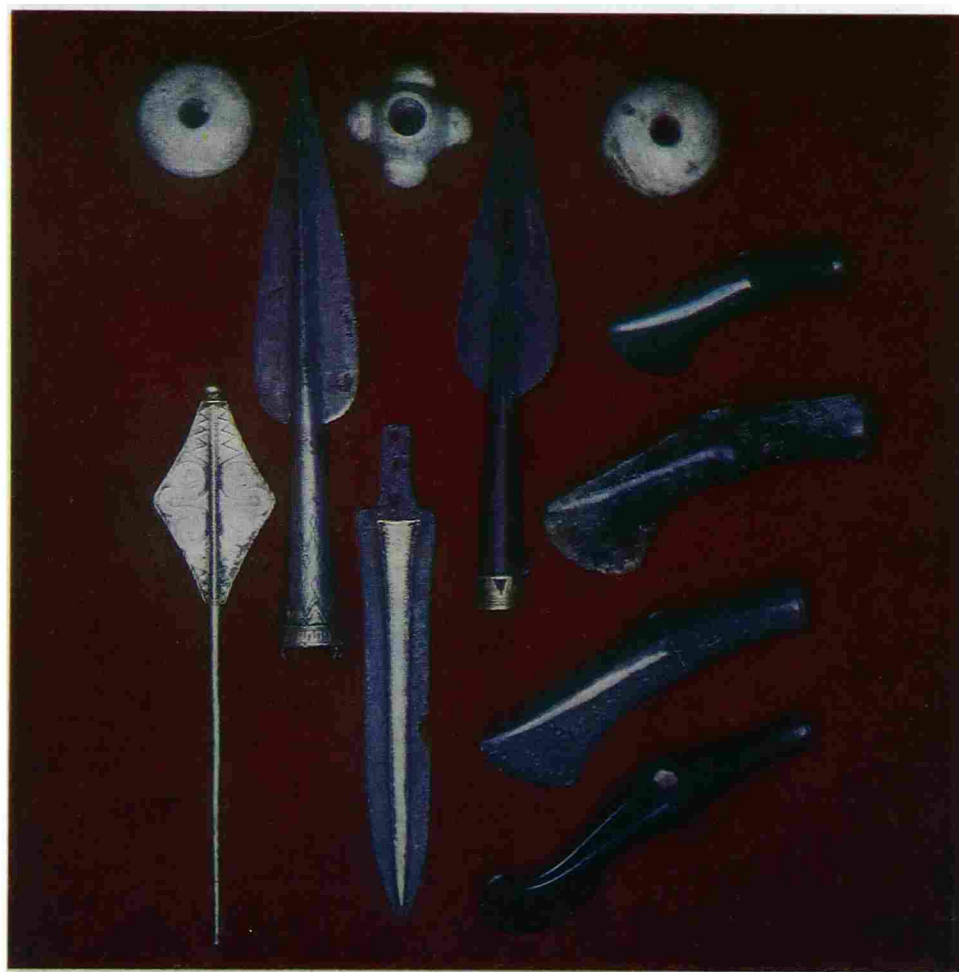

Восточная Прибалтика:
костяные палочки копий
и стрел. Поздняя бронза:
украшения из кости и яштыря.
Поздняя бронза

Наконечники копья, топоры, кельт.
Бронза. Восточная Прибалтика;
Бородинский клад. Молдавия.
XVI—XV вв. до н. э.

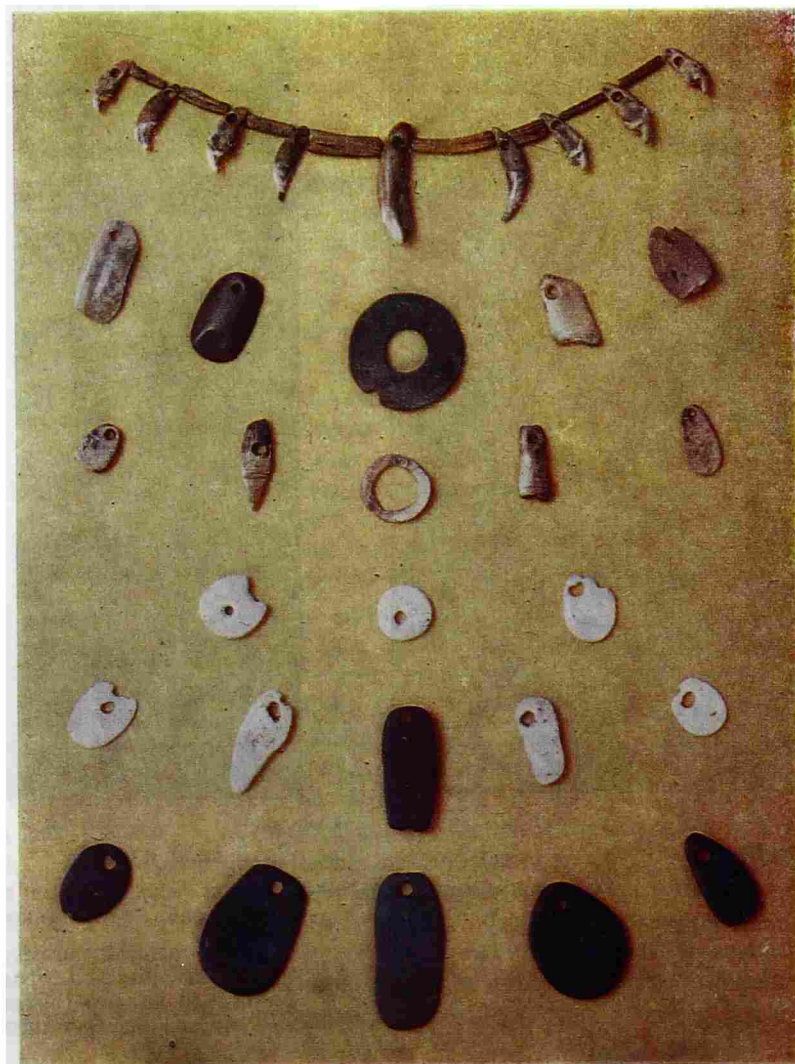
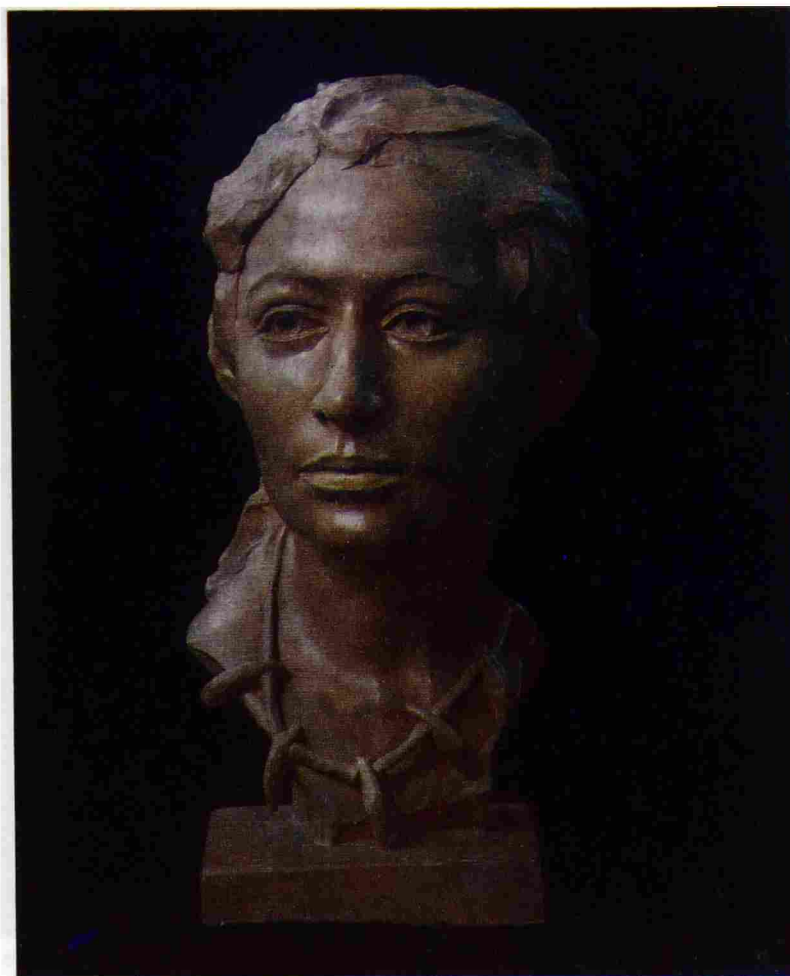

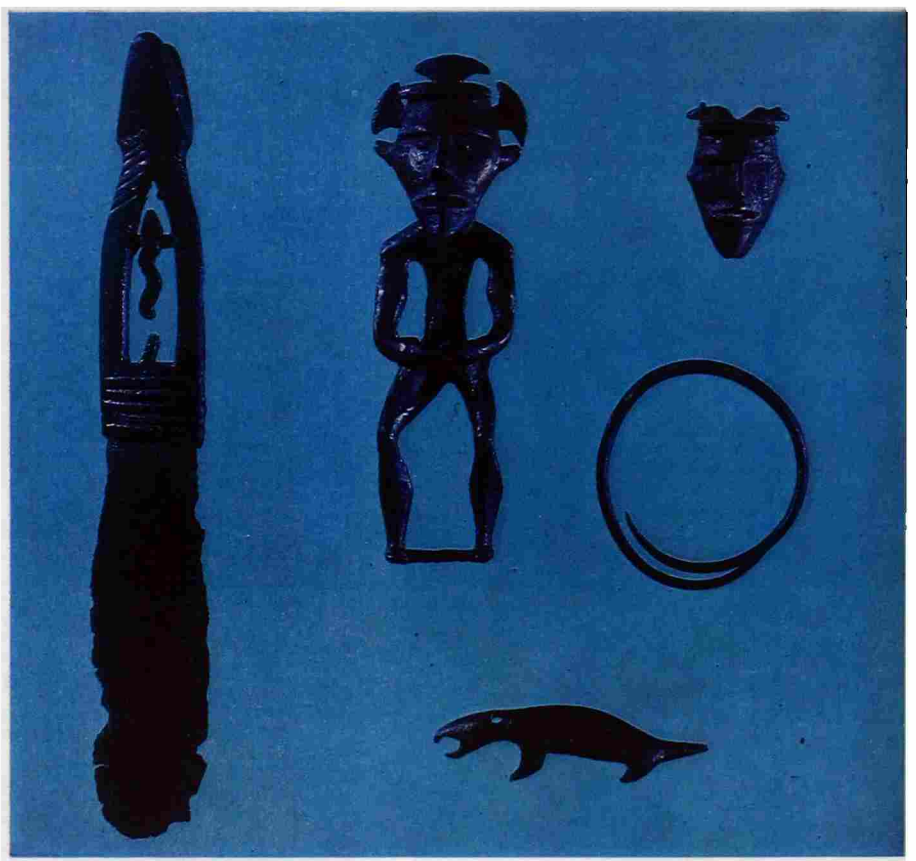
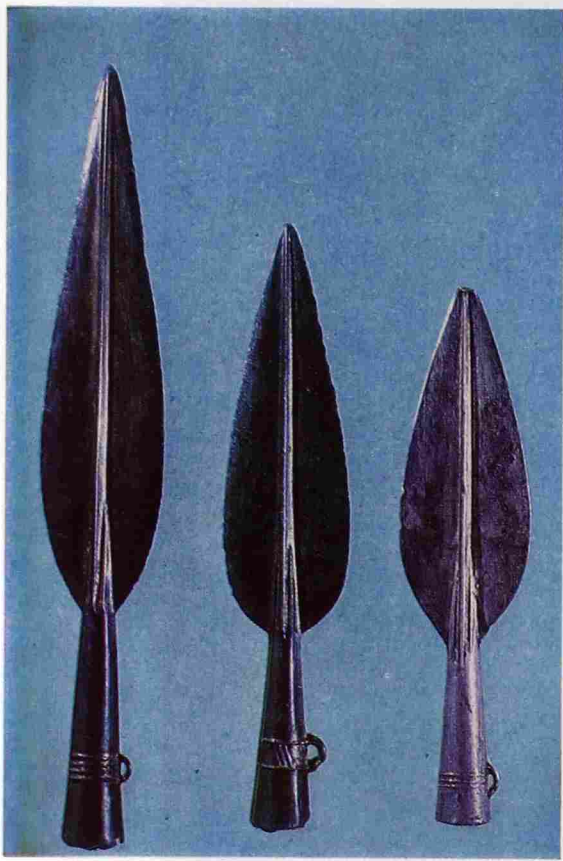

Янтарные подвески и пуговицы;
янтарные украшения. Сахтыш VIII.
Волосовская культура

Бюст женщины из погребения 14
Тимофеевского могильника.
Фатьяновская культура.
Реконструкция
Г. В. Лебединской;
украшения из зубов животных,
кости и камня.
Сахтыш I, II, VIII.
Волосовская культура

Турбинский могильник:
 бронзовые и серебряные наконечники копий;
 кельт, топор, кинжал из меди и бронзы
 и нефритовые кольца
 (связь кинжала с Турбино условна)

Галицкий клад:
 кинжал, пдол, голова пдола, браслет и фигурка животного
 из «чистой» и мышьяковистой меди;
 изделия поздняяковской культуры:
 серп, нож, кинжал, браслет из меди и бронзы,
 бронзовое кольцо (обтянутое золотой фольгой),
 кремневые наконечники стрел и скребки

Подсобное значение в хозяйстве балановцев занимали охота, рыболовство и собирательство. Об этом свидетельствуют находки костей диких животных на поселениях, а также разнообразие наконечников стрел, дротиков и копий, могущих служить охотничьим оружием. Любопытно, что на Васильсурском поселении, несмотря на его расположение в лесостепном Поволжье, найдено значительное количество костей различных диких животных: лося, северного оленя, бобра, медведя, лисицы, куницы, выдры (Андреева, Петренко, 1976, с. 162).

Земледельческо-скотоводческое хозяйство, создание собственного металлургического очага — все это свидетельствует о том, что балановцы занимались производящим хозяйством. Это относительно развитое производство требовало и развитых социальных отношений. Все без исключения исследователи сходятся на мысли, что род у балановцев, так же как и у других племен культур боевых топоров, был патриархальным, с возможным делением на большие патрилокальные семьи. Отмечаемая воинственность балановского населения, проникнувшего до берегов Камы, а затем широко распространившегося по всему лесному Среднему и Верхнему Поволжью (Брюсов, 1961), заставляет полагать, что у них, очевидно, уже выделились группы воинов, вооруженных каменными топорами-томогавками. Это в свою очередь позволяет говорить о сложении у балановцев отношений военной демократии, может быть наподобие социальной организации индейских племен Северной Америки в период ее захвата европейцами. Родовые группы балановцев, очевидно, объединялись в племена, а последние — в более крупные сообщества. Факт беспрепятственного проникновения балановцев на территорию соседних фатьяновских племен свидетельствует об их родстве и, вероятно, союзных отношениях.

Обращаясь к вопросам происхождения, хронологии и периодизации балановской культуры, мы исходим из того, что для районов Среднего Поволжья и Волго-Вятского края балановская культура представляется пришлым явлением. Появление ее носителей относится ко времени не позже рубежа III—II тыс. до н. э., когда на обширных пространствах степи и лесостепи Евразии приходят в движение скотоводческо-земледельческие племена, способ производства которых, по образному выражению К. Маркса, «требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... а рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» (Маркс К., *Энгельс Ф. Сочинения*, т. 8, с. 568).

Вторжение балановских племен в центральные районы Среднего Поволжья произошло, по-видимому, не раньше рубежа III—II тыс. до н. э. и не позже первой четверти II тыс. до н. э. (Бадер, Халиков, 1976, с. 74).

Это было время начала распространения в Европе культур с боевыми топорами, памятники которых на рубеже III—II тыс. до н. э. появляются в Южной Финляндии (Meinander, 1954), Дании (Glob,

1945), Швеции (Forsander, 1933), Прибалтике (Янитс, 1957).

В Среднем Поволжье одним из районов наиболее раннего проникновения балановских племен, очевидно, является бассейн р. Свияги (карта № 12). Здесь открыты наиболее архаичные памятники, как Козловский могильник, и здесь же сосредоточены наиболее ранние типы каменных и металлических предметов: круглые ступы и песты, шаровидные и шаровидно-втульчатые булавы, массивные черешковые клиновидные топоры, сверленные клиновидные, обушково-пестиковые и обушково-втульчатые топоры, клиновидные прямоугольные и толстообушковые топоры (Халиков, 1964). Чрезвычайно большая насыщенность этого района находками ранних типов орудий позволяет предполагать единовременное внедрение сюда мощной племенной группы одного из вариантов культур с боевыми топорами. Большинство аналогий указанным предметам уводят нас на запад и юго-запад. Таковы черешковые клиновидные топоры так называемого борисово-лепельского типа, в значительном количестве известные в Белоруссии, Южной Скандинавии и очень редкие на юге и в центральных областях Восточной Европы (Брюсов, 1961, с. 25).

При картографировании раннебалановских находок в Среднем Поволжье выделяется, помимо бассейна р. Свияги, еще один район, расположенный на юго-западе края. В среднем течении р. Цны и в верховьях р. Мокши найдены ранние формы клиновидных топоров, а в районе Пензы и Саранска известна большая группа находок (клиновидные пестиковые, молотковидные, черешковые и лопастные сверленные топоры, клиновидные толстообушковые топоры с прямоугольным сечением) также раннего облика. Вероятно, как это предполагали О. Н. Бадер (1963, с. 313) и П. Н. Третьяков (1966, с. 91), движение раннебалановских племен в центр Среднего Поволжья проходило несколько южнее правого берега р. Оки, по его юго-восточным притокам через Суру на Свиягу и, скорее всего, оно было сухопутным. Между прочим, по этому пути в ряде пунктов (на Борковской стоянке на Оке, у Кадома на Мокше, на Барковской стоянке у г. Пензы) найдена чрезвычайно архаичная керамика балановского типа с резным и мелкозубчатым орнаментом. По форме и орнаментации она близка сосудам Козловского могильника и, очевидно, синхронна или, может быть, даже предшествует им. Время проникновения ранней группы балановского населения на Среднюю Волгу не может быть позже первой четверти II тыс. до н. э., но и не раньше рубежа III—II тыс. до н. э., ибо еще в конце III тыс. до н. э. в бассейне р. Свияги мы застаем позднеолитические и раннеолитические племена, изгнанные оттуда где-то на рубеже III—II тыс. до н. э. (Халиков, 1969, с. 145).

Для суждения о своеобразии балановской культуры и об особых путях ее сложения очень большое значение имеет антропологический тип ее носителей на раннем этапе истории этой культуры. Палеоантропологические исследования черепов из Балановского могильника показали, что население, хоронившее своих умерших в этом могильнике, почти полностью принадлежало к европеоидному узколицему восточно-средиземноморскому типу (Акимова, 1963).

Этот факт наиболее убедительно подтверждает чужеродность балановской культуры в Волго-Камье, где в предшествующее время средиземноморский тип отсутствовал, и подчеркивает и с этой стороны отличие ее от фатьяновской культуры, которой был свойствен широколицый европейский антропологический тип, характерный также для людей, погребенных в могильниках культуры ладьевидных топоров Прибалтики (Денисова, 1966).

В Среднем Поволжье балановские племена обитали в течение всего II тыс. до н. э. За это время их культура претерпела значительные изменения. Она оказала огромное воздействие на весь ход развития истории местных племен Поволжья и Прикамья.

Как отмечалось выше, в развитии балановской культуры мы наблюдаем 4 этапа: балановский (первая половина II тыс. до н. э.), атликасинский (XV—XIV вв. до н. э.), ошпадинский (XIII—XII вв. до н. э.), хуласюкский (XI—IX вв. до н. э.) (Бадер, Халиков, 1976, с. 77) (рис. 37).

Культура балановских племен начала балановского этапа характеризуется рядом архаических черт, впервые отмеченных на материалах Козловского могильника и близких ему памятников. Здесь и глиняные сосуды вытянутых пропорций с преимущественно нарезной орнаментацией (рис. 37) и клиновидные толстообушковые топорики, прямоугольные в сечении, и пр. Наиболее ранние памятники балановской серии, как отмечалось выше, известны, кроме бассейна р. Свияги, в бассейне Мокши и Цны и среднего течения р. Суры.

Ближе к концу первой четверти II тыс. до н. э. балановское население предпринимает попытки выйти за пределы первоначальной территории. К этому времени можно отнести основные доатликасинские погребения Балановского могильника, погребения Чурачикского могильника на р. Цивиле, Красновиновское погребение на р. Волге, Пайгусовский могильник на р. Юнге, Сергачский могильник на р. Пьяне, Чуркинский могильник в устье р. Оки, Соза-Курбатовский и Павлушатский могильники в Заволжье (Бадер, Халиков, 1976, № 67, 109, 269, 286, 297, 339, 420). Для этих памятников характерны погребения, совершенные в грунтовых ямах с соблюдением всех классических приемов погребального обряда: устройство внутримогильных сооружений, преимущественное положение на боку и т. п. Среди них в погребениях Чурачикского и первого периода Балановского могильника еще содержатся архаичные формы посуды: шаровидные амфоры со сложной конструкцией, сосуды вытянутых пропорций с орнаментом козловского типа и ранние типы каменных орудий, в частности клиновидные топорики с прямоугольным сечением.

Более поздние Чуркинский, Сергачский, Павлушатский могильники, содержащие керамику и орудия с некоторыми намечающимися атликасинскими чертами (обушковые топоры, выдержанная зональность и намеченная геометричность узора на керамике и т. п.), располагаются в значительном удалении от исходного центра и, по-видимому, отражают дальнейшее расселение балановских племен в лесные районы, на территории местного волосовского населения. Процесс расселения, очевидно, сопровождался оседанием балановцев, с чем следует связывать возникно-

вание крупных могильников типа Балановского, а также появление первых поселений, таких, как Буйские на р. Вятке, Чертово городище на р. Ветлуге, Галанкина Гора на р. Волге. Расселение балановских племен иллюстрируется также и распространением сверленных топоров ранних типов, обнаруженных не только в бассейне р. Свияги, но и далеко за ее пределами — в Заволжье, выше по р. Волге и т. п., однако лишь там, где имеются памятники балановского этапа.

В конце балановского этапа, падающего на конец первой половины II тыс. до н. э., в связи с интенсивным внедрением балановских племен в среду местных, и прежде всего волосовских племен, начинают все более ощущаться следы воздействия балановцев на местное население. Нередко это воздействие принимало форму взаимных контактов балановских и местных родовых групп. Так возникали поселки со смешанными чертами, классическим примером чего является поселение Галанкина Гора, где наблюдается процесс активного смешения поздневолосовской и балановской культур и возникновение на этой основе новой, которой было дано имя чирковской (Халиков, 1969, с. 182 и сл.). Об этих же взаимных связях свидетельствует присутствие в составе населения, погребенного на Балановском могильнике, метисных типов, несущих «черты монголоидной примеси, хотя и довольно слабой» (Акимова, 1963, с. 398).

К концу балановского — началу атликасинского этапов относится начало проникновения балановских племен на фатьяновскую территорию. По пути им пришлось прорваться через р. Оку, заселенную поздними волосовскими племенами. Вероятно, прорыв произошел в нижнем течении р. Оки, где еще в первой половине II тыс. до н. э., судя по Чуркинскому могильнику и Сейминскому памятнику, осела небольшая группа балановского населения. Западнее нижнего течения Оки, на левых притоках р. Клязьмы известно несколько могильников: Скомороховский, Тимофеевский, Буньковский и Кривцовский (Крайнов, 1963), содержащих погребальные комплексы с керамикой раннего атликасинского облика, близкого сосудам поселения Галанкина Гора. Наиболее западным памятником в этой серии является Истринский могильник, в четырех первых погребениях которого выявлены остатки кремации вместе с ранними атликасинскими вещевыми комплексами. Следует заметить, что проникновение балановцев в фатьяновскую среду проходило довольно мирно и завершилось, вероятно, процессами взаимосмешения. Об этом свидетельствует тот факт, что почти все отмеченные выше могильники, кроме, может быть, Буньковского, содержат погребения как фатьяновские, так и балановские*.

Основными памятниками атликасинского этапа в Среднем Поволжье следует считать: в правобережье — поздние погребения Балановского могильника, Таутовский и Ледырский грунтовые могильники, Атликасинский, Раскильдинский, Кумак-Касинский и другие курганные могильники Нижнего Поволжья, поселения на Васильсурском и Оленегорском

* Д. А. Крайнов считает эти памятники позднефатьяновскими и появление в них так называемых балановских черт объясняет дальнейшим развитием фатьяновской культуры (Крайнов, 19726).

городищах и ряд других; в левобережье — грунтовые могильники у д. Марийская Лиса и пос. Урень, курган у с. Синцово в Кировской обл., Кубашевское и Новоселовское поселение (Бадер, Халиков, 1976). Культура балановского населения атликасинского периода продолжает развитие культуры предшествующего времени.

В середине II тыс. до н. э. балановцы были вынуждены покинуть бассейн Свияги и значительную часть Сурско-Свияжского междуречья. Отсюда их изгнали абашевцы, в третьей четверти II тыс. до н. э. довольно прочно заселившие эту область. Балановцам удалось закрепиться в бассейне р. Суры, где возникает серия укрепленных поселений, классическим образцом которых является Васильсурское городище (Халиков, Халикова, 1963) (рис. 38, 4). Яркой иллюстрацией враждебных балановско-абашевских взаимоотношений является Пепкинский курган, раскопанный в 1960 г. в Горно-Марийском районе Марийской АССР, примерно в 30 км к востоку от Васильсурского поселения-городища. Под курганом была обнаружена братская могила 27 абашевских воинов, погибших в результате жестокого военного столкновения. Торчащие в костях убитых кремневые стрелы сейминского типа, характерные и для атликасинских памятников, указывают на их врагов, которыми могли быть или балановцы, или родственные им чирковско-сейминские племена (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966а).

В Сурско-Окском междуречье балановские (атликасинские) племена рассеялись на широком пространстве, ограниченном на севере р. Волгой (поселение на Оленьей горе у Лысково), а на юге — верховьями р. Суры (находки у г. Пензы) и Мокши (Озименки, Ковендрово). Отдельные представители балановских племен, по-видимому, проникали еще южнее. Об этом, в частности, свидетельствуют находки балановской керамики атликасинского типа на поселении эпохи бронзы у г. Елец в верховьях р. Дона.

На севере атликасинские племена компактной группой занимали верховья р. Б. и М. Кокшаги, а также правые притоки р. Пижмы, не проникая далеко в глубь заволжской тайги. Характерно почти полное отсутствие не только памятников, но даже отдельных находок по правому, не говоря уже о левом, берегу р. Вятки.

Ближе к середине третьей четверти II тыс. до н. э. абашевские племена, теснимые с юга срубными, а с востока и северо-востока — приказанскими племенами, покидают правобережье р. Волги и перемещаются в Заволжье — в Волго-Вятское междуречье (Халиков, 1959). Очевидно, воспользовавшись этим, а может быть и участвуя в изгнании абашевцев, в бассейн нижнего течения р. Цивили снова проникает балановское население, правда, не столь многочисленное, как предшествовавшее. Здесь выявлено несколько памятников — Шоркинское и Тохмеевское поселения и Досаевский курган, в материале которых, особенно в керамике, уже отчетливо выступают ошпандинские черты.

Ошпандинский этап, охватывающий XIII—XII вв. до н. э., представлен такими поселениями, как Ош-Пандинское и Ашна-Пандинское, Васильсурское на р. Суре: Мало-Яушское в верховьях р. Цивили и

т. д. Могильники изучены слабо. Вероятно, они продолжали оставаться курганными, как об этом свидетельствуют Досаевские курганы и III Андреевский курган, и грунтовыми.

Основным районом обитания балановцев в ошпандинский период становится бассейн р. Суры и Сурско-Окское побережье р. Волги. Причем балановцы в это время проникают в районы, удаленные от крупных рек, как, например, в верховья р. Кудьмы (Мокрушинское поселение) и р. Тепи (Кожинское и Кобыльское местонахождения). Значительная группа балановского населения осела в бассейне среднего течения р. Оки, где она пополнилась за счет тех групп, которые были вынуждены покинуть бассейн р. Мокши под давлением срубных племен. Начиная от г. Муромы по р. Оке и далее по р. Москве и Верхней Волге вплоть до г. Калинина протянулась цепь местонахождений, поселений и могильников с керамикой и другими предметами ошпандинского облика. Керамика этого типа обнаружена: на поздняяковских стоянках Садовый Бор у г. Муромы в устье р. Тепи, у деревень Куземкино и Сумбулово на р. Оке выше г. Касимова, на Коренецкой и Нарминской, Юраковской, Мурминской и Алкановской стоянках поздняяковской культуры (Бадер, Халиков, 1976). Большинство из них найдено в поздняяковских комплексах, что заставляет предполагать оседание балановцев в ошпандинское время на землях, занятых поздняяковскими племенами. Последние, очевидно, и поглотили здесь балановцев, так как в этом районе мы уже не наблюдаем памятников завершающего (хуласюцкого) этапа.

В результате воздействия поздняяковских племен в балановской керамике начиная с конца ошпандинского периода распространяется специфическая поздняяковская деталь орнамента — выпуклины, нанесенные ямочными углублениями изнутри горла (рис. 37). Спорадические находки ошпандинской керамики отмечены и в более южных районах — выше среднего течения р. Дона. Так, типичные ошпандинские сосуды найдены в курганах у с. Тростянка близ г. Острогоска и у с. Вознесенска близ г. Воронежа.

Часть балановских племен ошпандинского времени проникла еще дальше на северо-запад. Все эти разрозненные балановские группы, оторвавшиеся от основной массы своих соплеменников, очевидно, растворились в местной среде.

Хуласюцкое время (XI—IX вв. до н. э.) — это период резкого сокращения территории балановского расселения и окончательной деградации культуры (Халиков, 1960, с. 138—142). В последние годы на территории Среднего Поволжья выявлено около 50 поселений и местонахождений хуласюцкого типа и 4 курганных могильника, из которых большинство поселений (34 из 38) и почти все могильники (3 из 4) занимают нижнее течение р. Суры (карта 12). Очевидно, к концу II тыс. до н. э. под натиском более мощных поздняяковских племен с запада, приказанских — с востока и чирковских племен — с севера балановские племена оказываются загнанными в небольшой район нижнего течения р. Суры. Далеко за пределами этого района на окраинах Средней Волги наблюдаются небольшие местонахождения позднебалановской керамики типа находок на сруб-

ных поселениях Самарской Луки у Моечного озера и с. Ермаково в Куйбышевской обл., на позднеприказанском поселении у Нижнего Услона на р. Волге и на поздняяковской стоянке в устье р. Оки на западной окраине г. Горького (где, кстати, недалеко расположен и Чуркинский могильник, одно из погребений которого, совершенное по обряду трупосожжения, содержало типичный сосуд хуласюцкого облика).

Характерно, что находок хуласюцкого типа уже нет в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье, где в это время полностью господствуют поздняяковские племена и племена с «текстильной» керамикой.

Судьба хуласюцких племен на Нижней Суре пока не ясна. Известные здесь памятники эпохи раннего железа, например Васильсурское городище, не дают каких-либо следов непосредственного участия балановцев в формировании культуры населения эпохи раннего железа — ни раннегородокской, ни тем более раннеаньинской. Однако воздействие, оказанное балановскими племенами на ход развития населения края в эпоху бронзы, несомненно (Халиков, 1969, с. 152 и сл.). Оно фиксируется и языковедами, отмечающими древние индоевропейские (балто-германо-славянские) включения в финно-угорскую среду Восточной Европы, падающие на эпоху раннего металла (Joki, 1973).

Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии

Едва ли в истории народов бронзового века северной половины Евразии удастся отыскать культурный феномен, способный сравниться по яркости, самобытности и характеру своего проявления с сейминско-турбинским. Степень его воздействия на историю этих народов была чрезвычайной. С ним связываются кардинальные инновации в металлургическом и металлообрабатывающем производствах в культурах, располагавшихся на обширнейших территориях. Это были племена не только металлургов, но и воинов-кочевников. Характер их оружия и военной организации оказались в середине II тыс. до н. э. столь совершенными, что эти люди смогли в очень короткий отрезок времени преодолеть в своих походах-миграциях многие тысячи километров западносибирских лесостепей и тяжелой заболоченной тайги, перевалить Уральские горы и выйти на лесные равнины Восточной Европы.

Сейминско-турбинские группы вряд ли были многочисленными. Иначе очень трудно объяснить тот факт, что к настоящему времени сохранилось только немногим более 400 металлических находок, связанных с этим феноменом. Львиная доля указанных предметов обнаружена всего лишь в четырех крупных некрополях, три из которых — Сейма, Турбино и Решное — находятся к западу от Урала, а один — Ростовка — к востоку. Отдельные металлические орудия сейминско-турбинских типов находят по бескрайним пространствам Евразии — от Монголии до Финляндии и Молдавии. Все эти на удивление малочисленные вещи разбросаны по гигантской площади примерно в 3 млн. кв. км.

Уникальны не только типы сейминско-турбинских металлических изделий — наконечников копий, кельтов и ножей-кинжалов, но и характер их некрополей. В громадном большинстве случаев в могилах отсутствуют человеческие останки. Как правило, не ставили в могилы и керамической посуды. Их кладбища лишены курганных насыпей и других надмогильных сооружений. Погребальный инвентарь раскрывает характер основной деятельности погребенных: металлическое, каменное и костяное оружие, костяные защитные доспехи говорят о том, что это были воины. Бронзовое оружие нередко втыкалось в дно, стенки или край могилы. Эти памятники резко отличаются от некрополей всех евразийских культур.

До сих пор для археологов остаются неизвестными поселения сейминско-турбинского типа, хотя разнообразных гипотез и предположений высказывалось очень много. Этот феномен проявился на территориях, занятых памятниками разнообразных культур и общностей, но и поныне характер контактов сейминско-турбинских популяций с окружающими их племенами остается во многом загадочным и дискуссионным. Их «этническим знаком» служило бронзовое совершенных форм оружие, которым не пользовались другие народы.

Первые металлические находки сейминско-турбинского типа стали известны еще в конце прошлого века (Радлов, 1894, табл. XIX, 10; 1902, табл. II, 12; Спицын, 1893, с. 33, 34; 1903б, с. 104—110; Штукенберг, 1904, табл. I, 12, 27). Тогда же П. А. Пономаревым (Пономарев, 1886, с. 14—16) был открыт небольшой могильник этого вида — Березовка-Омары, однако значение данных находок для исследователей осталось тогда непонятым. Сама проблема сейминско-турбинских древностей для археологической науки возникла в 1912 г., и толчком к этому послужило открытие двух замечательных и опосредованно связанных между собой памятников — Сейминского могильника в низовьях Оки и Бородинского клада в Молдавии (Городцов, 1914а, с. 360, 361; Штерн, 1914, с. 1). Тогда же археологи В. А. Городцов (Городцов, 1916, с. 59—104) и А. М. Тальгрэн (Tallgren, 1915, с. 73—86) сформулировали основные положения сейминско-турбинской (тогда еще только сейминской!) проблемы: характер памятников, их культурная принадлежность, датировка и генезис. С того времени дискуссия по этим вопросам не утихала на страницах русской, советской и западной литературы.

Находки у с. Турбино под Пермью стали известны еще в 1891 г., однако определение этого памятника в качестве древнего могильника задержалось более чем на 30 лет, пока в 1924—1927 гг. А. В. Шмидт (Schmidt, 1927) не произвел на этом месте первых раскопок. Тогда же стало очевидным, что Сейма и Турбино являются тесно взаимосвязанными памятниками и сама проблема с тех пор в археологической литературе получила наименование сейминско-турбинской.

Могильник у с. Ростовка под Омском стал третьим крупным памятником данного типа, но первым в Сибири. В 1966—1969 гг. его раскапывал В. И. Матющенко (Матющенко, 1975), и эти исследования стали новым этапом в широком обсуждении различных вопросов сейминско-турбинской проблемы. Не менее важными для ее решения оказались раскопки

того же В. И. Матющенко поселения Самусь IV близ Томска (Матющенко, 1959, 1961, 1973), проведенные в 1954—1958 гг. В слоях этого поселка, как считали, удалось найти одно из важнейших звеньев сейминско-турбинской культуры: многочисленные литейные формы для отливки кельтов и наконечников копий. Однако проделанный в самое последнее время параметрический анализ подобных орудий в сейминско-турбинских коллекциях, с одной стороны, и самусьских матриц — с другой, недвусмысленно показал, что в этих формах сейминско-турбинские орудия отливались не могли. Самусьские типы — более поздние, они вписываются в последующий хронологический горизонт самого конца бронзового века. Эти формы лишь продолжают линию развития сейминско-турбинских форм кельтов и наконечников копий.

И, наконец, последний значительный могильник — Решное на Оке — был обнаружен в 1974—1975 гг., а в 1975—1976 гг. его исследования предпринял О. Н. Бадер (Бадер, 1976а, 1977). Так вкратце выглядит история открытий важнейших памятников сейминско-турбинского типа.

Крупнейшим могильникам этого типа фатально «не везло» ни в отношении качества полевых исследований, ни в плане их опубликования. Сейминский могильник был практически уничтожен в результате сугубо антинаучных «раскопок» 1912 и 1914 гг., проведенных воинскими частями под руководством членов Нижегородской архивной комиссии без участия археологов-профессионалов. Турбинский некрополь раскапывался А. В. Шмидтом (1924—1927 гг.), Н. А. Прокошевым (1934—1935 гг.) и О. Н. Бадером (1958—1960 гг.). Сведения о раскопках 1934—1935 гг. появились в печати лишь в 1961 г. (Крижевская, Прокошев, 1961). Монографическое исследование О. Н. Бадера было опубликовано в 1964 г. (Бадер, 1964а), однако в этой книге не описано большинство комплексов кладбища, в частности тех, которые содержали металл. Сведения о раскопках Ростовки до сих пор разбросаны по статьям и мелким заметкам (Матющенко, 1968, 1970а, 1970б, 1972, 1974б, 1975, 1978; Матющенко, Ложникова, 1969а). Поныне отсутствует палеоантропологический анализ костных останков из этого могильника. Еще более скупы сведения о материалах из Решного.

После того как В. А. Городцов опубликовал находки на Сейминской дюне, дискуссия по сейминско-турбинской проблеме велась в основном по трем вопросам: 1) генезис явления; 2) абсолютная и относительная хронология памятников, 3) соотношение между культурами или культурная принадлежность сейминско-турбинских памятников.

Наименее спорным представлялся вопрос о генетических корнях сейминско-турбинских древностей. Лишь только в самом начале дискуссии А. М. Тальгрэн (Tallgren, 1919, p. 516) предложил их связь с фатьяновской культурой. Однако от этой гипотезы он отказался уже после первых раскопок Турбина (Tallgren, 1925, s. 16). В. А. Городцов уже в 1916 г. выразил совершенно четкое мнение о восточных — сибирских корнях этой культуры, и с тех пор эта гипотеза в принципе не подвергалась серьезным сомнениям. Дискутировалась лишь привязка к конкретным районам Сибири: Алтай (Тихонов, 1960, с. 25, 26, 41; Членова, 1972, с. 139), Западная Сибирь

(Косарев, 1981а, с. 89—96) или Восточная Сибирь (Сафронов, 1970, с. 14).

Гораздо более спорными выглядели и выглядят по настоящее время вопросы относительной и абсолютной хронологии сейминско-турбинских древностей. Абсолютные даты в работах различных исследователей колебались в широких границах — от XVII до VIII в. до н. э. Причинами разногласий являлись, во-первых, привязки к областям, где имелись абсолютно датированные системы культур; во-вторых, определение исследователем запаздывания в проникновении и распространении влияний из исходной области.

Западная, или балкано-микенская, линия связей диктовала археологам датировки сейминско-турбинских комплексов в пределах конца второй и всей третьей четверти II тыс. до н. э. При этом конкретные датировки, конечно же, отличались друг от друга. Так, В. А. Городцов без особой аргументации определял время реконструируемой им сейминской культуры XIV—XIII вв. до н. э. А. М. Тальгрэн после первых исследований Турбинского могильника писал, что его дата укладывается в 1600—1400 гг. (Tallgren, 1925), но уже в работе 1931 г. он датировал всю сейминскую культуру 1300—1100 гг. (Tallgren, 1931, s. 8). В более поздних работах в целом, пожалуй, преобладали хронологические определения, близкие середине и второй половине II тыс. до н. э., о чем писали О. Н. Бадер (1964а, с. 148; 1970, с. 57), В. И. Матющенко (1978, с. 34), М. Ф. Косарев (1974, с. 92—94; 1981а, с. 96—106) и др. Однако при использовании восточных параллелей хронология могильников резко омолаживалась. Это хорошо заметно на примере работ В. А. Сафронова (1970, с. 9—18) и особенно Н. Л. Членовой (1972, с. 138), которая поднимала даты сейминско-турбинских памятников вплоть до XI—VIII вв.

М. Гимбутас впервые попыталась совместить западную, балкано-микенскую линию привязки и восточные параллели (Gimbutas, 1956). Бородинский клад она считала здесь наиболее ранним и датировала его 1450—1350 гг. Сейминский же период в целом она определяла XIV—XIII вв. до н. э., а абашевская культура относилась ею к еще более позднему времени. На Бородинский клад обращали серьезное внимание и другие исследователи, нередко посвящавшие ему специальные работы (Кривцова-Гракова, 1949; Сафронов, 1968; Бочкарев, 1969). Здесь также возникали серьезные разногласия при определении дат комплекса.

И, наконец, последним и наиболее дискуссионным в общей сейминско-турбинской проблеме явился вопрос о культурной принадлежности могильников и их соотношении с евразийскими общностями бронзового века. Одним из частных аспектов данного вопроса стали попытки увязать некрополи с разнообразными поселениями различных культур.

В. А. Городцов (1916, с. 59, 102) впервые ввел понятие «сейминская культура», которое вслед за ним вошло в работы А. М. Тальгрэна (1931) и А. А. Спицына (1926). Н. А. Прокошев после раскопок в 1934—1935 гг. Турбинского кладбища пришел к мысли о принадлежности его местным прикамским племенам, чья материальная культура была известна тогда по поселениям типа Астраханцевского хутора

(Бадер, 1964, с. 130, 131). Позднее эта гипотеза станет основной в работах О. Н. Бадера (Бадер, 1961б, 1964а), который эту археологическую общность даже будет именовать турбинской. Однако резкое несоответствие практически во всех проявлениях культуры Турбинского некрополя и местных поселений Прикамья вызовет решительную критику этой гипотезы со стороны ряда исследователей (Шилов, 1961; Сафронов, 1965; Черных, 1970, с. 83—85), отказавшихся от культурной идентификации указанных памятников. Поэтому культуру племен бассейна Камы, представленную лишь материалами поселений, будет предложено именовать гаринско-борской (Черных, 1970, с. 9) и в последнее время это название укрепилось в археологической литературе.

Сейма локализовалась вне зоны гаринско-борских прикамских поселений, и потому О. Н. Бадер (1970, с. 54—58) предложил увязывать этот некрополь с селищами Нижней Оки и Средней Волги типа Больше-Козино. Однако и эти сопоставления практически не выдерживали критики. В противовес этому А. Х. Халиков (1960, 1969, с. 193—201) пытался доказать связь Сеймы с поселениями так называемого чирковского типа в данном районе и на этом основании сконструировать особую сейминско-чирковскую культуру. Гипотеза А. Х. Халикова также не получила поддержки со стороны большинства специалистов.

После раскопок Ростовки и поселения Самусь IV в литературе вспыхнула дискуссия о культурной верификации этих памятников, которые было уже невозможно отождествлять с восточноевропейскими культурами. Именно поэтому В. И. Матющенко (1959, 1973) относил эти памятники к кругу родственных западносибирских культур огромной Урало-Сибирской культурно-исторической провинции. Вместе с тем он сопоставлял оба эти памятника с разными археологическими культурами (Матющенко, 1975). По его мысли, Турбино и Усть-Гайва были тесно связаны с центром в Самусе (так называемый среднеобский металлургический центр), откуда на запад и поступали металлические вещи (Матющенко, 1973, с. 34). Сейма поддерживала тесные связи с Ростовкой или с так называемым среднеиртышским металлургическим центром. М. Ф. Косарев (1981, с. 89—106) пишет уже об особой самусьской культурной общности и так называемой самусьско-сейминской эпохе в развитии западносибирских культур. Ростовку он помещает в среднеиртышский вариант этой общности, а поселение Самусь IV — в ее юго-восточный вариант.

Даже это весьма лаконичное перечисление основных исследований по сейминско-турбинской проблеме дает представление об исключительной дискуссионности вопросов, связанных с этими загадочными памятниками. Было предложено множество гипотез с зачастую прямо противоположными решениями различных вопросов.

Памятники

В категорию памятников сейминско-турбинского типа включаются: 1) крупные могильники Сейма, Турбино, Решное и Ростовка, а также святилище в Канинской пещере; 2) малые и условные могильники, а также одиночные погребения; 3) единичные

случайные находки металлических кельтов, наконечников копий и ножей-кинжалов характерных форм (карта 13).

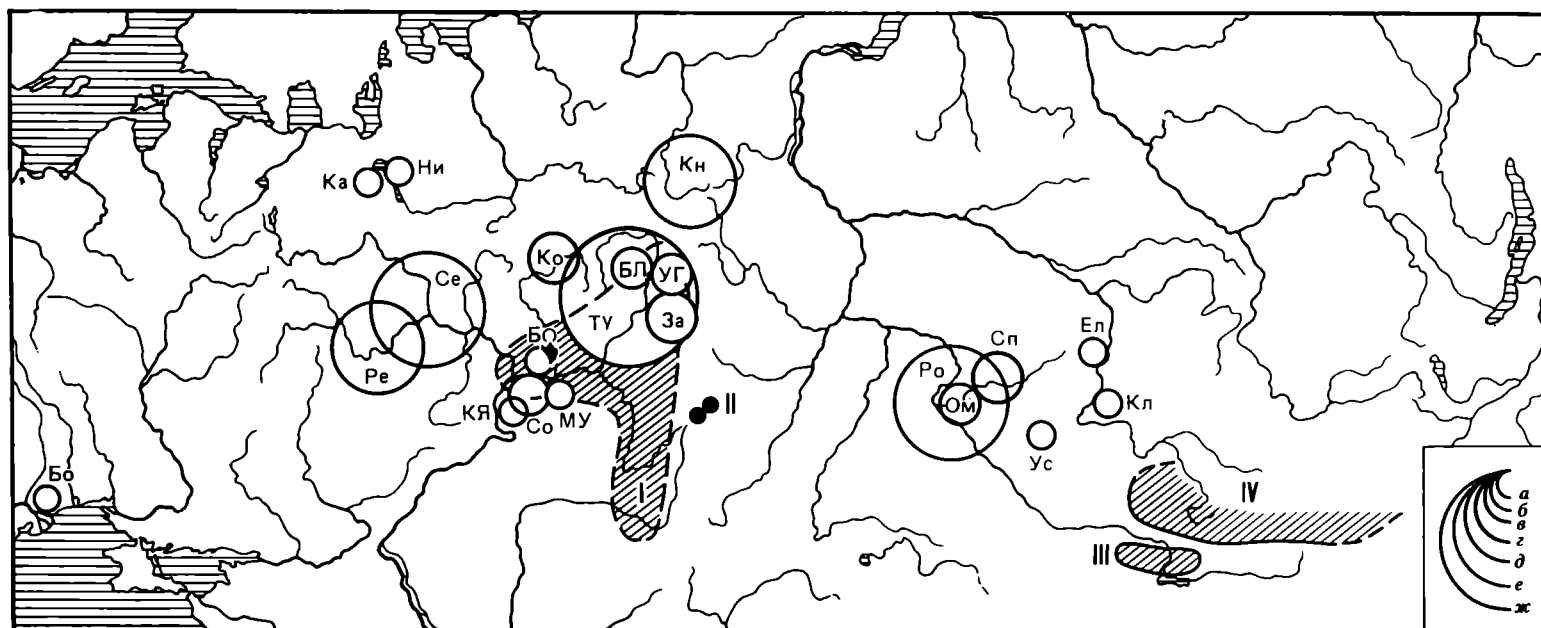
Общее количество металлических предметов, происходящих из всех этих памятников, насчитывает 419 экз.* Кроме того, мы располагаем сведениями о 24 негативах отдельных предметов с двух- либо многостворчатых литейных форм. Эти находки распределяются по всем указанным категориям памятников неравномерно. На долю крупных могильников и Канинского святилища приходится 3/4 общего количества металлических изделий (311), а также 8 негативов. В малых, условных могильниках и одиночных погребениях обнаружены 54 металлических изделия (12,9%) и 5 негативов литейных форм. Среди единичных случайных находок известно также 54 предмета и 11 негативов.

Среди прочих находок преобладают каменные изделия, но их количество не поддается точному учету. Важное место в коллекциях занимают украшения из нефрита, немалое число и костяных изделий. Встречаются украшения из лазурита и горного хрусталя. В сейминско-турбинских памятниках известно очень небольшое число керамических сосудов: 9 — в могильнике Решное, 1 — в Турбино и некоторое количество фрагментов, собранных на поверхности Ростовкинского и Соколовского некрополей.

Сейма. Могильник находится в Горьковской обл. на левом берегу Оки при слиянии ее с Волгой, в 4—5 км от современного русла Оки, на высоком дюнном всхолмлении близ станции Сейма. Памятник был открыт 23 июня 1912 г. штабс-капитаном А. М. Коновым во время воинских учений и раскапывался в течение 18 лет 10 раз. Методика полевых исследований, особенно в 1912 и 1914 гг., была чрезвычайно низкой и антинаучной. Отчеты о большинстве проведенных раскопок отсутствуют. Наиболее губительные для Сеймы полевые «исследования» проводились под руководством Нижегородской ученой архивной комиссии. Самые полные сведения об истории обследования этого памятника изложены в работе О. Н. Бадера (1970). Последний считает, что имеются достаточно веские основания полагать, что на этой дюне были вскрыты останки около 50 погребений. Для ряда из них можно установить даже ориентацию: головой на северо-восток, параллельно реке. При очень немногих из сохранившихся костяков стояли иногда маленькие керамические сосуды. Кроме того, на дюне установлены следы культурных слоев разновременных поселений. Связь последних с могильником активно обсуждалась рядом авторов (Бадер, 1970, с. 80—124; Халиков, 1969, с. 193—201). По различным литературным и архивным источникам О. Н. Бадер насчитал для Сеймы 112 металлических предметов. До нашего времени в коллекциях различных музеев сохранилось не более 70 вещей (рис. 42).

Турбино. Основной исследователь этого памятника О. Н. Бадер (1964а) считает, что данный могильник состоит как бы из двух частей: основной и крупнейший некрополь — Турбино I и малый — Турбино II.

* В самое последнее время обнаружено еще несколько металлических орудий и литейная форма для вильчатого копыя в Сопке 2; однако в настоящую сводку они не включены (см. ниже).

Карта 13. Распространение основных, малых и условных могильников сейминско-турбинского типа и районы древнего горного дела, связанные с сейминско-турбинской металлургией

Могильники: Се — Сейма; Ту — Турбино; Ро — Ростовка; Кп — Капнинская пещера (жертвенное место); Ре — Решное; Ка — Каргулино; Ни — Никольское; КЯ — Красный Яр; Со — Соколовка; БО — Березовка-Омары; Му — Мурзиха; Ко — Коршунovo; БЛ — Бор-Ленва; За — Заосиново IV; УГ — Усть-Гайва; Ом — р. Омь (Омский клад); Сп — Сопка 2; Ел — Елунино I; Кл — Клепиково; Ус — Устьянка.

Районы горного дела: I — медистые песчаники Приуралья; II — древние рудники Тащ-Казган и Никольское; III — каскелитовые месторождения (Калбинский и Нарымский хребты); IV — медные и полиметаллические месторождения Рудного Алтая.

Условные обозначения: а — 1—2 — находки; б — 2—5 находок; в — 5—10 находок; г — 10—20 находок; д — 20—50 находок; е — 50—100 находок; ж — более 100 находок. Условные знаки карт 14—20 сделаны в том же масштабе

Эти кладбища расположены в пределах современных границ г. Перми, на правом берегу Камы, напротив места слияния ее с Чусовой. Турбинский I могильник (Шустовский) находится напротив быв. д. Турбино на пологом склоне Шустовой горы, на высоте 30—50 м над прежним уровнем воды р. Камы (до сооружения здесь водохранилища). Турбинский II некрополь локализовался непосредственно в быв. д. Турбино.

Турбино I является крупнейшим могильником сейминско-турбинского типа. Первые находки здесь стали известны еще в 1891 г., однако предположения о наличии здесь древних захоронений возникли лишь после раскопок Сеймы. Начало полевым исследованиям Турбина положил А. В. Шмидт в 1924—1927 гг. Эти работы в 1934—1935 гг. продолжил Н. А. Прокошев и, наконец, в 1958—1960 гг. крупнейшие раскопки провел О. Н. Бадер. Всего на могильнике вскрыта площадь 5118 кв. м. Однако, по мнению О. Н. Бадера, этот памятник полностью не обследован. За все годы раскопок вскрыто 10 четко зафиксированных могил, а также намечено 101 условное погребение. Кроме того, обнаружено 80—90 единичных находок, которые О. Н. Бадер причисляет к числу бедных по инвентарю могил (т. е. всего до 200 погребений). Данная цифра, конечно же, весьма условна, поскольку

ку одиночные находки могут представлять следы тризн, но не захоронений. Очень важно, что ни в одном случае не зафиксированы останки скелетов. По-видимому, здесь господствовал обряд сооружения кенотафов.

Всего учтено 3128 предметов. Металлические изделия: 44 кельта, 40 ножей и кинжалов, 13 наконечников копий, 5 чеканов, 3 втульчатых топора, 23 височных кольца, 9 браслетов. Кремневые изделия: 189 наконечников стрел, 51 вкладышевый нож, 585 скребков и скобелей, 260 ножевидных пластин. Кроме того, найдены 36 нефритовых колец и прочий инвентарь (рис. 43).

В Турбинском II некрополе также не обнаружены останки скелетов. При земляных работах в 1890 и 1895 гг. здесь случайно нашли ставший позднее знаменитым кинжал со скульптурами баранов на рукояти и кельт. Обе металлические вещи в настоящее время утрачены. В 1925 г. небольшие пробные раскопки провел А. В. Шмидт и добыл изделия из кремня и нефрита. В 1958—1960 гг. более обширные раскопки проведены О. Н. Бадером, который зафиксировал здесь около 20 кремневых изделий — ножевидных пластинок, скребков, отщепов и т. п.

Решное. Могильник находится в Выксунском районе Горьковской обл., на правом берегу Оки, напротив с. Решное. Могила располагалась на песчаной гриве высотой 11—12 м над уровнем реки. Первые случайные находки здесь сделаны в 1973—1974 гг., а в 1974—1975 гг. В. Ф. Черников провел здесь рекогносцировочные исследования и предположил наличие могильника. В 1975—1976 гг. раскопки некрополя проведены О. Н. Бадером, вскрывшим, как он считал, 18 могил и обнаружившим ряд единичных находок. Сами могилы располагались тремя рядами вдоль берега. Часть прибрежных могил, видимо, разрушена. Главный ряд погребений состоял не менее чем из 12 могил, ориентированных параллельно руслу. К западу и востоку от него намечены параллельные ряды погребений из трех могил каждый. Костных человеческих останков в некрополе не сохранилось. Видимо, здесь также мы сталкиваемся с обрядом сооружения кенотафов. О. Н. Бадер считает, что данный некрополь в сравнении с другими был не-

большим и проведенными раскопками практически исчерпан.

Коллекция бронз из Решного представлена кельтами, наконечниками копий, ножами, чеканами, теслами, шильями. Количественно преобладает кремневый материал. Известны два нефритовых кольца. В отличие от других могильников здесь обнаружены девять керамических сосудов: шесть целых и три фрагментированных (рис. 44). Публикации могильника носят лишь предварительный характер (Бадэр, 1976а, с. 55; 1976б, с. 44, 45; 1977, с. 130, 131; Бадер, Черников, 1978а, 1978б).

Ростовка. Могильник находится в Омском районе Омской обл. (ныне практически на южной окраине г. Омска) в пределах пос. Ростовка. Древнее кладбище расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Оми, правого притока Иртыша. Первые случайные находки здесь были сделаны в 1965 г. В 1966—1969 гг. раскопки на этом памятнике провела экспедиция Томского университета под руководством В. И. Матющенко (Матющенко и др., 1967, с. 153; Матющенко, 1968, с. 143, 144; Матющенко, Чиндина, 1969б, с. 196, 197; Матющенко, 1970а, с. 191, 192; 1975, 1978). Всего на могильнике вскрыто 1376 кв. м площади и обнаружено 38 грунтовых могил, а также ряд скоплений вещей вне могил. По всей вероятности, на этом памятнике остались еще не выявленные погребения.

Могилы сооружались в виде подпрямоугольных ям глубиной от 10 до 70 см от древней поверхности, но преобладающей являлась глубина 30—50 см. Ориентация — восток-запад с некоторыми отклонениями к югу и северу. Способы захоронения покойного: труположение, иногда в сочетании с обрядом частичного трупосожжения; трупосожжение на стороне с помещением обгорелых костей в могильную яму; захоронение без черепов; захоронение только черепа. Многие могилы на Ростовке подвергались в древности преднамеренному разрушению. Разоряли захоронения не с целью грабежа ценных бронзовых, золотых и нефритовых вещей: последние оставались нетронутыми. Раскапывали могилы, разбивали черепа и разрушали останки верхних частей туловища с намерением нанести непоправимый вред врагу. Во всех потревоженных могилах в анатомическом порядке сохранились только кости ног — либо берцовые и голенистоногие, либо только стопы.

Одной из специфических особенностей Ростовки являются захоронения мастеров-литейщиков (по крайней мере, два захоронения, где сохранились целые комплексы литейных форм). Кроме того, встречаются обломки литейных форм и на поверхности некрополя. Они могут происходить из разрушенных могил или являться следами тризн. Следов поминальных обрядов здесь очень много. В частности, с тризнами могут быть связаны сравнительно многочисленные обломки керамики, чьи фрагменты иногда попадали и в засыпку могил. Встречены также погребения воинов в костяных пластинчатых латах (могилы 3, 6, 33).

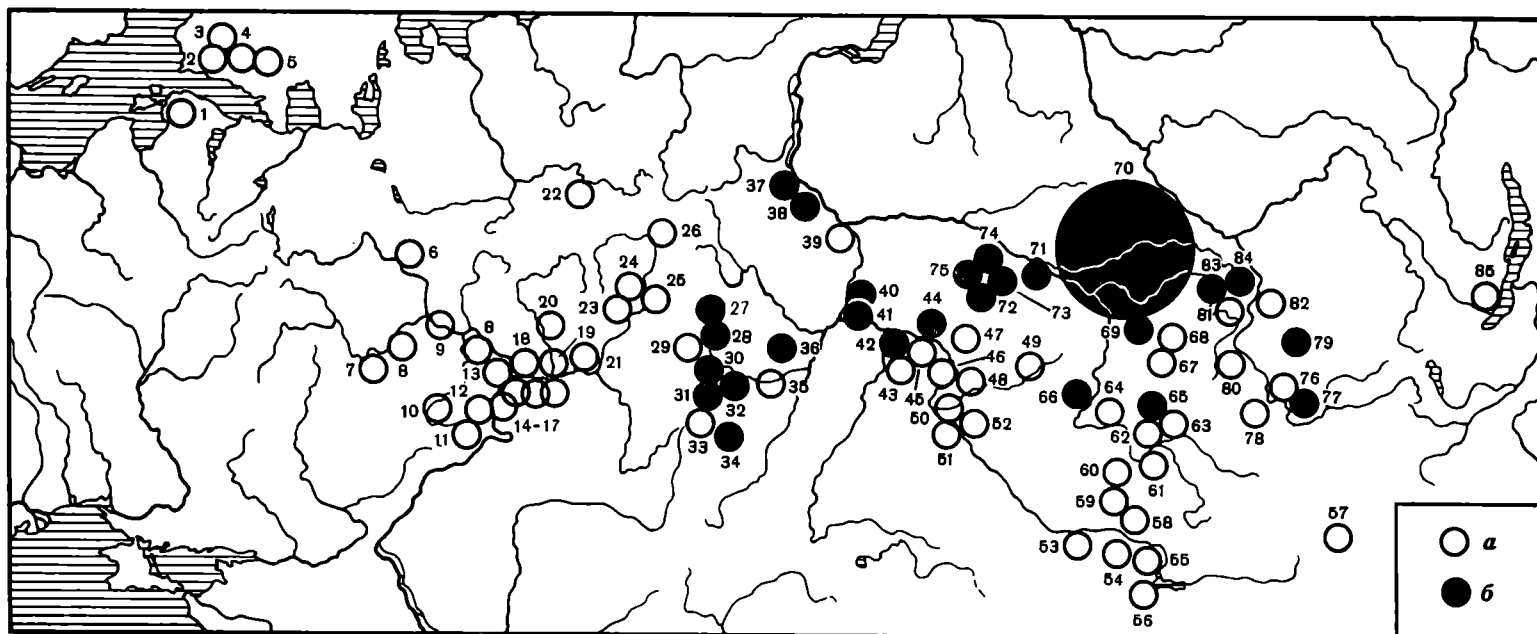
Могильник дал большое количество находок: бронзовые кельты, наконечники копий, ножи, кивжалы, долота, шилья; каменные наконечники стрел, вкладышевые ножи, пластины, скребки и т. п.; нефритовые и хрустальные бусы; золотые кольца и т. д. (рис. 46).

На поверхности Ростовкинского некрополя сохранились и комплексы вещей более позднего времени: так называемый «клад» в квадрате 16Ц, где встречены два односторонних ножа, два долота, 10 шильев и игл, бусины из камня и бронзы и т. д. Этот комплекс датируется не ранее X—VII вв. до н. э. и с основным комплексом Ростовки прямо не связан. Видимо, с ним следует сопоставлять и находки керамической посуды баночных форм, украшенной под венчиком «жемчужным» орнаментом.

Канинская пещера. Памятник находится в Троицко-Печорском районе Коми АССР на правом берегу р. Малая Печора. Раскопки пещеры были предприняты в 1959—1960 гг. В. И. Канивцом (1964). Выяснено, что это место заселялось людьми по крайней мере дважды: начиная с середины II тыс. до н. э. вплоть до XIII в. н. э. В. И. Канивец стратиграфически и планиграфически выделил два слоя, относящихся к средневековью и эпохе бронзы. Промежуточное положение занимают материалы раннего железного века, не образующие, однако, четкого стратиграфического горизонта. К сейминско-турбинскому типу культуры относятся 43 поврежденных бронзовых предмета; с ними же связаны каменные тесло, вкладыши, скребки, а также примерно 300 наконечников стрел различных типов. Сюда же относятся 110 костяных изделий: 101 наконечник стрелы, орудия рыбной ловли, проколки, подвески. В. И. Канивец сопоставлял сейминско-турбинские находки с так называемой лебяжской керамикой предананьинского и раннеананьинского возраста. Однако против такого отождествления справедливо возразил Г. М. Буров (1983), считая, что нет надежных доказательств совместного залегания керамики и бронзовых предметов. По всей вероятности, сейминско-турбинские группы использовали Канинскую пещеру как святилище.

Малые и условные могильники, одиночные погребения. К этой категории относятся 15 памятников или местонахождений, где известны следы разрушенных могильников (Клепиково, р. Омь, или так называемый Омский клад, Бор-Ленва, Заосиново IV, Усть-Гайва, Коршуново, Березовка-Омары, Мурзиха I, Бозяково III, Соколовка, Красный Яр, Никольское, Каргулино), или же такие памятники, как Елунино (Кирюшин, 1980) и наиболее интересный из них — погребение литейщика (рис. 47) в могильнике Сопка 2 (Молодин, 1983), а также Устьянка (Уманский, Демин, 1983, рис. 2, с. 145, 146). Во всех этих памятниках обнаружены типичные предметы сейминско-турбинского типа. Условные могильники или погребения выделяются хотя бы по паре сейминско-турбинских вещей, подобранных случайно на одном месте.

Картографическое изучение (карты 13, 14) показывает, что сами памятники концентрируются некоторыми группами. Последнее, видимо, отражает реальное сосредоточение населения сейминско-турбинского типа в том или ином регионе Евразии. Подобных локальных групп насчитывается не менее семи. К наиболее восточным относятся, во-первых, бассейн Верхней Оби и лесостепной район Алтая. Здесь наряду с единичными находками отмечен небольшой Елунинский могильник и погребения в Клепиково. Во-вторых, это район Верхнего Иртыша, Рудный Алтай, где пока что известны единичные случайные наход-

Карта 14. Распространение единичных изделий сейминско-турбинского типа (а) и самусьско-кижировских бронз (б) в Северной Евразии

1 — о. Муху; 2 — Noorsmarkku; 3 — Kaasanmäki II; 4 — Laukaa; 5 — Pielavesi; 6 — Галицкий клад; 7 — Ибердус III; 8 — с. Решное; 8а — Большая Ельня; 9 — Юльялы; 10 — Пенза; 11 — Шигоны II; 12 — б. Симбирская губ.; 13, 18 — б. Казанская губ.; 14 — Ново-Мордово; 15 — Базяково III; 16 — Мурзиха I; 17 — Иняево; 19 — б. Вятская губ.; 20 — Донаурово; 21 — Елабуга; 22 — Зарни-Яг; 23 — Нытва; 24 — Подгремячинская гора; 25 — Пермь; 26 — б. Чердынский у.; 27 — Кокшарово I; 28 — Береговая I; 29 — оз. Аять; 30 — Исеть I; 31 — р. Крутобереговая; 32 — оз. Березовое; 33 — Воскресенское; 34 — Сигаево; 35 — Шадринск; 36 — Войновка-Гилева; 37 — Пашкин Бор I; 38 — Волвонча I; 39 — Самарово; 40 — Тюково; 41 — Сузгун II; 42, 43 — б. Каргалинская волость; 44 — б. Терский округ; 45 — Черноозерье VI; 46 — Евгачино; 47 — устье р. Тары; 48 — р. Иртыш; 49 — «Западная Сибирь»; 50 — Омск; 51 — Ачаир (?); 52 — «южнее Омска»; 53 — Семипалатинск; 54 — Калбинский хребет; 55 — р. Джунба; 56 — р. Майкопчегай; 57 — Гоби-Алтайский аймак. МНР; 58 — Алтай; 59 — р. Чарыш; 60 — Парфеново; 61 — Смоленское; 62 — Соколово; 63 — оз. Иткуль; 64 — Верхний Сузун; 65 — Косиха; 66 — Крахалевка I; 67 — Тарся; 68 — гора Арчекас; 69 — Кижирово; 70 — Самусь IV; 71 — Тенга; 72 — Тух-Сигат VII; 73 — Тух-Эмтор IV; 74 — Шаманский мыс; 75 — Средний Васюган; 76 — Бейское; 77 — Евмаковское; 78 — Минусинская котловина, Алтай (?); 79 — Минусинская котловина; 80 — Куртай; 81 — Усть-Собакино; 82 — Заледеево; 83 — р. Собакина; 84 — Кубеково (Усубеково); 85 — Горемык. На картах № 15—20 использована та же нумерация памятников

ки. Третьей и наиболее значительной группой в Западной Сибири является бассейн Среднего Иртыша и р. Оми. Центром ее является Ростовка, с которой также связаны комплексы, найденные в Омске и в некрополе Сопка 2. Сюда же включаются единичные случайные находки, встреченные в окрестностях Омска и по среднему течению Иртыша.

В целом более выразительны восточноевропейские группы. Самая представительная из них локализуется в бассейне Средней Камы, близ устья Чусовой, с центром в Турбине. К этому же району относятся малые и условные могильники Усть-Гайва, Заосиново IV, Бор-Ленва, а также случайные находки. Пятая группа концентрируется в низовьях Камы между ее устьем и р. Белой. Центром ее мог являться некогда крупный, но ныне совершенно разрушенный Соколовский могильник в месте слияния Волги и

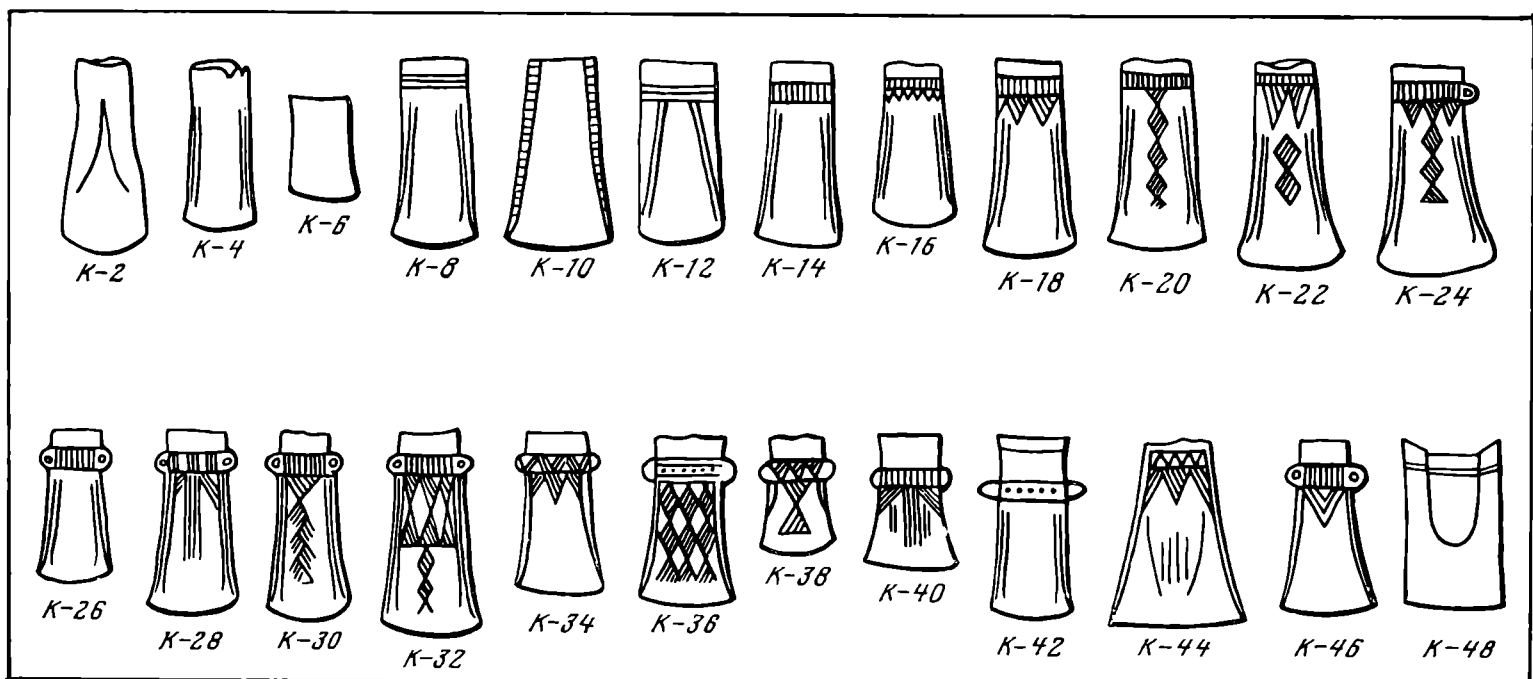
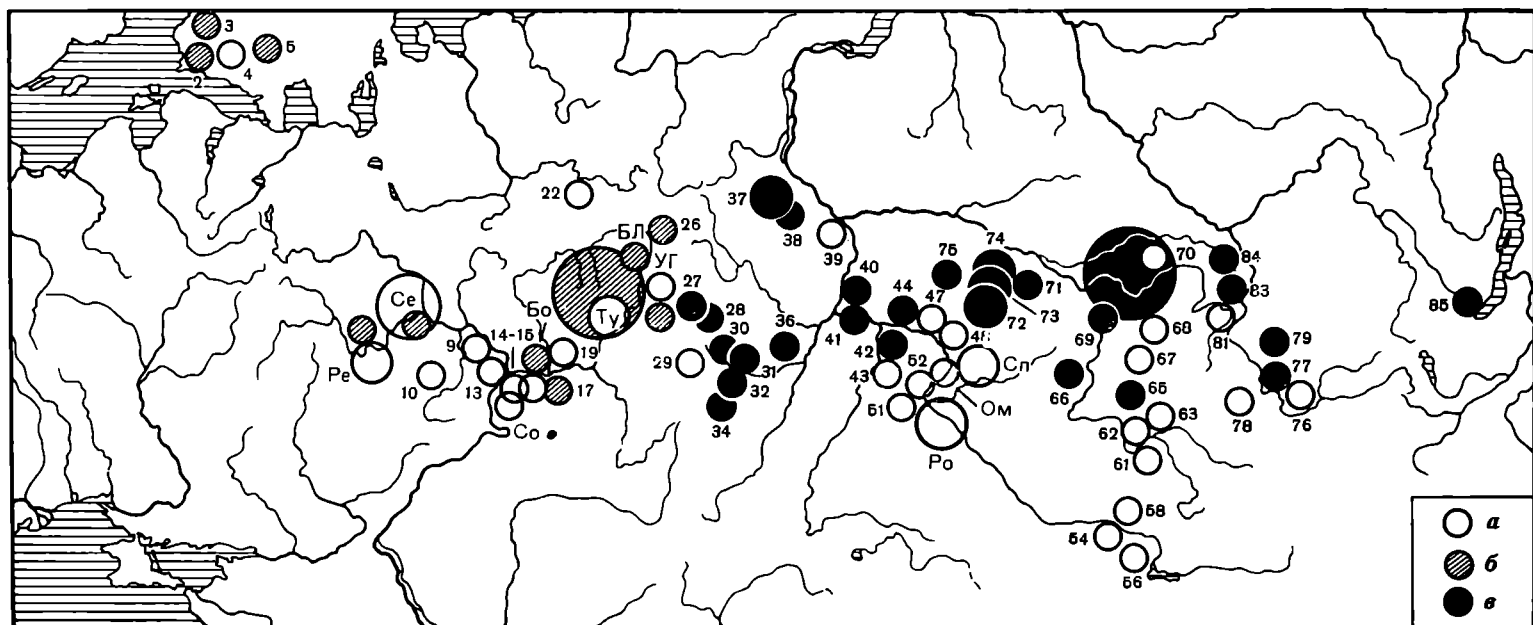
Камы. Сюда же включаются, кроме многочисленных единичных находок, условные могильники Красный Яр, Бозяково III, Мурзиха I и Березовка-Омары. Шестую группу составляют могильники Сейма и Решное в низовьях Оки, а единичные случайные находки здесь крайне редки. И, наконец, последняя группа локализована в районе Восточной Прибалтики и Южной Финляндии; могильников в ней не обнаружено. Кроме того, сравнительно изолированно выглядит самый северный памятник сейминско-турбинского типа — Канинская пещера на Печоре. В близлежащих к нему районах практически не встречено находок сейминско-турбинского оружия. Отметим также, что границы между всеми группами достаточно условны, а сами группы количественно весьма неравноценны.

Основные типы металлического инвентаря

Металл является наиболее важной частью коллекций из сейминско-турбинских памятников. Представление о характере металлообработки у этих групп

Таблица 1. Распределение металлического инвентаря и литейных форм по основным категориям изделий

Металлический инвентарь	Металлические орудия		Литейные формы (негативы)	
	кол-во	%	кол-во	%
Кельты	116	27,7	9	37,5
Наконечники копий и дротиков	68	16,2	4	16,7
Ножи и кинжалы	131	31,3	3	12,5
Чеканы	9	2,1	3	12,5
Топоры	7	1,7		
Тесла-долота	14	3,3	2	8,3
Шилья	16	3,8	3	12,5
Стержни	5	1,2		
Рыболовные крючки	4	0,9		
Посуда	2	0,5		
Кольца-браслеты	40	9,5		
Бусы и подвески	7	1,7		
Всего	419	100,0	24	100,0

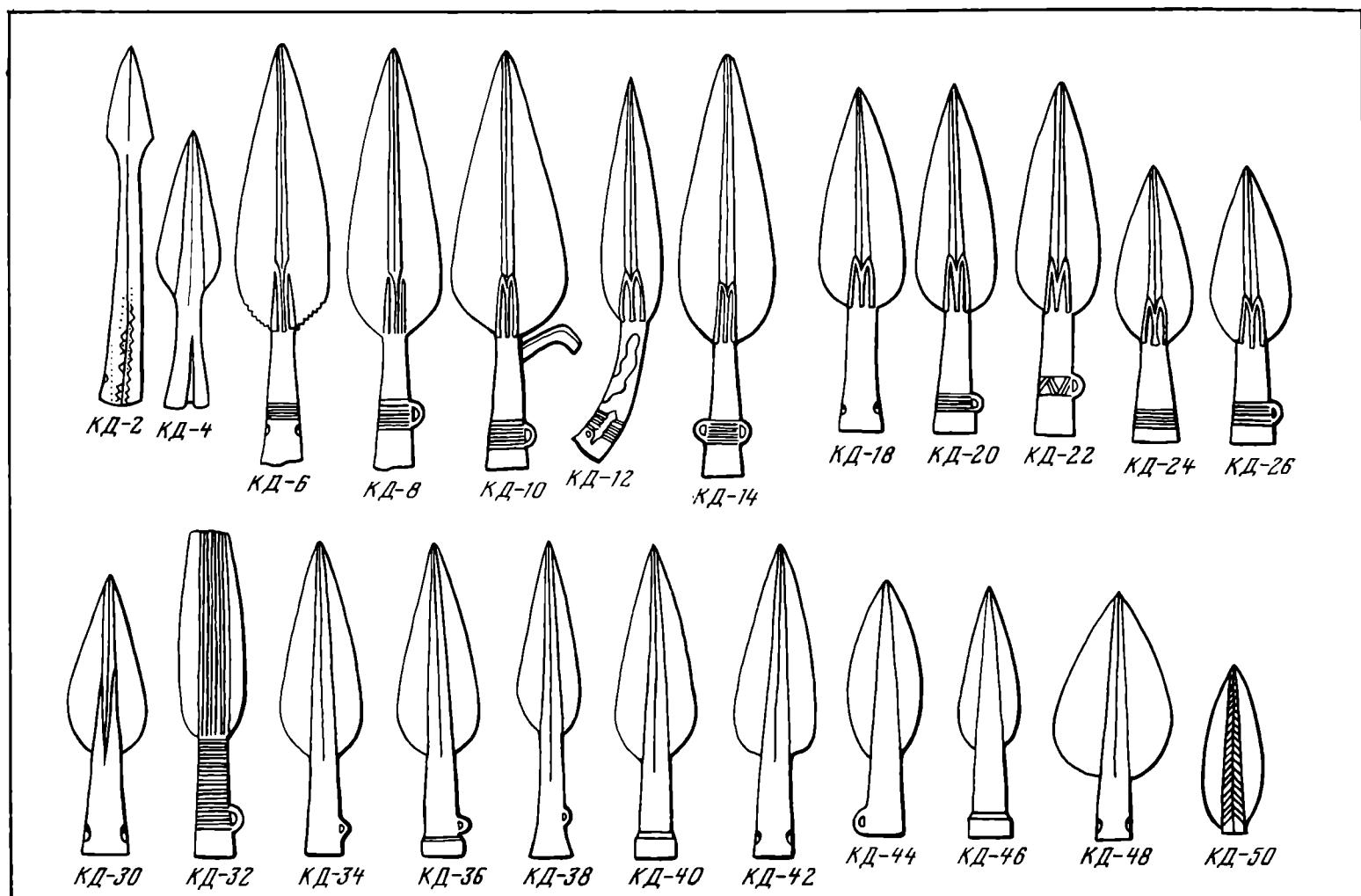
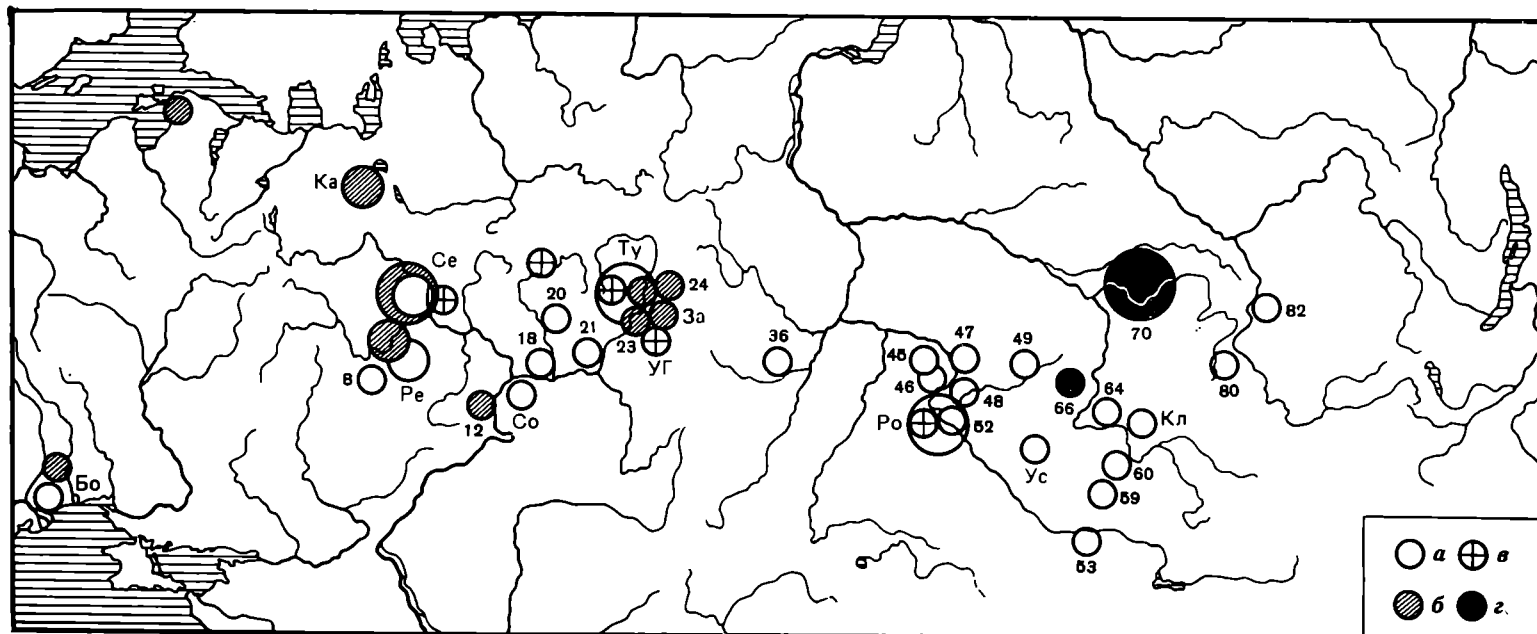
Карта 15. Распространение кельтов сейминско-ростовкинских (а), турбинских (б), самусьско-кипривских (в) типов
 а — К-14—32, 44, 46; б — К-4, 8, 10; в — К-6, 12, 34—42, 48

населения существенно дополняется благодаря находкам литейных форм.

Три основные категории сейминско-турбинского металлического инвентаря — кельты, наконечники копий и ножи-кинжалы — резко доминируют в коллекциях, представляя три четверти всей бронзы. Столь же типичны для этих памятников чеканы — категория, однако, относительно немногочисленная. Прочие категории предметов во всех своих типологических вариациях могут встречаться либо в ряде синхронных евразийских культур, либо их морфология недостаточно выразительна.

Кельты сейминско-турбинского типа отличаются рядом характерных особенностей. Все они имеют резко выраженные ребра жесткости, ограничивающие фаску. Лезвие расширено по сравнению со втулкой.

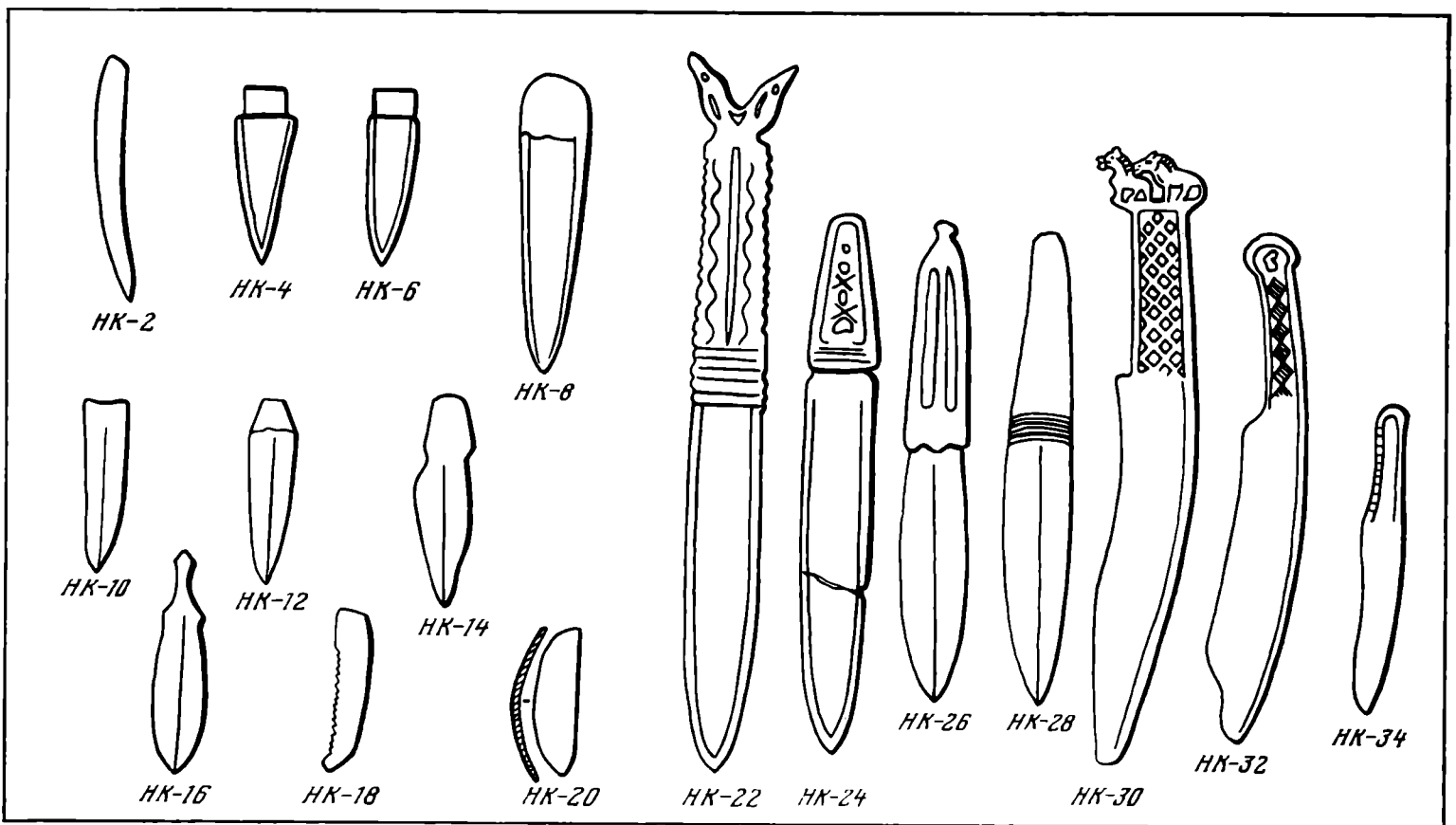
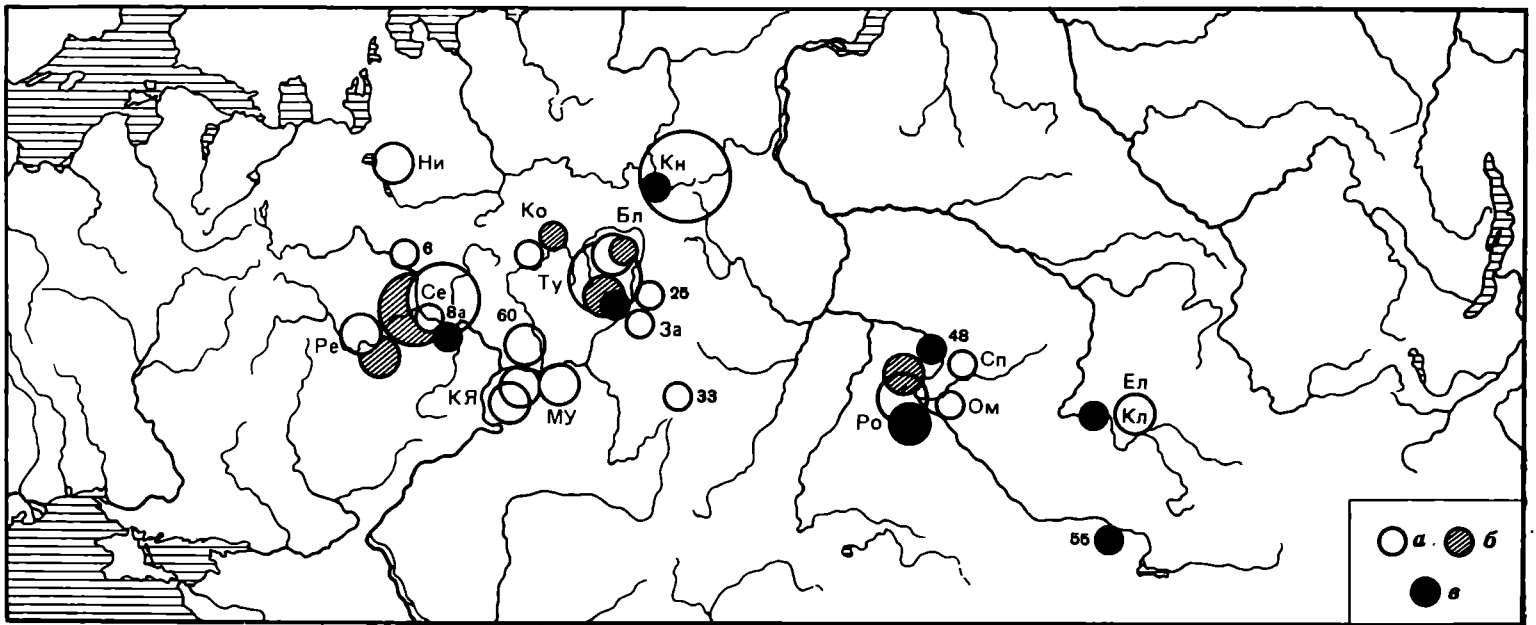
Венчик втулки не укреплен массивным валиком, что присуще, например, для серий балкано-карпатских и центральноевропейских орудий, а также для кельтов карасукского типа. Огромное большинство сейминско-турбинских кельтов — безушковые; на других отмечается одно или два сквозных ушка. Этот признак, а также орнаментальный декор верхней части орудий положены в основу их типологии (карта 15). На этом основании выделяются типы кельтов неорнаментированных или же украшенных лишь пояском из горизонтальных линий, объединяемые нами в так называемую турбинскую серию. Эти типы не характерны для сибирских коллекций и встречаются лишь в Восточной Европе. Повсеместно распространены кельты с орнаментом в виде заштрихованного пояса вкупе с треугольниками и ромбами — так называемая сейминско-ростовкинская серия. Выделяется также небольшая серия кельтов-лопаток, на которых боковые части орудий выделены как бы в виде крыльев. За исключением двух экземпляров из Сеймы и Решного (рис. 42, 21; 44, 38), изготовленных

Карта 16. Распространение наконечников копий с вильчатым (а), ромбическим и округлым (б) стержнем, с разомкнутой втулкой (в) и с псевдовильчатым стержнем и «ложными» ушками (г)
 а — КД-6—30; б — КД-34—50; в — КД-2, 4; г — КД-32

путем отковки, все прочие орудия отливались в двусторонних литейных формах.
 Поскольку в литературе преобладает мнение о практической идентичности сейминско-турбинских и

так называемых самусьско-кижировских типов кельтов, мы считаем необходимым поместить изображения последних (карта 15; рис. 48, 18—24; 49). Вместе с тем параметрический анализ показал, что самусьские поясковые кельты в целом гораздо более плоские, нежели турбинские; их лезвие существенно короче по отношению к втулке; на литейных формах нет следов формовки мощных ребер на фаске — неперменной детали на сейминско-турбинских сериях. Парадоксальным является факт отсутствия точных

Карта 17. Распространение сейминско-турбинских ножей и кинжалов с пластинчатым клинком (а), с ребром (б) и вогнутообушковых (в)

а — НК-4—8, 22, 24; б — НК-10—16, 26, 28; в — НК-30—34

параллелей самульским матрицам среди металлических кельтов Сибири. Самульско-кижировские орудия чаще всего отличаются наличием близ венчиков ушек без сквозного отверстия. Факт этот чрезвычайно важен для определения относительной хронологической позиции данной серии. Здесь мы столкнулись с ушками-подражаниями, которые никакой технической или механической функции нести не могут, что определяет более поздний возраст этих

кельгов. Наряду с существенной морфологической разницей между сериями сейминско-турбинских и самульско-кижировских орудий довольно заметно различаются и зоны их распространения. Во-первых, они практически не выходят за пределы Сибири и Зауралья, а во-вторых, их ареал смещен к северу относительно области распространения сейминско-турбинских орудий.

Самый типичный вид сейминско-турбинских накопечников копий — так называемые вильчатые. Они встречаются на всей огромной области распространения памятников. Типологически они дифференцируются по наличию или отсутствию ушек на втулке, по общей длине, а также по наличию или отсутствию

орнамента (карта 16). Другая большая серия наконечников — орудия с ромбическим и округлым стержнем пера, без «вилки». Как и кельты, в большинстве случаев наконечники копий отливались, хотя имеются несколько кованых экземпляров с так называемой разомкнутой втулкой. Именно последняя серия имеет параллели в синхронных евразийских культурах, тогда как вильчатые наконечники, например, встречаются только в сейминско-турбинских памятниках. Литейных форм для вильчатых наконечников копий, вопреки распространенному мнению, в пос. Самусь IV нет. Там, а также в пос. Крахалевка I встречаются лишь фрагменты форм для отливки наконечников с трехреберчатым стержнем пера и ложными ушками (Глушков, 1983, с. 141, рис. 2, 4).

Для этих памятников также весьма типичными являются так называемые пластинчатые ножи (карта 17). Их морфологические вариации заключаются в длине клинка и его форме. Самыми знаменитыми среди этой категории бронз по праву считаются большие ножи-кинжалы с металлическими рукоятками, украшенными фигурками лошадей, людей и баранов. Ножи и кинжалы отливались, после чего была возможна лишь кузнечная обработка лезвийной части.

Всех прочих категорий металлических орудий и их основных типов мы коснемся ниже, когда рассмотрим проблемы взаимосвязей сейминско-турбинских групп и основных компонентов этого феномена. Тогда же мы познакомимся с каменным и костяным инвентарем и нефритовыми украшениями.

Химико-металлургические группы

Поскольку металл является основой сейминско-турбинских древностей, то чрезвычайно важным разделом исследований начиная с 1960—1961 гг. (Черных, 1970; Кузьминых, 1977б) стало изучение его химического состава. Спектральный анализ в подавляющем большинстве случаев проводился в лаборатории Института археологии АН СССР и охватил 300 предметов (или 71,6%). Методы математической статистики позволяют выделить в сейминско-турбинских коллекциях семь основных видов сплавов, или химико-металлургических групп.

Оловянные бронзы. Концентрация олова в меди в огромном большинстве случаев превышает 1%, хотя встречаются немногочисленные образцы с содержанием этой лигатуры от 0,5 до 0,9%. Иногда в меди наряду с оловом отмечаются повышенные концентрации сурьмы и свинца, однако число подобных предметов невелико. **Оловянно-мышьяковистые бронзы.** Это одна из разновидностей предшествующей группы, в которой, кроме олова, отмечается повышенное содержание мышьяка. Концентрация этой примеси практически всегда уступает олову. Определить характер — естественный или искусственный

происхождения мышьяка в меди затруднительно. **Мышьяковые бронзы, или мышьяковая медь.** Концентрация мышьяка в меди — от десятых долей процента до целых долей. Принадлежность этой химико-металлургической группы к категории искусственных бронз условная, поскольку имеется веское основание считать этот металл производным от плавки комплексных медно-мышьяковых мипералов. **Мышьяково-сурьмянистые бронзы.** В образцах этой химико-металлургической группы в большинстве случаев концентрация мышьяка превосходит долю сурьмы. **Металлургически «чистая» медь.** Химический состав этой меди не несет явных признаков искусственного легирования какими-либо примесями. **Медно-серебряные сплавы, или биллоны.** Медь здесь является основой сплава. **Серебряно-медные сплавы.** В этих сплавах основой является серебро.

Кроме того, отмечен единственный химически своеобразный образец, представляющий собой сплав меди с сурьмой. Сравнительно редким металлом является также золото (кольца Ростовки).

В исследованной коллекции ведущим типом сплава является совокупность группы оловянных и оловянно-мышьяковистых бронз (41,4%). Второй крупной также объединенной группой являются мышьяковые и мышьяково-сурьмянистые бронзы или медь (35,7%). Все прочие химико-металлургические группы занимают подчиненное положение. Следовательно, более 3/4 изделий сейминско-турбинского типа принадлежат к категории искусственных бронз, при условии отнесения к последним и группы мышьяковой меди.

Следующим важнейшим аспектом исследования на базе химического состава меди, бронз и биллонов стало установление рудных источников выплавленной меди или же ее основных лигатур (карта 13). Источники олова, которое, по всей вероятности, использовалось сейминско-турбинскими группами для производства оловянных или оловянно-мышьяковистых бронз, локализовались в Рудном Алтае (Черников, 1949, 1960). Оловорудные месторождения вообще редки. Они, к примеру, известны в таких крупных горно-металлургических областях, как Урал и Кавказ, Балканы и Карпаты. Касситеритовые рудники Рудного Алтая являются ближайшими к исходным районам формирования сейминско-турбинского культурного феномена. Они эксплуатировались по крайней мере со II тыс. до н. э. С востока с ними соседствовали месторождения меди Алтайской горно-металлургической области, широко разрабатывавшиеся в древности (Розен, 1983).

Мышьяковая медь и мышьяково-сурьмянистые бронзы появляются в сейминско-турбинских могильниках, в основном расположенных к западу от Урала. Благодаря изученности распространения сплавов в Волго-Уральском регионе, мы довольно уверенно

Таблица 2. Распределение проанализированных образцов по химико-металлургическим группам

Тип сплавов или металл	Cu + Sn	Cu + Sn + As	Cu + As	Cu + As + Sb	Cu	Cu + Ag	Ag + Cu	Au	Cu + Sb	Всего
Количество образцов	74	50	89	18	25	12	24	7	1	300
Доля, %	24,7	16,7	29,7	6,0	8,3	4,0	8,0	2,3	0,3	100,0

ЧАСТЬ I. БРОНЗОВЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

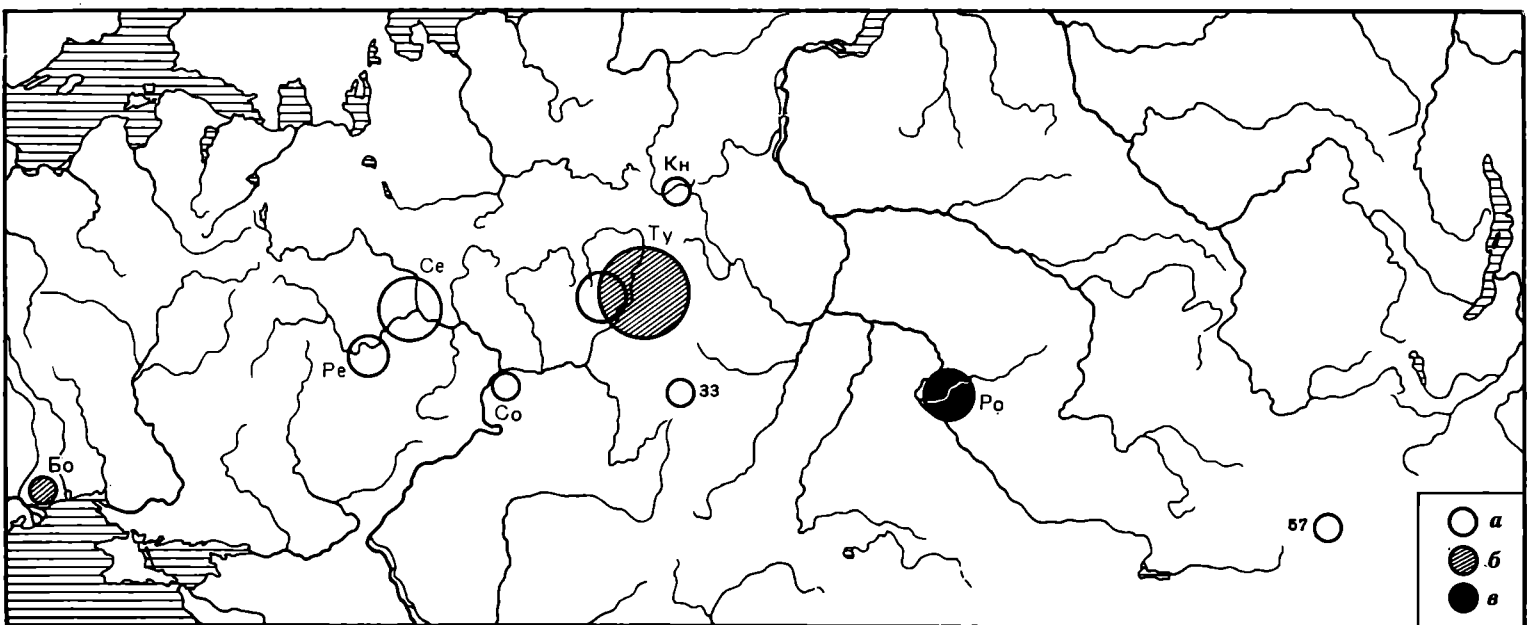
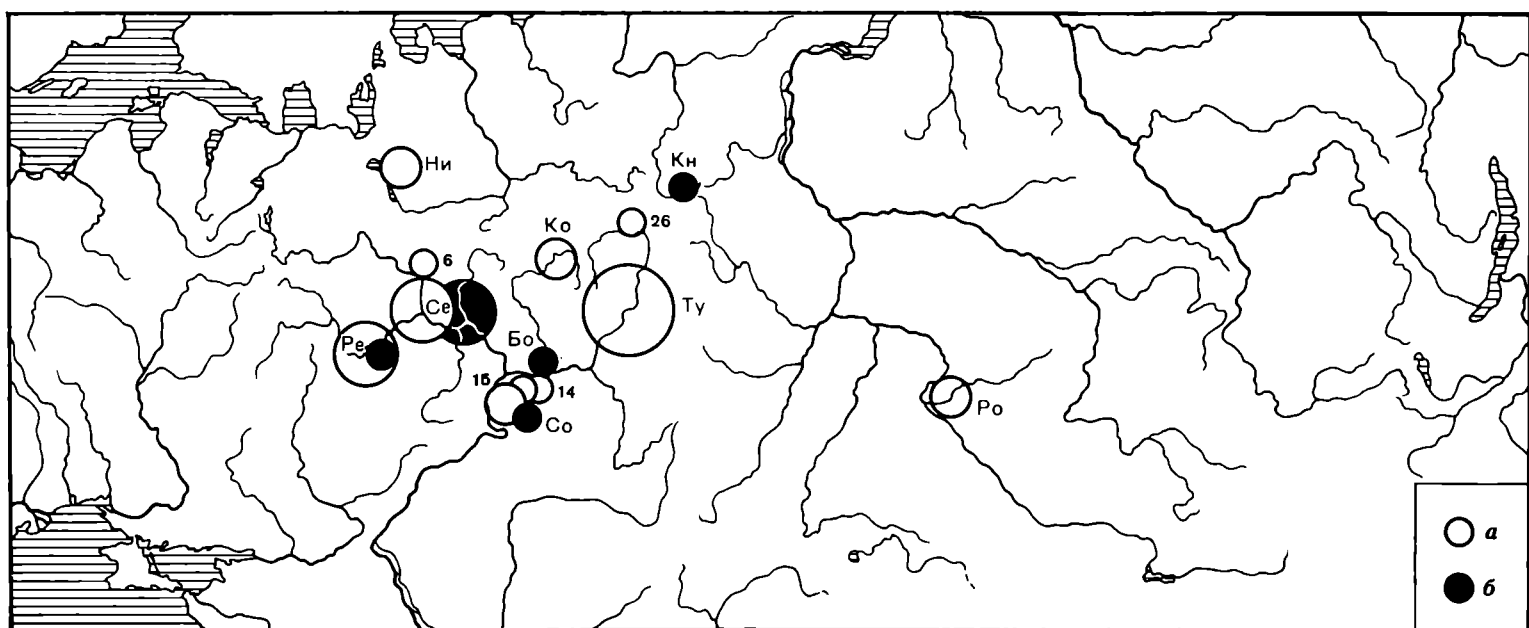
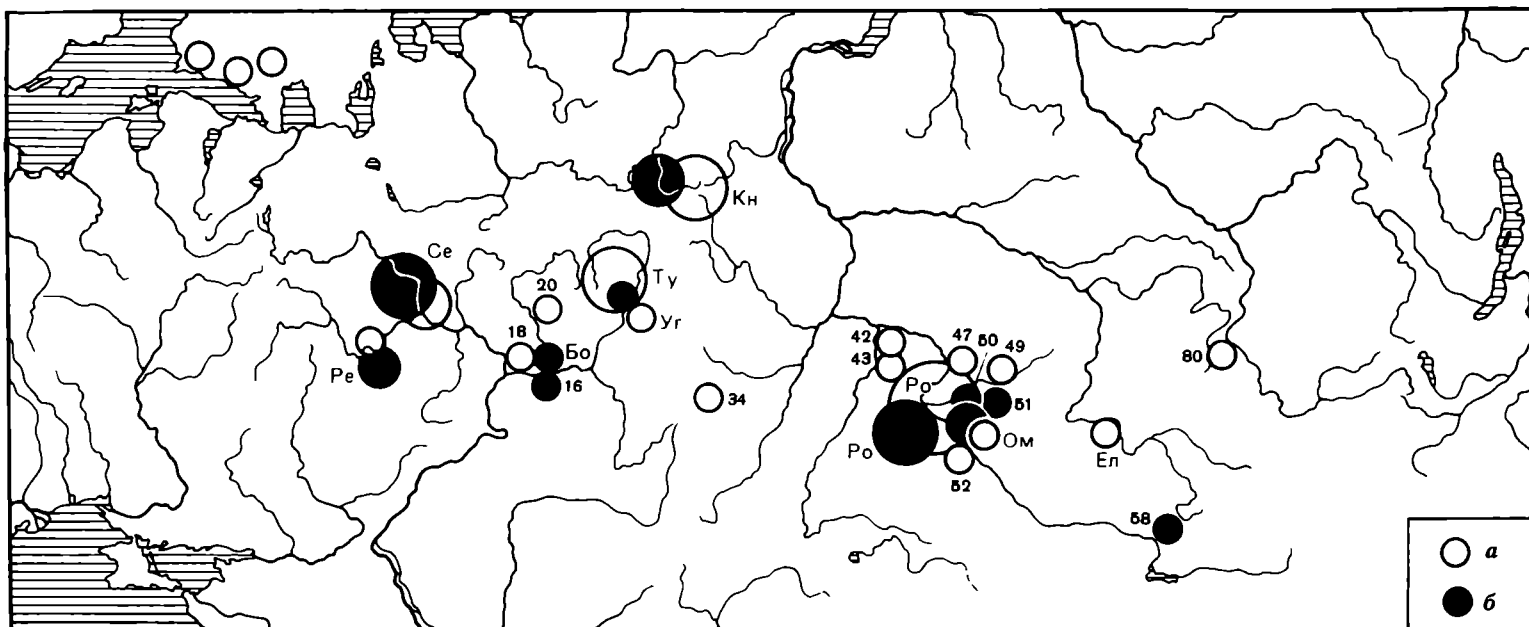

Таблица 3. Зоны сейминско-турбинского металла и основные химико-металлургические группы

Типы сплавов или металл	Cu + Sn	Cu + Sn + As	Cu + As	Cu + As + Sb	Cu	Cu + Ag	Ag + Cu	Au	Всего
Западная зона, число образцов	42	28	87	18	24	12	24		235
%	17,9	11,9	37,0	7,7	10,2	5,1	10,2		100
Восточная зона	32	22	2	—	1	—	—	7	64
%	50,0	34,4	3,1	—	1,6	—	—	10,9	100

идентифицируем эти химико-металлургические группы с намеченными ранее. Мышьяково-сурьмяные бронзы сопоставляются с группой ВК, распространенной по преимуществу в Волго-Камье и далее к западу (Черных, 1970, с. 15; 1976, с. 26). Мышьяково-медь ассоциируется с хорошо известной группой ТК, связываемой с уникальным медно-мышьяковым месторождением Таш-Казган в Зауралье, на котором известны древние разработки: этот рудник, безусловно, эксплуатировался горняками абашевской культурно-исторической общности (Черных, 1970, с. 42, 109). Следовательно, если обе разновидности оловянных бронз группы 1 и 2 по преимуществу связываются с алтайскими — медными и касситеритовыми — рудниками, то медь с большими концентрациями мышьяка в основном сопоставляется с уральскими рудными источниками.

С Уральской горно-металлургической областью связаны также медно-серебряные и серебряно-медные сплавы. Известен древний медно-серебряный рудник Никольское, откуда, как мы полагаем, и брали исходную руду (Черных, 1970, с. 42).

Металлургически «чистую» медь из сейминско-турбинских памятников Восточной Европы можно связать с медистыми песчаниками Приуралья, как об этом свидетельствует химический состав этих образцов (Черных, 1970, с. 15).

Итак, многочисленные спектральные анализы сейминско-турбинского металла указывают, что для групп этого населения основными являлись медные, медно-мышьяковые и оловянные месторождения двух больших горно-металлургических областей — Алтая и Урала. Данное заключение особенно важно при установлении районов исходного импульса формирования сейминско-турбинского феномена. Наиболее показательными в этом отношении станут карты распространения образцов той или иной химико-металлургической группы (карты 18—20).

Оловянные и оловянно-мышьяковистые бронзы распространены по всей сейминско-турбинской области от Саяно-Алтая до Финляндии (карта 18). Иная картина предстает при картографировании всех прочих групп — «чистой» меди, мышьяковых и мышьяково-сурьмяных бронз или меди, медно-серебряных или серебряно-медных сплавов. Все их образцы рас-

пространены от Урала на запад (карты 19, 20). Наиболее далекая западная находка уральского серебра встречена в составе Бородинского клада (Черных, 1965). Уральский металл проникал на восток крайне редко. Известны лишь два предмета из мышьяковой меди в комплексах Ростовки (рис. 48, 12, 22; карта 19). Ниже мы постараемся показать, что эти вещи могут быть связаны с проникновением в Зауралье групп населения, оставивших памятники типа Синташты.

Следовательно, явно фиксируется направление движения металла почти исключительно с востока на запад: от Алтая до Урала и от Урала на восточноевропейские пространства. Это прекрасно иллюстрируют и передвижения сейминско-турбинских групп с востока на запад. Об этом же говорили и более ранние гипотезы, где обсуждались исходные районы формирования сейминско-турбинского феномена; спектро-аналитическое исследование сделало эти предположения намного более определенными и доказательными.

Эти же наблюдения существенны для выводов о двух основных зонах распространения памятников сейминско-турбинского типа: восточной, или сибирской, и западной, или европейской, уходящей от Урала на запад. Стало ясным, что для сибирской зоны характерна металлургия или же металлообработка, основанная почти исключительно на использовании оловянных бронз. Для западной зоны на первый план уже выходят мышьяковые бронзы двух основных видов, при наличии всех прочих основных химико-металлургических групп.

Различия, зафиксированные в таблице 3, весьма показательны. Их значимость очевидна даже при наличии факта неравномерной исследованности территорий. Последнее выражается прежде всего в числе открытых и исследованных могильников. На три крупных некрополя европейской зоны — Сейму, Турбино и Решное, а также коллекцию из Канинской пещеры — в сибирской зоне нам известен лишь один — Ростовка. Именно поэтому изделий на востоке известно почти в 3,5 раза меньше. Суммарная доля единичных случайных находок в восточной зоне по этой причине достигает 1/3, а на западе их почти в 5 раз меньше. Будущие открытия и исследования некрополей в сибирской зоне, конечно же, изменят упомянутые количественные соотношения.

Другие зональные отличия, пожалуй, не менее стабильны и показательны. Это касается прежде всего резкого преобладания на востоке находок литейных форм или, точнее, негативов (22 против 2). В Сибири они доминируют не только среди единичных случайных находок, но также и в инвентаре сравнительно многочисленных погребений литейщи-

Карта 18. Распространение бронз типа Cu+Sn (а) и Cu+Sn+As (б) в пределах сейминско-турбинской области

Карта 19. Распространение бронз типа Cu+As (а) и Cu+As+Sb (б)

Карта 20. Распространение изделий, изготовленных из металлургически чистой меди (а), серебра и биллонов (б) и золота (в)

ков в Ростовке и Сопке. К западу от Урала мы не знаем подобных захоронений, а обломки литейных форм здесь не связаны с погребальным инвентарем.

Среди материалов восточной зоны существенно меньше ножей в сравнении с западным металлом (1/5 против 1/3). В погребальном инвентаре восточных памятников наконечники копий преобладают над кельтами, в то время как в европейской зоне последних почти в два раза больше, нежели копий. Следовательно, сравнение западного и восточного металла сейминско-турбинских типов, проведенное даже на таком грубом уровне, позволяет наметить существенные различия в этих коллекциях.

Сопоставление типов металлических орудий обеих зон конкретизируют и углубляют намеченную выше картину. Зональная группировка типов позволяет наметить среди них три основных подразделения: 1) типы, распространенные в обеих зонах (так называемые общесейминские); 2) типы, характерные для западной зоны, и 3) типы, характерные для восточной зоны (карты 15—17). Удалось выяснить, что для европейской зоны характерны прежде всего неорнаментированные либо украшенные только поясками кельты (рис. 42, 16; 43, 10, 14; 44, 44; 45, 2). Здесь же сосредоточено основное количество кованых копий с так называемой разомкнутой втулкой (рис. 42, 25; 43, 38; 45, 26, 36; 46, 22), а также литых наконечников с ромбическим стержнем пера (рис. 42, 26, 27; 44, 50—52; 45, 24). Последние здесь количественно преобладают над наконечниками с вильчатым стержнем. В западной зоне гораздо больше пластинчатых и типологически разнообразных ножей (рис. 42, 9—11; 43, 13, 33, 42—44; 44, 3—5, 7, 32—36; 45, 14, 16, 18—22, 33, 34, 37—39). Многие из них сопровождаются металлическими рукоятями (рис. 42, 1, 2; 43, 45; 44, 6; 45, 15, 35, 40, 41). Широко представлены здесь скобели и ножи-пилки (рис. 42, 12, 13; 45, 8, 9, 17).

Для восточной зоны характерны относительно богато орнаментированные заштрихованными треугольниками и ромбами кельты (рис. 46, 16, 19; 47, 2, 3, 10, 26; 48, 7, 13). Здесь чаще встречаются орудия с ушками (рис. 46, 19; 48, 15, 17), а также кельты-лопатки (рис. 46, 25; 48, 5, 6). Среди восточных наконечников копий преобладают крупные вильчатые экземпляры (рис. 46, 20, 21; 48, 8, 9, 12). Только здесь мы встречаем форму однолезвийных ножей-кинжалов с кольцевидным навершием рукояти (рис. 46, 47), а также наконечники копий с очень широким пером (рис. 46, 23).

Общими морфологическими видами для всей сейминско-турбинской области являются прежде всего орнаментированные кельты, на фасках которых изображены треугольники и ромбы (карта 15, тип К-22), наконечники копий с вильчатым стержнем пера, короткие и длинные пластинчатые ножи без металлических рукоятей, большие однолезвийные кинжалы, украшенные фигурными рукоятями. Все перечисленные разряды полнее всего иллюстрируют тесную связь обеих зон и принципиальное единство сейминско-турбинской металлургии на всех громадных пространствах Евразии.

Первичной в системе сейминско-турбинского феномена является, безусловно, восточная зона. Памятники европейские, генетически восходящие к ней,

были обязаны последней поставками оловянных бронз. Местная европейская металлообработка, проводившаяся сейминско-турбинскими мастерами, не вызывает сомнений благодаря наличию типологически своеобразных серий орудий и украшений. Отсюда, однако, вытекает вопрос о характере доставки на европейские территории оловянных бронз: в виде готовых изделий или же сырья — слитков металла? Сопоставление химико-металлургических и типологических групп показывает, что имели место обе формы проникновения. Оловянные бронзы шли на отливку как общесейминских типов, так и собственно «европейских» форм орудий. Правда, при этом нельзя исключить переплавку на месте лома изделий из медно-оловянных сплавов. Еще одно следует отметить особо: доля оловянных бронз среди общесейминских типов орудий заметно выше, нежели в чисто «европейских» сериях. Поэтому логичным будет заключение о наличии среди общесейминских форм какой-то доли попавших в Европу готовых изделий. Ярче всего об этом свидетельствует группа однолезвийных кинжалов с фигурной рукоятью (рис. 42, 1; 43, 45; 45, 15).

Доставка орудий с запада на восток является исключением. Известны лишь два предмета, которые своей формой и составом металла (мышьяковые бронзы) указывают на уральские типы и рудные источники: наконечник копья с разомкнутой втулкой и нож из Ростовки (рис. 46, 12, 22). Они явно демонстрируют какие-то контакты с носителями культуры типа Синташты в Зауралье; их чуждый, привносной характер в комплекс Ростовки очевиден (данные вещи относятся нами к так называемому евразийскому компоненту металла в составе сейминско-турбинских коллекций, и речь о нем пойдет ниже).

Взаимосвязи в пределах сейминско-турбинской области

Сейминско-турбинский феномен представлял собой очень сложное культурное явление. Рассмотрение структуры этого феномена мы начали с выделения наиболее крупных ее блоков — двух зон, восточной и западной.

Обратимся теперь к более мелким структурным подразделениям, к разряду которых можно отнести важнейшие могильники этой области.

Сопоставим основные некрополи между собой по типологическим и химико-металлургическим признакам их инвентаря для выявления степени близости. Сравнение некрополей по этим группам признаков характеризует различные стороны явления. Типологическая близость металла из двух или более коллекций свидетельствует либо о принципиальном единстве стереотипов производимого на месте набора орудий, либо о едином источнике импорта изделий. На материалах европейской зоны возможно предполагать оба пути сложения коллекций для основных некрополей, однако местное производство орудий доминировало во всех случаях. При сопоставлении набора типов из могильников и установлении степени их сходства необходимо не упускать из виду и ритуальные особенности. Сравнимые коллекции могут быть близкими не только в случае единых стереотипов производства, но также и принципиального

Таблица 4. Типологический состав металлического инвентаря из основных могильников

Наименование инвентаря	Памятники							
	Турбино, число образцов	Доля, %	Сейма	Доля, %	Решное	Доля, %	Ростовка	Доля, %
Кельты								
С разомкнутой втулкой (К-2)	—	0	1	1,25	1	3,7	—	0
Неорнаментированные (К-4)	5	3,9	—	0	—	0	—	0
Поясковые (К-8,10)	32	25,0	1	1,25	1	3,7	—	0
С заштрихованными фигурами (К-14, 18, 20, 22)	5	3,9	17	21,25	4	14,8	3	5,0
Ушковые (К-24, 32)	—	0	1	1,25	—	0	5	8,3
Кельты-лопатки (К-44)	—	0	—	0	—	0	2	3,3
Наконечники копий								
С разомкнутой втулкой * (КД-2,4)	1	0,8	1	1,25	—	0	1	1,7
Вильчатые (КД-6, 10, 14—26)	11	8,6	3	3,75	2	7,4	7	11,7
С ромбическим стержнем (КД-34—38)	—	0	6	7,5	4	14,8	—	0
С округлым стержнем (КД-44, 48, 50)	1	0,8	—	0	—	0	5	8,3
Ножи и кинжалы								
Однолезвийные (НК-2)	2	1,6	—	0	—	0	1	1,7
Пластинчатые (НК-4,8)	14	10,8	7	8,75	6	22,2	8	13,2
Пилки (НК-18)	1	0,8	2	2,5	—	0	—	0
Скобели (НК-20)	3	2,3	5	6,25	—	0	—	0
Кинжалы пластинчатые (НК-22, 24)	—	0	3	3,75	—	0	—	0
Кинжалы односторонние (НК-30, 32)	1	0,8	1	1,25	—	0	4	6,7
Кинжалы с ребром * (НК-26, 28)	—	0	2	2,5	1	3,7	—	0
Ножи с ребром * (НК-10, 16)	6	4,7	12	15,0	3	11,1	3	5,0
Чеканы-клевцы								
Долота втульчатые (ТД-10)	—	0	—	0	—	0	2	3,3
Долота-стамески (ТД-6,8)	—	0	—	0	—	0	3	5,0
Топоры втульчатые *	3	2,3	3	3,75	—	0	—	0
Тесла плоские * (ТД-2)	6	4,7	1	1,25	1	3,7	3	5,0
Шилья **	2	1,6	4	5,0	2	7,4	4	6,7
Стержни **	2	1,6	3	3,75	—	0	—	0
Рыболовные крючки *	1	0,8	—	0	—	0	—	0
Посуда	1	0,8	—	0	—	0	—	0
Кольца золотые (У-13)	—	0	—	0	—	0	7	11,7
Браслеты * (У-2,12)	26	20,3	6	7,5	1	3,7	7	11,7
Бусы и подвески **	2	1,6	—	0	—	0	4	6,7
Всего	128	100,0	80	100,0	27	100,0	60	100,0

Примечание: Знаком * помечены разряды и серии, относимые к формам Евразийской металлургической провинции; знаком ** — неопре-

деленные. Для коллекции из Ростовки учтены все негативы литейных форм. Обозначения индексов (К, КД и НК) см. на картах 15—17.

сходства ритуала, что находит отражение в наборе погребального инвентаря. Морфология производства может быть сходной, и тем не менее погребальные коллекции будут различаться из-за требований ритуала.

Близость по химико-металлургическим признакам свидетельствует уже о несколько иных гранях взаимосвязей между различными группами населения и производственными центрами. Прежде всего это реальная связь различных групп населения с одними и теми же рудными центрами и металлургическими очагами. Скажем, оловянные бронзы говорят о получении этого металла с Алтая; весь прочий металл свидетельствует о контактах с уральскими металлур-

гическими центрами. Другая грань, которая угадывается в показателях степени близости по химико-металлургическим признакам, — приверженность мастеров тех или иных групп населения определенным традициям в использовании и приготовлении сплавов металлов. Традиция эта зачастую носит сакральный характер и устойчива в течение длительного времени. Нарушаться она может лишь в случае отсутствия у литейщиков необходимой лигатуры. Пример олова говорит об этом особенно ярко.

Своеобразие морфологического состава предметов каждого из основных могильников представлено в рисунках (рис. 42—48) и в таблице 4. Распределение проанализированных образцов металла из каждого

Таблица 5. Распределение образцов химико-металлургических групп по памятникам

Памятник	Металл или сплав									Всего
	Cu	Cu + Sn	Cu + Sn + As	Cu + As	Cu + As + Sb	Cu + Ag	Ag + Cu	Au	Cu + Sb	
Турбино Доля, %	6 6,7	16 17,8	1 1,1	45 50,0	— 0	12 13,3	10 11,1	— 0	— 0	90 100,0
Решное Доля, %	2 8,3	2 8,3	4 16,7	15 62,5	1 4,2	— 0	— 0	— 0	— 0	24 100,0
Сейма Доля, %	12 19,3	7 11,3	15 24,2	14 22,6	14 22,6	— 0	— 0	— 0	— 0	62 100,0
Канинская Доля, %	1 5,3	10 52,6	6 31,5	1 5,3	— 0	— 0	— 0	— 0	1 5,3	19 100,0
Ростовка Доля, %	— —	22 47,9	15 32,6	2 4,3	— 0	— 0	— 0	7 15,2	— 0	46 100,0

некрополя дано в таблице 5. При сравнении различных коллекций металла мы пользовались относительно несложными статистико-комбинаторными методами, позволяющими судить о степени близости достаточно объективно*. При сопоставлении по морфологическим показателям мы использовали данные всех четырех крупнейших могильников; при расчетах по химико-металлургическим показателям к ним добавилась также довольно представительная коллекция морфологически невыразительных бронз из Канинской пещеры.

По типам бронзового инвентаря для Сеймы ближе всего оказалась коллекция из Решного; существенно уступают ей в этом отношении Турбино и Ростовка. Для металла из Турбинского некрополя практически равнозначна бронза из Сеймы и Решного; несколько уступает им коллекция из Ростовки. Для Решного ближе всего Сейма, а с Турбиным и Ростовкой степень близости уже существенно ниже. Для Ростовки степень сходства с европейскими могильниками сравнительно низка и примерно однозначна.

Иная картина в ряде случаев обнаруживается при анализе степени близости по химико-металлургическим признакам. Для Сеймы вновь существенно ближе других металл Решного; затем в значительном отрыве следует коллекция из Канинской пещеры и далее Турбина и Ростовки. Для Турбина также ближе всего металл из Решного за счет доминирования группы мышьяковой меди; намного уступает последнему коллекция из Сеймы. Для Сеймы в свою очередь ближе бронзы из Канинской пещеры и Ростовки. Для Решного наибольшее сходство обнаруживают коллекции из Турбина, а затем из Сеймы; гораздо ниже степень сходства с Ростовкой и затем с Канинской пещерой. Ростовка и Канинская пещера имеют высокую степень близости по химико-металлургическим группам за счет доминирования оловянных бронз; гораздо ниже степень сходства с металлом из Сеймы, а затем с Турбиным и Решным.

* Конкретные расчеты здесь опускаются. Примеры подобных сравнений касались материалов Волго-Уралья и Балкано-Карпат (Черных, 1970, с. 77, 78; 1978а, с. 86, 248).

Наибольшее внимание привлекает в этой связи иерархия показателей близости по обоим основным признакам. Достаточно четкой зависимости между типологическим и химико-металлургическим сходством в коллекциях металла не наблюдается. Могли отливать относительно сходные формы орудий, но использовать для этого металл различных групп, и наоборот: из однородных сплавов выделяли несходные типы орудий. Весьма аномальным в связи с этим рисуется положение среди европейских коллекций металла из жертвенного места в Канинской пещере. Здесь практически нет «европейского», уральского металла, он в основном восходит к алтайским источникам. Именно потому столь высока его степень близости к ростовкинским бронзам и низка к географически близким из европейских некрополей.

Продолжая рассмотрение структуры сейминско-турбинского феномена, следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. В коллекциях металла из важнейших некрополей четко вычленились два основных компонента, названных собственно сейминско-турбинским, а также евразийским.

К собственно сейминско-турбинскому компоненту металла относятся изделия, найденные почти исключительно в некрополях или закрытых комплексах. Его основу составляют фактически все кельты, наконечники копий с вильчатым или же ромбическим стержнем пера, пластинчатые ножи и кинжалы, однолезвийные кинжалы с фигурными рукоятями, а также чеканы. В памятниках прочих культур эти формы не встречаются вовсе или же их наличие там может быть объяснено случайностью.

Так называемый евразийский компонент металла состоит из орудий и украшений, типы которых присущи различным очагам Евразийской металлургической провинции (Черных, 1978б) и встречаются в инвентаре целого ряда культур данной провинции (прежде всего абашевской). К нему относятся наконечники копий с разомкнутой втулкой (рис. 42, 25; 43, 38; 45, 26, 36; 46, 22), ножи с перекрестьем и перехватом (рис. 42, 10; 43, 43; 44, 34, 48; 45, 38; 46, 10, 12), втульчатые топоры (рис. 42, 20; 43, 15; 45, 12),

плоские тесла-долота (рис. 43, 34; 44, 42; 45, 27), а также различные кольца и браслеты (рис. 42, 3, 4; 43, 1—4; 44, 49). Громадное большинство их параллелей отмечено в памятниках прочих евразийских культур, а в сейминско-турбинских некрополях они составляют явное меньшинство. Кроме того, в этих могильниках находят вещи очень простых форм — стержни, шилья, крючки и т. п. (рис. 42, 14, 15; 43, 8, 9; 44, 39, 40; 45, 4, 5, 29—32), которые не включаются нами ни в один из намеченных основных компонентов и относятся здесь к неопределенным типам предметов.

Сейминско-турбинский компонент является основным во всех коллекциях крупнейших могильников и представляет там от 60 до 80% всех изделий (Сейма — 60%, Турбино — 60,9%, Решное — 70,4%, Ростовка — 80%); коллекция из Канинской пещеры типологически мало выразительна, а материал морфологически фрагментарен.

Выявление евразийского компонента в составе сейминско-турбинского металла чрезвычайно существенно. Оно помогает нам четко указать на те евразийские культурно-исторические общности, с которыми вступали в различные контакты сейминско-турбинские группы населения. Евразийский компонент в громадном большинстве случаев ведет нас к абашевской общности, с которой, вне всякого сомнения, сейминско-турбинские группы имели тесные взаимоотношения. Некоторые типы, в частности втульчатые топоры из Сеймы, Мурзихи I и Соколовки (рис. 42, 20; 45, 12), отличающиеся массивным обухом, имеют свои параллели в древностях срубной общности. Ряд форм орудий и украшений встречается в ряде культур Евразии, и потому их относительно трудно сопоставлять с конкретными памятниками, хотя они также встречаются и в абашевских комплексах.

Эта информация существенно пополняется за счет изучения химико-металлургических групп меди, которые шли на отливку орудий и украшений, причисляемых нами к евразийскому компоненту. Из 48 изделий 33 (или более 2/3) изготовлялись из мышьяковой меди, 7 изделий (почти 15%) — украшения из серебра. Остальные группы весьма малочисленны: 3 изделия — мышьяковисто-сурьмянистые бронзы, 4 — оловянно-мышьяковистые бронзы, 1 — оловянная бронза. Серебро и мышьяковистая медь (группа ТК) — самые типичные химико-металлургические группы для уральского варианта абашевской культурно-исторической общности. Следовательно, евразийский компонент металла свидетельствует о теснейших взаимосвязях сейминско-турбинских и абашевских групп населения. Пример более восточных связей — находки орудий в Ростовке, относимых нами к евразийскому компоненту (см. выше) и сопоставляемых с комплексами из Синташты. Гораздо менее существенными являлись связи сейминско-турбинских групп со срубным и раннеандроновским (петровским) миром степей и лесостепей Евразии.

Весьма важен и другой аспект выявления евразийского компонента. При изучении степени близости коллекций всех крупнейших могильников лишь по сейминско-турбинскому ядру металла, исключая евразийский компонент, их показатели в целом заметно уменьшаются. Парадоксальность этого наблюдения

подчеркивается и при сравнении типов, с одной стороны, и химико-металлургических групп — с другой. Следовательно, сейминско-турбинский компонент, являвшийся ядром коллекций, имел гораздо больше различий, нежели более монотонный в химическом и морфологическом отношении вторичный здесь евразийский компонент. Резко падает также и положительная взаимозависимость между степенью близости по обоим основным признакам. При сравнении коллекций лишь по сейминско-турбинскому компоненту она становится совершенно незначимой. Стало быть, сходство в форме вовсе не означало пользование едиными источниками металла, и наоборот, пользование едиными химико-металлургическими группами не влекло за собой единство в морфологии.

Данный вывод подкрепляется сравнением степени сходства в связи с географической удаленностью друг от друга различных памятников. Здесь избран путь замера удаленности в зависимости от протяженности речных систем, по которым, как справедливо полагают, и двигались сейминско-турбинские группы. Для европейской зоны показатели этой удаленности будут следующими (расстояния даны приблизительно). Турбино — Сейма: 1300—1500 км. Турбино — Решное: 1500—1700 км. Турбино — Канинская пещера: 500—600 км. Сейма — Решное: 200—250 км. Сейма — Канинская пещера: 1800—2000 км. Решное — Канинская пещера: 2000—2200 км. Наиболее удаленный от всех — Ростовкинский некрополь на Иртыше. Его примерное расстояние от европейских памятников следующее: Турбино — 2000—2600 км, Канинская пещера — 2500—3000 км, Сейма — 3500—4000 км, Решное — 3700—4200 км. Неопределенность расстояния Ростовки от восточноевропейских могильников, естественно, возрастает, поскольку реальный путь передвижения возможен здесь по нескольким рекам — более коротким или же длинным.

Сравнение коллекций по типологическим признакам приводит нас к ожидаемым результатам, а именно: чем больше удаленность памятников друг от друга, тем ниже степень близости по формам орудий. Причем этот показатель особенно существен для сейминско-турбинского компонента коллекций. Сравнение же по химико-металлургическим группам приводит нас к неожиданному выводу: никакого значения фактор расстояния не играл. Обоснованное здесь заключение представляется очень важным. Мы столкнулись с поразительной картиной внешней «беспорядочности» связей по источникам металла. Ближайшие памятники могли содержать металл, резко различный по химическим характеристикам, а отдаленные — сходный (вроде Ростовки и Канинской пещеры).

Этот показатель весьма контрастен с тем, что фиксируется у культур с относительно спокойным и плавным развитием. Вспомним абашевскую общность: чем дальше от Зауралья отстоит памятник или вариант культуры, тем реже в нем встречается мышьяковая медь ТК и, наоборот, нарастает чистая медь, выплавленная из песчаников (Черных, 1970, рис. 26, 28). Не вызывает поэтому сомнений, что характер и структура взаимосвязей внутри сейминско-турбинской области резко отличались от иных синхронных культур Евразии. Видимо, в этой области или по крайней мере в ее европейской зоне домини-

ровали сложные перекрестные взаимосвязи, зачастую независимые от географического положения той или иной группы. Характер подобных связей был при- сущ, по всей вероятности, культурам подвижным, с беспокойным, неровным и скоротечным развитием.

Сейминско-турбинский феномен и евразийские культуры

Следы обитания и передвижения сейминско-турбинского населения обнаружены на тысячекилометровых пространствах Евразии. Следует уже априорно предполагать, что его группы могли вступать в разнообразнейшие контакты с различными культурами на этих обширных территориях. Целесообразно рассмотреть эти взаимосвязи по соответствующим зонам сейминско-турбинской области.

Евразийский компонент в общем комплексе металлов западных могильников показал нам, что на первом плане для сейминско-турбинских групп стояли взаимосвязи с племенами абашевской общности преимущественно ее зауральского варианта. Это засвидетельствовано и типологическими, и химико-металлургическими признаками бронзового инвентаря. Из крупных некрополей этой зоны наибольшая доля евразийского компонента приходится на долю Сеймы (25,8%) и Турбина (24,4%). Гораздо меньше этого металла в Решном (16,7%) и совсем мало в Ростовке (6,5%) и Канинской пещере (5,3%). В Сейме при доминировании абашевских связей сильнее всего чувствуется линия срубных контактов, а точнее — вероятно, взаимодействий с так называемым «синкретичным» срубно-абашевским типом культуры. Для Турбина взаимосвязи с абашевской общностью являются практически единственными.

Предполагается, что носители этого металла — выходцы из абашевской, а также срубно-андроновской среды — были инкорпорированы в состав сейминско-турбинских групп в ходе продвижений последних по пространствам Урала и Восточной Европы. Определенные аргументы для такого заключения мы черпаем в изучении «закрытых» комплексов Турбина, Решного и Ростовки. Из 79 таких комплексов металлические предметы евразийского компонента содержатся лишь в 15. Доля их, таким образом, близка $\frac{1}{5}$ общего количества, что приблизительно соответствует соотношению изделий обоих компонентов. 64 могильных комплекса содержат металлические предметы, относящиеся исключительно к сейминско-турбинскому компоненту; в 11 могилах встречены только предметы евразийского облика; лишь 4 могилы дают сочетание вещей обоих компонентов. Налицо, таким образом, достаточно строгая дифференциация могильных комплексов по их отношению к сейминско-турбинскому или евразийскому компонентам. При этом богатейшие захоронения — с кельтами, вильчатыми наконечниками копий и литейными формами — никогда предметов евразийского облика не содержали. Погребения с евразийскими формами чаще всего не относятся к числу наиболее насыщенных инвентарем: лишь могила в Турбино содержала 4 подобных металлических предмета. Если богатство металлом хотя бы косвенно отражает социальный статус погребенных, то можно заключить, что выходцы из абашевской среды занимали в сейминско-тур-

бинских группах особое место, но вряд ли достаточно высокое положение.

Абашевские инкорпоранты хоронили своих соплеменников на центральных кладбищах: им это дозволялось. В Турбине могилы с этим металлическим инвентарем рассеяны по всей площади некрополя. Интересно, что в Ростовке чужеродные предметы залегали в центре могильных остатков, однако самих вещей этого рода в этом некрополе очень мало.

О тесных связях с абашевским миром свидетельствует и немногочисленная коллекция керамики, происходящая в основном из Решного. Любопытно, что 4 горшка сочетались в могильных комплексах с вещами, относящимися к сейминско-турбинскому компоненту (могилы 2, 4, 5, 12); другие 5 горшков металлом не сопровождалась. Вся эта керамика по форме разнообразная. Сосуды отличаются ребром по тулову или же колоколовидностью, дно уплощенное или округлое. Большая часть горшков украшена зигзаговидными линиями или насечками по венчику и горлу. Два сосуда неорнаментированы. В глиняном тесте — примесь раковины. Все сосуды из Решного полнее всего соответствуют керамической коллекции средневожского абашева. Судя по сохранившимся эскизным зарисовкам сосудов из Сейминских погребений (Жуков, 1925, рис. III, 9; Бадер, 1970, рис. 64, 74), им также следует искать аналогии среди мира абашевской керамики, равно как и некоторым сосудам из Соколовки (Косменко, Казаков, 1976, рис. 2, 1, 2, 4, 5).

Следовательно, и металл и керамика указывают на тесные взаимосвязи с абашевской общностью и совершенно расходятся с высказанными ранее мнениями о принадлежности сейминско-турбинских могильников местным прикамским и приокским племенам.

Противоречит этим гипотезам и исследование каменного инвентаря, также использовавшегося для доказательства местного характера сейминско-турбинских могильников. Кремневые изделия представлены здесь по преимуществу наконечниками стрел и дротиков различных типов. Чрезвычайно важной представляется серия вкладышевых орудий. Кроме того, известны скребки, отщепы и другие изделия. Техника выделки всех этих изделий отличается весьма высоким уровнем, превосходящим тот, что мы видим в синхронных восточноевропейских культурах. Кроме того, основу каменных коллекций составляют типы орудий, по своей морфологии не отвечающих восточноевропейским образцам: наконечники стрел с прямым основанием (рис. 42, 7; 43, 17, 19, 23; 44, 8—29; 47, 9) и ножевые вкладыши (рис. 42, 5, 6; 43, 20—22, 24, 25, 28—31). Только наконечники стрел с треугольным черешком (рис. 42, 8; 43, 26) находят многочисленные параллели в целом ряде восточноевропейских культур: срубной, поздняяковской, приказанской. Однако гораздо чаще они попадаются среди материалов фатьяновско-балановской и абашевской общностей (Крайнов, 1972б, рис. 26; Халиков, 1966а, табл. V).

Следовательно, многие ведущие типы кремневого инвентаря сейминско-турбинских памятников слабо совместимы с восточноевропейскими каменными орудиями (Сафронов, 1964, 1965). Их параллели находятся в южных и восточносибирских культурах эпохи

неолита и бронзы (Исаково, Серово, Китой, Глазково). Все эти культуры, как полагал их основной исследователь А. П. Окладников (Окладников, 1955), связаны длительной генетической линией развития, что отразилось на многих формах кремневого инвентаря. Именно в этом районе господствует вкладышевая техника изготовления орудий и получили значительное распространение наконечники стрел с прямым основанием. В Европу скорее всего была принесена технология обработки кремня, но не сами импортные каменные изделия.

Более отчетливо связи с тем же районом, локализованным в северных отрогах Саяно-Алтая, выявляются при анализе нефрита. О прибайкальских источниках этого камня писал уже В. А. Городцов (1927). Позднее к этому мнению присоединились С. В. Киселев (1949, с. 38, 62), А. П. Окладников (1955, с. 188, 189), В. А. Сафронов (1965, с. 59) и др. Высказывались, правда, мнения и о более восточных месторождениях нефрита (Членова, 1972, с. 139; Винник, Кузьмина, 1981, с. 60), но никаких весомых аргументов для доказательств обеих точек зрения в виде, например, петрографических анализов приведено не было. Типологическое же сходство восточноевропейских колец из нефрита с восточносибирскими делает гипотезу о саянских источниках намного более предпочтительной.

Следовательно, достаточно отчетливые параллели кремневному и нефритовому инвентарю уводят нас на восток, но уже существенно более далекий, нежели сибирская зона сейминско-турбинских памятников. Говоря о культурной идентификации последних с сибирскими культурами, мы должны будем коснуться и проблем генезиса самого сейминско-турбинского феномена.

В вопросе о связи Ростовки с окружающими этот могильник культурами царит столь же примечательная разногласия. Некрополь то объединяют в единую общность с Самусь IV, то сопоставляют Ростовку и погребение в Сопке с кротовской культурой и т. д.

При всех попытках таких сопоставлений основой является керамическая посуда, поскольку металл, кремль и нефрит местных корней не обнаруживают. Однако даже сама принадлежность собранных на поверхности могильника фрагментов посуды к погребальным комплексам является весьма спорной. Отдельные черепки могли попасть в засыпь могильных ям во время разрушения последних. Поэтому аргументов для достаточно строгих заключений очень мало.

Сосуды Ростовки отличаются упрощенной формой — типа банки (рис. 46, 13—15). Орнаментация, выполненная гребенчатым штампом, заполняет, как правило, всю или же большую часть сосуда. Данная посуда существенно отличается от той, какую мы знаем в западных памятниках европейской зоны. В целом же она вряд ли может быть сопоставлена только с одной из культур западносибирского региона и несет на себе черты целого круга местных общностей типа Кротово, Окунёво, Самусь и др.

В Ростовке известен также обильный костяной инвентарь. Наиболее интересны находки пластинчатых лат (могилы 3, 6, 33). Эти панцири весьма сходны с оборонительными доспехами из могил глазковской культуры на Усть-Илге на Лене и у д. Перевоз-

ной на Енисее, которые А. П. Окладников (1955, с. 233, 234, 248, 250, 252, рис. 118) в свое время считал образцами древнейших костяных лат в Северной Евразии. Здесь уместно вспомнить о костяном инвентаре из Канинской пещеры на Печоре, где обнаружены костяные наконечники стрел и составные рыболовные крючки, также имеющие явные аналогии в Восточной Сибири (Буров, 1983, с. 43, рис. 7).

Итак, костяные, каменные и нефритовые изделия, вероятно, указывают на один из районов распространения культур, явившихся одним из слагаемых сейминско-турбинского феномена: таежные пространства между Енисеем и Байкалом к северу от Саян. Вторую и основную слагающую этого феномена — металлургию и коневодство — отсюда вывести не удастся: ее следует искать в ином регионе. Условием зарождения металлургии сейминско-турбинского типа наиболее соответствует Алтай, преимущественно его западные районы. Об этом говорят, во-первых, мощные древние горнорудные разработки меди и олова. Во-вторых, здесь мы находим образцы всех трех основных категорий сейминско-турбинского оружия: кельты, вильчатые копья и ножи-кинжалы. В этом районе очень рано возникает технология оловянных бронз, восходящая еще к окуневской культуре (Пяткин, 1983). И, наконец, об этом говорят скульптурные фигурки животных на рукоятках кинжалов из Сеймы, Турбина, Ростовки, Елунина и Джумбы (рис. 42, 1; 43, 45; 46, 18; 48, 1). Изображенные на них лошади, по мнению палеозоологов (Бадер, 1970, с. 115; 1971, с. 101, 102), могли водиться лишь в области Западного и Южного (Монгольского) Алтая и Восточного Тянь-Шаня. Еще более важен анализ фигурок горных баранов — архаров на ноже из Турбина. На основании заключения В. И. Цалкина археологи делают вывод об алтайском происхождении этого кинжала (Бадер, 1964а, с. 123). Художник-литейщик, создававший эту отливку, должен был видеть этих животных на месте их обитания. Видимо, о сходной горной фауне, возможно, обитавшей на Алтае, свидетельствуют скульптурка хищника кошачьей породы на втулке наконечника копья из-под Омска (рис. 48, 12), изображение горного козла на кельте-лопатке из Ростовки (рис. 46, 25).

Итак, исходный и пока что гипотетический район первоначального формирования сейминско-турбинской металлургии локализуется, видимо, на крайней юго-восточной периферии всей обширной сейминско-турбинской области. Гипотетический район локализации второго слагаемого данного феномена уходил к более восточным и северо-восточным территориям. Различия в локализации двух основных слагающих — металлургии и коневодства, каменного и костяного инвентаря — подводят нас к заключению о синкретическом характере самого явления уже на стадии его формирования. По мере продвижения этих культурных групп на северо-запад и запад они впитывали в себя, видимо, элементы западносибирских культур. Начиная с Урала, особенно заметными стали включения абашевского населения и ряда черт их материальной культуры.

Абсолютная и относительная хронология

Проблема хронологии памятников сейминско-турбинского типа исключительно важна. По меткому выражению М. Гимбутас, эти могильники являются ключом к хронологии многих евразийских культур (Gimbutas, 1956). На основании анализа бронз для обширных пространств Евразии был выделен хронологический горизонт, названный сейминским (Черных, 1970, с. 94, 95).

С нашей точки зрения, решающей для хронологии сейминско-турбинских древностей является так называемая западная, или балкано-микенская линия «привязок». Она основана, во-первых, на дате Бородинского клада с его сочетанием импортного серебряного вильчатого наконечника копья с другими предметами, покрытыми так называемым микенским орнаментом. Мы полагаем справедливыми мнения о датировке этого комплекса в пределах XVI—XV вв. до н. э., во всяком случае не позднее XV в. (Мерперт, 1962, с. 19—21; Тереножкин, 1965, с. 64, 65; Бочкарев, 1969, с. 153, 154; Nachmann, 1957, s. 170—173; Mozsolics, 1967, s. 121—123; Vladar, 1973, s. 341—344 и др.). Во-вторых, и это более важно, основанием для такого заключения является ныне уже многочисленная серия костяных округлых пластинчатых псалий с шипами, обнаруженных в памятниках абашевской и андроновской общностей (Пряхин, 1976а, с. 122—125; Кузьмина, 1980, табл. I). Особенно большая серия псалий найдена в могилах Синташты (Генинг, 1977, с. 53—73).

Прямые параллели этим псалям в IV шахтовой гробнице Микен уже много раз обсуждались в литературе (Лесков, 1964, с. 303; Оапсеа, 1976, s. 71—73; Hüttel, 1981, s. 40—48 и др.). Исследователи указывают на XVI в, может быть, XV в. до н. э. в качестве наиболее вероятной датировки этого вида конской упряжи. Позднее уже господствуют иные типы псалий. Деталей подобной сбруи в сейминско-турбинских комплексах нет. Однако теснейшие связи сейминско-турбинских групп европейской зоны с абашевской общностью позволяют уверенно датировать эти памятники также в пределах XVI—XV вв. до н. э. Свидетельств более поздней хронологии, основанной на балкано-микенской линии привязок, нам не известно.

Восточная, или ананьинская, линия привязок, ярким сторонником которой выступила Н. Л. Членова (Членова, 1972, с. 135—139), приходит в резкое противоречие с западной и теми заключениями, которые следуют на основании балкано-микенских параллелей. Помещать в XI—VIII вв. до н. э. всю свиту сейминско-турбинских комплексов, как делает Н. Л. Членова — значит, опровергать чрезвычайно убедительные параллели в конской сбруе и орнаментах, обнаруженных в восточноевропейских и балкано-карпатских культурах. Столь же недостоверной является так называемая кавказская линия привязок (Сафонов, 1968, с. 90—114), поскольку хронология Северного Кавказа для культур этого времени является крайне слабо разработанной.

Предположения о более ранней дате сейминско-турбинских памятников и всего сейминского хронологического горизонта Евразийской металлургической провинции делаются вполне реальными и в свете по-

пытки передатировки всей свиты позднебронзовых культур Северных Балкан и Карпат на основе средиземноморских южных параллелей и анализа соответствующих комплексов (Черных, 1978а, с. 254—261). Горизонт древностей поры так называемых «микенских влияний», датируемый также XVI—XV вв. до н. э. и в целом синхронный сейминско-турбинским комплексам, тесно смыкается по времени с последующим, представленным целой серией бронзовых кладов. Последний синхронен с так называемым ингуло-красноярским очагом Северного Причерноморья, и начало его может восходить к XV—XIV вв. до н. э.

Поскольку дата XVI в. до н. э. в основном определяется для западных памятников сейминско-турбинского типа, то правомерно возникает вопрос о вероятности более ранней датировки (например, XVII в. до н. э.) для наиболее восточных комплексов. Прямых данных для этого нет. Лишь только анализ угля на C₁₄ из одной могилы могильника в Елунино на Алтае дал дату 1610±30 лет до н. э. (сообщение Ю. Ф. Кирюшина). Если это подтвердится серией будущих радиоуглеродных определений, то мы сможем более уверенно говорить о формировании самого феномена в пределах XVII в. до н. э.

Судя по всему, бытование сейминско-турбинского феномена было непродолжительным: вряд ли более двух столетий. Это по существу заставляет нас отказаться от попыток установить относительную хронологию некрополей, исключая то, что мы уже говорили о более раннем возрасте исходных центров формирования на востоке. Кроме того, раскопанных могильников и отчетливых «закрытых» комплексов, насыщенных разнотипными предметами, слишком мало для установления их относительных хронологических позиций.

Сейминско-турбинский транскультурный феномен

Во второй четверти II тыс. до н. э. процессы деформации и разрушения обширной Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) практически завершились. Система металлургических и металлообрабатывающих очагов, объединенных в ЦМП, являлась, по всей вероятности, центральной для культур Старого Света в раннем и среднем бронзовых веках. В те периоды металл и металлургия, а также знания о металлических орудиях и умение производить их не выходили далеко к востоку от Урала.

С разрушением Циркумпонтийской провинции перестраивается вся этнокультурная карта северной половины Евразии. Исчезают старые и появляются новые культуры. Быстро формируются системы иных металлургических провинций, среди которых самое пристальное внимание привлекает Евразийская (ЕАМП).

Основными чертами позднего бронзового века для Северной Евразии можно считать следующие: 1) гигантский скачок в распространении металлургии и металлообработки в восточном и северо-восточном направлениях среди неолитических культур степной и таежной зон Азиатского континента; 2) почти повсеместное распространение оловянных бронз в качестве господствующего или же ведущего типа сплавов на медной основе; при этом, однако, сохраняются

наиболее ранние отдельные культуры (например, абашевская), где употребление таких бронз неизвестно; 3) начало новой, сложной технологии металлообработки — тонкостенного литья наконечников копий и кельтов, у которых таким приемом формовались так называемые «слепые» втулки для насада их на рукоять (Черных, 1978б, с. 71, 75).

Все перечисленные инновации проявлялись на фоне формирования новых металлургических провинций, в частности ЕАМП, которая в период своего апогея охватывала огромные пространства от Саяно-Алтая на востоке до Поднепровья на западе, от Черного моря, Предкавказских степей и полупустынь Средней Азии на юге до таежной зоны Евразии на севере. Судя по характерному набору типов металлических орудий и украшений, генезис производства ее основных форм в ведущих металлургических и металлообрабатывающих центрах восходит, безусловно, к очагам ЦМП среднего бронзового века. Импульс для возникновения металлургии, по крайней мере в степях Азии, последовал с запада, из пределов Волго-Уралья. Весь облик степных азиатских культур андроновского круга приобретает весьма сходный характер с восточноевропейскими. Металл в этой системе является лишь одним из элементов отмечаемой близости.

Однако с западным импульсом, приведшим к формированию Евразийской провинции, мы связываем лишь первую характерную черту позднебронзовой эпохи, а именно широкое территориальное распространение металла в восточном направлении. Ни оловянных бронз, ни технологии тонкостенного литья из волго-уральских очагов не могло происходить. Оловянных источников в Восточной Европе и на Урале нет. Количество оловянных бронз в культурах даже позднебронзового времени здесь относительно невелико, а некоторые культуры — типа абашевской общности — их не знают вовсе. Отливка деталей орудий с тонкими стенками втулок в этом районе также не характерна: подобные орудия в Восточной Европе по преимуществу выковывали. Литые орудия — наконечники копий и кельты — появляются здесь позднее под влиянием исходного сейминско-турбинского импульса. Следовательно, и распространение оловянных бронз, и технология тонкостенного литья орудий и оружия должны быть увязаны с иными источниками и влияниями. Их исходные центры локализовались, по всей видимости, на востоке, в области Алтая, рассматриваемой здесь в самом широком географическом смысле этого региона.

Зарождение технологии тонкостенного литья восходит к гениальной догадке использования сердечника, вставлявшегося в полость двух- или многосторчатой литейной формы на определенном расстоянии от стенок литейной матрицы. Для мастера-литейщика техническая проблема заключалась в строгой фиксации сердечника внутри формы. Выигрыш от внедрения новой технологии трудно переоценить. Ведь наиболее трудоемкая кузнечная операция при отковке наконечников копий, например, была связана с формовкой втулки.

В этом, равно как и в других сходных с этим случаях, мы постоянно задаем себе вопрос: могли ли подобные открытия свершаться в областях, где само производство металла и выделка из него орудий не имели

длительных и мощных корней? Не разумнее ли искать исходные области в тех регионах, где металлургия имела тысячелетние корни?

Принципиальный ответ на этот вопрос дает чрезвычайно яркий пример с балкано-карпатской металлургией и горным делом V — начала IV тыс. до н. э. Вспышка их была внезапна, ведь в предшествующий период здесь господствовали культуры неолитического. Уровень горно-металлургического производства в Балкано-Карпатье несопоставим с любой другой областью Старого Света, включая Малую Азию и Передний Восток. Парадокс заключался в том, что в последних регионах металлургия развивалась уже с VII тыс. до н. э., но крайне вяло и невыразительно. Предполагается, что именно из этих районов мог последовать на Балканы исходный импульс для начала горно-металлургического дела. Однако он и остался только исходным импульсом. Последующие феноменальные открытия и усовершенствования в технологии должны быть связаны исключительно с деятельностью балкано-карпатских мастеров горного дела, металлургии и металлообработки (Черных, 1978а, с. 276).

Традиции могут служить тем фундаментом, с которого начинается новый тип производства. При этом каждый такой скачок связан с непременным отрицанием старых стереотипов и их ломкой. Если отказа не происходит, то традиции сковывают, мешают новому, заставляют мастеров строить свое производство в рамках прежних догм и стереотипов. Поэтому культуры, лишенные подобных традиций, предоставляют мастерам гораздо большую свободу действий и творческой фантазии. Наверное, подобные явления особенно характерны, когда такие культуры включают в свои структуры чуждых мастеров и не ограничивают их деятельности системой строжайших табу и нормативных предписаний. Тогда мы вправе ожидать, что именно в их среде может произойти «взрыв» открытий.

Предложенная здесь модель объяснения вполне приложима к исходным культурным объединениям сейминско-турбинского типа, локализуемым нами в Алтайской горной и предгорной системе. Мы ни в коем случае не можем отвергнуть возможности зарождения в данном регионе и в данной культурной среде новой и совершенной технологии, несмотря на отсутствие там длительных металлургических традиций. Может быть, именно данное обстоятельство и способствовало самим открытиям, а также быстрому распространению принципиально новой технологии, орудий и оружия первоначально в сейминско-турбинской культурной среде, а затем и в иных общностях.

Культурологическая модель и основные вехи истории

Сейминско-турбинский феномен мы именуем транскультурным: памятники рассматриваемого типа разбросаны по громадной территории, занятой множеством культур; сейминско-турбинские группы явно входили в контакты с населением этих общностей. Однако мы не смогли очертить территорию исключительного распространения памятников данного типа. Следовательно, один из неперенных признаков археологической культуры — территория у нас отсут-

ствуется. Подвижность и динамичность носителей данного феномена очевидна. Об этом говорят практически все результаты исследований. Поэтому модель данного явления следует рассматривать в динамике: от неожиданного синтеза исходной культуры и стремительного продвижения на запад вплоть до исчезновения.

Очень часто зарождение новых этнокультурных общностей приходится на периоды глобальных сдвигов культур, к которым, например, относится период, приходящийся на вторую четверть II тыс. до н. э. Распад протяженных цепей культур приводит, как правило, к синтезу новых на базе «осколков» старых социальных объединений. Подобный синтез порождает принципиально новые системы, которые могут впитывать в себя в большей или меньшей степени черты прежних. Для исходных сейминско-турбинских групп мы предполагаем слияние двух компонентов культуры. Первый из компонентов локализовался в Алтайской горной и предгорной области в экологическом окружении степных и лесостепных пространств. Он был представлен металлургами и коневодами (вероятно, всадниками). Данные занятия являлись ведущими в их жизнедеятельности. Именно с этим компонентом ассоциируются наиболее яркие и характерные черты, выделяющие сейминско-турбинский компонент среди прочих евразийских общностей.

Другой компонент связывается нами с восточносибирской таежной зоной к северу от Саяно-Алтайской горной системы, на территории между Байкалом и Енисеем. Здесь обитали подвижные — в сравнении, например, с западносибирскими — группы охотников и рыболовов (Окладников, 1970, с. 176—179), умевшие изготавливать прекрасный каменный и костяной инвентарь. Трудно определить район, где произошло органическое слияние обоих компонентов, приведших к появлению нового типа культуры. Скорее всего это случилось в лесостепных холмистых предгорьях к северу от Алтая, судя по концентрации соответствующих находок (карта 14).

Также очень сложно определить численно преобладающую группировку в этих новых объединениях. Социально доминирующие кланы мы склонны видеть среди металлургов-коневодов. К этой мысли подводят наиболее богатые и выразительные погребения с оружием и литейными формами в Ростовке и Сопке. Беднейшие погребения в сейминско-турбинских могильниках, как правило, представлены лишь кремневыми изделиями, без металла. Не исключено, что в рамках тех объединений могла возникнуть и сохраниться достаточно четкая социально-клановая иерархия, обусловленная происхождением того или иного члена коллектива, а также характером его основных занятий. Металлургия здесь являлась, к примеру, почетной, вероятно, даже сакральной профессией, чему мы знаем немало этнографических параллелей.

Уже с самого начала столь же очевидно проявился агрессивный характер исследуемых нами социальных организмов. Об этом ярко свидетельствуют культ бронзового оружия, находимого в погребальных сооружениях, и стремительное распространение сейминско-турбинских объединений в западном направлении. Скорее всего, это передвижение свершалось не одной, а несколькими группами одновременно. Походы-миграции устремлялись первоначально по пре-

имуществу в северо-западном направлении и шли по междуречью Иртыша и Оби. На левобережье Иртыша эти группы практически не выходили: степные пространства даже в начале движения по какой-то причине их не привлекали. Первый этап походов проходил в основном по лесостепным равнинам.

По всей видимости, стремительность их продвижения обуславливалась не только напористостью сейминско-турбинских групп. Этому способствовало явное превосходство их оружия и средств передвижения. Они двигались в среде культур, где на аборигенов наводили ужас бронзовое оружие и всадники. Еще одной причиной явного предпочтения сейминско-турбинскими группами лесостепных и позднее — лесных равнин Западной Сибири, вероятно, явились столкновения с конными отрядами всадников, которых археологи связывают с абашево-андроновским или петровским типом культуры. Эти отряды также использовали легкие боевые колесницы. Синташтинские погребальные комплексы дают неоспоримые доказательства существования этого нового вида вооружения. И не являются ли бронзовые наконечники копий типа багра (Ростовка, р. Чарыш) оружием, направленным против таких грозных колесниц? Крюком могли зацеплять лошадь, короб колесницы или самого возничего, лишая колесницу управления.

Продвижение сейминско-турбинских отрядов по территории, занятой чужеродными группами, по всей видимости, привело к включению некоторых представителей последних в структуру сейминско-турбинских племен. Кажется, уже первые столкновения с абашево-андроновскими отрядами привели к инкорпорации по крайней мере отдельных представителей этих этносов в сейминско-турбинскую среду. Об этом говорят немногочисленные могилы из Ростовки с «синташтинским» оружием.

Может быть, именно эти столкновения заставили сейминско-турбинских мигрантов придерживаться более северного, таежного пути, куда вели их речные системы Западной Сибири. Условия для передвижения там были более трудными, зато аборигенное население вряд ли могло оказывать им сколько-нибудь успешное сопротивление. Вероятно, с этого времени в качестве основного средства передвижения летом становится для них лодка. Нож из Ростовки с лыжником, зацепившимся вожжами за коня, приоткрывает еще один из способов зимнего передвижения. Летом же эти пространства преодолевать на лошадях неизмеримо труднее. На запад от Иртыша и Оби сейминско-турбинским группам приходилось подниматься вверх по течению левых притоков этих рек по направлению к Уралу.

Вероятно, вблизи Урала начинала особенно сказываться нехватка металла — меди и олова. Его изначальные запасы не могли, естественно, быть бесконечными. Новые источники меди стали доступны для сейминско-турбинских популяций с приходом их на восточные склоны Урала. С этих пор для сейминско-турбинских мастеров металлообработки уральская мышьяковая медь стала основным сырьем для выделки оружия. Из серебра отливали парадные, ритуальные наконечники копий и кельты, отковывали украшения.

Однако для этого пришельцам снова пришлось вступить в контакты с сильными группами абашево-

ских племен, населявших Южный Урал и Приуралье. Трудно определить однозначно характер этих взаимоотношений: были ли они только враждебными или же в определенные периоды между сейминско-турбинскими группами и абашевскими племенами устанавливались терпимые и даже дружеские отношения? Во всяком случае, кажется, что на европейских пространствах в составе сейминско-турбинских групп примерно пятую или четвертую часть уже составляли выходцы из абашевской среды. Последним предоставлялось право погребать своих сородичей на сейминско-турбинских племенных кладбищах. В могилах стала появляться и абашевская посуда: может быть, она принадлежала абашевским женщинам?

После своего формирования и первых успехов в передвижении на северо-запад и запад сейминско-турбинские группы скорее всего выглядели этническим изолятом на фоне аборигенных культур Северной Евразии. Инкорпорация абашевского элемента в их племенные структуры, происшедшая в так называемый «европейский» период их походов, выглядит вынужденной в результате неизбежных человеческих потерь. Никогда в богатых могилах собственно сейминско-турбинского типа мы не застаем морфологически чужеродных видов оружия. Исконное «этническое» оружие — наконечники копий с вильчатым стержнем, кельты и кинжалы с металлическими рукоятями — никогда не передавалось аборигенам. Табу на использование и изготовление данного оружия для иных этнических групп возможно было поддерживать лишь с помощью каких-либо санкций, политического или военного доминирования. Поэтому вряд ли можно исключить, что в какой-то отрезок времени сейминско-турбинским группам удалось захватить политическое господство над многими народами этой зоны Евразии.

На всю историю сейминско-турбинских групп приходится никак не более двух или даже одного столетия. Не слишком ли короткий период отводим мы для тяжелых тысячекilометровых походов? Безусловно, нет. Все сравнительно немногочисленные воинские отряды последующих эпох, продвигавшиеся по этим огромным пространствам Северной Евразии, — будь то

викинги или монголы, новгородцы XII в. или русские казаки XVII в., — ухитрились преодолеть эти территории практически за несколько лет. Оружие этих отрядов было нередко технически более совершенным, нежели у аборигенов. Средства же передвижения принципиально не отличались от тех, что мы предполагаем у сейминско-турбинских групп.

Ворвавшись вихрем в море евразийских народов, сейминско-турбинские племена вскоре исчезли. Они были немногочисленны: часть их, видимо, погибла в воинских схватках, часть растворилась в местной этнической среде. Яркая страница истории завершилась, но память об этих народах воинов-металлургов сохранилась. Наверное, все последующее развитие металлургического производства в Северной Евразии в той или иной мере несло на себе печать открытий, сделанных сейминско-турбинскими мастерами.

Пройдет сравнительно небольшой отрезок времени, и по всей северной половине Евразии начнется отливка наконечников копий и дротиков, кельтов и чеканов. В основу новой металлообработки будет положена технология тонкостенного литья, выработанная в сейминско-турбинской среде. Подобные виды орудий и оружия станут основными для громадного количества культур и общностей на финальных стадиях Евразийской металлургической провинции во время ее очередной трансформации. Для восточного соседа этой системы — металлургических очагов Центрально-азиатской провинции будут характерными однолезвийные изогнутые ножи-кинжалы с металлическими рукоятями и фигурными навершиями на них. Начнется здесь и отливка кельтов. Сходные формы оружия быстро распространяются вплоть до Древнего Китая в период Инь. Равно и металлургия раннего железного века на тех же евразийских пространствах в огромной степени будет наследовать сходные стереотипы, сказавшиеся в изготовлении многочисленных серий наконечников копий, кельтов и чеканов (Кузьминых, 1983). Все эти орудия в той или иной степени также несут отпечаток изначального импульса сейминско-турбинской металлургии.

Глава третья

Поздний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР

1. Культуры позднего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР

На территории юго-западной полосы лесов и лесостепей Русской равнины и Карпат, занятой в предшествовавшее время культурами шнуровой керамики, в средний и поздний периоды бронзового века были распространены культуры сосницкая, комаровская, а затем ноа, тшинецкая и белогрудовская. В лесостепном левобережье Днепра выделена бондарихинская культура.

Сосницкая культура

Памятники второй половины II — начала I тыс. до н. э. на территории Среднего и Верхнего Поднепровья начали активно изучаться лишь в послевоенный период (Лагодовська, 1948, 1956; Даниленко, 1956; Березанская, 1972, Ильинская, 1960; Заверняев, 1964; Артеменко, 1961а, 1964а, 1972а, 1975; Кухаренко, 1962; Исаенко, Чернявский, 1967; Третьяков П. Н., 1975 и др.), хотя отдельные памятники были обнаружены и исследованы еще в предшествующее время (С. С. Гамченко, И. Ф. Левицкий, М. Я. Рудинский, К. М. Поликарпович и др.). Культурная принадлежность их остается дискуссионной. И. К. Свешников включает памятники среднего периода бронзового века Северной Украины в комаровскую культуру (Swiesznikow, 1967), а Гардавский — в тшинецкую и восточную границу их проводит по левобережью Среднего Днепра. С. С. Березанская выделяет эти памятники в восточнотшинецкую культуру и очерчивает ее территорию от Сейма до Западного Буга. На этой территории С. С. Березанская выделила четыре локальных варианта: ровенский, припятский, киевский и сосницкий. По ее мнению, ровенский вариант, занимавший междуречье Случи и Западного Буга, сложился в результате смешения комаровской, восточно- и западнотшинецкой культур и представляет собой вполне обособленное явление (Березанская, 1972, с. 126—129). В таком случае ровенский вариант представляет собой пограничную зону соседних культур и не может относиться ни к одной из них. Эта зона прослеживается и севернее — в междуречье Горыни и Стыри, а также на участке Припяти от г. Турова до устья Стырца, где встречаются памятники с чертами тшинецкой культуры и сосницкого типа. К западу от этой зоны известны памятники тшинецкой культуры, а к востоку — сосницкого типа.

Поэтому нельзя согласиться и с выделением С. С. Березанской припятского варианта восточнотши-

нецкой культуры. Киевский и сосницкий варианты существенно отличаются от тшинецкой и комаровской культур, но, отмечая их специфику, особенно сосницкого варианта, С. С. Березанская отрицает возможность выделения этих вариантов в самостоятельную культуру. И. И. Артеменко выделяет памятники среднего периода бронзового века Северной Украины (киевского и сосницкого вариантов) и аналогичные им памятники Верхнего Поднепровья в сосницкую культуру. Памятники позднего периода бронзового века Северной Украины С. С. Березанская выделяет в лебедовскую культуру, которая, по ее мнению, сложилась в результате дальнейшего развития сосницкого варианта, однако центр этой культуры помещает на территории киевского варианта (Березанская, 1976). И. И. Артеменко рассматривает памятники позднего периода бронзового века Северной Украины (лебедовской культуры) и Верхнего Поднепровья как поздний этап развития сосницкой культуры.

Памятники племен сосницкой культуры представлены остатками поселений, могильниками и случайными находками. Поселения известны в 223 пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья (карта 21). На 21 из них производились археологические раскопки. Расположены они в поймах на песчаных возвышенностях, останцах, по краю бортовой террасы и на выступающих в пойму мысах, окруженных с двух сторон оврагами. Площадь поселений от 10 до 30 тыс. кв. м. Жилища сосницких племен были наземными или углубленными на 0,5—1,4 м, площадью от 24—40 до 72—120 кв. м. Преобладают большие жилища (12×6,14×7,15×8 м) столбовой конструкции, состоявшие из одного или чаще двух помещений — жилого и кухни, с печами или открытыми очагами, хозяйственными ямами. На поселениях (Пустынка, Почеп) исследованы также остатки наземных хозяйственных построек столбовой конструкции.

Могильники сосницкой культуры представлены курганами и грунтовыми захоронениями с труположением и трупосожжением. Подкурганные погребения с труположением известны в 10 пунктах. В 32 курганах исследовано около 50 погребений. В некоторых курганах первоначальная насыпь окружалась ровиком или изгородью, прослежены остатки кострищ. Погребения находились в могильных ямах, перекрытых деревянным накатом, или на древнем горизонте. Умершие были положены на бок в скорченном положении. Преобладает ориентировка головой на восток или на запад.

Курганные могильники с трупосожжением исследованы в шести пунктах. Сожжение производилось на стороне, а пережженные кости с золой и углями сыпались на дно могилы или в глиняные сосуды-урны. Устройство могил и ориентировка одинаковы с труположениями.

Грунтовые могильники с труположением еще не исследованы. Грунтовые погребения с трупосожжением обнаружены в 26 пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья. Сожжение также производилось на стороне, а кальцинированные кости, часто вместе с золой, ссыпались в могильную яму или в небольшие ямки и глиняные сосуды-урны.

Картографирование памятников сосницкой культуры позволяет говорить о том, что сосницкие племена занимали почти ту же территорию, на которой в предшествующее время жили племена среднеднепровской культуры.

В памятниках сосницкой культуры обнаружен разнообразный вещественный материал: глиняная посуда, бронзовые предметы, кремневые и каменные орудия, — позволяющий (с учетом стратиграфических данных) датировать ее XV—IX вв. до н. э.

Первую попытку периодизации памятников эпохи бронзы второй половины II тыс. до н. э. Северной Украины (Среднего Поднепровья, Нижнего Подесенья и Посеймья) предприняла С. С. Березанская, разделившая памятники сосницкого типа на два этапа — ранний и поздний и выделившая в самостоятельную (лебедевскую) культуру памятники позднего периода эпохи бронзы. Эта периодизация основана на анализе технологии изготовления, форм и ornamentации глиняной посуды.

И. И. Артеменко в развитии сосницкой культуры выделяет три этапа: ранний, средний и поздний. К раннему этапу относятся поселения и могильники, в керамике и погребальном обряде которых прослеживаются черты предшествовавшей среднеднепровской культуры. К среднему этапу относятся памятники, в керамике которых еще сохраняются черты раннего этапа, но появляются новые формы сосудов, которые позже становятся характерными для позднего этапа. К позднему этапу сосницкой культуры относятся памятники так называемого лебедевского типа (или лебедевской культуры, по С. С. Березанской). В этих памятниках керамика раннего этапа отсутствует, характерными являются формы сосудов, возникшие в среднем этапе, появляется также керамика, в форме и ornamentации которой имеются черты сходства с керамикой культур (юхновской, днепро-двинской и памятников подгорцевского типа) раннего железного века этой территории.

Для периодизации сосницкой культуры служат и стратиграфические данные. В курганах 14—16 могильника Бесец I основными были погребения раннего, а вводными — позднего этапа, в курганах могильника Бесец II основными были погребения среднего, а вводными — позднего этапа сосницкой культуры.

Памятники раннего этапа. Памятники раннего этапа сосницкой культуры известны на территории Среднего и Верхнего Поднепровья во многих пунктах. Они представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками.

К раннему этапу может быть отнесено более 90 поселений (карта 21). Они расположены в пойме на песчаных возвышенностях или останцах коренного берега, по краю бортовой террасы и на выступающих в пойму мысах. На поселениях исследованы остатки прямоугольных наземных жилищ (Здвижовка, Мохов) и полуземлянок (Сосница, Ивановка,

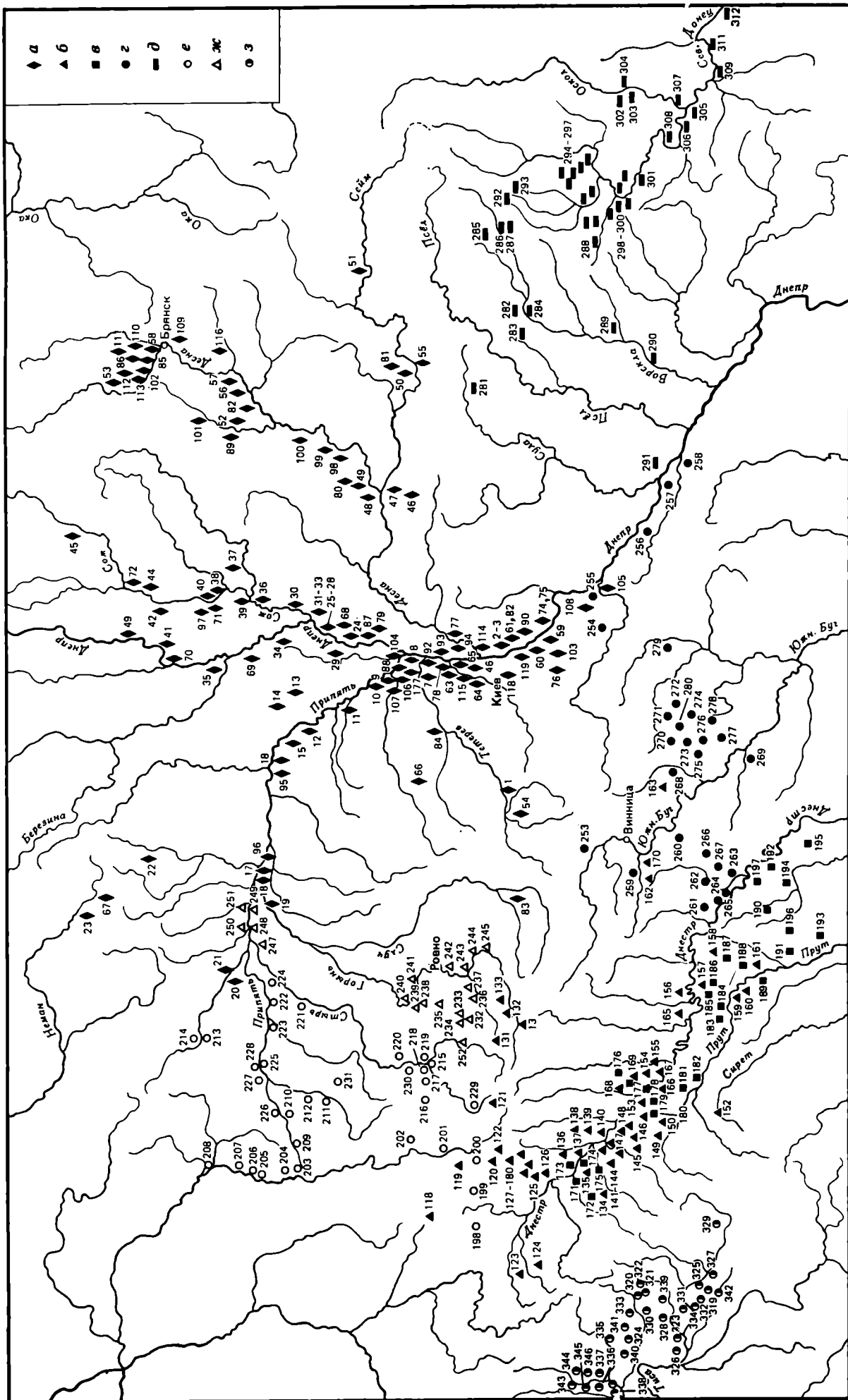
Волынцево, Гришевка и др.) столбовой конструкции с глиняными купольными печами (сохранились глиняные вальки и развал печи с отпечатками прутьев) и каменными очагами или очажными ямами внутри. В некоторых жилищах было по два очага — в центре и у одной из стен. Вдоль стен прослежены ямы от столбов и следы истлевших бревен. Длина жилищ от 6 до 15 м, ширина 4—8 м. Они состояли из одного или чаще из двух помещений — жилого и хозяйственного (кухонного). В жилищах найдены фрагменты керамики, пряслица, каменные орудия и кости животных.

Могильники раннего этапа — курганные и грунтовые с труположением и трупосожжением. Подкурганные погребения с труположением исследованы у с. Кветунь и Радутиню Трубчевского района Брянской обл. и у с. Харьевка Путивльского района Сумской обл. Умершие были захоронены в могильных ямах, перекрытых деревянным накатом, на левом боку в скорченном положении, головами ориентированы на север, юго-запад и северо-восток (Харьевка). Первоначальная насыпь курганов была окружена ровиками или деревянной оградой.

Курганные погребения с трупосожжением исследованы у с. Народичи Житомирской обл. и в могильнике Бесец I (курганы 14—16) близ пос. Ржаница Жуковского района Брянской обл. Захоронение совершалось в могильных ямах прямоугольной или овальной формы, ориентированных по длине с востока на запад, а иногда (Народичи) и с севера на юг. Сожжение производилось на стороне, а в могилы ссыпались пережженные кости вместе с золой и углями. У края могил прослежены остатки кострищ, возле которых, а иногда и в могилах найдены фрагменты керамики или целые сосуды, кости животных и кремневые наконечники стрел. Первоначальная насыпь некоторых курганов была окружена ровом (Бесец I, курган 15).

Грунтовые погребения с труположением пока не обнаружены, но они, вероятно, были. Грунтовые погребения с трупосожжением известны в 10 пунктах Среднего Поднепровья (Новая Украина, Вишенки, Здвижка, Рудня, Ходосовичи, Горошков, Сябровичи, Опечки). Захоронения совершались в грунтовых могильных ямах, перекрытых деревянным накатом, ориентированных по длине с востока на запад. Сожжение производилось на стороне, а в могилы ссыпались пережженные кости вместе с золой и углями.

На поселениях и в погребениях раннего этапа найдена глиняная посуда, металлические (бронзовые) предметы, изделия из кремня и камня. Среди глиняной посуды (рис. 50, 5—19) выделяются горшки, миски, банки, курильницы (дуршлаг?). Горшки плоскодонные, тюльпановидной и эсвидной формы с прямым или отогнутым утолщенным венчиком, край которого ровный, закругленный или наискось срезан наружу. В тесте примесь толченого гранита, крупного кварца или крупнозернистого песка. Они богато ornamentированы по всей поверхности или только в верхней части отпечатками шнура, штампа, обмотанного ниткой или тонким шнуром, прочерченными линиями, мелкими насечками и углублениями, образующими горизонтальные линии, заштрихованными треугольниками, елочными

композициями и др. Встречаются неорнаментированные сосуды. В формах и орнаментации горшков имеются черты сходства с сосудами позднего этапа среднеднепровской культуры. Миски плоскодонные, глубокие, орнаментированные по всей поверхности прочерченными линиями. Встречаются и неорнаментированные миски конической, а также эсвидной формы. Последние украшены в верхней части прочерченными линиями. Сосуды баночной формы орнаментированы по всей поверхности или только в верхней части прочерченными линиями и короткими насечками. Среди изделий из глины имеются также курильницы (дуршлаги?), миниатюрные сосуды, прясла и грузила.

Бронзовые предметы раннего этапа (рис. 50, 1—4) представлены несколькими экземплярами. Они найдены на поселениях и в погребениях. На поселениях

Карта 21. Распространение памятников культур поздней бронзы на территории юго-западной полосы лесов и лесостепи Русской равнины и Карпат

а — сосницкая культура; *б* — комаровская; *в* — ноа; *г* — белогрудовская; *д* — бондарихинская; *е* — контактная зона; *ж* — тшинецкая; *з* — становская

Сосницкая культура. Ранний этап. Поселения: 1 — Лука-Райковецкая; 2, 3 — Бортнички I—II (ур. Старое кладбище и Отдельная Дюна); 4—6 — Староселье I—III (ур. Волчья Нива и Млын, оз. Мормонское); 7 — Лапутьки; 8 — Тетеревка; 9 — Залесье; 10 — Лелев; 11 — Тешков; 12 — Наровля; 13 — Гноево; 14 — Юревичи; 15 — Мозырь; 16 — Ясенец; 17 — Туров; 18 — Хильчицы; 19 — Велемичи; 20 — Упирово; 21 — Тышковичи; 22 — Митявичи; 23 — Еремичи; 24 — Любеч; 25—28 — Радуль I—IV (ур. Зарсье, Заозерье, Городок, оз. Нижнее); 29 — Деражичи; 30 — Клубовка; 31—33 — Суслонка I—III (ур. Колесище, Горбаха, Роговое); 34 — Мохов; 35 — Проскурни; 36 — Новобелица; 37 — Романовичи; 38 — пос. Пролетарят; 39 — Юрковичи; 40 — Веть; 41 — Гадиловичи; 42 — Вороновка; 43 — Ухов; 44 — Дубно (ур. Баширино поле); 45 — Лобковичи; 46 — Борзна; 47 — Гришевка; 48 — Вершина; 49 — Сосница; 50 — Волинцево; 51 — Кузина Гора; 52 — Суворово; 53 — Гришина Слобода. Курганы: 54 — Троянов; 55 — Харьевка; 56 — Кветунь; 57 — Радутино; 58 — Бесец I. Групповые погребения: 59 — Новая Украинка; 60 — Новая Украинка-Таченки; 61, 62 — Вишенки I, II (ур. Процев лес и Будницкое поле); 63 — Здвизевка; 64 — Белгородка; 65 — Староселье; 66 — Моства; 67 — Опечки; 68 — Угловая Рудня; 69 — Горшков; 70 — Ходосовичи; 71 — Сябровичи; 72 — Кляны.

Средний этап. Поселения: 73 — Козинцы; 74, 75 — Кйлов I—II (ур. Коронова Гора, Кута); 76 — Подгорцы I; 77 — Хатьяновка I; 78 — Ясногородка; 79 — Пустынка; 80 — Савинки; 82 — Чубаров. Курганы: 83 — Колосовка (бывш. Войцеховка); 84 — Народичи; 85 — Бесец I; 86 — Бесец II. Групповые погребения: 87 — Пустынка; 88 — Плитовище; 89 — Юдиново.

Поздний этап. Поселения: 81 — Марьяновка; 90 — Вишеньки, ур. Обирки; 91 — Лебедевка; 92 — Тетеревка; 93, 94 — Опитки I—II (ур. Струмель, Копаны); 95 — Загорини; 96 — Знаменка; 97 — Бердыж; 98 — Мезин; 99 — Дехтяревка; 100 — устье р. Смяч, ур. Колодезный бугор; 101 — Почеп I (ур. Грудок); 102 — Бельнец; 103 — Нещеров; 104 — Мошны; 105 — Залесье; 106 — Гапановичи. Курганы: 107 — Куриловка; 108 — Белые Берега; 109 — Бесец I; 110 — Бесец II; 111 — Голосок; 112 — Луново. Групповые погребения: 113 — Погребы; 114 — Гостомель; 115 — Партизанское; 116 — Плитовище; 117 — Бобрица.

Комаровская культура: 118 — Гребинне; 119 — Каменка Бугская; 120 — Репнев; 121 — Романовка; 122 — Неслухов; 123 — Самбор; 124 — Городище; 125 — Красов; 126 — Серники; 127 — 130 — Чижов, Гончары, Звенигород, Лагодов; 131 — Зиньки; 132 — Ставки; 133 — Чегеринец; 134 — Лотатники; 135 — Дашава; 136 — Залесцы; 137 — Тенетинки; 138 — Ивановка; 139 — Путятинцы; 140 — Бовшев; 141—144 — Подгородье, Комаров, Крылово, Викторов; 145 — Братковцы; 146 — Тлумач;

Бортнички и Староселье найдены шилья, а в погребении кургана у с. Кветунь — наконечник копья с ушком на втулке и кинжал с прорезной рукоятью, относящиеся к началу второй половины II тыс. до н. э. Ранний этап датируется XV—XIII вв. до н. э.

Памятники среднего этапа. Памятники среднего этапа сосницкой культуры представлены поселениями и могильниками, известными во многих пунктах Среднего и Верхнего Поднепровья.

К среднему этапу относится около 70 обследованных поселений, на пяти из них (Пустынка, Зазимье, Подгорцы, Долинское, Хотьяновка) производились раскопки. Они расположены в тех же топографических условиях, как и поселения раннего этапа.

Для характеристики поселений среднего этапа особый интерес представляет исследованное С. С. Березанской поселение Пустынка у с. Мнево

147 — Букивна; 148 — Окняны; 149 — Островец; 150 — Стрельче; 151 — Незвиско; 152 — Стопчатов; 153 — Ставки; 154 — Зеленый Гай; 155 — Новоселки (Костюковка); 156 — Баблино; 157 — Бурдюч; 158 — Комаров; 159 — Седлище; 160 — Оселивка; 161 — Котельня; 162 — Браилов; 163 — Гайсин; 164 — Лепесовка; 165 — Кадеевцы; 166 — Чернелица; 167 — Городница; 168 — Нагорянка; 169 — Белый Поток; 170 — Бар. *Культура ноа:* 171 — Исаков; 172 — Держив; 173 — Демьянов; 174 — Бовшев; 175 — Сидоров; 176 — Пиргора; 177 — Улашковцы; 178 — Королевка; 179 — Островец; 180 — Вихров; 181 — Коцубиничики; 182 — Магала; 183 — Кельменец; 184 — Бурдюги; 185 — Берноево; 186 — Оселивка; 187 — Новые Бельцы; 188 — Ларга; 189 — Трушешты; 190 — Старые Каракушаны; 191 — Старые Бедражы; 192 — Катюжаны; 193 — Мустяцы; 194 — Григорьевка; 195 — Гнидешты; 196 — Старая Сарата; 197 — Грижуцы.

Тшинецкая культура: 198 — Яворов; 199 — Затока; 200 — Неслухов; 201 — Каменка-Бугская; 202 — Федоровка; 203 — Приборового; 204 — Черск; 205 — Белая Гора; 206 — Страдечь; 207 — Заказанка; 208 — Речица; 209 — Яжаны; 210 — Пески Речицкие; 211 — Нуйно; 212 — Камень-Каширский; 213 — Двин; 214 — Горлов; 215 — Лопавша; 216 — Семаки; 217 — Одераны; 218 — Горка Полонка; 219 — Ставок; 220 — Луцк; 221 — Иванчинцы; 222 — Нобель; 223 — Горноево; 224 — Остров; 225 — Ляховичи; 226 — Невир; 227 — Ветлы; 228 — Горки. Курганы: 229 — Романовка; 230 — Шепель; 231 — Черск. *Контактная зона комаровской, тшинецкой и сосницкой культур:* Поселения: 232 — Липа; 233 — Мирогоща; 234 — Костянец; 235 — Загороща; 236 — Кутянка (бывш. Ляхов); 237 — Остров; 238 — Зозов; 239 — Городок; 240 — Хотин; 241 — Пухово; 242 — Могиляны; 243 — Вильбовно; 244 — Соловье; 245 — Потешки; 246 — Кураж; 247 — Городное; 248 — Площина; 249 — Лунинец; 250 — Рубель; 251 — Осова; 252 — Лтитичи.

Белогрудовская культура: 253 — Сандраки; 254 — Лыдьки; 255 — Тростянец; 256 — Суботов; 257 — Андрусовка; 258 — Деревка; 259 — Севериновка; 260 — Печора; 261 — Ярина; 262 — Букатинка; 263 — Яруга; 264 — Чернявка; 265 — Суботовка; 266 — Крижановка; 267 — Оленовка; 268 — Гайсин; 269 — Белый Камень; 270 — Зячковка; 271 — Якубец; 272 — Верхняпка; 273 — Собковка; 274 — Пекивцы; 275 — Погудня; 276 — Кочержинцы; 277 — Белогрудовский лес; 278 — Краснополка; 279 — Смела; 280 — Роножуха.

Бондарихинская культура. Поселения: 281 — Малые Будки; 282 — Ницаха; 283 — Хухра; 284 — Кириковка; 284 — Борпсовка; 286 — Порубежное; 287 — Уды; 288 — Важненка; 289 — Марки; 290 — Малое Перещепино; 291 — Воинская Гребля; 292 — Великая Даниловка; 293 — Ново-Доновка; 294—297 — Дергачи, Коваленки, Терлипка, Темневка; 298—300 — Мнужевка, Артюховка, Змиев; 301 — Андреевка; 302 — Пришиб; 303 — Оскол; 304 — Великие Базы; 305 — Студенов; 306 — Сичичное; 307 — Бондариха; 308 — Диброва; 309 — Брусовка; 310 — Кибкинское; 311 — Дробышево; 312 — Великая Тополяха; 313 — Бишкин; 314 — Печенеги; 315 — Кичевка; 316 — Великая Бабка; 317 — Тимченки. Групповые могильники: 318 — Тимченки.

Черниговской обл. (Березанская, 1974). Оно расположено на песчаной возвышенности в пойме левого берега Днепра и занимало площадь в 120 тыс. кв. м (длина 600 м, ширина 200 м). На поселении обнаружены остатки 20 жилищ и 15 хозяйственных построек. Жилища располагались вдоль края возвышенности двумя рядами. Формы, размеры и конструкция их аналогичны жилищам раннего этапа. Они представляли собой большие полуземлянки (глубиной от современной поверхности 1–1,5 м) прямоугольной формы, столбовой конструкции, площадью 50–72 кв. м, состоящие из двух помещений. Стены домов сооружались из горизонтально уложенных бревен между двумя рядами вкопанных столбов. Прослежены также остатки плетневых стен, обмазанных глиной. Земляной пол в отдельных местах был выложен глиняными вальками, обмазанными сверху глиной. Очагами служили открытые кострища или печи, сложенные из глины. Остатки жилищ обнаружены также на поселениях Подгорцы, Долинское, Хотьяновка. Хозяйственные постройки, наземные или свайные, также столбовой конструкции.

Могильники среднего этапа сосницкой культуры — курганные и грунтовые с труположением и трупосожжением. Подкурганные погребения с труположением исследованы в 17 курганах у с. Колосовка Житомирской обл. (Войцеховский могильник) и в пос. Белые Берега Брянской обл. (курганы 3–5). Захоронения были совершены в грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом. Умершие положены на бок в скорченном положении, головой ориентированы на восток и на запад с небольшим отклонением.

Подкурганные погребения с трупосожжением исследованы в могильниках Белые Берега (курган 2), Бесец I (курган 22) и Бесец II (курганы 1–12) в Брянской обл. Курганы небольшие (диаметр 6–10 м, высота 0,2–0,8 м), округлой в плане формы, расположены по краю боровой или надпойменной террасы. Первоначальная насыпь некоторых курганов была окружена рвом. Под курганными насыпями захоронение совершалось в неглубоких могильных ямах подпрямоугольной или овальной формы (длиной 1,5–3 м, шириной 0,8–1,1 м), ориентированных по длине с востока на запад, иногда с небольшим отклонением. Сожжение производилось на стороне, а в могилы ссыпались обломки пережженных костей вместе с золой и мелкими углями. Могильные ямы перекрывались деревянным накатом, поверх которого обычно насыпали слой золы с мелкими углями. В кургане 9 могильника Бесец II вокруг могильной ямы обнаружены пять ям от столбов, представляющих собой, вероятно, остатки деревянного сооружения (навеса или ограды). Погребальный инвентарь представлен главным образом глиняными сосудами. В погребении кургана 2 в пос. Белые Берега найдены также куски красной краски (охры).

Грунтовые погребения с труположением исследованы пока только в могильнике с. Юдиново Погарского района Брянской обл. Захоронения совершены в неглубоких могильных ямах на спине в вытянутом положении головой на северо-восток. В погребениях найдены глиняные сосуды, кремневые наконечники стрел и бронзовый наконечник копья.

Грунтовые погребения с трупосожжением обнаружены в могильниках Пустынка, Плитовище, Хотьяновка, Партизанское и др. Захоронения совершены в небольших неглубоких могильных ямах. Сожжение производилось на стороне, а в могилы ссыпались пережженные кости, смешанные с золой и мелкими углями. Рядом с ними найдены глиняные сосуды.

На поселениях и в погребениях среднего этапа основную часть находок составляет керамика (рис. 51, 2–4, 8, 11, 18–29), среди которой выделяются горшки, банки, миски, чаши, курильницы (дуршлаги?). В тесте примесь песка, дресвы, шамота и навоза жвачных животных (предположительно крупного рогатого скота). Среди горшков еще встречаются тюльпановидные сосуды раннего этапа, орнаментированные только в верхней части или не орнаментированные, но появляются и получают распространение горшки с короткой слегка суженной шейкой, отогнутым венчиком, выпуклым туловом и плоским дном с закраинами. Первые орнаментированы разнообразным узором из прочерченных линий, отпечатков шнура, штампа, обмотанного ниткой, коротких насечек, мелких углублений и налпных валиков. Вторые лишь изредка украшены прочерченными линиями, мелкими насечками и отпечатками штампа, обмотанного ниткой или тонким шнуром. Обычно они не орнаментированы и имеют под венчиком ряд ямок или жемчужин. Сосуды баночной формы не орнаментированы или украшены под венчиком прочерченными линиями, насечками, наколами. Миски плоскодонные и с уплощенным дном, орнаментированы прочерченными линиями, отпечатками зубчатого штампа, мелкими насечками. Встречаются и глубокие миски, орнаментированные по всей поверхности, аналогичные мискам раннего этапа. Чаши круглодонные и плоскодонные. Первые орнаментированы отпечатками линейного и зубчатого штампа, прочерченными линиями. Вторые обычно не орнаментированы, лишь иногда имеют под венчиком ряд ямок или жемчужин.

Изделия из металла немногочисленны (рис. 51, 5, 7, 9, 10, 12–15). Найдены булавки со свернутым в петлю верхним концом (Народичи, Пустынка), шилья (Пустынка, Обухов), браслеты со спиральными щитками (Колосовка, Троянов), спиральные браслеты (Колосовка), наконечник копья с пером ромбовидной формы (Юдиново), круглые бляхи с ушком (Пустынка, Колосовка). На поселении Зазимье найдена литейная форма для отливки кельта, втульчатого и двух плоских долот, датирующихся XIII–XII вв. до н. э. (Березанская, 1972, с. 154–155). Этим же временем может быть датирован и наконечник копья из Юдиновского могильника. Средний этап может быть датирован XIII–XI вв. до н. э. Для поселения Пустынка имеется одна дата по C_{14} — 1190±100 до н. э. (Березанская, 1974, с. 143).

Памятники позднего этапа. К позднему этапу сосницкой культуры относится около 60 обследованных поселений (карта 21). На семи из них (Мошны, Козинцы, Гостомель, Колодезный Бугор, Почеп, Бельнец, Марьяновка) производились раскопки. Они расположены в таких же топографических условиях, как и поселения раннего и среднего этапов. На поселениях Гостомель, Козинцы, Почеп, Колодезный Бугор, Марьяновка исследованы остатки боль-

ших (10×4,12×7,14×6 м) наземных или немного углубленных жилищ прямоугольной формы столбовой конструкции с каменными очагами, очажными ямами и кострищами. Следы аналогичных жилищ были прослежены и на поселениях у с. Лебедовка, Сваремье, Опитки и Саввинки. Конструкцией и планировкой жилища позднего этапа не отличаются от жилищ раннего и среднего этапов сосницкой культуры. На поселении Почеп обнаружены также остатки наземных хозяйственных построек столбовой конструкции.

В отличие от раннего и среднего этапов в настоящее время для позднего этапа известны курганные и грунтовые могильники, в которых захоронения совершены по обряду трупосожжения. Не исключено, однако, существование на этом этапе обряда трупоположения. Курганные могильники известны пока только в Подесенье. В 1971—1973 гг. И. И. Артеменко исследовал в могильниках Бесец I и II, Голосок и Луново в Жуковском районе Брянской обл. 48 курганов с погребениями позднего этапа. Курганные могильники расположены по краю мыса боровой или надпойменной террасы. Они насчитывают от 10 до 20 насыпей. Курганы обычно небольшие (высота 0,6—1,2 м, диаметр 6—12 м). Многие погребения позднего этапа были вводными в курганах, насыпанных над погребениями среднеднепровской культуры (Луново), раннего (Бесец I) и среднего (Бесец II) этапов сосницкой культуры. Из 13 курганов могильника Голосок 12 насыпаны над погребениями позднего этапа. Под курганными насыпями захоронения совершались на древнем горизонте в неглубокой могильной яме или на расчищенной от дерна небольшой площадке. Сожжение производилось на стороне, а пережженные кости вместе с золой и мелкими углями ссыпались кучкой или в большие глиняные сосуды-урны. Погребальный инвентарь состоит обычно из глиняных сосудов. Лишь изредка встречаются бронзовые предметы. Каменные и кремневые изделия ни в одном из погребений не найдены.

Грунтовые могильники позднего этапа известны в восьми пунктах (Залесье, Гапоновичи, Плитовище, Подгорцы, Гостомель, Погребы, Таценки, Бобрица). Четыре из них (Бобрица, Погребы, Гостомель, Плитовище) исследованы раскопками. Захоронения совершались по обряду трупосожжения. Умерших сжигали на стороне, а пережженные кости вместе с золой и мелкими углями ссыпали в небольшие и неглубокие (0,2—0,4 м) ямки или в глиняные сосуды-урны. В погребениях встречаются глиняные сосуды или их фрагменты, а также бронзовые изделия.

Основную часть находок позднего этапа составляет керамика (рис. 52, 1, 2, 6, 12, 17—30). Сосуды толстостенные, грубой выделки, но встречаются и тонкостенные. Среди них выделяются горшки, банки, миски, чаши и курильницы (дуршлаг). Горшки разнообразны по формам и размерам, близки к горшкам, появившимся на среднем этапе, и являются продолжением их развития. Большая часть горшков орнаментирована только под венчиком рядом ямок или жемчужин. На некоторых жемчужины расположены в несколько рядов по всему тулову. Встречаются также сосуды, украшенные мелкими насеч-

ками и наколами, налепным валиком, прочерченными линиями, отпечатками зубчатого штампа и штампа, обмотанного ниткой или тонким шнуром. По-видимому, в конце позднего этапа появляются тонкостенные, слабо профилированные сосуды, орнаментированные в верхней части рядом ямок или жемчужин, а также мелкими ямочными наколами, образующими треугольники с опущенной вниз вершиной. Орнамент нанесен круглой прямо или косо поставленной палочкой или щепкой. Край венчика украшен насечками или ногтевыми вдавлениями. Встречаются и неорнаментированные сосуды. По форме и орнаменту эти горшки обнаруживают сходство с сосудами раннего железного века юхновской и днепро-двинской культур, а также с сосудами подгорцевского типа. Сосуды баночной формы толстостенные и тонкостенные, плоскодонные, орнаментированы в верхней части рядом ямок или жемчужин, прочерченными линиями, а также мелкими углублениями, образующими треугольники с опущенной вниз вершиной. Миски круглодонные, с прямыми стенками и плоскодонные эсовидной формы, неорнаментированные. Чаши немногочисленны, не орнаментированы или имеют лишь под венчиком ряд ямок или жемчужин. Среди глиняных изделий найдены также курильницы, пряслица, ложки, льячки (Пирогово), остродонные тигли (Таценки), блоки цилиндрической прямоугольной и шаровидной формы (Почеп). Последние аналогичны блокам юхновской культуры раннего железного века.

Бронзовые изделия на поселениях и в погребениях позднего этапа немногочисленны (рис. 52, 3—5, 7—11, 13—16). Среди них есть плоский наконечник стрелы треугольной формы с черенком, однолезвийный нож, ножи с параллельными лезвиями, шилья, булавки с кольцевидной головкой, датирующиеся X—IX вв. до н. э., обломок шпильки с головкой, свернутой в петельку, две очковидные привески с зажимами, обломки круглых бляшек с пуансонным орнаментом и отверстием в центре, кольца из круглой в сечении проволоки и из тонкой узкой ленты с сомкнутыми, несомкнутыми и заходящими друг за друга концами. На поселениях и в могильниках найдены обломки спиралевидных украшений, форму которых трудно определить.

Каменные изделия встречаются только на поселениях. Они представлены зернотерками, терочниками, отбойниками, непросверленными топорами и молотами с желобками для привязывания к рукояти, ножами, скребками из кварцита. Встречаются также отдельные экземпляры кремневых наконечников стрел, скребков, ножевидных пластин.

Для абсолютной датировки позднего этапа сосницкой культуры важное значение имеет синхронизация его с другими культурами. Вышеописанные бронзовые предметы, особенно булавки с кольцевидной головкой, встречаются также в памятниках белозерского этапа срубной и высоцкой культур. Поздний этап сосницкой культуры может быть синхронизирован и с белогрудовской культурой, датирующейся XI—IX вв. до н. э. На поселении позднего этапа сосницкой культуры у с. Мошны найдены фрагменты керамики белогрудовского типа с треугольным в сечении валиком и опущенными вниз под прямым углом концами. Керамика с аналогичными

валиками характерна и для белозерского этапа срубной культуры, но в данном случае она свидетельствует о контактах между сосницкими и белогрудовскими племенами. Аналогичная керамика встречается в Киевском Поднепровье и на других сосницких поселениях. На этих же поселениях найдена керамика, в орнаментации которой сочетаются белогрудовские валики с характерными для орнаментации сосудов позднего этапа сосницкой культуры наколами и жемчужинами под венчиком. Поздний этап сосницкой культуры синхронизируется также с бондарихинской культурой, датирующейся XI — началом VII в. до н. э. В сосницкой и бондарихинской культурах имеются близкие по форме и орнаменту (но отличающиеся по технологии) сосуды. Это сходство пока трудно объяснить, так как связи сосницкой и бондарихинской культур еще не изучались. На основании металлических изделий и синхронизации с другими культурами поздний этап сосницкой культуры может быть датирован XI—IX вв. до н. э.

По вопросу происхождения сосницкой культуры существует несколько точек зрения, но специально он никем не рассматривался. С. С. Березанская, сравнивая жилища, погребальный обряд и керамику из памятников сосницкого типа и среднеднепровской культуры, высказала предположение о местном происхождении памятников сосницкого типа (Березанская, 1974). Поселения среднего и позднего периодов бронзового века Среднего и Верхнего Подесенья С. С. Березанская также относит к памятникам сосницкого типа. Свообразие этих памятников она объясняет влиянием бондарихинской, срубной, абашевской и поздняяковской культур. Племена сосницкой культуры, вероятно, имели контакты со срубными племенами, получали от них металл и металлические изделия, а также с племенами бондарихинской культуры. Однако данные об участии срубной, абашевской, бондарихинской и поздняяковской культур в сложении сосницкой культуры отсутствуют. И. Ф. Заверняев также высказал предположение о связи памятников бронзового века второй половины II — начала I тыс. до н. э. Среднего и Верхнего Подесенья со срубной и бондарихинской культурами (Заверняев, 1964). И. И. Артеменко на основании сравнения керамики среднеднепровской и сосницкой культур высказал предположение о сложении сосницкой культуры на основе предшествовавшей ей среднеднепровской культуры (Артеменко, 1961а). Эту точку зрения подтвердил позднее П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1975). Имеющиеся в настоящее время археологические источники подтверждают генетическую связь сосницкой культуры со среднеднепровской. Территории их распространения совпадают. После расселения среднеднепровских племен существенных передвижений населения на территории Среднего и Верхнего Поднепровья до середины I тыс. до н. э. не происходило.

Генетическая преемственность сосницкой и среднеднепровской культур хорошо прослеживается также и при сравнении топографии поселений и могильников, конструкции жилищ, погребального обряда и керамики. Поселения и могильники сосницкой и среднеднепровской культур располагались в одних и тех же топографических условиях, часто в одних и тех же местах. Жилища сосницкой культуры, как

и позднего этапа среднеднепровской культуры, наземные или немного углубленные, столбовой конструкции.

О генетической и, вероятно, этнической преемственности сосницкой и позднего этапа среднеднепровской культур свидетельствуют распространение у них одинакового погребального обряда — труположения и трупосожжения в курганных и грунтовых могильниках, а также наличие в обеих культурах специфических деталей его, в частности обычай окружать первоначальную насыпь кургана ровиком или деревянной оградой, перекрывать могильную яму накатом из бревен, жечь костры возле могильной ямы с целью «очищения» места захоронения, насыпать золу, часто с горящими углями, на перекрытие могилы. Об этом же свидетельствует близость форм и орнаментации сосудов. Близ с. Ходосовичи (уроч. Сергеева Грива, курган 3, погребение 4 и у оз. Хорошово), в уроч. Сосонка близ с. Лучин, в могильнике Стрелица Гомельской обл., в уроч. Моства Житомирской обл., а также на поселениях позднего этапа среднеднепровской культуры найдены высокие плоскодонные сосуды со слегка выпуклым туловом и отогнутым наружу венчиком, край которого закруглен и валикообразно утолщен. Вся поверхность и дно многих из них орнаментированы. Форма сосудов и расположение орнамента по всей поверхности сближают их с тюльпановидными сосудами раннего этапа сосницкой культуры. Такие специфические элементы орнамента на сосудах раннего этапа сосницкой культуры, как отпечатки штампа, обмотанного ниткой или тонким шнуром, пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, характерны прежде всего для керамики позднего этапа среднеднепровской культуры.

Таким образом, новые археологические источники подтверждают предположение о сложении сосницкой культуры на основе предшествовавшего ей позднего этапа среднеднепровской культуры. Они свидетельствуют о том, что после расселения среднеднепровских племен в Верхнем Поднепровье и ассимиляции ими местного позднеолитического населения (верхнеднепровской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики Подесенья) на территории Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья со второй четверти II тыс. до н. э. происходило непрерывное развитие культуры местных племен. В связи с этим племена сосницкой культуры могут рассматриваться как потомки среднеднепровских племен позднего этапа их развития.

Вопрос о дальнейшей судьбе племен сосницкой культуры еще окончательно не решен, но можно предполагать, что она явилась основой сложения юхновской и днепро-двинской культур, а также, вероятно, памятников подгорцевского типа раннего железного века. В начале I тыс. до н. э. они занимали ту же территорию, что и предшествовавшая им сосницкая культура.

Большинство археологов (Х. А. Моора, П. Н. Третьяков, В. В. Седов, Е. А. Шмидт и др.) и языковедов (В. Н. Топоров, О. Н. Трубаков и др.) на основании археологических данных и данных языкознания относят памятники юхновской и днепро-двинской культур к древностям восточных балтов. Не исключено, что к этим древностям могут быть отнесены и памят-

ники подгорцевского типа. Учитывая это, исторический процесс, проходивший в северных районах Среднего и в Верхнем Поднепровье после расселения племен среднеднепровской культуры может рассматриваться как сложный процесс формирования культуры древних восточных балтов, в котором приняли также участие и местные позднелевобережские племена.

Комаровская культура *

Раскопки памятников комаровской культуры начались в XIX в. (Kopernicki, 1878) и продолжались в XX в. (Kostrzewski, 1928). В 30-х годах Т. Сулимирский на основании раскопок могильника у с. Комаров Ивано-Франковской обл. выделил комаровскую культуру (Sulimirski, 1936, 1939). Позднее памятники этой культуры изучались различными исследователями (Kostrzewski, 1939—1948, s. 214; Пассек, 1959, с. 159; Березанская, 1971б, с. 354; Смирнова, 1976, с. 118). Систематическое изучение памятников комаровской культуры продолжает И. К. Свешников (Swieszniakow, 1967).

Памятники комаровской культуры известны в Среднем и Верхнем Поднепровье. Южной границей их является верхнее течение Прута. Западная граница проходит в верховьях Днестра. Северная и восточная границы еще окончательно не определены (карта 21). К северу, в верховьях Западного Буга, известны уже памятники тшинцевской культуры, а к северо-востоку, в междуречье Случи и Стыри, выделяются смешанные памятники комаровской, тшинцевской и сосницкой культур.

Поселения комаровской культуры известны в 11 пунктах в Львовской, Ивано-Франковской и Черновицкой обл. Они расположены на высоких надпойменных террасах или на склонах берегов рек и озер. Раскопки производились лишь на поселениях у с. Комаров, Незвиско и Магала. На поселениях Незвиско и Комаров исследованы остатки наземных жилищ площадью 4×5 м. Однако разновременная керамика — трипольской и комаровской культур, найденная в жилищах, не позволяет с уверенностью относить их к комаровской культуре.

Могильники комаровской культуры — курганные с труположением и трупосожжением и грунтовые с труположением. Курганные могильники расположены на возвышенных участках и состоят из нескольких десятков насыпей. Самым большим является Комаровский могильник, в котором исследовано 65 курганов. В каждом из них было одно погребение с труположением или трупосожжением. Высота курганов 0,5—3,0 м, диаметр от 10 до 20 м.

Подкурганые погребения с труположением исследованы в могильнике и у с. Ивановка Львовской обл. Захоронение совершалось на древнем горизонте или в неглубоких (0,1—0,4 м) прямоугольных могильных ямах длиной 1,5—2,7 м, шириной 0,43—2,6 м. Умершие были положены на спину в вытянутом положении, головой на запад или юго-запад. Некоторые погребения Комаровского могильника были обложе-

ны деревянными бревнами или кусками камня. В ряде курганов этого могильника в насыпи обнаружены остатки кострищ, иногда они находились у ног умершего или окружали его с трех сторон.

Подкурганые погребения с трупосожжением исследованы у с. Комаров, Букивна, Тенетники Ивано-Франковской обл. и Городище Львовской обл. Форма и размеры курганов такие же, как и при труположении. Некоторые из них были окружены каменными кромлехами шириной 1,3 м, высотой 0,3 м. Трупосожжение совершалось на месте погребения. Иногда вместе с умершим сжигали и погребальный инвентарь, но в большинстве случаев он помещался после кремации. Кремация производилась на древнем горизонте или в прямоугольной яме длиной 3 м, шириной 1,5 м и глубиной 0,3 м. В ряде курганов обнаружены погребения с трупосожжением на древнем горизонте в глиняных урнах и погребения с неполным трупосожжением, производившимся на месте.

Некоторые курганы с трупосожжением служили местом погребения одного умершего, в других курганах было от 3 до 10 погребений.

Следует отметить, что в подкурганых погребениях с труположением встречается одинаковый погребальный инвентарь, что свидетельствует об одновременном существовании у племен комаровской культуры двух погребальных обрядов. В состав погребального инвентаря входят от 1 до 12 глиняных сосудов, кремневые клиновидные топоры, серпы, скребки, наконечники стрел, каменные топоры, костяные шилья, прислица, грузила, иногда бронзовые изделия. В кургане 8 Комаровского могильника найдены остатки деревянной шкатулки, внутри которой находились бронзовая шпилька, браслет и бусы с золотыми подвесками, а в погребении кургана 6 — пять глиняных сосудов, золотая подвеска, бронзовая шпилька и нож. Наряду с ними встречались погребения, в которых найден лишь один сосуд или только каменная зернотерка.

Отдельную группу комаровской культуры по погребальному обряду составляют памятники белопопотцкого типа. Они известны у с. Белый Поток, Нагоряны, Беремяны и Ставки Тернопольской обл., Городница и Чернелица Ивано-Франковской обл. и у с. Звенигород Львовской обл. Погребения белопопотцкого типа грунтовые, в каменных ящиках, сложенных из каменных плит. Каменные ящики прямоугольной формы размером 0,4×1,0×0,3 м и 0,75×1,55 м обычно находятся на небольшой глубине, и верхняя часть их иногда бывает заметна на поверхности.

В погребениях белопопотцкого типа умершие были захоронены на спине в вытянутом и на спине или правом боку в скорченном положении. Ориентировка погребенных разная — головой на юг, восток, юго-восток и северо-запад. В ряде погребений зафиксированы парные захоронения, в которых умершие были положены головами в одну сторону — на восток или в противоположные стороны — на юго-восток и северо-запад. Инвентарь состоит из одного — двух глиняных сосудов, кремневых ножей, каменного топора (Белый Поток), кремневых наконечников стрел (Городница) и бронзовых шпилек (Беремяны).

У с. Звенигород Львовской обл. И. К. Свешников исследовал два грунтовых погребения комаровской

* Написана по материалам исследований И. К. Свешникова.

культуры в могильных ямах без каменных конструкций. Умершие были захоронены в сильно скорченном положении на правом или левом боку, головами на север или запад. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов, кремневых ножей и скребков. Среди глиняных сосудов были сосуды комаровской культуры и культуры ноа.

Основную часть находок на поселениях и в погребениях комаровской культуры составляет керамика (рис. 53, 1—8, 11—20, 26—28, 35—37, 41—43). Она изготовлена из глины с примесью пережженного толченого кремня, реже встречается примесь песка или шамота. Наружная поверхность большинства сосудов хорошо заглажена, коричневого, серого, реже черного цвета. На поселениях и в погребениях встречается однотипная керамика, которая разделяется на две группы — кухонную и столовую.

К кухонной керамике комаровской культуры относятся плоскодонные горшки тюльпановидной формы с утолщенным и ровно или наискось срезанным венчиком. Среди них выделяются высокие горшки с небольшим плоским дном, выпуклым туловом и воронковидной шейкой, орнаментированные по шейке налепным валиком (Комаров, курган 10), горшки эсовидной формы с широким плоским дном, а также приземистые горшки с выпуклым туловом, широким дном, выделенной шейкой и отогнутым венчиком. Они не орнаментированы или украшены в верхней части налепными валиками с прочерченными линиями. Встречаются также плоскодонные горшки со слегка выпуклым туловом и отогнутым венчиком, приближающиеся по форме к сосудам баночной формы.

Столовая посуда в отличие от кухонной изготовлена более тщательно, часто подлощена и богато орнаментирована. К ней относятся миски, вазы, черпаки и кубки. Миски глубокие, сравнительно большие, с цилиндрической или воронковидной шейкой, коротким выпуклым туловом и небольшим плоским дном; найдены также небольшие миски биконической формы, с загнутым внутрь краем и плоскодонные миски с расширяющимся кверху слегка выпуклым туловом и прямым или отогнутым венчиком. Они орнаментированы нарезными или прочерченными линиями, образующими горизонтальные, вертикальные и косо расположенные ряды, а также заштрихованные треугольники с опущенной вниз вершиной.

Вазы плоскодонные, с выпуклым туловом, высокой, почти цилиндрической шейкой и двумя ручками, выступающими над краем утолщенного ровно срезанного венчика. Вазы орнаментированы нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды, ряд ромбов или заштрихованных треугольников с опущенной вниз вершиной. Отдельный тип представлен вазами с двумя ручками, высоко выступающими над краем венчика и заканчивающимися вверху острыми выступами (Звенигород), которые находят аналогии в культуре ноа.

Черпаки с одной ручкой, высокой цилиндрической или воронковидной шейкой, выпуклым туловом и небольшим плоским дном. Они орнаментированы горизонтальными нарезными линиями, рядами заштрихованных треугольников с опущенной вниз вершиной, каннелюрами, округлыми выступами, окруженными концентрическими или полукруглыми желобками,

а также удлиненными, косо расположенными выпуклостями.

Кубки плоскодонные, цилиндрической или конической формы, иногда со слегка выпуклым туловом, не орнаментированы или орнаментированы по всей поверхности и часто по дну прочерченными горизонтальными линиями и группами вертикальных или косо расположенных линий.

Кроме глиняной посуды, в памятниках комаровской культуры встречаются глиняные грузила блокообразной формы (Комаров, курган 50), иногда орнаментированные наколами, а также пряслица и ложки.

Металлические изделия сравнительно немногочисленны (рис. 53, 9, 10, 21—25, 29, 34, 38—40, 44—45). Они представлены двулезвийным ножом с выступающим продольным ребром посередине (Комаров, курган 6), бронзовыми и золотыми украшениями — подвесками, кольцами, гривной, браслетами, булавками и др. В кургане 8 Комаровского могильника найдено шейное украшение, состоящее из бронзовых подвесок и золотых колец. Аналогичные золотые кольца найдены также в курганах 6 и 28 Комаровского могильника. В кургане 8 найдена массивная золотая гривна из круглой в сечении бронзовой проволоки с концами, свернутыми в спиральные щитки.

Браслеты разделяются на четыре типа: из круглой в сечении проволоки с концами в виде спиральных щитков (Ставище), спиральный браслет с концами в виде спиральных щитков (Букивна, курган 3) массивный браслет из круглого стержня с суживающимися несомкнутыми концами, орнаментирован группами насечек, расположенными в ряду в разные стороны (Комаров, курган 8); два браслета из круглой в сечении проволоки с заходящими концами (Городище).

Булавки представлены тремя типами: с навершием в виде ромбовидного щитка (Комаров, курган 6), близкой по форме к булавке из Бородинского клада и датирующейся И. К. Свешниковым второй половиной XV — первой половиной XIV вв. до н. э. (Swieszniak, 1967, с. 68); с грибовидным навершием и витой нижней или верхней частью стержня (Комаров, курган 8; Букивна, курган 3); с грибовидным навершием, украшенным пуансонным орнаментом и выступающим над ним концом стержня (Беремяны, Пуятинец).

Большинство бронзовых изделий находят аналогии среди металлических украшений XV—XII вв. до н. э. на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и происходят, вероятно, из Карпато-Дунайского металлургического центра.

В кургане у с. Городище найден обломок железного стержня булавки или шила.

В памятниках комаровской культуры найдены зернотерки из песчаника, каменные терочники, обушковые и узкообушковые сверленные топоры с расширенной средней частью. Из кремневых изделий найдены скребки, ножи и ножевидные пластины, широкие серпы с вогнутым лезвием, наконечники стрел треугольной формы, а также клиновидные топоры трапециевидной формы, овальные или линзовидные в сечении. Костяные изделия встречаются редко.

Основой хозяйства племен комаровской культуры были земледелие и скотоводство. Однако уровень их развития пока трудно определить, так как поселения

комаровской культуры еще систематически не изучались.

Проблема хронологии и внутренней периодизации памятников комаровской культуры еще не решена. По мнению И. К. Свешникова, анализ бронзовых и золотых предметов из погребений комаровской культуры и аналогий им в Средней Европе позволяет датировать большинство этих находок приблизительно 1500—1200 гг. до н. э. Учитывая, что на территории Прикарпатья до середины II тыс. до н. э. жили племена культур шнуровой керамики, начало комаровской культуры он относит ко времени около 1500 г. до н. э. И. К. Свешников считает, что развитие этой культуры прекратилось в Западной Подолии в середине XIII в. до н. э. в связи с проникновением на эту территорию племен культуры ноа, в крайнем западном районе украинского Прикарпатья комаровская культура продолжала развиваться и в эпоху поздней бронзы — до VIII в. до н. э. Основанием для такого предположения служит находка в кургане у с. Городище Львовской обл. керамики комаровской культуры вместе с обломками железной булавки (Свешников, 1976, с. 97).

Ряд польских исследователей датируют комаровскую культуру 1500—1200 гг. до н. э., другие — XVI—VIII вв. до н. э. С. С. Березанская высказала сомнение по поводу слишком поздней датировки комаровской культуры и считает, что она прекратила свое существование в конце XII в. до н. э. (Березанская, 1972, с. 156—159). По мнению Г. И. Смирновой, находка железной булавки не может служить основанием поздней датировки комаровской культуры (Смирнова, 1976, с. 118, 135).

Для комаровской культуры имеются две даты по С₁₄: для кургана у с. Иванья 1285±35 лет до н. э. (Свешников, 1968, с. 167) и для нижнего слоя поселения Магала 1310±100 лет до н. э. (Смирнова, 1972, с. 12—31).

В развитии комаровской культуры И. К. Свешников выделяет на территории Подолии два основных этапа, датирующихся им XV—XIII вв. до н. э. К первому этапу относятся комплексы (Комарово, курганы 6, 8, 28; Букивна, курган 3), содержащие керамику только комаровской культуры, а ко второму этапу — комплексы (Звенигород, Букивна), где к данной керамике добавляются отдельные сосуды культуры ноа или гальштатского типа (типа Гава — Голиграды). И. К. Свешников высказал предположение о возможности в будущем расчленения первого этапа на две фазы (Swieszniow, 1967, s. 73; Свешников, 1976, с. 97).

Для западной периферии комаровской культуры И. К. Свешников предполагает существование третьего этапа, относящегося к XIII—VIII вв. до н. э. (Свешников, 1976, с. 97). В настоящее время этот этап представлен лишь одним курганом (курган 1), исследованным у с. Городище Львовской обл.

А. Вульпе также расчленил памятники комаровской культуры на три этапа. К первому этапу он отнес памятники белопотоцкого типа, ко второму — комаровские памятники (I и II этапы по И. К. Свешникову), а к третьему — культуру ноа, которую он рассматривал как продолжение комаровской культуры.

Я. Домбровский выделил в комаровской культуре четыре фазы развития. При классификации памятников комаровской культуры он опирался на находки

бронзовых предметов, разделяющихся на несколько типолого-хронологических горизонтов, а также на данные сравнительно-типологического анализа керамики. К первому этапу относится курган 6, ко второму — курган 8 Комаровского могильника и погребение 37 кургана 3 могильника у с. Букивна; к третьему — курганы 13 и 45 Комаровского могильника, находки в V насыпи у Кавска, а к четвертому — курган 1 у с. Городище.

Анализируя находки, относимые И. К. Свешниковым ко второму этапу, а польскими учеными — к III фазе развития комаровской культуры, Г. И. Смирнова приходит к выводу, что этот этап может быть датирован концом XIV—XI вв. до н. э. и верхняя дата — XI в. до н. э., которую в будущем предстоит еще сузить, реально может соответствовать финальному рубежу комаровской культуры (Смирнова, 1976, с. 127—129).

По вопросу о происхождении комаровской культуры существует несколько точек зрения. С. С. Березанская рассматривает комаровскую культуру как возникшую на местной основе, одновременно с тшинецкой культурой, при значительном влиянии южных балканских культур типа Монтеору, Костиша, Ноа (Березанская, 1972, с. 138, 145). П. Н. Третьяков связывает происхождение комаровской культуры с племенами, оставившими памятники почапского типа (Третьяков П. Н., 1953, с. 38—40).

М. Флореску отрицает связь комаровской культуры с предшествовавшей ей культурой шнуровой керамики, а также с синхронной тшинецкой культурой. Процесс сложения этой культуры она связывает с Карпато-Дунайским районом и высказывает мнение об общем происхождении комаровской культуры и культуры Костиша (Florescu, 1970, s. 51—81).

По мнению В. Д. Рыбаловой и И. К. Свешникова, комаровская культура возникла на основе предшествовавших ей культур шнуровой керамики под одновременным воздействием идущих с юга влияний (Рыбалова, 1953, с. 20—223; Свешников, 1958, с. 26; 1974а, с. 192; 1976, с. 98—114).

Вопрос о дальнейшей судьбе племен комаровской культуры еще окончательно не решен. В Западной Подолии население комаровской культуры было, вероятно, частично вытеснено в более северные и восточные районы, а какая-то часть его ассимилирована пришельцами культуры ноа, а позже — фракийского гальштата. На территории лесостепного правобережного Поднепровья на основе комаровской культуры сложилась белогрудовская культура, связанная в свою очередь с последующими культурами этой территории — чернолесской, культурами скифского времени лесостепного правобережья Украины, зарубинецкой, черняховской и раннеславянской культурой VI—VII вв. (Тереножкин, 1961, с. 237 и сл.). Таким образом, по мнению ряда советских археологов, племена комаровской культуры могли принимать участие в сложении культуры восточных славян.

Существует также предположение об участии комаровской культуры в сложении висоцкой культуры (Канивец, 1956, с. 13; Крушельницька, 1972, с. 34—37). И. К. Свешников считает, что с ним нельзя согласиться, так как обе эти культуры развивались на разных территориях и какое-то время были синхронными (Swieszniow, 1967, s. 81).

Тшинецкая культура *

Названа по могильнику около Тшинца Пулавского повята в ПНР. Памятники тшинецкой культуры распространены в основном в восточной половине современной территории ПНР. На территории СССР они известны более чем в 20 пунктах в западных областях Украинской ССР (Волынская и Ровенская) и Белорусской ССР (Брестская обл.) и представляют собой восточную группу культуры на этой территории. Исследование ее проводили Н. Ф. Беляшевский, Ю. В. Кухаренко, В. Ф. Исаенко и др. (Кухаренко, 1962).

На территории СССР памятники тшинецкой культуры (карта 21) представлены в основном поселениями, которые до сих пор систематически еще не изучались. Они расположены обычно на песчаных всхолмлениях вблизи рек (Прилуки, Заказанка, Белая Гора, Горбов и др.) и иногда на высоких местах. Могильники этой культуры на территории СССР также еще не изучались. Известно лишь, что у с. Черск на р. Стоход был раскопан курган, содержащий погребение с трупосожжением. В погребении найден глиняный сосуд и бронзовый браслет. У с. Прилуки к югу от г. Бреста Н. Ф. Беляшевский нашел два целых глиняных сосуда, происходящих, вероятно, из разрушенного погребения.

Глиняная посуда, найденная на поселениях и в погребениях, представлена плоскодонными эсвидными горшками так называемой тюльпановидной формы, мисками и кубками. Она изготовлена из глины со значительной примесью крупных зерен кварца и песка, реже — пережженного толченого кремня. Поверхность сосудов тщательно выглажена. Венчики горшков почти всегда имеют характерные утолщения и косо срезаны наружу. На плечиках часто встречаются налепные валики. Орнамент на сосудах расположен только в верхней части. Он состоит из параллельных горизонтально прочерченных глубоких линий или бороздок, которые иногда сочетаются с волнистыми бороздками или с удлиненными ямками, нанесенными концом щепки.

На основной территории (в ПНР) тшинецкая культура датируется XV—XII вв. до н. э. Считается, что она сложилась на основе культуры шнуровой керамики с участием поздненеолитической культуры гребенчатой керамики. В процессе своего развития тшинецкая культура испытывала влияние дунайских культур и находилась под сильным воздействием предлужицкой культуры (распространенной в западных областях ПНР), что привело к слиянию обеих культур в одну культуру — лужицкую.

Бондарихинская культура

Выделена В. А. Ильинской в результате раскопок в 1953 г. на поселении в уроч. Бондариха близ г. Изюма Харьковской обл. (Ильинская, 1957, с. 50—64; 1961, с. 26—45); поселение открыто Д. Я. Телегиным в 1951 г. Начало исследования памятников этой культуры осуществили в 1950—1951 гг. Б. А. Шрамко и Д. Я. Телегин. Б. А. Шрамко выделил новую группу

памятников предскифского периода на территории левобережной лесостепи (Шрамко, 1954, с. 105—115), а Д. Я. Телегин — отдельную группу памятников бондарихинского типа (Телегин, 1956, с. 75—84). Исследования памятников бондарихинской культуры продолжали Д. Я. Телегин (Телегин, 1959), С. М. Одинцова и А. Ф. Евминова, Б. А. Шрамко, Г. Т. Ковпаненко (Ковпаненко, 1957, 1967), В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин и др. С 1975 г. систематическим изучением памятников бондарихинской культуры занимается Ю. В. Буйнов.

В настоящее время известно более 150 памятников бондарихинской культуры, которые сосредоточены в основном в лесостепном днепровском левобережье и в среднем течении Северского Донца. Известны они также на Дону и в Цнинско-Мокшанском междуречье. На севере и западе бондарихинская культура граничит с сосницкой. Северная граница проходит по верховьям Сулы, Псла и Борсклы, южная граница почти совпадает с границей лесостепи (карта 21).

Бондарихинская культура представлена главным образом поселениями и несколькими городищами. Поселения расположены в поймах рек на дюнных возвышенностях и останцах (Шмаровка, Большая Даниловка, Тымченки, Родной Край и др.), на пониженных участках первой надпойменной террасы (Бондариха, Хухра, Ницаха, Основа, Ильичевка и др.), а также на высоких мысах коренного берега (Городное, Новотроицкое, Большое Бельское городище и др.).

На поселениях (Ницаха, Тымченки, Родной Край, Рыкань и др.) прослежена уличная и круговая планировка. Исследованы два типа жилищ — наземные и углубленные (на 0,4—0,7 м) столбовой конструкции. Наземные жилища (Хухра, Оскол, Великая Тополяха, Тымченки, Ницаха, Беседовка и др.) прямоугольной формы размерами 7×5, 10×6 м. Углубленные жилища (Бондариха, Студенок — 5, Тымченки, Основа, Великая Тополяха, Ницаха и др.) также прямоугольной формы размерами 12×9,5; 10×6; 12×8 м. Почти все жилища однокамерные, лишь на поселениях Основа и Рыкань исследованы двухкамерные жилища.

При исследовании жилищ прослеживались остатки деревянного каркаса стен или из жердей и камыша с глиняной обмазкой, а также обмазанные глиной участки пола. В жилищах находились кострища, открытые очаги на глиняных площадках или купольные печи, а также хозяйственные ямы, заполненные костями животных и фрагментами керамики.

На поселениях исследованы также хозяйственные постройки, культовые наземные сооружения с захоронениями кальцинированных костей животных в полу (Родной Край) и зольники (Ницаха, Веселое, Родной Край).

Городища обнаружены в последние годы и еще недостаточно исследованы. Они расположены на мысах первой надпойменной террасы (Веселое, Каргашино, Ракитное, Пролетарское, Задонецкое). Городище у с. Веселое с напольной стороны ограждено валом и рвом глубиной 1,6 м, шириной сверху 2,8 м, а у с. Каргашино — тремя валами и рвом шириной 3 м, глубиной 0,75 м. Судя по археологическим данным, городища сооружались на позднем этапе развития бондарихинской культуры.

* Написана по материалам исследований А. Гардавского и Ю. В. Кухаренко.

Погребальные памятники еще недостаточно исследованы. В 1975 г. Ю. В. Буйнов исследовал грунтовый могильник у с. Тымченки Змиевского района Харьковской обл., расположенный рядом с поселением этой культуры. Исследовано 12 погребений с трупосожжением. Остатки кремации ссыпались в глиняные урны или в небольшие ямки круглой или овальной формы диаметром 0,6–0,7 м, глубиной 0,4–0,5 м, вместе с фрагментами керамики. Некоторые погребения на поверхности были отмечены небольшими холмиками и вкопанными в центре деревянными столбами. Следы нескольких грунтовых могильников и отдельных погребений обнаружены у станции Основа, у с. Черкасский Бишкин и Веселое Харьковской обл. Известно также несколько погребений с трупоположением под курганной насыпью (у с. Николаевка Донецкой обл. и у с. Чернетчина Магдалиновского района Днепропетровской обл.) или в грунтовой могиле (на поселении Оскол). Умершие захоронены на боку в скорченном положении с различной ориентировкой.

Основной категорией находок на поселениях и в погребениях (см. рис. 54, 12–16, 19–37) является глиняная посуда с примесью в тесте песка, иногда шамота, слюды. Сосуды хорошо обожжены, серого и темно-коричневого цвета. Поверхность сосудов, особенно из памятников раннего периода (малобудковского типа), часто покрыта крупными вертикальными расчесами зубчатым штампом. Поверхность остальных сосудов в той или иной мере заглажена.

Наиболее распространенной формой посуды бондарихинской культуры являются горшки нескольких типов. Среди них наиболее распространены горшки с маленьким плоским дном, резко расширяющимся кверху до середины высоты тулова и с прямым или слегка отогнутым венчиком; горшки с широким плоским дном, плавно расширяющимся кверху туловом, слегка суживающимися вверху плечиками и отогнутым венчиком. В меньшем количестве встречаются горшки с плоским дном и высоко, расположенными плечиками или с намечающейся ребристостью тулова, а также сосуды тюльпановидной формы. В небольшом количестве известны сосуды баночной формы и типа жаровень.

Горшки раннего этапа (Малые Будки, Студенок 5 и др.) обычно орнаментированы наколами, ямками, «жемчужинами» и отгисками гребчатого или зубчатого штампа, нанесенными по всей поверхности, часто без определенной системы. Остальные горшки орнаментированы лишь в верхней части ямками различной формы (овальной, круглой, треугольной), образующими от одного до четырех горизонтальных рядов. Обычно и композиция в виде горизонтального ряда треугольников с опущенной вниз вершиной. Встречаются также сосуды, украшенные пальцевыми вдавлениями, зацепами, наlepными валками. По краю венчиков горшков часто нанесены косые насечки или пальцевые вдавления.

На поселениях найдены также глиняные курильницы, миниатюрные сосудики, ложки. Встречаются и глиняные фигурки животных, хлебцы, лепешки, тигли, льячки, пряслица и грузики.

Изделий из металла немного (рис. 54, 4, 10, 11, 17, 18). На поселении Студенок 5 найдены обломок круглой в сечении проволоки и бронзовая литая ко-

нусовидная подвеска, а также две половинки литейной формы из мелкозернистого песчаника для отливки одноухого кельта с двумя поперечными валиками в верхней части (длина кельта 8 см, ширина лезвия 4,5 см). На Бондарихинском поселении обнаружены два обломка и целая половинка литейной формы из талькового сланца для отливки шестигранного кельта с двумя ушками. На ее боковой грани намечен контур формочки для отливки бронзового ножа. На поселении Оскол найден клинок бронзового кинжала с параллельными лезвиями, ромбовидный в сечении, а также часть глиняной литейной формы для отливки двух долотообразных орудий. На этом же поселении найден железный нож с треугольным лезвием и длинным прямоугольным черенком. Железные ножи и их обломки обнаружены и на поселениях Кицевка, Великая Тополяха, Основа, Родной Край. На Бондарихинском поселении и на поселении у с. Тымченки найдены железные четырехгранные шилья и долотце.

Изделия из камня представлены кварцитовыми зернотерками, терочниками, точильными брусками, которые встречаются почти на каждом поселении. Среди кремневых орудий имеются скребки, ножевидные пластины, наконечники стрел и дротиков, вкладыши для серпов с дуговидной спинкой и прямым лезвием.

Изделия из кости разнообразны — шилья, проколки, скобели, долотовидные орудия и т. д. (рис. 54, 1, 2, 6, 8). На поселении у с. Воинская Гребля найден обломок псалия в виде удлиненного слегка изогнутого стержня с заостренным концом, на котором имеется выступ. В центре стержня большое овальное отверстие. На поселении Родной Край обнаружен стержневидный псалий с тремя овальными отверстиями, расположенными в одной плоскости, а псалий из Шиловского поселения изготовлен из клыка дикого кабана и имел круглое отверстие.

Для периодизации и датировки бондарихинской культуры большое значение имеют данные стратиграфии, находки металлических изделий и литейных форм, а также керамики других культур.

На поселениях бондарихинской культуры у с. Барановка, Груновка, Битице и др. на Суле, Ницаха на Ворскле, Малая Рублевка на Мерле, Родной Край на Удах, Тымченки на Мже, Рыкань 2 в Подонье и др. в нижней части культурных слоев находилась керамика малобудковского типа, а в верхней части — бондарихинского типа. На поселении у с. Тымченки на мысовой части возвышенности керамика малобудковского типа встречалась в нижней части культурного слоя, а выше и в центральной части поселения найдена керамика, характерная для поселения в уроч. Бондариха. На поселениях бондарихинской культуры в Посулье В. А. Ильинской прослежено залегание в нижней части культурных слоев керамики малобудковского типа вместе с керамикой бондарихинского типа, а в верхней части культурных слоев — только керамики бондарихинского типа.

На поселениях Родной Край, Шиловском, Мерефа, Безлюдовка слои бондарихинской культуры (в том числе и с керамикой малобудковского типа) находятся над культурными слоями срубной культуры. На поселении Великая Тополяха два жилища и погребение в урне бондарихинской культуры прорезали

культурный слой срубной культуры сабатиновского времени.

На городище у с. Городное Харьковской обл. культурный слой бондарихинской культуры перекрыт слоем раннескифского времени, а на поселении у с. Хухра Г. Т. Ковпаненко исследовала жилища раннего железного века VII—VI вв. до н. э., которые прорезали слой бондарихинской культуры. На поселении у с. Лпхачевка А. А. Моруженко проследила залегание керамики бондарихинской культуры вместе со скифскими материалами VII в. до н. э.

Таким образом, стратиграфические данные свидетельствуют о том, что памятники бондарихинской культуры хронологически расположены между памятниками срубной культуры сабатиновского времени и раннескифскими памятниками VII в. до н. э.

В определении абсолютной датировки бондарихинской культуры имеются значительные расхождения. С. С. Березанская датирует памятники малобудковского типа XIV—XII вв. до н. э., а бондарихинского — концом XII—XI — концом VIII в. до н. э. В. А. Ильинская датировала бондарихинскую культуру XI — началом VII в. до н. э., А. И. Тереножкин — XI—IX вв. до н. э., Б. А. Шрамко — IX — началом VII в. до н. э. Ю. В. Буйнов — концом XII—XI — серединой VII в. до н. э. Последняя датировка больше соответствует стратиграфическим данным.

В развитии бондарихинской культуры Ю. В. Буйнов выделяет три этапа — ранний, средний и поздний.

К раннему этапу отнесены памятники малобудковского типа — Малые Будки, Студенок 2,5, Рыкань 2, Беседовка, Барановка, хут. Фомин, мысовая часть поселения Тымченки и др. Для датировки раннего этапа значительный интерес представляют находки на поселении Студенок 5. Бронзовая конусовидная подвеска с этого поселения близка по форме подвеске из Лукьяновского погребения, датирующейся субмикенской фибулой XII—XI вв. до н. э. Литейную форму одношкового кельта А. И. Тереножкин сравнил с кельтами сабатиновского этапа, а А. М. Лесков — с матрицей из Малых Копаней. С. С. Березанская находит ей аналогии среди орудий из кладов у с. Деревянное и Зазимье и датирует ее XIV—XIII вв. до н. э. Е. Н. Черных объединил литейную форму кельта из Студенок 5 с кельтами из с. Вишенки Киевской обл. и Соколенского клада в Молдавии в один тип и отнес их к кардашинскому очагу металлообработки, начало которого датирует XII—XI вв. до н. э., скорее XI в. до н. э. На этом основании Ю. В. Буйнов датирует ранний этап бондарихинской культуры концом XII—XI вв. до н. э.

Поздний этап выделен по материалам поселений Ницаха, Хухра, Родной Край, Хмаровка, Шилово, Травянское, Малая Рублевка, Михайловка, городище Веселое и др. В керамических комплексах этих поселений прослеживаются связи бондарихинских племен с племенами позднечернолесской культуры и с населением, оставившим памятники жаботинского типа (Малая Рублевка, Михайловка). Датируется этап VIII — серединой VII в. до н. э.

Основой хозяйства племен бондарихинской культуры были пашенное земледелие и скотоводство. Они выращивали просо, голозерную и пленчатую пшеницу, ячмень и бобовые. Все зерновые были яровыми культурами. Разводили крупный рогатый скот, сви-

ней, овец и коз, лошадей. Судя по составу стада, скотоводство было оседлым, приселищным.

О занятиях бондарихинских племен обработкой металла свидетельствуют находки на поселениях литейных форм, тиглей и льячек. Металлические изделия изготовлялись из меди и оловянистой бронзы. На поселениях Тымченки, Мерефа, Луговое найдены железные шлаки, куски криц и болотная руда, позволяющие говорить о том, что эти племена освоили добычу руды, ее плавку и обработку железа.

Племена бондарихинской культуры занимались изготовлением глиняной посуды, обработкой камня и кремня, кости и рога, плетением, прядением и ткачеством. Они имели тесные связи с племенами сосницкой, белогородовской, чернолесской и позднесрубной культур, а также с населением, оставившим памятники жаботинского типа.

Вопрос о происхождении бондарихинской культуры еще не решен. По мнению В. А. Ильинской, памятники малобудковского и бондарихинского типов составляли последовательные звенья культурного развития периода поздней бронзы в левобережной лесостепи и своим происхождением связаны с памятниками марьяновского типа или марьяновской культуры. С. С. Березанской и В. А. Ильинской введен в археологическую литературу термин «марьяновско-бондарихинская культура». Однако памятники марьяновского типа известны в бассейне Десны и Сейма, где отсутствуют памятники малобудковского и бондарихинского типов. Датируются памятники марьяновского типа второй четвертью II тыс. до н. э., т. е. между ними и памятниками малобудковского типа существует хронологический разрыв в 300—350 лет. Существуют и значительные различия в формах и орнаменте малобудковской и марьяновской керамики, хотя С. С. Березанская и В. А. Ильинская считают, что близость ее не вызывает сомнения. Таким образом, несовпадение территории, хронологический разрыв, существенные различия в керамике не позволяют согласиться с мнением С. С. Березанской и В. А. Ильинской о генетической связи памятников малобудковского и марьяновского типов.

Б. Н. Граков высказал мнение о сложении бондарихинской культуры в результате слияния пришлых племен срубной культуры с местным населением, близким по культуре к «окским неолитическим племенам». Он считал, что культурные варианты, получившие названия малобудковской и бондарихинской стадий, являются позднейшим развитием поздняяковской культуры. Эта гипотеза, по мнению Ю. В. Буйнова, получает новое подтверждение, так как, согласно новым археологическим данным, в конце II тыс. до н. э. в Волго-Окском междуречье происходит вытеснение племен поздняяковской культуры племенами культуры ранней сетчатой керамики.

Исторические судьбы племен бондарихинской культуры еще окончательно не выяснены. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин высказали мнение об отсутствии генетической связи бондарихинских племен с населением скифской культуры левобережной лесостепи. В. А. Ильинская считает, что под давлением скифских племен бондарихинские племена вынуждены были переселиться на Десну и Сейм, где приняли участие в сложении юхновской культуры. П. Н. Третьяков и В. В. Седов отрицательно отнес-

лись к этому мнению, так как считают, что юхновская культура сложилась на основе местной культуры эпохи бронзы. Памятники позднего периода эпохи бронзы, исследованные И. И. Артеменко в последние годы в Подесенье и в Посеймье, позволяют говорить о том, что юхновская культура раннего железного века сложилась на основе сосницкой культуры эпохи бронзы.

На основании анализа керамики Б. А. Шрамко пришел к выводу, что все основные типы посуды бондарихинской культуры представлены в керамических комплексах раннескифских памятников левобережной лесостепи. Б. А. Шрамко, Б. Н. Граков, П. Д. Либеров считают, что бондарихинская культура принимала участие в сложении культур скифского времени левобережной лесостепи.

2. Культура позднего бронзового века Прибалтики и лесной полосы Европейской части СССР

Восточная Прибалтика

На территории Восточной Прибалтики (Литовская, Латвийская и Эстонская ССР) нет оловянной и медной руды для выплавки бронзы, нет и других природных богатств для получения металла путем обмена. Поэтому первые бронзовые предметы появились здесь поздно — около середины II тыс. до н. э.

Из-за недостатка металла население Восточной Прибалтики употребляло предметы, изготовленные из камня, кремня, кости и других местных материалов. Поэтому здесь дольше, чем в других областях, сохранился неолитический облик жизни.

Археологическое исследование памятников бронзового века началось во второй половине XIX—начале XX вв., появились описания раскопок отдельных объектов и труды обобщающего характера (Buhholtz und Spreckelsen, 1914; LAB, s. 22—28).

В предвоенный период проводились исследования поселений и могильников. В статьях, посвященных результатам раскопок отдельных памятников (Šturms, 1936; Snoge, 1936; Indreko, 1939; Vassar, 1939 и др.), а также в обобщающих работах (Puzinas, 1933; Šturms, 1931a, b, 1935, 1936b; Mooga, 1932; Balodis, 1938 и др.) более глубоко рассматривались проблемы бронзового века. Однако основное внимание авторы этих работ посвятили типологии и хронологии бронзовых изделий. Выработанная латышским археологом Э. Штурмсом типология и хронология бронзовых предметов эпохи бронзы остается без значительных изменений и в настоящее время.

Особенно широко развернулись полевые работы в послевоенное время (Graudonis, Loze, Mugurevics, Shore). Археологические раскопки поселений (Невершикес, Б. Наркунье, Брикули, Кивуткалнс, Асва, Ридала и др.) и могильников (Эглишкяй, Пукули, Кивуткалнс, Резнес, Лооне, Сырве и др.) много дали новых важных материалов для характеристики истории эпохи бронзы. Археологическая карта Прибалтики (карта 22) постоянно уточняется в результате новых исследований.

Археологические материалы показывают, что многие поселения ранней бронзы — второй половины II тыс. до н. э. — во многом еще похожи на поселения позднего неолита и энеолита (Янитс, 1959б, с. 5; Rimantienė, 1974, s. 231). В начале бронзового века исчезла шнуровая орнаментация сосудов и в южной части региона получила распространение слабо штрихованная и толстостенная гладкая керамика, в северной части — текстильная и штрихованная керамика. Распространение новых отраслей хозяйства — скотоводства и земледелия привело к тому, что люди начали селиться на высоких, сухих местах, удобных для нового уклада хозяйства. Но какие это были поселения, пока сказать трудно. Лишь тогда, когда скотоводство и земледелие стали играть основную роль в хозяйстве, возник по существу новый тип поселений — укрепленные городища. Это произошло на рубеже II—I тыс. до н. э.

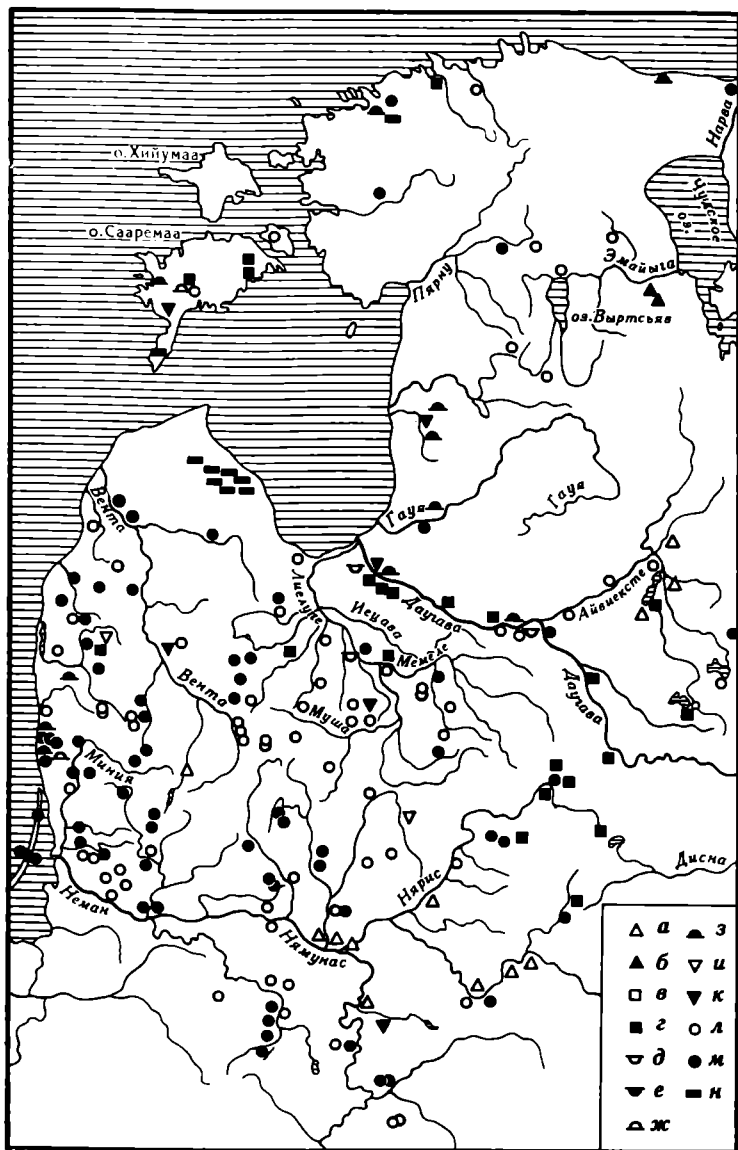
Появление укрепленных поселений в Восточной Прибалтике совпадает по времени с зарождением поселений этого типа в верховьях Даугавы, Днепра и Волги (Третьяков, Шмидт, 1963).

Для устройства поселений нового типа выбирали отдельно стоящие моренные холмы с отвесными склонами (Б. Наркунай, Свентес замок, Иру и др.), окончания узких моренных гряд (Асоте, Ридала и др.) и возвышенности у слияния рек (Кокнесе, Даугмале и др.). Вблизи выбранных мест обычно имеются обширные поймы с богатым травостоем, удобные для обработки легкие, рыхлые почвы, а также богатые рыбой водоемы.

Укрепленные поселения имеют небольшие размеры (600—3000 кв. м) и плотную застройку. По всему региону наблюдается однообразная планировка поселений (рис. 55). Центр поселения занимал незастроенный двор (рис. 55а) — место собраний, праздничных церемоний членов общины, место общественных работ и пр. Двор опоясывала полоса построек — жилых и хозяйственных (рис. 55б) и все это охватывала оборонительная система (рис. 55в).

Постройки были овальными или четырехугольными, наземными или несколько углубленными, столбовой конструкции, размерами 2,5—4 × 4—5 м. Для обогрева жилища и приготовления пищи служили открытые очаги (1,0—1,5 м), зачастую выложенные камнями и углубленные. В южной части региона встречаются очаги с глиняным полом и бортиком из глины или небольших камней (Б. Наркунай, Брикули). Стены древнейших построек представляют собой плетеные конструкции, заполнявшие пространство между столбами (Римантене, 1960; Винкина, 1970, с. 125—131, рис. 145а; Graudonis, 1978, с. 28—32, рис. 6—10). Появляются новые постройки столбовой конструкции, стены которых возведены из бревен, поставленных между столбами вертикально (Graudonis, 1978, рис. 14).

Оборонительные сооружения древнейшего периода представляют собой деревянную изгородь в один или несколько рядов. Более мощными были оборонительные сооружения со рвами и укрепленными палисадами (Graudonis, 1978, табл. I, 5; II, 2). В конце эпохи бронзы в строительстве оборонительных сооружений применялась уже и техника сруба. В это же время началось строительство защитных земляных валов и рвов. В основании валов обнаружены камен-

Карта 22. Памятники эпохи бронзового века на территории Восточной Прибалтики

а, б — открытые поселения; в, г — укрепленные поселения; д, е — грунтовые могильники; ж, з — курганные могильники; и, к — клады; л, м — случайные находки; н — ладьевидные могилы.

а—в, д, ж, и, л — эпоха ранней бронзы; б, г, е, з, н, к, м — эпоха поздней бронзы

ные кладки, параллельные ряды камней и камерообразные конструкции. В ряде мест вала Кивуткалнского поселения обнаружены деревянные камеры (рис. 55д), построенные в технике сруба и наполненные рыхлым желтым песком. Поверхность расплывающейся земляной насыпи валов часто покрыта слоем глины, а иногда обложена камнями (Кивуткалнс, Диевукалнс и др., рис. 56). Наружная сторона вала и склон Винакалнского укрепленного поселения были обложены камнями высотой до 4 м. На отдельно стоящих холмах поселения были защищены кругообразными валами.

В начале эпохи бронзы на территории Восточной Прибалтики умершие погребались в грунтовых могильниках, но около середины периода наиболее распространенной формой погребения стали могильные курганы.

Грунтовый могильник второй половины II тыс. до н. э. в 1967 г. исследован на территории Латвий-

ской ССР. Могильник находился в средней части о. Доле (около 20 км к востоку от г. Риги) на высоком обрывистом берегу рукава Даугавы — Пижак. В могильных ямах глубиной от 0,2 до 1,2 м умершие были похоронены в дубовых гробах-колодах в вытянутом, реже — в скорченном положении в направлении восток — юго-восток — запад — северо-запад. Дно могильных ям посыпано белым песком, края ям, а иногда и сами погребения покрыты слоем красной глины или обложены камнями. В могильном инвентаре обнаружены костяные булавки, янтарные подвески и бусы, кости свиньи и крупного рогатого скота. Встречены зубы лошадей — жертвоприношения. Около 8% всех погребений — трупосожжения. Кальцинированные кости были захоронены в дубовых колодах или в круглых или овальных ямах диаметром 0,3—0,6 (в лукошках?).

На территории Латвийской ССР грунтовые могильники известны также на берегу Даугавы около г. Екабпилс и на берегу р. Лиелупе вблизи г. Бауски. Сходные грунтовые могильники имеются в бассейне Немана у Ланкишки (Szukiwicz, 1921; Гуревич, 1962, с. 19—22), где также обнаружены погребения с подземными каменными конструкциями. Определенное сходство с ними имеет и могильник в Повейсиникай с трупосожжениями в неглубоких ямах и урнах либо без урн. Ряд могил был выложен камнями (Куликаускас, 1966, с. 72, 73). Концом эпохи бронзы или позднее датирован грунтовый могильник с подземными каменными конструкциями в местности Раудоненай (Jovaisa, 1978 и др.).

Очевидно, упомянутые могильники представляют собой отдельные локальные и, может быть, хронологические варианты грунтовых могильников южной части региона. Их можно отнести к погребениям в каменных ящиках, которые в середине и второй половине бронзового века известны и в Северной Польше и др.

К раннему периоду эпохи бронзы относится исследованный в конце XIX в. курганный могильник в Шляжай (Клайпедский р-н). В кургане IV высотой 0,96 м и в кургане V прослежены перекрещивающиеся каменные ряды, а в кургане III — неопределенные каменные конструкции. Обнаружены труположения с погребальным инвентарем и трупосожжения (Šturms, 19366, с. 100—102, табл. 15; LAB, с. 92—93). По всей вероятности, курган бронзового века с трупосожжением разрушен в Петаряй (Капсукский р-н Литовской ССР), где наряду с пеплом был найден фрагмент бронзового боевого топора нортикентского типа.

Курганный могильник конца II — первой половины I тыс. до н. э. исследован в Резнес Рижского р-на Латвийской ССР (Граудонис, 1967, с. 34—39, рис. 65—67). Могильник находился на правом берегу Даугавы в 20 км от Риги. Образцом погребальных традиций является курган 2 (диаметр 20 м, высота 3 м). В центре его из крупных валунов был тщательно сложен каменный ящик длиной 3,8 м, шириной 2 м, глубиной 0,6 м. На каменном полу в направлении север—юг лежал костяк на спине в вытянутом положении. Центральное погребение было засыпано сравнительно большим слоем земли, и только за тем произведены другие захоронения. В кургане были обнаружены три яруса погребений: труположения, трупосожже-

ния и погребения в каменных ящиках. Ярус трупоположений хронологически связан с центральным погребением и образует ядро всего кургана. В этих погребениях, датированных последней четвертью II тыс. до н. э. (III—IV периоды эпохи бронзы), каменные конструкции отсутствовали. Второй слой над трупоположениями образовывали скопления пережженных костей. В отдельных скоплениях были ссыпаны из кострища тщательно выбранные кальцинированные кости, в других они перемешаны с золой и углями. По находкам слой трупосожжений следует датировать IV—V периодами эпохи бронзы. Такая хронология трупосожжений Резнесского могильника согласуется со временем перехода к обряду трупосожжения на обширной территории Северной Европы во второй половине бронзового века (Engel, La Vaume, 1937a, s. 81; Stenberger, 1977, s. 141). Верхний слой кургана в 0,5—0,8 м образовывали лежащие в один — три яруса каменные ящики с трупосожжениями и трупоположениями. Могильный инвентарь позволяет датировать слой каменных ящиков V—VI периодом, т. е. концом эпохи бронзы. Для всех слоев погребений характерны кострища, во всех слоях в могилах и рядом с ними были найдены зубы лошадей (жертвоприношения). Кроме того, в Резнесском могильнике обнаружены каменные топоры, высверлины, кремневые наконечники стрел и скребла, бронзовые бритвы, спирали, пинцеты, янтарные украшения и другие вещи (Graudonis, 1961, табл. 1). Второй могильник этого типа — Калниешский 1 (Стучкинский р-н) находится на правом берегу Даугавы, в 100 км от Риги (Vankina, 1962).

Оба могильника представляют собой своеобразные многоярусные некрополи патриархальных родов, аналогии которым обнаруживаются на территории древнепрусских — западнобалтских племен (Gaerte, 1929, с. 81—83; Urbanek, 1941, с. 67 и сл.).

Ко второй половине эпохи бронзы относится Пиккульский курганный могильник Лиепайского р-на Латвийской ССР (Васкс, 1983). Могильник состоял из 14 курганов (диаметр 10—15 м, высота 0,7—1,4 м). Периферийная часть некоторых курганов шириной до 3 м была покрыта валунами, которые местами лежали в два—три яруса; отдельные курганы имели каменный венец. В курганах обнаружены каменные ящики и конструкции неопределенного характера, а также слой гари. Погребения — трупосожжения и трупоположения — безынвентарные, но в ящике кургана 14 найдены фрагменты бронзового браслета.

К самому концу бронзового — началу железного века относится курганный могильник в Эглишкяй Кретингского р-на Литовской ССР (Grigalaviciene, 1979). Для этих курганов характерны каменные венцы и другие каменные конструкции. В центре курганов 2 и 3 в овальных или четырехугольных каменных конструкциях вскрыты погребения конца эпохи бронзы.

Упомянутые выше грунтовые и курганные могильники характеризуют локальные варианты обширного ареала балтской культуры в южной части Восточной Прибалтики. Для северной части региона — Эстонии и Северной Латвии характерны могильники иного типа (карта 22).

На территории Эстонии в начале эпохи бронзы были характерны грунтовые захоронения, но с начала

I тыс. до н. э. здесь распространились каменные курганы с захоронениями в каменных ящиках (Льугас, 1970, с. 13—14). Древнейшие могильники этого типа конца II тыс. до н. э. известны в юго-западной Финляндии; по всей вероятности, отсюда они распространились в Эстонию и на территорию, заселенную финно-угорскими элементами, — в Северную Латвию. Каменные курганы относятся здесь ко второй половине эпохи бронзы — началу железа. На территории Эстонской ССР каменные курганы исследованы в Лбара, Лооне, Мян и др., в Латвии — около Булломуяжа, Алоя и др. (Граудонис, 1967, с. 41—47, рис. 68, 69). Скудость находок, небольшое число полностью исследованных памятников не дают возможности разработать детальную хронологию. Строение каменных курганов единообразно (рис. 566). Их размеры различны: диаметр 6—16 м, высота 0,2—2,0 м. Подножие курганов окаймляет каменный венец, сложенный из плитняка (Северная и Западная Эстония) или из валунов (Южная Эстония, Латвия). В центре обыкновенно имеется тщательно сложенный каменный ящик, ориентированный север—юг. Вокруг центрального ящика, иногда на определенном расстоянии от него, — остальные погребения (до 15—20) различной ориентировки, либо в более небрежно построенных ящиках, либо на простых вымостках. Вся внутренняя структура засыпалась песком или щебнем, затем этот первичный курган покрывался покровным материалом — валунами (Латвия) или известняковым щебнем (Северная Эстония).

Каменные курганы с ящиками как особый тип могильников характеризуют культуру северной части Восточно-Прибалтийского региона, территории финского этнического массива.

От могильников обеих культурных групп резко отличаются так называемые ладьевидные могилы, на территории Латвии получившие название «чертовы ладьи». Они известны в северной Курземе (Талсинский р-н Латвийской ССР) и в Эстонской ССР на о. Сааремаа (Граудонис, 1967, с. 68—73; Lõugas, 1970). Характерный признак этих могильников — ладьевидная надземная каменная кладка длиной 8—16 м, шириной 2—4 м. В центре огражденной камнями площадки выстроена погребальная камера и в ней — урны с трупосожжениями. Ладьевидные могилы известны и в Финляндии, Дании, но особенно много их на о. Готланд (более 300). В Восточной Прибалтике ладьевидные могилы датируются второй половиной эпохи бронзы и рассматриваются как памятники пришельцев из Готланда.

Многообразие могильников эпохи бронзы указывает на неоднородный этнический состав населения Восточной Прибалтики этого времени. То же самое можно сказать и о вещественном материале эпохи.

Выше уже отмечено, что из-за недостатка металла жители Восточной Прибалтики и в эпоху бронзы пользовались каменными, кремневыми, костяными и другими изделиями. Из камня продолжали изготавливать топоры, долота, мотыги, зернотерки и другие изделия, широко распространенные в предыдущую эпоху (Bagusiene, Rimantiené, 1974).

Предметы из кремня, характерные для неолита и энеолита, в эпоху бронзы встречаются редко. Это наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки и различного рода отщепы (Граудонис, 1967, табл. V,

VI; Rimantienė, 1974, рис. 7). Эти находки доказывают, что кремень в эпоху бронзы в Восточной Прибалтике не вышел из употребления, однако в качестве материала для изготовления орудий труда он утратил свое значение.

В эпоху бронзы широко применялись также изделия из кости и рога. Разнообразие форм и размеров этих изделий поразительно (Граудонис, 1967, табл. VII—VIII; Grigalaviciene, 1975, 1976б).

Среди костяных предметов имеются шилья, долота, иглы, рукоятки для ножей, обнаружены роговые топоры (IA, табл. 14, 12), рыболовные крючки (Граудонис, 1967; Grigalaviciene, 1976).

Из кости делалось и оружие — наконечники копий и стрел, кинжалы, гарпуны. Наконечники копий изготовлялись из расколотых на пластины массивных трубчатых костей, втульчатые наконечники — из цельных трубчатых костей. Наконечники стрел имеют разнообразные формы и размеры (Граудонис, 1967; Grigalaviciene, 1976). В основном они черешковые, но встречаются и втульчатые. Стрелы с круглым утончающимся к концу черенком, треугольным сечением пера имеют аналогии на дяковских городищах и в области ананьинской культуры (Дубынин, 1970; Ахмеров, 1952). Однозубые гарпуны однообразны. Параллели им известны во многих городищах Верхнего Днепра (Дубынин, 1970; Шмидт, 1961 и др.). Некоторые костяные изделия напоминают кинжалы.

Костяные украшения представлены булавками, подвесками и пуговицами. Костяные булавки использовались для застегивания одежды. Форма некоторых булавок Восточной Прибалтики имеет аналоги в Центральной Европе (унетицкая культура).

Костяные булавки Восточной Прибалтики бывают простые, с заостренным концом на частично обработанной кости, с тщательно оформленными головками. Самые ранние и в то же время самые красивые костяные булавки имеют аналогии среди металлических булавок (Граудонис, 1967; Grigalaviciene, 1976). Они датируются серединой — второй половиной эпохи бронзы. По прообразам бронзовых изделий изготовлены роговые «двойные» пуговицы (Граудонис, 1967, табл. VII, 12; VIII, 9), датируемые VIII—VII вв. до н. э. Редко встречаются подвески-амулеты, но достоверной хронологии этих находок нет.

Кроме упомянутых типов костяных изделий, найдены псалли, ложковидные предметы и др.

Огромное число и многообразие костяных предметов эпохи бронзы в Восточной Прибалтике указывают на большую значимость кости как сырья для изготовления жизненно необходимых изделий. Аналогии этим изделиям имеются на территории Польши и в Калининградской обл., а также в верховьях Днепра, Волги и Даугавы. Они свидетельствуют об одинаковом уровне хозяйства на обширных областях лесной полосы Восточной Европы и указывают на определенную культурную общность.

Предметов из бронзы этого периода в Восточной Прибалтике обнаружено около 400, большинство из них — случайные находки (Šturms, 1931, 1935, 1936б; Граудонис, 1967, с. 93—103, табл. XXII—XXVI). Малочисленность бронзовых изделий можно объяснить тем, что находки первой половины XIX в. и даже более поздние не попали в музеи, а были в древности переплавлены. Тем не менее количество известных

бронзовых изделий несомненно свидетельствует о весьма ограниченной доле бронзовых орудий в производстве. Следует указать и на то, что среди находок много оружия (наконечники копий, боевые топоры, мечи), украшений (булавки и др.) и мало орудий труда (рис. 58).

При датировке находок бронзового века в Восточной Прибалтике применялась хронологическая система О. Монтелиуса с некоторыми уточнениями (Šturms, 1931, 1935, 1936б; Граудонис, 1967).

Древнейшим бронзовым предметом в Восточной Прибалтике является чекан из Вялюоне (Литовская ССР), по аналогиям из Польши он датируется концом первого периода эпохи бронзы. К концу первого или к рубежу первого — второго периодов следует причислить топоры с закраинами восточного типа из Кашетос, Алксны и Тракай. К самому концу первого или, вернее, уже ко второму периоду принадлежат топоры с закраинами из Райдсааре и Акси (Акси) Эстонской ССР, происхождение которых связывают со Скандинавией. Более богат находками второй период. В это время увеличиваются предметы местного производства (топоры с закраинами). Этому периоду принадлежат топоры с закраинами из Стачюнай в Литве, а также из Блуенай, Стремянай и др., в Латвии — близ оз. Лобана, в Эстонии — из Тахула, происхождение которого связывают с Западной Прибалтикой. К этому же периоду относится боевой топор восточнобалтийского (нортикенского) типа и булавка со спиральной головкой из Патильжиса (Литовская ССР), втульчатый наконечник копья из Барты и булавка со спиральной головкой из Сипеле (Латвийская ССР).

Наиболее богаты находки бронзовых изделий третьего периода. Эти топоры с закраинами из Кальвишкяй, Рингувенай, Лауменай, Саснава и др. в Литве, из Алтене, Дравниекы и др. в Латвии, уступчатые топоры из Гаилюнай, Жемялиса (Литва), Сайкава, Церауксте (Латвия), Асумаа Тинды (Эстония), боевые топоры восточнобалтийского (нортикенского) типа из Номенай, Гедминай, Пагегай, Арегала и др. (Литва), Парумбы, из клада в Калеи (Латвия). Обнаружены также наконечники копий (Грибжынай, Гедминай — Литва; Лигуты, Лапмежциемо — Латвия; Муху — Эстония и др.), серпы (Кивисааре — Эстония). К третьему периоду относятся также мечи из Литвы (Бандужай) и Эстонии. Литовские мечи близки ранним мечам западного побережья Балтийского моря, эстонские — очевидно, скандинавского происхождения. К этому же периоду можно отнести и некоторые мелкие предметы (браслеты из могильника Шлажяй, пуговицы из Резнесского могильника). Особого упоминания заслуживают бронзовые фигурки из Литвы (Григалавичене, 1980, с. 35, табл. IX, 3). Фигурка из Шернай похожа на человеческие фигурки из Средиземноморья и, по всей вероятности, оттуда и привезена.

Эпоха поздней бронзы представлена менее богатым материалом. В четвертом — шестом периодах эпохи дальше развивалось местное производство бронзовых изделий, однако количество найденных предметов уменьшается. К четвертому периоду бронзового века относятся только некоторые втульчатые топоры меларского типа (из клада Вашкай в Литве, из Крустпилса и оз. Лудзас в Латвии, из Вирумаа

в Эстонии). Происхождение топоров этого типа связывают то со Скандинавией, то с Центральной Россией, но обнаруженные литейные формы (г. Наркунай в Литве, Кивуткалнс в Латвии) свидетельствуют о местном производстве топоров меларского типа (Граудонис, 1967, с. 112, 113; Luchtanas, 1981, рис. 6). К этому периоду относятся проушной топор из клада в Вашкай, а также тутулус из Туула (Šturms, 1935, с. 248, рис. 1, 5), возможно, и очкообразные спирали из Анталге и Пренлаукиса в Литве, фрагмент бритвы из Резнесского могильника (Латвия).

Небогат находками и пятый период бронзового века. Этим периодом датируются некоторые втульчатые топоры (Павадакшай из Литвы, Раудас, Лаверы в Латвии), наконечники копий (Кукорай, Милашайчяй и др. из Литвы, Кугрены, Бирзниекс, Друвини из Латвии, Пехкила в Эстонии), серп из Паланги. К этому же периоду относятся массивные браслеты из Кальнишкяй и Кивуткалнс (рис. 58, 12), а также мелкие изделия из Резнесского могильника (фрагмент бритвы, пуговица, шилья). Пятым периодом датируется клад из Техумарды (Šturms, 1935, с. 258—261, рис. 6, 7). Более богаты материалы конца эпохи. Это втульчатые топоры (Вейтяляй, Жадекяй, Наусодис, Лепине и др. из Литвы, Дижпрамы, Смилкши, Сабиле и др. из Латвии), наконечники копий (Шилуте, Билиони, Воке и др. из Литвы, Злекас, Юргайши и др. из Латвии). Этому же периоду клад украшений из Кивуткалнс, втульчатый топор и наконечник копья из Салнейского клада в Латвии, возможно, также клад из Пабаляй и Баудеес из Литвы (Григалавичене, 1974). На некоторых городищах найдены наконечники стрел этого периода, в могильниках — бронзовые спирали и кольца. К этому же периоду может быть отнесена и булава с большой спиральной головкой из Анкштаякяй (Литва).

В комплексе бронзовых изделий преобладает оружие (наконечники копий, боевые топоры, мечи, наконечники стрел) и украшения (булавки, браслеты, шейные гривны и др.). Это указывает на то, что поступающую во все больших количествах, но тем не менее драгоценную бронзу жители Восточной Прибалтики использовали для изготовления красивого добротного оружия и украшений.

Первые бронзовые изделия были импортом из средневропейского или скандинавского центров металлокультуры, но уже во втором периоде эпохи появляются предметы (топоры с закраинами), которые следует признать изделиями местного производства.

Древнейшими свидетельствами местной обработки бронзы в регионе являются фрагменты глиняных тиглей со стоянки позднего неолита — ранней бронзы Лагажа (Лозе, 1970, с. 79—80, рис. 53). Работой местного бронзолитейщика признаются боевые топоры восточнобалтийского (нортикенского) типа из клада третьего периода в Калеи (Граудонис, 1967, с. 126—127). Находки фрагментов литейных форм и тиглей свидетельствуют о широком распространении металлообработки (рис. 57) в укрепленных поселениях Наркунай, Кивуткалнс, Асва (Граудонис, 1967, табл. X, I; Luchtanas, 1981). Таким образом, в середине эпохи бронзы в Восточной Прибалтике

рождаются уже крупные центры местной обработки металла. В одноразовых и многократно употребляемых литейных формах отливались как украшения, так и крупные изделия: топоры, наконечники копий и др.

Самую многочисленную группу находок в укрепленных поселениях Восточной Прибалтики в эпоху бронзы составляют черепки глиняных сосудов.

Древнейшая керамика эпохи найдена на отдельных стоянках (Лозе, 1970; Rimantiené, 1974, с. 19—20, карта 10 и др.). Там встречаются еще поздняя шнуровая (часто со штриховкой обеих сторон), однако шнуровая орнаментация исчезает и господствующую роль начинает играть гладкостенная, а в южной части региона вместе с ней и слабоштрихованная, в северной части — штрихованная и в небольшом количестве (1—3%) — текстильная керамика. Вся керамика вылеплена от руки. Сосуды средних размеров: высота 15—25 см, изредка до 35 см, но есть горшки высотой 10—12 см. Орнаментация сосудов не характерна (встречаются ямочки, пальцевые вдавления и др.). Формы упрощаются: сосуды ведровидные, выпуклость тулова.

В эпоху бронзы в Восточной Прибалтике окончательно совершился переход от присваивающего уклада экономики к производящему. Материалы укрепленных поселений показывают доминирующую роль скотоводства, возрастающее значение земледелия, но хозяйственное значение имели еще и охота, и рыболовство, и собирательство.

В эпоху бронзы жителям Восточной Прибалтики были известны уже все основные виды домашних животных. Преобладал крупный рогатый скот, который давал мясо, молоко, а кости использовались для различных поделок. Широкое использование в пищу мяса подтверждают обнаруженные кости крупного рогатого скота, а молока и молочных продуктов — найденные на укрепленных поселениях глиняные педилки. Судя по костному материалу, второе место занимала свинья, заметную роль играла лошадь. Длительное время лошадь разводили на мясо, но в Восточной Прибалтике в середине эпохи бронзы лошадь использовали и как тяговую силу и для верховой езды, на что указывают находки костяных псалий. Находки зубов лошадей в могильниках являются показателем того, что лошади, помимо хозяйственного значения, играли важную роль в религиозном культе. В ранний период скотоводства мелкий рогатый скот шел в основном на мясо, но в эпоху бронзы овечью шерсть стали употреблять для изготовления одежды.

Наряду с развитием скотоводства росло и значение земледелия. В условиях Восточной Прибалтики дальнейшее развитие земледелия было возможно только на отвоеванных у леса участках. Поскольку здесь ощущалась нехватка металла, для подсечного земледелия использовали каменные топоры. Этим и объясняется большое количество найденных в регионе каменных топоров. Находки каменных лемехов и особенно следы пахоты указывают на появление пашенного земледелия в Восточной Прибалтике уже в середине эпохи бронзы. Для уборки урожая использовались бронзовые серпы (Гамбуте, Даугмале, Кивисааре), но в основном костяные и деревянные орудия, не сохранившиеся до настоящего времени.

Кости диких животных (бобр, благородный олень, лось, кабан, косуля, волк, рысь и др.) и рыб (осетра, щука, сома и др.), а также орудия охоты (наконечники копий и стрел, гарпуны, рыболовные крючки и др.) свидетельствуют об охоте и рыболовстве. Костный материал показывает, что со временем происходили изменения в составе объектов охоты: уменьшалось количество оленей наряду с возрастанием роли лосей и особенно кабана. Одновременно уменьшалась в целом роль животных на мясо и возрастало значение пушных зверей (лиса, белка и др.). Обнаруженные скорлупа орехов и раковины моллюсков указывают на собирательство. Особое значение имело собирание ягод, грибов, птичьих яиц и разных растений, которые служили добавлением к продуктам скотоводства, охоты и земледелия.

Абашевская культура

К середине II тыс. до н. э. в лесостепной зоне Восточной Европы сложилась абашевская культурно-историческая общность преимущественно скотоводческого населения, памятники которой сейчас известны на территории от левобережья Днепра на западе (бассейны Десны и Сейма) до р. Тобол — на востоке, а хронологические пределы определяются второй — третьей четвертью II тыс. до н. э.

Исследование абашевских древностей насчитывает более 100 лет (Пряхин, 1981). Сама же абашевская культура впервые была выделена только после раскопок проф. В. Ф. Смолиным в 1925 г. Абашевского могильника на территории Чувашии (Смолин, 1928; Smoline, 1927). Интенсивные исследования абашевских могильников на территории Чувашии и Марийской АССР в послевоенные десятилетия (Мерперт, 1961; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966а) постепенно очертили представление об абашевской культуре в Среднем Поволжье и определили осмысленные всех абашевских древностей (Евтюхова, 1964а, б; Третьяков П. Н., 1961; Халиков, 1966).

В то же время шло накопление данных по абашевским древностям района Южного Урала. Особую важность представили раскопки абашевских памятников на территории Башкирии (Горбунов, 1976, с. 18—34; Сальников, 1954, 1967, с. 18—146; Пряхин, Горбунов, 1977), что привело к попыткам выделения отдельной баланбашской культуры на Южном Урале (Збруева, Тихонов, 1970, с. 81; Черных, 1970, с. 109 и др.).

Постепенно все более широкий размах приобретают работы по исследованию абашевских памятников в лесостепном Подонье (Либеров, 1964, 1971, с. 14—15, 21; Пряхин, 1971, 1976а, с. 10—51; 1977, с. 8—43; Синюк, Килейников, 1976). Привлекают внимание пока единичные абашевские памятники и на более западных по отношению к лесостепному Подонью территориях (Артеменко, Пронин, 1976).

Абашевские древности становятся известными и на так называемых промежуточных территориях между районами Подонья, Чувашско-Марийского Поволжья и Башкирского Приуралья, что в конечном итоге позволило сомкнуть ранее известные территории абашевского мира. Это во многом предопределило и саму возможность более целостного рассмот-

рения абашевских древностей через призму не локальной археологической культуры, а широкой культурно-исторической общности (Пряхин, 1976а, 1976б, 1977, 1980, с. 7—32; 1982, с. 58—61).

В итоге на конец 70-х годов XX в. известно более 200 бытовых и более 150 курганных и бескурганых погребальных памятников (карта 23), серия так называемых кладов абашевского металла и множество единичных и случайных находок, из которых наиболее примечательны неоднократные случаи обнаружения «абашевского» металла в лесных районах не только Поволжья и Приуралья, но и далекой Карелии и Финляндии.

Бытовые абашевские памятники лучше всего изучены в лесостепных районах Подонья и Южного Урала. И в то же время они почти не известны на территории распространения абашевских могильников в Среднем Поволжье.

Примером поселка, существовавшего продолжительный отрезок времени (середина — третья четверть II тыс. до н. э.), является раскопанное почти полностью многослойное Шиловское поселение под г. Воронежем (Пряхин, 1976а, с. 11—46). Оно занимало оконечность удлиненного мыса бортовой террасы левого берега р. Воронеж (рис. 59). В период расцвета площадь поселения достигала около 7,5 тыс. кв. м (72 x 104 м). Оно было укреплено деревянной двустенной конструкцией, а с напольной стороны и со стороны одного из склонов мыса — еще и рвом шириной до 2,5 м. На поселении открыто 8 больших, как правило, слабо углубленных в материк построек, длина котлованов которых колеблется от 13,8 м до 19,5 м, а ширина — от 9,5 до 14 м. В подавляющем большинстве это жилые однокамерные помещения, имеющие тамбурную часть. Два наиболее ранних и относительно больших по площади жилища (№ 7 и 8) были соединены между собой переходом. Одна относительно небольшая (3,5 x 4,2 м) постройка, судя по находкам в ней обломков тиглей, литейных форм, кусков шлака и т. п., являлась не только жилым, но и производственным помещением. Все постройки имели одинаковую конструкцию: стены их были устроены из вертикально поставленных столбов, а крыши были двускатными. На утрамбованном полу в неглубоких ямках устраивались очаги. К абашевскому поселку относятся два отдельных жертвенных места — святилища, на площади одного из которых найден развал баночного сосуда с изображением лыжника, ямы — жертвенники, хозяйственные ямы и другие помещения.

На Южном Урале лучше других изучены два расположенных рядом Береговских поселения на р. Белой на территории Башкирии. Исследованием поселения Береговское I установлено, что абашевский поселок, предшествовавший здесь поселку срубной общности, располагался по пологому склону большого мыса, обращенного к озерам, в то время как более поздний срубный поселок, по масштабу многократно превосходивший абашевский поселок, находился на основной территории площадки мыса. Абашевский поселок состоял из двух вытянутых в ряд домов. Большой из них, длиной 38 м и шириной до 14 м, состоял из трех соединявшихся между собой слабо углубленных в материковое основание котлованов, с очагами на двух из них, а меньшее было двухкамер-

ным сооружением размером 8,5×11 м, без очагов (Пряхин, 1976а, с. 88—94, рис. 18).

Более позднее абашевское поселение Береговское II занимало наиболее высокий участок террасы. Оно было еще меньшим по площади — примерно 30×60 м и имело кучную застройку из трех жилищ (Пряхин 1976а, с. 95—99).

Оба поселения дали значительные материальные остатки, включая свидетельства металлургии — кусочки руды, обломки плавильных чаш на ножках и сделанных из глины литейных форм, капли металла, шлаки и т. д.

Абашевские могильники лучше изучены на территории Чувашской и Марийской АССР в Среднем Поволжье (карта 23), на результатах исследования которых до недавнего времени в основном базировалось и само представление об абашевских древностях. Именно здесь находятся такие ставшие классическими могильники, как Абашевский (Кривцова-Гракова, 1947 б; Мерперт, 1960, с. 16—19; 1961, с. 112—117; Смолин, 1928); Виловатово II (Халиков, 1961, с. 159—183), Алгаши (Ефименко, Третьяков П. Н., 1961, с. 46 и др.); Пикшик (Мерперт, 1960, с. 21—27; 1961, с. 119—143), целая группа могильников в Волго-Вятском междуречье на территории Марийской АССР (Евтюхова, 1959; Халиков, 1959, 1961, с. 188—207), одиночный Пепкинский курган, изученный А. Х. Халиковым в 1961 г. (Халиков, Лебединская, Герасимова 1966) и многие другие. Для этой территории более свойственны могильники с невысокими курганными насыпями. Наибольший из них — Тохмеевский — насчитывает не менее 48 насыпей. Описание погребального обряда населения, оставившего эти могильники, дано Н. Я. Мерпертом, А. Х. Халиковым и О. Н. Евтюховой (Евтюхова, 1961).

В 60—70-е годы началось интенсивное изучение абашевских могильников и в других районах. В Башкирии исследовано более 16 абашевских могильников (Горбунов, 1976; Пряхин, Горбунов, 1979), в Подонье проведены раскопки Подклетнинского могильника у г. Воронежа, где в 1976—1981 гг. изучено 28 насыпей (Пряхин, 1977, с. 11—20), в Ярославском Поволжье исследуется обширный Кухмарский могильник, насчитывающий более 100 курганов (Крайнов, 1962).

Хронологические пределы существования абашевского населения определяются, вслед за Е. Н. Черных, временем как досейминского, так и начального периода сейминского хронологических горизонтов (Черных, 1970, с. 124; 1972, с. 18—19). Это время второй — третьей четвертей II тыс. до н. э. В явном противоречии с имеющимися к настоящему времени данными находятся выводы П. Д. Либерова, который абашевские древности основных территорий лесостепи (включая Подонье и Южный Урал) отнес к более позднему времени, чем так называемое чувашское абашево, определив их начальную дату только XIII в до н. э. (Либеров, 1977, с. 53).

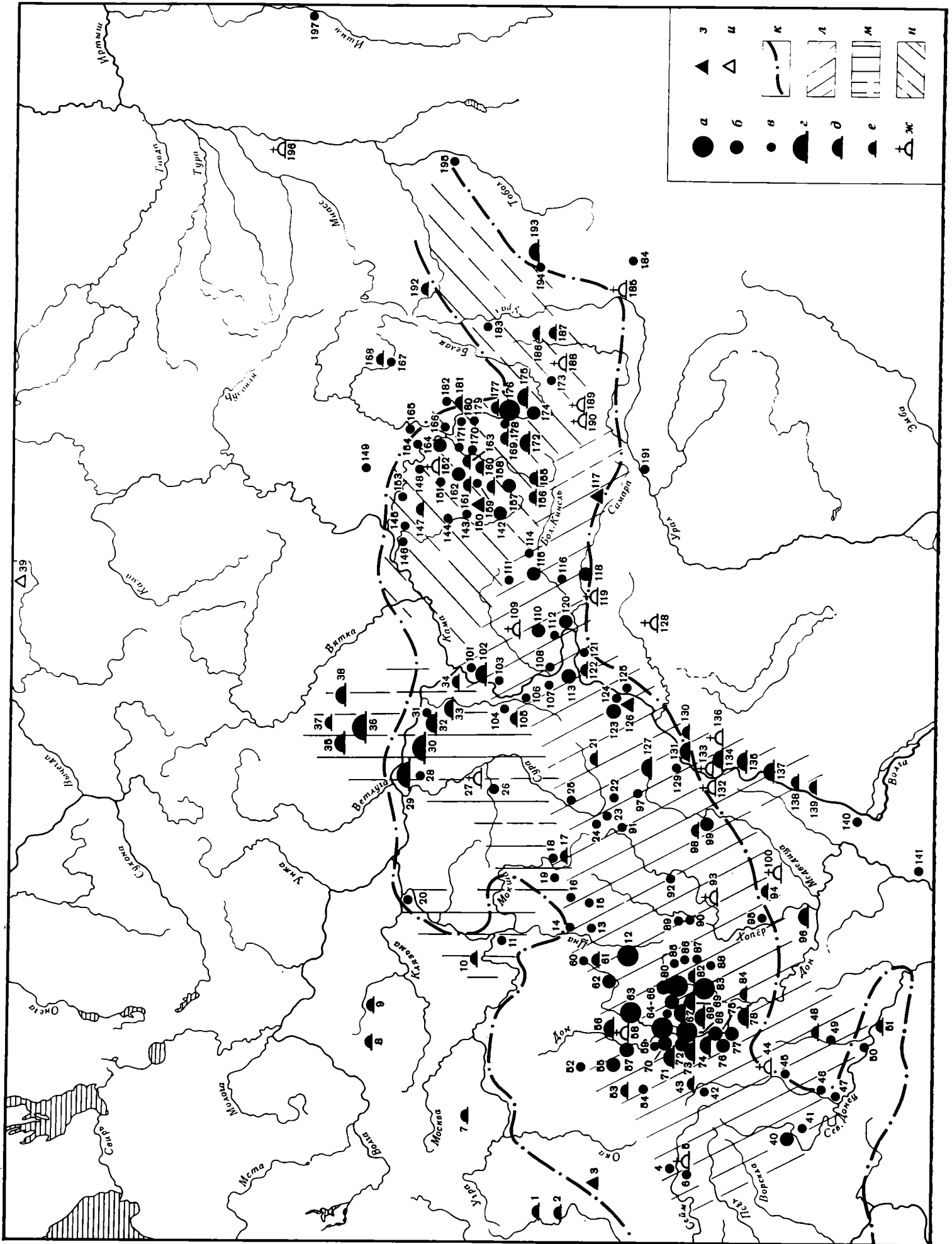
При определении хронологических пределов абашевских древностей крайне важно учитывать тот факт, что на всей территории распространения абашевских древностей известно 40 бытовых и погребальных памятников, на которых отмечено, что абашевские древности предшествовали срубным и алакульским. Это находит подтверждение и в металле:

абашевская металлургия в целом предшествует металлургии развитых срубников и алакульцев. Причем на каком-то этапе это даже взаимовлияние и передача отдельных традиций от в целом более ранних абашевцев к в целом более поздним срубникам и алакульцам.

В истории абашевского населения есть основание выделять три периода: протоабашевский — время, предшествующее распространению этого населения в северные пределы лесостепного Среднего Поволжья и на Южный Урал (вторая четверть II тыс. до н. э.); раннеабашевский — начинается со времени расселения абашевцев в северные пределы лесостепи Среднего Поволжья и на Южный Урал и не выходит за хронологические рамки досейминского хронологического горизонта (середина II тыс. до н. э.); позднеабашевский — время начального этапа сейминского хронологического горизонта, когда абашевцы вступают в интенсивные контакты с постепенно распространяющимися в лесостепь срубниками и алакульцами (третья четверть II тыс. до н. э.) (рис. 60 а — г).

Абашевское население характеризуется преимущественно скотоводческим хозяйством с подчиненным значением земледелия. В составе стада преобладал крупный рогатый скот при значительной роли мелкого рогатого скота. Последнее особенно свойственно для раннего этапа развития этого населения и для тех групп абашевцев, которые продолжали сохранять известную подвижность и в более позднее время. Отдельные группы в позднеабашевское время обнаруживают тенденцию к развитию оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства (появление значительных долговременных поселков, наличие костей свиньи на этих поселениях, увеличение числа свидетельств занятия земледелием и т. д.) — особенно показательна целая группа позднеабашевских поселков в нижнем течении р. Воронеж. В составе стада этого населения есть и лошади. В более северных же районах, на территории современного Марийско-Чувашского Поволжья, абашевское население было более подвижным и, очевидно, в большей степени занималось пастушеским скотоводством.

Уровень развития скотоводства обусловил широкие возможности для использования абашевцами скота в транспортных и военных целях. Последнее в свою очередь не только способствовало распространению их на значительные территории, но и явилось одним из условий складывания огромной культурно-исторической общности. Именно у абашевцев, особенно на позднем этапе их развития, получили распространение дисковидные псалии с шипами, наиболее впечатляющими являются два сделанных из слоновой кости орнаментированных псаля из основного погребения кургана 2 Старо-Юрьевского могильника в Верхнем Подонье. Находки такого рода псалий фиксируют первое появление в евразийской степи и лесостепи колесничного транспорта (Пряхин, 1972, с. 238; 1976 а, с. 124; Чередниченко, 1976, с. 147—148; Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 42—45, рис. 11). Сам же факт использования дисковидных псалий в упряжи колесниц нашел неоспоримое подтверждение при раскопках Синташтинского могильника в Зауралье, в погребениях которого удалось проследить и сами остатки такого рода колесниц (Генинг, 1977, с. 59, 66, рис. 3).

Это население первым в достаточно масштабном объеме начало освоение уральских месторождений меди, особенно зауральских месторождений меди Таш-Казган и Никольское с использованием медистых песчаников Приуралья, как, впрочем, и Поволжья (Сальников, 1962; Черных, 1964; 1970, с. 27—28, 108—111 и др.). Абашевские мастера выработали свою форму орудий труда, предметов вооружения и украшений. У абашевцев известны имевшие разное функциональное назначение пластинчатые орудия труда (ножи, серпы, скобели), свои типы выскобушенных топоров: камский, по Б. Г. Тихонову (Тихонов, 1960, с. 59—62), узковискобушенный, по Е. Н. Черных (Черных, 1970, с. 58, рис. 50), абашевский, по С. А. Корневскому (Корневский, 1973, с. 44—47, рис. 4), плоских топоров-тесел, по Б. Г. Тихонову

(Тихонов, 1960, с. 66), тип удлиненных топоров-тесел с расширенной пяткой, по Е. Н. Черных (Черных, 1970, с. 62), кованых наконечников копий с разомкнутой втулкой, несколько разновидностей ножей и кинжалов и т. д. Абашевские мастера изготавливали лепестковидные бляшки-розетки, браслеты, имсующие несомкнутые, часто приостренные концы, маленькие желобчатые подвески и т. д. Для абашевцев характерно богатое украшение одежды, особенно головного убора, мелкими нашивными полукруглыми бляшками, проволочными пронизками и другими украшениями.

Сами масштабы развития абашевской металлургии определяются и находками серий абашевского металла, рассматриваемых в литературе под понятием «клады», которые территориально тяготеют к место-

Карта 23. Территория абашевской культурно-исторической общности

a — 6—10 бытовых памятников, включая местонахождения абашевской керамики на поселениях; *b* — 2—5 бытовых памятников; *c* — 1 бытовой памятник; *d* — 6—10 курганных могильников; *e* — 2—5 курганных могильников; *f* — 1 курганный могильник; *ж* — одиночные курганы и могильники с единичными абашевскими курганами или захоронениями; *з* — бескурганый могильник; *и* — единичное бескурганное захоронение; *к* — современная граница лесостепи по Ф. Н. Милкову; *л* — территория доно-волжской абашевской культуры; *м* — территория средневожской абашевской культуры; *н* — территория уральской абашевской культуры
1 — Немеричи; 2 — Дятковичи; 3 — Салтановка; 4 — Успенское; 5 — Реутец; 7 — Огубь; 8 — Кухмарь; 9 — Петряиха; 10 — Земское; 11 — Подборновское; 12 — Бокино, рыбхоз «Прогресс» у Шлихтинского озера, Перикса у Красного озера, Голдым I, Черняное; 13 — Знаменка; 14 — Елизавет-Михайловка; 15 — Матчерка; 16 — «Трашкин Бугор»; 17 — Большие Верхи; 18 — Красный Восток; 19 — Тюзиково-Михайловское; 20 — Подборица-Щербининская; 21 — Марьевка; 22 — Усть-Уза; 23 — Алферьевка I; 24 — Барковское; 25 — Бессоновка; 26, 27 — Старое Ардатово; 28 — Янымово; 29 — Тиханкино, Миняшкино, Паратмары, Вилатово I, Пенкино, Вилатово II, Алгаш; 30 — Дасаево, Тхомеево, Пишкишк, Абашево, Янгильдино; Шоркино, Икково, Теби-Касы, Туаш-Касы; 31 — Криушинские дюны; 32 — Катергино, Тюрлема, Васюково, Козыльеры, Карашам; 33 — Победа I, II; 34 — Юлдуз; 35 — Великолепье, Мари-Кугунур, Студеный ключ; 36 — Туруново, Абаснур, Сретенка; Акашево, Троицкий, Колянур, Семейкино, Алево, Прокопьевка, Тапшер; 37 — Русский Кугланур; 38 — Шинур, Сосновка, Шукшиерский, Вильял, Нартасы; 39 — Ульяновское; 40 — Проходнянские 4—6; 41 — Сердюково; 42 — Провороть; 43 — Средняя Апочка; 44 — Валуйки; 45 — Новосимоновка; 46 — Александрия; 47 — Ильичевское; 48 — Гора Пристин; 49 — Шульгинка; 50 — Капитаново; 51 — Николаевка; 52 — Ефремов; 53 — Замайрака; 54 — Хитров Луг; 55 — Маховщина, по р. Воргол, по р. Ельчику, поселение у спиртзавода; 56 — Больше-Попово, Донское; 57 — Липовка, Никольское; 58 — Никольское, Тюнино, могильники в Дубовой роще и «Селище», Введенка; 59 — Конь-Колодезь; 60 — Заворонезское; 61 — Старо-Юрьево; 62 — Изосимино, Торбеевские дюны; 63 — Сокольское, Ярлуковская протока I, Каменное, Грязи, плотина Липецкого водохранилища, Вербилово, Карамышево; 64 — Грушино, Хлебное; 65 — Усманка II; 66 — Боровое, Отрожка 1, Отрожка 2, Отрожка 3, Северо-Восточное, Придача, у Вогрэвской дамбы, Масловское 2, Первое Масловское, Волковское; 67 — Попова Дача, Частые курганы, Подклетное, ул. Громова, г. Воронеж; 68 — Чижовское 2, 4, Шиловское 1, 2, Тавровское 2, 3, Тавровское Правобережное, Левобережное, устье р. Воронеж; 69 — «Сады», Рогачевка, Степной, Левая Россошь; 70 — у Дома пивалидов, Подгорное 1, 4, Дача, Губарево; 71 — Колдрашевка, Нижняя Водуга, Дальние Солонцы, Латное; 72 — Вознесенка, Березовка, Чаусовка по р. Еманче; 73 — Чаусовка, Хохольский; 74 — Алатава, Масюгино, Репьевка; 75 — Костенки IV, Левобережное Костеновское, Борщево, Нововоронежск; 76 — Богуславка, два поселения у Сасовки II, Бузенки; 77 — два поселения у Рус-

ской Тростянки, Дармодехинское, Копанице; 78 — Марки I, II; 79 — Щучье, Борщево — «Лисья поляна»; 80 — Большие Яксарки, Мосоловка, два поселения у Садового, уроч. Гпилое, уроч. Сухое Веретье, два поселения у Бродового, Анна — «Лисий Бугор», Левашовка; 81 — Старая Тойда, Анна, Козловка; 82 — Новый Курлак; 83 — Хлебородное; Старый Курлак; Черное озеро, Кушелев, Старая Тойда; Старая Тишанка, Старая Чигла, Новая Чигла; 84 — Владимировка; 85 — Копыль; 86 — Ростоши; 87 — Дерябкино; 88 — Артюшкино; 89 — Уваровское; 90 — Алешки; 91 — Курлакино; 92 — Красный Полуостров; 93 — Ильмень; 94 — Короли; 95 — Угольный; 96 — Андрианов, Слащевка; 97 — Петровск; 98 — Аткарск; 99 — Верхняя Красавка, Нижняя Красавка; 100 — Сидоры; 101 — Базяково; 102 — II и III Новомордовские могильники; 103 — Юрманки; 104 — Торфболото II; 105 — Ишеево; 106 — Белый Ключ; 107 — Русская Бектяшка; 108 — Тарновка; 109 — Каменно-Вражский; 110 — между Алмазовской и Константиновкой, Шабаповка, Булькунавка; 111 — Сурушское; 112 — Старое Семейкино; 113 — Шигонские дюны; Муранское, Комаровское, Воскресенское; 114 — Григорьевка; 115 — Точка, Красные Пески, у Глубокого озера, Осиновые ямы; 116 — Кинель-Черкасы; 117 — Никифоровский кордон; 118 — Вилатовские дюны, Максимовка; 119 — Утевка VI; 120 — «Грачев сад», «Кирпичные сараи»; 121 — Владимировка; 122 — Преполовекки I; 123 — Горюши, Буровка; 124 — Старая Яблонка; 125 — Дубовое; 126 — Алексеевский Правобережный; 127 — Максимовка, Студеновка; 128 — Максотово; 129 — Пристанное; 130 — Новолиповка; 131 — г. Энгельс; Покровские курганы; 132 — Карамыш; 133 — Скатовка; 134 — Краснополе Ровное; 135 — могильники к северо-востоку от Иловатки и к югу от Иловатки; 136 — Усатово; 137 — могильники к юго-западу от Бережновки. I и II Бережновский; 138 — Полытотдельское; 139 — Быково I; 140 — Верхне-Зареченский; 141 — Ляпичев; 142 — Каратово, Октябрьский, Исмаилово, Старо-Какрыбашевское; 143 — Чекан; 144 — Курштирякское; 145 — Иманле; 146 — Старо-Александровка; 147 — Старо-Куручево; 148 — Новый Набир; 149 — Юмакаево; 150 — Метев-Тамак; 151 — Тюреш-тамак; 152 — Синтиш-Тамак; 153 — Князево; 154 — Ново-Виктимирово; 155 — Набережные курганы; 156 — Аятово; 157 — Ильчигулово, Тюбетеево; 158 — Нижне-Чуракаево; 159 — Давлекановское; 160 — Чукраклы; 161 — Старые Ябалаклы; 162 — Ябалаклы, Нижнее Хозятово; 163 — Кучумово; 164 — Романовка II, III, VIII, Ильмурзино; 165 — Ахлыстино; 166 — Новые Турбасы; 167, 168 — Юкалекулево; 169 — III Казбуруновский; 170 — Петряево; 171 — Уршак; 172 — Сынташево (Ишмухаметово), Елимбетово (Ембетбаево); 173 — Акбута; 174 — Береговское I, II, Озерки II; 175 — III Красногорский, Береговский; 176 — Салихово I, II, Ахмерово I, Ишеево II, Урняк; 177 — Амерово; 178 — Балабаш; 179 — Нижний Тюкун; 180 — Сахаево; 181 — Тугаево; 182 — Устиновское; 183 — Мало-Кызыльское; 184 — селище 15 в Домбаровском районе; 185 — Новый Кумак; 186 — I Альмухаметовский; 187 — IV Тавлыкаевский; 188 — Русское Тангирово; 189 — Якупово; 190 — Максимовка; 191 — Кордайловка; 192 — Степное I; 193 — Синташтинское; 194 — Первый Синташтинский, Второй Синташтинский; 195 — Алексеевское; 196 — Царев Курган на р. Тоболе; 197 — Петровка

рождениям на Урале и в Зауралье (Красноярский, Верхне-Кизыльский, у Долгой Горы и др.). Находки их не переходят на правый берег Волги. Причем некоторые из «кладов» вряд ли оставлены непосредственно абашевским населением. Отдельные из них (Галичский, Кэршуновский, Морозовский) могут свидетельствовать не столько о прямом расселении абашевцев в лесных районах Поволжья, сколько о распространении абашевского металла на более северные территории.

Это население сооружало вначале большие по площади двухкамерные или многокамерные, имеющие двухскатную кровлю, слабо углубленные в материк жилища, а затем большие по площади, также слабо углубленные в материк, но уже однокамерные постройки с примыкающей тамбурной частью.

Для абашевского населения характерен подкурганый обряд захоронения с возведением уплотненных насыпей. Отмечается наличие интервала между временем совершения захоронения и возведением насыпи. Особенностью погребального обряда этого населения было возведение кольцевых (реже прямоугольных) внемогильных сооружений, ограничивающих значительную площадь вокруг одной или нескольких могил. Иногда отмечается наличие самостоятельных прямоугольных столбовых конструкций вокруг отдельных захоронений. Для погребального обряда абашевского населения характерен в разной степени проявляющийся культ огня (сожжение наземных конструкций, ссыпание горящего угля в могилу и т. п.) и жертвоприношения животных (положение частей или шкуры с головой и ногами). Могильные ямы чаще всего вытянуто-прямоугольные, иногда имеют деревянное или каменное оформление. Умершие клались на спину с вытянутыми или приподнятыми ногами. Чаще встречается восточная и юго-восточная ориентировка умерших. Отмечено наличие расчлененных, частичных, т. е. повторных захоронений. Наконец, полное отсутствие костяков в ряде могильных ям свидетельствует о кенотафах, что подтверждает наличие у абашевцев каких-то сложных, пока непонятных погребальных традиций. Обычны ночные захоронения. Но в окраинных районах, особенно в зонах контактов с инокультурными племенами, нередки коллективные погребения типа братских могил: Пепкинский и Старо-Ардатовский курганы в Среднем Поволжье, I Юкалекулевский курган в Башкирии.

Весьма специфична глиняная посуда: характерно наличие колоколовидных форм и маленьких островерных сосудиков, примесь ракушки в тесте, присутствие таких элементов орнаментации, как горизонтальные прочерченные линии и выполненный зубчатым штампом зигзаг.

В пределах абашевской культурно-исторической общности есть основание выделить отдельные абашевские культуры (карта 23). Одна из них, доново-волжская, в основном занимала лесостепные районы Подонья и смежные районы Поволжья. Эта культура развивалась на фоне взаимоотношения вначале с катакомбно-полтавкинским, а затем со срубным мирами. Другая культура — среднево-волжская, памятники которой занимают северные пределы лесостепной зоны Среднего Поволжья и примыкающие территории лесной зоны Поволжья и Поднепровья. Это куль-

тура, оставленная обособившейся группой населения, находилась в конфронтации с фатьяновско-балановским миром и в каких-то еще не в полной мере выявленных связях с местными поздняяковско-приказанскими и чирковскими племенами. Это обстоятельство привело, с одной стороны, к консервации в ней специфических признаков, а с другой — к известному воздействию на нее массивов населения лесной зоны. Еще одна культура, уральская (баланбашская), занимала лесостепную зону уральского географического региона, ограниченную на западе крайними левобережными районами Заволжья, а на востоке распространявшуюся до р. Тобол. Развитие абашевской культуры на Южном Урале проходило на фоне интенсивного влияния на них так называемых протоалакульцев, как, впрочем, и обратного воздействия абашевцев на становление алакульского мира.

Для доново-волжской абашевской культуры характерно наличие дюнных (для раннего времени) и мысовых (для более позднего времени) поселений. Отмечается эволюция поселков от небольших с единичными мало углубленными в материк соединяющимися жилищами (или наземными постройками) до значительных по площади поселков с большими однокамерными постройками, имеющими тамбурную часть. Под курганами относительно редко фиксируются внемогильные конструкции. Чаще, чем на других территориях, отмечается наличие огромных могильных ям, имеющих мощные деревянные конструкции (особенно перекрытие). Для погребального обряда оказывается более характерным положение умерших на спине с вытянутыми, а не приподнятыми ногами, при вытянутых или согнутых руках. Покойники чаще ориентированы головой в северо-восточную, нежели в юго-восточную часть насыпи. Чаще, чем на других территориях, покойники в могильных ямах смещены от центра. Одной из характерных особенностей местоположения инвентаря является то, что сосуды помещаются не только в могильные ямы, но весьма часто около могилы, на их перекрытии и даже за пределами площади могил. Украшения редки, значительно чаще встречаются орудия труда и предметы вооружения.

Для керамики характерен значительный процент колоколовидных горшков и баночных форм. Здесь почти не получили распространения нарядно украшенные колоколовидные чаши. Отмечается преобладание орнамента из горизонтальных прочерченных линий, ограниченных сверху и снизу боковыми вдавлениями. Совершенно не встречены известные по другим абашевским культурам такие элементы орнамента, как длинная лесенка, шахматный узор, удлиненные заполненные треугольники и т. д. В отличие от других абашевских культур здесь чаще встречаются округло-желобчатые браслеты с несомкнутыми приостренными концами. Среди украшений отсутствуют характерные для других абашевских культур лепестковидные бляшки-розетки (рис. 61).

Среднево-волжская абашевская культура характеризуется наличием лишь единичных кратковременных дюнных стоянок, известных только на юге этой культуры. Для нее характерно наличие подкурганых внемогильных деревянных конструкций. Здесь наиболее значительны проявления культа огня, включая огромные кострища в площади курганов. По

сравнению с другими абашевскими культурами могильные ямы здесь, как правило, имеют меньшие размеры. Почти повсеместно встречается положение умерших на спине с приподнятыми ногами, при экстраординарности одиночных захоронений с вытянутым положением костяков. Преобладает ориентировка умерших в юго-восточную часть насыпи. В погребениях особенно часто встречаются украшения, включая богато украшенный головной убор (рис. 62), и в то же время крайне редко — орудия труда и предметы вооружения. Только на этой территории отмечено наличие маленьких остроредерных сосудиков с ребром у самого их основания — своего рода тюльпановидных сосудиков. Из всех абашевских культур здесь наименьшее число горшков с ребристостью в верхней части тулова и банок с массивным верхом. И в то же время здесь более всего остроредерных сосудиков, колоколовидных банок и чаш без колоколовидности. Примечательно, что большие нарядно украшенные колоколовидные чаши, почти полностью отсутствующие на доно-волжской территории, в могильниках средневожского правобережья встречаются, преимущественно в обломках, в тризнах, а в могильниках Волго-Вятского междуречья, в Кухмарском могильнике на территории Верхнего Поволжья найдены, как и в могильниках уральской абашевской культуры, и в самих могильных ямах. В украшении сосудов особенно часто встречаются округлые вдавления. Только здесь на сосудах отмечено наличие нанесенных в шахматном порядке удлиненных треугольников, горизонтально расположенных ромбов с перекрещивающейся штриховкой. В отличие от других абашевских культур здесь преобладают округлые, треугольники и полуокруглые в сечении браслеты с несомкнутыми приостренными концами. У средневожских абашевцев получили преимущественное распространение полукруглые полые бляшки и очковидные подвески (рис. 63).

Для уральской абашевской культуры характерно наличие, как правило, небольших поселков, имевших террасное местоположение или расположенных по склонам больших мысовых участков.

Для курганов наиболее характерны не свойственные другим абашевским культурам каменные внемогильные конструкции. Только здесь камень довольно широко применялся и в оформлении могильных ям. В ряде случаев отмечаются мощные костры, горевшие над могильными ямами уже после совершения захоронения. Чаще, чем на других территориях, фиксируется наличие частичных и повторных захоронений. Умершие клались на спину вытянуто или с приподнятыми ногами. Устойчивости в ориентировке умерших нет.

Среди форм керамики более всего колоколовидных чаш и меньше колоколовидных горшков. Колоколовидные сосуды здесь чаще имеют значительно меньшую высоту венчика. Отличия проявляются даже в маленьких остроредерных сосудиках — особенно показательно наличие прямого падения в районе шейки с внутренней стороны. В украшении сосудов намного чаще отмечается меандровый и лопастной узоры, традиция украшения их нижней части прочерченной вертикальной елочкой и т. д. На уральской территории распространены округлые в сечении браслеты с несомкнутыми притупленными концами, металли-

ческие накладки, пластинчатые бляшки. Только здесь известны многовитковые маленькие желобчатые подвески и металлические бусы. Значителен набор металлических орудий труда и предметов вооружения (рис. 64).

В немалой степени задачей на будущее является выделение локальных групп памятников (вариантов) отдельных абашевских культур. Такого рода попытки уже предпринимались К. В. Сальниковым, А. Х. Халиковым и другими авторами (Сальников, 1967, с. 124—127; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 28—29).

Выделение локальных групп прежде всего возможно внутри средневожской абашевской культуры, поскольку это культура населения, продвинувшегося не только в самые северные пределы лесостепной зоны Поволжья, но и на часто значительно удаленные друг от друга территории лесного Поволжья, где есть лесостепные участки. Так, очевидна специфика исследованного Д. А. Крайновым Кухмарского могильника в Ярославском Поволжье (Крайнов, 1962). Но это пока единственный в достаточной степени исследованный абашевский могильник в этом районе Поволжья.

Или возьмем группу абашевских памятников в бассейне Десны, которую И. И. Артеменко выделил в локальный вариант абашевских древностей (Артеменко, Пронин, 1976 б, с. 75—76). Правда, имеющих в распоряжении исследователей данных для выделения здесь локального варианта также недостаточно: немногим более 10 сосудов из могильника у с. Салтановки, где не только нет данных о положении костяков, но фактически очень мало достоверных сведений даже о самих могильных ямах; один абашевский сосуд из насыпи кургана среднеднепровской культуры вблизи с. Дятьковичи, весьма отрывочные сведения о дореволюционных раскопках одного кургана у с. Немеричи и единичные обломки керамики с нескольких бытовых памятников.

Специфичны памятники и в восточных районах распространения уральской абашевской культуры. Однако степень исследованности их пока невелика.

Сама правомерность выделения отдельных абашевских культур подтверждается наблюдениями Е. Н. Черных, обосновавшего наличие отдельных абашевских очагов металлургии в Среднем Поволжье и на Южном Урале и так называемый промежуточный характер металла у абашевского населения Подонья (Черных, 1970, с. 108—111; 1971, с. 210).

Весьма сложными продолжают оставаться вопросы происхождения, дальнейшей судьбы и этноса абашевского населения.

Отметим имеющуюся в литературе тенденцию поиска истоков абашевских древностей к юго-западу и югу от территории Чувашии (Артеменко, 1977 б, с. 42—43; Евтюхова, 1966, с. 29—30; Ефименко, Третьяков П. Н., 1961, с. 87; Халиков, 1961, с. 223—224; Халиков Лебединская, Герасимова, 1966, с. 28; Сальников, 1967, с. 137). Но предлагаемые даже в пределах такого подхода пути решения происхождения абашевцев являются далеко не однозначными — чаще этногенез абашевцев связывается с ямниками (А. Х. Халиков) или в той или иной степени со среднеднепровцами (П. Н. Третьяков, И. И. Артеменко). Имеется и точка зрения, согласно которой абашевцы

и среднеднепровцы имеют в своем формировании общую подоснову (Н. Я. Мерперт, О. Н. Евтюхова).

Постепенно растет число свидетельств в пользу формирования абашевских древностей на северной периферии ямной культурно-исторической общности, на своего рода промежуточной территории между массивами населения катакомбной общности на юге и частично востоке (с которым связаны и полтавкинские древности), фатьяновской общности (куда включаются и балановские памятники) — на севере, среднеднепровской культуры — на западе (Крайнов, 1972а, с. 36, рис. 13). Речь идет прежде всего о территории лесостепного Подонья и смежных южных районах Среднего Поволжья. Именно здесь намечается выделение своего рода протоабашевских памятников: ранний слой Сокольского поселения под г. Липецком (Пряхин, 1976а, с. 59—60, рис. 13), наиболее раннее погребение под Введенским курганом (Сивюк, Килейников, 1976, с. 161, рис. 2,1; с. 162, рис. 3,12, с. 165 и др.). Отсюда известны случаи находок характерных для абашевцев древнейших вислообушных топоров, типологически близких топорам катакомбного населения (Кореневский, 1976, с. 30), древнейших кованых наконечников копий с разомкнутой втулкой и др.

Наконец, в районах Подонья известны энеолитические памятники типа Репина хутора, керамика которых обладает рядом протоабашевских черт: тенденция к колоколовидности, примесь ракушки в тесте, орнаментация прочерченными и волнистыми линиями и т. п. (Пряхин, 1977, с. 124—127). С другой стороны памятники с протоабашевской керамикой проявляют черты культурного сходства с древнеямным миром. Поэтому можно полагать, что формирование абашевцев происходило на северной периферии ямной культурно-исторической общности на базе обособившейся в лесостепи группы населения. И в этом плане можно усматривать древнейшее родство абашевских, срубных и алакульских групп населения, далекие предки которых в той или иной степени были связаны с древнеямными племенами.

Растет и число данных, подтверждающих факт распространения абашевцев с их первоначальной территории в северные пределы лесостепного и лесного Поволжья, как, впрочем, и на территорию Южного Урала. На территории между лесостепным Подоньем и районом Чувашии выявлена целая серия бытовых абашевских памятников, обнаруживающих в материальной культуре большую близость к донским памятникам, чем могильникам средневожской абашевской культуры. Здесь же находился Барковский абашевский поселок под г. Пензой со следами пожара на нем (Пряхин, 1975, с. 158) и коллективное погребение мужчин и подростков во втором Старо-Ардатовском кургане на территории Мордовии (Степанов, 1969, с. 153—154), которое может быть охарактеризовано как погребение абашевских воинов.

В чувашско-марийском правобережье Средней Волги отмечается наличие целого ряда коллективных захоронений перебитых абашевских воинов, соответствующих времени распространения абашевского населения в Среднее Поволжье. Наиболее показателен в этом плане одиночный Пепкинский курган, в котором одно из трех захоронений оказалось кол-

лективным — погребение 1. В могильной яме размером 10,2×1,6 м, имевшей деревянную облицовку стен и деревянное перекрытие, находилось 27 костяков мужчин и 2 отдельно положенных черепа. Захороненные были перебиты противником: следы смертельных травм отмечены практически на каждом костяке. Разнообразен инвентарь. Особенно интересной оказалась находка здесь целой серии орудий труда металлурга-литейщика, включавшей литейную форму (формы?) для отливки топоров, плавильные чаши на ножках, каменные наковальни, молоты, шлифовальники и т. д.

Собственно в противоборстве с распространяющимися в Среднее Поволжье абашевцами уже обитавшие там балановцы вынуждены были сооружать укрепленные поселки — пример Васильсурского городища в низовьях р. Суры (Бадер, Халиков, 1976, с. 80).

Несколько позже группы абашевского населения занимают и участки лесостепи, вклинивавшиеся в лесные районы Поволжья. Наиболее показательна в этом отношении группа абашевских могильников Волго-Вятского района, исследованная под руководством А. Х. Халикова, и огромный Кухмарский могильник в Ярославском Поволжье, раскопанный в основном под руководством Д. А. Крайнова (Крайнов, 1962, 1972б, с. 48). Отдельные абашевские включения отмечены даже в бассейне р. Выгегды (Ульяновское погребение — Буров, 1965, с. 91—93) и в Финляндии (находки абашевского типа керамики в Утсиоки, Хайкисалми, Пиелисярви, так же как и отдельные типы металлических орудий, в частности наконечник копья с разомкнутой втулкой, из Пернио).

Что же касается распространения абашевского населения на Южный Урал, то отметим, что это население относительно рано проникает не только в Приуралье, но и на территорию Зауралья, освоив там Тап-Казганское месторождение меди, ибо из этого металла уже были изготовлены отдельные изделия, входившие в состав инвентаря Пепкинского кургана (Черных, 1970, с. 154).

С предлагаемым решением вопроса о происхождении и путях расселения абашевцев не согласуется мнение тех авторов (Кривцова-Гракова, Сальников и др.), которые говорили об автохтонности абашевского населения в Среднем Поволжье, связывая этногенез абашевцев с фатьяновско-балановским миром (Бадер, 1950а, с. 81; Кривцова-Гракова, 1947б, с. 98; Сальников, 1954, с. 81 и сл.), волосовскими древностями (Бадер, 1964а, с. 174) или с более широкой основой. Нельзя согласиться и с высказанным О. Н. Бадером положением о том, что формирование абашевцев происходило в результате взаимодействия южных земледельческо-скотоводческих и северных охотничье-рыболовческих племен на местной древнефинской волосовско-турбинской или сейминско-турбинской основе (Бадер, 1970, с. 70—71). Не подтверждается предположение и тех авторов, которые в той или иной степени становление абашевских древностей видят на территории Южного Урала (Горюнова, 1961, с. 13, 14; Матюшин, 1970, 1971) и даже еще далее к востоку (Брюсов, 1968, с. 14).

Дальнейшая судьба массивов абашевского населения на основных территориях лесостепной зоны Дона,

Поздняковская культура

Волги и Южного Урала выясняется на основе учета и анализа выявляемой картины распространения на эти территории срубников и алакульцев. Этот процесс нашел отражение в самых разнообразных формах. Одним из его результатов было появление своего рода синкретических абашевско-срубных и абашевско-алакульских памятников, среди которых наиболее известна группа ранних погребений эпохи поздней бронзы в Покровских курганах под г. Саратовом, тезис о наличии в которых абашевского компонента становится все более очевидным (Халиков, 1976, с. 48, 49; Качалова, 1976, с. 14, 15, табл. 1). Причем при всей сложности этого процесса основная линия развития в лесостепи в это время — это линия постепенного возобладания срубных и алакульских традиций над абашевскими, завершившаяся фактическим поглощением массивов абашевского населения и включением их в срубную и алакульскую культурно-исторические общности. Особенно показательны в этом плане данные, полученные при раскопках Шиловского и первого Масловского поселений в низовьях р. Воронеж и Синташтинского поселения на юге Челябинской обл.

Иначе решается вопрос о дальнейшей судьбе групп абашевского населения, продвинувшихся в самые северные пределы лесостепи и смежные лесные районы, куда впоследствии не распространялись сколько-нибудь большие массивы срубников и алакульцев. Вопрос об их судьбе должен решаться путем выяснения их соотношений с лесными культурами эпохи поздней бронзы Поволжья и Урала. В осмыслении же этого вопроса сделаны лишь первые шаги, вряд ли позволяющие воссоздать всю сумму проявлений этого процесса. Ясно лишь, что в лесной полосе Поволжья в инородном окружении растворились те группы абашевцев, которые оставили свои памятники на территории населения приказанской, поздняковской, чирковской культур и других групп населения того района.

Намечающимся решением вопроса о происхождении и дальнейшей судьбе абашевского населения обусловлен и подход к выяснению этноса этого населения. Отрицание генетической связи с абашевцами предшествующих по времени культур лесного Поволжья, как и отсутствие прямого наследования абашевских черт финно-угорскими культурами раннего железного века Поволжья, является серьезным аргументом в пользу отрицания и финно-угорского этноса абашевцев. В то же время определение их этноса как индоиранского становится все более очевидным (впервые такая точка зрения была высказана А. Х. Халиковым). Данная трактовка этноса абашевцев получает дополнительную аргументацию в связи с новыми доводами в пользу того, что абашевцы своими историческими корнями, развитием да и дальнейшей судьбой связаны с миром массивов населения древнейшей, срубной и алакульской культурно-исторических общностей, которые сейчас все более определенно рассматривают в прямой связи с проблемой ранней истории индоевропейцев, а затем и их группой индоиранских ответвлений.

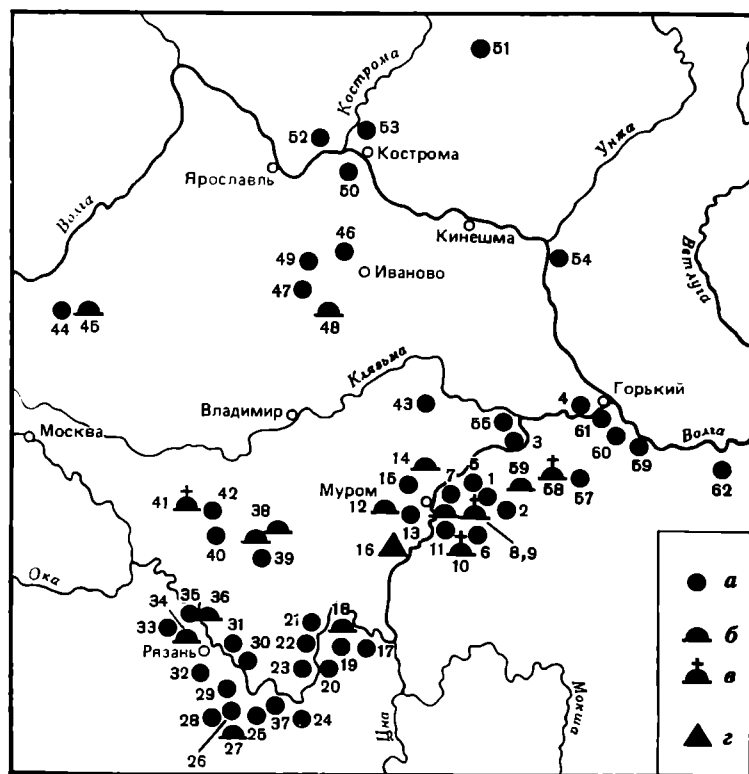
Эта культура была выделена в 1927 г. Б. С. Жуковым и Б. А. Куфтиным (Жуков, 1927; Куфтин, 1925). Свообразные поселения, объединенные впоследствии под этим названием, были известны раньше в результате исследований А. С. Уварова (Уваров, 1881, табл. XVI), А. А. Спицына (Спицын, 1905), В. А. Городцова (Городцов, 1915 и др.). Более широкие исследования были проведены во второй половине 20-х — 30-е годы в бассейне Нижней и Средней Оки (Бадер, 1929, 1939, 1940б; Збруева, 1947; Мансуров, 1937). Всего в эти годы были выявлены до 30 памятников поздняковского типа. После Великой Отечественной войны полевые исследования этих памятников были продолжены главным образом сотрудниками ГИМ (Попова, 1965а,б, 1967, 1969а, 1970, 1971, 1974, 1975, 1984; Цветкова, 1969в; Фоломеев, 1974, 1975) и другими исследователями (Бадер, 1976а; Халиков, 1960; Гурина, 1963 и т. д.). Сейчас известно более сотни памятников поздняковской культуры (карта 24).

Памятники поздняковской культуры оказались сосредоточенными главным образом в бассейне Верхней и Средней Оки, где встречаются как ранние, так и поздние поселения и могильники. В целом остатки этой культуры известны к северу от данной территории (в Верхнем Поволжье), к западу (бассейн р. Десны) и к востоку (район правобережья Средней Волги), куда они распространились в более позднее время. Некоторые особенности орнамента глиняной посуды позволяют предполагать наличие в пределах этой обширной территории ряда локальных вариантов поздняковской культуры.

В настоящее время поздняковская культура представлена различными памятниками: поселениями с остатками жилищ и могильниками курганными и грунтовыми с разным обрядом погребения умерших.

Общей особенностью поздняковских поселений является расположение их в речных долинах, на краю первых надпойменных террас, не заливаемых весенними паводками. В более позднее время поселения культуры отодвигаются дальше от воды, располагаясь на более высоких местах — Ефановское, Соловьевское и др. (Бадер, 1929, 1939, 1970; Халиков, 1960, с. 178).

Жилища и различные строения бытового назначения, обнаруженные на поселениях, представляют собой полуземлянки, от которых часто еще и сейчас сохраняются пологие западины. Так, на Подборновском поселении известны 5—6 жилищных впадин, из которых две были раскопаны. На поселении Логинов Хутор раскопаны также две сохранившиеся полуземлянки, хотя первоначально их было, вероятно, значительно больше; на поселениях Шава II и Саушкино также было исследовано по две полуземлянки, а на поселении Наумовское — одна. Все жилища имели четырехугольную форму и были углублены в землю на 20—30 см, чаще до 60—80 см. Они характеризуются столбовой конструкцией, двускатными крышами, тамбуром у входа и несколькими очагами. Размеры жилищ от 9×6 м (Подборновское) до 18×11—12 м (дюна Саушкино) (Мансуров, Бадер, 1974, рис. 7; Попова, 1974 и др.). Некоторые особенности имеют строения на поселении Логинов Хутор. Здесь не было обнаружено столбовых конструкций, очаг и зольники занимали почти половину площади жилища, где были

Карта 24. Основные памятники поздняковской культуры Волго-Окского бассейна

a — поселение; *b* — курганный могильник; *v* — грунтовый могильник; *z* — клад. 1 — Поздняково; 2 — Покровское; 3 — Сокорка; 4 — Гавриловка; 5 — Садовый Бор; 6 — Волосово; 7 — Вельтмынская; 8 — Старший Волосовский; 9 — Младший Волосовский; 10, 11 — Мало-Окулово; 12, 13 — Битюково; 14, 15 — Борисоглебское; 16 — Волутино; 17 — Подборновское; 18 — Ибердус II; 19 — Ибердус III; 20 — Курманская; 21 — Добрынин остров; 22 — Медвежий остров; 23 — Копаново; 24 — Тырнова слобода; 25 — Климентовская; 26—28 — Засеченское I, II; 29 — Харинское; 30 — Алексаново; 31 — Дубровичи; 32 — Барковская; 33 — Фефеловская придорожная; 34 — Фефелов Бор; 35, 36 — Логинов хутор; 37 — Тырнова Слольда II; 38 — Черная Гора; 39 — Владычино; 40 — Погостиче; 41, 42 — Коренец; 43 — Липки; 44, 45 — Николо-Перевоз; 46 — Сохтыш I; 47, 48 — Дикариха; 49 — Ватугинское озеро; 50 — Говядиново; 51 — Федоровское; 52 — Борань; 53 — Станок II; 54 — Сокольское II; 55 — Подборица Щербинская; 56 — Садовый Бор; 57, 58 — Наумово; 59 — Акозьино; 60 — Шавское; 61 — Безводнинское; 62 — Саушкино

обнаружены глиняные сосуды, в том числе — сосуды-курльницы, бронзовый нож и обгоревшие челюсти крупного быка. Рядом с жилищами раскопаны две большие могильные ямы с трупосожжениями, керамикой и остатками красной краски.

Поздняковские могильники весьма разнообразны. Известны как курганные, так и грунтовые с захоронениями, как правило, совершенными по обрядам трупоположения и реже кремации (рис. 68).

Обычно могильники располагаются вблизи соответствующих поселений на первой надпойменной террасе или на останце террасы, в поймах рек. Среди курганных могильников следует назвать Мало-Окуловский (15 раскопанных курганов), Битюковский (15 курганов), Борисоглебский (23 кургана), Коренецкий (6 курганов) (Збруева, 1947; Попова, 1967, 1970). Курганные насыпи имеют размеры до 1 м в высоту и до 10—12 м в диаметре. Лишь один курган в Борисоглебском могильнике имел насыпь высотой около 4 м и диаметр около 35 м. Курганы окружены рови-

ками. Обычно под насыпью находилась могильная яма с одним погребением, но известны и погребения под курганом без могильной ямы. Могильные ямы имели четырехугольную форму со скругленными углами, глубину 20—25 см, ширину 85—100 см и длину до 150 см. Исключение представляют ямы Борисоглебского могильника, имеющие значительно большие размеры: глубина до 2—2,5 м, ширина 2,8 м, длина 3—3,8 м (в ряде могил прослежены ступеньки).

Погребальный обряд реконструируется в следующем виде. На месте сооружения кургана разводили костер, который «очищал» место погребения (иногда серия костров устраивалась вокруг могильной ямы). Сооружали могильную яму, в которую укладывали растительную подстилку, а на нее — умершего в скорченном положении, головой преимущественно на север, северо-восток или северо-запад. В яму ставили целые сосуды, иногда покрытые красной краской, и специально разбитые сосуды. Кроме того, остатки красной краски иногда фиксируются в области черепа и ног погребенного. Земля для курганной насыпи бралась из ровика, окружавшего курган. В насыпи кургана обнаружены остатки тризны в виде целых и битых сосудов и костей животных.

Для курганных могильников характерен обряд трупоположения и только в Борисоглебском могильнике зафиксирован один случай кремации умершего. Кроме керамики, погребальный инвентарь включает кремневые наконечники стрел, ножи-скребки, бронзовые украшения, наконечники копий, кинжалы.

Грунтовые могильники также расположены в непосредственной близости от поселений, а иногда занимают частично их территорию. Это такие могильники, как Старший и Младший Волосовские, Черная Гора, Дикариха, Фефелов Бор и др. (Городцов, 1914б; Попова, 1970, 1973; Цветкова, 1969в; Никитин А. Л. 1963, 1976). Наиболее крупный из них — могильник Фефелов Бор, где были раскопаны 74 погребения, которые располагались тремя группами, отражавшими историю сложения могильника. Погребальный обряд грунтовых могильников в основных чертах повторяет описанный выше. Однако ориентировка погребенных здесь не столь строгая (головой не только на север, но и на северо-восток и северо-запад). Кроме того, чаще встречаются случаи кремации, в том числе без могильной ямы. Становится более неустойчивым и положение погребенных — от скорченных до вытянутых на спине (могильники Черная Гора, Фефелов Бор) (рис. 68).

Обобщение результатов раскопок могильников поздняковской культуры позволяет высказать предположение о том, что основные различия имеют временный характер. На ранней стадии развития культуры характерным было сооружение курганных и грунтовых могильников. На заключительной же стадии культуры умерших хоронили преимущественно в грунтовых могильниках.

Материальная культура поздняковских памятников представлена изделиями из камня, кремня, металла, но главным образом керамикой. Она разнообразна по формам и орнаментальным узорам. Весь ее облик отражает сложный процесс формирования самой культуры, ее генетические и культурные связи (рис. 69, 70). Керамика поздняковской культуры представлена лепными сосудами, изготовленными из

глины с примесью дресвы и шамота, а в восточных районах — раковины. Можно выделить пять основных типов форм глиняных сосудов: 1) различные «баночные» сосуды; 2) острореберные сосуды с плоским или уплощенным дном; 3) сосуды с округло-выпуклыми боками, широким устьем, намеченной шейкой и небольшим дном; 4) крупные сосуды с прямыми, почти вертикальными стенками, выделенной шейкой и небольшим дном; 5) условная группа, включающая «уникальные» сосуды, встреченные в единичных экземплярах.

Разнообразие и богатство орнаментации увеличивается от первой группы к третьей. Так, на сосудах первой группы орнамент занимает небольшую зону вдоль бортика сосуда (только в этой группе иногда встречаются сосуды без орнамента). Острореберные сосуды украшены значительно богаче — орнамент покрывает шейку, плечики, тулово, а иногда переходит на придонную часть сосудов. Наиболее пышный и разнообразный орнамент характерен для сосудов третьей группы, он покрывает все тулово и часто днище сосудов.

Для всех категорий поздняковской глиняной посуды характерно наличие орнаментированного бортика, на котором почти всегда присутствуют косые насечки, нанесенные нарезкой или зубчатым штампом. Иногда встречается орнамент на внутренней стороне горла сосуда.

Среди элементов орнамента наиболее распространены различные зубчатые штампы, сочетания которых составляют весьма сложные композиции. Кроме того, типичным для поздняковской посуды является орнамент из «жемчужин», выдавленных изнутри. В целом для поздняковской посуды характерно зональное расположение композиций орнамента из прямых или ломаных линий, зигзагов, бахромы, меандра, свастики, флажков, «сетки», а также ромбов и треугольников из ямок и т. п.

Наличие в керамических комплексах сложных узоров в виде простых и усложненных полос из меандра, свастики, полос городков и схематических человеческих фигур почти всегда дает основание датировать такие комплексы временем раннего и развитого этапов поздняковской культуры, т. е. XV—XIII вв. до н. э.

Точно так наличие в комплексах большого количества острореберных сосудов в сочетании с сосудами профилированных округлых форм (тип 3) свидетельствует о принадлежности керамического комплекса к ранней и развитой стадии поздняковской культуры. Наиболее ранней формой возможно считать сосуда 3 типа, хорошо профилированные.

Среди поздняковской керамики особо следует отметить сосуды с пиктограммой, изображениями зайца, луны, звезд, а также сосуды с носиком, ручками, квадратным устьем, в виде чаши и т. д. и обломок глиняной статуэтки, сохранившаяся часть которой изображает ногу в кожаном сапожке, стянутом шнуровкой (рис. 70).

Наблюдения за особенностями глиняной посуды и ее орнамента позволили прийти к некоторым выводам. В частности, установлено, что керамика поселений и могильников различается очень незначительно (более мелкие по размеру формы и несколько богаче украшенные чаще встречаются в могильни-

ках, чем на поселениях); по мере развития культуры происходит постепенное общее упрощение и обеднение орнамента, уменьшается роль веревочных и зубчатых штампов, которые заменяются разнообразными ямочными узорами; возрастает небрежность исполнения орнамента; для раннего и развитого этапов культуры наиболее характерны сосуды второй и третьей группы с орнаментом из меандра, свастики, городков и т. п.

Изделия из камня (рис. 67) представлены зернотерками, пестами разных размеров и форм, а также булавой со слегка каннелированной поверхностью (Коренецкий могильник).

Среди кремневых орудий (рис. 67) наибольшее распространение имели скребки для обработки шкур, дерева и кости. Особенно характерны массивные скребки со сплошь ретушированной высокой спинкой так называемого «поздняковского» типа. Обнаружены также ножи (серпы), обработанные заостряющей ретушью. Все кремневые орудия труда изготовлены на отщепах. Кроме того, выделяется группа изделий из кремня, которые могут быть отнесены к разряду охотничьего или военного оружия. Это прежде всего наконечники стрел трех типов: 1) треугольные черешковые сейминского типа; 2) треугольные вытянутые с неглубокой выемкой у основания; 3) треугольные с ровным или слабо вогнутым основанием — и наконечники копий и дротиков двух типов: 1) треугольно-черешковые; 2) треугольные вытянутые с выемкой у основания. Они изготовлены на отщепах или тонких ножевидных пластинах. Известны и крупные рубящие орудия из кремня — хорошо ретушированные плечиковые топоры, приспособленные для укрепления во втулке. В целом каменные и кремневые орудия, вероятно, еще сохраняют значительную роль в хозяйстве поздняковцев.

Своеобразной особенностью материальной культуры являются крупные орнаментированные грузила цилиндрической формы, усеченно-конические и биконические грузила с узким сквозным отверстием, глиняные прясла, в частности из обломков орнаментированных сосудов (рис. 70).

Носителям поздняковской культуры были уже достаточно хорошо известны изделия из металла и металлообработка как технологическая операция. Поскольку на территории поздняковской культуры отсутствуют месторождения меди, металлообработка практиковалась на привозном сырье и путем переливки пришедших в негодность медно-бронзовых изделий. Это подтверждается находками половинки сломанной формы для отливки наконечников копий (Подборновское поселение, рис. 65, 22), льячек (поселения Малый Бор и Логинов Хутор), а также медных шлаков (Поздняковское поселение).

Спектральный анализ изделий из металла показал, что по особенностям состава основное число их относится к волго-уральской химической группе, меньшее число — к волго-камской группе и, наконец, единичные изделия — к еленовско-ушкатинской и алтын-тюбинской группам. Таким образом, практически весь поздняковский металл имеет восточное происхождение (Черных, 1970).

Изделия из металла представлены тремя категориями предметов: орудиями труда, оружием и украшениями.

К орудиям труда (рис. 65) могут быть отнесены обломки кельтов (Ибердусское III и Алекановское поселения), обоюдоострые четырехгранные острия-шилья (Акозинское поселение), бронзовые обоюдоострые ножи (поселение Саушкино) и литые с последующей проковкой бронзовые крюкастые серпы. Эти серпы происходят из «клада» у д. Ваютино Меленковского района Владимирской обл. и датируются XV—XIV вв. до н. э. (рис. 65, 24).

К оружию (рис. 65) относятся бронзовые наконечники копий, которые в памятниках поздняяковской культуры известны трех типов: 1) плоские пламеобразной формы, с большим черешком, 2) плоские листообразной формы без черешка, 3) крупные втульчатые наконечники сейминского типа. Кроме наконечников копий, известны бронзовые кинжалы с намечающимся перекрестьем, лезвие которых отковано, а конец заострен; этот тип ножей характерен для срубной культуры. Особый интерес представляет единичная находка кинжала, (рис. 65, 12), рукоять которого оканчивается навершием, украшенным своеобразными «шпешечками» (Борисоглебовский могильник, курган 8; рис. 2; 8). В настоящее время таких кинжалов обнаружено несколько экземпляров (Попова, 1985). Они известны в памятниках эпохи поздней бронзы Приуралья и Казахстана и в срубно-абашевских памятниках лесостепного Поволжья. Аналогии этому кинжалу имеются также в памятниках сейминского типа у с. Решное Горьковской обл. (Бадер, 19766).

Украшения из бронзы (рис. 66) представлены височными кольцами, разнообразными бляхами, браслетами, бусами и бронзовой булавкой. Наиболее часто встречаются бронзовые височные кольца в полтора оборота двух типов: 1) кольца, свернутые из ровной неширокой пластины; 2) кольца, свернутые из вогнутой пластины с несколько расширенными концами. Уникальное височное кольцо происходит из Борисоглебовского могильника. Оно выполнено из золотой пластины, наложенной на бронзовую основу; по дужке кольцо украшено рядом насечек и восемью «шпешечками» по обоим заходящим концам. Весь орнамент выдавлен на золотой пластине с внутренней стороны, до ее накладки на бронзовую основу. Аналогия этому кольцу имеется в могильнике срубной культуры у с. Ново-Байбатырево в степной части Чувашии (Ефименко, Третьяков, 1961) и могильнике Хабарное (Федорова-Давыдова, 1964). Аналогичный технологический прием — оковка золотом бронзовой основы — известен у ряда племен андроновской этнокультурной общности.

В памятниках поздняяковской культуры встречены крупные и мелкие бронзовые бляхи, имеющие круглую или овальную форму. Они имеют два парных отверстия, расположенных по краям, и украшены точечным узором, выполненным пуансоном, и выпуклинами, идущими по поверхности блях.

Бронзовые браслеты представлены четырьмя типами: 1) широкие браслеты с заходящими концами, украшенные точечным пуансонным орнаментом, 2) широкие браслеты без орнамента с несомкнутыми концами, сделанные из слегка вогнутой полоски металла, 3) тонкие браслеты с заходящими концами, 4) браслеты, украшенные на концах спиральями. Первые два относятся к типично поздняяковским,

третий тип имеет аналогии в срубно-андроновских памятниках, а четвертый — только в андроновских.

Встречены остатки бронзовых бус бочонкообразной формы, а также мелкий бисер из сурьмы. В единственном пока экземпляре обнаружена бронзовая булавка с шайбообразной головкой (Алекановская стоянка), имеющая западные аналогии, датируемые XV—XIV вв. до н. э. (Брюсов, 1952).

Таким образом, можно заключить, что хотя поздняяковцы и не имели собственной цветной металлургии, но металлообработка цветных металлов получила у них определенное развитие, что нашло отражение в приемах обработки меди, бронзы, золота, а также в значительном разнообразии ассортимента изделий.

Обобщение всех имеющихся материалов по поздняяковской культуре позволяет наметить ее периодизацию и выделить отдельные этапы развития. Эту задачу затрудняет отсутствие радиоуглеродных датировок культурных остатков. Поэтому в основу периодизации может быть положен только метод сравнительно-исторического анализа (рис. 71), сопоставление с другими памятниками и культурами.

Так, комплекс изделий из металла: оружие (кинжал и втульчатые копья по аналогии с турбинско-сейминскими памятниками XVI—XV вв. до н. э.) и украшения позволяют по аналогии с андроновскими памятниками датировать время возникновения поздняяковской культуры алакульской стадией, т. е. серединой II тыс. до н. э. (Попова, 1977). Это мнение является наиболее распространенным (Брюсов, 1952; Бадер, 1957, 1970; Попова, 1970, 1973), но не единственным — ряд исследователей склоняются к более поздней датировке начала культуры: XIII в. до н. э. (Халиков, 1960) и конец II тыс. до н. э. (Третьяков, 1966).

Наиболее поздние памятники культуры датируются на основании находки бронзового кельта с боковым ушком (Младший Волосовский могильник) концом II — началом I тыс. до н. э. (Брюсов, 1952; Бадер, 1957, 1970; Попова, 1970, 1973). А. Х. Халиков, ориентируясь на более позднее сложение культуры, относит конец ее к первой четверти I тыс. до н. э. (Халиков, 1960). Вероятно, финальная дата поздняяковской культуры связана с широким распространением племен с сетчатой керамикой.

Таким образом, в целом поздняяковская культура относится к эпохе развитой и поздней бронзы.

Значительно более сложен вопрос об этапах внутреннего развития культуры. Наиболее распространенным является мнение о трехчленной ее периодизации: подборновский, малоборский и ефановский этапы (соответственно ранний, развитой и поздний этапы). А. Х. Халиков предложил выделять в качестве древнейшего четвертый — алекановский — этап развития (Халиков, 1960). Однако, этот вопрос дискуссионен.

К первому этапу (XV—XIV вв. до н. э.) относятся могильники Мало-Окуловский, Битюковский и поселения Алекановское, Поздняяковское, Велетьминское, Логиновское, Ибердусское III и Акозинское. В их материалах наблюдается еще высокая степень близости к срубной культуре и незначительная примесь «сетчатой» керамики (от 1 до 3%) (Попова, 1985). Датировочные типы изделий: бронзовая булавка и

кельт с Алекановского и Ибердусского поселений, втульчатые копыя сейминского типа.

Ко второму этапу (XIV—XIII вв. до н. э.) относятся могильники Борисоглебовский, Засеченский и центральная часть могильника Фефелов Бор, Коренец II, Дикариха, поселения Подборновское и Борисоглебовский могильник. Наблюдаются отклонения от строгой ориентации погребений, некоторое увеличение «сетчатой» керамики, главным образом в северных районах. К этому этапу относится наиболее далекое распространение поздняяковской культуры на север, в глубь лесной зоны, а также складываются устойчивые связи с племенами андроновской культуры и срубно-абашевской общности лесостепного Поволжья. Датированными предметами являются: литая форма втульчатого копыя с уступом (Подборновское поселение), кинжал с навершием, браслеты и бляхи (Борисоглебовский могильник) и т. п.

К третьему этапу (конец II — рубеж II—I тыс. до н. э.) могут быть отнесены грунтовые могильники типа Черногорского, Младшего Волосовского и периферийной части могильника Фефелов Бор. Для этого этапа типичны разнообразие ориентировки положения погребенных и отсутствие красной краски в могилах. Из поселений к этому времени относятся Ефановская, Харинская стоянки, Тырнова слобода и ряд других. Преобладают сосуды баночных форм и крупные сосуды удлиненных пропорций; орнамент на посуде становится небрежным, а неорнаментированные участки поверхности сосудов обработаны весьма грубо.

Для определения связей поздняяковской культуры с культурами более ранними и синхронными ей наиболее показательны изделия из металла. На древнюю связь (на раннем этапе) с племенами срубной культуры указывают ножи и кинжалы с намечающимся перекрестьем, крюкастые серпы и неширокие желобчатые браслеты, а также втульчатые копыя. Это же подтверждается сходством в двух керамических формах: баночной и острореберной и ряде орнаментальных мотивов, а также появлением курганных могильников в Окском бассейне.

Синхронные связи нашли отражение в поздняяковском металле. Выше отмечалась его связь с территориями Южного Приуралья и лесостепного Поволжья. Бронзовые украшения (бляхи и браслеты) находят аналогии по форме и технике изготовления в материалах памятников андроновской этнокультурной общности. Это дает возможность датировать поздняяковские памятники с этими украшениями XV—XIII вв. до н. э. (Федорова-Давыдова, 1962). Золотые височные кольца на бронзовой основе и кинжал из Борисоглебовского могильника находят аналогии в срубных, сейминско-турбинских и срубно-абашевских древностях лесостепного Поволжья (Ефименко, Третьяков П. Н., 1961; Тихонов, 1960; Стоколос, 1972; Бадер, 1970, 1977; Кузьмина, 1984; Халиков, 1961).

Кроме того, надо указать на некоторые связи поздняяковских и абашевских могильников по особенностям погребального обряда: наличие остатков ритуальных кострищ, а иногда и оградок у погребальных ям (Мерперт, 1966). О значительной устойчивости поздняяковско-абашевских связей свидетельствуют также находки абашевских захоронений в бассейне Оки, указывающие на прямое проникновение абашев-

цев на территорию Окского бассейна (Ефименко, Третьяков П. Н., 1961; Алихова, 1956). Важно отметить, что в восточных районах распространения поздняяковской культуры встречена керамика, сделанная из глины с примесью толченой раковины (Акозинское поселение), что более характерно именно для абашевских памятников.

Таким образом, основным направлением культурных связей племен поздняяковской культуры были восточное и юго-восточное.

Подводя итоги рассмотрению поздняяковских древностей и связанных с ними проблем, остановимся очень кратко на вопросах происхождения, исторической роли и судеб племен поздняяковской культуры. Для их понимания необходимо учитывать, что эта культура сформировалась и существовала в южной зоне лесов, протянувшихся тысячекилометровой полосой вдоль границы с лесостепью, где издревле обитали племена скотоводов.

Выше нами уже подчеркивалась связь поздняяковской и срубной культур. Продвижение населения срубной культуры на север (вниз по течению Цны и, вероятно, Прони, а также вверх по Дону) началось в ранний период ее истории, о чем свидетельствуют памятники бассейна Цны и Оки (Збруева, 1947; Попова, 1960, 1970). В результате продвижения носителей срубной культуры из бассейна Дона на Оку здесь уже в XV, а возможно и в XVI в. до н. э. начала складываться поздняяковская культура как результат культурного синтеза пришлого и местного населения эпохи ранней бронзы.

Поздняяковская культура сыграла большую положительную роль в истории первобытного населения обширной территории Волго-Окского края. На протяжении второй половины II тыс. и рубежа II—I тыс. до н. э. в ее среде завершился переход к производящим формам хозяйства и, вероятно, даже к формам подсечного земледелия, получившим полное развитие здесь уже в железном веке.

Дальнейшая судьба поздняяковской культуры связана с культурой «сетчатой» керамики. В большинстве поздняяковских памятников доля этой керамики составляет не более 4—5% и только в Коренецком II могильнике доходит до 11,1%. Последнее, вероятно, связано уже с проникновением в северные районы бассейна Средней Оки носителей сетчатой керамики с территории Верхнего Поволжья. Резкое увеличение сетчатой керамики в памятниках Средней Оки начинается, по-видимому, в конце II и на рубеже II—I тыс. до н. э. (городище Тюков Городок, поселение Фефелов Бор I и др.). Вместе с этим процессом практически здесь прекращают существование племена поздняяковской культуры.

Вполне вероятно, что какая-то часть поздняяковского населения могла быть ассимилирована пришлыми племенами носителей сетчатой керамики. По-видимому, этот процесс был сложен и не везде проходил одинаково. Смена населения и частичная ассимиляция поздняяковских племен носителями сетчатой керамики начались раньше всего в северных районах распространения поздняяковской культуры (в Верхне-Волжском и Волго-Клязьминском междуречье), а в восточных районах этот процесс проходил несколько позднее.

Чирковская культура

Внедрение в лесостепную и лесную полосу Восточной Европы в эпоху бронзы земледельческо-скотоводческих племен вызвало значительные изменения в экономике, культуре и общественных отношениях местных племен. Большей частью археологически эти изменения ощущаются уже в сложившемся виде, как это, например, произошло с приказанскими племенами. Сам же процесс изменений в большинстве случаев как бы скрыт. Поэтому особый интерес представляют те археологические новообразования, в которых проявляется процесс синтеза культурных традиций пришлых и местных племен. Для районов Поволжья и Прикамья таким новообразованием является чирковская культура, выявленная нами в 1960 г. (Халиков, 1960, с. 74 и сл.; 1969, с. 182 и сл.) и получившая признание среди археологов (Бадер, 1964а, 1970).

Изучение этой культуры представляет особый интерес и в связи с тем, что она проявляет ярко выраженную близость к культуре зауральских и западно-сибирских племен.

В настоящее время к чирковской культуре можно отнести более 40 памятников, распространенных от Верхней Волги до устья р. Белой (карты 25—28). Благодаря таким широко раскопанным поселениям, как Галанкина Гора, Кубашевское, Чирковское (Халиков, 1960, 1969), Васильсурское (Халиков, Халикова, 1963), Юринское (Патрушев, 1978), а также материалам Сейминского могильника (Бадер, 1970; Халиков, 1969) и Зуево-Ключевского комплекса (Генинг, 1975) достаточно полно можно представить особенности культуры. В своем развитии чирковская культура, датированная второй половиной II — началом I тыс. до н. э., прошла примерно четыре этапа: галанкиногорский (XVI—XV вв. до н. э.), сеймино-кубашевский (XV—XIV вв. до н. э.), юринский (XIII—XII вв. до н. э.) и чирковский (XI—VIII вв. до н. э.) (Халиков, 1969, с. 191 и сл.).

Почти на всем протяжении для чирковской культуры были характерны поселения, расположенные на естественно укрепленных местах: Галанкина Гора — для первого этапа, Кубашевское и Оленья Гора — для второго, Васильсурское, Сомовское — для третьего, Ройский Шихан, Макарьевское и Чутайские городища — для четвертого. Вместе с тем на последних этапах бытуют и поселения на низких местах, как это видно на примере Юринской стоянки (Патрушев, 1978).

Жилища, исследованные на поселениях, в основном были наземными с бревенчатыми стенами — см. поселения Галанкина Гора, Кубашевское, Юринское, Чирковское. Преимущественно это прямоугольной формы дома с относительно упорядоченной системой очагов. Долгое время они сохраняют общение друг с другом, но для заключительного этапа, как это показывают исследования Чирковского поселения (Халиков, 1960, с. 114) и нижнего слоя I Сомовского городища (Патрушев, 1979, 1980), характерны уже изолированные наземные дома срубно-столбовой конструкции. На Чирковском поселении исследовано жертвенное место в виде скопления сосудов, клыков и челюстей медведя, перемешанных с золой и углями (Халиков, 1960, с. 146 и сл.). Возможно, это остатки

жертвоприношений возле несохранившегося священного дерева. Такой же характер, очевидно, имели знаменитые Галичские клады, найденные в трех комплексах вместе с фрагментами керамики, близкой к чирковским сосудам юринского этапа (Спицын, 1903 б; Халиков, 1969, с. 202—205).

Сложнее с вопросом о могильниках и погребальном обряде чирковского населения. С самого начала выделения культуры отстаивалось мнение, что чирковскими племенами был оставлен Сейминский могильник. Поэтому и название культуры было первоначально предложено как чирковско-сейминская (Халиков, 1960, с. 74). О. Н. Бадер, полагающий, что Сейминский могильник принадлежит так называемым сеймино-турбинским племенам, резко выступал против этого мнения и считал, что комплекс чирковско-сейминской керамики, преобладающий в материалах Сейминского могильника (Халиков, 1960, с. 122 и сл.), оставлен более поздним населением, обитавшим на Сейминской дюне после прекращения функционирования могильника (Бадер, 1964а, с. 115). Этот спор в известной мере разрешается открытием В. Ф. Генингом (Генинг, 1975, с. 217) Зуево-Ключевского могильника, по погребальному обряду близкого Сейминскому и Турбинскому могильникам, но в то же время содержавшего типично чирковскую керамику, характерную для финальных этапов культуры.

Зуево-Ключевский могильник располагается на мысу правого берега р. Камы, занятом позже ананьинским городищем, почти напротив устья р. Белой. Такое местоположение, очевидно, не случайно.

По мнению С. В. Кузьминых, почти все известные ныне могильники сеймино-турбинского типа расположены возле устья крупных рек — Чусовой (Турбинский), Камы (Соколовский), Белой (Зуево-Ключевский), Оки (Сейминский), Клязьмы (Решна). В Зуево-Ключевском могильнике вскрыто 25 могильных ям, преимущественно вытянутых с юго-запада на северо-восток. Такая ориентировка характерна и для всех достоверных могил Сейминского и Турбинского могильников (Бадер, 1970, с. 98). В двух случаях (погр. 22 и 51) костяки лежали на спине с подогнутыми ногами головой на юго-запад или северо-восток. Могильные ямы в среднем имели глубину около 50 см, они были прямоугольной, реже овальной формы.

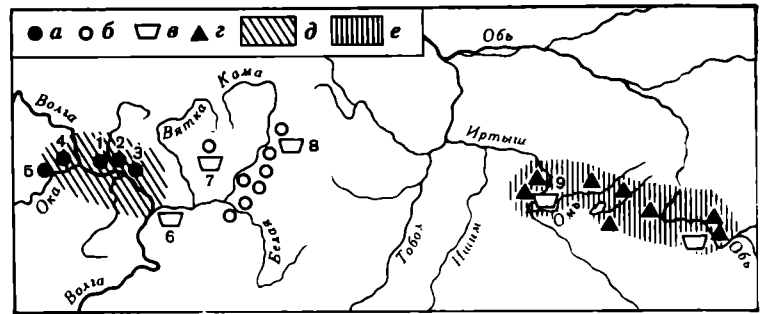
Близкого типа захоронение (с подогнутыми ногами, головой на юго-восток), сопровождаемое сосудом с налепным валиком, обнаружено на поселении Лобань I (Гусенцова, Сенникова, 1980, с. 121). Такие же погребения, сопровождаемые валиковой кротовской керамикой и классическим сеймино-турбинским металлом вместе с литейными формами, исследуются В. И. Молодиным (Молодин, 1980, с. 221—222) в Барабинской лесостепи.

Материальная культура чирковских племен, до решения спора о культурной принадлежности могильников сейминско-турбинского типа, может быть охарактеризована в основном оригинальной керамикой. На поселениях ранних этапов в керамике еще отчетливо выступают составные части культуры (рис. 72). Это комплекс поздневолосовской керамики, оригинальные сосуды с налепными валиками, группа ярко выраженных балановских сосудов и зарождаю-

Карта 25. Ранний (галанкиногорский) этап чирковской культуры

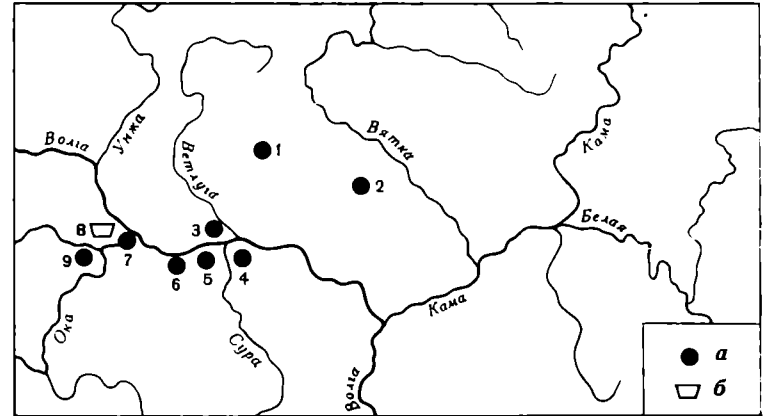
a — поселения чирковской культуры; *b* — находки валиковой керамики кротовского типа в Прикамье; *в* — могильники; *г* — поселения кротовской культуры; *д* — район распространения кротовской культуры; *е* — район формирования чирковской культуры

1 — Галанкина Гора; 2 — Ахмыловское; 3 — Уржумкинское; 4 — Решетиha; 5 — Сокорка; 6 — Соколовский; 7 — Лобань I; 8 — Турбинский

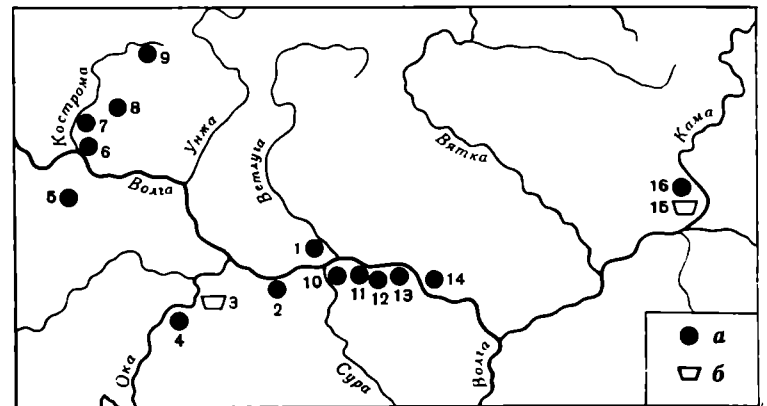
Карта 26. Кубашевско-сейминский этап чирковской культуры

a — поселение; *б* — могильник. 1 — Кубашевское; 2 — Новоселовское; 3 — III Полянское; 4 — Васильсурское; 5 — I Сомовское; 6 — Оленья Гора; 7 — IV Володары; 8 — Сейминский; 9 — Истоки Мельничный

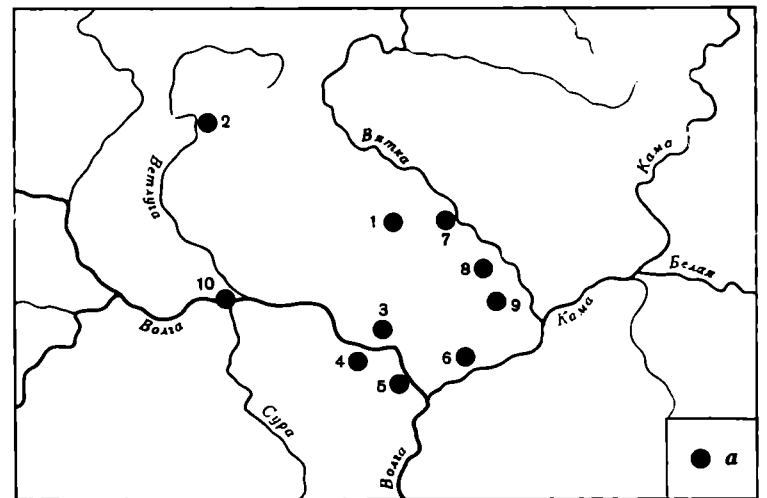
Карта 27. Юринский этап чирковской культуры

a — поселение; *б* — могильник. 1 — Юринское; 2 — II Сомовское; 3 — Решня; 4 — М. Окулово; 5 — Сахтыш II; 6 — Борань; 7 — Станок; 8 — Федоровское; 9 — Туровское поселение и Галичские клады; 10 — Васильсурское; 11 — Хмелевское; 12 — Носелы; 13 — Юльялы; 14 — Н. Р. Луговское; 15, 16 — Зуевские ключи

Карта 28. Чирковский этап чирковской культуры

a — поселение. 1 — Чирковское; 2 — Пановское; 3 — I Сумское; 4 — Макарьевское; 5 — Нижнеуслонское; 6 — Сорочьи Горы; 7 — Ройский Шихан; 8 — I Чутеево; 9 — II Чутеево; 10 — Васильсурское

щиеся гибридные формы — преимущественно круглодонные сосуды, по форме напоминающие балановские, а по фактуре и орнаменту — сосуды первых двух групп (см. материалы поселения Галанкина Гора — Халиков, 1969).

На сеймино-кубашевском этапе таких сосудов уже значительно больше — до половины всего керамического комплекса, хотя сохраняются и все остальные группы (рис. 73). Наиболее выразительно керамика этого периода представлена материалами Кубашевского поселения и Сейминской дюны (Халиков, 1960). Сосуды первых двух групп здесь более тонкостенны, характерно исчезновение сосудов второй группы, т. е. орнаментированных валиками. Балановская керамика представлена шаровидными сосудами с орнаментом атликасинского типа. В собственно чирковской посуде, сохраняющей еще вытянутые пропорции, наблюдается появление своеобразного орнамента — «змейки».

На памятниках юринского этапа (см. материалы Юринской стоянки, Галичских памятников) чирковско-сейминская керамика уже полностью господствует (рис. 74). Узоры ее орнаментации становятся более пышными, хотя и сохраняют свою строгую геометрию. На памятниках, расположенных на контактных с балановской территорией зонах (см. Юринская стоянка, второй слой Васильсурского поселения), бытует и балановская керамика опшпадинского и хулашюцкого типов.

Встречаются сосуды, по форме и орнаменту напоминающие абашевские. Весьма показательна, что вся эта керамика (и балановская, и абашевидная) воспринимает в орнаменте да и в форме чирковские

традиции (вытянутые пропорции, орнаментация крупнозубчатым штампом и крупными насечками и т. п.). На памятниках заключительного (чирковского) этапа единственным видом посуды является собственно чирковская — круглодонная с цилиндрическим или отходящим раструбом горлом, изготовленная из глины с примесью органических остатков и

толченой раковины и покрытая в верхней половине тулова довольно пышным орнаментом геометрически-зонального характера. Наиболее ярко эта керамика представлена в материалах Чирковского поселения, а также ряда городищ — Ройский Шихан, Макарьевское и др. На последних эта керамика уже встречается вместе с раннеананьинской (Архипов, 1962, с.203).

Из других глиняных поделок на чирковско-сейминских поселениях известны пряслица, зооморфные фигурки, чашевидные тигли и т. п.

Хотя почти на каждом поселении (см. Галанкина Гора, Кубашево, Юрино, Чирки, Васильсурское) встречены металлические изделия и следы их изготовления в виде обломков глиняных тиглей, выплесков меди и шлаков, сейчас еще трудно установить характер металлопроизводства чирковского населения. Во всяком случае, этому населению, очевидно, были широко известны все основные формы тех великолепных медных, бронзовых и серебряных орудий труда, оружия и украшений, которые сохранились в материалах Сейминского, Турбинского и близких им могильников, а также в Галчских кладах.

Продолжали употреблять и каменные орудия — наконечники стрел черешковидные, с усеченным основанием, ножи, скребки, тесла и т. п. Известны были и изделия из кости — долотца, наконечники стрел, амulette из клыков медведя и т. п.

В хозяйственной жизни чирковско-сейминских племен ведущее положение, очевидно, занимали производящие отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство, хотя немаловажное значение имели охота, рыболовство и собирательство. В этом отношении показательны материалы Васильсурского поселения, нижний слой которого относится ко времени формирования чирковской культуры, а последующий — к периоду ее расцвета. В нижнем слое процент костей домашних животных меньше диких (47% против 53%), а в составе стада преобладают свиньи (46%) и крупный рогатый скот (49%) при малочисленности лошадей (5%). Очевидно, в начальной поре скотоводство у чирковско-сейминских племен еще занимало подчиненное положение. Но уже в вышележащем слое процент костей домашних животных увеличивается до 66%. Наряду с этим отмечается при преобладании в стаде свиней (53%) увеличение лошадей (до 24%) и появление мелкого рогатого скота (1,5%). Но в более северных, т. е. лесных, районах скотоводство даже на поздних этапах занимало подчиненное положение. В материалах Чирковского поселения при преобладании костей медведя, лося и других диких животных единичны кости свиньи и лошади.

Следы земледелия у чирковско-сейминских племен пока незначительны. Оставленные ими памятники почти не дают находок зернотерочных плит и пестов. Неизвестны также и орудия обработки почвы, если не считать бронзовых кельтов сейминского типа, которые могли употребляться в качестве мотыг. Однако находки на поселении Галанкина Гора, в Сейминском могильнике сосудов с отпечатками тканей на днищах, наличие в сейминских материалах серповидных ножей позволяют предполагать у чирковских племен земледельческие навыки.

Общественные отношения у чирковских племен, очевидно, находились на стадии перехода к патриархальным. Так, на поселении Галанкина Гора мы еще

видим сохранение традиционных для предшествующего волосовского времени соединенных общинных домов, характерных в лесной полосе Поволжья для переходного от матриархата к патриархату периода (Халиков, 1969, с. 345—346). Но в то же время здесь наблюдается интересное явление — в составе керамического комплекса поселений содержатся балановские сосуды, проникновению которых способствовали перекрестные браки поздневолосовского населения с балановскими племенами. Приход женщин в другой род возможен лишь при патриархальной форме брака, поэтому есть основание полагать, что уже с самого начала эта форма брачных отношений была характерна для чирковских племен. На следующем (сейминско-кубашевском) этапе патриархальные отношения, очевидно, еще более усиливаются. В этот период на смену соединенным домам приходят изолированные жилища больших семей и еще более расширяются браки с балановцами.

Сложным представляется процесс формирования культуры и особенно этноса чирковских племен. Как уже неоднократно отмечалось (Халиков, 1960), их формирование происходило на основе взаимосмешения поздних волосовских (на панфиловском этапе) и ранних балановских (в конце балановского этапа) племен. Волосовско-балановские контакты в это время (Бадер, Халиков, 1976, с. 78) проходили достаточно широким фронтом — почти по всему Марийско-Горьковскому Заволжью. Об этом кроме широко известного поселения Галанкина Гора свидетельствуют и другие поздневолосовские памятники — II Ахмыловское (Никитин, 1977), Уржумкинское (Архипов, Никитин, 1977) и др.

Но был еще третий компонент. Он выявлен в материалах поселения Галанкина Гора в виде сосудов второй группы, по форме и органическим примесям в тесте близких поздневолосовским, но отличающихся от них более пышным орнаментом, выполненным налепными горизонтальными или волнистыми валиками, защипами по краю венчика и отпечатками зубчатого штампа, преимущественно в виде «шагающей гребенки». То, что эта группа активно участвовала в формировании чирковской керамики, свидетельствуют находки в том же поселении небольших сосудиков бачночной формы, тонкостенных, но с валиковым орнаментом, а также хорошо выраженный комплекс чирковской керамики из Зуево-Ключевского поселения, сохранившего в своей орнаментации валиковые реликты (Генинг, 1975).

Мне уже приходилось отмечать, что украшение налепными валиками неизвестно в керамике местных энеолитических культур лесного Поволжья, поэтому такую деталь орнаментации следует считать явлением, привнесенным со стороны (Халиков, 1969, с. 190). Но откуда могла появиться такая своеобразная деталь орнаментации? Имеющиеся материалы указывают на восток. В первую очередь это целая серия турбинских или близких к ним памятников конца гаринского этапа, в керамическом материале которых отмечается валиковая керамика. В значительном числе она найдена в нижнем слое поселения Лобань на Кильмези (Гусенцова, Сенникова, 1980), имеется она в материалах Игимского поселения Икско-Бельского междуречья, наконец, единичными фрагмента-

ми с волнистым валиковым орнаментом она отмечена в позднегаринских (ольховского этапа — по О. Н. Бадеру) памятниках Среднего Прикамья — Тюремка II, III, Бойцовское II, Камский Бор II (рис. 2, 5), Ново-Ильинское II, Бор I (Бадер, 1961а, 1962; Коногорова, 1961). Но и на Каме эта традиция не местная, так как ни неолитическая (волго-камская), ни энеолитическая (левшинская и ранняя турбинская) керамика валиковой орнаментации не знают. Нет такой керамики ни в более южных (Матюшин, 1982), ни в более северных (Канивец, 1974) районах. Поиски аналогий и особенно истоков этой традиции уводят нас еще дальше на восток.

Наиболее выраженная группа керамики, украшенной волнистыми и прямыми валиками, а также орнаментом из оттисков «шагающей гребенки», на востоке для синхронного времени, т. е. середины и конца второй половины II тыс. до н. э., выявляется в комплексах так называемой кротовской культуры Новосибирского Приобья и Обь-Иртышского междуречья (Молодин, 1977; Косарев, 1981 а, с. 106 и сл.). Причем в памятниках этой культуры валиковая керамика абсолютно преобладает, составляет от 54,2% (Преображенка) до 100% (Кротово) (Молодин, 1977, с. 55). Валиковая керамика найдена также в материалах Ростовкинского могильника (Матющенко, Ложникова, 1969) и широко исследуемого В. И. Молодиным (1980) могильника Сопка, по погребальному обряду и особенно инвентарю близких сеймино-турбинским могильникам Волго-Камья.

Сближается и форма жилищ. Как и в поселениях раннего этапа чирковской культуры (см. Галанкина Гора, Кубашево), на поселениях кротовской культуры бытовали однокамерные и двухкамерные прямоугольные сооружения с очагом в центре каждой из камер (Косарев, 1981 а, с. 109). Сама кротовская культура датируется второй — третьей четвертью II тыс. до н. э. (Молодин, 1977, с. 67—68) и входит в обширный круг лесных и лесостепных культур самусько-окуневского типа (Членова, 1977), послуживших, по мнению многих исследователей, истоком для сейминско-турбинских бронз Восточной Европы (Gimbutas, 1955; Черных, 1970; Косарев, 1981а).

Таким образом, намечается еще одна связь для объединения поселений чирковской культуры с могильниками сеймино-турбинского типа, с одной стороны, а с другой — усиливается доказательство западносибирского (кротовского) происхождения части племен, оставивших в Восточной Европе могильники сеймино-турбинского типа и поселения чирковской культуры.

Время функционирования могильников сеймино-турбинского типа совпадает с основными этапами развития чирковской культуры. Так, с начальным (галанкиногорским) этапом, очевидно, следует синхронизировать основные погребения Турбинского могильника, датированные О. Н. Бадером (Бадер, 1964 а) XVI—XV вв. до н. э., и выше отмеченные погребения на стоянке Лобань I.

Время функционирования Сейминского и близких ему могильников (Решна) синхронно второму (кубашевско-сейминскому) этапу чирковской культуры, совпадающему с атликасинским этапом балановской культуры (XV—XIV вв. до н. э.). Кроме Кубашевского поселения и Сейминского могильника, к этому

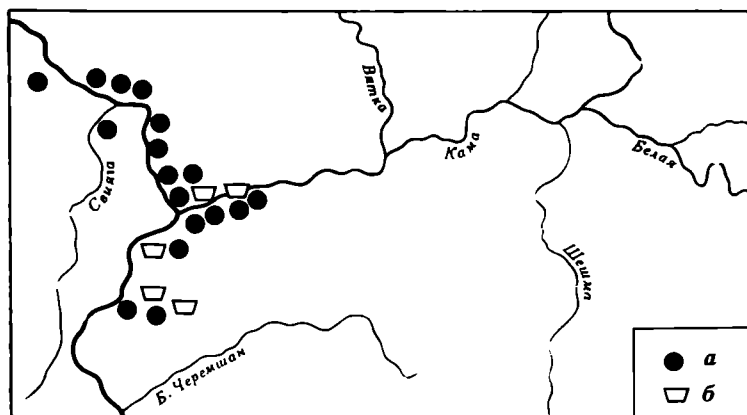
этапу можно причислить такие памятники, как Исток Мельничный, Володары у устья р. Оки, Оленью Гору и нижний слой Сомовского и Васильсурского городищ, Новоселовское поселение Марийской АССР. В это время оформляются основные особенности культуры, что наглядно видно на материалах керамики. Однако сохраняются и составные комплексы, в том числе и реликты валиковой керамики. Последняя, например, с валикообразным краем известна в материалах Сейминского могильника (Бадер, 1970, с. 141).

На юринском этапе, совпадающим с опшандинским этапом балановской культуры (XIII—XII вв. до н. э.), зона дисперсного распространения чирковско-сейминских памятников становится довольно обширной — от района р. Костромы на Верхней Волге (см. поселения Станок, Борань, Федоровское, Сахтыш II) до устья р. Белой на Каме (см. Зуево-Ключевский комплекс). В этот период завершается формирование чирковской культуры, исчезают все составные культурные компоненты и только в контактных зонах встречается балановская керамика.

На заключительном чирковском этапе, хронологически занимающем грань II и I и первую четверть I тыс. до н. э., исчезает и балановская керамика. Памятники, содержащие чистую чирковскую керамику, в основном тяготеют к Прикамью: кроме Чирковского поселения, это отдельные керамические группы, встреченные преимущественно на раннеананьинских поселениях — см. поселения и городища Макарьевское, Н. Услонское, Сорочьегорское, I и II Чутайские, Ройский Шахин. Поздняя чирковско-сейминская керамика, особенно с таким характерным орнаментом, как «змейка», являющимся реликтом волнистого валика, сближается с первой группой керамики гамаюнской или каменногорской культуры Западной Сибири (Стоянов, 1970 и др.). Возможно, что в развитии последней определенную роль сыграли и отдельные группы волго-вятского (чирковского) населения, возвратившиеся на свою первоначальную территорию и принешие с собой те индогерманские лексические заимствования, которые отмечают липгвисты в угорских языках Западной Сибири (Joki, 1973).

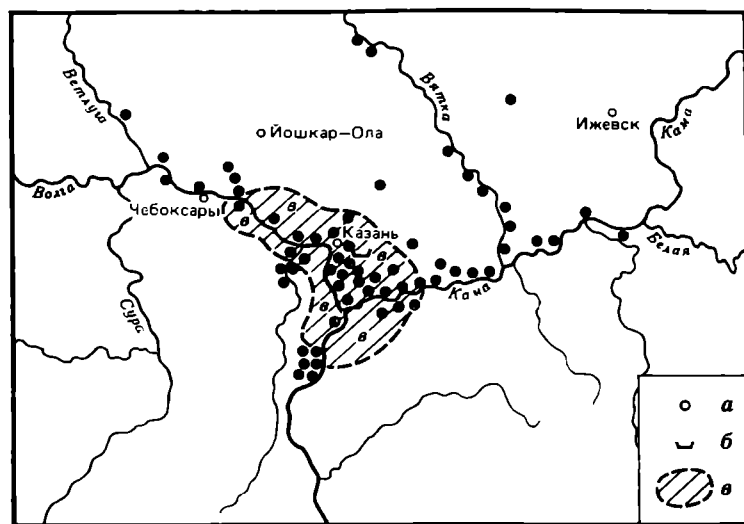
Приказанская культура

Около 100 лет тому назад в окрестностях Казани профессора Казанского университета А. А. Штукенберг и Н. Ф. Высоцкий (Штукенберг, Высоцкий, 1885) открыли и исследовали несколько интересных стоянок (в 1879 г. — у Карташихи и Атабаево; в 1880 г. — у Поповки, в 1881 г. — у д. М. Отары, в 1882—1883 гг. — у д. Победилово и Б. Отары), которые ими были отнесены к неолитической эпохе. Лишь в 30-е годы XX в. было высказано предположение, что стоянки «карташихинской стадии» относятся к эпохе бронзы и могут быть датированы в пределах 2000—1200 гг. до н. э. (Шмидт, 1935; Худяков, 1935). Еще более ограниченная датировка этих стоянок — вторая половина II — начало I тыс. до н. э. — была предложена Н. Ф. Калинин (Калинин, 1948, с. 51). В 1950—1953 гг. Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков провели широкое исследование стоянок и, учитывая сосредоточение в окрестностях Казани наиболее

Карта 29. Распространение основных памятников приказанской культуры на займищенском этапе (середина II тыс. до н. э.)

a — поселение; б — могильник

Карта 30. Карта распространения основных памятников приказанской культуры на балымско-карташихинском этапе (третья четверть II тыс. до н. э.)

a — поселение; б — могильник; в — основной район распространения памятников на займищенском этапе

изученных памятников, назвали культуру «приказанской» (Халиков, 1953; Калинин, Халиков, 1954 а, с. 1,2).

В 40–50-е годы серия стоянок этой культуры была выявлена и исследована А. В. Збруевой (Збруева, 1961) в окрестностях пос. Луговое у г. Елабуги и по левому берегу Волги ниже устья р. Камы. В конце 50-х годов Марийской археологической экспедицией было изучено несколько приказанских поселений по волжскому левобережью между г. Волжским и г. Звениговым и в правобережье бассейна р. Вятки (Халиков, 1960, с. 142–152). В эти же годы группа стоянок, близких по культуре к позднеприказанским памятникам, была выявлена в Башкирии в бассейне р. Белой. Исследователи дали их культуре название курмантаусской, хотя и отметили ее значительную близость приказанской (Сальников, 1967; АКБ, с. 21). В 50–60-е годы интенсивные работы в Прикамье пермских археологов привели к открытию там памятников, близких по культуре к позднеприказанским.

Их культура О. Н. Бадером и В. П. Денисовым была названа ерзовской (Денисов, 1967, с. 29 и сл.).

В зоне Куйбышевского водохранилища работами казанских археологов только в пределах Татарской АССР в 1961–1975 гг. открыто и в разной степени исследовано более 200 приказанских стоянок и могильников (Габяшев, Казаков и др., 1976, с. 12–14; АКТ, 1, с. 11). Значительная серия таких же памятников обнаружена археологическими разведками в зоне водохранилища Нижнекамской ГЭС (Бадер, 1972 а) и Чебоксарской ГЭС (Никитин, Старостин, 1978).

Общее число всех выявленных приказанских памятников Среднего Поволжья и Прикамья к концу 70-х годов дошло до 500 (Халиков, 1980) (карты 29–32). На многих из них проведены исчерпывающие раскопки. Все это создало реальную основу для написания ряда обобщающих работ по приказанской культуре (Халиков, 1967; 1968, 1969, 1980).

Ее периодизация включает четыре последовательных этапа: займищенский (XVI–XV вв. до н. э.), балымско-карташихинский (XIV–XIII вв. до н. э.), атабаевский (XII–X вв. до н. э.) маклашевский (X–IX вв. до н. э.). Общее время развития культуры, таким образом, падает на вторую половину II тыс. до н. э. и начало I тыс. до н. э. (Халиков, 1980).

Излюбленным местом расположения приказанских поселений (известно их более 450) были надлуговые террасы рек, преимущественно Волги и Камы и их крупных притоков. На малых притоках и речках приказанцы не селились. Характерно расположение поселков группами. На маклашевском этапе поселения располагаются на естественно укрепленных местах — на мысах крутых берегов. Тогда же появляются и первые укрепленные поселки-городища (Халиков, 1980, с. 15).

Показательно, что на месте большинства приказанских поселений обнаружены поселения последующей ананьинской культуры (Халиков, 1977 а, с. 17 и сл.).

Размеры поселков небольшие — от 1000 до 3000 кв. м., но на займищенском и маклашевском этапах преобладают малые поселки (до 2000 кв. м), а на балымско-карташихинском и атабаевском этапах — относительно крупные, с площадью до 3600 кв. м. Встречаются очень крупные поселки — до 15000 кв. м. Соответственно изменяются число и размеры жилищ на поселениях: от 3–4 относительно небольших соединенных между собой полуземлянок площадью 25–40 кв. м на поселениях займищенского этапа до крупных, преимущественно изолированных наземных домов прямоугольной формы площадью не менее 100 кв. м на поселениях последующих этапов. Исчерпывающие раскопки со вскрытием площади всего поселения показали, что каждый приказанский поселок состоял из жилых домов, на ранних этапах соединенных друг с другом переходами, хозяйственных сооружений (загонов для скота, общественных хранилищ) и общего для поселка ритуального места, состоящего из большого кострища, окруженного малыми кострами, а иногда и наиболее почетными захоронениями. Наиболее полно изученными поселками являются стоянки Займище III (Калинин, Халиков, 1954 а, с. 224–230), Балымская (Халиков, 1953) и Карташихинская I (Калинин, Халиков, 1954 а, с. 169–176).

Жилища обычно располагаются в один или два ряда, хотя известно и групповое их размещение. Для конструкций домов, имевших двускатные или шатровые перекрытия, характерны столбовое крепление стен и простые, расположенные обычно по осевой линии очаги.

Интересный, но пока еще слабо изученный вид памятника представляют Антоновское и Красновиловское места добычи кремня. Они располагаются по правому берегу Волги у обнажений пермских пород, в меловых отложениях которых встречаются кремневые конкреции, желваки или пласты окремнелого доломита, широко использовавшегося приказанским населением для изготовления каменных орудий (Крижевская, Халиков, 1959). Они, очевидно, функционировали на ранних этапах развития культуры.

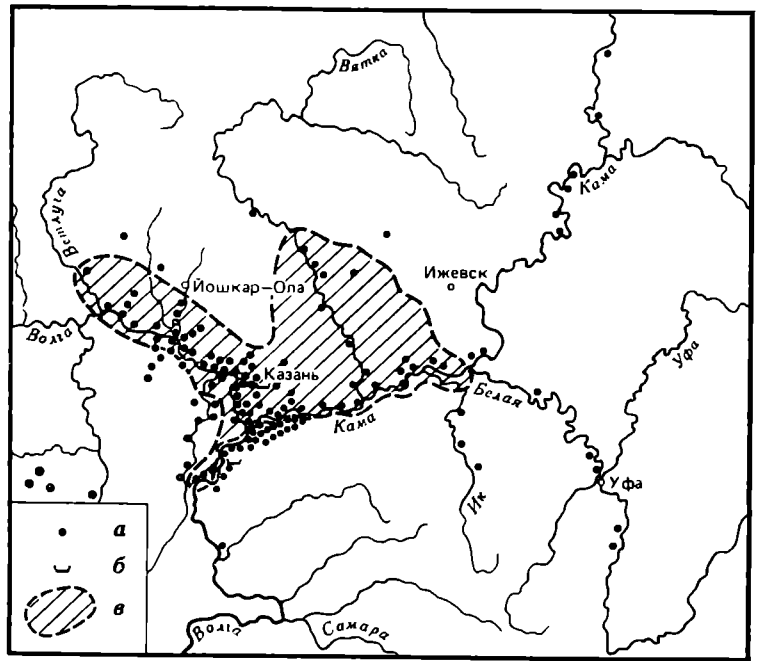
Погребальный обряд приказанских племен хорошо устанавливается по материалам 28 могильников: 6 — для займищенского этапа; 3 — для балымско-карташихинского, 6 — для атабаевского и 13 — для маклашевского этапа. Большинство могильников широко исследовано (Халиков, 1969, с. 244—249, 259—260, 271—275, 293—302; 1977 а, с. 50—74, 88 и сл.; 1977 б, 1980, с. 22—27; Халикова, 1967).

Наблюдаются определенные особенности, присущие погребальному обряду приказанцев: расположение могильников по берегам только крупных рек (Волга, Кама и Белая); преимущественно вытянутое положение умерших перпендикулярно головой к реке (на займищенском этапе — параллельно реке); обычай класть с умершими глиняную посуду, редко оружие и украшения, а также ритуальную мясную пищу. Как результат постороннего (срубно-алакульско-черкаскульского) влияния следует признать появление на балымско-карташихинском и атабаевском этапах курганных насыпей и скорченного положения некоторых погребенных (см. погребения на Балымской стоянке, в могильнике у Маклашевского взвоза).

К этому же времени относятся остатки очень сложного погребального обряда, прослеженного на I Луговской стоянке. В нише жилища I в обугленном состоянии найдены «кости и черепа 10 человек разного возраста (13 взрослых и 6 детских), принадлежащих к европеоидному и монголоидному типам» (Збруева, 1961, с. 13).

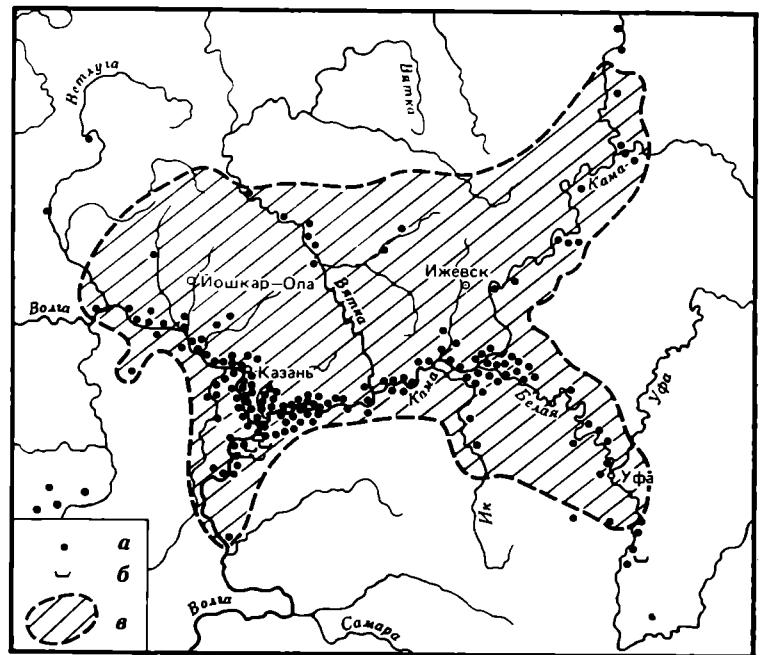
На маклашевском этапе вновь господствующими становятся грунтовые могильники с рядовым размещением могил. Ориентация погребенных весьма устойчива — вытянуто на спине, головой к реке. Довольно часто умершим кладут погребальную пищу — мясо от определенной части туши животных (обычно встречаются лопатки и бедренные кости). Появляются коллективные захоронения, увеличивается число парных погребений, отмечены случаи частичных вторичных захоронений и перекрытие погребенных кострищами от сгоревших наземных конструкций. Многие из этих особенностей затем ярко проявляются в раннеананьинском погребальном ритуале (Халиков, 1977 а, с. 88 и сл.).

Существенное дополнение к характеристике культовых обрядов приказанских племен дают вскрытые на полностью исследованных поселениях (Займище III, Балымское) остатки своеобразных жертвенных мест, состоявших из большого кострища, окруженно-

Карта 31. Распространение основных памятников приказанской культуры на атабаевском этапе (четвертая четверть II тыс. до н. э.)

а — поселение; б — могильник; в — основная территория распространения памятников на балымско-карташихинском этапе

Карта 32. Распространение основных памятников приказанской культуры на маклашевском этапе (первая четверть II тыс. до н. э.)

а — поселение; б — могильник; в — основная территория распространения памятников на атабаевском этапе

го малыми кострами, столбовой оградой и т. п. (Халиков, 1980, с. 27—30). Какие-то жертвенные места существовали и внутри жилищ. Так, в жилищах Балымского и I Атабаевского поселений (Калинин, Халиков, 1954 а, с. 180, 197) обнаружены кострища, расположенные на возвышенных площадках-вымоствах, возле которых были сосредоточены и лучшие

находки: наконечники стрел, бронзовые и медные предметы, богато орнаментированные сосуды и т. п.

Керамика приказанских памятников представлена огромным числом фрагментов разнообразной глиняной посуды, хотя встречаются и другие глиняные поделки — пряслица, модели колес, антропо- и зооморфные фигурки, тигли, льячки и т. п. Общими чертами глиняной посуды следует считать: преобладание горшковидных форм с цилиндрическим или слегка открытым горлом; эволюцию сосудов от плоскодонных к круглодонным; примешивание в тесто толченой раковины или органических остатков (рубленой травы, толченой коры); штриховую зачистку поверхности сосудов как снаружи, так и изнутри; орнаментацию лишь верхней половины сосудов резными линиями, оттисками среднезубчатого штампа и обязательным рядом ямочных или клиновидных углублений; геометрические зональные узоры и т. п.

Наряду с этими общими особенностями глиняная посуда каждого этапа имеет черты своеобразия. Так, для займищенской керамики характерны относительно толстостенные и крупные горшковидные сосуды с цилиндрическим или расширенным раструбом горлом, орнаментированные преимущественно прочерченными линиями в сочетании с одним рядом ямок или выпуклин-«жемчужин», расположенных по середине горла. В этой керамике усматриваются еще поздневолоховские традиции. Ряд ее особенностей (толстостенность, примесь в тесте толченых раковин, расширение венчика) находит параллели в протоабашевской и раннеабашевской керамике, а также в керамике памятников срубной культуры покровского этапа. Очень близка ранней приказанской керамике керамика алекановского (также наиболее раннего) этапа развития поздняяковской культуры (Халиков, 1960, с. 177; Бадер, 1970, с. 61).

Почти вся приказанская посуда второго этапа была плоскодонной и изготовлялась из глины с преимущественной примесью песка, дресвы и шамота. Традиция примешивания в глиняное тесто толченой раковины и органических остатков более четко проявляется в материале памятников, удаленных от зоны контакта приказанцев со срубными племенами (Халиков, 1969, с. 261). Абсолютно преобладают (75—89%) горшковидные формы сосудов с плавным изогнутым горлом, умеренно расширенным горлом и небольшим плоским днищем, продолжающие традиции сосудов с расширенным раструбом горлом. Характерно наличие у большинства сосудов (75—89%) скошенного орнаментированного по краю бортика. Специфичной чертой орнамента следует считать отделение горла от тулова рядом глубоких ямок или клиновидных углублений.

Орнамент в целом геометрическо-зональный, выполняется при помощи прочерченных и резных линий (44—76%), оттисков гребенчато-зубчатого штампа (19—40%), редко шнура (2%). В орнаментации поздней керамики второго этапа появляются новые мотивы — заштрихованные ромбы, «флажки», окантовка бахромой геометрических узоров и т. п. Ряд из них в эпоху развитой бронзы имел широкое распространение в культурах срубно-андроновского круга. Это побудило некоторых исследователей рассматривать приказанские памятники балымско-карташихинского этапа в качестве варианта или срубной (Бадер,

1953 а, с. 60) или черкаскульской (Членова, 1976, с. 78—79) культур. Не отрицая определенной близости приказанской керамики к развитой срубной и ранней черкаскульской, следует отметить, что перечисленные выше характерные особенности приказанской посуды (цилиндрическая шея, ряды ямок и клиновидных углублений по горлу, штриховая зачистка и т. п.) не свойственны ни срубной, ни черкаскульской керамике и свидетельствуют о ее оригинальности. Имеющиеся же элементы сходства можно рассматривать, с одной стороны, как результат широкого воздействия на лесостепное население Евразии (от Днепра на западе, до Оби на востоке) огромного срубно-андроновского мира (Стоколос, 1972, с. 93), а с другой — не исключено обратное влияние приказанцев на своих более южных и юго-восточных соседей, на что уже обращали внимание исследователи (Кривцова-Гракова, 1945, с. 33).

Приказанская керамика на атабаевском этапе в основном сохраняет те же плоскодонные формы, но абсолютно господствующими (до 93—95%) становятся горшковидные типы. Намечается тенденция к изменению плоского дна на округлое, а иногда даже на приостренное. Господствуют сосуды с плавным изгибом горла, но почти пятая часть сосудов уже имеет горловину подцилиндрической формы. Почти 75% сосудов по краю горла имеют приостренно-скошенный валик, иногда переходящий в более широкий «воротничок». Последний характерен для сосудов более восточных районов, а также для сосудов последующей (маклашеевской) стадии или сосудов типа курмантау, по К. В. Сальникову и Н. Л. Членовой (Сальников, 1967, с. 359—361, Членова, 1981). Но это опровергает мнение последнего автора, что для районов Волго-Камья, судя по керамике, «культура курмантау представляется явлением чужеродным» (Членова, 1981, с. 27). Изучение значительных керамических комплексов, выявленных на таких широко исследованных поселениях, как Курган (Ишмуратова, 1967), Богородское на Ветлуге, Ахмыловское на Волге, Бойцовское и Ерзовское на Каме (Денисов, 1967) и др., показало, что своеобразная керамика конечного, маклашеевского периода приказанской культуры многими своими особенностями связана как с керамикой предшествующего атабаевского этапа, так и с посудой последующей ананьинской культуры (Халиков, 1977 а).

В целом маклашеевская (курмантауская, позднерзовская) керамика характеризуется округлодонными сосудами с профилированным, преимущественно цилиндрическим горлом, украшенным лишь по верхней части горизонтально расположенным орнаментом из простых геометрических линий и обычного ряда ямок, клиновидных углублений или «жемчужин».

В западных районах распространения приказанских племен на позднейшем этапе наблюдается обратка поверхности сосудов «текстильными» отпечатками, что следует объяснять воздействием родственных приказанцам, но более западных поздняяковских племен (Халиков, 1980, с. 39).

Кроме посуды, на приказанских поселениях обнаружены и другие керамические поделки: разнообразной формы пряслица, обломки льячек и тиглей, шапки, небольшие чашечки и т. п.

Материальная культура приказанских племен богато представлена изделиями из камня, металла и реже кости. В приказанских памятниках, целиком относящихся к эпохе бронзы лесостепной полосы Волго-Камья, еще сохраняются изделия из камня. Однако если на поселениях ранних этапов их еще довольно много (на поселении Займище III — 35%, на Карташихе I—40%, на Карташихе II—10%, на Атабаево I—10%), то на поселениях маклашевского этапа каменные орудия единичны (Халиков, 1980, с. 40). Из камня, преимущественно местного волгокамского кремневого доломита, изготавливались наконечники стрел — черешковые и с усеченным основанием, концевые скребки, клиновидные ножи с усеченным основанием, замененные на атабаевском этапе металлическими, хорошо отшлифованные тесла и желобчатые долота. Из более твердых пород камня диорита, гнейса, мелкозернистого гранита, красного и серого кварцита и сливного песчаника, имеющих, по определению А. А. Штукенберга, северное (валунное) происхождение, изготавливались песты, терочки, молотки и великолепные зернотерочные плиты.

В приказанских поселках начиная с самых ранних (Займище III) встречаются следы металлопроизводства в виде обломков тиглей, медных шлаков и выплесков (Калинин, Халиков, 1954а). На ранних этапах, совпадающих с досейминским и сейминским хронологическими горизонтами, приказанские племена еще не выработали своих специфических типов орудий, а употребляли те же формы, что и соседние абашевские, раннесрубные и сейминско-турбинские племена.

Но уже в это время, как справедливо считает Е. Н. Черных, приказанские племена создали свой очаг металлургии, который на первых порах напоминал своей продукцией черты некоторых смежных образований типа срубного, баланбашского и сейминско-турбинского очагов металлообработки (Черных, 1970, с. 115). В это время они использовали, кроме местных медистых песчаников, металл из руд других районов Волго-Камья и даже Зауралья. На поздних (атабаевском и маклашевском) этапах приказанский металлургический очаг вырабатывает свои формы изделий — плоские двулезвийные ножи, втульчатые топоры-кельты с лобным и боковыми ушками, наконечники копий и дротиков с прорезным пером, украшения в виде полусферических бляшек, височных подвесок, среди которых характерными являются очковидные, и т. п.

Многие из этих предметов изготавливались из волгокамского (ВК, по Е. Н. Черных) металла, добываемого самими приказанцами. Наличие своего металла, активные контакты приказанцев с племенами с развитой металлургией, особенно срубными (Кузьминых, 1981, с. 70), развитие собственных производительных сил привели к тому, что по объему продукции и ее относительному разнообразию приказанский металлургический очаг в предананьинское время становится не только одним из самых мощных, самых оригинальных по своей продукции, но и одним из самых обширных (Черных, 1970, с. 116).

Приказанцы несомненно широко употребляли деревянные и костяные изделия; среди последних известны костяные и роговые мотыги, долота, наконечники стрел, псалии от конской узды и даже

рыболовные крючки, а также подвески, пронизки и пр.

Основой хозяйства приказанских племен было скотоводство и земледелие, сочетавшиеся в разной степени с охотой, рыболовством и собирательством. Благодаря совместной работе археологов и палеозологов (Андреева, Петренко, 1976) получен интересный материал для характеристики скотоводства и охоты.

В волжской и нижнекамской прибрежной зоне скотоводство с самого начала доминирует над охотой и, очевидно, над другими отраслями хозяйства. Так, среди материалов Балымской, Атабаевской, Карташихинской, Мало-Кукузинской (на Свяге), Надлуговой и Кумысской стоянок кости диких животных или не обнаружены вовсе, или они составляют не более 10%. На поселениях, расположенных в лесной зоне, например на стоянке Лобань I на Кильмези, поселения Заюрчим на верхней Каме, доля диких животных достигает 30—70% (Андреева, Петренко, 1976, с. 140, 164). В приказанском стаде преобладающее положение занимали крупный рогатый скот и лошади, затем свиньи и мелкий рогатый скот. Основная масса зубов крупного рогатого скота, встреченных в памятниках приказанской культуры, принадлежала животным в возрасте от 2,5 до 11 лет. Это говорит о содержании коров в первую очередь для получения молочных продуктов. Об этом же свидетельствуют находки на многих приказанских поселениях глиняных сосудов с отверстиями в придонной части. Такие сосуды обычно применялись для отцеживания сыворотки при изготовлении творога и сыра (Халиков, 1969, с. 352).

В материалах некоторых приказанских поселений, например Надлуговой на Волге и Кумысской на Каме, встречены зубы быков в возрасте 12 лет и старше. Как считают палеозологи, очевидно, это были быки, которых использовали в качестве тягловой силы (Андреева, Петренко, 1976, с. 164). Крупный рогатый скот был в основном комолым, что, по мнению В. И. Цалкина, специфично для скота эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Лошади в приказанском стаде также жили долго — от 3 до 9 лет. Их использовали как для верховой езды, так и для других хозяйственных целей. Об этом говорят находки, например, в Маклашевском и Полянском могильниках костяных и роговых псалий. Мелкий рогатый скот и свиньи шли в пищу в основном в возрасте до 1,5 лет.

Скотоводство носило придомно-пастушеский характер со стойловым содержанием скота в зимнее время. На поселении Карташиха I выявлено большое безочажное помещение, которое могло быть зимним хлевом (Халиков, 1969, с. 352). Обнаруженные на приказанской территории бронзовые серпы-косари свидетельствуют о том, что приказанцы имели орудия, вполне пригодные для заготовки сена и ветвей в качестве зимнего корма.

Находки в очаге землянки 2 Луговского I поселения обугленных зерен проса (Збруева, 1960), а также каменных, бронзовых, костяных мотыг, терочников, больших каменных зернотерок свидетельствуют о развитии у приказанцев земледелия. Как показывают исследования почвоведов, пойменные черноземы долины Волги, Камы и их притоков содержат до

13% гумуса и вполне пригодны для развития культурных растений, особенно проса и гречихи. Причем просо не требует глубокой обработки почвы. Приказанцы, очевидно, обрабатывали землю не только мотыгами и заступами, но и какими-то пахотными орудиями, о чем свидетельствует наличие тягловых животных.

Большую роль в хозяйстве приказанцев играли такие отрасли, как охота, рыболовство и собирательство. Известны орудия лова — наконечники стрел, гарпуны, костяные и бронзовые рыболовные крючки, грузила от рыболовных сетей и пр. На приказанских поселениях, особенно расположенных в лесных районах, найдены кости таких диких животных, как лось, олень, медведь, бобр, заяц, куница, выдра, кося, сайгак, кабан (Андреева, Петренко, 1976, с. 140, 165). В охоте человеку помогла собака, кости которой также обнаружены на стоянках.

Общественные отношения приказанских племен соответствовали патриархально-родовой стадии развития с зачатками ранней формы военной демократии в конце развития культуры (Халиков, 1969, с. 359 и сл.). В позднеприказанских могильниках становятся обычными коллективные захоронения, которые, возможно, следует рассматривать в качестве погребений членов одной патриархальной семьи. Последняя постепенно превращается в решающую экономическую силу общества, ибо в руках членов сосредоточиваются основные орудия производства.

Как уже отмечалось (Халиков, 1960, с. 154; 1968, с. 26; 1969, с. 254—255; 1980, с. 52), приказанская культура сформировалась на базе наиболее восточных групп волосовской культурной общности при определенном воздействии более южных прасрубно-абашевских, вернее покровско-абашевских племен. Действительно, все основные черты культуры ранних приказанских памятников восходят к волосовской культуре. Керамика по форме, фактуре, орнаментации подчас трудно отличима от поздневолосовской. Соединенные полужемлянки также преобладают. Вытянутое труположение, присутствие волосовским захоронениям, так же как и их преимущественная речная ориентация на реку, сохраняется и в раннеприказанских могильниках. Много общего и в каменном инвентаре — желобчатые долота и тесла, наконечники стрел и ножи, концевые скребки и т. п. Примечательно и то, что раннеприказанские памятники занимают ту же территорию, на которой в предшествующее время были расселены волосовские группы населения (Никитин, 1978, с. 21). Часто ранние приказанские поселения располагаются непосредственно на месте поздневолосовских. Особенно важным памятником в этом отношении является стоянка Займище III, жизнь на которой не прерывалась и в поздневолосовское (см. жилище 3), и в раннеприказанское (см. жилища 2—4) время (Калинин, Халиков, 1954а, с. 227).

Некоторая колоколовидность раннеприказанской керамики, прочерченные горизонтальные линии орнамента свидетельствуют о возможном воздействии на приказанцев протоабашевского населения, а баночные формы сосудов и появление скорченного положения погребенных — о протосрубном влиянии (Халиков, 1965). Находки в раннеприказанских памятниках и на территории их распространения бронзовых

(кельты, наконечники копий, кинжалы) и кремневых (наконечники стрел, ножи, кинжалы) орудий труда и оружия, характерных для сейминско-турбинского культурного круга, свидетельствуют о контактах приказанских и сейминско-турбинских (чирковских) племен.

Территория распространения раннеприказанских племен на займищенском этапе была ограничена в основном Казанским Поволжьем и прилегающим участком Нижнего Прикамья (карта 29). На западе приказанские племена соседствовали с чирковско-сейминскими, многие черты культуры которых, особенно в начальный период, были близки раннеприказанской, на юго-западе — с абашевскими, а на юге — с раннесрубными племенами. Восточные и северные соседи пока не определены. Это, очевидно, были родственные позднеприказанские племена.

Западнее по Волге и Оке около середины II тыс. до н. э. шло формирование позднеприказанских племен, культура которых, судя по поселениям типа Алеханова, Ибердус III и т. п., была также близка раннеприказанской.

Второй (балымско-карташихинский) этап развития приказанской культуры, относящейся в основном к XIV—XIII вв. до н. э., протекал в условиях сильного воздействия северных племен срубной культурной общности, занявших в это время все левобережье р. Камы, а по правобережью Волги проникших к среднему течению р. Свияги (Халиков, 1969, с. 221 и сл.). На юго-востоке к концу этого периода усиливаются черкаскульские племена, оставившие памятники типа Такталачукского могильника (Казаков, 1979). К балымско-карташихинскому этапу относится около 100 поселений и могильников (карта 30). Из них крайние западные выявлены на Волге недалеко от устья р. Ветлуги (Шарнейская, Коротнинская и Марьянская стоянки), восточные — близ устья р. Ика (Дубовогривские стоянки), а наиболее южные — у б. деревни Мантово по правому берегу Волги.

В то же время приказанские племена начинают осваивать бассейн р. Вятки (см. Нижне-Шульское, Бурецкое поселения) и даже выходят на ее левобережные притоки (см. поселение Лобань I — Гусенцова, Сенникова, 1980, с. 134). Доходят они, очевидно, и до берегов Камы в ее среднем течении, где на поселении Забойная I обнаружена типичная керамика балымско-карташихинского облика (Денисов, 1967).

Несмотря на сильнейшее воздействие срубных, а затем и андроновско-черкаскульских племен, приказанцы сумели сохранить самобытность своей культуры и целостность этноса, что хорошо проявляется на археологических материалах: территория, местоположение поселков, форма и характер жилищ, форма и орнаментация керамики, специфичные типы каменных и металлических изделий имеют свою особенность, отличную от срубной. Родственные приказанцам позднеприказанские племена, судя по материалам такого широко исследованного поселения, как Аюзовское (Халиков, 1960, с. 167 и сл.), еще сохраняли близость и в культурном отношении.

Вместе с тем следует заметить, что приказанская культура на балымско-карташихинском этапе как будто сближается с рядом культур эпохи бронзы лесостепи Евразии: сосницким и киевским вариантами восточнотшинецкой культуры Среднего Поднепровья

(Березанская, 1972, с. 129—130), малобудковской культурой (марьяновский этап) Днепровского левобережья (Ильинская, 1961), поздняковской культурой на подборновско-поздняковском этапе (Бадер, 1970, с. 59 и сл.), ранними памятниками черкаскульской (Сальников, 1967) и еловской (Матющенко, 1974а) культур Западной Сибири. Эта близость проявляется как в формах и орнаментации керамики, преимущественно ставшей горшковидной, так и в других особенностях культуры: изолированные полуназемные жилища, скорченные костяки, набор металлических изделий и пр. Однако едва ли эту близость следует объяснять внедрением в приказанскую среду пришельцев с запада или востока (см. Генинг, Совцова, 1967) или глобальным распространением какой-то одной культуры, черкаскульской например (Членова, 1981). Указанное сходство, будучи явлением эпохальным, представляет собой результат конвергенции, результат однотипного воздействия на стадильно сходное лесостепное население Евразии культуры степного населения срубного (в Поднепренье), срубно-андроновского (в Поволжье и Приуралье) и андроновского культурного мира.

В последней четверти II тыс. до н. э., особенно ближе к рубежу II—I тыс. до н. э., приказанские племена становятся основными насельниками Волго-Камья, что было вызвано, с одной стороны, усилением этих племен в экономическом и культурном отношении, а с другой — ослаблением в силу разных причин абашевских, срубных и балановских племен (Халиков, 1969, с. 270), господствующих в середине и третьей четверти II тыс. до н. э. над всеми остальными племенами края. Все это приводит к усилению специфичных черт приказанской культуры, к увеличению численности ее населения и значительному расширению территории. Число выявленных приказанских памятников этого этапа достигает 200, среди них наиболее изученной является I Атабаевская стоянка в устье Камы (Калинин, Халиков, 1954а, с. 179), поэтому третий этап развития приказанской культуры назван атабаевским.

Центральным районом расселения приказанских племен в это время остается устье Камы. На юге приказанские племена доходят, очевидно, до бассейна р. Самары, ибо ряд поселений и местонахождений приказанской керамики атабаевского типа (Гривка, Красные Пески) обнаружены на р. Большой Кинель, левом притоке р. Самары. Несколько местонахождений приказанской керамики известно и по Волге у г. Куйбышева (Васильев, Иванов, 1979) (карта 31).

В низовьях левобережной части Ветлуги в дополнение к известным памятникам в 1979 г. обнаружена значительная группа приказанских поселений атабаевско-маклашевского времени в окрестностях Ахмыловского озера (8 поселений) и с. Куротни. Приказанские поселения известны и в правобережной части низовий Ветлуги у пос. Юркино. Крайне западным приказанским памятником атабаевского времени следует считать остатки поселения на I Сомовском городище в Воротынском р-не Горьковской обл. (Архипов, Никитин, 1981, с. 26—33). Таким образом, следует полагать, что приказанские племена к концу II тыс. до н. э. заняли практически все Среднее Поволжье и Прикамье, включая и значительную часть бассейна р. Белой.

На востоке в это время начинают выделяться две группы памятников, в культурном отношении чрезвычайно близких к приказанским. На северо-востоке (в бассейне средней и верхней Камы) это так называемая ерзовская (Денисов, 1967), на юго-востоке (в бассейне Белой) — курмантауская культура (Сальников, 1967). В ерзовской группе хронологически и культурно наиболее близки к приказанским памятникам атабаевского этапа поселения Ерзовка (жилище 2), Старушка I и III, Еловское (жилище 8—10), Забойное (жилище 5) и Заюрчим (жилище 2). Вся материальная культура этих поселений (жилище, керамика, металлические изделия) практически неотличимы от приказанских и не имеют непосредственных местных корней. Попытка В. П. Денисова рассматривать эту культуру как результат воздействия андроновско-срубных (черкаскульских) племен на позднетурбинское население (Денисов, 1961, с. 68, 74) не доказательна, ибо так далеко на север южные племена не поднимались, да и их культура в целом была отлична. Поэтому следует полагать, что ерзовская группа памятников появилась в результате прихода на Среднюю и Верхнюю Каму приказанских племен, которые, войдя здесь в контакт с остатками позднетурбинских племен, создали в Прикамье своеобразный вариант приказанской культуры. Промежуточными пунктами в этом движении являются памятники на Вятке, в том числе и на ее левобережных притоках, в частности стоянка Лобань I (Гусенцова, Сенникова, 1980, с. 130), содержащая типичную приказанскую керамику.

Несколько более сложная ситуация, очевидно, сложилась при формировании так называемой курмантауской группы в бассейне р. Белой. Этот район в последней четверти II тыс. до н. э. еще остается заселенным черкаскульскими племенами (АКБ, с. 20—21). Однако в их среде также появляются приказанские пришельцы, которым, очевидно, были оставлены такие памятники, как Кумлекульская, Касьяновская и другие стоянки (см. АКБ, № 352, 355, 369, 377), в материале которых наряду с черкаскульской и позднеприказанской керамикой встречены фрагменты приказанской керамики атабаевского этапа. В результате смешения позднеприказанских и черкаскульских племен в бассейне р. Белой в первой четверти I тыс. до н. э. формируется курмантауский вариант приказанской культуры, легший в основу раннеананьинской культуры этого района (Иванов, 1977). Есть основание полагать, что приказанцы на атабаевском этапе иногда уходили и далеко на восток — за Урал, в Западную Сибирь. Типичная приказанская керамика атабаевского облика найдена, например, в Алексеевском поселении на р. Тоболе (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 6, 7, 8). В Среднем Прииртышье выделяется группа памятников розановского типа, в керамическом материале которых ощущается сильное приказанское воздействие: около 55% сосудов поселения Черноозерье III (IX—VII вв. до н. э.) имеют характерный для приказанских сосудов атабаевского этапа (XII—XI вв. до н. э.) скошенный воротничок, окаймленный снизу рядом круглых или клиновидных ямок (Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 39).

На заключительном (маклашевском) этапе в культуре приказанских племен вырабатываются предананьинские особенности (Халиков, 1969, с. 289 и

сл.; 1977б, с. 16 и сл.). Территория распространения приказанцев в это время достигает максимума и приближается к территории распространения раннеананьинских племен (карта 32). В западных районах приказанской территории от Ветлуги почти до устья р. Камы наблюдается появление так называемой «текстильной» или «сетчатой» керамики, имеющей западное — волго-окское (Бадер, 1966б) или верхне-волжское (Третьяков, 1975) происхождение.

Наличие текстильной керамики в западных памятниках приказанской культуры следует рассматривать как результат активного взаимодействия приказанских и поздняяковских родственных племен. Возможно, что они имели перекрестные браки. Все сосуды с текстильной керамикой на приказанских памятниках мало чем отличаются от остальных сосудов — те же формы, тот же орнамент. Вероятно, поздняяковские женщины, попадавшие в приказанскую среду, по традиции продолжали обрабатывать поверхность сосудов «текстильными» отпечатками, тогда как форма и орнаментация оставались местными. И наоборот, на ряде поздняяковских памятников, например на дюне Мл. Волосовского могильника на Нижней Оке, имеется интересный керамический материал — фрагмен-

ты круглодонных сосудов (для поздняяковской культуры характерны плоскодонные сосуды), покрытых «текстильными» отпечатками и по горлу песущих специфический приказанский орнамент из одного ряда ямочных вдавлений в сочетании с горизонтальными зигзагами, линиями и т. п.

Значительное воздействие приказанские племена в это время оказывают на население более северных районов, где в бассейне Вычегды и Печоры формируется близкая приказанской лебяжская культура (Лузгин, 1972).

Всеми своими особенностями — форма и характер поселений и жилищ, могильников и погребального обряда, формы и орнаментация керамики, металлических и прочих изделий — приказанские племена выступают как местные племена Волго-Камья (Халиков, 1980). Непосредственная связь приказанской культуры с ананьинской (Халиков, 1967а и др.) определяет и этнос ее носителей. Это были восточные группы финноязычного населения, сыгравшие ведущую роль в формировании предков как волжских (мари, мордва), так и пермских (удмурты, коми) финноязычных народов.

Глава четвертая

Энеолит и бронзовый век

Севера Европейской части СССР

Памятники эпохи бронзы на рассматриваемой территории изучены в меньшей степени, чем в соседних регионах, хотя сборы и исследование древностей проводились на Севере достаточно активно, начиная с середины XIX в. Основные археологические работы проходили в Приладожье, на Карельском перешейке, отчасти в Прионежье. В начале XX в. началось изучение памятников археологии в окрестностях Архангельска, на Летнем и Зимнем берегах Белого озера, на побережьях Кольского полуострова. Особенно широко развернулись работы в 20–30-е годы, увеличилось количество публикаций, по материалам археологических памятников Севера прошли дискуссии. Среди ученых, работавших на Севере, следует упомянуть И. С. Полякова, А. А. Иностранцева, В. И. Равдоникаса, А. Я. Брюсова, Б. Ф. Землякова, А. В. Шмидта, М. Е. Фосс, Н. Н. Гурину, а также финских исследователей С. Пялси, Ю. Айлио и др.

С накоплением фактического материала выяснилось, что среди памятников археологии на Севере резко преобладают неолитические, а памятники эпохи бронзы неизвестны. Зарубежные исследователи пытались объяснить это явление ухудшением природных условий в эпоху бронзы и переселением в южные районы значительных групп населения. Согласно другой гипотезе, в конце неолита — начале эпохи бронзы население переходило от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству, поэтому оно покидало побережья водоемов, занимало новые места, и памятники этого времени мало известны. Имеется также точка зрения А. В. Шмидта, что на Севере население длительное время оставалось на стадии неолита, что было связано с суровыми природными условиями (Шмидт, 1933, с. 16). Однако многие исследователи полагали, что расширение археологических работ приведет к открытию памятников эпохи бронзы. Действительно, исследования в Карелии в конце 40-х годов, а особенно работы 60–70-х годов в значительной мере позволили заполнить этот пробел (Брюсов, 1952; Гурипа, 1951а, б, 1961).

В начале 60-х годов широкие археологические работы в Карелии были развернуты Карельским филиалом АН СССР (Панкрушев, 1964). Важное значение имело открытие в Карелии поселений III тыс. до н. э., на которых найдены изделия из меди (Журавлев, 1975, 1979). Прионежье и бассейн р. Сухоны исследовались в 50-е годы А. Я. Брюсовым, а в 60–70-е годы — С. В. Ошибкиной, выделившей в Восточном Прионежье позднекаргопольскую культуру, сложившуюся в конце II тыс. до н. э. и существовавшую в течение эпохи раннего железа (Ошибкина, 1975 и др.).

Северо-восточные районы Севера изучены неравномерно, что объясняется их труднодоступностью, особенно в Приполярье. В начале 60-х годов в бассейне р. Печоры, на ее левом притоке Ижме и в бассейне

р. Вычегды исследования производились Коми филиалом АН СССР. На Средней Печоре обнаружено несколько памятников эпохи бронзы, датированных II тыс. до н. э. Здесь выделены два основных периода медно-бронзового века — ранний и поздний (Канивец, 1974). Для раннего бронзового века бассейна р. Ижмы установлены три культурных типа, два из которых связаны с притоком населения из Прикамья и Зауралья, а третий местный (Лузгин, 1972).

Для бронзового века бассейна р. Вычегды выделены три этапа развития — ранний (синдорский), средний (устывымский) и поздний (озъячский) (Буров, 1965). В основе всех периодизаций лежит типология вещевого материала, датированного по аналогиям с соседних территорий. В 70-е годы в бассейне р. Мезени была выделена чоюновтинская культура, близкая гаринско-борской культуре Прикамья (Стоколос, 1986).

Краткий обзор археологических исследований, проводимых на Севере Европейской части СССР в последние десятилетия, показывает, что число памятников эпохи бронзы значительно увеличилось и продолжает расти, а вместе с тем изменяются и наши представления об исторических процессах, происходящих в этот период.

Хотя многие вопросы, касающиеся бронзового века на Севере Европейской части СССР, в настоящее время остаются недостаточно изученными, новые материалы из раскопок и многочисленные случайные находки позволяют думать, что в этот период Север был достаточно освоен и заселен. В немалой степени это было связано с передвижениями населения, происходившими в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы в конце III—II тыс. до н. э. Хронологические пределы эпохи бронзы на Севере определяются рубежом III—II тыс. до н. э. и знаменуются появлением культур боевых топоров. Верхняя граница эпохи бронзы в значительной мере условна, поскольку отдельные культуры эпохи бронзы продолжали существовать вплоть до раннего железного века, до середины I тыс. до н. э. В это время бронзовый век повсюду на Севере сменяется культурами железного века.

Восточное Прионежье и бассейн Сухоны. Этот регион на юге граничит с бассейном Верхней Волги, что играло важную роль в его историческом развитии. По левым притокам Волги — Шексне, Мологе, Суде начиная с глубокой древности на север продвигались новые группы населения, часть которого оседала в Восточном Прионежье.

В начале эпохи бронзы в центре Русской равнины вдоль р. Волги продвинулись племена фатьяновской и балановской культур, принадлежавших группе культур боевых топоров (Крайнов, 1972а; Бадер, Халиков, 1976). В восточном направлении они прошли до Средней Волги, но севернее Волги их могильники

не известны. Очевидно, они прошли по окраинам территории, занятой большим массивом населения, сложившимся на севере лесной полосы еще в неолите. В ряде мест Европейского Севера известны отдельные находки сверленных боевых топоров, топоров с черешком (орудия борисово-лепельского типа) и киров со сверленным отверстием и выступами-цапфами по бокам. Изредка на стоянках позднего неолита и энеолита встречается керамика, сопоставимая с фатьяновской и среднеднепровской посудой (Андозеро 2, Селище, Илекса и др.). Находки керамики и каменных топоров позволяют говорить о контактах населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой с племенами фатьяновской культуры.

Еще до появления культур боевых топоров, знакомых с металлом, местное население научилось добывать и обрабатывать медь, для которой в финно-угорских языках было свое название — *vaski* (Моора, 1956, с. 70). Об этом же говорит открытие очага древней металлообработки на территории современной Карелии (Журавлев, 1974, 1975). Можно предполагать, что конец III — начало II тыс. до н. э. явилось временем значительных сдвигов в хозяйственно-экономическом и культурном отношении. Этому способствовало появление в позднем неолите памятников типа Модлона, оставленных населением, которое продолжало существовать здесь и в эпоху энеолита. Для стоянок типа Модлона позднего периода, датированных рубежом III—II тыс. до н. э., характерна светлая пористая керамика, растительная примесь или асбест в керамическом тесте, мелкие сланцевые орудия, изредка встречаются янтарные украшения. Особенно характерны длинные узкие наконечники стрел из кремня высокого качества. Кроме стоянки Модлона II, известны могильник в Каргулино на южном берегу Белого озера, находки в устье р. Кинемы, на стоянках Тихманга, Верхнее Веретье, Погостище II (Ошибкина, 1978, с. 132). Памятники этого времени с долговременным культурным слоем пока не известны, что позволяет говорить о недолгом пребывании населения этой группы на побережьях озер Восточного Прионежья.

На севере лесной полосы в эпоху бронзы на ряде поздненеолитических стоянок найдена сетчатая керамика. Самые ранние образцы подобной посуды украшены отпечатками мелкой гребенки и круглыми ямками, которые иногда расположены рядами по всей поверхности, как бы повторяя орнаментацию неолитического времени. В этой группе керамики часто встречаются профилированные сосуды с высоким горлом и закрытым внутрь венчиком, круглодонные, напоминающие керамику фатьяновского типа.

О времени появления керамики с сетчатой поверхностью точных сведений нет, в Ленинградской обл. и Карелии ее датируют концом II тыс. до н. э. (Гурина, 1961, с. 167; Панкрушев, 1964, с. 92). В Восточном Прионежье и Беломорье она датирована 1300—1200 гг. до н. э. (Фосс, 1952, с. 235). Как показали исследования последних лет в Восточном Прионежье, памятники с сетчатой посудой имеют большую древность, так как здесь постоянно встречаются орудия и керамика эпохи бронзы раннего периода, где еще очень заметны традиции неолитического времени.

На ряде стоянок (Тихманга, Верхнее Веретье, Двина IV, V и др.) обломки сосудов с сетчатой поверхностью сопровождалась наконечниками стрел сеймин-

ского типа и паконечниками с прямым и вогнутым основанием, сверленными боевыми топорами и топорами с выделенным черешком (рис. 75). Постоянное сочетание нескольких видов орудий с керамикой с сетчатой поверхностью позволяет считать, что памятники рассматриваемого типа существовали в Восточном Прионежье и верхнем течении р. Сухоны не позднее середины II тыс. до н. э. и оставлены единой группой населения.

Видимо, в середине II тыс. до н. э. в южные районы Восточного Прионежья усилился приток нового населения. Следы этого проникновения отмечены стоянкой Вёкса I и другими местонахождениями в нижнем течении р. Вологды, у ее впадения в Сухону, где в культурных слоях эпохи бронзы обнаружена керамика светлого цвета, пористая, с сильной примесью органики и включениями раковины. Она имеет характерную круглодонную форму, у большинства сосудов невысокое прямое горло, расширенное у перехода к тонким выпуклым стенкам. Орнамент выполнен тонкой гребенкой и состоит из горизонтальных линий в несколько рядов, разделенных вертикальными отпечатками короткой гребенки (рис. 76, 15—19). Подобная керамика в свое время была найдена на Сейминской дюне на Оке. О. Н. Бадер относил ее к сейминской культуре. Эту керамику он объединял с кремневыми стрелами с коротким черешком, несколькими типами кремневых орудий и изделиями из бронзы из самого Сейминского могильника в одну культуру (Бадер, 1970, с. 142—144; Bader, 1957). На стоянке Вёкса, кроме керамики, найдены наконечники стрел сейминского типа и с прямым основанием (рис. 76, 1—9), наконечник копья с прямым основанием, характерные ножи с тупым и скошенным острием. Представленный набор орудий в сочетании с керамикой дает основание для сравнения с находками на Сейминской дюне, возраст которых определяется в пределах XV—XIV вв. до н. э. (Бадер, 1970, с. 144; Халиков, 1969, с. 199). Очевидно, стоянка Вёкса I и подобные ей памятники на р. Вологде могут быть датированы этим временем, хотя их сходство с материалами Сейминской дюны имеет отдаленный характер и требует изучения. Следует отметить, что на размытом берегу у стоянки Вёкса I собрана серия каменных сверленных топоров, среди них есть с коротким обухом, с рукоятью и короткой рабочей частью.

Из случайных находок заслуживают особого внимания изделия из бронзы из района Белого озера. На южном берегу озера в местности Каргулино найдены два бронзовых копья (рис. 77, 1, 2). Аналогии первому могут быть указаны среди копий Сейминского могильника (Бадер, 1970, тип III, рис. 21Б, с. 100). Второе копьё отличается оформлением манжеты, в остальном полностью повторяет форму первого. Подобное орудие с зубчатой манжетой-утолщением известно в срубной культуре в кургане Карамаш (Черных, 1970, рис. 45, 21, с. 130). Основываясь на приведенных аналогиях, можно датировать копьё Каргулино серединой II тыс. до н. э., хотя существует более древняя датировка, согласно которой сейминские древности, главным образом могильники сейминско-турбинского типа, датируются XVI в. до н. э. (Черных, 1970, с. 102).

Появление изделий из бронзы, а также отдельных памятников сейминского типа в южных районах Вос-

точного Прионежья свидетельствует о сложном историческом процессе, протекавшем здесь в середине II тыс. до н. э. (Ошибкина, 1975).

Несмотря на внешние влияния и возможность притока с юга небольших групп нового населения, основу этнического образования здесь составляло население, занимавшее этот регион с эпохи неолита. На его основе, очевидно, в XIV—XII вв. до н. э. возникла позднекаргопольская культура (Ошибкина, 1975). Ранние стоянки культуры пока плохо изучены. В этом отношении представляет интерес группа стоянок в среднем течении р. Сухоны, из которых Основовская 1 раннего периода (рис. 78, 1—3), а Осиновская 2 относится к позднему времени. Здесь найдена керамика с сетчатой и гладкой поверхностью, орнаментация состоит из ромбов с тройным отпечатком короткой гребенки в центре, редких круглых ямок под венчиком, а также шнурового орнамента (рис. 78, 4—6). Среди орудий — наконечники стрел листовидной формы, довольно небрежно обработанные (рис. 78, 7—9), наконечники дротиков широкой миндалевидной формы, массивный наконечник копья из сланца, обработанный крупными сколами, разнообразные скребки, нож треугольной формы (рис. 78, 11—17).

В бассейне Сухоны известно еще несколько памятников эпохи бронзы. На них найдена керамика более позднего характера, типа высоких плоскодонных сосудов с отогнутым венчиком. Поверхность их обычно сетчатая, орнамент нанесен тонкой гребенкой по горлу и плечикам.

Стоянки позднекаргопольской культуры в Восточном Прионежье почти все расположены на местах, занятых ранее неолитическими стоянками, но располагаются они дальше от воды, а иногда на возвышениях островного типа. В настоящее время эти места не пригодны для постоянного и длительного обитания. Очевидно, население позднекаргопольской культуры могло существовать здесь только в условиях более сухого климата и более низкого стояния воды. Таким периодом считают II тыс. до н. э. (Бадер, 1960, с. 100; Косарев, 1974, с. 27). По-видимому, наибольшее распространение позднекаргопольских памятников относится к последним векам II — началу I тыс. до н. э. и связано с улучшением природных условий и понижением увлажненности.

Многие из ранних памятников позднекаргопольской культуры были расположены на низких берегах и впоследствии оказались затопленными или размытыми. Примером служит стоянка на окраине г. Белозерска, где на размытом берегу собрана большая коллекция керамики и каменных орудий. Среди наконечников стрел имеются один широкий листовидной формы и другие характерные формы (рис. 79, 6—8). Наконечник копья тоже расширен у основания, оформленного широкими вертикальными сколами (рис. 79, 5), что вообще характерно для многих памятников эпохи бронзы на Севере. На Белозерской стоянке найдено шесть топоров и тесел из сланца, которые в отличие от неолитических орудий имеют удлиненную плоскую форму, обработаны сколами и шлифовкой, не имеют граней или следов распила заготовок (рис. 79, 10—14). Представляют интерес льячка и продолговатый грузик со сверлиной (рис. 79, 4, 9). Аналогичные вещи известны и на других позднекаргопольских стоянках, таких, как Яковлево, Селище, Посуда

Белозерской стоянки профилированная, найдены плоские днища. Значительная часть сосудов имеет сетчатую поверхность, орнамент состоит из сложного узора, выполненного тонкой гребенкой, дополненного ямками, изредка встречаются оттиски шнура. На двух сосудах изображения плывущих птиц, выполненные в стилизованной манере. Представляет интерес скульптурное изображение головы птицы (рис. 80, 4).

На стоянках позднекаргопольской культуры находят обычно керамику с сетчатой и гладкой поверхностью, а позже — также штрихованную, орудия из камня и кости, иногда остатки сооружений бытового назначения.

Керамика с сетчатой поверхностью долго сохраняет округлую форму днища. Сосуды имеют выпуклые бока и отогнутый венчик. Орнамент состоит из неглубоких ямок или оттисков тонкой гребенки в сочетании с мелкими овальными углублениями. Он украшает горло и реже спускается на плечики. В материалах позднекаргопольских стоянок количество сетчатой керамики обычно не превышает 15%.

Основная часть посуды представлена крупными и среднего размера сосудами с заглаженной поверхностью, плоским дном, прямыми стенками и слегка отогнутым венчиком. В позднее время такую же форму имеет керамика с сетчатой поверхностью, о чем можно судить по материалам стоянок Яковлево, Перховта, Селище. Часть сосудов с заглаженной поверхностью украшена по горловине невысоким воротничком. Орнамент расположен по верхней части сосудов и состоит из сочетания гребенчатых отпечатков разной формы и размера с оттисками шнура. Узоры, как правило, несложные.

Орнамент, выполненный веревочкой или шнуром, представляет особый интерес, так как в свое время М. Е. Фосс считала этот орнаментальный мотив показателем влияния или миграции населения с востока, с камско-ветлужских городищ ананьинской культуры VII—V вв. до н. э. На этом основании первоначально строилась хронология позднекаргопольских памятников (Фосс, 1952, с. 118).

Однако известно, что шнуровой орнамент появился уже на самых ранних памятниках позднекаргопольской культуры, он применялся для украшения посуды с сетчатой и гладкой поверхностью. Простейший орнамент этого типа состоит из нескольких горизонтальных полос отпечатков шнура вокруг горла сосуда, дополненных снизу отпечатками гребенки или рядом мелких ямок. Встречаются и более сложные композиции (рис. 78, 2, 4).

Аналогии этим видам орнамента могут быть указаны в культуре шнуровой керамики, особенно на территории близких памятниках, таких, как в юго-западной Финляндии с керамикой типа А (Edgren, 1970, с. 98). Такие детали оформления, как плоское дно с закраинами, выделение воротничка при помощи мелкого штампа, позволяют предположить, что шнуровая керамика могла служить прототипом позднекаргопольской посуды, орнаментированной веревочкой.

В то же время посуда ананьинской культуры заметно отличается от позднекаргопольской. Она содержит обычно примесь мелкой раковины в тесте, сосуды низкие, круглодонные, по краю венчика рас-

положен воротничок, часто палепной, а орнамент состоит из отпечатков тонкой веревочки, расположенных строго горизонтально, и отличается регулярностью.

Особенно разнообразны орнаментальные узоры на позднекаргопольской посуде, если они выполнены оттисками гребенки. Среди них часто встречаются ромбы, дополненные двойными или тройными круглыми ямками, короткой гребенкой или скользящим тычком в виде «слезки». Довольно своеобразным является узор в виде сот или прямоугольников, заполненных вертикальными оттисками гребенки, от углов которых расходятся «усики» из гребенки. На одном из сосудов стоянки Селище оттиском шнура выполнен рисунок, напоминающий плывущую птицу (рис. 80, 5).

Посуда позднекаргопольской культуры разнообразна по размерам, форме и назначению. Внутри многих крупных сосудов сохранились следы нагара, что позволяет считать их кухонными. Некоторые крупные и большая часть небольших сосудов более нарядно и разнообразно орнаментированы, дно у них с сильно выступающими закраинами, а нагар почти никогда не встречается. По-видимому, они имели другое назначение. Встречены также миниатюрные сосуды, повторяющие в общих чертах обычную посуду. Среди них есть плоские миски, сосуды с воротничком и прямым краем, орнамент выполнен тонким шнуром, гребенкой и мелкими ямками. На нескольких стоянках найдены полукруглой формы ручки, но сосуды или стенки с ручками пока неизвестны.

Позднекаргопольская культура прекратила существование около середины I тыс. до н. э., что могло быть связано с резким ухудшением природных условий в это время. Пока нет убедительных оснований для деления культуры на хронологические этапы. От самых ранних памятников до поселений середины I тыс. до н. э., относящихся уже к железному веку, прослеживается непрерывное развитие культуры. В то же время можно выделить черты, характерные для ранних стоянок, жители которых еще не были знакомы с орудиями из железа и хозяйство которых оставалось более примитивным. Для раннего периода позднекаргопольской культуры, до рубежа II—I тыс. до н. э., характерны каменные орудия, в том числе листовидные наконечники стрел и копий с расширенным основанием, широкие миндалевидные наконечники дротиков, наконечники стрел сейминского типа с прямым основанием и выемкой в основании. Керамика этого времени с сетчатой и гладкой поверхностью, орнамент из отпечатков гребенки, шнура, овальных и круглых ямок.

К позднему периоду (первая половина I тыс. до н. э.) относятся разнообразные костяные орудия. В их числе наконечники стрел различной формы — игловидные, однокрылые, двухкрылые, трехгранные, а также простые и поворотные гарпуны. Известны костяные остроги, в том числе составная острога большого размера со стоянки Селище (Ошибкина, 1975, рис. 4). Орудия из камня не выходят из употребления, но встречаются резы, а также изменяют форму. Так, наконечники стрел из кремня имеют довольно грубую и небрежную обработку, у них выделен черепок, они сильно отличаются от подобных орудий раннего периода.

Среди костяных изделий на позднекаргопольских стоянках неоднократно найдены рукояти ножей и пилев. Составные рукояти представляют собой костяные пластины, между которыми зажимался черенок металлического орудия, некоторые из них орнаментированы резным узором (рис. 80, 10, 11). На нескольких памятниках найдены костяные рукояти так называемой грибовидной формы, они известны в Кубенино, Верхнем Веретье, Селище (рис. 80, 12). Среди костяных орудий встречаются наконечники стрел, острия с отверстием у основания, которые могли служить иглами для плетения сетей, орудие, похожее на гребень с тремя широкими зубьями.

На позднекаргопольских стоянках найден ряд предметов искусства. Два скульптурных изображения птиц из рога и кости происходят из Селища (рис. 80, 6, 7). Здесь же найден фрагмент сосуда, на котором сохранилось изображение одной птицы и часть другой, выполненные оттиском, похожим на веревочный (рис. 80, 5). Объемную скульптуру делали также из сланца. Примером является головка птицы из сланца с Белозерской стоянки (рис. 80, 4). Особого внимания заслуживает костяное изделие, которое, судя по форме и двум характерным отверстиям, могло служить псалям. Концы изделия оформлены в виде головок хищных птиц (рис. 80, 1). Таким образом, наиболее распространенным сюжетом во всех случаях является изображение птицы, в том числе водоплавающей. Традиционные изображения птиц на керамике, известные со времен неолита, встречены на посуде позднекаргопольской культуры на стоянке Белозерская (рис. 80, 2—3). По манере выполнения они близки неолитическим. Очень редко скульптурные изображения делали из металла. На стоянке Водоба II найдена бронзовая фигурка рыбы, выполненная в технике одностороннего литья с последующей гравировкой (Цветкова, 1961б, с. 68).

Хозяйство основывалось на охоте и рыболовстве, о чем говорят находки наконечников стрел из кости и камня, острог и гарпунов, грузиков для рыболовных сетей, которых особенно много на стоянке Яковлево. В то же время население позднекаргопольских поселений было уже знакомо с домашним животноводством. Osteологические данные по одному из наиболее долговременных поселений — Селище показали, что здесь были известны лошадь, корова и мелкий рогатый скот, но их доля в общем костном материале невелика. Важной отраслью хозяйства и основным источником мясной пищи оставалась охота. Особенно много найдено костей лося и северного оленя, в меньшем количестве встречены кости барсука, бобра, куницы, белки.

Населению была знакома примитивная выплавка металла. На наиболее поздних памятниках найдены изделия из бронзы и железа, плоские льячки (рис. 79, 9).

По-видимому, население позднекаргопольской культуры освоило ткачество, о чем можно судить по находкам керамических пряслиц. Сначала они имели форму плоских кружков с отверстием в центре, выточенных из стенок сосудов, позже появились простые биконические пряслица.

Таким образом, начиная с середины II тыс. до н. э. на обширной территории к востоку от Онежского озера и примерно до среднего течения Сухоны

происходила консолидация до того разрозненных групп населения, которая завершилась образованием позднекаргопольской культуры в последних веках II тыс. до н. э. Она продолжала существовать до раннего железного века, до середины I тыс. до н. э., а, возможно, позднее.

Ленинградская область и Карелия. В эпоху энеолита в Южной Карелии существовала группа стоянок, сохранявших неолитические традиции в изготовлении керамики и орудий из сланца, кварца и реже кремня. В то же время здесь была освоена обработка самородной меди, что позволяет говорить об энеолитическом возрасте памятников. Впервые они были открыты и исследованы Н. Н. Гуриной, которая определила возраст и характерные особенности энеолитических стоянок на примере Оров-Наволока на восточном побережье Онежского озера и Деревяного 1 на западном берегу (Гурина, 1951б, с. 118—131; 1961, с. 278—290). Для энеолитических стоянок этой группы характерна посуда большого размера, хотя встречены и маленькие сосуды. Она содержит примесь крупнозернистого кварцевого песка, изредка асбеста. Форма сосудов остродонная, срез венчика чаще острый, верхняя часть расширенная. Вся поверхность покрыта орнаментом, состоящим преимущественно из глубоких ромбических ямок. Каменные орудия мало отличаются от неолитических, но более небрежно обработаны, не имеют четких форм. Из медных изделий в Оров-Наволоке найдены два рыболовных крючка и обломок ножа, а в Деревянном 1 — обломок ножа и куски меди (Гурина, 1961, с. 290).

В последние годы число памятников энеолита с так называемой ромбически-ямочной керамикой и остатками медеплавильного производства значительно увеличилось, теперь их насчитывается около 60, включая стоянки со смешанным культурным слоем, содержащим находки разного времени (Савватеев, 1977, с. 304). А. П. Журавлевым выделен центр металлообработки, возникший на основе местной неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (Журавлев, 1975, с. 31). Памятники эпохи энеолита с ромбически-ямочной керамикой и следами обработки меди сосредоточены на северных побережьях Онежского озера, территориально они образуют компактную группу.

Наиболее полно производство и обработка меди изучены на стоянке Пегрема 1, где открыта печь для выплавки меди, найдены обломок тигелька с каплями металла, часть медной проковки и несколько пластин (Журавлев, 1975, рис. 1—2). Как выяснилось, здесь плавил чистую медь и изготавливали из нее орудия методом холоднойковки.

Для памятников энеолита с ромбо-ямочной керамикой получена серия радиоуглеродных дат, согласно которой их возраст определяется первой половиной III тыс. до н. э. или даже концом IV тыс. до н. э. Такая древняя датировка вызывает возражения ряда исследователей. Ю. А. Савватеев, которым открыт ряд стоянок этого типа в низовьях р. Выг, считает, что по стратиграфическим данным они не могут быть датированы столь ранним возрастом, так же как памятники на Онежском озере (Савватеев, 1977, с. 304—305; Журавлев, 1977, с. 85).

В эпоху энеолита в Северной Карелии существовали стоянки, на которых встречается керамика с

ромбически-ямочным орнаментом, а также следы металлургии — тигли, льячки, медные и бронзовые пластины. Здесь повсеместно обнаружены смешанные культурные слои, в которых эта керамика присутствует вместе с посудой, содержащей примесь асбеста и растительную. К таким стоянкам относятся Золотец I, VI, XX, остров Шойрукшин, Залавруга II, III, IV. Они датируются последней четвертью III тыс. до н. э. — серединой II тыс. до н. э. (Савватеев, 1977, с. 306).

Особую группу составляют стоянки с пористой керамикой, содержащей растительные примеси. В низовьях р. Выга их известно около 20, и всюду подобная керамика встречается вместе с другими типами керамики. Примером служат стоянки Залавруга I, IV, VI, Золотец I, XI и др. Кроме керамики, со стоянками этого типа связывают узкие длинные наконечники стрел из кремня высокого качества, янтарные украшения, редкие орудия из сланца (Савватеев, 1977, с. 177—196).

В эпоху бронзы в Ленинградской области и Южной Карелии существовала группа поселений с сетчатой керамикой. К ним относятся такие стоянки, как Усть-Рыбежна I, II, Новая Деревня, Под Сопкой, Новая Ладога, Валгома, Изсады и другие памятники Приладожья, а также ряд стоянок на западных и северных берегах Онежского озера, на озерах к западу от него и на р. Свири. Памятники эти в отличие от предшествующих им неолитических стоянок расположены на берегах крупных рек, занимают иногда высокие террасы или дюнные всхолмления в большом отдалении от воды.

На стоянках эпохи бронзы находят обычно посуду с сетчатой поверхностью, которая содержит примесь дресвы в тесте. Нередко поверхность заглаживалась под орнамент, встречается штриховка внешней поверхности.

По форме посуда довольно разнообразна, часть ее имеет округлое дно, но встречены и плоские днища. Большинство сосудов профилировано, выделены горло и плечики, венчик отогнут наружу, но бывает также закрытым внутрь. Орнамент наносился на горло и плечики сосуда, он выполнен обычно оттисками тонкой длинной гребенки или мелкими овальными углублениями и дополнен редкими ямками неправильной формы (Гурина, 1961, с. 468—469, рис. 189—195).

Орудия сделаны из сланца, кремня и кварцита. Сланцевые топоры и долота часто имеют случайную форму, обработаны небрежно, на многих памятниках отсутствуют совсем (Гурина, 1961, с. 104).

Среди наконечников стрел из кремня представлены несколько типов. Наиболее распространенными являются листовидные наконечники укороченных пропорций с расширением в средней части и листовидной формы с намеченным черешком, редки наконечники так называемого беломорского типа, удлинённые, с плоским основанием, и треугольно-черешковые (Гурина, 1961, рис. 178, 1; рис. 182, 1, 2, 6, 7; рис. 204, 1).

Многочисленны и разнообразны бытовые орудия, среди них преобладают сегментовидные скребки с округлым рабочим краем. Частыми находками являются шлифовальные плиты, округлые камни с пришлифовкой, точила.

Остатки металлических изделий встречаются редко, но жители этих поселений были знакомы с его выплавкой. Об этом говорят находки глиняных лячек с остатками бронзового литья.

Представляет интерес найденная на стоянке Усть-Рыбежна II посуда с изображениями уточек (Гурина, 1961, с. 195; 1972). По характеру изображений, стилю орнаментации, форме и обработке поверхности эти сосуды можно сопоставить с керамикой таких памятников, как Илекса и Белозерская в Восточном Прионежье.

Памятники эпохи раннего металла в Ленинградской области и на юге Карелии, в Приладожье, образуют единую культурную группу, которая сложилась здесь во второй половине II тыс. до н. э., возможно, ближе к его концу (Гурина, 1961, с. 11—12; Панкрушев, 1964, с. 60). В развитии этой группы памятников выделено два периода. К первому относятся стоянки эпохи бронзы, подобные Усть-Рыбежна II и III, Под Сопкой и др. Для этого периода характерно единство материальной культуры, близкое сходство керамики и каменных орудий. Вторым периодом представлен стоянками типа Исады, Новая Ладога и др. На них находят крупные плоскодонные сосуды с сетчатой поверхностью и небрежно выполненным орнаментом у венчика. Орудий встречается немного, они отличаются плохой обработкой и случайной формой, найдены неоднократно железные шлаки. Эти памятники относятся к эпохе железа (Гурина, 1961, с. 109).

Ранние памятники с сетчатой керамикой в Ленинградской области и Южной Карелии имеют определенное сходство с памятниками раннего периода позднекаргопольской культуры. В дальнейшем развитие этих двух групп населения шло, очевидно, различными путями, как можно судить по остаткам материальной культуры. В I тыс. до н. э. в Приладожье и Прионежье складываются две самостоятельные культуры.

В Северной и Восточной Карелии, а также Финляндии в эпоху бронзы существовала группа населения, оставившая стоянки с так называемой асбестовой керамикой. Центром ее сложения была территория Восточной Финляндии. В Карелии памятники этого типа появились в начале II тыс. до н. э. и существовали до I тыс. до н. э. (Панкрушев, 1964, с. 6С, 91).

Культура получила название по характерной для ее стоянок керамике, содержащей примесь асбеста в тесте. Сосуды имеют обычно тонкие стенки, нависающий внутрь венчик. Керамика карельских стоянок несколько отличается от финских по форме и орнаментации. Она с плоским дном, орнамент состоит из легких оттисков длинной гребенки, образующей сложные геометрические узоры или вертикальные зигзаги. На самых поздних стоянках керамика не орнаментирована совсем (Панкрушев, 1964, прил. IV, табл. 14—16).

Основным сырьем для изготовления орудий жителям стоянок с асбестовой керамикой служил кварц; кремень, как правило, не встречается. Среди кварцевых орудий преобладают скребки, реже встречаются резцы, много осколков кварца. Найдены мелкие плоские топоры, долота и наконечники из роговика, такие типы орудий характерны для всех памятников с асбестовой керамикой (Гурина, 1951а, с. 131).

В целом стоянки имеют небольшую площадь и бедный культурный слой.

Остатки бронзолитейной мастерской были открыты и исследованы А. Я. Брюсовым на стоянке Томица недалеко от Петрозаводска. Здесь найдены подковообразные очаги, плиты для размельчения руды, тигли, лячки, железные шлаки. Орудий почти не найдено, среди керамики 50% составляла посуда с сетчатой поверхностью, остальная содержала примесь асбеста (Брюсов, 1940, с. 132—138).

При исследовании стоянки Оров-Губа Н. Н. Гуриной обнаружены остатки горна, сооруженного из гранитных плит. Он представлял собой ящик, углубленный в грунт, внутри был выложен тонкими плитами и обмазан глиной. На дне его находилось углубление для металла, мелкие угли, зола и остатки руды (Гурина, 1951а, с. 132—133). Приведенные данные позволяют сделать вывод, что жители поселений с асбестовой керамикой умели выплавлять металл, хотя орудия из него не найдены.

Мало известно об устройстве жилищ. Одно из них обнаружено на стоянке Тумча, расположенной на границе Северной Карелии. Оно помещалось в углублении скалы. На дне углубления находился очаг, сложенный из крупных камней, сохранивших следы прокаливания. Очаг имел вид печи-каменки, поставленной на слое глины, которая покрывает дно углубления в скале (Гурина, 1961, с. 29).

Памятники с асбестовой керамикой известны на севере Кольского полуострова. Здесь они расположены вдоль водного пути по рекам и озерам, идущего с юга к побережью Баренцева моря, и по самому побережью. Жители этих стоянок занимались рыболовством и охотой на морского зверя. На стоянках сохранился незначительный культурный слой, многие из них находятся на разрушаемых дюнах. Найденная в культурном слое ряда стоянок керамика содержит примесь асбеста. Посуда имеет тонкие стенки и плоское дно, орнамент выполнен легкими оттисками гребенки, часто посуда не орнаментирована совсем. Орудия сделаны из кварца, формы их мало-выразительны (Гурина, 1951а, с. 156, рис. 4).

В последние годы на северном побережье Кольского полуострова открыт ряд новых памятников эпохи раннего металла, таких, как Нерпичья губа, Варзино 8, Маяк, которые несколько отличаются от известных ранее памятников этого времени (Гурина, Тимофеев, Шумкин, 1977, 1978).

Ареал культуры с асбестовой керамикой достаточно велик, но на восток за пределы современной Карелии эти памятники далеко не распространяются. Стоянки с чистым комплексом асбестовой керамики встречаются редко, даже на основной территории в Северной Карелии насчитываются единицами (Савватеев, 1977, с. 318).

Исследователи считают, что традиция изготовления посуды с примесью асбеста и употребления кварцевых орудий возникла в неолите в среде древнего населения, на основе которого впоследствии сложилась саамская народность. Что касается памятников с сетчатой керамикой, то они оставлены древним финно-угорским населением (Гурина, 1961, с. 167; Панкрушев, 1964, с. 92). Распространение последних в Европейской части СССР было значительным, в конце II тыс. до н. э. они известны не только в

Приладожье и Прионежье, но также на побережье Белого моря примерно до устья Северной Двины (Фосс, 1952, с. 232 и сл.) и в северо-восточной Карелии (Савватеев, 1977, с. 316).

Беломорье. На побережье Белого моря от устья р. Онеги до Канина Носа еще с прошлого века известна группа памятников, которые были объединены в беломорскую археологическую культуру эпохи неолита (Фосс, 1952). Современные исследования в Беломорье и на соседних территориях показали, что только часть стоянок беломорской культуры можно считать неолитическими, остальные существовали позднее, от ранней бронзы до раннего железного века.

Стоянки эпохи раннего металла известны на Летнем, Зимнем и Онежском берегах Белого моря (Галдарея I, II, III, Кузнечиха и др.). Они занимают береговые дюны высотой от 4 до 12—13 м. В некоторых случаях прослеживается зависимость между расположением и возрастом стоянок. Беломорские дюны сильно развены, что способствует разрушению культурного слоя древних памятников и смешиванию материала. Состояние памятников позволяет лишь в общих чертах составить характеристику стоянок рассматриваемого региона, их хронологическое деление носит предварительный характер. К позднему неолиту или энеолиту относится стоянка Кузнечиха на окраине г. Архангельска. В культурном слое выделяются нижний и верхний горизонты. В нижнем найдена керамика с примесью раковины, орнаментированная зонами гребенчатого штампа. В верхнем слое керамика светлого цвета, часто окрашена охрой, в тесте примесь органических веществ, орнамент из горизонтальных полос мелкого гребенчатого штампа, поставленного вертикально или наклонно. В верхнем слое содержится больше изделий из кремня, среди них типичные беломорские формы наконечников стрел — с выемкой в основании и треугольно-черешковые, а кроме того, обычные листовидные и с выемкой в основании (Смирнов, 1940, 1941а; Куратов, 1978, с. 9). Стоянка датируется II тыс. до н. э., возможно, его началом.

На нескольких беломорских стоянках найдена подобная керамика с пористым тестом, но этот материал, как правило, плохо документирован.

В лесной зоне и на севере стоянки, на которых находят пористую посуду, содержащую различные органические примеси в тесте, относят к концу неолита или началу энеолита. Кроме керамики, на них встречаются иногда следы обработки металла, чаще меди. Памятники этой группы датированы 1800—1500 гг. до н. э. (Фосс, 1952, с. 136), не исключена и более древняя дата.

Основная часть беломорских стоянок относится к эпохе бронзы. На них находят обычно тонкостенную профилированную посуду, нередко она пористая, светлого цвета, украшена у горла сложными узорами из отгисков тонкой гребенки, овальных мелких углублений и ямок неправильной формы. Встречается посуда с сетчатой поверхностью и выступающим краем венчика. Среди орудий преобладают наконечники стрел ланцетовидной, треугольно-черешковой формы, реже встречаются листовидные и треугольные с выемкой в основании. Последняя форма получила широкое распространение в лесной полосе и лесостепи в эпоху бронзы. Оригинальными местными формами

являются треугольно-черешковые наконечники с удлиненным черешком и ланцетовидные беломорского типа, только последняя форма обрабатывалась так называемой пильчатой ретушью (рис. 81). Оба типа наконечников появились на энеолитических стоянках и не выходили из употребления в Беломорье до железного века.

В отличие от соседних территорий рубящие орудия на беломорских стоянках встречаются в эпоху бронзы очень редко. Массовый материал состоит из скребков разнообразной формы, скобелей, найдены оригинальные резцы на сломанных наконечниках стрел.

К эпохе бронзы относятся такие памятники, как Галдарея II, III (Фосс, 1952, с. 233), Усть-Ярента (Крайнов, 1928; Фосс, 1952), Зимняя Золотица, часть материала стоянок Ненокса, Орлецкая (Куратов, 1978, с. 66) и некоторые другие (Фосс, 1952).

Из них наибольший интерес представляет стоянка Зимняя Золотица. Широкую известность приобрела кремневая скульптура этой стоянки. Всего на ней в разное время было найдено семь фигурных кремней. Среди них — два неопределенной формы, изображение нерпы или тюленя (ГИМ №78533), фигурка хищника (волка или собаки), лося, лежащего моржа и хищника, возможно, песца (рис. 83). Таким образом, в кремневой скульптуре представлены важнейшие промысловые животные, на которых охотились жители побережий Белого моря в древности.

В конце эпохи бронзы и начале железного века на побережьях Белого моря существовали большие долговременные поселения, такие, как Красная Гора (рис. 82), Тамица, Сараиха, Вейга, Люлинка и др.

Завершая обзор памятников эпохи бронзы в Беломорье, нельзя не упомянуть о каменных лабиринтах (рис. 83). Эти сооружения представляют собой выкладки из валунов, выполненные, как полагают, по предварительному рисунку. Они расположены на каменистых берегах и островах Белого и Баренцева морей, известны в Скандинавии и Англии. По последним сведениям, в Европейской части СССР их насчитывается около 45, всего сейчас известно около 120 лабиринтов. По форме выделяется пять типов построек: подковообразные, круглоспиральные, би-спиральные, круговые, прямоугольные (Куратов, 1973, с. 63—64).

Определение хронологии и культурной принадлежности лабиринтов неясно. Исследование стоянок с культурным слоем, которые, по мнению исследователей, можно связывать с лабиринтами, позволяет отнести время их сооружения к длительному историческому периоду — II—I тыс. до н. э.

О назначении мегалитических сооружений Севера, в том числе лабиринтов, существуют разные суждения. Одни считают, что лабиринты связаны с главным занятием древних жителей побережий — рыболовством. В устройстве лабиринтов, их расположении видят сходство с рыболовными сооружениями. К тому же чаще всего они приурочены к местам современного лова (Гурина, 1948; Мулло, 1966, с. 185 и далее). Другие исследователи предполагают, что лабиринты могли быть культовыми сооружениями, связанными с различными древними обрядами, возможно и с обрядом, который способствует удачному промыслу рыбы.

В некоторых случаях лабиринты расположены рядом с другими постройками в виде сейдов, каменных куч, гряд или фигурных выкладок из валунов. А. А. Куратовым исследованы каменные груды на Большом Заяцком и Анзерском островах Соловецкого архипелага; под ними оказались трупосожжения и сопровождавшие их кости морских животных и рыб, а также орудия из кварца. Рядом с грудями есть лабиринты. Предполагается, что здесь находилось древнее святилище с погребальными и культовыми памятниками (Куратов, 1973, с. 73—74).

Таким образом, на севере Европейской части СССР, ограниченной на востоке течением Северной Двины, к середине II тыс. до н. э. сложились четыре группы памятников, соответствующих археологическим культурам. Каждая из них занимает собственную территорию, в расположении стоянок каждой наблюдаются характерные особенности, присущие данной культуре и связанные с образом жизни населения и способами ведения хозяйства.

В материальной культуре трех групп населения, занимавших Приладожье, Прионежье и Беломорье, можно проследить некоторые общие черты: сходные формы орудий, одинаковые приемы в изготовлении и орнаментации посуды. Распространение отдельных видов орудий, таких, как наконечники стрел беломорского типа, в соседних территориях позволяет предполагать существование обменных связей между населением отдаленных районов.

Четвертая группа — памятники с асбестовой керамикой — в значительной мере отличается от перечисленных культурных общностей. Это подтверждает предположение, что стоянки с асбестовой керамикой оставлены предками современных саамов, в то время как стоянки Приладожья, Прионежья и Беломорья скорее всего принадлежат предкам финно-угров. Можно также предположить, что на основе этих трех групп населения в более позднее время — в железном веке происходило формирование исторических народов — карелов и венгов.

Северо-восток Европейской части СССР. Этот регион охватывает большую территорию, особенно мало исследованную в археологическом отношении в связи с труднодоступностью, малой заселенностью и суровым климатом, в частности в Приполярье.

В бассейне р. Печоры исследованиями охвачено среднее течение реки, не выходящее за пределы зоны Приполярья. В Заполярье известны отдельные памятники. К энеолиту — ранней бронзе относятся три стоянки: Конецбор V, II и Коршак I. Каждая из них относится к самостоятельному культурному типу (Канивец, 1974, с. 121 и далее). В. И. Канивец сопоставлял материалы Конецбора V со стоянками с гребенчатой керамикой, известными в лесной полосе Европейской части СССР, и по аналогии датировал ее первой половиной II тыс. до н. э. Сейчас эта датировка представляется недостаточно аргументированной. Стоянка Конецбор II отнесена к гаринско-борской культуре, а стоянка Коршак I — к отдельному культурному типу, испытывавшему влияние из Зауралья (Канивец, 1974, с. 8, 32).

На левом притоке Печоры р. Ижме известно восемь стоянок бронзового века, исследованных В. Е. Лузгиным. Среди них только Галово II является долговременной, с большим культурным слоем.

К раннему бронзовому веку относятся три памятника — Галово II, Кельчиур II и Каратель II, каждая из них представляет самостоятельный культурный комплекс, как и на Средней Печоре (Лузгин, 1972).

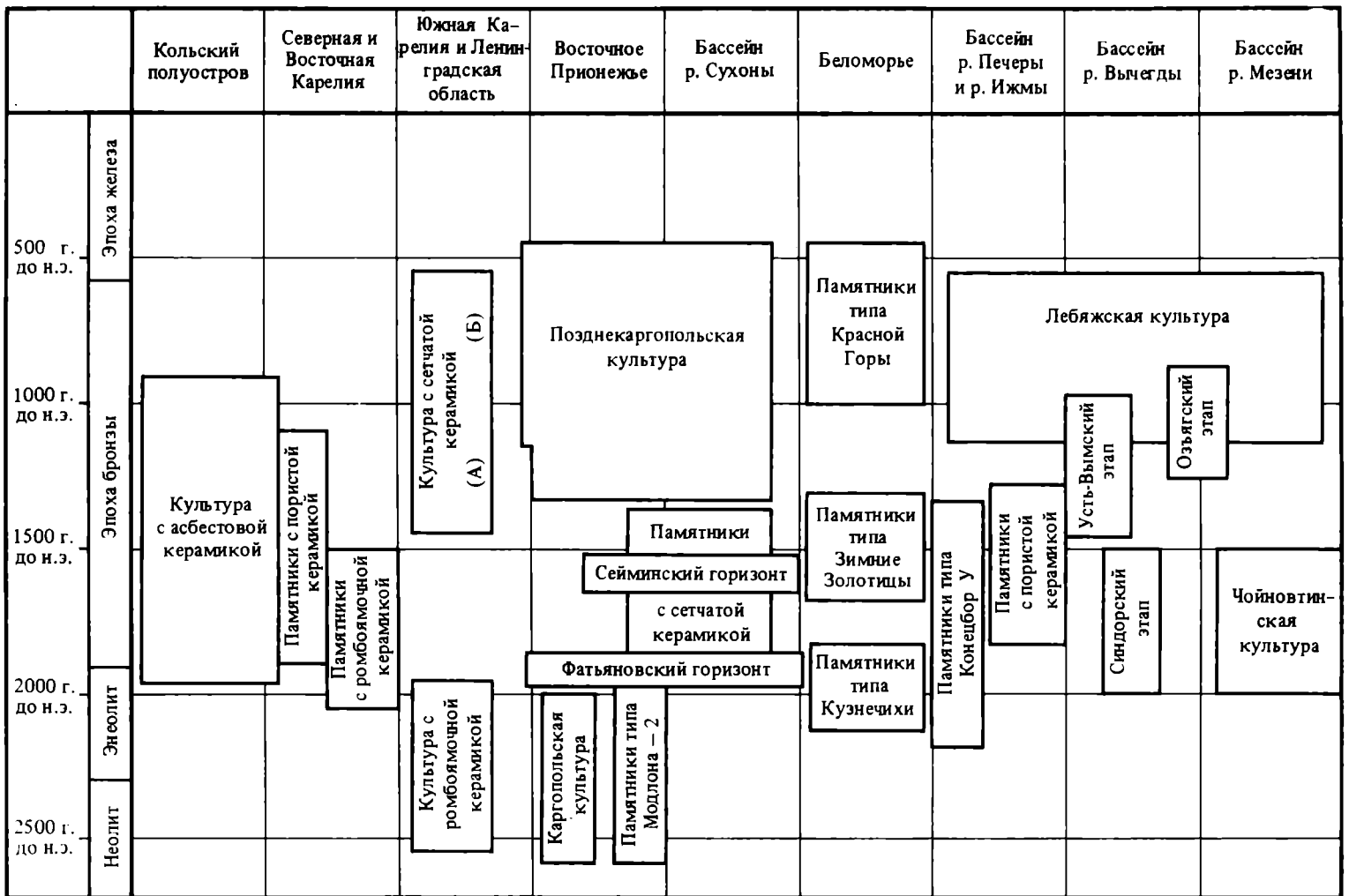
Анализ полученного археологического материала показал, что на Печоре и Ижме в первой половине II тыс. до н. э. существовали памятники, принадлежащие местному населению. Для них характерна посуда с примесью дресвы, небольшого размера, круглодонная, с прямыми стенками и орнаментом из оттисков гребенчатого штампа. Памятники другой группы, на которых часть керамики сделана с применением растительных или органических добавок в тесте, принято относить к гаринско-борской культуре Прикамья или объяснять ее влиянием. Следует отметить своеобразие этой группы памятников и ее отличие от прикамских, что выражается в преобладании посуды малых размеров, в том числе плоских конических чаш, известных на других стоянках бассейна Печоры. Значительная часть посуды здесь имеет неорганическую примесь (40%), отличается деталями и орнаментом от керамики Прикамья, известной на стоянках гаринско-борского типа.

В позднем бронзовом веке Печоры складывается лебяжская культура, представленная тремя памятниками на Ижме — Галово I, Турунюр I, Кельчиур II, а на Печоре — стоянками Щельяур I, Конецбор I, Ичет-Нюр и др. Для этой культуры характерна широкогорлая посуда типа чаши с отогнутым наружу венчиком, выпуклыми боками и округлым дном. В керамическом тесте примесь дресвы. Орнамент выполнен зубчатым штампом и рядом ямок по шейке на раннем этапе, на позднем в него включаются крестовидный штамп и некоторые другие элементы зауральского происхождения. Сосуды орнаментированы по горлу и плечикам. За все время существования культуры не выходят из употребления каменные орудия. Однако население уже умело делать орудия из металла, о чем можно судить по обломкам тиглей, шлакам и металлическим орудиям, найденным в бассейне Печоры на Знаменской, Лебяжской стоянках, в Галово I и Канинской пещере (Канивец, 1964; Лузгин, 1972, с. 84).

Лебяжская культура возникла, как полагают исследователи, у местного населения, существовавшего в бассейне Печоры в раннем бронзовом веке, но под влиянием культур Прикамья. На позднем этапе культуры сюда проникало население из Зауралья, которое оказало на нее известное влияние. В конце II тыс. до н. э. население лебяжской культуры имело большие поселения, которые существовали длительное время и оставили мощный культурный слой.

В бассейне р. Вычегды и районе Синдорского озера к бронзовому веку относятся более 15 памятников (Буров, 1965, с. 67, рис. 1). Они расположены на бортовых террасах реки высотой 8—13 м, а на озере на берегах высотой 1,5—4 м от уровня воды. Большинство стоянок существовало недолго, только некоторые имеют значительный культурный слой. В бронзовом веке этого района выделяются три хронологических периода. Первый, синдорский, этап представлен стоянками Вис I, II, III, Симва II, Лебяжск. Здесь найдена посуда, орнаментированная оттисками гребенки. Среди кремневых орудий — наконечники стрел листовидные и ромбовидные, черешковые,

Схема синхронизации культур

с прямым основанием и выемчатым, а также ножи сегментовидной и копьевидной формы. По аналогии с соседними территориями памятники датированы первой половиной II тыс. до н. э.

Второй, устьвымский, этап прослежен по одной Ванвиздинской стоянке, где найдена керамика с примесью органики, кварца и слюды. Эта посуда серого цвета, у нее высокая шейка и выпуклые плечики, дно плоское. Г. М. Буров, изучавший материалы стоянки, видит аналогии ей на юго-западе, в поздняковской культуре, что позволяет датировать устьвымский этап второй половиной II тыс. до н. э. (Буров, 1965, с. 89). Появление памятников с подобной керамикой на европейском северо-востоке имело эпизодический характер. Кроме бассейна Вычегды, они были обнаружены только на Косминских озерах Центрального Тимана (Стоколос, 1973).

Третий, озьягский или раннелябяжский, этап представлен стоянками Озьяг I, II и некоторыми другими, расположенными на Верхней Вычегде. Для них характерна низкая круглодонная посуда с отогнутыми венчиками и выпуклыми плечиками. Орнамент состоит из оттисков гребчатого штампа и редких ямок по горлу сосудов. Население еще широко использовало каменные орудия, в том числе наконечники стрел с прямым и округлым основанием, с выемкой в основании и с черешком. Стоянки датируются концом II — началом I тыс. до н. э., их относят к концу эпохи бронзы и переходу к раннему железному веку (Буров, 1967, с. 118). Отличаясь известным

своеобразием, вычегдские стоянки принадлежат лебяжской культуре, охватившей на европейском северо-востоке значительные территории и распространившейся в бассейнах Вычегды, Мезени и Печоры.

В бассейне р. Мезени выделена чойновтинская культура (Стоколос, 1986). На стоянках этой культуры найдена посуда полуяйцевидной формы, круглодонная, с открытым или прикрытым горлом. Примеси в тесте растительные. Сосуды делали способом лепточного налепа. Орнаментом украшена только верхняя половина сосудов. Он состоит из гребчатых, резных оттисков и перевитого шнура, что имеет аналогии в способах орнаментации в неолите Волго-Окского бассейна. Кремневый инвентарь довольно разнообразен, встречаются стрелы девяти типов, а также отдельные сланцевые орудия. Представляет интерес янтарная подвеска, найденная в одном из жилищ, судя по которой, стоянка и культура относятся к началу II тыс. до н. э. Исследовано 14 жилищ чойновтинской культуры. Они представляли собой полуземлянки с одним или двумя выходами, одним или двумя очагами в центре, перед выходом или реже у стен. Вероятно, эти жилища имели столбовую конструкцию, в землю они были углублены всего на 40 см. Размеры жилищ от 15 до 70 кв. м.

Чойновтинская культура распространена в долине рек Мезени и ее притока Пезы на протяжении 600 км. Она возникла в начале II тыс. до н. э. и, по мнению В. С. Стоколоса, входит в круг культур с пористой

керамикой, таких, как волосовская и гаринско-борская, но в ее сложении какую-то роль могло играть местное неолитическое население, в том числе чужьяельская культура, а также волго-окский неолитический компонент. Чойновтинские памятники встречаются в разных точках лесотаяжной зоны, но не выходят за ее пределы и в тундре не известны (Стокос, 1986).

В целом в энеолите или раннем периоде эпохи бронзы, в первой половине II тыс. до н. э., на северо-востоке Европейской части СССР получили распространение памятники двух основных типов — с гребенчатой керамикой и с пористой керамикой (гаринско-борского типа). И те и другие достаточно редки и мало изучены. Стоянки с гребенчатой керамикой в бассейне Вычегды послужили основой для выделения синдорской культуры, которая, по мнению Г. М. Букова, распространялась на огромной территории от Белого моря на севере и Галичского озера на юге до восточных склонов Урала (Буков, 1967, с. 168). Другие исследователи оценивали эти памятники иначе. В. И. Канивец рассматривал памятники с гребенчатой керамикой как несколько родственных культур эпохи бронзы, сложившихся на общей осно-

ве, близкой камско-уральскому неолиту (Канивец, 1974, с. 122—123). Л. П. Хлобыстин обратил внимание на значительные различия в материалах стоянок с гребенчатой керамикой в бассейнах Вычегды, Печоры и в Зауралье. Ортинскую стоянку с гребенчатой керамикой в Печорском Заполярье он предлагает датировать вообще поздней бронзой — серединой II тыс. до н. э. (Хлобыстин, 1973, с. 61).

Памятники с пористой керамикой (гаринско-борского типа) встречаются на Вычегде, Печоре, Ижме, Мезени (чойновтинская культура). Предполагают, что памятники этого типа существовали даже в Заполярье, о чем и свидетельствуют Колва-вис XII и Мой-Ярей, хотя найденная здесь керамика имеет примесь дресвы, а не органики. По форме сосудов и орнаментации стоянки отнесены к памятникам гаринско-борского типа (Хлобыстин, 1973, с. 62).

В восточных районах, ближе к Уралу, известны стоянки типа Коршак I, население которых испытывало влияние из Зауралья. Поздний период эпохи бронзы, вторая половина II тыс. до н. э. ознаменовался широким распространением лебяжской культуры, охватившей почти весь регион и существовавшей здесь до начала железного века.

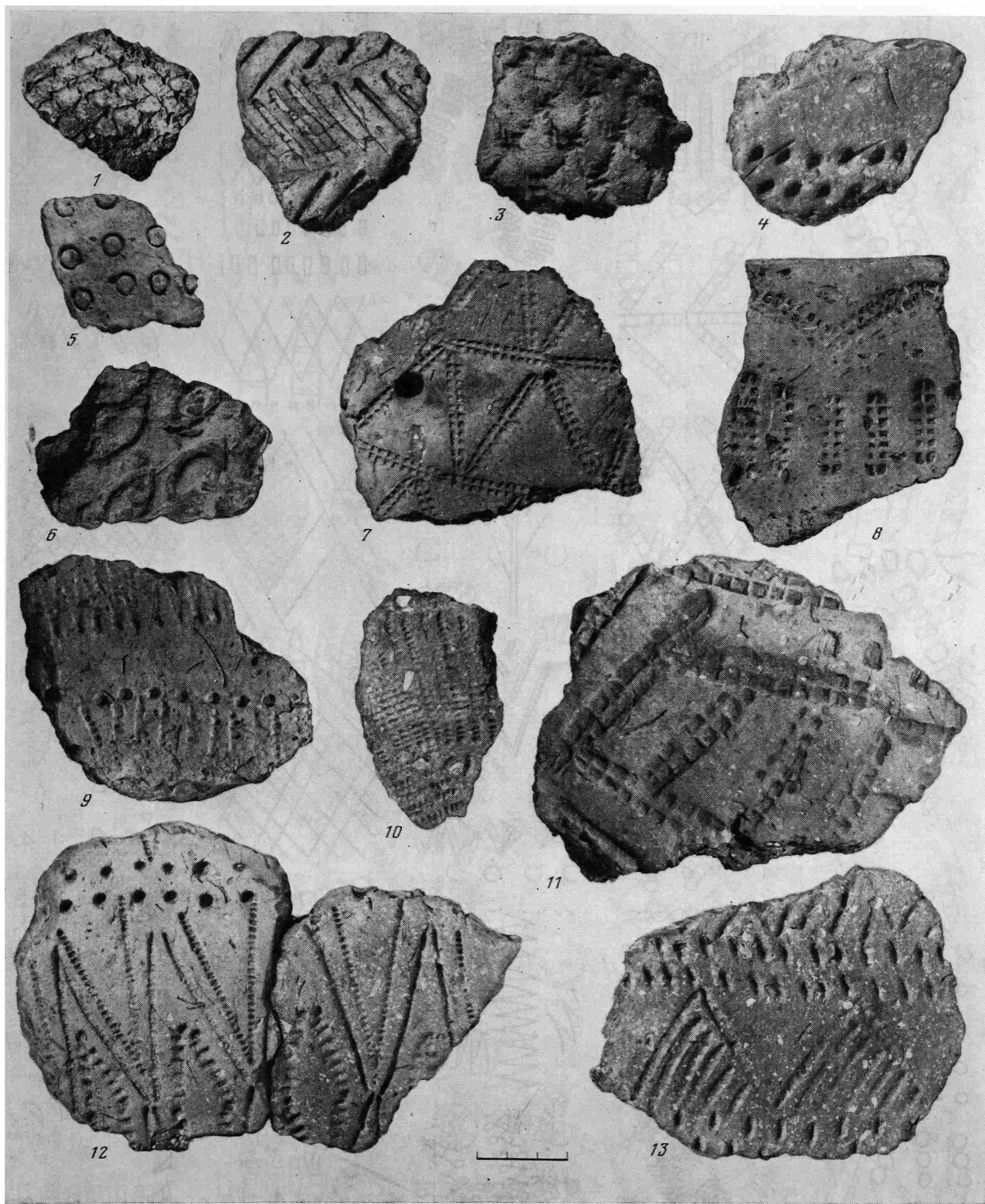

Рис. 1. Керамика из поселений волосовской культуры
 1—3 — Сахтыш I; 4, 5 — Сахтыш VIII; 6, 8—10 — Сахтыш II;
 7, 11—13 — Стрелка I

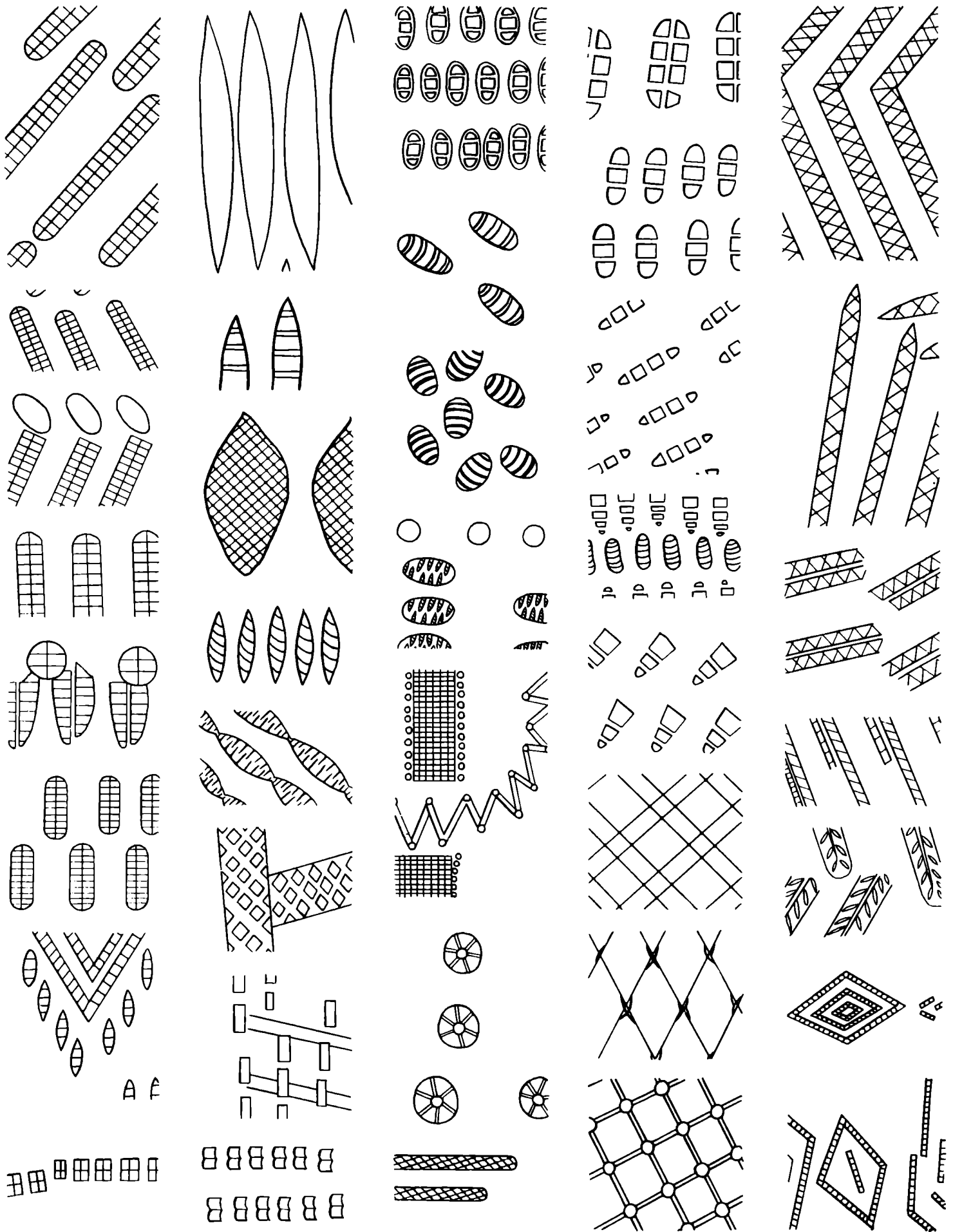

Рис. 3. Элементы орнамента и орнаментальные мотивы волосовской культуры

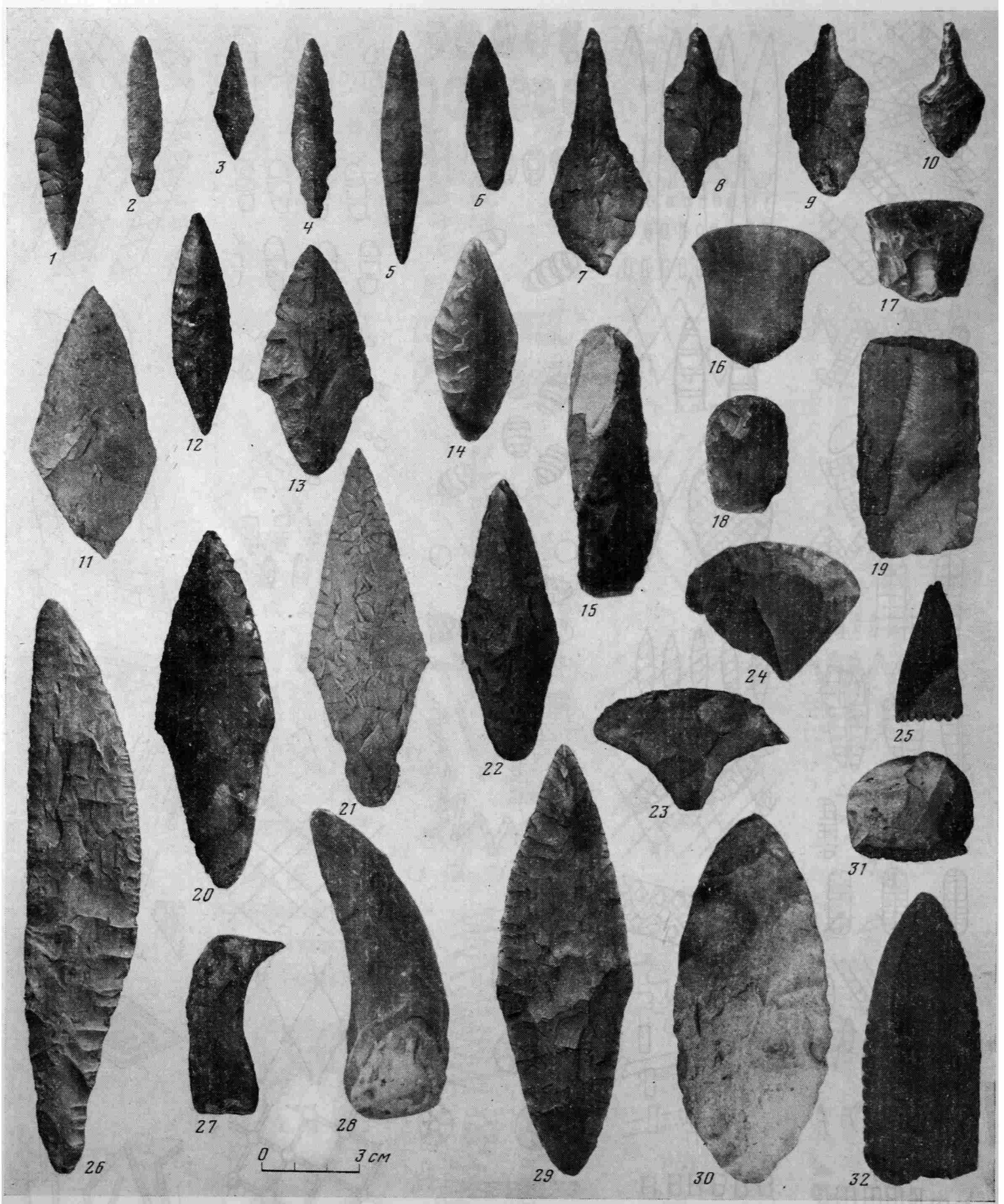

Рис. 4. Кремневые и сланцевые орудия волосовской культуры

1—6, 12 — наконечники стрел (Сахтыш II, VIII); 11, 13, 14, 20—22, 29, 30 — наконечники дротиков (Сахтыш I, II, VIII, Стрелка I); 7—10 — проколки (Сахтыш II); 15—19, 23, 24 — скребки (Сахтыш I, II, Стрелка I); 26—28 — ножи (Сахтыш I, VIII); 25, 31, 32 — штампы (Сахтыш I, II)

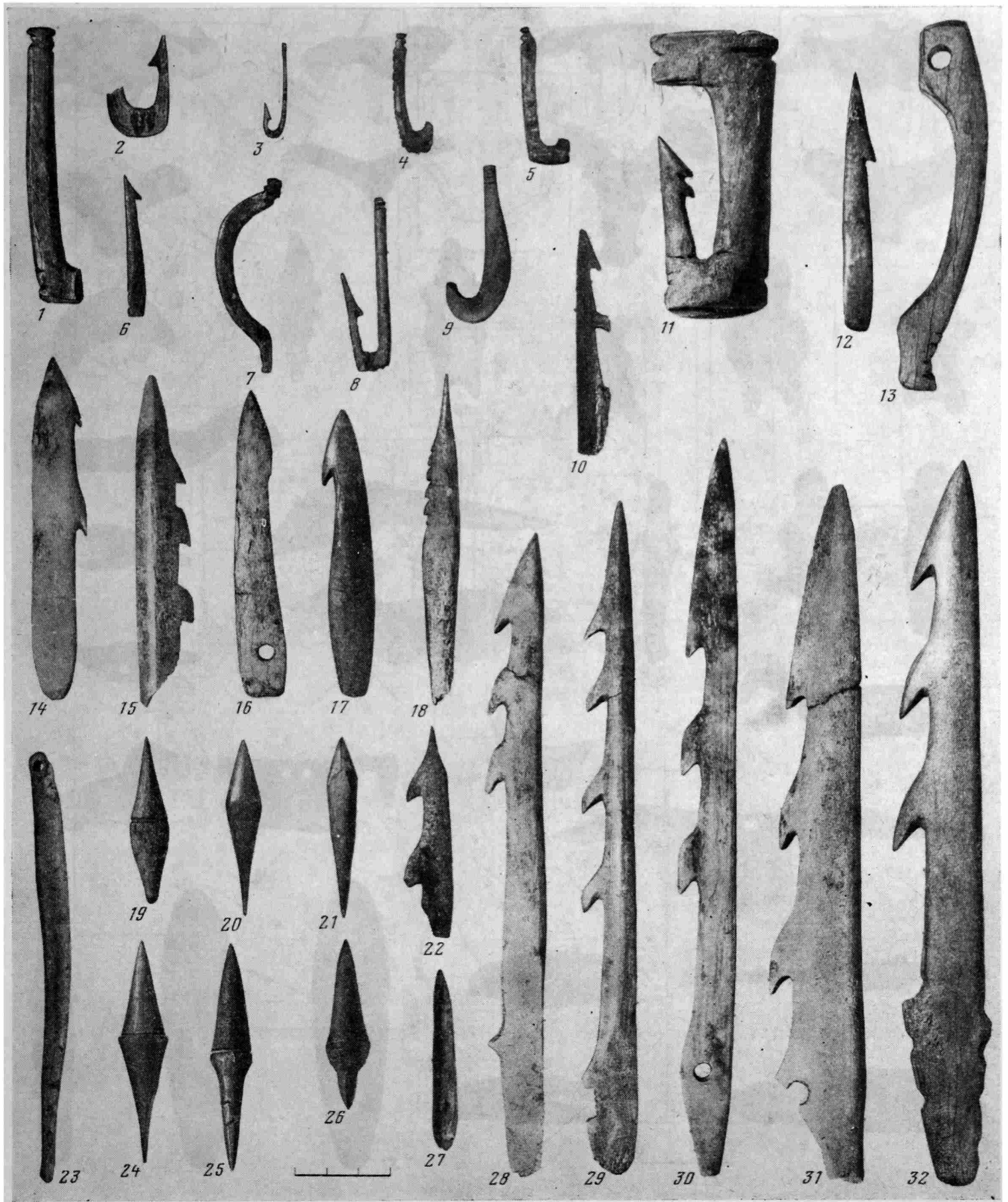

Рис. 5. Костяные орудия волосовской культуры

1—9, 11—13 — рыболовные крючки (Сахтыш I, II); 10, 14—18, 22, 29—32 — гарпуны (Стрелка I, Сахтыш II); 19—21,

24—27 — наконечники стрел (Сахтыш I, II); 23 — игла (Стрелка I)

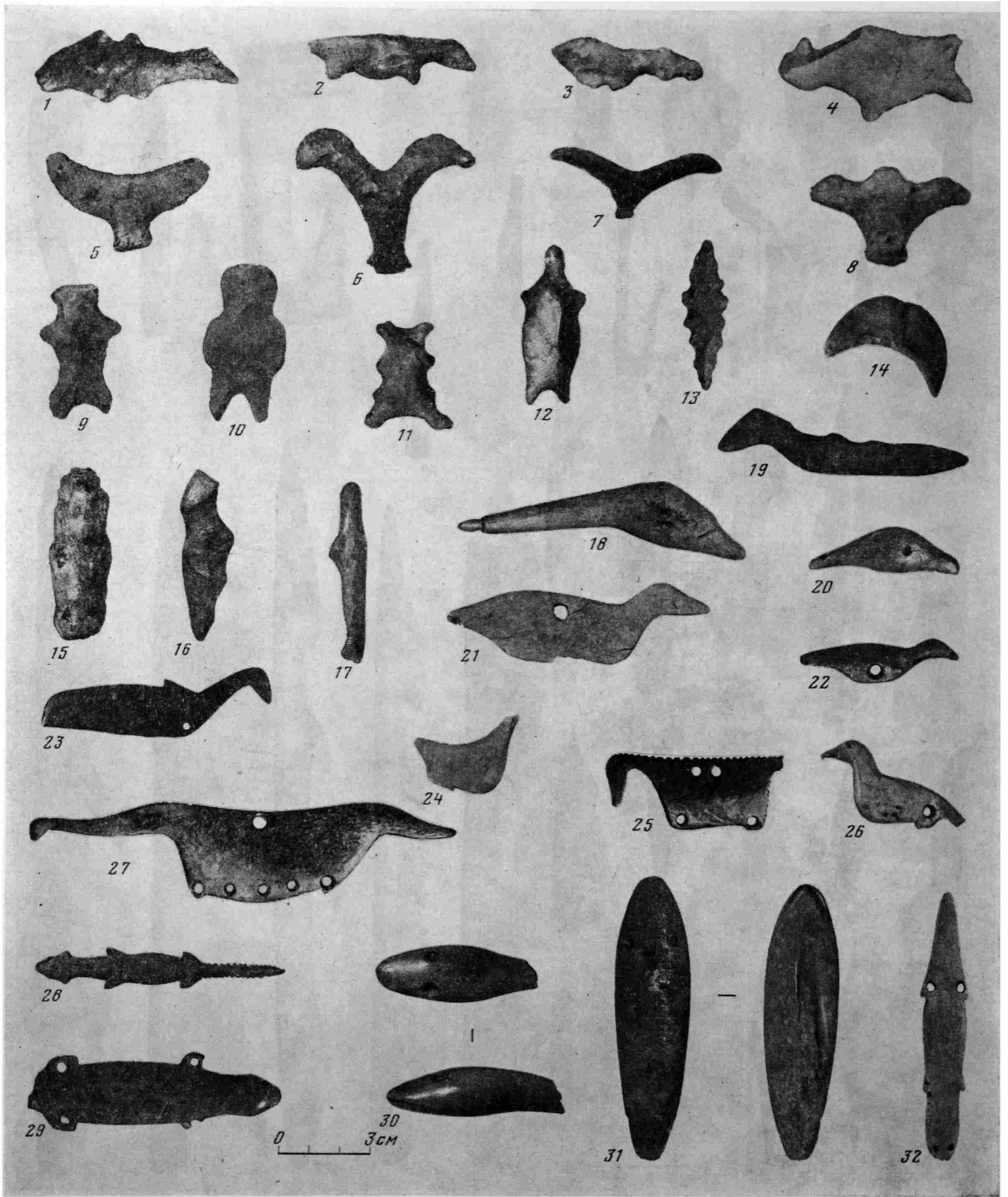

Рис. 6. Кремневые и костяные скульптуры с поселений волосовской культуры

1—4, 12, 27 — скульптуры животных; 5—8, 18—26 — фигурки птиц; 9—11, 15—17 — антропоморфные фигурки; 13 — фигурный наконечник стрелы; 14 — лунница; 28, 29 — фигурки кунцы и выдры; 30 — головка змея; 31, 32 — фигурки рыб (1—4 — Стрелка I; 5—8, 12, 13, 15—17, 27—29, 31, 32 — Сахтыш I; 9—11 — Сахтыш II, VIII; 14 — Сахтыш VIII; 30 — Сахтыш II; 18—26 — Стрелка I, Сахтыш I)

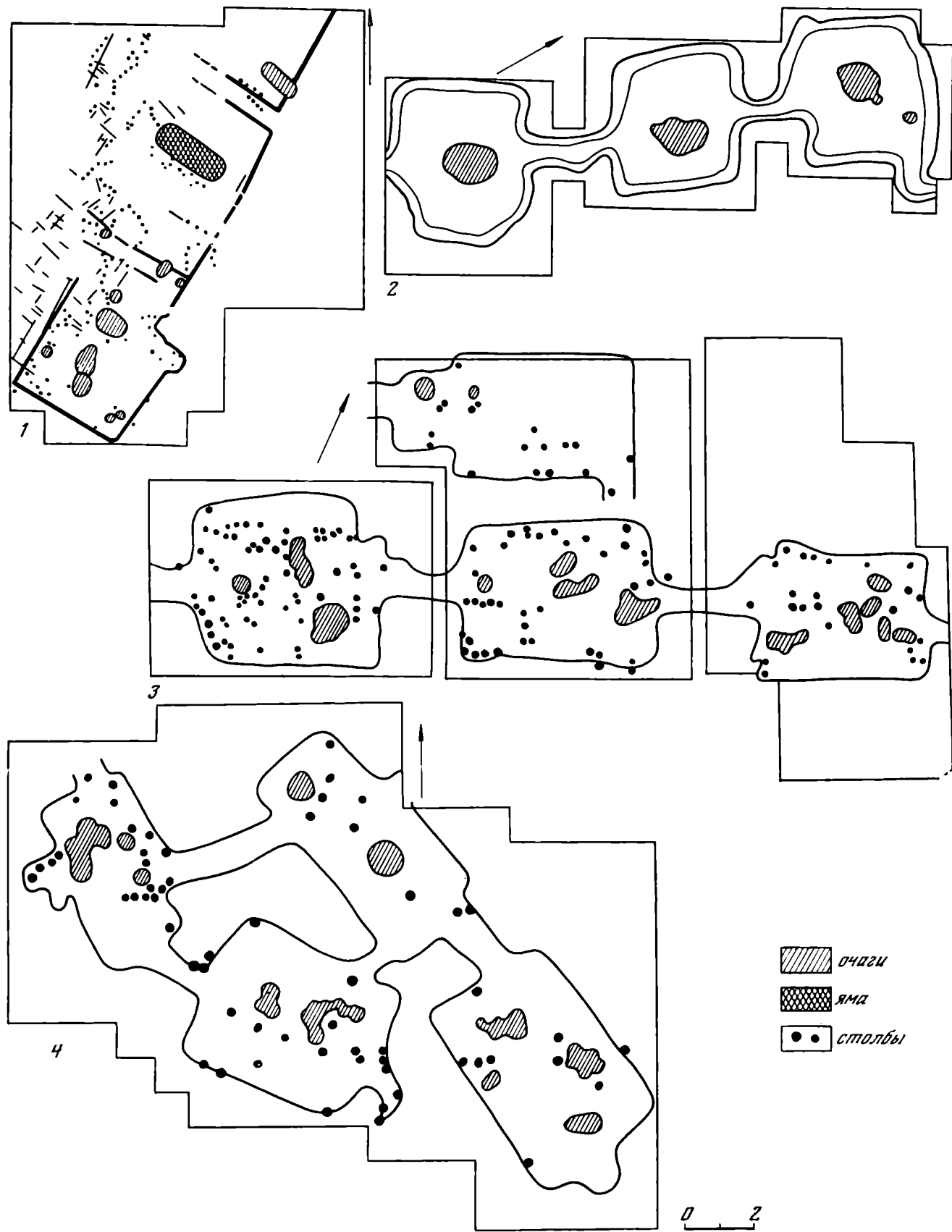

Рис. 7. Планы жилищ с поселений волосовской культуры

1 — Сахтыш II; 2 — Ибердус II; 3 — Ахмыловское II; 4 —
Уржумкинское

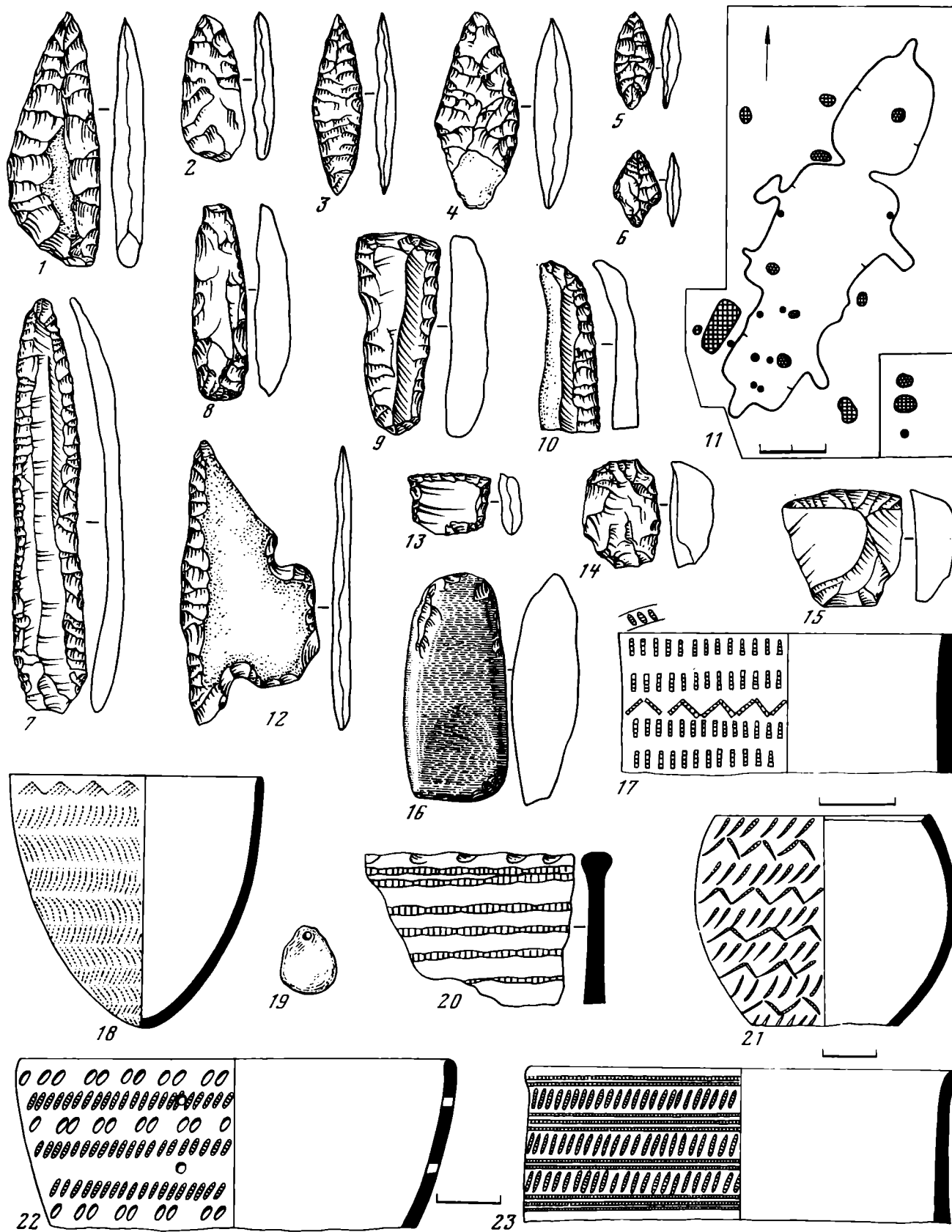

Рис. 8. Новоильинская культура. Кремневые и каменные орудия и изделия

2—6 — наконечники стрел; 9, 13—15 — скребки; 1, 7, 10, 12 — ножи; 8, 16 — рубящие орудия; 19 — сланцевая подвеска; 17, 18, 20—23 — керамика (2, 4, 6—8, 10, 16, 22, 23 — Кочуровское IV; 1, 3, 5, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20 — Среднее

Шадбегово I; 18 — Ново-Ильинское III; 21 — Татарско-Азербайджанское II); 11 — план жилища с поселения Среднее Шадбегово I

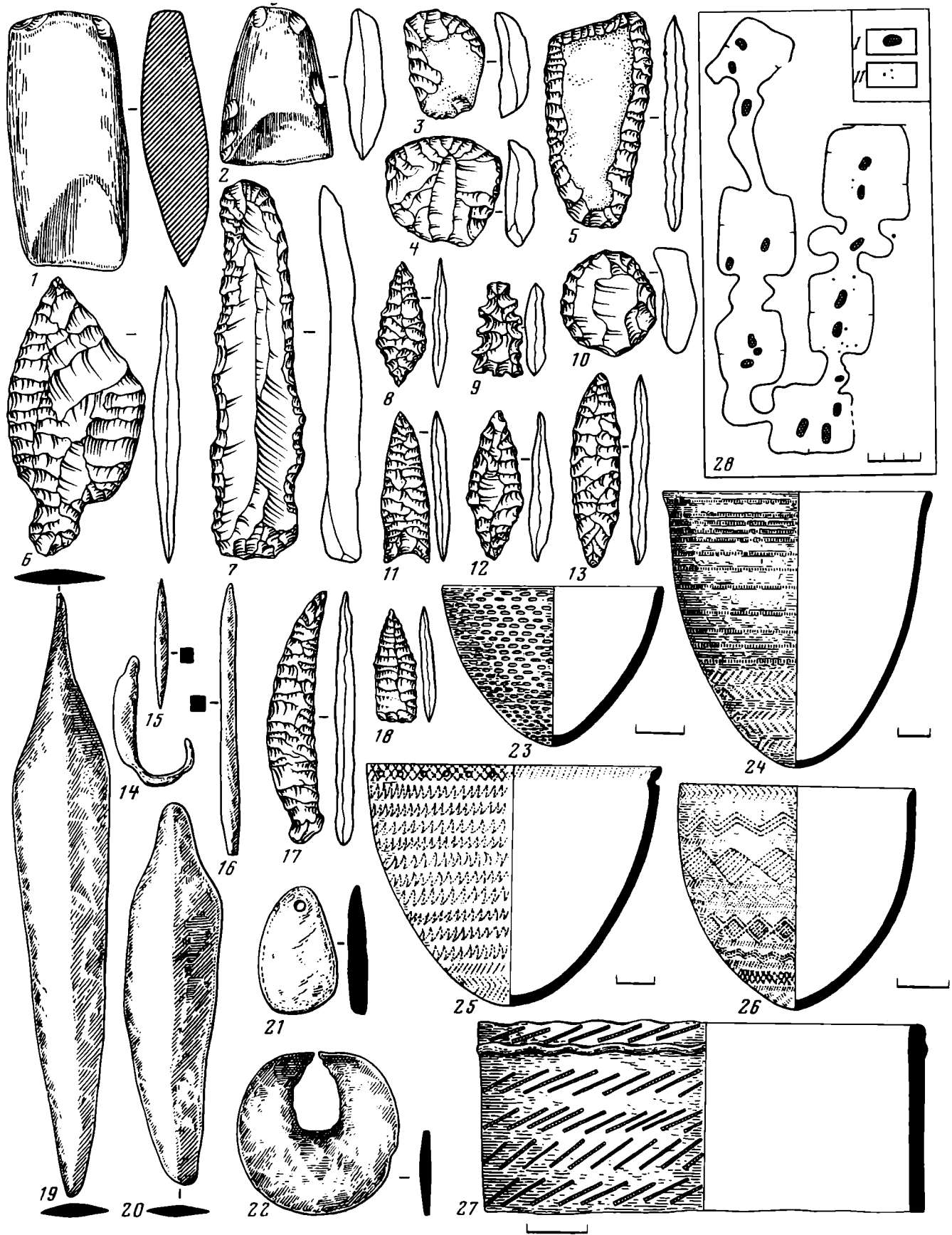

Рис. 9. Гаринско-борская культура. Кремневые и каменные орудия

1, 2 — топоры; 3, 4, 10 — скребки; 5—7, 17 — ножи; 8, 11—13, 18 — наконечники стрел; 9 — зооморфная фигурка. Медные изделия: 14 — крючок; 15, 16 — шилья; 19, 20 — ножи; 22 — лунница; 23—27 — керамика (1, 4, 6, 8, 10, 11, 13, 20, 25 — Бор I; 9, 16, 18 — Выстелишка; 2, 3, 8 — Забойное; 7, 12, 23, 24 — Бор V; 5, 17 — Астраханцевское; 26 — Первомайское; 14, 27 — Камский Бор II; 16 — Басенький Борок; 19 — Левшинка; 22 — Усть-Лудяна); 28 — план расположения жилищ на Астраханцевском поселении; 1 — очаги; II — столбовые ямы

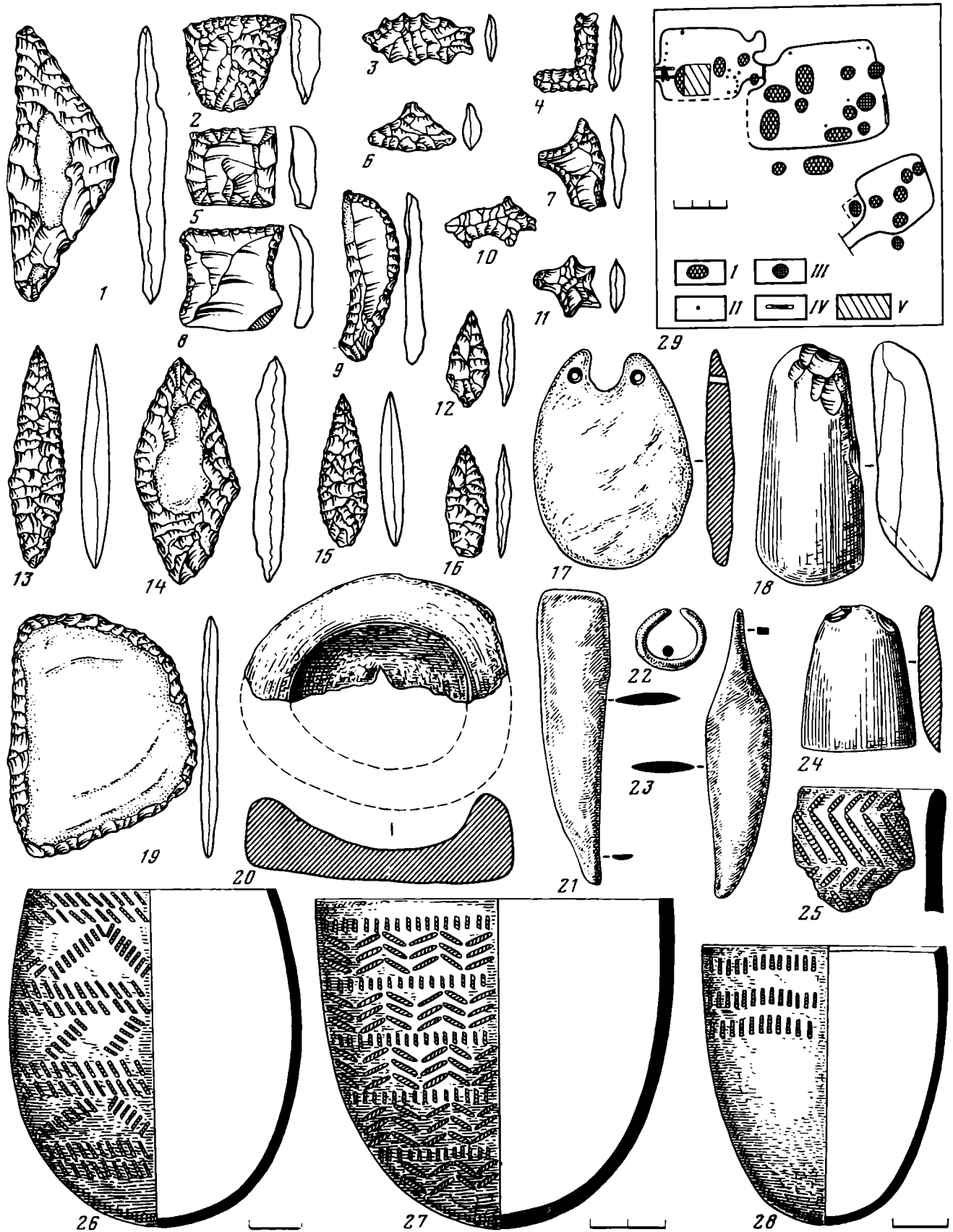

Рис. 10. Юртыковская культура

Кремневые и каменные орудия и изделия: 1, 9, 19 — ножи; 2, 5, 8 — скребки; 3, 4, 6, 7, 10, 11 — кремневые фигурки; 12, 13, 15, 16 — наконечники стрел; 14 — наконечник дроти-

ка; 17 — подвеска; 18, 24 — топоры-долота. Медные изделия: 21, 23 — ножи; 22 — колечко; 20 — тигль; 25—28 — керамика; 29 — жилища

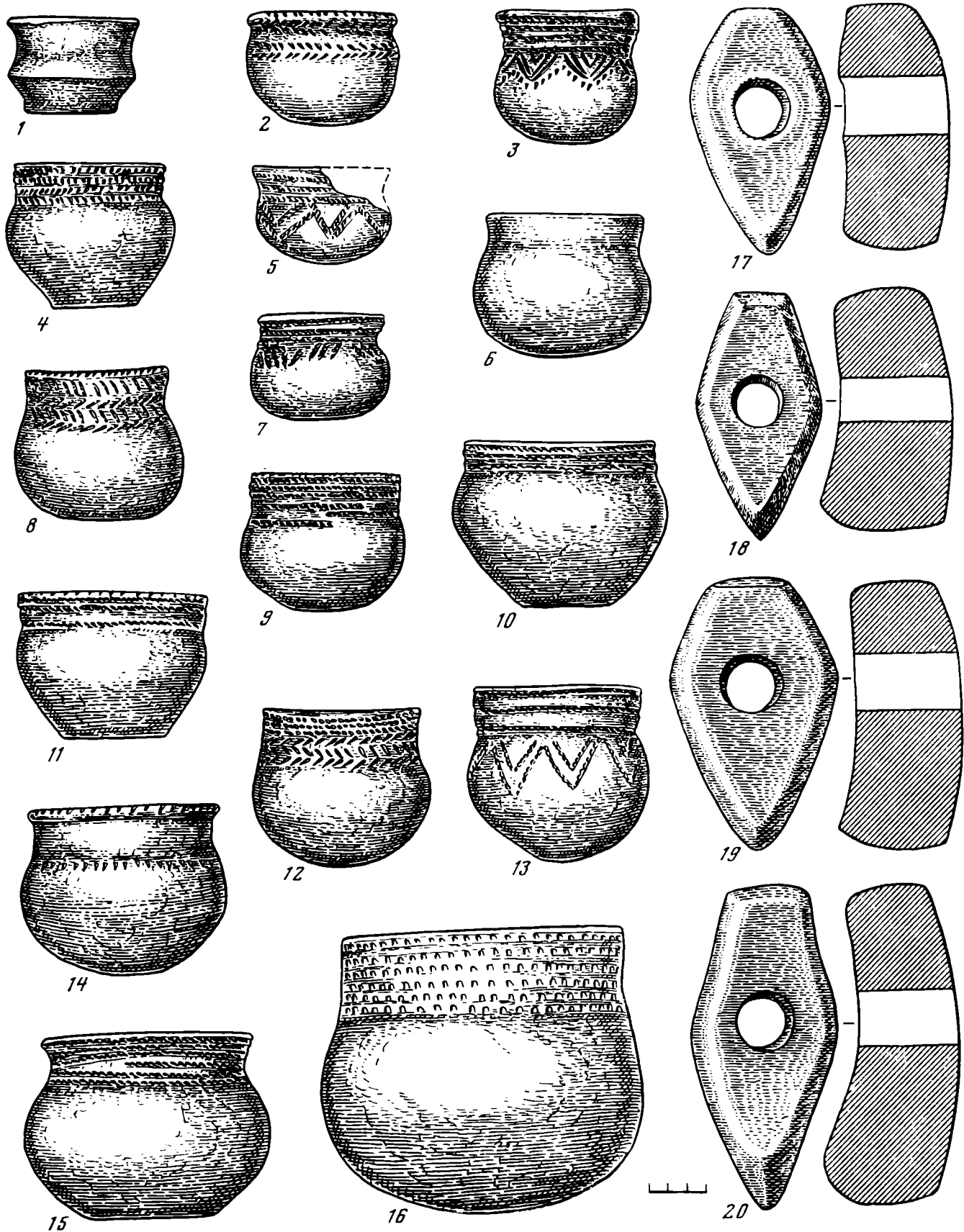

Рис. 11. Инвентарь раннего этапа среднеднепровской культуры

5, 13 — Беркозовка; 2, 3, 7, 15, 20 — Забара; 8 — Шандра; 1, Кагарлык; 19 — между Зеленками и Буртами; 14, 17 — Бур-
 4, 6, 10, 11, 17, 18 — Зеленки; 12 — Киевская область; 9 — ты; 16 — Ивановка; 1—16 — сосуды; 17—20 — топоры

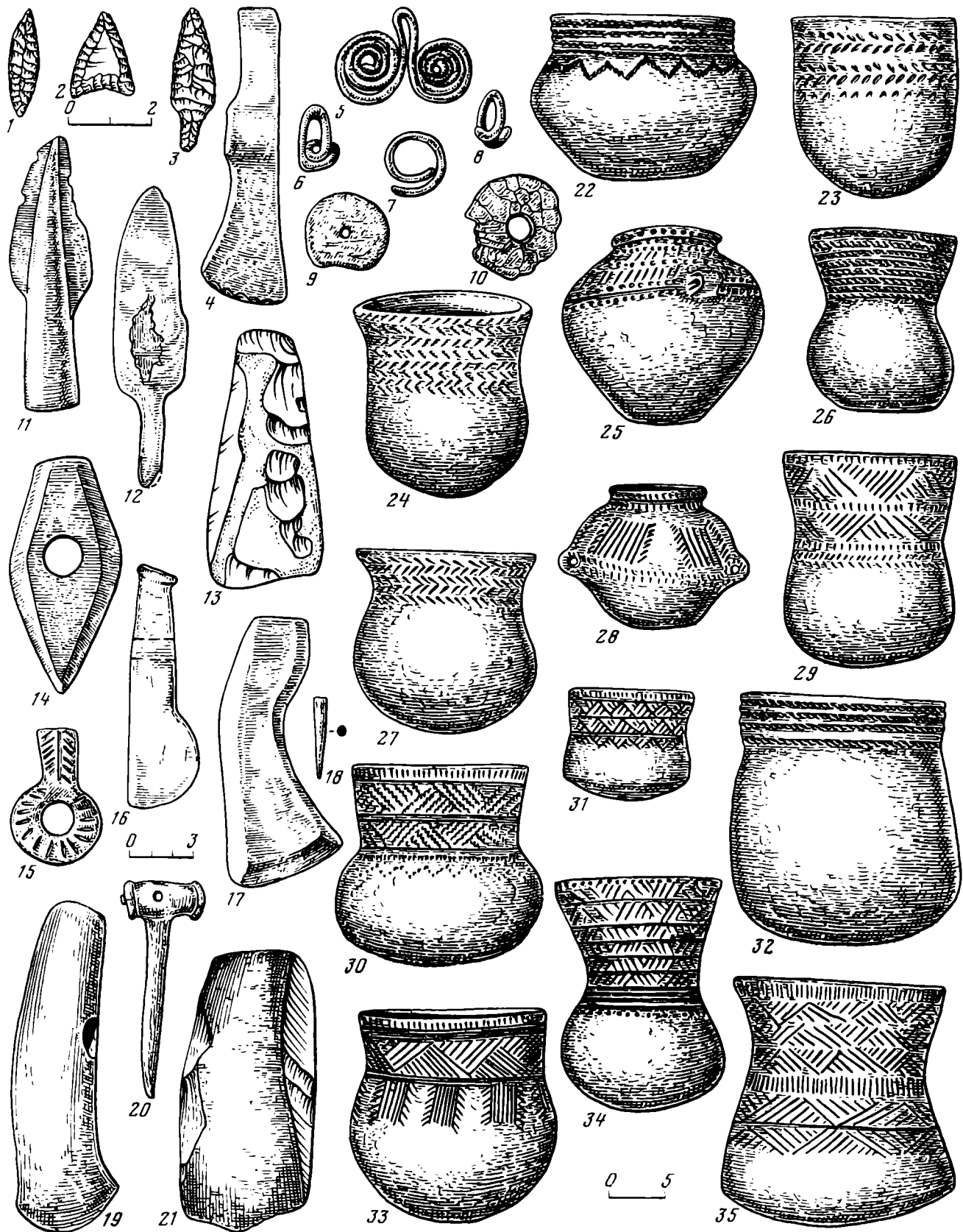

Рис. 12. Инвентарь среднего этапа среднеднепровской культуры

1—3, 10, 13, 29 — Стрелица; 4, 5, 7, 11, 15, 17, 18, 30, 31, 33, 35 — Ходосовичи; 6, 8 — Долинка; 9 — Ивахны; 12 — Белые Берега; 14, 19, 21—24, 27 — Бельнец; 16 — Велятичи; 20 — Новоселки; 25 — Речица; 26, 34 — Стретовка; 28 — Грищен-
цы; 32 — Сябровичи. 1—3, 13 — кремень; 4—8, 11, 12, 17, 18 — бронза; 14, 16, 19 — камень; 9, 10 — янтарь; 20 — рог; 22—35 — керамика

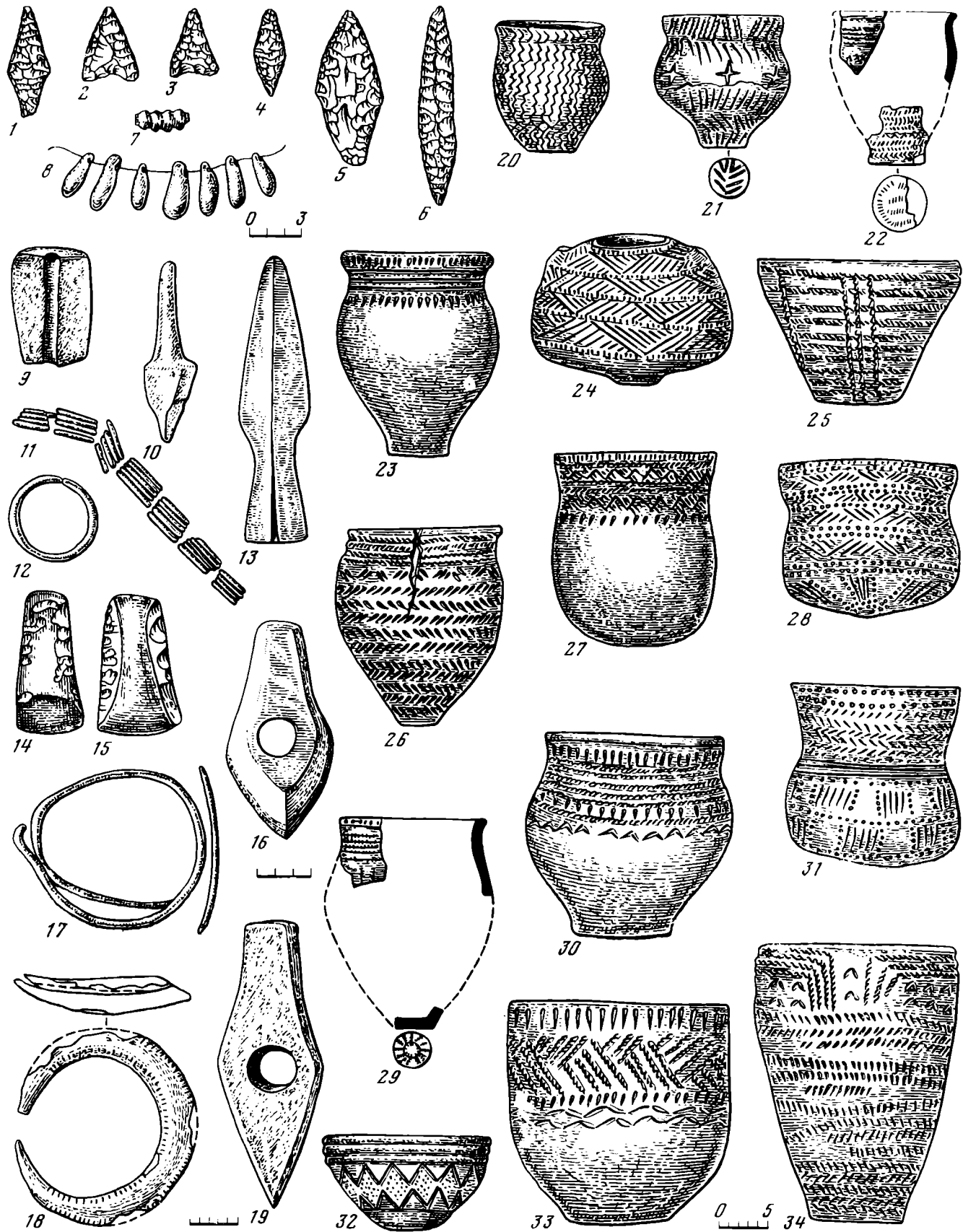

Рис. 13. Инвентарь позднего этапа среднеднепровской культуры

1—5 — Бельнец; 6, 7, 11—13, 17, 18, 21, 25, 26, 32, 34 — Стрелица; 8 — Пролетарият; 9, 28 — Долинка; 10, 15, 16, 19, 23, 27 — Ходосовичи; 14, 30, 33 — Сябровичи; 20 — Медвин;

22, 29 — Лучин; 24 — Исковщина; 31 — Дубровка; 1—6, 14, 15 — кремь; 7 — фаянс; 8 — янтарь; 9, 16, 19 — камень; 10—13, 17, 18 — медь, бронза (10); 20—34 — керамика

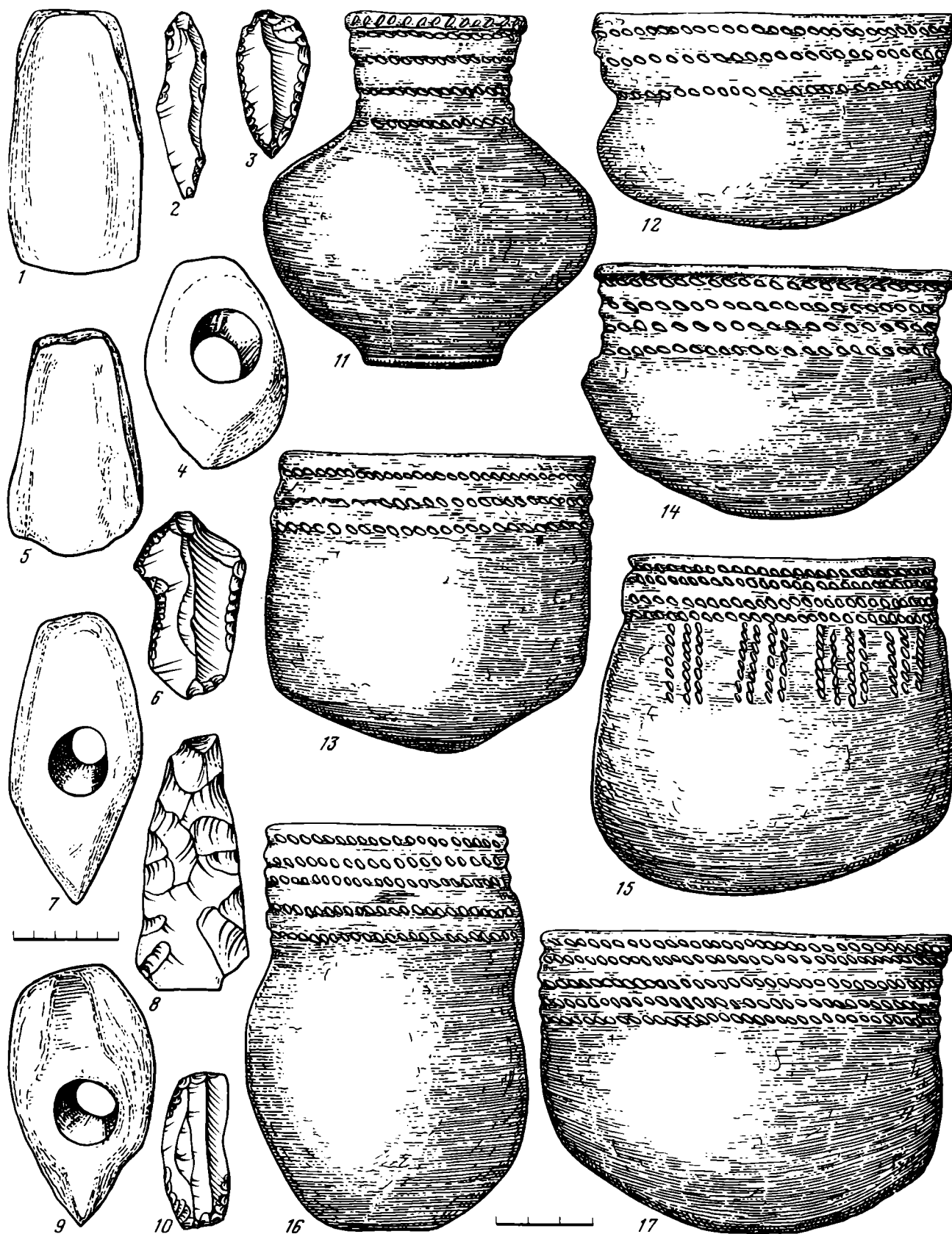

Рис. 14. Инвентарь первого этапа верхнеднепровской группы подкарпатской культуры

1—7, 9, 10—12, 14 — Кавско; 8, 15 — Кульчицы; 13, 16, 17 —
Колпец. 1, 4, 5, 7, 9 — камень; 2, 3, 6, 8, 10 — кремь; 11—
17 — керамика

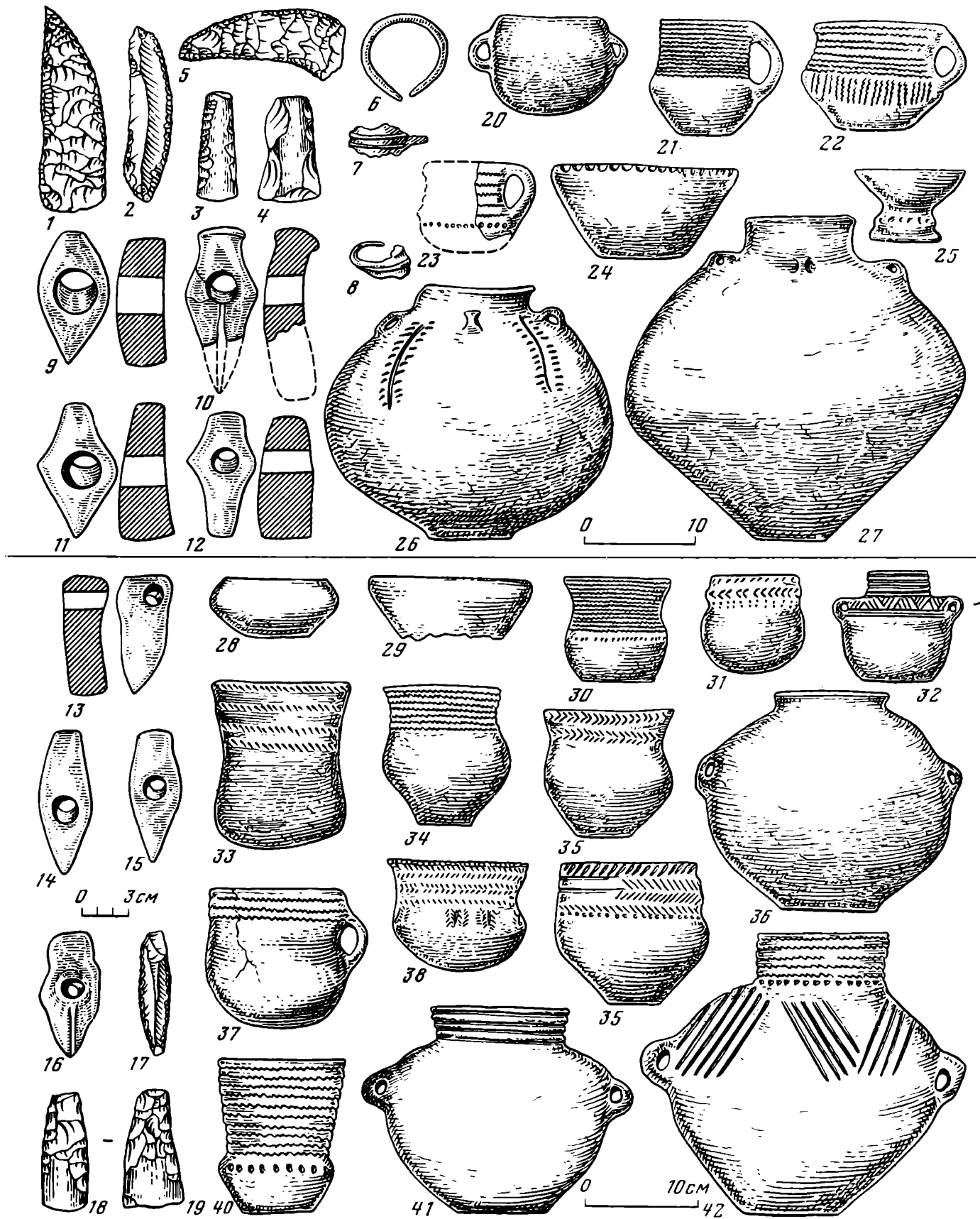

Рис. 15. Инвентарь второго (1—12, 20—27) и третьего (13—19, 28—42) этапов верхнеднепровской группы подкарпатской культуры

1—6, 11, 12, 16, 21, 24, 25, 27, 29 — Балчи; 7, 8 — Переможное; 9, 10, 14, 15, 23, 30, 31 — Колоколин; 13, 19, 37 — Лотатники; 17, 35, 38 — Комаров; 18, 22, 23 — Крилос; 20 — Колпец;

26 — Комарно; 28, 32, 34, 36, 39, 40, 41 — Кульчицы; 42 — Коропуж. 1—5, 17—19 — камень; 6—8 — бронза; 9—16 — керамика; 20—42 — керамика

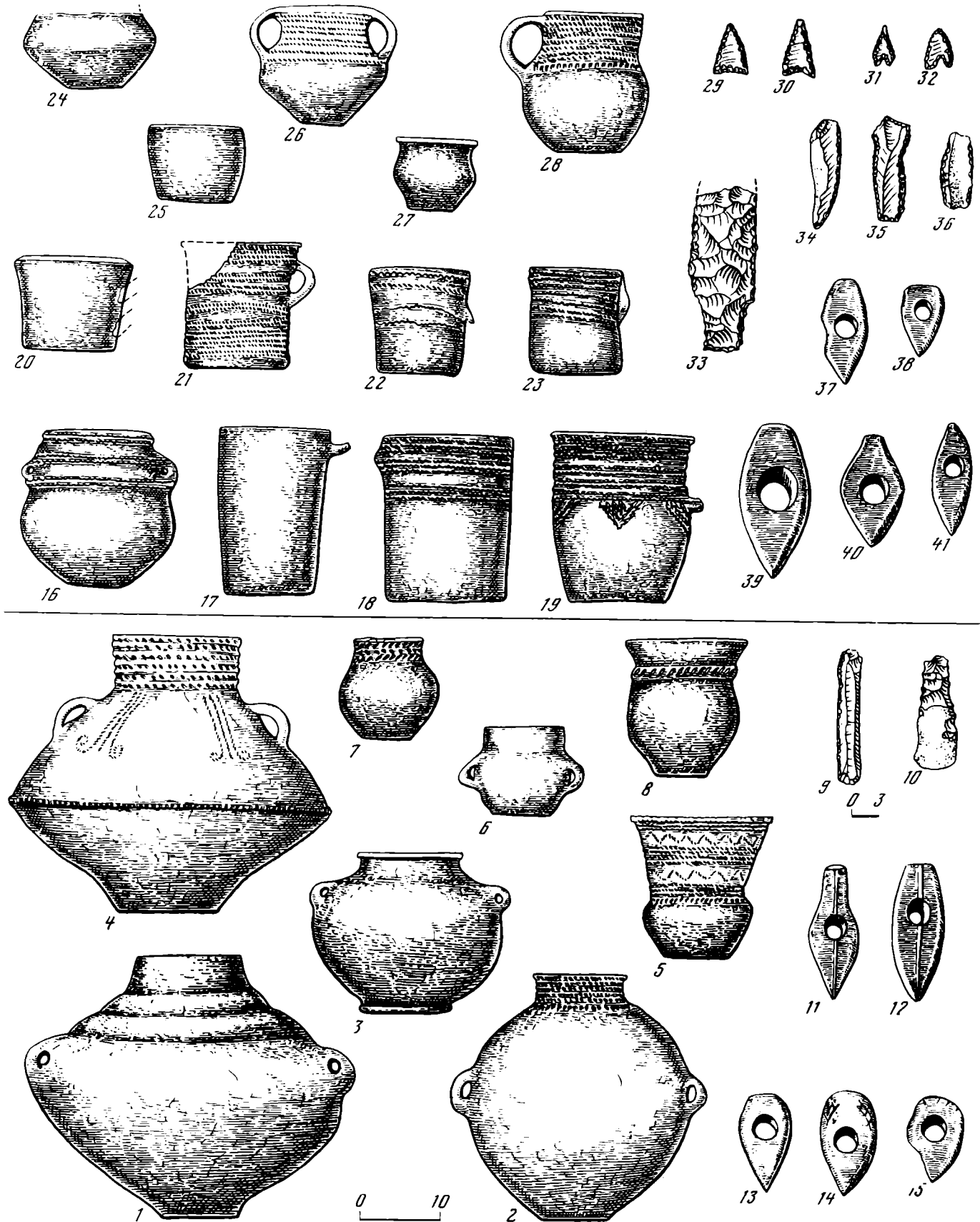

Рис. 16. Инвентарь раннего (1—15) и позднего (16—41) этапов подольской группы подкарпатской культуры

1 — Убыни; 2, 8 — Сивки; 3, 6 — Качановка; 4 — Новоселки-Лисские; 5, 9, 10, 26, 27 — Остап; 7 — Кошиловцы; 11 — Томавшицы; 12 — Берхня Белка; 13 — Воронивцы; 14 — Бережаны; 15 — Малые Иловичи; 16 — Белокрыница; 17, 24 — Гвоздец; 18, 37, 38, 40 — Белогорка; 19 — Стерня; 20,

39 — Стрыганы; 21 — Хоростков; 22, 25, 34, 41 — Качановка; 23 — Буглив; 28 — Янковичи; 29, 30 — Климовцы; 31, 32, 33, 35, 36 — Русилов; 11—15, 37—41 — камень; 9, 10, 29—36 — кремень, 1—8, 16—28 — керамика

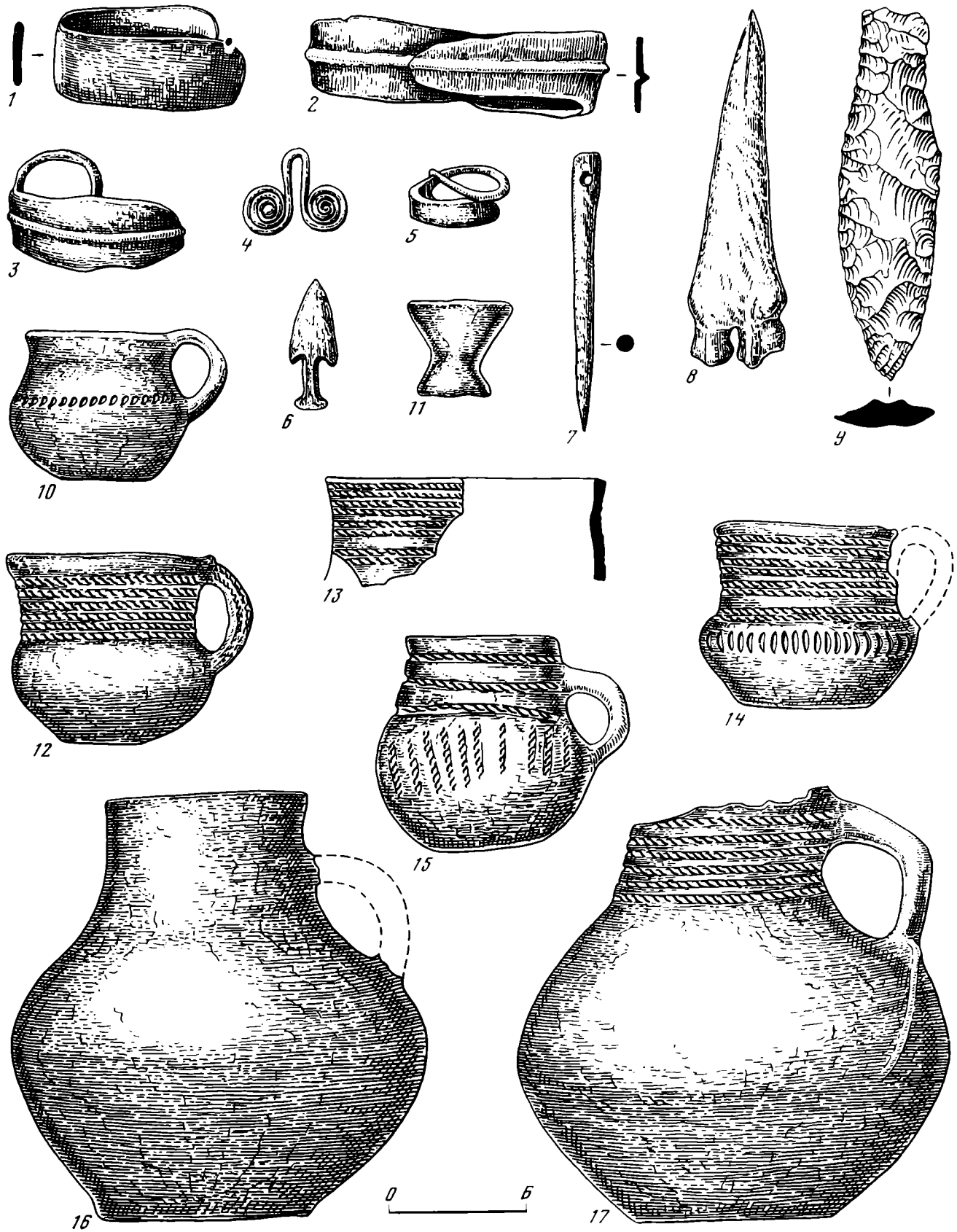

Рис. 17. Инвентарь из памятников почапского типа

1, 9 — Злочев; 2, 4, 8, 10, 11, 13, 15 — Почапы; 3, 14 — Рипнев; 5 — Чижииков; 6 — Гончаровка; 7, 16, 17 — Звенигород;

12 — Львов; 1—6 — бронза; 7, 8 — кость; 9 — кремнь; 10 — 17 — керамика

Рис. 18. Инвентарь городокско-здолбицкой культуры

Городокский этап: 13—20, 26, 31, 32, 34—36 — Городок; 30 — Ришнев; 33 — Сутец. Здолбицкий этап: 1, 10, 23 — Зозов; 2 — Зозов, Баглаева долина; 3—5, 7 — Стадники; 6, 9 — Липа; 8, 12, 24, 29 — Здолбича; 11, 22, 25 — Зозов II; 26 — Го-

родок, уроч. Курганы; 27 — Горка Полонка; 28 — Забороль. 1, 10—18 — кремь; 2—7, 9 — бронза; 8 — камень; 19—20 — кость; 21—36 — керамика

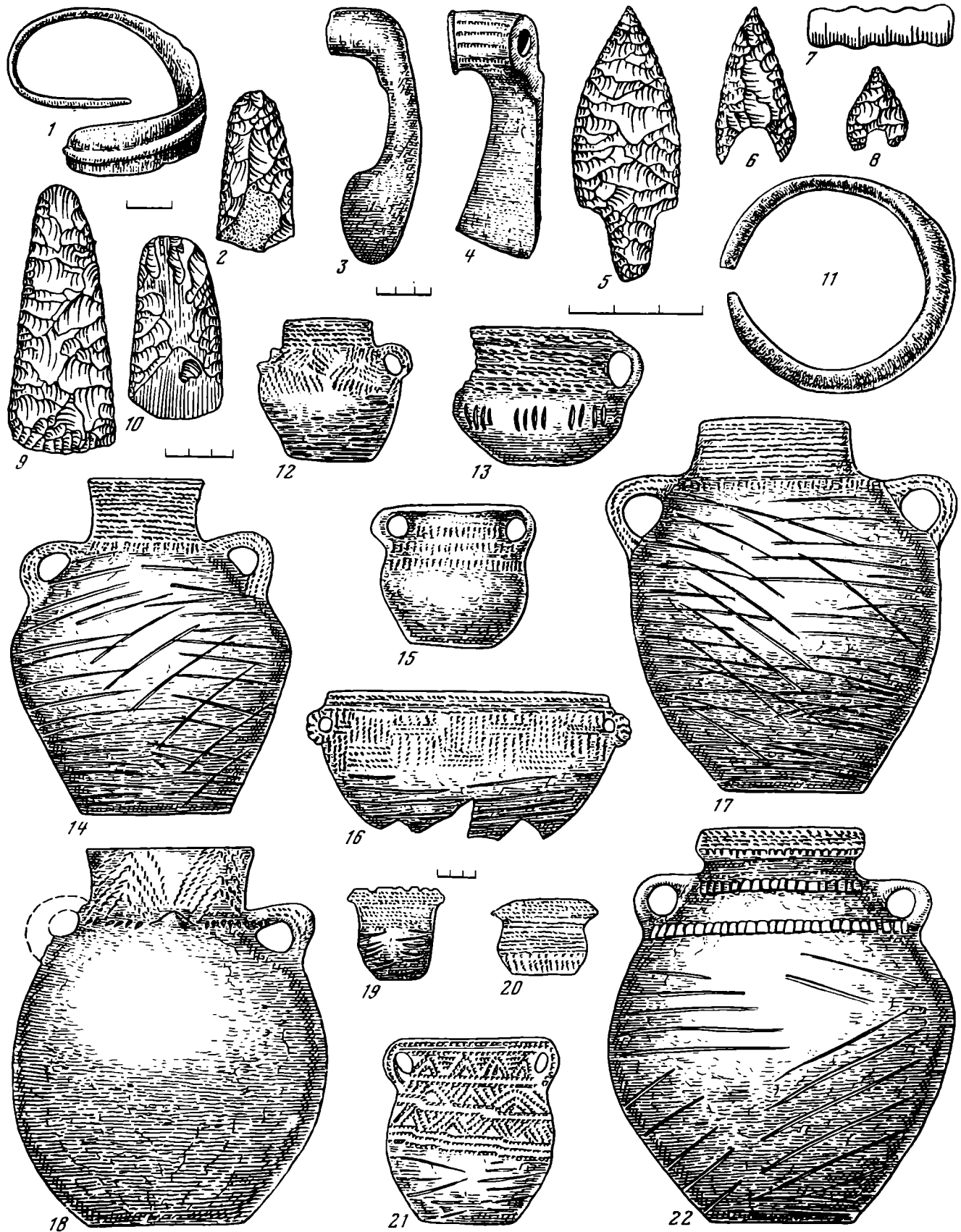

Рис. 19. Инвентарь стжижковской культуры

1, 3, 4, 11 — Стеблевка; 2 — Коршев; 5, 6 — Озлив; 7, 8, 13, 22 — Торчин; 9 — Подгайцы; 10 — Диков; 12, 16, 21 — Валентинов; 14, 17 — Зозов II; 15, 18, 21 — Вышков; 19 — Черни-

кив; 20 — Зпмно. 1, 3, 4, 7, 11 — бронза; 2, 5, 6, 8—10 — кремнь; 12—22 — керамика

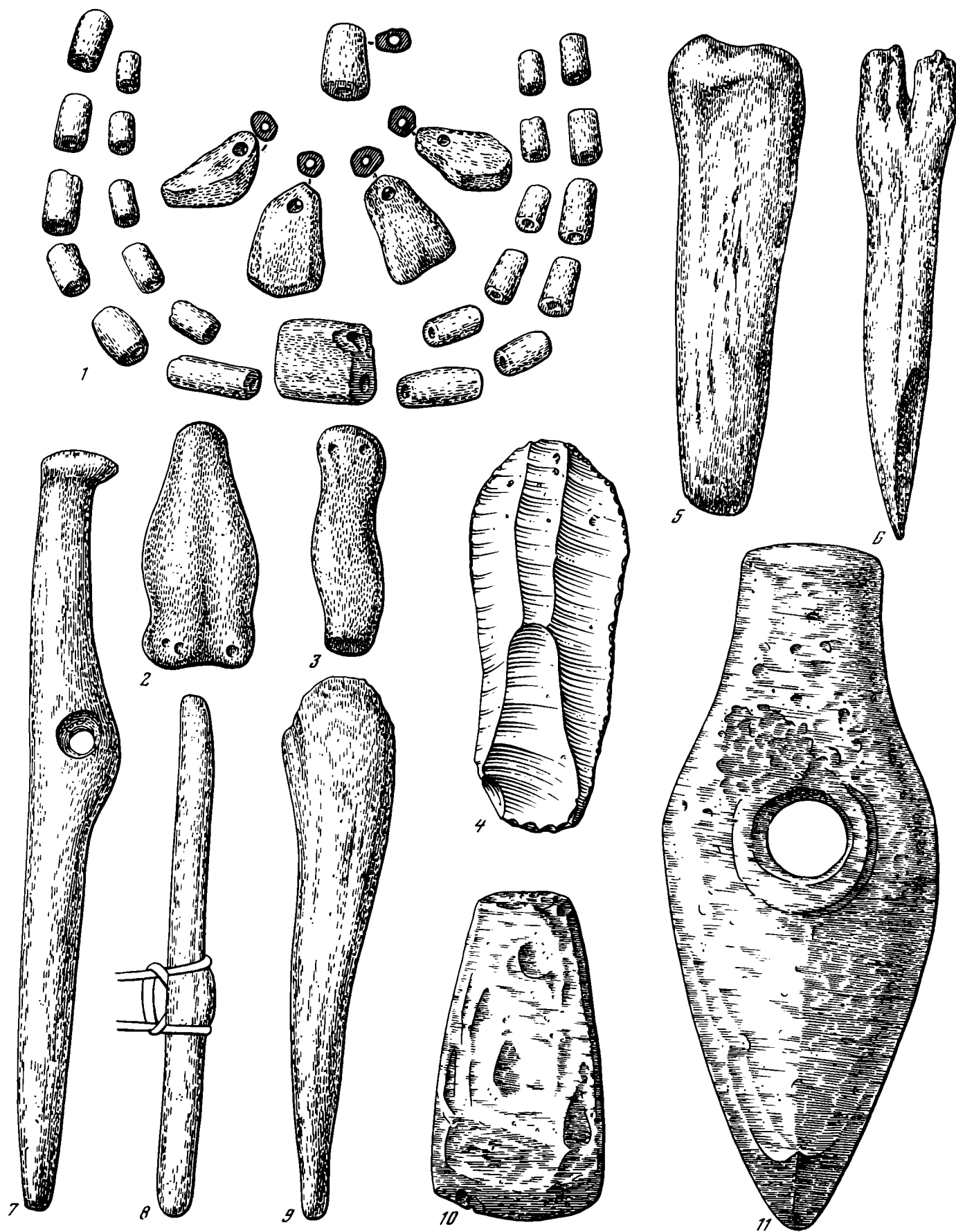

Рис. 20. Погребальный и поселенческий инвентарь культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров Восточной Прибалтики

1—3 — янтарные подвески и бусы (Абора I); 5—9 — костяные орудия; 4, 10 — кремневый нож и топор; 11 — каменный сверленный топор-молоток (могильник Арду)

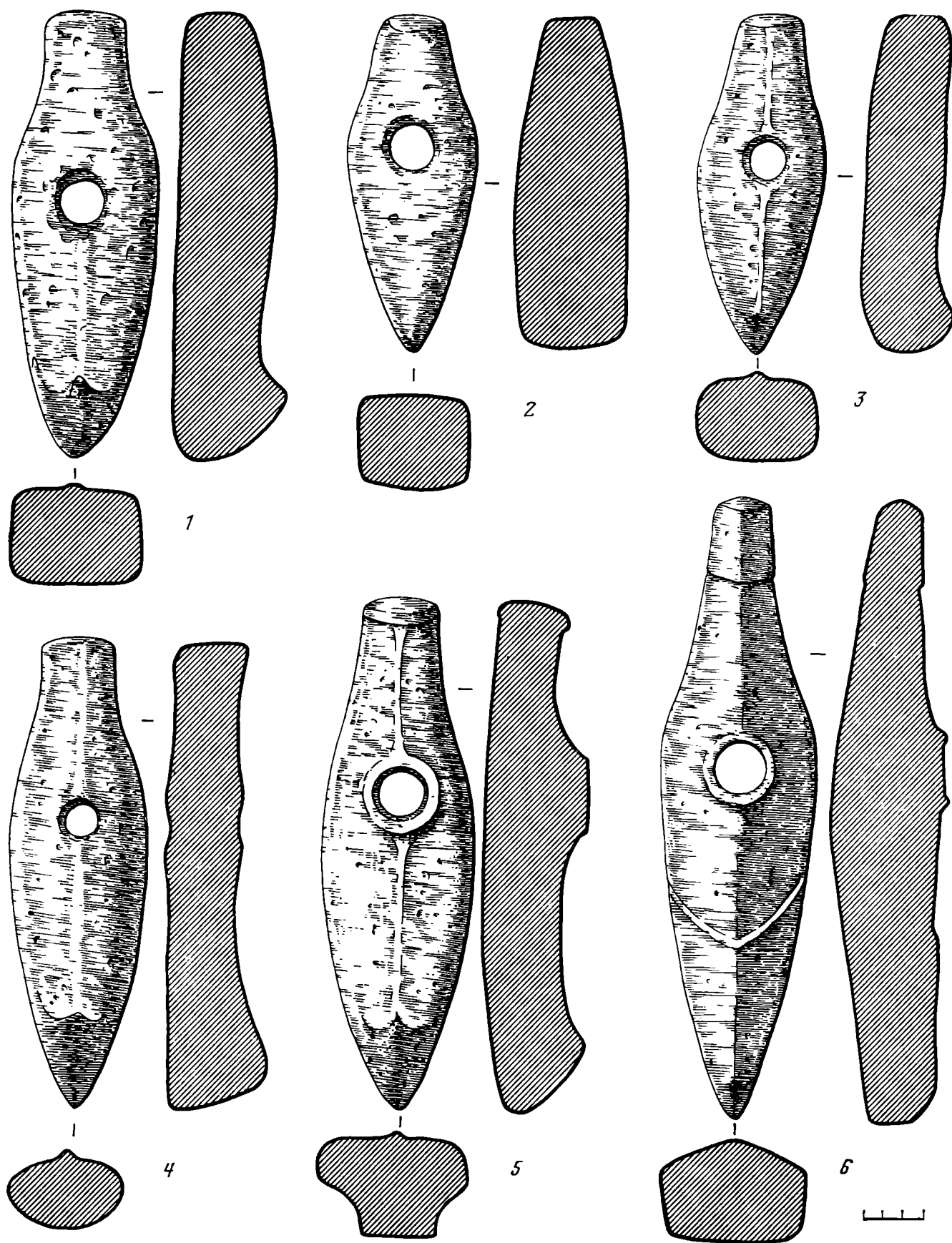

Рис. 21. Каменные сверленные топоры-молотки культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики
 1 — Виляны—Гайгалова (Латвия); 2 — Алитус—Норунай Пиктейкяй (Литва); 3 — Резекне—Саркини (Латвия); 4 — Клайпеда— 5 — Саарема (Эстония); 6 — Даугавпилс—Варкава (Латвия)

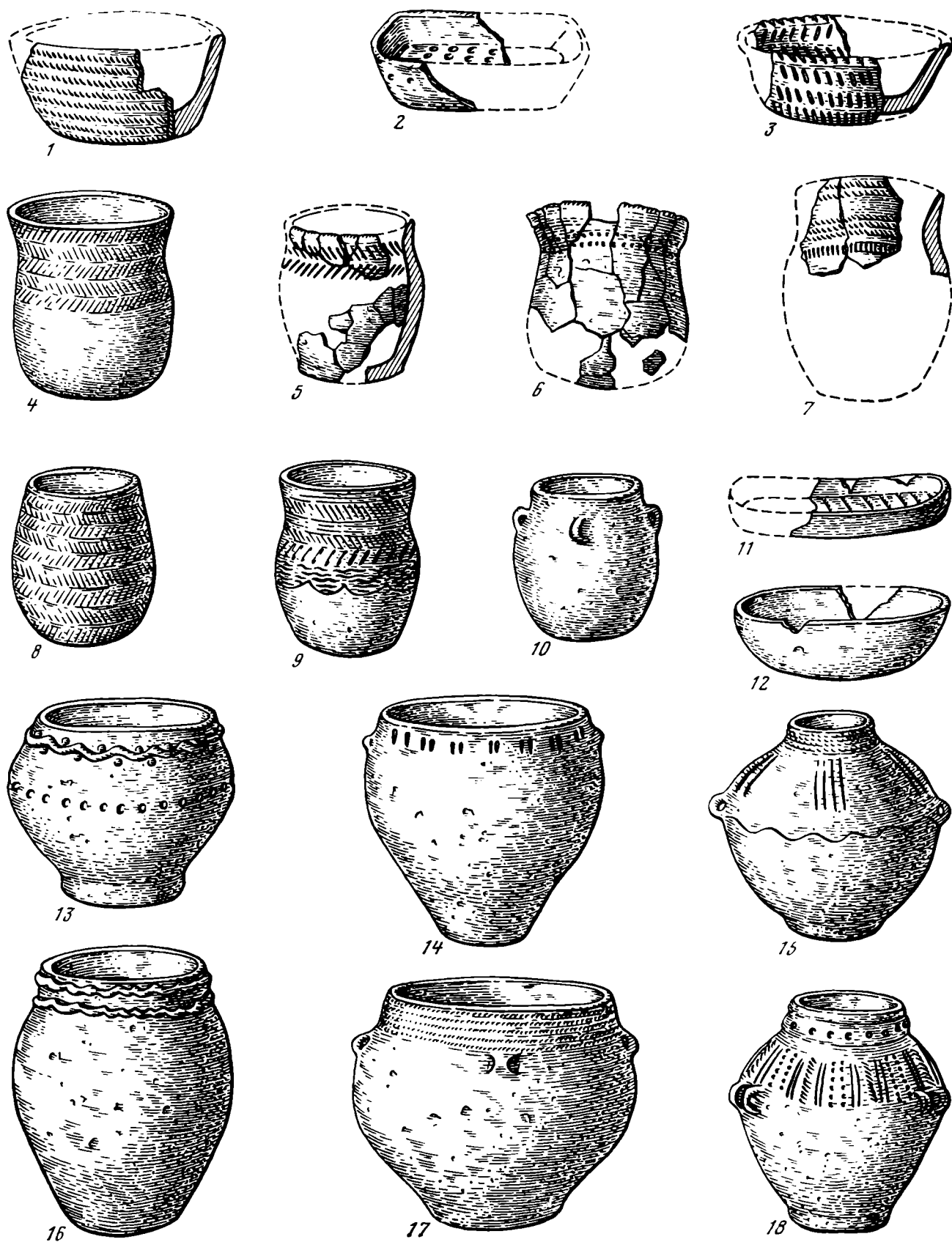

Рис. 22. Керамика раннего бронзового века Восточной Прибалтики

1—3, 7 — миски, кубок и ванночка (поселение Абора I — Латвия); 4 — кубок (могильник Тика — Эстония); 5 — кубок (поселение Рутениеки — Латвия); 6 — кубок (могильник Сопе — Эстония); 8—18 — кубки, горшки, террины, амфоры, миски и ванночки (поселения Швянтои и Нида — Литва)

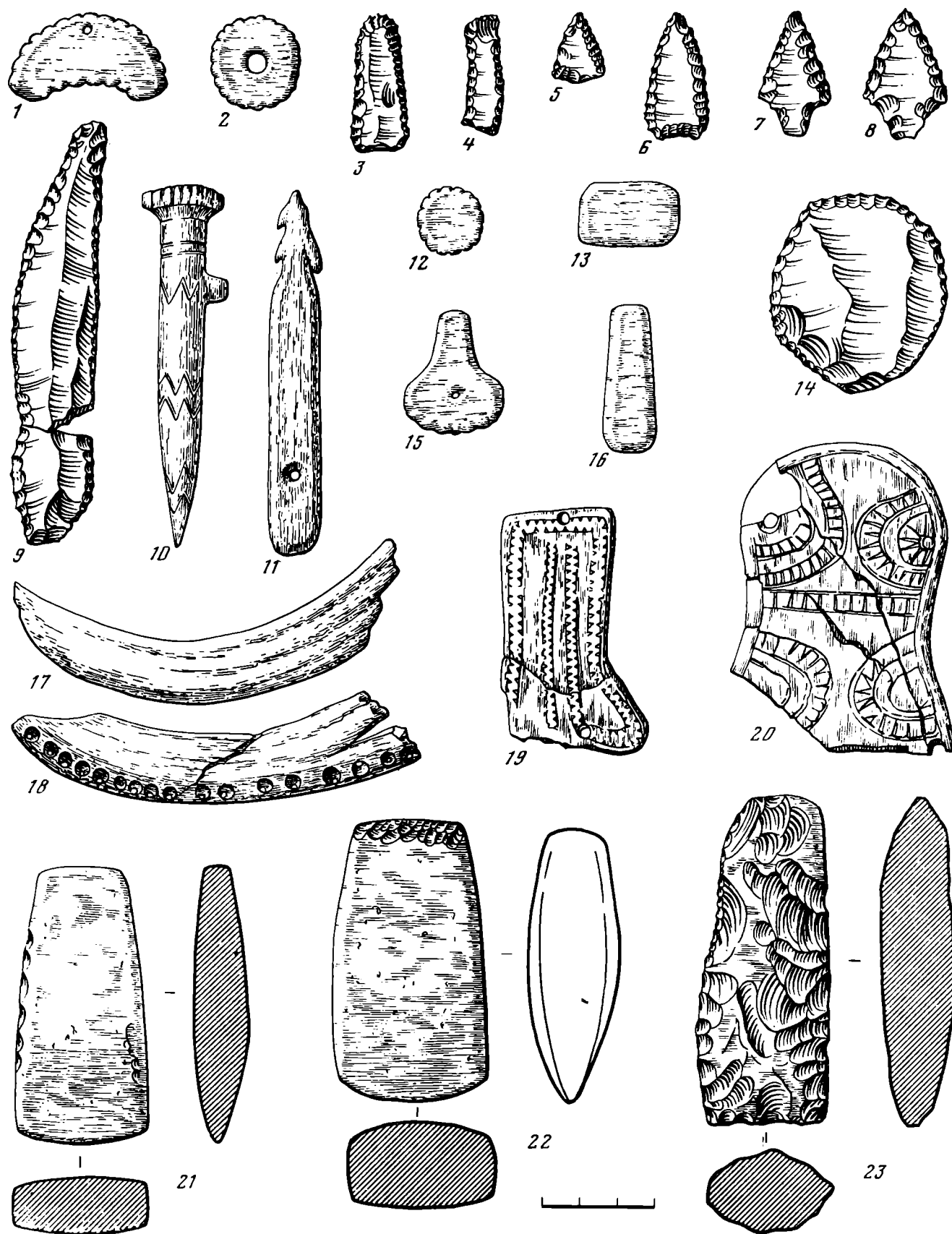
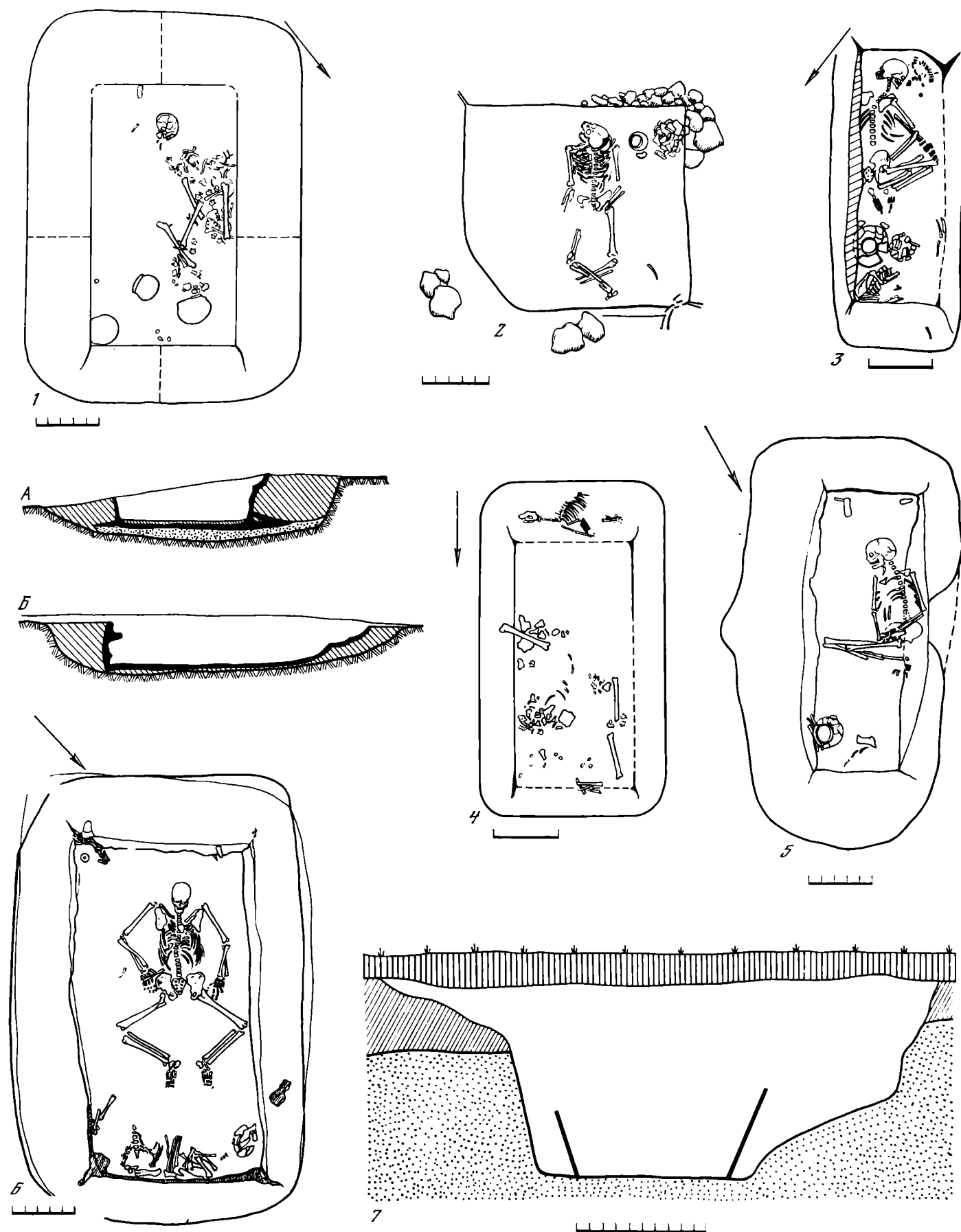

Рис. 23. Инвентарь поселений, могильника и случайные находки культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров Восточной Прибалтики: костяные изделия и украшения

1 — лунница; 2 — кружок; 10 — булава; 17, 18 — украшения из клыков кабана; 20 — пластинка (поселение Абора I); 11 — гарпун (поселение Лагажа); 19 — роговая пластинка (могильник Звейшбеки — Латвия); 12, 13 — янтарные пуго-

вицы; 15, 16 — подвески (поселение Абора I); кремневые изделия: 3, 4, 14 — скребки; 5—8 — наконечники стрел; 9 — нож (поселение Абора I); 21—23 — кремневые клиновидные топоры (Яунсвирлаук, Повары, Гулбена — Латвия)

ис. 24. Виды погребений и погребальных сооружений фатьяновской культуры

1 — Волосово-Даниловский могильник, погребение 40; А, Б — профили погребального сооружения; 2 — Халдеевский могильник, погребение мужчины 1; 3 — Тимофеевский могильник, погребение женщины 14; 4 — Волосово-Даниловский могильник, погребение с собакой 85; 5 — Тимофеевский мо-

гильник, погребение мужчины 3; 6 — Ханевский могильник, погребение мужчины на спине 6; 7 — Тимофеевский могильник, поперечный разрез могильной ямы и погребального сооружения

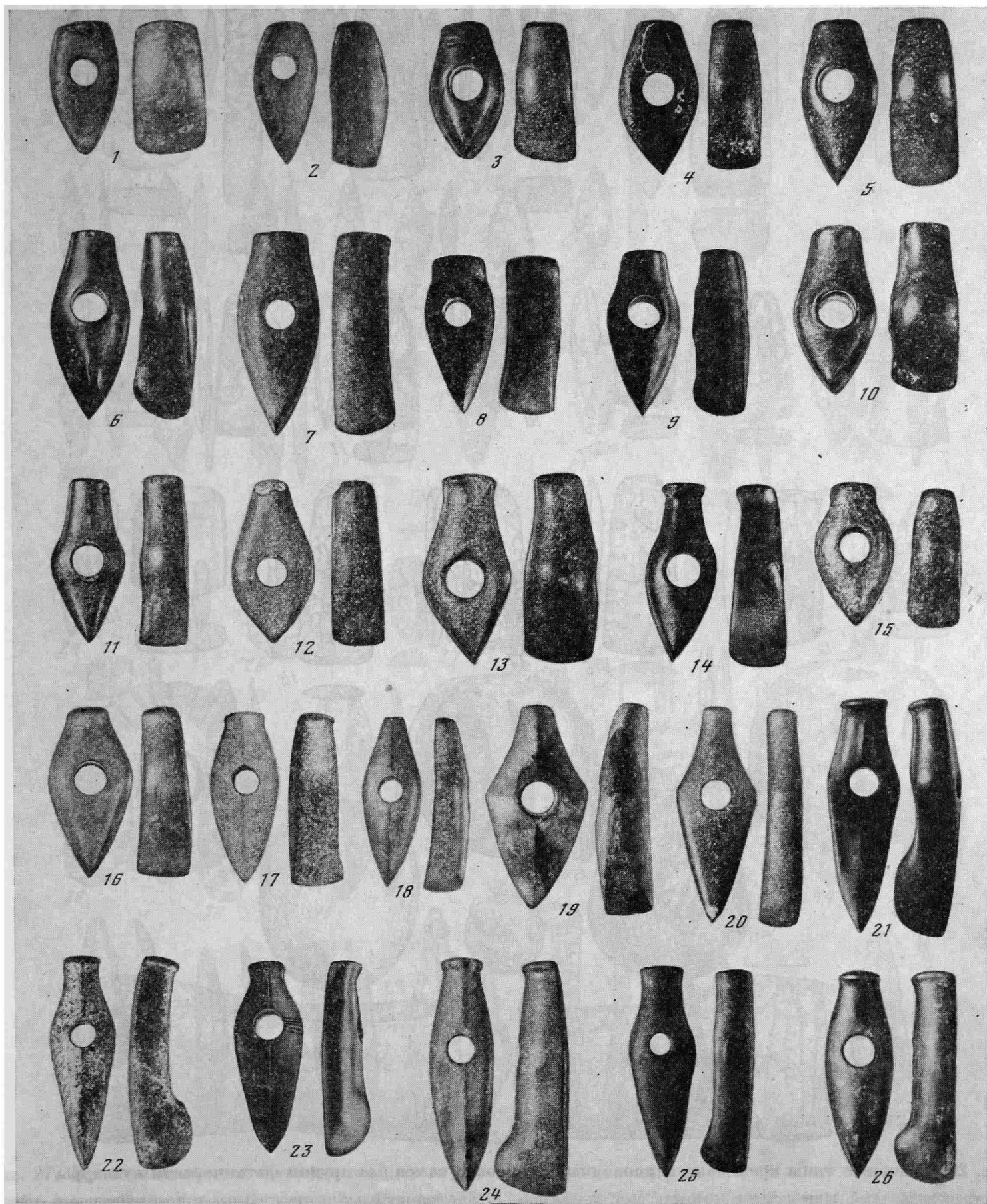

Рис. 25. Основные типы фатьяновских каменных сверленых топоров-молотков

1 — клиновидный; 2 — усеченно-ромбический; 3—5 — молотковидные; 6 — среднеобушковый; 7, 8 — короткообушковые; 9—11 — обушковые втульчатые; 12 — длиннообушковый; 13—

17 — обушковые грибовидные; 18—20 — ромбические узкообушковые; 21—23 — длиннолопастные; 24—26 — коротколопастные

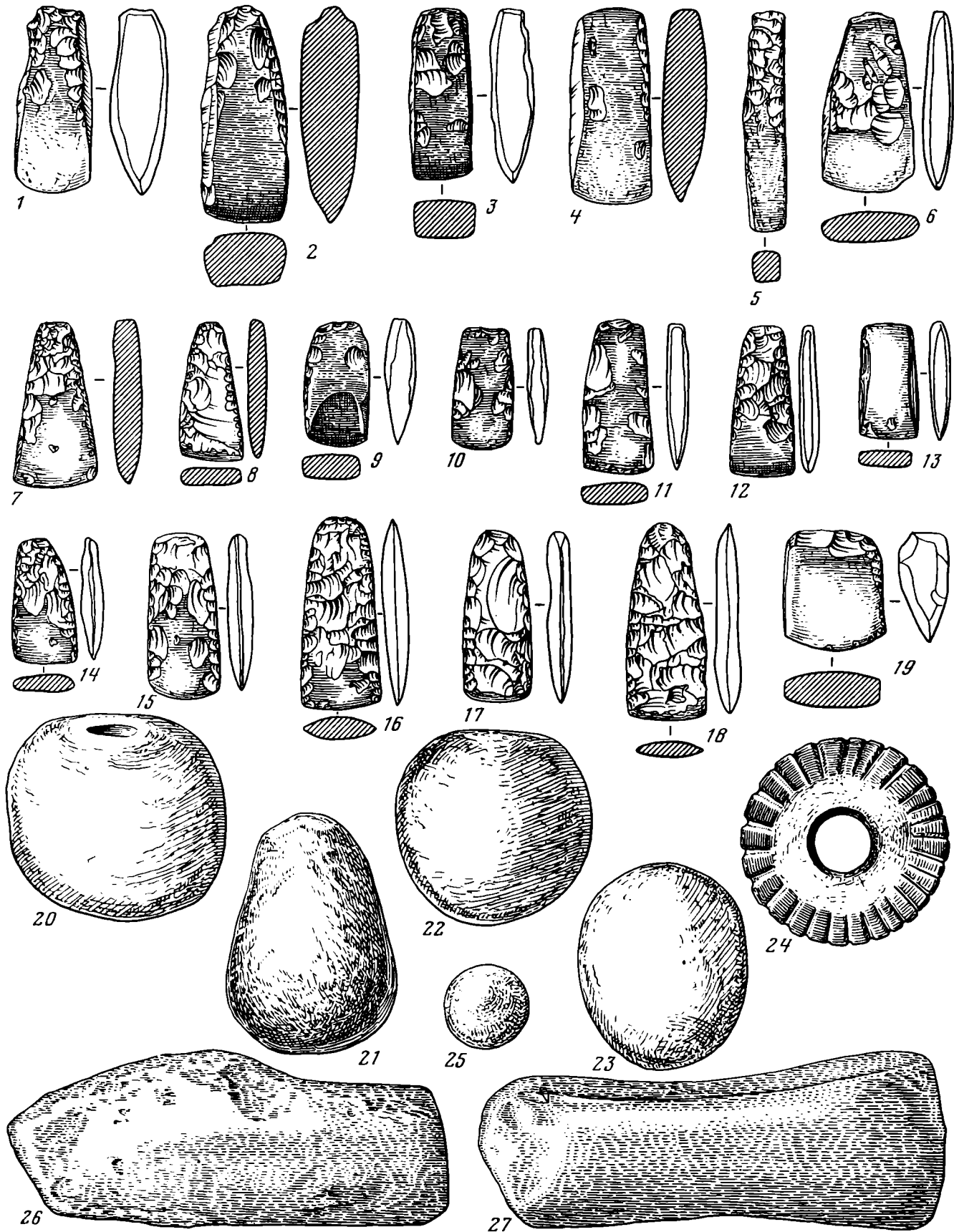

Рис. 26. Основные типы кремневых клиновидных топоров и каменные орудия фатьяновской культуры

1 — трапециевидный, широкий, толстообушковый; 2 — трапециевидный, узкий, толстообушковый; 3, 4 — подпрямоугольный, широкий, толстообушковый; 5 — прямоугольный, узкий (стамесковидный), толстообушковый; 6, 7 — трапециевидный, широкий, среднеобушковый, 8 — трапециевидный, узкий, среднеобушковый; 9, 10 — подпрямоугольный, среднеобушковый и тонкообушковый; 11, 12 — трапециевидный, широкий и узкий среднеобушковый; 13 — подпрямоугольный, тонкообушковый (подпрямоугольный в сечении); 14 —

18 — прямоугольные, треугольные и трапециевидные, тонкообушковые (линзовидные и подлинзовидные в сечении); 19 — подквадратный, короткий, толстообушковый; 20, 24 — навершия булавы; 21—23 — терчники-курanty; 25 — металлический шар; 26, 27 — полировальные плиты (20 — Ханевский могильник; 24 — Костромская обл.; 21, 26 — Тимофеевский могильник; 22, 23 — Олочинский могильник; 25 — п. Талицы Ярославской обл.; 27 — Ильинско-Хованский могильник; 1—19 — из разных фатьяновских могильников)

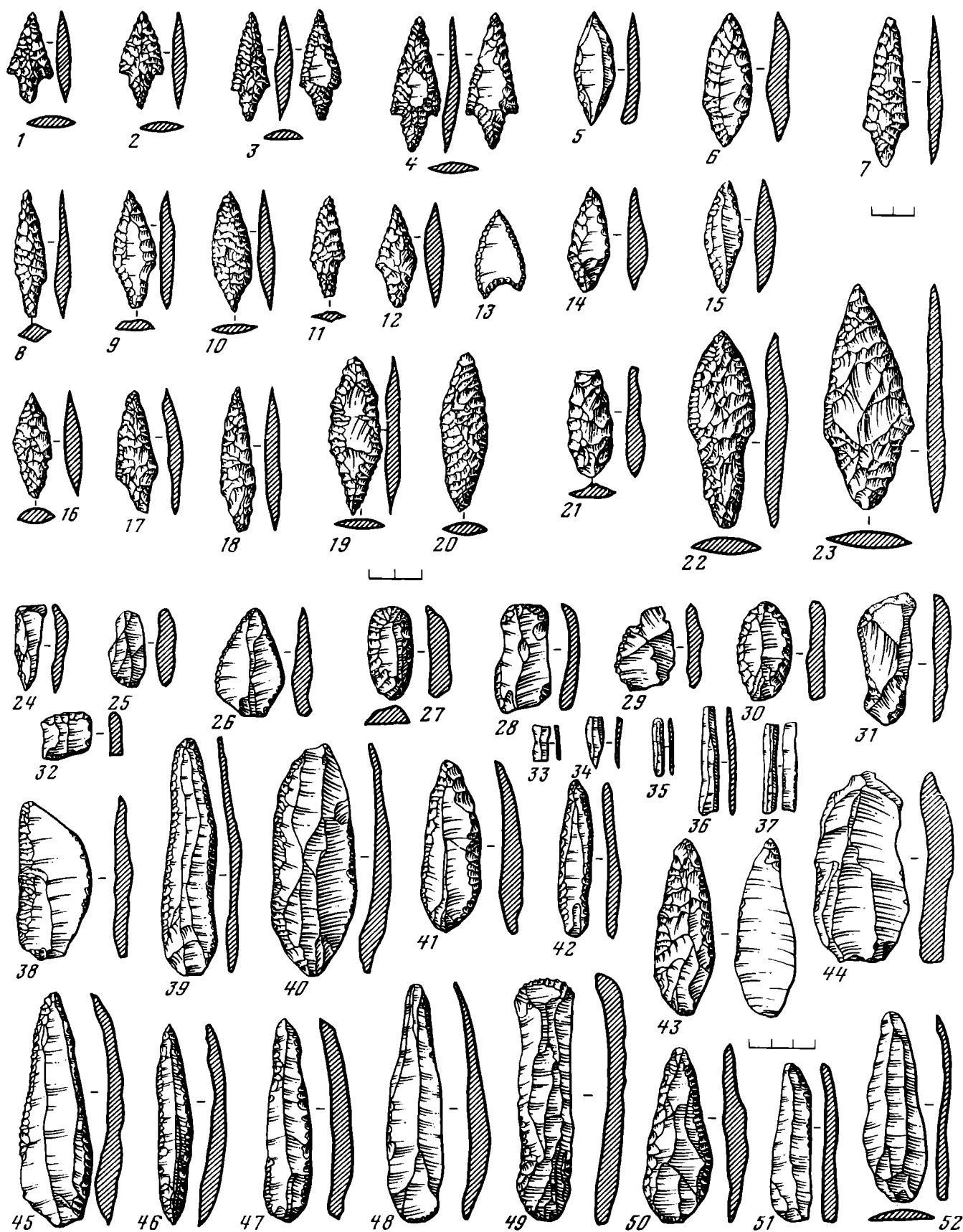

Рис. 27. Кремневые орудия фатьяновской культуры

1—21 — наконечники стрел (Истринский, Буньковский, Ошурковский, Тургиновский, Детчинский, Ивановогорский, Николо-Перевозский могильники); 22, 23 — наконечник дротиков (Буньковский, Ошурковский могильники); 27, 28, 30 — 32 — скребки (Тургиновский, Протасовский, Истринский,

Никольцынский могильники), 24—26, 29, 38—52 — ножи (Истринский, Кузьминский, Тургиновский могильники); 33—37 — микропластинки (Никольцынский, Тургиновский, Воронковский могильники)

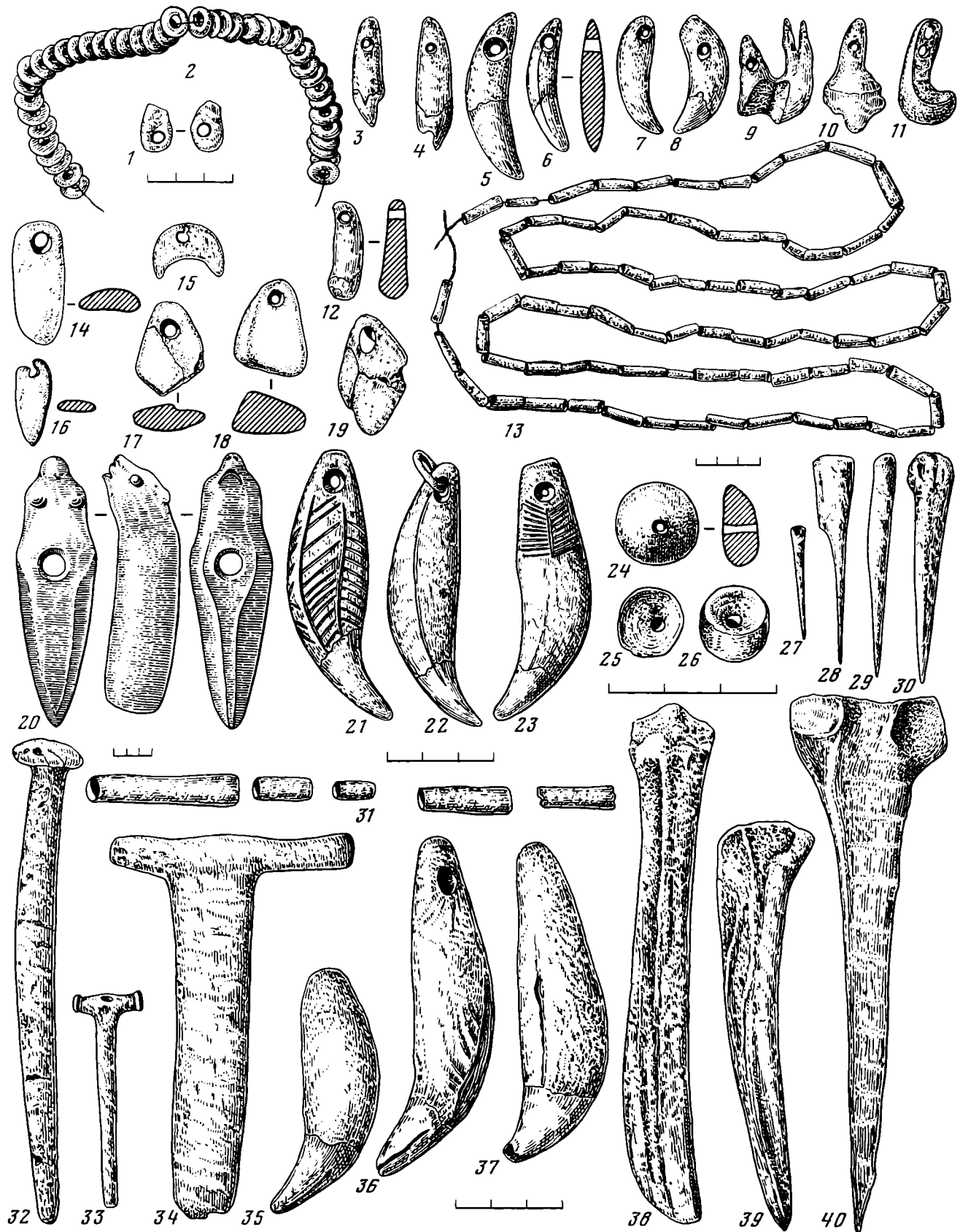

Рис. 28а. Украшения, предметы медвежьего культа и костяные орудия фатьяновской культуры

1, 2 — бусы из раковин; 3—12 — подвески из зубов животных; 13, 31 — пронизки из птичьих костей; 15 — костяная лунница-подвеска; 14, 16—19, 24 — янтарные подвески; 21—23, 35—37 — амулеты из медвежьих клыков (23 — имитация медвежьего клыка из кости); 25, 26 — пронизки из рыбьих позвонков; 20 — каменный сверленный топор с навершием в виде медвежьей головы; 27—30 — проколки; 32, 33 — булавки; 34 — мотыжка; 38 — лоцило; 39—40 — кивжалы (кость).

1, 3—8, 12 — Тимофеевский могильник; 2, 32 — Никульцынский могильник; 9—11, 14, 16 — Кузьминский могильник; 15, 33 — Воронковский могильник; 13, 17—19, 25—30, 34—37, 39 — Волосово-Давиловский могильник; 24 — Истринский могильник; 20 — г. Ростов-Ярославский; 38 — Ханевский могильник; 23, 40 — Вауловский могильник; 21, 22 — Фатьяновский могильник

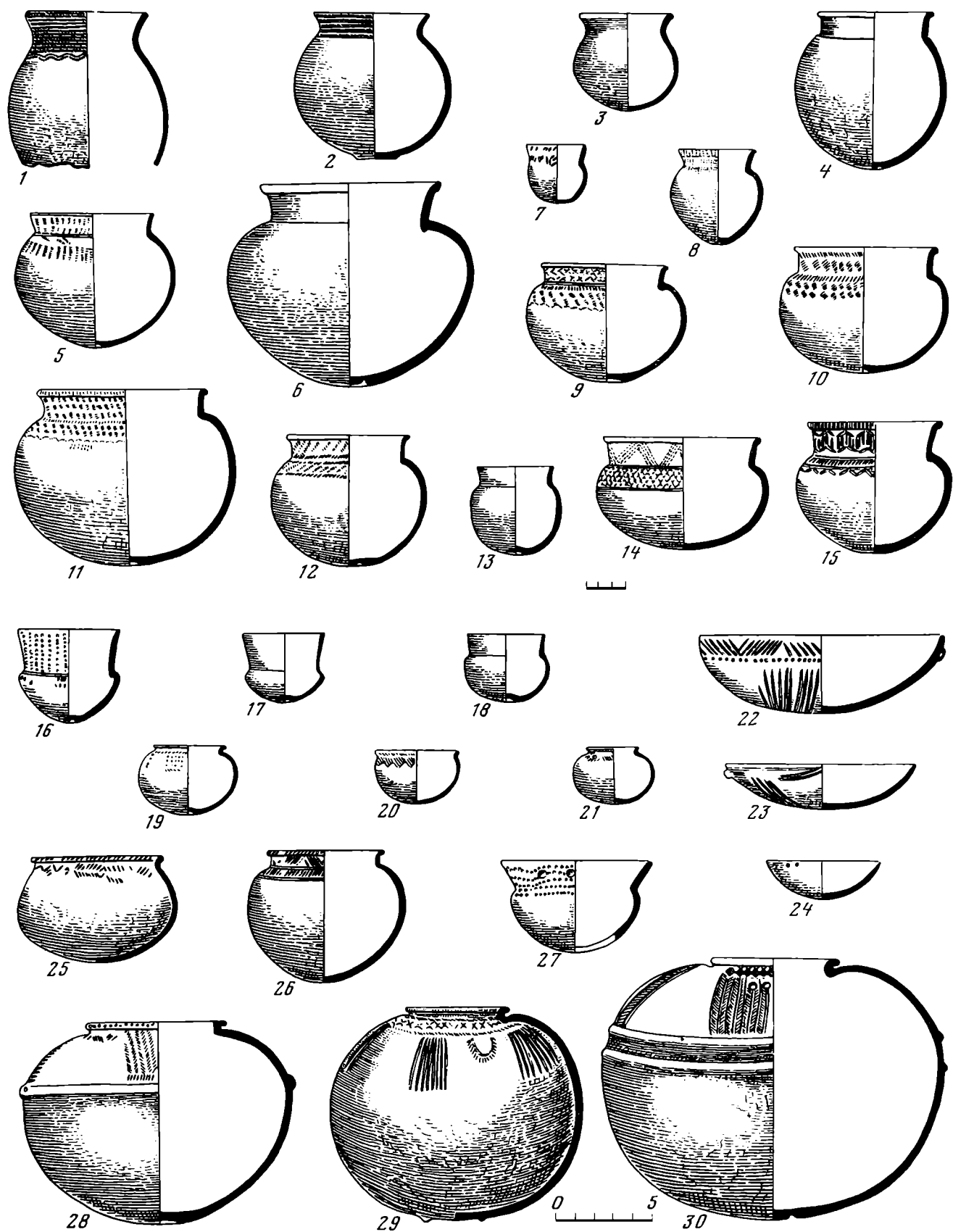

Рис. 286. Основные типы фатьяновских сосудов

1—15, 26—27 — высокошейные; 16—18 — длинношейные;
19—21, 25, 28—30 — низкошейные; 22—24 — чашевидные

Рис. 29. Высокошейные фатьяновские сосуды

1, 12 — Воронковский могильник; 2 — Кривцовский могильник; 4, 13 — Ханевский могильник; 3 — Халдеевский могиль-

ник; 5, 8 — Олочинский могильник; 6, 9, 11 — Опурковский могильник; 7, 10 — Волосово-Даниловский могильник

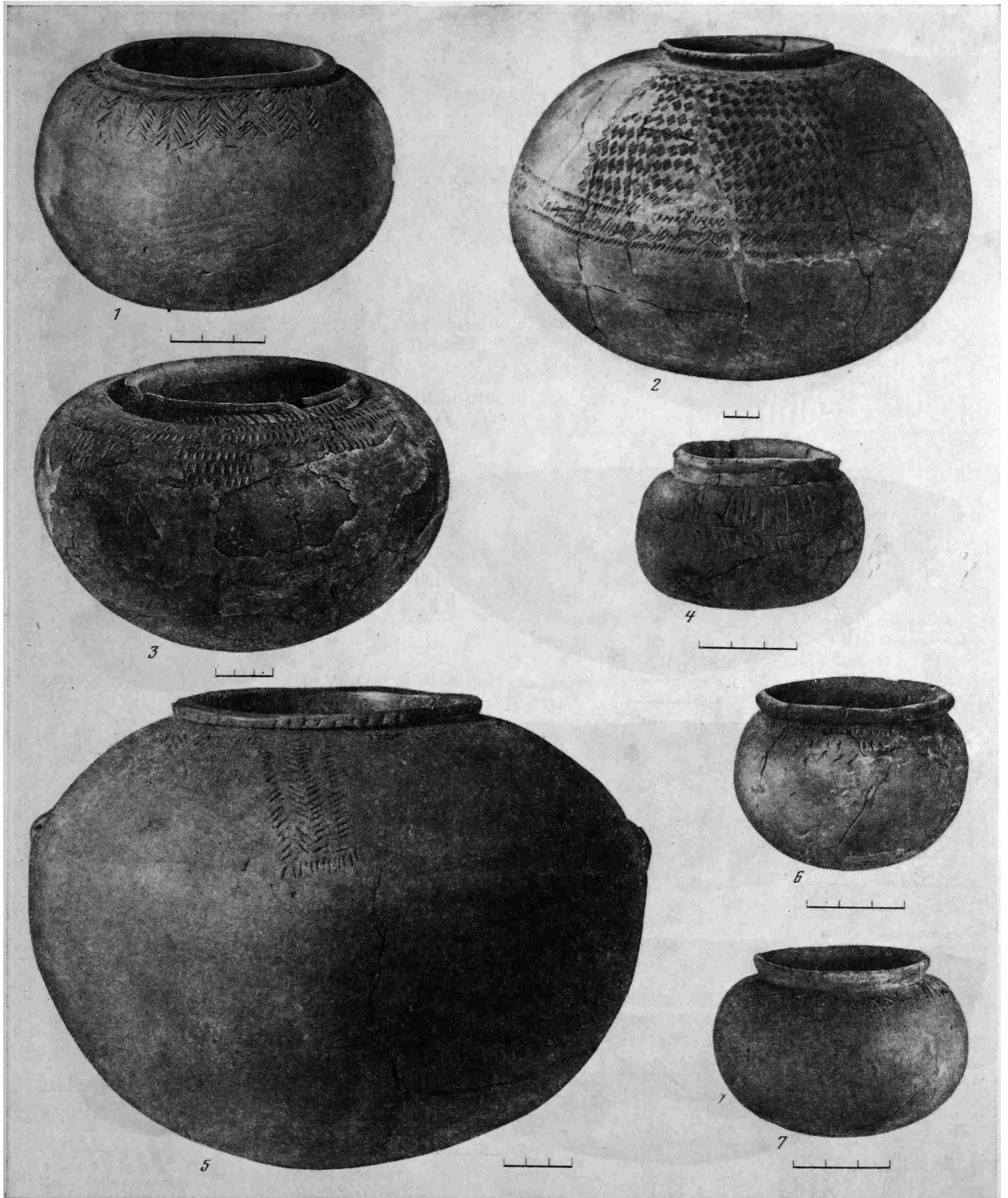

Рис. 30. Низкошейные фатьяновские сосуды

1—6 — Волосово-Данпловский могильник; 7 — Олочинский могильник

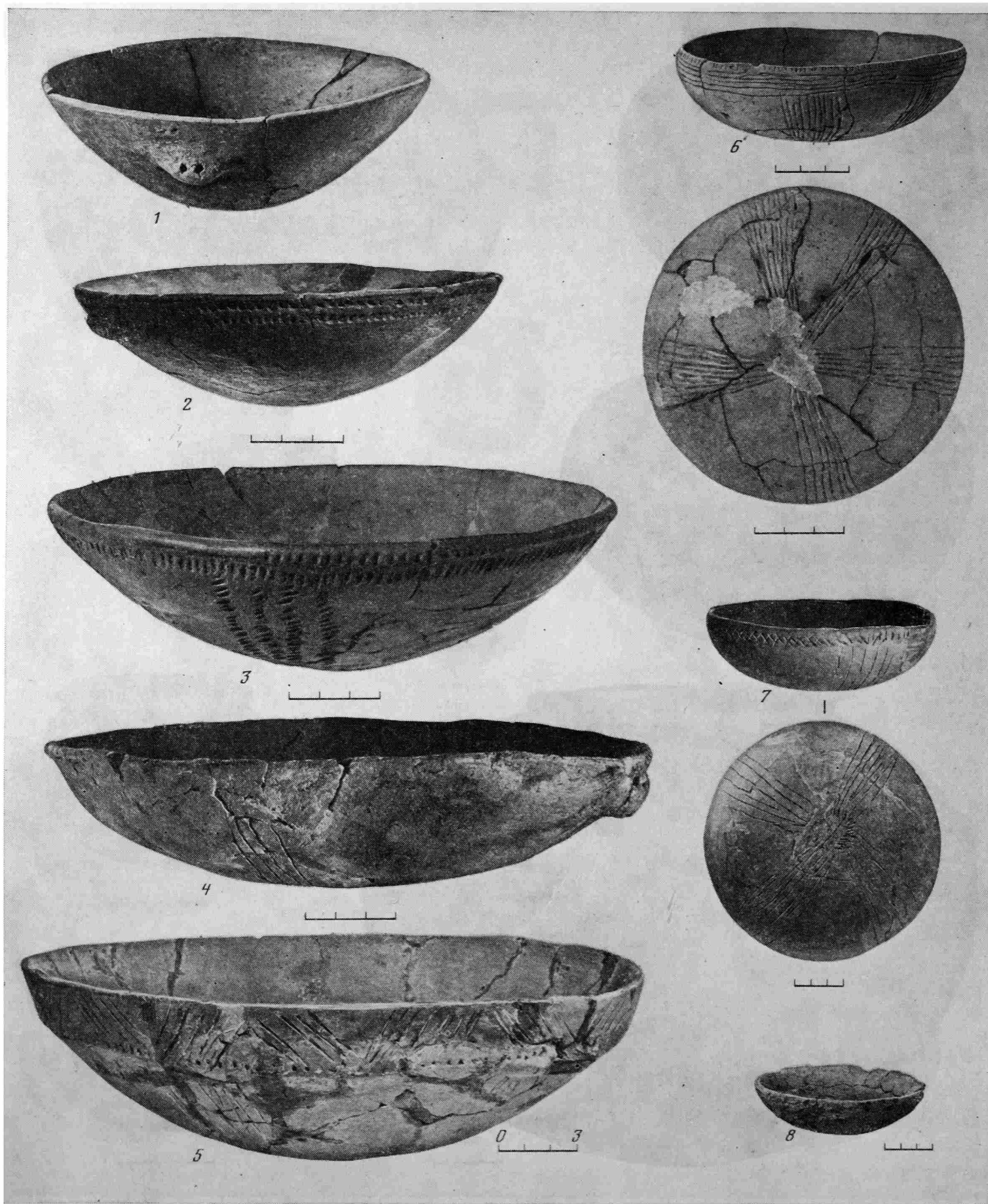

Рис. 31. Чашевидные фатьяновские сосуды

1—3, 6—8 — Волосово-Даниловский могильник; 4 — Кривцовский могильник; 5 — Никульдинский могильник

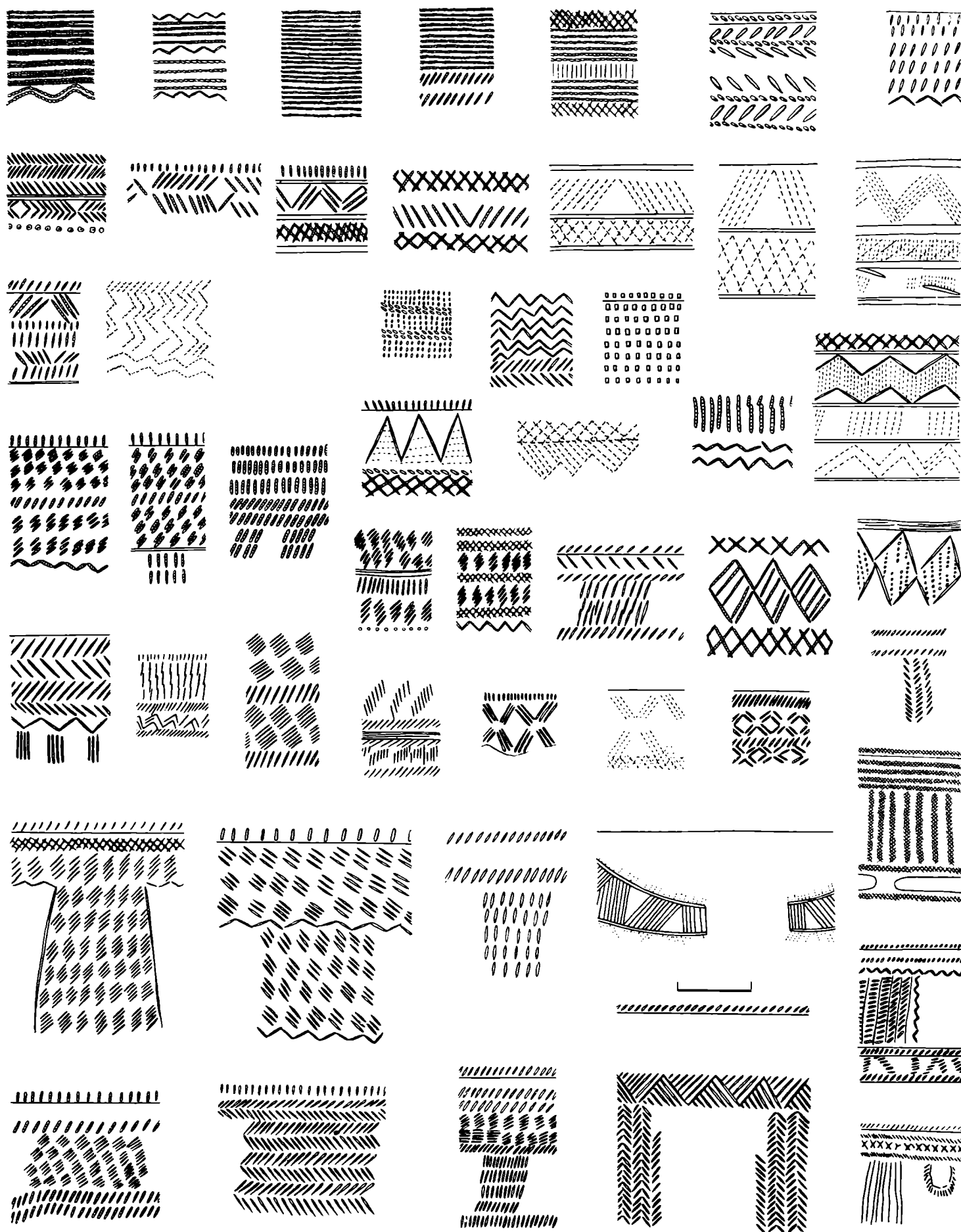

Рис. 32. Орнаментальные узоры фатьяновских сосудов

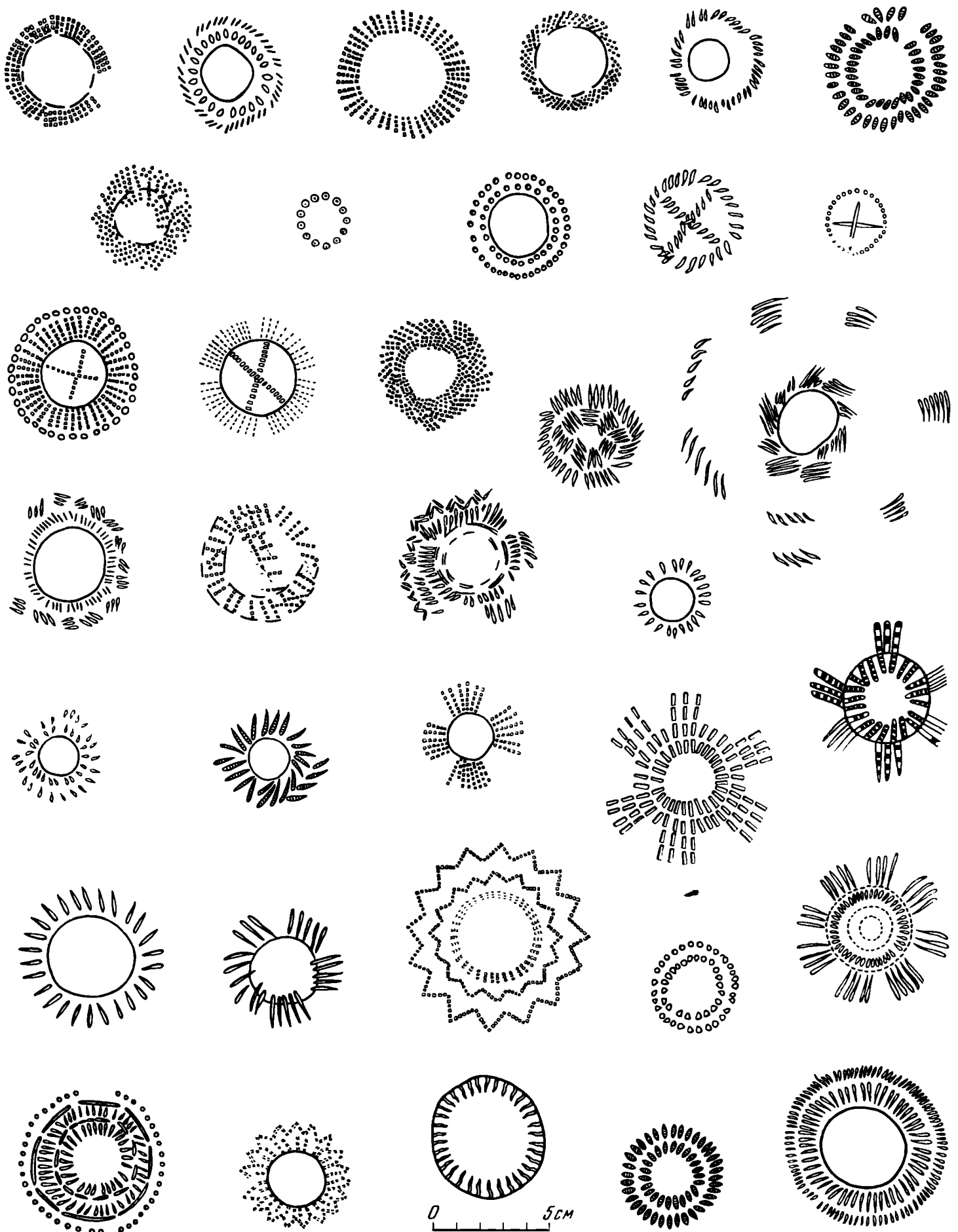

Рис. 33. Орнаментальные узоры на днищах фатьяновских сосудов

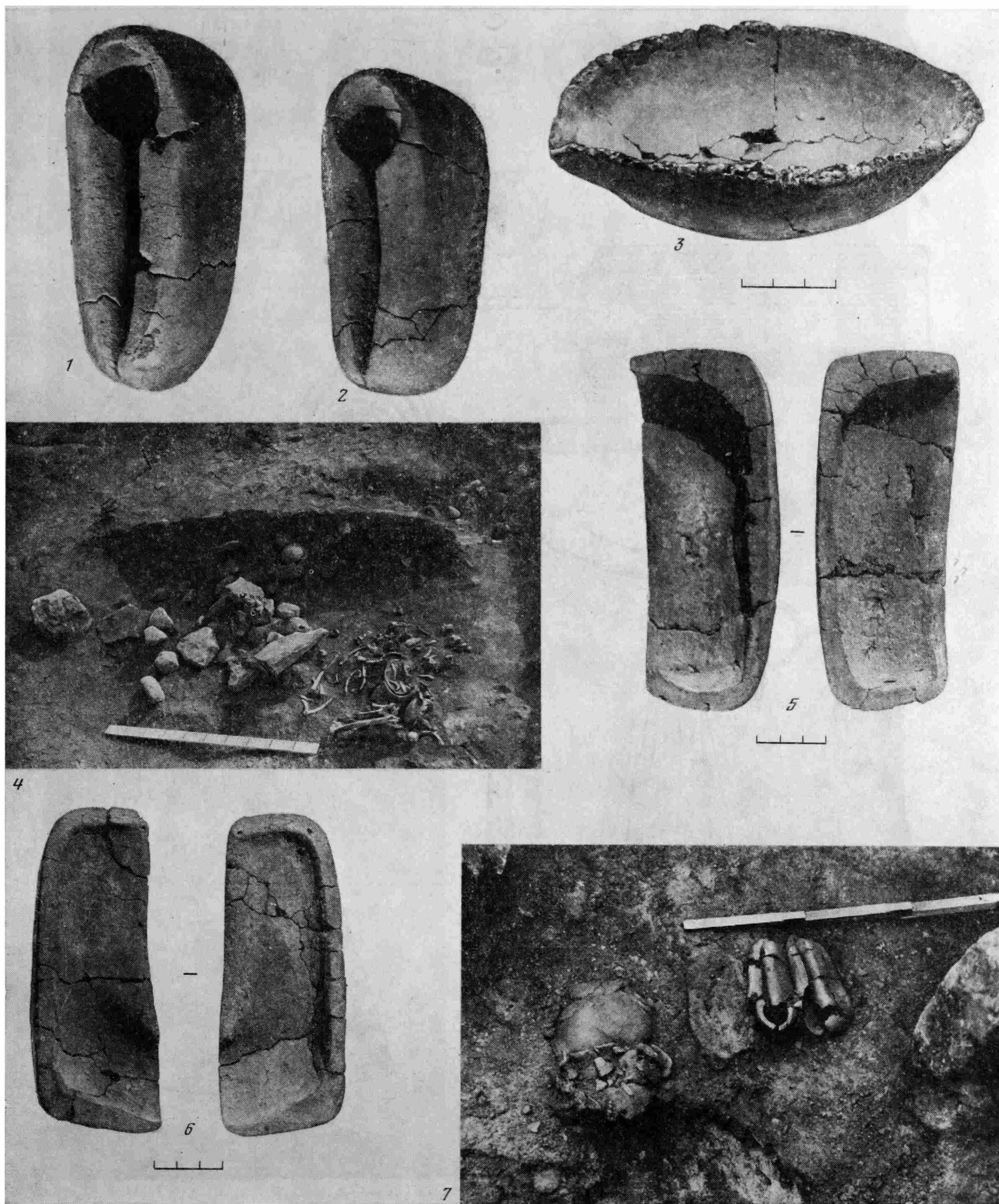

Рис. 34. Вещи из погребений металлурга

1, 2 — литейные глиняные формы; 3 — тигль глиняный; 5, 6 — развертка литейных глиняных форм; 4, 7 — вид погре-

бения металлурга (Волосово-Данпловский могильник, погребение 21)

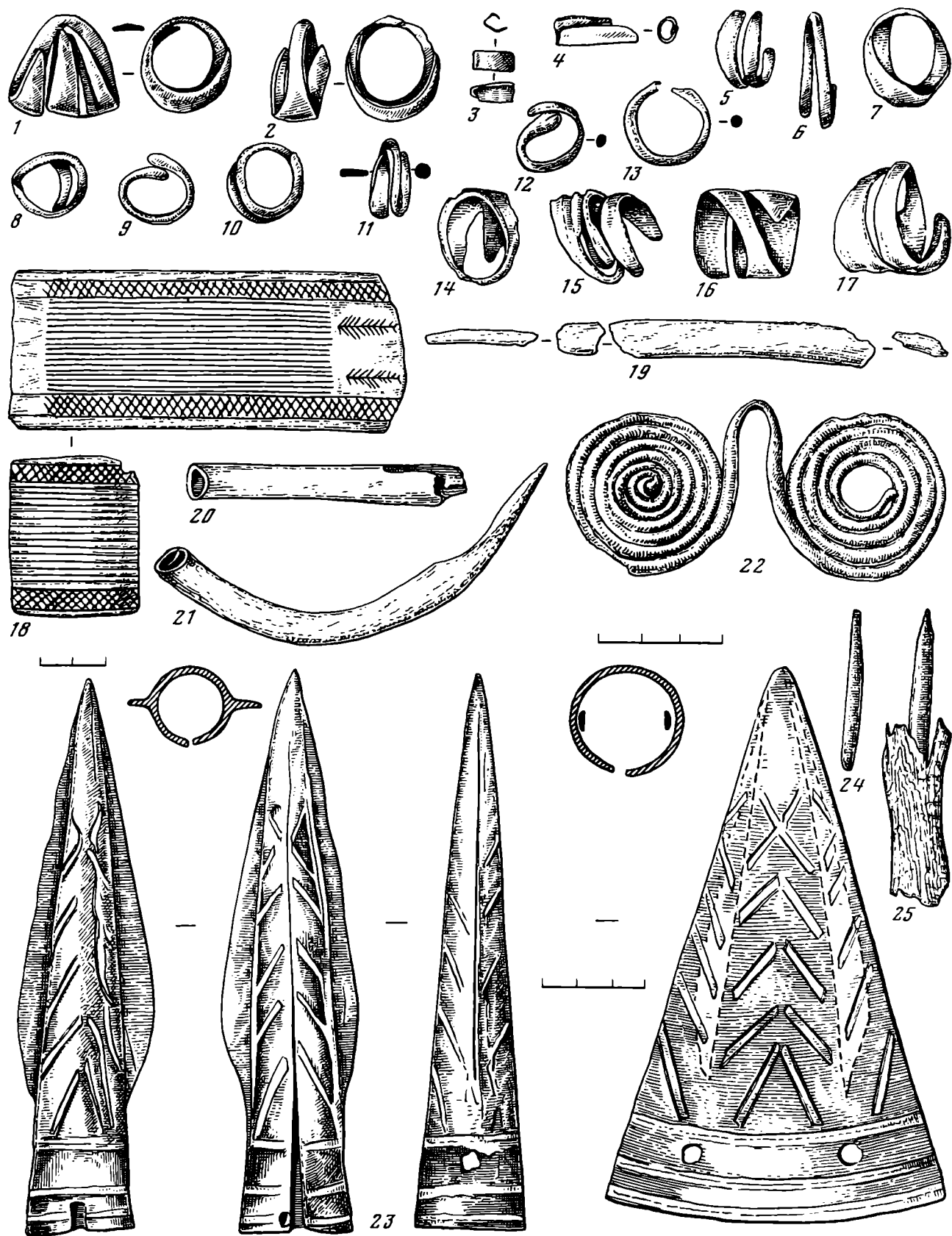

Рис. 35. Медные орудия и украшения фатьяновской культуры

1, 2, 5—17 — височные подвески; 3 — колечко; 4 — пронизка; 18 — браслет; 19—21 — обломки браслетов; 22 — очковидная привеска; 23 — копьё; 24 — шило; 25 — шило в деревянном футляре. 1—4, 16, 17, 22 — Никольцынский могильник; 5—8,

10, 11, 13—15, 20, 21, 23 — Волосово-Даниловский могильник; 9, 12 — Кузьминский могильник; 19, 24, 25 — Вауловский могильник; 18 — Мытищинский могильник

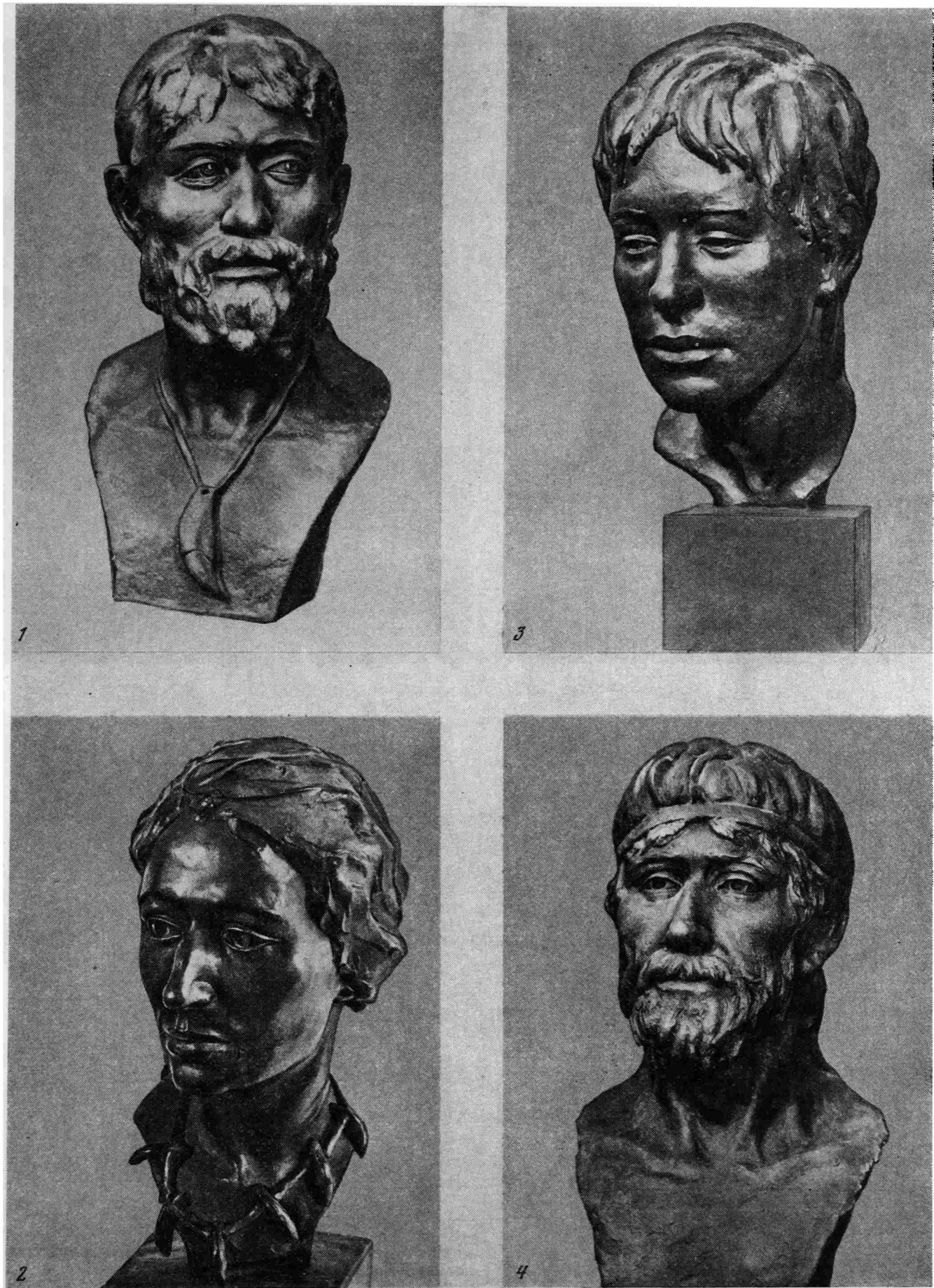
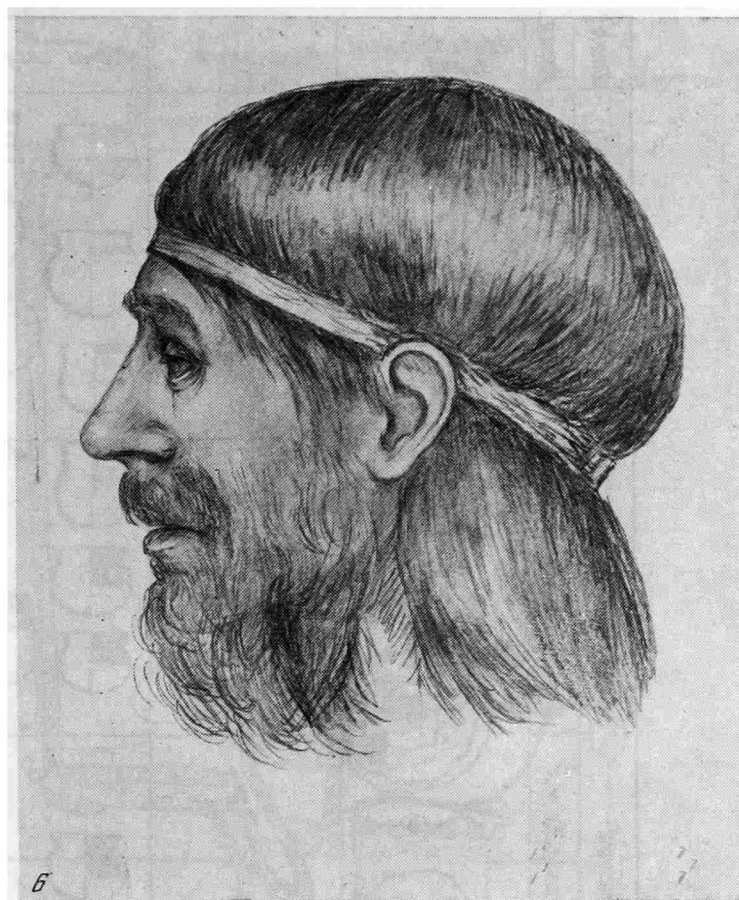

Рис. 36а. Скульптурные портреты фатьяновцев

1 — Халдеевский могильник; 2, 3 — Тимофеевский могильник; 4 — Болшневский могильник

**Рис. 366. Портреты фатьяновцев.
Реконструкция Г. В. Лебединской**

1 — Волосово-Даниловский могильник, погребение 56; 2 — Воронцовский могильник, погребение 5; 3 — Волосово-Даниловский могильник, погребение 101; 4 — Волосово-Даниловский могильник, погребение 12; 5 — Никульцынский могильник, погребение 7; 6 — Никульцынский могильник, погребение 9; 7 — Тимофеевский могильник, погребение 7

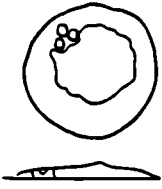

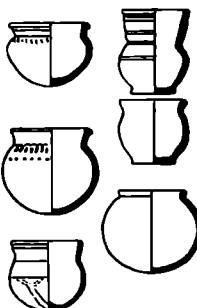
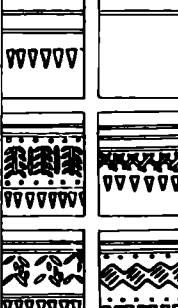

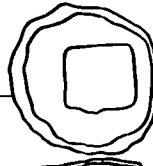

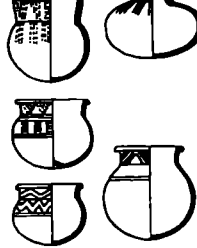
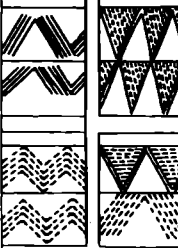
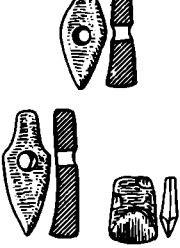

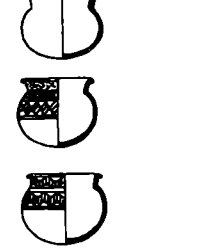
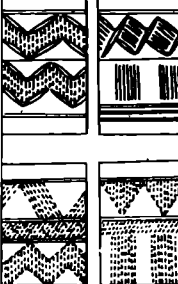

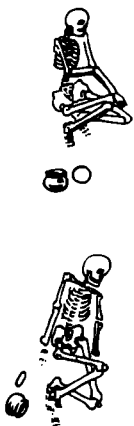

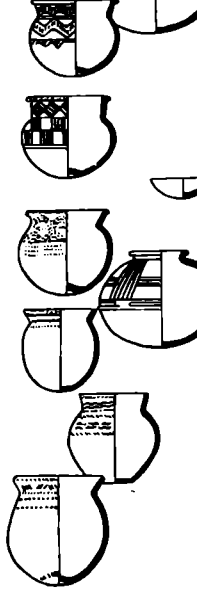
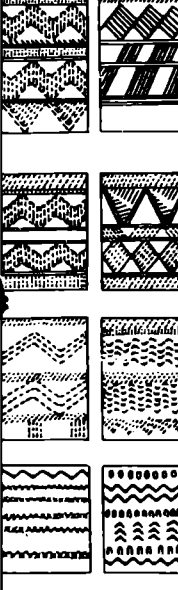
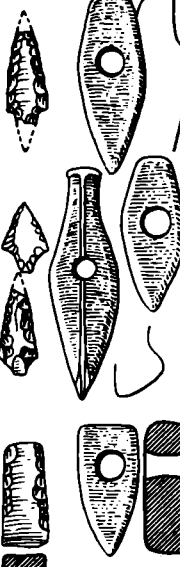
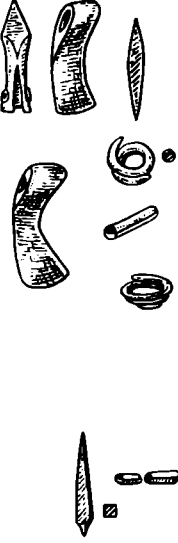
Этап	Погребальный обряд	Поселения	Форма сосудов	Орнамент	Каменные орудия	Металлические предметы
Хулашючский	4-я четверть II тыс. до н.э. 					
Дыпандинский	3-я четверть II тыс. до н.э. 					
Атлхосынский	Середина II тыс. до н.э. 					
Балановский	1-я половина II тыс. до н.э. 					

Рис. 37. Схема периодизации развития балановской культуры

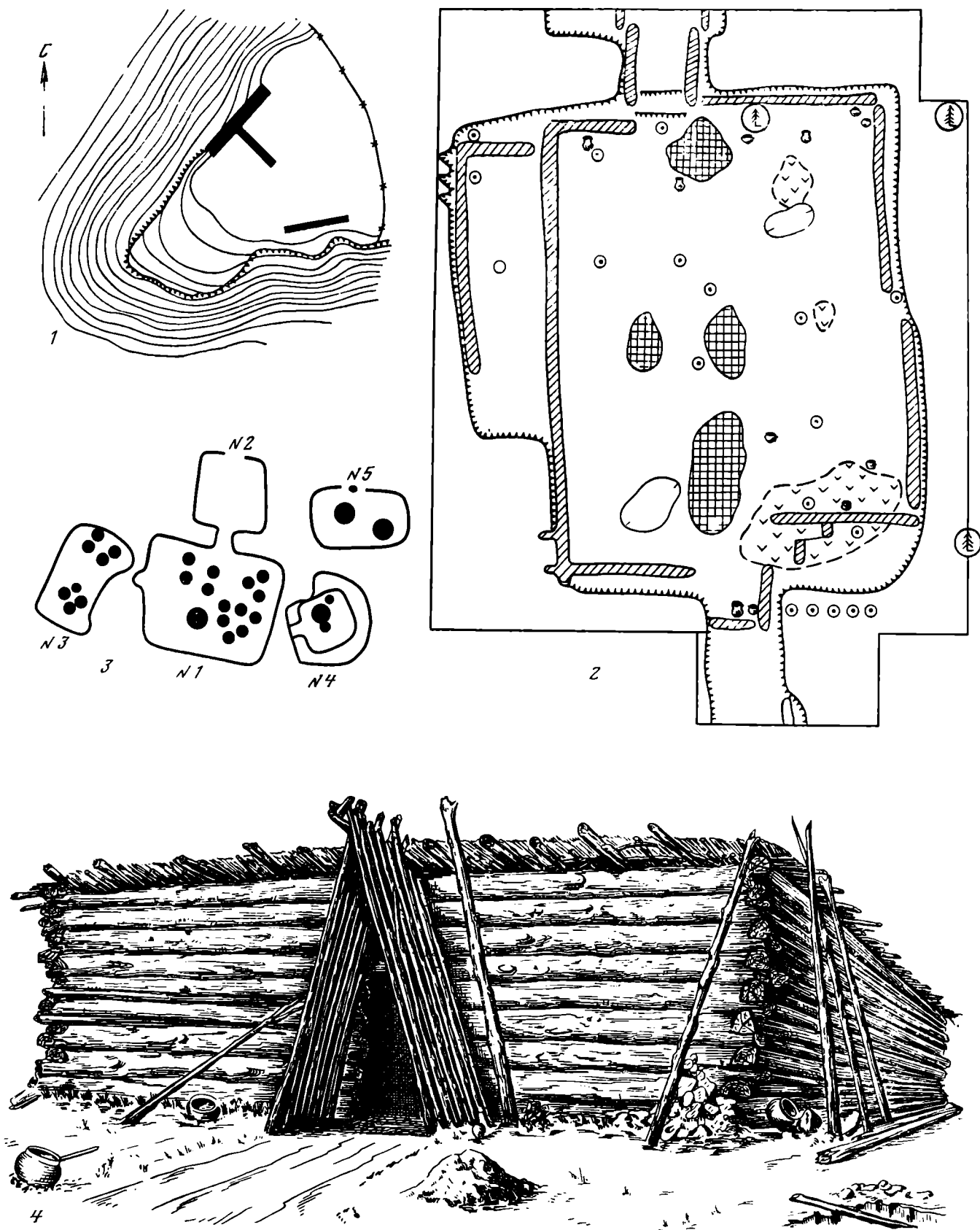

Рис. 38. Поселения и жилища балановской культуры

1 — Писаральское поселение; 2 — жилище 2 поселения Галапкина Гора; 3 — жилище Кубашевского поселения; 4 —

реконструкция балаповского жилища по материалам Васильсурского поселения

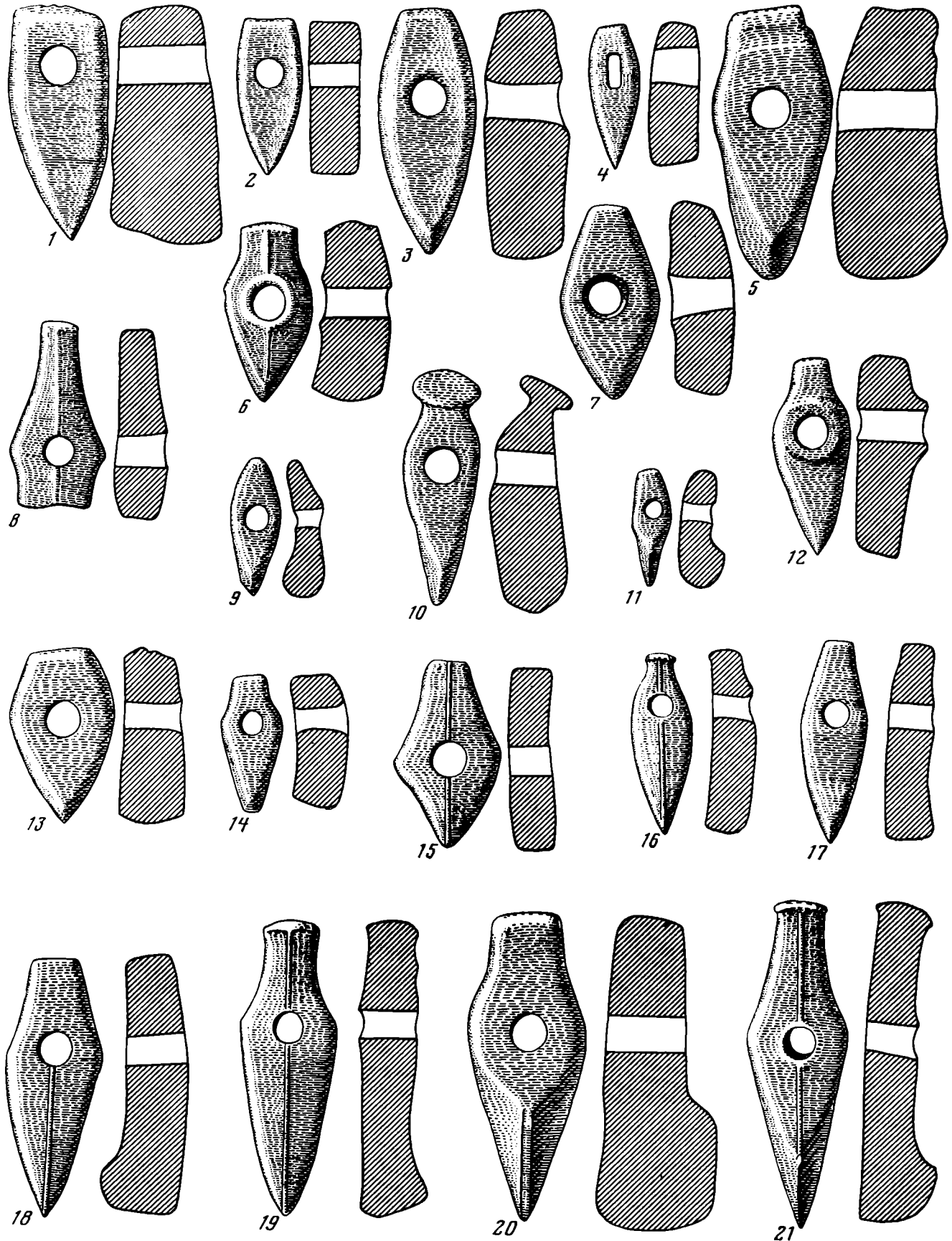

Рис. 39. Основные типы каменных сверленых топоров балановской культуры

1, 2, 4 — клиновидный; 3 — молотковидный; 5 — обушковый; 6, 14 — короткообушковый; 7 — обушковый усеченно-конический; 8 — длиннообушковый; 9, 18 — ромбический лопастный; 10 — обушково-пестиковый; 11, 20 — длиннолопаст-

ный; 12 — обушково-втульчатый; 13 — ромбический молотковидный; 15 — ромбический усеченный; 16, 21 — ладьевидный; 17 — ромбический узкообушковый; 19 — коротколопастный

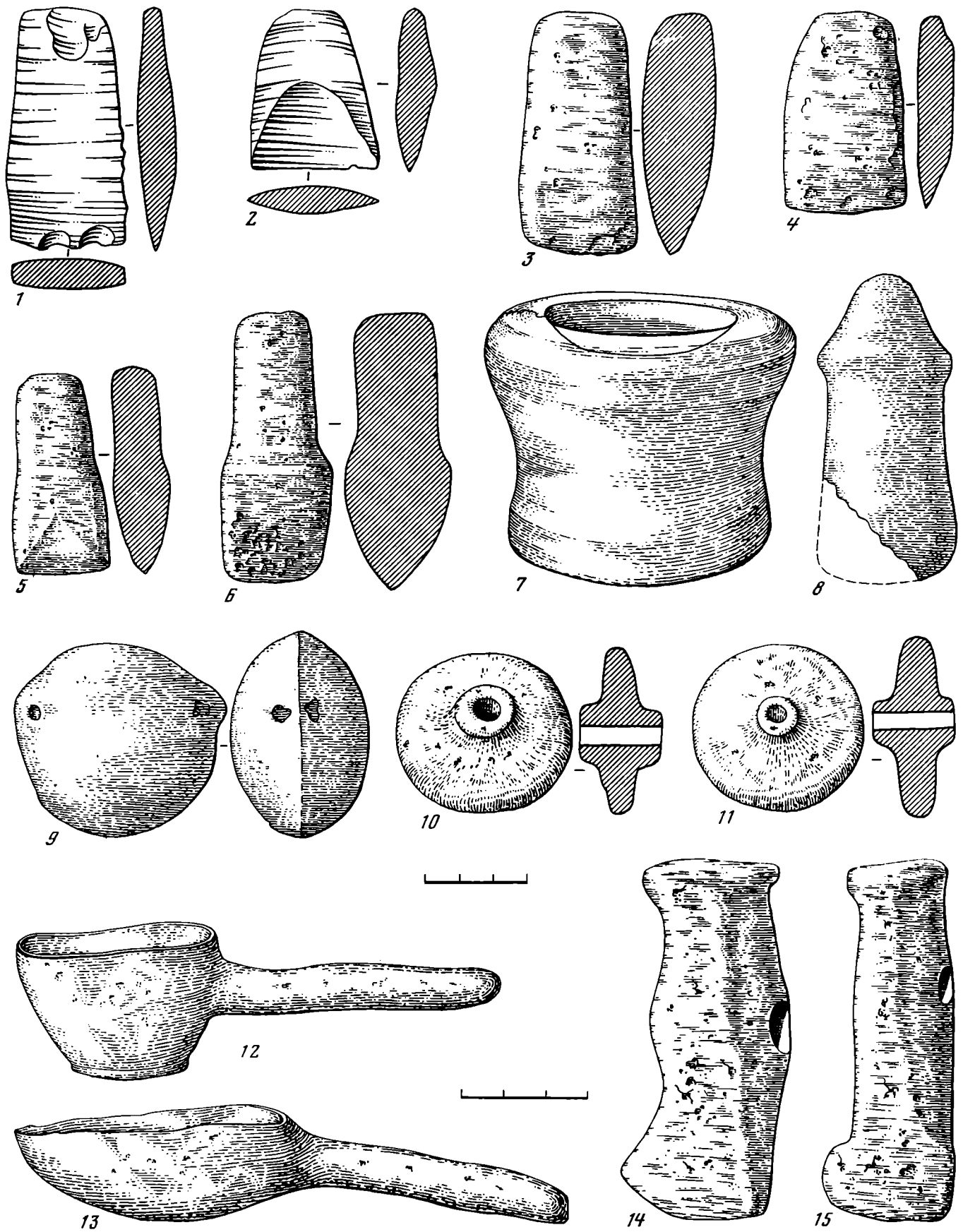

Рис. 40. Каменные и глиняные изделия балановской культуры

1-4 — клиновидные топоры; 5, 6 — черешковые топоры; 7 — ступа; 8 — пест; 9-11 — погремушка глиняная, глиня-

ные колесики; 12, 13 — глиняные ложки; 14, 15 — глиняные топоры

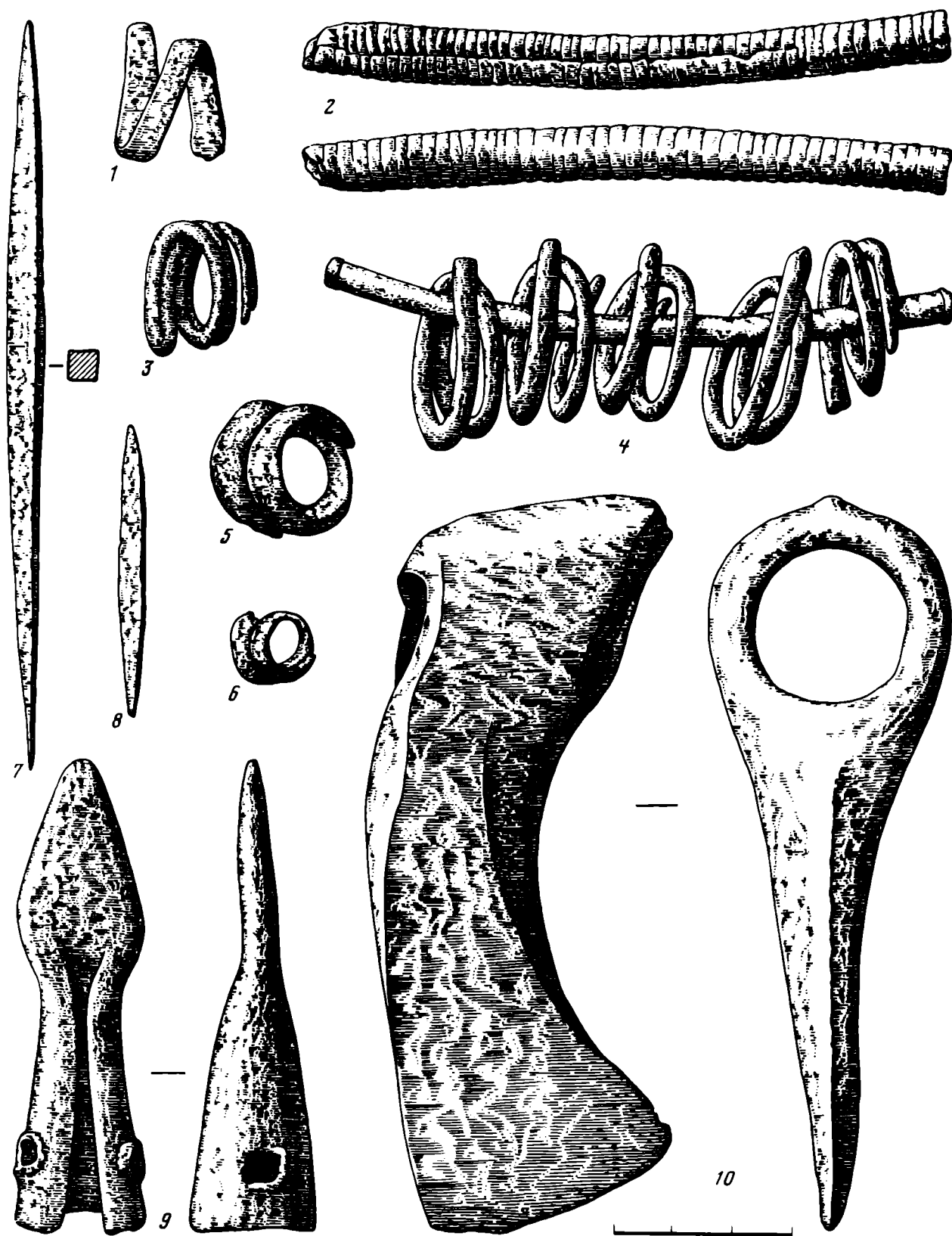

Рис. 41. Медные изделия из Балановского могильника

1—6 — украшения; 7, 8 — шилья; 9 — копьё; 10 — топор вислобушный

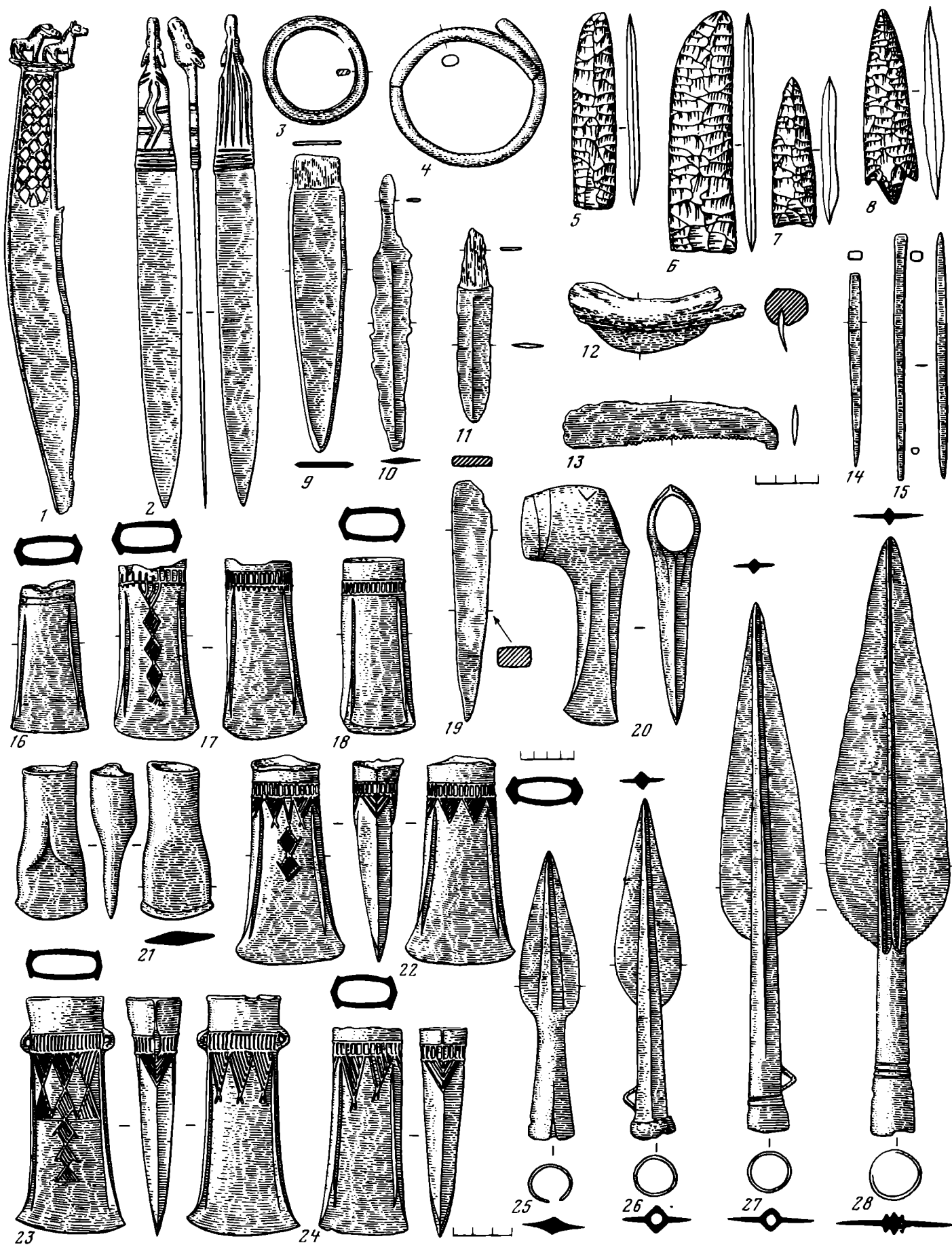

Рис. 42. Сейминский могильник

1, 2, 5, 6, 9—11 — ножи и кинжалы; 3 — кольцо; 4 — браслет; 7, 8 — наконечники стрел; 12 — скобель; 13 — нож-пилка; 14, 15 — шилья; 16—18, 22—24 — кельты; 19 — чекан; 20 —

втульчатый топор; 21 — кельт-тесло; 25—28 — наконечники копий; 3 — нефрит; 5—8 — кремь; 12 — бронза и дерево; остальное — бронза и медь

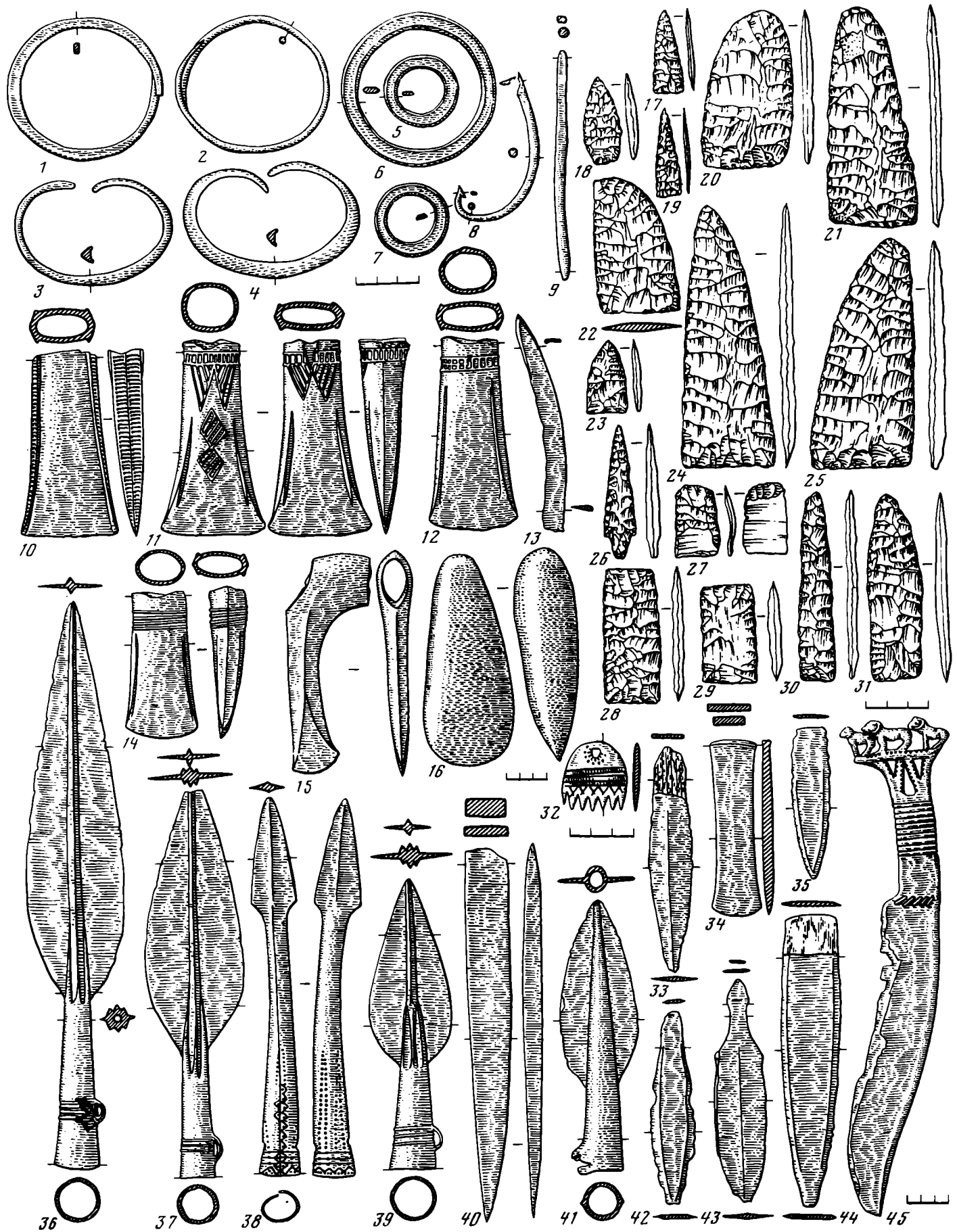

Рис. 43. Турбинский могильник

1—4 — браслеты; 5—7 — кольца; 8 — рыболовный крючок; 9 — стержень; 10—12, 14 — кельты; 13, 20—22, 24, 25, 28—31, 33, 42—45 — ножи и кинжалы; 15 — втульчатый топор; 16 — каменный топор; 17—19, 23, 26 — наконечники стрел; 32 —

подвеска; 34 — тесло; 35 — нож-пилка; 36—39, 41 — наконечники копий; 40 — чекан; 2, 37, 39 — биллон; 5—7 — нефрит; 17—31 — кремнь; остальное — медь и бронза; 45 — Турбинский II могильник

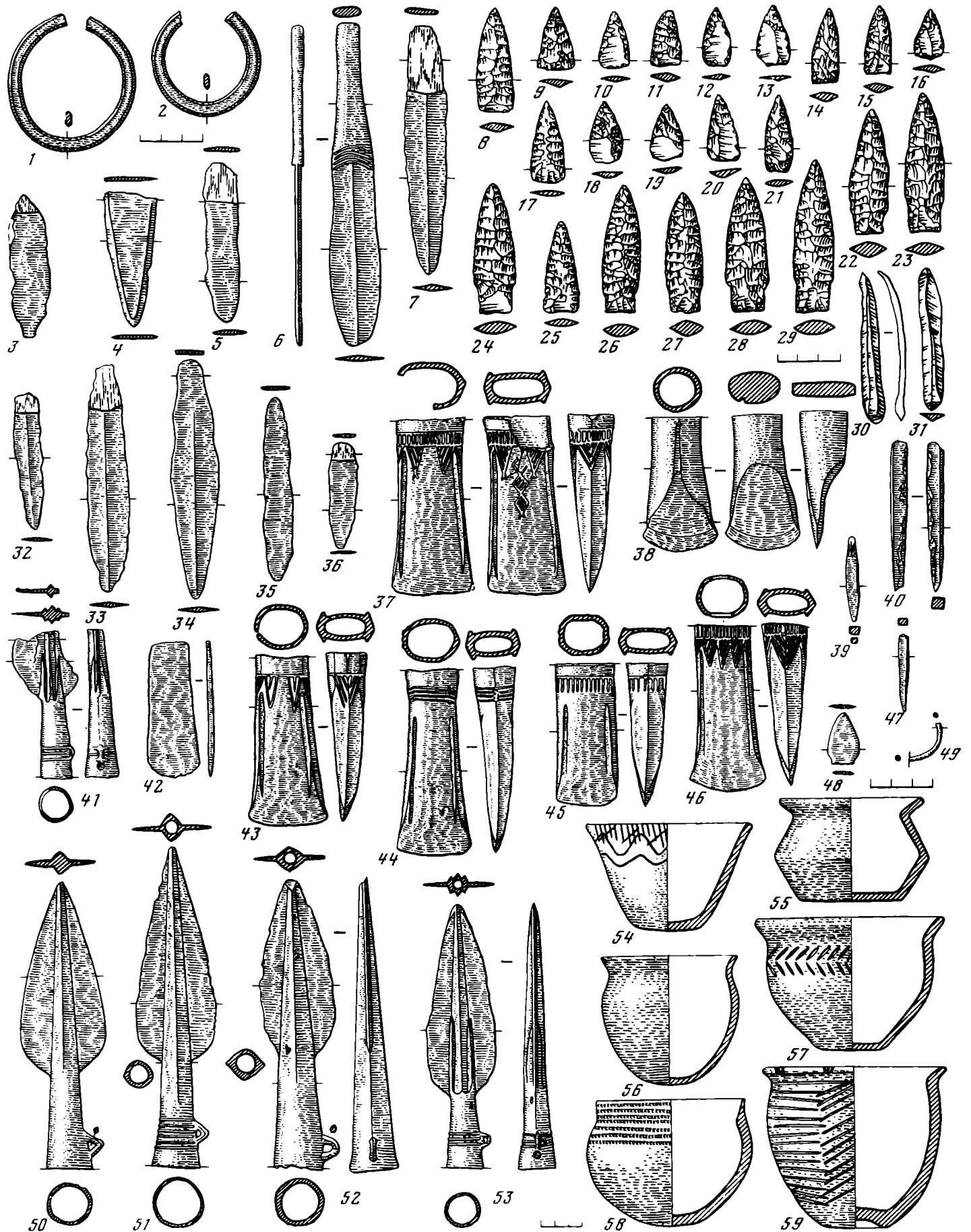

Рис. 44. Решенский могильник

1, 2, 49 — кольца; 3—7, 32—36, 48 — ножи и кинжалы; 8—29 — наконечники стрел; 30, 31 — ножевидные пластины; 37, 43—46 — кельты; 38 — кельт-тесло; 39, 47 — шилья; 40 — чекан; 41, 50—53 — наконечники копий; 42 — тесло; 54—59 — керамика из могил; 1, 2 — нефрит; 8—31 — кремнь; 54—59 — глина, остальное — бронза и медь

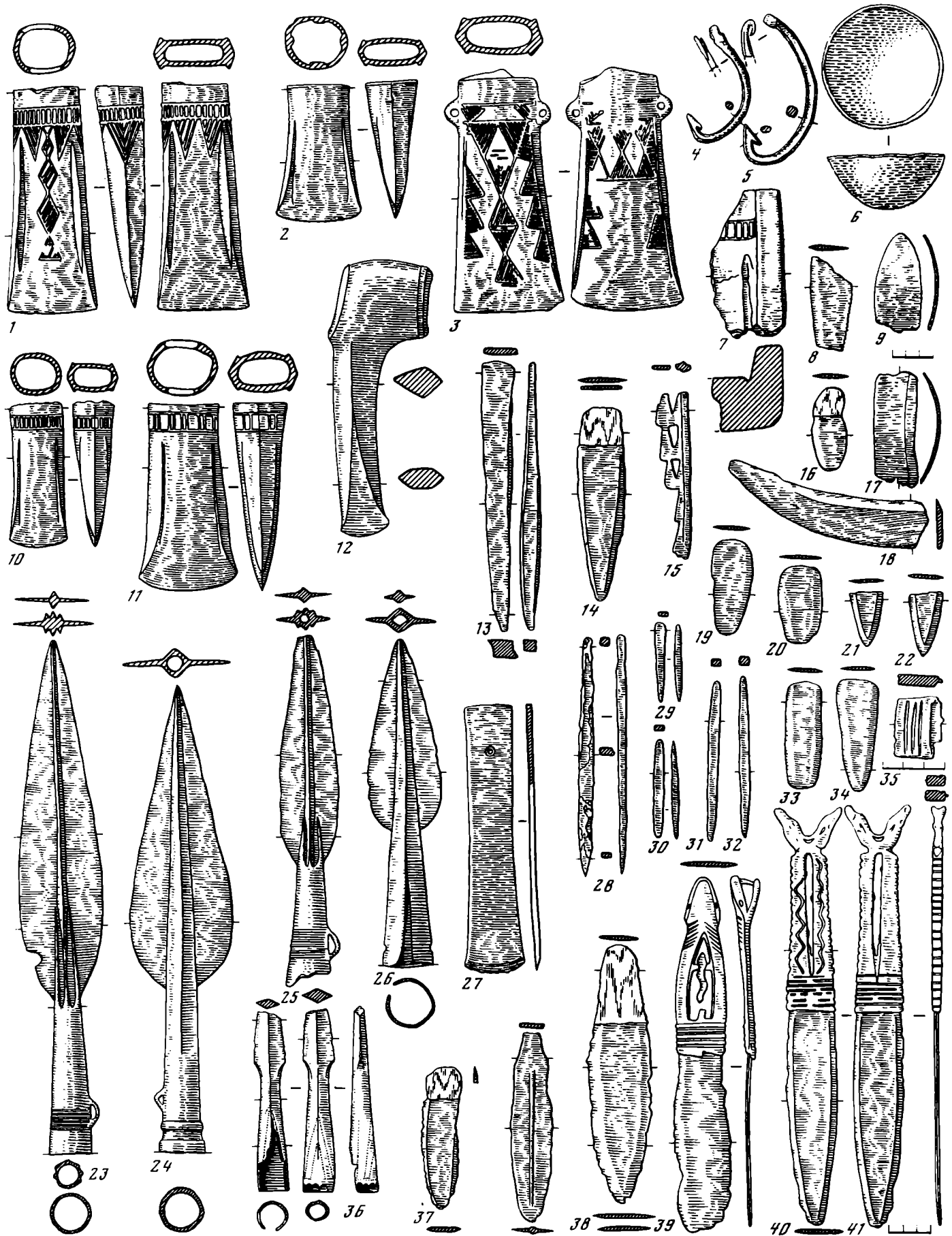

Рис. 45. Могильники и находки сейминско-турбинского типа в Восточной Европе

1, 12, 28, 39 — Соколовка; 2 — Берёзовка-Омары; 3 — б. Вятская губ.; 4, 5, 13, 16, 18, 37 — Заосново IV; 6, 26, 27 — Усть-Гайва; 7 — Юльялы; 8, 9, 15, 17, 19—22, 35 — Канинская пещера; 10 — р. Мойка, г. Пенза; 11 — Ново-Мордово; 14, 28—34, 38 — Бор-Лёва; 23 — Донаурово; 24 — Каргулино; 25 — Елабуга (?); 36 — Коршуново; 40 — Галичский

клад; 41 — из-под Перми. 1—3, 10, 11 — кельты; 4, 5 — рыболовные крючки; 6 — чаша; 7 — обломок литевой формы с негативом кельта; 8, 37 — ножи-пилки; 9, 17 — скобелы; 12 — втульчатый топор; 13, 28 — чеканы; 14—16, 18—22, 33—35, 38—41 — ножи, кинжалы и обломки; 23—26, 36 — наконечники копий; 27 — тесло; 7 — глина; остальное — бронза и медь

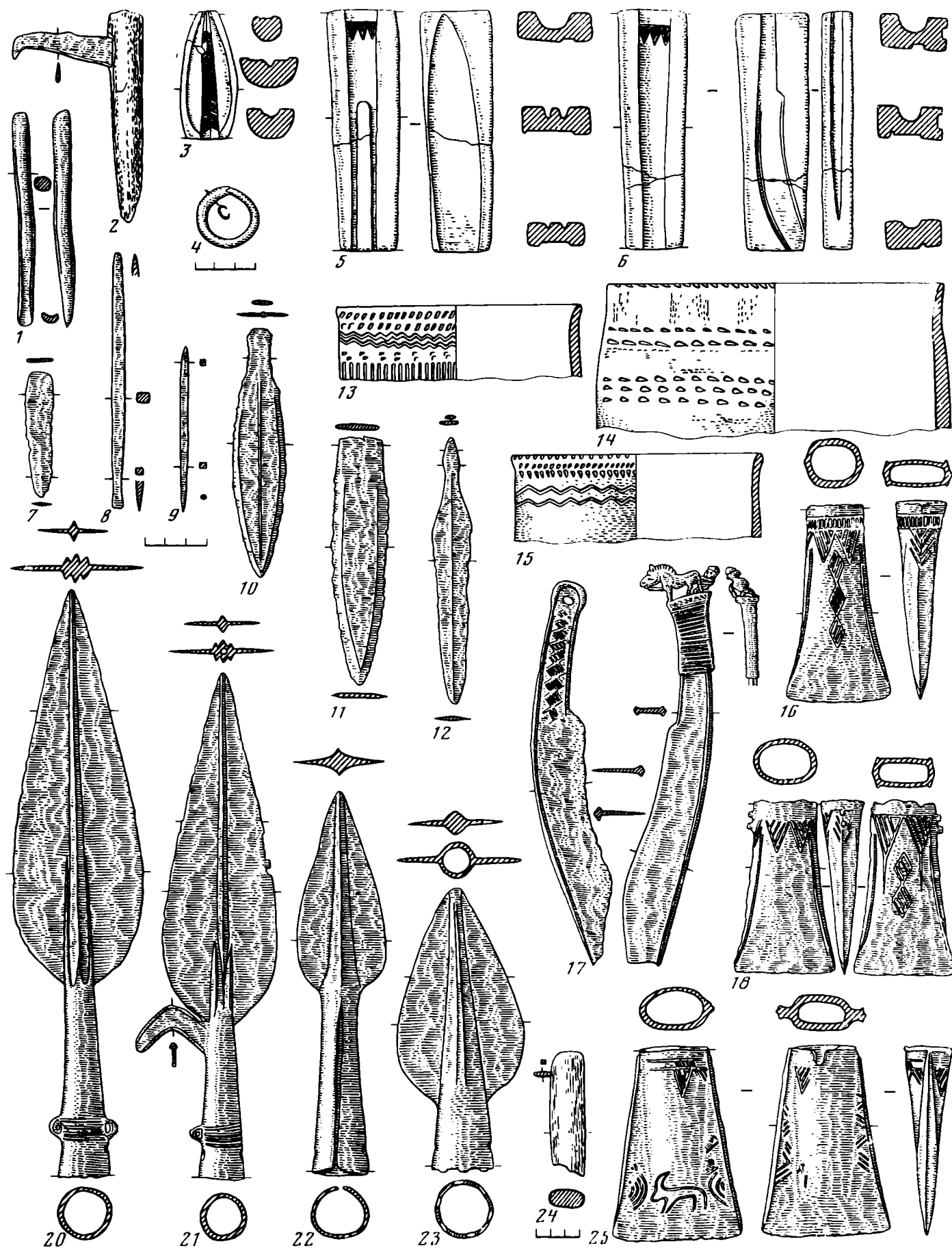

Рис. 46. Могильник Ростовка

1, 8 — тесла-долотца; 2, 7, 10—12, 17, 18 — ножи и кинжалы; 3 — литейная форма с негативом наконечника дротика; 4 — кольцо; 5, 6 — литейная форма с негативами втульчатого тесла, ножей и чекана; 9, 24 — шилья; 13—15 — керами-

ка; 16, 19 — кельты; 20—23 — наконечники копий; 25 — кельт-лопатка; 2, 24 — бронза и кость; 3, 13—15 — глина; 5, 6 — тальк; остальное — бронза

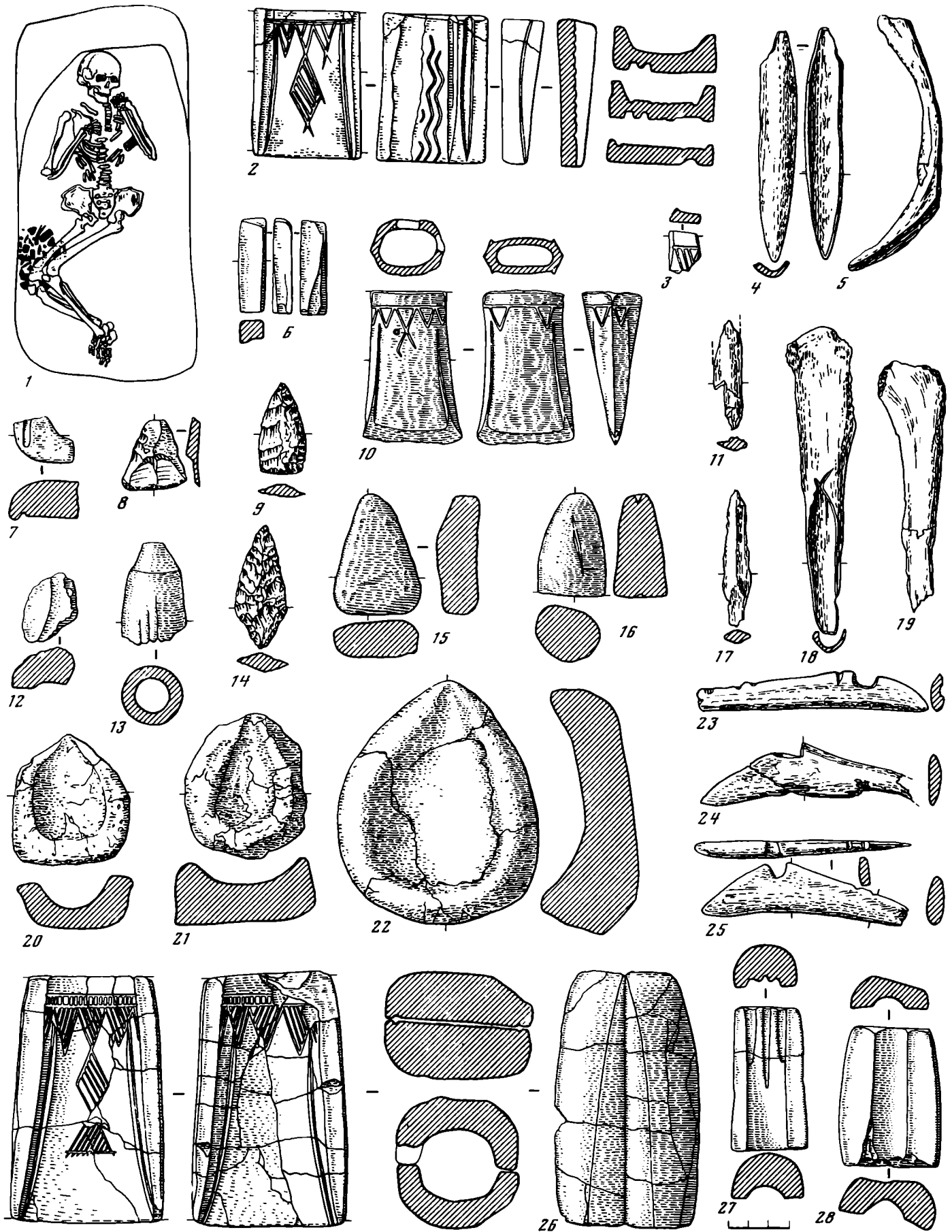

Рис. 47. Могильник Сопка 2 — погребение литейщика

1 — план погребения 64 кургана 25; 2 — литейная форма с негативами кельта, шильев, ножа; 3, 7, 26 — обломки и целая литейная форма для отливки кельтов; 4—6, 8, 12, 13, 15, 16, 18, 19 — орудия литейщика; 9, 11, 14, 17 — наконеч-

ники стрел; 10 — кельт; 20—22 — тигли; 23—25 — концевые накладки на лук; 27, 28 — литейные формы; 2, 3 — тальк; 4, 5, 11, 17—19, 23—25 — кость; 6, 8, 9, 13—16, 26 — камень; 7, 12, 20—22, 27, 28 — глина; 10 — бронза

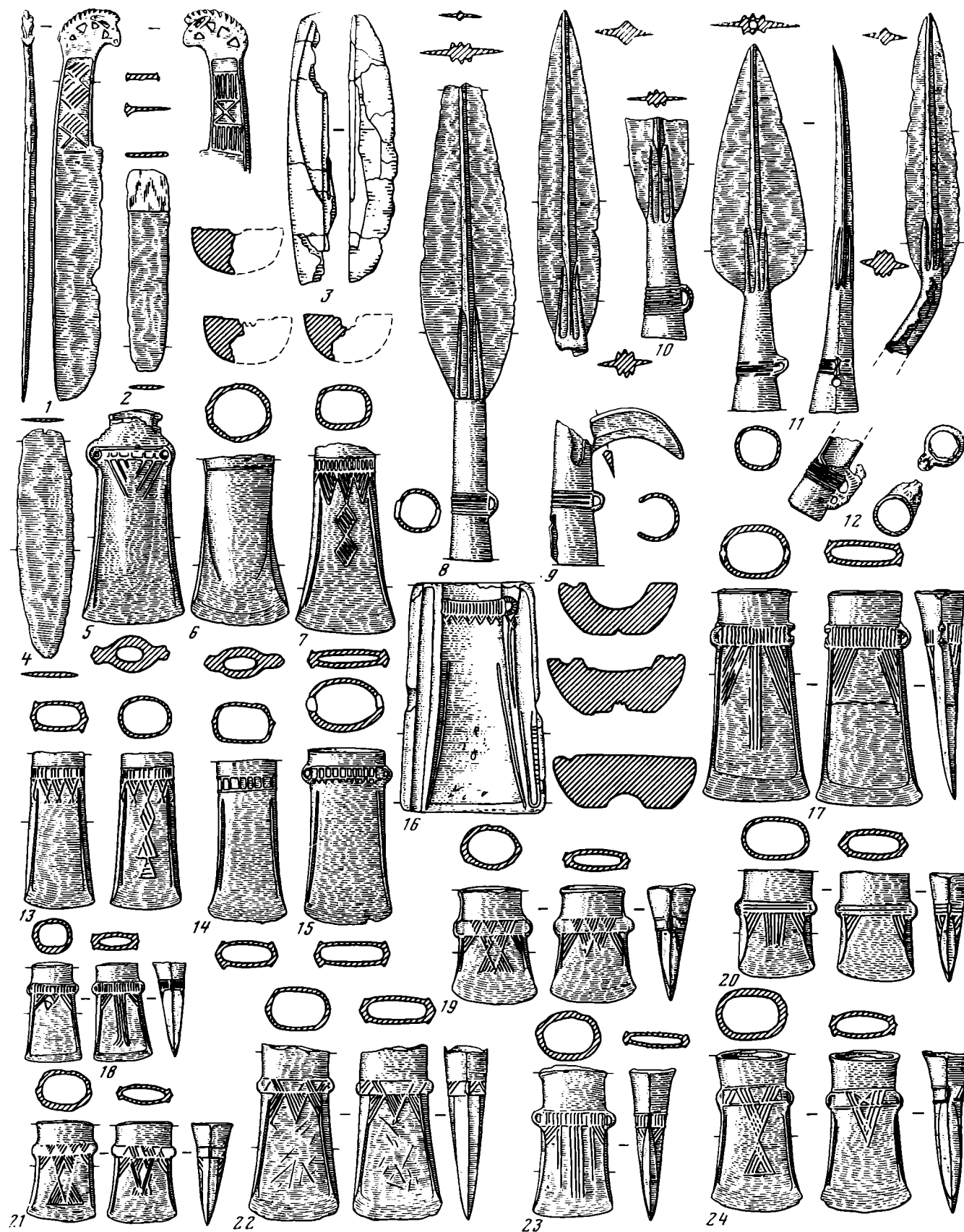

Рис. 48. Сейминско-турбинские (1—17) и самусьско-кижировские (18—24) бронзы Саяно-Алтая, Западной Сибири и Урала

Саяно-Алтай: 1 — Елунино I, могила 1; 5 — Гоби-Алтайский аймак, МНР; 6 — исток р. Иткуль; 9 — р. Чарыш; 10 — Верхний Сузун; 13 — «Алтай»; 14 — Алтай, Минусинская котловина (?); 15 — р. Майкопчегай; 17 — Смоленское; 19 — с. Кубеково (Усубеково); 20 — Ермаковское; 21 — р. Собакина; 23 — Минусинская котловина. Западная Сибирь: 3 — поселение Черноозерье VI; 4 — р. Омь (Омский клад); 7 — Самарово; 8 — устье р. Тары; 11 — «Западная Сибирь»; 12 — «южнее Омска»; 16 — р. Иртыш; 18 — пос. Средний Васюган;

22 — б. Каргалинская вол. Тобольской губ.; 24 — поселение Кижирово, Урал; 2 — Воскресенское, близ оз. Карагуз. 1, 2, 4 — ножи и кинжалы; 3 — обломок литейной формы с негативом наконечника копья; 5, 6 — кельты-лопатки; 7, 13—15, 17—24 — кельты; 8—12 — наконечники копий; 16 — створка литейной формы с негативами кельта, ножа, шила, стержня и наконечника копья с обратной стороны; 3 — глина; 16 — камень; остальное — бронза и медь

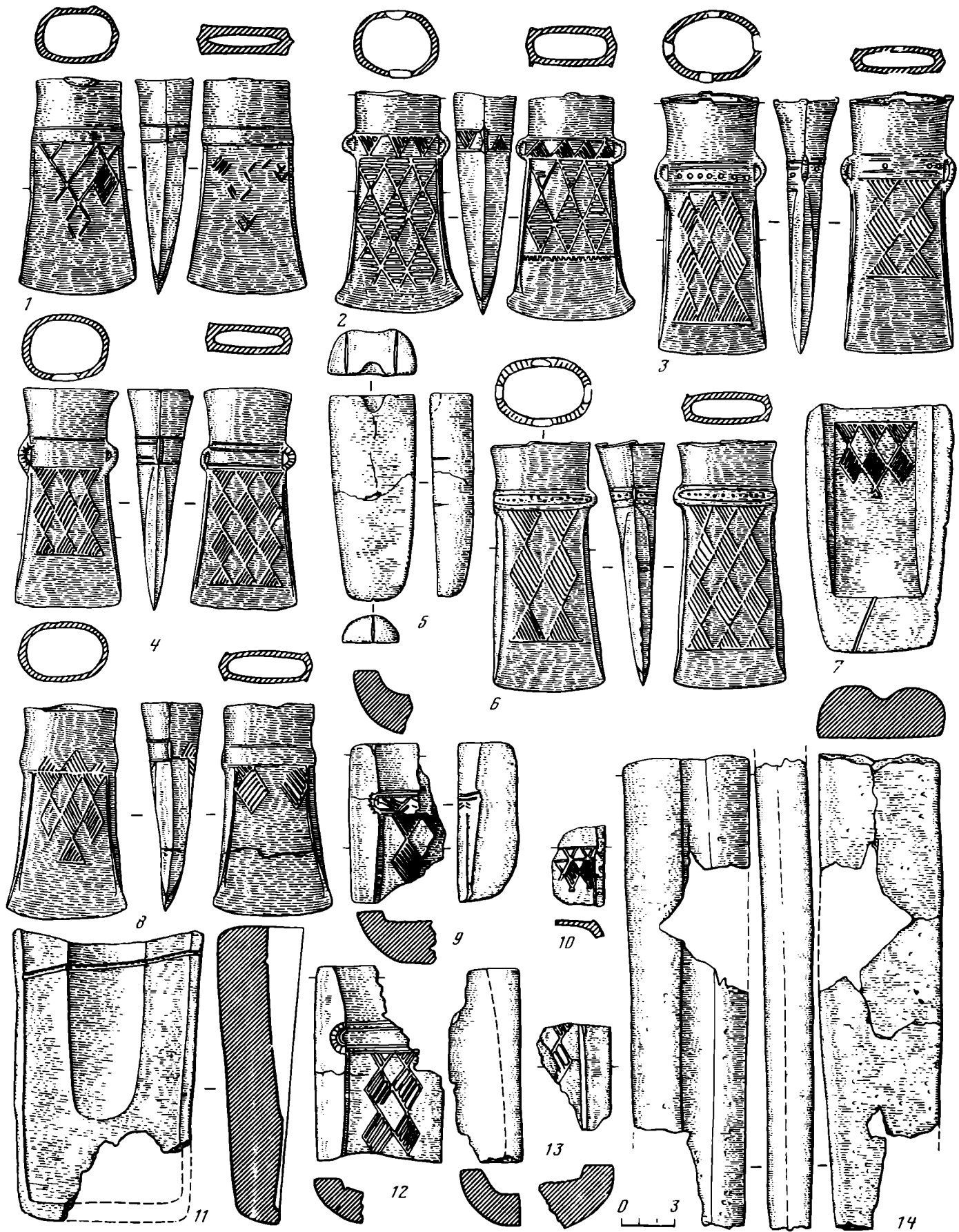

Рис. 49. Литейные формы (5, 7, 9, 11–14) и самусьско-кижировские кельты Урала, Западной Сибири и Саяно-Алтая

Урал: 1 — р. Крутобереговая; 8 — оз. Берёзовое; 10 — поселение Исть I. Западная Сибирь: 2 — Войновка-Гилевая; 3 — поселение Кижирово; 5, 9, 11–14 — поселение Самусь IV;

6 — поселение Тёнга; 7 — Тюково. Саяно-Алтай: 4 — Косиха. 5, 11, 14 — глина; 9, 12, 13 — песчаник; остальное — бронза

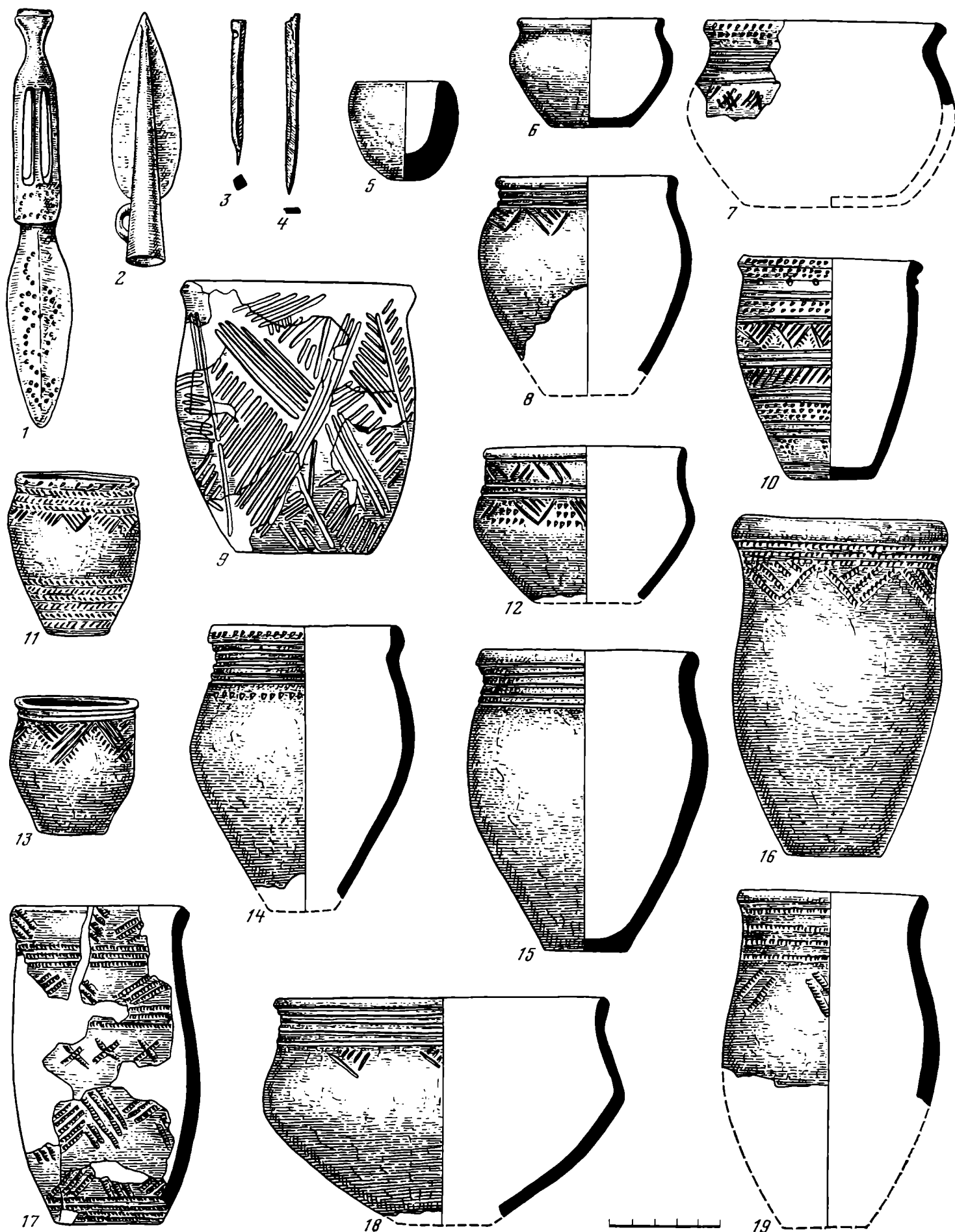

Рис. 50. Инвентарь раннего этапа сосницкой культуры

1, 2 — Кветунь; 3 — Обухов; 4 — Бортнич; 5, 6, 8, 9, 12, 14, 15, 18, 19 — Здвизовка; 7 — Гришевка; 10 — Ходосовичи; 11, 13 — Ивановка; 16 — Вишенки; 17 — Горошков. 1—4 — бронза; 5—19 — керамика

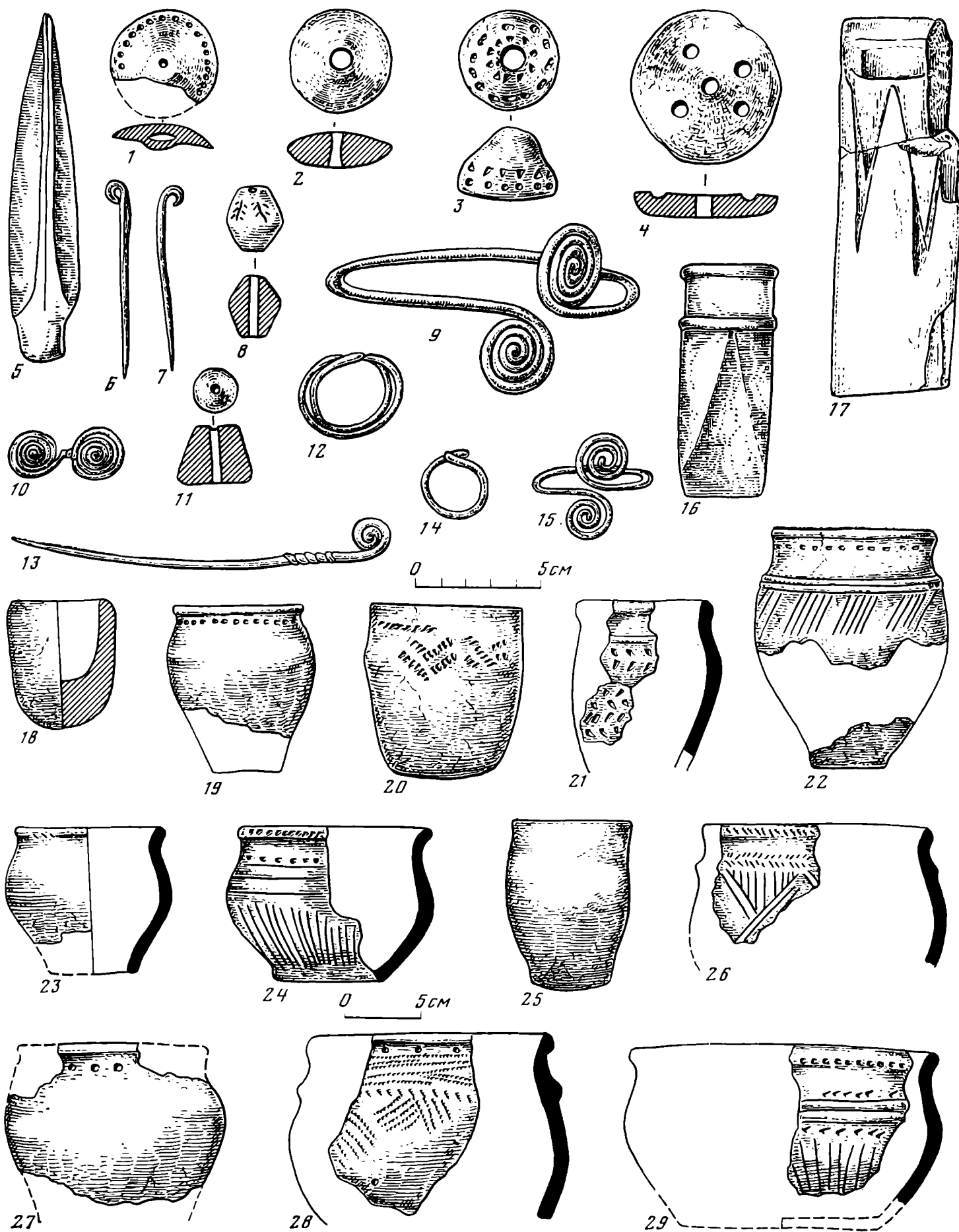

Рис. 51. Инвентарь среднего этапа сосницкой культуры

1, 6, 7, 9, 10, 12—15 — Колосовка (бывш. Войцеховка); 2 — Горощков; 3, 4, 8, 11, 18—29 — Пустынка; 5 — Юдиново; 16, 17 — Задимье. 1, 5, 7, 9, 10, 12—15 — бронза; 2—4, 8, 11, 18—29 — керамика; 16 — глина; 17 — камень

Рис. 52. Инвентарь позднего этапа сосницкой культуры

1, 2, 6, 12, 17, 21 — Почап; 3, 5, 7, 10 — Погребы; 4, 18, 22 — Голосок; 15, 19, 26—30 — Бесец. 1, 2, 6, 12, 17—30 — керамика; 3—5, 7—11, 13—16 — бронза

Рис. 53. Инвентарь комаровской культуры

1, 19, 47 — Сарняк; 2—9, 11—14, 16, 17, 20, 23, 25, 27, 29, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 44, 46 — Комаров; 10, 21, 22, 28, 42 — Иванье; 15, 24, 31, 33, 39 — Городище; 18, 48 — Кавско;

26, 45 — Буквица; 36 — Звенигород. 1—8, 11—20, 26—28, 31, 35—37, 41—43 — керамика; 9, 10, 21—25, 29—34, 38—40, 44—46 — металлические изделия

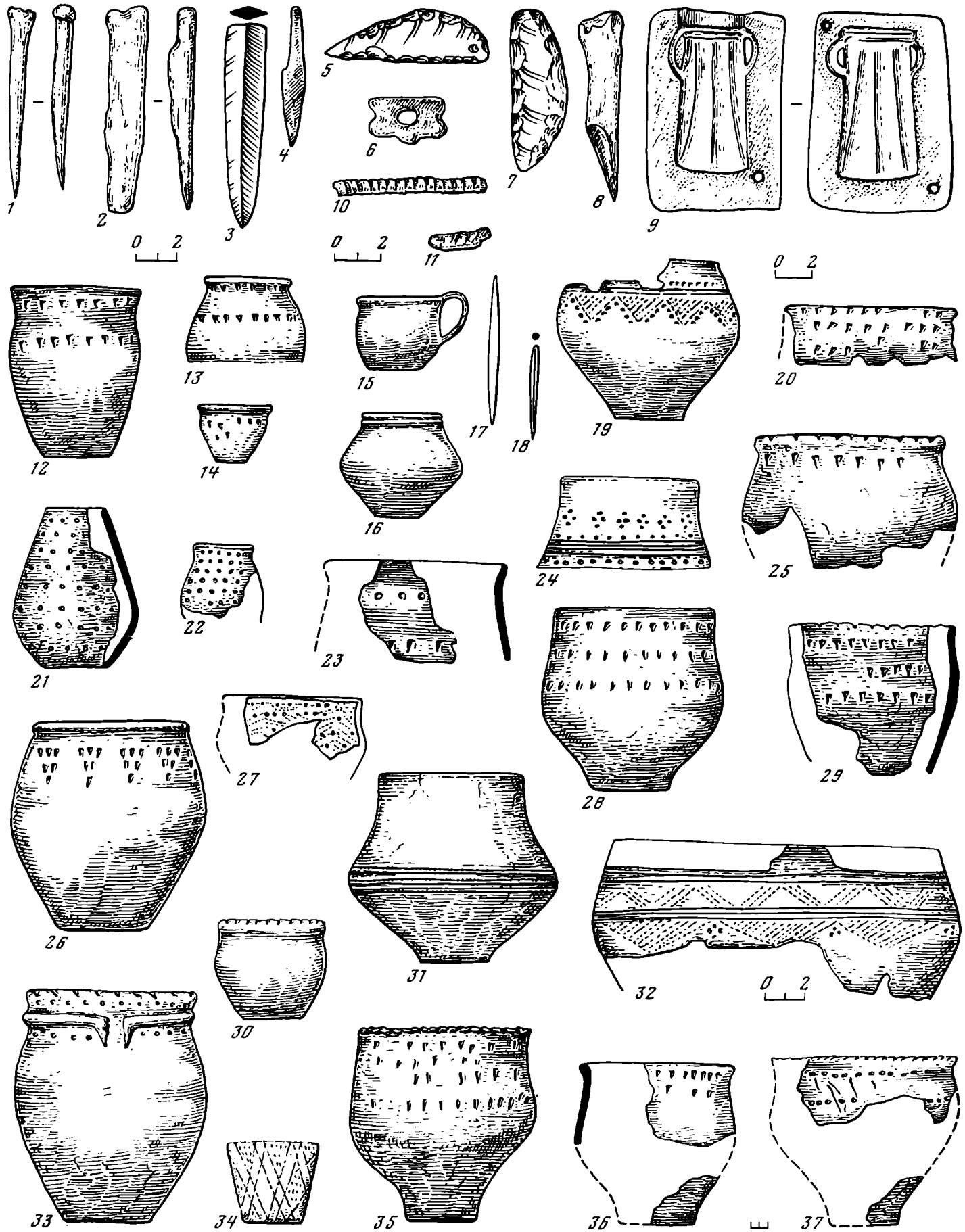

Рис. 54. Инвентарь бондарихинской культуры

1, 5, 6, 19, 25, 29, 30 — Нищаха; 2, 20, 21, 23, 33 — Хухра; 3, 4, 22, 24, 26, 28 — Оскол; 7—9, 17, 31, 32, 34—36 — Бондариха; 10, 12—17 — Тимченки (могильник); 11, 18 — Тимченки (по-

селение); 27, 37 — Малые Будки. 1, 2, 6, 8 — кость; 3, 4, 10, 11, 17, 18 — бронза; 5, 7 — кремь; 9 — камень; 12—16, 19—37 — керамика

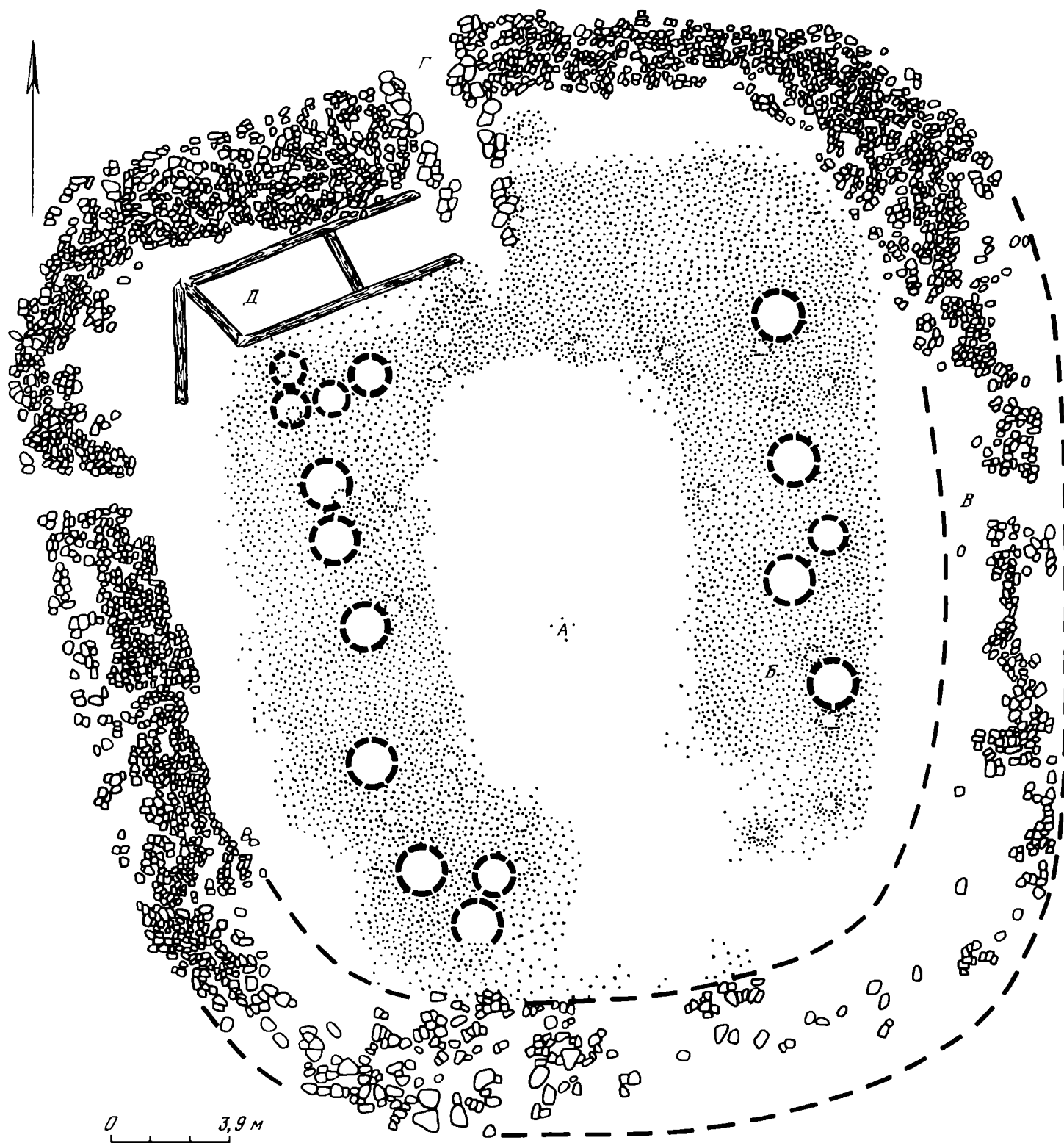

Рис. 55. План застройки укрепленного поселения (Кивуткалс)

A — двор; *B* — зона построек; *B* — зона оборонительной системы; *Г* — вход; *Д* — остатки камер

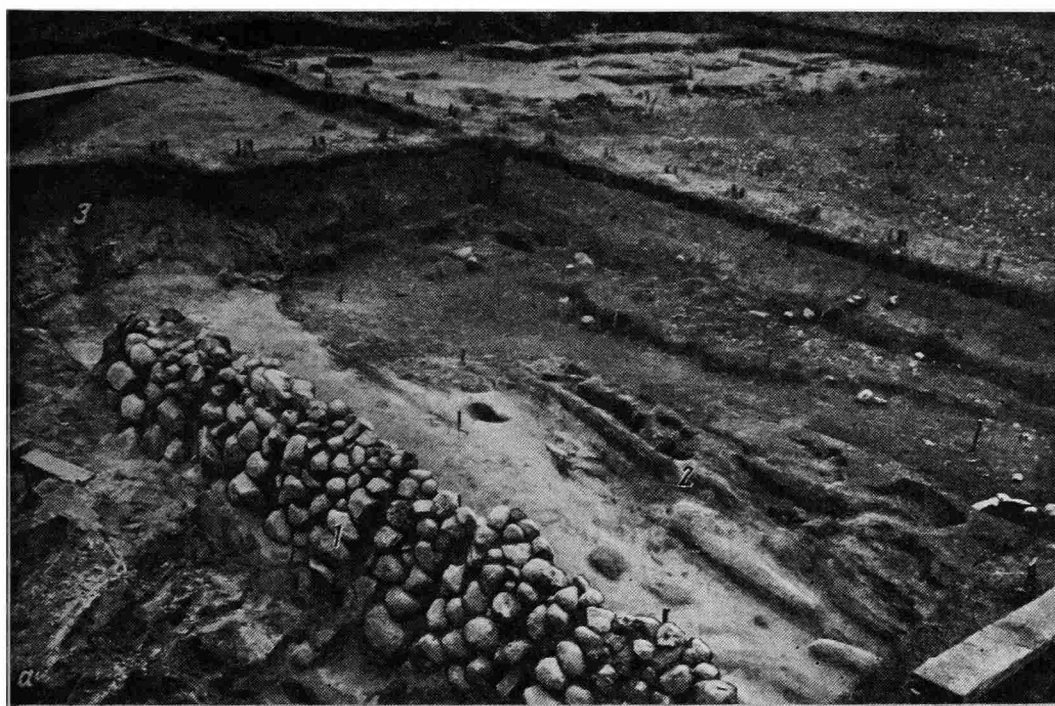

Рис. 56а. Детали раскопок укрепленного поселения Кивуткалис

1 — каменная кладка на наружной стороне вала; 2 — остатки деревянных камер; 3 — насыпь вала

Рис. 56б. Погребальная каменная конструкция

1 — центральный ящик; 2 — ящики; 3 — каменная вымостка; 4 — камни венца

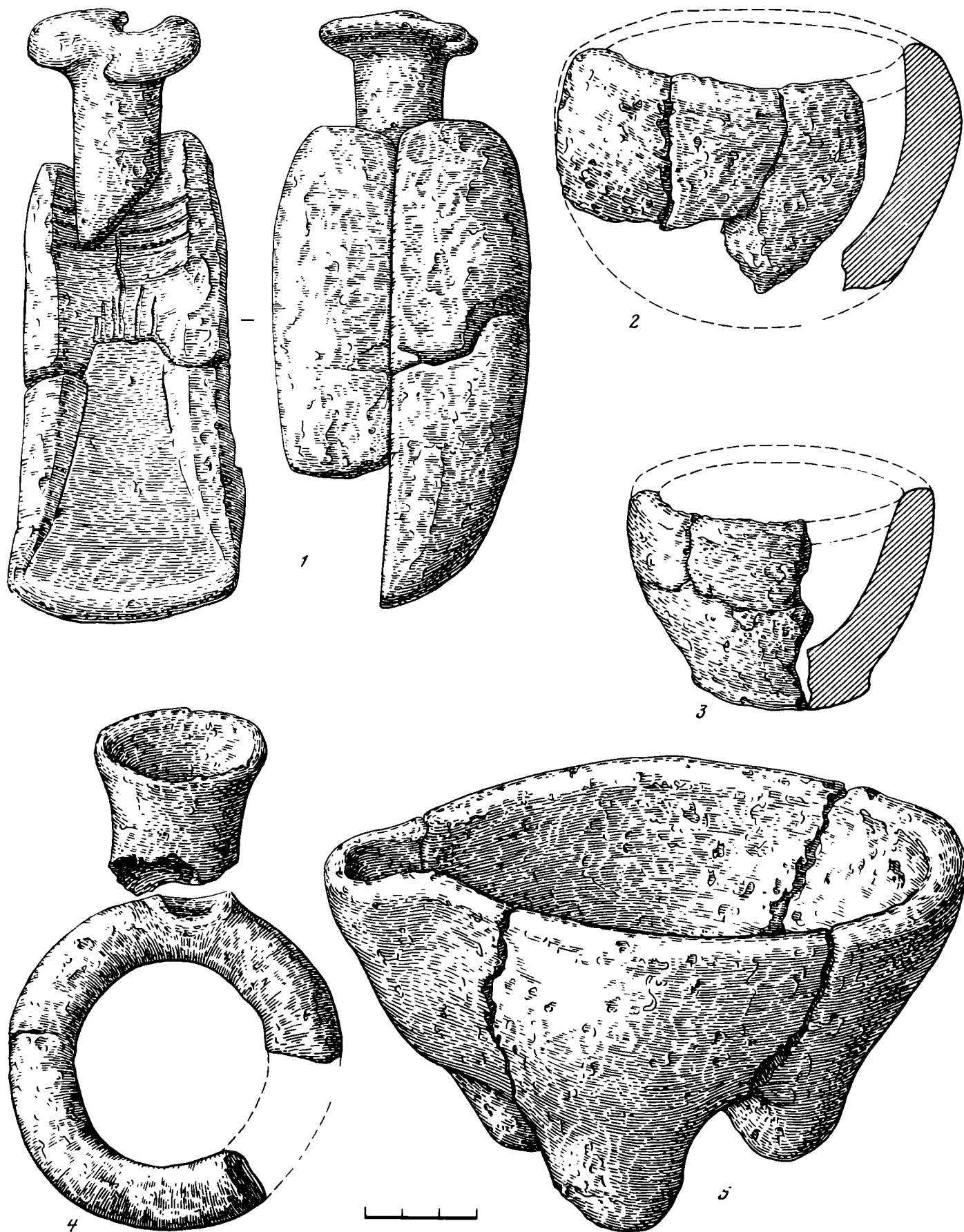

Рис. 57. Принадлежности бронзолитейщика

1 — литейная форма трехчастная, многократная; 2, 3 — мискообразные тигли; 4 — литейная форма, одноразовая; 5 — тигель на трех ножках

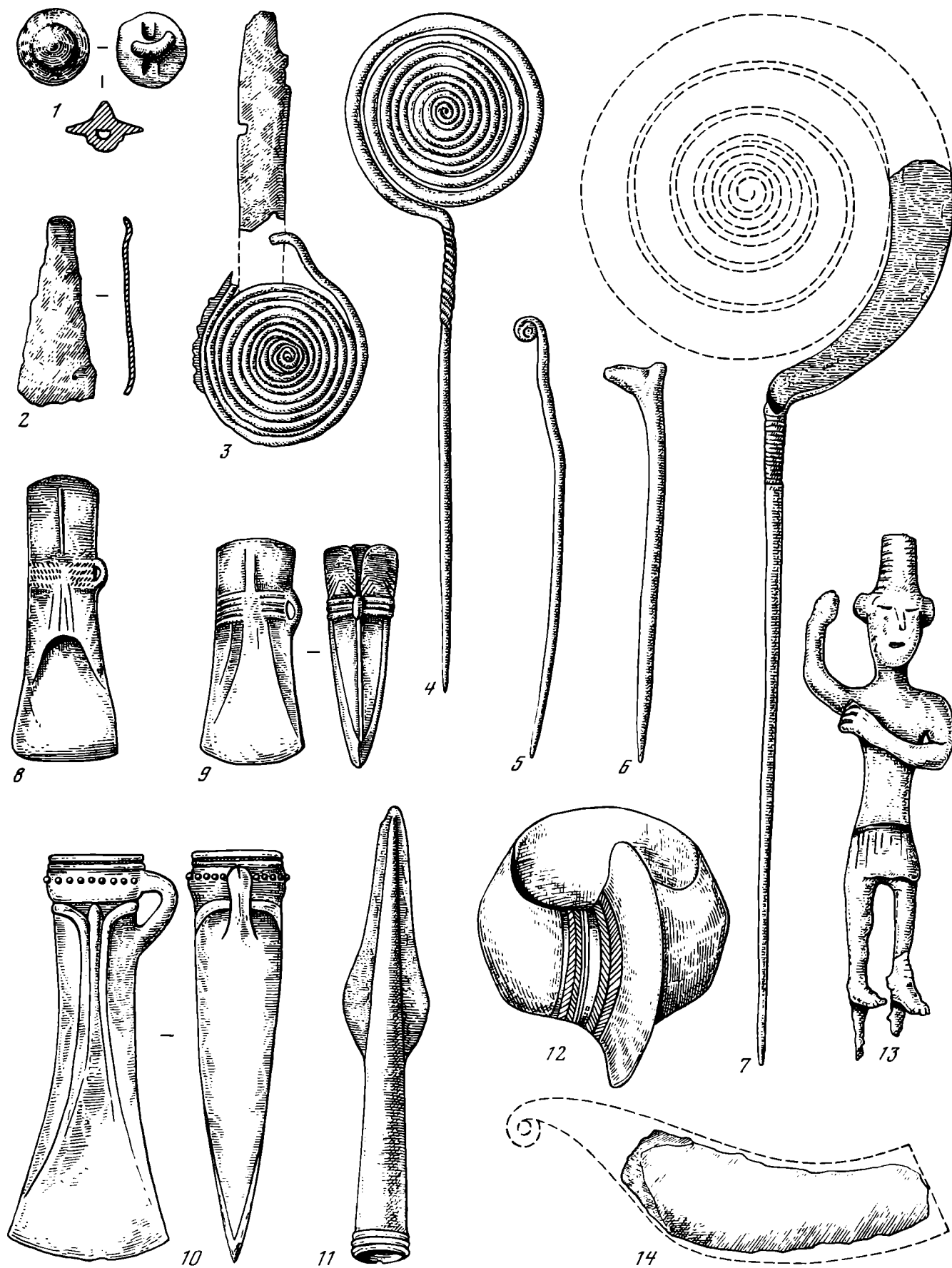

Рис. 58. Бронзовые изделия

1 — пуговица; 2 — обломок пинцета; 3 — плоская спираль; 4—7 — булавки; 8, 9 — кельты меларского типа; 10 — втуль-

чатый топор; 11 — наконечник копья; 12 — браслет; 13 — фигурка; 14 — фрагмент бритвы

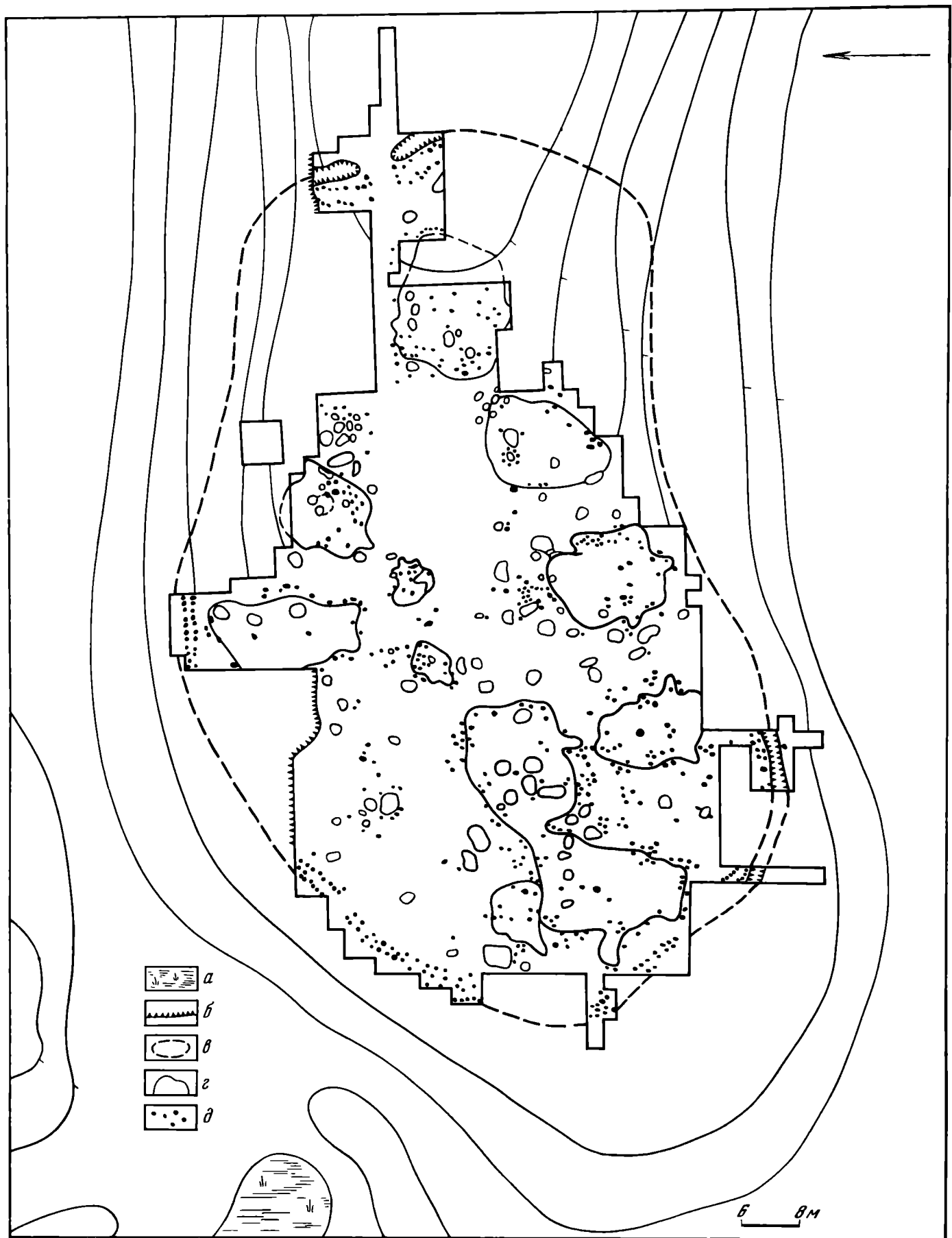

Рис. 59. Шилковский абашевский поселок

a — заболоченные участки; *b* — обнажения; *v* — границы поселка; *z* — контуры жилищ; *d* — столбовые ямы

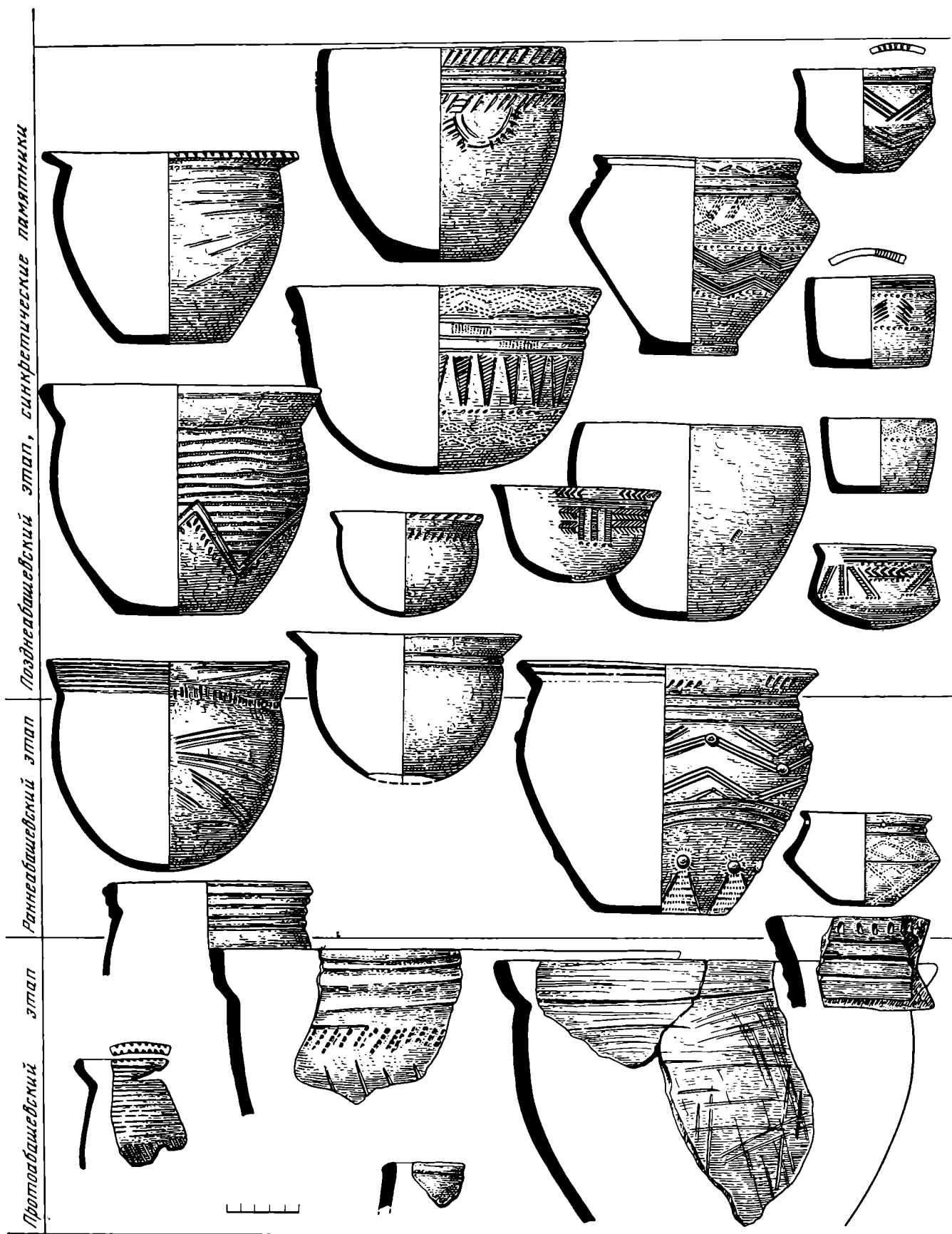

Рис. 60а. Этапы развития абашевской культуры. Керамика

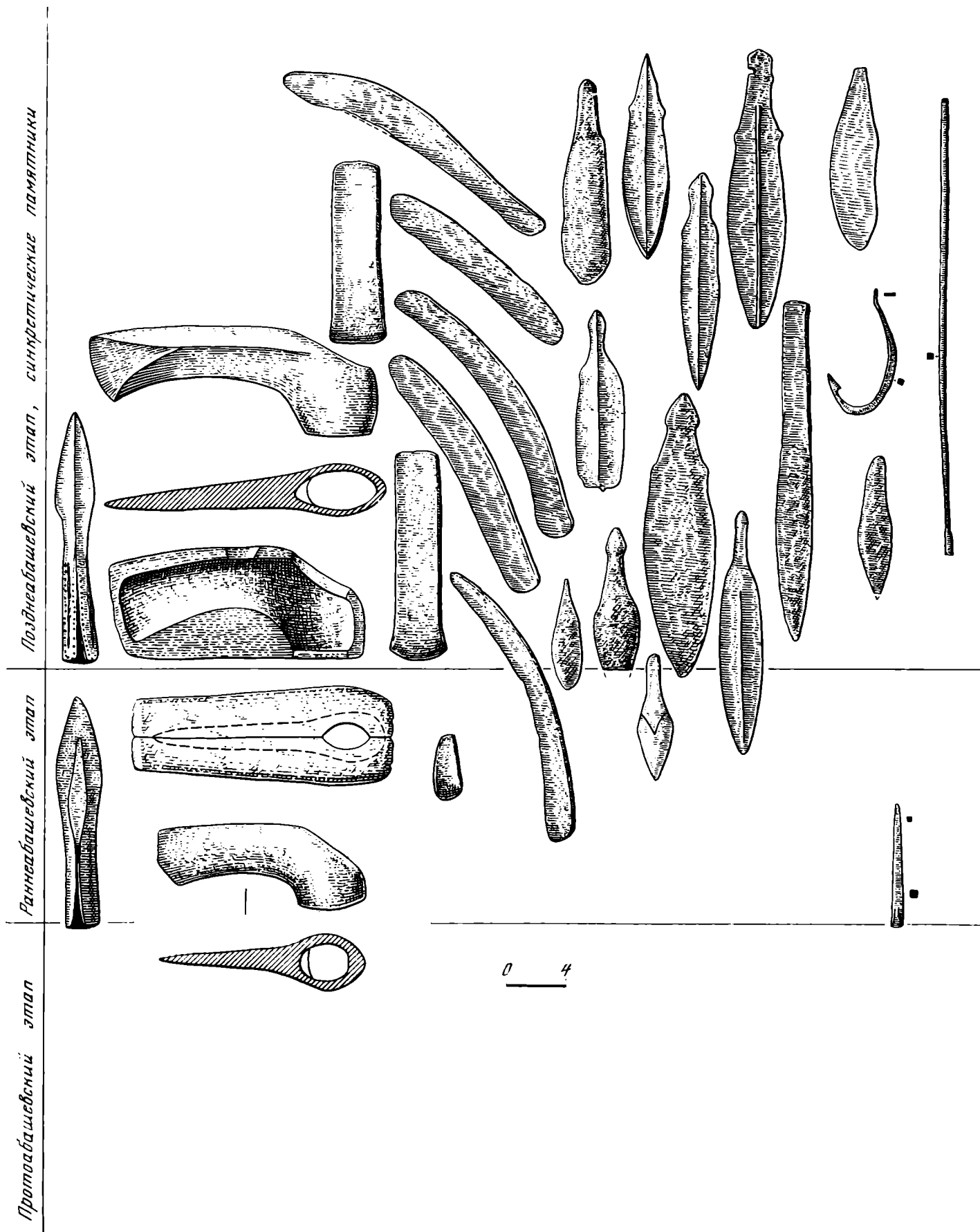

Рис. 606. Этапы развития абашевской культуры. Изделия из металла

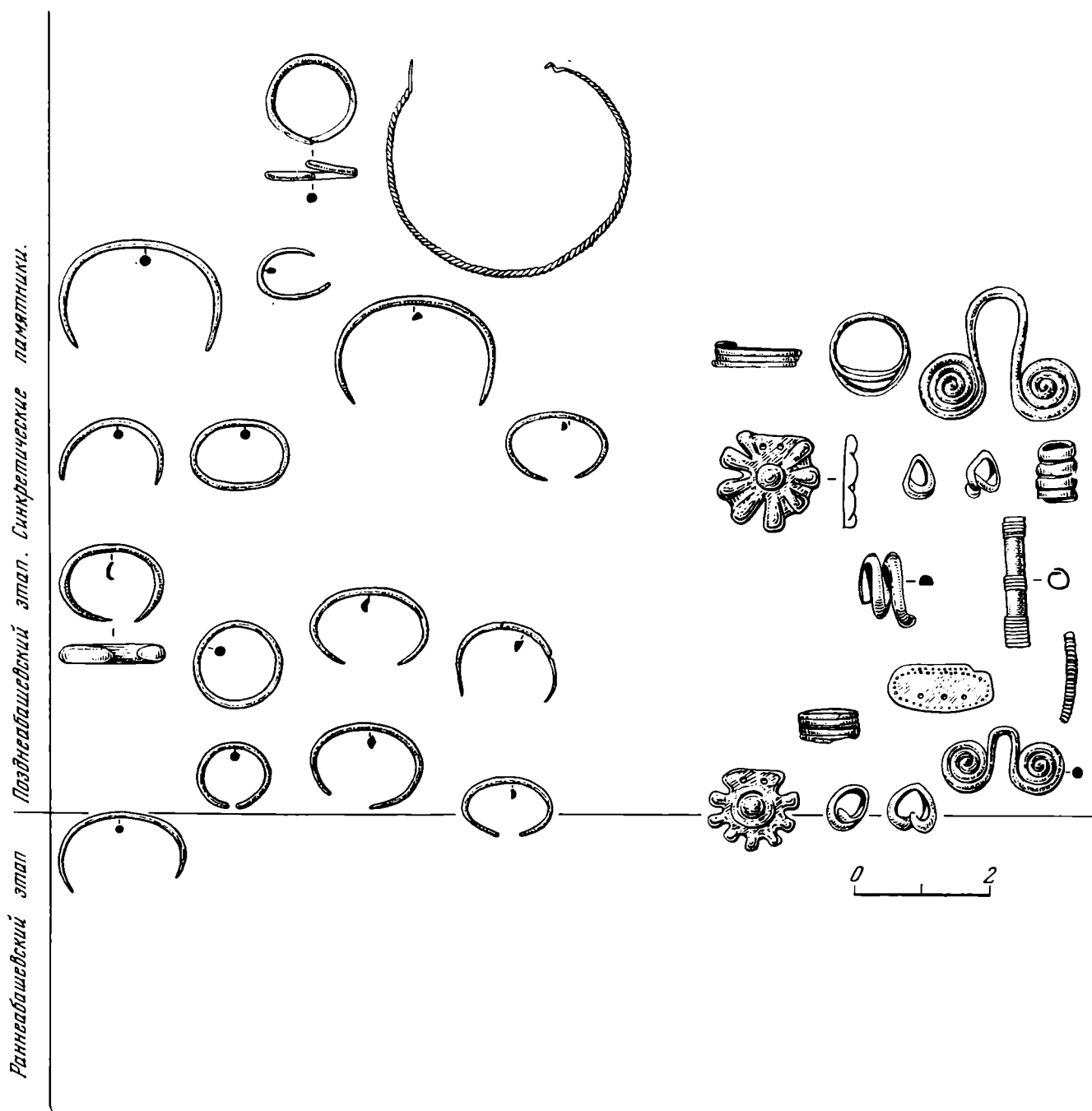

Рис. 60в. Этапы развития абашевской культуры. Украшения

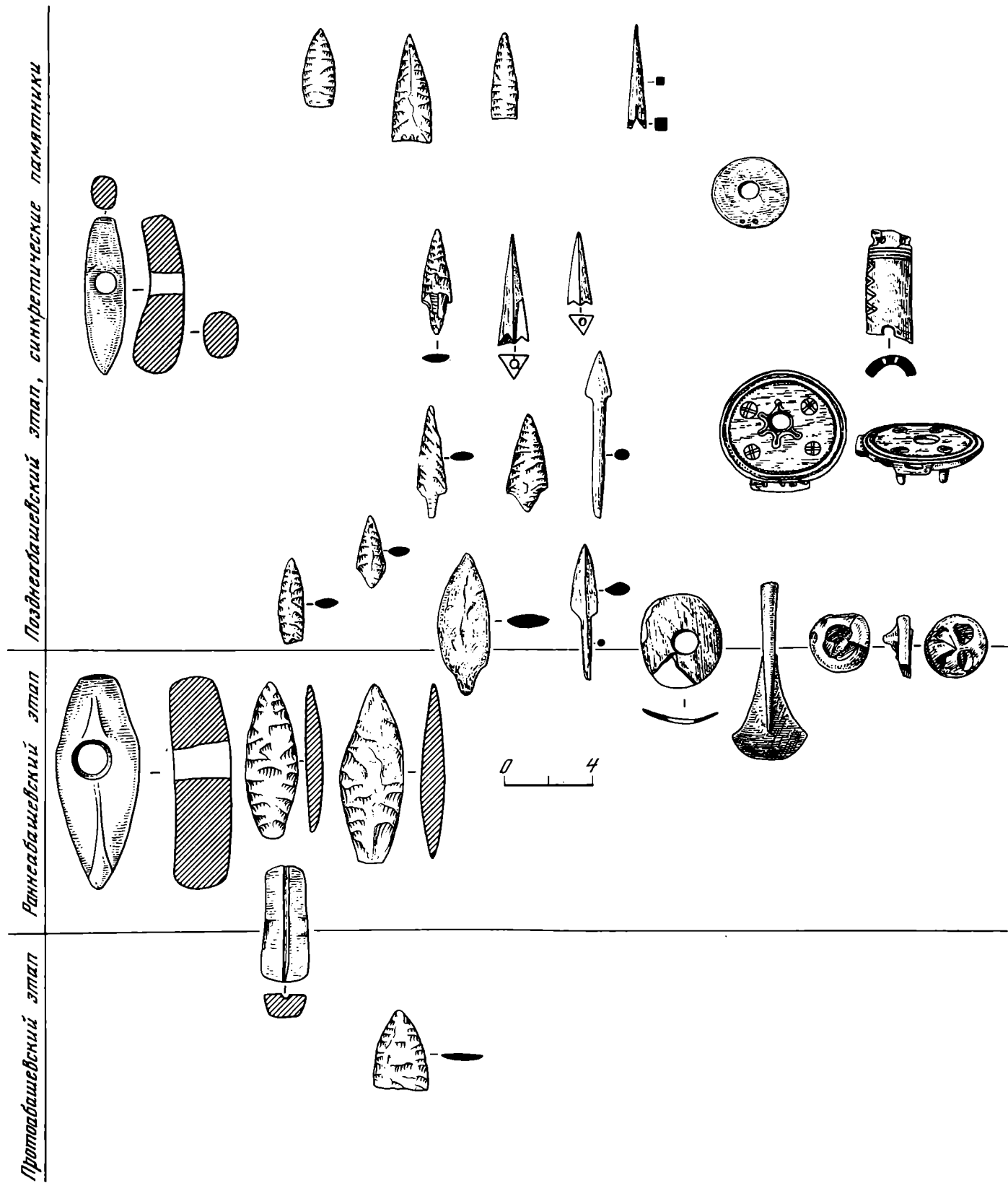

Рис. 60г. Этапы развития абашевской культуры. Изделия из камня и кости

Рис. 61. Доно-волжская абашевская культура

1 — Подклетное, курган 6, погребение 1; 2 — Тюнино, могильник в Дубовой роще, курган 3, погребение; 3, 14, 15 — Подклетное, курган 10, погребение 4; 4, 5 — Хохольский, курган 1, погребение 1; 6, 18 — курган у Введенки, погребение 1; 7 — Тюнино; 8, 11 — курган у Введенки, погребение 2;

9 — Новый Курлак, курган 1; 10 — Латное; 12, 17 — нижняя часть заполнения жертвенного места святилища 2 Шиловского поселения; 13 — курган у Введенки, погребение 5; 16 — Левобережное поселение у плотины

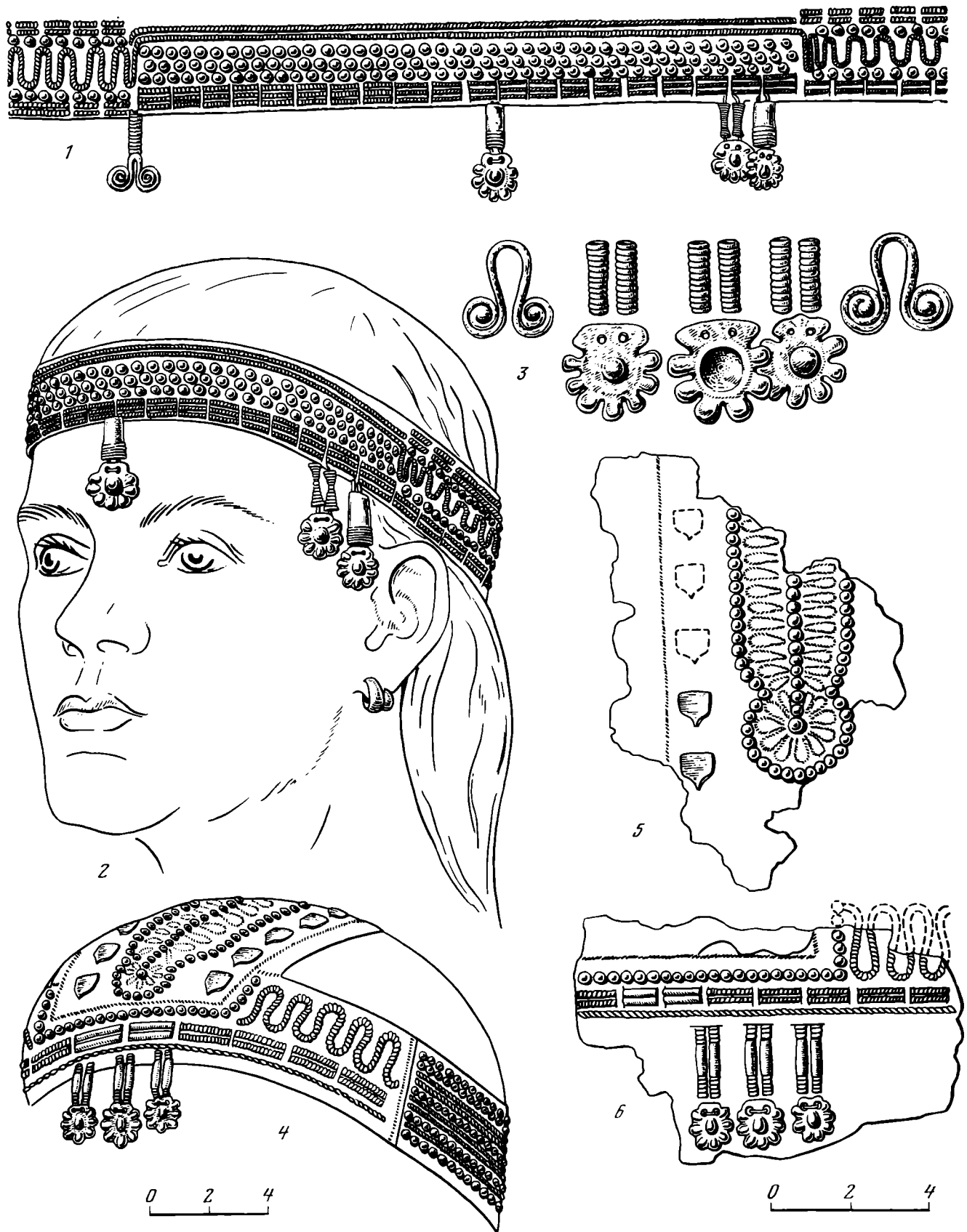

Рис. 62. Реконструкция женского головного убора средневожских абашевцев

1, 2 — II Вилатовский могильник, курган 11, погребение 1;
3 — II Вилатовский могильник, курган 7, погребение 11;

4, 6 — Тапшерский могильник, курган 1, погребение 1; 5 —
Вильяльский могильник, курган 1, погребение 1

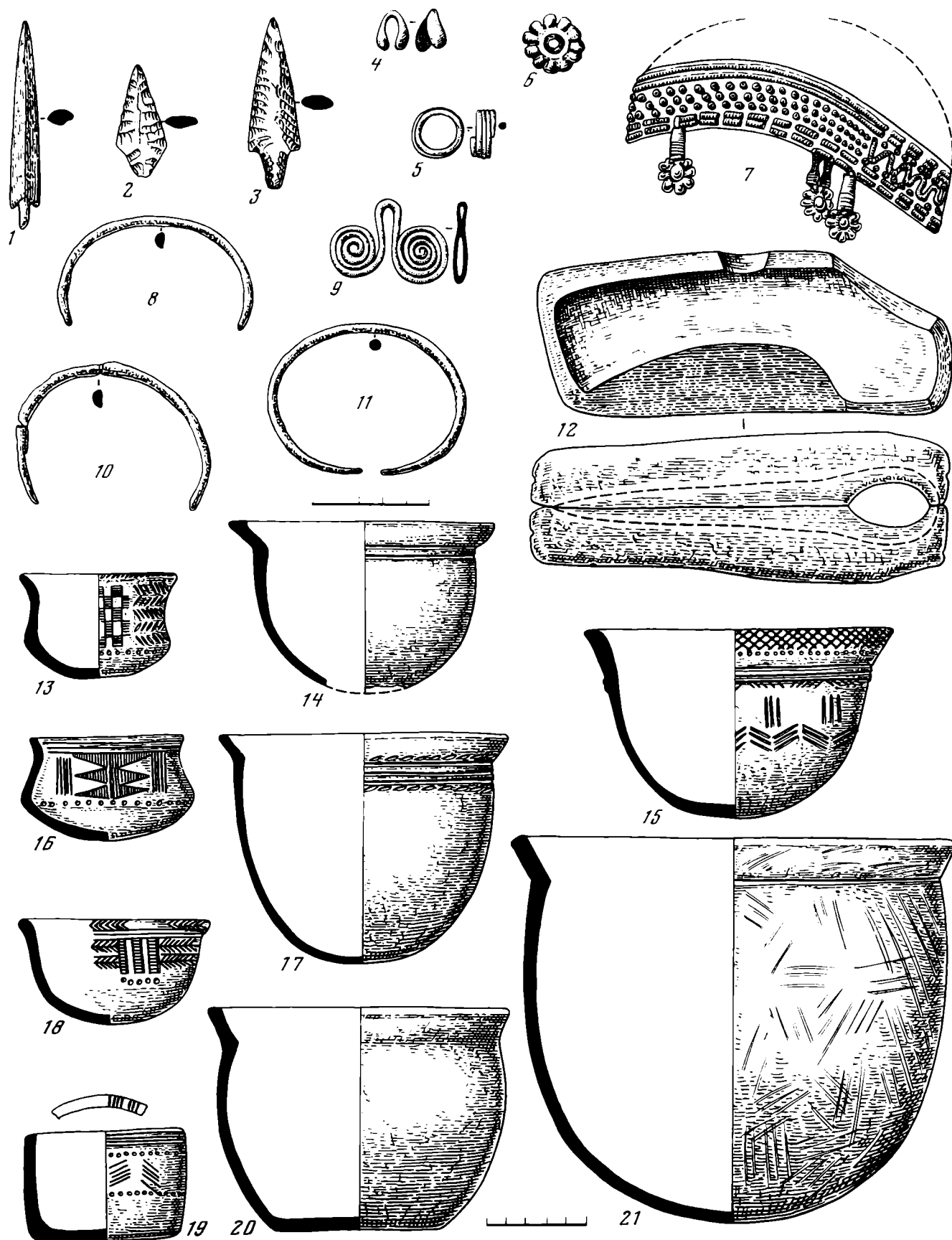

Рис. 63. Средневолжская абашевская культура

1, 3 — Тауш-Касы, курган 4; 2 — Абашевский могильник; 4, 9 — Тауш-Касы, курган 1, погребение 2; 5 — Абашево, курган 9, погребение 15; 6, 11 — Абашево, курган 9, погребение 8; 7 — II Виловатовский могильник, курган 11, погребение 1 (реконструкция А. Х. Халикова); 8 — Абашево, курган 6, погребение 2; 10 — Пепкинский курган, погребение 2;

12, 14, 21 — Пепкинский курган, погребение 1; 13 — Туруново, курган 2, погребение 2; 15 — Кугунур, курган 26, погребение 1; 16 — Абашево, курган 9, погребение 1; 17 — Катергино, курган 2, погребение 1; 18 — Тауш-Касы, курган 4, погребение 3; 19 — Троицкий курган 2, погребение 1; 20 — Алгаши, курган 5, погребение 1

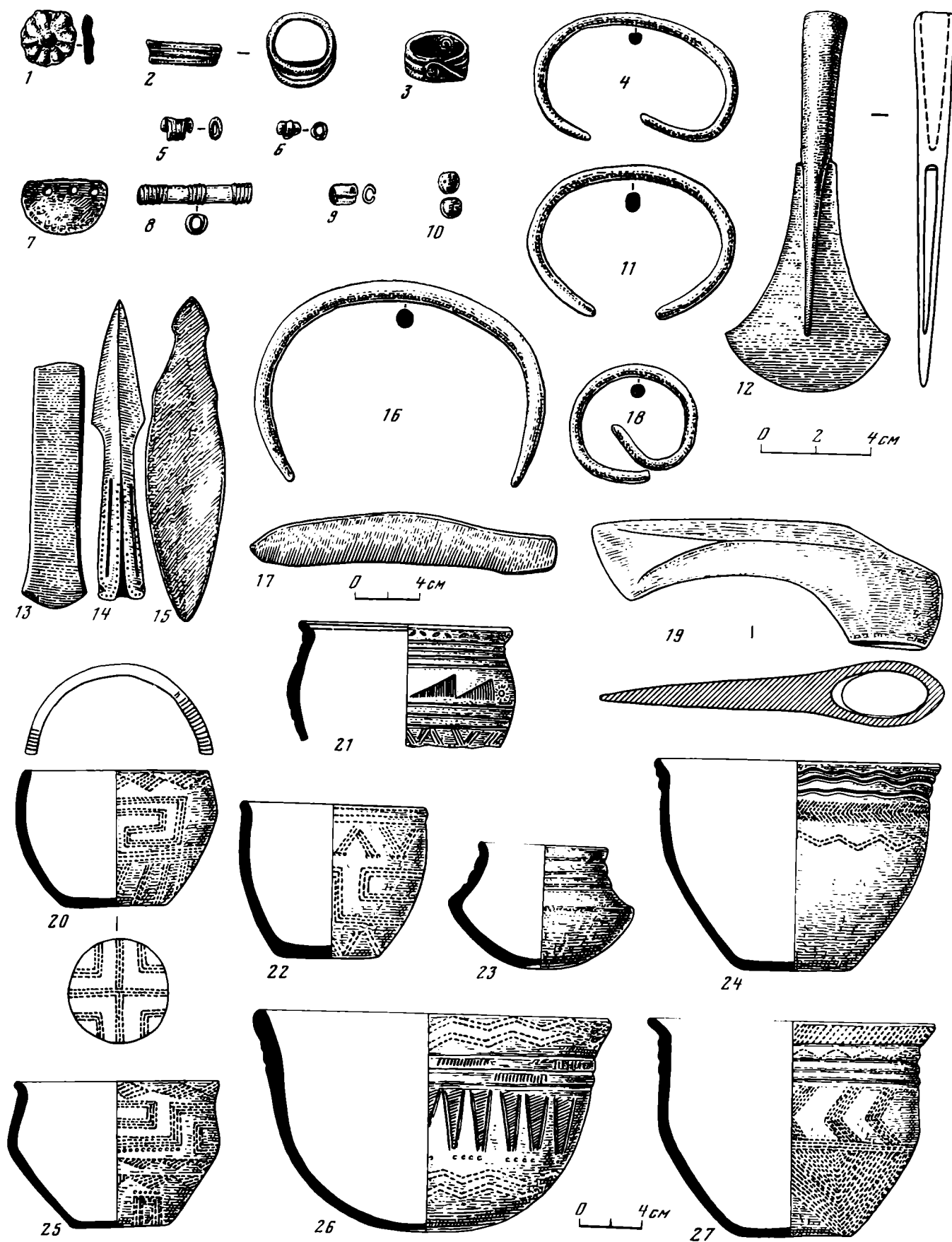
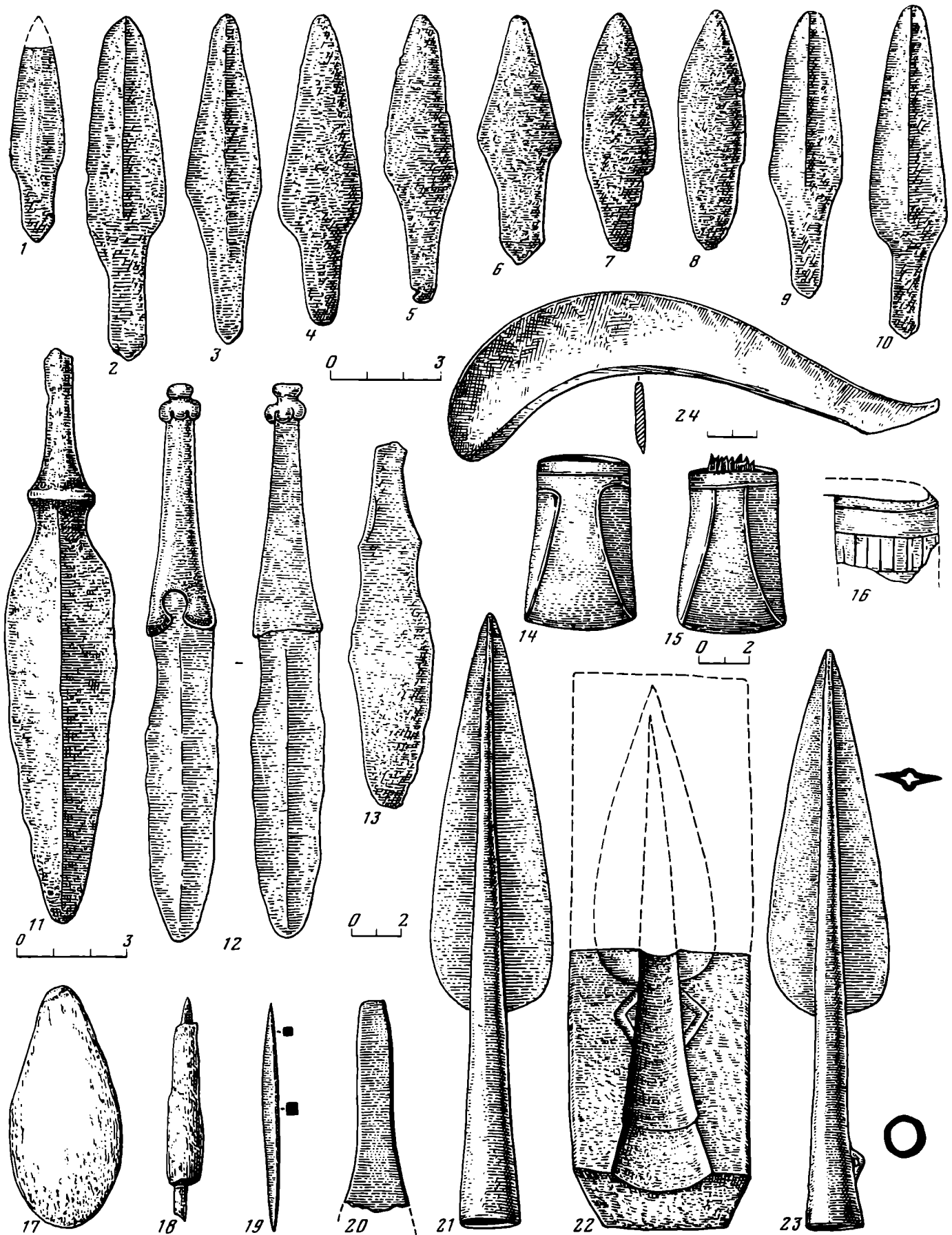

Рис. 64. Уральская абашевская культура

1 — III Красногорский курган 9, насыпь; 2 — Береговка, курган 5, юго-западный сектор; 3, 9, 10 — могильник Метев-Тамас; 4 — Юкалекулево, курган 1, погребение 2; 5—8, 11, 23 — Никифоровский могильник, погребение 2; 12 — IV Тавлыкаевский, курган 3, погребение 2; 13, 19 — Мало-Кизыльское селище; 14, 15 — Верхне-Кизыльский клад; 16 — Береговка, курган 3, насыпь; 17 — поселение Береговское 1; 18 —

III Красногорский курган 9, погребение 3; 20 — Береговка, курган 6; 21 — III Красногорский курган 9, погребение 1; 22, 26 — Береговка, курган 2, погребение 3; 24 — III Красногорский курган 2, погребение 2; 25 — III Красногорский курган 2, погребение 1; 27 — III Красногорский курган 8, погребение 1

15. Бронзовые орудия и оружие из памятников поздняяковской культуры

20 — ножи; 11—13 — кинжалы; 14—16 — кельты; 17 — а; 18, 19 — шилья; 21, 23 — копья; 22 — литейная; 24 — серп. 1 — Дикариха; 2 — Саушкино; 3—7 — Магулово; 8 — Логинов Хутор; 9, 10, 12, 13 — Борисогле-

бовский; 11 — Садовый Бор; 14, 15, 21 — Волосово; 16 — Ибердус III; 17, 18 — Фефелов Бор; 19, 20 — Аюзино; 23 — Засежье; 24 — Ваютино

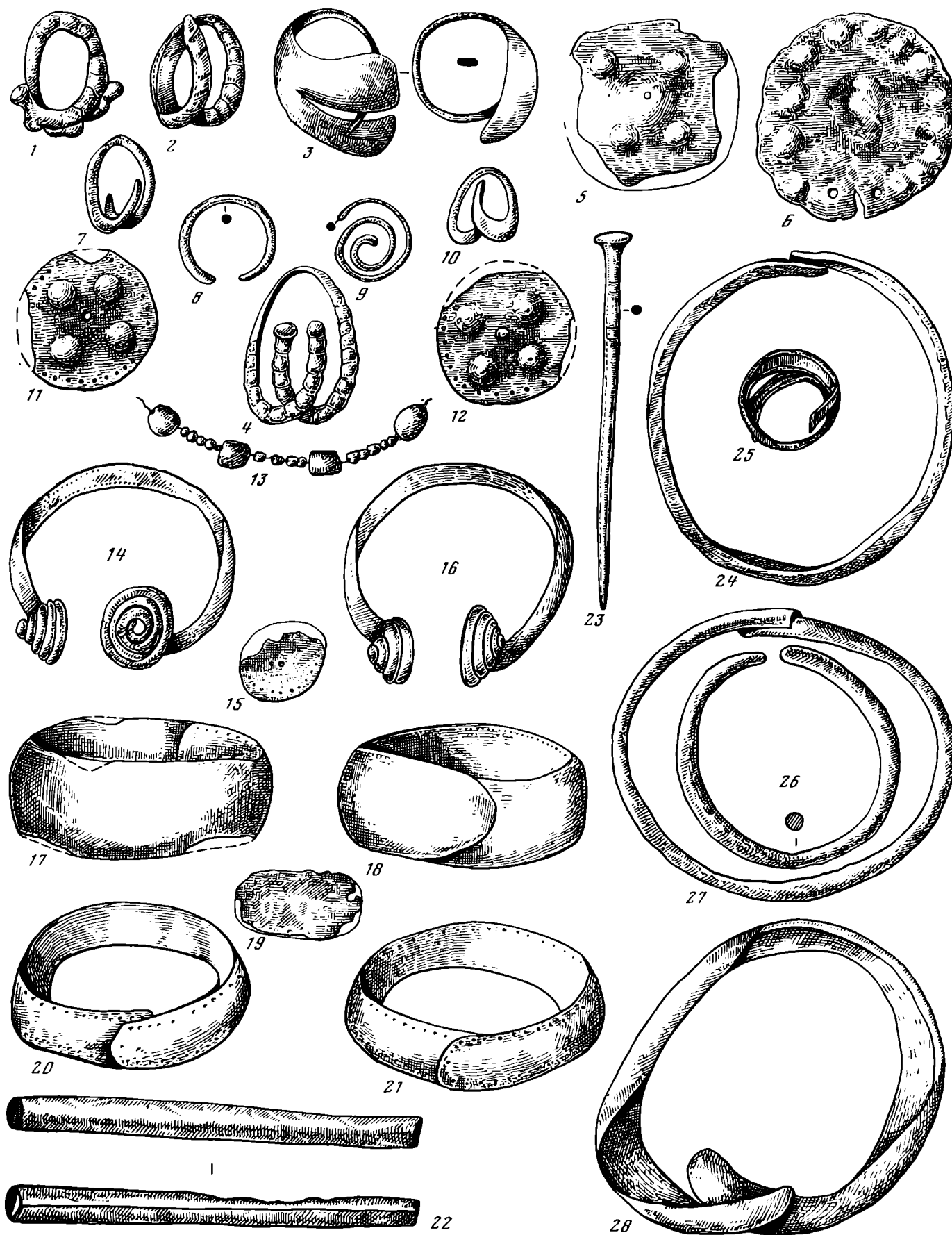

Рис. 66. Украшения из бронзы и золота

1—4, 7—10 — височные кольца; 5, 6, 11, 12, 15, 19 — бляхи;
13 — бусы; 14, 16—18, 20—22, 24, 26—28 — браслеты; 23 — бу-
лавка; 1, 11—16, 20, 21 — Борисоглебское; 2 — Хабаровое; 3,

5 — Дикариха; 4 — Новое Байбатырево; 8, 9 — Волосово; 6,
19 — Саушкино; 7, 24, 25 — Фефелов Бор; 17, 18, 22 — Битюко-
во; 23 — Алеканово; 26—28 — Засечье

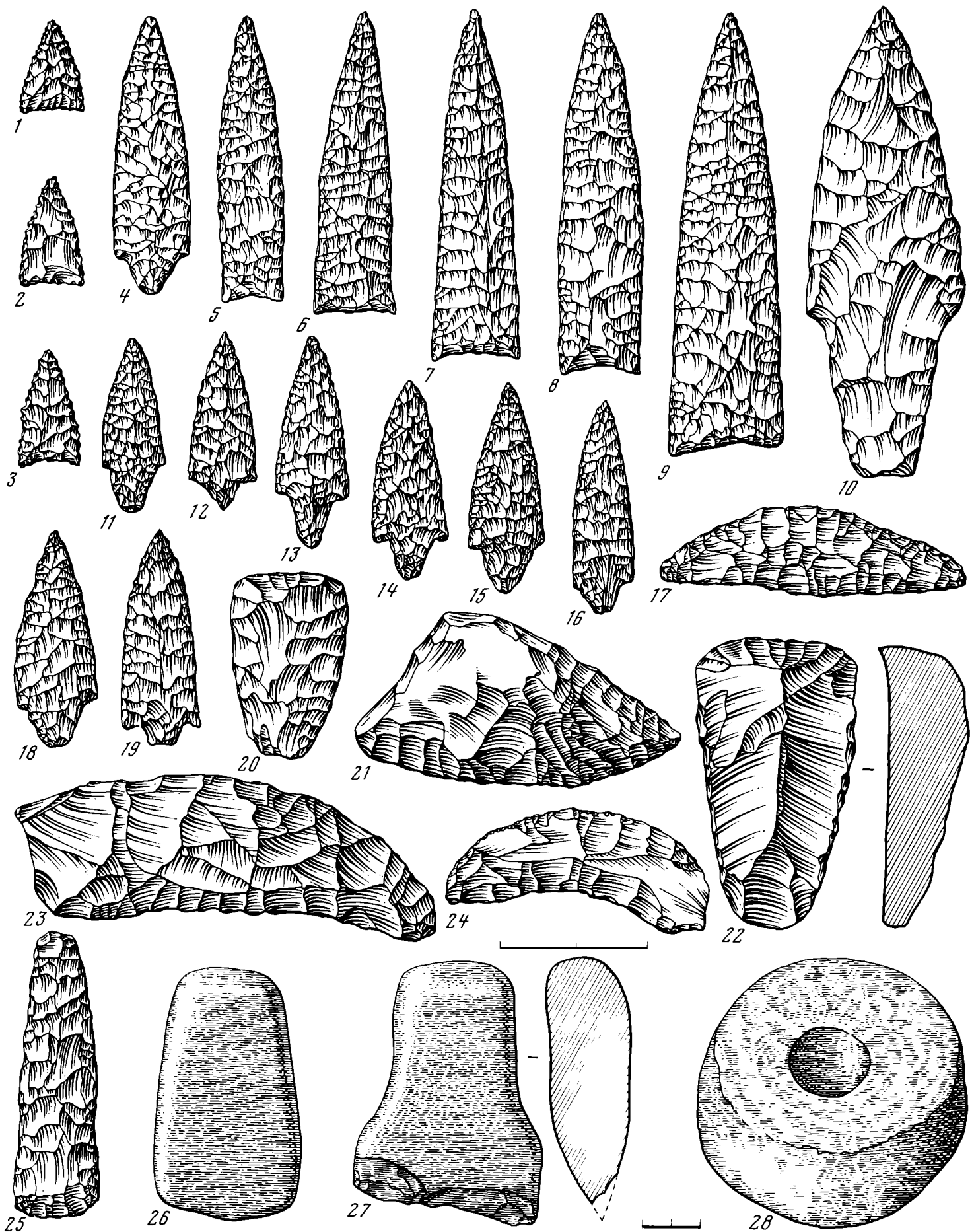

Рис. 67. Кремневые и каменные орудия из памятников поздняковской культуры

1—16, 18, 19 — наконечники стрел и дротиков; 20, 23 — скребки; 21—24 — ножи и серпы; 26, 27 — долота; 28 — навершие булавы. 1—3, 12, 13, 19, 26, 28 — Коренец; 4, 6—8, 11, 16, 18, 20, 25 — Борисоглебовский; 5 — Черная Гора; 9 — Логинов Хутор; 10, 17, 23 — Ибердус III; 14, 15, 19 — Малое Окулово; 22, 27 — Аюзино; 21, 24 — Фефелов Бор

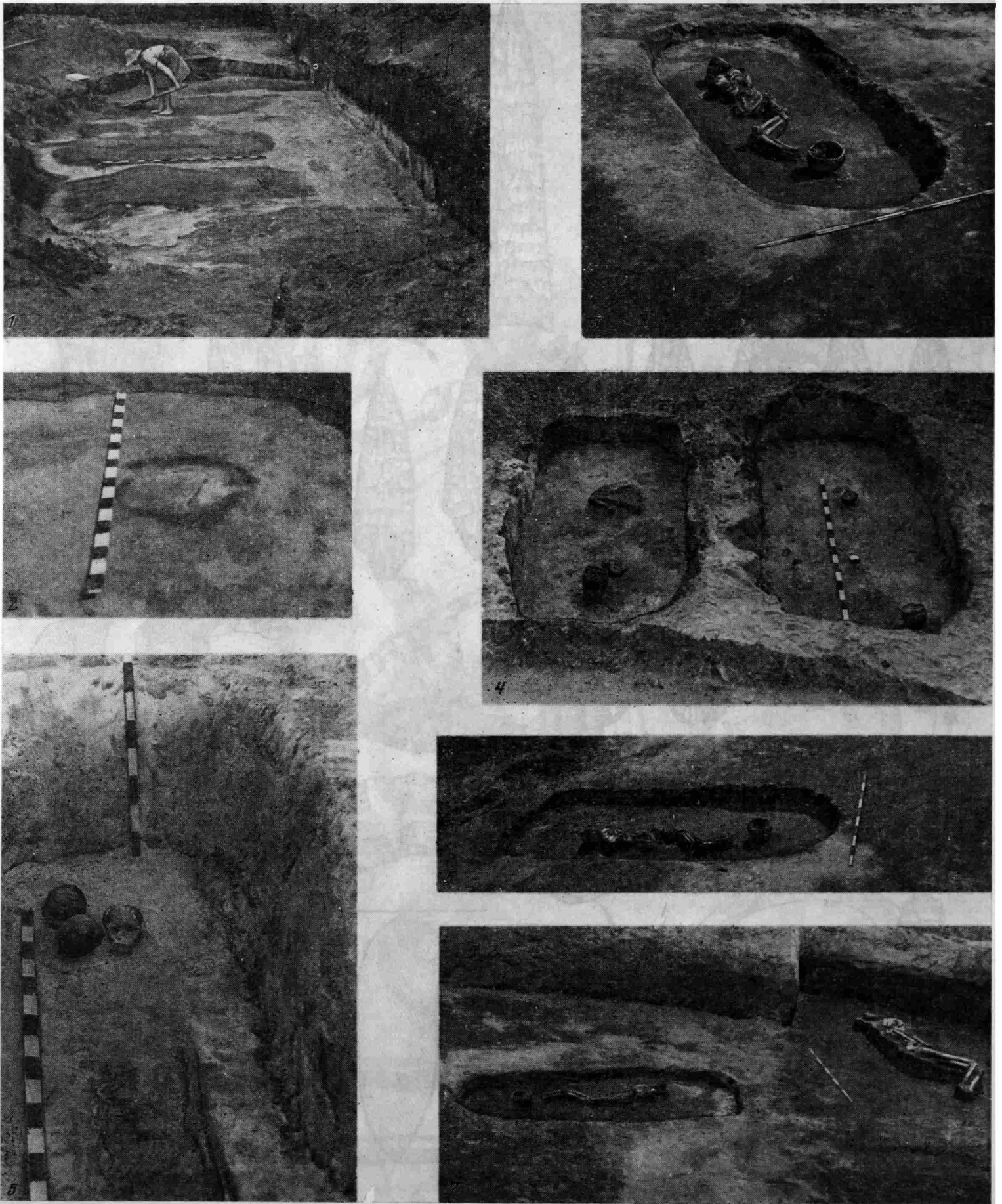

Рис. 68. Типы погребений поздняковской культуры

1—5 — могильник Фефелов Бор; 2 — трупосожжение, погребение 41; 3, 4 — скорченные погребения 28, 11, 12; 5 — вытя-

нутое погребение 47; 6, 7 — могильник Черная Гора, погребения 45, 46, 48

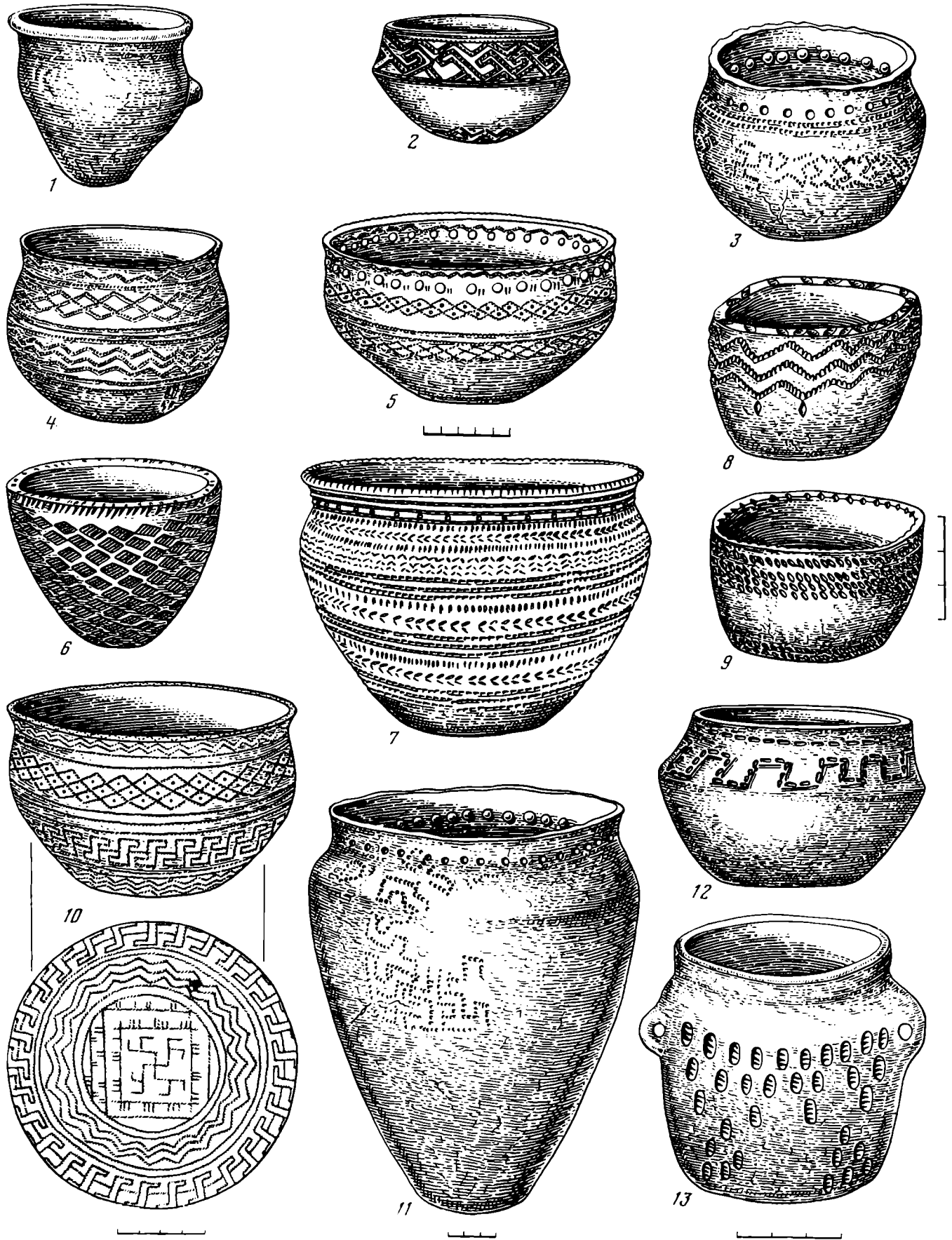

Рис. 69. Керамика из поздняковских могильников и поселений
 1, 3—7, 10, 11, 13 — Фефелов Бор; 2, 12 — Коренец; 8, 9 — Ло-
 гинов Хутор

Рис. 70. Орнаментированные сосуды, фрагменты керамики, пряслица и изделия из глины

1, 2 — Добрыни остров; 3 — Логинов Хутор; 4, 7, 9, 11—14 — Подборновское; 5, 6, 8 — Саушкино; 10 — Малый Бор

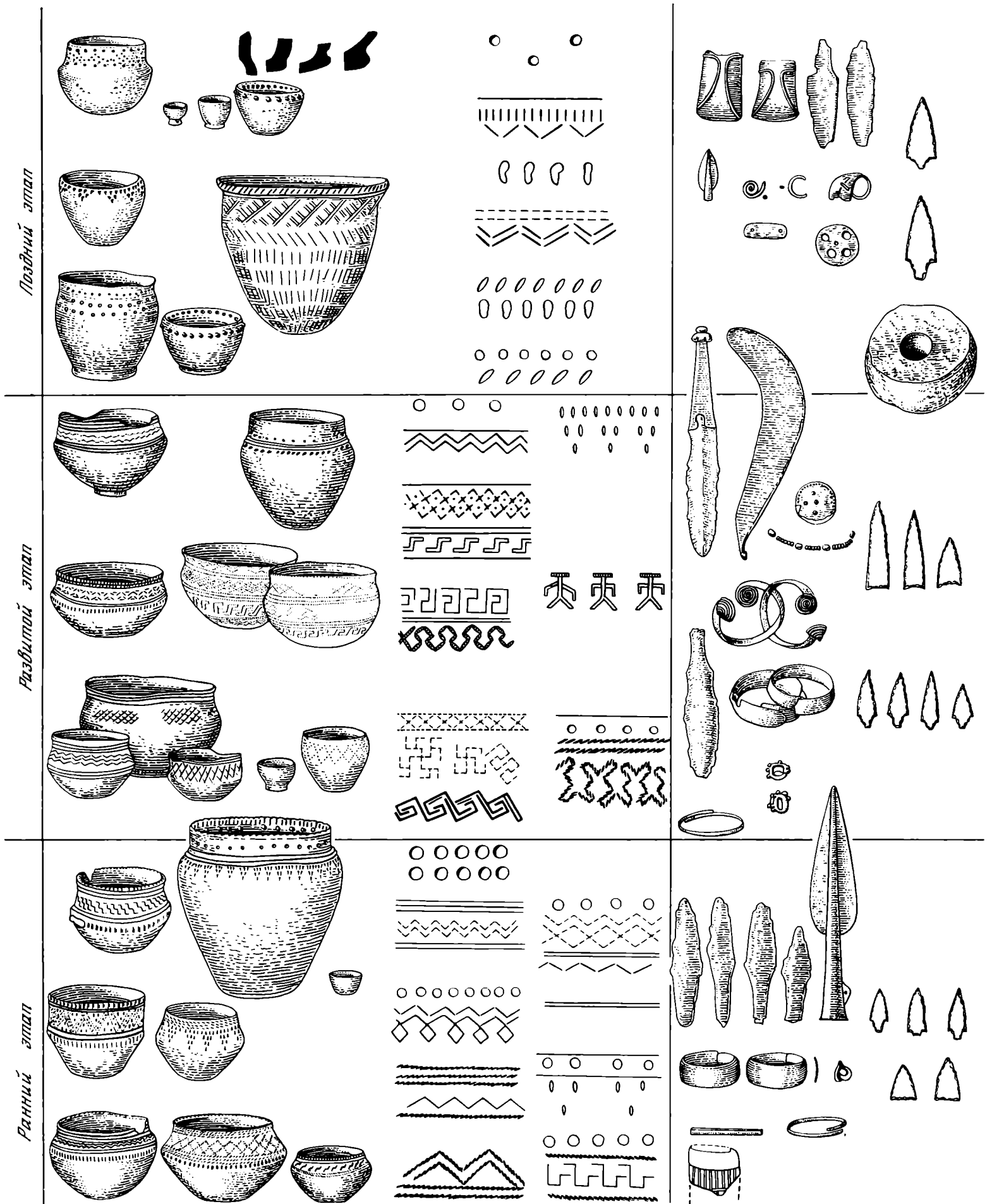

Рис. 71. Хронологическая таблица поздняковской культуры

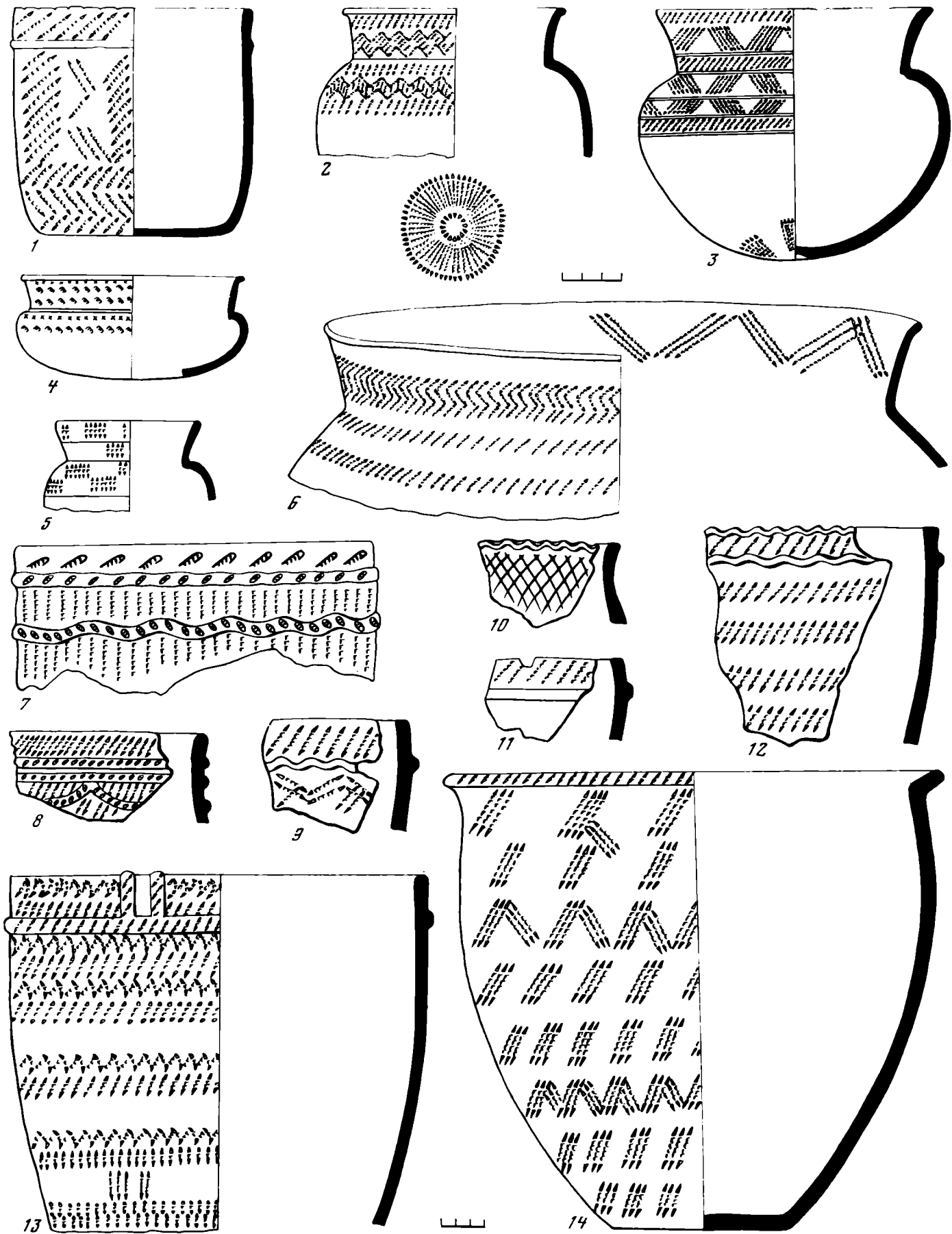

Рис. 72. Керамика раннего этапа чирковской культуры

1—6, 8, 10, 13, 14 — поселение Галанкина Гора; 7 — керамика крогатовской культуры; 9, 11 — Лобань I; 12 — Камский Бор II

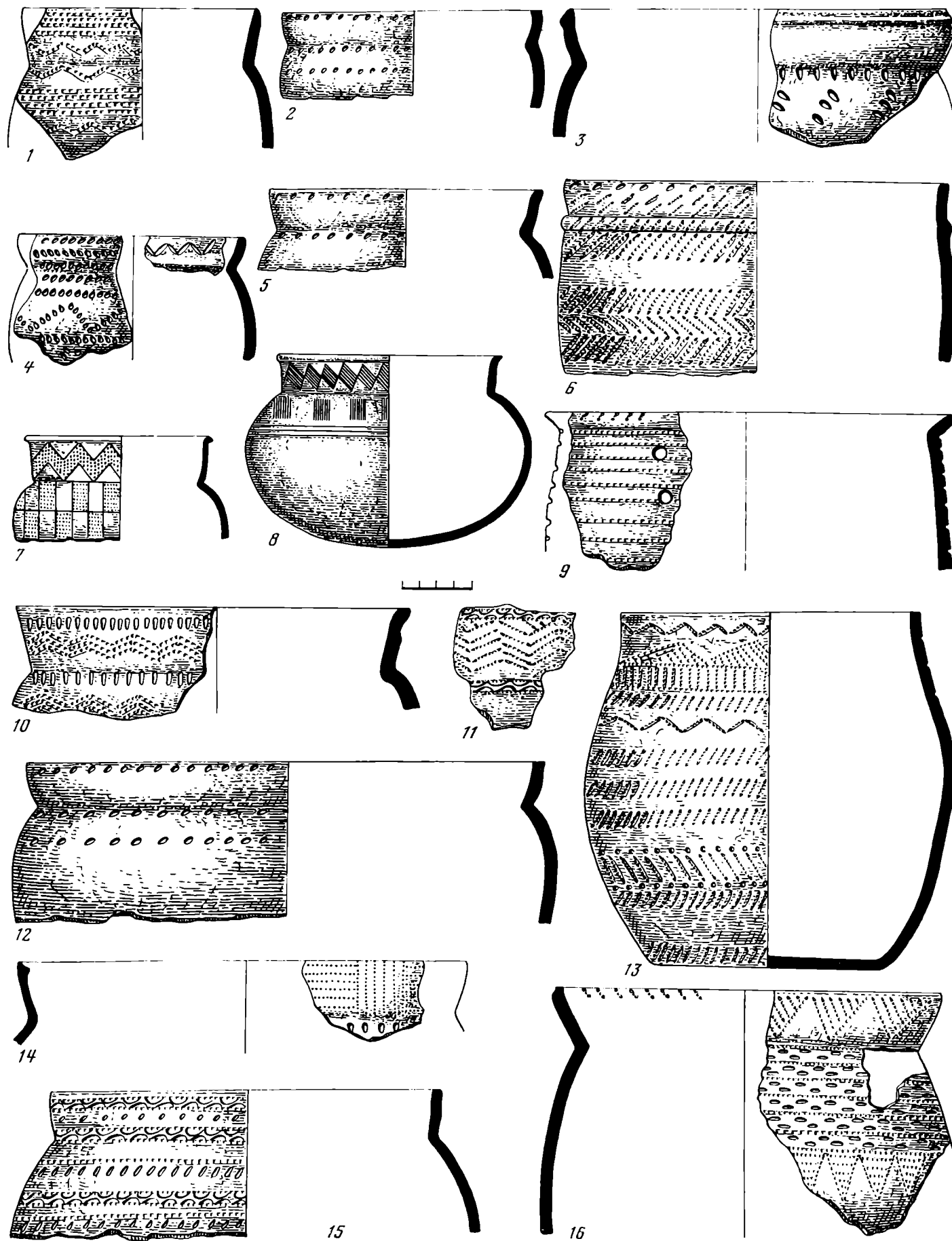

Рис. 73. Керамика кубашевско-сейминского этапа

1, 3, 4, 9, 10, 14, 16 — Сейминский могильник; 2, 5—8, 11—13, 15 — Кубашевское поселение

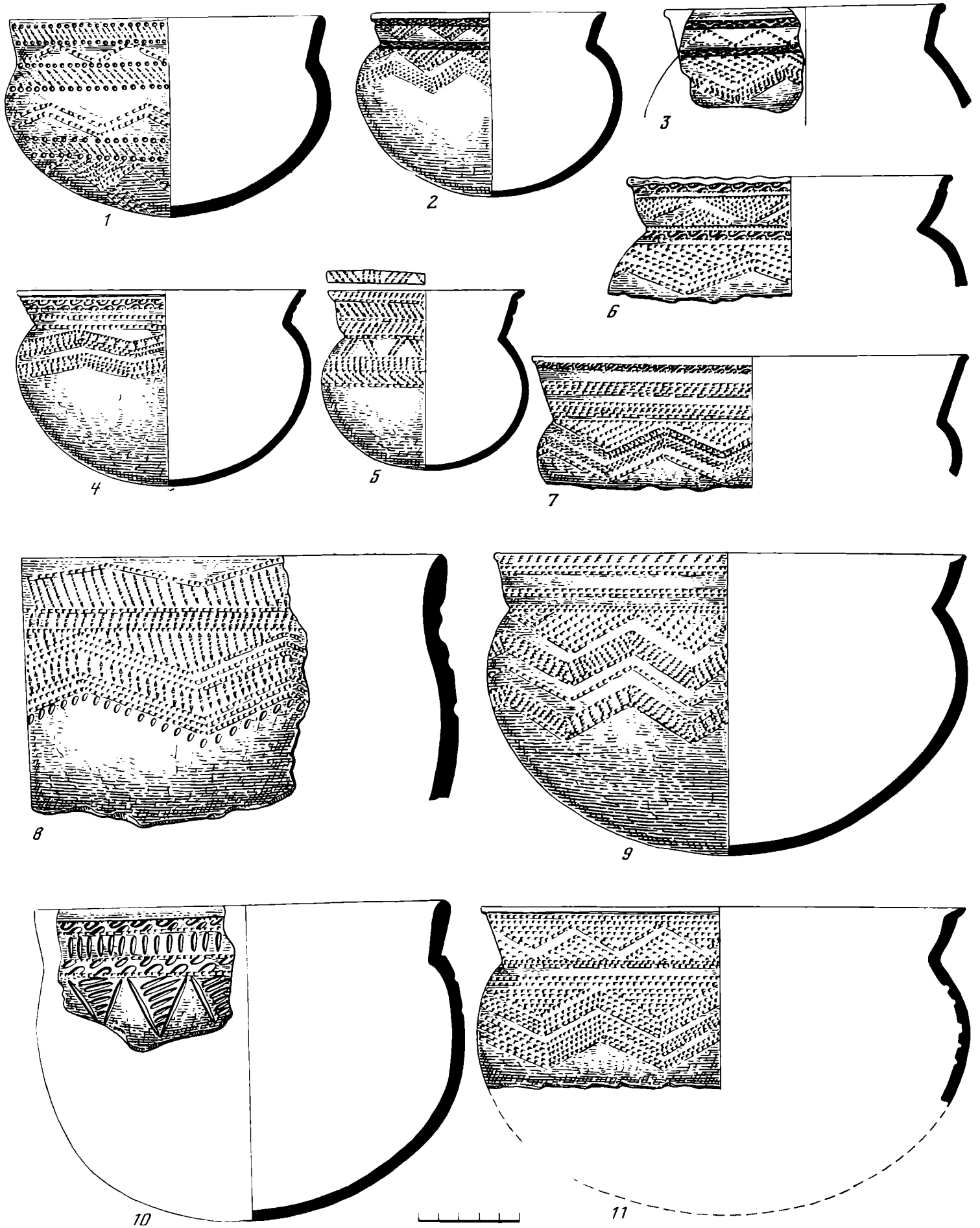

Рис. 74. Керамика чирковского этапа

1 — Васильсурское поселение; 2, 4—11 — Чирковское поселение; 3 — Сумская стоянка

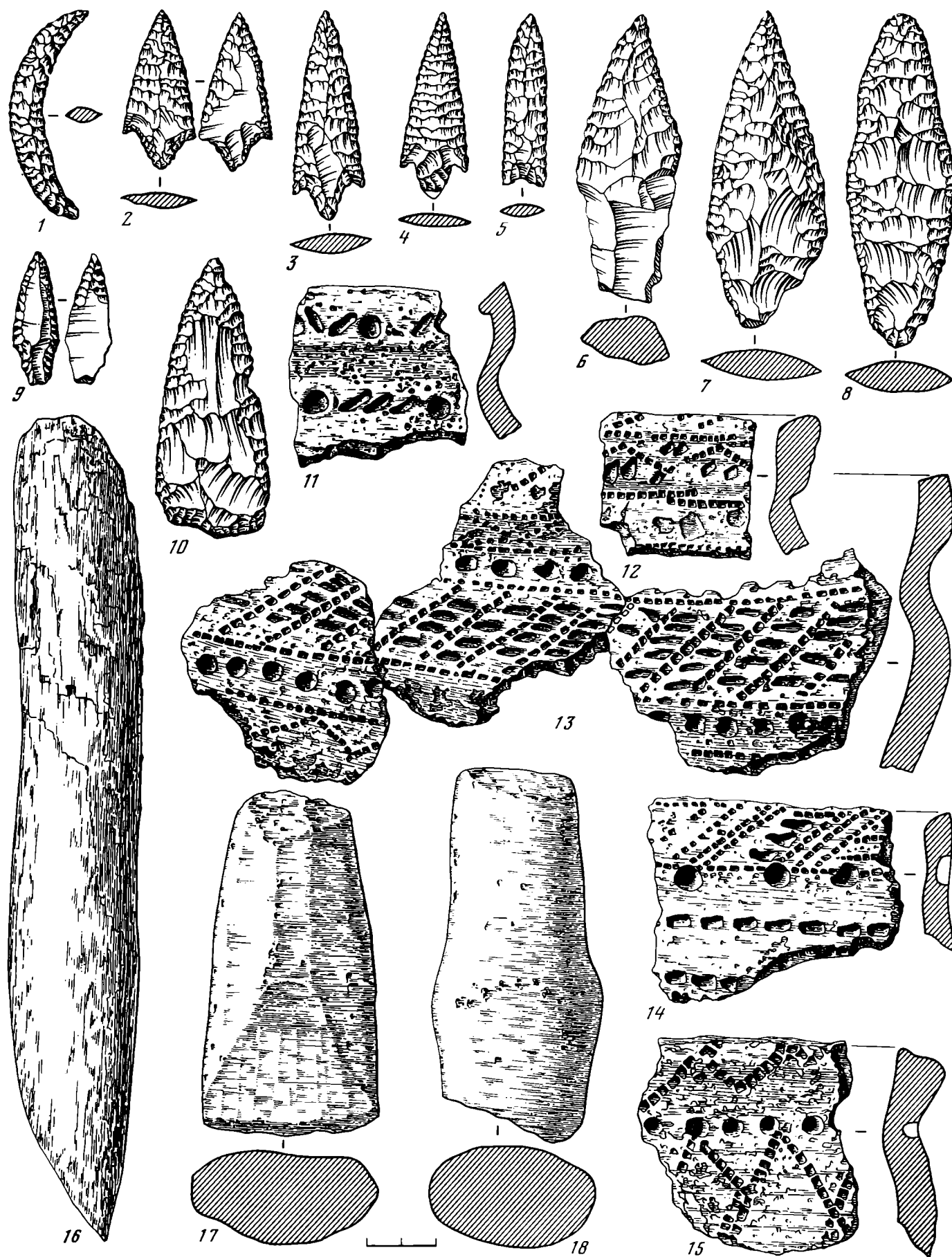

Рис. 75. Керамика и каменные орудия ранней бронзы Восточного Прионежья. Стоянка Тихманга

1 — лунница; 2—5, 9 — наконечники стрел; 6—8, 10 — наконечники дротиков; 11—15 — керамика; 16 — костяной кинжал; 17, 18 — топоры

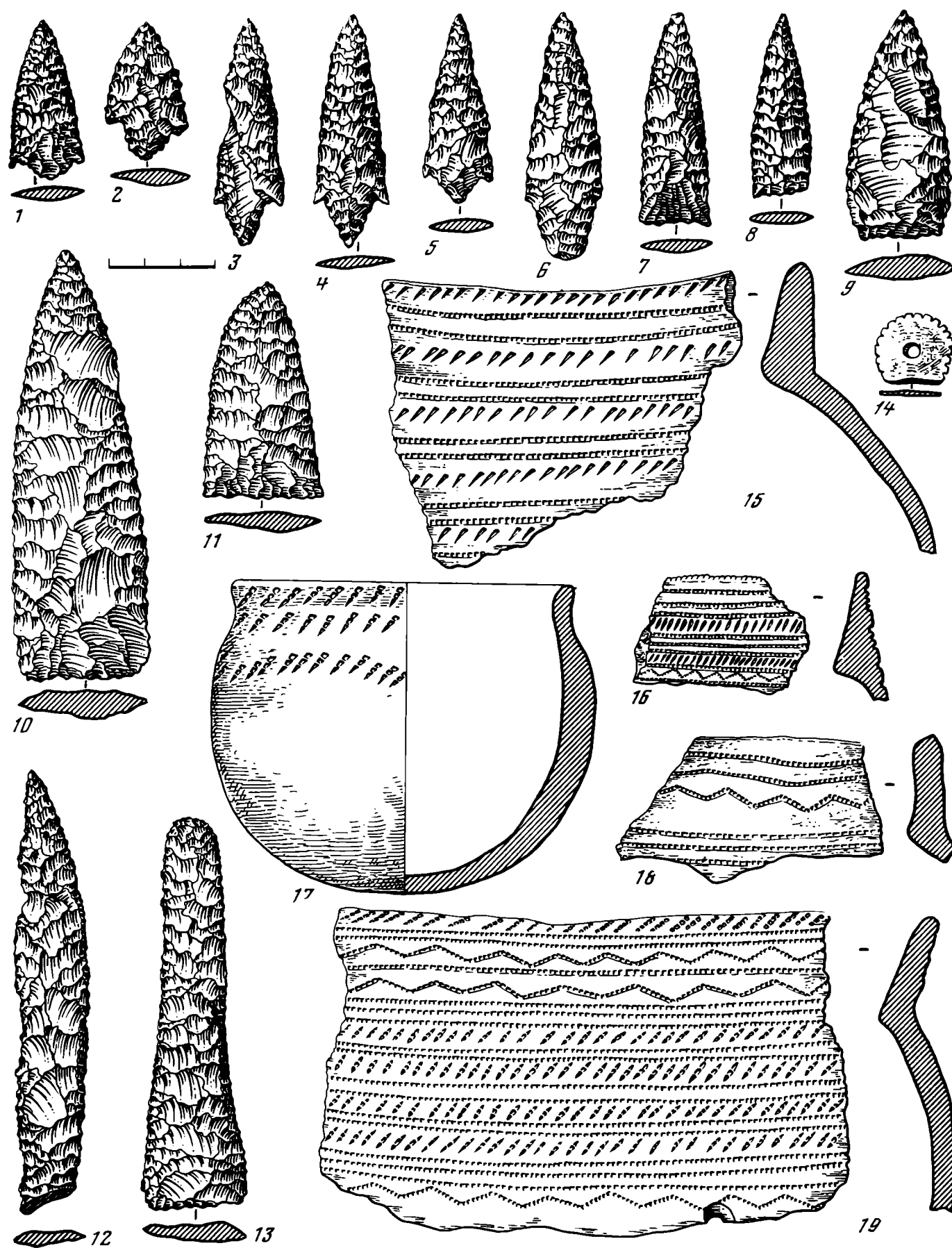

Рис. 76. Керамика и кремневые орудия эпохи ранней бронзы бассейна р. Сухоны. Стоянка Вёкса I

1—8 — наконечники стрел; 9 — наконечник дротика; 10 — наконечник копья; 11—13 — ножи; 14 — штамп для орнамента-ции керамики; 15—19 — керамика

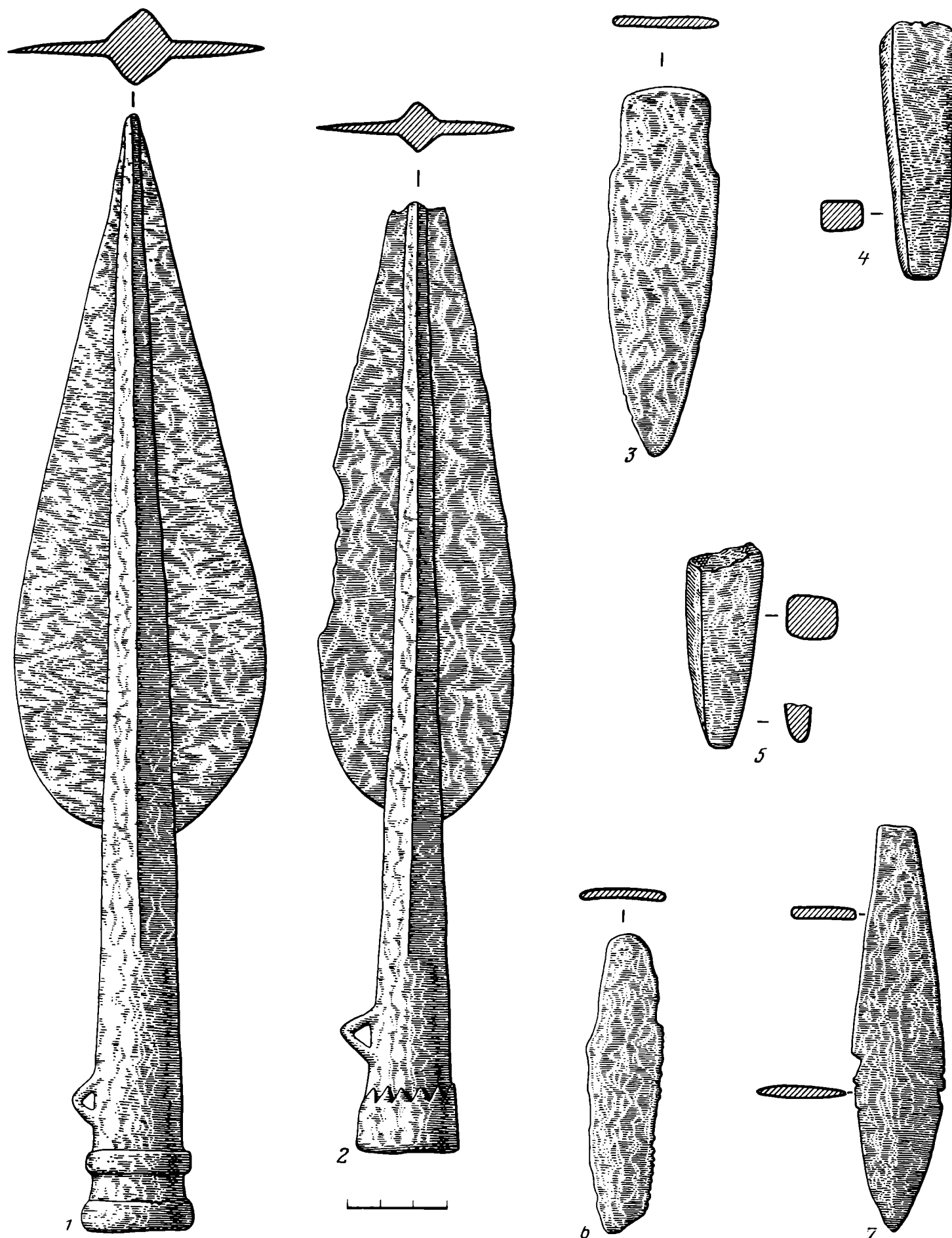

Рис. 77. Бронзовые орудия из Восточного Прионежья, случайные находки

1, 2 — наконечники копий (Белое озеро, местность Каргулино); 3, 6 — нож простой и нож-пилка (с. Никольское); 4, 5, 7 — долота и нож (д. Морозово, Архангельская обл.)

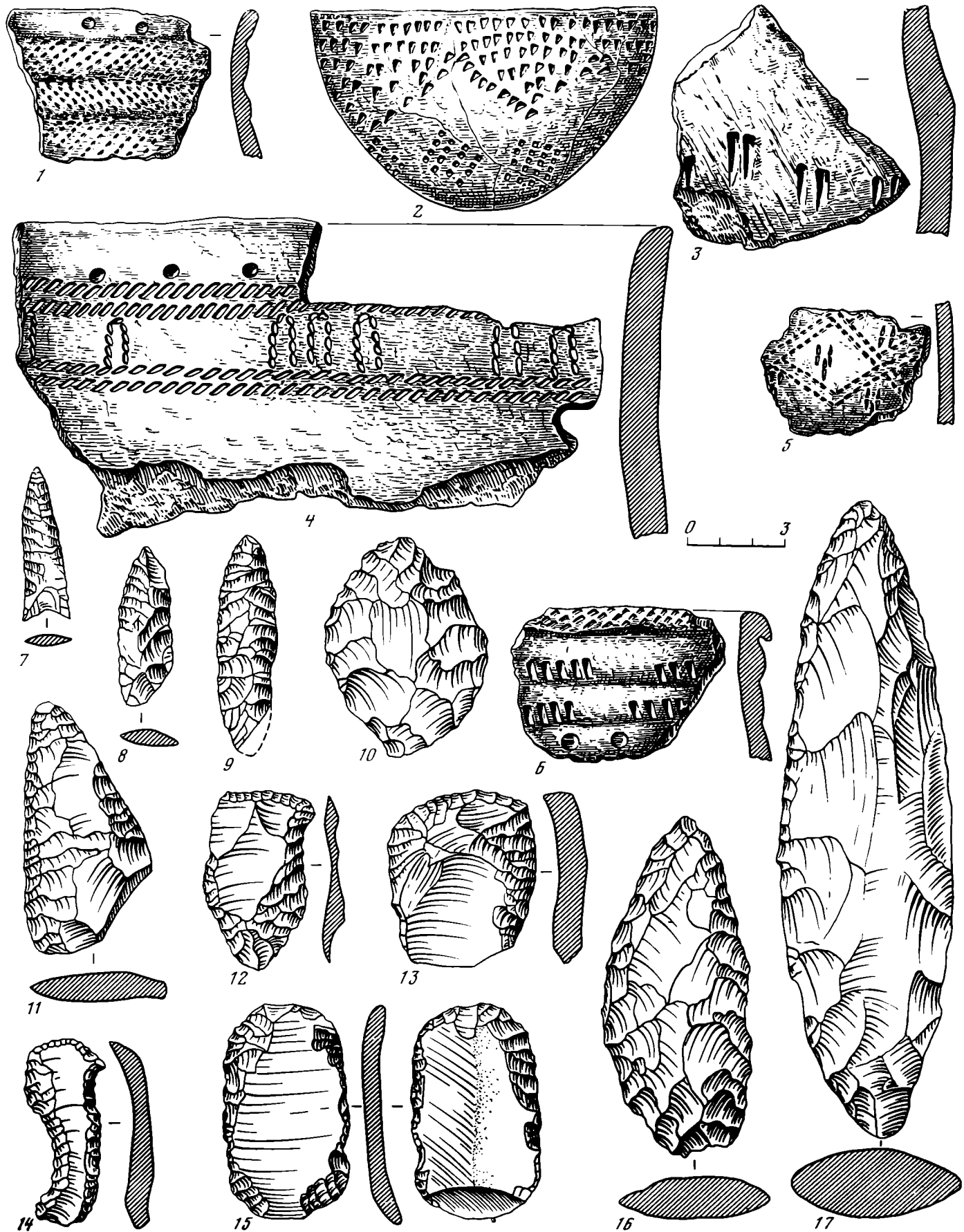

Рис. 78. Керамика и кремневые орудия эпохи поздней бронзы бассейна р. Сухоны. Стоянка Осиновская 1,2

1—6 — керамика; 7—9 — наконечники стрел; 10 — наконечник дротика; 11, 15 — пожи; 12, 13 — скребки; 14 — скобель; 16, 17 — наконечники копий

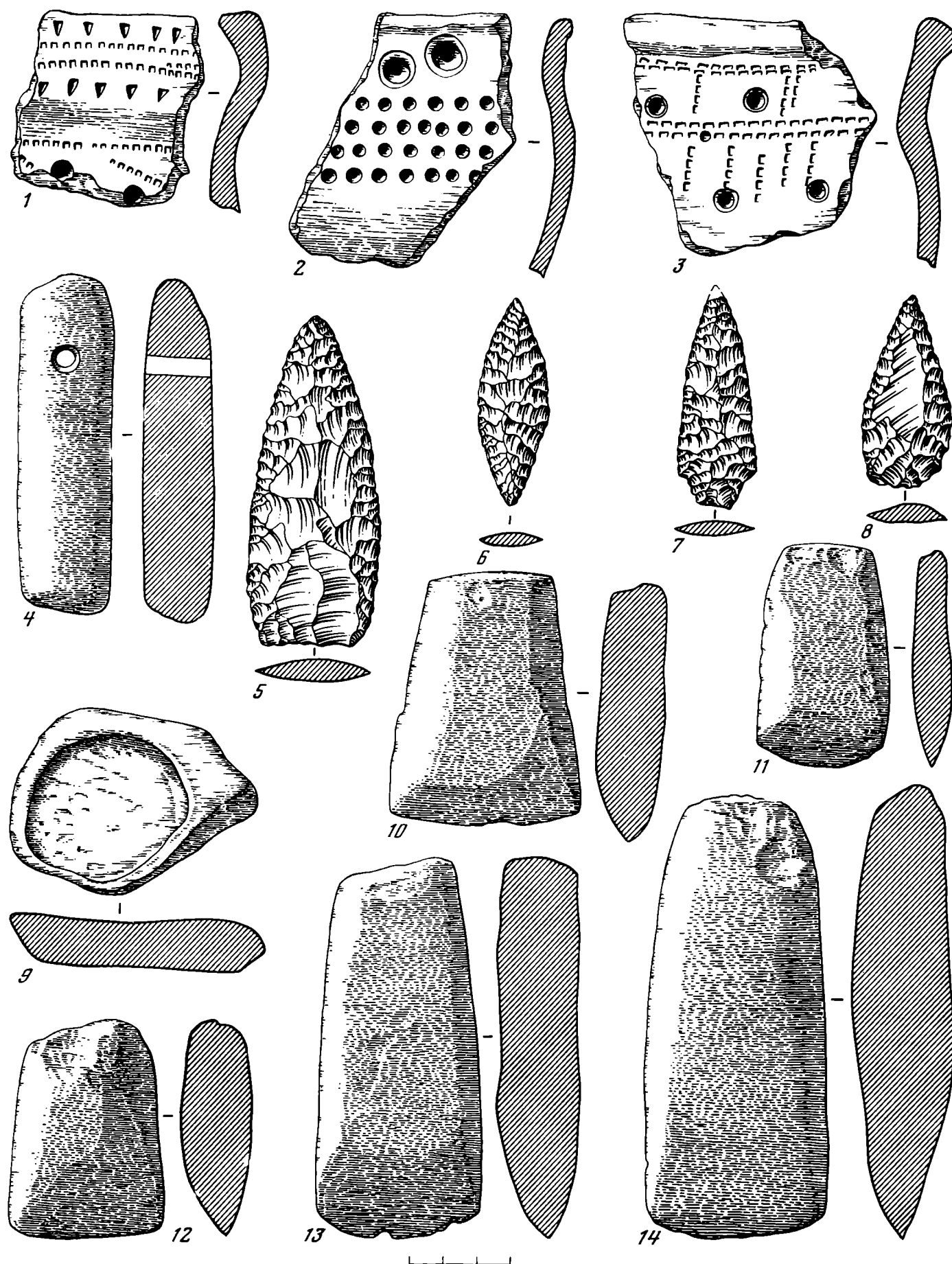

Рис. 79. Позднекаргопольская культура Восточного Прионежья. Стоянка Белозерская

1—3 — керамика; 4 — сланцевое грузило; 5 — кремневый наконечник копья; 6—8 — кремневые наконечники стрел; 9 — сланцевая льячка; 10—14 — топоры и тесла из сланца

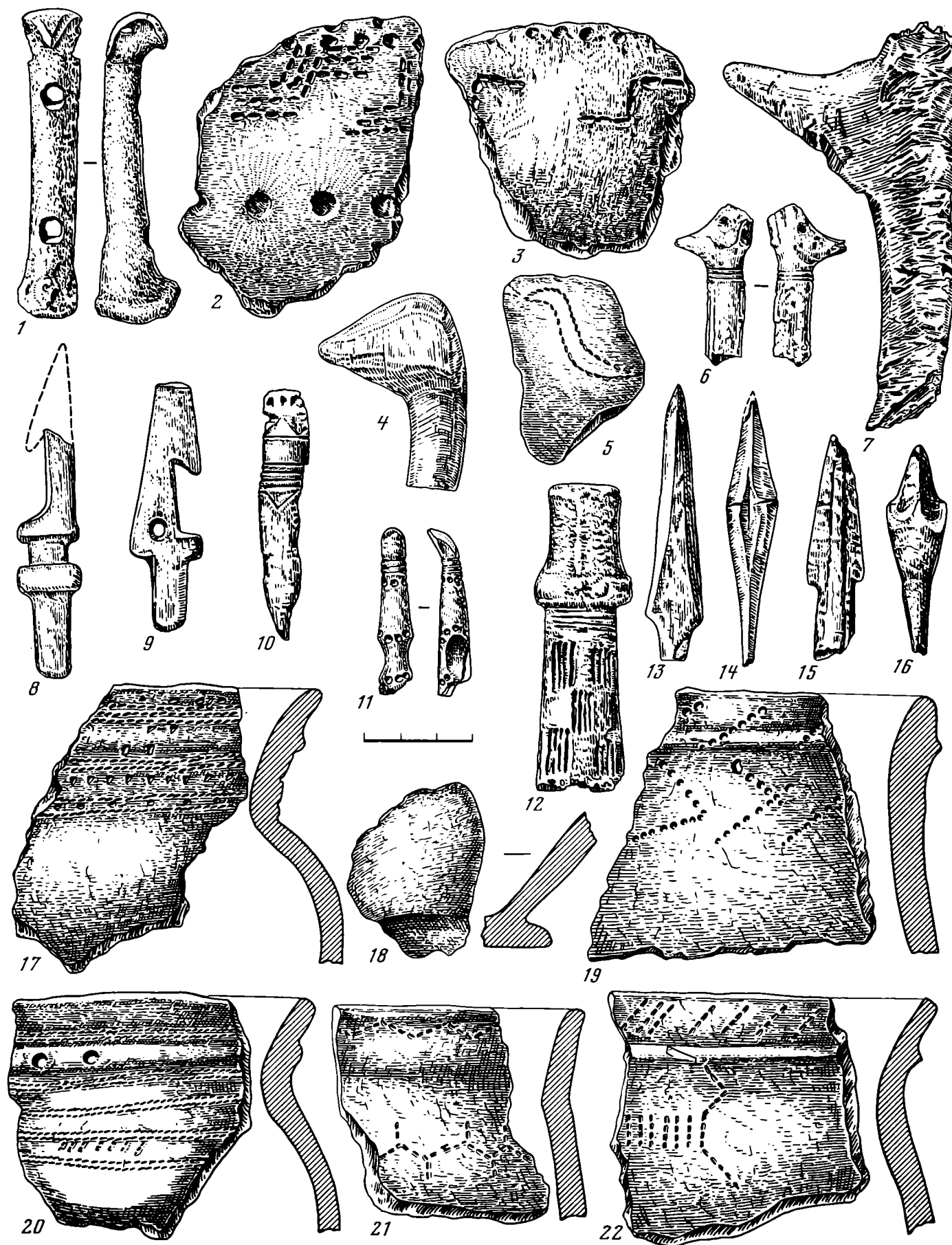

Рис. 80. Позднекаргопольская культура Восточного Прионежья

1 — костяной псалий, завершенный головкой птицы; 2, 3, 5 — изображения птиц на керамике; 4, 6, 7 — скульптурные изображения птиц из сланца и кости; 8, 9 — костяные гарпуны; 10—12 — костяные рукоятки ножей и шильев;

13—16 — костяные наконечники стрел; 17—22 — керамика. 1, 17—22 — Попово; 2—4 — Белозерская; 5—7, 10—16 — Селище; 8, 9 — Верхнее Веретье

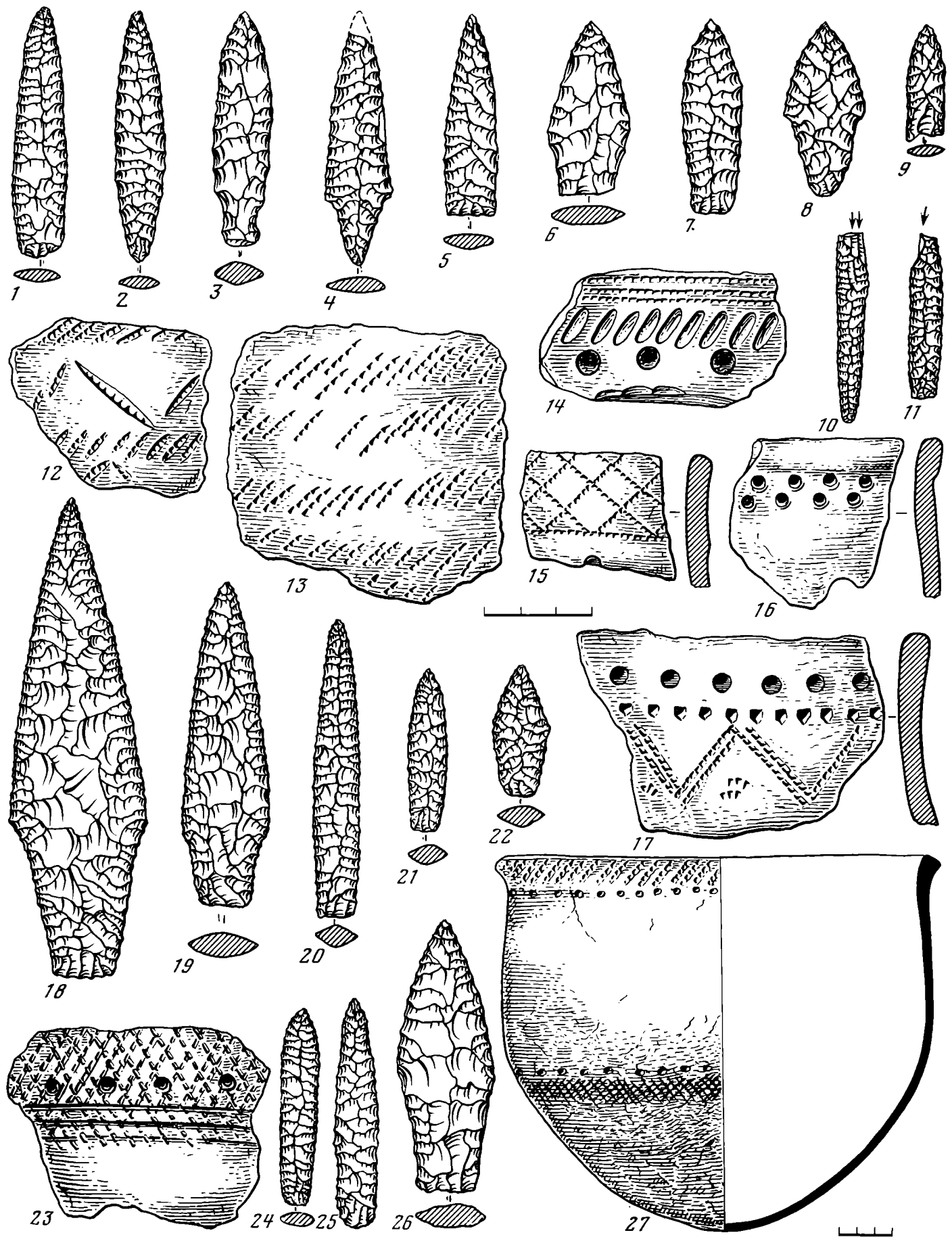

Рис. 81. Беломорье, эпоха ранней бронзы

1—9, 20—22, 24—25 — кремневые наконечники стрел; 10, 11 — кремневые резцы; 12—17, 23, 27 — керамика; 18 — кремневый наконечник копья; 19, 26 — кремневые наконечники дроти-

ков. 1—14 — Зямпя Золотца; 15—22 — Галдаря III; 23—27 — Ярепа

Рис. 82. Беломорье, эпоха поздней бронзы. Стоянка Красная Гора

1—16 — кремневые наконечники стрел, дротиков и копий;
17—20 — керамика

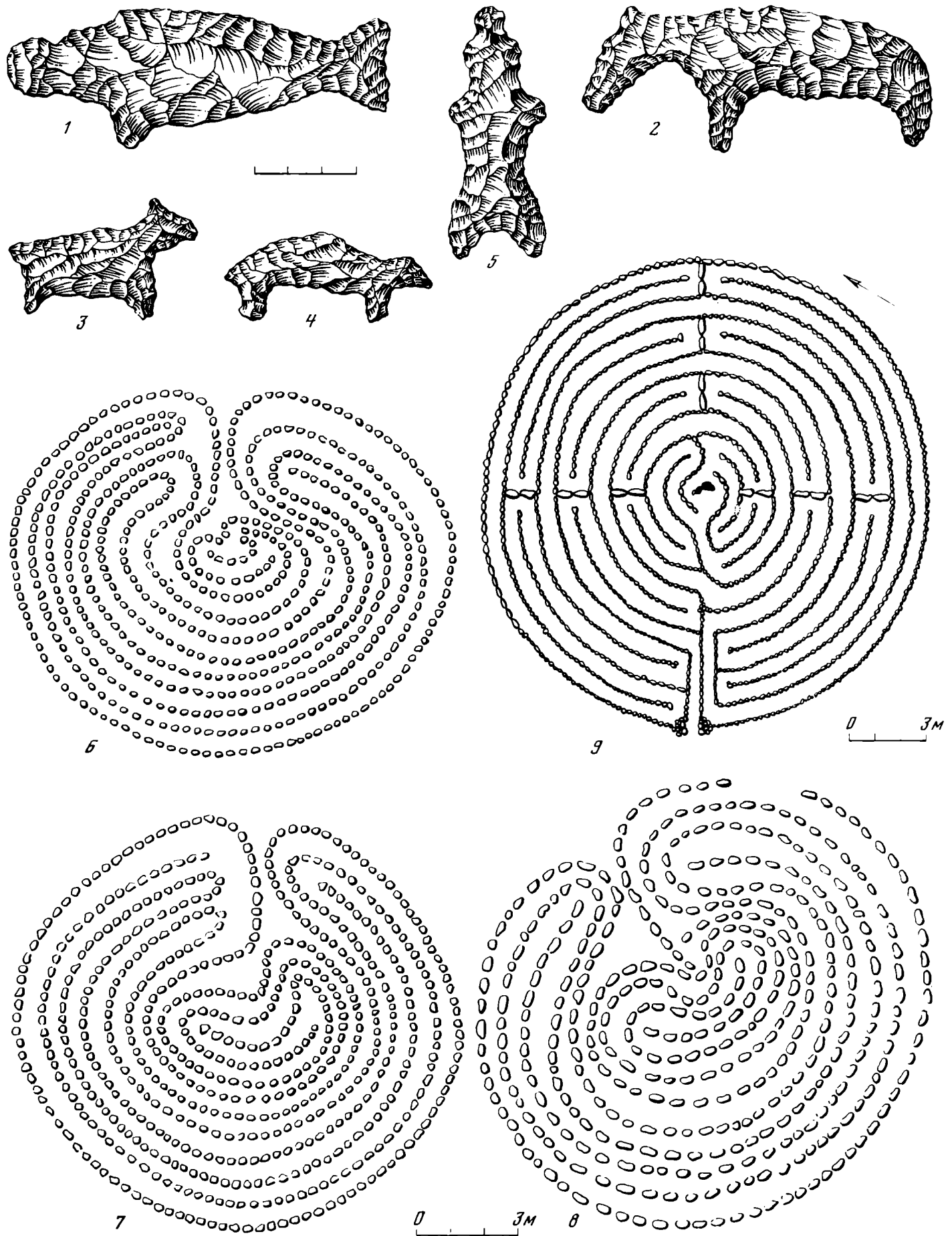

Рис. 83. Кремневая скульптура и лабиринты Беломорья

1—4 — Зимняя Золотица; 5 — Усть-Ярэнга; 6 — лабиринт у тоня Вяцино; 7 — лабиринт у с. Харловка; 8 — лабиринт у с. Умба; 9 — лабиринт у с. Поной. 1 — изображение тюленя; 2—4 — зооморфные фигурки; 5 — изображение медведя

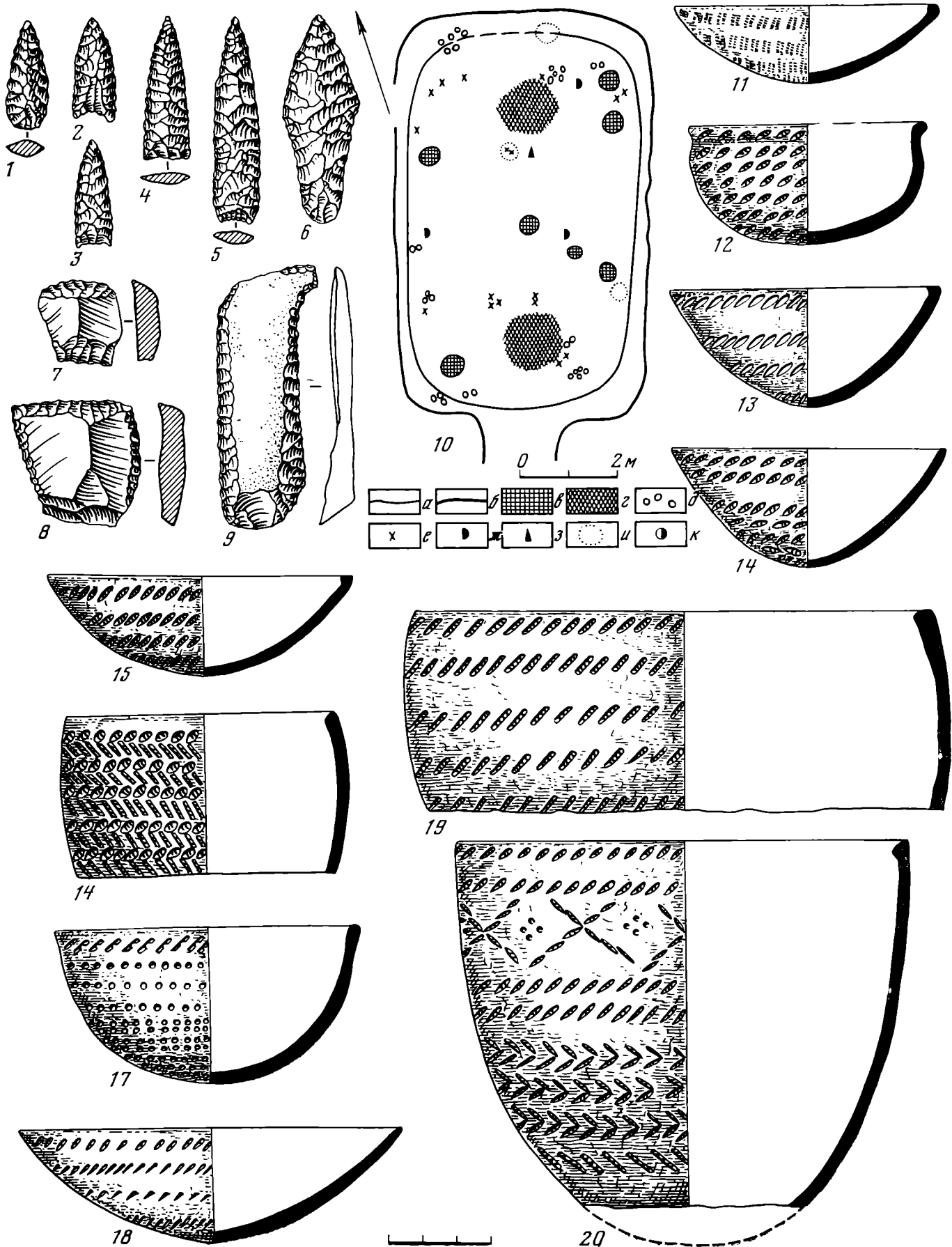

Рис. 84. Бассейн р. Ижмы, ранняя бронза, стоянка Галово II

1-6 — кремневые наконечники стрел; 7, 8 — скребки; 9 — нож; 10 — жидище; 11-20 — керамика

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока

Глава первая
Историко-географический очерк
и история археологического изучения
бронзового века Восточного Зауралья
и Западной Сибири

Глава вторая
Западная Сибирь в переходное время
от неолита к бронзовому веку

Глава третья
Первый период развитого бронзового века
Западной Сибири
(самусьско-сейминская эпоха)

Глава четвертая
Второй период развитого бронзового века
Западной Сибири
(андроновская эпоха)

Глава пятая
Эпоха поздней бронзы и переходное время
от бронзового века к железному

Глава шестая
Некоторые общие закономерности
и региональные особенности
социально-экономического развития
Западной Сибири

Глава седьмая
Некоторые вопросы этнической истории
Западной Сибири

Глава восьмая
Искусство Восточного Урала и Западной Сибири
в эпоху бронзы

Глава девятая
Бронзовый век Восточной Сибири

Глава десятая
Бронзовый век Дальнего Востока

Глава первая

Историко-географический очерк и история археологического изучения бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири

Западная Сибирь с Восточным Зауральем занимает площадь около 3 млн. кв. км, включая, кроме бассейна р. Таз, почти всю гигантскую Обь-Иртышскую речную систему. Рассматриваемая территория большей своей частью, за исключением Алтая, Кузнецкого Алатау и предгорий Урала, расположена на необъятной Западно-Сибирской равнине, которая примечательна классически широтным распределением природных поясов. Здесь представлены все ландшафтно-растительные зоны, характерные для умеренных и северных широт: степь, лесостепь, тайга, лесотундра, тундра и полярная пустыня.

Климат Западной Сибири определяется четырьмя основными географическими особенностями. Первая из них — положение преимущественно в умеренных широтах, обуславливающее ограниченное количество солнечного тепла и отсюда — сравнительную суровость климата. Вторая особенность — удаленность, особенно южной части региона, от океанов, что является основной причиной континентальности климата. Третья особенность — равнинная территория, открытая как для холодного арктического воздуха с севера, так и теплых ветров из Казахстана и Средней Азии. И, наконец, четвертая особенность — заградительные горные барьеры на периферии: на западе — Урал, препятствующий поступлению влажных атлантических воздушных масс; на юге — Алтай и Саяны, а за ними — мощнейшие системы Памира и Тяньшаня, отгородившие Западную Сибирь от сухих масс центрально-азиатского воздуха (Советский Союз, т. 5, с. 26).

Западная Сибирь — самая заболоченная территория Земного шара. Болотами занято не менее половины ее площади. Здесь сосредоточено до 60% общесоюзных запасов торфа и около 30% мировых. В таежной части междуречья Оби и Иртыша известна самая обширная в мире система знаменитых Васюганских болот. Длина ее с юго-востока на северо-запад около 800 км при ширине до 300—350 км. Из-за большой доли болотного питания рек воды Обь-Иртышского бассейна в таежной и тундровой зонах имеют самое большое в мире содержание железа. Окислительные процессы («ржавление» воды) вызывают зимой острый недостаток кислорода, что нередко приводит к катастрофическим заморам и массовой гибели рыбы.

В Западной Сибири насчитывается более 800 тыс. озер. Из них около 96 тыс. зарегистрировано в тундровой зоне и более 690 тыс. — в лесотундре и таежно-болотной полосе (Земцов, 1976, с. 224—225); еще несколько десятков тысяч озер находятся в степной и лесостепной зонах и в горнотаежных районах Алтая и Кузнецкого Алатау. Равнинные западно-

сибирские озера обычно сравнительно невелики и не превышают глубину 2—4 м. Самое большое озеро Западной Сибири — Чаны лежит в Барабинской лесостепи. Площадь его колеблется от 2 до 3,6 тыс. кв. км; глубина доходит до 7—12 м.

Речная сеть степной зоны по сравнению с таежной чрезвычайно бедна. Так, Иртыш в степной своей части, между Семипалатинском и Омском (расстояние более 1 тыс. км), практически не принимает притоков, тогда как менее значительная таежная река Васюган при длине 1120 км включает в свой бассейн около 5 тыс. речек. Ширина междуречий таежных рек редко превышает 12 км, а максимальное удаление от реки в любой точке тайги обычно не бывает более 6 км.

Степные реки и озера Западной Сибири в отличие от таежных имеют очень непостоянный водный режим. Здесь наблюдаются обычно один раз в 30—40 лет мощные озерные «приливы» (по-чалдонски «смоки»); они выражаются во внезапном обводнении степных и лесостепных равнинных озер, после чего следует их частичное или полное пересыхание, которое нередко сопровождается засолением мелководных озер. Эти колебания в общем совпадают с выявленными климатологами малыми (внутривековыми) периодами увлажненности — так называемыми циклами Брикнера. В целом западносибирская лесостепь более засушлива, чем восточноевропейская. Засухи повторяются здесь через каждые два—три года, а сильные засухи, приводящие к гибели сельскохозяйственных культур, — примерно один раз в 10 лет (Ступина, 1965, с. 8—10).

Растительный мир таежной зоны Западной Сибири по своему составу близок флоре восточноевропейских лесов. Основным отличием является отсутствие в Восточной Европе кедра, который в западносибирской тайге занимает площадь не менее 13 млн. га (из них чистых кедрочай — около 7,5 млн. га). Ежегодный запас кедрового ореха в Западной Сибири — от 1 до 1,5 млн. тонн. Кедровый орех составляет значительную часть пищевого рациона более 50 видов животных и птиц. Всего здесь водится до 70 видов млекопитающих и более 220 видов птиц. Из них наибольшее значение в жизни местного населения имеют лось, олень, а в южнотаежных районах, особенно прилегающих к Уральскому хребту, еще и косуля.

На севере тайга постепенно переходит в тундру, которую называют иногда полярной степью. В экологическом отношении тундра весьма близка степи: сравнительно сухой климат, открытые безлесные пространства, мигрирующие стада копытных, сход-

ство хозяйственных традиций (например, кочевое оленеводство в тундре, кочевое скотоводство в степях) и пр. Из мясных промысловых животных здесь особенно значим олень, из пушных — песец. Среди крупных хищников особое место занимает белый медведь. У берегов Северного Ледовитого океана распространены тюлени и моржи. Чрезвычайно многочисленна и разнообразна пернатая дичь.

Западная Сибирь бедна пригодными к эксплуатации в древности полезными ископаемыми. В эпоху камня здесь, по сравнению, например, с Восточной Сибирью, были менее благоприятные возможности для развития каменной индустрии. Однако бедность Западной Сибири месторождениями камня и, наоборот, обилие в Восточной Сибири, в частности в Ангаро-Байкалье, источников разнообразного каменного сырья повлияли на разную степень стимуляции технического прогресса. В Западной Сибири нехватка каменного сырья вызвала по мере развития производительных сил необходимость поставить хозяйство на более прочную техническую основу. Используя опыт южных соседей, население юго-восточной части Обь-Иртышья, жившее близ и в пределах Алтае-Саян, осваивает местные месторождения оловянного камня (касситерита) и самородной меди и создает собственную бронзовую металлургию. Население Восточной Сибири, не испытывавшее сырьевого кризиса, продолжает использовать традиционные источники сырья, а это не вело к активным поискам новых производственно-технических возможностей.

Говоря о причинах, благоприятствующих социально-экономическому развитию Западной Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство, которое раньше, в каменном веке, не было столь значительным: удобное расположение речных путей. Основные реки Обского бассейна (Тобол, Ишим, Иртыш, сама Обь) текут в спокойных равнинных условиях с юга на север, из степной и лесостепной зон в таежную, что начиная с эпохи металла, благоприятствовало усилению экономических и культурных связей Западной Сибири со степным скотоводческо-земледельческим миром. Географическое положение Восточной Сибири было менее выгодным. Бассейн Лены почти целиком лежит в пределах горнотаежного ландшафта, вследствие чего контакты, осуществляемые там по речным путям, были затруднены и почти не выходили за пределы таежной зоны. Замкнутое общение в родственной охотничье-рыболовецкой среде способствовало консервации культурных традиций и производственных навыков и привело, начиная с бронзового века, к более замедленному развитию таежных восточносибирских культур, стагнации их производства и быта.

Разнообразие природных условий Западной Сибири, выразившееся в наличии здесь нескольких разных ландшафтно-растительных и климатических зон, определило несходство хозяйственного уклада западносибирского населения, направляя его производственные возможности в сторону охоты, рыболовства, пастушества или земледелия, ускоряя либо замедляя освоение металлообработки, способствуя или препятствуя увеличению плотности населения и т. д. В оценке особенностей социально-экономического развития населения разных областей Западной Сибири в рассматриваемое время необходимо учитывать также

возможную нестабильность географической среды в связи с периодическими изменениями климата.

Согласно палеоклиматической схеме А. В. Шнитникова, основанной в значительной своей части на материалах Южной Сибири и Казахстана, большая часть II и начало I тыс. до н. э. (бронзовый век) отличались значительной засушливостью; середина и вторая половина I тыс. до н. э. (эпоха раннего железа) совпали в целом с периодом повышенной увлажненности (Шнитников, 1957). Изложенные А. В. Шнитниковым палеоботанические, почвенные, лимнологические, гляциологические и другие данные подтверждаются археологическими свидетельствами, накопленными в последние годы для юга Западно-Сибирской равнины. Они сводятся к трем основным показателям.

1. Топографический показатель. В целом топографическая приуроченность древних поселений южной части Западно-Сибирской равнины зависела: в конце неолита — от достаточно высокого уровня воды в реках и озерах (Косарев, Потемкина, 1975; Молодин, Зах, 1979); в бронзовом веке — от сравнительно низкого (Сальников, 1967, с. 173—177, 326—327; Бадер, 1974; Потемкина, 1976, с. 8; Молодин, Зах, 1979); в начале железного века — вновь от высокого (Косарев, 1964а, 1974а, с. 36—38; Сальников, 1967, с. 348, 350; Зданович Г. Б., 1973, с. 43).

2. Демографический показатель. В период, предшествовавший эпохе бронзы, степное население могло жить в открытых степях вдали от больших рек — на озерах и даже в местах, не имеющих сейчас источников воды (на так называемых «родниковых» стоянках). Во II тыс. до н. э., наоборот, открытые степи почти полностью обезлюдели и степняки сосредоточились в основном у широких речных пойм, видимо, игравших в то время роль своеобразных степных «оазисов». В середине и второй половине I тыс. до н. э. (эпоха раннего железа) вновь появилась возможность для освоения открытых степей, но уже не охотничье-рыболовецкими группами, как в неолите, а кочевыми скотоводами.

3. Социально-экономический показатель. В последней трети II тыс. до н. э., т. е. в засушливую климатическую фазу, наблюдается мощное продвижение к северу южных пастушеско-земледельческих групп. Оно привело к сложению на юге западносибирской тайги крупнейшего массива так называемых андронидных культур, из которых наиболее изучены сузгунская культура в таежном Прииртышье и еловская в Среднем Приобье. В эпоху раннего железа, совпавшую с влажным периодом, произошел обратный этнокультурный сдвиг, состоявший из двух волн. Первая волна относится примерно к VIII—VII вв. до н. э. Она была отмечена распространением на юг, в лесостепь, памятников красноозерского типа в Среднем Прииртышье и завьяловского типа в Новосибирском Приобье, в материале которых имеется много северных лесных черт. Так, если в развитом бронзовом веке доля диких животных в остеологическом материале поселений лесостепного Прииртышья составляла по числу особей не более 10%, а по количеству костей — менее 3% (Смирнов, 1975), то в переходное время от бронзового века к железному кости диких животных здесь уже преобладают (Стефанов, 1977).

Вторая волна имела место в последние века I тыс. до н. э. и выразилась в распространении в северной части лесостепного Обь-Иртышья памятников кулайского типа (Троицкая, 1970, 1979), ближайшие аналоги которым известны в Нарымском Приобье. Одновременно в северной половине лесостепной зоны вновь резко возрастает значение охоты и рыболовства.

Если на поздних этапах бронзового века кости диких животных составляли лишь 1–2% от общего количества костных остатков, то в последние века I тыс. до н. э. доля дикой фауны возросла до 31–37%. Намного увеличилась роль рыболовства. Если для второй половины бронзового века следы рыболовецких промыслов здесь почти не фиксируются, то в конце I тыс. до н. э. на одном только городище Дубровинский Борок III, где вскрыто всего около 80 кв. м площади, найдено 78 сетевых грузил (Троицкая, 1976).

К сожалению, в лабораторных условиях нельзя пока создать модель природных климатических ритмов, со всем комплексом их ландшафтно-географических и исторических последствий. В этой связи интересны упомянутые выше короткопериодические циклы увлажненности, прослеживаемые по периодическим колебаниям степных и лесостепных озер Западной Сибири, со средней продолжительностью один раз в 35 лет. Они вписываются в многовековые 1850-летние климатические ритмы Петтерсона — Шнитникова и являются как бы их микромоделлю. Эти малые периоды (ученые обычно сопоставляют их с циклами Брикнера) тоже состоят из двух фаз — влажной (сравнительно короткой и бурной) и сухой.

Начало циклов Брикнера знаменуется «смокой» — бурным выходом на поверхность грунтовых вод. Озера увеличиваются в размерах, появляется много новых ляг, озер, проток и переим, заливаются пойменные пашни, пастбища и сенокосы, гибнут пойменные леса и низкие колки, повышается уровень воды в колодцах. Высокая вода держится несколько лет, а затем в последующие два — три десятилетия идет процесс усыхания: мелеют озера, заболачиваются переимы, протоки и курьи, беднеют рыболовецкие угодья, убывает вода в колодцах; некоторые пресноводные озера становятся солеными, другие вообще исчезают; в пересохших озерных котлованах местные жители опять начинают возделывать пашни, на дне других появляются прекрасные сенокосные угодья или возобновляется древесная растительность.

Учитывая характер ландшафтных проявлений циклов Брикнера, можно предположить, что в степной зоне и на юге лесостепи крупные многовековые увлажнения климата древних эпох влекли за собой затопление пойм, гибель пойменных лесов и низинных колков (при возрастании, видимо, площади гнилых лесов), ухудшение условий для оседлого пастушества и земледелия, улучшение травостоя в открытых степях, хорошие возможности для рыболовства, охоты на диких степных копытных и кочевого скотоводства. Усыхания должны были вызывать исчезновение или обмеление озер, заболачивание проток, оскудение охотничьих и рыболовецких угодий, ухудшение условий жизни в открытых степях, появление лесов и богатых пастбищ в котлованах некоторых озер и пересыхающих речных

поймах, благоприятные возможности для оседлого пойменного пастушества и земледелия.

В разные исторические эпохи в соответствии с уровнем производительных сил местное население по-разному приспособлялось к меняющейся географической среде — обычно путем увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отрасли хозяйства. Если сравнивать разные территории северной половины нашей страны по степени континентальности климата, по характеру рельефа и другим географическим особенностям, то можно предполагать, что первое место по готовности леса уступить место степи (и наоборот) займет Западно-Сибирская равнина, второе, видимо, Восточно-Европейская равнина, а третье — Алтае-Саянский район и горнотаежные области Восточной Сибири. В настоящий момент это несходство выражается в том, что в Европейской части СССР, несмотря на большую роль антропогенного фактора в изменении ландшафтов, граница леса и лесостепи в целом проходит гораздо южнее, чем в Западной Сибири, а в горных физико-географических странах Восточной Сибири вообще не прослеживается сколько-нибудь выраженной широтной зональности в распределении тайги и лесостепи. Еще более стабильным в ландшафтно-географическом отношении был Дальний Восток, где в условиях близкого соседства с Тихим океаном климат всегда был достаточно влажным. По схеме изменения палеогеографических условий Амуро-Зейского района в неогене и плейстоцене хорошо видно, что даже крупные климатические периоды, соответствующие ледниковым и межледниковым эпохам, не привели здесь к радикальной перестройке ландшафтно-растительной зональности (Воскресенский, Логина, Махова, 1970).

* * *

Первые активные шаги по изучению восточноуральских древностей относятся к середине прошлого столетия и связаны с деятельностью нижнетагильских краеведов И. М. Рябова и Д. А. Шорина. В 1870 г. в Екатеринбурге было создано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), сыгравшее большую роль в развитии интереса к древней истории края. В УОЛЕ сотрудничали такие известные уральские любители старины, как О. Е. Клер, М. В. Малахов, К. И. Фадеев, А. И. Гаккель, Ф. Ю. Гебауэр, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Рыжников, В. Я. Толмачев и др. В 80–90-х годах прошлого столетия активизируются археологические исследования на территории Западной Сибири. Полевые разведки и стационарные раскопки велись в основном в районе Тюмени (И. Я. Словцов), в бассейне Томи и на Алтае (С. К. Кузнецов, А. В. Адрианов, С. М. Чугунов, В. М. Флоринский, Н. Ф. Кашенко и др.). Отдавая дань уважения дореволюционным энтузиастам и признавая их заслуги в изучении древней истории Зауралья и Западной Сибири, заметим, что полевые исследования велись на невысоком методическом уровне, без четкой фиксации глубин, характера культурных напластований, взаимоположения находок. В то время еще не были выработаны критерии для расчленения комплексов неолита и эпохи бронзы, а также бронзового и раннежелезного веков. В тех

случаях, когда исследователи пытались дать этническую интерпретацию зауральских и западносибирских древностей, привлекаемые параллели зачастую были весьма отдаленными, а выводы слишком прямолинейными.

После Октябрьской революции, с 1920-х годов, были начаты систематические раскопки с целью воссоздания этапов древней истории отдельных районов Зауралья и Западной Сибири. В Среднем Зауралье и Тюменском Приобье работы ведут Д. Н. Эдинг, П. А. Дмитриев; в лесостепном Зауралье — К. В. Сальников; в районе Омска — В. П. Левашова; на севере Западной Сибири — В. Н. Чернецов; в Верхнем Приобье — С. М. Сергеев, М. П. Грязнов. Первые удачные опыты типологической и хронологической классификации памятников и культур бронзового века Зауралья и Западной Сибири были осуществлены в 1940—1950-х годах. Авторами этих локальных периодизаций были К. В. Сальников — для лесостепного Зауралья (1951), В. М. Раушенбах — для Среднего Зауралья (1956), В. Н. Чернецов — для Нижнего Приобья и Тюменско-Тобольского района (1953а), М. Н. Комарова — для низовий Томи (1952), М. П. Грязнов — для Верхнего Приобья (1956а). Следует особо подчеркнуть огромнейший вклад в разработку интересующей нас темы С. А. Теплоухова (1929), С. В. Киселева (1949), О. А. Кривцовой-Граковой (1948), А. П. Окладникова (1950а, 1955), О. Н. Бадера (1961; 1964), чьи плодотворные археологические изыскания в смежных с Западной Сибирью районах способствовали более глубокому пониманию проблематики бронзового века Западной Сибири.

В 1960—1970-х годах развернулись плановые работы больших археологических коллективов, группирующихся вокруг нескольких научных центров: Института археологии АН СССР, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Томского, Уральского, Кемеровского, Алтайского университетов, Новосибирского и Петропавловского пединституты. Наряду с продолжением раскопок в местах, освоенных предшествующим поколением археологов, полевые исследования захватили районы, не изученные или почти не изученные в археологическом отношении: степное и лесостепное Поишимье (В. Ф. Генинг, Г. Б. и С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт и др.).

Нарымское Приобье (Л. А. Чивдина, М. Ф. Косарев, Ю. Ф. Кирюшин и др.), Сургутское Приобье (В. А. Посредников, Ю. П. Чемякин, Е. А. Васильев, М. В. Елькина и др.), Среднее Прииртышье (В. Ф. Генинг, В. И. Матющенко, В. И. Стефанов и др.), бассейн Конды (Н. К. Стефанова, Л. П. Хлобыстин и др.). За последние 10—15 лет вышли в свет несколько монографий по эпохе бронзы, обобщающих результаты многолетних археологических раскопок в крупных регионах: лесостепном Зауралье (Сальников, 1967; Стоколос, 1972; Крижевская, 1977; Потемкина, 1985), таежном Обь-Иртышье (Матющенко, 1973а, б, в; 1974; Косарев М. Ф., 1974а, 1981, 1984; Кирюшин, Малолетко, 1979), лесостепном Обь-Иртышье (Молодин, 1977). Эти работы в значительной мере подготовили почву для обобщающих исследований по бронзовому веку западносибирской территории.

Изложенное выше не означает, что изучение бронзового века Восточного Урала и Западной Сибири шло в основном по линии накопления вещевого материала, его обобщения, систематизации и типолого-хронологической классификации. Одновременно предпринимались достаточно удачные попытки исторического осмысления накапливаемых фактических данных. В этом отношении много сделал В. Н. Чернецов. Особенно велики его заслуги в изучении хозяйства, социальной структуры, идеологии, искусства и этнической принадлежности древнего западносибирского населения (Чернецов, 1951, 1957, 1959, 1971).

Касаясь историко-культурной характеристики памятников бронзового века, вопросов локализации, происхождения и этнической интерпретации древних западносибирских культур, мы исходим из тезиса, наиболее полно сформулированного в одной из работ В. Н. Чернецова (1951, с. 25), что западносибирская керамика с ее выразительной орнаментацией, с характерной традиционностью декоративных мотивов и в силу своего широкого массового распространения является наиболее важным и объективным источником при определении границ культур и этнокультурных областей, при выявлении преемственности культурного развития, при исследовании этнической принадлежности древних культур, при выяснении характера и направления культурных связей.

Глава вторая

Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку

С позднего неолита, а по некоторым данным — с более раннего времени на территории Зауралья и Западной Сибири существовали одновременно несколько разных культурных традиций, наиболее хорошо выраженных в традиционности орнаментальных комплексов: гребенчатая традиция, позднее разделившаяся на собственно гребенчатую и андронидную (для последней характерен богатый геометризм в орнаментации сосудов), гребенчато-ямочная традиция и отступающе-накольчатая или отступающе-прочерченная традиция. В переходное время от неолита к эпохе бронзы и в первой половине бронзового века различия между гребенчатой, андронидной, гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой традициями выглядят особенно отчетливо (Косарев, 1974а, б).

Районы локализации названных традиций следует связывать, видимо, с определенными этнокультурными общностями. Границы этих общностей неоднократно менялись: имели место, особенно с поздних этапов бронзового века, взаимопроникновения и частичные перераспределения ареалов, причем в пограничье культурных областей обычно возникали «гибридные» культуры, сочетавшие признаки двух или даже трех культурных традиций. С переходом к поздним этапам бронзового века, а затем к эпохе железа и средневековью мы видим все более сложные варианты смешения носителей разных культурных традиций, которые практически уже не выступают в своем чистом виде. Нестандартный характер взаимодействия названных культурных традиций во многом определил своеобразие локальных западно-сибирских культур бронзового, железного веков и более поздних эпох.

1. Нижнее Притоболье.

Памятники с гребенчатой керамикой

Сосновоостровский этап. Был выделен О. Н. Бадером для обозначения поздней, гребенчатой стадии неолита Восточного Зауралья (Бадер, 1970а). Название «сосновоостровский этап» применительно к Восточному Зауралью в целом следует считать устаревшим, так как сейчас стало очевидным, что в позднем неолите здесь наряду с носителями гребенчатой орнаментальной традиции жило население, изготовлявшее посуду с отступающе-накольчатым орнаментом и оставившее посуду кошкинского типа (Ковалева, Варанкин, 1976, рис. 3). Кроме того, поселение Сосновый Остров (Викторова, 1968), давшее название сосновоостровскому этапу, относится к типу памятников, характерных в основном для свердлов-

ско-тагильского и тюменского регионов Нижнего Притоболья. Всего сейчас зафиксировано более 20 поселений, где типологически выделяется керамика сосновоостровского типа (поселения Сосновый Остров, Байрык 1Д, Дуван V, Аятское I, Чащиха, Нижняя Макуша и др.). Само поселение Сосновый Остров не однослойно, но горизонт с сосновоостровской керамикой является здесь основным и достаточно хорошо стратифицирован.

Керамика сосновоостровского типа имеет закрытую форму и круглое дно (рис. 85, 16—18, 22, 23). В тесте обычна примесь талька (в свердловско-тагильском регионе), песка и шамота (в Тюменском Притоболье.) Венчик округлый, иногда чуть уплощенный. По срезу верхнего края характерны отпечатки гребенки. Нередко ряд отпечатков гребенки или гладкого штампа (иногда в виде зигзагообразной линии) наносился на внутренней стороне ниже венчика. В верхней части сосудов располагается пояс из глубоких круглых вдавлений, которые в большинстве случаев наносились с внутренней стороны, отчего на поверхности обозначался ряд бугорков («жемчужин»). Присутствие «жемчужин» у венчика — одна из характерных черт сосновоостровской керамики. Заметим, кстати, что «жемчужный» орнамент особенно распространен на сосновоостровской посуде Тюменского Притоболья; ближе к Уралу «жемчужины» встречаются реже; их место занимает обычно ряд круглых ямочных вдавлений.

Характер орнаментальной композиции на сосновоостровских сосудах заключается в однообразном чередовании рядов гребенчатого штампа или шагающей гребенки с поясами гребенчатых (реже прочерченных) зигзагов. В некоторых случаях вся поверхность сосуда покрывалась гребенчатыми трех- и четырехрядовыми зигзагами — так, что вершины нижележащих зигзагов соприкасались с вершинами вышележащих, отчего получался решетчатый узор с ромбическими ячейками. Нередко орнаментированная поверхность разграничивалась не зигзагами, а поясами геометрических фигур из треугольников, заштрихованных лент, ромбов, простых меандровых узоров и др. (рис. 85, 16, 18, 23). Наличие достаточно развитого геометризма сближает сосновоостровскую посуду с керамикой эпохи металла.

Орудия, найденные с сосновоостровской керамикой, немногочисленны. В. Т. Ковалева считает, что найденные на поздненеолитических и энеолитических памятниках Тюменского Притоболья каменные одношпильные наконечники стрел на пластинах, отнесенные В. Н. Чернецовым к кельтеминарскому типу, возможно, в значительной своей части связаны с сосновоостровскими керамическими комплексами (Ковалева, 1977, с. 97—99). На поселениях Байрык 1Д встречены две ножевидные пластины со следами сра-

ботанности по краям, а также небольшой скребок на отщепе с круглой рабочей частью. Аналогичные пластины найдены на поселении Сосновый Остров; там же собраны скребок, изготовленный на ножевидной пластине, два шлифованных тесла и обломки обривных плит (Викторова, 1968, рис. 8, 9—14). Из других орудий следует отметить небольшой сланцевый ножичек с двусторонней заточкой лезвия, обнаруженный нами в сосновоостровском комплексе поселений Байрык 1Д. Такие ножи известны в Томско-Чулымском Приобье в комплексах эпохи раннего металла (Косарев, 1974а, рис. 6, 17—20; 8, 23, 24; 21, 12). В. Ф. Старков относит к сосновоостровскому этапу наконечники стрел из поселения Чащи́ха; три из них имеют короткий приостренный черешок, два других неспецифичны по форме: один — листовидный, второй — треугольный с небольшой выемкой в основании; изготовлены на ножевидных пластинах, значительная часть поверхности оставалась необработанной (Старков, 1980а, табл. XXIV, 1—5). Рыболовные грузила в сосновоостровских комплексах не встречены. В целом облик инвентаря позволяет предполагать, что сосновоостровское население жило в основном охотничьим бытом.

На Сосновом Острове выявлено четырехугольное жилище типа землянки площадью 96 кв. м. Оно ориентировано с юго-востока на северо-запад; коридорообразный выход находился с восточной стороны. Котлован углублен в грунт на 170 см (Викторова, 1968, с. 163—164). Это, видимо, зимнее жилище, характер которого (землянка с перекрытием на уровне дневной поверхности) обеспечивал максимальную защиту от зимних холодов. В. Т. Ковалева упоминает о четырехугольных постройках земляночного и полуземляночного типов с сосновоостровской керамикой на поселениях Дуван V, Аятском и Чащи́хе. Жилище с сосновоостровской керамикой на поселении Нижняя Макуша имело, по В. Т. Ковалевой, овальную форму (Ковалева, 1979а). Об их размерах, глубине и конструктивных деталях никаких сведений нет.

На Сосновом Острове обнаружены три грунтовых погребения. Глубина могильных ям 170, 190, 220 см. Детали погребального ритуала установить трудно, так как кости почти не сохранились. В первой могильной яме найдены остатки полуистлевшего черепа, кальцинированные кости и молот из зеленоватого сланца; во второй могиле — челюсть человека и сосуд сосновоостровского типа; в третьем погребении — череп, кости рук и полуистлевшие ребра. Положение костей в третьей могильной яме позволяет считать, что погребенный лежал головой на восток с отклонением на север.

Если рассматривать сосновоостровские комплексы на широком хронологическом и территориальном фоне, то они впишутся как часть в целое в ареал так называемого гребенчатого неолита, протянувшийся широкой полосой, примыкающей к Уральскому хребту, до низовьев Оби (Старков, 1980а, рис. 9). Нам представляется, что памятники сосновоостровского типа характеризуют один из южных вариантов гребенчатой культуры. Среди памятников гребенчатого неолита предтаежного и таежного Притоболья сосновоостровские являются, видимо, наиболее поздними, частично заходящими в эпоху раннего металла. Об этом свидетельствует, в частности, находка в сосно-

воостровском комплексе поселения Байрык 1Д сланцевого ножа с манерой заточки, характерной для металлических режущих орудий, а также наличие в сосновоостровской орнаментации ряда элементов, получивших распространение в энеолите и в эпоху ранней бронзы (многорядный зигзаг, достаточно развитый геометризм и др.).

Возможно, памятники с гребенчатой керамикой, исследованные В. Н. Чернецовым и В. Ф. Старковым в бассейне Северной Сосьвы (Сортынья, Честыйяг, Вуграсян-вад), в значительной своей части синхронны сосновоостровским. То, что для керамики Северной Сосьвы менее характерен геометризм в орнаментации, можно объяснить тем, что там, на севере, вдали от южных влияний, культуры развивались более традиционно. Наиболее вероятной датой сосновоостровских памятников является первая половина или вторая треть III тыс. до н. э.

Аятский этап. По мере приближения к эпохе бронзы гребенчатая керамика свердловско-тагильской части Нижнего Притоболья развивается в сторону повышения удельного веса геометрических элементов в орнаменте. В процессе этой трансформации сосновоостровская керамика эволюционирует в так называемый аятский тип посуды, основным признаком которого является развитый гребенчатый геометризм, превосходящий по существу все геометрические элементы, известные позднее на коптыковской и черкаскульской посуде эпохи бронзы.

Поселения с керамикой аятского типа локализовались в основном в Свердловско-Тагильском регионе и тяготели к предгорной части Урала. Наиболее богатые и яркие аятские комплексы получены при раскопках Аятских I и II поселений и Береговой I стоянки. Однако отдельные группы аятского населения проникали, видимо, далеко на север. Во всяком случае, керамика аятского типа была встречена в верховьях р. Конды (р. Ух близ пос. Советский). Южная граница распространения аятских памятников проходила в пределах лесной части Южного Урала: стоянки Черкаскуль I, Иткульские I, II в Челябинской обл. К сожалению, до сих пор не исследован ни один однослойный аятский памятник, но на некоторых многослойных поселениях аятские материалы составляют основную массу находок (например, Береговая I стоянка) или залегают в хорошо стратифицированном слое (Аятские I, II поселения).

Для аятских сосудов характерны чуть закрытая форма (или слегка отогнутый венчик), круглое либо приостренное дно (рис. 85, 24—26). В тесте обычно примесь талька, отмечены также песок и шамот. «Жемчужины», круглые ямки у венчика, ряды шагающей гребенки на тулове, столь характерные для сосновоостровской керамики, на посуде аятского типа почти не встречаются. Хотя общий характер орнаментальной композиции по сравнению с сосновоостровским этапом не претерпел существенных изменений, орнамент в целом становится более богатым и разнообразным. Появляются новые вариации геометрических узоров — решетчатые пояса, меандры, вписанные ромбы и др. Усложняются декоративные схемы. Нередко мы видим в орнаментации одного сосуда чередование не двух, а трех и более разных декоративных поясов, например (рис. 85, 26): в верхней части идут ряды горизонтальных гребенчатых

линий, затем двойной зигзаг, ниже — полоса из треугольников, под ней — ряд ромбов, далее — горизонтальная полоса из вертикальных оттисков гребенчатого штампа и т. д.

Начиная с аятского этапа, можно говорить о сложении андронидной орнаментальной традиции; это уже не просто гребенчатая традиция, а традиция гребенчатого геометризма, на последующих этапах которой складываются коптяковский, черкаскульский и отчасти андроновский (федоровский) орнаментальные комплексы. Что касается собственно гребенчатой традиции, то она продолжается в северных районах Зауралья, где андронидный геометризм в орнаментации глиняной посуды не получил большого распространения.

Каменные орудия, найденные на аятских поселениях, многочисленны и разнообразны. Особенно много наконечников стрел. Они преобладают в каменном инвентаре Береговой I стоянки (рис. 85, 3—9, 13—15, 20), на Аятских поселениях, в раннем Кокшаровском погребении. Известны наконечники с прямым (рис. 85, 1, 2) и выемчатым (рис. 85, 10, 15, 20) основанием, лавролистными (рис. 85, 3, 8), с намечающимся черешком (рис. 85, 4, 9), шлифованные (рис. 85, 5) и др. Аятскую керамику сопровождают в сущности все типы наконечников, известные в позднем неолите и в эпоху раннего металла в восточно-уральской и западносибирской тайге. Видимо, данное обстоятельство объясняется тем, что наряду с сохранением неолитических производственных традиций зарождались и развивались технические навыки, соответствующие производственному уровню эпохи бронзы. Каменные скребки, встреченные вместе с аятской посудой, изготовлялись как на отщепах, так и на ножевидных пластинах. Последние имеют удлиненную подтреугольную форму и обработаны довольно аккуратной ретушью (рис. 85, 6, 7).

Разнотипность аятских наконечников стрел скорее всего объясняется их неодинаковым назначением — они могли использоваться для охоты на разную дичь. Это свидетельствует не только о большой роли охоты в жизни аятского населения, но и о сравнительно высокой технической оснащенности охотничьих промыслов. Орудия рыболовства немногочисленны. Видимо, с аятскими комплексами можно связывать некоторые биконические глиняные грузила (рис. 85, 19, 21). Одно из таких орудий было найдено на Аятском I поселении вместе с керамикой аятского типа.

При раскопках поселений Макуша и Аятских обнаружены жилые постройки полуземляночного типа, содержащие аятскую керамику. К сожалению, они до сих пор не опубликованы. Об их форме и глубине по полевым отчетам Е. М. Берс судить трудно, тем более что они не раз нарушались жилищными котлованами последующих эпох.

К настоящему времени известно лишь одно аятское погребение (?), исследованное В. Ф. Старковым при раскопках Кокшаровского I поселения в 70—80 км севернее Н. Тагила. Оно представляло собой слегка углубленный в землю каменный ящик, содержащий сосуд, каменные орудия (в основном наконечники стрел) и охру, причем каменный инвентарь и охра залегали в трех горизонтах, перекрытых плитами. Костяк отсутствовал. В. Ф. Старков предположил, что

это «условное погребальное сооружение — кенотаф, а членение вещей на три горизонта наводит на мысль о групповом захоронении» (1970а, с. 106). Так ли это, судить трудно, и окончательный вывод на этот счет следует отложить до той поры, когда будут выявлены и исследованы древние кладбища этого времени.

При определении абсолютной даты аятских комплексов необходимо учитывать, что аятская керамика в типологическом отношении занимает промежуточное место между сосновоостровской и коптяковской (последняя относится уже к развитому бронзовому веку). О. Н. Бадер уже давно обратил внимание на присутствие в гаринских комплексах Камского Приуралья, которые датируются сейчас последними веками III — первыми веками II тыс. до н. э., керамики с тальковой примесью «зауральского происхождения» (Бадер, 1961, рис. 15; 94). Она найдена, в частности, на поселениях Бор I и Первомайском. Эти сосуды имеют полные аналогии в аятской керамике Свердловско-Тагильского региона. В. Ф. Старков склонен датировать аятские комплексы первыми веками II тыс. до н. э. (Старков, 1970б, с. 11). Скорее всего, аятские памятники существовали в пределах первой четверти II тыс. до н. э., заходя, возможно, в последнюю четверть III тыс. до н. э.

2. Нижнее Притоболье и бассейн Исети.

Памятники с отступающе-накольчатой и линейно-накольчатой керамикой

Кошкинская группа памятников. Эта группа поздне-неолитических памятников была выделена В. Т. Ковалевой, считающей, что они в значительной своей части синхронны сосновоостровским (Ковалева, Варанкин, 1976; Ковалева, 1979а). К 1979 г. в Нижнем Притоболье и в бассейне Исети найдены 13 поселений, содержащих керамику кошкинского типа; из них 10 исследовано раскопами: Кошкино V на р. Исети в Курганской обл., участки V, VI, IX, XII на южном берегу Андреевского озера близ Тюмени и др.

Керамика кошкинского типа представлена остродонными, круглодонными и плоскодонными сосудами со скошенным внутрь либо наружу венчиком, с прямой или слегка наклоненной внутрь стенкой (рис. 86, 1, 3—5). В тесте характерна растительная примесь. Внешняя поверхность украшалась горизонтальными, волнистыми, реже — зигзагообразными линиями, выполненными прочерчиванием или отступающей палочкой. В верхней части некоторых сосудов имеются горизонтальные пояски из мелких ямочных вдавлений и насечки по краю дна. Узоры располагались разреженно, занимая в основном лишь верхнюю, иногда придонную часть сосуда; порой орнаментировалось и дно. В. Т. Ковалева связывает с кошкинской керамикой немногочисленные каменные орудия, сделанные преимущественно на отщепах: скребки, ножевидные пластинки, похожие на сосновоостровские и более поздние боборыкинские изделия. Орудия на пластинах выполнены из серого и розового кремня,

на отщепах — из различных сланцевых пород. Грузила и другие свидетельства рыболовческих запятий пока не найдены.

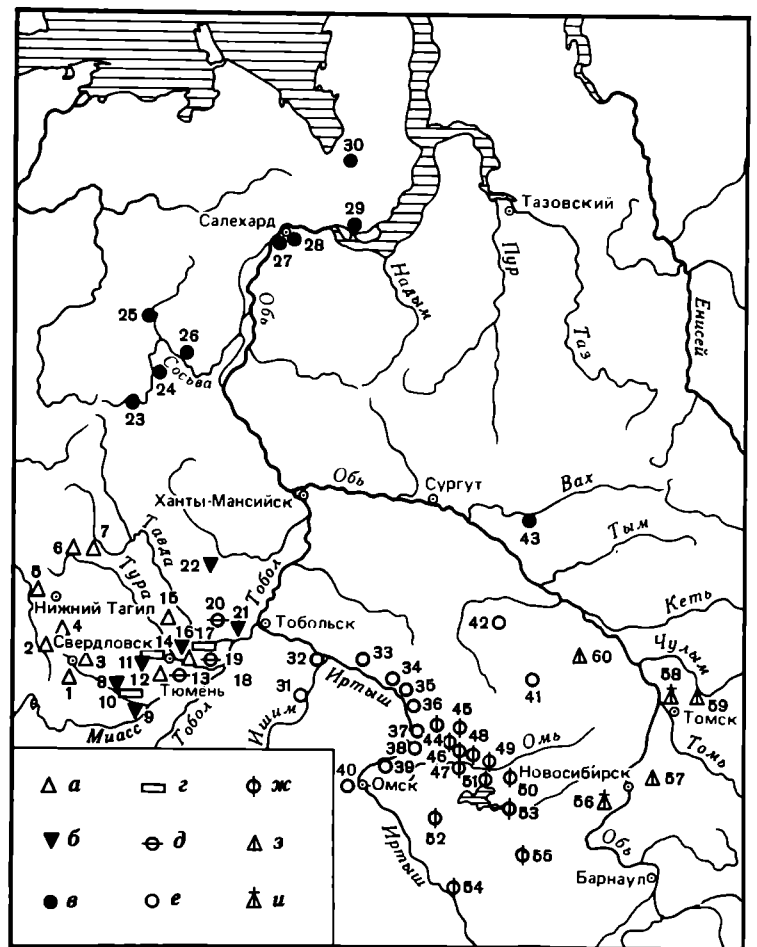
На кошкинских поселениях располагается обычно до четырех — пяти углубленных в землю жилищ, четырехугольных в плане, площадью от 36 до 60 кв. м. Кошкинские могильники неизвестны. По имеющимся сейчас материалам памятники кошкинского типа локализируются в основном в предтаежном и Тюменском Притоболье, уходя своей южной периферией в глубь Верхнего (степного) Притоболья. Однако в последние годы поступили сведения о находках кошкинской керамики в ее классическом варианте далеко на севере — в бассейне Конды и на Северной Сосьве (см., например: Васильев Е. А., 1983, с. 43).

В. Т. Ковалева датировала кошкинские памятники периодом между концом IV и серединой III тыс. до н. э. (Ковалева, 1979а, с. 6). Но сейчас в связи с удревнением боборыкинской культуры (Ковалева, Сериков, 1982, с. 51—52), которую считают генетическим и хронологическим продолжением кошкинской (культуры?), дата кошкинских комплексов, наверное, будет несколько углублена — возможно, до второй половины IV тыс. до н. э.

Боборыкинская культура. Была выделена К. В. Сальниковым по материалам поселения Боборыкино II на р. Исети близ г. Шадринска (Сальников, 1961). Позднее комплексы боборыкинского типа были выявлены в других местах бассейна Исети, а также в Верхнем и Тюменском Притоболье. В последние годы памятники боборыкинской культуры найдены в глубине таежной зоны — в Тобольском районе (Юргаркуль III) и на р. Конде (левый берег Леушинского тумана в 9 км к западу от пос. Леуши) (карта 33). Сейчас известно более 30 памятников, давших керамику боборыкинского типа; около 20 из них исследованы раскопами (Ташково I, участки IX, XII XV и другие южного берега Андреевского озера близ Тюмени, поселение Байрык 1Д и пр.).

Технологический анализ боборыкинской посуды поселения на участке XII южного берега Андреевского озера показал, что она изготовлена из глины с примесью шамота и большого количества органики. Обращает на себя внимание хороший обжиг и тщательное заглаживание стенок. У некоторых сосудов отмечен волнистый край (Ковалева, Сериков, 1982). Характерна прочерченная (линейная), отступающе-накольчатая и мелкоямочная техника нанесения орнамента. Отпечатки гребенчатого штампа не встречены. В. Т. Ковалева выделяет три основных типа боборыкинской посуды: а) остродонные сосуды (рис. 87, 12 13); б) плоскодонные, хорошо профилированные горшки (рис. 86, 8); в) плоскодонные баночные сосуды (Ковалева, Варанкин, 1976, с. 22, рис. 1). Узоры представлены зигзагами, волной, треугольниками, ромбами, горизонтальными рядами ямок или насечек. Нередко орнамент располагается только в верхней части, но обычны и сосуды, у которых узорами покрыта вся или почти вся боковая поверхность. Известны сосуды лишь с пояском небрежно нанесенных в пограничье шейки и тулова ямок или вообще без орнамента.

Подавляющая масса каменных орудий сделана на пластинах: вкладыши со слегка подработанным кра-

Карта 33. Энеолитические памятники Зауралья и Западной Сибири

а — поселения липчинской культуры; б — поселения боборыкинской культуры; в — поселения с гребенчатой керамикой; г — поселения шапкульской культуры; д — поселения с гребенчато-ямочной керамикой (байрыкинский вариант); е — поселения с гребенчато-ямочной керамикой (екатерининский вариант); ж — поселения с гребенчато-ямочной керамикой (барабинский вариант); з — поселения новокусовского этапа; и — могильник новокусовского этапа
1 — Карасье II озеро; 2 — Палкинские стоянки; 3 — Карасье I озеро; 3 — Лятские I, II поселения; 5 — Горбуновский торфяник; 6 — Юрьинская IV стоянка и Кокшаровское I поселение; 7 — Моршининская стоянка; 8 — Боборыкино II; 9, 10 — Ташково I; 11 — участки IX, XII, XV и др. южного Андреевского озера; 12, 13 — раскоп VI северного берега Андреевского озера; 14 — Козлов Мыс и участок VIII южного берега Андреевского озера; 15 — Липчинская стоянка; 16 — Байрык 1Д; 17 — Шакуль I и Малый Барашек; 18, 19 — Байрык-Иска I; 20 — Юргаркуль III, IV; 21 — Юргаркуль IV; 22 — Пашкин Бор I; 23 — Хулюм-Сунт; 24 — Нясимволь; 25 — Чес-тыйяг; 26 — Сартынья; 27 — Салехардская «шапкульская» стоянка; 28 — стоянка ниже устья Полуя; 29 — Ярсалинское озеро; 30 — Йоркутинская стоянка; 31 — Ир II; 32 — городища Вертенис и Тюрмтяки; 33 — Хутор Бор I; 34 — Бичили I; 35 — Ямысы IV, V, VIII; 36 — Екатерина I, II; 37 — Окунево III, IV; 38 — Артын; 39 — Исаковка III; 40 — Омская стоянка; 41 — Лавровка; 42 — Тух-Сигат; 43 — Большой Ларьяк II, III; 44 — Кыштовка 1а, 2а; 45 — Новочеккино IIIа; 46 — Старый Сад I; 47 — Венгерovo III; 48 — Сопка IV; 49 — Тайлаково I, II; 50 — Абрамово IVа; 51 — Старый Тартас; 52 — Погоролка; 53 — Каргат VI; 54 — Пенки I, II; 55 — Шилово-Курья; 56 — Ордынские погребения; 57 — Иня III; 58 — Самусьский могильник; 59 — Ново-Кусово; 60 — Малгет

ем, наконечники стрел, скребки, резцы, резчики, ножи (рис. 87, 1–10). Типичных для позднеолитических и энеолитических комплексов с гребенчатой керамикой наконечников «кельтеминарского» типа нет, хотя манера их изготовления в общем сходна (легкая подправка острия и черешковой части при необработанности остальной части пластины). На участке XII южного берега Андреевского озера, кроме перечисленных орудий, найдены крупные шлифованные изделия (два топорика и шесть тесел), а также орнаментированный глиняный «утюжок» (Ковалева, Варанкин, 1976, с. 24, рис. 1, 3; 2, 19). Интересно присутствие в каменном инвентаре боборыкинских памятников некоторого количества микропластин (7–10%), в том числе геометрических — сегментов, трапеций, скошенных острий. Все орудия на пластинах изготовлены из серого и розового кремня, шлифованные — из туфопорфирита. Несмотря на обилие накопленного материала по боборыкинской культуре, до сих пор не найдено ни одного грузила, равно как и других свидетельств рыболовческого промысла.

Для боборыкинских поселений обычны жилища прямоугольной и овальной (возможно, многоугольной) конфигурации, с канавками на полу и очагами в центре. Котлованы построек углублялись в землю на 0,6–0,7 м. Всего исследовано более 20 боборыкинских жилых сооружений. Они различны по площади: от 25 кв. м (поселение Байрык 1Д) до 187 кв. м (участок XII южного берега Андреевского озера); в последнем выявлено шесть очагов. В зависимости от площади в жилищах имелось три очага, один или ни одного.

Могильники боборыкинской культуры пока не найдены.

Характер и количество каменных орудий (разнотипные наконечники стрел, обилие скребков и пр.) позволяют предполагать, что большую или значительную роль в хозяйстве боборыкинцев играла охота. Нельзя исключить, однако, и элементов производящей экономики. Трудно предполагать, что боборыкинцы, оставившие поселения с мощным (до 1 м и более) культурным слоем, капитальными жилищами, плоскодонной посудой и другими признаками достаточно прочной оседлости, жили преимущественно охотничьим бытом. Четко выраженная плоскодонность многих сосудов, при наличии горшковидных форм, и некоторые другие признаки, не типичные для местной зауральской и западносибирской керамики этого времени, позволили К. В. Сальникову предположить, что на общий колорит боборыкинской культуры в значительной мере повлияли южные проникновения, скорее всего из районов, примыкающих к Аральскому морю (Сальников, 1961). Не исключены также миграции из Прикаспия.

Представляется правомерным вывод о генетической преемственности между кошкинскими и боборыкинскими комплексами, особенно выраженной в близости керамики (сочетание в единых керамических комплексах остродонных и плоскодонных сосудов, характерность там и здесь прочерченной и отступающей техники нанесения орнамента, сходство отдельных узоров, отсутствие гребенчатого штампа и т. д.) (Ковалева, Варанкин, 1976, с. 20).

Хронологический приоритет кошкинских комплек-

сов подтверждается стратиграфически. В 1976 г. на одном из участков южного берега Андреевского озера были вскрыты остатки кошкинского жилища, разрушенного более поздним боборыкинским (Ковалева, Варанкин, 1977). До недавнего времени наиболее вероятной датой боборыкинских памятников в притобольном и Тюменском Притоболье считалась вторая половина III тыс. до н. э. (Ковалева, 1979а), хотя не исключалась возможность их удревления до первой половины III тыс. до н. э. (Косарев, 1981, с. 37, 44–45). В. Т. Ковалева и Ю. Б. Сериков считают сейчас, что боборыкинский комплекс «можно датировать первой половиной III тыс. до н. э. или более ранним временем» (Ковалева, Сериков, 1982, с. 52).

Липчинская культура. Выделена В. Н. Чернецовым на материалах Липчинской стоянки, исследованной в 1925 г. П. А. Дмитриевым (Дмитриев, 1928; Чернецов, 1953а). Однако В. Н. Чернецов отнес к липчинскому культурному комплексу всю энеолитическую и раннебронзовую керамику Липчинской стоянки, в том числе ямочную, гребенчато-ямочную и шапкульскую, что в свете современного состояния археологической изученности Притоболья представляется неверным.

Сейчас известно около 50 поселений с керамикой липчинского типа; из них более 20 исследовано раскопами: Палкинские стоянки, Калмацкий Брод, Аятские поселения, Юрьинская IV стоянка, Кокшаровское I поселение и др. в Свердловско-Тагильском регионе; Липчинская стоянка, поселение Ипкуль I, участок VIII южного берега Андреевского озера и др. в Тюменском Притоболье. На юге Урала липчинский ареал, видимо, граничил с суртандинской энеолитической культурой, во всяком случае на стоянках этого времени на севере Челябинской области наряду с суртандинской в равной мере присутствует липчинская посуда (например, стоянки Абселямовская, Чебаркульская, Сайма) (Кипарисова, 1960, рис. 7).

Липчинская керамика (рис. 88) представлена остродонными и круглодонными сосудами с прямым или слегка отогнутым краем. Орнамент выполнялся техникой отступающей насечки, ряды которой образовывали линии, напоминающие отпечатки шнура (псевдошнуровой орнамент). Хотя в целом липчинские орнаменты, так же как и кошкинско-боборыкинские, вписываются в отступающе-накольчатую орнаментальную традицию, между Липчинкой и Боборыкино не прослеживается прямой генетической связи. Липчинская орнаментация по своей технике более близка манере нанесения узоров на новокузовских сосудах далеких юго-восточных районов Западной Сибири. Возможно, это направление аналогий поможет в будущем решить проблему происхождения липчинской культуры в Нижнем Притоболье.

В тесте липчинских сосудов заметна примесь талька (Свердловско-Тагильский регион), а также песка (преимущественно в Тюменском Притоболье). Наиболее типичными узорами на липчинской керамике являются волнистые линии, сплошные взаимопроницающие треугольные зоны, а также геометрические фигуры — треугольники, ромбы, зигзаги; последние часто располагались вертикально, разгра-

ничивая орнаментированную поверхность на несколько вертикальных полос.

Форма сосудов, достаточно развитый геометризм, вертикальная разбивка орнаментального поля и некоторые другие признаки сближают липчинскую посуду с суртандинской Южного Урала, которую Г. Н. Матюшин убедительно относит к энеолитической эпохе (Матюшин, 1970, 1971), но там орнамент в отличие от липчинского выполнялся аккуратной мелкозубой гребенкой; кроме того, в орнаментах суртандинской посуды почти не встречаются такие характерные для липчинской орнаментации узоры, как волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и другие элементы, связываемые с раннеэнеолитической орнаментальной традицией, которую мы называем отступающе-накольчатой или самусьской. Однако в липчинских комплексах вместе с «классической» липчинской керамикой встречаются черепки и целые сосуды с узорами, выполненными гребенчатым штампом (рис. 88, 3, 10). Эта керамика (В. Ф. Старков относит ее к особому «моршининскому» типу) особенно близка суртандинской.

Выше уже отмечалось сходство ложношнуровой орнаментации на липчинской посуде Нижнего Приоболья с манерой нанесения узоров на новокукушской керамике Верхнего Приобья и Томско-Чулымского региона. Не исключено, что происхождение липчинской культуры явилось следствием смешения на территории Нижнего Приоболья местных суртандинских и родственных им (моршининских? шапкульских?) групп с населением, пришедшим из юго-восточных районов Западной Сибири.

Каменный инвентарь липчинской культуры практически еще не вычленен, так как вся известная липчинская керамика, с которой можно было бы связать искомые орудия, найдена на многослойных поселениях, вне четкой приуроченности к очагам и жилищам. Более соотносимы с липчинскими комплексами глиняные грузила, так как некоторые из них орнаментированы. Для липчинской культуры наиболее типичны удлиненные глиняные грузила с рожковидным раздвоением на концах (рис. 92, 6—10). Их форма диктовалась бытовавшим в то время способом привязывания грузила к сети. Рожковидное раздвоение на концах было необходимо для закрепления петель, чтобы они не скользили по поверхностям грузила. Грузила этого типа встречаются иногда скоплениями до 20 и более штук. Скопление из 25 таких грузил было обнаружено нами на поселении Байрык 1Б вместе с развалом липчинского сосуда и миниатюрным каменным тесловидным орудием, использовавшимся скорее всего для чистки рыбы (рис. 93, 14). Видимо, грузила из скопления на Байрыке 1Б принадлежали одной сети. Некоторые грузила этого типа украшены рядами частых мелких насечек или ложношнуровыми линиями. Подобная орнаментация характерна для липчинской керамики, что подтверждает принадлежность этого типа грузил преимущественно липчинскому культурному комплексу. Однако они, возможно, живут дольше липчинской посуды. Похожие грузила найдены на поселении раннебронзового века Вишневка I в Северном Казахстане.

Основная масса описанных выше глиняных грузил найдена на озерных поселениях Тюменского

Приоболья. Но из этого вряд ли следует, что у липчинского населения западной части Нижнего Приоболья рыболовство играло меньшую роль, чем в восточной части липчинского ареала. Надо учитывать, что в отличие от Тюменского Приоболья, Свердловско-Тагильский регион очень богат камнем и там не было особой необходимости употреблять грузила из глины. В нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника, давшем почти исключительно липчинскую керамику, были найдены грузила в виде заполненных камнями берестяных мешочков (кибасы), поплавки из бересты и сосновой коры, остатки вен-терей, многочисленные обломки деревянных весел и другие предметы (Раушенбах, 1956, с. 123, рис. 1, 8), свидетельствовавшие о большой роли рыболовства у восточноуральских липчинцев.

Жилища, которые можно было бы достоверно отнести к липчинской культуре, пока не известны; до сих пор не найдены и липчинские могильники.

Липчинская керамика на многослойных поселениях в целом залегает выше сосновоостровской (Сосновый Остров; Викторова, 1968, с. 167—168), боборыкинской (участок XII южного берега Андреевского озера; Викторова, Юровская, 1975) и ниже аятской (Аятское I поселение, VI разрез Горбуновского торфяника и др.). Учитывая стратиграфическое соотношение сосновоостровских, боборыкинских, липчинских и аятских комплексов, а также принимая во внимание непрерывную, на наш взгляд, хронологическую и генетическую преемственность сосновоостровской и аятской керамики, можно предполагать, что липчинские памятники на раннем этапе сосуществовали с поздними сосновоостровскими, на позднем этапе — с ранними аятскими памятниками. Возможность частичного сосуществования липчинского и аятского населения на восточном склоне Урала была облегчена тем, что аятцы, судя по обилию и разнотипности каменных наконечников стрел (рис. 85, 1—5, 8—10 и др.), вели преимущественно охотничий образ жизни, тогда как основным занятием липчинцев, судя по многочисленности и разнообразию орудий рыбной ловли, был рыболовческий промысел. Их производственные интересы лежали в разных плоскостях, и поэтому они могли жить вперемежку на одной территории, не мешая друг другу. В дальнейшем липчинское население могло быть ассимилировано аятцами.

Энеолитическая принадлежность липчинской культуры подтверждается находкой в нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника вместе с липчинской керамикой медной скрепки, а также деревянных изделий, сработанных явно металлическими орудиями.

Следует согласиться с мнением В. Ф. Старкова, что липчинские комплексы, вероятнее всего, относятся ко второй половине III тыс. до н. э. (Старков, 1970б, с. 11). Этой дате в общем придерживается В. Т. Ковалева, полагающая, однако, что верхняя граница существования липчинских памятников может относиться к рубежу III и II или даже к началу II тыс. до н. э. (Ковалева, 1979а). Точка зрения В. Ф. Старкова и В. Т. Ковалевой в целом подтверждается радиоуглеродной датой нижнего слоя VI разреза Горбуновского торфяника: 4360 ± 200 лет (Долуханов, Тимофеев, 1972, с. 69).

Шапкульская культура. Выделена В. Ф. Старковым по материалам однослойного поселения Шапкуль I на оз. Шапкуль в бассейне р. Иски в Тюменском Притоболье (Старков, 1976). К 1979 г. по подсчетам В. Т. Ковалевой было обнаружено 30 поселений, давших керамику шапкульского облика (Шапкуль I и Малый Барашек на оз. Шапкуль, участок VIII южного берега Андреевского озера, поселение Ташково I на Исети и др.); почти все они были исследованы раскопами. Поскольку поселения Шапкуль I и Малый Барашек более других характеризуют специфику рассматриваемых памятников, остановимся на них подробнее.

Керамика Шапкуля I и Малого Барашка представлена прямыми круглодонными и реже остродонными сосудами, иногда со слегка отогнутым венчиком. Сосуды тонкостенные, хорошего обжига, с характерным красноватым оттенком; в тесте отмечена примесь песка. Под венчиком почти во всех случаях идет ряд круглых ямок. Сосуды украшались по всей внешней поверхности. Узоры чаще всего наносились отпечатками короткого (трех- или четырехзубого) гребенчатого штампа. Плоскость гребенки обычно ставилась наклонно к стенке сосуда, отчего одна из сторон отпечатка оказывалась более углубленной, а штамповый след — более широким. Штампы наносились с небольшим интервалом, как бы налегая друг на друга, что напоминает липчинскую манеру нанесения узоров. Это обстоятельство, как и наличие в орнаментах треугольных фигур, сплошных взаимопроникающих треугольников в виде псевдоплетенки, вертикального членения орнаментального поля зигзагообразными линиями, сближает шапкульскую посуду (рис. 89, 11–14) с липчинской. Поэтому, несмотря на то что для описываемой керамики характерна гребенчатая орнаментация, мы нашли логичным рассмотреть ее не в связи с сосновостровской и аятской, а в одном разделе с памятниками кошклинского, боборыкинского и липчинского типов, характеризующихся посудой с отступающе-накольчатой и линейно-накольчатой техникой орнаментации. Видимо, шапкульский декоративный комплекс сложился в зоне контактов гребенчатой и отступающе-накольчатой (в данном случае липчинской) орнаментальных традиций.

После того как был выделен специфический шапкульский керамический комплекс, исследователи в стремлении определить ареал шапкульской культуры стали относить к ней всю энеолитическую гребенчатую керамику — от лесостепного Притоболья до Полярного круга (Старков, 1976; Лашук, Хлобыстин, 1985). В результате потерялось своеобразие шапкульского культурного комплекса, он стал слишком расплывчатым по ареалу и очень аморфным по признакам. Видимо, следует более строго отличать собственно шапкульскую керамику от других разновидностей гребенчатой посуды, историко-культурная принадлежность которых пока остается не вполне ясной.

Характеризуя керамику Салехардской «шапкульской» стоянки, Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин отмечают следующее: керамика представлена мелкими фрагментами и поэтому о форме сосудов судить трудно. Орнамент наносился в основном по принципу отступающей гребенки, но иногда сочетался с узо-

рами из обычных гребенчатых оттисков. Преобладает мотив горизонтальных линий и чередующихся заштрихованных треугольников. В верхней части сосудов узор дополнялся ямочными вдавлениями, наблюдающимися иногда и на фрагментах стенок. Из каменных изделий встречены наконечник стрелы миндалевидных очертаний, маленькое долотце и небольшой клиновидный топорик. Орудия сделаны из сланца с последующей шлифовкой поверхности (Лашук, Хлобыстин, 1985). Признаки и особенности салехардского комплекса, о которых можно судить по этому описанию, недостаточны для отнесения Салехардской стоянки к шапкульской культуре, хотя можно признать правомерным предположение Л. П. Лашука и Л. П. Хлобыстина, что происхождение памятников, сопоставимых с шапкульскими, связано с заселением западносибирского Приполярья из более южного таежного Зауралья.

Интересны шапкульские каменные наконечники стрел. Они, как правило, изготавливались на пластинах. Один из двух наконечников с Шапкульского I поселения имеет иволистную форму со слабо выраженным черешком, другой, асимметричный, напоминает по форме кельтеминарский тип наконечников в Приаралье. На поселении Малый Барашек встречены два кельтеминарских наконечника со специфической боковой выемкой (рис. 89, 4). Девять подобных наконечников найдены В. Т. Ковалевой при раскопках участка VIII южного берега Андреевского озера (Ковалева, 1977, рис. 2, 1–9), примерно столько же происходит с поселения Ташково I. Судя по публикациям Г. Н. Матюшина, такие наконечники достаточно типичны для позднего неолита и энеолита Южного Урала (Матюшин, 1975); он датирует их концом IV–III тыс. до н. э. Видимо, этот тип наконечников был характерен не только для шапкульских комплексов, но и для памятников с гребенчатой керамикой, локализовавшихся в переходное время от неолита к эпохе бронзы на территории Южного Урала и Нижнего Притоболья. Остальные каменные орудия этого времени (пластины с подработанными краями, скребки, проколки, сверла, шлифованные топорovidные орудия и пр.) не обладают сколько-нибудь специфическими признаками (Старков, 1976, рис. 2, 3; Ковалева, 1977, рис. 2, 3). Мелкие орудия обычно делались из кремня и яшмы, крупные — из туфопофирита.

Среди нижнетобольских орудий, встреченных на энеолитических памятниках Нижнего Притоболья с гребенчатой керамикой, выделяются удлиненные глиняные грузила с приостренными концами (рис. 89, 10; 92, 1–5). На участке VIII южного берега Андреевского озера найдено 13 таких грузил; некоторые из них украшены отпечатками гребенчатого штампа (Ковалева, 1977, рис. 5, 3). В культурном слое поселения Козлов Мыс I вместе с керамикой шапкульского типа встречен медный кованый нож длиной 8,2 см, близкий по форме ножу, найденному А. В. Шмидтом на Левшинской стоянке близ Перми.

На поверхности Шапкульского I поселения визуально фиксируются семь жилищных углублений; размеры самого большого 11×8 м, самого маленького 6,5×5 м; средняя глубина 0,6 м. Раскопано лишь одно жилище (№ 2). Оно оказалось четырехуголь-

ным, двухкамерным. Размеры первой камеры 3,4 × 2,4 м, второй 6 × 4,8 м. Котлован был врезан в материк на 0,4–0,5 м. Во второй камере вдоль трех наружных стен прослежены остатки земляных нар шириной до 110 см и высотой до 37 см. Очаг отсутствовал, зато вокруг жилищ были выявлены следы 13 кострищ (Старков, 1976). На поселении Малый Барашек заметны следы шести жилищных впадин разных размеров глубиной от 0,7 до 1,5 м. Раскопано жилище 1. Оно было прямоугольным в плане (11 × 7 м) и имело глубину 0,9 м от современной поверхности. Внутри находился углубленный в землю очаг. Шесть жилищ, исследованных В. Т. Ковалевой на участке VIII южного берега Андреевского озера, также имели прямоугольную форму (площадь от 30 до 70 кв. м) и были углублены в материк на 40–60 см.

Могильники шапкульского населения пока не известны.

Относительная хронология шапкульских комплексов выявляется достаточно четко. В. Т. Ковалева сообщает о совместном залегании шапкульских и липчинской керамики на дне жилищ VIII участка южного берега Андреевского озера и поселения Ташково I. Об одновременности шапкульской и липчинской керамики говорит сходство в построении декоративной схемы сосудов, поэтому шапкульские памятники, как и липчинские, можно относить предположительно ко второй половине III тыс. до н. э.

3. Памятники с энеолитической гребенчатой керамикой на севере Западной Сибири

Лесотундровая и тундровая зоны. В приполярных и заполярных районах Западной Сибири энеолитическая эпоха была, видимо, несколько смещена во времени и в значительной своей части совпала хронологически с началом бронзового века в более южных районах Обь-Иртышья. Энеолит Крайнего Севера представлен двумя исследованными памятниками — Салехардской («шапкульской») и Йоркутинской стоянками. Первая находится в лесотундровой зоне (г. Салехард), вторая — в Ямальской тундре. Салехардская стоянка, более ранняя, рассмотрена в предыдущем разделе в связи с характеристикой памятников шапкульской культуры в предтаежном и южнотаежном Притоболье. Ниже мы остановимся на описании материалов Йоркутинской стоянки, которую Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин склонны датировать первой четвертью II тыс. до н. э. (Лашук, Хлобыстин, 1985).

Сосуды Йоркутинской стоянки, судя по исследованным фрагментам, имели скорее всего митровидную форму и орнаментировались по всей внешней поверхности. Основным орнаментальным мотивом были горизонтальные и вертикальные ряды «шагающих» оттисков гребенчатых и гладких штампов. Порой эти ряды чередовались с поясами округлых или продолговатых ямок и с рядом зубчатых вдавлений, нанесенных челюстью мелкого хищника. Характер-

ной особенностью керамики Йоркутинской стоянки являются пояса птичкообразных штампов и штампов в виде перевернутой арочки. Птичкообразные вдавления на одном сосуде образовывали треугольные фестоны. Некоторые венчики имеют волпообразный выступ и неорнаментированное валикоподобное утолщение. Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась пучком осоки, а внешняя — зашлифовывалась. Посуда делалась ленточным налепом из глины с примесью шамота. Керамика, сопоставимая с йоркутинской, найдена в низовьях Оби ниже устья р. Полуй, откуда известны также сланцевые наконечники стрел. Жилища и погребения пока не изучены (Лашук, Хлобыстин, 1985).

Северотаежное Приобье. Энеолитическая керамика этого региона представлена круглодонными сосудами, украшенными по всей внешней поверхности гребенчатым орнаментом (стоянки Сартынья I, Хулюм-сунт, Честый яг и др. на Северной Сосьве). Они изготовлялись из хорошо отмученного глиняного теста с примесью песка; иногда добавлялась слюда. Лепка производилась ленточным способом. Анализ орнаментации позволил Е. А. Васильеву выделить на Сартынье I три типа энеолитической посуды (Васильев Е. А., 1983, с. 45). К первому он отнес керамику с геометрическим орнаментом в виде простых зигзагов, штрихованных ромбов, ромбической сетки. Геометрические мотивы разделены рядами гребенки или (очень редко) поясами шагающей гребенки. Вторым типом включает посуду, украшенную шагающей гребенкой. Третий тип — гребенчато-ямочная керамика в ее самом простом варианте. Гребенчато-ямочные черепки немногочисленны. Видимо, присутствие их в это время в северотаежном Приобье не характеризует местную линию развития, а отражает наличие связей между нижнеобским (гребенчатым) и тоболо-иртышским или североевропейским (гребенчато-ямочным) ареалами.

Генетически энеолитическая керамика северотаежного Приобья связана с местной позднеолитической гребенчатой посудой, однако вопрос о первоисточках нижнеобского гребенчатого орнаментального комплекса остается открытым. Дело в том, что здесь гребенчатой позднеолитической керамике предшествует (?) чужеродная глиняная посуда, украшенная в отступающе-накольчатой манере и удивительно похожая по всем признакам на известную в Притоболье кошкинскую неолитическую керамику.

В целом нижнеобские керамические комплексы энеолитической эпохи характеризуют один из северных вариантов гребенчатого ареала, южная периферия которого находилась за тысячи километров от Полярного круга — в южнотаежном и предтаежном Притоболье. Рассмотренная энеолитическая посуда найдена в основном на многослойных стоянках, что затрудняет выделение одновременных ей некерамических изделий. Жилища и погребения северотаежного западносибирского энеолита еще не исследованы.

Е. А. Васильев, основываясь на заключениях О. Н. Бадера для Прикамья и В. Н. Чернецова для Тюменского Притоболья, датирует северотаежный западносибирский энеолит концом III — началом II тыс. до н. э. (Васильев Е. А., 1983, с. 57). Хотя применительно к Прикамью и Тюменскому Притоболью

точка зрения О. Н. Бадера и В. Н. Чернецова сильно устарела (новые и новейшие данные позволяют значительно удревить прикамские и тобольские энеолитические памятники), предложенная Е. А. Васильевым дата северотаежного энеолита, учитывая возможность его некоторого хронологического отставания от южнотаежного, видимо, недалеко от истины.

4. Тюменское Притоболье. Комплексы с ямочной керамикой (андреевская культура)

Согласно исследованиям В. Т. Ковалевой, ареал ямочной керамики ограничен в основном Тюменским Притобольем. К 1979 г. было известно 20 поселений, давших значительные коллекции этой керамики; почти все они исследовались раскопами (Липчинская и Андреевская II стоянки, поселения Шапкуль VIII, Малый Барашек, участок XII южного берега Андреевского озера и др.). В Свердловско-Тагильском регионе и восточнее, в Среднем Обь-Иртыше, ямочная керамика пока не встречена. О северных пределах распространения памятников этого типа судить трудно, так как районы, лежащие севернее Тюменского Притоболья, в археологическом отношении изучены крайне слабо. Самый северный комплекс ямочной керамики, относящийся к андреевской культуре, известен в районе Тобольска (поселение Юргаркуль III). Что касается возможной южной границы, то на этом мы остановимся несколько ниже — в связи с вопросом о происхождении ямочной посуды.

Ямочная керамика, как и выше охарактеризованные энеолитические керамические комплексы других культур, встречается обычно на многослойных поселениях. Некоторое исключение составляют, пожалуй, Андреевская II стоянка (раскопки П. А. Дмитриева, 1928—1929 гг.) и участок XII южного берега Андреевского озера (раскопки В. Т. Юровской, 1968 г.), в слое которых ямочная керамика составляет основную массу находок.

Керамику с ямочной орнаментацией как особый тип посуды выделил В. Н. Чернецов; он первый обратил внимание и на сравнительно узкую локализацию этой разновидности глиняной посуды (Чернецов, 1953а, с. 43—55). Она представлена остродонными сосудами с прямыми или слегка наклонными внутрь стенками, нередко с немного отогнутым венчиком. В тесте характерна большая примесь песка; он иногда ощущается даже наощупь — поверхность черепков бывает шероховатой, как у песчаниковой плитки.

Орнамент занимает всю внешнюю поверхность и заключается в чередовании широких ямочных поясов с рядами отпечатков трех-четырёхзубой гребенки (рис. 90, 8). На внутренней стороне венчика обычно ряд наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Ямки имеют разную форму: круглую, овальную, треугольную, ромбическую и т. д. Они явно доминируют в орнаменте, располагаясь по стенке сосуда

широкими горизонтальными поясами, тогда как ряды гребенки выступают лишь как разделители этих горизонтальных зон. Во многих случаях наружные ямки обозначались на внутренней поверхности сосудов в виде многочисленных бугорков.

Ранее мы пытались связать происхождение ямочной посуды Тюменского Притоболья с лесной зоной Восточной Европы, где керамика с ямочной орнаментацией характеризует особый культурно-хронологический пласт. Однако специалисты по ранним культурам Восточной Европы (Д. А. Крайнов, С. В. Ошибкина) высказали мнение, что между ямочной керамикой Восточной Европы и Тюменского Притоболья нет таких элементов сходства, которые позволили бы говорить об их генетической близости. Думается, однако, что вне генетических связей с культурами Восточной Европы появление в Западной Сибири ямочной (и гребенчато-ямочной) керамики объяснить пока невозможно. Уже сейчас почти очевидно, что она не имеет местных, западно-сибирских, генетических корней. Существование здесь ямочного орнаментального комплекса является эпизодом, который не положил начала новой орнаментальной (культурной) традиции.

Орудия, найденные с ямочной керамикой, почти исключительно рыболовческие. В основном это глиняные грузила. Они в большинстве своем имеют цилиндрическую форму; в процессе изготовления еще сырая глиняная палочка слегка сдавливалась пальцами с торцов, в результате чего на концах получались небольшие шляпковидные утолщения, мешавшие соскальзывать закрепляющим петлям (рис. 90, 6; 92, 12, 16, 22). На Андреевской II стоянке, где вскрыто всего 90 кв. м, П. А. Дмитриев собрал около 100 таких грузил. В нижнем слое поселения Ипкуль VIII (раскопки Западно-Сибирской экспедиции, 1972 г.) найдено 30 грузил этого типа — 17 целых и 13 во фрагментах. В слое с ямочной посудой на участке XII южного берега Андреевского озера, судя по публикации В. Т. Юровской, преобладали такие же грузила (Юровская, 1973, рис. 2, 5, 6). Это дает основание предполагать, что население, оставившее памятники с ямочной керамикой, пользовалось в основном описанным типом грузил. Это не означает, однако, что охарактеризованный тип орудий бытовал только в этом районе и только в это время. Описанные грузила встречаются иногда с липчинской керамикой, а также в комплексах эпохи ранней бронзы (Вишневка I, Шапкуль VI и др.).

Каменные орудия, которые можно с уверенностью привязать к ямочной керамике, весьма немногочисленны. С некоторой долей вероятности к ним следует отнести иволжистый наконечник с поселения Ипкуль VIII, найденный в нижнем слое, где преобладала ямочная керамика, и треугольный наконечник, найденный на юго-восточном берегу Андреевского озера также в связи с ямочной посудой. Остальные каменные изделия представлены немногими ножевидными пластинами со сработанным краем и скребками. Формы их не специфичны. Видимо, хозяйство населения, оставившего ямочную посуду, было близко хозяйству липчинцев: оседлое рыболовство, дополненное продуктами охотничьего промысла. К сожалению, кости и другие органические остатки в этом районе сохраняются очень плохо. Из органических материалов

местный грунт лучше всего консервирует ихтиологические остатки. Дно одной из жилищных (?) ям Андреевской II стоянки было покрыто 10-сантиметровым слоем рыбьей чешуи (Дмитриев, 1951а, с. 16).

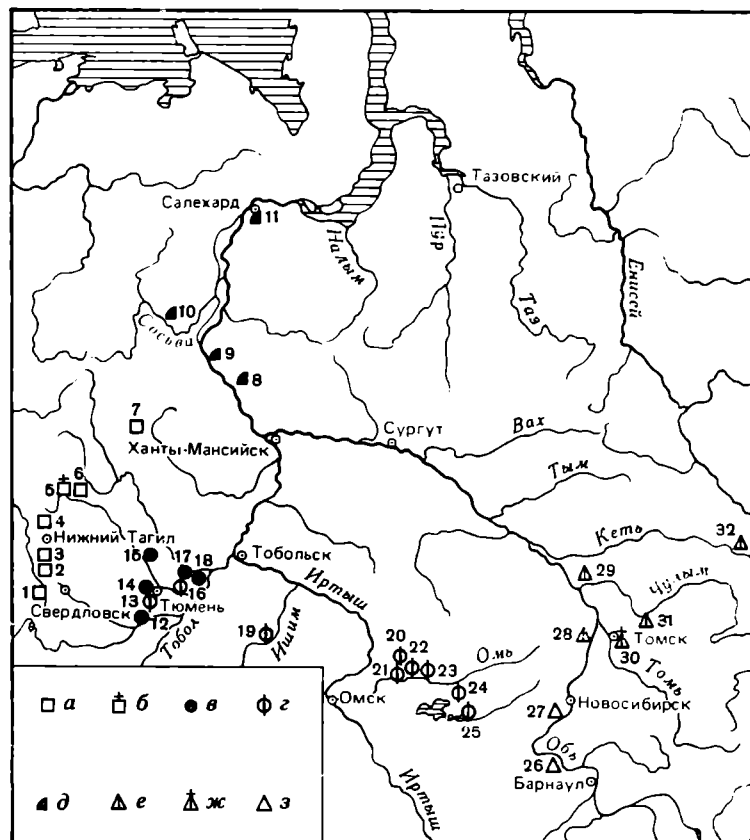
В 1974 г. В. Т. Ковалева на раскопе 3 участка XII южного берега Андреевского озера вскрыла частично разрушенную жилую постройку. Она имела прямоугольную форму: 4,5×4,4 м. Котлован был углублен на 0,9—1 м от современной и на 0,4—0,5 м от древней поверхности. В северо-западной стороне жилища находился очаг в виде прокаленного пятна диаметром 1 м. К северной стенке примыкал коридорообразный вход длиной 1,2 м и шириной 1,6 м. Ямки от столбов не прослежены. Учитывая наклон пола в сторону выхода и наличие очага в этой же части жилища, В. Т. Ковалева предполагает, что крыша постройки была односкатной, причем высокая часть ее была у входа. Об этом же говорит и расположение находок, большая часть которых обнаружена в северной части котлована (Ковалева, 1979б, с. 63).

П. А. Дмитриев сообщает, что жилищные ямы, исследованные им на Андреевской II стоянке, имели прямоугольные очертания и были углублены в землю на 1—2,2 м (Дмитриев, 1951а, с. 16). Удивляет при столь большой глубине необыкновенно маленькая площадь жилища — не более 12 кв. м (по П. А. Дмитриеву).

Представляется обоснованным мнение В. Т. Ковалевой о принадлежности ямочной керамики особой культуре, которую она предложила назвать андреевской (Ковалева, 1979а, б). Специфика орнаментального комплекса, чуждость его местной орнаментации, достаточно четкая локализация, своеобразие основной категории орудий (глиняных грузил) и некоторые другие признаки позволяют отнести рассмотренные материалы к особой культурной группе.

На поселении Ипкуль I ямочная керамика стратиграфически и планиграфически распределялась приблизительно так же, как посуда липчинского типа. Вместе с тем на Тюменском Притоболье известны поселения, где слой с ямочной керамикой не содержал или почти не содержал липчинской примеси (Андреевская II стоянка; участок XII южного берега Андреевского озера). В свердловско-тагильской части Нижнего Притоболья ямочной посуды нет вообще, хотя там много поселений с липчинской керамикой. Отмечено несколько случаев перекрытия ямочной керамикой боборыкинского слоя (поселение Ташково I на р. Исети, участки V, IX, XII южного берега Андреевского озера) (Ковалева, 1979б, с. 70). В жилище 1 поселения Малый Барашек ямочная керамика лежала выше шапкульского слоя (Старков, Куйбышев, 1975, с. 234).

Варианты стратиграфической позиции ямочной керамики дают основание предполагать, что андреевские (по определению В. Т. Ковалевой) комплексы более поздние, чем боборыкинские и шапкульские. Вместе с тем андреевская культура на раннем своем этапе, возможно, сосуществовала с поздним этапом липчинской культуры. Наиболее вероятной датой андреевской культуры является конец III — начало II тыс. до н. э., т. е. она, видимо, в общем синхронна времени существования аятских памятников в лесном Зауралье (карта 34).

Карта 34. Восточноуральские и западносибирские памятники эпохи ранней бронзы

а — поселения аятского этапа; б — могильники аятского этапа; в — поселения андреевской культуры; г — поселения с гребенчато-ямочной керамикой; д — поселения сартыньинской культуры; е — поселения игрековского этапа; ж — могильники игрековского этапа; з — поселения с керамикой, вызывающей игрековские ассоциации
1 — Палкинские стоянки; 2 — Аятские I, II поселения; 3 — Шигирский торфяник; 4 — Горбуновский торфяник (Береговая I стоянка и VI разрез); 5 — Кокшаровское погребение; 6 — Кокшаровское поселение; 7 — стоянка в верховьях Конды близ пос. Советский; 8 — Малый Атлым; 9 — Шеркалы XI, XIII; 10 — Сартынья; 11 — Салехардская I стоянка; 12 — Ташково I; 13 — Комплекс стоянок Андреевского озера; 14 — Андреевская II стоянка; 15 — Липчинка; 16 — Шапкуль VIII; 17 — Шапкуль VI и Малый Барашек; 18 — Ипкуль I, VIII; 19 — Одно; 20 — Новочекино V; 21 — Венгерovo Ia; 22 — Сопка IIIa; 23 — Кама II; 24 — Марково II; 25 — Каргат VI; 26 — Киприво; 27 — Ордынское; 28 — поселения Могильники I, II; 29 — Игреков Остров; 30 — могильники на Мусульманском кладбище и на Большом Мысе; 31 — Ново-Кусово; 32 — Шайтанка III

5. Лесостепное и таежное

Тоболо-Иртышье.

Поселения с гребенчато-ямочной керамикой

Памятники с гребенчато-ямочной посудой известны на большей части Западно-Сибирской равнины: в таежном и лесостепном междуречье Иртыша и Ишима, в Тюменском Притоболье и даже в Восточном Казахстане. Гребенчато-ямочную керамику во всем хронологическом диапазоне ее существования отличают две основные особенности: заполнение поверхности сосудов полосами узоров, выполненных наклон-

ными оттисками гребенчатого штампа (нередко также насечками, гладкой или гребенчатой «качалкой»); обязательное деление орнаментального поля несколькими рядами ямочных вдавлений.

В пределах интересующих нас периодов выделяются два основных этапа гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Первый, относящийся к позднему неолиту и эпохе раннего металла, характеризуется остродонной и круглодонной формами сосудов; второй (бронзовый век) — плоскодонной посудой. Если говорить о первом этапе, то основная трудность, с которой неизбежно сталкивается исследователь, заключается в том, что керамику этого времени в Обь-Иртышье трудно разделить на неолитическую и энеолитическую. Для тундровых и глубинных таежных районов аналогичные трудности возникают при попытке хронологического членения керамики бронзового века. Дело в том, что гребенчато-ямочная орнаментальная схема очень консервативна. Мы зачастую не в состоянии судить, является ли столь огромная гребенчато-ямочная область территорией одновременного существования родственных групп населения или она свидетельствует лишь о разновременных миграциях в пределах Западно-Сибирской равнины носителей гребенчато-ямочного орнаментального комплекса.

Переходное время от неолита к бронзовому веку (байрыкский этап). Для этого периода в пределах гребенчато-ямочного ареала сейчас выделяются две группы памятников — байрыкская, локализованная в основном в Тюменском Притоболье, и екатерининская в Среднем Прииртышье. Керамика байрыкской группы имеет приостренное либо округлое дно и слегка отогнутый венчик (рис. 90, 5, 7, 9). В тесте прослеживается примесь песка и шамота. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Характер декоративной схемы традиционен: однообразное чередование широких поясов из рядов наклонной гребенки (иногда гребенчатой качалки) с поясами ямочных вдавлений. Ямки круглой или овальной формы. В Тюменском Притоболье керамика этого типа найдена на поселениях Байрык-Иска I, Ипкуль II, VIII, на Андреевском озере и в других местах.

Перечисленные памятники почти не дают каменных орудий. На поселении Байрык-Иска II найден лишь один каменный предмет — небольшой сланцевый топорик весьма неспецифичной формы (рис. 90, 4); возможно, это объясняется небольшой площадью раскопа — около 25 кв. м (остальная часть памятника разрушена при строительстве дамбы). Зато здесь встречено несколько обломков цилиндрических глиняных грузил с шляпковидными торцами, аналогичных тем, которые были описаны при характеристике андреевской культуры. Интересно, что поселения с гребенчато-ямочной керамикой этого времени, исследованные в окрестных районах (лесостепное Поишимье, Среднее Прииртышье, Восточный Казахстан), дали довольно много каменных изделий, преимущественно скребков, ножевидных пластин, наконечников (Чернецов, 1953а, табл. XI; Генинг, Голдина, 1969, табл. IV—X; Косинская, 1974, рис. 1, 8—14; Чалая, 1972, рис. 3—5), при полном или почти полном отсутствии рыболовецких орудий. Скорей всего это обстоятельство было связано с преобладающей ролью рыболовства в Тюменском Притоболье, насыщенном многочисленными проточными озерами.

Есть основания предполагать, что байрыкская группа памятников в целом синхронна липчинской. Об этом говорит, например, обычность для липчинской керамики Тюменского Притоболья разделительных ямочных поясов, что явилось, возможно, результатом влияния гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Следует также иметь в виду, что цилиндрические глиняные грузила со шляпковидными концами, найденные с гребенчато-ямочной керамикой байрыкского типа, в равной, если не в большей, мере типичны для ямочной посуды андреевской культуры, которая датируется началом бронзового века. Все это позволяет синхронизировать байрыкскую группу памятников с липчинской и андреевской и относить ее ко второй половине III — началу II тыс. до н. э.

Жилпща, которые было бы можно связать с байрыкской керамикой, пока не выявлены, в равной мере не известны и погребальные комплексы.

Екатерининская группа памятников в Среднем Прииртышье изучена значительно лучше главным образом благодаря работам А. И. Петрова. Широкой площадью раскапывались поселения Екатерининка I, II, Окунево III, IV. Екатерининские комплексы типологически выделены на поселениях Бичили, Хутор Бор I, Александровка I и др. Керамика екатерининского типа известна из разведочных шурфов и сборов в пунктах Луговая I, Журавлевка II, Ямсыса IV, V, VIII и пр. (Петров, 1980, с. 5).

Для екатерининской посуды характерна полуяйцевидная и полусферовидная форма, иногда со слабо выраженной шейкой. Она изготовлялась из хорошо промешанной глины с примесью шамота и небольшой добавкой песка и слюды. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Он располагается однообразными горизонтальными поясами из наклонных оттисков короткого гребенчатого или гладкого штампов, в виде рядов гладкой либо гребенчатой качалки, неокантуренных решетчатых лент, выполненных прочерченными или гребенчатыми линиями. Иногда узоры наносились отступающей лопаточкой или даже отступающей палочкой. Орнаментальное поле делилось рядами ямок; последние имели, как правило, полукруглые или месяцеvidные очертания. Нередко наряду с ямками роль таких разделителей выполняли одинарные или двойные гребенчатые зигзаги (Петров, 1980, рис. 3, 4, 12). По облику и месту в орнаментальной схеме они напоминают зигзаги на позднеолитической и энеолитической посуде гребенчатого ареала, локализованного в Восточном Зауралье и Нижнем Приобье (поселения Шапкуль I, Сосновый Остров, Честыйяг и др.), что, возможно, свидетельствует о связях среднеиртышского населения с восточноуральским и нижнеобским. Западные соответствия улавливаются и в некоторых других деталях орнаментации. Так, екатерининская налегающая гребенка специфической подтреугольной формы, по справедливому замечанию А. И. Петрова, удивительно напоминает шапкульскую гребенку, а отступающая лопаточка — отступающую манеру нанесения узоров на липчинской посуде. Отдельные фрагменты керамики екатерининского типа были встречены в слоях бронзового века (Черноозерье VI, Кокуй II, Одино и др.). Все это позволило А. И. Петрову определить время существования екатерининских памятников концом неолита, началом бронзового века.

Каменные орудия, найденные на екатерининских поселениях, достаточно многочисленны и разнообразны. Так, на Екатерининке I встречены каменные наконечники стрел, дротиков, ножи, скребки, долота, проколки, ножевидные пластины, большое число отщепов. К сожалению, пока опубликована лишь незначительная часть их, из-за чего мы не в состоянии судить об их специфике и типологическом составе. Оценивая инвентарь екатерининских памятников в целом, можно с достаточной уверенностью говорить лишь о том, что он свидетельствует о преимущественно охотничьем образе жизни екатерининцев.

На Екатерининском I поселении выявлены часть округлого жилища площадью около 250 кв. м, внутри которого обнаружено несколько очагов и хозяйственных ям, много столбовых ямок. Оно углублено в землю на 0,2–0,3 м (Петров, 1978, с. 268; 1980, с. 5). В последние годы А. И. Петров ведет раскопки Окуневского грунтового могильника, погребения которого содержат инвентарь, характерный для екатерининских памятников. Однако результаты этих раскопок пока не опубликованы.

Несколько лет назад В. И. Молодин открыл и исследовал ранние керамические комплексы с гребенчато-ямочной орнаментацией к востоку от Иртыша — в лесостепной Барабе (стоянки Венгерова III, IV, Кыштовка I). По форме, технике нанесения узоров и общему построению орнаментальной схемы керамика близка байрынской Тюменского Притоболья (Молодин, 1977, табл. XXXVI–XXXVIII; 1983а, с. 13), но имеет ряд черт, характерных для «протосамусьской» (новокусковской) посуды. Так, в ее орнаментации нередки волнистые узоры, псевдоплетенка, отступающая и прочерченная техника выполнения рисунков.

На поселении Венгерова III вскрыты остатки трех разрушенных жилищ и одна почти целая жилая постройка. Их площадь колеблется от 19,5 до 48 кв. м. Жилища углублены в землю на 0,16–0,25 м. На полу зафиксированы хозяйственные и столбовые ямы (Молодин, 1977, с. 43). Погребения, которые можно было бы достоверно связать с вышеописанными барабинскими поселениями, пока неизвестны.

Гребенчато-ямочная керамика лесостепной Барабы находит аналогии в посуде стоянок Пеньки 1, 2 (Восточный Казахстан) и Шилово-Курьянская (Кулунда), которая в свою очередь близка байрынской. Так же как на поселении Венгерова III, посуда двух последних стоянок сочетает элементы двух орнаментальных традиций — гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой. Видимо, эта двухкомпонентность объясняется усилением контактов и взаимопроникновений носителей гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой орнаментальных традиций. Скорей всего эти подвижки особенно активизировались накануне бронзового века, что привело к некоторому изменению границ гребенчато-ямочного и отступающе-накольчатого ареалов и к усилению контактов между ними. В жилищах поселения Венгерова III найдены обломки медных изделий (Молодин, 1977, с. 18). Эти находки подтверждают, что процесс взаимодействия названных ареалов в лесостепном и предтаежном Обь-Иртыше стал наиболее активным ближе к началу бронзового века.

Свердловские археологи объединяют все ранние

памятники, давшие остродонную и круглодонную керамику с ямочным делением орнаментального поля, в единую «среднеиртышскую» неолитическую культуру (Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970). Хотя термин «среднеиртышская» культура не совсем удачен (ареал ранних памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией выходил далеко за пределы Среднего Прииртышья, а их эпохальная принадлежность не уместается в рамках неолита), следует признать правомерным вывод о существовании в предтаежной и южнотаежной полосе Ипимского и Иртышского бассейнов накануне бронзового века массива родственных культур со специфической орнаментальной традицией. Центр этой огромной общности, возможно, находился в Среднем Прииртышье, где был представлен, в частности, памятниками екатерининского типа. Ранние памятники Тюменского Притоболья с гребенчато-ямочной керамикой (байрынский тип, по нашей терминологии) и барабинская группа памятников, исследованная В. И. Молодиным, принадлежат, видимо, локальным вариантам этой общности.

Эпоха ранней бронзы (одиновский этап). Как уже говорилось выше, общая хронологическая тенденция в развитии гребенчато-ямочной керамики Западной Сибири выразилась в постепенной утрате круглодонности, в появлении уплощенного, а затем плоского дна. Наиболее ранний в типологическом отношении комплекс гребенчато-ямочной керамики бронзового века выявлен на поселении Шапкуль VI в Нижнем Притоболье (раскопки Западно-Сибирской экспедиции, 1973 г.). Посуда этого памятника имеет слегка отогнутый венчик и округлое, уплощенное или плоское дно (рис. 91, 5, 6, 8–11). Все эти формы сосуществуют: так, обломок нижней части круглодонного сосуда (рис. 91, 10) найден вместе с плоскодонным (рис. 91, 11) на дне хозяйственной ямы. В тесте заметна примесь песка.

Орнамент выполнялся весьма небрежно: гребенчатый штамп нередко смазан, ямочные вдавления обычно неправильной формы, орнаментальные пояса зачастую отклоняются от горизонтального направления и т. д. Характер декоративной схемы по сравнению с местным гребенчато-ямочным энеолитом не претерпел существенных изменений. Поверхность сосудов покрывалась однообразными рядами отпечатков гребенки (иногда «шагающей»). Орнаментированная поверхность делилась несколькими рядами ямок. Днища орнаментировались чаще всего ямочными вдавлениями.

Типологически несколько более развитой выглядит гребенчато-ямочная керамика Одиновского поселения в лесостепном Поишимье. Она имеет плоскодонную баночную форму. В тесте присутствуют песок и шмот. Орнамент занимает всю внешнюю поверхность сосудов, включая дно. Он состоит из горизонтальных рядов наклонных вдавлений гребенчатого штампа; на днищах эти ряды обычно располагаются в виде концентрических окружностей (Крижевская, 1977, табл. XXII, XXIII, XXV). Орнаментальное поле делится горизонтальными рядами круглых ямок; ямки нередко покрывали и днища сосудов (там же, табл. XXII, 2; XXV, 2). На некоторых сосудах наряду с ямочными поясами имеется один–два ряда бугорков («жемчужин»), выдавленных с внутренней стороны стенки (там же, табл. XXII, 1; XXIII, 1).

Как и на Шапкуле VI, иногда в средней части орнаментального поля идет зона из наклонных рядов насечек или гребенчатых оттисков (там же, табл. XXIII, 1; XXIV, 8). Л. Я. Крижевская выделила в Одино особую группу посуды, на которой место гребенчатых штампов занимают своеобразные отпечатки, напоминающие римскую цифру I. Один из сосудов с такой орнаментацией имеет форму широкой низкой чаши (там же, табл. XXIV, 9). Штампы, абсолютно такие же по облику и расположенные в той же самой композиционной манере, известны на энеолитической и раннебронзовой гребенчато-ямочной керамике Тюменского Притоболья и прилегающей части Исети (см., например: Ковалева, 1977, рис. 5, 7).

Посуда, близкая одиновской, встречается Л. Я. Крижевской, на других поселениях лесостепного Поишимья (Кокуй II, Логиново VI, Кош-Каргай, Малышевское и др.). Сейчас представляется наиболее вероятным, что в эпоху ранней бронзы ареал гребенчато-ямочной керамики локализовался в основном в лесостепном и южнотаежном Ишимо-Иртышье, заходя на западе в Тюменское Притоболье. Однако посуда, в той или иной мере похожая на одиновскую, встречается в некотором количестве в Васюганье (поселение Тух-Эмтор, Карасий Бор III, Малгет и др.) и даже в средней части Тюменской обл. Но пока нет уверенности, что эта керамика, если даже она относится к раннебронзовому времени, составляет здесь долговременный культурно-хронологический комплекс. Скорей всего ее присутствие в северных таежных районах свидетельствует о начавшемся смещении в начале самусьско-сейминской эпохи гребенчато-ямочного ареала на север и северо-восток Западной Сибири.

В. И. Молодин считает возможным включить в одиновский круг памятников и отнести к выделенному М. Ф. Косаревым одиновскому этапу шесть поселений лесостепной Барабы (Венгерovo 1А, Кама 2, Каргат 6, Марково 2, Новочекино 5, Сопка 3А), отмечая, однако, некоторое сходство их по отдельным признакам с памятниками крохалева типа в Верхнем Приобье (Молодин, 1983а, с. 14).

Орудия, которые можно было бы твердо связать с характеризуемой керамикой, немногочисленны. Производственный инвентарь Шапкульского VI поселения состоит из одних грузил. Преобладают грузила в виде приплюснутых с торцов керамических палочек (рис. 91, 2, 3, 7), характерные как для энеолитической (байрыкской) гребенчато-ямочной посуды, так и для раннебронзовой ямочной (андреивской). Но уже прослеживается стремление выработать новые, более рациональные формы грузил. Встречены обломок четырехугольного в сечении глиняного грузила с продольным отверстием (рис. 91, 1) и каменное четырехугольное грузило с желобчатым перехватом (рис. 91, 4). На Шапкуле VI обнаружены две глубокие ямы, доверху заполненные плотным слоем рыбьей чешуи; в заполнении ям собраны также кости копытных животных. Видимо, в Тюменском Притоболье рыболовство в это время, как и в предшествующий период, продолжало оставаться основной отраслью хозяйства. Не исключено, что рыболовство играло ведущую роль и в лесостепном Поишимье. Во всяком случае, единственными орудиями, найденными в Одино, были «два тонких стерженька, почти

правильно-округлых в сечении, диаметром 1 см, с плоским слегка расплюснутым концом (второй конец обломан)» (Крижевская, 1977, с. 91). Л. Я. Крижевская ошибочно предположила, что они являются ножками или подставками сосудов либо даже частями скульптуры. В действительности эти глиняные палочки не что иное, как охарактеризованные выше глиняные грузила в виде стержней с приплюснутыми шляпковидными концами. На одиновских памятниках лесостепной Барабы, по сообщению В. И. Молодина, «каменные орудия и предметы бронзолитейного производства встречаются в виде исключения» (Молодин, 1983а, с. 14).

Жилища почти не изучены. Одна жилая постройка исследована на Одиновском поселении; она представляет собой полуземлянку, углубленную на 0,5 м от древней поверхности, подчетыреугольную, площадью 8×8 м. Стенки котлована вертикальны. Вход в жилище имел вид короткого «отростка», который постепенно суживался к наружной части и был обращен к югу, в сторону реки. В центре чуть ближе к выходу располагался слегка углубленный в землю очаг диаметром 0,5 м. У входа были обнаружены остатки еще одного такого же очага. Судя по расположению столбов и их диаметру, жилище было односкатным (Крижевская, 1977, с. 86—87). Характеризуя одиновские памятники Барабы, В. И. Молодин сообщает о трех исследованных им наземных жилищах. Они были округлыми в плане и отличались по конструкции от жилища, раскопанного Л. Я. Крижевской в Поишимье (Молодин, 1983а, с. 14).

Погребения, которые можно было связать с поселениями одиновского типа, пока не найдены.

Время существования характеризуемого культурно-хронологического комплекса в пределах его основного ареала определяется тем, что он лежит между местным гребенчато-ямочным энеолитом (вторая половина III тыс. до н. э.) и самусьско-сейминским хронологическим пластом (около XVI—XIII вв. до н. э.); таким образом, хронологический диапазон существования памятников одиновского типа в общем укладывается в первую треть II тыс. до н. э.

6. Памятники эпохи раннего металла в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье

В. И. Матющенко высказал мысль, что памятники, предшествующие самусьской культуре в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье, следует объединять в одну верхнеобскую неолитическую культуру (Матющенко, 1973а). Нам представляется, что выделенная В. И. Матющенко верхнеобская неолитическая культура в действительности является широким в территориальном и хронологическом отношении этнокультурным массивом, включающим не только неолитические памятники, но также энеолитические и раннебронзовые. Название «верхнеобская культура» неудачно: во-первых, потому, что это не культура, а культурная общность, включающая, возможно, несколько родственных и не всегда синхронных культур, во-вторых, потому, что эта общность выходила

далеко за пределы Верхнего Приобья. Думается, что было бы правильнее назвать эту общность «новокусовской» (по наиболее характерной стоянке) или «протосамусьской». Такое название вызвало бы ассоциацию с определенным кругом памятников и подчеркнуло бы общепризнанный факт, что генетические истоки самусьской и родственных ей культур эпохи бронзы следует искать в определенной субстратной среде. Ниже мы рассмотрим два хронологических этапа развития местных культур в период, предшествующий сложению самусьской культуры.

Новокусовский этап. Пока полностью опубликованы материалы трех памятников — Самусьского могильника, Кипринской и Новокусовской стоянок. Керамика новокусовского этапа весьма разнотипна по форме. Наряду с остродонными и круглодонными встречаются сосуды с уплощенным и плоским дном. На Кипринской стоянке Верхнего Приобья, кроме характерных круглодонных сосудов и плоских банок найдены сосуды горшковидной формы (Молодин, 1977, с. 20). Такое же разнообразие отмечено и на других памятниках новокусовского этапа (Самусьский могильник, Новокусовская стоянка, Тух-Сигат IV, Большой Ларьяк в Томской обл., Ирмень 2а, Иня 3 и другие в Новосибирской обл.). Так, в погребении 6 Самусьского могильника находилось четыре сосуда, различных по форме и орнаменту: а) горшковидный с уплощенным дном, украшенный горизонтальными и вертикальными зигзагами из отпечатков гладкого штампа; б) профилированный в верхней части остродонный сосуд, покрытый по всей поверхности горизонтальными рядами отступающей гребенки (рис. 93, 17); в) низкая круглодонная чаша, орнаментированная рядами насечек; г) остродонный конусовидный сосуд без орнамента (Матющенко, 1960, табл. 2, 6, 8; Косарев, 1974а, рис. 4, 1, 2).

В тесте присутствует песок, иногда, видимо, мелкая дресва. Орнаментальная композиция весьма однообразна и сводится обычно к заполнению поверхности сосудов одним видом узора — волной, псевдоплетенкой, рядами отступающей гребенки и др. Примечательно, что из 11 сосудов Самусьского могильника трудно подобрать два, похожих по форме и орнаменту. Однако столь необычная разнотипность во многом кажущаяся. Все эти сосуды близки между собой по трем основным признакам: нехарактерность гребенчатого штампа; господство отступающей техники нанесения орнамента; типичность архаичных «раннеолитических» орнаментальных мотивов — волны, псевдоплетенки, сплошных взаимопроникающих треугольных зон и др. Аналогичные особенности присущи керамике Новокусовской стоянки и других одновременных памятников Среднего и Верхнего Приобья (ранний комплекс поселения Большой Ларьяк II, Кипринская стоянка и пр.), с тем лишь отличием, что на окраинах ареала встречаются черепки с отпечатками гребенчатого штампа.

Каменный инвентарь памятников новокусовского этапа включает наконечники стрел, скребки, ножи, топовидные орудия разных форм и некоторые другие изделия (рис. 93, 1—13, 16) (см. также: Косарев, 1981, рис. 20, 15—26). Среди наконечников Самусьского могильника преобладают удлиненные листовидные формы (рис. 93, 2, 3, 16). Встречаются

также укороченные наконечники с выемкой в основании (рис. 93, 1) и удлиненные с черешком (рис. 93, 5). В Новокусовской стоянке, напротив, более типичны укороченные наконечники с выемкой в основании. Для Кипринской стоянки, где был найден 41 наконечник стрел, судя по статистическим подсчетам В. И. Молодина, в одинаковой мере характерна та и другая форма (Молодин, 1977, с. 22—23, табл. XIV, 11, 12). Скребки делались на отщепках, рабочая часть их, как правило, округлой формы. В Самусьском могильнике найдено более десятка топовидных и долотовидных каменных орудий; они в большинстве своем невелики и имеют слегка приостренный обушок. Встречены массивный удлиненный пест и такое же по пропорции тесловидное орудие (Косарев, 1974а, рис. 5, 13, 14).

Каменные ножи новокусовского этапа делятся на несколько типов. В целом преобладают широкие листовидные формы (Косарев, 1974а, рис. 6, 24, 25; 1981, рис. 20, 25—28). В Самусьском могильнике найден крупный, прекрасно обработанный асимметричный нож (рис. 93, 13), на Новокусовской стоянке собрано несколько ретушированных по всей поверхности четырехугольных вкладышей. Интересны шлифованные ножи из нефрита и из зеленоватого под нефрит сланца, с заточенным рабочим краем. Четыре таких ножа происходят из Самусьского могильника (рис. 93, 6), два — из Новокусовской стоянки (Косарев, 1981, рис. 20, 29, 30). Близкие аналогии им есть в серовских и глазковских погребениях Прибайкалья (Окладников, 1955, табл. II). Семь похожих ножей встречены на Кипринской стоянке (Молодин, 1977, с. 22).

Как видно из изложенного, основная масса инвентаря характеризует охотничьи занятия. К числу рыболовческих орудий относятся найденные в Самусьском могильнике каменные стерженьки для крючков (Косарев, 1974а, рис. 5, 5, 6). Они напоминают по облику каменные стерженьки из серовских и глазковских могил Ангаро-Байкалья (Окладников, 1955, рис. 16, 11, 12; 35, 5 и др.). Надо полагать, что население, оставившее керамику новокусовского типа, знало и другие способы ловли рыбы, в том числе сетью. На некоторых черепках из Самусьского могильника отчетливо видны отпечатки мелкоячеистой сети (Косарев, 1981, рис. 20, 2). Грузила для сетей пока не найдены. Возможно, В. И. Матющенко прав, полагая, что в качестве грузил могла использоваться необработанная галька.

Жилища этого времени в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье не исследованы.

О погребальном обряде населения новокусовского этапа можно судить по материалам Самусьского могильника, где В. И. Матющенко исследовал 16 могил. Покойников хоронили в неглубоких (от 0,45 до 0,95 м) ямах. Лишь в одном случае глубина превышала 1 м (могила 9). Большинство могил ориентировано с севера на юг, одна была вытянута с запада на восток, три — с северо-востока на юго-запад. Кости почти не сохранились. В восьми могилах отмечено трупосожжение или следы огня, сопровождаемые охрой. Шесть могил содержали только керамику, в шести наличествовал каменный инвентарь, но отсутствовала посуда. Характер материала позволяет предполагать, что часть вещей, а иногда почти

весь погребальный инвентарь клали не в могилу, а рядом на поверхности.

Давая общую оценку культурной специфике памятников новокусовского этапа, еще раз напомним что по некоторым особенностям — прежде всего по облику керамики и по своеобразию орнаментального комплекса — памятники новокусовского типа обнаруживают явные признаки генетической близости ранним памятникам автохтонных восточноуральских культур. Видимо, «верхнеобская» (новокусовская) общность выросла на основе более широкой и более древней общности, которая простиралась некогда до Урала. Впоследствии, когда в ишимо-иртышской части Западной Сибири утвердилось население с гребенчато-ямочной керамикой, восточная часть этой общности оказалась изолированной и продолжала развивать автохтонные культурные традиции.

В. И. Матющенко отнес Самусьский могильник и одновременные ему памятники к неолитической эпохе. Думается, что это ошибочное мнение. Мы уже отмечали выше, что керамику Самусьского могильника характеризует разнотипность форм сосудов (острые, округлые, уплощенные и плоские днища, закрытые и отогнутые венчики и т. д.). Такая нестандартность бывает характерна для рубежа разных археологических эпох.

Обращает на себя внимание широкое распространение на новокусовском этапе шлифованных ножей из нефрита и других пород, которые по форме и манере заточки напоминают простейшие металлические ножи. Появление в это время оселков-точилец (см. также: Косарев, 1981, рис. 20, 31—33) — независимо от того, предназначались они для заточки металлических изделий или их каменных подобий — является признаком новой эпохи. В керамике Самусьского могильника и Новокусовской стоянки присутствуют некоторые элементы, свидетельствующие о сходстве с липчинской посудой Нижнего Приобья, например характерность ложно шнуровой орнаментации и наличие в некоторых случаях вертикальной разбивки орнаментального поля (Косарев, 1981, рис. 20, 1, 3, 10, 11, 13). В. И. Молодин вслед за М. Н. Комаровой справедливо отметил сходство орнаментации посуды Кипринской стоянки и нижнего (липчинского) слоя VI разреза Горбуновского торфяника, свидетельствующее, по их мнению, об одновременности и известной культурной близости этих двух памятников (Молодин, 1977, с. 24). Липчинская энеолитическая культура датируется сейчас второй половиной III тыс. до н. э., возможно, с заходом в начало II тыс. до н. э. Думается, что приблизительно в этих же пределах уместается время существования Самусьского могильника и других памятников новокусовского этапа в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье.

Игрековский этап. К настоящему времени исследовано более десяти памятников этого этапа — стоянки Новокусовская, Шайтанка III, Игреков Остров I, II, Могильники I, могильник на Мусульманском кладбище, ранние погребения Томского могильника на Большом Мысе и др. Почти все известные памятники игрековского типа находятся в Томско-Нарымском Приобье, преимущественно в правобережной его половине. В левобережной части Нарымского

Приобья в это время, судя по работам Ю. Ф. Кирушина, локализовалась другая культура, тяготеющая в основном к гребенчато-ямочному ареалу. Тем не менее керамика этого времени из левобережной части Нарымского Приобья обнаруживает существенную типологическую близость к игрековской; прежде всего по форме, манере орнаментации дна и отчасти по характеру орнаментальной композиции (Степановский могильник, поселения Тух-Эмтор IV, Малгет). Что касается Верхнего Приобья, то оно в это время было втянуто в круг лесостепных влияний, которые привели позже к распространению там памятников кротовского типа, видимо, на начальной стадии своего существования синхронных поздним игрековским. Следует, однако, заметить, что керамика новокусовского типа в Верхнем Приобье тоже обнаруживает тенденцию к перерастанию в игрековскую: становится обычной плоскодонная баночная посуда (Молодин, 1977, табл. XIII, 1, 3; XV, 1), в орнаментации появляется ряд мотивов, в равной мере встречающихся на игрековской керамике Томско-Нарымского Приобья (наклонные лесенки, пояса из нескольких параллельных линий и др.) (там же, табл. XII, 1, 4). Но похоже, что эта тенденция была прервана затем усилившимся давлением с запада носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и, видимо, участвовавшими проникновениями с востока групп, родственными окуневцам. В этих условиях началось, на наш взгляд, формирование в лесостепной Барабе кротовской культуры.

Керамика игрековского типа в Томско-Нарымском Приобье имеет закрытую баночную форму и плоское дно (рис. 94, 4, 10, 12—14). В тесте характерна примесь песка. Орнамент наносился отступающей лопаточкой, мелкими насечками, прочерченными линиями. Гребенчатый штамп почти не употреблялся. Например, в больших керамических коллекциях могильника на Мусульманском кладбище и Шайтанской III стоянки он не был встречен ни разу; следует ожидать, что на юге и западе ареала роль гребенчатого штампа должна возрасти.

Боковая поверхность сосудов украшалась обычно одним узором — рядами насечек, линиями из отступающей лопаточки, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами и т. д. Характерны волнистые узоры (Косарев, 1974а, рис. 18, 1—6). Большинство отмеченных мотивов (волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны), отступающая техника выполнения узоров в равной мере обычны на новокусовской керамике, что можно принимать как свидетельство генетической преемственности новокусовской и игрековской групп посуды. Порой орнамент одного сосуда выполнен двумя способами: например, прочерченные линии в верхней половине и ряды насечек в придонной части (рис. 94, 14). Иногда поверхность покрывалась частыми наклонными вдавлениями каплевидных ямок (Белокобыльский, Матющенко, 1969, табл. 2, 1; 4, 1; Косарев, 1981, рис. 22, 4, 10). Днища орнаментировались довольно редко. В могильнике на Мусульманском кладбище лишь два (из 34) сосуда имеют орнаментированные днища в виде взаимопересекающихся полос (Косарев, 1974а, рис. 19, 5; 20, 4). На более северных памятниках орнаментированные днища встречаются чаще. Так, у сосудов Шайтанской III

стоянки украшалась обычно не только внешняя, но и внутренняя часть дна (Косарев, 1981, рис. 22, 3, 4).

О характере производственного инвентаря игрековских памятников с наибольшей полнотой позволяют судить каменные орудия могильника на Мусульманском кладбище. Они близки орудиям Самусьского могильника: удлиненные шлифованные тесла, небольшие топоры с приостренным обушком (рис. 94, 9), листовидные и ланцетовидные каменные наконечники стрел (рис. 94, 1, 3), шлифованный нож с заточенным лезвием (рис. 94, 6), песчаниковые точильца, сильно сточенные со всех сторон (рис. 94, 11) и др. (Косарев, 1974а, рис. 19, 5; 20, 4). И в Самусьском могильнике, и в могильнике на Мусульманском кладбище встречено также по одной каменной скульптуре медведя, близких по величине и стилю изображения (там же, рис. 6, 36; 20, 9).

Основная масса орудий связана с охотничьим промыслом. Из рыболовческого инвентаря можно назвать лишь каменные стерженьки для составных крючков. Они имеют удлиненную биконическую форму, желобчатую выемку вдоль одной стороны и круговые вырезы на концах. Подобные стержни были найдены, в частности, в могильнике на Мусульманском кладбище (рис. 94, 5) и на стоянке Могильники I. Близкие аналогии им известны в глазковских погребениях (Окладников, 1955, рис. 33).

О жилищах игрековского этапа в Томско-Нарымском Приобье пока нет достоверных данных.

Погребальный обряд игрековского населения известен в основном по материалам могильника на Мусульманском кладбище и Томского могильника на Большом Мысе. В могильнике на Мусульманском кладбище вскрыто 30 погребений. Ритуал захоронения во многом близок погребальному обряду Самусьского могильника. Все погребения бескурганые, грунтовые. Глубина могильных ям от 0,3 до 1 м. Костяки почти не сохранились. Для трех погребений установлено положение покойников. Они лежали на правом боку с подогнутыми ногами, причем ориентировка была различной: головой на восток (могила 1), головой на запад (могила 15) и головой на север (могила 22).

В 22 определенных случаях направление могильных ям было следующим: восток-запад (4 могилы), северо-восток — юго-запад (10 могил), северо-восток — юго-юго-запад (5 могил), север — юг (3 могилы). Таким образом, ориентировка не была постоянной. Этому как будто противоречит ориентация могильных ям на Большом Мысе: по дневникам А. В. Адрианова все восемь могил были вытянуты с севера на юг. Все захоронения на Большом Мысе, согласно данным А. В. Адрианова, были совершены по обряду трупосожжения. Не исключено, однако, что А. В. Адрианов квалифицировал как трупосожжения все погребения, где наблюдались следы огня. В могильнике на Мусульманском кладбище отмечено лишь одно трупосожжение; в 17 могилах обнаружены следы огня. Охра встречена в одном случае (могила 7). Сосуды обнаружены в 19 погребениях, причем в четырех (2, 12, 19, 30) находилась только посуда. В остальных могилах был лишь каменный инвентарь.

Возможно, с игрековским культурно-хронологическим комплексом следует связать одно из погребений Ордынского могильника в Новосибирском При-

обье. В нем был найден архаичный плоскодонный сосуд баночной формы, украшенный горизонтальными и вертикальными рядами короткого гребенчатого штампа, а также двумя рядами зигзагов из отпечатков того же штампа. Последний ставился так, что отпечаток получался как бы треугольным; ряды отпечатков выполнялись в «налегающей» манере (Молодин, 1977, табл. XV, 1). Такая техника нанесения орнамента весьма характерна для екатерининской керамики Среднего Прииртышья и шапкульской Тюменского Притоболья. Видимо, этот факт свидетельствует об усилении контактов с западными гребенчато-ямочным и гребенчатым ареалами. «Погребение, — сообщает В. И. Молодин, — возможно, было парным, так как в осыпи у обрыва были найдены кости человека. Размеры сохранившейся могильной ямы 1,8×1,2×0,57 м. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Верхняя часть его присыпана углями, толщина присыпки составляет 19 см. Слева от черепа находился сосуд. У правой руки погребенного лежали шесть отщепов из низкокачественного цветного кремня и сланца, ножевидные пластины, обработанные с двух сторон по спинке грубой ретушью, и три подвески из зубов животных. У левой руки обнаружены два отщепа из того же материала. В области таза найдены четыре зуба медведя. Не исключено, что два раздавленных сосуда кипринского времени, найденные при раскопках могильника, также были связаны с погребением» (Молодин, 1977, с. 23).

Интересны два плоскодонных баночных сосуда из Степановского могильника в Васюганье. Они были обнаружены в 0,4 м от могилы на одном уровне с погребенным. Однако ни одна из четырех могил этого древнего кладбища не содержала посуды, хотя обряд захоронения во многом близок Самусьскому могильнику и могильнику на Мусульманском кладбище (грунтовые захоронения, следы трупосожжений и охры). Несколько странно, что полностью отсутствует каменный инвентарь. Тем не менее следует признать убедительным мнение Ю. Ф. Кирюшина, что погребение 1 и упомянутые два сосуда относятся к единому ритуальному комплексу, который датируется временем существования памятников игрековского типа (Кирюшин, 1972, с. 282; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 85).

Посуда игрековского этапа в типологическом отношении выглядит позже новокусовской. Плоскодонная баночная керамика в Западной Сибири приобрела господствующее положение в эпоху ранней бронзы (одиновские, вишневские, окуневские памятники). Интересно, что в рассмотренном выше погребении 1 Степановского могильника в Васюганье Ю. Ф. Кирюшин обнаружил около черепа обломки бронзового предмета (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 61). Во время наших раскопок на Новокусовской стоянке на участке с игрековской керамикой были найдены обломки глиняной литейной чаши со следами ошлакованной бронзы на поверхности. Эти факты не позволяют относить игрековские памятники к III тыс. до н. э. Нам представляется, что памятники игрековского типа в общем синхронны Одиновскому поселению в лесостепном Поишимье и стоянке Вишневка I в Северном Казахстане, т. е. относятся примерно к первой трети II тыс. до н. э.

Глава третья

Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха)

Переход от эпохи ранней бронзы к развитому бронзовому веку в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири ознаменовался несколькими крупными историческими событиями. В это время в предтаежной и лесостепной Западной Сибири исчезают памятники с гребенчато-ямочной керамикой, а на их месте на широких пространствах от Юго-Восточного Приобья до района Тюмени распространяются памятники самусьской и кротовской культурных общностей (карта 35). Одновременно наблюдается бурный расцвет бронзовой металлургии. В северной части западносибирской лесостепи и в таежном Обь-Иртыше в это время широко бытуют так называемые турбинско-сейминские типы бронзовых орудий: копья с вильчатым или ромбическим стержнем, кельты со своеобразным геометрическим орнаментом, дугообразные массивные ножи со скульптурным навершием на рукояти и другие изделия, свидетельствующие о высоком уровне металлообработки. Турбинско-сейминская (самусьско-сейминская) металлургия придала особый колорит этому историческому периоду, который мы именуем самусьско-сейминской эпохой.

Свердловско-Тагильский регион, хотя и вспел в сферу распространения турбинско-сейминских бронз, в целом сохранил свою культурную самобытность: там и в самусьско-сейминскую эпоху продолжает развиваться прежняя «андроноидная» культурная традиция, раннего этапа которой мы касались в начале предшествующей главы в связи с характеристикой комплексов аятского типа.

1. Свердловско-Тагильский регион. Коптяковский этап

В начале развитого бронзового века в Среднем Зауралье распространились памятники с керамикой коптяковского типа (поселения Коптяки V, Макуша, Разбойничий Остров, Калмацкий Брод, VI разрез Горбуновского торфяника и др.). Коптяковский тип посуды был впервые выделен К. В. Сальниковым (Сальников, 1964, рис. 2, с. 7—10). В наиболее чистом виде коптяковский керамический комплекс представлен на поселении Коптяки V (раскопки Н. Я. Рыжникова и О. Е. Клера в конце XIX в.). Посуда коптяковского типа имеет плоскодонную горшковидную форму (рис. 95). В тесте отмечена примесь талька. Обычна высокая, несколько отогнутая шейка; на месте ее стыка с туловом почти всегда обозначен четкий острореберный переход. Встречаются сосуды баночной формы (рис. 95, 1, 3, 7). Венчик уплощенный. Орнамент наносился почти исклю-

чительно оттисками гребенки. Нередки отпечатки широкозубой гребенки, напоминающие гусеничный штамп (рис. 95, 7).

В свое время К. В. Сальников справедливо отметил присутствие в коптяковских орнаментах черт, характерных, с одной стороны, для более ранней аятской посуды, с другой — для черкаскульской и андроновской (Федоровской) (Сальников, 1964, с. 7—10). К числу признаков, знакомых нам по аятской керамике, следует отнести, в частности, характер орнаментальной композиции: заполнение поверхности сосудов одинаковыми поясами узоров, отделенных друг от друга зигзагообразными полосами, горизонтальными цепочками ромбов, решетчатыми лентами или другими геометрическими рисунками, присутствие орнамента на внутренней стороне венчика и др. К узорам, характерным для более поздней черкаскульской посуды, в коптяковской орнаментации можно отнести ряды параллельных желобчатых линий в верхней части сосудов, полосы из уголкового гребенчатых отпечатков, ступенчатые фигуры, сложные меандровидные узоры и т. д.

Видимо, К. В. Сальников прав, полагая, что появление в лесном Зауралье коптяковской керамики «не нужно связывать ни с проникновением, ни с влиянием андроновской культуры. Она возникла в лесном Зауралье самостоятельно, в процессе развития местной культуры предшествующего времени» (Сальников, 1964, с. 10).

Коптяковская орнаментация является новым этапом развития так называемого андронидного орнаментального комплекса. К северу и западу от коптяковского ареала геометризм в орнаменте идет на убыль. В северной половине Свердловской обл. (поселения Лая, Медведка и др.) известна керамика, в форме и орнаменте которой мы наблюдаем некоторые коптяковские черты: острореберность, плоский срез венчика, характерность полос-разделителей в виде зигзагов, ромбов, треугольников, присутствие гусеничного штампа и т. д. Однако в отличие от коптяковской эта северная керамика украшалась в основном в манере гребенчатой орнаментальной традиции; андронидный декоративный комплекс был выражен весьма слабо. Севернее Свердловской обл. посуда, украшаемая в коптяковской геометрической манере, неизвестна.

Орудия, которые можно связывать с коптяковской керамикой, немногочисленны. К. В. Сальников упоминает о находке на поселении Коптяки V плавильного горна, тигля и лопила из астрагала овцы. Эти данные позволяют предполагать достаточно высокий уровень бронзолитейного производства у коптяковцев и знакомство их со скотоводством. Видимо, немаловажную роль в хозяйстве коптяковского населения играли охота и рыболовство. На поселении Ишкуль I

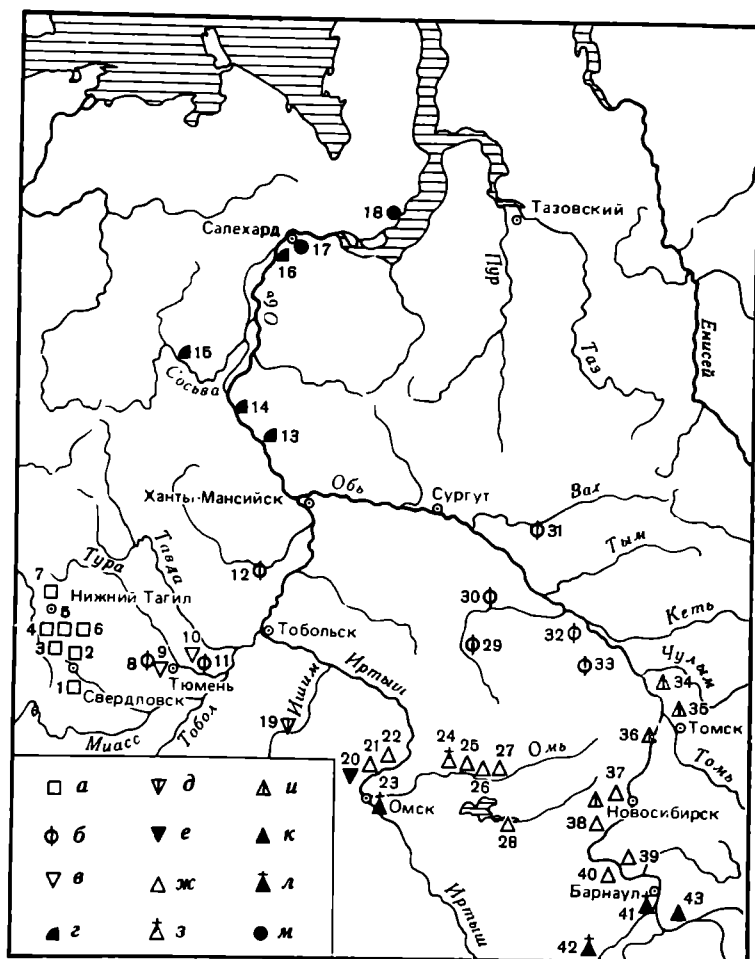
в Тюменском Притоболье в слое самусьско-сейминской эпохи было немного керамики, похожей на коптяковскую; здесь же найдены биконические глиняные грузила. Хотя в целом этот тип грузил относится к более раннему времени, не исключено, что он доживает до развитых этапов бронзового века. В. Т. Юровская нашла подобные грузила в слое с керамикой эпохи бронзы (раскоп 5 участка VI южного берега Андреевского озера), причем сосуды этого комплекса по форме (острореберность) и орнаменту (характерность гребенчатых зигзагов, нанесение узоров прокатыванием гребенки) вызывает определенные коптяковские ассоциации (Юровская, 1973, рис. 7).

Возможно, к коптяковскому этапу относятся некоторые наконечники стрел Береговой I стоянки, где встречена посуда коптяковского типа: треугольные каменные наконечники с прямым основанием и черешковые с шипами. Подобные наконечники представлены в Сейминском могильнике бассейна Оки (Бадер, 1970б, рис. 60). К коптяковскому этапу принадлежат, скорее всего, и найденные на Береговой I стоянке овално-подтреугольные скребки, обработанные по всему краю. Скребки подобной конфигурации известны в Турбинском могильнике и на Самусьском IV поселении.

Жилища и могильники коптяковского этапа в Свердловско-Тагильском регионе пока не изучены.

Хронологические рамки коптяковского этапа в лесном Зауралье определяются генетической близостью коптяковской керамики предшествующей аятской, с одной стороны, и последующей черкаскульской и и федоровской, с другой, т. е. типолого-хронологическим местом коптяковской орнаментации в развитии андронидного декоративного комплекса. Если согласиться с предложенной выше датой аятских памятников (первая треть II тыс. до н. э.) и учесть, что начало черкаскульских памятников никто из исследователей не ведет сейчас глубже XIV в. до н. э., то хронологические рамки коптяковского этапа определяются XVI—XIV вв. до н. э., т. е. лягут примерно в пределы временного диапазона, отведенного К. А. Сальниковым для абашевской (баланбашской) культуры Южного Урала (Сальников, 1967, с. 9). В этой связи обращает на себя внимание наличие ряда сходных черт в коптяковской и баланбашской посуде: острореберность, присутствие в орнаменте зигзагообразных гребенчатых полос и ступенчатых фигур, характерность горизонтальных ромбических поясов, выполненных гребенчатым штампом и др. (ср.: Сальников, 1967, рис. 10—12).

Если считать острореберность сосудов в Тоболо-Иртышье хронологическим признаком, то раннюю коптяковскую керамику можно синхронизировать с петровской (раннеалакульской) Северного Казахстана, для которой острореберная форма является достаточно характерной (Зданович Г. Б. 1973, с. 26, рис. 2). Этому не противоречит абсолютная дата петровских памятников (XVI—XV вв. до н. э. по Г. Б. Здановичу). Все эти хронологические данные в целом соответствуют датам, принятым для памятников и культур, предшествующих периоду распространения в Южном Зауралье и на юге Западно-Сибирской равнины черкаскульских и андроновских (федоровских) памятников.

Карта 35. Восточноуральские и западносибирские памятники самусьско-сейминской эпохи

а — поселения коптяковского этапа; б — поселения с гребенчато-ямочной керамикой; в — поселения нижнетобольского варианта самусьской общности; г — поселения сартыньинской культуры; д — поселения среднеишимского (логиновского) варианта самусьской общности; е — поселения среднеиртышского варианта самусьской общности; ж — поселения кротовской культуры; з — могильники кротовской культуры; и — поселения самусьской культуры; к — поселения елуининской культуры; л — могильники елуининской культуры; м — поселения ортинской культуры
 1 — Карасье I озеро; 2 — Карасье II озеро; 3 — Новая III; 4 — Аятские I, II поселения; 5 — Коптяки II, V; 6 — Макуша; 7 — Горбуновский торфяник; 8 — раскоп I участка VIII южного берега Андреевского озера; 9 — поселение на северном берегу Андреевского озера; 10 — Ипкуль, I; 11 — Ипкуль I, VIII; 12 — Волвонча I, Пашкин Бор I; 13 — Малый Атлым; 14 — Шеркалы XI, XIII; 15 — Сартынья I; 16 — Салехардская стоянка; 17 — Пернашор; 18 — Бухта Находка; 19 — Логиновское городище; 20 — Черноозерье VI; 21 — Черноозерье III, IV, VI; 22 — Инберень X; 23 — Ростовкинский могильник; 24 — могильник Сопка II; 25 — Преображенка III; 26 — Венгерovo II, III; 27 — Абрамово Ха; 28 — Каргат VI; 29 — Тух-Эмтор; 30 — Шаманский Мыс; 31 — Большой Ларьяк; 32 — Малгет; 33 — Тенга; 34 — Большой Сор; 35 — Самусь IV; 36 — поселение Могильники III; 37 — Крохалевка I, IV; 38 — Ордынское I; 39 — Кротово VII, VIII; 40 — Каргат VI; 41 — могильник Староалейка II; 42 — Елуининский могильник; 43 — комплекс поселений у оз. Иткуль (Корчажка V, Озерки Восточные, Костенкова избушка и др.)

2. Культуры севера Западной Сибири

Сартыньинская культура в северотаежном Приобье. Выделена Е. А. Васильевым (1983). К настоящему времени исследовано несколько памятников: поселения Сартынья, I, II, Шеркалы XI, XIII, Салехард-

ская I стоянка, городище Малый Атлым и др. Глиняная посуда сартыньинской культуры является непосредственным генетическим продолжением местной гребенчатой позднеолитической и энеолитической керамики. Остались прежними способ изготовления сосудов (ленточный) и состав примеси в глиняном тесте (песок, иногда с добавлением слюды). Однако форма и орнамент по сравнению с неолитическим временем значительно трансформировались. Основная масса сосудов представлена круглодонными и уплощеннодонными экземплярами; на позднем этапе культуры встречаются и плоские днища. Отмечена еще одна хронологическая тенденция, связанная с эволюцией формы. Вначале преобладали слегка «закрытые» сосуды, затем с прямым или чуть вогнутым венчиком. Исследуя орнаменты характеризуемого («стандартного») керамического комплекса Сартыньи I, Е. А. Васильев нашел возможным выделить два типа керамики.

К первому типу он отнес сосуды, орнамент которых строился при помощи и на основе гребенчатого зигзага. На раннем этапе сартыньинской культуры ведущим мотивом являлся многорядный зигзаг, сочетавшийся с рядами прямо поставленных отпечатков короткого гребенчатого штампа (Васильев Е. А., 1983, рис. 6а, 5–9). На позднем этапе основным элементом орнамента становятся различные по размерам и пропорциям шестиугольники («соты»), выполненные гребенчатым или гладким штампом (рис. 9б, 1, 3, 6, 8; см. также: Окладников, Молодин, Волков, 1979, табл. I и др.; Васильев Е. А., 1983, рис. 6а, 1–4). Сочетания сотовых узоров образуют разные варианты геометрических поясов — зигзаги, меандровые фигуры, цепочки ромбов и др. «Генетическая связь сотового орнамента, — отмечает Е. А. Васильев, — с предшествующим ему по времени зигзаговым на сартыньинской керамике ярче всего проявляется в том, что при замене основного элемента ни композиция, ни мотивы (в данном случае как способ расположения элементов) не претерпели существенных изменений» (Васильев Е. А., 1983, с. 51).

Ко второму типу относятся сосуды, украшенные как печатной, так и шагающей гребенкой (гребенчатой качалкой). «В первом случае, — сообщает Е. А. Васильев, — декоративные мотивы формировались пересекающимися горизонтальными, вертикальными и наклонными рядами отпечатков короткого гребенчатого штампа, во втором — поясами гребенчатой качалки. Причем, если гребенчатая качалка преобладала в начальный период бронзового века, то позднее более широко употреблялись мотивы, выполненные в технике печатной гребенки. Для всех орнаментов, независимо от техники нанесения, характерно отсутствие геометрических мотивов и наличие как вертикальной, так и горизонтальной зональности. Правильность отнесения рассмотренной керамики к одному типу подтверждается и взаимовстречаемостью на одних сосудах мотивов, выполненных шагающей и печатной гребенкой» (Васильев Е. А., 1983, с. 51).

Кроме двух вышеописанных типов, Е. А. Васильев выделил еще один — глиняную посуду нестандартных форм: блюда и ладьевидные сосуды (рис. 9б, 7, 9, 13; см. также: Васильев Е. А., 1983, рис. 6в). Блюда представлены овальными и прямоугольными экземплярами; овальные были обычно «закрыты» сильно

наклоненным внутрь венчиком. Большая часть «закрытых» блюд украшена геометрическим орнаментом, для прямоугольных и ладьевидных сосудов характерны узоры, присущие керамике второго типа. Этот третий тип посуды весьма многочислен. На Сартыньи I он составляет 29%.

На Сартыньинском I поселении комплекс, включающий ранние варианты посуды первого и второго типов, ладьевидные сосуды и часть закрытых блюд, концентрировался в третьем и четвертом горизонтах, тогда как большая часть керамики поздних вариантов и фрагменты прямоугольных блюд залегали во втором и третьем горизонтах. Подытоживая результаты анализа керамического материала Сартыньи I, Е. А. Васильев пришел к выводу о наличии двух этапов в развитии сартыньинской культуры в бассейне Северной Сосьвы: «Первый (ранний) этап характеризуется круглодонной посудой, украшенной простым геометрическим орнаментом (первый тип) или шагающей гребенкой (второй тип). Кроме обычных по форме, на этом этапе появляются ладьевидные сосуды и закрытые блюда с зигзаговым орнаментом. Для второго (более позднего) этапа характерны сосуды с уплощенным и даже плоским дном, сотовыми композициями (первый тип) и узорами, составленными из вертикальных, горизонтальных и наклонных рядов гребенки (второй тип). Нестандартная посуда представлена прямоугольными и закрытыми блюдами, причем последние украшены сложным геометрическим узором (соты, прямоугольные кресты). К этому этапу, по всей видимости, относятся найденные в третьем слое две капли бронзы» (Васильев Е. А., 1983, с. 52–53).

К сожалению, сартыньинская керамика происходит из нестратифицированных многослойных памятников, и мы поэтому не в состоянии пока вычленив из массы собранных там разновременных орудий собственно сартыньинские. Представленные на рис. 9б каменные изделия отнесены к сартыньинской культуре со значительной долей условности — по их типологической сопоставимости с предметами, найденными в южнотаежных памятниках эпохи ранней бронзы и самусьско-сейминского периода. Таким образом, сартыньинская культура выделена исключительно на основе керамических материалов, яркость, своеобразие и богатство которых поистине поразительны, особенно если учесть, что они локализируются в приполярных районах, которые традиционно считались по сравнению с югом более консервативными.

Орнаментация сартыньинской керамики демонстрирует специфический путь развития гребенчатой декоративной традиции — по линии «сотового» геометризма, в отличие от свердловско-тагильского и южноуральского регионов, где гребенчатая орнаментация начиная с энеолита трансформируется в сторону так называемого «андроидного» геометризма, развитие которого достигло наивысшего расцвета в последней трети II тыс. до н. э. в орнаментах керамики андроновской (Федоровской) и черкаскульской культур.

Сведений о жилищах и могильниках сартыньинской культуры, равно как о хозяйственных занятиях сартыньинцев, пока нет. Можно лишь предполагать, учитывая характер естественногеографического окружения, что большую роль в хозяйстве играли охота и

рыболовство, скорей всего с преобладанием последнего. Исходя из общей историко-культурной стратиграфии бронзового века Западной Сибири, Е. А. Васильев определил время существования сартыньинской культуры от XVIII—XVII вв. до XIV—XIII вв. до н. э.

Ортинская культура в Заполярье. Керамический комплекс этой культуры вычленен типологически и стратиграфически из материалов многослойных поселений Пернашор под Салехардом и бухта Находка в Ямальской тундре (Лашук, Хлобыстин, 1985). Сосуды имели округлое дно, прямой или слегка отогнутый приостренный венчик. Орнаментировалась вся внешняя поверхность. Чаще всего это были пояса из мелкозубых арочных вдавлений. Использовались мелко- и крупнозубые гребенчатые штампы, при помощи которых наносились пояса косорешетчатого узора и ряды вертикально или косо поставленных отпечатков. Употреблялись также гладкие прямые штампы и штампы, дающие отпечатки в виде капли и запятой. Под венчиком наносился один или два ряда ямок.

Характеризуемая керамика имеет большое сходство с глиняной посудой Ортинской стоянки на Печоре близ г. Нарьян-Мар, а также обнаруживает определенную близость керамическому комплексу стоянки Калвис 16 в Печорском Приполярье. Видимо, все перечисленные памятники относятся к единой культуре, которую Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин предложили назвать ортинской (1985). Судя по имеющимся материалам, эта культура охватывала Большеземельскую и Ямальскую тундры.

Орудия, которые можно было связать с ортинской керамикой, пока не выделены. Жилища и могильники неизвестны. Время существования ортинской культуры Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин предположительно определяют серединой — второй половиной II тыс. до н. э.

3. Таежное Обь-Иртышье. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой (предсузгунский этап)

Посуда с гребенчато-ямочной орнаментацией, широко бытовавшая в неолите и на раннебронзовом этапе в Ишимо-Иртышье, главным образом в лесостепной и южнотаежной части, в развитом бронзовом веке встречается лишь в таежной зоне — к северу от самусьской и кротовской культурных общностей. Для обозначения гребенчато-ямочного комплекса этого времени в Тюменском Притоболье мы предлагаем термин «предсузгунский», ибо в дальнейшем, с распространением на южной окраине западносибирской тайги культуры андроновской эпохи (сузгунской, еловской), гребенчато-ямочный комплекс здесь в чистом виде уже почти не встречается.

Есть некоторые основания предполагать, что в самусьско-сейминскую эпоху гребенчато-ямочный ареал локализовался между отступающе-накольчатый (самусьским) на юге и гребенчатым (сартыньинским) на севере, занимая как бы срединную часть Западной Сибири. Но, к сожалению, памятники самусьско-сейминского периода на этой территории

почти неизвестны. Поэтому мы коснемся лишь самой южной окраины гребенчато-ямочного ареала — той его части, которая тесно примыкала к самусьской культурной общности.

Гребенчато-ямочная керамика предсузгунского этапа в Тюменском Притоболье исследована на озерных поселениях бассейна р. Иски (Ипкуль I, VIII, Шапкуль VI — раскопки Западно-Сибирской экспедиции, 1972—1973 гг.), а также на Андреевском озере (раскоп I участка X южного берега Андреевского озера и др. — раскопки В. Т. Юровской, 1970-е годы) (Юровская, 1973, рис. 4). Гребенчато-ямочная керамика этого времени типологически вычленяется на поселениях Малгет (раскопки Л. А. Чиндиной), Тенга (раскопки Е. А. Васильева), Красный Бор III (раскопки Л. Н. Приль), в Нарымском Приобье, на Большеларьякском поселении в бассейне Ваха (раскопки В. А. Посредникова) и др.

Большая коллекция гребенчато-ямочной керамики самусьско-сейминской эпохи выделена при обработке материала Самусьского IV поселения в низовьях р. Томи. Она имеет баночную, слегка профилированную форму; сосуды при общем сужении ко дну у самого дна нередко опять чуть расширяются, и поэтому плоскостность выражена здесь более четко, чем на гребенчато-ямочной керамике эпохи ранней бронзы. В тесте обычна примесь песка и шамота. Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании поясов гребенчатого штампа с круглыми или овальными ямочными вдавлениями (рис. 97, 4—7, 9). Таким образом, манера орнаментации в основном осталась прежней, но в отличие от предшествующего времени становится более типичной и выраженной горизонтальная елочка. В Тюменском Притоболье вместо гребенчатого штампа порой употреблялись каплевидные насечки; характеризующая керамика здесь нередко встречается с посудой тюменского варианта самусьской культурной общности (Ипкуль I, раскоп I участка X южного берега Андреевского озера). В. Т. Юровская считает эти две группы керамики одновременными, с чем следует согласиться.

Для Тюменского Притоболья мы пока не можем назвать орудий, которые определенно увязываются с характеризующей посудой. На Ипкуле I и в раскопе I участка X южного берега Андреевского озера, где встречены обломки глиняных литейных форм, фрагменты грузил и другие изделия, слой, в котором они были найдены, содержал не только гребенчато-ямочную керамику, но и посуду тюменского варианта самусьской культурной общности (рис. 98) (Юровская, 1973, рис. 4). Насколько можно судить по материалам поселений Самусь IV в низовьях Томи и Тух-Эмтор в Васюганье, население с гребенчато-ямочной керамикой, во всяком случае в южной части ареала, изготовляло и использовало бронзовые орудия самусьско-сейминских форм (см., например: Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 77—78). Интересно, что некоторые льячки Самусь IV орнаментированы в гребенчато-ямочной манере (Матющенко, 1973б, рис. 13, 2). В. А. Посредников обращает внимание на находку на поселении Большой Ларьяк III (р. Вах) эмбрионовидной глиняной антропоморфной скульптурки, имеющей аналогии в гребенчато-ямочной общности Восточной Европы (Посредников, 1973,

рис. 1, 8, 19—22). Правда, в Восточной Европе образцы подобной пластики датируются в основном неолитической эпохой, т. е. более ранним временем. Однако приведенная аналогия проливает некоторый свет на проблему происхождения западносибирских гребенчато-ямочных культур, подтверждая предположение о западных их истоках. В этой связи интересны найденные на поселениях Большой Ларьяк II и Степаповское палочки из глины и глинистого сланца, сопоставимые, по мнению В. А. Посредникова, с глиняными грузилами Восточного Зауралья (Посредников, 1973, с. 99), характерными для энеолитических и раннебронзовых гребенчато-ямочных комплексов.

Жилища гребенчато-ямочного ареала самусьско-сейминской эпохи еще не изучены. Некоторое исключение представляет Васюганье, прежде всего поселения на оз. Тух-Эмтор, но гребенчато-ямочный комплекс рассматриваемого времени выражен там не очень четко и, кроме того, жилища этого региона не поддаются типолого-хронологической классификации; они, по мнению Ю. Ф. Кирюшина, были одинаковы во все периоды бронзового века. Жилые сооружения эпохи бронзы в Васюганье делились на летние (наземные) и зимние (полуземлянки). Те и другие имели подпрямоугольные очертания. Первые углублены в землю лишь до материка, вторые — на 0,45—0,50 м глубже. Зимние жилища были ориентированы обычно с запада на восток (с выходом к западу) или с северо-запада на юго-восток. Зимние сооружения несколько обширнее летних: их площадь колеблется от 30—35 до 40—45 кв. м. Очаг находился напротив выхода. В больших жилищах у противоположной от входа стены устраивался второй очаг, использовавшийся, как полагает Ю. Ф. Кирюшин, только для обогрева в наиболее холодное время года (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 124).

Могильники, относящиеся к поселениям с гребенчато-ямочной керамикой самусьско-сейминской эпохи, пока не найдены.

4. Самусьская культурная общность

Около середины II тыс. до н. э. в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири сложился обширный круг родственных культур, который мы относим к самусьской общности. Последнюю отличают два основных признака: в керамике — расцвет элементов и мотивов, характеризующих отступающе-накольчатую орнаментальную традицию; в металлообработке — производство великолепных бронзовых орудий самусьско-сейминских типов. В пределах самусьской общности выявляется сейчас с большей или меньшей отчетливостью несколько локальных вариантов: тюменский, среднешишимский (логиновский), среднеиртышский и томский (Косарев, 1981) (рис. 98—103). Из них наиболее изучены сейчас тюменский и томский варианты.

Тюменский вариант самусьской культурной общности представлен материалами нескольких памятников (поселение Ипкуль I; раскоп I участка X южного берега Андреевского озера и др. — рис. 98). Он занимает западную окраину характеризуемого ареала. Поэтому в керамике наблюдается смешение элементов

нескольких орнаментальных комплексов: самусьского (отступающая техника выполнения узоров, волнистые линии, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны), гребенчато-ямочного (деление орнаментального поля рядами ямок) и андронидного (присутствие в орнаменте меандров и других геометрических фигур). Это свидетельствует о том, что Тюменское Притоболье в самусьско-сейминскую эпоху, как и в предшествующее время, продолжало оставаться зоной контактов нескольких культурных областей.

Томский вариант самусьской культурной общности. В археологической литературе более известен под названием самусьской культуры, которая была выделена М. Ф. Косаревым (1964б). Ведущий памятник — поселение Самусь IV (раскопки В. И. Матющенко; к настоящему времени раскопано более 5 тыс. кв. м площади памятника). Кроме того, большие керамические комплексы самусьской культуры выявлены на поселениях Самусь III, Верхний Сор в Томско-Чулымском регионе, Крохалевка I, XII, Каменный Мыс и др. в Верхнем Приобье.

Керамику Самуся IV в целом можно разделить на две большие группы. К первой относятся горшковидные (реже баночные) сосуды с плоским или уплощенным дном (рис. 102, 1, 3, 8, 10). В тесте заметна примесь песка или мелкой дресвы. Венчик у горшкообразных сосудов довольно сильно отогнут наружу. Непосредственно под венчиком обычно располагаются два ряда мелких насечек, образующих горизонтальную елочку. Несколько ниже идет ряд или два ряда аккуратных круглых ямок; у горшковидных сосудов этот ямочный пояс располагается на границе шейки и тулова. Остальная часть боковой поверхности украшалась волнистыми или прямыми линиями, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами или псевдоплетенкой. Узоры выполнялись отступающей гребенкой или отступающей палочкой. Гребенчатый штамп не характерен. Днища украшались концентрическими окружностями, спиральными узорами, псевдоплетенкой или другими несложными рисунками (рис. 102, 3, 10) (Косарев, 1981, рис. 35, 1, 6).

Ко второй группе керамики Самусь IV относятся преимущественно баночные сосуды с округлым венчиком и плоским (иногда уплощенным) дном. Их доля составляет не более 8—10% всей керамики Самусьского IV поселения. Отличие от посуды первой группы заключается в ином характере узоров и в несколько другой технике нанесения орнамента. Рисунки чаще всего выполнялись протягиванием широкой округлой лопаточки, отчего на поверхности сосудов образовывались желобчатые линии. В верхней части сосудов под венчиком идут несколько прямых или волнистых желобчатых линий — почти всегда в сочетании с горизонтальным лестничным поясом (рис. 102, 4, 6, 9). Лестничный пояс обычен и в придонной части сосудов. По тулову нередко располагался ряд антропоморфных (реже зооморфных) изображений, которые отделялись одно от другого свисающими сверху желобками (рис. 102, 9) (Косарев, 1974а, рис. 11, 1, 3, 8, 9, 13). Нередки четырехугольные, шестиугольные и даже восьмиугольные днища; они украшались сложными геометрическими фигурами, концентрическими многоугольниками,

спиральными узорами, солярными рисунками и иногда изображениями солнцеликих личин (Косарев, 1974а, рис. 11; 12).

Посуда второй группы имела, видимо, специальное (культовое) назначение и существовала одновременно с первой, служившей для удовлетворения повседневных бытовых нужд. На других памятниках самумской культуры и самумской культурной общности керамика второй группы почти неизвестна. Возможно, ее присутствие на Самусе IV связано с производственной спецификой памятника. Не исключено, что это был поселок бронзолитейщиков (здесь найдено несколько сот обломков литейных форм) и охарактеризованная посуда, видимо, участвовала в ритуалах, сопровождавших процесс литья.

Помимо двух описанных групп посуды, относящихся к самумской культуре, на Самусе IV выделяется большая группа керамики с гребенчато-ямочным орнаментом (Косарев, 1974а, рис. 26). Ее присутствие здесь свидетельствует об усилении в конце самумско-сейминской эпохи давления на самумский ареал более северного западносибирского населения, что привело накануне андроновской эпохи к освоению северной части самумской территории носителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции.

Кроме многочисленной глиняной посуды, на Самумском IV поселении найдены несколько сот обломков каменных и глиняных форм для отливки турбинско-сейминских металлических орудий, прежде всего кельтов и копий, льячки, обломки тиглей, каменные терочники с рукоятью, оформленной в виде фаллоса (рис. 103, 10), предметы бронзового культового литья, несколько каменных скульптур головы человека (рис. 103, 15, 18, 19), большое число наконечников стрел, скребков, грузил (последние обычно делались из галек и имели боковые выбоины для привязывания), «якорей» (по форме напоминали грузила, но были очень крупных размеров). Каменные наконечники стрел представлены тремя основными типами: треугольными с прямым основанием, листовидными и черешковыми (рис. 103, 1—5, 8—13). Остальные разновидности единичны. Наиболее распространенная форма скребков — овално-подтреугольная (рис. 103, 7—14). Похожие скребки известны в Турбинском могильнике.

Жилища самумской культурной общности изучены пока недостаточно. Контуры жилых сооружений, выявленных на Самумском IV поселении, не очень отчетливы. В. И. Матющенко описал три округлых полуземляночных сооружения диаметром от 5,1 до 6,4 м (Матющенко, 1973б, с. 61—62). В восточной половине Самумского IV поселения он исследовал систему весьма аморфных по очертаниям жилищ-полуземлянок, соединенных канавообразными переходами общей протяженностью около 120 м, с каменными и земляными очагами внутри жилищ. Не исключено, что В. И. Матющенко отнес к этому гигантскому жилищному комплексу два не одновременных (в пределах, видимо, одной культуры) жилищных горизонта с двухкамерными полуземлянками, которые, если рассматривать их только планиграфически, создают иллюзию единой жилищной системы. Были обнаружены очаги вне жилищных ям; В. И. Матющенко предполагает, что они находились внутри наземных домов. Учитывая плотность распо-

ложения очагов, он считает, что наземные сооружения имели скорее всего такую же площадь, как и отдельные полуземлянки, т. е. 30—40 кв. м. Обращает на себя внимание их четкая планировка: многочисленные очаги образовывали четыре параллельно идущих ряда, что, видимо, соответствовало порядку размещения домов в поселке. Вполне возможно, что полуземлянки были зимними жилищами, а наземные сооружения — летними.

Жилища исследовались также на поселении Черноозерье VI (среднеиртышский вариант самумской общности). Интересно, что поселение укреплено рвом (ширина 1,5 м, глубина от дневной поверхности 0,95 м), который полукольцом охватывает часть площадки у края террасы (Генинг, Гусенцова, Кондратьев, и др., 1970, с. 24). О. М. Кондратьев вскрыл на Черноозерье VI остатки девяти жилищ. Однако раскопки не очень хорошо документированы, и поскольку на поселении наряду с самумскими достаточно характерны и кротовские материалы, трудно с уверенностью говорить о самумской принадлежности жилищ. Возможно, часть их относится к кротовской культуре. Жилища имеют прямоугольную форму и углублены в грунт на 0,4—0,6 м. Средний размер их 6×8 м. В центральной части жилищных углублений отмечены остатки очагов. Прослежено большое число столбовых ям (Кондратьев, 1974, с. 17).

В. Т. Юровская исследовала три жилища на поселении, относящемся к тюменскому варианту самумской культурной общности (раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера). Первое имеет прямоугольную форму (6×6 м); второе — вытянутую округлую (15×8 м); третье — неправильную прямоугольную шириной 8 м (Юровская, 1973, с. 10). Глубина жилищных ям от современной поверхности 0,6—0,7 м, что дает основание предполагать, что жилища были наземными, слегка углубленными в грунт.

Каменные орудия из северной части самумской общности, прежде всего инвентарь Самумского IV поселения, позволяют говорить, что в хозяйстве самумцев таежной зоны значительную роль играли охота и рыболовство. К сожалению, грунт Самуся IV почти не сохранил костного материала; здесь собрано лишь некоторое количество костей водоплавающей птицы, лося и медведя. Найдено также несколько бараньих альчиков, но связь их с комплексом самумской культуры прослеживается не вполне четко. Если исходить из распространенного мнения, что кельты турбинско-сейминского типа применялись в земледелии, то можно предполагать знакомство таежных самумцев с возделыванием культурных злаков. В пользу земледельческих занятий свидетельствуют также находки на Самусе IV каменных терочников с рукоятью, оформленной в виде фаллоса, и необыкновенно богатая и разнообразная солярно-астральная орнаментация на глиняной посуде Самумского IV поселения.

Развитые солярные культы, насколько можно судить по евразийским древностям, были характерны в основном для земледельцев. Можно предполагать, что люди, жившие на Самумском IV поселении, вели многоотраслевое хозяйство, в котором динамично сочетались производящие отрасли и присваивающие промыслы. Видимо, южнее, в лесостепной зоне, производящие занятия в это время имели большее зна-

чение. На поселении Черноозерье VI в Среднем Прииртышье, относящемся в основном к среднеиртышскому или к самусьской культурной общности, был собран обильный остеологический материал, принадлежавший мелкому рогатому скоту (163 особи), лошади (29) и крупному рогатому скоту (7 особей). Дикая фауна представлена медведем (5 особей), лисицей (5 особей), лосем (3 особи); кроме того, найдено по несколько костей кабана, косули, зубра и зайца (Смирнов, 1975, с. 38.) Однако, как мы уже упоминали выше, Черноозерье VI — памятник смешанный (самусьско-кротовский). Тем не менее принадлежность кротовской культуры и самусьской общности к единому (самусьско-сейминскому) хронологическому пласту, равно как и взаимовстречаемость кротовских и самусьских материалов, дает основание полагать, что в лесостепной зоне население самусьской культуры практиковало в основном производящие занятия, возможно, с акцентом на скотоводство.

О погребальном обряде этого времени дает представление Ростовкинский могильник близ Омска, хотя его культурная привязка до сих пор остается не вполне ясной. Похоже, Ростовкинский могильник расположен в пограничье кротовского, самусьского (логиновского? среднеиртышского?) и степного (петровского? бишкульского?) ареалов и более характеризует самусьско-сейминскую эпоху на этих территориях в целом, чем какую-либо отдельную культуру этого времени.

Памятник исследовался экспедицией Томского университета под руководством В. И. Матющенко. В 1966—1969 гг. здесь было раскопано 38 погребений. Могильник грунтовый, глубина могильных ям колеблется от 0,1 до 0,7 м. Погребения ориентированы в основном с востока на запад. Ритуал очень разнообразен: труположение, трупосожжение, захоронение без черепов, захоронение черепа и т. д. К сожалению, В. И. Матющенко и Г. В. Ложникова не привели в краткой предварительной публикации могильника статистических данных по деталям погребального обряда, и мы пока не знаем, какой ритуал (труположение, трупосожжение и др.) был преобладающим. Погребальный инвентарь клался как в могилу, так и около нее. Что касается керамики, то она почти во всех случаях ставилась на поверхности у могил. Авторы раскопок отмечают, что «все бронзовые предметы, обнаруженные вне могил... плотно прилегали друг к другу и все были воткнуты в землю остриями вниз» (Матющенко, Ложникова, 1969, с. 26).

Материал Ростовкинского могильника огромен: бронзовые кельты, ножи разных форм и размеров, наконечники копий с вильчатым или ромбическим стержнем, долота, шилья, литейные формы, различные каменные изделия и т. д. (Матющенко, Игольникова, 1969). Основная масса бронзовых вещей — копья с вильчатым стержнем, кельты с геометрическим орнаментом (горизонтальная лесенка ниже втулки, от которой спускаются треугольные фестоны и цепочка свисающих ромбов), большой массивный нож со скульптурным навершием на рукояти (рис. 100) — и некоторые другие предметы находят достаточно близкие аналоги в Сейминском могильнике. Среди каменных орудий преобладают вклады-

ши и наконечники стрел. Вкладыши обычно имеют четырехугольную форму и обработаны по всей поверхности. Наконечники стрел представлены в основном треугольными формами, а также листовидными со слабовыраженным черешком. Встречены овально-подтреугольные скребки, обработанные по всему краю (рис. 100, 3). Все эти каменные изделия близки одноименным категориям орудий из Турбинского и Сейминского могильников (Бадер, 1964, рис. 90; 92—94; 1970б, рис. 60, 4—7; 61). Необходимо особо упомянуть об уникальных для урало-сибирской территории находках. К таковым относятся вильчатые копы с остро заточенным коленчатым лезвием на втулке (рис. 100, 7), лопаткообразный кельт с изображением соляных знаков и горного козла (рис. 100, 8), массивный дугообразный нож со скульптурным изображением лошади, влекущей за собой лыжника (рис. 100, 9), великолепный набор костяных лат.

Сосуды Ростовкинского могильника, за редким исключением, имеют открытую баночную форму, хотя известны и горшковидные. Орнаментировалась обычно вся внешняя поверхность. Техника нанесения узоров разнообразна: отступающая лопаточка, желобчатые линии, гребенчатый штамп, качалка, валиковые налеты, прочерченные узоры и т. д. Не менее многообразны и орнаментальные мотивы. Можно, пожалуй, констатировать, что в декоративном стиле ростовкинской керамики нашла отражение орнаментальная манера самых разных лесостепных, южнотаежных и отчасти степных культур Обь-Иртышья самусьско-сейминской эпохи.

В археологической литературе уже приводились доводы в пользу того, что Ростовка относится к самому концу самусьско-сейминской эпохи (Косарев, 1974а, с. 93—94). Бронзовый инвентарь Ростовкинского могильника имеет ряд элементов, позволяющих с достаточной определенностью сопоставлять его с металлическими изделиями Карасука и Аньяна (бронзовый дугообразный нож, украшенный по рукояти цепочкой заштрихованных ромбов, бронзовые наконечники копий с «багром» на втулке и др.). О сравнительно позднем времени Ростовкинского могильника говорит также наличие в форме и орнаменте найденных здесь кельтов признаков, характерных для позднесейминской группы (боковое ушко с лучеобразно отходящими рубчиками, решетчатая штриховка ромбов и пр.). Наиболее вероятной датой этого памятника является XIV или даже XIII в. до н. э.

Южная граница гребенчато-ямочных культур отодвинулась в самусьско-сейминскую эпоху в глубь таежной зоны. Самые южные пункты этого времени с гребенчато-ямочной керамикой известны в районе Тюмени и в Верхнем Васюганье (оз. Тух-Эмтор). На востоке Западно-Сибирской равнины граница между ямочно-гребенчатым и самусьским ареалами проходила гораздо севернее — по р. Тым или по междуречью Кети и Тыма.

Исследования последних лет в Васюганье позволяют предполагать, что население самусьско-сейминской эпохи, оставившее памятники с гребенчато-ямочной керамикой, пользовалось бронзовыми орудиями турбинско-сейминских типов — во всяком случае, на юге гребенчато-ямочного ареала (Кирюшин,

1976, с. 7). Васюган верхним своим течением и своими основными притоками очень близко подходит к Среднему Прииртышью — к самому Иртышу и его правобережным притокам Оми, Таре, Ую, Шишу, Тую; поэтому навыки бронзолитейного дела скорее всего проникли в Васюганье из среднеиртышского центра турбинско-сейминской металлообработки. Это направление связей подтверждается наличием ряда кротовских элементов в орнаментации посуды самусьско-сейминской эпохи оз. Тух-Эмтор (Кирюшин, Малолетко, 1979, рис. 13, 1; 31, 7, 8).

Самусьско-сейминский хронологический пласт в Западной Сибири лежит выше культур эпохи ранней бронзы (мы имеем в виду прежде всего аятские, одиновские и игрековские комплексы) и ниже культур андроновской эпохи (имеются в виду черкаскульские, сузгунские, еловские и федоровские па-

мятники). Период ранней бронзы в Зауралье и Западной Сибири исследователи помещают обычно в первую треть II тыс. до н. э. (Старков, 1970а, с. 11; Косарев, 1974а, с. 67; Зданович Г. Б., 1975, с. 21); черкаскульскую, еловскую и федоровскую культуры пока нет оснований вести глубже XIV—XIII вв. до н. э. (Косарев, 1965; Стоколос, 1972, с. 130—131; Зданович Г. Б., 1975, с. 23; Молодин, 1975а). Таким образом, хронологический диапазон самусьско-сейминской эпохи в Западной Сибири определяется серединой II тыс. до н. э., с одной стороны, и началом последней четверти II тыс. до н. э. — с другой, т. е. лежит в пределах XVI—XIV или XV—XIII вв. до н. э. — в рамках, предложенных в свое время О. Н. Бадером и Б. Г. Тихоновым для Турбинского и Сейминского могильников.

Глава четвертая

Второй период развитого бронзового века

Западной Сибири

(андроновская эпоха)

Около XIII в. до н. э. на территорию, занятую ранее самусьским и кротовским населением, пришли носители андроновской культурной традиции. Они расселились в основном в предтаежной зоне Западной Сибири, однако часть мигрантов продвинулась довольно далеко в глубь таежной полосы, где вскоре смешалась с аборигенным населением. В результате на юге западносибирской тайги, к северу от андроновской общности, сложилась другая общность — «андроновская», сочетающая местные и пришлые элементы культуры. Андроновский колорит этой таежной общности на протяжении нескольких веков поддерживался контактами с лесостепными андроновцами, а также, видимо, с культурами лесного Зауралья, где андроновская традиция имела глубокие местные истоки (карта 36).

1. Северные варианты андроновской культурной общности

Нижнетобольский вариант. Выделен нами со значительной долей условности. Мы отнесли к этому варианту керамику андроновского облика, найденную в таежном Притоболье, преимущественно на поселениях коптяковского и черкаскульского типов. Она, как правило, встречается в незначительном количестве, и пока нет уверенности, характеризует ли эта керамика специфический культурный комплекс или всего лишь является разновидностью коптяковской либо черкаскульской посуды.

Выделяются две группы сосудов. К первой относятся остроруберные сосуды, напоминающие по форме коптяковскую керамику (рис. 104, 8, 10, 11). Такая посуда встречается на поселениях Коптяки V, Карасье Озеро, Ипкуль I, на северном берегу Андреевского озера и в ряде других пунктов. В тесте присутствуют тальк (Свердловско-Тагильский регион), песок и шамот (Тюменское Притоболье). Поверхность сосудов нередко залощена. Узоры наносились гребенчатым штампом или протасенной гребенкой.

В целом орнамент на керамике первой группы представлен богатым набором геометрических рисунков, среди которых преобладают зигзаги, «уточка» и разные вариации меандров. О характере декоративной схемы судить трудно, так как целых сосудов почти нет, но создается впечатление, что основная орнаментальная нагрузка ложится на верхнюю часть сосудов. На шейке располагался обычно наиболее колоритный геометрический пояс в виде ступенчатого меандра, уточек и других фигур. На тулове, в верхней его части, чаще всего изображался меандровый узор или зигзаговая полоса.

Характеризуемая группа посуды имеет ряд черт, сопоставимых с коптяковской и андроновской (федоровской) керамикой. С коптяковской ее сближают остроруберная форма сосудов, характерность гребенчатых зигзагообразных полос, наличие по краю или в верхней части тулова горизонтального ряда наклонных отпечатков гребенчатого штампа. С андроновской (федоровской) керамикой описываемая посуда сопоставима по характерности в орнаменте уточек, ступенчатых и разветвленных меандров, выполненных аккуратной мелкозубой гребенкой.

В 1968, 1970 гг. В. Т. Юровская исследовала на северном берегу Андреевского озера жилище с относительно чистым керамическим комплексом характеризующей группы (рис. 104, 10, 11). Оно имеет овальную форму (8×6 м) и углублено в грунт на 120—140 см. Судя по глубине котлована, это было зимнее жилище типа землянки (Юровская, 1973, с. 17).

Вторая группа посуды (рис. 105) имеет горшководную форму с плавным переходом от шейки к плечикам. Встречается на черкаскульских поселениях района Свердловска, в Тюменском Притоболье и в северной части Челябинской обл. Орнамент выполнялся аккуратной тонкозубой гребенкой. Шейка чаще всего украшалась рядом косых треугольников. Иногда их место занимала полоса из равнобедренных треугольников или ступенчатый меандр. На тулове обычно располагался сложный разветвленный меандр, окаймленный снизу равнобедренными треугольниками. Геометрический пояс на шейке нередко подчеркивался сверху и снизу рядами желобчатых линий или угольковых штампов. Иногда угольковый штамп наносился по контуру геометрических фигур.

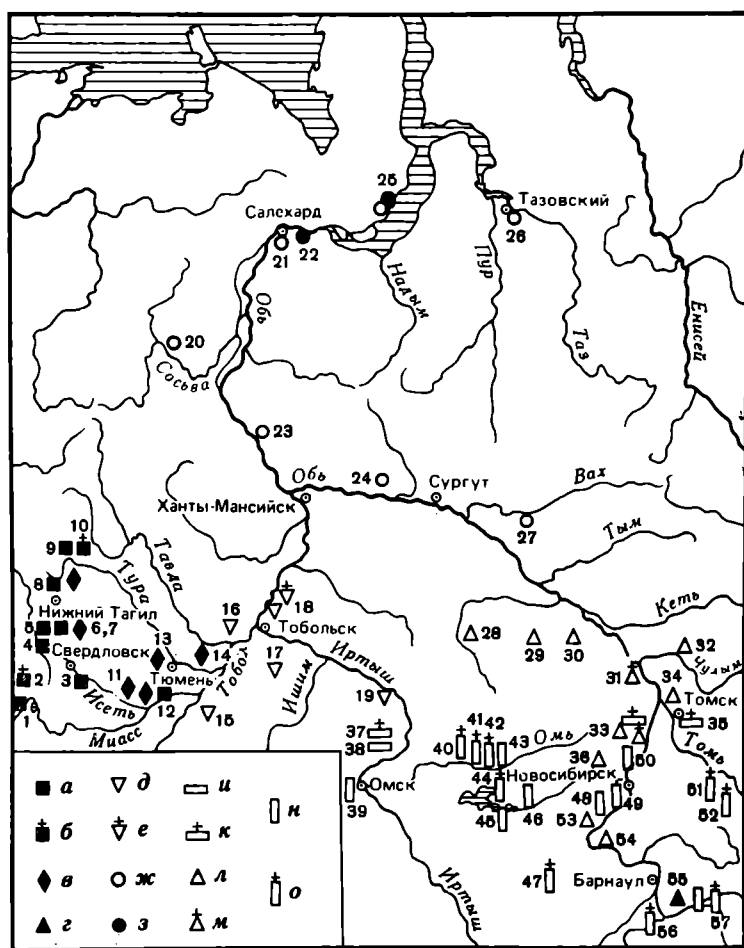
По форме, отдельным орнаментальным мотивам и характеру декоративной схемы посуда этой группы близка классической андроновской (федоровской) керамике Южного Урала (Сальников, 1967, рис. 44; 45, 3, 4, 6). В целом вторая группа посуды, видимо, оформилась несколько позже первой. В отличие от первой группы она имеет мало общего с коптяковской керамикой и нередко встречается на черкаскульских поселениях как примесь к черкаскульской посуде (Чесноковская Пашня, Погорошки, Лужки, Черкаскуль II и др.). Наиболее представительный, яркий и компактный набор посуды второй группы выявлен на поселении Дуван XVII в 30 км к востоку от Тюмени на правом берегу р. Дуван, вытекающей из Андреевского озера и являющейся левым притоком р. Пышмы. Вот как описывают этот керамический комплекс О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов: «По форме (мягкий плавный профиль), орнаментации (косые треугольники, свастика, меандр, бордюры из мелких треугольников и др.), технике нанесения орнамента (мелкая изящная гребенка), тщательности обработки поверхности, сложному составу форм»

мовочной массы и многим другим показателям сосудов... сопоставимы с лучшими образцами федоровской керамики. Вместе с тем, федоровская посуда поселения Дуванское XVII обладает некоторым своеобразием. Для нее как будто в большей степени характерны такие элементы, как пояски противоположных угловых вдавлений, наряду с продольной штриховкой лент меандра встречается поперечная, довольно много в коллекции сосудов, поверхность которых покрыта горизонтальными гребенчатыми зигзагами, образующими широкие полосы. Желобки между полосками меандра, представленные всего на трех — четырех сосудах, можно оценивать как свидетельство контактов с населением черкаскульской культуры, но назвать эти контакты тесными или глубокими, по-видимому, нельзя» (Корочкова, Стефанов, 1983, с. 147—148).

На Дуване XVII было исследовано жилище с федоровской керамикой. Оно имело прямоугольные очертания (10×5 м) и коридорообразный выход, обращенный на запад; в северо-западном углу жилища отмечен выступ. Котлован углублен в материк на 0,4—0,5 м. В центре находился очаг. «В жилище и за его пределами, — сообщает В. И. Стефанов, — собрано большое количество керамики, в том числе несколько развалов сосудов, и костей животных. Среди других находок — глиняные грузила, изделия из камня и кости. Концентрация материалов наблюдалась у северо-восточной и юго-западной стен сооружения. Около 25% от общего количества сосудов составляют классические федоровские экземпляры.

Другая группа керамики (около 15%) по ряду признаков имеет некоторое сходство с посудой замараевского типа. По предварительным наблюдениям имеются образцы, близкие керамике бишкульского типа. Названные другие типы посуды ни планиграфически, ни стратиграфически не расчлняются, залегают вместе. Это дает основание рассматривать андроновский комплекс керамики поселения Дуванское XVII как единовременный» (Стефанов, 1980, с. 234—235).

Вышеизложенное заставляет предполагать, что акцентированное внимание к нарядной посуде классического андроновского (федоровского) стиля затрудняет понимание андроновской керамики в целом. Видимо, эти колоритные, богато орнаментированные горшки являлись ритуальной посудой, существовавшей наряду с массовой хозяйственно-бытовой керамикой, служившей для удовлетворения повседневных бытовых нужд. До сих пор эта массовая рядовая керамика искусственно отчлнялась от нарядной ритуальной посуды и объявлялась принадлежащей другим культурным группам — замараевской, канайской, бишкульской и пр. В результате такого подхода андроновская (федоровская) культура как бы растворялась в разных культурах и периодах и не воспринималась как цельная устойчивая система. Видимо, правы О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов, которые считают: «Необходимо отказаться от попыток искать чистые федоровские поселения. Оригинальность федоровских поселенческих комплексов, по-видимому, заключается в органическом сочетании различных типов керамики, имеющих подчас мало общего между собой» (Корочкова, Стефанов, 1983, с. 143).

Карта 36. Восточноуральские и западносибирские памятники андроновской эпохи

а — поселения черкаскульской культуры; б — могильники черкаскульской культуры; в — поселения нижнетобольского варианта андроновской общности; г — поселения с керамикой, вызывающей сузгунско-еловские ассоциации; д — поселения сузгунской культуры; е — погребения сузгунской культуры; ж — поселения с гребенчато-ямочной керамикой; з — поселения ортинской культуры; и — поселения черноозерско-томского варианта андроновской общности; к — могильники черноозерско-томского варианта андроновской общности; л — поселения еловской культуры; м — могильники еловской культуры; н — поселения верхнеобского варианта андроновской общности; о — могильники верхнеобского варианта андроновской общности.

1 — Липовая Курья; 2 — могильник Березки V; 3 — Черкаскуль II; 4 — Калмацкий Брод; 5 — Новая III; 6, 7 — Коптяковские поселения; 8 — Горбуновский торфяник (Береговая I стоянка и VI разрез); 9 — Кокшаровское I и Юрьинское IV поселения; 10 — Кокшаровское погребение; 11 — Боборыкино II; 12 — Сухрино; 13 — Дуван XVII и поселение на северном берегу Андреевского озера; 14 — Ипкуль I; 15 — Новошадрино; 16 — Юргаркуль III, IV; 17 — Новопетрово; 18 — Сузгун II; 19 — Чудская Гора; 20 — Сартынья; 21 — Пернашор; Корчаги IA; 22 — Пернашор; 23 — Малый Атлым; 24 — комплекс поселенческих памятников на Барсовой Горе у Сургута; 25 — Бухта Находка; 26 — Тазовское IV; Мыс I, IIA; 27 — Большой Ларьяк; 28 — Тух-Эмтор; 29 — Мехат; 30 — Малгет; 31 — Пачангский могильник; 32 — Десятово; 33 — Еловские могильники и поселение; 34 — Самусь IV; 35 — Томский могильник на Малом Мысе; 36 — Крохалевка VII; 37 — могильник Черноозерье I; 38 — Черноозерское городище; 39 — Омская стоянка; 40 — могильник Сопка II; 41 — Венгерово I, VII; 42 — Преображенка III; 43 — Абрамово V; 44 — могильник Абрамово IV; 45 — Каргат VI; 46 — Мартемьяновское; 47 — могильник Нижняя Суетка; 48 — Ирмень I; 49 — Вахрушевский могильник; 50 — Красный Яр; 51 — могильник Ур; 52 — Кытмановский могильник; 53 — Ордынское XII; 54 — Милованово; 55 — комплекс поселенческих памятников у оз. Иткуль; 56 — могильник Шицуново; 57 — могильник Иконниково

Из Свердловской обл. происходит несколько бронзовых вещей, которые принято считать андроновскими или во всяком случае относить к андроновской эпохе. Среди них кинжалы с «перехватом» (с. Красногорское на р. Исети и оз. Кунгур) и кинжал, напоминающий по форме рукояти и по манере насадки ее на лезвие одноименные орудия из Сейминского могильника в бассейне Оки. Однако все эти вещи относятся к категории случайных находок, и поэтому остается неясным, производились ли они на месте и кем (коптяковцами? андроновцами? черкаскульцами?) или являлись предметами южного импорта.

Приуроченность андроновских поселений Нижнего Приобья к протокам и проточным озерам наводит на мысль о существовании заповного рыболовства. О значительной роли рыболовства в это время говорят также находки глиняных грузил. В целом же, учитывая естественногеографические особенности района и то обстоятельство, что Нижнее Приобье было в эпоху бронзы пограничьем пастушеско-земледельческого и охотничье-рыболовческого хозяйственных ареалов, можно предполагать, что нижнетобольские андроновцы вели многоотраслевое хозяйство, сочетавшее производящие отрасли и присваивающие промыслы. С наибольшей очевидностью такая хозяйственная направленность фиксируется материалами Дуванского XVII поселения. Здесь найдены кости следующих животных: крупный рогатый скот (11 особей), мелкий рогатый скот (5), лошадь (4), лось (1), косуля (1), capis (1). «Кроме того, — сообщают О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов, — охотились на птиц, кости которых также найдены на поселении. Частые находки грузил и скоплений рыбьей чешуи указывают на серьезное значение рыболовства... Можно предположить, что отдельные плодородные участки поймы и пойменные возвышенности могли использоваться под посевы сельскохозяйственных культур» (Корочкова, Стефанов, 1983, с. 150—151).

Верхнеобский вариант андроновской культурной общности. В Верхнем Приобье к настоящему времени исследованы полностью или частично более 10 могильников андроновской (федоровской) культуры, среди которых наиболее изучены Вахрушевский, Кытмановский, Нижняя Суетка, Ур, Большепичугинский, Преображенка III. Кроме того, здесь известно несколько поселений бронзового века, где встречены фрагменты андроновской керамики (Камень, Красный Яр, Ирмень I и др.).

Андроновские памятники Верхнего Приобья более полно будут рассмотрены в томе «Археологии СССР», который будет посвящен культурам бронзового века степной полосы нашей страны. Это избавляет нас от развернутой характеристики верхнеобского варианта андроновской общности. В нижеследующем кратком очерке мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями, касающимися андроновской эпохи на Верхней Оби в целом.

В пределах верхнеобского варианта андроновской общности прослеживается такая закономерность: по направлению на север, к Томско-Нарымскому Приобью, в андроновской керамике наблюдается уменьшение удельного веса нарядной посуды классического стиля; соответственно возрастает количество простых баночных сосудов, орнаментированных елочными и зигзагообразными узорами. Интересно также,

что курганные насыпи более характерны для могильников, где полнее представлены классические андроновские типы посуды (Вахрушевский могильник, Ур и др.); там, где в могильниках преобладают баночные сосуды с простой невыразительной орнаментацией, отчетливых курганных насыпей, как правило, не бывает (Томский могильник на Малом Мысе, Еловский II могильник, могильники Ближние Елбаны XII, XIV и др.).

Могильные ямы верхнеобских андроновских могильников имели обычно деревянную обкладку и перекрытие. Преобладающая ориентировка покойников — с северо-запада на юго-восток. В большинстве могил умершие захоронены по обряду труположения в скорченной позе, на левом (реже на правом) боку. Трупосожжения сравнительно редки. Однако это вовсе не означает, что труположение было характерно для всех групп верхнеобских андроновцев. В могильнике Ур из 28 могил лишь в трех захоронения совершены по обряду труположения, во всех остальных — трупосожжение (Матющенко, 1973в, с. 30).

В андроновских погребениях Верхнего Приобья с покойником оставляли глиняную посуду и украшения. Орудия труда (за исключением мелких неспецифических изделий типа шильев и пр.) — очень редкая находка. Однако на северной окраине андроновской общности, где классические андроновские (федоровские) черты в орнаментации посуды выражены очень слабо, наблюдается увеличение количества орудий в погребальном инвентаре (могильники Черноозерье I, Томский на Малом Мысе, Еловский II).

В погребениях андроновского времени лесостепной зоны Западной Сибири практически полностью отсутствует оружие. В этом отношении андроновское население резко отличается от предшествующих ему в предтаежном и южнотаежном Обь-Иртыше самусьцев (и кротовцев?). Возможно, продвижение в Западную Сибирь андроновцев не сопровождалось жестокими военными столкновениями с местным населением. Не исключено, что носители самусьской культурной традиции покинули эти места до прихода андроновцев. Сибирская этнография знает немало примеров полного запустения больших территорий в результате ухудшения окружающей среды (например, оскудения охотничьих угодий) или вследствие опустошительных эпидемий. Вполне вероятно, что основная масса носителей самусьской культурной традиции ушла на север Западной Сибири, в глубь таежной зоны. Во всяком случае, в дальнейшем эпизодические возвращения элементов самусьской орнаментации в лесостепную и южнотаежную части Западной Сибири были всегда связаны с продвижением на юг северного населения (молчановская и красноозерская культуры переходного времени от бронзового века к железному; кулайская культура эпохи железа; релкинская культура раннего средневековья).

В равной мере остается открытым вопрос о судьбах носителей кротовской культуры лесостепного Обь-Иртышья. Скорей всего значительная часть кротовцев растворилась в среде пришлого андроновского (федоровского) населения. Во всяком случае, позднекротовская керамика лесостепной Барабы, по наблюдениям В. И. Молодина, приобретает некоторые черты, характерные для андроновской посуды: штрихованные треугольники по венчику, горшковидная форма

и пр. (Молодин, 1977, с. 68). Широко распространенный в андроновской орнаментации юга Западно-Сибирской равнины прием гладкой гребенчатой качалки, возможно, достался андроновцам в наследство от кротовского населения.

Исследователи единодушны в том, что население андроновской эпохи в Южной Сибири и Казахстане вело пастушеско-земледельческое хозяйство. Охота и рыболовство в степной и лесостепной зонах Западно-Сибирской равнины в это время играли ничтожную роль (подробнее мы остановимся на этом в шестой главе).

Черноозерско-томский вариант андроновской культурной общности. Представлен пока четырьмя исследованными памятниками: Черноозерским городищем (раскопки экспедиции Уральского университета, 1968—1970 гг.), могильниками Черноозерье I (раскопки той же экспедиции, 1967—1969 гг.), Томским на Малом Мысе (раскопки А. В. Адрианова, 1889 г.) и отчасти Еловским II (раскопки экспедиции Томского университета, 1960—1970-е годы).

Черноозерское городище находится примерно в 100—120 км севернее Омска. Памятник исследован полностью (вскрытая площадь равна 867 кв. м). По форме посуда делится на две группы — горшководную (около трети всех сосудов) и баночную. Последняя крупнее и выполнена более грубо. Узоры и на банках, и на горшках наносились мелкозубым и крупнозубым гребенчатым штампом, нарезкой, желобками и ямками подтреугольной либо овальной формы. Среди орнаментальных мотивов преобладают елочные и зигзагообразные узоры (Викторов, Борзунов, 1974, рис. 2). В целом керамика Черноозерского городища весьма близка посуде Томского могильника на Малом Мысе, а также имеет ряд сходных черт в канайских памятниках Восточного Казахстана и в бишкульских Северного Казахстана (см.: Черников, 1960, табл. XVII—XIX; Зданович Г. Б., 1973, рис. 5). Посуда с богатым гребенчатым геометризмом, сопоставимая с классической андроновской (федоровской) посудой, немногочисленна. По подсчетам В. П. Викторова и В. А. Борзунова, она составляет немногим более 2% от общего количества керамики, найденной на этом памятнике (Викторов, Борзунов, 1974, с. 23).

В культурном слое Черноозерского городища найдено несколько каменных орудий, бронзовое кольцо со спиральными завитками на концах, шестигранные бронзовые пилы и некоторые другие вещи. Собран достаточно многочисленный остеологический материал, принадлежащий почти исключительно домашним животным; по видовому составу он распределяется следующим образом: крупный рогатый скот — 7 особей, мелкий рогатый скот — 8, лошадь — 3. Вообще если сравнить остеологические материалы преданных поселений андроновской и самусьско-сейминской эпох, наблюдается тенденция к уменьшению доли овцы в стаде и увеличению удельного веса крупного рогатого скота (Смирнов, 1975). Охотничий промысел, судя по костным остаткам, играл незначительную роль (медведь, кабан — по одной особи).

Черноозерское городище — первое из известных поселений андроновской эпохи предтаежной полосы Западной Сибири, где была выявлена хорошо фиксируемая на поверхности фортификационная система. Ров и вал Черноозерского городища ограждают пря-

моугольную площадку у края террасы размером 40×15 м; ширина рва около 3 м, глубина от современной поверхности 2,2—2,4 м. Вал оплыл и прослеживается не очень четко. С наружной стороны он был укреплен деревянным частоколом, о чем говорят выявленные вдоль края рва столбовые ямы глубиной 25—40 см и диаметром 20—25 см. В средней части рва, перпендикулярно ему, располагались попарно два ряда ям от столбов, на которых, как считают В. П. Викторова и В. А. Борзунова, крепился помост — въезд на городище. Выявлено четыре наземных жилища прямоугольных очертаний — в среднем 10×6 м; пол был лишь слегка углублен в грунт. На полу обнаружены остатки очагов, имевших, видимо, глиняную обмазку.

О погребальном обряде этого времени на северной окраине андроновской общности дают представление могильники Черноозерье I и Томский на Малом Мысе. И тот и другой грунтовые. Особенно большой материал получен при раскопках могильника Черноозерье I. Могилы этого древнего кладбища группируются в три ряда, вытянутые с северо-востока на юго-запад. Могильные ямы имеют четырехугольные или подчетырехугольные очертания и углублены в землю на 80—100 см. Во многих из них сохранились следы деревянной обкладки. Всего вскрыто 170 погребений. Большинство костяков лежало в вытянутом положении на спине, порой с сильно разведенными руками и ногами. В 12 могилах покойники были помещены в скорченной позе на боку. Основная масса погребенных ориентирована головой на юго-восток и юго-юго-восток (Генинг, Ещенко, 1973).

Найдено 20 бронзовых ножей, иглы, украшения, керамика. В. Ф. Генинг и Н. К. Ещенко делят бронзовые ножи на две группы — двулезвийные и однолезвийные. К двулезвийным (6 экз.) отнесены как архаичные пластинчатые, так и развитых форм, с выделенной рукоятью, в числе которых В. Ф. Генинг и Н. К. Ещенко отмечают нож с черешком и упором, датируемый, по их мнению, XII—IX вв. до н. э. Ко второй группе (14 экз.) они относят однолезвийные ножи с прямой либо выгнутой спинкой (Генинг, Ещенко, 1973, рис. 4). Близкие аналогии этим ножам мы находим в Томском могильнике на Малом Мысе и в ранних погребениях II Еловского могильника. Среди бронзовых украшений наиболее многочисленны височные кольца. Интересны 19 литых трапециевидных бронзовых подвесок (погребение 43), орнаментированных псевдоплетенкой и сплошными взаимопроникающими треугольниками, а также своеобразные ажурные пластинчатые браслеты.

Как видно из изложенного, погребальный обряд Черноозерского I могильника весьма специфичен и отличается от похоронного ритуала, известного по верхнеобским андроновским могильникам. Положение покойников — вытянутое на спине — не характерно для населения андроновской (федоровской) культуры.

Эта черта погребального обряда была отмечена в основном для предшественников андроновцев (погребения окуневской культуры на Енисее, Ростовкинский могильник и могильник Сонка 2 в бассейне Оми). Из 170 погребений лишь в 25 обнаружены сосуды, что также не свойственно ни федоровцам, ни алакульцам. Своеобразной чертой Черноозерского I

могильника является также значительное количество бронзовых орудий, особенно ножей.

Томский могильник на Малом Мысе очень близок (по керамике, инвентарю и погребальному ритуалу) Черноозерскому I могильнику. Всего, как считает М. Н. Комарова, А. В. Адрианов раскопал здесь 12 погребений бронзового века. Могильник грунтовый. Глубина могильных ям колеблется от 65 до 135 см. В девяти определенных случаях покойники были ориентированы головой на юго-юго-восток, причем восемь костяков лежали на спине и один — на правом боку с согнутыми коленями. В могильнике найден довольно богатый бронзовый инвентарь: обоюдоострый черешковый кинжал с перехватом, два однолезвийных ножа с выделенной рукоятью, четырехгранное шило и около десятка украшений, в том числе височное кольцо с раструбом и полусферические бляшки с петлей на вогнутой стороне (Комарова, 1952, рис. 8). Все эти вещи находят полные аналогии в Черноозерском I могильнике.

Как и в Черноозерском I могильнике, на Малом Мысе преобладает баночная форма сосудов, но встречается и горшковидная (рис. 106, 7—10, 13). Три сосуда украшены ямочными вдавлениями, некоторые украшены гребенчатыми треугольниками, иногда в сочетании с шагающей гребенкой (Косарев, 1974а, рис. 23, 24). Встречено два четырехугольных сосуда: блюдо и небольшая низкая чаша. Блюдо украшено заштрихованными треугольниками и меандрами; оно имеет аналогии в андроновских (Федоровских) погребениях Южного Зауралья. Чаша украшена по боковой поверхности рядами насечек. Похожая четырехугольная чаша известна из Черноозерского I могильника.

Материал Малого Мыса сопоставим с инвентарем могильника Черноозерье I по всем основным показателям: по облику посуды, по бронзовому инвентарю и др.

Одинаков и погребальный обряд (грунтовые захоронения, юго-восточная ориентировка покойников, положение костяков на спине). Вряд ли можно сомневаться в том, что Томский могильник на Малом Мысе и Черноозерский I могильник, отстоящие друг от друга на 700 км по прямой, являются единокультурными памятниками.

Другой памятник Томского Приобья, близкий по ряду признаков Томскому могильнику на Малом Мысе, исследован В. И. Матющенко. Это Еловский II могильник, или, точнее, западная его часть, наиболее древняя, где было вскрыто к началу 1970-х годов 117 могил, содержащих 123 погребения. На самой западной окраине памятника, судя по публикациям В. И. Матющенко, были характерны грунтовые захоронения, а далее к востоку — курганные насыпи; однако они нечетки и их очертания угадываются с трудом. Могильные ямы были обычно четырехугольными в плане и углублены в землю на 60—90 см от дневной поверхности. В 106 определенных случаях 80 покойников лежали в скорченной позе на левом боку, 12 — в скорченной позе на правом боку, 14 — в вытянутом положении на спине. Кроме того, В. И. Матющенко сообщает о двух трупосождениях, одном случае обожжении трупа сверху и пяти случаях наличия следов огня в могилах (Матющенко, 1973в, с. 30). Костяки, за редким ис-

ключением, ориентированы головой на юго-запад с более или менее значительными отклонениями. В большинстве могил сохранились следы деревянной обкладки. Перечисленные черты погребального обряда находят аналогии в андроновских могильниках Верхнего Приобья. Исключением является, пожалуй, лишь наличие труположения на спине (14 случаев); они более характерны для Черноозерского I могильника и могильника на Малом Мысе.

Инвентарь достаточно богат и многообразен, что сближает характеризуемый могильник с Малым Мысом и Черноозерьем I. Здесь найдены два бронзовых кинжала с перехватом, несколько двулезвийных черешковых ножей весьма архаичной формы, около полутора десятка однолезвийных бронзовых ножей с выделенной рукоятью, прямым лезвием и дугообразно выгнутой спинкой, три наконечника стрел (бронзовый — втульчатый, четырехперый; костяной — ромбический в сечении; каменный — треугольный, удлинённых пропорций), семь четырехгранных бронзовых шильев, пять игл, украшенный желобчатый браслет со спиральными завитками на концах, многочисленные височные украшения, полусферические и плоские круглые бляшки с петлей на обратной стороне, полусферические двухчленные нашивки, овальные пластины-подвески, бусы, пронизки и др. (рис. 107; см. также: Матющенко, 1973в, рис. 7; 9; 10; Косарев, 1981, рис. 43).

Только в 10 могилах (из 117) не обнаружено погребального инвентаря, в девяти присутствовало лишь по одному сосуду, во всех остальных найдена посуда и бронзовые изделия или лишь бронзовые предметы. Сосуды обычно ставились у головы покойника (в 46 могилах из 64, содержащих керамику). Височные кольца находились у черепа, ножи у пояса (в 14 случаях из 19), медные бусы концентрировались около щиколоток. Интересной чертой погребального обряда ранних погребений Еловского II могильника является наличие в инвентаре фаланг россомахи или медведя, многие из которых имеют сверленные отверстия. Они встречаются в 13 погребениях — по две, три и более. В могиле 12 «условного кургана» 52 их собрано 247 штук, а в могиле 61—175. Погребения, где найдены фаланги, принадлежат женщинам и детям.

Посуда (рис. 106, 11, 12, 14—17; 107, 21, 24, 25) содержит песок в тесте. По форме и орнаменту керамику Еловского II могильника можно разделить на три группы:

1. Горшковидная, иногда хорошо залощенная посуда, с богатым геометрическим орнаментом, выполненным в классическом андроновском (Федоровском) стиле. Узоры наносились аккуратной мелкозубой гребенкой. В орнаменте преобладают геометрические мотивы: ряды косых треугольников, ступенчатые фигуры, сложные разветвленные меандры, различные сочетания равнобедренных треугольников и др. (рис. 106, 17; 107, 24) (Косарев, 1981, рис. 46, 1—5). Эта группа сравнительно немногочисленная — 10—12 экз. (около 14%).

2. Горшковидные сосуды (или открытые баночные со слабовыраженной шейкой), напоминающие по особенностям декоративной схемы и отдельным орнаментальным мотивам манеру украшения более поздней еловской керамики (рисованные уточки, усеченный гребенчатый зигзаг, негативный ступенчатый

меандр, повторяющиеся ряды равнобедренных треугольников, подчеркивание орнаментальных зон горизонтальными гребенчатыми линиями, наличие ямочного пояса и др. (Косарев, 1981, рис. 45, 2–4; Матющенко, 1973в, рис. 16, 21; 17, 1, 2, и др.). Эта группа сосудов также немногочисленна (10–12 экз.).

3. Сосуды баночной формы (иногда со слабо выраженной шейкой), украшенные горизонтальными или вертикальными рядами елочных узоров, прочерченными горизонтальными линиями, насечками или ямками-наколами (рис. 106, 7, 8, 10, 11, 14; 107, 20, 21, 25) (Матющенко, 1973в, рис. 13, 5, 8–11, 14, 16; 15, 1–17; 17, 3–7, 9–13). Посуда этой группы – самая многочисленная (более 50 сосудов из 86). Она находит аналогии в посуде Томского могильника на Малом Мысе, в Черноозерском городище и Черноозерском I могильнике, а также имеет значительное сходство с керамикой канайских памятников Восточного Казахстана и бишкульских Северного Казахстана.

Любопытно, что похожие по форме и орнаменту баночные сосуды присутствуют в некотором количестве во всех известных андроновских (федоровских) могильниках – от Южного Урала до Хакасско-Минусинской котловины. В целом создается впечатление, что керамика могильников Черноозерье I, Томского на Малом Мысе и Еловского II аналогична керамике классических андроновских (федоровских) могильников Южного Урала, Казахстана и Верхнего Енисея, различаясь лишь в основном неодинаковым количественным соотношением разных групп посуды: в южных андроновских (федоровских) могильниках обычно преобладают нарядные горшковидные сосуды, в черноозерско-томских – баночные с простой орнаментацией.

Все это дает основание предполагать, что население, оставившее памятники черноозерско-томского варианта андроновской общности, жило прежде в районах Северного и Восточного Казахстана. Продвинувшись на север, эти южные группы подверглись известной «варваризации», что выразилось, в частности, в изменении некоторых черт погребального ритуала (трупоположение на спине, утрата курганного способа захоронения), а также в упрощении орнаментации сосудов, в некотором изменении характера погребального инвентаря и т. д.

Население черноозерско-томского варианта андроновской общности, придя на север и утвердившись здесь, контактировало не с самусьцами, а с носителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Об этом говорит, например, находка в Еловском II могильнике двух сосудов, орнаментированных в гребенчато-ямочной манере. Могилы, в которых они были обнаружены, находились в одном ряду с погребениями, давшими керамику третьей группы, и над ними, как полагает В. И. Матющенко, было возведено общее погребальное сооружение («условный курган» 50). В последующее время мы также наблюдаем здесь взаимодействие двух основных орнаментальных (культурных) традиций – гребенчато-ямочной и андроновской.

В 23 ранних могилах Еловского II могильника найдены бабки лошади и бараньи альчики. Однако поскольку поселения этого времени в Томском Приобье не раскапывались, трудно судить, какова была

в действительности роль скотоводства в хозяйстве местного населения. Надо полагать, что характер хозяйства в общем был близок андроновскому Верхнего Приобья (скотоводство, земледелие), но учитывая более северное нахождение рассматриваемого памятника (южная окраина тайги), можно предполагать более высокий удельный вес здесь охотничье-рыболовческих промыслов.

Начальная дата черноозерско-томских памятников, как и андроновских Верхнего Приобья, определяется концом самусьско-сейминской эпохи (вряд ли ранее XIII в. до н. э.). На поселении Преображенка III погребения с андроновской (федоровской) посудой прорезают слой, содержащий керамику кротовской культуры (Молодин, 1973, с. 29). Характеризуя бронзовый инвентарь Черноозерского I и Еловского II могильников, В. Ф. Генинг и В. И. Матющенко обращают внимание на то, что все бронзовые орудия этих памятников, имеющие достаточно твердую дату, относятся к XII–X вв. до н. э. или даже к XII–IX вв. до н. э. (Генинг, Ещенко, 1973, с. 57; Матющенко, 1973 в, с. 14–15). Радиоуглеродная дата погребения 64 Еловского II могильника, где был найден горшок андроновского (федоровского) типа, показала 1090 ± 65 лет до н. э. Эти данные не противоречат новым материалам по хронологии андроновской (федоровской) культуры. Так, федоровские погребения могильника Туктубаево на Южном Урале, где были взяты на анализ образцы дерева из кургана 26, дали следующие хронологические показатели: 1230 ± 70 лет до н. э. (погребение 1) и 1070 ± 60 лет до н. э. (погребение 2) (Кузьмина, 1973, с. 163). В. С. Стоколос исследовал в Южном Зауралье поселения, где андроновская (федоровская) керамика была встречена вместе с черкаскульской и даже замараевской посудой (Стоколос, 1972, с. 130–131); подобное же явление наблюдали В. И. Стефанов и О. Н. Корочкова на поселении Дуванское XVII в Тюменском Приобье (Стефанов, 1980, с. 235).

В 1964 г. мы впервые высказали предположение, что андроновское (федоровское) население появилось в Западной Сибири вряд ли ранее XIII в. до н. э. (Косарев, 1964 б). В последнее десятилетие эта точка зрения получила подтверждение в работах Г. Б. Здановича в Северном Казахстане, В. И. Молодина в Верхнем Приобье и др. Исследователи сейчас склонны датировать андроновские памятники Западной Сибири XIII–XI вв. до н. э. Что касается охарактеризованных выше памятников черноозерско-томского варианта андроновской общности, то они в целом могут относиться к несколько более позднему времени. Дело в том, что север лесостепи и юг таежной зоны Обь-Иртышья стали осваиваться андроновцами уже после того, как они заняли степные и лесостепные районы Западной Сибири. Должно было пройти определенное время, чтобы им стало «тесно» здесь и возникла необходимость в освоении более северных районов. Нам представляется, что продвижение андроновцев в предтаежные и южнотаежные районы Обь-Иртышья началось не ранее XII в. до н. э. Этому не противоречат хронологические наблюдения В. Ф. Генинга и В. И. Матющенко, изложенные ими при характеристике материалов Черноозерского I и Еловского II могильников.

2. Андронидная культурная общность

Черкаскульская культура. Была выделена К. В. Сальниковым по материалам поселения Черкаскуль II в Южном Зауралье (Сальников, 1964). Памятники черкаскульского типа распространены главным образом на юге лесной зоны Урала. Работы последних лет на севере Свердловской обл. позволяют говорить, что черкаскульское население заходило севернее Нижнего Тагила (Кокшаровское поселение, Юрьинская IV стоянка и др.). Керамические комплексы черкаскульского облика выявлены также в Верхнем Притоболье (Алексеевское поселение) и в степном Поишимье (поселения Явленка I и др.). Говоря о черкаскульских памятниках Башкирии, К. В. Сальников замечает, что они появились там сравнительно поздно и оставлены населением, пришедшим из лесных районов Зауралья (Сальников, 1967, с. 336). Приведенные факты говорят о том, что в какой-то период отдельные группы лесного черкаскульского населения начинают осваивать смежные лесостепные и степные территории.

К. В. Сальников разделил черкаскульскую культуру на три этапа. К первому (черкаскульскому) этапу он отнес горшковидные сосуды с мягким переходом от шейки к тулову. В тесте характерна примесь гальки. Орнамент очень наряден. Преобладают геометрические узоры — треугольники, заштрихованные зигзагообразные ленты, сложные разветвленные меандры и др. Орнаментальные зоны отделены одна от другой зигзагами и желобчатыми линиями. Желобки нередко наносились также между полосками меандров. Геометрические рисунки выполнялись обычно резными линиями или гладким штампом. Гребенка употреблялась сравнительно редко. Кроме черкаскульского этапа, К. В. Сальников выделил еще два этапа черкаскульской культуры, более поздние, — межовский и березовский, для которых характерны сосуды с раздутым туловом, воротничками и валиками, обедненным геометризмом и упрощенной орнаментальной схемой.

Классификация К. В. Сальникова, разработанная им на материалах Южного Урала, в целом подтверждается археологическими данными, накопленными сейчас для Свердловско-Тагильского региона. Действительно, общая тенденция в эволюции посуды поздних этапов бронзового века Среднего и Южного Урала идет по пути затухания геометризма в орнаменте, обеднения декоративной схемы, появления валиков и «воротничков». Однако нам представляется, что К. В. Сальников неправомерно, удлинил существование черкаскульской культуры, присоединив к ней, помимо собственно черкаскульского этапа, межовский и березовский. Валиковая и воротничковая керамика с обедненным орнаментом близка замараевской лесостепного Зауралья и отчасти ирменской посуде лесостепного Обь-Иртышья. Хотя генетическая преемственность черкаскульской и межовско-березовской керамики имела место, последняя представляет качественно иной тип посуды, и мы находим ей другие аналогии.

Таким образом, межовский и березовский этапы уходят за пределы андроновской эпохи и будут рассмотрены нами в следующей главе. Здесь мы остано-

вимся лишь на описании материалов черкаскульской культуры в нашем понимании, т. е. на памятниках, которые К. В. Сальников отнес к черкаскульскому этапу черкаскульской культуры. В Свердловско-Тагильском регионе и на севере Челябинской обл. исследовано более десяти поселений черкаскульской культуры — Черкаскуль II, Липовая Курья, Новая III, Калмацкий Брод, Береговая I стоянка, VI разрез Горбуновского торфяника и др.

По форме сосудов (горшковидная, с мягким переходом от шейки к тулову), характеру орнаментальной композиции и отдельным узорам (сложные и ступенчатые меандры, желобчатые линии, уголкового вдавления и др.) черкаскульская посуда напоминает андроновскую (федоровскую), что не раз отмечал К. В. Сальников (см., например: Сальников, 1964). Особенно близки федоровским черкаскульские сосуды со ступенчатым меандром по тулову (рис. 108, 9, 10). В целом, однако, орнаментация черкаскульской посуды существенно отличается от федоровской (резная техника выполнения узоров, характерность зигзагов-разделителей, подчеркивание меандров желобчатыми линиями по контуру, наличие решетчатых поясов, нехарактерность косых треугольников и др.).

Сравнение черкаскульской и андроновской (федоровской) керамики позволяет говорить о генетической близости черкаскульской и андроновской культур. Нам представляется, что это — две ветви андроновской традиции, выделившиеся, возможно, в конце коптяковского этапа. Генезис черкаскульской и андроновской (федоровской) культур происходил скорее всего в предтаежных и южнотаежных районах Зауралья.

На территории к северу от Нижнего Тагила сейчас начинает выявляться особый вариант черкаскульской культуры, представленный материалами Кокшаровского I поселения, Юрьинской IV стоянки и некоторых других пунктов (Старков, 1970 а). Керамику этих памятников отличает более простая орнаментальная схема и обедненный геометризм, что, впрочем, является характерной чертой керамики Северного Зауралья и на более ранних этапах бронзового века.

Интересны глиняные блюда из VI разреза Горбуновского торфяника, орнаментированные уточками, зигзагами, уголковыми вдавлениями и др. (Косарев, 1981, рис. 49; 81). Это, видимо, культовая посуда, относящаяся в основном к андроновской эпохе. На некоторых блюдах встречается орнамент, типичный для черкаскульской посуды.

По имеющимся сейчас отрывочным данным среди остеологических остатков черкаскульских поселений преобладают кости домашних животных — коровы, мелкого рогатого скота, лошади и свиньи, но эти сведения относятся в основном к приуральским (башкирским) памятникам, которые в целом могут быть более поздними, чем черкаскульские Зауралья. На Черкаскульском II поселении кости диких и домашних животных по числу особей распределяются почти одинаково: 46,5 и 53,5% (в башкирском Приуралье кости диких животных составляют от 13 до 24% — см.: Обыденнов, 1976, с. 83).

Орудия, найденные с черкаскульской керамикой, немногочисленны. Чаще всего встречаются глиняные и каменные грузила для сетей. Они найдены на по-

селении Байрык 1б, Кокшарово I, на некоторых черкаскульских памятниках северной части Челябинской обл. (рис. 108, 6) (Косарев, 1981, рис. 50). Они имеют один желобчатый пояс или, чаще, два взаимопересекающихся, для удобства крепления к рыболовной снасти. Этот тип грузил был широко распространен в андроновскую эпоху в предтаежной полосе и на юге таежной зоны от Урала до Томско-Нарымского Приобья. Подобные грузила продолжали существовать и на финальных этапах бронзового века, но на более поздних делали обычно не два взаимопересекающихся желобка, а один продольный или поперечный.

На черкаскульских поселениях найдены следы развитого бронзолитейного производства. В культурном слое Береговой I стоянки встречен обломок глиняной литейной формы кельта, который, судя по орнаменту, относится к поздним сейминским образцам (рис. 108, 1); на Липовой Курье найдена каменная литейная форма долота, близкая по форме и орнаменту литейной форме из Ростовкинского могильника (ср.: Матющенко, Ложникова, 1969, табл. 9, 5, 6), а на Кокшаровском I поселении обнаружена каменная форма для отливки кельта, напоминающего по орнаменту турбинский тип (Косарев, 1981, рис. 51, 8).

Жилища черкаскульской культуры исследовались пока в двух пунктах. На поселении Липовая Курья Л. П. Хлобыстин раскопал слегка углубленное в грунт четырехугольное сооружение площадью около 20–25 кв. м (Хлобыстин, 1968). На поселении Черкаскуль II выявлены ямы от столбов наземной жилой постройки, но площадь жилища определить не удалось (Сальников, 1964, с. 11).

Погребения черкаскульской культуры в лесном Зауралье изучены недостаточно. В. С. Стоколос предположительно связывает с черкаскульской культурой несколько захоронений Ново-Буринского и Нижне-Карболинского могильников на севере Челябинской обл., в которых была найдена посуда с рядом черкаскульских черт (Стоколос, 1972, с. 87–88). В погребальном обряде участвовал огонь. Еще одно погребение черкаскульской культуры открыто В. Ф. Старковым на поселении Кокшарово I севернее Нижнего Тагила. В могильной яме находились два сосуда, а заполнение состояло из древесных углей и кальцинированных костей (Старков, 1970а). В. С. Стоколос и В. Ф. Старков, обращая внимание на наличие «огневого культа», сравнивают похоронный ритуал этих могил с андроновским (федоровским) лесостепного Зауралья.

В 1979 г. А. Ф. Шорин и другие свердловские археологи закончили исследование черкаскульского могильника на острове Актуба Аргазинского водохранилища в Челябинской обл. — Березки Vг. «Вскрыто, — сообщает А. Ф. Шорин, — 14 погребений, 12 из которых располагались под каменными обкладками (у двух обкладки отсутствовали). Кроме того, под двумя обкладками не обнаружены следы захоронений. Погребения совершались обычно в неглубоких (4–28 см от уровня фиксации) подпрямоугольных ямах размерами от 0,75×0,40 до 2,0×1,1 м, ориентированных в широтном направлении. Погребенные клались на правый бок в скорченном положении (ноги согнуты в коленях, руки в локтях), головой на восток, иногда на юго- и северо-восток. В головах

умерших (только в одном случае в ногах) ставился сосуд раннечеркаскульского типа. В погребении 12, кроме сосуда, найдены бронзовая подвеска в полтора оборота, орнаментированная насечками, и игла» (Шорин, 1980, с. 181). Кроме того, свердловские археологи на том же Аргазинском водохранилище вскрыли четыре черкаскульские могилы в могильнике Перевозный Ia, которые, насколько можно судить по кратким информации в «Археологических открытиях», похожи по инвентарю и погребальному обряду на погребения могильника Березки Vг (Дрябина, Крутских, Шорин, 1977; Дрябина, Жилина, Крутских, Шорин, 1978).

В свое время К. В. Сальников пришел к справедливому заключению об одновременности черкаскульского «этапа» черкаскульской культуры и федоровского «этапа» андроновской культуры. Однако предложенная им дата черкаскульского «этапа» (XVIII–XVI вв. до н. э.; см.: Сальников, 1967, с. 359) сейчас, в свете новых данных, не может быть принята. Наиболее вероятным временем существования черкаскульской культуры, учитывая ее одновременность андроновской (федоровской) культуре, являются XIV–XI вв. до н. э. В этот временной диапазон укладывается единственная пока для черкаскульских памятников радиоуглеродная дата очага жилища, найденного на поселении Липовая Курья: 3050±60 лет до н. э., т. е. примерно XII–XI вв. до н. э. (Хлобыстин, 1976, с. 50). В целом же, по Л. П. Хлобыстину, черкаскульский комплекс Липовой Курьи датируется около XIII–XI вв. до н. э.

Черкаскульская культура, видимо, возникла несколько раньше других андроновидных культур лесной зоны Западной Сибири — сузгунской и еловской. Дело в том, что андроновидная орнаментальная традиция в лесном Зауралье имеет глубокие корни, тогда как андроновидный декоративный комплекс, определивший своеобразие сузгунской и еловской культур, был принесен в таежное Обь-Иртышье уже в сложившемся виде. О вероятности более ранней даты черкаскульской культуры говорят находки в некоторых черкаскульских комплексах форм для отливки турбинско-сейминских орудий (рис. 108, 1, 4). Это возможно, свидетельствует о том, что черкаскульская культура на раннем своем этапе сосуществовала с памятниками позднего этапа самусьско-сейминской эпохи.

Сузгунская культура. В таежном Прииртышье, к северу от устья Тары, открыто в разное время несколько памятников с андроновидной керамикой, существенно отличающейся от черкаскульской. Среди них выделяются городище Чудская Гора на севере Омской обл. (наши раскопки, 1974 г.) и поселение (?) Сузгун II близ Тобольска, исследованное в 1948, 1950 гг. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской (Мошинская, 1957). В 1979 г. нами было открыто поселение с керамикой сузгунского типа у д. Новопетрово на р. Вагай, а в 1981 г. — на оз. Юргаркуль в Тюменской обл. В последние годы поселения с посудой сузгунского типа исследовались свердловскими и омскими археологами в Нижнем Приобье и в северной части Среднего Прииртышья.

Сузгунская культура была выделена в 1957 г. В. И. Мошинской на материалах Сузгуна II (Мошин-

ская, 1957). Для посуды Сузгуна II (памятник дал почти исключительно керамику) характерна горшковидная форма с хорошо выраженной шейкой. В тесте содержится примесь песка и шамота. Орнамент выполнялся оттисками гребенчатого штампа, реже — насечками и прочерченными линиями. Сосуды в большинстве случаев украшались горизонтальными елочными узорами, рядами наклонных насечек и геометрическими рисунками: заштрихованными лентами, зигзагообразными полосами (часто дополненными заштрихованными полосками, отходящими от сторон зигзага), треугольниками, решетчатыми поясами, ромбами, шахматными узорами. Зона геометрического орнамента обычно располагалась в верхней половине тулова; шейка и придонная часть чаще украшались горизонтальной елочкой или рядами насечек. Орнаментировалась вся боковая поверхность, а иногда и дно (как правило, ямочными вдавлениями). На границе шейки и тулова почти во всех случаях проходит широкая желобчатая дорожка. Одной из характернейших черт сузгунской орнаментации является деление орнаментального поля рядами круглых ямок. Создается впечатление, что в орнаментации сузгунской посуды переплетаются элементы двух декоративных традиций — местной, гребенчато-ямочной, и пришлой, андроновской. Нередко геометрический пояс вообще отсутствовал, и вся поверхность сосуда заполнялась елочными узорами или насечками, чередующимися с рядами глубоких ямочных вдавлений.

Другим памятником таежного Прииртышья, давшим выразительный керамический комплекс андронидного облика, является исследованное нами городище Чудская Гора на левом берегу Иртыша в 60 км севернее устья Тары. Несмотря на то что нам удалось вскрыть в 1974 г. всего около 130 кв. м, т. е. менее 1/10 площади памятника, раскопки дали богатейший материал — керамику, орудия, костные остатки. На этой небольшой площади найдено почти 40 целых сосудов и сотни крупных фрагментов, позволяющих судить о форме и размерах сосудов. Мелких обломков керамики — тысячи.

Посуда Чудской Горы по форме (горшковидная), фактуре глиняного теста (примесь песка и шамота) и характеру декоративной композиции весьма близка сузгунской. Так же как на сузгунской посуде, обычны зигзагообразные полосы, заштрихованные ленты, треугольники, горизонтальные ряды насечек, деление орнаментального поля рядами ямок (рис. 109, 12—14, 17, 18). В то же время есть и различия. На керамике Чудской Горы придонная часть в ряде случаев лишена орнамента; на тулове нередко сложные разветвленные меандры; чаще использованы насечки и резные линии; встречаются вертикальные зигзагообразные полосы. Найдены круглодонные сосуды, напоминающие ирменские и даже карасукские (рис. 109, 10). В целом керамика Чудской Горы обнаруживает в своем облике больше южных степных черт, чем посуда более северного Сузгуна II.

Вещевой материал сравнительно беден. В. И. Мопинская упоминает о находке в культурном слое Сузгуна II глиняных пряслиц, грубо вылепленной из глины головы животного (вероятнее всего, лошади), двух кремневых наконечников стрел и обломка формы для отливки кельта — «такого же, как у дер. Тю-

ково близ Тобольска» (Мопинская, 1957, с. 119). Однако вещи эти до сих пор не опубликованы. На Чудской Горе найдены изделия из кости: шилья, наконечник стрелы и две концевые накладки для луков; встречены также каменный оселок, глиняные пряслице и грузило (рис. 109, 4, 6, 9). Особенно интересна находка бронзового идола (рис. 109, 2).

Наш раскоп 1974 г. на Чудской Горе задел край трех жилищ, слегка углубленных в землю; зачищены ямки от столбов. В 1976 г. раскопки здесь были продолжены Т. М. Потемкиной, которая вскрыла еще 285 кв. м. Выявлено пять наземных построек, расположенных вплотную друг к другу, со слабо углубленными (на 0,2—0,5 м) котлованами размером 4,5—7×3—5 м. Внутри сооружений расчищены следы кострищ, скопления золы и кальцинированных костей, очаги из слабо обожженных кирпичиков, вокруг которых концентрировались многочисленные целые и раздавленные сосуды (более 70), кости животных и ихтиологические остатки. Кроме того, на площади раскопа собрано около 13 тыс. фрагментов керамики, найдены изделия из бронзы (двухперый втульчатый наконечник стрелы, лезвие ножа, острие), из кости (проколки, наконечники стрел с ромбическим сечением), из глины (обломки тигля со следами бронзы, льячки, стержни, грузило), из камня (оселок, обломки литейных форм, терочники, песты и т. д.) (Потемкина, 1977, с. 235).

Находка на Чудской Горе глиняных грузил, остатков луков, костяных наконечников стрел, костей рыб и диких животных (прежде всего лося), а также костей домашних копытных (коровы, лошади, овцы) говорят о сложном многоотраслевом хозяйстве сузгунского населения таежного Прииртышья.

Еловская культура. Локализовалась в основном на территории Томско-Нарымского Приобья, с заходом на поздних этапах в Верхнее Приобье. Еловская культура была выделена нами в 1964 г. на материалах Десятковского и Еловского поселений (Косарев, 1964б, с. 9). В дальнейшем В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина, Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Посредников нашли в Томско-Нарымском Приобье новые памятники еловской культуры: Еловский могильник, поселения Малгет, Тух-Эмтор и др. В последние годы поселения еловской культуры исследованы в Новосибирской обл. (Ордынское 12) и Алтайском крае (Корчажка V).

Выделяется пять групп еловской посуды; из них первые три характерны в основном для поселений, две последние более типичны для погребальных комплексов.

Первая группа (рис. 110, 1, 5, 6) (Косарев, 1974а, рис. 26). К ней относятся высокие сосуды со слабо выраженной шейкой, украшенные по всей боковой поверхности однообразными поясами из отпечатков гребенки. Наиболее распространенный орнамент — горизонтальные ряды наклонных оттисков короткого гребенчатого штампа (реже насечек), воспроизводящих, как правило, елочные мотивы. Иногда гребенчатым штампом выполнялись горизонтальные линии, группирующиеся в полосы по три — четыре линии в каждой (рис. 110, 5); такой орнамент более характерен для северной части еловского ареала. Геометрические узоры редки. Поверхность сосудов во всех случаях делилась несколькими горизонтальными рядами

круглых ямок. Орнаменты этой группы керамики выполнены в манере, свойственной для древней гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Эта посуда отнесена нами к андронидной еловской культуре с известной долей условности. Дело в том, что керамика с подобной (гребенчато-ямочной) орнаментацией была распространена в таежном Обь-Иртыше чрезвычайно широко, характеризуя тот субстрат, на основе которого под воздействием южных андроновских влияний возникли, в частности, сузгунская и еловская культуры. В северных таежных районах Западной Сибири она почти не меняется по облику до самого конца бронзового века. Чистый комплекс такой гребенчато-ямочной керамики выявлен свердловскими археологами на однослойном поселении Барсова Городка в Сургутском Приобье, относящемся к началу I тыс. до н. э. Сосуды были плоскодонными, слабо профилированными, баночной формы. Правда, место гребенчатого штампа иногда занимает мелко-струйчатый штамп (Елькина, 1977, рис. 3).

Вторая группа (рис. 111, 9). По форме похожа на первую, но сосуды становятся более приземистыми. Орнамент покрывает всю боковую поверхность. Декоративная схема остается в общем прежней, но узоры наносятся не гребенкой, а гладким штампом. Прослеживается тенденция к возрастанию удельного веса геометрических узоров в орнаменте. Упадок гребенчатой орнаментации и переход к резной и линейной технике отражает хронологическую тенденцию в развитии местной орнаментации, и поэтому данная группа посуды в целом является более поздней, чем первая. Однако следует заметить, что указанная тенденция четко проявляется лишь на южной окраине Томско-Нарымского Приобья. В северных таежных районах гребенчатая техника живет дольше и там различия между первой и второй группами не столь отчетливы.

Третья группа (рис. 110, 2, 4, 7; 111, 17, 34). Ее особенностью является развитый геометризм в орнаментации: заштрихованные ленты, решетчатые пояса, треугольники, ромбы, зигзагообразные полосы, различные виды меандров и т. д. Поверхность по-прежнему делится рядами ямок, но встречаются, особенно в южной части еловского ареала, сосуды без ямочного деления. Внутри этой группы достаточно четко выделяются две подгруппы — южная и северная. Для южной характерна горшковидная форма с плавным переходом от шейки к плечикам; придонная часть обычно не орнаментирована; преобладает резная техника выполнения узоров (рис. 111, 17). Для северной подгруппы (Малгет, отчасти Десятковское поселение и др.) основным орудием нанесения орнамента продолжает оставаться гребенка; сосуды в основном сохраняют баночную форму, со слабой профилировкой верхней части (рис. 110, 2, 4, 7). Орнаментировалась вся боковая поверхность. Геометрический орнамент также имеет некоторые особенности: весьма характерны негативные меандровые пояса в виде взаимопроникающих Г-образных фигур, взаимопроникающих вертикальных полос и др.

В типологическом отношении третья группа посуды предвосхищает многие черты, характерные для керамики местных культур финальной бронзы, причем обозначаются две линии преемственности: северная подгруппа, особенно по специфике геометризма

в орнаментации, обнаруживает признаки генетической близости более поздней молчановской керамике, а южная — ирменской. Внедрение в гребенчато-ямочный орнаментальный комплекс андронидного геометризма было связано, на наш взгляд, с продвижением на север значительных групп андроновского населения. Это скорее всего произошло в конце андроновской эпохи, когда в лесостепной и предтаежной зонах Обь-Иртышья начинает распространяться посуда карасукско-ирменских форм. Теснимая карасукско-ирменским населением часть андроновцев отступила в таежные районы Томско-Нарымского Приобья и смешалась здесь с местным населением — носителем гребенчато-ямочной орнаментальной традиции; керамика третьей группы, видимо, отражает заключительный этап этого смешения. В сходных исторических условиях и примерно в то же время произошло сложение сузгунской культуры в таежном Прииртышье.

Четвертая группа посуды (рис. 111, 26). Характерна в погребениях еловской культуры Еловского II могильника. На поселениях встречается редко. Посуда этой группы имеет обычно горшковидную форму с мягким переходом от шейки к плечикам; встречаются кувшинообразные горшки с узким горлом и раздутым туловом (Косарев, 1981, рис. 57). Орнамент выполнялся гребенчатым штампом и иногда желобчатыми линиями. Характерны решетчатые пояса и треугольники с решетчатой штриховкой, а также зигзагообразные полосы, которыми часто подчеркивался фон между треугольниками с взаимопроникающими вершинами. Решетчатые пояса располагались чаще всего в верхней части сосудов, треугольники, зигзаги и меандровые узоры — на тулове. Пояса круглых ямок не характерны; интересно, что вместо них роль разделителей играли иногда ряды из отпечатков угла пластины (Косарев, 1981, рис. 57, 9, 17, 18, 22). Эта манера характерна для коптяковской, андроновской (федоровской) и черкаскульской посуды. В пределах характеризуемой группы эту керамику следует, видимо, выделить в особую подгруппу.

Особенностью второй подгруппы посуды является наличие хорошо выраженных андроновских (федоровских) геометрических орнаментов, выполненных в традиционной федоровской технике — аккуратной мелкозубой гребенкой (косые треугольники, сложные разветвленные меандры и др.) (Косарев, 1981, рис. 57, 2, 7, 21, 25). Однако композиционное расположение рисунков уже не андроновское, а подчинено гребенчато-ямочной декоративной схеме: андроновские узоры или располагались однообразно повторяющимися поясами, или были отделены друг от друга рядами глубоких круглых ямок. Характеризуемая подгруппа наглядно демонстрирует начальный этап взаимодействия андроновской (федоровской) и гребенчато-ямочной орнаментальной традиций. В целом посуда четвертой группы одновременно первой и отчасти второй группам посуды, охарактеризованной выше. Тот факт, что керамика четвертой группы встречается главным образом в погребениях, возможно, указывает на ее ритуальный характер.

Пятая группа. Тоже характерна для погребений. Встречена в основном в поздних еловских захоронениях Еловского I могильника. На поселениях найдена в сравнительно небольшом количестве. Сосуды не-

велики по размерам. Они имеют горшковидную форму; попадаются круглодонные экземпляры (Косарев, 1981, рис. 58). Орнамент наносился гребенчатым штампом, резными и иногда мелкоструйчатыми линиями. Шейка во многих случаях не украшалась. Это очень напоминает манеру украшения карасукских сосудов из погребений Хакасско-Минусинской котловины (Киселев, 1949, табл. X, 5—12; XIII); карасукские ассоциации вызывает также круглодонность некоторых сосудов, характерность треугольных фестонов на тулове и некоторые другие признаки. Таким образом, если четвертая группа посуды отличается в основном андроновидностью орнамента, то для пятой в большей мере характерна декоративная схема карасукских традиций.

Керамика пятой группы одновременно третьей и отчасти второй группам поселенческой еловской посуды. Она, как и третья группа (южная подгруппа), характеризует переходный период от еловской культуры к ирменской; в процессе этого перехода в Томском Приобье происходила смена андроновского и гребенчато-ямочного орнаментальных комплексов ирменско-карасукским.

Памятники еловской культуры дали довольно богатый производственный инвентарь. Однако орудия, найденные на поселениях, происходят, как правило, из смешанных еловско-ирменских и еловско-молчановских слоев, и поэтому их отождествление с еловскими комплексами вызывает определенные трудности. Поэтому мы остановимся в основном на погребальном инвентаре, где связь с еловской керамикой зафиксирована достаточно четко, прежде всего с четвертой (Еловский II могильник) и пятой (Еловский I могильник) группами посуды. В Еловском II могильнике встречены два массивных бронзовых ножа с широким лезвием и кольцевым навершием на рукояти (рис. 111, 27, 28); глиняная форма для отливки подобных ножей известна на поселении Осинники из смешанного еловско-ирменского слоя. Вместе с одним из этих ножей найдена золотая гривна из витой проволоки и бронзовая подвеска, закрученная в виде пружинки (могила 87, рис. 111, 23). Из могилы 90 происходит крупный двухлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой; по круглому в сечении стержню идет орнамент в виде елочка (рис. 111, 33). Основная масса инвентаря из еловских погребений Еловского II могильника — украшения. Среди них преобладают полусферические бронзовые бляшки с петлей на обратной стороне, височные кольца с взаимопроникающими концами и некоторые другие вещи неспецифических форм.

В Еловском I могильнике вместе с керамикой пятой группы найдены черешковый однолезвийный нож с выделенной рукоятью, перстень со спиральными завитками на концах, височная подвеска с раструбом, подвески, закрученные в виде пружинки, полусферические бляшки с петлей на обратной стороне, четырехугольное бронзовое зеркало и некоторые другие изделия. Все эти вещи подробно описаны В. И. Матющенко по погребальным комплексам (Матющенко, 1974).

Видимо, к еловской культуре, следует отнести большинство найденных на Десятовском поселении каменных наконечников стрел с выемкой в основании, округлые глиняные грузила с поперечными же-

лобками для привязывания, значительную часть скребков и других каменных орудий (рис. 111, 1—7). Аналогичные орудия, но в меньшем количестве, встречены на Еловском поселении. Скорее всего еловскими являются бронзовые ножи со слабо выделенной рукоятью, прямым лезвием и горбатой спинкой, найденные на Еловском и Десятовском поселениях. К еловскому или переходному еловско-ирменскому времени относятся два бронзовых наконечника стрел — двухлопастных, втульчатых (Еловское поселение; рис. 111, 32, 33). Видимо, с еловской культурой следует связывать большую часть костяных наконечников стрел Еловского поселения. Но они опять-таки происходят из смешанного еловско-ирменского слоя, и поэтому говорить определенно, какие из них еловские, какие — ирменские, сложно.

В некоторых погребениях Еловского могильника встречены кости домашних животных: лошадиные бабки (могилы 84, 88, 106, 107, 117) и бараньи алычки (могилы 80, 90, 107). В культурном слое Еловского поселения собрано много костей крупного рогатого скота, который составляет по числу особей 51,1% всех видов домашних животных, мелкого рогатого скота (27%), лошади (13%), свиньи (1,2%), собаки (более 7%). Кроме того, здесь были кости лося, северного оленя, медведя, соболя, бобра, зайца и др. В могиле 73 Еловского II могильника найдены лосиные черепа, под курганом 13 Еловского I могильника — берцовая кость лося. О значительной роли рыболовства в жизни еловцев, помимо глиняных грузил, говорит обильное скопление костей и чешуи рыб в жилищах еловской культуры Еловского поселения.

Население еловской культуры строило жилища полужемляночного типа. Они имели четырехугольную форму и были углублены в землю на 90—100 см. По наблюдениям В. И. Матющенко жилища Еловского поселения достигали по площади 200 кв. м. В середине находился очаг из камней. В полу жилищ отмечены ямы, заполненные костями животных и рыб. Интересно, что на поселении Малгет (оно находится примерно в 250 км севернее Еловки) площадь еловских жилищ в несколько раз меньше — 20—40 кв. м. Возможно, крупные размеры жилых построек на Еловском поселении были вызваны необходимостью содержать зимой скот в закрытом помещении; на севере еловской культуры, где скотоводство играло меньшую роль (или вообще отсутствовало), необходимости в столь больших жилищах не было.

К настоящему времени известно три могильника еловской культуры — Еловские I, II и Пачангский, причем первые два можно считать одним кладбищем, так как они расположены поблизости и хронологически продолжают друг друга. На Еловском I могильнике, по данным В. А. Посредникова, вскрыты 24 еловские могилы, на Еловском II — 22, на Пачангском — 8. Следы надмогильных сооружений нечетки. Были это курганные насыпи или остатки разрушившихся дерновых оградок — судить трудно. В Еловском II могильнике, исключая крематорий и два трупопожжения (могилы 74; 112), все умершие лежали в скорченной позе на левом боку; в могиле 68 наблюдались следы огня. В более поздних (позднееловских) могилах Еловского I могильника в 17 определенных случаях 10 покойников положены в скорчен-

ной позе на левый бок; шесть — в скорченной позе на правый бок; один — в вытянутом положении на спине. В более северном Пачангском могильнике все погребенные лежали на спине в вытянутом положении. Здесь можно говорить о двух тенденциях — хронологической и локальной. Хронологическая тенденция выражена в том, что от ранних этапов еловской культуры к ирменской культуре на юге еловского ареала наблюдается изменение положения погребенных: все чаще покойники кладутся на правый бок (тогда как ранее их хоронили на левом боку). Локальная тенденция проявляется в том, что в северной части еловского ареала продолжает сохраняться древний автохтонный обряд положения трупа — вытянуто на спине.

По данным В. А. Посредникова, большинство еловских могил Еловского I и II могильников представляют неглубокие ямы, выкопанные в верхнем горизонте почвы. В трех таких могилах прослежены следы деревянной обкладки и перекрытия из бревен. 18 могил сооружены прямо на дневной поверхности. Преобладает юго-западная ориентировка погребенных.

Определение хронологических рубежей еловской культуры, помимо обычных трудностей, связанных с неразработанностью хронологии «датирующих» вещей, осложнено еще рядом обстоятельств. Так, мы до сих пор не уверены, следует ли начинать еловскую культуру с момента распространения в Томско-Чулымском регионе гребенчато-ямочной керамики или с начального этапа смещения здесь гребенчато-ямочной и андроновской орнаментальных традиций, когда достаточно явственно обозначается ее андронидный колорит.

На первых порах взаимопроникновение гребенчато-ямочной и андроновской культурных традиций ощущалось лишь в пограничье ареалов. В. И. Матющенко сообщает, что на некоторых участках Еловского II могильника «еловские могилы оказываются включенными в общий план андроновских захоронений (еловские могилы 66, 68, 80 соседствуют с андроновскими, а андроновские могилы 108, 91, 89, 114 — с еловскими)» (Матющенко, 1974, с. 70—71). При этом еловские могилы (имеются в виду прежде всего могилы с гребенчато-ямочной посудой, отнесенной нами к первой группе) не нарушают андроновских. Вместе с тем уже заметны признаки начавшегося смещения раннееловского (с гребенчато-ямочной керамикой) и андроновского населения. Об этом говорят, в частности, находки на раннееловском кладбище Еловского II могильника «гибридной» керамики, сочетавшей в орнаментации элементы гребенчато-ямочного и андроновского декоративных комплексов (Косарев, 1981, рис. 57, 2, 7, 25).

Андронидный облик еловской (и сузгунской) культуры оформляется позже, с началом карасукских проникновений, когда часть андроновского населения (видимо, уже в значительной мере трансформированного карасукскими воздействиями) продвигается из лесостепного Обь-Иртышья на юг таежной зоны. На этом этапе, отмеченном распространением в таежном Обь-Иртышье нарядной посуды с богатой геометрической орнаментацией (Сузгун II, Чудская Гора, Малгет, Десятово и др.), сузгунская и еловская культуры, вероятно, синхронны раннему

этапу прменской культуры, которая относится, по М. П. Грязнову, к кругу культур карасукского типа. Находки в культурном слое Чудской Горы нескольких круглодонных сосудов с карасукско-ирменским орнаментом подтверждают это предположение.

Первая и четвертая группы керамики, характеризующие ранние этапы еловской культуры и одновременные андроновской (Федоровской) посуде, датируются, на наш взгляд, последними веками II тыс. до н. э. Это подтверждается радиоуглеродной датой раннееловской могилы 112 Еловского II могильника: 1180 ± 55 лет до н. э. (Матющенко, 1974, с. 75). Время существования третьей и пятой групп еловской посуды совпадает с началом распространения в обь-иртышской лесостепи памятников ирменского типа. Начало ирменской культуры большинство специалистов относят к IX в. до н. э. (Косарев, 1964б, с. 9—10; Матющенко, 1974). В связи с этим возникает необходимость несколько изменить датировку еловской культуры, конец которой мы относили ранее к X в. до н. э. (Косарев, 1964б). Сейчас нам представляется, что еловская культура захватывает и IX в. до н. э., а в целом ее хронологические рамки определяются XII—IX или XI—IX вв. до н. э. Поселения Сузгун II и Чудская Гора в таежном Прииртышье, давшие керамику с богатой геометрической орнаментацией, относятся, видимо, ко второй половине хронологического диапазона, отведенного нами для еловской культуры. Их наиболее вероятная дата — рубеж II и I тыс. до н. э. или даже первые века I тыс. до н. э.

3. Гребенчато-ямочный ареал. Тазовская культура на севере Западной Сибири

Северные районы гребенчато-ямочной общности не были или почти не были затронуты южными андроновскими воздействиями и продолжали развиваться традиционно (поселения Малгет, Тенга в Нарымском Приобье, Большой Ларьяк на Вахе, комплекс поселенческих памятников на Барсовой Горе в окрестностях Сургута и др.). Более того, по сравнению с самусьско-сейминской эпохой северная граница гребенчато-ямочного ареала продвинулась еще дальше на север — в северотаежное Приобье, где носители гребенчато-ямочной традиции сменили население сартыньинской культуры, на юг Ямала и в низовья Таза.

Этот этнокультурный сдвиг привел к сложению на севере таежной зоны, а также в пограничье тайги и тундры так называемой тазовской культуры. Последняя была исследована Л. П. Лашуком и Л. П. Хлобыстиным по керамическим материалам стоянок Тазовское IV, Бухта Находка, Мыс I, IIА, Корчаги IА и др. (Лашук, Хлобыстин, 1985). Для тазовской культуры типичны слегка профилированные баночные сосуды с небольшим плоским дном. Они делались лепточным способом с широкими стыковыми заходами. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность, включая дно. Сущность орнаментальной композиции

заключается в чередовании поясов из линейно-ребенчатых вдавлений с рядами ямок. Между рядами ребенчатых отпечатков располагались горизонтальные ребенчатые зигзаги, при смещении которых образовывались вытянутые ромбы. Нередки горизонтальные линии, выполненные длинными ребенчатыми штампами. Помимо рядов ямок, расположенных в пространстве между ребенчатыми поясами, такие же глубокие ямки — по одной, а чаще попарно — наносились по углам зигзагов, а также в середине образованных ими треугольников и ромбов. Иногда встречаются каплевидные вдавления и кольцевидные отиски, нанесенные полой косточкой.

С тазовской керамикой найдены изделия из кремнистых пород: скребки, нож, близкий по очертаниям прямоугольному треугольнику, заготовка треугольного наконечника стрелы, фрагмент сланцевого шлифованного орудия, ножевидная пластина.

В целом тазовская глиняная посуда, как и одновременная ей ребенчато-ямочная керамика Малоатлымского городища, Барсовой Горы, поселений Малгет, Большой Ларьяк и др., хронологически может быть сопоставлена с керамическими комплексами сузгун-

ской и еловской культур, исходя из чего Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин находят возможным датировать тазовскую культуру последней четвертью II тыс. до н. э., возможно, с заходом в начало I тыс. до н. э. (Лашук, Хлобыстин, 1985). Они связывают появление памятников тазовского типа на западносибирском севере с проникновением туда еловцев или групп населения, сложившихся на единой с еловцами основе. Мы считаем наиболее верным последнее предположение: появление тазовской культуры в западносибирском Приполярье и Заполярье было связано не с приходом еловцев, а явилось результатом притока на север из таежных областей Обь-Иртышья носителей ребенчато-ямочной орнаментальной традиции — возможно, под давлением самусьцев или андроновцев.

Если вспомнить, что ортинскую культуру в Большеземельской и Ямальской тундрах Л. П. Лашук и Л. П. Хлобыстин датировали серединой — второй половиной II тыс. до н. э., то тазовскую культуру в северотаежной и лесотундровой полосе Западной Сибири можно синхронизировать с поздним этапом ортинской культуры в тундровой зоне.

Глава пятая

Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному

1. Эпоха поздней бронзы

Для эпохи поздней бронзы Зауралья и Западной Сибири можно говорить о существовании в лесостепной полосе и на юге таежной зоны этой территории межовско-ирменского историко-хронологического пласта, в пределах которого выделяются две основные культуры: межовская (замараевская) в Зауралье и ирменская в Обь-Иртышье. Межовская культура является прямым продолжением андроновидной (в данном случае черкаскульской) культурной традиции, тогда как сложение ирменской культуры было результатом воздействия на андроновское и андроновидное население Обь-Иртышья носителей карасукской культурной традиции (карта 37).

Межовская культура. Как уже говорилось в одном из разделов предшествующей главы, в свое время К. В. Сальников выделил три этапа черкаскульской культуры: черкаскульский, межовский и березовский (Сальников, 1964). Позднее В. С. Стоколос отметил сходство керамики черкаскульской культуры с замараевской посудой (Стоколос, 1972, с. 82–86). Однако он подошел к материалам черкаскульской культуры несколько обобщенно. В действительности можно говорить о большом сходстве (по существу полном тождестве) с замараевской посудой лесостепного Зауралья не черкаскульской посуды вообще, а лишь той, которая была отнесена К. В. Сальниковым к межовскому и березовскому этапам.

Для межовского типа керамики К. В. Сальников выделяет следующие признаки: выпуклые плечики, наличие валиков на шейке (иногда они высоко подняты к краю сосудов, образуя «воротничок») и сравнительно слабо выраженный геометризм в орнаменте. Среди узоров преобладают елочка, ряды насечек, решетчатые пояса и зигзагообразные линии; орнамент выполнялся оттисками гребенки, гладкого штампа и прочерчиванием. Для березовского типа посуды, по К. В. Сальникову, также характерны валики и воротнички на шейке, причем они становятся более выраженными. Орнамент сравнительно беден и, как замечает К. В. Сальников, «эволюционирует в сторону дальнейшего упрощения и обеднения» (Сальников, 1967, с. 362). Кроме рядов насечек, которые являются, пожалуй, самым типичным орнаментом, сосуды украшались зигзагами и елочкой. Встречаются, как и на межовской посуде, небрежно выполненные ромбы, треугольные фестоны, заштрихованные ленты и др.

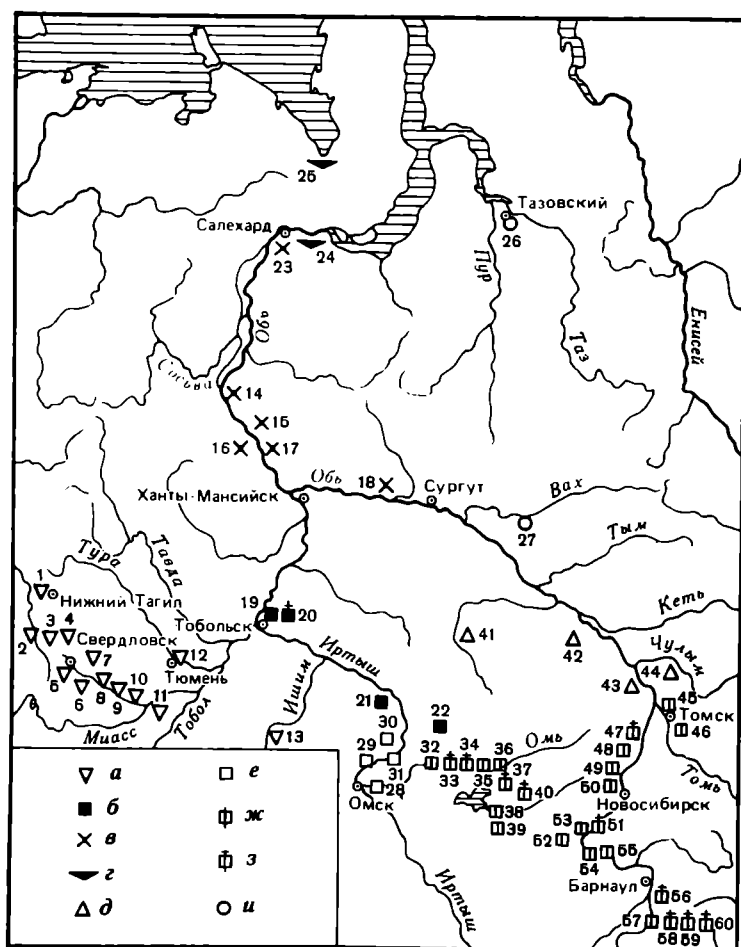
Знакомясь с межовско-березовскими и замараевскими материалами, мы не нашли сколько-нибудь четких признаков, по которым можно было бы строго расчленивать межовскую, березовскую и замараевскую посуду на хронологические и культурные комп-

лексы. Ее следует отнести к одной культуре, которую лучше всего назвать межовской (рис. 112). Межовская или межовско-березовская культура была выделена в 1976 г. (Косарев, 1976, с. 27). Позднее правомерность такого выделения была признана и дополнительно подтверждена другими археологами (Потемкина, 1979; Обыденнов, 1981).

Ареал межовских памятников выходит за пределы лесостепного и таежного Зауралья. Всего по данным на 1981 г. в Зауралье, включая степное Тоболо-Ишимье, было известно свыше 80 пунктов находок межовской керамики, в Приуралье — около 100, в том числе в бассейне р. Белой — 50 (Обыденнов, 1981, с. 5). Однако в соответствии с темой территориальной рамки настоящего очерка будут ограничены в основном лесостепным и южнотаежным Зауральем.

В названных территориальных пределах к настоящему времени исследовано около 15 поселений межовской культуры: Замараевское, Межовское, Березовское, Березки V, Лужки, Коптяки I, II, Палкино, Мысовское и др. К межовским памятникам можно с некоторыми оговорками отнести поселения конца бронзового века в лесостепном Приишимье — Кучум-Гору и Чупино. Посуда этих пунктов близка межовской как по отдельным элементам орнамента (характерность рядов косых насечек, решетчатых поясов, наличие дугообразного гребенчатого штампа и др.), так и по форме (сильно отогнутая шейка, раздутое тулово и т. д.). Однако для керамики названных ишимских поселений характерны две существенные особенности, не типичные для одновременной восточноуральской посуды: присутствие бугорков-«жемчужин» на шейке (признак, отличающий ирменскую посуду лесостепного Обь-Иртышья) и деление орнаментального поля рядами ямок (признак, характерный для керамики таежного Обь-Иртышья) (Голдина, 1969, табл. 74; 75). Сочетание столь разнохарактерных черт в орнаментации керамики этих памятников, видимо, является свидетельством того, что район Среднего Приишимья был в то время контактной зоной между межовским, ирменским и таежным обь-иртышским (поздним сузгунско-еловским?) ареалами. На промежуточный, контактный характер этого района обратили внимание свердловские археологи. Они полагают, что по водоразделу Иртыша и Ишима проходила «граница между карасукским и позднеандоновским населением» (Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с. 42).

Мы пока не в состоянии с достаточной определенностью назвать бронзовые орудия, которые можно было бы связать с межовским керамическим комплексом Зауралья. К. В. Сальников определил вещи бронзового века лесной части Южного Урала (очень немногочисленные) суммарно, не приурочивая их к выделенным им этапам черкаскульской культуры

Карта 37. Восточноуральские и западносибирские памятники эпохи поздней бронзы

a — поселения межовской культуры; *б* — позднесузгунские поселения; *в* — поселения атласской культуры; *г* — комплексы хэяхинского типа; *д* — позднеловские поселения; *е* — поселения иртышского (розановского) варианта ирменской культуры; *ж* — поселения ирменской культуры; *з* — могильники ирменской культуры; *и* — поселения с гребенчато-ямочной керамикой

1 — Горбуновский торфяник; 2 — Палкипские стоянки; 3 — Коптяки I, II; 4 — Карасье озеро; 5 — Березовское; 6 — Межовское; 7 — Чупино; 8 — Лужки; 9 — Замараевское; 10 — Боборыкино VI; 11 — Бархатово; 12 — Мысовское; 13 — Кучум-Гора; 14 — Шеркалы IX, X; 15 — Малый Атлым; 16 — Хотлох; 17 — Заречное; 18 — комплекс поселенческих памятников на Барсовой Горе у Сургута; 19 — Сузгун II; 20 — погребения на городище Потчеваш; 21 — Чудская Гора; 22 — Новочекино I; 23 — Пернашор; 24 — Корчаги; 25 — Хэяха; 26 — Тазовское; 27 — Большой Ларьяк; 28 — городище Большой Лог; 29 — Черноозерье VIII; 30 — Евгащинское поселение; 31 — Розановское городище; 32 — Венгерова IVa; 33 — Венгеровский могильник; 34 — могильник Преображенка III; 35 — Преображенка II; 36 — Абрамово III, V; 37 — могильник Абрамово IV; 38 — Каргат VI; 39 — Саргуль I; 40 — Гандичевский могильник; 41 — Тух-Эмтор; 42 — Малгет; 43 — городище Остяцкая Гора; 44 — Десятово; 45 — Чекпист; 46 — комплекс ирменских памятников в окрестностях Томска (городища Басандайское, Лагерное, Шеломок и др.); 47 — Еловские могильники I, II; 48 — Еловское поселение; 49 — Батурино; 50 — поселения Камень и Красный Яр; 51 — могильник Бурмистрово; 52 — Ирмень I; 53 — Чингис I; 54 — городище Абрашино I; 55 — Милованово; 56 — могильники Ближние Елбаны IV и Дальние Елбаны I; 57 — Фоминское; 58 — могильник Долгая Грива; 59 — могильник Змеевка; 60 — могильник Суртайка

(Сальников, 1967, рис. 58). Лучше исследованные приуральские межовские памятники выглядят в этом отношении гораздо богаче. М. Ф. Обыденнов перечисляет кинжалы сосновомазинского (2 экз.) и киммерийского (2 экз.) типов, двулезвийные (21 экз.) и однолезвийные (2 экз.) ножи, наконечники копий с прорезными (5 экз.) и гладкими (2 экз.) перьями и ушком на втулке (1 экз.), кельты (3 экз.), долота (5 экз.), серпы с крючком (3 экз.), косари сосновомазинского типа (3 экз.) и шилья. Украшения из бронзы представлены подвесками в полтора оборота и бляшками с ушком. Найдены следы железодельного производства (Обыденнов, 1981). Далее М. Ф. Обыденнов сообщает: «Из кости изготавливались ножи, проколки и штампы для орнамента посуды, наконечники стрел шести типов, псалии чернолесского типа, пуговицы, пряжки, амулеты и пр. Каменные орудия представлены наконечниками стрел пяти типов, из которых наиболее распространены наконечники треугольной формы, литейными двухсоставными формами, зернотерочными плитами, топорами, молотами, пестами, шарами. Из глины, кроме керамики, изготавливались напярса, рыболовные грузила, литейные двухсоставные формы, льячки, шарики, лопчила в виде утюжка, вюрфели для игры. Судя по насечкам на сторонах вюрфелей, счет при игре в кости велся от одного до четырех. Количество насечек от одной до трех обозначали цифры от 1 до 3, а две насечки в виде креста обозначали цифру четыре» (Обыденнов, 1981, с. 10).

Межовское население вело многоотраслевое хозяйство, основу которого, по мнению М. Ф. Обыденнова, составляло пастушеское скотоводство. Но данные по хозяйству накоплены опять-таки в основном лишь по приуральской части межовского ареала. «Кости домашних животных, — пишет М. Ф. Обыденнов, — абсолютно преобладают над костями диких. Большое количество крупного рогатого скота (38%) и свиньи (16–17%) предполагают прочную оседлость, что также подтверждают раскопанные долговременные поселения... О земледелии свидетельствуют бронзовые и железные мотыги, бронзовые серпы, зерна проса, а также расположение поселков у широких речных пойм. Значительная роль охоты отмечается на северных лесных поселениях. Основными объектами охоты служили копытные и бобры. Рыболовство документируется костями осетровых и карповых рыб и орудиями рыболовства: костяными гарпунами, глиняными грузилами для сетей, бронзовыми крючками» (Обыденнов, 1981, с. 11–12).

Жилища межовской культуры имеют традиционную прямоугольную форму. В Зауралье остатки межовского жилища вскрыты В. С. Стоколосом на поселении Лужки. Оно наземное, котлован лишь слегка углублен в грунт. Длина постройки около 16 м, ширина не менее 10 м (жилище недокопано). Основная масса межовских жилищ исследовалась на приуральских поселениях (Ахметово I, Старо-Яппарово I, Юкаликулевское и др.). Всего в пределах межовского ареала М. Ф. Обыденновым учтено 28 жилых построек: «Из них 20 (71%) — полуземлянки, семь (25%) — наземные постройки и одна землянка. По площади постройки делятся на четыре группы: площадью 8–15 кв. м — 5 (18%); 25–40 кв. м — 4 (14%); 70–150 кв. м — 14 (50%); 250–400 кв. м —

5 (18%). Конструкция большинства построек состояла из столбов, от которых сохранилось до 400 столбовых ямок в одном жилище. Глубокие полуземлянки и землянки имели, очевидно, бревенчатую верхнюю часть. Внутренняя часть помещения была разделена столбами, которые поддерживали коническую крышу. Очаги кострового типа располагались в центре постройки. Выходы в виде нешироких коридоров выводили в сторону реки; если имелся второй выход, то он выводил в противоположную сторону» (Обыденнов, 1981, с. 6).

Погребения межовской культуры в Зауралье до сих пор не известны, за исключением одного сомнительного случая (погребение 3 под обкладкой 20 могильника Березки Vг). В Приуралье на могильниках Красногорский I и Такталачукский исследовано по несколько десятков межовских захоронений; кроме того, отдельные межовские погребения были изучены на Подгорно-Байларском, Тартышевском I, Юрматинском, Мамбетовском IV и других могильниках. К 1981 г. было известно 108 погребений, из них 62 раскопаны на Такталачукском могильнике. «Основным видом захоронений,— по наблюдениям М. Ф. Обыденнова,— являлись подкурганые в количестве от одного до семи, но обычно один-три. 58 (53,7%) погребений на межовских могильниках представлены труположениями в неглубоких могилах, размеры которых зависели от возраста и позы погребенных. Некоторые могилы были оборудованы в насыпи кургана деревянными срубам в один венец или покрыты деревом. Сверху над могилой сооружалась песчаная площадка. Можно предполагать, что ноги покойника крепко связывали. Костяки в могилах размещаются в вытянутом (28 случаев) или скорченном положении (30). В раннем Такталачукском могильнике преобладают скорченные положения, в позднем Красногорском — вытянутые на спине. Ориентировка погребенных в основном восточная (48) и частично западная (24), которая преобладает в поздних погребениях. Вторичные захоронения костей производились в могилах и на уровне горизонта под курганными насыпями. Угли в могилах редки (три случая). Выявлены три сожжения, совершенные в могилах, и одно на подкурганной площадке (могильники Подгорно-Байларский и Красногорский I). В двух случаях рядом с могилами открыты кострища. Инвентарь, сопровождающий умерших, представлен одним-двумя сосудами и единичными вещами. В 13 (11%) погребениях встречены испорченные вещи: сломанные ножи, разбитые сосуды. Покойника снабжали заупокойной пищей; найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, реже лошади, кости рыб» (Обыденнов, 1981, с. 7).

В свое время К. В. Сальников справедливо синхронизировал межовско-березовские комплексы с замараевскими. Устанавливая нижний хронологический предел замараевского «этапа» (XII в. до н. э.), К. В. Сальников исходил из того, что памятники федоровского типа древнее алакульских и отделены от замараевских промежутком в несколько сот лет; поэтому получилось, что начальный период существования замараевских комплексов занял хронологическое место, принадлежащее в действительности памятникам федоровского типа. Выше мы уже говорили, что, согласно новым данным, федоровские

памятники в Зауралье датируются не XVII—XVI вв. до н. э., как считал К. В. Сальников, а в пределах последней трети II тыс. до н. э. В связи с этим начало существования межовских памятников должно быть поднято на два века, и тогда их следует датировать примерно X—VIII вв. до н. э., т. е. так же, как ирменские памятники лесостепного Прииртышья, которые вместе с межовскими входят в единый (межовско-ирменский) историко-хронологический пласт.

Объективности ради следует оговорить, что названная дата исходит из общей историко-культурной стратиграфии Западной Сибири, без учета стратиграфической позиции межовских памятников Приуралья. Анализ историко-культурной стратиграфии Приуральского региона позволил М. Ф. Обыденнову согласиться с датой межовских (межовско-березовских) памятников, предложенной К. В. Сальниковым — XII—VIII вв. до н. э. Точка зрения М. Ф. Обыденнова представляется нам несколько противоречивой: с одной стороны, межовская культура возникла позже черкаскульской и на ее основе, а с другой стороны, она вроде бы синхронна ей, во всяком случае, в течение первых двух веков своего существования. На наш взгляд, начинать межовскую культуру с XII в. до н. э. пока нет оснований; они появятся лишь тогда, когда удастся доказать: а) что межовская культура одновременна черкаскульской и андроновской (федоровской); б) что она возникла не на зауральской (черкаскульской) основе, а на приуральской (раннеприказанской?) и пришла в Приуралье не из Зауралья, а наоборот.

Памятники эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье. Этот регион расположен в пределах двух ландшафтных зон — лесостепной и таежной. Таежная часть в археологическом отношении изучена слабо. Видимо, к эпохе поздней бронзы таежного Прииртышья относится значительная, может быть, основная часть керамики Сузгуна II: круглодонные сосуды, выделенные В. И. Мошинской в IV тип (Мошинская, 1957, табл. III), фрагменты горшков, украшенных дуговидным штампом и уточками (Мошинская, 1957, табл. IV, 7, 9, 10).

С большей определенностью к эпохе поздней бронзы можно относить керамику из верхнего слоя городища Чудская Гора (рис. 113, 3, 6, 7). Она обнаруживает несомненную генетическую связь с андроновидной посудой из нижних горизонтов, которую мы рассматривали в связи с характеристикой сузгунского комплекса Чудской Горы. Как и ранее, достаточно характерны геометрические узоры — ромбы, зигзагообразные ленты, но в целом заметен упадок геометрической орнаментации. Орнаментальное поле, как и прежде, делится рядами круглых ямок. Появляются некоторые новые черты: характерность в верхней части сосудов рядов мелких насечек, образующих горизонтальную елочку; наличие заштрихованных лент, контур которых подчеркивается гладкими и гребенчатыми дуговидными штампами. Более обычным, чем на предыдущем этапе, становится разграничение орнаментальных поясов гребенчатыми или резными зигзагообразными линиями. По всем этим элементам характеризующаяся посуда сходна с керамикой межовского типа Восточного Зауралья, в особенности с керамическим комплексом Мысовского поселения в Тюменском Приоболье. На

отдельных черепках по шейке идет ряд «жемчужин» — мотив, характерный в это время для ирменской орнаментации. Следует отметить также присутствие в слое с описываемой керамикой некоторого количества фрагментов, орнаментированных крестовым и мелкоструйчатым штампами, что, видимо, говорит о хронологическом смыкании или даже частичном сосуществовании описываемой посуды с керамикой гамаюнско-красноозерского круга, относящейся уже к переходному времени от бронзового века к железному. Вещевой материал из верхнего слоя Чудской Горы беден и неопределим в функциональном отношении. В числе глиняных изделий найдены два предмета необычной формы со втулкой для насадки на древко (рис. 113, 8, 9).

Дата охарактеризованного комплекса определяется его сходством по ряду признаков с межовскими и отчасти с ирменскими материалами, а также его стратиграфическим положением на Чудской Горе (он лежит выше слоя с богато орнаментированной андронидной керамикой). В целом характеризуемый комплекс укладывается, видимо, в хронологические рамки, отведенные нами для межовских памятников, — примерно X—VIII вв. до н. э. В культурном отношении рассмотренную керамику следует отнести, на наш взгляд, к сузгунской культуре.

В последние годы В. И. Молодин исследовал в северо-западной части Барабинской лесостепи два поселенческих комплекса, которые он счел возможным отнести к барабинскому варианту сузгунской культуры (Молодин, 1982а, с. 20—21). Керамика этих комплексов обнаруживает значительное сходство с позднесузгунской таежного Тоболо-Иртышья. Появление в лесостепной Барабе населения с посудой позднесузгунского облика, видимо, было следствием начавшегося в первые века I тыс. до н. э. давления на юг из северотаежного Приобья атлымских групп, которые, продвигаясь вверх по Иртышу, отодвинули в сторону лесостепи часть южнотаежного сузгунского населения. Распространение на юг в конце бронзового века носителей сузгунской культуры происходило одновременно с отступлением на юг части черкаскульско-межовского населения (под давлением гамаюнец) и еловского (под воздействием молчановцев).

Инвентарь позднесузгунских комплексов Барабы представлен бронзовыми, костяными, глиняными изделиями, предметами бронзолитейного производства, характерными для эпохи поздней бронзы, что позволило В. И. Молодину датировать эти материалы IX—VIII вв. до н. э. (Молодин, 1983а, с. 21). Основными занятиями барабинских сузгунцев, по В. И. Молодину, было скотоводство и охота. Два раскопанных жилища оказались полуземлянками. Погребальные памятники пока не найдены.

Лесостепная (предтаежная) половина Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы, как и в предшествующий период, входила в сферу южных степных влияний. В. Ф. Генинг и другие археологи Уральского университета выделили здесь особую группу памятников эпохи поздней бронзы — розановскую, сформировавшуюся при активном участии южных воздействий. Начало карасукских влияний относится, видимо, к концу II тыс. до н. э. Об этом говорит керамика поселения Прорва, в орнаментации

которой сочетаются позднеандроновские и карасукские элементы (Евдокимов, Стефанов, 1980). Эти воздействия приводят к тому, что в начале I тыс. до н. э. посуда лесостепного Прииртышья приобретает уже определенный карасукский колорит и становится близкой ирменской керамике Верхнего Приобья (поселения Розановское, Черноозерье VIII и др.).

Посуда памятников розановской группы представлена широкогорлыми плоскодонными сосудами с плавным переходом от шейки к плечикам; встречаются также чашевидные формы с округло-уплощенным дном. В тесте прослеживается примесь песка и шамота. В верхней части шейки характерно утолщение с небольшим уступчиком внизу («воротничком»). На поселении Черноозерье VIII сосуды с воротничком составляют 55% всей керамики. На границе шейки и тулова обычен ряд «жемчужин» или ямок. Шейка чаще всего украшалась рядами насечек, образующих иногда горизонтальную елочку. Нередко на шейке располагался решетчатый пояс или ряд геометрических фигур: зигзаг, цепочка ромбов, треугольнички. Верхняя половина тулова украшалась решетчатым поясом, рядами насечек, треугольными фестонами и др. (рис. 113, 1, 2, 4, 5).

На поселении Черноозерье VIII найден бронзовый наконечник дротика с прорезным пером и уплощенное глиняное грузило с желобком по ободу (рис. 113, 12). В культурном слое поселения Черноозерье VIII собраны кости домашних копытных, которые по числу особей распределяются следующим образом: лошадь — 6, мелкий рогатый скот — 4, крупный рогатый скот — 3.

На Черноозерском VIII поселении исследованы два жилища. Это землянки четырехугольных очертаний. Первая (7,5—10×9,5 м) углублена в землю до 140 см, вторая (11—13×16 м) — до 190 см. В южной части землянок, обращенной к реке, зафиксирован коридорообразный выход. Следы очагов в жилищах не обнаружены.

Погребения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье пока не известны.

Конец существования памятников розановского типа связан с продвижением в лесостепное Прииртышье таежных групп населения: сначала носителей гребенчато-ямочной, затем крестово-ямочной орнаментальных традиций. Первый этап этого продвижения хорошо демонстрируют материалы Евгацинского поселения, в посуде которого деление орнаментального поля рядами ямок является одним из характернейших признаков. Видимо, эта первая волна свидетельствует об отступлении вверх по Иртышу части сузгунского и родственного ему населения, начавшего испытывать в это время (около VIII в. до н. э.) все усиливающееся давление северотаежных групп — носителей крестово-ямочной орнаментальной традиции.

Ирменская культура. В эпоху поздней бронзы в Верхнем и Томском Приобье распространяются памятники ирменского типа. Ирменская культура была выделена Н. Л. Членовой (Членова, 1955) и получила признание в археологической литературе. Ирменские памятники были включены М. П. Грязновым в карасукский круг культур (Грязнов, 1956а, б). Однако, по мнению большинства исследователей, распро-

странение в Западной Сибири элементов карасукской культуры является не результатом трансформации местных культур андроновской эпохи, как полагал М. П. Грязнов, а следствием продвижения на север новых групп населения.

К настоящему времени в Верхнем и Томском Приобье известно около 50 поселений и городищ, давших большое или значительное количество ирменской керамики. Исследованы полностью или на значительной площади более 10 ирменских могильников (не считая раскопок одиночных захоронений): Еловский, Иштанский, Ордынский, Титовский, Пьяново, Осинки, Суртайка, Долгая Грива и др.

Ирменской культуре Верхнего и Томского Приобья посвящена значительная часть монографии В. И. Матющенко (1974). Кроме того, большой раздел, посвященный ирменской культуре в целом, предполагается в одном из томов «Археологии СССР». Поэтому мы коснемся лишь той части ирменского ареала, которая заходит в таежную зону (низовья Томи) и относится к томскому варианту ирменской культуры. В низовьях Томи широкие исследования велись на Еловском могильнике (ирменская часть кладбища, раскопки В. И. Матющенко) и на Басандайском городище (раскопки К. Э. Гриневича, 1944—1946 гг.). Кроме того, значительный материал ирменской культуры получен во время раскопок на Самусьском IV поселении, а также при сборах или из небольших разведочных раскопов на Томском Лагерном городище и Батурином поселении, а также на поселениях Осинки, Иринский Борик и др.

Керамику нижнетомских памятников ирменской культуры в целом можно разделить на две большие группы: бытовую, найденную преимущественно на поселениях, и ритуальную, происходящую в основном из погребений.

Первая группа представлена, как правило, крупными горшковидными сосудами с прямой или слегка отогнутой шейкой и достаточно резким переходом от шейки к плечикам (рис. 114, 3, 5—7). Эта посуда использовалась, видимо, для хранения продуктов и приготовления пищи. Стенки многих фрагментов закопчены и покрыты нагаром. В тесте присутствуют песок, мелкая дресва или шамот. Шейка украшалась решетчатым поясом, полосой из треугольников или другими геометрическими фигурами (цепочкой незаштрихованных ромбов, иногда зигзагообразной лентой и др.). Геометрический пояс на шейке почти во всех случаях подчеркивался сверху и снизу горизонтальными резными линиями. В нижней части шейки располагался ряд «жемчужин», чередующихся с вертикальными насечками или ямками. На границе шейки и плечиков наносились две и более горизонтальные резные линии. Верхняя часть тулова украшалась треугольными фестонами, зигзагообразными лентами или одним-двумя рядами мелких косых насечек. Иногда тулово вообще не украшалось. Нижняя половина (реже нижняя треть) сосудов была свободна от орнамента.

На ирменских памятниках, главным образом на поселениях, встречаются также небольшие кувшинообразные сосуды с нешироким горлом и сильно раздутым туловом, которые в дальнейшем, возможно, будут выделены в особую группу. Несколько подобных «кувшинов» найдено на поселениях Ирмень I и Елов-

ском (Матющенко, 1974, рис. 28, 1—4; 42, 4, 5, 7). Все они орнаментированы по верхней части тулова удлиненными треугольными фестонами, чередующимися иногда с фестонами другого типа. Видимо, эти сосуды имели какое-то особое назначение.

Вторая группа, которую мы условно называем ритуальной, на поселениях встречается сравнительно редко, но зато явно преобладает в погребениях (рис. 114, 1, 2, 4, 8—10). Она представлена небольшими сосудами с очень аккуратным резным орнаментом. Сразу же оговоримся, что определение «ритуальная» мы не отождествляем с термином «погребальная». Скорее всего это особая «праздничная» посуда, употреблявшаяся во время культовых церемоний: на ритуальных празднествах, при жертвоприношениях, на похоронах и т. д.

Керамика второй группы по форме и орнаменту более близка карасукской, чем посуда поселений (говоря о сходстве с карасукскими сосудами, мы имеем в виду керамику с резным геометрическим орнаментом из погребений карасукской культуры в Хакасско-Миусинской котловине). Сосуды имеют приземистую горшковидную форму. Встречаются круглолонные экземпляры. Во многих случаях шейка или ее верхняя половина не имели орнамента, однако чаще по ней шел какой-нибудь геометрический узор — ряд треугольников, заштрихованная лента, пепочка незаштрихованных ромбов и др. «Жемчужины» в нижней части шейки почти не встречаются. На границе шейки и тулова проходила одна или несколько резных линий. Верхняя половина тулова украшалась треугольными фестонами, зигзагообразной лентой, рядами ромбов. Очень характерны фестоны, заштрихованные в «шахматной» манере (рис. 114, 9, 10). Обычная решетчатая штриховка геометрических фигур. Обращают на себя внимание частые случаи асимметрии геометрического пояса и верхней части тулова: фестоны на одном сосуде бывают представлены несколькими геометрическими фигурами (рис. 114, 10); это, видимо, говорит о сложном смысловом значении узоров на сосудах, которыми снабжались покойники.

Инвентарь ирменских памятников достаточно разнообразен. Он различен в могильниках и на поселениях. В погребениях встречаются почти исключительно украшения, в культурном слое поселений найдены преимущественно орудия труда. Поскольку мы рассматриваем ирменскую культуру только в северном ее варианте (район Томска), обратимся к памятникам южной части Томской обл.

Видимо, к ирменской культуре следует отнести часть костяных наконечников стрел Еловского поселения и, возможно, некоторые происходящие отсюда же обломки костяных гарпунов (рис. 114, 19, 25). Похожие наконечники стрел, в основном трехгранные (иногда четырехгранные) черешковые, в значительном количестве встречены на поселении Ирмень I (Матющенко, 1974, рис. 30, 1—5). Два костяных наконечника происходят из поселения Чекист в низовьях Томи, где они были найдены вместе с керамикой ирменского времени. Один из них, трехгранный, имеет очень большую длину (около 20 см; рис. 114, 11), причем половина ее приходится на черешок. На поселении Чекист собраны также два каменных песта, сланцевый наконечник стрелы, несколько костяных орудий и два бронзовых ножа. Оба ножа, особенно

второй, со шляпкой, близки по форме карасукским. Типично карасукский нож со шляпкой, небольшой петлей на рукояти и уступчиком на месте стыка рукояти и лезвия был найден в культурном слое Еловского поселения (рис. 114, 31). Однако нет уверенности, что он связан с ирменским, а не еловским комплексом этого памятника. Из других бронзовых изделий района Томска ирменскими можно считать трехлопастный наконечник стрелы с черешком и наконечник дротика с прорезным пером (рис. 114, 20, 23), найденные на Еловском поселении.

Украшения, встреченные в ирменских погребениях Еловского могильника, немногочисленны. В их числе полусферические бронзовые бляшки, височные кольца с взаимозаходящими или несомкнутыми концами, браслеты с шишкообразными утолщениями на концах, пронизки, свернутые из листов бронзы (меди?), и другие вещи (Матющенко, 1974, рис. 89).

В насыпях ирменских курганов Еловского II могильника собрано значительное количество костей лошади и коровы. Кости домашних копытных найдены и в погребениях — в девяти могилах (из 59); в одном случае это были кости барана, в остальных восьми — кости лошади. В более южном ирменском могильнике на р. Ине (45 погребений) кости барана обнаружены в 13 случаях, быка — в 8, лошади — в 1 (Матющенко, 1974, с. 93). Но ритуальное значение домашних животных не всегда отражает их реальную значимость в хозяйстве. К сожалению, однако, в пределах характеризуемого нами северного (томского) варианта ирменской культуры нет поселений, где бы остеологические материалы определенно увязывались с ирменской керамикой. Такие данные, и то весьма неполные, пока есть лишь по лесостепной Барабе (поселения Ирмень I, Красный Яр). В Ирмени I кости домашних животных по числу особей распределялись следующим образом: крупный рогатый скот — 47%, мелкий — 41%, лошадь — 12% (Троицкая, 1976, с. 156—157).

Число костей диких животных на Ирмени I составляет лишь 1% от всего количества костных остатков на этом памятнике, на Красном Яре — 2% (по числу особей — 4%) (Троицкая, 1976, с. 157). Кости рыбы не обнаружены; грузила и другие признаки рыболовства на ирменских памятниках лесостепной Барабы крайне редки. Надо полагать, что в северной (томской) части ирменского ареала значение охоты и рыболовства было выше. В насыпях ирменских курганов Еловского I могильника найдены кости лося, утки и куропатки. На некоторых северных ирменских поселениях встречены глиняные грузила (Матющенко, 1974, рис. 13, 6).

О возможности земледелия у ирменцев говорят находки зернотерок (поселение Осинники, Ордынский могильник), каменных пестов (поселение Чекист), обломков серповидных орудий (Еловское поселение, Чертово городище) (Матющенко, 1974, с. 94).

Жилища ирменской культуры исследовались на поселениях Ирмень I и Красный Яр. Материалы Красноярского поселения до сих пор не опубликованы. Жилища Ирмени I представляют собой землянки четырехугольной формы. Площадь одной из них около 100 кв. м, другой — около 150 кв. м. М. П. Грязнов предполагает, что они имели пирамидальную конструкцию стен с земляной кровлей. Грани пирамиды

были выложены из бревен, уложенных друг на друга вдоль стен землянки. Такая конструкция не требовала опорных вертикальных столбов для поддержания кровли (Грязнов, 1956б).

Погребальный обряд ирменского населения изучен сейчас достаточно хорошо. Могилы обычно обозначались на поверхности курганными насыпями. Под каждой насыпью находилось от 2—3 до 9—13 захоронений. В. И. Матющенко обращает внимание, что грунт ирменской части Еловского могильника состоит, как правило, из однородной черноземной земли. Он предполагает, что первоначально могилы были окружены стенкой из дерна, которая впоследствии разрушилась, оплыла и превратилась в холмик (Матющенко, 1974, с. 115). В Еловском I могильнике лишь две ирменские могилы углублены в материк, а 31 находится выше материка; в ирменской части Еловского II могильника все погребенные лежат на уровне материка. В погребениях еловской культуры Еловского II могильника покойники помещались глубже: девять — в толще материка, остальные на материке. Вокруг ирменских захоронений Еловского могильника часто прослеживаются следы деревянной обкладки из четырех бревен в виде рамы; сверху (в головах, ногах и посередине) поперек рамы клали еще три плахи. Как и в еловское время, преобладала юго-западная ориентировка покойников.

Для ирменских погребений Еловского II могильника В. И. Матющенко отмечает достаточную характерность ритуалов, связанных с огнем. Он пишет: «Из 59 могил 18 имеют следы применения огня в различной степени: полное трупосожжение или частичное обожжение. В иных случаях сожжение было совершено настолько тщательно, что осталась только незначительная кучка пепла» (Матющенко, 1974, с. 123). Изменилось по сравнению с еловским временем положение погребенных в могилах. Так, в еловских погребениях Еловского II могильника, где четко зафиксировано трупоположение, умершие захоронены в скорченном положении на левом боку, тогда как все ирменские трупоположения этого могильника помещены в скорченном положении на правом боку. Поза на правом боку превалирует и в могильниках Верхнего Приобья (Пьяново, Ближние Елбаны IV, Долгая Грива).

Если в захоронениях еловской культуры Еловского II могильника мы наблюдаем обилие керамики (нередко в могиле находились два — три, иногда до шести сосудов), то в ирменских погребениях обычно оставляли не более одного сосуда, а часто могилы вообще не содержали керамики. Например, из 59 ирменских погребений Еловского II могильника лишь 26 были с сосудами (Матющенко, 1974, с. 124). Таким образом, ирменская культура отличалась от еловской не только по керамике и орнаментации, но и по погребальному обряду (большая характерность курганных насыпей, более мелкие по глубине захоронения, положение покойных на правом боку, меньшее количество сосудов в могилах и т. д.)

Н. Л. Членова относит сейчас ирменские комплексы к VIII—VI вв. до н. э. (Членова, 1972). В. И. Матющенко, возражая против столь поздней даты, резонно указывает на неправомерность датировки памятников по самым поздним предметам (Матющенко, 1974, с. 77). Нам представляется, что время существ-

ования ирменской культуры определяется стратиграфической позицией межовско-ирменского историко-хронологического пласта: выше культур андроновской эпохи и ниже культур скифо-тагарского времени. В пределах этих эпохальных рамок нижняя хронологическая граница ирменских памятников не могла быть ранее X в. до н. э., а верхняя — позже VII в. до н. э. Наиболее вероятной датой ирменской культуры является X—VIII вв. до н. э.

На поздних этапах бронзового века начинается продвижение в лесостепное Обь-Иртышье северных андроновидных культур, родственных сузгунской и еловской. Видимо, эти перемещения были в значительной мере вызваны расширением ареала крестово-струйчатых и крестово-ямочных культур, сложившихся в циркумполярных областях Западной Сибири. Это привело к миграциям на юг потомков сузгунского и еловского населения, занимавшего ранее таежные территории, расположенные южнее циркумполярного пояса. Результатом этих перемещений было появление в северо-западной Барабе, в Новосибирском Приобье и предгорьях Алтая памятников, материалы которых, прежде всего керамика, вызывают явные сузгунские, еловские или сузгунско-еловские ассоциации (поселения Новочекино 3, Стрелка, Корчажка 5 и др.). Многочисленные факты, свидетельствующие о сосуществовании пришельцев с ирменцами, позволяют датировать эти памятники IX—VIII в. до н. э.

В более западных областях примерно в это же время, может быть, несколько ранее, под давлением с севера носителей крестовой и крестово-струйчатой орнаментальных традиций продвигаются на юг — в Южное Зауралье, Верхнее Приобье и Северный Казахстан — значительные группы позднечеркаско-еловского и межовского населения (поселения Камышное 2, Язевое 1, Алексеевское, Явленка 1 и др.). Видимо, этнокультурный сдвиг на юг, начавшийся в эпоху поздней бронзы, был явлением фронтальным, захватившим огромную территорию от Урала до Обь-Енисейского междуречья. К сожалению, публикации этих материалов практически отсутствуют, и мы пока не имеем ни одной работы, где бы эта проблема была рассмотрена в целом.

Атлымская культура. Ранее уже неоднократно отмечалось, что в последней четверти II тыс. до н. э. к северу от андроновидного сузгунско-еловского ареала продолжают развиваться культуры гребенчато-ямочной керамики, не затронутые существенно влиянием южных культур андроновской эпохи (поселения Большой Ларьяк 3, Малгет, комплекс памятников на Барсовой Горе и др.), причем на Вахе, отчасти в Васюганье и, видимо, в тех же широтах Прииртышья гребенчато-ямочная посуда доживает до VIII—VII вв. до н. э. Поздние этапы существования гребенчато-ямочной керамики характеризуются упрощением орнаментальной схемы, уменьшением доли геометрических узоров, увеличением удельного веса елочных мотивов и т. д.

Если в указанных районах, непосредственно соседствующих с еловско-сузгунской общностью, гребенчато-ямочный орнамент вплоть до конца бронзового века развивается традиционно, в основном по архаичным неолитонидным канонам, то севернее — в низовьях Оби и примыкающей части Сургутского Приобья —

гребенчато-ямочная традиция трансформируется в крестово-ямочную. Около рубежа II и I тыс. до н. э. здесь складывается выделенная Е. А. Васильевым (1982) своеобразная атлымская культура (Малоатлымское городище, поселения Заречное, Хотлох, Шеркалы IX, X в. в Нижнем Приобье, поселения и городища на Барсовой горе в окрестностях Сургута и др.). Ниже мы даем краткую характеристику атлымской культуры в основном по работам Е. А. Васильева.

Посуда атлымской культуры делится на две группы. Первая (рис. 115, 3—5) представлена слабо профилированными плоскодонными горшками, реже банками со слегка отогнутым венчиком. Некоторые сосуды имеют сильно отогнутый венчик и крутые плечики. Орнаментирована вся боковая поверхность, иногда и днище. Иногда вдоль венчика идет поясок защипов. Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании поясов плотно поставленных отпечатков косоугольного креста и круглых ямок. Нередко место креста занимают отпечатки гребенчатого штампа. «Довольно часто, — сообщает Е. А. Васильев (1982, с. 8), — пояса ямок заменены зигзагами треугольниками, ромбами, выполненными штампами другого вида. В целом для композиции характерно четкое деление орнаментального поля на горизонтальные зоны».

Вторая группа керамики (рис. 115, 6, 7) включает плоскодонные хорошо профилированные горшки с дугообразно выгнутой наружу шейкой и резким переходом к плечикам. Узоры становятся более разнообразными. «Наряду с мотивами из простых и сложных треугольников и ромбов, — пишет Е. А. Васильев (1982, с. 8), — выполненных в технике штампованного косоугольного креста, широко применяются зоны елочных композиций гребенчатого штампа. На самых поздних, по нашим представлениям, сосудах выявляется мотив сложных взаимопроникающих фигур, выполненных печатной гребенкой или мелкоструйчатым штампом. Горизонтальная зональность общей композиции на всех сосудах подчеркнута несколькими резными или гребенчатыми поясами».

Сосуды первой группы типологически более ранние; они сохранили в форме и орнаментальной композиции много черт, присущих предшествующей гребенчато-ямочной керамике. Наряду с признаками типологического порядка разновременность охарактеризованных выше двух групп посуды подтверждается стратиграфическими данными: фрагменты сосудов второй группы на Малоатлымском городище в общем залегают выше, чем обломки керамики первой группы. По наблюдениям Е. А. Васильева, «относительно закрытые комплексы (заполнения жилищ, углублений, ям), как правило, содержат керамику только одного типа». Для Малоатлымского городища получено несколько радиоуглеродных дат: жилище с керамикой второго типа относится к 2910 ± 90 лет назад, углубление с посудой первого типа датируется 3100 ± 120 лет назад (Васильев Е. А., 1982, с. 9—11). Таким образом, керамика второй группы, носители которой, распространившись потом на юг, оказали огромное влияние на этнокультурную историю Западной Сибири, датируется X—VIII вв. до н. э.

Отметив, что атлымская керамика первой группы по ряду признаков более сопоставима с гамаюнской,

а посуда второй группы — с красноозерской и молчановской, Е. А. Васильев предположил, что разновременность типов атлымской керамики позволяет говорить о двух этапах миграции атлымцев на юг: в конце II тыс. до н. э. — в Зауралье, а в начале I тыс. до н. э. — вверх по Оби и Иртышу (Васильев Е. А., 1982, с. 13). Хотя эта гипотеза имеет ряд уязвимых мест (большой хронологический разрыв между временем существования раннеатлымской и гамаюнской керамики, преувеличение степени сопоставимости позднеатлымской и молчановской посуды, игнорирование факта, что гамаюнская и молчановская керамика имеет не меньше, если не больше, хэяхинских черт, чем атлымских, и т. д.), такое направление поиска прародины гамаюнов, красноозерцев и молчановцев представляется достаточно перспективным. Следует, однако, учитывать, что вероятнее всего перечисленные группы пришли на юг из разных мест западно-сибирского циркумполярья и речь соответственно должна идти не об одной, а о нескольких прародинах.

Сведения о жилищах атлымской культуры весьма отрывочны. Судя по кратким отчетным заметкам, в 1978 г. Е. А. Васильев исследовал на Малом Атлыме наземную постройку, в конструкции которой применялся булыжник, кольцом охватывающий центральную, насыщенную угольками часть жилища. М. В. Елькина сообщает о крупном наземном жилище, содержащем керамику атлымского типа, на Барсовой Горе. Площадь его около 300 кв. м. По длинной центральной оси выявлены два очага. Наружная сторона стен была присыпана землей. Кроме того, на Барсовой Горе исследованы еще два жилища атлымской культуры — небольшие, со слегка углубленными котлованами и одним очагом на полу у центра (Елькина, 1977, с. 109). Ю. П. Чемякин и В. П. Коротаев (1976, с. 52) склонны связывать с атлымским керамическим комплексом сохранившуюся часть уничтоженного обвалом жилища на городище Барсов Городок 1/10. Котлован имел, видимо, прямоугольную форму. Размеры сохранившейся части 5×4—4,5 м. Глубина от уровня погребенной почвы 0,5 м. В западной половине жилища был очаг.

Могильники атлымской культуры пока не найдены.

Хозяйство населения атлымской культуры было, видимо, рыболовческо-охотничьим с преобладанием рыболовческих промыслов. Однако это соображение диктуется не характером орудий труда (мы их по существу не знаем), а некоторыми косвенными данными: хорошие условия для рыболовства, достаточно высокая степень оседлости, относительная перенаселенность и вызванные этим миграции атлымцев на юг и т. д. Практически единственными найденными пока орудиями атлымской культуры являются специфические каменные бруски с поперечными желобками у торцов (рис. 115, 1, 2). Назначение их определить трудно. В жилище 107 Барсовой Горы обнаружено навершие булавы из белого кварца, подквадратное в горизонтальном сечении (Елькина, 1977, рис. 4, 1).

Следует предполагать довольно высокую социальную структуру общества. Об этом говорят значительная плотность населения, характерность городищ, успешные продвижения атлымцев в разные районы Западной Сибири.

Хэяхинская культура на юге Ямала. Севернее ареала формирования атлымской культуры, в лесотундровой и тундровой зонах, распространились в эпоху поздней бронзы памятники хэяхинского типа (Лашук, Хлобыстин, 1985). К настоящему времени наиболее изученными из них являются поселения Хэяха в Ямальской тундре и Корчаги 1А в Салехарде. Керамика представлена крупными горшками с небольшим плоским дном и маленькими воронковидными сосудиками. Украшалась вся внешняя поверхность, включая дно. Орнамент, как и на тазовской посуде, выполнялся по гребенчато-ямочной схеме, однако вместо гребенки чаще встречаются оттиски мелкоструйчатого и гладкого штампов. Ими выполнялись зигзаги, горизонтальные линии, решетчатые композиции, треугольные фестоны и мозаично расположенные квадраты. Как и на более ранних тазовских (гребенчато-ямочных) сосудах, большую роль в орнаментации играют круглые ямки, которые носились на углах зигзагов, треугольников и квадратов, а также составляли самостоятельные пояса. Характерны их шашечные расположения и ромбические сочетания. В первом случае между рядами ямок иногда образовывался валик, подобный валику на гамаюнских сосудах. В одном случае венчик был утолщен снаружи треугольным в сечении орнаментированным валиком.

По общему характеру орнаментальной композиции (сочетание фигурно-штамповых узоров с ямочными поясами) рассматриваемая керамика достаточно близка атлымской. Вместе с тем употребление мелкоструйчатого штампа и некоторые специфические элементы орнамента сближают хэяхинскую керамику с посудой гамаюнской культуры в таежном и предтаежном Зауралье и отчасти с керамикой молчановской культуры в Нижнем Причулымье и Нарымском Приобье (Лашук, Хлобыстин, 1985). Это наводит на мысль, что по крайней мере один из северных компонентов, принявших участие в сложении гамаюнской и отчасти молчановской культур, сформировался первоначально в лесотундровой и тундровой зонах Западной Сибири.

Орудия хэяхинской культуры выделить не удалось. Жилища и погребения пока не найдены. Учитывая принадлежность хэяхинских и атлымских комплексов к единому историко-хронологическому пласту, можно предположить синхронность атлымской и хэяхинской культур и соответственно датировать последнюю X—VIII вв. до н. э.

2. Переходное время от бронзового века к железному

Расширение на юг ареала крестово-струйчатых культур, локализовавшихся первоначально на севере Западной Сибири, привело к тому, что накануне железного века их южная граница достигла предтаежных районов. В Среднем Зауралье в это время распространяются памятники гамаюнской, в Среднем Прииртышье — красноозерской, в низовьях Чулыма и Нарымском Приобье — молчановской культур. В их облике много северных лесных черт. Элементы северных циркумполярных культур внедряются на

рубеже бронзового и железного веков и в начале эпохи железа далеко в глубь лесостепей (карта 38).

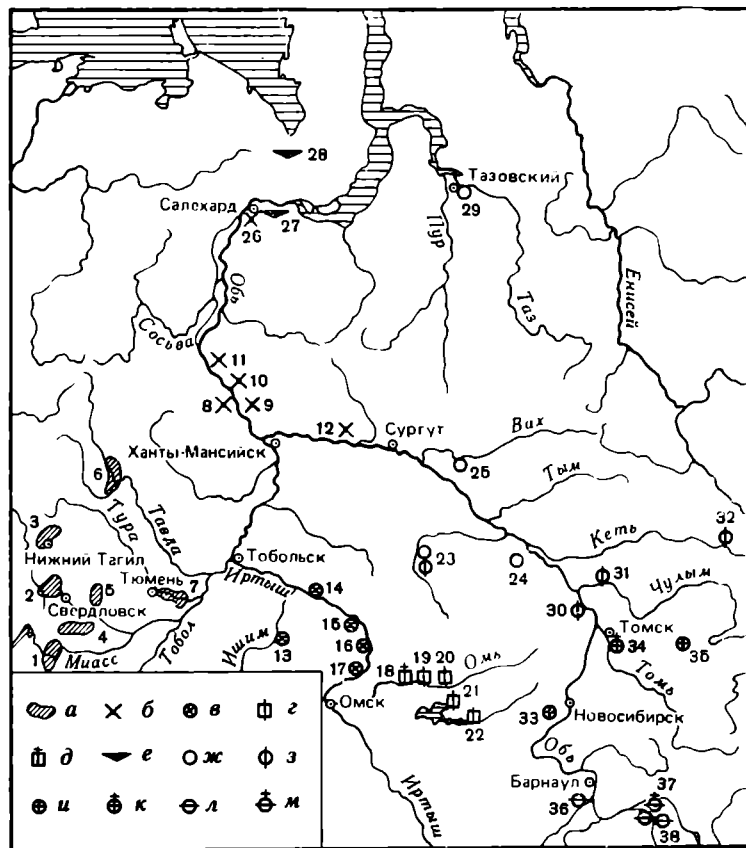
Появление названных культур в южнотаежной и предтаежной полосе Зауралья и Западной Сибири фиксирует начало здесь нового исторического этапа — переходного времени от бронзового века к железному. Рассматриваемый период более четко прослеживается на юге Западной Сибири и менее четко — в северных районах, где он более воспринимается как период поздней бронзы. На это несовпадение обратил внимание Е. А. Васильев, который считает неправомерным относить к переходному времени от бронзового века к железному памятники атлымской культуры в северотаежном Приобье. «Для северотаежного Приобья, — замечает он, — выделение такого этапа выглядит искусственным, поскольку здесь вплоть до раннего железа в облике материальной культуры не фиксируется новых черт, характерных для последующей эпохи» (Васильев Е. А., 1982, с. 4).

Гамаюнская культура. Локализовалась в основном в таежном Зауралье. Была выделена Е. М. Берс (1960). Одновременно изучением памятников этого типа занимался К. В. Сальников (на севере Челябинской обл.), который считал возможным отнести их к особой культуре, названной им каменногорской (Сальников, 1961). Оба автора сходятся на том, что гамаюнско-каменногорская культура в Зауралье не имеет местных корней.

Всего по данным на 1982 г. зафиксировано 160 гамаюнских поселений, в том числе 23, укрепленных валом или рвом и валом. Основная масса этих памятников локализуется в предтаежном и таежном Зауралье — от верховьев Уфы и Миасса до р. Вагиль, протекающей в районе 60-й параллели (Борзунов, 1982, рис. 2). Восточная часть гамаюнского ареала заходила в Тюменское Притоболье. Несколько поселений с гамаюнской керамикой известны в Приуралье (Усть-Волосница на Печоре, Сабакты 3 и Мысовое в бассейне р. Янгельки, Мельское и Кагинское на р. Белой). К настоящему времени полностью или частично раскопано несколько десятков гамаюнских памятников (поселения Туманское, Палкино I, Шайдуриха, городища Каменногорское, Гамаюнское, Зотинские 2, 4, Андреевские 5, 7 и др.). Могильники гамаюнской культуры пока не известны.

Гамаюнская керамика, согласно технологическим исследованиям В. А. Борзунова, изготовлена ленточным способом из глины с примесью песка, талька, реже слюды и кварцевой крошки (в вагильском варианте — только песка, в тюменском — песка и незначительного количества слюды). Поверхность заглаживалась рукой или травой, иногда щепой (Борзунов, 1982, с. 97). В целом посуду гамаюнской культуры можно разделить на две большие группы.

В первую группу (рис. 116) входят сосуды с плавным переходом от шейки к плечикам, округлым или приостренным дном. Характерна гребенчатая техника выполнения узоров, но не чужды и другие приемы — резные линии, мелкоструйчатый штамп. Одной из отличительных черт является присутствие в орнаменте некоторых андронидных орнаментальных мотивов: взаимозаходящих зигзагов, деградированных меандров, ромбов и др. На границе шейки и тулова обычен ряд или несколько рядов глубоких ямочных вдавлений — круглых, овальных, подтреу-

Карта 38. Восточнуральские и западносибирские памятники переходного времени от бронзового века к железному

a — локальное скопление поселенческих памятников гамаюнской культуры; *b* — поселение атлымской культуры; *v* — поселение красноозерской культуры; *z* — позднеирменское поселение; *d* — позднеирменский могильник; *e* — хэяхинский комплекс; *ж* — поселение с гребенчато-ямочной керамикой; *з* — поселение молчановской культуры; *и* — поселение завьяловского типа; *к* — могильник завьяловского типа; *л* — поселение большереченского этапа; *м* — могильник большереченского этапа

1 — миасско-аргазинский вариант гамаюнской культуры; 2 — верхнеисетский вариант гамаюнской культуры; 3 — тагильский вариант гамаюнской культуры; 4 — касминско-синарский вариант гамаюнской культуры; 5 — ирбитский вариант гамаюнской культуры; 6 — вагильский вариант гамаюнской культуры; 7 — тюменский вариант гамаюнской культуры; 8 — Хотлох; 9 — Заречное; 10 — Малый Атлым; 11 — Шеркалы IX, X; 12 — комплекс поселенческих памятников на Барсовой Горе у Сургута; 13 — Старо-Масляинское; 14 — Хутор Бор I; 15 — Чудская Гора; 16 — Красноозерское; 17 — Инберень V—VIII; 18 — могильник Кама I; 19 — Туруновка IV; 20 — зольник Омь I; 21 — Абрамово II; 22 — городище Чяча I; 23 — Тух-Эмтор IV; 24 — Малгет; 25 — Большая Ларьяк; 26 — Пернашор; 27 — Корчаги; 28 — Хэяха; 29 — Тазовское; 30 — городище Остяцкая Гора; 31 — Десятово; 32 — Шайтанское городище; 33 — Завьялово V; 34 — Томский могильник на Большом Мысе; 35 — Лысая Гора; 36 — Бобровка; 37 — Ближние Елбаны; 38 — Быстрянское

гольных, ромбических. Порою они располагались попарно, наискосок друг от друга. В Тюменском Притоболье вместо ямок встречаются иногда «жемчужины». Шейка украшалась чаще всего горизонтальными рядами гребенчатых (реже мелкоструйчатых или прочерченных) линий. Геометрическая зона — зигзаги, деградированные меандры, наклонные ленты и др. — обычно находилась в верхней части тулова. Самым распространенным орнаментом на тулове был псевдоплетенчатый пояс (рис. 116, 2, 3, 5, 6). Нижняя часть сосудов не орнаментировалась. Нетрудно заметить, что керамика этой группы обна-

руживает большое сходство с посудой иткульской культуры эпохи раннего железа и, возможно, в некоторой своей части относится к началу железного века (рис. 116, 3, 6).

Сосуды второй группы (рис. 117, 1, 3, 4, 6) отличается сильно отогнутая шейка; наряду с круглодонными сосудами присутствуют и плоскодонные. Ранее по чисто визуальным впечатлениям, а также судя по публикациям и полевым отчетам Е. М. Берс, К. В. Сальникова, представлялось, что среди керамики этой группы преобладают плоскодонные горшки. Однако по статистическим подсчетам В. А. Борзунова оказалось, что во всех локальных вариантах гамаюнской культуры превалировали круглодонные, остродонные и уплощенные днища (в северном и центральном известны только они); плоскодонность характерна лишь для небольшой части посуды верхнеисетского и каслинско-синарского вариантов (Борзунов, 1982, с. 97–98). Посуду второй группы отличает сильно отогнутая шейка. Орнамент в ряде случаев занимает всю внешнюю поверхность, включая дно сосуда; преобладают узоры, выполненные крестовым и мелкоструйчатым штампами. Сущность декоративной схемы заключается в монотонном заполнении верхней половины сосуда (реже всей боковой поверхности) рядами крестового либо мелкоструйчатого штампов. Порой это однообразие нарушалось включением зигзагообразной линии или ямочных поясов. Граница шейки и тулова всегда подчеркивалась глубокими ямочными вдавлениями. Они имели обычно округлую форму и часто располагались попарно.

Керамика первой и второй групп, как правило, встречается совместно, но есть памятники, где найдена почти исключительно первая группа посуды (например, Аятское I поселение); на других заметно явное преобладание второй из групп. Керамика первой и второй групп имеет разные генетические истоки: первая оставлена потомками местного межовского населения, вторая — северными мигрантами, но в то же время они существуют как бы нераздельно, взаимосвязанно, находятся в постоянных контактах друг с другом. Возможно, здесь мы имеем дело с тем случаем, когда пришлое население представляло собой экзогамный (фратриальный?) коллектив, который, придя на новую территорию, вынужден был вступить в брачные связи с местным населением.

По свидетельству В. А. Борзунова (основного исследователя гамаюнских памятников), гамаюньские орудия из меди и бронзы пока не найдены. Из этих металлов изготавливались преимущественно круглые и квадратные бляхи, порой с солярным орнаментом, круглые петельчатые бляшки-пуговицы и другие украшения. В конце существования гамаюнской культуры появляются первые слабые признаки металлургии железа (Борзунов, 1982, с. 105). При раскопках 2 и 4 Зотинских городищ В. А. Борзунов нашел значительное число каменных орудий, причем на последнем памятнике в одном из жилищ была кремнеобрабатывающая мастерская, в другом встречены следы бронзолитейного производства. Кроме того, из Зотинских городищ происходят костяные наконечники стрел и бронзовые бляхи (материал, к сожалению, не опубликован).

Вообще орудия гамаюнской культуры представле-

ны почти исключительно каменными изделиями. Среди них кремневые и яшмовые наконечники стрел с округлым, прямым или скошенным основаниями, подтреугольные кожевальные и мясные ножи, скребки с округлым лезвием и подтеской с бруска, отщепы с эпизодической ретушью, сверла, микрорезчики, пилки по дереву, скребла из плитчатого сланца, шлифованные молотки и массивные песты из габровых пород для дробления руды. Намечаются территориальные различия сырьевых источников. На юге гамаюнской культуры использовались главным образом яшмовидные породы, кремль, агаты, халцедон; в центральной части гамаюнского ареала — сланцы, кремни низкого качества, изредка кварциты, яшма, хрусталь, роговик, халцедон; на севере гамаюнской культуры — кремль, кремнистые породы, кварциты (Борзунов, 1982, с. 105, 108).

В. А. Борзунов, обработавший новые и новейшие данные по гамаюнской культуре, пришел к выводу, что гамаюньцы строили три основных разновидности жилищ: полуземлянки, наземные без котлована и наземные с котлованом. Внутри их следующие подвиды: 1) прямоугольные одно-, двух- и многокамерные укрепленные жилища с земляным полом, углублением в центре либо с глинобитным неуглубленным полом, двойными обмазанными глиной бревенчатыми стенами, на которые опиралась крыша из бревен, жердей и бересты, покрытая сверху дерном; 2) наземные неуглубленные шатровые постройки из бревен и жердей; 3) наземные однокамерные с подквадратным углублением в центре; 4) то же в одно- и двухкамерном варианте с овальным котлованом и шатровой конструкцией; 5) подквадратные и полуовальная (городище у оз. Мелкое) однокамерные полуземлянки с искусственным в мягком грунте или с округлым естественным котлованом; 6) бревенчатые наземные подквадратные дома с деревянными в два поперечных настила полами, обмазанными глиной, подпертыми снизу в местах, где полы не касались скалы, деревянными свайками и каменными столбиками, укрепленными каменными клиньями; 7) бревенчатый подквадратный (?) дом с земляным полом и крышей из жердей и бересты (поселение на мысу Еловом) (Борзунов, 1982, с. 80, 83).

Анализ остеологических остатков показал преобладание на гамаюнских и иткульских поселениях костей диких животных (прежде всего косули и лося), единичность пушных зверей, присутствие на всех иткульских и большинстве гамаюнских поселений костей лошади. В иткульских и иногда в лесостепных гамаюнских комплексах известны крупный и мелкий рогатый скот, на некоторых памятниках встречены кости рыб и птиц (Борзунов, 1982, с. 108). По имеющимся сейчас данным, роль скотоводства в Среднем Зауралье после упадка андронидных культур значительно уменьшилась и оно приняло в основном коневодческое направление.

Анализируя археологические материалы последних лет, В. А. Борзунов пришел к выводу, что бронзовые орудия, связываемые Е. М. Берс с гамаюнской культурой, в действительности не гамаюньские и что хозяйственно-бытовой уклад гамаюнского населения был гораздо архаичней, чем это представлялось ранее. Он, в частности, пишет: «В целом поселенческие материалы характеризуют гамаюньцев как оседлых

охотников на лесных копытных с относительно развитой техникой строительства древнейших на Урале оборонительных сооружений, но архаичным набором каменных орудий. Освоены основы медного литья, однако металлические орудия не получили распространения. Судя по почти полному отсутствию рыболовных орудий и остатков ихтиофауны, преобладанию орудий охоты, преимущественному расположению поселений в верховьях и средних течениях небольших рек, рыболовство у гамаюнцев оставалось подсобным промыслом. Известны также керамические и косторезное производства, возможно, кожевенное и ткачество. Не исключено, что под влиянием иткульцев гамаюнцы осваивают начатки скотоводства и знакомятся с железом» (Борзунов, 1982, с. 108–109).

При датировке гамаюнских комплексов следует иметь в виду, что первый тип гамаюнской керамики не вполне четко отделим хронологически от посуды иткульской культуры эпохи железа и в принципе мог жить дольше, чем вторая группа гамаюнской керамики (с крестово-струйчатым штамповым орнаментом). Исследователи обычно не разграничивают типологически и терминологически предиткульский тип гребенчатой посуды от генетически близкой керамики иткульской культуры, называя их общим наименованием «иткульская», «раннеиткульская», «каменногорско-иткульская». В результате, по имеющимся публикациям, иткульская керамика то залегает в одном слое с гамаюнской (крестово-струйчатой), то перекрывает «гамаюнский» слой (Романова, Сухина, 1974; Борзунов, 1977; 1978). Поэтому, говоря о хронологических рамках гамаюнской культуры, мы во избежание разночтений имеем в виду в первую очередь посуду второй группы — крестово-струйчатую, в значительной мере определившую колорит гамаюнской культуры в целом.

Почти все исследователи гамаюнских памятников относят их к переходному времени от бронзового века к железному. Термин «переходное время от бронзового века к железному» как нельзя лучше определяет содержание и хронологическое место гамаюнской культуры. Эта переходность выражена в нестандартности типов поселений (городища, укрепленные жилища, селища), в наличии на позднем этапе гамаюнской культуры зачатков железодельного производства (при широком бытовании каменных наконечников стрел, скребков, ножей, резцов и т. д.), в характерности фигурно-штамповой орнаментации (при сохранении некоторых андронидных геометрических рисунков) и пр. Этот период — именно в силу своего переходного характера — должен лежать около рубежа межовско-ирменской и скифо-тагарской эпох.

Думается, что дата гамаюнской культуры, предложенная Е. М. Берс (VI–IV вв. до н. э.), несколько завышена, во всяком случае применительно к верхней хронологической границе. Если согласиться с нашей датировкой межовских памятников (X–VIII вв. до н. э.), то начало гамаюнской культуры нельзя относить ко времени позже VII в. до н. э. Что касается верхней хронологической границы, то здесь необходимо учитывать следующее: считается, что конец гамаюнской культуры смыкается с началом иткульской, которая определенно датируется VI–IV вв. до н. э. (Стоянов, 1969, с. 6; Бельтикова, 1982).

Таким образом, время существования гамаюнских памятников лежит в промежутке между межовской культурой эпохи поздней бронзы и иткульской начала железного века, т. е. около VIII–VII или VII–VI вв. до н. э.

Однако В. А. Борзунов в одной из последних работ предложил новую датировку. Он исходит не из тезиса о хронологическом смыкании конца гамаюнской и начала иткульской культур, а из фактов, свидетельствующих, по его мнению, об одновременности позднего этапа гамаюнской культуры иткульской культуры на всем протяжении существования последней. Исследование городищ Красного Камня, Зотинских 2 и 3, Колпаковского, сообщает он, «подтвердило предложенную Е. М. Берс датировку финала культуры V–IV вв. до н. э. Вопрос об абсолютной нижней дате, не исключающей конец либо рубеж II–I тыс. до н. э., остается открытым» (Борзунов, 1982, с. 109).

Нам представляется, что предложенная В. А. Борзуновым дата слишком растянута во времени. Если начинать гамаюнскую культуру с конца II или с рубежа II и I тыс. до н. э., то не остается места для межовской культуры эпохи поздней бронзы. Если отнести финал гамаюнской культуры к V–IV вв. до н. э., то непонятно, почему на гамаюнских памятниках, при постулируемых В. А. Борзуновым тесном сосуществовании и контактах гамаюнского и иткульского населения, не найдено ни одного бронзового наконечника стрелы — наиболее характерной для иткульцев категории медно-бронзовых изделий, датируемой VI–IV вв. до н. э.

Красноозерская культура. Выделена в 1976 г. (Косарев, 1976, с. 31). В Среднем Прииртышье известно сейчас несколько памятников с керамикой красноозерского типа: Красноозерское поселение (поздний комплекс), городище Чудская Гора (поздний комплекс), значительная часть керамического материала поселений Инберень V–VIII и др. (рис. 118, 6, 8, 10, 11).

Сосуды красноозерской культуры имеют слегка отогнутую или дугообразно выгнутую наружу шейку, крутые плечики и плоское дно; встречаются также некрупные круглодонные чаши (Косарев, 1981, рис. 73). В тесте заметна примесь песка и шамота. Большинство узоров, в том числе и геометрических (зигзаги, треугольники, ромбы), выполнялись крестовым штампом, однако достаточно обычны гребенчатый и гладкий штампы. Мелкоструйчатые отпечатки встречаются сравнительно редко. Придонная часть, как правило, не орнаментировалась. Поверхность сосудов почти во всех случаях делилась рядами аккуратных круглых ямок. Членение орнаментального поля ямочными поясами является пережитком древней гребенчато-ямочной традиции, которая особенно долго живет в Сургутском и Нижнем Приобье. Появление в северных районах Западной Сибири крестово-ямочной керамики скорее всего является локальным вариантом развития местной гребенчато-ямочной орнаментации.

Керамика поселения Инберень V сопоставима с красноозерской лишь по отдельным показателям (этот памятник расположен намного южнее Красноозерского поселения и Чудской Горы — в лесостепной зоне). Здесь относительно редок крестовый штамп,

но зато встречаются узоры, выполненные желобчатыми линиями и отступающей лопаточкой (Стефанов, 1974, рис. 2, 6, 9). Наличествуют геометрические узоры: резной решетчатый пояс, прочерченные взаимопротивостоящие зигзаги и др. Поверхность некоторых сосудов делилась рядами ямок, но такое деление не является обязательным. Форма сосудов в целом близка красноозерской (плоскодонные горшки, у многих — дугообразно выгнутая наружу шейка), но безоговорочно относить эту керамику к красноозерскому типу, видимо, нельзя, так как речь может идти лишь о сопоставимости отдельных элементов, а не всего комплекса.

То же самое можно сказать о керамике Старо-Маслянского поселения в лесостепном Поишимье, в орнаментации которой встречается крестовый штамп и деление орнаментального поля рядами ямок. Однако перечисленные признаки не составляют здесь основы орнаментального комплекса, так как в орнаментации посуды этого памятника присутствуют элементы других декоративных традиций с преобладанием сузгунско-еловских и межовско-ирменских черт. Характеризуя посуду этого памятника, В. Ф. Генинг и В. В. Евдокимов отмечают, что она сложилась «в результате синтеза керамики еловско-десятовского типа и керамики с крестовым орнаментом при некотором влиянии карасукско-ирменских элементов» (Генинг, Евдокимов, 1969б, с. 64). Таким образом, влияние лесных культур, выразившееся в продвижении на юг крестово-штамповой орнаментации с ямочными разделительными поясами, захватило в основном лишь северную лесостепь.

Думается, что, придя в лесостепное Прииртышье, северные мигранты не поглотили и не вытеснили целиком ранее продвинувшихся сюда сузгунцев, а также местное розановское население. На эту мысль наводит то обстоятельство, что практически во всех лесостепных красноозерских комплексах присутствует в том или ином количестве керамика, орнаментированная в розановской или сузгунско-словской манере.

Видимо, здесь повторилась та же картина, что и в Среднем Зауралье (вспомним две группы гамаюнской посуды) и, как мы увидим далее, в Нижнем Причulyмье и Новосибирском Приобье.

Материал красноозерских памятников лесостепного Прииртышья свидетельствует о понижении роли скотоводства в это время по сравнению с эпохой поздней бронзы и о повышении роли охотничьего промысла. Так, костный материал поселения Инберень V принадлежит в основном диким животным (Стефанов, 1977). Встречены грузила и костяные наколенники стрел.

На Инберени V В. И. Стефанов исследовал два жилища. Оба имели квадратную форму (9×9 м; 8,2×8,2 м). Первое было глубиной 1,25 м от уровня современной поверхности; внутри обнаружены остатки мастерской по производству медных изделий, две хозяйственные ямы (в юго-восточном углу и перед входом) и три очага вдоль западной стенки. Другое жилище было углублено в грунт на 0,4 м, внутри находился очаг, а в северной части — коридорообразный выход; по углам, у выхода и вдоль стен выявлены следы столбовых ям; перед выходом оказалась большая хозяйственная яма. На городище Инберень VII

раскопана постройка подчетыреугольных очертаний (5,5×5,3 м), углубленная на 0,15—0,25 м; в северо-западном углу находился выступ, в средней части, ближе к северной стене — небольшой очаг, в северо-восточном углу — большая хозяйственная яма.

Могильники этого времени в Среднем Прииртышье пока не найдены.

Молчановская культура. Выделена в 1964 г. на основе материалов городища Молчановская Остяцкая Гора и Десятковского поселения в низовьях Чулыма (Юсарев, 1964а, с. 10). Позже был открыт и исследован еще один памятник с керамикой, близкой посуде молчановской культуры, — Шайтанское городище в верховьях р. Кети. Молчановская посуда известна еще из ряда пунктов Томско-Нарымского Приобья (Самусь IV, Тух-Сигат IV, Чекист, Новокусковская стоянка и др.), но в незначительном количестве.

Керамику молчановской культуры в целом можно разделить на две большие группы. Первая (рис. 119, 15—17, 19, 20) включает плоскодонные горшковидные сосуды с высокой, дугообразно выгнутой наружу шейкой и сильно раздутым туловом. На границе шейки и тулова проходит обычно разделительная желобчатая дорожка. В тесте прослежена примесь песка, дресвы, шамота. В орнаментации характерны многие геометрические мотивы, знакомые нам по орнаментам позднееловской керамики: решетчатый пояс, взаимопроникающие треугольники с косою или решетчатой штриховкой, рисованные уточки, ромбы, взаимопроникающие Г-образные фигуры, разветвленные меандры и др. Геометрические узоры в таежном Причulyмье выполнялись резными линиями или гладким штампом, в северо-восточных районах ареала (Шайтанское городище) — в основном оттисками гребенки. Встречается крестовый штамп, но более характерен мелкоструйчатый; однако они обычной для западной части молчановской культуры.

На Шайтанском городище в верховьях Кети, где были найдены сотни фрагментов от нескольких десятков сосудов молчановского облика, мелкоструйчатый штамп отмечен только на одном сосуде (рис. 119, 15), а крестовый вообще не встречен. Не исключено, что при дальнейших исследованиях эти различия, воспринимаемые сейчас как локальные, окажутся характеризующими культурную специфику памятников и позволят говорить о существовании двух родственных культурных образований: типа Молчановской Остяцкой Горы и типа Шайтанского городища. В целом керамику первой группы отличает преобладание андронидных геометрических узоров в орнаменте и относительно малый удельный вес фигурно-штамповой орнаментации.

Орнаментальная композиция на сосудах первой группы выдерживалась примерно в таком порядке: шейка украшалась геометрическими узорами — уточками, треугольниками, решетчатым поясом, полосой псевдоплетенки (обычно в виде сплошных взаимопроникающих треугольников), взаимопроникающими Г-образными фигурами и др. В нижней части шейки нередко располагался ряд «жемчужин». Верхняя половина тулова тоже орнаментировалась в основном геометрическими узорами — чаще всего зигзагообразной полосой, псевдоплетеночным поясом или меандром. По направлению к северу и востоку геометризм

в орнаментации идет на убыль. В тех случаях, когда орнамент покрывал всю боковую поверхность, придонная часть украшалась горизонтальным елочным узором.

Посуда второй группы (рис. 119, 18, 21) отличается плоскодонной баночной формой. В орнаменте по существу полностью отсутствуют узоры, которые можно было бы уверенно связать с андронидной орнаментацией предшествующих культур. Украшалась вся боковая поверхность. Сущность декоративной схемы заключается в заполнении внешней поверхности сосудов горизонтальными полосами из наклонных вдавлений мелкоструйчатого, гладкого или гребенчатого штампов. Встречаются сосуды, орнаментированные рядами отступающих паколов (рис. 119, 18). Орнаментальное поле почти во всех случаях делилось на несколько одинаковых зон поясами из крестового, ромбического и треугольного штампов. Интересно, что на Шайтанском городище в верховьях Кети сосуды второй группы не встречаются; возможно, этот факт подтверждает ранее высказанную нами мысль о культурной специфике восточной части рассматриваемого ареала.

Думается, что охарактеризованные выше две группы посуды имеют разное происхождение. Первая является, особенно в западной части ареала, генетическим продолжением местной позднееловской посуды, вторая была принесена из северных районов Западной Сибири. Но эти два керамических комплекса существуют бок о бок, взаимосвязанно, и нам кажется, что разделять их и относить к разным культурам было бы неверно. Видимо, здесь мы имеем дело с двумя группами населения — местной и пришлой, которые были связаны между собой брачными контактами и в этом отношении представляли единый эндогамный коллектив.

Вещевой материал молчановских памятников сравнительно беден. В молчановском комплексе Десятовского поселения найден бронзовый нож, слегка изогнутый, с длинным лезвием (рис. 119, 14). Обломки бронзовых ножей сходной формы известны из Шайтанского городища. В верхнем слое Десятовского поселения встречена трехлопастная бронзовая подвеска (рис. 119, 2).

Среди глиняных изделий преобладают грузила. Они представлены двумя типами: дисковидными с желобком по ободу (рис. 119, 7) и цилиндрическими с отверстием (рис. 119, 5). При раскопках Шайтанского городища вскрыт очаг, сложенный из маленьких четырехугольных глиняных кирпичиков; некоторые из них орнаментированы отпечатками пластины или ногтевыми вдавлениями. В районе очага найден глиняный предмет в виде усеченной пирамиды, орнаментированный по боковым граням вертикальной елочкой (рис. 119, 13); в разных частях раскопа встречено еще несколько обломков подобных пирамид.

Среди каменных орудий преобладают скребки. Они чаще встречаются на севере молчановского ареала. Так, в культурном слое Шайтанского городища найдено 13 скребков (рис. 119, 6); все изготовлены на отщепе и не имеют каких-либо специфических признаков. Возможно, часть скребков Десятовского поселения (там они найдены в количестве нескольких десятков) следует связывать с молчановским комплексом этого памятника. На Молчановской Остяцкой

Горе встречен каменный наконечник стрелы — треугольный, с выемкой в основании (рис. 119, 11), не отличающийся существенно от еловских и гамаюньских. Обломки каменных наконечников стрел найдены также на Шайтанском городище. С Молчановской Остяцкой Горы происходят два пряслица. Одно — каменное, не орнаментированное; другое — из глины, украшено беспорядочными вдавлениями конца палочки.

Судя по характеру инвентаря, хозяйство молчановского населения было в основном охотничье-рыболовческим. На дне жилища, исследованного А. П. Дульзонем на Молчановской Остяцкой Горе, найдено много рыбьих костей, в том числе крупных осетровых рыб. Кости домашних животных пока неизвестны, может быть, из-за плохой сохранности остеологического материала в грунте молчановских памятников (на Десятовском поселении и Шайтанском городище, например, не найдено ни одной кости). Учитывая присутствие костей лошади в комплексах предшествующего (Тух-Эмтор IV) и последующего (кулайские памятники) времени, можно предполагать, что лошадь была известна и населению молчановской культуры.

Во время раскопок Молчановской Остяцкой Горы А. П. Дульзон обнаружил жилище в виде соединяющихся друг с другом двух четырехугольных землянок (4,5×5,8 м и 3,2×4,1 м). Жилищные ямы были углублены в грунт на 1,1 м. Большое помещение имело две возвышенные прямоугольные площадки у стен. Посередине находился очаг. Для его устройства сначала были вбиты колья, ограничившие прямоугольник очага (0,5×0,4 м) и выступавшие от поверхности пола на высоту 0,4 м. Пространство между ними было заполнено землей. Стенки и верхняя площадка очага носили следы глиняной обмазки (Дульзон, 1966).

Погребальный обряд молчановского населения не изучен. Правда, при раскопках раннесредневекового могильника Релка в поселке Молчаново на Оби были вскрыты две могилы с посудой молчановского типа. К сожалению, никаких подробностей об устройстве могил она не сообщает. В каждой из них стояло по горшку. Останков погребенных не обнаружено (Евдокимова, 1973).

Нам представляется почти несомненным, что молчановская культура возникла на позднееловской основе при участии северных групп населения. Об этом свидетельствует явная преемственность между третьей группой еловской посуды (северный вариант; рис. 110, 2, 7) и первой группой молчановской (рис. 119, 15, 19, 20). На той и другой обычны орнаменты, не типичные для ирменской керамики; уточки, взаимопроникающие Г-образные фигуры, взаимопроникающие вертикальные полосы (образующие фон в виде простого прямоугольного меандра), вертикальные ряды гладкой качалки и др.

Выше в связи с характеристикой еловской культуры мы отмечали, что в Нижнем Причулымье, Васюганье и некоторых других местах Нарымского Приобья еловское население продолжает некоторое время существовать после того, как на юге ареала оно было сменено ирменцами. Поскольку сложение молчановской культуры происходило в условиях давления на поздних еловцев северных таежных групп, следует предполагать, что ранние этапы молчановской

культуры в тайге одновременны поздним этапам ирменской культуры в лесостепной зоне. Наиболее вероятной датой молчановской культуры являются IX—VII или VIII—VII вв. до н. э.

Памятники завьяловского типа. В конце бронзового века в Новосибирское Приобье пришло новое население, оставившее памятники завьяловского типа. Они изучены по материалам поселения Завьялово I и городища Завьялово V. Комплексы завьяловского типа выявлены также при раскопках других памятников этого района (Ордынское I, Умна III и др.). Впервые специфика завьяловского керамического комплекса была отмечена Т. Н. Троицкой (1970). В целом завьяловскую посуду можно разделить на две группы.

К первой группе относятся плоскодонные горшки и некрупные круглодонные сосуды, имеющие обычно хорошо выраженную шейку (Троицкая, 1970, рис. 3, а, ж). В большинстве случаев шейка дугообразно выгнута наружу, что сближает эту посуду с молчановской (первой группой) и красноозерской. По отдельным элементам орнамента (большой удельный вес крестового штампа и горизонтальных гребенчатых линий) и по общему характеру декоративной схемы (заполнение поверхности сосудов однообразными полосами крестового и гребенчатого штампов, деление орнаментального поля рядами ямок) эта группа более всего похожа на керамику красноозерского типа таежного Прииртышья. Правда, в красноозерских комплексах не столь характерны круглодонные чаши и в общем красноозерская керамика выглядит более ранней, о чем говорит, в частности, преобладание горшковидных плоскодонных сосудов и обычность геометрических орнаментальных мотивов. Нижняя часть завьяловских чаш обычно не имеет орнамента; иногда украшалась только шейка (Троицкая, 1970, рис. 3, в) (рис. 118, 9).

То обстоятельство, что описанная группа завьяловской посуды по облику орнамента в большей мере сопоставима с красноозерской керамикой таежного Прииртышья, нежели с молчановской Нижнего Причулымья и Нарымского Приобья, позволяет предполагать, что население, оставившее эту посуду, пришло в Новосибирское Приобье не из северной части Томской обл., как предполагает Т. Н. Троицкая, а скорее с севера и северо-запада — из таежного Прииртышья или района Сургута.

Вторая группа завьяловской керамики представлена крупными сосудами горшковидной или баночной формы (Троицкая, 1970, рис. 3, и — р). Судя по профилировке верхней половины стенки, большая часть сосудов была плоскодонной. Орнаментировался лишь верхний край. Наиболее характерный узор — несколько рядов горизонтальной елочкой, выполненной гребенчатым или гладким штампом; довольно обычны также решетчатый пояс или зигзагообразная полоса. Орнаментальное поле во многих случаях делилось двумя рядами «жемчужин», чередующихся с насечками. Керамика этой группы по существу полностью идентична посуде большереченского этапа большереченской культуры в верховьях Оби (Грязнов, 1956а, табл. XIII; XIV и др.) (рис. 119, 12).

Оценивая керамический комплекс завьяловских памятников в целом, Т. Н. Троицкая преувеличила

близость завьяловской керамики молчановской посуде и преуменьшила ее сходство с ранней большереченской керамикой района Бийска. Завьяловские памятники характеризуют, на наш взгляд, всего лишь один из вариантов большереченской культуры. Правда, здесь следует учитывать, что в формировании большереченского этапа в районе Бийска северные воздействия сыграли меньшую роль, чем в районе локализации завьяловских памятников, во всяком случае, крестовый штамп и гребенчато-ямочная манера орнамента представлены там намного слабее. Видимо, в районе Бийска на формирование раннего этапа большереченской культуры большое влияние оказало предшествовавшее ирменское население, что убедительно показал М. П. Грязнов (Грязнов, 1956а, с. 67—69). В районе Завьялово это влияние было меньшим и угадывается лишь во второй группе посуды, которая близка по облику большереченской района Бийска. Тем не менее между завьяловскими и большереченскими комплексами больше сходства, чем различий, и мы вслед за М. Н. Комаровой склонны рассматривать большереченские памятники района Бийска и одновременные им памятники Новосибирского Приобья и низовьев Томи как относящиеся к одной (большереченской) культуре (Комарова, 1952, с. 46—47).

Среди орудий, найденных на завьяловских поселениях Новосибирского Приобья, Т. Н. Троицкая называет каменные грузила и бронзовый наконечник стрелы скифского типа, датирующийся VII—VI вв. до н. э.

В хозяйстве завьяловского населения роль охоты и рыболовства по сравнению с ирменским временем несколько повысилась. Скотоводство, видимо, продолжало играть ведущую роль, но костный материал слишком невелик, чтобы судить об этом с достаточной уверенностью. «Можно указать, — сообщает Т. Н. Троицкая, — что несколько поддающихся определению костей принадлежат крупному и мелкому рогатому скоту, встречены зубы лошади и обломок рога лося. Найдено несколько рыбьих костей. Они в сочетании со значительным количеством грузил свидетельствуют об определенном удельном весе рыбной ловли» (Троицкая, 1976, с. 157).

На городище Завьялово V Т. Н. Троицкая раскопала часть осыпавшегося жилища. Оно, видимо, было наземным, так как углублялось в материк всего лишь на 20—30 см (Троицкая, 1970, с. 150—151).

О погребальном обряде завьяловцев дает представление Томский могильник на Большом Мысе, где А. В. Адрианов и С. К. Кузнецов раскопали в 80-х годах прошлого столетия 47 погребений VII—VI вв. до н. э. Однако этот могильник принято рассматривать в связи с памятниками большереченской культуры, в рамках скифо-тагарской эпохи.

В целом появление памятников завьяловского типа явилось отголоском миграционной волны с севера, начавшейся в таежных глубинах Западной Сибири около VIII в. до н. э. и докатившейся до Новосибирского Приобья лишь к VII—VI вв. до н. э., в сильно ослабленном виде.

В последние годы В. И. Молодин выделил в лесостепной Барабе группу памятников переходного времени от бронзового века к железному (поселения Абрамовка 2, Туруновка 4, могильник Кама 1, го-

Схема синхронизации культур неолита и бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири

Нижнее Приобье		Среднее Прииртышье		Новосибирское Приобье	Юг Среднего Приобья		Северотаежное Приобье	Даты
Свердловско-Тагильский регион	Тюменское Приобье	Тайга	Лесостепь		Нижнее Приобье	Нижнее Причулымье		
Гамаюнская культура		Красноозерская культура	Позднеирменские памятники	Памятники завьяловского типа	Молчановская культура	Атлымская культура	VIII-VII вв. до н.э.	
Межовская культура							Ирменская культура	
Черкаскульская культура	Андроновская общность (нижне-тобольский вариант)	Сузгунская культура	Еловская культура			Памятники с гребенчато-ямочной керамикой	XIII-X вв. до н.э.	
			Андроновская общность					
Коптяковский этап	Самусьская общность (тюменский вариант)	Предсузгунский этап (комплексы с гребенчато-ямочной керамикой)	Кротовская культура	Самусьская культура		Сартыньинская культура	XVI-XIII вв. до н.э.	
Аятский этап	Андреевская культура	Одиновский этап (памятники с гребенчато-ямочной керамикой)	Игрековский этап				Честыйгский этап	XX-XVII вв. до н.э.
Липчинская и шапкульская культуры		Гребенчато-ямочная общность (байрыкский этап; памятники типа Байрык-Иска, Артын, Венгерова 3 и др.)		Новокусовский этап		Памятники с керамикой кошкинского облика	XXV-XXI вв. до н.э.	
Сосновоостровский этап	Боборыкинская культура	Гребенчато-ямочная общность (древнейший этап: памятники типа Кокуй I, Бичили, Екатерининка)		Завьяловский этап (памятники типа Завьялово 2, 8, Седовая Займка 2 и др.)			XXX-XXVI вв. до н.э.	
		Кошкинские памятники						

родище Чича 1 и др.), материальная культура которых продолжает развивать ирменские традиции, без участия пришлых крестово-ямочных культур (Молодин, 1983а, с. 21-23). Керамика в целом близка ирменской, но в ее форме и орнаменте прослеживаются черты, позволяющие видеть нарастание признаков, характерных для саргатской и большереченской культур эпохи железа. Обращает на себя внимание обилие мелкой антропо- и зооморфной глиняной пластики, свидетельствующей о развитии культур, не фиксируемых в предшествующие эпохи.

В. И. Молодин предложил назвать исследованные памятники позднеирменскими. Найденный на них производственный инвентарь почти не отличается от ирменского. Сохраняется многоотраслевой характер хозяйства при его в основном скотоводческой направленности. Пять раскопанных жилищ представлены глубокими полуземлянками двух типов: однокамерными и двухкамерными. На могильнике Кама 1 вскрыты семь погребений этого времени. По свидетельству В. И. Молодина, похоронный обряд сходен с одной стороны, с предшествующим ирменским, с другой стороны, с более поздним большереченским (Молодин, 1983а, с. 22). Позднеирменские памятники интересны тем, что их дальнейшее изучение должно пролить свет на происхождение лесостепных западно-сибирских культур эпохи раннего железа, прежде всего саргатской и большереченской. К сожалению, материалы позднеирменских памятников, равно как данные о деталях погребального обряда, домостроительстве, хозяйственных занятиях и пр., до сих пор не опубликованы.

* * *

Подытоживая изложенный в предшествующих главах материал, необходимо подчеркнуть некоторые существенные моменты. Если обратиться к материалам наиболее изученной лесостепной и южнотаежной полосы Западной Сибири, то бросается в глаза следующее: в течение всего бронзового века мы видим здесь поочередное расширение ареала то одной, то другой орнаментальной (культурной) традиции: сначала гребенчато-ямочной (переходное время от неолита к бронзовому веку), затем отступающе-накольчатой или самусьской (самусьско-сейминская эпоха), потом андроновидной (андроновская эпоха) и т. д., причем эти расширения носили «взрывной», экспансивный характер и распространялись на большую площадь, иногда во много раз превышающую ареал исходной культуры.

Предтаежное Ишимо-Иртышье и Томско-Чулымский регион являлись в эпоху бронзы, пожалуй, самыми нестабильными в этнокультурном отношении территориями. Это особенно видно на примере лесостепной части Среднего Прииртышья. На рубеже неолита и бронзового века здесь жили носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. В самусьско-сейминскую эпоху южная граница гребенчато-ямочного ареала сдвинулась к северу, и лесостепное Прииртышье заняло население, родственное самусьскому; оно принесло своеобразно орнаментированную керамику и специфические типы бронзовых изделий. Позже сюда пришло андроновское население, с другой керамикой, с иной манерой ор-

наментации, с другими типами бронзового инвентаря. На поздних этапах бронзового века здесь появляются носители карасукской культурной традиции. И, наконец, в переходное время от бронзового века к железному в лесостепное Прииртышье проникают многие элементы северных таежных культур.

Если говорить о выделении культурно-хронологических пластов бронзового века Западной Сибири, то такие пласты четче всего вычлениаются для южно-таежного и предтаежного Прииртышья. Здесь археологи фиксируют неоднократную смену культурных традиций без видимых следов генетической преемственности. В окраинных и глубинных районах Западной Сибири культуры развиваются более традиционно. Так, в районе Свердловска на протяжении почти всего бронзового века прослеживаются этапы одной (андроноидной) культурной традиции — аятский, коптяковский, черкаскульский, межовский. В Васюганье и в бассейне Ваха с ранних этапов бронзового века до эпохи железа тоже идет развитие в основном одной культурной традиции — гребенчато-ямочной, не осложненной существенными инокультурными воздействиями.

Таким образом, если рассматривать бронзовый век Западной Сибири в целом, то мы вправе говорить об одновременности существования нескольких культурных традиций; если же касаться отдельных ее регионов — Тюменского Притоболья, лесостепного Прииртышья, Томско-Чулымского Приобья, то здесь одна культурная традиция сменяется другой, другая — третьей и т. д., и они воспринимаются как

разновременные, причем последовательность культурных напластований на одновременных памятниках соседних микрорайонов могла быть не вполне одинаковой. Это мешает археологам, работающим в разных местах Западной Сибири, понять друг друга и является причиной многих разногласий и разночтений.

Этнокультурная карта Западной Сибири в энеолите и бронзовом веке была чрезвычайно сложной, и в этой связи нельзя не коснуться вопроса о западносибирской «культурной общности», которая якобы существовала на исследуемой территории в неолите и бронзовом веке. Тезис о существовании такой общности был высказан еще в те времена, когда неолит и бронзовый век Западной Сибири были практически неизвестны. Тем не менее точка зрения о западносибирской общности эпохи бронзы стала общепринятой, и несмотря на то что археологические материалы никогда не свидетельствовали в пользу этого мнения, оно вот уже десятилетия повторяется в археологической литературе, на него ссылаются как на истину, не требующую доказательств. На фоне новых и новейших археологических исследований этот априорный тезис стал анахронизмом и дает неправильное направление научному поиску. Гораздо больше оснований говорить о западносибирской общности для переходного времени от бронзового века к железному и для эпохи железа, когда в таежном Обь-Иртышье шло активное смешение разных групп населения и происходила нивелировка разнокультурных признаков (Косарев, 1974б).

Глава шестая

Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири

Среди ряда ученых до сих пор бытует мнение, что зависимость человека от природной среды была особенно сильной в глубокой древности, а по мере приближения к нашему времени она становилась все более слабой. История говорит, однако, что чем дальше шел человек по пути экономического и социального развития, тем большее число неразрывных нитей связывало его с окружающей природой. В древности зависимость человека от природного окружения была не более сильной, а более прямой и непосредственной. В дальнейшем, с развитием производительных сил, связь человека с природой становилась все сложнее и опосредованнее. Эта опосредованность и породила позднее иллюзию независимости человека от природной среды.

Для западносибирской территории зависимость человека от природы стала особенно сложной и многогранной начиная с бронзового века, когда в пределах Западно-Сибирской равнины окончательно оформились и приобрели достаточно четкую локализацию три больших хозяйственных ареала: ареал производящей экономики на юге, сильно сократившийся ареал традиционной присваивающей экономики на севере и ареал многоотраслевого хозяйства, сочетавшего производящие отрасли и присваивающие промыслы, в пограничье тайги и лесостепи. Усложнение зависимости человека от природы в этот период проявляется, в частности, в том, что каждый из трех названных экономических ареалов мог существовать уже лишь на определенном ландшафтно-климатическом фоне.

1. Ареал производящей экономики

Нередко, говоря о происхождении пастушеско-земледельческого хозяйства, мы не разделяем два разных вопроса: время зарождения производящих занятий и время утверждения производящей экономики, забывая о том, что между этими двумя моментами могут лежать тысячи лет поисков, находок и потерь. Зарождение элементов производящего хозяйства в лесостепной и степной зонах Западной Сибири безусловно уходит своими корнями в глубины каменного века, утверждение же производящей экономики (в данном случае пастушеско-земледельческого хозяйства) на юге Западно-Сибирской равнины и в смежных степных районах произошло не ранее начала эпохи бронзы и было в значительной мере стимулировано существенными климатическими изменениями.

Начавшееся накануне бронзового века усыхание климата ухудшило возможности для охоты и рыбо-

ловства и в очередной раз поставило население степной и лесостепной зон перед угрозой голода и вымирания, заставив его искать выход из возникшего кризиса. В сложившейся ситуации люди, наверное, не могли не обратить внимания на то, что наступившее суровое время лучше переживают те группы, которые надеются не только на охоту и рыболовство, но также на разведение копытных и возделывание злаковых. Затем степное население стало покидать мелеющие речки и пересыхающие озера и уходить на большие реки — в места, богатые пойменными угодьями, где было удобно заниматься пастушеством и земледелием. Здесь посевам не грозила гибель от недостатка влаги и суховеев, от нашествия кобылки и от выдувания семян ветром; кроме того, поймы в отличие от грив отличались более устойчивым плодородием почв.

Однако было бы ошибкой считать, что единственным условием перехода степного и лесостепного населения к пойменному пастушеско-земледельческому хозяйству было усыхание. Изменения климата происходили здесь и в предшествующие периоды голоцена, но они не привели к победе производящей экономики, хотя оказали влияние на хозяйство и быт степного населения, способствуя то большей его подвижности (в основном за счет возрастания роли охоты на диких степных копытных), то большей оседлости (главным образом за счет увеличения значения рыболовства).

Победа пастушеско-земледельческого хозяйства на юге Западно-Сибирской равнины была обеспечена по крайней мере тремя совместно действовавшими факторами: первый из них — развитие производительных сил (не случайно переход к производящей экономике здесь шел в общем параллельно с развитием медной, а затем бронзовой металлургии); второй фактор — подходящие экологические условия степной и лесостепной зон для разведения копытных и выращивания злаковых; третий фактор — кризисная ситуация, вызванная прогрессирующей засушливостью климата, сокращением охотничье-рыболовческих угодий и обострением проблем перенаселенности.

На рубеже бронзового и железного веков на юге Западно-Сибирской равнины произошел переход от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству. К концу бронзового века увеличилась доля лошадей в стаде и уменьшилась доля крупного рогатого скота. Эта тенденция была отмечена Г. М. Потемкиной и С. Я. Зданович для алкеевско-саргаринской культуры Среднего Притоболья и Северного Казахстана, М. А. Итиной — для амиробадской культуры Приаралья и А. Х. Маргуланом —

для дандыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана (Потемкина, 1976, с. 24; Зданович С. Я., 1979, с. 17—18; Итина, 1977, с. 193; Маргулан, 1979, с. 258).

Примечательно, что переход к кочевому скотоводству на юге Западно-Сибирской равнины совпал с существенным изменением климатических условий. Исследование речных наносов в жилищах саргаринской культуры конца бронзового века в Северном Казахстане показало, что перед началом железного века они были покинуты из-за участвовавших больших наводнений (Зданович Г. Б., 1973, с. 43). Современный сельскохозяйственный опыт говорит, что в тех случаях, когда высота весенних разливов на Иртыше, Тоболе, Туре превышает средний уровень на 2—3 м, половодья носят особенно затяжной характер. В такие годы вегетационный период в поймах сокращается, травы и сельскохозяйственные культуры не успевают созреть, продуктивность пойменных пастбищ и пашен резко падает (Григорьева, 1956). Можно предполагать, вслед за К. В. Сальниковым и Г. Б. Здановичем, что повышение уровня воды в реках и озерах Южного Зауралья и южной части Западно-Сибирской равнины в начале железного века привело к сокращению пойменных угодий, что ухудшило возможности пастушеско-земледельческого хозяйства, но зато увлажнение этой территории облегчило освоение под пастбища открытых степных и лесостепных пространств. В этих условиях завершился переход к кочевому скотоводству.

Само собой разумеется, что увлажнение климата как таковое не могло явиться непосредственной причиной перехода от одной формы хозяйства к другой. Основной движущей силой таких экономических трансформаций было развитие производительных сил, которое на определенном этапе подводило людей к готовности изменить характер экономики. Но эта потенциальная готовность могла оставаться втуне до тех пор, пока окружающая среда не благоприятствовала такому переходу. Говоря о климатических изменениях на юге Западно-Сибирской равнины, можно считать, что они соответствовали производственным потребностям местного населения и способствовали успешному решению назревших экономических задач.

Касаясь конкретных условий перехода от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству в степном и лесостепном Обь-Иртыше, следует особо подчеркнуть совместное действие по существу тех же самых трех факторов, которые в свое время стимулировали переход от охоты и рыболовства к пастушеско-земледельческому хозяйству (правда, в данном случае они проявились на ином ландшафтно-климатическом фоне и в новых исторических условиях): первый фактор — развитие производительных сил (не случайно переход к кочевому скотоводству на юге Западно-Сибирской равнины в общем совпал с освоением железа); второй фактор — достаточно благоприятные экологические условия степной и лесостепной зон для существования кочевого скотоводства; третий фактор — кризисная ситуация, вызванная сокращением продуктивности пойменных угодий и обострением проблемы перенаселенности.

Говоря о социальной значимости перехода к кочев-

ничеству, необходимо учитывать, что демографическая емкость западносибирских степей и лесостепей в эпоху бронзы, хотя и повысилась по сравнению с неолитом, продолжала оставаться весьма ограниченной. Дело в том, что широкие речные поймы, удобные для пастушеско-земледельческого хозяйства, здесь весьма редки. Так, в североказахстанской части р. Ишим, протяженностью около 1000 км, есть лишь два места с большими и удобными поймами — в районах Петропавловска и Атбасара; здесь обнаружены соответственно два скопления памятников бронзового века, отделенных друг от друга сотнями километров практически незаселенных пространств. Такая узкая локализация пастушеско-земледельческих коллективов должна была неизбежно привести к усилению диспропорций между ограниченным объемом пищевых ресурсов и растущей численностью населения. Это не могло не стимулировать миграционные процессы.

Во второй половине бронзового века значительные по численности андроновские (прежде всего федоровские) группы переселяются в южную часть западносибирской тайги, в Восточный Казахстан, на Алтай, в Новосибирское Приобье и в Хакасско-Минусинскую котловину. Перенаселенность особенно обострилась около рубежа II и I тыс. до н. э., когда доступный резерв пойменных угодий Южной Сибири был исчерпан и мигрировать стало некуда. Выходом из сложившейся кризисной ситуации явился переход к кочевому скотоводству. Тот факт, что в миграциях на север и восток Западной Сибири в последние века II тыс. до н. э. участвовали исключительно или почти исключительно федоровцы, возможно, свидетельствует о том, что они в отличие от алакульцев дольше держались за традиционное пастушеско-земледельческое хозяйство и были менее склонны решать проблему перенаселенности путем перехода к кочевому скотоводству.

2. Ареал присваивающей экономики

Хотя для этого ареала было издревле характерно комплексное промысловое хозяйство, сочетавшее охоту, рыболовство и собирательство, здесь уже с неолита достаточно четко фиксируются четыре типа хозяйства, различающиеся между собой преимущественной ориентацией на определенный вид промысла: 1) подвижная охота на северного оленя (зона тундры); 2) охота на лесных копытных при помощи стационарных заградительных устройств на путях их сезонных перекочевок (лесное Зауралье); 3) охотничье-рыболовческое хозяйство, в котором охотничий и рыболовческий промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили выраженный сезонный характер (таежное Обь-Иртыше); 4) оседлое рыболовство (Нижнее Приобье).

Из четырех перечисленных типов присваивающей экономики наиболее традиционными были первые три (они существовали с каменного века до этнографической современности). Что касается оседлого рыболовства в Нижнем Приобье, то этот тип присваивающего хозяйства был своего рода эпизодом, и расцвет его, по имеющимся археологическим данным, относится в основном к переходному времени от нео-

лита к бронзовому веку — во всяком случае, для Нижнего Притоболья.

Следует иметь в виду, что между названными типами присваивающего хозяйства не было и не могло быть сколько-нибудь четких и стабильных географических и этнических границ. Акцент на тот или иной вид промысла мог меняться: в плохие для рыболовства годы оседлорыболовческое население переориентировалось на преимущественно охотничий быт, а охотники при ухудшении условий промысла зверя могли перейти на преимущественно рыболовческий образ жизни и т. д. Тем не менее в широкой территориально-хронологической перспективе названные четыре типа хозяйства и их тяготение к определенным географическим районам отражают реальные локальные тенденции в развитии присваивающей экономики таежной и тундровой зон. Эти типы хозяйства явились в древности единственно возможными, самыми рациональными вариантами адаптации аборигенного населения к экологическим условиям севера Западной Сибири.

Подвижная охота на северного оленя (зона тундры). Для понимания особенностей социально-экономической истории древнего населения тундровой зоны необходимо учитывать, что тундра по многим своим особенностям сходна со степной зоной (открытые безлесные пространства, характерность мигрирующих стад копытных, частая смена благоприятных и неблагоприятных в погодно-климатическом отношении лет и пр.). Здесь, как и в степи, должны были вестись особенно упорные поиски более рациональных и экономически более стабильных форм хозяйства, однако тундра по своим экологическим особенностям давала худшие, чем степь, возможности для успеха этих поисков. Тем не менее они завершились там и здесь, хотя и в разное время, сходным результатом — переходом к кочевому скотоводству в степях и к кочевому оленеводству в тундре.

Однако в интересующий нас период основным занятием тундрового населения была подвижная охота на северного оленя. Подвижный охотничий быт тундровых аборигенов нельзя отождествлять с бессистемным бродяжничеством. Охотники должны были учитывать направление и время массовых перекочевок оленей (осенью в глубь материка, весной к морскому побережью); они обязаны были досконально знать пути таких перекочевок, чтобы выбирать места, наиболее удобные для охоты. О том, насколько важен был учет этих обстоятельств, говорит то, что до недавнего времени изменения путей сезонных перекочевок дикого оленя коренным образом нарушали хозяйственно-бытовой ритм тундрового населения, заставляя его переселяться в другие места, вступать в войны и т. д.

Регулярность движения диких оленьих стад и постоянство маршрутов их сезонных перекочевок обусловили благоприятные возможности для коллективных способов охотничьего промысла, из которых наиболее простой, наиболее древней и наиболее популярной была «поколка». Она не была связана со строительством специальных заградительных сооружений и практиковалась в тех местах, где традиционные пути сезонных перекочевок диких оленей пересекали реки. При переправе через них плывущие олени были практически беспомощны, и их в боль-

шом количестве добывали копьями на плаву. Поколки и другие виды коллективного промысла диких копытных имели очень большое значение в жизни тундровых аборигенов, так как позволяли запасать мясо впрок. Те сравнительно немногочисленные и небольшие по площади поселения эпохи неолита, с одним—двумя жилищами, которые исследовал Л. П. Хлобыстин в западносибирской тундре и лесотундре, были приурочены, по его мнению, к местам переправ диких оленей через реки (Хлобыстин, 1972, с. 32). Такой же принцип расположения сезонных охотничьих стоянок применялся тундровыми аборигенами во все последующие времена — до этнографической современности. Весенние и осенние стойбища вганасан до недавних пор устраивались в местах переправ диких оленей (Народы Сибири. М.; Л., 1956, с. 650).

Наиболее распространенным видом летнего промысла (кроме рыбной ловли) была охота на линную дичь. В. Н. Чернецов полагает, что она практиковалась с каменного века, «была очень эффективна и обеспечивала людей пищей в виде вяленого мяса на большой срок» (Чернецов, 1971, с. 65—66). Говоря об охоте на линную дичь в начале 20-х годов прошлого столетия у аборигенов Колымы, Ф. Врангель писал: «Сей промысел с некоторого времени весьма оскудел: лет за 20 охотники приносили домой в иные дни по несколько тысяч гусей, а иные при устье Колымы почитают за счастье, если удастся за все лето убить до 1000 гусей, до 5000 уток и сотни две лебедей» (Врангель, 1841, ч. 1, с. 251). В низовьях Лены, где, судя по этнографическим данным, этот вид летнего промысла был большим подспорьем в питании местного населения вплоть до конца прошлого столетия, Н. Д. Юргенс был очевидцем случая, когда в 1883 г. двое мужчин, вооруженных палками, за полчаса убили во время линной охоты 1500 гусей (Юргенс, 1885, с. 265).

Несмотря на определенную роль в хозяйстве охоты на линную дичь, рыболовства и собирательства, основным средством существования древнего тундрового населения была охота на северного оленя. Она, как полагает Л. П. Хлобыстин, удовлетворяла потребности древних тундровых аборигенов в пище и одежде, а остальные промыслы имели подсобное значение (Хлобыстин, 1972, с. 32).

Основываясь на археологических данных, Л. П. Хлобыстин предположил, что в полосе тундры начиная с неолита жили «рассеянные на больших пространствах маленькие, но экономически самостоятельные семейно-хозяйственные коллективы. Забота о добыче пропитания падала на одного—двух мужчин, а обработка добычи, забота о детях лежала на женской части коллектива. Эти коллективы, судя по наличию жилищ, устраиваемых на местах переправ диких оленей через реки, ... вели полуседлый, сезонный образ жизни... Возможно, что охота на переправляющихся оленей имела массовый характер и для участия в ней объединялось несколько семейно-хозяйственных коллективов, образующих на время производственную общину» (Хлобыстин, 1972, с. 32).

Мы, вслед за Б. О. Долгих, Л. П. Хлобыстиным и Ю. Б. Симченко, считаем, что численность и структура социальной организации сибирских тундровых аборигенов издревле определялись условиями и

нуждами коллективной охоты — прежде всего характером сезонных промыслов дикого оленя на переправах через реки (Долгих, 1960, с. 169; Хлобыстин, 1972, с. 32; Симченко, 1976, с. 185—189). По Б. О. Долгих, охотничий коллектив у тундровых народов соответствовал родовому коллективу, не случайно у нганасан одним словом «фонка» обозначались и род, и копье, употреблявшееся на посылке (Долгих, 1960, с. 619).

У древнего населения тундры вряд ли существовала когда-либо четкая и стабильная племенная организация. Разбросанность мелких производственных коллективов по бескрайним тундровым просторам не способствовала крепости и устойчивости социальных уз. В XVII в. плотность населения в западносибирской тундре составляла примерно один человек на 50—60 кв. км. Однако во времена крупных социальных потрясений — вторжений иноэтничных групп, при необходимости отомстить за нападение, вернуть захваченные врагом земли и т. д. — семьи и роды больших территорий могли объединяться воедино, в некое подобие временного военно-политического союза. Один из документов Сибирского приказа рассказывает о нападении в 1678—1679 гг. на ясачных остяков «воровских самоедов больше 400 человек» (Бахрушин, 1935, с. 14). Общество, способное выставить такое войско, должно было объединять не менее 1600 человек, что во много раз превышает обычную численность рода на Крайнем Севере.

Коллективная охота на лесных копытных (таежное Зауралье). Восточный и западный склоны Урала входили в область наиболее активных сезонных миграций лесных копытных, что создавало здесь в прошлом благоприятные возможности для охоты. Дело в том, что количество зимних осадков на западной стороне Урала намного выше, чем на восточной. Так, в Прикамье мощность снежного покрова почти в два раза больше, чем в смежном Свердловско-Тагильском регионе. Известно, что лось способен добывать подножный корм из-под слоя снега не более 20 см, а сибирская косуля — не более 15 см. Поэтому осенью начинались массовые перекочевки лесных копытных через Урал на восток, с глубоких снегов — на мелкие, а весной в обратную сторону.

Стационарные заградительные приспособления, предназначенные для добычи мигрирующих через Урал копытных, устраивались в местах наиболее массового хода животных. Особенно много сил тратилось, судя по этнографическим данным, на строительство так называемых «огородов» — грандиозных сооружений, тянувшихся местами на многие десятки верст. Охота на лося и косулю при помощи «огородов» является основным сюжетом древних наскальных рисунков в восточной части Уральского хребта (Чернецов, 1971). Немалое значение имела и индивидуальная охота, о чем свидетельствует большое число наконечников стрел, каменных и костяных, на аятских поселениях эпохи ранней бронзы, а также на торфяниковых стоянках Свердловско-Тагильского региона (рис. 85) (Косарев, 1981, рис. 6). Индивидуальные способы охоты на крупного мясного зверя доставляли, видимо, текущую пищу, тогда как добыча лесных копытных при помощи «огородов» позволяла запасать мясо впрок.

Путешественники XVII—XVIII вв. единодушно

подчеркивают, что основным занятием зауральских вогулов, в отличие от приобских остяков, было не рыболовство, а охота, которая определяла весь их хозяйственно-бытовой уклад (Паллас, 1786, с. 293, 326; Любарских, 1792, с. 69). Видимо, эта черта, обусловленная экологическими особенностями лесного Зауралья, была в общем присуща хозяйству местного населения и в более древние времена, хотя при существенных климатических колебаниях роль рыболовства в зависимости от степени увлажненности могла то повышаться, то понижаться. Тем не менее во все исторические периоды охота на лесных копытных без поддержки ее другими видами промыслов не могла гарантировать зауральским лесным аборигенам достаточно устойчивых пищевых запасов. П. С. Паллас, говоря о голодовках у вогулов по причине неудачной охоты, добавляет: «Но таковая нужда случается им очень редко: ибо кроме ловли зверей, стреляют они разных птиц, а буде близко есть рыболовные реки, то сетями и городьбою ловят рыбу» (Паллас, 1786, с. 328).

О значительной роли рыболовства в Зауралье в древние времена свидетельствуют находки на территории Шигирского торфяника в местах стоянок разных эпох — от мезолита до железного века — большого количества роговых гарцунов и игловидных наконечников стрел для охоты на рыбу, деревянных острог, костяных крючков, деревянных поплавков, сетевых грузил и др. (Косарев, 1981, рис. 78, 79). Разнообразные грузила и поплавки для сетей встречены при раскопках Горбуновского торфяника под Нижним Тагилом (Косарев, 1984, рис. 17). Здесь найдены также остатки вентерей и сети из крапивного волокна. Глиняные и каменные грузила разных типов известны также на многих других памятниках Восточного Зауралья, относящихся к энеолиту и бронзовому веку.

В древности также значительным подспорьем в жизни населения таежного Зауралья была охота на линную дичь, о чем, помимо этнографических данных, говорит изображение такой охоты на одной из древних писаниц Восточного Урала (Чернецов, 1971). Возможно, В. М. Раушенбах права, предполагая, что многие сотни роговых наконечников стрел, обычно удлиненных, игловидных, нередко с мелкими частыми шипами на одной стороне, прекрасно отполированных, из Шигирского торфяника (Косарев, 1984, рис. 16) могли в значительной своей части использоваться не только для добычи рыбы, но и для охоты на водоплавающую дичь (Раушенбах, 1956, с. 112).

При преимущественно охотничьем образе жизни экономическая основа для сложения относительно крупных производственных и социальных организмов могла иметь место лишь в районах, где были условия для коллективной охоты на лесных копытных. Описывая образ жизни лозьвинских манси, В. Н. Чернецов отмечает, что возводить загонные сооружения типа «огородов» и поддерживать их в рабочем состоянии было не под силу мелким коллективам, и поэтому, «несмотря на небольшой размер и разбросанность отдельных поселков, то есть локальных групп, население всей такой территории было в достаточной степени единым, и в пределах его существовали не только коллективные виды промысла, но и кол-

лективное потребление» (Чернецов, 1971, с. 75). Поскольку, судя по сюжетам древних наскальных изображений Урала, коллективные способы охоты практиковались здесь с каменного века (во всяком случае, с неолита), можно допустить, что на этой территории в первобытную эпоху могли возникнуть достаточно крупные производственные сообщества, способствовавшие социальной консолидации населения довольно обширных районов.

Охотничье-рыболовческий тип хозяйства в таежном Обь-Иртышье. Ландшафтно-климатические условия глубинных таежных районов Западной Сибири отличались большей стабильностью, чем в степной зоне и тундре. Природная среда здесь была менее подвержена воздействию климатических колебаний, и возможности для традиционных промыслов — охоты, рыболовства и собирательства — в течение последних нескольких тысячелетий оставались здесь в общем одинаковыми.

Однако по отношению к западносибирской тайге нам зачастую свойственно переоценивать запасы ее естественного продукта. В отличие от соседних географических областей — Уральской горной страны, тундры, степной зоны — западносибирская тайга лежит в стороне от наиболее активных путей сезонных перекочевок диких копытных. Ни лось, ни олень в тайге не группируются в большие или даже значительные по численности стада, поэтому здесь в древности, как и у этнографически изученных аборигенов, преобладала, по-видимому, индивидуальная охота на крупных мясных животных: гоним по насту (весной), скрадывание лося и оленя в воде, где они спасались от гнуса (летом), добыча зверя на тропах при помощи сторожевого лука или ловчих ям и т. д.

Большое значение в обь-иртышской тайге имела охота на линную водоплавающую дичь. «Скудость в пища, — замечал по этому поводу в начале XVIII в. Г. Новицкий, — и недостаток способствует довольно множеству птиц: лебедей, гусей, уток и разных родов птицы... Упражняют же ся ловлением оных птиц летнего времени, найлуче в последних числах июня. Зде бо в то время птица лишается перья, к летанию же немощна, в довольное Остяку попадает препитание» (Новицкий, 1884, с. 35).

В летнее время, благоприятное для рыболовства, таежное западносибирское население уходило из стационарных зимних землянок и полуземлянок в места рыболовческого промысла, где оно жило в наземных сооружениях или в легких жилищах типа чумов. По наблюдениям Ю. Ф. Кирюшина, на поселениях эпохи бронзы у оз. Тух-Эмтор в Васюганье летние обитающа (Тух-Эмтор I, IV) располагались при устье либо у истоков мелких рек, впадающих в озера или вытекающих из них, на продуваемых ветром открытых полянах или гривах, где было меньше гнуса. Жилища представляли собой наземные сооружения, иногда с вынесенными наружу очагами. Почвы поселения Тух-Эмтор IV при их анализе показали чрезвычайную насыщенность валовым фосфором, превышающую его обычное содержание в почвах этого района в 5—10 раз, что является веским доказательством преимущественно рыболовческих занятий здесь в летнее время.

Однако мы опять-таки подчас склонны переоценивать возможности рыболовства в западносибирской

тайге. Дело в том, что здесь было мало стабильных по производительности рыболовческих угодий. Реки таежного Обь-Иртышья подвержены периодическим зимним заморам, губительность которых усугублялась тем, что местные реки собирали так называемую «мертвую» воду из огромнейших западносибирских болот, занимавших не менее половины этой территории. Поскольку сила и направление распространения заморозов могли меняться, в одном и том же месте рыба в разные годы зачастую ловилась неодинаково. Так, на р. Салым замор начинался то с низовьев, то с верховьев реки, а иногда одновременно с обоих концов. В случае низового замора рыба лучше ловилась в верховьях, в случае верхового — на низу, а при двухстороннем — условия для рыболовства ухудшались по всей реке. Озера западносибирской тайги, несмотря на их многочисленность (в одной Тюменской обл. более полумиллиона озер), неудобны для использования в рыболовческом отношении, так как в подавляющем большинстве являются заморными и затеряны часто среди непроходимых болот.

Для летних поселений выбирались обычно проточные озера, куда весной в большую воду заходило из рек много рыбы; после этого протока перекрывалась, т. е. озеро «запиралось». Летом вода спадала, рыба стремилась уйти из озера, а люди, пользуясь этим, ставили у запоров всякого рода ловушки и вылавливали рыбу в большом количестве. Поэтому запорное рыболовство было самым добычливым видом рыболовного промысла; оно позволяло добывать рыбу впрок, на зиму. Преимущественно рыболовческая ориентация хозяйства таежных западносибирских аборигенов в летнее время была рациональна и экологически обусловлена. Подсчитано, например, что в Васюганье выход биомассы в тайге равен 5—6 кг с га, тогда как в пойменных васюганских озерах выход биомассы составляет 50 кг на га, т. е. в 8—10 раз больше (Кирюшин, 1976, с. 14). А при запорном рыболовстве, когда рыба, сосредоточившись в озерах весной, затем «запиралась», выход озерной биомассы еще более повышался.

Не случайно Г. Новицкий в своем интересном труде «Краткое описание о народе остячком», написанном в начале XVIII в., сравнивал рыболовство у остяков по его значимости с земледелием у южных народов: «И якоже нецыи в хлебородных местах собирают плоды земные, прыготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бедствующий Остяк в пустых бесплодных сих местах рыбы на всю зиму собирает и своим обыкновением рыбу израдную, муксун названную и прочая, без соли тако усупают, что через всю зиму содержатися может» (Новицкий, 1884, с. 34). Интересно, что у остяков слово «тант», означающее сейчас хлеб, раньше употреблялось в основном для обозначения наиболее употребительной рыбной пищи (Патканов, 1891, с. 37).

Есть основания предполагать, что в своем стремлении сделать хозяйство более надежным и производительным древнее охотничье-рыболовческое население предпринимало попытки ввести в него какие-либо производящие элементы. Об этом можно судить по этнографическим и отчасти археологическим свидетельствам. Так, запорные сооружения на озерах издревле были призваны повышать производительность

рыболовческих угодий. Той же цели служили проруби для снижения зимних заморов, проделываемые костяными пешнями и другими орудиями, которые встречаются на древних озерных поселениях Восточного Зауралья. Салымские остяки делали на обрубах деревьев искусственные дупла и развешивали их затем около воды на ветвях; здесь устраивали гнезда некоторые породы уток, предпочитающие селиться на высоте. Иртышские остяки специально выжигали урманы, чтобы увеличить площади молодых осинников — излюбленные пастбища для лосей. Дореволюционные этнографы, касаясь производства крапивной ткани у остяков, сравнивали процесс собирания и обработки ими крапивы с некоторыми действиями, известными в льноводстве и коноплеводстве. Ежегодная «жатва» крапивы, обработка ее при помощи специальных орудий, стихийный посев около жилищ (в процессе осенней обработки) — все эти операции напоминают приемы примитивного земледелия.

Здесь мы, видимо, имеем дело с тем случаем, когда наличие потенциальной готовности к производящей экономике не может быть реализовано из-за слишком неблагоприятного природного окружения. Совершенно очевидно, что при изменении географической среды в сторону, благоприятствующую производящему хозяйству, и при достаточно благополучной исторической ситуации местное население могло бы сравнительно легко воспринять от южных соседей скотоводческие и земледельческие навыки.

Несмотря на традиционность и известную консервативность охотничье-рыболовческого хозяйства таежных об-иртышских аборигенов, оно не стояло на месте, а шло по пути интенсификации старых и изобретения новых видов присваивающих промыслов. Эти изменения в большей мере затрагивали рыболовство, чем охоту. Дело в том, что усовершенствование промыслового охотничьего инвентаря не могло привести к сколько-нибудь долговременному повышению объема добычи. Скорей наоборот: изобретение более эффективных приемов охоты вызвало бы сокращение промысловых животных, а вслед за этим угрозу голода и вымирания. Рыбные же запасы, сосредоточенные в сотнях тысяч озер и речек, а также во многих десятках крупных рек, богатых не только местной, но и «проходной» рыбой, были почти неисчерпаемы. Это открывало возможность для совершенствования рыболовческих орудий и интенсификации рыболовных промыслов.

В развитии таежного западносибирского рыболовства отмечаются два наиболее значительных «скачка». Первый из них относится к концу неолита; он был ознаменован широким распространением стационарного заповного рыболовства. Это позволило более эффективно использовать на проточных озерах и некрупных речках сети и рыболовческие ловушки. Улучшились возможности запастись рыбой впрок, что повысило степень оседлости таежного об-иртышского населения и его численность; сложились предпосылки перехода к энеолитической эпохе. Второй крупный «скачок» в развитии рыболовства имел место в конце бронзового века и был связан с изобретением усложненных сетных ловушек. Археологически это подтверждается появлением в это время особой разновидности грузил, которую В. И. Васильев склонен считать принадлежащими сетной снасти калданного

типа (Васильев В. И., 1962, с. 151). Вслед за этим открылись широкие возможности для рыболовства на крупных западносибирских реках, повысилась численность населения, сложились предпосылки перехода к железному веку.

Выход на большие реки, т. е. по западносибирским понятиям на «большие дороги», способствовал усилению связей с югом, где в это время возрастает спрос на сибирскую пушнину. В обмен на «мягкое золото» в Западную Сибирь поступают высококачественные товары, изготовленные в торгово-ремесленных центрах Средней Азии и других южных стран: предметы роскоши в виде разнообразных серебряных изделий, художественно оформленные зеркала, металлическая посуда, дорогое оружие и т. д. В руках родовой верхушки и военных вождей скапливаются большие материальные ценности, усиливается их политическая власть, возрастает алчное внимание к богатствам соседей. На смену относительно мирной жизни приходит эпоха захватнических войн и грабительских походов. Уже в конце бронзового века на крупных западносибирских реках таежной зоны — Оби, Иртыше, Томи и др. — возникают мощные земляные укрепления со рвом, валом и деревянным частоколом — так называемые городища (Малый Атлым, Шайтанка и др.). Они были центрами зарождающихся социально-политических единств, убежищами в дни опасности, местами хранения накопленных богатств — во всяком случае, такие функции приписывают им дошедшие до нас древние остяцкие героические сказания. Видимо, возросшая военно-политическая и социально-экономическая сплоченность ранее разобщенных охотничье-рыболовческих групп на севере Западной Сибири способствовала освоению новых более южных территорий. В переходное время от бронзового века к железному наблюдается экспансивное продвижение на юг носителей северных таежных культур, фиксируемое по материалам гамаюнских, красноозерских и других памятников. Радикально перекраивается этнокультурная карта Западной Сибири. Не исключено, что одним из стимулов этого этнокультурного сдвига было отмеченное для этого периода палеоклиматологами существенное увлажнение климата на Западно-Сибирской равнине, которое повлекло за собою сокращение охотничьих угодий в тайге и ухудшение возможностей летних рыболовческих промыслов.

Оседло-рыболовческий тип хозяйства в Нижнем Приоболье. Этот регион расположен на юге таежной зоны. Здесь очень много боровых хорошо доступных проточных и полупроточных озер, идеальных для сетового и заповного рыболовства. Основные левобережные притоки Тобола, обеспечивающие проточность этих озер (Исеть, Тавда, Тура), берут свое начало в пределах Уральских гор. Воды этих рек круглый год богаты кислородом, что ослабляет губительность зимних заморов. Все это с древнейших времен привлекало сюда массы людей и способствовало густому заселению Нижнего Приоболья, особенно в переходное время от неолита к бронзовому веку. В 1971—1973 гг. Западно-Сибирская экспедиция Института археологии АН СССР вела работы на трех небольших расположенных неподалеку друг от друга озерах бассейна р. Иски (Ипкуль, Байрык, Шапкуль) примерно в 50—60 км севернее Тюмени. Здесь было открыто и

частично обследовано более полусотни поселений переходного времени от неолита к бронзовому веку — почти столько же, сколько известно сейчас на всей остальной территории таежного Обь-Иртышья, лежащей за пределами Нижнего Притоболья. А таких озер в Нижнем Притоболье сотни.

Поселения в большинстве своем имели достаточно мощный культурный слой — до 60–100 см и более, что свидетельствует об оседлом образе жизни. При раскопках этих озерных памятников найдено много разнотипных глиняных грузил для сетей, датируемых в основном энеолитической эпохой (рис. 92). На некоторых поселениях (Байрык VI, Шапкуль VI) обнаружены глубокие ямы, доверху заполненные плотным слоем рыбой чешуи, жаберных крышек и других ихтиологических остатков.

Видимо, оседлость и очень большая плотность населения в этих местах в то время были обусловлены высокой рыболовецкой производительностью местных озер. По палеогеографическим данным площадь нижнетобольских озер в конце неолита была больше, чем в бронзовом веке, протоки многочисленнее, а степень проточности выше, что говорит о хороших возможностях для рыболовства.

Древнее нижнетобольское население знало и активно использовало все известные в западносибирской этнографии способы ловли рыбы: охоту на нее при помощи костяных стрел, гарпунов и острог, ловлю крючковой снастью, добычу сетями и ловушками типа вентерей (Косарев, 1984, рис. 16–18), но особенно широко применялось заборное рыболовство. Правда, остатки заборных сооружений в Нижнем Притоболье пока не найдены, но само расположение поселений в местах, удобных для заборного рыболовства — у озерных заливов, на протоках, при устье впадающих в озеро речек, на истоках и т. д. — с несомненностью говорит об их существовании. В. Н. Чернецов считал возможным трактовать как изображения рыболовецких заборов некоторые древние наскальные рисунки Зауралья и отдельные виды орнамента на энеолитической посуде Нижнего Притоболья (Чернецов, 1971, рис. 50).

Среди других промыслов следует назвать (помимо собирательства, которым в той или иной мере занимались все сибирские народы — древние и современные) охоту на водоплавающую дичь (летом) и на лесных копытных — прежде всего лося и сибирскую косулю. Однако специфика хозяйственно-бытового уклада населения, оставившего памятники липчинского, байрыкского и андреевского типов (приуроченность поселений к местам, удобным для заборного рыболовства, оседлость, большая плотность населения), определялась не охотой, а рыболовством — наиболее постоянным и стабильным по добычливости видом промысла. В этом смысле нижнетобольское население переходного времени от неолита к бронзовому веку мы вправе квалифицировать как оседлых рыболовов.

Есть некоторые данные, позволяющие предполагать, что озерное население Нижнего Притоболья еще до начала бронзового века могло быть знакомо с земледелием. На торфяниковых стоянках свердловско-тагильской части этого региона найдено довольно много костяных и особенно деревянных мотыгообразных орудий (Косарев, 1984, рис. 19), которые архео-

логи относят в основном к позднему неолиту, энеолиту и ранней бронзе и склонны считать земледельческими (Дмитриев, 1951а, с. 20–21; Раушенбах, 1956, с. 125). Оценивая возможность столь раннего появления в Нижнем Притоболье элементов производящей экономики, соплемя на доказательное высказывание Л. Р. Бинфорда, что поиски ранних форм производящего хозяйства должны быть направлены в те места, где археологически наблюдается крупный сдвиг в плотности населения и где имеются условия для оседлости, обеспеченные, как правило, наличием стабильного рыболовецкого продукта (Binford, 1970, p. 332).

Исследователи, занимавшиеся изучением памятников Свердловско-Тагильского региона, Нижнего и Среднего Притоболья, пришли к выводу, что в бронзовом веке шло интенсивное усыхание местных озер (Раушенбах, 1956, с. 121; Кипарисова, 1960; Косарев, Потемкина, 1975, с. 173–174; Старков, Хотинский и др., 1979, с. 200). Засушливость климата в этот период привела к понижению уровня воды в озерах, заболачиванию проток, обеднению ихтиофауны. Сокращение естественного продукта, связанное с упадком рыболовства, заставило нижнетобольское население искать новые хозяйственные возможности. Эти поиски должны были идти по пути развития тех отраслей, которые в условиях изменившейся географической среды являлись наиболее перспективными. В сложившейся обстановке население Нижнего Притоболья с готовностью воспринимает образ жизни начавших проникать сюда в это время андроновцев и родственных им групп, которые вели скотоводческо-земледельческое хозяйство и предпочитали селиться у широких речных пойм.

Возвращаясь к рубежу каменного и бронзового веков, когда нижнетобольские озера были заселены многочисленными группами оседлых рыболовов, отметим, что, к сожалению, на сегодняшний день мы не располагаем объективными критериями, которые позволили бы вычислить хотя бы примерную плотность населения в этом озерном крае в рассматриваемый период. Тем не менее необыкновенная густота поселений (на одном Андреевском озере близ Тюмени открыто к настоящему моменту около 100 поселений переходного времени от неолита к бронзовому веку) позволяет с достаточной уверенностью предполагать, что на озерах, подобных Андреевскому, могло существовать одновременно по нескольку рыболовецких поселков.

Если это так, то в разных местах Нижнего Притоболья должны были возникнуть авторитетные общественные органы, обязанностью которых было регулировать отношения между жителями соседних поселений, наблюдать за правилами пользования рыболовецкими угодьями, устанавливать места и сроки функционирования заборов (тем более что от этого нередко зависела рыболовецкая производительность соседних проточных озер) и т. д. Одной из важных функций местной общественной власти было руководство работами по расчистке проток. Любопытно, что тобольские татары, в хозяйстве которых рыболовство играло немаловажную роль, до недавнего времени прорезывали в этом отношении титаническую работу. Они не только регулярно расчищали озерные протоки, но и с целью повыше-

ния продуктивности местных рыболовческих угодий копали иногда специальные каналы, соединявшие непроточные озера с проточными или с реками бассейна Тобола, т. е. создавали искусственные протоки. Остатки таких старых «перекопов» встречались нам, например, в бассейне р. Иски Нижне-Тавдинского района Тюменской обл.

Обращает на себя внимание следующее весьма любопытное обстоятельство. Несмотря на, казалось бы, абсолютное несходство оседлорыболовческого и примитивно-земледельческого укладов, между ними наблюдается ряд сопоставимых признаков: 1) если у населения с производящей экономикой оседлость обеспечивается земледелием, то у групп с присваивающим хозяйством оседлость всегда связана с рыболовством; 2) и земледелие, и оседлое рыболовство требуют большой затраты труда на малую площадь угодий; 3) и земледелие, и оседлое рыболовство позволяют получать довольно обильный пищевой продукт со сравнительно небольшой площадью угодий; 4) и земледелие, и рыболовство (земледелие, конечно, в большей степени) способны обеспечить высокую плотность населения; 5) материнский род, по наблюдениям Д. П. Мэрдока, Д. Ф. Аберле и др., характерен в первую очередь для обществ, занимающихся примитивным мотыжным земледелием и оседлым рыболовством (Murdoch, 1957; Aberle, 1961).

Исследователи считают, что оседлый рыболовческий быт позволяет достигать высокого уровня культуры. Так, оседлорыболовческое население низовьев Амура еще в неолите освоило земледелие и животноводство и очень рано овладело тайнами железодельного производства. По этнографическим данным, приведенным в зарубежной литературе, оседлые рыболовы Южной Флориды сумели разработать политическую систему типа государства, а культура оседлых рыболовов Нигера и Конго «не уступала по сложности культурам соседей-земледельцев» (Murdoch, 1968, p. 15).

Все это дает основание предполагать, что у оседлорыболовческих групп Нижнего Притоболья в переходное время от неолита к бронзовому веку могла сложиться достаточно развитая социальная структура — возможно на уровне южных обществ, существовавших за счет примитивного мотыжного земледелия.

Вместе с тем нельзя считать, что рыболовство и связанная с ним оседлость были неременной гарантией более быстрого социально-экономического развития. Потенциальные возможности оседлорыболовческого уклада были способны проявиться лишь при определенных исторических обстоятельствах и в определенных экологических условиях. На севере тайги, и тем более в тундровой зоне, где географическая среда не благоприятствовала пастушеско-земледельческим занятиям, оседлое рыболовство само по себе не могло явиться предпосылкой для перехода к более передовым формам хозяйства. Оседлорыболовческий уклад был в состоянии в полной мере сыграть свою положительную роль лишь в тех районах, где экологические (и исторические) условия не только заставляли искать новые возможности социально-экономического развития, но и способствовали успеху этих поисков.

3. Многоотраслевое хозяйство предтаежной и южнотаежной полосы Западной Сибири

Историю многоотраслевой экономики Западной Сибири почему-то принято начинать с поздних этапов бронзового века, когда на юге таежной зоны утвердились так называемые андронидные культуры — черкаскульская, сузгунская и еловская, носители которых сочетали в своем хозяйстве присваивающие промыслы (охоту и рыболовство) с производящими отраслями (скотоводством и земледелием). В действительности история многоотраслевой экономики Западной Сибири началась задолго до андроновского времени и скорей всего в степной зоне. Ведь переходная стадия от рыболовческо-охотничьих занятий в степях к пастушеско-земледельческому быту явилась по существу стадией многоотраслевого хозяйства. На самом деле, в охотничье-рыболовческий образ жизни древнего населения степей с переходом от неолита к бронзовому веку все более внедрялись пастушеские и земледельческие навыки; в какой-то период присваивающие и производящие занятия здесь находились, наверное, в состоянии равновесия, а затем, после того как окончательно выяснилось, что в условиях усыхания степной зоны многоотраслевое хозяйство не рационально, победило пастушество и земледелие. Это произошло, видимо, около первой трети II тыс. до н. э.

На севере лесостепной и на юге таежной зон многоотраслевое хозяйство наиболее полно отвечало географическим особенностям этой территории. Но и здесь оно начало складываться раньше начала андроновской эпохи — во всяком случае в самусьско-сейминскую эпоху многоотраслевое хозяйство на юге тайги и в северных лесостепях уже существовало, о чем с достаточной убедительностью свидетельствуют материалы самусьской и кротовской общностей, рассмотренные в одном из предыдущих разделов: грузила, наконечники стрел, скребки, кости диких и домашних животных. О земледельческих занятиях говорит находка на Самусе IV литейной формы лопатки (Косарев, 1974а, рис. 34, 18), имеющей аналогии в древностях Казахстана и Средней Азии, где они традиционно считаются земледельческими орудиями. Если согласиться с рядом исследователей, что кельты турбинско-сейминских типов могли использоваться для обработки почвы (Раушенбах, 1956, с. 125; Косарев, 1981, с. 212—213), то возможность земледелия в пределах рассматриваемого ареала в самусьско-сейминский период станет еще более вероятной.

С большей определенностью можно говорить о многоотраслевом хозяйстве для поздних этапов бронзового века, когда север лесостепи и юг таежной зоны были заняты населением черкаскульской, сузгунской и еловской культур. В хозяйстве андронидного населения наблюдается смешение двух традиций — северной (охотничье-рыболовческой) и южной (пастушеско-земледельческой), что, собственно, и отражает основное содержание многоотраслевого хозяйства, логично возникшего в зоне контактов ареалов производящей и присваивающей экономики. Особенно явно в культурном слое андронидных поселений

прослеживаются следы охотничьего промысла (кости диких животных, наконечники стрел, детали луков), рыболовства (ихтиологические остатки, грузила для сетей, костяные гарпуны) и скотоводства (кости коровы, овцы, лошади; костяные псалии).

Менее отчетливы данные по земледелию. В отношении черкаскульцев и еловцев предположения о знакомстве их с земледелием высказывались многими археологами, в том числе К. В. Сальниковым, В. И. Матющенко, М. Ф. Косаревым. Для черкаскульской культуры такие соображения основаны на находке крюкастых серпов срубного типа на оз. Песчаном близ Свердловска и на Чесноковской Пашне (Сальников, 1967, с. 368—369), для еловской культуры — на находке зернотерок и фрагментов литейной формы серпа или секача. Однако даже эти скудные данные спорны: во-первых, потому что, например, упомянутые бронзовые крюкастые серпы срубного типа не имеют четкой культурной привязки, во-вторых, из-за недифференцированности древних земледельческих и собирательских орудий.

Видимо, ландшафтно-климатические условия для земледелия на территории сузгунской культуры были лучше, чем в пределах других андронидных культур — черкаскульской и еловской. Не случайно в таежном Прииртышье находятся сейчас самые северные в Западной Сибири районы, специализирующиеся на производстве зерна и продуктов животноводства (иртышская пойма в пределах Знаменского, Тевризского, Тобольского и отчасти Уватского районов). В Прииртышье отмечен самый северный в Западной Сибири пункт местного земледелия: по сообщению атамана Богдана Брязги от 1583 г., татарские пашни были встречены в 50 верстах севернее устья Тобола, т. е. почти на уровне 59-й параллели; он отослал из этих мест Ермаку, кроме «мягкой рухляди», значительный запас хлеба и рыбы (Миллер Г. Ф., 1939, с. 340, 492). И, наконец в Прииртышье найдены самые северные в Сибири археологические остатки культурных злаков: при раскопках Потчевашских курганов эпохи железа под Тобольском А. И. Дмитриев-Мамонов обнаружил большое число обугленных зерен, основная масса которых принадлежала ячменю. Таким образом, если согласиться с К. В. Сальниковым, В. И. Матющенко и др., что черкаскульцы лесного Зауралья и еловцы юго-восточной части Западной Сибири были знакомы с земледелием, то такое же предположение в отношении сузгунского населения таежного Прииртышья было бы не менее правомерным.

Наряду с закономерным снижением роли скотоводства и земледелия в северных районах андронидного ареала наблюдается еще одна закономерность, касающаяся изменения состава стада: если у лесостепного и южнотаежного населения эпохи поздней бронзы, судя по остеологическим остаткам, преобладал крупный рогатый скот, то на северных таежных памятниках костные остатки показывают преобладание лошади. Так, на Чудской Горе, расположенной в северной половине андронидного ареала, остеологические материалы показали следующий состав стада (по числу особей): лошадь — 29 (55%), корова — 18 (34%), мелкий рогатый скот — 6 (11%). Это, видимо, объясняется тем, что лошадь более, чем корова и овца, была способна добывать корм из-под снега.

В условиях многоснежных таежных зим это качество способствовало лучшей выживаемости.

Давая общую оценку многоотраслевого хозяйства на юге таежной зоны и в северной части лесостепной полосы Западной Сибири, следует особо отметить, что оно обладало большими адаптивными возможностями, чем охотничье-рыболовческое хозяйство в тайге и пастушеско-земледельческое в степной зоне, которые были более односторонними и менее динамичными. В плохие для охотничье-рыболовческих занятий годы носители многоотраслевого хозяйства могли переключаться на преимущественно пастушеско-земледельческий образ жизни и наоборот; недостаток заготовленного на зиму рыбного продукта мог быть возмещен хлебным запасом; уменьшение количества домашнего скота можно было в какой-то мере компенсировать охотой. Следовательно, многоотраслевое хозяйство потому и рационально, что способно постоянно менять количественное соотношение и производственную значимость разных своих сторон и звеньев.

Такая динамичность и обусловленная ею надежность многоотраслевого хозяйства должны были стимулировать развитие общественной структуры. Вряд ли случаен тот факт, что столица Сибирского ханства Искер находилась не в степи и даже не в лесостепи, а на юге таежной зоны, где, видимо, существовала более подходящая социальная среда для возникновения центра политического объединения. В этой связи интересно, что наиболее яркие и богатые культуры Западной Сибири локализовались в пограничье лесостепной и таежной зон: боборыкинская и липчинская (энеолит), самусьская и кротовская (развитой бронзовый век), черкаскульская и еловская (андроновское время), потчевашская и релкинская (раннее средневековье) и др.

Локализация на стыке двух основных ландшафтно-растительных зон — леса и степи — давала более разносторонние возможности приспособления к природной среде. Кроме того, эта территория, являясь зоной контактов ареалов производящей и присваивающей экопомяки, была местом, где пздревле концентрировался культурный, производственный и социальный опыт населения разных культур — охотников, рыболовов, земледельцев и скотоводов. К. Маркс подчеркивал, что области, сочетавшие разные природные условия, дают лучшие возможности для экономического, а следовательно, и социального развития. Он, в частности, замечает: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 522).

Можно предполагать, что со времени сложения на юге тайги и на севере лесостепи многоотраслевого хозяйства, сочетавшего присваивающие промыслы и производящие отрасли, т. е. видимо, еще с энеолита, население этой территории по потенциальным возможностям своего экономического и социального развития находилось в более выгодном положении, чем население степей и более северных таежных районов.

Глава седьмая

Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири

Археологические материалы, накопленные за последние десятилетия, говорят о том, что в этнокультурном отношении Западная Сибирь издревле была много ближе Восточно-Европейской части СССР, чем Восточно-Сибирской. Это, видимо, объясняется тем, что Восточная Европа и Западная Сибирь, прежде всего их таежная и предтаежная зоны, являлись ареной формирования и последующего распада уральской языковой семьи, итогом чего было сложение финской, угорской и самодийской языковых ветвей.

В свое время В. Н. Чернецов высказал мысль, что сложение уральской языковой семьи было следствием продвижения в мезолитическую эпоху на территории, прилегающие к Уральскому хребту, южного населения — из Приаралья и, возможно, Прикаспия. Придя на север, оно ассимилировало аборигенов, результатом чего и явилось сложение уральской (протофинно-угоро-самодийской) общности (Чернецов, 1951, 1964а). Дальнейшее расселение на запад и восток привело к расширению ареала этой общности и затем к ее распаду (Чернецов, 1964а; 1973, с. 12—13). Точка зрения В. Н. Чернецова до сих пор представляется верной в своей основе и пользуется признанием в археологической среде.

Процесс распада протофинно-угоро-самодийской общности особенно явственно прослеживается на территории Западной Сибири. Ранее уже говорилось, что с позднего неолита (а по некоторым данным — с более раннего времени) в таежном и предтаежном Обь-Иртышье существовали три разные культурные (этнические) линии преемственности, наиболее хорошо выраженные в традиционности орнаментальных комплексов: гребенчатая традиция (разделившаяся накануне эпохи бронзы на собственно гребенчатую и андронидную), гребенчато-ямочная традиция и отступающе-накольчатая (отступающе-прочерченная) традиция (Косарев, 1974б, 1981, с. 22).

В конце неолита гребенчатая традиция локализовалась в основном в районах, прилегающих к Уралу (стоянки Сосновый Остров, Чащиха, Нижняя Макуша, Дуванское 5, Честыйяг, Сортенья I и др.). По своей орнаментальной схеме восточноуральская гребенчатая керамика наиболее близка посуде волго-камского гребенчатого неолита; видимо, на поздних стадиях неолитической эпохи эти два гребенчатых ареала — приуральский и зауральский — составляли единый массив этнически родственных культур. Однако с конца неолита различия между приуральской и зауральской частями гребенчатого массива все более углубляются. Гребенчатая традиция в Приуралье развивается более консервативно. В энеолите и в начале бронзового века там распространяются памятники гаринско-борской культуры с керамикой, которая и в орнаменте, и в форме несет все основные традиционные черты, характерные для местной неолитической гребенчатой посуды.

В Зауралье гребенчатая традиция начиная с рубежа неолита и бронзового века существенно трансформируется. В южной и средней частях этого региона она развивается по линии внедрения в нее богатого и колоритного андронидного геометризма. Можно выделить три основных этапа развития этой (уже не просто гребенчатой, а андронидной) орнаментальной традиции: аятский (раннебронзовый век), коптыковский (самусьско-сейминский период) и черкаскульско-федоровский (андроновская эпоха). В северных районах Зауралья элементы андронидного орнаментального комплекса не получили в это время сколько-нибудь широкого распространения. Здесь и на смежной территории Нижнего Приобья в самусьско-сейминскую эпоху складывается на основе традиционного гребенчатого орнамента своеобразный «сотовый» геометризм, который, хотя и вызывает отдельные андронидные ассоциации, отличается иным принципом построения геометрических узоров (Окладников, Молодин, Волков, 1979, табл. I—III).

Нам представляется, что фиксируемое археологически расчленение уральского гребенчатого массива на две разные культурные области (приуральскую и зауральскую) отражает распад финно-угорской языковой общности на две — финно-пермскую и угорскую. О. Н. Бадер относит этот распад к неолитической эпохе. Он, в частности, пишет: «Для неолитического населения камской или волго-камской, приуральской историко-культурной области устанавливается в материальной культуре преемственная связь вплоть до этнических местных культур удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Поволжье. Надо полагать, что в это время уже произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы, что находит свое археологическое выражение в существовании двух различных, но родственных обширных историко-культурных областей неолита по обе стороны Уральского хребта. Волго-камскую область следует считать пермско-финской, восточноуральскую — угорской» (Бадер, 1972, с. 12).

Разделяя это высказывание в целом, мы не можем вполне согласиться со столь ранней датой разделения финно-угорского массива на финно-пермскую и угорскую этнические общности (неолит, по О. Н. Бадеру). Думается, что это расчленение завершилось не ранее, чем в гребенчатой орнаментации керамики Восточного Зауралья оформились основы гребенчатого андронидного геометризма, что собственно и определило этническую специфику восточноуральской области. По имеющимся археологическим данным это произошло около рубежа неолита и бронзового века. С наибольшей определенностью исследователи говорят сейчас об угорской принадлежности черкаскульской и андроновской (федоровской) культур, которые относятся ко второй половине бронзового века, когда андронидный орнаментальный комплекс в Восточ-

ном Зауралье сложился окончательно (Чернецов, 1953а, с. 61; Сальников, 1967, с. 347, 373, 374; Косарев, 1974б, с. 150, 158, 159). В этой связи интересно, что этнографически изученный андронидный орнаментальный комплекс Западной Сибири, наиболее выраженный в изобразительном искусстве обских угров, сопоставим не с андроновским орнаментом вообще и не с алакульским в частности, а прежде всего с орнаментальными мотивами на федоровской и черкакульской керамике. Что касается дифференциации восточноуральского геометризма на андронидный (Южное и Среднее Зауралье) и «сотový» (Северное Зауралье и Нижнее Приобье), то это хочется воспринимать как свидетельство начавшейся локальной этнической расчлененности угорской общности.

Наиболее ранние памятники с керамикой, характеризующей гребенчато-ямочную орнаментальную традицию на территории Западной Сибири, относятся к концу неолита и к энеолиту. По имеющимся сейчас археологическим свидетельствам, они в это время локализовались в лесостепном и таежном Ишимо-Иртыше (стоянки Кокуй I, Байрык-Иска I, Екатерининка 1, 2, 4, Бичили, Красноярка, Лавровка, Венгерово 3, Пеньки 1, 2 и др.). В самусьско-сейминскую эпоху, когда южнотаежное и предтаежное Обь-Иртыше занимает население самусьской и кротовской культур, гребенчато-ямочный ареал смещается в глубь таежной зоны. К концу II тыс. до н. э. носители гребенчато-ямочной традиции осваивают северные районы Западной Сибири. В Нижнем Приобье и бассейне Таза Л. П. Лашук, Л. П. Хлобыстин, Е. А. Васильев и др. нашли значительное число поселений с гребенчато-ямочной керамикой, относящейся в основном к последней трети II тыс. до н. э.

Распространение на север Западной Сибири населения с гребенчато-ямочной керамикой, видимо, привело к полному или частичному поглощению им живших здесь ранее носителей «сотového» геометризма. Не исключено, однако, что отдельные группы местного населения — потомки носителей гребенчатой традиции, теснимые пришельцами, сместились в сторону Северного Урала или Нижнего Енисея, которые еще не исследованы в археологическом отношении.

Пока нет данных, свидетельствующих о местных, западносибирских, истоках гребенчато-ямочной традиции. На уровне имеющегося материала представляется более вероятным, что гребенчато-ямочная орнаментация была принесена в Западную Сибирь из Восточной Европы, где она имела глубокие местные корни. Это произошло скорее всего на поздних этапах неолита, когда в Восточной Европе начинается отмеченный археологически массовый исход населения с гребенчато-ямочной керамикой из Волго-Окского междуречья в смежные районы. Возможно, в конце неолита эта мощная миграционная волна перекрестнула Уральский хребет и распространилась на Западно-Сибирскую равнину. Произошло как бы перераспределение этнокультурных ареалов: в лесной зоне Восточной Европы в конце неолита утверждаются гаринско-борская и волосовская культуры, характеризующиеся гребенчатой керамикой; одновременно здесь происходит умирание гребенчато-ямочной традиции, но она неожиданно расцветает к востоку от Урала, в Западной Сибири.

В ранее опубликованных работах высказывалось

предположение, что развитие гребенчато-ямочной традиции на территории Западной Сибири характеризует процесс формирования древних самодийских групп (Косарев, 1964б, 1974а). В последние годы эта точка зрения получила поддержку ряда сибирских археологов и этнографов (Посредников, 1973; Васильев В. И., 1979). Если признать правомерной мысль о связи гребенчато-ямочной орнаментальной традиции с древними самодийцами, то начало самодийского этногенеза следует искать к западу от Уральского хребта. Этому не противоречат лингвистические данные. А. П. Дульзон обратил внимание, что некоторые восточноевропейские гидронимы самодийского происхождения древнее сибирских. Исходя из этого, он присоединился к мнению тех лингвистов, которые считают, что самодийцы пришли в Сибирь из Восточной Европы (Дульзон, 1961, с. 363). К такой же точке зрения, основываясь на гораздо большем топонимическом материале, пришла Э. Г. Беккер (1970, с. 14—18). Согласно исследованиям Д. В. Бубриха, самодийские языки по своей грамматической и фонетической структуре находят больше соответствий в финских языках, чем в угорских (Бубрих, 1948, с. 511). В этой связи интересно, что саамский язык обнаруживает близкие этимологические параллели в самодийских языках; это дает основание предполагать, что древние протосаамы первоначально говорили на языке, сходном с самодийским, и лишь позднее восприняли язык финнской группы (Toivonen, 1950; Хайду, 1953).

Недавно Д. А. Крайнов высказал предположение, что протофиннами в Восточной Европе были не волосовцы, как считалось ранее, а местные неолитические гребенчато-ямочники (Крайнов, 1981), которые как он полагает, приняли участие в сложении культуры текстильной керамики (бронзовый век), переросшей позднее в дьяковскую культуру (эпоха железа), финская принадлежность которой признается практически всеми исследователями. Мы готовы согласиться с этой гипотезой, но с одной существенной поправкой: реконструируемый Д. А. Крайновым вариант этнической трансформации восточноевропейских гребенчато-ямочных культур можно признать правомерным лишь в том случае, если допустить, что в их основе лежал не протофиннский, как считает Д. А. Крайнов, а древнейший недифференцированный финно-самодийский пласт. Иначе трудно понять, почему появившиеся в позднем неолите на территории Западной Сибири носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции хорошо увязываются по ряду преемственных признаков с исторически известными западносибирскими самодийскими этносами.

Отступающе-накольчатая орнаментальная традиция, по имеющимся сейчас археологическим данным, сложилась ранее гребенчатой и гребенчато-ямочной. Так, в Среднем Зауралье известен ряд ранненеолитических памятников с отступающе-накольчатой посудой (стоянки Евстюниха, Махтыли, Ипкуль XIII и др.), тогда как самые древние в этом районе комплексы с гребенчатой керамикой относятся к позднему неолиту (стоянки Аять, Сосновый Остров, Байрык IД и др.). В лесостепной Барабе отступающе-накольчатая посуда лежит ниже гребенчато-ямочной, распространеннейшей здесь на рубеже неолита и бронзового века (Молодин, 1977). В низовьях Томи и Чулыма

отступающе-накольчатая традиция была сменена гребенчато-ямочной лишь в конце самусьско-сейминского периода. Таким образом, отступающе-накольчатый орнаментальный комплекс на зауральско-западносибирской территории всюду выступает как автохтонный.

С распространением в Зауралье посетителей гребенчатой, а в лесостепном и таежном Ишимо-Иртышье — гребенчато-ямочной орнаментации единство отступающе-накольчатого ареала нарушилось. В позднем неолите он состоял из двух больших изолированных островов. Один из них, западный, тяготел в основном к Среднему и Нижнему Притоболью (памятники кошквинского типа — см.: Ковалева, Варанкин, 1976), другой, восточный занимал Верхнее и отчасти Среднее Приобье (стоянки Завьялово 2, 8, Седовая Заимка 2 и др. — см.: Молодин, 1977, табл. I—IV). Их разделял гребенчато-ямочный ареал, локализовавшийся в это время в лесостепном и таежном Прииртышье (Петров А. И., 1980 — памятники екатерининского типа). Примерно такая же этнокультурная обстановка сохраняется в энеолите: в западной части на смену кошквинским памятникам приходят боборыкинские и липчинские, керамика которых украшалась в традиционной отступающе-накольчатой манере; в Верхнем и отчасти Среднем Приобье распространяются памятники новокусковского типа с керамикой, также продолжающей развивать в своей орнаментации отступающе-накольчатые приемы выполнения узоров; на промежуточной территории, в лесостепном и таежном Прииртышье, локализовались в это время памятники байрыкского и позднего екатерининского этапов, для которых была характерна гребенчато-ямочная посуда.

При значительном внешнем сходстве западный и восточный варианты отступающе-накольчатой традиции вряд ли можно связывать с единой этнической общностью. Так, западная часть ареала уже в энеолите утратила многие традиционные черты: боборыкинская культура сложилась при участии сильных южных влияний, возможно, связанных с притоком в Среднее Притоболье значительных групп населения из Приаралья или Прикаспия; население липчинской культуры испытывает все усиливающееся влияние посетителей гребенчатой орнаментальной традиции, что завершилось в начале бронзового века растворением их в среде аятского населения, заложившего в своем изобразительном искусстве основу андронидного орнаментального комплекса. Эти процессы привели к тому, что в начале бронзового века западный (восточноуральский) вариант отступающе-накольчатой традиции прекратил свое существование.

Восточная (верхнеобская) часть отступающе-накольчатого ареала развивалась более традиционно. Около середины II тыс. до н. э. эта продолжающаяся линия культурной преемственности привела к сложению в низовьях Томи и Чулыма богатой и колоритной самусьской культуры, население которой осваивает и совершенствует производство бронзовых орудий турбинско-сейминских типов, базирующееся на алтае-саянских рудных источниках. В XIV—XIII вв. до н. э. население самусьской культуры расширило свой ареал далеко на запад, вплоть до лесостепного Пошима и Тюменского Притоболья, отодвинув к северу южную границу гребенчато-ямочного ареала.

В XIII в. или около рубежа XIII и XII в. до н. э. самусьская культура (общность?) на юге Западной Сибири исчезла. Большую часть территории самусьцев заняло пришлое андроновское (федоровское) население. Видимо, основная масса самусьцев ушла на север, в глубинные районы Западной Сибири и рассредоточилась в пределах гребенчато-ямочного ареала. Во всяком случае, эпизодическое возрождение в дальнейшем в обь-иртышских лесостепях некоторых элементов отступающе-накольчатого (самусьского?) орнаментального комплекса было потом всегда связано с продвижением сюда северных таежных групп населения.

Если принять высказанную выше точку зрения о самодийской принадлежности гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и согласиться с другими исследователями относительно угорской принадлежности гребенчатого и черкаскульско-федоровского орнаментального комплексов, то для носителей самусьской культуры остается по существу лишь один вариант этнической идентификации — связь их с предками современных кетов (ныне небольшой сибирской народности, язык которой находит многочисленные лексические соответствия в сино-тибетских языках). Многие астральные мотивы в самусьской орнаментации — разобщенные группы лучей на солярных изображениях, концентрические полуокружности, композиционная сложность астральной символики (внутреннее солнце в виде круга с крестом, заключенное в круг с лучами и обрамленное затем несколькими концентрическими окружностями, последняя из которых тоже имеет лучи — см.: Косарев, 1974а, рис. 11—12) и др. — удивительно напоминают астральные композиции на кетских бубнах, воспроизводящие так называемую «модель мира» (Прокофьева, 1961). Исключительное богатство и многообразие самусьской солярной символики позволяет предположить наличие в самусьской культуре каких-то юго-восточных черт. В этой связи обращает на себя внимание известная близость самусьско-ростовкинских бронз (ножей, копий с «багром», лопаток и др.) юго-восточным — карасукским и аньянским, свидетельствующая, видимо, об общих истоках самусьско-сейминской, карасукской и аньянской бронзовой металлургии и, возможно, о едином генетическом корне их носителей.

Сменив в предтаежной и южнотаежной части Обь-Иртышья самусьцев, андроновское (федоровское) население вступило в активные контакты с жившими севернее посетителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, в результате чего в южной части обь-иртышской тайги сложились сузгунская и еловская культуры; в сузгунских и еловских орнаментах явно прослеживается сочетание элементов двух орнаментальных традиций: андроновской (федоровской) и гребенчато-ямочной. Если учесть, что большинство археологов связывают федоровцев (и черкаскульцев) с уграми, а носителей гребенчато-ямочной традиции — с самодийцами, то сложение сузгунско-словской общности в этническом аспекте следует воспринимать как процесс взаимодействия и смешения угорских и самодийских групп. От поздних этапов бронзового века к началу эпохи железа в южнотаежном Обь-Иртышье и лесостепном Приобье наблюдается возрастание роли самодийского (гребенчато-ямочного) этнического элемента. С продвижением

сюда в переходное время от бронзового века к железному носителей северного крестово-ямочного орнаментального комплекса население этих районов стало, по всей вероятности, преимущественно самодийским.

Северная часть гребенчато-ямочного ареала не испытала сколько-нибудь существенных андроновских (Федоровских) воздействий. Однако и здесь развитие гребенчато-ямочной орнаментации несколько отклонилось от традиционного пути. На поздних этапах бронзового века в орнаменты керамики северных районов Сибири все более внедряются крестовый и мелкоструйчатый штампы. Удельный вес гребенчатого штампа соответственно снижается, в результате чего гребенчато-ямочная орнаментация трансформируется здесь в струйчато-ямочную и крестово-ямочную. Следует особо отметить, что оформившаяся на западносибирском севере на поздних этапах бронзового века струйчато-ямочная (хэяхинская) и крестово-ямочная (атлымская) орнаментация генетически близка гребенчато-ямочной, возникла на ее основе и по существу являет собой не что иное, как северный вариант развития гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Поэтому мы вправе рассматривать население с крестово-ямочной и струйчато-ямочной керамикой, с одной стороны, и носителей гребенчато-ямочного орнаментального комплекса, с другой стороны, в русле единой развивающейся самодийской общности.

В начале I тыс. до н. э. значительная часть этого северного населения переселяется в более южные районы Зауралья и Западной Сибири. В Свердловско-Тагильский регион и в северную часть Южного Зауралья приходит население с крестово-струйчатой посудой, оставившее здесь памятники гамаюнской культуры. Накануне прихода гамаюнец часть жившего здесь черкаскульско-межовского населения отодвигается на юг — в сторону Верхнего Приобья и степного Поишимья (Зданович Г. Б., 1975; Потемкина, 1976). Хотя пришедшее в предтаежное и Среднее Зауралье население с крестово-струйчатой керамикой было весьма многочисленным (судя по обилию оставленных ими памятников), оно так и не смогло преодолеть местную (в данном случае черкаскульско-межовскую) линию развития. Сложившаяся здесь около VI в. до н. э. иткульская культура является прямым продолжением межовской и не содержит в своих орнаментах по существу ничего от крестово-струйчатого орнаментального комплекса. Таким образом, приход гамаюнец — кто бы они ни были по своей этнической принадлежности — не повлиял сколько-нибудь существенно на дальнейшую этническую историю Восточного Зауралья, хотя южная граница угорского ареала в конце бронзового века, наверное, сместилась к югу (мы имеем в виду вытеснение гамаюнцами в сторону степей части черкаскульско-межовского населения).

Примерно в это же время, т. е. около рубежа бронзового и железного веков, южнотаежное и лесостепное Обь-Иртышье заняли продвинувшиеся сюда с севера носители крестово-ямочной орнаментальной традиции. Они известны по памятникам красноозерского типа в Среднем Прииртышье (поселения Красноозерское, Инберень 5—8 и др.) и завьяловского типа в Новосибирском Приобье (поселения Завьялово 1,

Ордынское I, городище Завьялово 5 и др.). Территорией их первоначального формирования было Нижнее Приобье, где на поздних этапах бронзового века на базе местных гребенчато-ямочных культур сложилась атлымская культура с характерной крестово-ямочной керамикой (Васильев Е. А., 1982). Осваивая южные районы Западной Сибири, эти северные группы частично ассимилировали сузгунское и словское население, частично отодвинули его далее на юг — вверх по Иртышу и Оби. Черты гребенчато-ямочной орнаментации живут на верхнеобской керамике до эпохи раннего железа: чередование решетчатых поясов; параллельные ряды «жемчужин», соответствующие горизонтальным рядам ямок на гребенчато-ямочной посуде; усеченный зигзаг и др. (Грязнов, 1956а, табл. X, XIII, XIV и др.). Скорее всего миграция на юг носителей гребенчато-ямочной (и крестово-ямочной) традиции отражает приход в верхнюю часть бассейна Оби большой группы самодийского населения.

Возможно, несколько столетий спустя имела место еще одна самодийская волна, тоже докатившаяся до Алтае-Саян. Мы имеем в виду продвижение около рубежа нашей эры из таежных районов Приобья в сторону Алтая населения кулайской культуры. Правда, к этому времени на территории Западной Сибири произошло смешение разных орнаментальных традиций, и они практически не выступают в своем «чистом» виде. Так, в орнаментации кулайской керамики присутствуют узоры, сопоставимые с федоровскими, гребенчато-ямочными и самусьскими декоративными мотивами, но определить, элементы какого орнаментального комплекса являются ведущими, практически невозможно, так как они представлены в трансформированном виде и их удельный вес в разных районах и на разных этапах кулайской культуры неоднозначен. Если согласиться с мнением В. Н. Чернецова, что культуры I тыс. н. э. в Нарымском Приобье, генетически связанные с кулайской, можно считать древнеселькупскими (Чернецов, 1957, с. 238), то правомерно предположить, что в составе кулайцев скорей всего преобладал самодийский этнический компонент.

Видимо, часть пришедшего на юг северного самодийского населения закрепилась в Алтае-Саянах и дожила до этнографической современности (мы имеем в виду самодийские группы, которые застал там в середине прошлого столетия М. А. Кастрен). В этой связи следует особо подчеркнуть, что традиционная точка зрения о саяно-алтайском происхождении самодийцев не подтверждается новыми археологическими и лингвистическими данными. Факт недавнего проживания самодийцев в Алтае-Саянах не может служить свидетельством их алтае-саянского происхождения — это лишь один из этапов или эпизодов сложной, богатой миграциями истории самодийского населения. В этой связи нельзя не привести весьма остроумное замечание Д. В. Бубриха: «То обстоятельство, что Кастрен нашел на Саянах исчезающие самодийские народцы, само по себе ничего не говорит о «прародине» самоедов, как ничего не говорит о прародине финно-угров то обстоятельство, что большой финно-угорский народ, венгры, живет на Среднем Дунае» (Бубрих, 1948, с. 516—517).

Глава восьмая

Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы

К истории проблемы. В Северной Азии А. П. Окладников выделил два больших этнокультурных региона, различие между которыми особенно отчетливо прослеживается в изобразительном искусстве (Okladnikov, 1964). Один из них — Дальний Восток (ниже Хабаровска по Амуру) и прибрежные районы Тихого океана, второй — лесные и лесостепные области Прибайкалья, Средний Енисей и Западная Сибирь. Во втором (сибирском) регионе А. П. Окладников выделил два ареала: западносибирский (от Урала до Енисея) и прибайкальский, к которому тяготеют, помимо собственно Прибайкалья, Северная Якутия, Забайкалье и отчасти Приамурье.

Исследуя древнюю скульптуру Урала и Западной Сибири, В. И. Мошинская положила в основу ее классификации принцип взаимосвязи особенностей стиля с функциональным назначением предмета (Мошинская, 1976, с. 28). Это позволило ей рассматривать материал не по сюжетам, а по категориям предметов. Однако, хотя влияние функции предмета на особенности передачи образа несомненно, оно далеко не все объясняет в его стилистике. В той же, если не в большей мере, следует учитывать традиционные каноны в трактовке образа. Поэтому в дальнейшем материал будет излагаться по сюжетам, что позволит, на наш взгляд, более четко проследить их распространенность во времени и пространстве.

В отличие от Восточной Сибири изобразительные материалы западносибирского очага происходят с поселений и жертвенных мест и лишь изредка из погребений. Большая часть каменной скульптуры из районов Тоболо-Иртышья — случайные находки, что усложняет их хронологическую привязку и семантическую интерпретацию.

В эпоху бронзы западносибирское искусство обогащается новыми сюжетами, среди которых большое место занимает образ человека. Расцветает анималистическая скульптура, продолжающая традиции неолитической эпохи. Она представлена сюжетами, характерными для неолита (медведь, лось, водоплавающая птица), но становится более многообразной. Первобытно-реалистический стиль в изображении животных начиная со второй половины II тыс. до н. э. обнаруживает тенденцию к упрощению и схематизации. Но появляются новые семантические моменты: совмещение на одном предмете изображений двух животных, появление синкретических образов, усиление образной символики, что свидетельствует об усложнении культовых воззрений. Получает широкое распространение специфическая черта западносибирского искусства эпохи бронзы — украшение глиняной посуды зооантропоморфными рельефами. Больших высот достигает искусство орнаментации глиняной посуды, становятся характерными бронзовые украшения с солярной символикой (Косарев, 1981, с. 259).

Изображения человека. Самыми ранними образцами урало-западносибирской антропоморфной скульптуры эпохи бронзы являются деревянные идолы Горбуновского торфяника в Восточном Зауралье (Эдинг, 1940, Мошинская, 1976) (рис. 120, 11–13). При всей индивидуальности им присуще устойчивое однообразие в моделировке лица. Неизменно подчеркнуты крупный нос и резко выступающие надбровья. Глаза и щеки переданы неразделенной плоскостью, уходящей под выступы бровей. На зауральских, в частности горбуновских, идолах хорошо прослеживаются истоки деревянной антропоморфной скульптуры Севера Сибири XIX — начала XX в., относит к первому зауральскому типу. Он особенно распространен у обских угров и ненцев, в скульптуре которых можно найти аналогии всем горбуновским фигурам. Это позволило В. И. Мошинской (1976, с. 53) включить антропоморфные фигуры из Горбуновского и Шигирского торфяников (последние она считает более поздними) в круг антропоморфной скульптуры, типичной для восточноруральских народов.

Среди горбуновских изображений человека одно — многоликое. Поэтапное изображение лиц без овала связывает его с широко распространенным западноарктическим типом (по В. С. Иванову). Также располагаются лица и у шигирского идола (Мошинская, 1976, табл. 3), в остальном же последний отличается от горбуновских. Он очень велик (свыше 5 м высотой), и его плоское туловище почти сплошь покрыто резным орнаментом. А. А. Формозов сопоставляет зауральские многоликие изображения с окуневскими каменными изваяниями, усматривая между ними сходство в зональном расположении личин (Формозов, 1969, с. 204). Это вполне правомерно, поскольку в окуневской культуре Хакасско-Минусинской котловины четко прослеживается древнейший урало-сибирский пласт (Студзицкая, 1973, с. 183–190), что, однако, не следует воспринимать как свидетельство одновременности шигирской и окуневской скульптуры. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют датировать шигирский идол ранее эпохи развитой бронзы; не исключено, что он относится к еще более позднему времени.

Предельная схематичность в трактовке образа, небрежность обработки уральских деревянных антропоморфных скульптур дали основание Д. Н. Эдингу подвергнуть сомнению правильность отнесения этой группы изображений к памятникам искусства (Эдинг, 1940, с. 69). Но изучение антропоморфной культовой скульптуры народов Сибири конца XVIII — начала XX в. (Иванов, 1970) наглядно показало, что архаические черты трактовки образа, его форма были целиком предопределены функциональным назначением изображения.

Находки уральских деревянных идолов связаны с культовыми местами (Эдинг, 1940, с. 14), где, помимо этих изображений, найдены деревянные лоси с чашевидным углублением в спине для жертвенного кормления, ковши и ложки с рукоятью, оформленной в виде птичьих голов, и другие культовые предметы.

Видимо, в общем контексте с деревянными идолами следует рассматривать антропоморфную фигурку из гальки, найденную на поселении Палатка II в г. Свердловске (Панина, 1980, с. 164–165). Скульптура обнаружена в жилище рядом с очагом; она представляет собой трапециевидный брусок, в верхней расширяющейся части которого на боковой стороне вырезано лицо человека. В традиционной для уральской антропоморфной скульптуры манере подчеркнуты выступающие надбровья, длинный (в профиль клювовидный) нос. Глаза обозначены глубокими западинами. Длина фигурки 13 см (рис. 120, 14). Боковые грани бруска оформлены выемками-зарубками, а на торцах прочерчены перекрещивающиеся линии. По мнению С. Н. Паниной, изображение может быть датировано эпохой ранней бронзы.

Из поселения Самусь IV в низовьях Томи (эпоха развитой бронзы) происходят своеобразные каменные песты в виде головы человека (Матющенко, 1973б, рис. 23) (рис. 120, 10). Лицо выполнено точечной ретушью; оно имеет удлиненные пропорции с подчеркнуто крупным, расширяющимся внизу носом и выделенным подбородком. Выступающий рот с массивными губами открыт или полуоткрыт. Глаза переданы выступающими плоскостями — приемом, характерным для всей урало-западносибирской скульптуры. Основной формообразующий элемент в моделировке образа — неглубокий желобок. В некоторых случаях желобки как бы рассекают лицо, обрамляя глаза.

Описанные изображения обнаруживают некоторую близость минусинским (окуневским) каменным изваяниям. Сходство прослеживается по целому ряду признаков, и прежде всего по манере детализации лица, выделенного овалом. Это особенно относится к реалистической группе окуневских скульптур, считающейся, по мнению некоторых исследователей, более поздней, чем другие окуневские группы (Формозов, 1969, с. 209–210). Пропорции лица удлинены, акцентирован крупный нос, рот, как правило, показан полуоткрытым, с массивными губами (Вадецкая, 1967, табл. 3). Желобчатое рассечение лица, встречающееся на самусьских фигурках, известно на целом ряде монументальных окуневских изображений, в том числе и выполненных достаточно реалистично (Вадецкая, 1980, с. 41). В этом отношении интересно также миниатюрное окуневское изваяние, найденное на р. Уйбат (Липский, 1970а, рис. 11). О проникновении южных, в частности окуневских, элементов в бассейн Оби свидетельствует находка маленькой каменной фигурки на территории Академгородка в Новосибирске (Окладников, 1975а, с. 58–63).

Единообразная трактовка образа человека в каменной скульптуре самусьцев указывает на устойчивую иконографию. Две из описываемых самусьских антропоморфных скульптур найдены вместе с каменными гладилками, рукоять которых оформлена в виде фаллоса. Еще одна каменная гладилка происходит из пос. Держинский на левом берегу Томи напротив

Томска. Рукоять ее увенчана головой человека (Матющенко, 1973б, с. 40). Все это свидетельствует о распространении у западносибирского населения в эпоху развитой бронзы фаллического культа.

Появившись в Западной Сибири около середины II тыс. до н. э., каменная антропоморфная скульптура, постепенно видоизменяясь, доживает здесь до этнографической современности. Так, например, она известна у обских угров (Мошинская, 1952, с. 51).

Уникальная серия антропоморфных изображений представлена на одной из групп керамики Самусьского IV поселения (Матющенко, 1964; 1973б, с. 97–100; Косарев, 1964в; 1974а, с. 57–60). Они нанесены желобчатыми линиями и располагались в средней части сосудов. Стилистические особенности позволили В. И. Матющенко выделить три основных типа этих изображений (Матющенко, 1973б, с. 97–99, рис. 62).

Первый тип — полное изображение человека в фас с опирающимися на бедра или с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками, чуть развернутыми в сторону и согнутыми в коленях ногами. Голова оформлена в виде двух, чаще трех коротких вертикальных насечек (рис. 120, 1, 2). Туловище выполнено в «скелетной» манере — вертикальной лесенкой.

Второй тип, наиболее распространенный, представлен в основном личинами в виде усеченного сверху круга или овала. Вверх от головы отходят три вертикальные линии, оканчивающиеся иногда точками. Глаза и рот показаны ямочками, нос почти всегда выделен рельефно. Встречаются экземпляры, у которых все лицо выполнено в рельефе (рис. 120, 5).

Третий тип, самый схематичный. Голова обозначена двумя концентрическими окружностями, в центре которых показаны глаза и рот. Вниз от окружности идут две вертикальные линии, символизирующие туловище, затем еще две — вдоль туловища. В. И. Матющенко склонен трактовать их как изображение рук или волос. У некоторых фигур вверх от головы отходят по три коротких вертикальных штриха.

В. И. Матющенко считает, вслед за М. Ф. Косаревым, самусьскую керамику с антропоморфными изображениями культовой, а сами фигурки расшифровывает как духов-охранителей, входящих в комплекс шаманских представлений (Матющенко, 1973б, с. 94–95). М. Ф. Косарев высказал мысль, что самусьские культовые сосуды имеют отношение к ритуалам, связанным с бронзолитейным производством. При этом он подчеркивает солярный характер культов (Косарев, 1964в, с. 295; 1974а, с. 57–60; 1981, с. 97–99). Это положение хорошо согласуется с мнением о том, что в древности технологические процессы являлись составной частью общей космологической схемы, своеобразным продолжением операций по символическому воссозданию Вселенной (Иванов, Топоров, 1974, с. 88).

Сопоставление антропоморфных рисунков на самусьской керамике с изображениями на окуневских стелах обнаруживает значительные соответствия в приемах стилизации образа. Это сходство, наряду с другими признаками, позволило Н. В. Леоптьеву высказать предположение о влиянии окуневской иконографической традиции на формирование самусьского антропоморфного стиля (Леоптьев, 1978).

Существование в первой четверти II тыс. до н. э. в Томско-Нарымском Приобье памятников игреков-

ского этана, появление которых в регионе связывают с усилившимся влиянием окуневцев или родственного им населения (Косарев, 1981), подкрепляет аргументацию Н. В. Леонтьева. Есть основание рассматривать человеческие фигурки на самусьской керамике как образы духов-покровителей, которых изображали в масках и своеобразно стилизованном головном уборе. Правомерность предложенной расшифровки самусьских антропоморфных рисунков подтверждается этнографическими материалами. Наибольшую стилистическую близость они обнаруживают с изображениями людей на бурятских онгонах. По С. В. Иванову, это шаманы в шапках с перьями (1954, с. 723–724, рис. 6, 19, 21). Хотя число перьев доходило порой до полутора десятков, оно никогда не было меньше трех, и на рисунках чаще всего изображалось именно три пера. Одновременно с фигурками людей на онгонах всегда рисовали небо вместе с солнцем и луной. На существование в прошлом у алтае-сайских народов своеобразных головных уборов с птичьими перьями или шапок-колпаков указывает Е. Д. Прокофьева (1971, с. 99). Представления бурят об онгонах также отражают полисемантизм первобытного мышления (Иванов, 1954, с. 700).

Кроме охарактеризованных выше, на самусьской глиняной посуде известны изображения, соединяющие антропоморфные и зооморфные черты. В их моделировке использовано сочетание графических приемов с объемами, что характерно для западносибирской мелкой пластики, связанной прежде всего с керамическими сосудами. При кажущемся многообразии антропоморфных и зооморфных рисунков Самуся IV они близки между собой по технике исполнения: желобчатые линии воспроизводят контур человеческой фигуры, а точки и небольшие выступы передают лицо человека или морду животного.

Керамика с изображениями, выполненными в самусьской стилистической манере, известна только на поселении Самусь IV, что увязывается с производственной спецификой этого памятника (поселок бронзолитейщиков) (Косарев, 1981, с. 99). Однако сосуды с антропоморфными рисунками известны и на других западносибирских памятниках бронзового века. Так, с поселения Тух-Эмтор IV в Верхнем Васюганье происходит небольшая группа горшков с многоугольными днищами и изображениями на них человека, медведя и птицы (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 70, рис. 13, 1; 31, 4). Рисунки расположены в верхней части сосуда, органично включены в общую орнаментальную композицию. Манера передачи образа отлична от самусьской, иная и техника нанесения рисунка (отступающая и печатная гребенка), но изобразительные приемы аналогичны самусьским. В целом орнаментация носит солярный характер. Так же как на Самусе IV, прослеживается связь данного типа керамики с литьем бронзовых орудий (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 89–90). О господстве солярного культа и связи с ним антропоморфных сюжетов красноречиво говорит находка в одном из самых южных памятников самусьской культуры — поселении Завьялово IA вместе с каменной гладилкой бронзового изображения человека с поднятыми вверх руками, заключенного в солярный круг (Молодин, 1977, с. 76).

В западносибирском искусстве традиция украшать

посуду зооантропоморфными рисунками уходит корнями в неолит (Мошинская, 1976, с. 26–32) и продолжает жить в железном веке (Плетнева, 1977, рис. 3, 4). Следует отметить длительное существование в западносибирском искусстве малых форм устоявшихся традиций в передаче определенных сюжетов. Так, бронзовые антропоморфные идолы кулайской культуры эпохи раннего железа в Нарымском Приобье имеют сходство с антропоморфными рисунками на самусьской посуде по всем основным стилистическим признакам (Матющенко, 1961а, с. 268–269; Косарев, 1974а, с. 59). Это дало основание М. Ф. Косареву (1974а, с. 59; 1981, с. 101) говорить о сложении западносибирского антропоморфного стиля в эпоху бронзы.

Особую группу западносибирских антропоморфных изображений составляют глиняные фигурки. Одна из них найдена на Аятском озере в Среднем Зауралье (мыс Березовый) (Раушенбах, 1965, с. 66–68). Исполнена предельно схематично. Руки и ноги не обозначены, но отчетливо выделена грудь. Голова отбита в древности. Поверхность покрыта орнаментальными поясами, общий рисунок которых позволил В. М. Раушенбаху считать фигурку изображением женщины в одежде с каймой. Сходная изобразительная манера прослеживается в моделировке статуэтки, найденной в жилище вместе с керамикой липчинского типа на стоянке южного берега Андреевского озера в районе Тюмени (Викторова, 1976, с. 226). Голова тоже отбита. Орнаментальные полосы, нанесенные на поверхности, очевидно, имитируют одежду. Эти изображения не имеют аналогий в сибирской пластике. По своим стилистическим особенностям они могут быть сопоставлены с антропоморфными глиняными фигурками лесной зоны Европейского Севера, которые в энеолитическую эпоху составляли одну из специфических черт культуры населения этого региона (Ошибкина, 1978, с. 102–104). Ближайшей аналогией березовской статуэтке является женская фигурка со стоянки Андозеро 2 в Восточном Прионежье.

Интересна небольшая, высотой 5 см, глиняная фигурка, найденная на поселении Большой Ларьяк 2 в Сургутском Приобье (Мошинская, 1976, с. 34; табл. I). По моделировке она принадлежит к типу согнутых антропоморфных изображений, которые М. Е. Фосс (1948, с. 29) определила как статуэтки с бобовидным торсом, а Т. Миеттинен назвал их эмбриоидными. Основная территория распространения этих фигурок — Восточная Финляндия (Miittinen, 1964), Карелия (Панкрушев, 1964, табл. 35, 1) и Восточное Прионежье (Ошибкина, 1978, табл. 40, 7, 8). То, что их находят обычно в жилищах, иногда около очага, позволяет предположить их связь с культом домашнего очага.

Глиняная фигурка, найденная около 100 лет назад на р. Болдинке в окрестностях Тюмени (Словцов, 1877, табл. 13, 4, 5), стилистически весьма близка, несмотря на различие материала, каменным пестикобразным антропоморфным фигуркам окуневской культуры (Вадецкая, 1967, табл. 14; 1980, с. 71; табл. XXIV, 1–10), что дает основание предполагать их семантическую однородность. Э. Б. Вадецкая, опираясь на данные этнографии, прежде всего алтайских народов, пришла к выводу, что окуневские

скульптурные изображения — это «вместилище души» умерших сородичей, главным образом по женской линии (Вадецкая, 1980, с. 71).

Изображения медведя. В зооморфном западно-сибирском искусстве малых форм образ медведя занимает ведущее место. Археологические материалы фиксируют следы почитания этого зверя в Зауралье и Западной Сибири задолго до начала бронзового века. В эпоху бронзы этот сюжет наиболее полно представлен в памятниках Томского Приобья и Горного Алтая. Преобладают изображения из камня, но встречаются отдельные фигурки из дерева и бронзы.

Уникальна по своим художественным достоинствам каменная скульптурка стоящего медведя из Самусьского могильника в низовьях Томи, которую М. Ф. Косарев относит к энеолиту, а в абсолютной хронологии — ко второй половине III тыс. до н. э. (Косарев, 1981). В ней проявилась одна из главных особенностей первобытного анималистического искусства — выделение головы как наиболее важного объекта изображения: она делалась непропорционально большой, с тщательной детализацией морды. Эта закономерность особенно заметна, когда животное изображалось во весь рост. В самусьской скульптуре подчеркнут крутой лоб, акцентирован изгиб нижней челюсти, полукруглыми выступами с небольшими углублениями внутри обозначены уши. Глубоким проемом показана пасть зверя, точечными углублениями даны ноздри и глаза. Туловище зверя оформлено очень условно.

Не менее выразительна скульптура «бегущего» медведя из могильника на Мусульманском кладбище в Томске, относящаяся к началу II тыс. до н. э. (рис. 121, 6). Фигурка очень динамична. Для передачи движения мастер несколько вытянул пропорции, а задние лапы показал откинутыми назад. Детали длинной медвежьей морды выполнены теми же приемами, что в изображении из Самусьского могильника, только глаза окаймлены врезанным овалом да показан высунутый язык. По общей композиции эта фигурка, с одной стороны, сопоставима с «идущим» медведем из Васьковского неолитического могильника в Кузбассе, а с другой — обнаруживает поразительную стилистическую близость костяному изображению медведя из погребения окуневского времени могильника Карасук 2 в Хакасско-Минусинской котловине (Студзицкая, 1973, с. 186). Различие в материале не влияет на общую изобразительную схему образа, которая предопределена общностью вложенного в нее содержания.

Образ медведя получил широкое отражение в искусстве окуневской культуры. Здесь он выступает своеобразным выразителем космогонических представлений окуневцев (Савинов, 1978, с. 111—117). Именно этот образ лег в основу изображения разъяренного фантастического хищника с оскаленной пастью, высунутым языком и торчащими зубами. Из Самусьского IV поселения эпохи развитой бронзы происходит каменная голова медведя (Косарев, 1974а, рис. 17). Несмотря на некоторую стилизацию, морда зверя выполнена в характерной для этой группы изобразительной манере. Особенно подчеркнут изгиб нижней челюсти.

К охарактеризованной группе стилистически при- мыкают два каменных изображения медведя с Алтая.

Среди них полая медвежья голова, найденная в парном погребении (мужчина и ребенок) афанасьевского времени могильника Усть-Куюм (Студзицкая, 1969а, рис. 2, 5; Берс, 1974, рис. 6, 1, 2). Скульптура выполнена из диорита и по трактовке деталей морды полностью совпадает с изображением из Самуся IV (рис. 121, 3). Возможно, она выполняла роль маски (маскетки?). Характер погребального обряда и сопровождающего инвентаря позволяет заключить, что погребенный здесь мужчина занимал особое положение в коллективе сородичей. Второе изображение, найденное в районе оз. Иткуль, принадлежит к так называемым каменным пестам, верхний конец которых оформлялся в виде головы медведя с характерно вытянутой мордой. Он сделан из песчаника и обработан точечной ретушью (рис. 121, 6). Ближайшая аналогия — пест с головой медведя, найденный в окрестностях г. Братска (Окладников, 1950а, б).

Рассмотренные скульптурные изображения объединяет не только общность сюжета, но и то, что тщательная детализация морды медведя достигалась одними и теми же техническими приемами. Уши переданы выступами (иногда с углублением на внутренней стороне), рот — пропилом, глаза — выступающими плоскостями. Как правило, подчеркнут крутой лоб зверя, выделены скулы, обозначены ноздри. На всех фигурках, за исключением изображений из Усть-Куюмского и Самусьского могильников, межчелюстное пространство разделено узкими желобками, что является одной из стилистических особенностей каменной и роговой скульптуры эпохи бронзы.

С поселения Самусь IV происходит отлитая в двусторонней форме бронзовая профильная фигурка медведя (Матющенко, 1973б, рис. 9, 5). Морда детализирована, тело, наоборот, выполнено схематично. Животное передано в напряженной позе. Трактовка некоторых деталей (оформление ушей, раскрытой пасти, передача ног короткими выступами) продолжает традиции, выработанные в камне. На теле условно показаны внутренние органы («скелетный» стиль) — черта, которая получит широкое распространение в кулайских художественных бронзах эпохи раннего железа (Косарев, 1969, рис. 22). Бронзовый медведь с Самуся IV найден в комплексе с другими предметами фигурного литья. Их облик, равно как стилистические особенности и специфика сюжетов, подтверждает правильность мнения, что уже в самусьско-сейминскую эпоху складываются приемы канонизации культового литья, предвосхитившие кулайский стиль (Матющенко, 1961; Косарев, 1974а, с. 137).

Из Восточного Зауралья (Шигирский торфяник) поступила миниатюрная деревянная голова медведя с вытянутой мордой (Эдинг, 1940, с. 55). Поверхность обработана в виде крошечных площадок; возможно, таким своеобразным приемом древний мастер стремился показать густую шерсть зверя. Здесь же найдена фигурная рукоять деревянного весла в виде медвежьей головы (Мошинская, 1976, рис. 13). Последняя передана силуэтом без выделения деталей. Еще одна рукоять весла со стилизованной головой животного встречена при раскопках Горбуновского торфяника под Нижним Тагилом (Эдинг, 1940, рис. 53—54); фигурка предельно стилизована, и трактовка ее как медведя весьма условна.

Образ медведя представлен и в глиняной пластике, однако целые фигурки редки. Одна из них — миниатюрное изображение с круглым орнаментированным туловищем и мордой, сделанной защипом, происходит из комплекса сартыньинской культуры в Нижнем Приобье (Васильев Е. А., 1981, с. 169). Интересен «лежащий» медведь, выполненный на крышке сосуда из поселения Самусь IV (Студзицкая, 1969а). Чаще всего зооморфные рельефные изображения располагаются на внутренней части венчика сосуда. Схематичность изображений не всегда позволяет определить вид животного. На Самусе IV найден горшок с отогнутым восьмиугольным венчиком, на каждом углу которого, как предполагает В. И. Матющенко, выделена рельефом голова медведя. Напелы в виде медвежьей морды известны на керамике стоянки Тух-Эмтор IV в Васюганье (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 70), поселения Игреков остров эпохи ранней бронзы (Томская обл.), стоянки Малое Плесо на Андреевском озере Тюменской обл. (Мошинская, 1976, с. 27), I Береговой стоянки на Горбуновском торфянике (Эдинг, 1940, рис. 88—89).

Тема медведя в эпоху бронзы, как показывает анализ материала, наиболее полно представлена в памятниках южнотаежной и лесостепной полосы, хотя не исключено, что это объясняется слабой изученностью северных территорий. Находки медвежьих фигурок в погребальных комплексах наводят на мысль о возможной связи их с представлениями о реинкарнации души человека (Чернецов, 1959).

В этнографии есть много данных об особой роли медведя в культе плодородия, его связи с фаллическими обрядами (Васильев Б. А., 1948, с. 91; Иванов, 1937, с. 16; Алексеенко, 1960, с. 103). Очевидно, к этому кругу представлений относятся каменные песты (?) с медвежьими головами. Известно, что деревянные изображения фаллосов фигурировали на «медвежьем празднике» у обских угров. На поселении Самусь IV, откуда происходят каменные и глиняные медведи, найдены каменные и бронзовый фаллосы.

Древность культа медведя и связанных с ним фаллических обрядов подтверждается находками специфических ритуальных комплексов в неолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы (Крайнов, 1980, с. 118—120).

Изображения лося. Наиболее ранние скульптуры лося происходят из липчинского слоя VI разреза Горбуновского торфяника (Старков, 1980б, с. 172). Это изображения головы лося, вырезанные в типичной для Зауралья силуэтной манере на изогнутой ветке дерева. К эпохе ранней бронзы (начало II тыс. до н. э.) относятся найденные на Горбуновском торфянике своеобразные деревянные сосуды в виде фигуры лося (рис. 121, 15—17). Обработка ясно показывает, что при их изготовлении применялись металлические орудия. Вдоль спины животного выдолблена неглубокая полость. В настоящее время известны три такие фигуры, у одной из них голова не сохранилась. В общей моделировке образа, несмотря на его реалистическую трактовку, явно проступает тенденция к упрощению и стилизации. Обращает на себя внимание чрезмерная вытя-

нутость морды, подчеркнута горбоносость, акцентирован изгиб нижней челюсти; особо выделены пасть и большие ноздри. Глаза переданы выступающими плоскостями со зрачками-впадинами, предназначенными, видимо, для инкрустации другим материалом. Уши, вероятно, тоже изготовлялись отдельно и вставлялись затем в небольшое углубление. Подобный лось найден В. Ф. Старковым в 1979 г. на Горбуновском торфянике; он украшен вбитыми в щеки и нижнюю губу кусочками металла (Старков, 1980б). Это подтверждает мнение В. И. Мошинской о довольно широком распространении инкрустации скульптурных изображений другими материалами (Мошинская, 1976, с. 85—86).

Очевидно, с эпохой развитой бронзы следует связывать роговые навершия в виде лосиных голов из Шигирского торфяника. Стилизация образа, несмотря на проработку деталей, выступает более резко, чем на горбуновских экземплярах (рис. 121, 13). Изображения лишены эмоциональной насыщенности и явно тяготеют к схеме.

Функциональное различие предметов с изображением лося (сосуд, черпак, навершие) не отразилось на общей художественной манере изображения головы сохатого. Стилистическое единство шигирских скульптур подкрепляется наличием такого специфического признака, как выделение межчелюстного пространства остродонными желобками. Эта черта наряду с подчеркиванием нижней челюсти известна на фигурных топорах-молотах из Карелии и Финляндии (Ailio, 1912; Leppäaho, 1953; Эдинг, 1940; Kivikoski, 1961; Студзицкая, 1966). По мнению Д. Н. Эдинга, на стилистические особенности северо-европейских каменных фигурных топоров-молотов оказала влияние уральская скульптура. Исследования последних лет среднеобского и среднеиртышского центров производства турбинско-сейминских бронз позволили В. И. Мошинской в значительной степени подкрепить и уточнить тезис Д. Н. Эдинга. Она высказала мысль, что именно Зауралье явилось той областью, где впервые появились объемные зооморфные изображения с указанными выше стилистическими особенностями, возникшими под влиянием бронзового фигурного литья (Мошинская, 1976, с. 73). Находка каменного молота в виде головы лося на неолитической стоянке Евстюниха в районе Нижнего Тагила (Рассодович, Сериков, Старков, 1976, рис. 1) намечает пути поиска истоков этой категории ритуальных предметов.

В самусьско-сейминскую эпоху появляются первые бронзовые изображения голов лося на рукоятях бронзовых кинжалов. Один из них происходит из Сейминского могильника (Городцов, 1916, рис. 55; 56; Эдинг, 1940, рис. 74, 75), другой — случайная находка в районе г. Перми (Студзицкая, 1969б). Голова лося на сейминском кинжале выполнена строго в соответствии с требованиями зауральской художественной традиции, что особенно хорошо видно при сопоставлении ее с головой лося на шигирском деревянном черпаке. На внутренней стороне рукояти кинжала вырезано изображение змеи — традиционный художественный канон, выработанный в древней пластике Зауралья, на что не раз обращали внимание исследователи (Эдинг, 1940, с. 65; Мо-

пинская, 1976, с. 77). Изображение змеи полностью повторяет деревянную фигурку извивающейся змеи из Горбуновского торфяника (рис. 122, 1), выполненную силуэтом в подчеркнута угловатой манере.

Совмещение изображений лося и змеи мы видим и на фигурном кинжале из Перми (Студзицкая, 1969б, рис. 1). Эти два образа широко представлены на наскальных рисунках бронзового века Восточной Сибири, на кулайских бронзах эпохи раннего железа в Нарымском Приобье (Косарев, 1974а, рис. 45, 1). Скорей всего появление этого мотива, его устойчивость в сибирском искусстве связаны с развитием представлений о мире, в частности о верхней и нижней сферах Вселенной.

В Среднем Приобье образ лося представлен не так широко, как в Зауралье, может быть, в связи с плохой изученностью торфяниковых поселений, откуда происходят деревянные и костяные предметы. На поселении Самусь IV вместе с другими бронзовыми вещами найдена дуга, концы которой увенчаны лосиными головами, повернутыми в разные стороны (Матющенко, 1973б, с. 194—195). Фигуры выполнены в силуэтно-массивном стиле с подчеркнута массивной верхней губой и резко обозначенной нижней челюстью. На затылке обеих голов сделаны небольшие выступы (сохранился только один). Этот предмет сопоставим с близким ему по форме изображением, найденным на горе Кулайке в Нарымском Приобье и относящимся к эпохе раннего железа (Косарев, 1974а, рис. 46, 3). Только у последнего на середине дуги, соединяющей головы, изображена птица с опущенными крыльями.

Из комплекса Самусь IV происходит овальная ажурная бляха одностороннего плоского литья с изображением животных (волка, лося, по мнению В. И. Матющенко) (1973б, рис. 9, 6). Хищник с оскаленной пастью и четко обозначенными клыками по ряду иконографических особенностей аналогичен образу фантастического зверя в окуневской культуре (Вадецкая, 1980, с. 68; Леонтьев, 1978, с. 113—115). Такова трактовка морды зверя, манера передачи суженного к крупу туловища, четырех лап, расположенных в ряд; наличие отростков, возможно, изображавших вздыбленную шерсть, длинный загнутый хвост, переходящий в общую дугу, объединяющую всю композицию. Перечисленные черты позволяют предположить, что это не волк, а как и у окуневцев, медведеподобный фантастический хищник в своеобразной местной (самусьской) интерпретации. Это тем более вероятно, что именно медведь является центральным персонажем в анималистическом искусстве самусьцев. Медведеподобный хищник на бляхе «стоит» на другом животном, показанном очень схематично. По некоторым признакам эту фигуру действительно можно трактовать как изображение лося с открытой пастью. Если это так, то в охарактеризованной композиции нашел отражение своеобразно преломленный мотив космической погони (Окладников, 1950а), широко распространенный в древнем сибирском искусстве. Дополнительным аргументом в пользу выказанного предположения является обрамление всей композиции дугой, начало которой сливается с хвостом хищника, а конец приходится на заднюю часть лося. Оба зверя практически заклю-

чены в овал, разомкнутый с одной стороны. Наиболее полно и многогранно этот мотив представлен в памятниках окуневской культуры.

Образ лося представлен в кулайском бронзовом литье, где прослеживается характерная уральская традиция — изображать пасть зверя открытой и показывать задние ноги под углом. Основная стилистическая особенность кулайских лосей — их «скелетный» стиль; как показывают находки сосудов с антропоморфными рисунками, а также предметы бронзового литья на Самусе IV, этот стиль зарождается в эпоху бронзы.

С позднебронзового поселения Еловка в Томском Приобье происходит миниатюрная костяная подвеска в виде фигурки лося (задняя часть обломана, рис. 121, 12). В середине туловища просверлены две круглые дырочки, таким же отверстием показан глаз зверя. Морда детализирована. Моделировка фигурки говорит об устойчивости реалистической традиции трактовки образа лося в памятниках искусства лесной зоны.

Если культ медведя вырос преимущественно на тотемической основе, то культ лося имел в основном промысловый характер, хотя не исключено, что у некоторых родов он тоже был когда-то тотемом (Косарев, 1981, с. 250—253; 257—259). Кроме того, образ лося, олицетворяя источник жизни, светлое начало, переплетается с солнечным культом, с представлениями о небесной сфере.

Образы других диких животных. Обособленную группу изделий мелкой глиняной зооморфной пластики эпохи поздней бронзы представляют фигурки с городища Абрашино I на правом берегу Обского водохранилища (Молодин, Соболев, 1983) и изображения с Шайтанского городища в верхней части р. Кети (Мошинская, 1973). Абрашинские фигурки (6 экз.), незначительно отличаясь, выполнены в единой, крайне условной изобразительной манере. Размеры их очень устойчивы — 6,2—6,6 см. Туловище в разрезе округлой формы, бока, за исключением одной скульптурки, у всех выпуклые. Параболоидной кривой очерчены головки, а по бокам подтреугольными выступами обозначены, видимо, передние и задние лапы. Звери как бы распластаны. У четырех изображений в пристрешенной части имеются миниатюрные (около 1 мм) углубления. В одном случае вместо ямочки сделан сосцевидный налест. В общей моделировке фигурок обращает внимание одна деталь, а именно прочерченная с одной стороны вдоль туловища довольно глубокая бороздка (на одной фигурке их даже пять). Очевидно, в глазах древнего мастера нанесение этого символа имело особо важное значение.

Городище Абрашино I и найденные там фигурки относятся к ирменской культуре. Аналогичное изображение встречено на поселении Ирмень (Молодин, Соболев, 1983). Семантика этих фигурок не ясна, но авторы обращают внимание, что характеризуемая пластика обнаружена на тех ирменских памятниках, где отмечены следы бронзолитейного производства. Возможно, изготовление этих глиняных фигурок было предопределено какими-то ритуалами, имеющими отношение к изготовлению металлических предметов.

Миниатюрная, высотой 3 см, глиняная фигурка северного оленя происходит с Шайтанского городища в верховьях Кети, относящегося к переходному времени от бронзового века к железному. Изображение сохранилось неполностью: обломаны голова и передние ноги (Мошинская, 1973). Сопоставление этой фигурки с этнографическими материалами позволило В. И. Мошинской рассматривать ее как детскую игрушку, изготовленную для мальчика.

Оринтоморфные изображения. Мотив водоплавающей птицы был широко распространен в древнем искусстве лесной полосы Европейского Севера, Урала и Западной Сибири (Гурина, 1972). Этот сюжет наиболее полно отражен в скульптуре Среднего Зауралья и в уральских писаницах. Скульптурными изображениями водоплавающей птицы украшалась прежде всего деревянная утварь. На Горбуновском торфянике найдены ковши и ложки, ручки которых украшены головой птицы (Эдинг, 1940, с. 34–44). В отличие от лосиных голов они лишены деталей и лишь своим силуэтом передают образ, имеющий устойчивую иконографию. При изготовлении этих предметов мастер добивался органического слияния птичьей головы с «телом»-сосудом. Некоторые из них отличаются особым изяществом, например ковш с головой лебедя (рис. 122), другие менее совершенны, но в целом они составляют единую группу скульптуры, выполненную в определенной художественной манере, основу которой составляет силуэтный стиль, известный в лесной полосе с неолитической эпохи (Мошинская, 1976, с. 99).

Рисунки птиц известны на керамической посуде, где они вплетаются в ритмически повторяющиеся орнаментальные мотивы (Эдинг, 1940, с. 69–72; Мошинская, 1976, с. 30–32). На зауральской керамике изображения плывущих птиц встречены в двух вариантах: схематизированные и более сложные; они выполнялись оттисками гребенчатого штампа. Рисунки птиц имеются и на памятниках Среднего Приобья. На одном сосуде из Самуся IV нарисована водоплавающая птица (Матющенко, 1973б, рис. 63, 9, 10). Рисунок выполнен желобчатой техникой. Птица показана в профиль с высоко поднятой головой и вертикально поставленным крылом. Тело дано в виде овала с крестом. Это — солярный символ, М. Ф. Косарев предпологает связь характеризующего рисунка с тотемическими культурами (Косарев, 1981, с. 254). По такой же иконографической схеме изготовлена и бронзовая фигурка птицы из Самуьского IV поселения: длинная шея, крючковатый клюв, поднятое крыло. Оперение хвоста и крыла передано отрезками. Каноничность этой схемы подтверждает и рисунок птицы, выбитый на 5-м камне Томской писаницы (Окладников, Мартынов, 1972, рис. 81).

Интересен сосуд, найденный в жилище 5 поселения Тух-Эмтор в Васюганье (Кирюшин, Малолетко, 1979, рис. 13, 1), на котором с четырех сторон даны изображения хищной птицы. Голова и туловище выполнены в рельефе, крылья и хвост обозначены гребенчатым штампом. Ю. Ф. Кирюшин считает, что сосуд имел отношение к бронзолитейному производству, о чем свидетельствует, по его мнению, толстый слой нагара в верхней его части и сохранившиеся в жилище следы литья. Изображен скорее всего орлаш-белохвост или коршун.

Птицы известны также на глиняной посуде поселения эпохи бронзы Тух-Сигат IV в Верхнем Васюганье.

В одном из жилищ этого памятника среди предметов бронзолитейного комплекса найден пятигранный сосуд, на каждой грани которого в традиционной манере (сочетание пластических и графических приемов) выделены фигурки птиц (?), вплетенные в общую орнаментальную канву. На краях венчика — зооморфные изображения, выполненные в рельефе (Кирюшин, 1983).

Изображения птиц характерны и для культур раннежелезного века. Обычно их делали из бронзы, в фас, с широко расставленными крыльями (как на тухэмторском сосуде), нередко они имели антропоморфные черты (Косарев, 1981, с. 254). Многие исследователи рассматривают их как прообразы обско-ургорских тамг (Симченко, 1965, с. 3–4; Чернецов, 1971, с. 79).

Образы домашних копытных. Иную сюжетную направленность получает в бронзовом веке искусство населения лесостепных районов Тоболо-Иртышья. Более активные контакты с культурами степной полосы обусловили появление в нем таких образов, как конь и баран. Так, очень выразительна сланцевая голова лошади из Прииртышья, представляющая собой верхнюю часть какого-то составного культового предмета (рис. 121, 11). Умелое сочетание высокого и низкого рельефа позволило мастеру достичь большого изящества в передаче образа. Два других изображения конских голов венчают каменные жезлы или песты. Экземпляр, найденный на берегу р. Бухтармы (Мошинская, 1976, с. 70), имеет длину около 50 см. Здесь прослеживается воздействие бронзового литья: это резкие, как бы нарочито выступающие грани, моделирующие морду животного. Сопоставление этого изображения с иртышской скульптурой говорит о единстве приемов трактовки образа; детали морды выполнены в рельефе, акцентирована вздыбленная грива животного и поднятые кверху уши. В той же манере вырезана голова лошади меньших размеров на каменном песте из Семипалатинского музея (Черников, 1960, рис. 21). Стилистически к этим скульптурам примыкают еще два зооморфных изображения из Прииртышья, одно из которых, по предположению В. И. Мошинской, передает голову верблюда (Мошинская, 1976, с. 70).

Все эти изделия — случайные находки, и поэтому датировка их затруднена. Тем не менее они составляют компактную группу каменной скульптуры, стилистической особенностью которой является трактовка деталей выступающими плоскостями. Это позволило В. И. Мошинской (1976, с. 72) сопоставить их с антропоморфной фигуркой из Нуры, выполненной в той же манере сочетания высокого и низкого рельефа, что и голова коня из Омского музея. Нуринскую находку В. И. Мошинская убедительно датирует эпохой бронзы, привлекая в качестве аналогий одну из антропоморфных скульптур Самуся IV и человеческую фигурку на навершии бронзового ножа из могильника Ростовка в низовьях Оми. Композиционно иртышские каменные песты сопоставимы с рассмотренными ранее пестами, увенчанными медвежьими головами. Возможно, они принадлежат к тому же кругу тотемно-фаллических культовых изделий.

Уникальна скульптурная группа коня и лыжника на рукояти бронзового ножа из Ростовкинского могильника (Матющенко, 1970, рис. 5). Выделены мускулы животного, морда тщательно детализирована, ощущается трепет «дышащих» ноздрей. В высоком рельефе выполнены грива и торчащие уши коня. Еще большей экспрессией пронизана фигура лыжника. Фигурка лошади на рукоятке ростовкинского ножа сопоставима с изображением коней на навершии бронзового ножа из Сейминского могильника в бассейне Оки (Бадер, 1970б, рис. 52). Ноги и там и здесь даны в характерной для уральской скульптуры манере: передние — прямые, задние — под углом (ср. с деревянным лосем из Горбуновского торфяника). Сравнительный анализ обоих изображений фиксирует их стилистическое единство, которое особенно проявляется в передаче рельефов деталей головы животного: стоящая грива, выступающие плоскости глаз и т. д.

Появление изображений барана у лесостепного населения Западной Сибири — видимо, результат контактов со степняками, в искусстве которых этот образ известен с эпохи ранней бронзы. В этой связи интересны два изображения бараньей головы из камня, найденные в Хакасско-Минусинской котловине и хранящиеся в Минусинском и Хельсинском музеях (Tallgren, 1938), а также происходящий оттуда же каменный сигарообразный стержень с головой барана (Радлов, 1894, табл. XXII). Подобные стержни принято относить к окуневской культуре (Леонтьев, 1975, с. 65). Среди окуневских каменных изваяний известны два с высеченными сверху скульптурными головами баранов (Вадецкая, 1967, табл. 22; Липский, 1970а, рис. 10). От западносибирских окуневских скульптур отличаются сочетанием при оформлении морды животного рельефа с гравировкой.

Наскальные изображения. Полнее всего исследованы на Урале (Чернецов, 1964б, 1971), где они выполнялись охрой. Анализ и классификация уральских наскальных рисунков по сюжетам позволили В. Н. Чернецову выявить повторяемость определенных композиций на скалах разных рек. Используя параллели из обрядности и искусства обских угров, В. Н. Чернецов предложил убедительную реконструкцию календарных охотничьих празднеств, при которых создавались эти писаницы. Он выделил три основных сюжета; из них два могут быть отнесены к эпохе бронзы, третий — к эпохе железа.

Первый сюжет — изображение зверя (лося, оленя или косули) в сочетании с солярным знаком и изображением небосвода, а также варианты без солярного символа, но с рисунком ловчих орудий или сооружений. Наиболее «классическая» композиция зафиксирована на скале Зеньковская у р. Тагил (рис. 123, 1). Лоси здесь очень динамичны. Морда очерчена параболой и не детализирована, что характерно для уральских писаниц; туловище выполнено в «скелетном» стиле. К этому же времени следует отнести композицию на Писаном Камне (р. Серьга; Чернецов, 1971, табл. XVI), где изображен человек с круглой головой и дугообразными руками, опирающимися на бедра. Рядом с ним фигуры животных, наверху знак небосвода.

Второй сюжет — водоплавающая птица с солярными знаками. Он менее характерен. На Змиевом Кам-

не (р. Тагил; Чернецов, 1971, табл. XIX, рис. 46) есть рисунки птиц со своеобразной трактовкой поднятых крыльев: параллельно верхнему контуру тела птицы проходит прямая линия с небольшими отростками по обе стороны. Аналогичным образом, только с отростками в одну сторону, изображено крыло бронзовой птицы из Самуся IV.

Раскрывая смысл древней уральской наскальной живописи, В. Н. Чернецов связывает ее с обрядами, темой которых, с одной стороны, было «привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них», а с другой — весеннее оживление природы, идея размножения. Последняя идея воплощалась в солярно-небесных символах, сопровождавших на уральских писаницах фигуры лосей и водоплавающих птиц (Чернецов, 1971, с. 83).

А. А. Формозов, говоря о хронологии уральских наскальных изображений, приходит к выводу, что они созданы в неолите и в эпоху бронзы (Формозов, 1973, с. 261). Однако стилистический анализ третьего сюжета позволил В. Н. Чернецову сопоставить его с культовым литьем и гравировками на металлических дисках и зеркалах железного века. Примечательно, что третий сюжет выполнялся, как правило, на других камнях, отдельно от первого и второго сюжетов, причем есть скалы, где представлен лишь третий сюжет.

Ведущий образ Томской и Тутальской писаниц — лось (Окладников, Мартынов, 1972). Рисунки вырезаны, выбиты или прочерчены. Стилистически к писаницам Томи примыкает Турочакская на р. Бие (Алтай), где изображения лося выполнены красной краской (Окладников, Молодин, 1978, с. 11–21). Характерные черты животного гипертрофированы, головы вытянуты, морды неестественно раздуты и выгнуты. Начальную стадию такой манеры передачи образа можно проследить на писаницах Прибайкалья в глазовское время (Студзицкая, 1981, с. 42). Нарушены и пропорции тела: задняя часть значительно меньше передней.

А. П. Окладников и А. И. Мартынов (1972, с. 180–186) относят эти изображения к неолиту, опираясь на их сходство с предметами мелкой пластики. Сам этот прием вполне закономерен, но, к сожалению, подтверждающие аналогии взяты на памятниках, датирующихся эпохой металла: Базаиха, Горбуновский торфяник и др. Н. В. Леонтьев, сопоставляя материю передачи образа на томских писаницах с окуневскими, отмечает их стилистическое сходство: силуэтное оформление головы, перекрытие одной ноги другою и т. д., что позволяет отнести рассмотренные изображения лосей к окуневскому времени. Некоторые из них выполнены в «скелетном» стиле.

Интересна группа лосей с «отсеченной» головой, датируемая эпохой раннего металла (Формозов, 1969, с. 102). К этому же времени Н. В. Леонтьев (1978, с. 102) относит фигурки «прыгающих» оленей-лосей. Часть лосей Тутальской и Томской писаниц стилистически близка кулайским бронзовым изображениям и должна быть отнесена к эпохе железа. К кулайскому времени, видимо, относится и рисунок медведя на Томской писанице (Окладников, Мартынов, 1972, рис. 132).

На Томской и Тутальской писаницах представлен еще один сюжет, возникновение которого в сибир-

ском искусстве следует связывать с эпохой бронзы,— фантастический образ человека-птицы (Окладников, Мартынов, 1972, рис. 169; 184; 186). Изображения человека-птицы поражают удивительным стилистическим единообразием. Отличительные детали незначительны и не меняют смыслового содержания образа. Все фигуры выполнены резной техникой и носят подчеркнуто итифаллический характер, как бы символизируя собой идею плодородия (123, 5). Человеческое тело венчает схематично трактованная птичья голова. Ноги согнуты в коленях, а руки — в локтях (показаны в характерном движении взад—вперед). Эти существа как бы танцуют. Рисунок на Тутальской писанице может быть сопоставлен с центральным изображением на плите из Тасс-Хаазы в Хакасии (Липский, 1961, рис. 2; Леонтьев, 1978, с. 100).

Этот сюжет нашел свое воплощение и в пластике (Студзицкая, 1969а). Рассматриваемые птичеголовые фигурки сопоставимы также с образами, известными в этнографии обских угров (Чернецов, 1971, с. 89) как изображения предков в птичьих масках, с крыльями, исполняющих во время весенних праздников «птичьи» песни и танцы. Эти архаичные обряды носили тотемический характер.

Что касается других образов и сюжетов томских писаниц, появление которых можно связывать с бронзовым веком (изображение лыжника, лодок с людьми и др.), то их анализ будет дан в разделе «Бронзовый век Восточной Сибири». Здесь отметим лишь, что в наскальном искусстве урало-западносибирского очага полностью отсутствуют изображения рыб.

Глава девятая

Бронзовый век Восточной Сибири

1. Некоторые общие вопросы

Восточная Сибирь занимает 7,226 млн. кв. км, т. е. почти треть площади нашей страны, простираясь с юга на север от границы Монголии до мыса Челюскин (около 3000 км) и с запада на восток от левых притоков Енисея до низовьев Колымы (около 3500 км). Восточный рубеж региона, являющийся и западной границей Дальнего Востока, идет по хребтам Становому, Джугджур, Колымскому. Три четверти территории Восточной Сибири составляют горные массивы и плоскогорья. Низменности занимают значительные пространства на западе (долина Енисея и окраина Тазовской низменности), на севере (Таймырская, Яно-Индигирская и Колымская низменности) и в бассейне Лены (Центрально-Якутская низменность).

Преимущественно горный рельеф обусловил богатство Восточной Сибири полезными ископаемыми, в том числе удобными для эксплуатации в древности месторождениями камня, меди и олова. Особое значение имели медь и олово — необходимые компоненты бронзовой металлургии. Медь поступала из Маинского (юг Красноярского края), Удоканского (Таймырское Заполярье), Норильского и Присяянского месторождений. Олово добывалось в нижнем течении р. Яны, в бассейне Индигирки и в Восточном Забайкалье.

Выделяется несколько природных зон: степь, лесостепь, тайга (около 70% всей территории), лесотундра и тундра, причем в отличие от Восточной Европы и Западной Сибири степь и лесостепь не простираются здесь сплошной широтной полосой, а имеют островной характер. Следует отметить распространение далеко на юг зоны вечной мерзлоты, слабую заболоченность территории, более континентальный и более суровый, чем в Западной Сибири, климат. В районе Верхоянска и Оймякона находится область самых низких зимних температур Северного полушария — до 70° и более ниже нуля. Суровость климата была характерна здесь в течение почти всего голоцена, так как орографическое строение Восточной Сибири постоянно открывало ее ветрам со стороны Северного Ледовитого океана. Лишь в атлантическом периоде (около 7500—4500 лет назад), когда ледовитость арктических морей уменьшилась, климат Восточной Сибири был менее суровым, а лесная растительность достигала северных побережий.

После сравнительно теплого атлантического периода климат Восточной Сибири стал более холодным и сухим. Это привело к тому, что во II тыс. до н. э. площадь тундры значительно расширилась. Отмеченные климатические изменения в меньшей мере повлияли на ландшафтный облик таежной зоны, хотя

и несколько изменили видовой состав восточносибирской таежной флоры. Колебания климата в большей степени отразились на южнотаежных, лесостепных и степных районах.

По споро-пыльцевым материалам, полученным при исследовании поселения Улан-Хада на Байкале (Сизиков и др., 1975), слои VIII—II этого памятника, относящиеся к концу III — первой половине II тыс. до н. э., отложились в период засушливого климата. Слой I (конец II тыс. до н. э.) характеризуется мощными гумусными образованиями, что свидетельствует о некоторой стабилизации растительного покрова в условиях повышения влажности и потепления климата. Но вышележащий слой 0, датированный началом I тыс. до н. э., отражает существование лугово-степных ландшафтов, что указывает на переход к условиям еще более засушливого и холодного климата, чем во время формирования слоев VIII—II. Поскольку Улан-Хада расположена на берегу Байкала, есть основания считать, что отмеченные в этом районе признаки сухости еще в большей мере должны были проявиться в степном Забайкалье.

Вполне вероятно, что в течение в целом более холодного и сухого, чем атлантический период, суббореала были отрезки времени, когда климат менялся в сторону повышения влажности и степи становились более пригодными для скотоводческих занятий. Однако палинологические данные еще недостаточны, и проблема климатических колебаний в восточносибирском регионе пока далека от окончательного решения.

Начало исследования памятников бронзового века Восточной Сибири относится к 1880-м годам и было связано почти исключительно с районом Байкала (раскопки Н. И. Витковского и М. П. Овчинникова в Прибайкалье, А. К. Кузнецова в Забайкалье и др.). Оценивая дореволюционный период археологических работ в Восточной Сибири, следует отметить, что он носил в основном характер собирания и накопления фактов.

В 1920—1930-х годах археологические работы в Восточной Сибири — опять-таки преимущественно в байкальском районе — вели Б. Э. Петри и Г. П. Сосновский. Особой заслугой Б. Э. Петри являются раскопки многослойного, прекрасно стратифицированного поселения Улан-Хада, которое легло в основу периодизации неолита и бронзового века Ангаро-Байкалья.

Дальнейшие успехи в исследовании бронзового века Восточной Сибири связаны в основном с работами А. П. Окладникова и его учеников. Придя в археологию в конце 1920-х годов, А. П. Окладников не ограничился пределами Ангаро-Байкалья, справедливо считая, что археологические исследования

нельзя ограничивать узкими региональными рамками. Помимо Ангаро-Байкаля он ведет большие многолетние полевые исследования в бассейне Лены. Это позволило создать надежную источниковедческую базу для историко-археологической периодизации восточносибирских древностей, а затем и для обобщающих монографических трудов по древней истории Восточной Сибири; наиболее фундаментальными из них являются «История Якутии» (т. I, 1949) и «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (ч. I, II, 1950, ч. III, 1955).

Особый размах археологические работы в Восточной Сибири получили с организацией в 1958 г. Сибирского отделения АН СССР. «Бесспорная заслуга СО АН СССР,— писал А. П. Окладников,— в создании исследовательских коллективов археологов в Новосибирске (Институт истории, филологии и философии), в Улан-Удэ (Бурятский институт общественных наук), Якутии (Институт языка, литературы и истории), во Владивостоке (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока). Таким образом, Сибирским отделением Академии наук СССР созданы своя археологическая школа, собственная археологическая служба, столь необходимая на огромных пространствах Сибири» (Окладников, 1979, с. 7). К этому следует добавить, что в сложении сибирской археологической школы, равно как и сибирской «археологической службы», большая заслуга академика А. П. Окладникова — признанного лидера сибирской археологии и блестящего организатора науки.

В последние годы А. П. Окладников уделял особое внимание исследованиям в области древнего искусства, которое он считал основным источником познания духовного мира древних сибирских аборигенов, их представлений о мире, обычаях, культов, хозяйства. Итогом этих исследований явились десятки монографий, написанных А. П. Окладниковым и его учениками. Работы А. П. Окладникова на много лет вперед определили пути изучения древней истории Сибири.

Создание в Восточной Сибири на базе СО АН СССР и местных университетов квалифицированных археологических коллективов позволило увеличить объем и расширить территориальный охват археологических исследований. Многие сибирские ученые, а также археологи Москвы и Ленинграда, успешно работают ныне по изучению бронзового века разных районов Восточной Сибири — Забайкалья (Ю. С. Гришин, И. И. Кириллов, Л. Г. Ивашина), Якутии (Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева), Таймыра (Л. П. Хлобыстин), Среднего Енисея (Н. А. Савельев) и др.

2. Ранний период бронзового века Восточной Сибири

Началом бронзового века принято считать местное изготовление сплавов меди с оловом (либо свинцом) или налаживание постоянного импорта бронзовых изделий. Если исходить из этих критериев, то понятие «бронзовый век» применительно к Восточной Си-

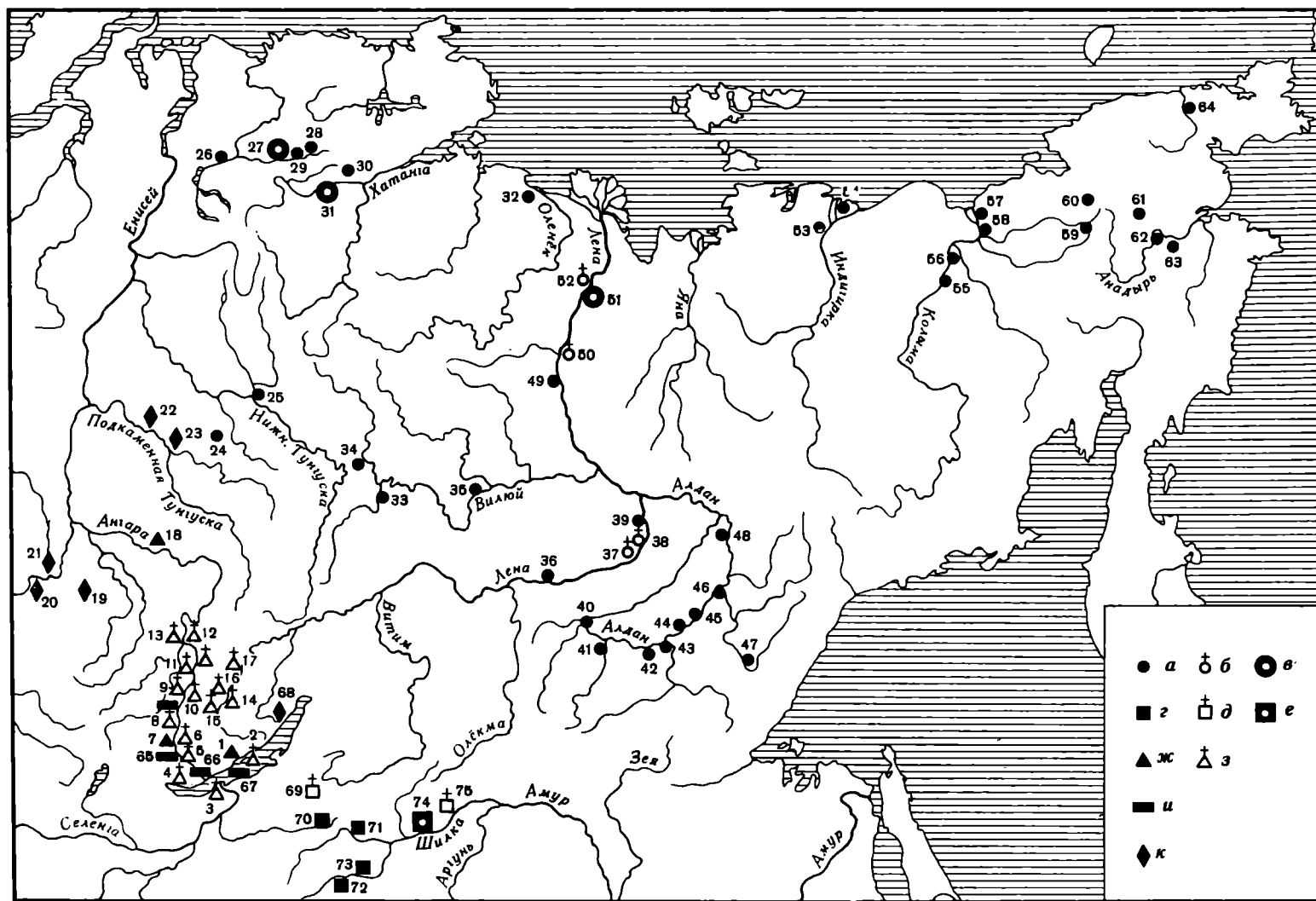
бири выглядит не вполне оправданным. Дело в том, что на этой огромной территории следы древнего бронзолитейного производства крайне малочисленны, а определение их возраста зачастую оказывается дискуссионным. Кроме того, ранние металлические вещи появились здесь в культурах, сохраняющих в основном неолитический облик, и нередко изготавливались из меди без оловянных или свинцовых лигатур. Культуры с такими изделиями обычно относят к эпохе энеолита. Однако, учитывая специфику развития раннеметаллического периода рассматриваемой территории и недостаточную ясность процессов первоначального ознакомления местного населения с металлургией меди, мы начнем описание культур бронзового века Восточной Сибири со времени появления первых изделий из меди. Они относятся к глазковской и ымыяхтахской культурам. Последние с определенной долей условности можно считать принадлежащими к периоду ранней бронзы.

Глазковская культура. Впервые памятники глазковского типа были выделены М. П. Овчинниковым (1904) и отнесены им к «иркутской» культуре на основании погребений с медными ножами из Глазковского предместья г. Иркутска. Несколько позднее В. А. Городцов переименовал иркутскую культуру в глазковскую (1916). Основным исследователем глазковских памятников был А. П. Окладников (1950а, 1955). Он определил время их существования 1700—1200 гг. до н. э. Однако радиоуглеродные даты, полученные потом для глазковских слоев поселений Улан-Хада и Лиственная Губа на Байкале, а также погребения 10 у д. Обхой на Верхней Лене (4170 ± 30 л. н., СОАН-625), позволили удревнить ее начало до рубежа III и II тыс. до н. э. Возможно, на раннем своем этапе глазковская культура еще была типично неолитической.

Глазковские памятники распространены в Прибайкалье, Приангарье (от истока Ангары до г. Братска), в верховьях Лены и в низовьях Селенги (карта 39). Материальная и духовная культура глазковцев наиболее ярко представлена материалами погребений (к настоящему времени исследовано более 300 могил). Последние не образуют крупных могильников, а встречаются поодиночке или небольшими (до восьми погребений в одном месте) группами. Исключение составляет Фофановский могильник в дельте р. Селенги, где насчитывается около 80 погребений глазковского времени, расположенных группами.

Умерших хоронили в неглубоких ямах на спине в вытянутом положении или, реже, с согнутыми ногами (рис. 124). На заключительном этапе глазковской культуры появляются скорченные захоронения, преимущественно на правом боку; возможно, к этому времени следует относить и часть сидячих погребений. Под могильной кладкой у д. Подстрожное на р. Ангаре (могильник у Кирпичного сарая, погребение 1) обнаружено захоронение черепа, а в погребениях 3 и 4 могильника у д. Семеново умершие были погребены без голов (Окладников, 1975б).

В ряде могил отмечены следы кремации трупа. Так, в Глазковском (погребение 2) и Верхнеленском (погребение 21) могильниках раскопаны неполные трупосожжения, совершенные непосредственно в могильной яме. В погребении 25 Верхнеленского

Карта 39. Памятники бронзового века Восточной Сибири

a — поселения ымыяхтахской культуры; *б* — могильники ымыяхтахской культуры; *в* — бронзолитейная мастерская ымыяхтахской культуры; *г* — поселения доронинской культуры; *д* — могильники доронинской культуры; *е* — бронзолитейная мастерская доронинской культуры; *ж* — поселения глазковской культуры; *з* — могильники глазковской культуры; *и* — памятники шиверской культуры; *к* — прочие памятники бронзового века

1 — Улан-Хада; 2 — Шаманский Мыс; 3 — Фофаново; 4 — Глазково; 5 — Пономарево; 6 — Буреть, Сухая Падь, Ленковка; 7 — Горелый Лес; 8 — Семеново; 9 — Шивера; 10 — Усть-Уда; 11 — Серово; 12 — Аносово; 13 — Братский Камень; 14 — Макарово; 15 — Белоусово; 16 — Верхоленский могильник; 17 — Усть-Илга; 18 — Чадобец; 19 — Казачка; 20 — Базаиха; 21 — Ладейка; 22 — Полигус; 23 — Байкит; 24 — Юнари; 25 — Тура; 26 — Пясина V; 27 — Холодная III; 28 — Кылкай; 29 — Ивановская; 30 — Харги III; 31 — Абылаах I; 32 — Буолкалаах; 33 — Туой-Хая; 34 — Усть-Чиркус; 35 — Байкемда; 36 — Марха; 37 — Чучур-Муран, Куллаты; 38 — Покровское; 39 — Ымыяхтах; 40 — Томмот; 41 — Усть-Тимптон; 42 — Учино II; 43 — Чагда I, II; 44 — Белькачи I; 45 — Билир, Усть-Билир; 46 — Верхне- и Нижне-Троицкая; 47 — Хахарь I; 48 — Ноху; 49 — Кыларса, Уолба; 50 — Букачан; 51 — Сиктях; 52 — Иччилях; 53 — Бурулгино; 54 — Уларовская протока; 55 — Лабуя; 56 — Конзабой; 57 — Паптелиха I-IV; 58 — Петушки; 59 — Кантвеем; 60 — Тытыль; 61 — оз. Чировое; 62 — Усть-Белая; 63 — Чикаевская; 64 — Амгуема IV; 65 — Шумилиха; 66 — Лиственная Губа; 67 — Шида, Улярба; 68 — Байкальское; 69 — Харга, Бухусан, Еравинские озера; 70 — Иргень; 71 — Доронинская; 72 — Усть-Иля; 73 — Будулан; 74 — Шевьянская; 75 — Шилкипская пещера

могильника — останки старого мужчины, убитого стрелами; на месте головы лежали мелкие горелые косточки черепа и сильно прокаленная земля; ча-

стично обгорели и шейные позвонки. О важной роли огня в похоронном ритуале свидетельствуют также остатки кострищ и угля в могилах и погребальных сооружениях. Так, в ногах костяка погребения 1 Шиверского могильника найдены кусочки древесного угля, а в 1 м к югу от погребения 3 могильника Сухая Падь I в окрестностях с. Нижняя Буреть был сооружен из известняковых плит небольшой очажок. В могильнике Усть-Ямный на Верхней Лене около нескольких могил в «головах» к северу от них обнаружены круглые кладки из плит с зольниками, в двух случаях с расколотыми костями косули. Следы кострищ, устроенных непосредственно над могильной каменной кладкой, отмечены при погребении 5 могильника Улярба II на оз. Байкал и при погребении 4 могильника Подострожное.

Особенностью глазковских захоронений, отличающей их от серовских и уподобляющей китойским, является ориентировка по реке. Преобладает положение головой вверх по течению, но нередко умерших ориентировали и в противоположном направлении. Большинство могил покрывалось на поверхности каменной выкладкой удлиненно-овальной, иногда лодкообразной формы. В отдельных случаях яма целиком заполнена плитами камня. Некоторые погребения Байкала отмечены на поверхности каменной кольцевой кладкой. По описанным обрядам хоронили умерших обоего пола и разного возраста. Однако детские захоронения редки. Не исключено, что в подавляющей своей массе они совершались вне мо-

гильных ям. Обнаруженные пока детские погребения обычно сопутствуют взрослым, главным образом женским захоронениям.

Одномогильные погребения двух взрослых немногочисленны. Совместное захоронение двух мужчин открыто у д. Тихое Плесо на р. Лене. Для других двойных погребений точные половозрастные определения отсутствуют, однако на основе сопровождающего инвентаря, предварительных антропологических анализов можно предположить, что парные захоронения мужчины и женщины имеются в могильнике Усть-Уда (погребение 9), в погребении у д. Белоусово на р. Лене. В могильнике у с. Подострожное на Средней Ангаре раскопано интересное тройное погребение (5), в котором посредине был положен пожилой мужчина, справа от него — молодая женщина, а слева — подросток (судя по инвентарю, тоже женщина).

В Фофановском могильнике исследовано нарушенное трехъярусное погребение (могила 24): в одной яме были последовательно похоронены два взрослых человека и ребенок менее четырех лет. Между остатками скелетов отмечены разделяющие их засыпки. Специфически глазковскими являются устроенные под одной надмогильной каменной кладкой, но в отдельных расположенных рядом параллельно друг другу могильных ямах захоронения мужчины и женщины. А. П. Окладников назвал такие погребения «парными соседскими». Они имеются в трех могильниках на р. Ангаре: Буреть III (1), Падь Нохой (3 и 4), Подострожное (3 и 4).

На могильниках, где вскрыта большая площадь и зафиксировано значительное число погребений (Фофановский, Верхоленинский), выявилась любопытная планиграфическая особенность: могилы располагались параллельными рядами и группами. Наблюдения над соотношением пола и возраста погребенных в совместных и рядом расположенных могилах позволяют прийти к интересным палеосоциологическим выводам (к которым мы обратимся позже).

К сожалению, антропологические определения глазковских захоронений немногочисленны. Крайне метрическое изучение глазковцев в сопоставлении с краниологическими материалами серовской и китойской культур, проведенное Н. Н. Мамоновой (1973), подтвердило общую характеристику антропологического типа этих трех культур, данную Г. Ф. Дебецом, по которой древнее население, оставившее эти культуры, представляло собой протомонголоидный тип (рис. 124). Вместе с тем Н. Н. Мамонова наметила черты различия между сериями черепов серовской и глазковской культур, с одной стороны, и китойской, с другой. Так, например, серовские и глазковские черепа гораздо крупнее и с резко выраженной долихокранией, тогда как китойские отличаются меньшими размерами и мезо- или брахикранией. Степень уплощенности носо-лобной части лицевого скелета у серовцев и глазковцев меньшая, чем у китойцев. Отмечены и другие отличия, позволяющие констатировать инородность происхождения китойцев по сравнению с серовской и глазковской группами населения и единое происхождение последних (Алексеев, Мамонова, 1979). Особая близость наблюдается между черепами серовского населения Ангары и глазковского Верхней

Лены, что может объясняться переселением части серовцев с Ангары на Лену, где они послужили основой для формирования глазковцев.

В мужских погребениях инвентарь в целом более многочислен и носит выраженный охотничье-рыболовческий характер, а в женских захоронениях он связан с домашним производством. Так, при мужских костяках находятся ножи, наконечники стрел, гарпуны, рыболовные крючки, долота и тесла, встречаются отжимники, необходимые для изготовления каменных орудий. Вместе с женщинами клали в могилы скребки, игольники и иглы, иногда топоры. Украшения у женщин разнообразнее и многочисленнее, чем у мужчин. При захоронениях детей и подростков находятся украшения и изредка орудия труда, на основе которых можно предположительно устанавливать пол ребенка. Интересно, что в Верхолениском могильнике у старика (погребение 29) были только украшения и лишь один наконечник стрелы. Как полагает А. П. Окладников, этот старик, очевидно, не был полноценным охотником и рыболовом. Таким образом, распределение инвентаря в глазковских погребениях свидетельствует о четком разделении труда по полу и возрасту.

В погребении 5 могильника Улярба II под каменной кладкой рядом с кострищем найдены череп и кости собаки (?). Захоронение собаки или волка обнаружено в кольце из врытых плит близ богатого инвентарем погребения 1 в Ленковке. Перед мордой положенного в скорченном положении животного лежала лопатка лося. Вокруг костяка и под ним встречены угольки. Большое значение имеет находка костей домашней овцы (определение В. И. Цалкина) над ногами умершего под неповрежденной каменной выкладкой погребения 20 Фофановского могильника. Это первое свидетельство скотоводства у глазковского населения Забайкалья. В трехъярусном погребении 20 этого же могильника собраны кости крыльев крупной птицы, что интересно в связи с наличием в этом погребении захоронения ребенка и существующим у некоторых народов Сибири представлением о превращении умерших детей в птиц.

В глазковских погребениях встречаются глиняные сосуды, однако находки их очень редки. На Ангаре и Лене они оказались лишь в погребении 1 Шиверского могильника, в погребении 1 Белоусовского могильника у Нового Качуга и в надмогильной кладке Хабсагаевского погребения. Крупные фрагменты большого горшка, орнаментированного линиями отступающей лопаточки, встречены в погребении 1 Макаровского могильника на р. Лене. Как особый случай отметим находку в одномогильном совместном погребении молодого мужчины и подростка у с. Усть-Илга на Верхней Лене глиняного дымокурного горшка, очень напоминающего серовские, но сделанного способом выколачивания, от которого на поверхности остались следы рубчатой колотушки.

Фофановский могильник в дельте Селенги выделяется среди глазковских некрополей не только обилием погребений (что является доказательством продолжительного использования могильника большим и, вероятно, сравнительно оседлым коллективом), но и многочисленностью найденной в нем посуды. Так, из 27 раскопанных в 1959 г. глазковских могил 16

содержали 24 сосуда, большей частью находившихся во фрагментах, что связано с разграблением могил. Это говорит, видимо, о большей оседлости глазковского населения низовьев р. Селенги по сравнению с другими группами глазковцев.

Поселения, на которых обнаружены глазковские изделия, многочисленны и открыты на всей территории, где имеются погребения глазковской культуры, выходя даже за пределы их ареала — в низовья р. Ангары, в Эвенкию и Забайкалье. Обычно глазковские находки на поселениях встречаются в культурных напластованиях, содержащих предметы иных культур, и выделяются типологически. Поселенческие памятники с чистыми комплексами глазковской культуры редки и, как правило, являются кратковременными стоянками. Для установления стратиграфической позиции глазковских комплексов большое значение имеют многослойные поселения. К их числу в Прибайкалье относится уникальное по полноте охвата (от финального мезолита до периода раннего железа) и количеству находок поселение Улан-Хада на западном берегу Байкала (Петри, 1916; Хлобыстин, 1964а, б; Сизиков и др., 1975). Полная характеристика памятника дается в томе, посвященном неолиту. Здесь мы остановимся лишь на слоях с материалами глазковской культуры.

Самым нижним из них является IX культурный слой (по нумерации первого исследователя этого памятника Б. Э. Петри). Он сложен темно-коричневой, иногда черной, сильно гумусированной супесью. Местами наблюдается осветление средней части слоя, и он делится на два уровня. Споропыльцевой анализ образцов показал, что рассматриваемый слой сформировался в период мягкого и влажного климата, когда происходило наступление хвойных лесов на степные пространства. Пыльца древесных растений (главным образом сосны и ели) составляет 26%, по среди пыльцы трав доминирует полынь.

По составу находок IX слой — смешанный: в нем найдены образцы сетчатой и гребенчатой керамики, относящейся к серовской культуре, фрагменты горшков посольского типа, черепки, напоминающие устьбельские Чукотской лесотундры, и, наконец, глазковская керамика. Поскольку два последних типа посуды встречены в самой верхней части IX слоя, можно считать, что они относятся к завершающей фазе его формирования и к началу нового климатического цикла, в период которого образовалась пачка слоистого желтого, местами серого золотого песка, являющаяся линзой погребенной дюны. Песок пронизан тонкими гумусно-углистыми прослойками, число которых в разных частях дюны колеблется от 2—3 до 15—20; с ними связаны кострища, очаги, сложенные из галек, и находки изделий. Наибольшая мощность этой пачки 1,2—1,5 м. Она была разделена Б. Э. Петри на семь условных слоев (VIII—II) примерно равной толщины, отложившихся в период засушливого, более холодного, чем в настоящее время, климата. Споропыльцевой спектр указывает на преобладание лугово-степной растительности: пыльцы трав 79—92%, а древесных — всего 3—8%.

Для некоторых слоев этой толщи получены радиоуглеродные даты: для VIII слоя 4150±80 лет назад

(LE=1280), для VII — 3660±60 л. н. (LE=883), для VI — 3710±10 л. н. (LE=1279), для V — 4220±120 л. н. (LE=1278). Имеется радиоуглеродная дата для нижней части I слоя — черной, сильно гумусированной супеси, перекрывающей пачку золотых песков: 3800±100 л. н. (LE=1277). Споропыльцевой спектр I слоя аналогичен VIII—II слоям. Приведенные даты, равно как и однообразный состав находок, показывают, что полутораметровая толща песков VIII—II и нижняя часть I слоев накопилась за сравнительно короткий период времени — с конца III до середины II тыс. до н. э.

Керамика, напоминающая устьбельскую и по своей орнаментации близкая к некоторым образцам глазковской (что позволяет в какой-то мере усматривать в ней непосредственного предшественника глазковской посуды), находилась в низах пачки золотых песков, большей частью в VIII слое. Скорей всего она относится к концу III — началу II тыс. до н. э. Основная масса керамики VIII—II культурных горизонтов аналогична посуде глазковских могил (рис. 125). Это же относится и к части керамики I слоя. Другие черепки из слоя I — обломки грубых толстостенных сосудов с валиками и ногтевым орнаментом — относятся к позднебронзовому и железному векам.

В VIII—I слоях встречены многочисленные кострища, очаги, сложенные из камней, довольно разнообразный каменный инвентарь (рис. 126) и скопления черепков. Следы жилищных ям не отмечены. Вероятно, строились жилища типа чумов. В верхних слоях Б. Э. Петри нашел бронзовые изделия, которые он не включил в коллекцию, поскольку они противоречили его представлениям об исключительной неолитической принадлежности слоев Улан-Хады.

Изучение материалов глазковских погребений, а также поселений с чистыми глазковскими комплексами (прежде всего Улан-Хады) позволило достаточно полно представить облик глазковской керамики. Характерной особенностью глазковских сосудов является изготовление их способом выбивания при помощи колотушки с нарезками, в результате чего на поверхности образовывались рубчатые отпечатки. Иногда вместе с такими образцами встречаются (в основном по берегам Байкала и в Забайкалье) черепки с «вафельными» отпечатками, типичные для ымыяхтахской культуры, сосуществовавшей с глазковской на территориях к северу и северо-востоку от ареала последней. Употреблялась, вероятно, и гладкая колотушка, при использовании которой получались гладкостенные сосуды. Такой же результат достигался и длительным выбиванием уже подсохшего горшка резной колотушкой. Выбивание приводило к тонкостенности сосудов. Нередко толщина их стенок равнялась 1 мм. В тесто обычно добавлялся мелкий песок. Горшки чаще всего делались круглодонными, но есть и остродонные. На позднем этапе глазковской культуры появились сосуды с уплощенными днищами. Иногда выпуклые стенки верхней части сосудов слегка загибались внутрь, встречаются более или менее выраженная горловина и несколько отогнутый наружу венчик. Сосуды, как правило, имеют удлиненные пропорции. Размеры их различны, диаметр венчика колеблется от 7 до 40 см.

Край венчика украшался защипами, оттисками отступающей лопаточки, насечками. Иногда на нем делали тупоугольные выступы, расположенные через равные интервалы. Чаще всего украшалась верхняя треть боковой поверхности, и лишь маленькие сосуды имели сплошную орнаментацию. Изредка у сосудов с уплощенным дном орнамент наносился в зоне перехода стенки в днище. Наиболее характерные виды узоров — ряды «жемчужин» (бугорков, выдавленных изнутри сосуда) и линии, выполненные протягиванием палочки с периодическими нажимами; иногда наносились ряды отдельных наколов, а также резные линии. Эти ряды и линии могли располагаться горизонтально, наклонно и в виде зигзагов. На одном из сосудов Улан-Хады нанесены резным прочерчиванием змеи и косые кресты. При исследовании стоянки Плотбище на р. Белой найден сосуд с четырьмя антропоморфными фигурками. Вместо голов у них изображены две расходящиеся вверх линии. Подобные рисунки часты на петроглифах Восточной Сибири (Савельев, Горюнова, 1971).

В верхней части Лены близ известных шипкинских изображений открыто жертвенное место глазковцев с большим скоплением костей, где был найден небольшой глиняный сосудик. На его стенке вырезано пять антропоморфных фигурок, весьма схематичных, с ромбическими головами и туловищами в виде удлиненных треугольников (Окладников, 1971).

На глазковских стоянках встречены также обломки сосудов с изображением птиц и рыб (Хороших, 1960). Исключительная редкость черепков с подобными изображениями позволяет считать их принадлежащими ритуальной посуде.

Важная особенность глазковской культуры — появление орудий из металла. Однако это произошло, видимо, не на начальном этапе ее развития, а несколько позже. Спектральный анализ части металлических изделий показал, что они сделаны из чистой меди или из ее сплавов с мышьяком, оловом либо свинцом путемковки, а также отливки (Окладников, 1955, с. 57; Герасимов, Черных, 1975). Основная масса их найдена в погребениях: листовидные ножи, небольшие пластинчатые ножички, рыболовные крючки, шилья, иглы, кольца и трубочки.

Наиболее архаично выглядят листовидные ножи. У них нет черешка, не обозначено срединное ребро. Некоторые весьма велики по размерам. Так, нож из погребения у Глазковской церкви, найденный в 1897 г. М. П. Овчинниковым, был длиной 24,6 см и шириной 6,1 см. Длина другого ножа, судя по фрагментам, достигала 25—27 см при ширине 7,4 см. Клинки крепились в деревянные и костяные (роговые) рукоятки двумя способами: либо в торец ручки — так, что ось клинка являлась продолжением оси рукоятки, либо вставлялись в вырезанное в рукоятке отверстие под прямым или тупым углом к ней (такие ножи принято называть составными коленчатыми; рис. 127, 20, 22). Заметны окислившиеся следы чехлов или ножен. Листовидные ножи были двулезвийными.

Меленькие пластинчатые ножи чаще затачивались только по одному лезвию и имели подпрямоугольные очертания. В Верхоленском могильнике П. П. Хороших нашел нож с вогнутым лезвием. Размеры колеб-

лются от $1,6 \times 0,4$ до $7,8 \times 2,3$ см. Крепились они под углом к рукоятке.

Металлические рыболовные крючки делались из четырехгранных или овальных стержней. На изогнутом заостренном конце они имеют одну или две бородки, на другом конце — зарубки для привязывания лески (рис. 128, 23, 24). По размерам они делятся на мелкие (длиной 1,5—2 см) и крупные (6—7,5 см). Последние встречены только в одном погребении (Ленковка). В Фофановском могильнике (погребение 8) найден крючок длиной около 4 см.

Шилья имели четырехгранное сечение. Одно происходит из Глазковского могильника, другое — из погребений 25 Фофановского могильника. Иглы изготовлялись путем проковки и обтачивания. Один конец заострялся, другой расплющивался и в нем делалось отверстие. Длина игл от 3,2 до 7,3 см. В погребениях они обычно лежат в игольниках — трубочках, свернутых из расплющенных проковкой тонких листиков, размеры их от 3 до 16,6 см. Некоторые трубочки служили украшениями, другие — игольниками, а в самой крупной (погребение 1 у с. Усть-Илга на Верхней Лене) хранился кусочек дерева (рис. 129, 32).

В глазковских погребениях в отличие от серовских отсутствуют составные луки. Редкими становятся костяные кинжалы-наконечники, и хотя встреченный в погребении 4 Подострожного могильника составной кинжал с сегментовидными вкладышами (рис. 128, 38) сделан с большим искусством, он уникален. К охотничьему инвентарю относятся заостренные кости медведя и кремневые листовидные ножи. Рассмотрев орудия охоты, А. П. Окладников пришел к выводу о второстепенном значении охотничьего промысла в жизни глазковцев. Главным занятием у них, видимо, было рыболовство.

В глазковских погребениях встречены, кроме металлических, составные костяные рыболовные крючки, представленные несколькими типами. Нередко в качестве острия крючка использовался клык кабарги. К особому типу относятся составные крючки, у которых каменный или реже костяной стержень был боченковидной формы с желобками или валиками на концах и продольной капавкой для крепления острия (рис. 128, 27, 31). Иногда в могилах находят только острия или стержни, что, вероятно, объясняется употреблением деревянных частей.

Помимо рыболовных крючков, в ряде захоронений найдены большие крючья из кости и рога, имеющие зарубки для привязывания. Они могли служить для багрения и других целей. О сетевом рыболовстве говорят найденные в глазковских слоях Улан-Хады гальки с выбоинами на концах, служившие грузилами. Возможно, встреченные здесь необработанные гальки тоже имели отношение к сетевому рыболовству: они предназначались для грузил-кибасов, которые, судя по этнографическим материалам, представляли собой завернутые в бересту камни.

В VII и VIII слоях Улан-Хады зафиксированы большие скопления костного тлена, принадлежащего мелким сиговым. В VII слое найдены кости и крупных рыб: сибирского осетра, сига (омуля?) и окуня. Окунь был длиной до 30 см, сиг (омуль?) — около 40 см (определение В. И. Цалкина). В VIII, VII и

IV слоях Улан-Хады встречены фрагменты скульптурок из слюдястого сланца, изображавшие плоскобрюхих рыб — бычка или налима. Костяная фигурка рыбки найдена в погребении 22 Верхолепского могильника. Имеются и другие изображения рыб глазковского времени (рис. 129, 23, 26). Не исключено, что эти фигурки или часть их употреблялись как приманки при ловле хищных рыб. При таком лове могли применяться костяные гарпуны и остроги, представленные в погребениях и на поселениях несколькими типами (рис. 128, 1—6). Гарпуны несомненно использовались и для охоты на нерпу, являющуюся одним из основных объектов промысла обитателей байкальских берегов. Кости нерпы часто встречаются в культурном слое глазковского времени байкальских стоянок.

А. П. Окладников предполагает, что глазковцы изготовляли берестяные лодки. О том, что лодка была основным средством передвижения, косвенно свидетельствуют ладьевидные сооружения из камня над могилами. Главным признаком перехода от долбленых лодок к берестяным является, по А. П. Окладникову, изменение состава рубящих шлифованных орудий. Среди изделий глазковской культуры отсутствуют крупные каменные тесла. Их заменяют симметричные острообушные топоры, овальные в поперечном сечении (рис. 127, 26). Иные типы топоров и тесел встречаются редко. Распространяются клиновидные костяные орудия, служившие, вероятно, для добытия бересты.

В глазковском каменном инвентаре наличествуют также асимметрично-овальные и треугольные кремневые ножи, а также симметрично-миндалевидной формы (рис. 126, 40—44; 127, 1—3). Среди типологически разнообразных скребков выделяются круглые экземпляры (рис. 126, 8; 127, 15). Высокого совершенства достигла обработка кремневых вкладышей для составных ножей и кинжалов (рис. 126, 1, 2). Остались в употреблении каменные проколки (рис. 127, 23), шлифованные ножички (рис. 127, 6), выпрямители древков стрел (рис. 127, 18, 19) и др. Продолжали, но в гораздо меньшей степени, чем в неолите, использоваться пожевидные пластинки, сколотые с призматических нуклеусов.

Из кости и рога изготовлялись ложки (рис. 129, 30, 31), шилья, отжимники для расщепления кремня, иглы. Кроме игольников из трубчатых костей птиц, появился новый тип — из трубчатых конусовидно-обрезанных костей хищных животных. Игольники богато орнаментировались резными линиями (рис. 129, 24, 25).

Глазковцы, как и их неолитические предки, продолжали использовать в своем туалете пластинки из резцов марала и кабана, подвески из клыков тех же животных, реже — из резцов лося. Однако в целом набор украшений претерпел существенные изменения и не только в связи с появлением бронзовых вещей, а главным образом благодаря вошедшим в широкий обиход и ставшим характерным отличительным признаком глазковской культуры шлифованным нефритовым кольцам и дискам (рис. 129, 11, 12, 17). Эти украшения делались только из нефрита беловатых оттенков, в отличие от орудий, для которых в основном употреблялся нефрит зеленого цвета. Примечательно, что многие кольца и диски вырезаны

станковым способом, вероятно, при помощи кремневых резцов нуклевидных форм. Известны кольца из перламутра. В погребениях кольца и диски располагаются у головы покойника или на груди; трактовка их как солярных символов представляется достоверной. Часто встречаются заменяющие нефритовые изделия шлифованные кружки из мраморовидной породы. К глазковской культуре, видимо, относятся и прямоугольные подвески из нефрита.

Особенно часты в глазковских могилах перламутровые дисковидные бусинки, вырезанные из раковин (рис. 129, 19). Выделяются два типа: массивные небольшого диаметра, использовавшиеся как низки для браслетов и для нашивания на одежду, и более крупные и тонкие, пришивавшиеся на одежду наподобие чешуйчатого покрытия. Возможность использования металлических сверл привела к появлению бус цилиндрических форм, сделанных из пиррофиллита или агальматолита (рис. 129, 18). Иногда их ошибочно называют пастовыми.

Основываясь на расположении украшений на костях скелетов, А. П. Окладников реконструировал одежду глазковцев. Самой характерной деталью ее был передник или нагрудник, расшитый бусами из перламутра и украшенный нефритовыми кольцами. Бусы и каменные кружки, найденные у запястий, входили в состав браслетов или обрамляли манжеты рукавов. В погребении 1 пади Глубокая найден браслет, составленный из мраморных пластинок. Бусы, мраморные кружки, подвески из клыков марала, встреченные у колен и стоп, вероятно, нашивались на обувь типа унт. Украшался и головной убор. В целом одежда глазковцев реконструируется наподобие одежды тунгусов (эвенков, эвенов) и юкагиров.

Для понимания верований глазковского населения особое значение имеют находимые в погребениях антропоморфные изображения из рога и мамонтовой кости. В погребениях 4 и 6 могильника Усть-Уда и в могиле 4 Семеновского могильника оказались по две плоских, сделанных из бивня мамонта фигурки, по-видимому, изображавшие мужчину и женщину. Они имеют отверстия для пришивания, а расположение фигур рядом на груди и в области живота погребенных позволяет предполагать, что они были прикреплены к одежде (нагруднику?) В погребении 26 Верхолепского могильника у плеча взрослого, захороненного совместно с ребенком, найдено парное антропоморфное изображение, вырезанное из тонкой пластинки оленьего рога. Парные изображения известны пока в захоронениях с вытянутыми костяками. Единичные антропоморфные фигурки, стилистически близкие парным, происходят и из вытянутых погребений. Они найдены в могилах 2 и 5 Усть-Уды, I могильника Братский Камень (рис. 129, 1—3), I могильника Новый Качуг. В погребениях 2 Усть-Илги и 9 Усть-Уды были только костяные изображения человеческих голов (рис. 129, 2) — возможно, части фигур, сделанных из других, менее долговечных материалов. Примечательно, что антропоморфные изображения в ряде случаев сопровождалась предметами, которым можно приписать сакральные значения. Так, в погребении 9 Усть-Уды была костяная скульптура лягушки, а в погребении 5 этого же могильника — скульптурная головка лося и коренной зуб ископаемого носорога. Вероятно, антропоморфные

изображения, стилистически близкие по своему исполнению «шайтанам» эвенков и нганасан, несли в себе и близкую «шайтанам» семантическую нагрузку. Скорей всего, эти могилы принадлежали служителям культа.

По определению Г. Ф. Дебеца, погребение 4 Усть-Уды содержало скелет женщины. В погребении 1 Братского Камня захоронен ребенок. Инвентарь остальных погребений с антропоморфными изображениями позволяет выделить и мужские, и женские захоронения. Отсюда можно предполагать, что служителями культа могли быть люди обоих полов и что избранниками становились с раннего возраста. Вполне возможно также, что антропоморфные «шайтаны» могли принадлежать и рядовым членам общества, как это наблюдалось у современных народов Сибири.

Погребальный обряд и сопровождающий умерших инвентарь позволяют судить о некоторых сторонах религиозных представлений глазковцев. Ладьеобразные надмогильные каменные кладки, ориентировка покойника по течению реки говорят о том, что «страна мертвых» была на севере и попасть туда можно было лишь речным путем. Набор погребального инвентаря соответствует половозрастному разделению труда, которое сохраняется и в загробном мире. Намеренные поломки орудий (наконечников стрел, топоров), положенных с покойником, видимо, связаны не столько со страхом перед умершими, сколько с необходимостью «умерщвления» орудий, отправленных в «страну мертвых».

Похоже, что в социальной жизни глазковцев преобладали элементы патриархального уклада. Это отражено в наличии немногочисленных парных одномогильных захоронений, в которых лежали мужчины с женами-наложницами, и парных «соседских» погребений, где мужчина и женщина лежали в расположенных рядом отдельных могилах, объединенных иногда единой каменной кладкой. Могилы соседского типа, вероятно, принадлежали супругам, умершим в разное время. Появление соседских могил, в которых погребались супруги и их дети, свидетельствует, видимо, о замене родовых могильников семейными. Существование в глазковской культуре одномогильных захоронений двух мужчин А. П. Окладников объясняет появлением рабов-военнопленных. Последним могли принадлежать и безинвентарные погребения, встречаемые в глазковских могильниках наряду с «богатыми» могилами. В соседском погребении 1 Верхней Бурети в одной из могил были похоронены убитые стрелами женщина около 40 лет и ребенок в возрасте до одного года, а в другой — мужчина 40 с лишним лет. Убийство женщины и ребенка определяется как ритуальное, совершенное при погребении господина-мужа.

Для глазковской культуры известен ряд погребений мужчин, скончавшихся от боевых ран стрелами. В могиле 3 Нижней Бурети и в погребениях 17 и 28 Верхоленьского могильника в костях скелетов найдены застрявшие стрелы. В двойном захоронении молодого человека и подростка у с. Усть-Илга на р. Лене первый костяк был перекрыт обломками не менее четырех десятков костяных пластин прямоугольной формы размерами 24×4×0,5 см. Вероятно, они являлись частями боевых защитных приспособлений.

С умершим был положен большой нефритовый топор, служивший, возможно, боевым оружием. Не исключено, что многие глазковские топоры использовались как томагавки.

Есть основания предполагать, что в особенностях вооружения и погребального обряда отразились кровавые столкновения, участвовавшие во второй половине II тыс. до н. э. в связи с начавшимся разложением первобытнообщинных отношений, появлением рабов и рабынь, а также с увеличением численности населения на юге Восточной Сибири и перемещениями этнических групп из степных и лесостепных районов в более северные районы, что было обусловлено усыханием климата. Население степей должно было в условиях прогрессирующей аридизации климата искать пути к выживанию. Одним из таких путей были миграции степняков на север, что влекло за собой проникновение на север ряда достижений южных культур.

Период ранней бронзы в Забайкалье. Изучение бронзового века Забайкалья началось еще в дореволюционный период, но до недавнего времени объектом исследования являлись в основном плиточные могилы и случайные находки бронзовых изделий карасукского облика. Знакомство с периодом ранней бронзы началось по существу лишь с раскопок Фофановского могильника на р. Селенге (Окладников, 1928, 1950а; Герасимов, 1941). Материалы этого памятника позволили А. П. Окладникову выделить два типа погребальных комплексов, характеризующих ранний и поздний периоды эпохи бронзы. К раннему были отнесены погребения с типично глазковским инвентарем, к позднему — погребения с бронзовыми орудиями, напоминающими карасукские изделия Южной Сибири, и с керамикой, покрытой «вафельными» отпечатками. Дальнейшие археологические исследования привели к появлению ряда публикаций с обобщающей характеристикой эпохи бронзы по материалам памятников Западного и Восточного Забайкалья (Гришин, 1975, 1981; Ивашина, 1979; Кириллов, 1979, 1981; Кириллов, Рижский, 1973; Окладников, Кириллов, 1980).

Л. Г. Ивашина отнесла памятники эпохи ранней бронзы Западного Забайкалья к особому фофановскому этапу, названному по Фофановскому могильнику, где выявлена большая группа погребений с инвентарем глазковского типа. К фофановскому этапу здесь были отнесены также стоянка Харга I в районе Еравинских озер и погребение 8 могильника Бухусан, где найден скелет, лежавший под каменной кладкой, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентированный ногами на запад с небольшим отклонением к северу. Череп отсутствовал, на его месте находился крупный каменный скребок. Правая рука сжимала бронзовый двулезвийный, слегка изогнутый нож, имевший, видимо, деревянную рукоятку. Кроме того, в могиле найдены каменный наконечник стрелы с вогнутым основанием, заготовки костяных орудий, клык кабарги и несколько отщепов. Со стоянки Харга I, относящейся в основном к неолиту, происходят обломки бронзовой трубки-пронизки. Исходя из глазковских аналогий, Л. Г. Ивашина датировала фофановский этап II тыс. до н. э. (1976).

Посуда, аналогичная глазковской, найдена еще на ряде забайкальских стоянок: в низовьях р. Селенги и

на восточном побережье Байкала. Эта керамика, как и инвентарь местных погребений, по своему облику вполне глазковская. Однако А. П. Окладников обратил внимание на одну особенность фофановских погребений, заключающуюся в том, что абсолютное большинство умерших, в отличие от глазковских покойников Прибайкалья, было похоронено с подогнутыми ногами. Другой отличительной чертой фофановских погребений является присутствие в них намеренно испорченных нефритовых топоров. Отмеченные особенности носят не культурный, а локальный характер, что позволяет относить фофановские комплексы к одному из вариантов глазковской культуры.

По Л. Г. Ивашиной, фофановские памятники Восточного Забайкалья близки и синхронны финальным доронинским, на которых уже есть свидетельства знакомства с металлом. Комплексы доронинского типа были выделены как заключительный этап «забайкальской» неолитической культуры в результате работ читинских археологов (Кириллов, 1969; Кириллов, Рижский, 1973). Однако в последние годы в Юго-Восточном Забайкалье открыта ононская неолитическая культура, внутри которой намечены три этапа: чиндантский, будуланский и амоголонский (Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов, 1981). На амоголонском этапе появляются керамика (вафельная, со слегка залощенной поверхностью, с накладными рассеянными валиками и др.) и каменные орудия, типичные для периода ранней бронзы, хотя металл и следы его обработки не обнаружены. Памятники ранней бронзы, характеризующиеся металлическими изделиями, датируются И. И. Кирилловым XVII—XIII вв. до н. э., а для периода поздней бронзы, синхронизируемого с карасукской культурой, он выделяет особую дворцовую культуру.

Ю. С. Гришин (1981) предложил несколько иную периодизацию бронзового века Восточного Забайкалья. Он считает, что местное население познакомилось с изделиями из меди в конце будуланского этапа, примерно в XVIII—XVI вв. до н. э. К следующему, доронинскому этапу (XV—IX вв. до н. э.) он отнес памятники с признаками широкого вхождения в обиход металлических изделий, уже определенно являющихся продуктом местного производства. В это время происходит становление особенностей погребального обряда и появление ряда черт, свойственных культуре плиточных могил, расцвет которой соответствует тапхарскому этапу (VIII—VI вв. до н. э.), отмеченному использованием первых железных изделий.

В своих последних работах И. И. Кириллов, дав название «доронинская» одной из выделенных им неолитических культур Восточного Забайкалья, отказался от наименования «доронинский этап». Он отнес памятники этого этапа к глазковскому времени, т. е. к периоду ранней бронзы. При разных наименованиях этапов и некоторых различиях в интерпретации их отдельных признаков и Ю. С. Гришин, и И. И. Кириллов рассматривают становление бронзового века Восточного Забайкалья как итог развития местных культур, при влиянии соседних: с юга — культур Монголии, с запада — глазковской, с севера — ымыяхтахской. Именно с последней они связывают появление вафельной керамики.

Время проникновения вафельной керамики в Забайкалье исследователи определяют по-разному. А. П. Окладников (1955, с. 198—200) отнес ее к шиверскому времени и сопоставил с глиняной посудой Маньчжурии. Ю. С. Гришин также допускал возможность появления вафельной посуды в Восточном Забайкалье в позднеглазковский период. Исходя из того, что она была широко распространена в неолитическую эпоху на Дальнем Востоке и в Якутии, Ю. С. Гришин склонялся к мнению о проникновении ее в Забайкалье из этих областей и наибольшем ее распространении здесь в карасукско-шиверское время. Вафельную керамику Шевынской стоянки он датировал второй половиной II тыс. до н. э. И. И. Кириллов в отличие от Ю. С. Гришина видел в ней один из основных признаков доронинского этапа, синхронного глазковскому (Кириллов, Рижский, 1973). В связи с ранними датами вафельной керамики ымыяхтахской культуры в Якутии в своих последних работах А. П. Окладников и И. И. Кириллов (1980), Ю. С. Гришин (1981) отнесли время ее появления в Забайкалье к позднему неолиту.

Основным памятником, характеризующим раннебронзовый период Восточного Забайкалья и давшим название этапу, является стоянка Доронинская 4 на р. Ингоде. При раскопках обнаружены очаги, выложенные небольшими камнями, хозяйственные ямы, глиняная посуда и другие изделия. Слабая насыщенность культурного слоя находками говорит о кратковременности поселения. Доронинская керамика изготовлялась при помощи выколачивания, в результате чего на поверхности оставались вафельные отпечатки. Выделяются две формы сосудов: невысокие с широким шаровидным дном и высокие с суженной горловиной, расширяющимся туловом и слегка уплощенным дном. Орнаментация ограничивалась косыми насечками по утолщенному краю венчика, поясками из небольших сквозных отверстий и изредка наколами отступающей лопаточки в различных комбинациях.

Бросается в глаза упадок каменной индустрии. Используется плохое сырье, сокращается ассортимент орудий, хотя многие из них по-прежнему отличаются хорошей выделкой. Почти полностью исчезают нуклеусы призматических и конических форм, а сколотые с них призматические пластинки становятся редкостью. Как правило, они использовались для изготовления вкладышей. В качестве ядрищ употреблялись небольшие желваки кремня и речные гальки, с которых сбивались пластинчатые сколы и отщепы. Из них делалось большинство орудий. Наиболее многочисленны скребки, заготовками для которых служили пластинчатые отщепы. Путем краевой ретуши изготовлялись скребки подпрямоугольных и округлых очертаний. Встречаются небольшие удлиненные скребки с ретушью на одном конце. Наконечники стрел также невелики по размерам. Преобладают треугольные наконечники с прямым или выемчатым основанием. Ножи имеют двустороннюю ретушь; их отличают треугольная форма и плохая выделка режущих краев. На стоянке Доронинская 4 выявлена интересная группа комбинированных орудий: один конец их оформлен в виде выпуклого края скребка, другой — в виде сверла или проколки.

Орудия доронинских стоянок свидетельствуют о большой роли охоты. Ссылаясь на обнаруженные в доронинских комплексах каменные песты, куранты, мотыги и лемехоподобные орудия, некоторые исследователи склоняются к выводу о знакомстве населения доронинского этапа с земледелием. А. П. Окладников, основываясь на находках каменных лемехоподобных орудий, высказал предположение, что в некоторых районах Забайкалья, так же как в Северной Корее и Монголии, уже в неолитическое время существовало не только мотыжное земледелие, но и обработка земли плугом с использованием тягловых домашних животных (Окладников, 1962). И. И. Кириллов относил существование развитого земледелия в забайкальских степях к доронинскому этапу, считая, однако, что прогрессирующая аридизация климата не дала земледелию перерасти в основную отрасль хозяйства и способствовала выдвиганию на первый план в конце доронинского этапа кочевого скотоводства (Кириллов, Рижский, 1973). Однако до тех пор, пока предположения о появлении земледелия у забайкальского населения будут основываться на материалах смешанных памятников, наиболее правомочным представляется мнение Ю. С. Гришина, что о земледелии здесь судить пока трудно (Гришин, 1975, с. 95). Присутствие терок и пестов на стоянках Забайкалья Ю. С. Гришин объясняет значительной ролью собирательства в хозяйстве населения глазковского времени. Более определенно, считает он, можно говорить о существовании скотоводства. Но в этой связи необходимо напомнить, что за исключением могилы 20 Фофановского могильника, где найден скелет овцы, других остеологических остатков домашних животных в комплексах глазковского и доронинского облика не обнаружено.

В 1952—1954 гг. А. П. Окладников исследовал пещеру на левом берегу Шилки близ с. Шилкинский Завод, где выделил комплекс глазковского времени (Окладников, 1960а). К нему относятся кольца из зеленовато-белого нефрита, игловидные костяные наконечники стрел с расщепленным основанием, каменные треугольные наконечники, два многозубчатых костяных гарпуна с крыловидными выступами для привязывания линя, длинный костяной стержень составного рыболовного крючка с отверстиями для острия и для крепления лески на концах. С этими предметами увязываются найденные здесь фрагменты четырех тонкостенных сосудов. У трех из них внешняя поверхность покрыта отгисками грубой ткани и линиями, выполненными отступающей палочкой; наносились также узоры в виде рядов отгисков торца палочки. Четвертый сосуд, на котором хорошо видны следы выгоревшей шерстяной примеси, украшен выдавленными изнутри бугорками («жемчужинами»). Встречены фрагменты вафельной керамики с крупными квадратными ячейками и черепки с отпечатками тонких хорошо скрученных нитей, которыми была перекрестно обмотана лопатка для выбивания горшка.

Описанная посуда интересна сочетанием признаков, характерных для разных культур. Так, орнаментация линиями отступающей палочки и «жемчужинами» обычна для глазковской керамики, а примесь шерсти и вафельные отпечатки считаются типичными для глиняных сосудов ымыяхтахской культуры Яку-

тии. А. П. Окладников и И. И. Кириллов предполагают, что керамика с отпечатками ткани заимствована населением Восточного Забайкалья от западных или северо-западных соседей еще в развитом неолите и продолжала изготавливаться здесь даже в раннем бронзовом веке. Действительно, в Эвенкии на поселении Тура I такая керамика залегала в неолитических слоях. В Улан-Хаде же черепки с тканевыми отпечатками зафиксированы во втором слое вместе с образцами керамики, которую в последнее время стало принято считать типично глазковской. Что касается образца из Шилкинской пещеры, сделанного при помощи выбивания лопатки, обмотанной шнуром, то такой способ изготовления глиняной посуды, по видимому, продержался в Восточном Забайкалье с раннего неолита до появления железных орудий.

Стоянки с каменными и керамическими изделиями, подобными шилкинским, обнаружены по берегам р. Ингоды (Кириллов, 1970). Шилкинская пещера находится в таежной части Забайкалья. Ю. С. Гришин расширяет круг близких ей памятников за счет привлечения материалов Будуланской стоянки, расположенной в степном районе на р. Онон, и стоянки Шевьинской на левобережье р. Шилки в Чернышевском районе Читинской обл. (Гришин, 1965; 1975). На Шевьинской стоянке в значительной мере представлена и вафельная керамика. Вопросы генезиса и распространения вафельной посуды в Забайкалье могут быть решены лишь с учетом ее развития на территории Сибири в целом, особенно в пределах ымыяхтахской культуры.

Ымыяхтахская культура. Выделена Ю. А. Мочановым на материалах главным образом многослойных поселений Якутии: Белькачи I (III слой) и Сумнагин I (VI—VIII слои) на р. Алдан (Мочанов, 1967, 1969; Федосеева, 1980). Свое название она получила от стоянки, исследованной А. П. Окладниковым на Средней Лене. Основной территорией ымыяхтахской культуры является бассейн Лены, но ее памятники известны также на Охотском побережье, в Таймырском Заполярье и Эвенкии (карта 39). Находки, вызывающие ымыяхтахские ассоциации, к числу которых относится в первую очередь вафельная керамика, встречены на севере Байкала и, как уже указывалось, в Забайкалье.

Вафельная посуда под названием «ложнотекстильная» или «шахматная» стала известна на территории Якутии благодаря работам А. П. Окладникова, отнесшего ее к бронзовому веку или к самому концу неолита (Окладников, 1946, с. 36; 1955, с. 94—96). Эпохой бронзы, приблизительно рубежом II и I тыс. до н. э., была датирована одна из самых северных стоянок с вафельной посудой — на р. Буолкалах (Глушинский, Хлобыстин, 1966). Открытие в 1967 г. на Таймыре ымыяхтахской бронзолитейной мастерской Абылаах I, радиоуглеродная дата которой XII в. до н. э., а затем стоянки Бурулгино на р. Индигирке с датой 2950±50 л. н. (ЛЕ-1002) подтвердило принадлежность заполярных ымыяхтахских памятников эпохе бронзы. Ю. А. Мочанов отнес ымыяхтахскую культуру к позднему неолиту. Появление изделий из металла в ымыяхтахских комплексах, sporadически попадавших на территорию Якутии из Прибайкалья, по мнению Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой, не меняло ее поздненеолитической сути; лишь в

конце существования ымыяхтахских памятников могла зародиться собственная металлургия (Федосеева, 1970).

Для памятников ымыяхтахской культуры получена серия радиоуглеродных дат, из которых большинство укладывается в хронологический диапазон от 3310 ± 130 до 2950 ± 50 лет назад, т. е. от XV до X в. до н. э. Имеются даты, удревняющие начало ымыяхтахской культуры до начала II тыс. до н. э. Так, для слоя VIII стоянки Сумнагин I, помимо даты 3310 ± 130 л. н. (JE-874), есть еще одна: 3900 ± 50 л. н. (JE-858). Другая ранняя дата (3800 ± 400 л. н., JE-1025) установлена для могильника Чучур-Муран. Получены даты для стоянки Таланда 2 на р. Мархе (3960 ± 40 ; 3940 ± 60 ; 3980 ± 40 ; 4020 ± 50 л. н.) и стоянки Сиктях на Нижней Лене (4020 ± 50 л. н.). Последняя дата, относящая Сиктях к рубежу III и II тыс. до н. э., находится в противоречии с остатками бронзолитейного производства в ымыяхтахском слое этой стоянки (Окладников, 1946). Тем не менее в целом приведенные данные позволяют считать, что ымыяхтахская культура существовала на протяжении всего II тыс. до н. э.

Ымыяхтахские сосуды представлены шаровидной, митровидной и параболической формами, а также круглодонными мисками (рис. 130). К глине примешивалась шерсть животных — северного оленя, песца или собаки. Лепка велась путем наращивания кусков глины, уплотняемых выбиванием при помощи колотушки, причем на утоньшенные места нередко накладывались новые куски глины, что придавало стенкам сосудов характерную слоистость. Колотушки, скорее всего деревянные, имели тонкие перпендикулярно расположенные нарезки, в результате чего на поверхности посуды оставались отпечатки в виде маленьких квадратных ямок. Получаемый при выбивании узор напоминает поверхность вафли, поэтому такая керамика получила наименование вафельной. Иногда ымыяхтахские сосуды, особенно подсохшие, уплотнялись колотушкой до такой степени, что резьба почти не отпечатывалась на глине и поверхность сосудов получалась гладкой. Порой на колотушке делались нарезки только в одном направлении, и при ее использовании на стенках горшков образовывались рубчатые отпечатки. По-видимому, последний способ выбивки получил распространение на позднем этапе ымыяхтахской культуры. Венчик обычно имел прямой срез, под ним шел поясок ямок. На некоторых сосудах наносился резной орнамент из вертикальных или наклонных и образующих косые кресты либо зигзаги линий.

Каменный инвентарь ымыяхтахской культуры весьма разнообразен, причем техника его изготовления очень высока (рис. 131, 1—42; 132, 1—24 и др.). Большинство орудий сделаны из отщепов и сколов, но употреблялись и ножевидные пластины. Последние скальвались с плоскоспинных, призматических и конических нуклеусов. Из пластинок и их сечений еще изготавливались, но уже стали редкими, угловые, срединные и боковые резцы — путем ретуширования одного края. Пластины шли также на вкладыши для составных орудий, использовались как ножи и краевые скребки, нередко без дополнительной обработки ретушью. Маленькие сработанные нуклеусы иногда употреблялись в качестве многофасеточных резцов

и сверл, для чего их концы приострялись несколькими резцовыми сколами. Подобным же образом эти орудия делались из специальных заготовок, нередко имеющих трехгранную форму.

Из отщепов и сколов изготавливались скребки — наиболее многочисленная категория каменных орудий. Преобладающий тип — треугольный, с пристранным для крепления в рукояти основанием. Нередки скребки трапециевидной, иногда округлой формы. Рабочий край чаще всего выпуклый, но бывает и прямой. Многие скребки обработаны аккуратной ретушью, покрывавшей не только верхнюю часть орудий, но и низ обушка, вставлявшегося в рукоятку, а также нередко и всю поверхность скребка.

Режущими инструментами были обработанные двусторонней ретушью треугольные, с одним выпуклым рабочим краем ножи и ножи-вкладыши. Последние предназначались для составных орудий и делались в виде узких и широких прямоугольников. В таких орудиях один конец начального вкладыша скруглялся. Проколки-провертки представлены двумя типами: игловидными с треугольным или ромбическим основанием и в виде острий с плечиками.

Наконечники дротиков и копий имели листовидную и листовидно-черешковую форму. Наконечники стрел типологически более многообразны. Часто встречаются треугольные вытянутых пропорций, редко треугольно-черешковые. У листовидных с округлым или пристранным основанием и у некоторых других наконечников острие иногда выделялось в виде жальца.

Особенно характерны для ымыяхтахской культуры листовидные наконечники треугольного либо подромбического сечений, называемые напильниковидными. Другая специфическая форма наконечника стрелы — треугольная с плечиковым уступом и вогнутым основанием. Наконечники стрел обрабатывались особо тщательно — обычно тонкой косоуструйной ретушью.

На поселениях ымыяхтахской культуры встречаются небольшие шлифованные прямоугольные и трапециевидные тесла и долота из кремнистого сланца, а в южных районах Якутии — из зеленого нефрита. Из сланца делали маленькие удлиненно-треугольные стамески с шестигранным поперечным сечением. Для шлифовки и пиления каменных и костяных изделий употребляли сделанные из песчаника плитчатые пилки и абразивные бруски. На последних имеются желобки для шлифовки и заточки костяных игловок и стержней. Встречаются абразивы из сланцевых пород, предназначавшиеся для заточки металлических орудий.

Интересны костяные держатели для составных наконечников копий и ножей. Они имеют по одному или двум краям узкие пазы для вставки каменных вкладышей. Из костей животных изготавливались иглы, шилья, ретушеры для обработки каменных изделий. Специфическим типом орудий являются костяные веретенообразные наконечники стрел. На стоянке Абылаах I найден срез рога северного оленя с отроском, использовавшийся как колотушка. Для ымыяхтахских комплексов Якутии достаточно характерны диабазовые и кварцитовые гальки с боковыми выбоинами; они служили грузилами для рыболовных сетей. Встречены гальки, сбитые на концах, употребляв-

шиеся как отбойники при расщеплении каменных пород.

К украшениям можно отнести шлифованные тонкие плоские кольца. В Якутии их делали из белого нефрита, на Таймыре найдено кольцо из сланца. Следы бронзолитейного производства отмечены на шести ымыяхтахских памятниках; четыре из них расположены в Таймырском Заполярье. При раскопках стоянки Абылаах I (верхний слой) обнаружена бронзолитейная мастерская. Бронза плавилась на двух кострищах, в которых встречены куски спекшегося керамического шлака, капли бронзы, фрагменты льячек. Около кострищ вместе с ымыяхтахской вафельной керамикой и каменными орудиями лежали обломки двух льячек (рис. 132, 41, 42) и глиняные матрицы для отливки кельта, близкого по облику турбинско-сейминским типам; фрагмент втулки кельта (рис. 132, 31), литейная форма из песчаника с вырезанной на ней матрицей в виде антропоморфной фигурки (рис. 132, 30). Радиоуглеродный анализ угля из кострища определил время существования мастерской 3100 ± 60 лет назад (JE-790).

Сосредоточение памятников со следами бронзолитейного производства в северной части ымыяхтахского ареала, преимущественно в Таймырском Заполярье, скорее всего объясняется наличием здесь месторождений меди. Спектральный анализ показал, что абылаахский кельт отлит из бронзы, состоявшей на 92% из меди и на 7% из олова. Подобное содержание элементов установлено и для капель, оставшихся от литья. Возможным районом, из которого олово поступало, является бассейн р. Индигирки, где есть месторождения касситерита. Примечательно, что стоянка Старый Сиктях, где обнаружены следы плавки бронзы, расположена на Нижней Лене, на полпути между Индигиркой и Таймыром.

Вероятней всего ымыяхтахское население переняло навыки плавки и литья от глазковцев. По-видимому, первоначальный импульс бронзовой металлургии проник в Таймырское и Якутское Заполярье с юга Восточной Сибири через Эвенкию и западные районы Якутии, минуя Восточную Якутию. Вместе с глазковской культурой ымыяхтахская входила в ареал бытования бронзовых изделий турбинско-сейминского типа, но на рубеже II и I тыс. до н. э. ымыяхтахцы могли познакомиться с карасукскими изделиями.

Состав ымыяхтахских орудий свидетельствует об охотничье-рыболовческом хозяйстве. Поселения располагаются по берегам рек; в таежной зоне они приурочены к местам, удобным для рыболовства, в тундре и лесотундре — к пунктам, где дикие олени во время сезонных перекочевок переправлялись через реки, что облегчало их добычу и позволяло запастись мясом впрок. На заполярных стоянках найдены кости северных оленей. В таежной зоне основными объектами охоты были лось и, по-видимому, медведь и косуля. Часто встречаются кости рыб.

До сих пор не найдены жилищные котлованы. Возможно, ымыяхтахцы жили в чумах или строили конусообразные сооружения из жердей, покрытые дерном. В культурном слое часты кострища, причем, на Средней Лене в их конструкции использовались гальки.

Погребальные памятники ымыяхтахской культуры

немногочисленны. К ним относятся Чучур-Муранский могильник (Федосеева, 1980), а также захоронения, раскопанные А. П. Окладниковым на берегах Лены: у с. Покровского в устье р. Куллаты, у ручьев Букачан и Иччилях (Окладников, 1946, 1950а, 1955). В Чучур-Муранском могильнике исследовано шесть погребений, содержащих 18 скелетов, в том числе пяти детей. Умершие лежали в вытянутом положении на спине параллельно р. Лене, ногами вниз по течению. Захоронения совершались в неглубоких ямах. В трех случаях над ними прослежены кострища. Радиоуглеродный анализ угля показал 3800 ± 400 л. н. (JE-1025). Погребения были в основном коллективными: в трех могилах находилось по три костяка, в одном — два, а в двух расположенных рядом могилах, возможно, было совершено общее захоронение девяти человек, уложенных в один ряд. Умерших сопровождали разнообразные каменные и костяные изделия, характерные для ымыяхтахской культуры. Инвентарь, положенный со взрослыми, не дифференцируется по полу и возрасту, а из детских погребений лишь одно сопровождалось пятью наконечниками стрел и концевым скребком.

Погребения, исследованные А. П. Окладниковым у ручьев Букачан и Иччилях (рис. 133), совершены в неглубоких ямах способом труположения. Ориентация различная: головой на северо-восток (Букачан), на запад — северо-запад (Куллаты), на юго-запад (Покровское), на юг (Иччилях). В могилах всегда присутствуют угли, а в Покровском погребении, где умерший обложен сосновыми плашками, отмечено «сожжение в яме», причем кости кальцировались, а плашки обуглились. Вероятно, могильные ямы предварительно очищались огнем, и при этом могла загореться деревянная обкладка. Керамическая посуда отсутствует.

В Покровском погребении покойного сопровождали 6 целых и 3 фрагментарных кремневых наконечника стрел, костяной держатель в виде стержня с прорезями на суживающихся концах, соединявший кремневый наконечник с древком стрелы; 7 удлиненных наконечников стрел из кости и рога с расщепом для укрепления на древке; 8 наконечников, похожих на предыдущие, но с клиновидным насадом. Кроме того, в погребении были обуглившиеся деревянные наконечники и древки стрел, острия из кости и рога и вкладышевый двулезвийный наконечник копьяд в виде уплощенно-овального стержня с заострением на одном конце и с длинным расщепом на другом. Длина наконечника 30 см. Вдоль его ребер сделаны узкие глубокие пазы, в которые вставлены вкладыши из кремня, сплошь обработанные ретушью. Они имели прямоугольную форму, концевые — близкую к треугольнику. Костяная основа наконечника украшена с одной стороны резным орнаментом в виде продольной линии, от которой попеременно в обе стороны отходили наискосок расположенные нарезки. В описываемом погребении были также скребок трапециевидной формы, отщепы, заготовка вкладыша и плохо сохранившиеся изделия из кости. На груди умершего лежало медное или бронзовое четырехгранное шило с тупосрезанным насадом. Длина его 4 см.

В Букачане с погребенным положены девять треугольных наконечников стрел из кремня с прямыми или чуть вогнутым основанием, костяные держатели

для них, кремневый треугольный нож, двулезвийный наконечник копья из рога с глубокой вырезкой для насадки на древко, ножевидная пластинка, игольник из трубчатой кости с медной иглой, воткнутой в полосу замши, и с сухожильными нитями. Покойник был одет в одежду, шпитуемую сухожильными нитками из шкур мелких зверей, видимо белок. От нее остались куски, к одному из которых пришта медная круглая пластинка. Найдены еще четыре прямоугольные медные пластинки. Над покойником положены два тонких кинжаловидных орудия из метакарпальной кости лося и оленьего рога (последнее с резным орнаментом).

При впадении ручья Иччилях в Лену похоронены рядом два человека. Погребение разрушено. При одном костяке справа лежали 210 вырезанных из речных раковин бляшек-бусин, нашивавшихся на одежду, большой игольник из выдолбленного рога, украшенный резным орнаментом, а в нем две костяные иголки и халцедоновая ножевидная пластинка, медная пластинка, являвшаяся деталью одежды. На обоих погребенных лежали сделанные из рога прямоугольные пластины с отверстиями для пришивания и орнаментом из косых и вертикальных линий, напоминающим узоры на ымыяхтахской посуде.

Инвентарь охотника, погребенного у устья р. Кулаты, состоял из каменных треугольных наконечников стрел с костяными держателями, тупого и острого костяных наконечников стрел и украшенного резьбой костяного кинжала. Особенно примечательна стилизованная антропоморфная фигурка из массивной роговой пластины (рис. 133, I).

Характер описанных могильных комплексов говорит о том, что у носителей ымыяхтахской культуры, как и у глазковцев, существовали представления об уходе умерших (их души) вниз по реке, на север, где они продолжали вести жизнь, близкую земной. Характерной чертой похоронного обряда являлось употребление очистительного огня.

Н. Н. Диков (1979) выделил на Чукотке две культуры, близкие ымыяхтахской: северчукотскую и устьбельскую. Для северчукотской культуры, распространенной в прилегающих к Ледовитому океану тундрах, характерна гладкая, а также с вафельными отпечатками керамическая посуда, подобная ымыяхтахской. Во многом сходен и каменный инвентарь. Для стоянки этой культуры Чировое озеро получена дата 2800 ± 100 л. н. (ГИН). Н. Н. Диков, относя эти памятники к северчукотской культуре, рассматривает последнюю либо как самостоятельную, входящую вместе с нижнеленскими комплексами в одну культурную область, либо как локальный вариант особой нижнеленской культуры.

К устьбельской культуре отнесены памятники среднего течения р. Анадырь, содержащие фрагменты круглодонных сосудов со следами выбивки на внешней поверхности в виде отпечатков рубчатой лопаточки. Большинство каменных изделий аналогично ымыяхтахскому орудийному комплексу. Тем не менее здесь представлены не все типы ымыяхтахских изделий и в то же время присутствуют прямоугольные ступенчатые тесла, сходные с одноименными орудиями неолитической белькачинской культуры Якутии. В устьбельскую культуру включаются погребения курганов 8 и 9 Усть-Бельского могильника,

в которых найдены бронзовые резцы и шильца. Интересна находка в одном из погребений этого могильника поворотного гарпуна, вырезанного из моржового клыка, что доказывает наличие у населения, оставившего Усть-Бельский могильник, морского зверобойного промысла. Нижняя хронологическая граница существования устьбельских памятников определяется в 2860 ± 95 (РУЛ) и 2900 ± 95 (Крил-244) лет назад, а верхняя относится к середине I тыс. до н. э.

Для похоронного ритуала устьбельцев характерны труположения, а также частичное или полное креммирование умерших, присутствие в могилах охры. Выдержанной ориентации костяков нет. Изучение черепа из Усть-Бельского могильника показало смешение признаков, характерных для байкальского и арктического антропологических типов с преобладанием последнего (Гохман, 1961). Некоторые исследователи относят его к протоэскимосским образцам, наделенным нейтральными антропологическими чертами.

Ю. А. Мочанов (1967) и С. А. Федосеева (1980) не считают возможным выделять на Чукотке особые культуры, синхронные ымыяхтахской, и даже ее локальные варианты; они относят северчукотские и устьбельские памятники к ымыяхтахской культуре. Нам представляется, однако, что выделение локальных вариантов в пределах ымыяхтахской культуры, охватывающей несколько миллионов кв. км, является естественным результатом более детального изучения памятников этого крупнейшего культурного единства. В этой связи любопытно, что керамика с территории, прилегающей к побережью Ледовитого океана, отличается от керамических комплексов Алдана и других южных районов ымыяхтахской культуры отсутствием прочерченных орнаментов. Исключением является черепок со стоянки Кыларса 2 в Якутском Заполярье.

Малочисленность погребений в могильниках и недолговременный характер поселений дают основание предполагать, что ымыяхтахцы жили небольшими коллективами (не более 20—30 человек) и вели подвижный образ жизни. Их мобильностью следует объяснять широкое распространение культуры. Возможно, при продвижении на восток потомки ымыяхтахского населения проникли на Аляску, о чем свидетельствует появление там вафельной керамики. По лесотундровой зоне отдельные группы ымыяхтахцев просочились далеко на запад, до Скандинавии. Их путь отмечен немногочисленными находками вафельной керамики в инокультурных комплексах рубежа II и I тыс. до н. э. западносибирского Заполярья (стоянка Хадыга I на юге Ямала), Большеземельской тундры, Оленеостровского могильника на Кольском полуострове и ее гибридных дериватов в Финляндии и Норвегии.

В. Е. Ларичев (1964), Ю. С. Гришин (1975) и др. полагают, что появление вафельной посуды в Забайкалье связано с проникновениями из Якутии. Такое же объяснение вытекает из предположения Ю. А. Мочанова (1969) об автохтонном развитии вафельной керамики ымыяхтахской культуры на территории Якутии. Это подтверждается ее сходством с неолитической посудой белькачинской культуры. Однако прослеживается и забайкальская линия преемствен-

ности между вафельной керамикой доронинского типа и более ранней будуланской. Отсутствие сери точных радиоуглеродных дат не позволяет пока произвести сопоставление возрастов вафельной посуды Забайкалья и Якутии и тем самым решить вопрос их взаимосвязи и генезиса.

Существенное значение в разработке проблемы происхождения раннебронзовых культур Восточной Сибири имеет выявление здесь первоначального центра добычи и обработки металла. Ближайший район, где зафиксированы наиболее ранние металлические изделия, — Хакасско-Минусинская котловина. Афанасьевская культура, к которой эти вещи относятся, датируется III — началом II тыс. до н. э. К сожалению, ни афанасьевские, ни сменившие их окуневские комплексы не дают характерных металлических изделий, распространение которых или подражание могли бы служить свидетельством шедших из Южной Сибири культурных импульсов. Глазковскому металлическому инвентарю наиболее близки окуневские изделия: кованые из меди игольники, рыболовные крючки, ножи, иногда вставлявшиеся под углом в костяную рукоятку. В окуневских погребениях найдены и литые орудия — наконечник копья и топор. Окуневская культура датируется примерно XVIII—XV вв. до н. э. Вероятнее всего, Южная Сибирь первой половины II тыс. до н. э. явилась центром распространения опыта медно-бронзовой металлургии по всей Восточной Сибири. Успеху этого процесса, видимо, способствовало вытеснение из Минусинской котловины окуневского населения пришедшими с запада носителями андроновской культуры.

Население ымыяхтахской культуры восприняло навыки бронзолитейного производства из Прибайкалья. Сходство между кельтами Таймырского Заполярья и Прибайкалья дает основание именно эту часть юга Восточной Сибири принимать за центр, откуда через Эвенкию и, возможно, западные районы Якутии проник в Таймырское и Якутское Заполярье первоначальный импульс бронзовой металлургии. Восточная Якутия могла оказаться на время в стороне от пути распространения металлообработки, и обитавшие здесь носители ымыяхтахской культуры фактически оставались на уровне неолита, получая незначительное количество металла от соседей.

Памятники таежной части Среднего Енисея. Из этого таежного района, расположенного севернее Хакасско-Минусинской котловины, известны находки керамической посуды, украшенной оттисками «шагающей» гребенки. Этот орнамент проник на Енисей во второй половине III тыс. до н. э. из Западной Сибири, незадолго до появления здесь афанасьевской культуры, и затем вошел в афанасьевский и сменивший его окуневский орнаментальные комплексы.

На многослойном поселении Казачка (р. Кан) посуда, украшенная отпечатками гладкого «шагающего» штампа, залегала в IV культурном горизонте (Савельев и др., 1976), для которого получена дата 4580 ± 60 лет назад ($JE=1230$), видимо, определяющая начало существования здесь этого керамического комплекса. Посуду «казачинского» типа на основе корреляции ее залегания относительно образцов керамики западно-ангарского и других типов, а также исходя из черт близости ее глазковской посуде, мож-

но относить ко второй половине III тыс. до н. э. В керамический комплекс II слоя Казачки входят, кроме круглодонных, плоскодонные сосуды. Верхняя половина их или верхняя треть орнаментировалась в основном линиями «отступающей» лопаточки, образующими зигзаги и горизонтальные полосы, от которых иногда спускалась на тулово различного вида «бахрома». В одном случае орнамент слагался из вертикально размещенных зигзагов и линий. Кроме того, сосуды украшались пояском ямок или «жемчужин». Прослеживаются следы заглаживания и выколачивания. Керамика II слоя Казачки не имеет прямых аналогий, но общий облик сосудов позволяет относить их к середине и второй половине II тыс. до н. э.

Севернее, в районе Красноярска, известны сосуды круглодонных форм с орнаментом, нанесенным шагающим штампом, относящиеся, видимо, к началу II тыс. до н. э. Археологические комплексы последующих веков II тыс. до н. э., вплоть до распространения сюда элементов карасукской культуры, пока не выявлены. Возможно, к этому времени следует причислить образцы плоскодонной баночной керамики, украшенной гребенчатыми узорами и шагающим штампом и вызывающей явные западносибирские и даже уральские ассоциации. Находка на Усть-Собакинской стоянке литейной формы кельта сейминского типа доказывает местное изготовление таких орудий.

Бронзовый век лесной полосы Восточной Сибири, будучи обязан своим развитием влиянию южных культур II — начала I тыс. до н. э., не смог достичь сколько-нибудь высокого расцвета. Несмотря на существование у восточносибирских таежных групп собственного бронзолитейного производства, последнее не подавило изготовление орудий из других видов сырья и не определило в должной мере социально-экономический колорит эпохи. Это во многом объясняется отсутствием производящего хозяйства, которое могло бы высвободить для специализированного производства мастеров-бронзолитейщиков и создать необходимый по размерам рынок. Охотники и рыболовы восточносибирской тайги и тундры вынуждены были в основном довольствоваться получением готовых бронзовых изделий от южных соседей. Поэтому здесь нет возможности выделить развитый период бронзового века. Однако исторические процессы, обусловленные этническими передвижениями и контактами, позволяют наметить два периода в развитии восточносибирских культур бронзового века: ранний, в общем синхронный культурам турбинско-сейминской эпохи (XVI—XIII вв. до н. э.), и заключительный, совпадающий со временем распространения бронзовых изделий карасукского облика (XII—VII вв. до н. э.).

3. Заключительный период бронзового века Восточной Сибири

Шиверско-карасукское время на юге Восточной Сибири. В XIII—XII вв. до н. э. в степях и полупустынях между Алтаем и Хинганом складываются близкие по культуре объединения скотоводов. Их

принято относить к единой культурной общности — карасукской, поскольку в нее входила и наиболее изученная в настоящее время карасукская культура Южной Сибири. Карасукская культура была центром, откуда в таежные районы Восточной Сибири стали проникать и на их основе изготавливаться специфические по форме и орнаментации бронзовые изделия. Другой такой центр сложился в Южном Забайкалье. Правда, предметы карасукских форм известны здесь главным образом из случайных сборов, вне комплексов. Найдены они также в очень небольшом числе при раскопках ранних плиточных могил, расположенных в основном в степных местах Забайкалья.

Население, оставившее плиточные могилы, сыграло существенную роль в развитии культуры аборигенов Прибайкалья, Забайкалья и Якутии. Это влияние проявилось, в частности, в том, что в обиходе таежного восточносибирского населения оказались изделия, либо прямо полученные от степных скотоводов, либо сделанные по подобию южных образцов (рис. 134). Так, среди бронзовых изделий, поступивших в местные музеи из степного Прибайкалья, выделяются вещи карасукского облика, в том числе кинжал из Боханского аймака с шиповидным перекрестием и грибообразным навершием на выемчатом с двумя мостиковидными перемычками эфесе. В 1936 г. в с. Куда вместе с маленьким нефритовым топориком найден изогнутый бронзовый нож с кольцевым навершием; рукоять его украшена выпуклыми линиями поясков и зигзагов (рис. 134, 1). Похожий нож с навершием в виде кольцевого расширения происходит из окрестностей улуса Нуры на острове Ольхон. Небольшой нож с кольцевым навершием известен из сборов А. М. Станиловского 1905 г. в окрестностях пос. Байкальский. В 1963 г. Л. П. Хлобыстин нашел в долине р. Баргузип обломок ножа с двукольцевым навершием.

Примечательно, что все перечисленные вещи относятся не к ранней поре существования карасукской общности, а к ее поздней стадии — примерно к X—VIII вв. до н. э. Этим временем следует датировать знаменитый вилюйский меч, поднятый со дна оз. Сильгумджа в Якутии (рис. 134, 6). По форме он подобен карасукским выемчатоэфесовым кинжалам с грибовидным навершием, но отличается большим размером (длина его 72 см). Рукоять, как и у некоторых карасукских кинжалов, имеет орнамент, имитирующий обмотку. Меч отлит из бронзы с высоким содержанием олова и покрыт полудой. Выделяются своими размерами и якутские наконечники копий. Известно три экземпляра. Один найден при впадении в Алдан р. Ногоры, два других — в устье р. Мархи (рис. 134, 3, 4). Один из мархинских наконечников сломан, длина второго 61 см. Обращает на себя внимание большая длина втулок, почти равная длине пера. Втулки украшают углубленный орнамент: два линейных пояска и ряд треугольников. Наконечник с р. Ногоры изготовлен из мышьяковисто-оловянистой бронзы, мархинские отлиты из мышьяковистой бронзы, и имеют сходный химический состав: As — 4,5%, Sn — 0,01—0,06%, Pb — 0,12—0,19% (Лескова, Федосеева, 1975). У мархинских изделий литейные швы остались незаглаженными, что может служить свидетельством их местного производства.

На западном берегу Байкала в окрестностях пос. Байкальского найден кельт (рис. 134, 12), который своей вытянутой формой, выступающими между гранями ребрами-крыльями, овальной втулкой напоминает кельты самусьско-сейминского типа, особенно томско-нарымские образцы (Кижирово, Тенга). С последними его сближает расширяющийся раструб втулки, орнамент в виде горошин и выступы для привязывания, напоминающие ложные ушки. Близок он и находкам с бронзолитейной мастерской Абылаах I на востоке Таймыра. Указанные аналогии позволяют датировать байкальский кельт последними веками II тыс. до н. э., т. е. временем более ранним, чем кельты из с. Ладейское и погребения на Ладейском поле, типологически более близкие четырехгранным кельтам. С ладейскими сходен другой байкальский кельт, обнаруженный П. П. Хороших при раскопках стоянки Березовый Мыс близ пос. Листвинничного (рис. 134, 11); время его изготовления по-видимому, X—IX вв. до н. э.

Разрабатывая периодизацию древних культур Прибайкалья, А. П. Окладников наметил особую стадию в их развитии, следующую за глазковской; он датировал ее на основе карасукских аналогий около 1300—900 гг. до н. э. (Окладников, 1950а). Этот этап получил название «шиверский» по могильнику, исследованному на р. Ангаре около д. Шивера.

Среди захоронений Шиверского могильника выделяется погребение 5. Под большой кладкой из массивных плит песчаника и крупных речных валунов в могильной яме размером 2,1×1,5 м лежали один на другом два мужских скелета. Нижний костяк — в вытянутом положении на спине, верхний — в сильно скорченной позе на левом боку над ногами первого, причем голова его была на тазу нижележащего скелета. Оба покойника ориентированы головой на северо-северо-запад, вниз по течению реки. Тазовые кости верхнего костяка обожжены; при нем оказалось 15 бус из клыков изюбра. На груди нижнего лежал бронзовый стержень; с одной стороны он имел втулку, с другой был оформлен в виде головы фантастического существа с извивающимся языком (рис. 134, 10). А. П. Окладников отметил стилистическое сходство этого предмета с карасукскими художественными изделиями.

В остальных 11 погребениях Шиверского могильника оказались захоронения двух подростков, трех детей и семи взрослых, в том числе одно совместное погребение взрослого и ребенка. Все погребения, за исключением одного скорченного захоронения мужчины, были совершены вытянуто на спине; некоторые скелеты обожжены. Каменные кладки прослежены не над всеми могилами; над одним из захоронений (6) кладка из плит образовывала лодкообразную фигуру. Инвентарь погребений беден: небольшой митровидный сосуд (рис. 135, 34), игольник, игла, шилья, листовидные наконечники стрел из кости, треугольные наконечники из кремня, асимметричный каменный нож подтреугольных очертаний, бусы из клыков марала, украшения из клыков кабана, нефритовые кольца. Из приведенной характеристики видно, что шиверские погребения как по обряду, так и по инвентарю во многом близки глазковским. Но для шиверских захоронений в отличие от глазковских типично скорченное положение; кроме

того, отмечается бедность (или отсутствие) инвентаря, имеющего аналогии среди глазковских вещей. Скорченные захоронения, одиночные и расположенные небольшими группами, обнаружены почти по всему Приангарью — от верховьев до устья р. Коды, где было раскопано скорченное погребение женщины. При костяке находились большая костяная игла и две плоские антропоморфные фигурки из бивня мамонта. У одной из них на месте глаз вставлены пирофиллитовые бусинки. Обе фигурки лежали за спиной умершей, лицом вниз (Дроздов, 1974).

Шиверскими можно считать некоторые погребения Фофановского могильника. В 1948 г. здесь раскопано захоронение ребенка 4—5 лет, помещенного в сумку из бересты; последняя была густо окрашена кинварью. Ребенок завернут в собольи шкурки. При нем были бусы из атрофированных клыков марала, два миниатюрных топорика из изумрудно-зеленого нефрита и бронзовый кинжал. Последний имел плоский клинок со сплошной срединной жилкой и был лишен декоративных деталей, что позволило считать его наиболее архаичным среди карасукских кинжалов (Окладников, 1950а, с. 125; 1950в). А. П. Окладников сближает с рассмотренным погребением Фофановского могильника, содержавшие фрагменты плоскодонных сосудов типа открытых банок. Их внешняя поверхность покрыта вафельными отпечатками (Окладников, 1955, с. 198). Во время раскопок Фофановского могильника в 1959 г. (Герасимова, Черных, 1975) изучена группа могил, более поздних, чем глазковские. Ни надмогильных сооружений, ни контуров ям проследить не удалось. Умерших клали в могилу на спине с согнутыми ногами; отмечены случаи связывания рук и ног. Ориентировались они головой на восток, северо-восток и юго-восток. Погребальный инвентарь крайне беден. Найдены лишь обломки костяного кинжала с пазами, трубчатая кость, служившая, возможно, игольником. Скорей всего эти захоронения относятся к шиверскому времени. Судя по результатам антропологического исследования черепа мужчины, умершие были монголоидами.

Сопоставление шиверских погребений Прибайкалья с фофановскими Забайкалья демонстрирует их значительное несходство, возможно, свидетельствующее об этнических различиях. Вероятно, особой этнической группе принадлежали и погребения, где умерших помещали в сидячем положении. Они встречаются в верховьях Ангары (захоронения 14 в Пономарево, 3 в Ленковке, 2 в пади Частые, могильник Шумилиха в устье р. Белой), на Верхней Лене (могильник Обхой), в районе Мухорского залива на западном побережье Байкала (могильник Шидэ I, отдельные захоронения могильника Улярба). Умерших помещали в небольшие шахтообразные овальные в плане ямы сидя, в скорченной позе. Большая часть покойников обращена лицом вниз по течению реки. Над некоторыми могилами делалась выкладка из камней. В могильнике Шидэ I прослежены обкладка ям плитами и кольца из плит вокруг могил. В нескольких погребениях зафиксированы следы охры и ритуального огня. Найденные при сидячих захоронениях вещи сопровождали в основном только мужчин. Многие погребения, особенно детские, вообще не имели инвентаря. Набор вещей в общем подобен глазковскому: нефритовые топоры и

тесла с приостренным обушком, односторонние и двусторонние гарпуны, односторонние остроги, костяные наконечники стрел с уплощенным насадом, костяные игольники с иглами, подвески из клыков марала, нефритовые кольца и диски, ножи и вкладыши из кремня и нефрита, выпрямители древков стрел. Наконечники стрел — листовидные, треугольные и подтреугольные с выделенным черешком.

Для понимания этнокультурных процессов, происходивших в Прибайкалье в шиверское время, большое значение имеют материалы могильника Шумилиха (Бронзовый век Приангарья, 1981). Памятник расположен в устье р. Белой, вдоль ее левого берега, и является самым крупным среди могильников бронзового века Прибайкалья. В нем обнаружено 46 могил, хотя первоначально их, видимо, было больше: часть памятника уничтожена водами Братского моря. Из 35 раскопанных могил в 26 оказались сидячие захоронения (среди них два двойных: женщина с ребенком и подросток с ребенком), в шести костяки лежали вытянуто на спине, в трех, по-видимому, вторичных, найдены расчлененные скелеты (два индивидуальных и одно коллективное, включавшее кости двух женщин и двух детей). Большинство умерших помещены лицом или головой на север, иногда с отклонением на запад или восток, т. е. вниз по течению р. Белой; лишь в семи случаях отмечена иная ориентация. Некоторые вытянутые или разрозненные костяки сохранили следы воздействия огня. Над коллективным захоронением обнаружено кострище. Иногда использовалась охра. Несмотря на различия в ритуале, все они, видимо, относятся к концу шиверского времени.

М. М. Герасимова, исследовавшая краниологические материалы сидячих погребений, выделила две разновидности черепов: одни с небольшими размерами лицевой части и с признаками уплощенности, другие — более крупные, высокоголовые, с менее плоским лицом. Наличие промежуточных форм свидетельствует о единстве антропологического типа людей, захороненных в Шумилихинском могильнике. Образование такого типа может быть объяснено как наличием европеоидной примеси, так и проявлением своеобразия монголоидной основы. Краниологические материалы Шумилихи стоят ближе к сериям черепов из Фофановского и Верхленского могильников, дальше от глазковских и еще дальше от серовских. Они не связаны с китойскими черепами, равно как с черепами культурно близкого Шумилихе могильника Улярба II. Вероятно, краниологические особенности Шумилихи объясняются продолжавшимися в шиверское время проникновениями групп населения из Забайкалья, Монголии или Алтае-Саян, что приводило к мозаичности антропологического типа обитателей Прибайкалья.

В женских захоронениях найдены костяные иглы и игольники, проколки и остря, каменные скребки, отщепы и ножевидные пластинки, стерженек составного рыболовного крючка байкальского типа, точило, нефритовое тесло, украшения из клыков марала и кабана, костяные и пастовые бусы, нефритовые кольца.

В погребении 37 захоронена женщина с ребенком. Она лежала в вытянутом положении и была завернута в бересту; в области груди находился медный

кельт с двумя ушками. Рядом с костяком стоял глиняный сосуд, украшенный ногтевыми защипами. Погребальный инвентарь женских захоронений состоял в основном из орудий домашнего хозяйства и украшений. Встречены и безинвентарные женские погребения. В детских могилах вещей не было.

Мужские могилы более богаты. В них помещены орудия охоты, рыболовства, домашнего хозяйства, хозяйственно-бытовой инструмент. О значительной роли охоты говорят наконечники стрел листовидной и удлиненно-треугольной формы, кремневые, нефритовые и медные ножи, костяные острия-кинжалы. С рыболовством связаны костяной цельнорезаный крючок, каменный стерженек составного рыболовного крючка с отверстием для острия, многочисленные костяные и роговые одно- и двусторонние гарпуны с выступами для привязывания, напоминающие китовские, и остроги с костяными изображениями налимообразных рыб. Встречены нефритовые топоры, тесла, долото, кремневые сверла, точильные бруски, выпрямители древков стрел, нефритовые отбойники, отжимники из рога, лопатка из кости, костяные пилы, ложки из кости и рога (рис. 135). Найдены украшения из клыков марала и кабана, нефритовые кольца и диски, медный браслет.

Среди инвентаря мужских захоронений особенно интересны антропо- и зооморфные изображения. Расчлененное погребение 38, выделяющееся большим количеством подвесок из клыков марала, сопровождали две вырезанные из кости антропоморфные скульптурки, небольшая антропоморфная маска из позвонка крупного животного; трактуемая как изображение змеи стержнеобразная костяная фигурка с выделенной головкой, а также крупное стилизованное изображение лося, изготовленное из бедренной кости сибирского носорога. В погребении 22 найдены три профильных стилизованных изображения медведей из нижних челюстей косули (?). Подобное изображение обнаружено также в погребении 24, где была еще и антропоморфная скульптурка. Из размытого погребения Шумилихинского могильника происходит крупная, высотой 14,9 см, костяная фигурка женщины; на груди ее барельефный рисунок животного, вероятно медведя. Приуроченность антропо- и зооморфных изделий к мужским захоронениям говорит о том, что культовые обряды отправляли в основном мужчины.

Анализ металлических предметов показал, что большинство их, включая кельт, изготовлено из чистой меди, естественные примеси в которой позволяют прийти к выводу об использовании руд иркутского региона. Металлический игольник сделан из оловянистой бронзы, один из браслетов и нож — из мышьяковистой.

Сырьем для костяных изделий были кости и зубы лисицы, рыси, бурого медведя, кабана, благородного оленя, лося, цапли или журавля. В одном из погребений Шумилихи найдены кости рыб. Встречены кости домашних животных — крупной собаки, лошади, быка, козы (или барана). Все это свидетельствует о сложном характере хозяйства населения, оставившего Шумилихинский могильник. Однако основными занятиями оставались, видимо, охота и рыболовство.

Сидячие погребения являются одной из разновидностей скорченных. Вероятнее всего, они отражают обычай зашивания умершего в шкуру или связыва-

ния трупа, которому предварительно придавали сидячую позу. Сидячие и сильно скорченные захоронения известны в Забайкалье и Монголии; их появление в Прибайкалье следует рассматривать как результат проникновения сюда степных скотоводческих коллективов и их влияния на местное население.

Поскольку инвентарь скорченных погребений близок глазковскому, его корреляция с материалами поселений затруднена. Можно лишь предполагать, что с ними связана керамика, аналогичная встреченной в I культурном слое Улан-Хады. Там найдены сосуды с утолщенным венчиком, иногда украшенным беспорядочными насечками. Типичны ряды «жемчужин», редкие наколы, выполненные отступающей лопаточкой; впервые появляются ногтевые X-образные защипы. Иногда наколы отступающей лопаточки заполняют поля необычных для Прибайкалья «флажков». Отмечены находки черепков с зубчатыми линиями и прочерченным узором. Наряду с тонкостенными выбивными сосудами стали изготавливать грубые толстостенные.

4. Проблемы социально-экономической и этнической истории

Начавшееся примерно в середине III тыс. до н. э. изменение климата в сторону похолодания и большей сухости привело к тому, что на рубеже II и I тыс. до н. э. в заполярных районах на смену лесным пространствам пришла тундра, а вслед за этим здесь увеличилось число северных оленей, тогда как представители таежной фауны сместились далеко на юг. Это заставило местное население существенно изменить традиционный образ жизни. На смену охотничье-рыболовческому укладу приходит преимущественно охотничий тип хозяйства, связанный с добычей северного оленя.

Поселения охотников были приурочены к местам, где пути сезонных перекочевок оленей пересекали реки и где было удобно добывать их на плаву. Этот способ охоты известен в этнографии под названием «поколка». Осенние поковки, особенно добычливые и эффективные, обеспечивали производственный коллектив мясом на зиму, что способствовало возникновению здесь сезонных осенне-зимних поселений. К таковым относится, например, поселение Абылаах I в Таймырском Заполярье, обитатели которого, помимо обычных хозяйственно-бытовых занятий, плавил металл, изготавливали бронзовые орудия и каменные изделия.

Кроме таких сезонных поселений, существовали кратковременные стоянки, небольшие по площади, с невыраженным культурным слоем. Они, вероятно, принадлежали небольшим коллективам, скорее всего двух-трехпоколенным семьям, которые вели подвижный образ жизни, эпизодически объединяясь с другими семьями для совместной охоты на дикие олени стада. Рассеянное существование этих коллективов давало возможность лучшего освоения промысловых

угодий тундры. Рыболовство у охотников за северными оленями не получило развития.

Усиление ледовитости северных морей позволило части населения Крайнего Севера заняться морским зверобойным промыслом, о чем свидетельствует находка поворотного гарпуна из моржового клыка, найденного в одном из погребений Усть-Бельского могильника на Чукотке.

Изменение климата в меньшей степени отразилось на хозяйстве обитателей лесной зоны. Здесь обнаружены более долговременные поселения, жители которых занимались охотой на лесных животных и рыболовством. На Байкале большое место занимал промысел нерпы. Рыболовство способствовало укрупнению хозяйственных коллективов, создававших большие и долговременные поселки.

Изменение климата в сторону засушливости привело к расширению степной зоны Забайкалья. Возможно, это было одной из причин продвижения части забайкальского населения в Приангарье. С изменением климата в определенной мере связан и частичный переход к производящему хозяйству, одним из свидетельств чего является находка скелета овцы в глазковском захоронении Фофановского могильника.

Крайний Северо-Восток существенно отставал по уровню развития от Восточной Сибири, что во многом объясняется отсутствием доступных для разработок месторождений меди. Хотя, как отмечено выше, ымыяхтахская культура проникла на Чукотку, единственным подтверждением знакомства древнего населения этого края с металлом являются находки небольших бронзовых резцов в Усть-Бельском могильнике на р. Анадырь (Диков, 1979), относящемся к началу I тыс. до н. э.

На территории Восточной Сибири, особенно в Таймырском Заполярье, медные руды и даже самородная медь встречаются во многих местах. Богатые месторождения олова в Забайкалье эксплуатировались с карасукского времени. Источником, откуда черпали олово металлургии заполярных районов Восточной Сибири, могли быть россыпи на р. Индигирке. Изготовление бронзовых изделий получило особенное развитие в южных, степных районах. Однако, хотя и не столь интенсивно, бронзолитейное производство развивали и жители восточносибирской тайги. Предположения об отсутствии бронзового века в таежной части Восточной Сибири стали достоянием историографии.

В бронзовом веке археологически фиксируется сложение ряда крупных этнических общностей, ставших основой формирования современных народов. Относительно этнической принадлежности ымыяхтахской культуры высказаны различные мнения. Р. С. Васильевский (1971), Н. Н. Диков (1979), И. В. Константинов (1978), Ю. А. Мочанов (1969) предполагают, что носители вафельной керамики участвовали в сложении северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков). А. П. Окладников связывал их с предками юкагиров и нганасан. Л. П. Хлобыстин (1978) рассматривал их как палеоазиатских предков юкагиров, основываясь на сложности генезиса последних. По мнению С. А. Федосеевой (1980), ымыяхтахцы участвовали и в сложении северо-восточных палеоазиатов, и в этногенезе юкагиров.

Можно предполагать, что ымыяхтахская культура была присуща не одному этносу, а нескольким, и потому ымыяхтахцев приняли участие в генезисе различных народов, в основном палеоазиатов Северо-Востока. Формирование древнейших юкагиров произошло в результате взаимодействия ымыяхтахской культуры и культур, проникших из Западной Сибири на правобережные притоки Енисея. По мнению большинства лингвистов, юкагирский язык относится к семье уральских языков. Лексические соответствия в юкагирском и самодийских языках, касающиеся названий меди и бронзы, дают возможность установить, что они были восприняты юкагирами от самодийцев во второй половине II—начале I тыс. до н. э. В период ознакомления с железом контакты юкагиров с самодийцами в основном уже отсутствовали, что, возможно, было связано с распространением кетских этнических групп.

Образование тунгусской этнической общности, вероятнее всего, связано с районами Забайкалья и Прибайкалья, где существовали глазковская и близкие ей культуры. Расселение тунгусоязычного населения в Восточной Сибири произошло скорее всего в догуннское время.

Представляется правильным сопоставлять расселение древних тунгусов с распространением устьмильской культуры и культур, в происхождении которых она приняла участие.

5. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы

К истории проблемы. В начале II тыс. до н. э. в комплексах глазковской культуры Прибайкалья впервые появляются медные, а затем бронзовые изделия; это дало толчок существенным изменениям в материальной и духовной культуре, а также в социально-экономической структуре общества. Именно в это время сложился ряд специфических этнокультурных черт, многие из которых дожили до этнографической современности. А. П. Окладникову удалось выявить «нити», связывающие древнюю культуру глазковцев с культурой эвенков XVII—XVIII вв. (Окладников, 1941, с. 9—11; 1950а, б; 1955; 1974). Его выводы были поддержаны многими исследователями (Василевич, 1969; Токарев, 1958 и др.). В этой связи при интерпретации древнего восточносибирского искусства приобретает особое значение эвенкийское изобразительное творчество.

Искусство Восточной Сибири эпохи бронзы представлено теми же двумя основными направлениями, что и в Западной Сибири, но здесь особенно широкое развитие получили наскальные изображения, в то время как искусство малых форм известно практически только на памятниках глазковской культуры. Фундаментальные монографии А. П. Окладникова о сибирских петроглифах (1959а; 1966; 1972а; 1974 и др.) раскрывают пути развития этого вида творчества, его семантику и региональную специфику, общие закономерности и хронологические тенденции. В наскальном искусстве Восточной Сибири прослеживается все большая стилизация в трактовке образа

зверя (в частности, лося), все меньшая популярность этого сюжета и выдвигание на первый план образа человека; широкое распространение получают мифологические сюжеты.

Искусство малых форм восточносибирского региона представлено прежде всего роговой и костяной скульптурой, а также бытовыми предметами (в частности, игольниками). Складывающийся прямоугольно-геометрический стиль орнаментации бытовых изделий, по мнению А. П. Окладникова (1955, с. 298), во многом определялся наличием остролезвийных режущих металлических орудий, которые расширили гравировальные возможности древних резчиков.

К сожалению, наши знания о древнем восточносибирском искусстве малых форм односторонни, поскольку остаются неизвестными предметы, сделанные из недолговечных материалов — таких, как дерево, береста, мех и т. д. Об их широком использовании свидетельствуют поздние изобразительные памятники народов Сибири (Иванов, 1954, 1970). Кроме рога и кости, использовался камень, но из него делали лишь изображения рыб. Совершенно не известна глиняная пластика, крайне редки антропоморфные рисунки на керамике.

Связь глазковских скульптур с погребениями и особенности их расположения среди могильного инвентаря позволяют считать, что они имеют культовый характер. Специфическую категорию прибайкальской древней скульптуры составляют каменные изображения рыб. В серовское время (III тыс. до н. э., неолит) они очень многочисленны и выступают в качестве определяющего признака серовской культуры (Окладников, 1950а, с. 241—257). В начале бронзового века их стало меньше, но тем не менее они продолжают составлять устойчивую группу древней скульптуры, где передача образа отличается предельной лаконичностью и максимальным обобщением формы. В моделировке так называемых «налимообразных» рыб улавливается продолжение серовской стилистической традиции. Этот факт служит дополнительным аргументом в пользу генетической связи серовской и глазковской культур. Если изображения рыб широко представлены в искусстве малых форм, то они почти полностью отсутствуют в наскальной живописи. Известны буквально единицы (Окладников, 1966, рис. 32; 33).

Анализ неолитической мелкой пластики Прибайкалья (серовская и китойская культуры) говорит о существовании в ней двух изобразительных традиций при передаче одного и того же образа (Студзицкая, 1970, 1976). В эпоху ранней бронзы обе традиции получают дальнейшее развитие: китойская — в изображении лося, серовская — в моделировке рыб и трактовке лица антропоморфных фигурок. Полностью отсутствует в пластике Прибайкалья мотив водоплавающей птицы. Самый восточный район, где представлен этот сюжет в памятниках искусства малых форм, — Средний Енисей.

Исходя из общности сюжетов и единства их трактовки на сибирских писаницах, А. А. Формозов включил район Среднего Енисея в прибайкальскую зону первобытного искусства. Однако, на наш взгляд, среднеенисейские находки, обладая некоторыми чертами сходства с прибайкальскими, в большей степени близки урало-западносибирским (Студ-

зицкая, 1973). Это видно и в выборе сюжетов (изображения медведя и птицы), и в стилистических особенностях трактовки общих мотивов (образ лося). Скульптурки лося из Базаихского погребения в окрестностях Красноярска по своей моделировке отличны от прибайкальских фигурок. В их оформлении просматривается иная стилистическая традиция, отражающая, видимо, иную этническую принадлежность. Контактной зоной между Средним Енисеем и Прибайкальем была, вероятно, долина Нижней и Средней Ангары, в пластике которой наблюдается смешение черт, свойственных обоим ареалам.

Ниже мы рассмотрим основные сюжеты восточносибирского искусства эпохи бронзы.

Антропоморфные изображения (рис. 136). Прибайкальские антропоморфные скульптурки можно разделить на две группы. В первую входят полные (в рост) фигурки человека с тщательной моделировкой лица. Вторую составляют костяные и роговые стерженьки, заканчивающиеся схематично трактованными человеческими лицами. В памятниках глазковской культуры преобладают изображения первой группы. Большинство их происходит из погребальных комплексов могильника Усть-Уда (Окладников, 1955, 1977б; Студзицкая, 1970).

Классическими образцами прибайкальской антропоморфной скульптуры эпохи бронзы являются фигурки из погребений 4 и 6 Усть-Удинского могильника (рис. 136, 1, 2, 9). Композиция их в значительной степени предопределена самой формой костяной пластины, в которую они как бы вписаны. Выполненные резьбой, эти изображения односторонни и могут рассматриваться как скульптуры лишь условно. Некоторую объемность им придает выпуклая лицевая поверхность предмета. Устойчивый набор признаков свидетельствует о существовании у глазковцев строго выработанного общепринятого канона в трактовке образа человека. Особую тщательность древний мастер проявил при проработке деталей лица. Акцентируя выпуклые скулы и узкие глаза, показанные миндалевидными углублениями в овальных выпуклостях, резчик стремился подчеркнуть специфические черты монголоидного физического типа. В той же манере, что и глаза, выполнен рот. Длинный рельефный нос, занимающий большую часть лица, расширяясь внизу, заканчивается поперечным срезом.

Зарождение рассмотренной манеры оформления человеческого лица относится, видимо, еще ко времени расцвета серовской неолитической культуры в Прибайкалье. Свидетельство тому — моделировка антропоморфных головок на фантастическом существе из погребения 12 Серовского могильника (Окладников, 1976, табл. 65). Для изготовления описываемых фигур глазковцы предпочитали использовать бивень мамонта, хотя обработка его из-за большой плотности и вязкости сопряжена со значительными трудностями (Герасимов, 1944, с. 70). Возможно, это связано, с одной стороны, с особым значением мамонтовой кости в глазах древних охотников-рыболовов, а с другой — с назначением фигур.

Сравнивая устьудинскую группу антропоморфных изображений с подобными фигурками из других мест Прибайкалья (Семеновка, Братск, Шумилиха и др.), можно констатировать, что различия в дета-

лях не меняют единства трактовки образа в целом. Есть ли в трактовке глазковских человеческих фигур элементы традиции сибирского палеолитического искусства? На этот вопрос трудно дать прямой и однозначный ответ. Но обращает на себя внимание тот факт, что среди женских палеолитических статуэток Мальты и Бурети на Верхней Ангаре имеется группа так называемых «худощавых», которые по своим пропорциям напоминают глазковские фигурки (Абрамова, 1961, табл. XIV, 1, 3). Сибирские палеолитические статуэтки сделаны из бивня мамонта, и у большинства из них переданы черты лица, что характерно и для глазковских изображений.

Выработанная резчиками по кости стилистическая манера воспроизведения человеческого лица была полностью принята древними литейщиками, которые изготовляли «шаманские» бронзовые изображения, бытовавшие у прибайкальского населения в конце I тыс. до н. э. (Окладников, 1948, с. 208, 218—219). С глазковскими фигурками это культовое антропоморфное литье сближает также односторонняя моделировка.

Сопоставление глазковских изображений с деревянной антропоморфной скульптурой народов Сибири XIX — начала XX в. показывает, что они наиболее близки пятому типу по классификации С. В. Иванова, что проявляется как в трактовке фигуры в целом, так и деталей лица (Иванов, 1970, рис. 152; 153; 159). Отмеченное сходство позволяет, с одной стороны, говорить о времени появления этого типа антропоморфных изображений, а с другой — рассматривать Прибайкалье как возможную его прародину. Интересно, что именно в антропоморфной скульптуре эвенков этот тип преобладает над всеми другими — и в дереве, и в металле (Иванов, 1970, с. 190—191).

В прибайкальских антропоморфных фигурках эпохи бронзы усматривается и ряд черт, вызывающих уральские ассоциации. Это особенно видно по материалам погребения 5 Усть-Удинского могильника и погребения 38 могильника Шумилиха (Окладников, 1975б, табл. 141, 1; Горюнова, 1974, рис. 5; Студзикая, 1981, с. 43), где в моделировке лица использован специфический прием выделения щек западающими плоскостями, особенно глубокими на месте глаз. Исследователи полагают, что первоначально этот прием возник в дереве, а затем был перенесен на рог и кость (Окладников, 1955, с. 294; Мошинская, 1976, с. 53—54). Деревянные идолы из Горбуновского торфяника наглядно подтверждают это мнение. С уральскими типами устьудинские и шумилихинские фигурки сближает также их «безрукость». Фигурки с берегов Лены, несмотря на некоторые отличия в деталях, относятся, на наш взгляд, к устьудинской группе.

В тех случаях, когда глазковские антропоморфные изображения были найдены в погребениях парами, они различаются лишь размерами (Усть-Уда, погребения 4 и 6; погребения у с. Кода на Ангаре). Нам представляется, что первоначальная точка зрения А. П. Окладникова, усматривающего в парных фигурках мужчину и женщину (Окладников, 1955, с. 290), более правильная, чем его более позднее предположение, что в них материализуется характерный для лесных охотников культ близнецов (Окладников, 1976, с. 12).

Анализ глазковских скульптур не позволяет, на наш взгляд, рассматривать их как дальнейшее развитие стилистических особенностей, присущих неолитическому китойскому антропоморфному искусству. Сопоставление этих двух групп изображений показывает, что стилистически они резко отличаются друг от друга, несмотря на общую для них условность в передаче образа. Отличны они, видимо, и в функциональном отношении. Сравнение глазковской антропоморфной скульптуры с окуневскими костяными фигурками возможно только по общности сюжета и его технического воплощения. Что касается стилистических приемов трактовки образа, то вопреки мнению некоторых исследователей (Вадецкая, 1969, с. 27; Максименков, 1970, с. 70), они настолько различны, что совершенно несопоставимы.

Уникальна костяная маска-личина из погребения 38 могильника Шумилиха (рис. 136, 11). Стилистически она тесно увязывается с глазковской группой антропоморфных изображений, поскольку моделировка лица выполнена по требованиям единого установившегося канона. Ближайшей аналогией ей по манере передачи лица служит меньшая антропоморфная фигурка из погребения в устье р. Коды (рис. 136, 5). Особенно четко единство технических приемов прослеживается в оформлении нижней части лица. Размеры этой личины-маски (высота 11 см) позволяют считать ее скорее маской, т. е. уменьшенной маской, которая не предназначалась для ношения на лице (Авдеев, 1957). По бокам лица костяного маскоида расположены два круглых отверстия; третье — на затылочной части. Они использовались для прикрепления к одежде. Не исключено, что в затылочное отверстие мог вставляться стержень-антенна, как на личинах-масках Мугур-Саргола в Тувинской АССР (Дэвлет, 1980, рис. 10, 3). В начале II тыс. до н. э. антропоморфные личины получают широкое распространение в искусстве Сибири и Дальнего Востока (Окладникова, 1978; Дэвлет, 1976; Леонтьев, 1978). Этнографические материалы показывают, что маски-личины, маски — головные уборы и маскоиды занимают значительное место и в культовом искусстве народов Сибири конца XVIII — начала XX в. (Иванов, 1970, 1975), особенно у тунгусских групп.

На глазковской глиняной посуде встречаются рисунки человеческих фигур. Находки их единичны, но очень значимы, так как, с одной стороны, они свидетельствуют о многообразии форм воплощения этого сюжета, а с другой стороны (что особенно важно) — уточняют время появления широко распространенного на сибирских писаницах образа «рогатого» человечка. Один из таких сосудов найден на стоянке Плотбище (р. Белая). На нем резными линиями выполнены четыре схематичные антропоморфные фигурки с «рожками» вместо головы (Савельев, Горюнова, 1971, рис. 1). В несколько иной, но тоже очень схематичной манере исполнены «рогатые» человечки на обломке сосуда из стоянки в устье р. Птушами — притоке Илима (Окладников, Мазин, 1976, рис. 27). Наличие «рогатых» антропоморфных существ на глазковской керамике и на петроглифах говорит о широком распространении этого образа в рассматриваемое время.

По-иному трактованы человеческие фигуры на сосуде из жертвенного места близ Шишкинских писа-

ниц на Лене (Окладников, 1976, рис. 2, 3). Несмотря на то что показано пять фигур, композиционно они распадаются на те же четыре группы, что и на сосуде из Плотбища. Хотя рисунки очень схематичны, по общей моделировке образа они могут быть сопоставлены с некоторыми китойскими антропоморфными стержнями (Студзицкая, 1970, рис. 6, 2, 3). Интересно присутствие на ленском сосуде парных фигурок.

То, что антропоморфные изображения в эпоху бронзы выдвигаются на передний план в изобразительном искусстве лесного Прибайкалья, отражает новый этап в развитии первобытной идеологии. Именно в это время для первобытного искусства важным объектом познания становится человек. Через его образ, видимо, происходило осмысление и тех изменений в социально-экономических отношениях, которые были связаны с освоением производства металла во II тыс. до н. э.

Изображения лося (рис. 137). Образ этого животного занимает центральное место в зооморфной скульптуре древнего населения Восточной Сибири. Особенно ярко он представлен в поздненеолитических памятниках китойской культуры. Широко развитый культ лося получил у китойцев отражение в компактной серии стилистически однородных фигурок. В памятниках глазковской культуры изображения лося не столь многочисленны. Но у глазковцев сам этот образ претерпевает значительные изменения, постепенно приобретая фантастический облик за счет появления гипертрофированной и загнутой вниз верхней губы (рис. 137, 13, 15).

Изменение иконографии образа лося прослеживается и на некоторых наскальных рисунках (Окладников, 1966, табл. 19, 1; 64, 2; 87, 2-4; 144, 5), где видна тенденция к удлинению пропорций морды, вытягивается и загибается вниз верхняя губа животного. Наибольшее сходство с этой группой наскальных рисунков обнаруживает костяная фигурка лося из погребения 5 Усть-Удинского могильника (рис. 137, 15). Совпадение приемов стилизации лося в скульптуре и наскальной живописи позволяет предположить их одновременность и датировать описанную группу петроглифов глазковским временем.

Из уникального по набору костяной скульптуры погребения 38 могильника Шумилиха происходит голова лося, сделанная из бедренной кости сибирского носорога. Очертания лосиной головы обусловлены формой самой кости, которую древний мастер лишь слегка подправил. Скульптура достаточно условна, но главные признаки лосиной морды выступают отчетливо. Обращает внимание особо выделенная открытая пасть зверя, сделанная в виде глубокой расщелины. Этот признак — увеличенная до нереальных пределов открытая пасть животного — присущ изображениям лосей на только что рассмотренной группе наскальных рисунков. Сопоставимость с ними лосиной головы из погребения 38 Шумилиха подтверждает датировку этой группы изображений ранне-бронзовым временем.

Головка лося из погребения 5 Усть-Удинского могильника (рис. 137, 8), по мнению А. П. Окладникова, стилистически аналогична изображениям лосей «обтекаемой» формы на петроглифах Ангары. Он датирует эту группу рисунков китойско-глазковским

временем, полагая, что именно в глазковское время склонность к упрощению и обеднению художественного образа эмоциональной насыщенностью достигает своего предела (Окладников, 1966, с. 128). На наш взгляд, китойские изображения лосей, так же как и головка из погребения 5 могильника Усть-Уда, вряд ли могут быть сопоставлены с фигурками «обтекаемой» формы, хотя в их моделировке и прослеживается тенденция к схематизации и условной передаче объекта.

Стилизация образа, судя по лосиной голове из погребения 5 Усть-Удинского могильника, идет в направлении, характерном для всей этой группы глазковских скульптур: утрированно раздутая верхняя губа свисает вниз, рот обозначен широким углубленным желобком, маленькие уши переданы рельефно. Во всем этом трудно усмотреть «обтекаемые» формы.

Что касается лосей, изображенных на ангарских и верхнеленских петроглифах, то среди них мы не видим таких, которые можно было бы датировать ранее энеолита и бронзового века. Датировка их серовским временем на основе сопоставления с роговыми скульптурами из Базаихинского погребения (Окладников, 1950а, с. 280), на наш взгляд, не вполне обоснована. Анализ инвентаря и погребального обряда этого захоронения позволяет отнести его к энеолиту (Максименков, 1961, с. 6). О том же самом говорят и стилистические особенности базаихинских изображений, в частности разделение межчелюстного пространства в виде V-образной фигуры (рис. 137, 16, 17), что характерно для эпохи металла. На более позднюю дату, чем неолит, указывает и моделировка рта животного: окаймление его фигурным валиком. Аналогичным образом оформлена пасть лося на каменной пластинке из Тувы (Маннай-Оол, 1963, табл. III, 14, 15), найденной в погребении окуневского времени. В этой связи следует подчеркнуть, что лоси из Базаихи найдены вместе с роговой антропоморфной фигуркой с головой птицы. Как показывают археологические материалы, появление образа птице-голова человека в искусстве енисейского населения связывается с окуневской культурой (Липский, 1961; Студзицкая, 1973, с. 187; Леоптьев, 1978, с. 100).

Изложенные факты подтверждают правильность отнесения фигурок лосей из Базаихинского погребения на Енисее к началу эпохи бронзы. Примерно к этому времени относится и погребальный комплекс Гремячего ключа под Красноярском, откуда происходит костяная головка лося, выполненная плоской резьбой (Студзицкая, 1973, рис. 1, 6). Таким образом, среди прибайкальских скульптур, равно как среди среднеенисейских, мы пока не знаем изображений лося, относящихся к серовской культуре.

Скульптурные фигурки лося как в китойских, так и в глазковских погребениях всегда находились только при мужских костяках и в захоронениях с яркими особенностями погребального ритуала или со специфическим набором инвентаря. Отмеченные обстоятельства лишней раз подчеркивают связь этих изображений с людьми, занимавшими особое положение в родовом коллективе, с хранителями древних традиций. Следы культа лося прослеживаются в тунгусском фольклоре и в предметах эвенкийской пластики. Хотя в XIX — начале XX в. значение лося в хозяйст-

ве упало и количество его изображений резко сократилось, в материалах, связанных прежде всего с эвенкийскими шаманскими верованиями, личностью шамана, его одеждой и атрибутами, мы находим многочисленные отголоски былого господства этого образа в мировоззрении эвенков (Иванов, 1970; Анисимов, 1949).

Изображения медведя. В прибайкальской пластике эпохи бронзы почти не представлен второй могучий «хозяин» тайги — медведь. С территории Нижней Ангары — контактной зоны между Прибайкальем и Средним Енисеем — происходят два изображения медведя: каменный пест с медвежьей головой, найденный близ Братска (рис. 137, 1), и фигурка медведя из рога с р. Илим (Окладников, 1950б; Студзицкая, 1969а, рис. 2). Наличие у обеих скульптур, несмотря на различие материала, таких устойчивых стилистических признаков, как подчеркивание нижней челюсти и разделение межчелюстного пространства узкими сходящимися желобками, позволяет отнести их ко времени не ранее эпохи бронзы. Датировка А. П. Окладниковым этих предметов серовским временем вызывает возражения, тем более что он сам сравнивает братский пест с каменными фигурными молотами Карелии и Финляндии, относящимися не ранее чем к началу II тыс. до н. э. (Meinander, 1954; Студзицкая, 1966 с. 32). Детализация морды у нижеангарских медведей выполнена целиком в традициях западносибирской круглой скульптуры. К сожалению, А. П. Окладников лишь вскользь упоминает о находках других каменных пестов с головой медведя из Прибайкалья, которые он рассматривает как своеобразное отражение культа мужского предка медведя, «символизирующего активное мужское начало в обществе лесных охотников и в его космогонии, активное и в охотничьем производстве, и в воспроизведении человеческого рода» (Окладников, 1950а, с. 311).

Среди зооморфных скульптур, найденных в могильнике Шумилиха, интересны три костяные профильные фигурки из погребения 22, представляющие собой сильно стилизованные изображения медведей. Овальные сквозные отверстия в спине позволяют думать, что фигурки прикреплялись к одежде. Их стилистический анализ показывает, что основное внимание резчика было направлено на передачу движения. Морда зверя не детализирована. Эти изображения резко отличны от только что рассмотренных нижеангарских скульптур. Прямых аналогий они не имеют. В плане передачи динамичного образа зверя шумилихинские медведи могут быть сопоставлены с фигуркой «бегущего» медведя из могильника на Мусульманском кладбище под Томском (Косарев, 1974а, рис. 20, 9), а также с костяным профильным изображением медведя из погребения окуневской культуры могильника Карасук II (Студзицкая, 1973, рис. 1, 8). Сквозное отверстие на спине медведя из могильника Карасук II дает основание предполагать их функциональное сходство. Однако на фигурках из Шумилихи нет тщательности в оформлении морды зверя, столь характерной для западносибирских изображений. Все это говорит о западном влиянии на стилистику шумилихинской скульптуры. Видимо, этим же направлением связей объясняется появление в Шумилихинском могиль-

нике изображений медведя, образ которого господствует в искусстве Западной Сибири и Среднего Енисея.

Напротив, отсутствие медвежьих изображений в неолитических памятниках прибайкальского региона и на ангарских писаницах, единичность и невыразительность их в пластике бронзового века, видимо, свидетельствует о том, что в мировоззрении охотников Прибайкалья эпохи неолита и бронзы культ медведя не получил широкого распространения. В этой связи интересно, что этнографические данные говорят о более позднем появлении культа медведя у эвенков, чем, например, у угорских народов (Василевич, 1971). На назначение древних фигурок медведя проливают некоторый свет подвески эвенкийского шаманского костюма, среди которых встречаются как медведь, так и другие животные. Обычно это плоские профильные изображения с отверстием для прикрепления к одежде. Рассмотренные выше древние фигурки медведя — не обязательно шаманские подвески, но трактовка их как амулетов или оберегов кажется вполне вероятной.

Другие анималистические сюжеты. В зооморфной пластике прибайкальского населения эпохи бронзы, помимо лося и медведя, единично представлены другие животные. В погребении в местности Идан на Ангаре найдено профильное изображение нерпы, выполненное плоской резьбой по кости. Любопытна костяная фигурка лягушки из погребения 9 Усть-Удинского могильника (Окладников, 1975б, с. 162) (рис. 137, 4). Несмотря на миниатюрность, она выполнена очень тщательно. Внутри фигурка (как и головка лося из погребения 5) полая. Имеющиеся на изображении три сквозных отверстия позволяют предполагать, что оно прикреплялось к одежде. Уникальность фигурки затрудняет толкование ее семантики. Очевидна лишь смысловая связь ее с антропоморфным изображением, найденным в том же погребении. Сюжет этот необычен для искусства охотников Прибайкалья, хотя немногочисленные фигурки земноводных известны у эвенков в качестве привесок к шаманскому костюму (Иванов, 1970, рис. 195, 1, 2). Широкое распространение культ лягушки получил в Западной Сибири среди разных групп хантов и манси, где связь его с фратрией Мось убеждает в древности этого культа.

Мотив водоплавающей птицы представлен в мелкой пластике только материалами Среднего Енисея. Из погребения у ключа Гремячего в окрестностях Красноярска (Глуская, 1963) происходит уникальная серия костяных подвесок с изображением птичьих голов. Обобщенные контуры птицы выполнены техникой впалого рельефа, детали подчеркнуты гравировкой. Эта образительная манера сближает их с костяными художественными предметами окуневцев. Особое внимание уделялось оформлению клюва птицы. Динамика, напряженность позы показаны посредством вытянутых пропорций. Плоская фигурка летящего гуся перекликается с изображением этой птицы, сделанным, правда, в круглой скульптуре, из поздненеолитического Яйского могильника в бассейне Чулыма (Матющенко, 1964). Кроме фигурок гуся, утки, в погребении у ключа Гремячего встречены изображения гагары. Резчик стремился показать летящую птицу.

Большая часть прибайкальских скульптурных изображений найдена в погребениях, которые качественно отличаются от других могил по составу инвентаря и обилию предметов искусства. Тесная связь мелкой пластики и других вещей культового назначения именно с этими захоронениями позволяет предполагать, что мы имеем дело с погребениями древних служителей культа. Находка в погребении 38 Шумилихинского могильника антропоморфной маски-личины значительно усиливает аргументацию в пользу этого предположения.

Наскальные рисунки (рис. 138). В петроглифах Восточной Сибири мир животных представлен в основном лосем. Многочисленные фигуры идущих лосей выбиты или нарисованы краской на скалах Ангары и Лены. Обычна реалистическая передача общих контуров животного с подчеркиванием немногочисленных, но всегда специфических деталей. Лаконизм изобразительных средств придает определенную отточенность образу. Создаются своеобразные лосиные «иконостасы» (Окладников, 1978, с. 162). Этот сюжет появляется на скалах Прибайкалья скорей всего на заключительном этапе неолитической эпохи (Леонтьев, 1978, с. 104). Тогда же, видимо, складывается и определенная «ангарская» (Подольский, 1973, с. 269) традиция моделировки изображенного лося, заключающаяся в применении так называемого полого рельефа для выделения прежде всего головы зверя.

Выше мы уже говорили, что сопоставление лосиных фигурок из глазковских погребений с наскальными рисунками лосей позволяет выделить из общей массы изображений определенную группу с характерными признаками. К эпохе бронзы следует также отнести изображения лосей с «отсеченными головами» (Формозов, 1969, с. 102). Петроглифы низовьев р. Ангары Н. В. Леонтьев включил в ареал сюжетов окуневского круга (Леонтьев, 1978, с. 104). При анализе семантики наскальных изображений лося А. П. Окладников, основываясь на этнографических и фольклорных данных, подробно останавливается на древнем эвенкийском культе «Бугады» — родового святилища и вместе с тем материализованного в нем родового божества, внешний облик которого чаще всего связывается с образом лося (Окладников, 1950а, 1959а, 1966 и др.). Зарождение этого культа он относит к неолитической эпохе, а в монументальных фигурах лосей на петроглифах склонен видеть образ матери рода и матери зверей, уходящий к истокам тотемизма.

Одним из основных объектов наскальных изображений в эпоху бронзы становится человек. Для восточносибирских петроглифов характерны одиночные антропоморфные фигуры, но встречаются и композиции. Это в основном мифические существа со смешанными человеческими и звериными чертами. Несмотря на различия в деталях, общая схема всегда одина. Объединяющим признаком служит такая деталь в их оформлении, как «рожки» в виде двойной развилки или «корона», выполненная лучеобразными линиями (рис. 138, 9—15 и др.). «Рогатые» человечки распространены на писаницах довольно большой территории. Они известны на скалах Ангары, Лены, Верхнего Амура, Байкала (Окладников, 1959а, 1966, 1974; Окладников, Мазин, 1976), а также в Забай-

калье и на Томи (см., например: Окладников, Мартынов, 1972).

Подавляющая их часть показана в фас с расставленными и согнутыми в характерной позе — ромбом — ногами. Как правило, подчеркнуты широкие плечи, мощная грудь. Трактровка рук тоже достаточно устойчива: они согнуты в локтях и подняты кверху или опущены вниз, или раскинуты в стороны. Большая группа таких изображений, объединенных, очевидно, целостным замыслом, выбита на мраморных скалах в бухте Саган-Заба на оз. Байкал (Окладников, 1974, табл. 7, 9, 10) (рис. 138, 10, 19). Ближайшую аналогию им мы находим на писаницах Братской Кады на р. Оке, выше Братска (Окладников, 1966, рис. 43, 5, 4). А. П. Окладников датирует эти рисунки примерно серединой — второй половиной II тыс. до н. э. Известны и более упрощенные варианты этих изображений.

К бронзовому веку относятся встречающиеся на восточносибирских писаницах профильные «рогатые» антропоморфные фигурки со специфическим изгибом туловища — как бы в полусидячей или танцующей позе. В аналогичной манере выполнено антропоморфное изображение в короне из шести лучей на Шишкинской скале на р. Лене (рис. 138, 21). Там же есть фигурка в короне из семи лучей (рис. 138, 9). Б. А. Фролов подчеркивает, что последняя украшала только мужские фигуры и что шишкинский персонаж с семью лучами входит в число мировых сюжетов древнего искусства (Фролов, 1975, с. 60—61). С шишкинским изображением сходны сделанные красной краской фигуры на скалах у г. Свирска, на р. Тальме и д. Ярок. Своеобразен один из антропоморфных рисунков Пещерного Утеса. Он носит ярко выраженный итифаллический характер. На писаницах Средней Лены и Олекмы «рогатые» антропоморфные существа нередко сопровождаются фигурами животных с валенкообразными ступнями, которые изображались в одиночку или парами (Окладников, Мазин, 1979, с. 71).

Усиление в эпоху бронзы южных влияний вызвало широкое развитие культа плодородия, что нашло свое отражение в наскальной живописи. Именно в это время в искусстве лесной Евразии вообще и Восточной Сибири в частности появляются, с одной стороны, рисунки антропоморфных существ с преувеличенно подчеркнутым признаком пола, а с другой — изображения рожавшей женщины (Окладников, 1974, табл. 15; Дэвлет, 1980, с. 170—171). О развитии фаллического культа свидетельствуют и каменные песты или жезлы, увенчанные головами животных (Леонтьев, 1975, с. 63—67).

Восточносибирские петроглифы бронзового века буквально насыщены мифологическими образами, одним из которых является лыжник, преследующий зверя (Окладников, 1966, табл. 178, 1, 4) (рис. 138, 8). Представления об этом мифическом персонаже были широко распространены и в лесной зоне Европы (Формозов, 1969, с. 103—104). Мифологичность содержания наскальных рисунков подчеркивается символическостью образов. Мистифицировалось не только содержание, но и форма изображения (Хлобыстина, 1971, с. 80). Такова, например, фигурка хвостатого человека с веслами (?) в лодке, выполненная красной краской на скале у г. Свирска (Окладников,

1966). Мотив лодки с сидящими в ней стилизованными схематическими человечками стал очень популярным в наскальном творчестве восточносибирского населения в эпоху бронзы (рис. 138, 16, 22, 23). Интересна композиция, состоящая из лодок с сидящими в них пловцами в рогатых головных уборах с поднятыми руками (рис. 138, 22).

Эпоха бронзы в Восточной Сибири отмечена также расцветом культа змеи. Костяная змеиная фигурка найдена в могильнике Шумилиха вместе с антропоморфным изображением, маской-личиной и скульптурной головой лося (погребение 38). Известен бронзовый «змей» из погребения 5 Шиверского могильника. Интересен рисунок этого пресмыкающегося на груди одной из саган-забинских фигур (рис. 138, 19). Многочисленны их изображения на скалах в бухте Ая и 2-го Каменного острова на Ангаре (Окладников, 1966, табл. 81; 93; 1974, табл. 23; 26). Змеиные фигурки сопровождают главную фигуру «шамана» на наскальных рисунках бухты Ая. По этнографическим материалам образ змеи в идеологии сибирских аборигенов связан с представлениями о «нижнем мире». Эта идея особенно выражена в шаманских ритуалах. Поэтому А. П. Окладников счел возможным рассматривать большинство восточносибирских наскальных антропоморфных рисунков, в частности саган-бабинских, как древнейшие изображения шаманов. Он считает, что здесь проявился комплекс идей, связанный с образом шамана, с получением шаманского дара. К этому комплексу, по его мнению, имеет отношение и культ змеи (Окладников, 1974, с. 84). С древними шаманскими верованиями он связывает также появление «скелетной» манеры оформления антропоморфных изображений.

Неразрывность образов змеи и лося демонстрирует композиция, выполненная красной краской в устье р. Басынай на левом берегу Олекмы (Окладников, Мазин, 1976, табл. 19). Часть ее составляет стилизованное изображение лодки с находящимися в ней людьми, которые показаны вертикальными линиями. Днище лодки выпуклое. Дугообразный нос ее заканчивается стилизованной головой лося, а противоположный конец очень напоминает раскрытую пасть змеи.

В эпоху бронзы появляются достаточно сложные композиции, правда, еще единичные, в которых ведущее место занимают изображения антропоморфных божеств, обеспечивающих удачу в охоте и благополучие рода. Такова многофигурная композиция в с. Синьском на Средней Лене, относящаяся, видимо, к концу бронзового века. А. П. Окладников (1972а, с. 81) подчеркивает, что это один из лучших по выполнению и самых характерных здесь в стилистическом отношении образцов местных наскальных рисунков.

II тысячелетие до н. э.— период чрезвычайно широких по масштабам этнокультурных связей между разными областями, нередко весьма удаленными друг от друга. В значительной мере этим можно объяснить появление сходных сюжетов, одинаковых стилевых

особенностей на широкой территории. Мифы передовых земледельческих районов, своеобразно преломляясь, проникают к охотникам-рыболовам лесной полосы. Южным влиянием следует объяснять появление в сибирском искусстве образа фантастического зверя-хищника.

Этот сюжет нашел свое воплощение на Шипкинских скалах (Окладников, 1959а), на Каменном острове р. Ангары (Окладников, 1966, табл. 109), у устья р. Арби в Верхнем Приамурье (Окладников, Мазин, 1976, табл. 59). Аналогичный сюжет на плите окуневской культуры могильника Черновая VIII в Хакасско-Минусинской котловине позволил уточнить время появления этого мотива. Своеобразен стилистический прием, показывающий, по всей видимости, вздыбленную шерсть зверя. Неизменное подчеркивание этой детали в трактовке образа свидетельствует об устойчивости выработанного канона. Все подчинено единой цели — показать разъяренное животное. Почти всегда фантастический хищник связан с солярными знаками. Возможно, шипкинская, усть-арбинская и другие подобные композиции являются своеобразной иллюстрацией одного из эпизодов солярного мифа, распространившегося по всему Старому Свету, а изображенное чудовище выступает как символ «нижнего мира» (Окладников, 1959а).

Прибайкальские и окуневские фантастические звери отличаются иконографически. Окуневский фантастический хищник с большой медвежьей головой, поджарым туловищем и тонкими высокими ногами выглядит гораздо «элегантнее» своего коротконового приземистого прибайкальского собрата с его длинной «крокодилей» мордой. Это говорит скорее всего о различных источниках солярного мифа в Прибайкалье и у окуневцев. В этой связи интересны сведения, приводимые В. Г. Богораз-Таном. Отмечая характерность образа дракона в сибирской мифологии, он связывает его происхождение с Юго-Восточной Азией. При этом В. Г. Богораз-Тан подчеркивал, что в мифологии западносибирских народов этот образ имел, как правило, медвежий облик, а у амурских и других групп, испытавших более сильное влияние южноазиатских традиций, он чаще связывался с образом крокодила, змеи или акулы (Богораз-Тан, 1936, с. 72). Тем не менее устойчивое сочетание прибайкальского и окуневского «драконов» с солярными знаками, причем в сходном положении, позволяет считать, несмотря на иконографические различия, что они передают один и тот же мифологический образ.

В целом для восточносибирского наскального искусства эпохи бронзы характерно нарастание схематизма, сочетание абстрактной и образной символики, усложнение композиций. Очевидно, в эту эпоху начал складываться так называемый «скелетный» стиль. Одновременно расцветает культ антропоморфных мужских божеств и скорей всего в Восточной Сибири зарождается первоначальный комплекс шаманских представлений.

Глава десятая

Бронзовый век Дальнего Востока

Историко-географический очерк. Дальний Восток — своеобразный географически неоднородный край, протянувшийся в северо-восточном направлении вдоль самых больших и глубоких морей нашей страны: Японского, Охотского, Берингова и Чукотского. Длина региона с юго-запада на северо-восток 4000 км с лишним, площадь — свыше 3 млн. кв. км. Более 75% территории занимают горы, нагорья и плоскогорья. Равнины приурочены к межгорным впадинам, рекам и побережьям морей (Тауйская, Гижигинская, Анадырско-Пенжинская, Сеймчано-Буюндинская равнины и др.).

Особенностью растительного мира южной части Дальнего Востока является своеобразие местных (муссонных) смешанных хвойно-широколиственных лесов, где рядом с лиственницей, елью, березой соседствуют лианы, корейский кедр, монгольский дуб, маньчжурский орех, уссурийская груша, яблоня, слива, вишня, виноград и др. Приханкайская и Зеинско-Буреинская равнины входят в лесостепную зону. На юге Дальнего Востока протекает самая большая река региона Амур (длина с Шилкой и Ононом 4416 км, площадь бассейна 1855 тыс. кв. км). По объему годового стока (346 куб. км) Амур лишь немного уступает Оби. К бассейну Амура тяготеют наиболее крупные озера Дальнего Востока: Ханка, Чукчагирское, Красное, Болонь, Орель и др.

Для Южных окраин Дальнего Востока характерен умеренный и умеренно-холодный муссонный климат с суровой малоснежной зимой и теплым влажным летом. Основная масса осадков приходится на теплые месяцы года. Так, во Владивостоке с мая по октябрь выпадает 660 мм осадков, а с ноября по апрель — 171 мм. В летне-осеннее время большая часть осадков поступает в виде продолжительных ливневых дождей, которые нередко приводят к катастрофическим речным паводкам.

Север Дальнего Востока (Камчатская и Магаданская области) лежит в областях арктического, субполярного и отчасти умеренного климата. Повсеместно распространена вечная мерзлота. Выделяются три основные ботанико-географические зоны: тундра, лесотундра, тайга. В силу разнообразия рельефа, в частности из-за наличия меридианально вытянутых горных хребтов, широтная ландшафтно-растительная зональность причудливо сочетается с меридианальной, а горизонтальная с вертикальной.

От островной и приморской частей Дальнего Востока в глубь материка и к Северному Ледовитому океану климат становится все более континентальным. Так, если на Камчатке и Курильских островах годовая сумма осадков достигает 1000 и более мм, то в бассейне Колымы и на побережье Восточно-Сибирского и Чукотского морей 150–200 мм. Средняя температура января здесь -32° , тогда как во Вла-

дивостоке она составляет $-14,4^{\circ}$, в Южно-Сахалинске $-13,8^{\circ}$, а в Петропавловске-Камчатском $-8,5^{\circ}$. В то время как на Чукотском полуострове заморозки наблюдаются во все летние месяцы, количество безморозных дней в Петропавловске-Камчатском достигает 114, в Южно-Сахалинске 121, а во Владивостоке — 153.

В позднечетвертичное время Дальний Восток не испытывал значительных колебаний климата. Перед началом бронзового века, после климатического оптимума атлантического периода, на юге Дальнего Востока имело место некоторое похолодание. Уменьшается роль широколиственных пород и увеличивается процент хвойных. В результате ландшафтно-растительный облик южной части региона стал близок нынешнему (Короткий, Караулова, 1976). Формирование современной ботанической и климатической зональности произошло, видимо, еще до начала эпохи бронзы, в позднем неолите. Во всяком случае, пылецевой анализ погребенной почвы из слоя зайсановской неолитической культуры поселения Кроуновка на южной окраине дальневосточного региона дал флору, близкую составу современной растительности этого района. О незначительности ландшафтно-климатических изменений в прошлом на юге Дальнего Востока говорит, в частности, то, что горные пихто-еловые леса среднего и южного Сихотэ-Алиня до наших дней сохранили облик доледниковых лесов Восточной Азии; кедрово-широколиственные леса также аналогичны доледниковым.

История изучения бронзового века Дальнего Востока. Планомерное археологическое изучение Дальнего Востока началось по существу с 1935 г., когда А. П. Окладников провел первую широкую разведку в долине Амура. Однако считать этот момент первой страницей истории археологических исследований Дальнего Востока было бы неверно. Работы А. П. Окладникова в этом крае явились органическим продолжением предшествующих географо-этнографических изысканий (нередко сопровождавшихся небольшими археологическими раскопками), которые возглавлялись такими блестящими учеными, как С. П. Крашенинников, Л. Я. Штернберг, В. К. Арсенев, В. Г. Богораз и др.

В 1950–1960-е годы А. П. Окладников и его молодые коллеги (В. Е. Ларичев, А. П. Деревянко, Э. В. Шавкунов, Ж. В. и Г. И. Андреевы, Д. Л. Бродянский и др.) приступили к систематическим поискам и исследованию древностей Приамурья и Приморья (Приморьем мы называем самую южную часть Дальнего Востока, укладывающуюся в административные границы нынешнего Приморского края). Были начаты раскопки ряда крупных поселений, выявлены богатые и самобытные древние культуры. Изучение древнейшей истории Северо-Восточной

Азии и Охотского побережья связано в основном с коллективами, возглавляемыми Н. П. Диковым и Р. С. Васильевским. На Сахалине и Курилах раскопки археологических памятников вели Р. В. Козырева, В. А. Голубев, Р. С. Васильевский, В. О. Шубин и др. Сейчас на Дальнем Востоке работают большие комплексные археологические и этнографические экспедиции, руководимые коллективами Института этнографии АН СССР, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Северо-Восточного комплексного НИИ ДВНЦ АН СССР и других научных учреждений.

Археологические исследования показали своеобразие исторического развития Дальнего Востока. Уже в неолитическую эпоху в южной части этого региона — в Приамурье и Приморье, находившихся в более благоприятных климатических условиях, сложился оседлорыболовческий тип хозяйства, что создало предпосылки для овладения земледельческими и скотоводческими занятиями. Вслед за выявлением здесь древнего очага производящей экономики в среде археологов развернулась дискуссия: относить памятники II тыс. до н. э. на юге Дальнего Востока к неолиту или к бронзовому веку. Авторы первой точки зрения ссылаются на абсолютное господство каменного инвентаря, единичность находок металлических изделий, отсутствие развитой бронзовой металлургии (Деревянко, 1969а; Окладников, Деревянко, 1971). Сторонники отнесения памятников II тыс. до н. э. к эпохе бронзы исходят из наличия металлических изделий (Бродянский, 1975), следов местной металлообработки, высокого уровня экономики (Андреева, Ковькова, 1978; Андреева, Гарковик, 1979).

Иным был исторический путь древних народов более северных районов Дальнего Востока. В раннем и среднем неолите охотничьи и охотничье-рыболовческие общества северной и центральной частей региона не отставали в своем развитии от населения окрестных областей и активно контактировали как с западными, так и с южными соседями. Однако далее эти контакты ослабли. После того как запад и юг шагнули в эпоху металла, местное население продолжает жить неолитическим бытом. Культуры «затяжного» или «пережиточного» неолита доживают здесь до XVII в., т. е. до освоения этого края русскими. Причину ослабления культурно-исторических контактов с югом и западом, по мнению Н. Н. Дикова, следует искать в различии путей экономического развития, которое выразилось в сложении производящего хозяйства на юге и в длительной консервации охотничье-рыболовческого и зверобойного промыслов на севере (Диков, 1979).

Поскольку Чукотка II и I тыс. до н. э. была охарактеризована ранее, в восточносибирских разделах (в связи с ымыяхтахской культурой), а срединная часть Дальнего Востока (Охотское побережье, Камчатка, Курилы, Сахалин) входит в ареал культур «пережиточного» неолита (врангелевская, берингоморская, тарьинская и другие культуры), которые описаны в томе по неолиту издания «Археологии СССР», мы ограничимся лишь рассмотрением культур бронзового века южной окраины Дальнего Востока (Приханкайская равнина, юг Приморья, бассейны Уссури, Нижнего и Среднего Амура).

1. Памятники и культуры бронзового века южной части Дальнего Востока

Исследование бронзового века южных окраин региона осложнено тем, что в силу традиционности развития местных культур трудно уловить грань между концом неолита и началом эпохи бронзы. Сейчас принято считать, что эпохе появления бронзовых изделий на юге Дальнего Востока непосредственно предшествует выделенная Г. И. Андреевым зайсановская культура, памятники которой встречаются от оз. Ханка до бухты Евстафия. В восточной части Южного Приморья существовали в это время памятники типа поселения Валентин-перешеек, а в более северных районах — памятники типа поселения в бухте Рудной. В целом неолит доживает в Приморье примерно до середины II тыс. до н. э.; он явился основой, на которой сложились характеризующие ниже культуры эпохи бронзы.

Синегайская культура (рис. 140; 141). В 1957—1958 гг. А. П. Окладников открыл и частично исследовал ряд памятников в окрестностях оз. Ханка, которые позднее были отнесены Д. Л. Бродянским к синегайской культуре — по поселению Синий Гай, раскопанному в 1969—1972 гг. В Синем Гае найден 21 предмет из бронзы. Среди них вогнутообушковы ножи, полусферные бляшки с петелькой на вогнутой стороне, четыре парные и одна тройная бляшки, крючок, обломок наконечника стрелы и т. д. Все поддающиеся определению бронзовые вещи Синего Гае относятся к изделиям карасукского типа. Ниже мы даем краткую характеристику синегайской культуре — в основном по работам основного исследователя синегайских памятников Д. Л. Бродянского (Бродянский, 1964; 1969; Окладников, Дьяков, 1979; Александров, Арутюнов, Бродянский 1982).

Наиболее изучены три поселения синегайской культуры: у пади Харинской, Синий Гай и Кировское I. Глиняная посуда лепная, плоскодонная, красного, серого и желтого цвета (рис. 141). Стенки плотные, тонкие, в тесте заметна примесь песка и дресвы. Венчики сосудов отогнуты под углом 45—90°, у чаш — прямые или слегка вогнутые внутрь. В Харинском и Кировском поселениях встречаются сосуды с нарядным ярко-красным или черным покрытием и лощением, расписанные коричневой или черной краской, которой наносились узоры в виде параллельных полос. Встречаются прочерченные желобки, наклепные валики. Ямки-наколы и прочерки острой палочкой образуют треугольники, элементы вертикального зигзага, параллельные пояса. Орнамент приурочен к верхней части сосудов и к плечикам. Есть чаши с ручками-ушками и кольцевидным поддоном. Судя по материалам поселения у пади Харинской, выделяется пять основных групп глиняной посуды: чаши и чашевидные экземпляры (наиболее характерный тип керамики), горшки, банки, сосуды со сферическим туловом, корчаги (Окладников, Дьяков, 1979).

В Синем Гае найдено значительное количество оружия: роговые и костяные накладки луков и костяные крепления для тетивы, панцирные пластины, наконечники стрел и кинжалы. Кроме того, истрече-

ны шлифованные наконечники стрел, а также гранитные наконечники булав.

Панцирные пластины сделаны из реберных костей; они заполированы и снабжены отверстиями по краям. Крепились горизонтально, вплотную друг к другу. Многие из них украшены меандровым резным орнаментом и круглообразными узорами. Известны фигурные пластины, служившие, видимо, украшениями.

Среди каменных наконечников стрел наиболее характерны шлифованные — плоские или ромбовидные в поперечном сечении. Есть боевые наконечники с жальцами. Костяные наконечники делались более крупными. Наиболее характерны игловидные и черешковые, с треугольным уплощенным пером. Они снабжались хвостовым упором в виде костяной пластины с основанием наподобие ласточкиного хвоста.

Костяные кинжалы имеют длину до 24 см. По форме рукояти их можно разделить на три разновидности: 1) с выступами, обозначающими перекрестие; 2) с пазом, отделяющим рукоять от клинка; 3) с рукоятью из части эпифиза в виде шляпки гвоздя. Формы рукоятей вызывают карасукские ассоциации. Синегайские шлифованные сланцевые (шиферные) клинки — листовидные, с прямым основанием и шестигранным в сечении насадом и утолщенным ромбовидным в сечении острием. На поселении у пади Харинской найдена имитация в камне бронзового втульчатого наконечника копья с листовидным пером и центральной жилкой, по обеим сторонам которой прошлифованы неглубокие канавки, а также с овальным в сечении черешком.

Среди орудий труда наиболее многочисленны шиферные ножи (рис. 140, 3—5), которые делятся на две основные группы: с рукоятью и полулунные. Последние принято считать жатвенными ножами. Кроме жатвенных ножей, к земледельческим орудиям можно отнести зернотерки, куранты, песты и каменный «лемех». Непременной принадлежностью почти каждого жилища являются зернотерки. Среди курантов преобладают сегментовидные, а в пади Харинской, помимо этого, известны широкие ладьевидные.

Многочисленны рубящие каменные орудия — топоры, тесла, долота, стамески и пр. Большинство из них шлифованные. Синий Гай дал большой набор орудий из кости и рога: иголки, шилья, роговые муфты для крепления орудий, кирки и т. д. В каждом жилище встречены глиняные пряслица. Чаще всего они имеют форму перевернутой шляпки гриба на короткой ножке.

Довольно много находок, которые можно предположительно отнести к категории игрушек. В их числе маленькие нарядные (оранжевые, красные, желтые, белые, пестрые) гальки из сердолика и халцедона. Скорей всего игрушками являются и встреченные на синегайских поселениях миниатюрные пряслица и сосуды.

Всего по данным на 1982 г. на поселениях синегайской культуры было раскопано 23 жилища: Харинское — пять жилищ, Кировское I — одно жилище, Синий Гай — 17. Все они имели углубленные основания. Жилище в Кировском было прямоугольным (9×8 м), сохранившаяся высота земляных стенок достигала 0,3 м. По краю дома отмечены следы стол-

бов. Несколько столбовых ямок группировались в центре вокруг очага.

Харинское поселение, защищенное с трех сторон крутыми склонами холма высотой до 100 м, с четвертой, доступной для нападения стороны было ограждено искусственным рвом. Жилища располагались довольно тесно — на расстоянии 1—1,5 м друг от друга. Они были округлыми в плане (диаметр 5—6 м) и углублены на 0,4—0,8 м. Стены выложены из камня. Для столь древних памятников Дальнего Востока эта архитектурная особенность выявлена впервые. Очаги располагались в средней части жилища (но не в центре). Они имели прямоугольные очертания, стены и пол очагов были выложены каменными плитами. В жилище 1 обнаружена каменная печь, видимо, со сводом.

Жилища Синего Гая, построенные на скальном грунте, менее выражены. Их площадь варьирует от 5 до 165 кв. м. Следы деревянных столбов и очагов на каменном ложе домов не прослеживаются. Площадки жилищ обычно примыкают вплотную друг к другу, и зачастую непонятно, где заканчивается одно и начинается другое. Поэтому число 17, определяющее количество раскопанных домов на Синем Гае, достаточно условно. В одном из жилищ выявлена костерезная мастерская, в которой найдено около 5 тыс. обрывков кости и рога, десятки целых предметов и заготовок.

Могильники синегайской культуры пока неизвестны.

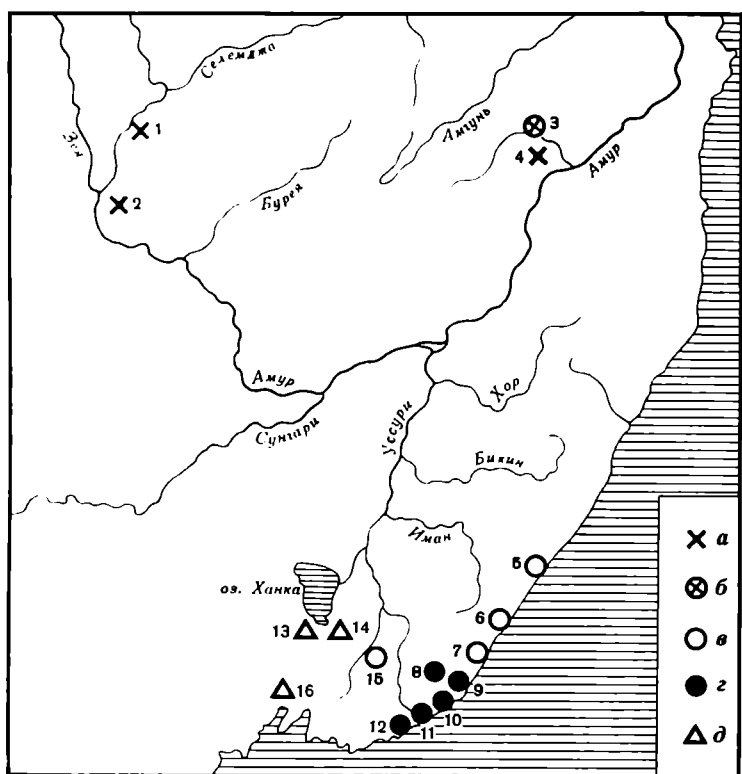
Синегайцы вели многоотраслевое хозяйство, включающее земледелие, скотоводство, рыболовство и охоту. Земледелие надежно документируется находками зерен чумизы, жатвенных ножей, зернотерок, пестов, курантов. Есть некоторые основания предполагать пахотное земледелие. Во всяком случае, ряд исследователей склонны трактовать одну из разновидностей каменных орудий, встречаемых в синегайских комплексах, как лемехи.

Население синегайской культуры было знакомо со скотоводством, причем, как считает Д. Л. Бродянский, основным и самым многочисленным домашним животным была свинья. О ее особой роли в жизни синегайцев говорят ритуальные погребения этих животных возле домов и под полом жилищ на Синем Гае. Особенно интересно захоронение свиньи около жилища 17: она лежала на спине, грудь защищал панцирь из костяных пластин, рядом были украшения, костяная игла (Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982, с. 15). Встречены погребения и других животных. Под полом дома 26 Синегайского поселения найден череп крупного барсука, а возле жилища 4 обнаружено захоронение огромного изюбря.

В жилище 23 Синего Гая найден интересный костяной предмет с ритмично повторяющимися черточками, который трактуется Д. Л. Бродянским как лунный календарь.

По имеющимся датирующим предметам синегайская культура отнесется скорее всего к последним векам II — первым векам I тыс. до н. э.

Маргаритовская культура (рис. 142—144). Представлена в основном выделенными типологически материалами из смешанных слоев поселений у Синих Скал, Пермского и Морьяк-Рыболов. Последнее находится при впадении речки Маргаритовки в бухту

Карта 40. Памятники бронзового века Приморья

a — местонахождение бронзовых вещей в связи с круглодонной керамикой; *b* — поселения эвронской культуры; *v* — поселения лидовской культуры; *z* — поселения маргаритовской культуры; *d* — поселения синегайской культуры
 1 — устье р. Анго; 2 — Падь Степаниха; 3 — Кондон; 4 — Сарголь; 5 — Благодатное III; 6 — Лидовка I; 7 — группа поселений в устье р. Рудной; 8 — поселение с гротами; 9 — Пермское II; 10 — Сиие Скалы; 11 — Моряк-Рыболов; 12 — Киевка; 13 — Падь Харинская; 14 — Синий Гай; 15 — Круглая Долина; 16 — Кировское

Моряк-Рыболов. Оно было раскопано и опубликовано А. П. Окладниковым (1964б). Поселения у Сииих Скал и Пермское исследовались Ж. В. Андреевой и А. В. Гарковик.

Маргаритовская культура локализовалась в южной, приморской части Сихотэ-Алиня — к югу от лидовской и к востоку от синегайской культур (карта 40). Поселение Моряк-Рыболов в устье р. Маргаритовки двуслойное (неолит, бронзовый век). Среди находок маргаритовского комплекса обращают на себя внимание шлифованный каменный кинжал, шлифованные ножи, прямоугольные в сечении тесла, шлифованные камешные диски до 3 см в диаметре, цилиндрическая бусина. Сосуды плоскодонные. Преобладают тонкостенные экземпляры с воротничковыми венчиками, по которым нанесены оттиски гребенчатого штампа. Часть сосудов украшена прочерченным орнаментом, в том числе вертикальным зигзагом (Окладников, 1964б).

Поселение Сиие Скалы находится на вершине отрога, выступающего от массива гор Сихотэ-Алиня в долину р. Аввакумовки. Основной комплекс памятника в виде остатков жилищ, мастерских, равно как и подавляющая масса находок, относятся к V—VIII вв. н. э. Однако в северной части памятника удалось проследить залегающие в нижних слоях остатки полуземлянки четырехугольных очертаний

с ранним (маргаритовским) комплексом находок. На остальной части поселения маргаритовский материал встречен в переотложенном состоянии. Это в основном орудия из кремнистых пород, обработанные тонкой отжимной ретушью: удлиненные асимметричные ножи, скребки концевые, клювовидные и боковые, сверла, наконечники стрел удлиненно-треугольной и листовидной форм. Любопытны обломки шлифованных каменных кинжалов и наконечников копий, имитирующих бронзовые. Рукоять одного кинжала имела утолщенное навершие. Есть и другие шлифованные изделия — ножи, прямоугольные в сечении тесла, небольшие диски. Характерны грубо обработанные трапециевидные мотыги, сегментовидные куранты, плиты для растирания.

Керамика представлена обломками тонкостенных плоскодонных сосудов бурого цвета с воротничковыми венчиками, украшенными вертикальными насечками или отпечатками гребенчатого штампа. Встречен прочерченный орнамент, в том числе с элементами вертикального зигзага. В северной части поселения найдены обломки крупного горшка с хорошо лощеной поверхностью яркого малинового цвета. Он имел высокое, почти прямое горло, резко отогнутый в горизонтальном направлении край венчика и выпуклое тулово. По плечикам черной краской нанесен узор из подковообразных фигур, обращенных вершинами к венчику.

На западной окраине поселения собрано более 30 литейных форм из сланца и песчаника, целых и в обломках, со следами многократного их использования. Все формы двусоставные. Предназначались в основном для отливки наконечников копий. Большинство последних имели постепенно суживающееся перо, длинную втулку, продолжавшуюся по осевой линии, но не доходящую до конца пера (рис. 142, 3, 9). Верхняя часть несколько утолщена. Интересно, что найденные здесь каменные шлифованные наконечники копий и стрел имеют такое же строение пера. Плечики суживались ко втулке как постепенным закруглением, так и под углом. Обнаружен бронзовый наконечник копья, хорошо совпадавший с одной из форм. Любопытно, что когда матрицы приходили в негодность, новые иногда делались на обратной стороне этого же бруска. Найдены формы для отливки бляшек уплощенно-конической формы. Одна из них предназначалась для изготовления сразу пяти бляшек (рис. 142, 5, 6). На внешней стороне створки — незаконченная матрица на четыре бляшки. Найдены и сами бляшки (рис. 142, 7, 8). Одна форма предназначалась для отливки втульчатых двухлопастных наконечников стрел, крючков (рис. 142, 4). Таким образом, на поселении Сиие Скалы впервые в Приморье найдены многочисленные признаки литейного производства эпохи бронзы. Отливавшиеся в охарактеризованных формах бронзовые изделия обладают рядом черт, присущих бронзовым предметам второй половины II тыс. до н. э. на довольно широкой территории.

Были проведены раскопки у подножья Сииих Скал, в неглубоких гротах и возле них. Здесь зафиксировано примерно то же сочетание культурных напластований и материала, что и у охарактеризованного выше поселения на вершине Сииих Скал. Один из гротов дал находки только маргаритовской культуры.

Площадь его около 20 кв. м. Выделяются прекрасно полированный каменный клинок, шлифованные тесла, прямоугольные в сечении, «пашки» из светло-серого вулканического туфа, грузила из галек для рыболовных сетей (рис. 143). Обращают на себя внимание каменные орудия с искусной, почти художественной ретушью: листовидные и треугольные наконечники стрел удлинённых пропорций, асимметричные концевые скребки, вкладышевые пластины. Из украшений заслуживают упоминания цилиндрические бусы из светлого сланца. Глиняные орудия представлены пряслицами. Они имеют коническое или сегментовидное сечение; украшены прочерченными линиями, точками или насечками, идущими в радиальном направлении.

Посуда близка маргаритовскому керамическому комплексу поселения Синие Скалы. Она включает тонкостенные бурого цвета широкогорлые плоскодонные сосуды с воротничковым или валиковым, слегка отогнутым венчиком, в большинстве случаев с невысокой шейкой и плавно выпуклым туловом (рис. 144). Иногда шейка и плечики выражены более четко. Большинство горшков не орнаментировано. Наиболее част узор на воротничках в виде вертикальных насечек или оттисков гребенчатого штампа; насечки бывают и по нижнему краю венчика. Орнаментация верхней части тулова чаще встречается на сосудах, валик которых имел насечки. Наиболее характерны горизонтальные ряды коротких насечек, прочерченный вертикальный зигзаг, элементы вертикального зигзага, выполненные прочесами гребенки. На одном горшке был рисунок, напоминающий простейший прямоугольный меандр. Некоторые донышки украшены горизонтальными черточками и узорами, похожими на древесный лист. В целом посуда типична для маргаритовской культуры.

В описываемом гроте выявлено большое скопление костей животных и рыб, раковин моллюсков. Преобладают олень и косуля. В меньшей мере представлены медведь, кабан, единичны кости пушных животных. Найдены костные остатки домашней свиньи, собаки, хотя количество их невелико. Определены проходные рыбы (кета, горбуша), а также краснопёрка, камбала, минтай, треска, бычок. Среди моллюсков, судя по створкам раковин, преобладает гребешок. В целом хозяйство реконструируется как многоотраслевое, включающее примитивное скотоводство, возможно, земледелие (находки курантов, плит для растирания, шлифованных «жатвенных» ножей), охоту, рыболовство, ловлю моллюсков и собирательство.

Маргаритовскую культуру отличает от синегайской большой процент ретушированных орудий. Особенностью маргаритовской культуры является также характерность тонкостенных сосудов с воротничковым венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа, наличие небольших своеобразных каменных шлифованных дисков — «шашек» и др. В целом маргаритовская культура выглядит архаичнее синегайской. Помимо большого процента и многообразия ретушированных орудий, об этом говорит более «неолитоидный», чем у синегайцев и лидовцев, облик глиняной посуды: меньшая профилированность, наличие признаков, свидетельствующих о более тесной связи с неолитической зайсановской культурой, и т. д. Думается, что маргаритовская культура в общем уме-

щается в пределах второй половины II тыс. до н. э. Заходит ли она в начало I тыс. до н. э., пока говорить трудно. К сожалению, мы не знаем комплексов, о которых можно было бы сказать, что они характеризуют связующее звено между маргаритовской и местной раннежелезной культурами.

Лидовская культура (рис. 145). Комплексы лидовского типа открыты в устье р. Рудной экспедицией А. П. Окладникова и датированы первоначально эпохой раннего железа (Окладников, 1959б). Позже они были отнесены к особой лидовской культуре эпохи бронзы, локализовавшейся на северо-востоке Приморья, в основном в прибрежной полосе Японского моря (Дьяков, Дьякова, 1979; Дьяков, 1979а, б; Диков, Бродянский, Дьяков, 1983). В. И. Дьяков объединил в названную культуру около 50 памятников, подавляющая часть которых определена на основе подъемного материала. Наиболее изучены поселения Лидовка I, где вскрыто свыше 1000 кв. м, и Благодатное III (раскопано более 500 кв. м). На других памятниках (поселения Круглая Долина, Морьяк-Рыболов, Булочка) раскопана сравнительно незначительная площадь. При сопоставлении материалов этих памятников В. И. Дьяков не всегда принимал во внимание степень сходства и удельный вес сравниваемых признаков, в результате чего в лидовскую культуру оказались включенными находки маргаритовской культуры из бухты Морьяк-Рыболов и неолитический комплекс многослойного поселения на сопке Булочка.

Глиняная посуда лидовской культуры плоскодонная; она отличалась тонкостенностью и изготовлялась техникой кольцевого налёпа. Иногда наружная часть имела лощение. Сосуды представлены тремя формами: амфоровидными, горшковидными, чашами. Первые две разновидности, за редким исключением, имеют все признаки кухонных: следы пребывания в огне, пищевой нагар, нахождение их в очагах. Наиболее крупные амфоровидные сосуды, емкостью от 10 до 30 л, использовались для хранения пищевых запасов. Некоторые «амфоры», имеющие малиновую окраску поверхности, возможно, являлись парадной или ритуальной посудой. Чашевидные сосуды немногочисленны (от 3 до 5%). Пока не встречено ни одной целой чаши. При изготовлении чаш и «амфор» в качестве отощителя использовался песок, у горшков в тесте фиксируются песок и дресва.

Количество «амфор» на разных поселениях неодинаково. На Лидовке I они преобладают, на Благодатном III их около половины, на более южных поселениях фрагменты амфоровидной керамики единичны. Эти различия, по мнению В. И. Дьякова, имеют хронологический характер: уменьшение процента «амфор» говорит о большей древности (Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 42). Амфоровидные сосуды и одна из разновидностей горшковидных (с четко выраженной шейкой и плечиками) хорошо известны в памятниках железного века, являясь там ведущими формами. Кроме отмеченной хронологической тенденции, следует иметь в виду и возможность культурной неоднородности керамического материала, отмеченного В. И. Дьяковым к лидовской культуре. Так, широкогорлые, слабо профилированные сосуды, составляя на Лидовке I и Благодатном III незначительную часть посуды, являются основными на посе-

лении Моряк-Рыболов и других памятниках маргаритовской культуры.

Выделяется группа крашеных амфоровидных сосудов. Окраске обычно подвергалась внешняя поверхность, но иногда и внутренняя. Краска во всех случаях имеет единообразный малиновый цвет. Крашеные сосуды не орнаментировались. Венчики у них не имеют утолщений и налепов, характерных для обычной керамики. Поскольку большинство крашеных сосудов представлено фрагментами, нет уверенности, что все они принадлежат «амфорам». Не исключено, что окрашивались и некоторые горшки. Крашеные чаши не встречены. В целом доля крашеной керамики в лидовских комплексах незначительна. Больше всего ее на Лидовке I, но и там она не превышает 5% (Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 44–45).

В. И. Дьяков выделяет на лидовской посуде три орнаментальные зоны: 1) зону венчика, включающую кромку сосуда, валик, карнизик или воротничок, участок, находящийся непосредственно под валиком или воротничком; 2) линию соединения шейки и тулова; 3) плечики. Характер и техника выполнения орнамента одинакова для амфоровидных и горшковидных сосудов, но у последних отсутствуют вторая и третья орнаментальные зоны.

Кроме разных вариантов валиков и венчиков, которые В. И. Дьяков относит к группе «выпуклого» орнамента, первая зона часто имела и врезной орнамент, представленный прочерченными желобками и вдавлениями разной формы. «Врезная орнаментация, — сообщает В. И. Дьяков, — осуществлялась с помощью палочки, имеющей рабочий конец разных форм (острый, вытянуто-треугольный, округлый, прямоугольный), ножом или краем кремневой пластинки, лопаточки (шпателем), половинкой тонкой трубочки (тростниковой или птичьей косточкой), 2–4-зубой гребенкой (для прочерчивания параллельных линий), погтем» (Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 45).

Для второй зоны, приуроченной к линии соединения шейки с горловиной (у амфоровидных сосудов), также характерна выпуклая и врезная орнаментация. Выпуклый орнамент представлен треугольными, иногда сегментовидными или прямоугольными в сечении валиками. Врезные узоры здесь всегда связаны с валиком и часто располагаются прямо на нем (ногтевые оттиски, чечевицеобразные вдавления, наклонные насечки и др.). Третья зона амфоровидных сосудов (плечики) обычно украшалась сегментовидными или уплощенно-прямоугольными в сечении валиками (от 1 до 4) и горизонтальными бороздками (от 3 до 11). Последние пересекаются пучками вертикальных линий или коротких штрихов. В целом врезной орнамент на лидовской посуде преобладает над выпуклым. Лидовские сосуды, помимо специфики отдельных элементов врезного орнамента, отличаются от синегайских большей характерностью налепных валиков, отсутствием поддона, концентрацией орнамента на венчике, малым процентом чаш.

Среди лидовских керамических изделий, кроме сосудов, следует отметить пряслица диаметром от 3 до 5,5 см. Они имеют усеченно-коническую, сегментовидную и прямоугольную в сечении форму, с обладанием двух первых. Некоторые экземпляры украшены ногтевидными оттисками и наколами. Инте-

ресны неоднократно встреченные на Лидовском I поселении диски из стенок сосудов диаметром от 1 до 10 см. Они известны и в пределах маргаритовского ареала, где относятся к железному веку. Бесьма любопытны керамические антропоморфные скульптурки, найденные в Лидовке I, Благодатном III, Круглой долине и др. (рис. 145, 23). Почти все они разбиты.

Многочисленны ретушированные каменные изделия из кремнистого сланца, кремня, халцедона, сердолика, вулканического туфа, яшмы. Иногда встречаются предметы из обсидиана и горного хрусталя. Орудия делались на пластинах, отщепах, а также способом двусторонней обработки исходного материала (галек, плитчатого кремня и пр.).

Наконечники стрел представлены пятью типами. Особенно распространены треугольные с прямым, вогнутым и скошенным основанием. Кроме того, известны ромбовидные наконечники, миндалевидные, иволистные и черешковые. Наконечники копий (ретушированные) имеют листовидную форму.

К режущим инструментам относятся ножи (наиболее многочисленная категория режущих орудий), вкладыши, резак. Для ножей характерны выделенная ретушью или другим способом рукоять и дугообразное лезвие (рис. 145, 21, 27). Вкладыши составляют вторую по численности группу режущих изделий. Они обработаны двусторонней ретушью и имеют подтреугольно-овальную форму. Резак представлен главным образом треугольными экземплярами. Лезвием служило основание треугольника, оформленное двусторонней ретушью или поперечным сколом.

Достаточно часты шлифованные орудия из сланцевых и кремнесодержащих пород. Среди них ножи двух типов: с выделенной рукоятью и полулунные («жатвенные»). Топоры не отличаются существенно от синегайских и маргаритовских; они характеризуются прямоугольным, реже овальным поперечным сечением, прямоугольной или трапециевидной (иногда приостренной) формой. Тесла представлены единичными экземплярами. Гораздо многочисленнее мелкие долота. Шлифованные наконечники стрел делятся на треугольно-листовидные, черешковые, удлиненно-черешковые с одним — двумя продольными желобками. Среди первых двух типов встречаются наконечники с противоположащей заточкой пера.

О знакомстве лидовцев с металлом свидетельствуют шлифованные каменные наконечники копий, имитирующие бронзовые, с пламевидным лезвием и округло-уплощенным в сечении черешком (рис. 145, 8, 9, 17). По вертикальной оси идет ромбический или округлый в сечении стержень. Есть накопечники с асимметричной (противолежащей) заточкой пера.

В лидовских комплексах обычны изделия из галек: отбойники, наковальни, грузила, песты, мотыги, терочники, лоцила. Разнообразны каменные украшения. Среди них специфические для лидовской культуры круглые плоские привески, кольца и цилиндрические бусы.

Жилища, судя по кратким отчетным заметкам, представляли собой наземные каркасные постройки, подпрямоугольные или овальные в плане. В Благодатном III одно из трех раскопанных жилищ имело площадь около 50 кв. м. Оно лишь чуть углублено в землю. Со стороны склона глубина не превышает 0,20–0,25 см, а ниже пол выходит на уровень дров-

ней дневной поверхности. Внутри жилища были округлые очаги (Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 34). На поселении Лидовка I раскопано несколько близко расположенных наземных каркасных жилищ и хозяйственных помещений. В центре поселка выявлены следы самой крупной постройки, от которой сохранились остатки 12 очагов, расположенных в виде овала, занимающего площадь около 65 кв. м. Очаги размещались в округлых ямах размером 0,6—0,7×0,8 м при глубине до 0,4 м; дно некоторых из них выстлано берестой. Обычные жилища имели два—три очага овальных очертаний. На Лидовке I обнаружены также очаги летнего типа, расположенные за пределами домов (Дьяков, Дьякова, 1976, с. 238).

Могильники лидовской культуры пока не найдены.

Хозяйство лидовцев реконструируется как многоотраслевое, включающее охоту, рыболовство, собирательство и мотыжное земледелие, возможно, при ведущей роли последнего. О земледельческих занятиях говорит ряд прямых и косвенных данных: каменные мотыги, песты, сегментовидные куранты, обломки зернотерочных плит, «жатвенные» ножи, остатки просовидных злаков. Наличие грузил из галек с боковыми выboинами свидетельствует о рыболовстве. Охота документируется наконечниками стрел, скребками и другими орудиями. Данные о животноводстве не обнаружены — возможно, из-за плохой сохранности костного материала.

В целом лидовская культура датируется более поздним временем, чем синегайская и маргаритовская, и в значительной своей части относится к переходному периоду от бронзового века к железному. Об этом говорит, в частности, то, что в лидовских материалах, прежде всего в керамике, много черт, получивших развитие в эпоху железа. Лидовская культура, по В. И. Дьякову, существовала в X—V вв. до н. э., а ведущий памятник этой культуры поселение Лидовка I относится к VII—VI вв. до н. э. Рассматривая вопросы генезиса лидовской культуры, В. И. Дьяков склонен связывать ее происхождение с Амуро-Уссурийским регионом (Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 64).

Памятники бронзового века Приамурья. Сведения о бронзовом веке Амура крайне скудны и отрывочны. Как и в Приморье, здесь известны случайные находки бронзовых изделий и каменных шлифованных предметов, копирующих бронзовые оригиналы (рис. 139). В Нижнем Приамурье на оз. Эворон и в его окрестностях выявлена группа памятников, являющаяся генетическим и хронологическим продолжением памятников местной поздненеолитической вознесенновской культуры. А. П. Окладников и А. П. Деревянко (1973, с. 202) датировали упомянутую группу эпохой бронзы и отнесли ее к особой эворонской культуре. Впервые комплекс этой культуры был обнаружен при раскопках неолитического поселения в с. Кондон на межжилищном пространстве. Вместе с каменными ретушированными предметами здесь найдены шлифованный, прямоугольный в сечении топор, пест, цилиндрические бусы из белого камня, а также бронзовые изделия: рыболовный крючок, обломок ножа, двухлопастный наконечник стрелы с насадом. Глиняные сосуды грубые, с сильно отогнутым наружу венчиком, украшенным по внешнему краю вдавлениями, а ниже — ногтевидными оттиска-

ми. Орнамент на стенках — округлые или овальные вдавления либо нечеткие отпечатки гребенки (Окладников, Деревянко, 1973, с. 201—202). О других памятниках эворонской культуры есть лишь краткие упоминания в связи с археологической разведкой.

В этом же районе была выявлена не характерная для Нижнего Приамурья круглодонная посуда (здесь с неолитического времени господствовала плоскодонная керамика). Упомянутая посуда найдена в нескольких километрах от с. Кондон и недалеко от пос. Сарголь. Сосуды были украшены налепными валиками, косыми насечками, оттисками погтя, ямками. Эта керамика напоминает по облику неолитическую и глазковскую посуду Прибайкалья. Керамику сопровождал каменный инвентарь: ретушированные листовидные наконечники стрел, языковидные скребки, шлифованные наконечники стрел, ножи, прямоугольные в сечении тесла (Окладников, Деревянко, 1973, с. 202).

Круглодонная керамика обнаружена и на Среднем Амуре — в пади Степаниха недалеко от Благовещенска. На месте временного жилища типа чума найдены небольшой бронзовый нож, несколько прямоугольных в сечении шлифованных топоров и тесел. Вместе с ними были круглодонные сосуды, характерные для таежной зоны Прибайкалья (Деревянко, 1969а, с. 98). На другом поселении, расположенном при впадении р. Анго в р. Зею, возле очага встречена бронзовая карасукская бляшка вместе с ножевидными пластинами и каменными орудиями. На поселении Березовка в бассейне р. Зеи обнаружен плавильный очаг, видимо, конца II тыс. до н. э. (Окладников, Деревянко, 1973).

2. Проблемы связей, исторических судеб и этнической принадлежности культур бронзового века Приморья и Приамурья

Истоки охарактеризованных выше культур восходят к местному неолиту. Последующий культурно-исторический период на юге Дальнего Востока (эпоха раннего железа) в свою очередь является генетическим продолжением местного бронзового века. Так, янковская и кроуновская культуры начала железного века в Приморье выводятся исследователями из культур бронзы этой территории. На местной основе развиваются и культуры раннежелезного периода бассейна Амура — урильская, а затем польцевская (Андреева, 1977, с. 132, 133; Бродянский, 1969, с. 18; Деревянко, 1973, с. 298—300; Окладников, 1959б, с. 29—36).

Выше уже говорилось, что бронзовые вещи и их каменные подобию, встреченные в комплексах синегайской, маргаритовской и других культур юга Дальнего Востока, во многих случаях типологически близки бронзовым изделиям Забайкалья, Южной Сибири и Центральной Азии, где в это время сложился и существовал ряд богатых и колоритных культур. Отме-

чепное типологическое сходство говорит о том, что начиная с середины II тыс. до н. э. население юга Дальнего Востока было достаточно тесно связано с южносибирским и центральноазиатским миром, а через него — с древними народами Средней Азии и Восточной Европы (Окладников, Деревянко, 1973, с. 206). Наряду с влияниями были и прямые проникновения. Археологические данные свидетельствуют о приходе во II тыс. до н. э. отдельных групп населения из Забайкалья и Прибайкалья в бассейн Амура (Деревянко, 1969а, с. 99).

В действительности сфера связей, контактов и проникновений была, видимо, еще шире. Так, влияние андроновской культуры отмечено в шаньинских бронзах Китая (Киселев, 1960, с. 264—265). Позже карасукские бронзолитейные традиции наложили печать на иньские бронзы Китая (Новгородова, 1970, с. 176). Следы влияния культур Забайкалья, Южной Сибири и Центральной Азии прослеживаются на бронзовых изделиях Южной Маньчжурии: кельты и пуговицы, отлитые здесь, по форме и орнаменту аналогичны карасукским (Окладников, Деревянко, 1973, с. 206). Каменные кинжалы бронзового века Корейского полуострова типологически сопоставимы с сибирскими образцами, а бронзовые пуговицы имеют карасукский облик (Won Jong Kim, 1967; Хван Ги Дек, 1963). Отголоски влияния карасукских бронз угадываются в поздненеолитическом инвентаре Японии. В разгадке этого явления может иметь значение факт наличия отдельных элементов сходства поздненеолитической керамики Японии с зайсановской или синегайской глиняной посудой (Чан Су Бу, 1977, с. 20—21).

Юг Дальнего Востока издревле был ареной контактов предков нынешних палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов. Поэтому этногенез и этническая история аборигенных групп восточноазиатской части нашей страны не могут быть поняты без изучения приамурских и приморских древностей. Однако накопленный к настоящему времени археологический, антропологический и лингвистический материал еще недостаточен для сколько-нибудь надежных этногенетических выводов. Тем не менее некоторые предположения могут быть высказаны уже сейчас.

Обращают на себя внимание обозначившиеся с неолита существенные различия между культурами Верхнего и Нижнего Амура. Можно предполагать, что Верхнее Приамурье входило в ареал формирования северных тунгусов. Этому не противоречит антропологический материал эпохи неолита из Шилкинской пещеры. Приморье в неолите и бронзовом веке, видимо, явилось районом сложения южных групп тунгусов, во всяком случае местные культуры железного века, тунгусская принадлежность которых считается доказанной, генетически увязываются, через бронзовый век, с локализовавшейся на этой территории зайсановской культурой эпохи неолита (Левин, 1953, 1958; Окладников, 1961, 1968а; Окладников, Деревянко, 1973 и др.).

Неолитические культуры Нижнего Амура с керамикой, украшенной богатым набором специфических криволинейных узоров, а также возникшие на их основе местные культуры бронзового века, вероятнее всего, связаны с предками современных нивхов и нанайцев. Для нивхов и нанайцев, по наблюдениям А. П. Окладникова, «и в наше время характерна та же

криволинейная орнаментика. Основными элементами, фундаментом ее по-прежнему остаются спирали и амурская плетенка». И далее: «Еще ярче связи древней культуры и современной, этнографической, выступают в петроглифах Амура и Уссури, продолжающих художественные традиции неолитического времени. Так, ближайшей аналогией маскам-личинам петроглифов Сакачи-Аляна могут служить расписные личины погребальных идолов — вместилищ душ умерших у нанайцев» (Окладников, 1979, с. 15).

3. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы

Юг Дальнего Востока. Особенности ландшафтно-климатических условий Амура и Приморья определили хозяйственную специфику этой территории, а именно преимущественно рыболовческую направленность экономики. Рыболовство, ориентированное на массовый сезонный ход рыбы, позволяло местному населению добывать ее впрок, что обеспечивало достаточно прочную оседлость и значительную плотность населения. Оседлый образ жизни, став здесь еще в неолите основой бытового уклада, способствовал более быстрому социально-экономическому развитию (Окладников, 1968б; Деревянко, 1969б).

Все это нашло отражение в древнем изобразительном искусстве юга Дальнего Востока, определив его самобытность и оригинальность. Отмеченная специфика наиболее выражена в наскальных изображениях Амура и долины Уссури (Окладников, 1971). Здесь известно шесть местонахождений петроглифов. Среди них особое место в художественно-историческом плане принадлежит наскальным рисункам Сакачи-Аляна в 90 км ниже г. Хабаровска.

Всестороннему анализу амурско-уссурийских петроглифов посвящен ряд работ А. П. Окладникова (1968б; 1968в; 1969; 1971 и др.). Из них следует, что уже в глубокой древности на Амуре и в бассейне Уссури существовал мощный очаг первобытного искусства. Особенно ярко своеобразие этого очага раскрывается при анализе художественного стиля наскальных изображений, главной чертой которого является орнаментализм. Этому стилю чужда динамическая направленность, все подчинено плавной игре кривых линий. Бесконечно развертывающаяся спираль, равно как концентрические круги и просто круги, не только важные составные черты в моделировке образа, но и основные формообразующие элементы. Специфичен и мир художественных образов. Среди них центральное место занимают своеобразно стилизованные антропоморфные личины-маски (Окладников, 1968б, с. 51). Личины эти — овальные, яйцевидные, череповидные или обезьяновидные, с отчетливо выраженным узким подбородком, трапецевидные с овальной вершиной и прямым основанием (Окладников, 1971, с. 78) — составляют основное ядро амурско-уссурийских петроглифов.

Стилистический анализ личин позволил А. П. Окладникову условно разделить их на две группы. Первая — более архаичная; изображения отличаются лаконичной трактовкой, отсутствием орнаментальной разработки внутреннего контура (Окладников, 1971,

табл. 27; 46; 57; 82; 116; 119). Во вторую группу включены более детализированные личины, с ярко выраженной тенденцией к орнаментальной трактовке. Крайним выражением этой тенденции можно считать личины, у которых внутреннее пространство целиком заполнено чисто орнаментальным содержанием (Окладников, 1971, табл. 52, 89) (рис. 146). А. П. Окладников (1968б, с. 48) связывает основную часть этих изображений с периодом расцвета спирально-орнаментированной неолитической керамики, представленной на острове Сучу в жилище 1, в Копдоне и в средних слоях Вознесенского поселения. Именно в это время появляются, с одной стороны, скульптурно трактованные личины, с другой — личины с достаточно сложным геометрическим заполнением внутреннего пространства (Окладников, 1971, табл. 25; 69; 86).

Следует особо подчеркнуть, что стремление к «скульптурности» — отличительная черта нижнеамурских петроглифов. Она наиболее проявляется в моделировке личин на базальтовых глыбах Сакачи-Аляна, где они выбивались не только на выпуклой стороне камня, но и с учетом размещения самой личины на двух соседних плоскостях, расположенных под углом друг к другу. Независимо от общей трактовки образа и характера передачи отдельных деталей, всегда выделены глаза, нос и рот. Как подчеркивает А. П. Окладников (1976, с. 78), «способ передачи этих элементов лица варьирует от реалистических, почти портретных, до крайне условных, геометризованных форм».

Подтверждением, что уже в неолите сюжет антропоморфных личин-масок господствовал в изобразительном искусстве юга Дальнего Востока, служат не только нижнеамурские памятники, но и находки в Приморье. Так, у с. Петровичи (Бродянский, 1978, рис. 1, 8) в ранне-неолитическом комплексе найдена каменная личина-маска, моделированная желобчатой техникой и сопоставимая с одной из личин Сакачи-Аляна (Окладников, 1971, табл. 116). Из нижнего, поздне-неолитического (?) слоя поселения Синий Гай происходят две глиняные личины, также имеющие прямые аналогии в петроглифах Сакачи-Аляна (Бродянский, 1978, рис. 1, 1, 2).

На территории Сибири известны еще два четко обозначенных центра первобытного творчества, где выбивались на камне фантастические личины-маски. Один из них находится в Хакасско-Минусинской котловине и связан с окуневской культурой (первая половина II тыс. до н. э.; Вадецкая, 1980; Леонтьев, 1978). Другой очаг локализован в Саянском каньоне Енисея на территории Тувинской АССР, где изображения, выбитые «на отмытых, заливаемых в половодье валунах и прибрежных скалах», датируются развитым периодом бронзового века (Дэвлет, 1976, с. 17—18; 1980, с. 227—228). А. П. Окладников, М. А. Дэвлет, Н. В. Леонтьев и др. неоднократно обращали внимание на черты сходства между личинами Нижнего Амура, с одной стороны, окуневскими и тувинскими изображениями — с другой. Высказывались предположения о возможных контактах и влиянии амурского культурного очага на изобразительное искусство Хакасско-Минусинской котловины (Окладников, 1971, с. 122; Липский, 1970б, с. 173), подчеркивалась определенная общность в трактовке

образа в памятниках Нижнего Амура и Верхнего Енисея (Дэвлет 1976, с. 18—19).

Учитывая усиление культурных связей в эпоху бронзы между отдаленными районами, такая постановка вопроса оправдана, хотя Е. А. Окладникова высказала на этот счет иную точку зрения: она рассматривала саянский и амурский центры как два независимых очага, в которых сходные сюжеты возникли конвергентно в силу определенных социальных причин (Окладникова, 1978, с. 85). Мы придерживаемся точки зрения, объясняющей сходство наскальных сюжетов Амура и Енисея контактами и влияниями. На этом основании, а также принимая во внимание характерную для эпохи бронзы тенденцию к развитию в изобразительном творчестве образной символики (Хлобыстина, 1971, с. 80), нарастанию схематизма и абстракции, представляется возможным выделить из общего комплекса амурско-уссурийских личин отдельные экземпляры, относящиеся с достаточной вероятностью к эпохе металла. А. П. Окладников, исходя из стилистических особенностей трактовки образа (орнаментализм, усиление абстрактности) и не выделяя конкретных изображений, определил третью фазу эволюции личин, которую он датировал предположительно II — началом I тыс. до п. э. Таким образом, с бронзовым веком, очевидно, можно связать те личины, у которых пространство внутри контура особенно насыщено деталями.

К эпохе бронзы, вероятно, следует отнести личины с «сиянием», показанным короткими прямыми или поперечными линиями, и с глазами в виде миндалевидных овалов, окаймленных своеобразными фигурами, напоминающими рыбок с поднятым хвостом и округлой головкой (Окладников, 1971, табл. 124; 126) (рис. 146, 5, 9, 12). Таким приемом древний мастер стремился передать специфику монгольского лица. Иногда этот прием упрощался, сохраняя при этом главное — передачу раскосых глаз. Несмотря на различную комбинацию деталей внутри контура или даже отсутствие такового (Окладников, 1971, табл. 34, 35), эту группу личин объединяет ряд общих признаков: «монголоидность» лица, насыщенность заполнения, наличие усов (рис. 146, 9, 12). Такие изображения выбиты на валунах Сакачи-Аляна и Шереметьевских скалах.

Любопытна личина на камне 25 Сакачи-Аляна (рис. 146, 13). По обеим ее сторонам симметрично расположены широкие плавные спирали, заканчивающиеся змеиными головками. Комбинация из змеевидных полос и сильно стилизованной личины образует сложный головной убор основной личины. Ликоподобное изображение с «сиянием» и змеями известно в Хакасско-Минусинской котловине (Вадецкая, 1980, табл. XXXV, 2). Несмотря на стилистические различия, можно предположить их семантическое сходство.

Основная особенность амурских личин состоит в том, что каждая из них имеет свой индивидуальный облик, и поэтому выделить общие признаки очень трудно. Можно лишь отметить, что по сравнению с более ранними изображениями для личин, относимых нами к эпохе бронзы, характерно более сложное внутреннее оформление, которое состоит из различных комбинаций одних и тех же конструктивных элементов. Это вписанные друг в друга дуги и углы, треугольные фигуры, ромбы, простые и концентрические

окружности, скобки, завитки спирали и т. д. Внутреннее заполнение личин придает им фантастический вид и оттеняет их своеобразие (Окладников, 1971, табл. 26, 61, 62).

Интересна личина из Шереметьевского (Окладников, 1971, табл. 118). Основным элементом являются огромные глаза в виде кружков с точками. Моделировка лица осуществлена с помощью широких соединений между собою полудуг и кривых полос с завитками на концах. Кривая вертикальная полоса, огибающая личину, заканчивается головкой змеи (рис. 146, 7). Не менее уникальна личина со сложным головным убором, выбитая на камне 62 Сакачи-Аляна (Окладников, 1971, табл. 70). На обезьяноподобном «лице» обозначены огромные круглые глаза, нос передан только ямочками ноздрей, а рот — двумя слившимися кружками (рис. 146, 10). Вообще выявляется определенная зависимость между сложностью трактовки головного убора и насыщенностью внутреннего заполнения личины: чем сложнее головной убор, тем причудливее личина (Дэвлет, 1976, с. 13).

Очень своеобразна личина с «сиянием», выбитая на скале р. Кие близ Хабаровска (Окладников, 1968, табл. 135). Ее характерная особенность — наличие двойной дуги, напоминающей распластанные в полете крылья, причем дуга как бы рассекает лоб (рис. 146, 5). Тем же способом обозначены брови — в виде соединяющихся дуг, которые переходят в длинный нос с узким переносьем. Глаза даны правильными кружками. Ниже, очевидно, показаны усы, на фоне которых выбиты две симметричные ямки, напоминающие ноздри, но расположенные ниже носа. На р. Кие есть еще одна личина, выполненная в аналогичной манере, но не осложненная деталями (Окладников, 1971, табл. 134, 1).

Своего рода «апофеозом» развития орнаментализма в моделировке рассматриваемых изображений может служить одна из личин Сакачи-Аляна (рис. 146, 6). Предельно стилизованная, она по-своему очень изящна. Внутреннее пространство организовано с помощью сердцевидных фигур с валютами и завитками, «бегущих» спиралей и миниатюрных кружков. Скорей всего она относится к более позднему времени.

Завершая обзор амурско-уссурийских личин, следует подчеркнуть, что охарактеризованная изображительная традиция прослеживается и на керамическом материале II тыс. до н. э., о чем свидетельствуют найденные между Малышево и Сакачи-Алянском обломки сосудов с личинами (Окладников, 1968б, с. 50).

Цельные антропоморфные фигуры в амурско-уссурийских петроглифах отсутствуют. Есть, правда, три изображения, у которых показано туловище. Одно из них (Окладников, 1971, табл. 73, 1) с непропорционально большой головой и ромбическим туловищем выбито на углу базальтовой глыбы и как бы распластано по двум соседним граням, что создает впечатление скульптурности (Сакачи-Алян; рис. 146, 8). Туловище на две трети заполнено поперечными углами. Эта «скелетность» позволяет по аналогии с другими, выполненными в этом же стиле изображениями (Окладников, 1966, табл. 159), относить данную фигуру к эпохе бронзы. Кроме того, на петроглифах Сакачи-Аляна зафиксирована одна многофигурная композиция (Окладников, 1971, табл. 100),

стилистически чуждая всему духу амурского наскального изобразительного искусства. Она состоит из серии человеческих фигур в полный рост и пяти изображений лодок. На концах двух лодок видны своеобразные развилки, напоминающие голову животного. Датировочным признаком служит антропоморфная фигурка с «рожками» на голове и изображение человека в специфически изогнутой позе. Эта композиция явно связана с художественным миром Прибайкальского региона, и появление ее на скалах Приамурья явилось скорее всего результатом контактов. О наличии таких контактов свидетельствует и уникальная композиция на скалах в долине р. Маи, правого притока Алдана, обнаруживающая поразительное сходство с амурскими антропоморфными личинами.

Как уже говорилось ранее, изображения личин-масок известны на побережьях и островах Тихого океана — от Амура до Австралии. А. П. Окладников (1968б, с. 52—64, 116—146) убедительно показал связь амурско-уссурийских петроглифов с памятниками изобразительного творчества более южных тихоокеанских территорий; тем самым амурский очаг был введен в обширный круг родственных тихоокеанских очагов, локализовавшихся в регионе, где были наиболее развиты тайные мужские союзы, маски и связанные с ними мифология и искусство (Окладников, 1968в, с. 53).

В петроглифах Нижнего Амура отражена и «звериная» тематика. Фигуры животных выполнены в той же технике, что и личины-маски, но представлены значительно меньшим числом изображений. Статика и предельная стилизация образа — вот черты, определяющие специфику анималистических сюжетов амурских петроглифов. Первобытно-реалистический стиль в изображении зверя, динамизм, столь характерный для древнего искусства северного таежного населения Сибири, были изначально чужды рыболовам Приамурья. Обращает на себя внимание стремление подчеркнуть своеобразную «грузность», массивность изображаемого объекта. Как правило, при создании образа наибольший акцент делался на передачу непропорционально большой головы зверя, обобщенная моделировка которой нередко затрудняет его видовое определение.

Среди массы звериных фигур выделяется достаточно устойчивая группа изображений, где эта особая манера обрисовки тела выступает наиболее ярко. Для нее характерен специфический прием передачи ног тремя короткими вертикальными полосками. Две из них представляют продолжение разомкнутого туловища, а третья помещается в «свободном» пространстве между ними. По мнению А. П. Окладникова (1971, с. 88), изображения животных, выполненные в этом стиле, являются наиболее древними и относятся к эпохе мезолита. Однако предложенная им аргументация основана лишь на констатации примитивной техники и стиля. Следует иметь в виду, что сам по себе анализ стиля не дает хронологических определений (Пяткин, 1982, с. 6), и поэтому вопрос временной привязки этих фигур остается открытым.

Из изображений этого стиля привлекают внимание две фигуры. Одна из них — лось, у которого несмотря на «застывшую» схему общей трактовки образа, отчетливо передан такой специфический признак лосиной морды, как наползающая массивная верхняя

губа (рис. 146, 2). Моделировка второго изображения, выбитого широкими и глубокими желобками, в целом повторяет сложившийся канон с незначительными отклонениями в деталях (Окладников, 1971, табл. 88, 1, 2). Прямоугольная по форме голова более всего похожа на лошадиную. На это как будто указывает и характерное расширение нижней губы, а также выпуклость нижней челюсти. Главной особенностью описываемой фигуры является наличие там, где шея переходит в спину, антропоморфной личины (рис. 146, 1).

Изображения личин на туловище животных — сюжет, хорошо известный в окуневском искусстве (Леонтьев, 1978, рис. 1, 1, 2) на позднем этапе его развития. Представлен он и на Томской писанице (Окладников, Мартынов, 1972, рис. 97). Выше уже говорилось о существовании контактов между этими двумя отдаленными районами. Появление же мотива коня в нижнеамурском искусстве, возможно, явилось результатом усиления связей не только культурных, духовных, но также хозяйственных, торговых и т. д. Не исключено, что в значительной мере этими обстоятельствами следует объяснять тот факт, что на поздних этапах бронзового века скотоводство в Приморье начинает играть существенную роль.

В петроглифах Нижнего Амура встречены также рисунки кабана. Они выполнены в рамках существующей изобразительной традиции, но с большей детализацией морды зверя. Есть изображения, выполненные в «скелетной» манере (Окладников, 1971, табл. 4), что опять же наводит на мысль о западных, сибирских связях.

Судя по археологическим материалам, у населения Приморья в эпоху бронзы существовал культ свиньи (Бродянский, 1983, с. 104). В комплексе синегайской культуры поселения у пади Харинской найдено восемь глиняных изображений этого животного (Окладников, Дьяков, 1979, табл. IX). Фигурки миниатюрны (длина 6—7 см). Моделировка лаконична. Они имеют вид правильного овала, на переднем конце которого сделана дугообразная выемка. Небольшие отличия в деталях не меняют общей изобразительной схемы.

Все фигуры в задней части имеют узкие отверстия. Аналогичные глиняные и каменные изделия известны и в памятниках тихоокеанской части Приморья (Бродянский, 1983, с. 104). Традиция изготовления подобных фигурок живет, видимо, до первых веков нашей эры (Деревянко 1976, с. 127—128; Окладников, Дьяков, 1979, с. 105). О распространении в эпоху бронзы культа свиньи или кабана в Приморье свидетельствуют также находки на поселении Сидней Гай подвесок из глины и камня, имитирующих кабаньи клыки.

Особую группу амурских наскальных изображений составляют рисунки лося. Образ этого могучего зверя здесь весьма популярен и по сравнению с другими звериными сюжетами представлен более полно. Формы его воплощения разнообразны. Среди них заслуживает внимания неполная фигура лося, целиком выполненная в духе лучших образцов ангарской традиции (Окладников 1971, табл. 80, 1). Удлиненные пропорции головы и подчеркнута загнутая верхняя губа позволяют сопоставлять ее с глазково-окуневскими изображениями. Общие контуры

лося морды с открытой пастью изящно очерчены плавными линиями. Удлиненными отростками обозначены уши. Длинная шея животного также плавно переходит в крутой горб и далее фигура обрывается. Внизу шея заканчивается кружком с точкой (рис. 146, 2). В характерной ангарской манере и одновременно в «скелетном» стиле выполнен лось на скале у р. Кии. Интересна фигура, выбитая на камне 55 Сакачи-Аляна (Окладников, 1971, табл. 58, 5). Здесь реалистическая тенденция ангарской традиции своеобразно уживается с художественными нормами специфически амурского стиля изображения животных.

Лосиную серию завершают две фигурки, ставшие хрестоматийными при характеристике амурских петроглифов. В их моделировке совмещены две изобразительные традиции — ангарская и нижнеамурская, характерная для личин-масок (Окладников, 1971, табл. 72, 1; 75, 1). Особенно ярко это выражено в трактовке лося на камне 63 Сакачи-Аляна, где ангарская «правда» жизни сливается воедино с амурским орнаментализмом (рис. 146, 4). Относятся эти изображения, видимо, уже к началу I тыс. до н. э.

В петроглифах Нижнего Амура не представлен второй «хозяин тайги» — медведь. Имеется лишь одно изображение (Окладников, 1971 табл. 78, 1), которое, исходя из общей моделировки образа, можно весьма условно причислить к медвежьим (рис. 146, 3). У животного массивное туловище; удлиненная морда с раскрытой пастью вытянута вперед и наклонена вниз. На голове обозначены маленькие торчащие уши. Грудь рассечена поперечной перегородкой. Ноги согнуты. Зверь явно «шагает». Эта фигурка может быть сопоставлена с изображением, выбитым на VI Томской писанице (Окладников, Мартынов, 1972, рис. 132).

Зато образ медведя широко известен в неолитической глиняной пластике Нижнего Амура (Васильевский, Окладников, 1980). Скульптурки медведя встречены на неолитических поселениях в Сакачи-Аляне, на Кондоне и на острове Сучу. На последнем найдена целая серия изображений. К сожалению, все они датируются временем более ранним, чем эпоха бронзы.

Странно, что в творчестве древнего населения Нижнего Амура, главным источником существования которого было рыболовство, отсутствуют изображения рыб. Возможно, это связано с особенностями отражения хозяйственной деятельности в первобытном искусстве, а своеобразное олицетворение водной стихии нашло свое выражение в образе змеи. Извивающиеся фигуры змей занимают важное место среди амурских, прежде всего Сакачи-Алянских петроглифов. Они образуют самостоятельные композиции (Окладников, 1971, табл. 14, 15), входят в другие рисунки как их составная часть (там же, табл. 51, 1) и, наконец, являются составными элементами некоторых личин (там же, табл. 118, 3). Но хронологическая привязка перечисленных сюжетов весьма затруднительна. Скорее всего они появились еще в неолите и продолжали существовать в последующие периоды. Однако следует учесть, что в Восточной Сибири расцвет культа змеи падает на эпоху бронзы. Изображения змей принято включать в круг космогонических символов, связанных в первую очередь с пред-

ставлениями о «нижнем мире», который нередко ассоциировался с подводной сферой.

Известен в петроглифах Приамурья и мотив водоплавающей птицы. Видимо, с бронзовым веком можно связать группу изображений, выбитых на Шереметьевских скалах (Окладников, 1971, табл. 118, 1). Особенно интересна тщательно выполненная фигурка лебедя с узким, пересеченным косым крестом туловищем, круто поднятой длинной шеей и массивной овальной головой с огромным клювом. Внутреннее пространство головы и клюва заполнено концептрическими желобками-овалами. На спине четырьмя кривыми полосками-дугами обозначены крылья. Короткий раздвоенный хвост показан четырьмя полосками. Иконографически этот рисунок сопоставим с изображением птицы на сосуде из поселения Самусь IV, исследованном В. И. Матющенко в низовьях р. Томи. Овал с пересекающим его крестом почти несомненно имеет солярное содержание. В этой связи интересно, что образы змей и птицы широко представлены в мифологии амурских народов, особенно в эпизодах, имеющих отношение к сотворению мира. А. П. Окладников считает (1968б, с. 170), что смысловое значение амурских криволинейных орнаментов не может быть понято вне расшифровки образа змеи.

Кроме антропоморфных личин, животных, змей и птиц, на амурских петроглифах есть изображения лодок. По стилистическим особенностям часть из них может быть сопоставлена с рисунками лодок на восточносибирских петроглифах.

До недавнего времени древнее искусство южной части Дальнего Востока было известно главным образом по наскальным рисункам Амура и Уссури. Однако развернувшиеся в последнее десятилетие археологические работы в Приморье дали выразительный материал по искусству малых форм. Тем самым стало возможным выделить Приморье в самостоятельный очаг. Основная масса находок происходит с территорий синегайской (Бродянский, 1983) и лидовской (Дьяков, 1979а, б) культур.

В эпоху бронзы искусство малых форм в Приморье было представлено главным образом мелкой глиняной пластикой. Встречаются также костяные и каменные предметы. Преобладают зооморфные сюжеты, из которых, как уже говорилось ранее, ведущее место принадлежит изображениям свиньи. Определяющий стиль в оформлении фигурок — лаконизм и крайняя условность. Особенным схематизмом отличаются костяные изделия, где «подправка» небольшими насечками или срезами была достаточна для моделировки образа. Такова фигурка животного, найденная среди десятков костяных изделий в жилище 23 поселения Синий Гай.

Помимо изображений свиньи, в глиняной пластике синегайской культуры известны фигурки животных с длинной шеей, короткими ушами-выступами и горбинкой на носу (рис. 147, 2, 5). Практически вся пластика поселения Синий Гай происходит из жилищ. Известна только одна скульптурка, найденная в погребении изюбра. По мнению Д. Л. Бродянского, это изображение самки оленя. Интересны находки нескольких сот обломков костяных орнаментированных панцирных пластин (Бродянский, 1983, рис. 2). Среди них фрагменты фигурных пластин с углублен-

ным рельефом — овалами и крестами, меандрами и параллельными линиями (рис. 147, 8—10). В двух из них Д. Л. Бродянский (1983, рис. 2, 1, 4) усматривает предельно стилизованные женские изображения. В этом же поселении найдена крайне стилизованная глиняная антропоморфная фигурка в виде диска с отверстием в центре. Со всех сторон она имеет выступы в виде неправильных конусов. На «лице» две пары параллельных черточек, которые и придают изображению антропоморфный облик.

На поселениях лидовской культуры найдены неизвестные в синегайских комплексах терракотовые скульптурки человека, состоявшие из нескольких частей и крепившиеся с помощью штырьков (Дьяков, 1979а, б; Дьяков, Семиниченко, 1979, рис. 3, 1). Известны они в памятниках Кореи (Ларичев, 1978, рис. 36, 41, 45). Большинство их изображают женщину. Д. Л. Бродянский отмечает (1983, с. 104), что некоторые стилистические особенности этих фигур сближают их с поздне- и финальнобронзовыми.

Примечательно, что в синегайской культуре, равно как и в более поздней янковской, мотивы спирали и личин отсутствуют. Похоже, что синегайская культура (самая континентальная из рассматриваемых здесь дальневосточных культур) в своем искусстве более отошла от традиций дальневосточного неолита. Искусство Синего Гая характеризует духовный мир древних рыболовов и земледельцев Приханкайской равнины и южных отрогов Сихотэ-Алиня, которые в силу особенностей своего социально-экономического уклада быстрее, чем их восточные и северные соседи, отступили от традиций предшествующих эпох.

К более раннему времени (начало II тыс. до н. э.) относятся найденные на поселении Валентин-Перешеек остатки уникального глиняного сосуда с рельефными фигурками людей (рис. 147, 1). Судя по собранным фрагментам, таких фигурок было четыре. Сохранилось только две. Каждая из них сделана продолговатым налепом (высота 7,5 см) и представляет собой фронтальное изображение человека в полный рост. Голова не выделена, лицо не моделировано. Руки опущены и отделены от туловища. Последнее сужено в верхней части и расширяется в бедрах. Ноги разделены и заострены на концах. Нижние части фигурок, а также пространство между ними покрыты пересекающимися отпечатками гребчатых штампов, образующих ромбы. Безукоризненное владение материалом позволило древнему мастеру создать обобщенный силуэт человеческой фигуры, не вдаваясь в ее детализацию. Прямых аналогий этим изображениям мы не знаем. Переплетения оттисков штампа на сосуде позволяют усмотреть в них сходство с ячейками сети. Можно предположить, что изображения имели ритуальный характер, связанный с рыболовческим культом.

Художественные традиции, которые зарождались и складывались на юге Дальнего Востока в эпоху камня и бронзы, оказали существенное влияние на формирование современного прикладного искусства, придав ему неповторимое своеобразие. А. П. Окладников убедительно показал (1968б, с. 148—187), что ряд характерных признаков в современной традиционной орнаментике амурских аборигенов связывает ее с древнейшей местной орнаментацией каменного и бронзового веков.

Искусство севера Дальнего Востока. К настоящему времени на Дальнем Востоке выявлен еще один район концентрации памятников древнего искусства, локализовавшийся в основном на Чукотке и представленный наскальными рисунками. Это самые северные петроглифы в Евразии и Америке. На темно-серых скалах р. Пегтымель вырисовываются светлые силуэтные фигуры, выполненные техникой пеглубокой выбивки, протирания и вышлифовки. Здесь в месте переправы диких оленей древние художники, умело используя архитектуру скалистых уступов, создавали свои многофигурные композиции. Преобладающим сюжетом, который приобрел характер устойчивого изобразительного канона, является охотник, сидящий в маленькой лодке и поражающий огромную фигуру оленя. Комплексы, связанные главным образом с этим сюжетом, датируются в достаточно широких хронологических пределах — с I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. (Диков, 1971, с. 47).

Учитывая все многообразие изобразительных схем в трактовке образа оленя на Пегтымельских петроглифах, Н. Н. Диков выделил пять стилистических групп этих изображений. Из них первые две отличаются наибольшим реализмом. Кроме того, он выделил пять изобразительных канонов, обусловленных, по его мнению, спецификой их магического содержания: 1) одиночные фигуры оленя всех пяти стилей; 2) наиболее распространенные композиции, изображающие сидящего в маленькой лодке охотника, который поражает копьем или гарпуном плывущего оленя. Сам охотник обозначен очень схематично — одной черточкой и без весла (рис. 147, 7); 3) та же композиция, но сидящий в лодке охотник показан более реалистично и, кроме метательного оружия, держит еще двухлопастное весло (Диков, 1971, петроглифы 15, 25, 49, 63, 66, 75, 76, 90) (рис. 147).

В 4-м и 5-м изобразительных канонах наблюдается четкая тенденция к схематизации всех элементов композиции и одновременно прослеживается возрастание роли двухлопастного весла. На последней стадии оно заменяет собой и охотника, и лодку (Диков, 1971, петроглифы 7, 17, 57, 58). Такая последовательность канонов устанавливается с учетом как техники нанесения рисунков, так и стилистических

особенностей входящих в изобразительный канон фигур оленей.

К наиболее ранним изображениям, сопоставимым с рисунками бронзового века сопредельных территорий, следует отнести фигуры 1-го, 2-го и отчасти 3-го изобразительных канонов, выполненные в основном в стиле первой и второй групп (рис. 147, 7, 11). Правомочность такого мнения подтверждается, на наш взгляд, и размерами фигур, и техникой исполнения, и расположением их на скалах. Многократность повторения в пегтымельских рисунках сцены охоты на оленя подтверждает ее ритуальную значимость в глазах древнего населения.

В непосредственной связи с мотивом охоты на оленя находится и другой сюжет — человекоподобные фигуры, тоже выполненные в разной стилистической манере, но неизменно оселенные огромными грибами (Диков, 1971, рис. 19—21). Эти «мухоморы» чаще всего выбиты над головой или вместо нее. Они сопутствуют всем выделенным Н. Н. Диковым изобразительным канонам, кроме первого. К самым ранним изображениям относятся наиболее схематичные фигуры 2-го изобразительного канона. Женские фигуры в меховых комбинезонах-керкерах Н. Н. Диков предположительно соотносит с 3-м изобразительным канонам (Диков, 1971, петроглиф 79). Очевидно, этот сюжет на пегтымельских скалах появился позднее изображений оленя.

Н. Н. Диков связывает антропоморфные грибовидные фигуры с известными в мифологии чукчей человекоподобными «мухоморами». Похожие изображения известны в петроглифах Саянского каньона (Дэвлет, 1976, с. 22—24), где они относятся в эпоху бронзы. Появление этого сюжета в древнем искусстве, как показывают этнографические материалы, очевидно, связано с употреблением грибов-мухоморов как возбуждающего галлюциногенного средства (Формозов, 1973, с. 264—265).

К этому же времени, вероятно, относятся изображения лодок с высоко поднятой носовой частью (Диков, 1971, рис. 8, петроглиф 16). Остальные сюжеты, представленные на пегтымельских петроглифах (сцены охоты на морского зверя), а также композиции, выполненные в манере 4-го и 5-го изобразительных канонов, относятся к более позднему времени.

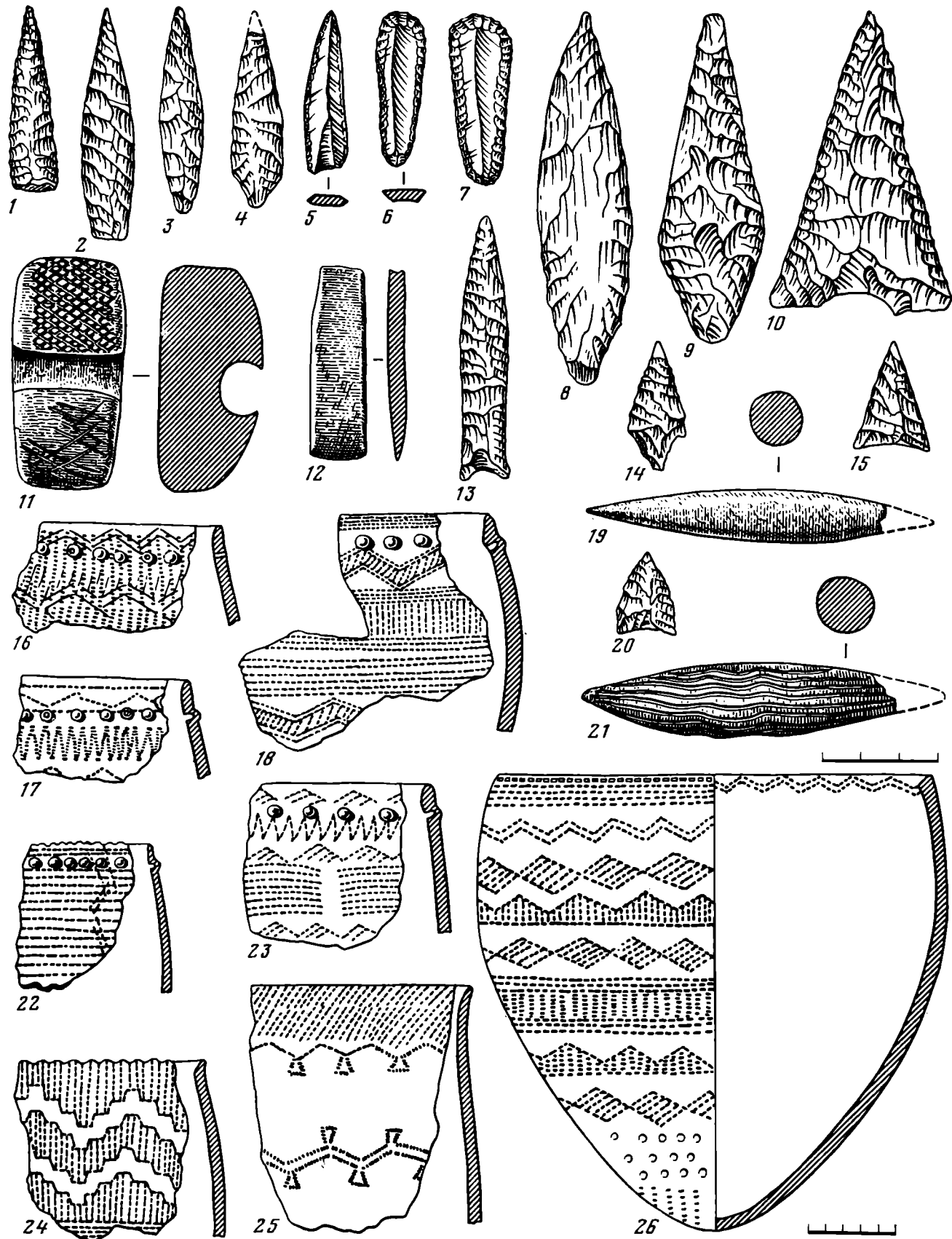

Рис. 85. Переходное время от неолита к бронзовому веку в Среднем Зауралье и Тюменском Притоболье

Посуда сосновоостровского (16—18, 22, 23) и аятского (24—26) этапов; каменные и глиняные орудия. 1 — Кокшаровское погребение; 2 — Шигирский торфяник; 3—9, 12—15, 20 — Береговая I стоянка; 10, 11, 19 — Палкинские стоянки; 16,

22 — Байрык VI; 17, 18, 23 — Сосновый Остров; 21 — Свердловская обл.; 24 — Абселямовская стоянка; 25 — Аятское II поселение; 26 — Макуша. 1—15, 20 — камень; остальное — глина

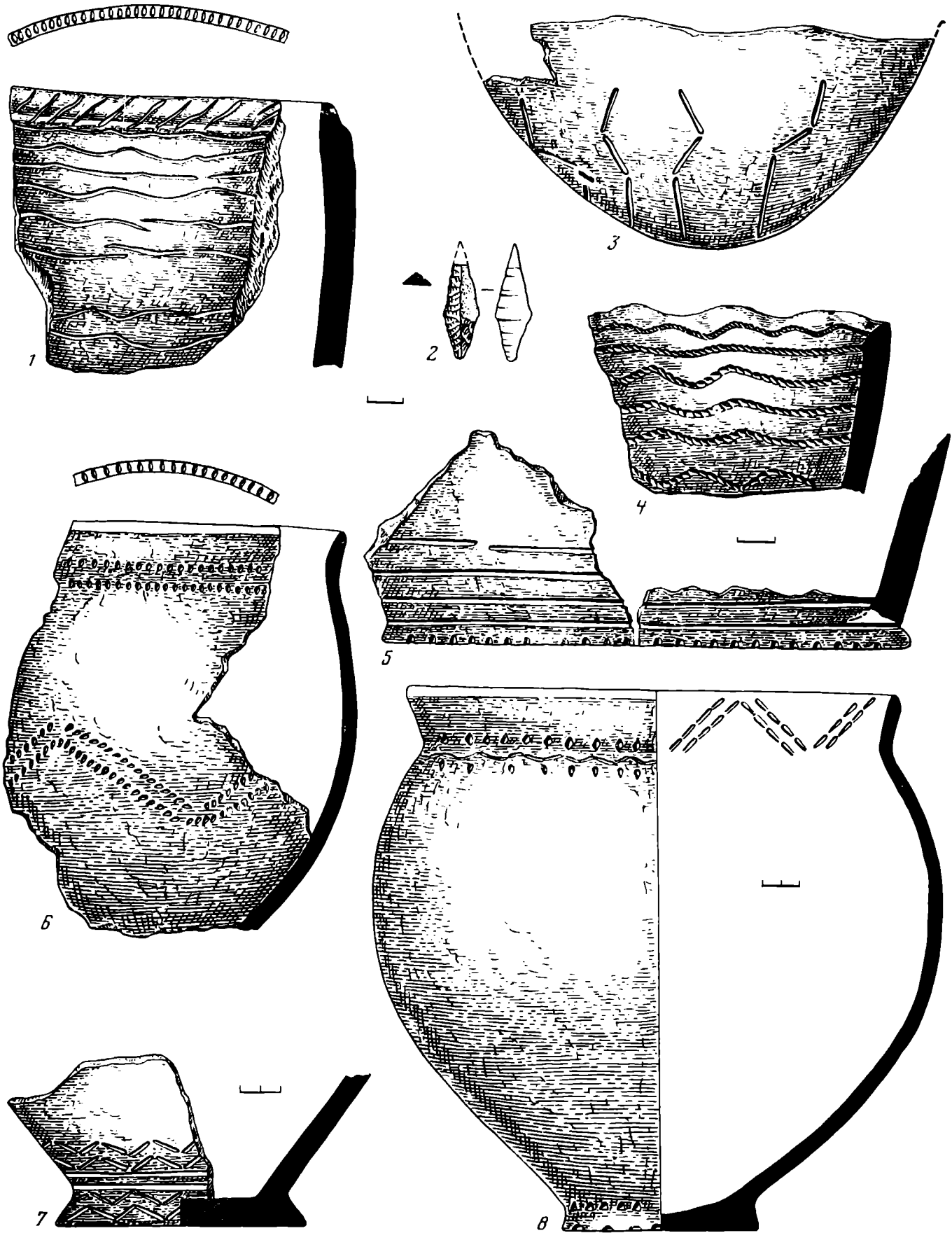

Рис. 86. Поздний неолит и энеолит Южного Зауралья и Тюменского Притоболья. Материалы кошкинского (1, 3–5) и боборыкинского (2, 6–8) типов

1, 3–5 — южный берег Андреевского озера, участок VI; 2, 6–8 — Байрык IД. 2 — камень; остальное — глина

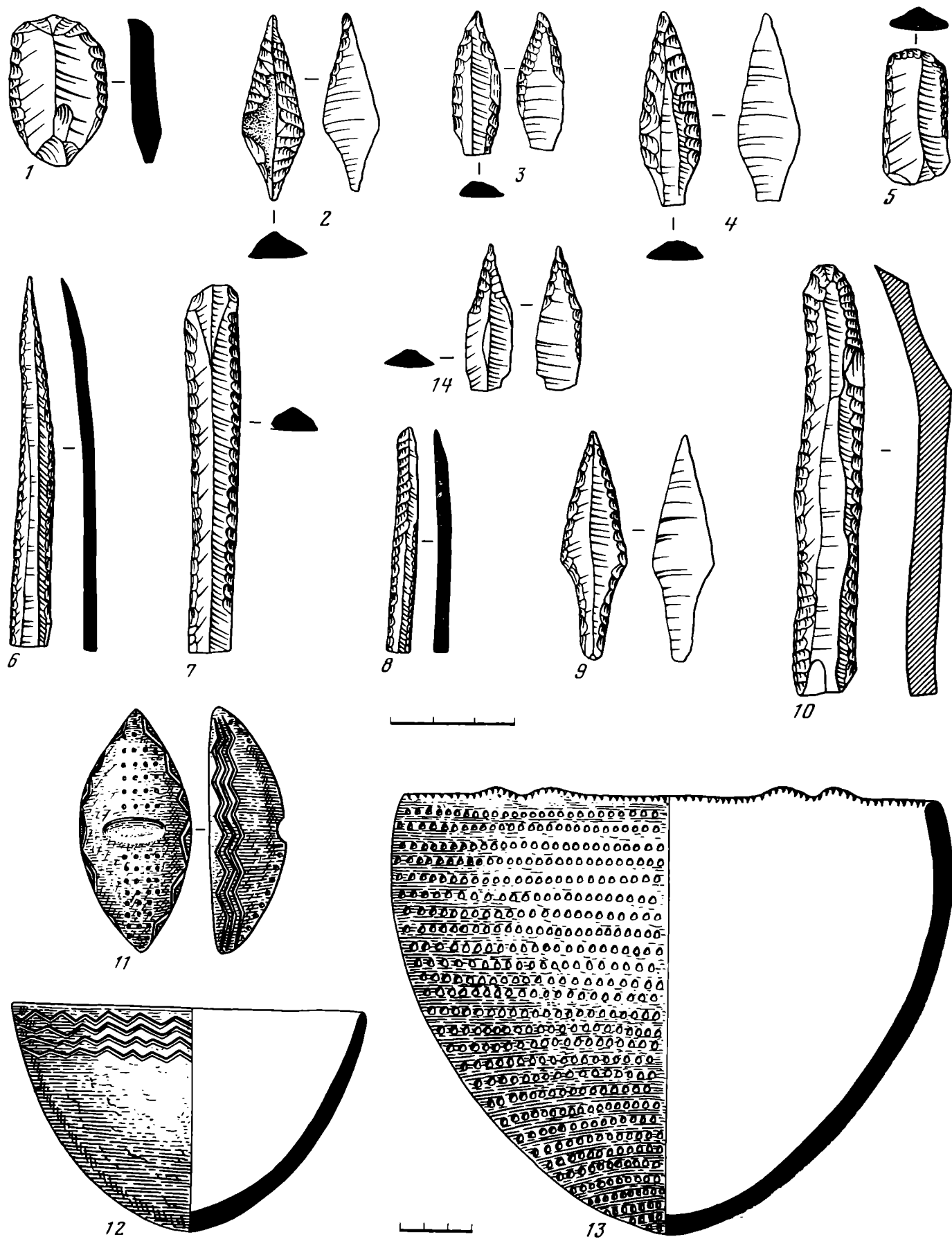

Рис. 87. Энеолит Южного Зауралья и Тюменского Притоболья. Керамика и каменные изделия боборыкин-ской культуры

1—10, 13 — Байрык IД; 11, 12 — южный берег Андреевского озера, участок XII. 1—10 — камень; остальное — глина

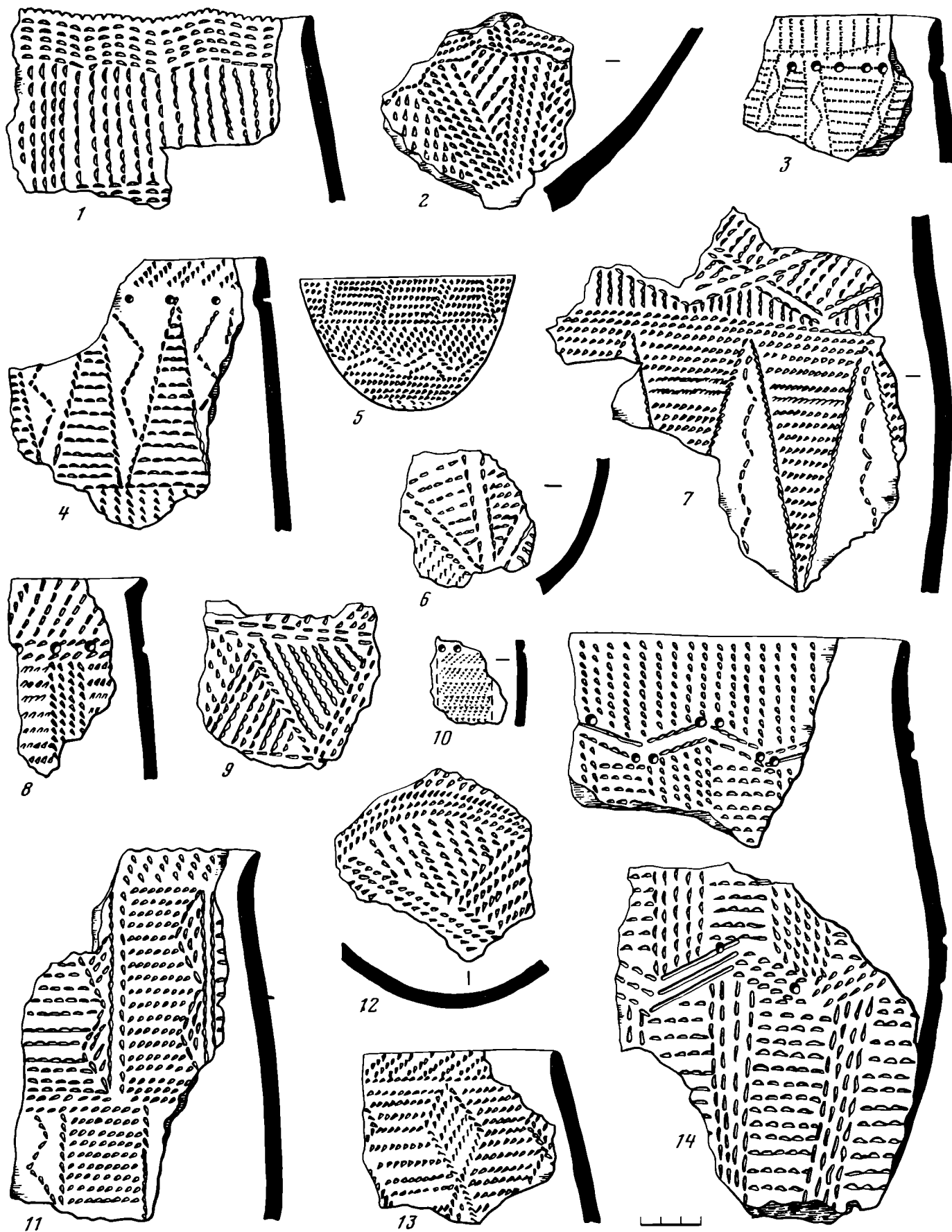

Рис. 88. Энеолит Свердловско-Тагильского региона и Тюменского Притоболья. Керамика липчинской культуры

1 — Калмацкий Брод; 2, 7, 9 — Карасье I озеро; 3 — Мысовские поселения; 4, 6 — Липчинская стоянка; 5 — Шигирский

торфяник; 8 — Иркуль II; 10 — Байрык IБ; 11, 13 — Палкинские стоянки; 12, 14 — Иркуль I

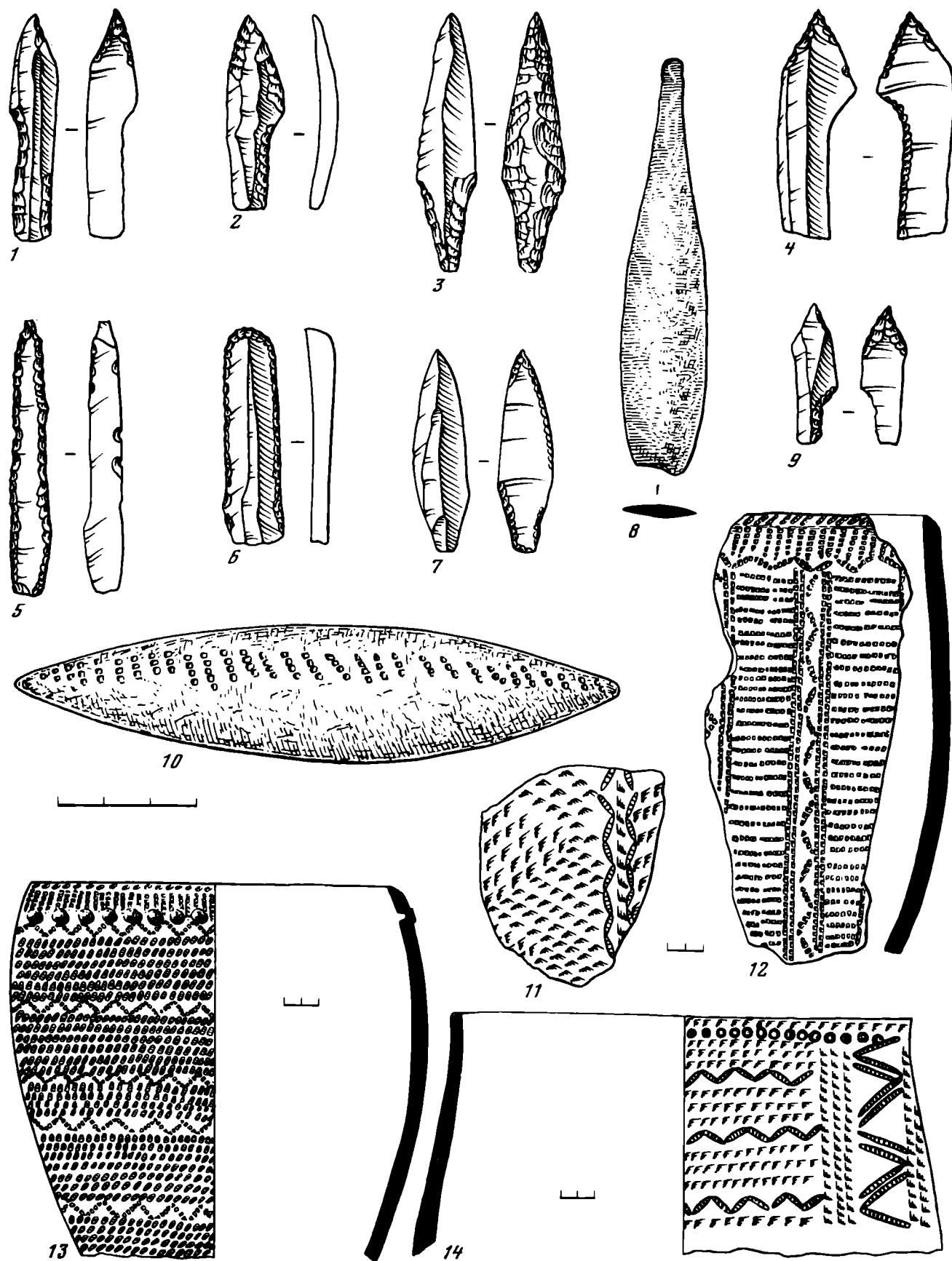

Рис. 89. Энеолит Тюменского Притоболья. Керамика шапкульской культуры и сопровождающие ее орудия

1—3, 6, 7, 9, 10, 13 — южный берег Андреевского озера; 4 — Малый Барашек I; 5, 11, 14 — Шапкуль I; 8 — Козлов Мыс I.
1—7, 9 — камень; 8 — медь; остальное — глина

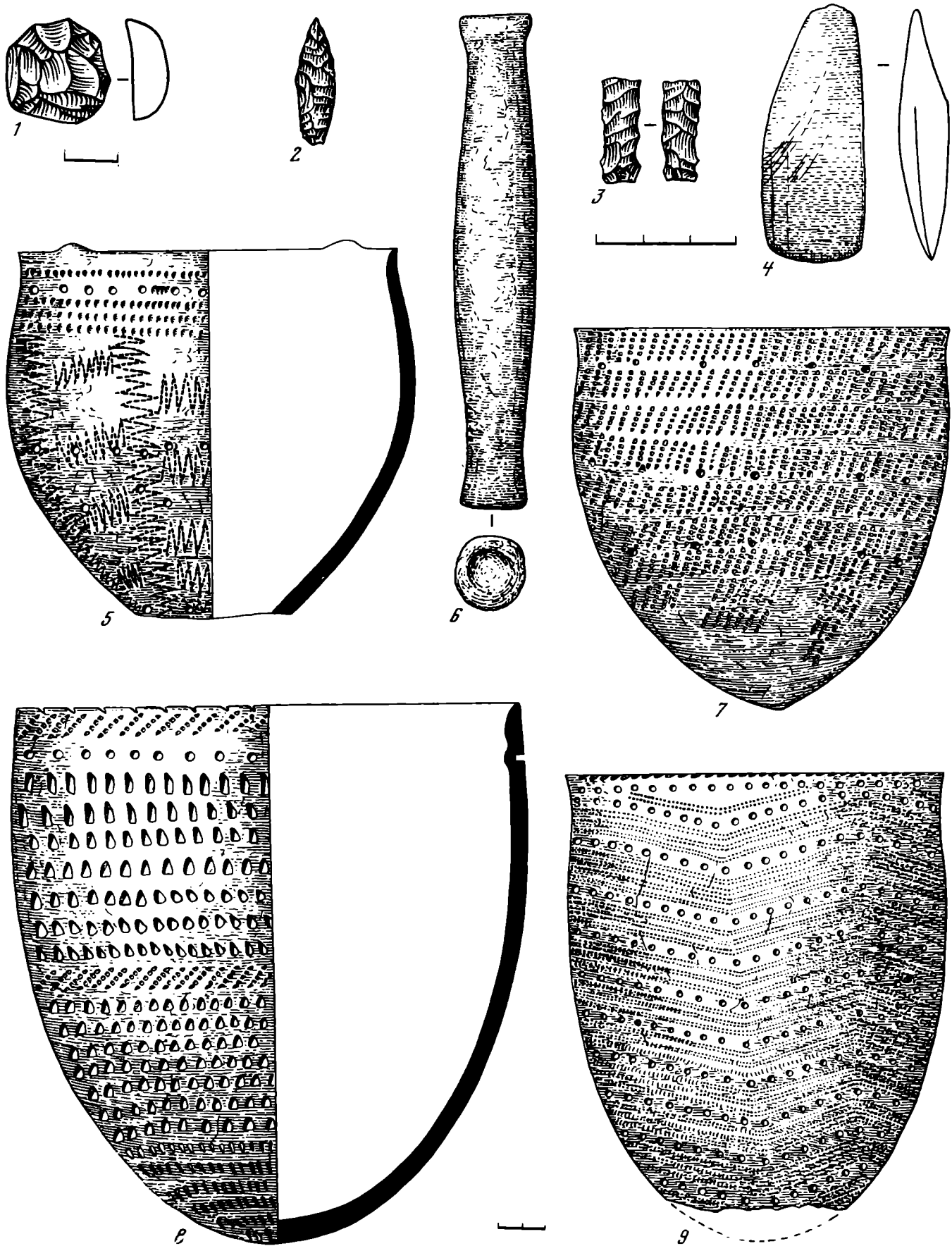

Рис. 90. Энеолит южнотаежного и предтаежного Тоболо-Иртышья. Посуда с гребенчато-ямочной орнаментацией и сопровождающие орудия

1—3, 9 — Венгерово III; 4 — Байрык-Иска II; 5 — Кокуй I; 6 — Ипкуль VIII; 7 — южный берег Андреевского озера, уча-

сток VIII; 8 — южный берег Андреевского озера, участок XII. 1—4 — камень; остальное — глина

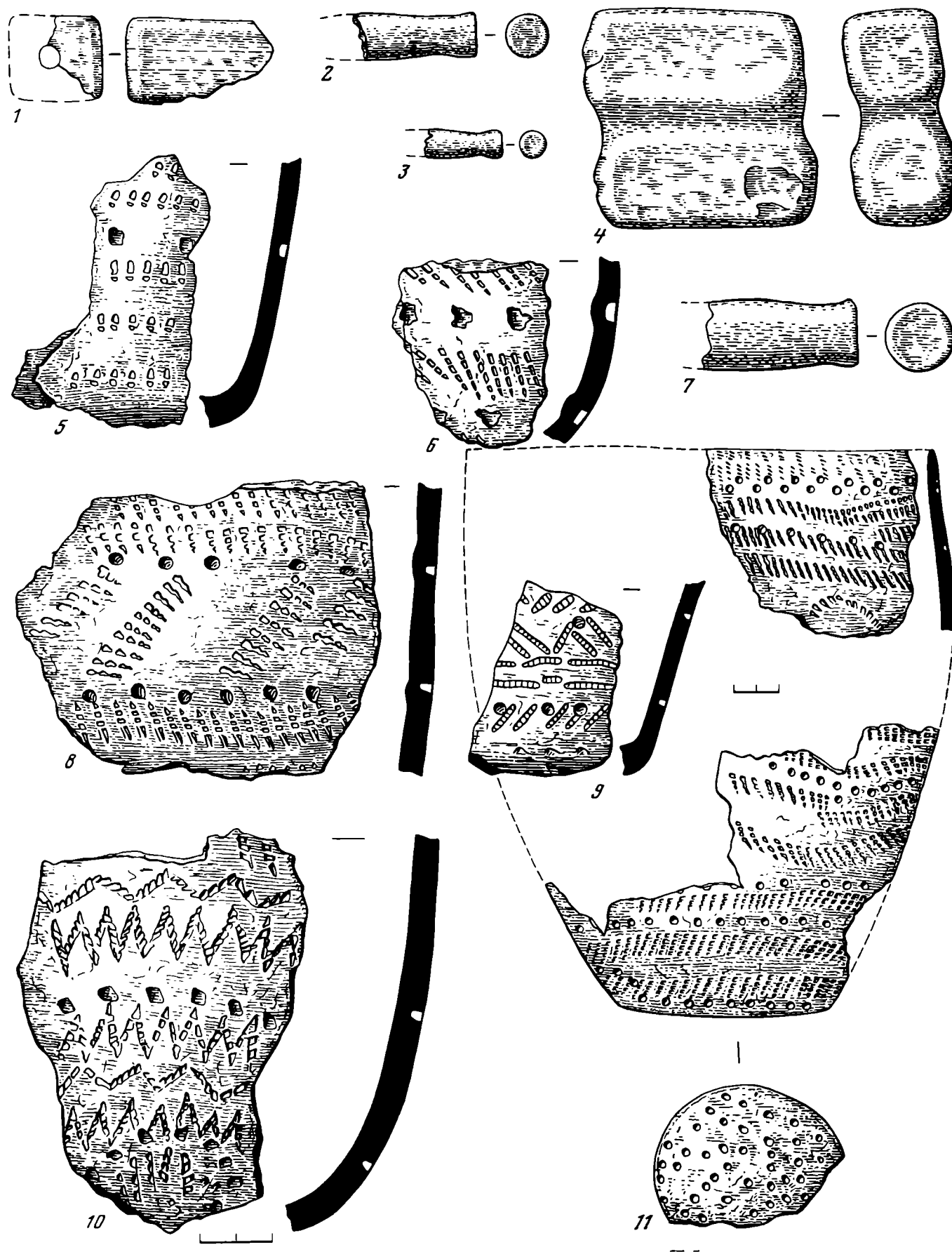

Рис. 91. Эпоха ранней бронзы. Тюменское Притоболье. Гребенчато-ямочная керамика одиновского этапа и сопровождающие ее орудия поселения Шапкуль VI

1, 4 — камень, остальное — глина

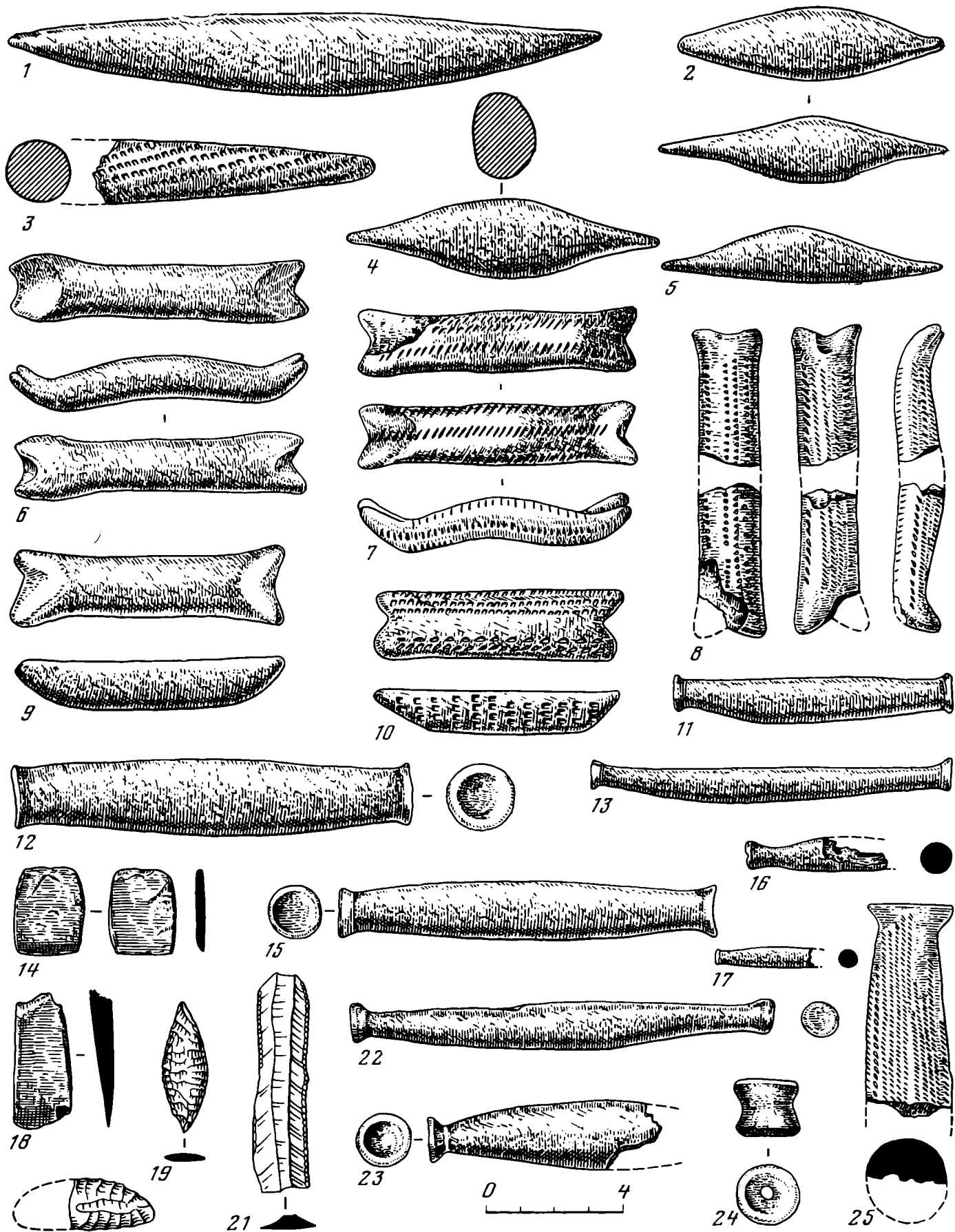

Рис. 92. Среднее Зауралье и Тюменское Притоболье. Энеолит и эпоха ранней бронзы. Производственный инвентарь

1 — Шигирский торфяник; 2 — северный берег Андреевского озера; 3, 10, 12, 16, 17, 22, 24, 25 — Андреевская II стоянка; 4, 5, 20, 21 — Иркуль I; 6—8, 14 — Байрык IB; 9 — Горбунов-

ский торфяник; 11, 13, 15, 19, 23 — Иркуль VIII; 18 — Шапкуль VI. 14, 19, 21 — камень; 18 — кость; остальное — глина

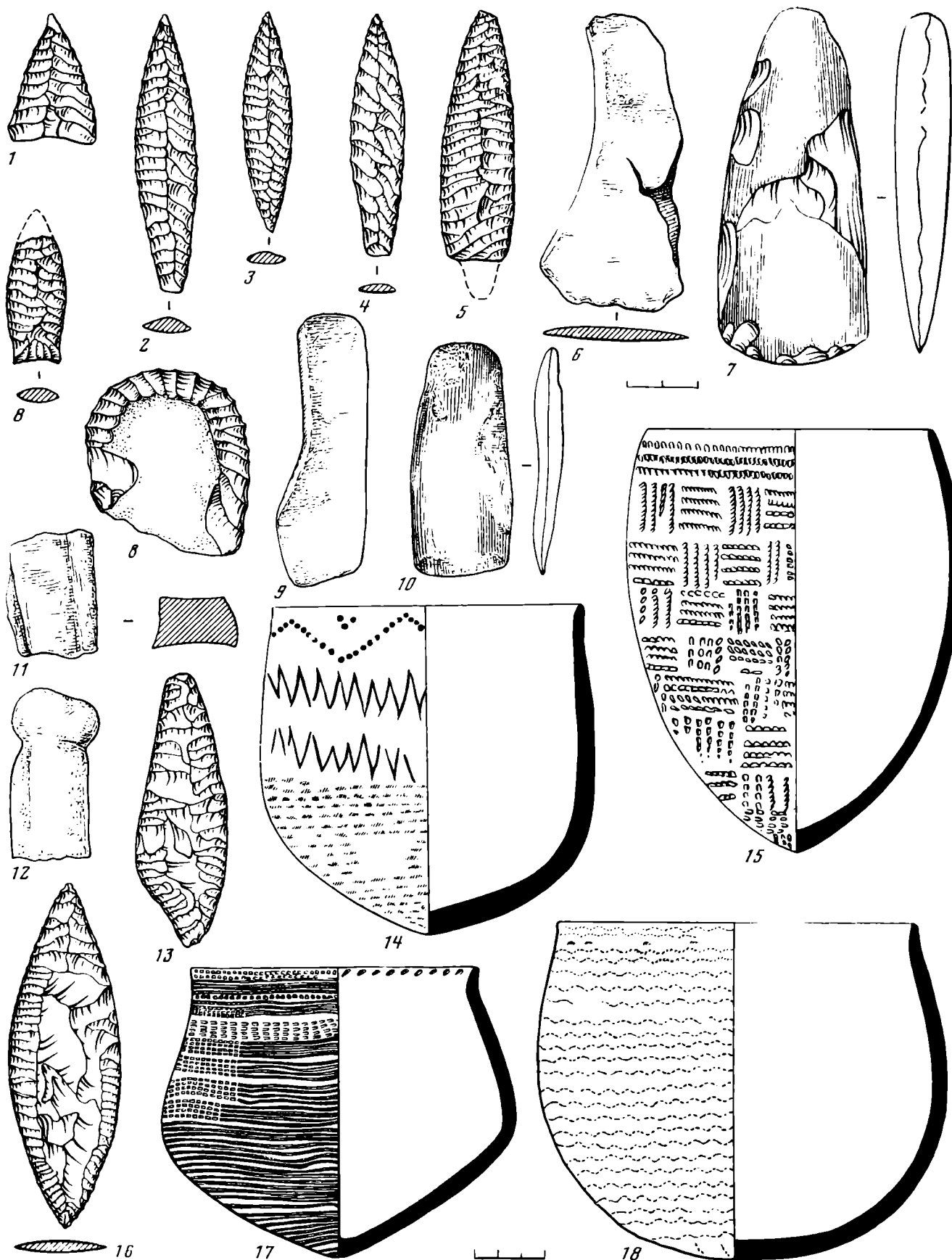

Рис. 93. Энеолит Томско-Чулымского региона. Новокусовский этап. Керамика и каменный инвентарь Самусьского могильника

1—13, 16 — камень; остальное — глина

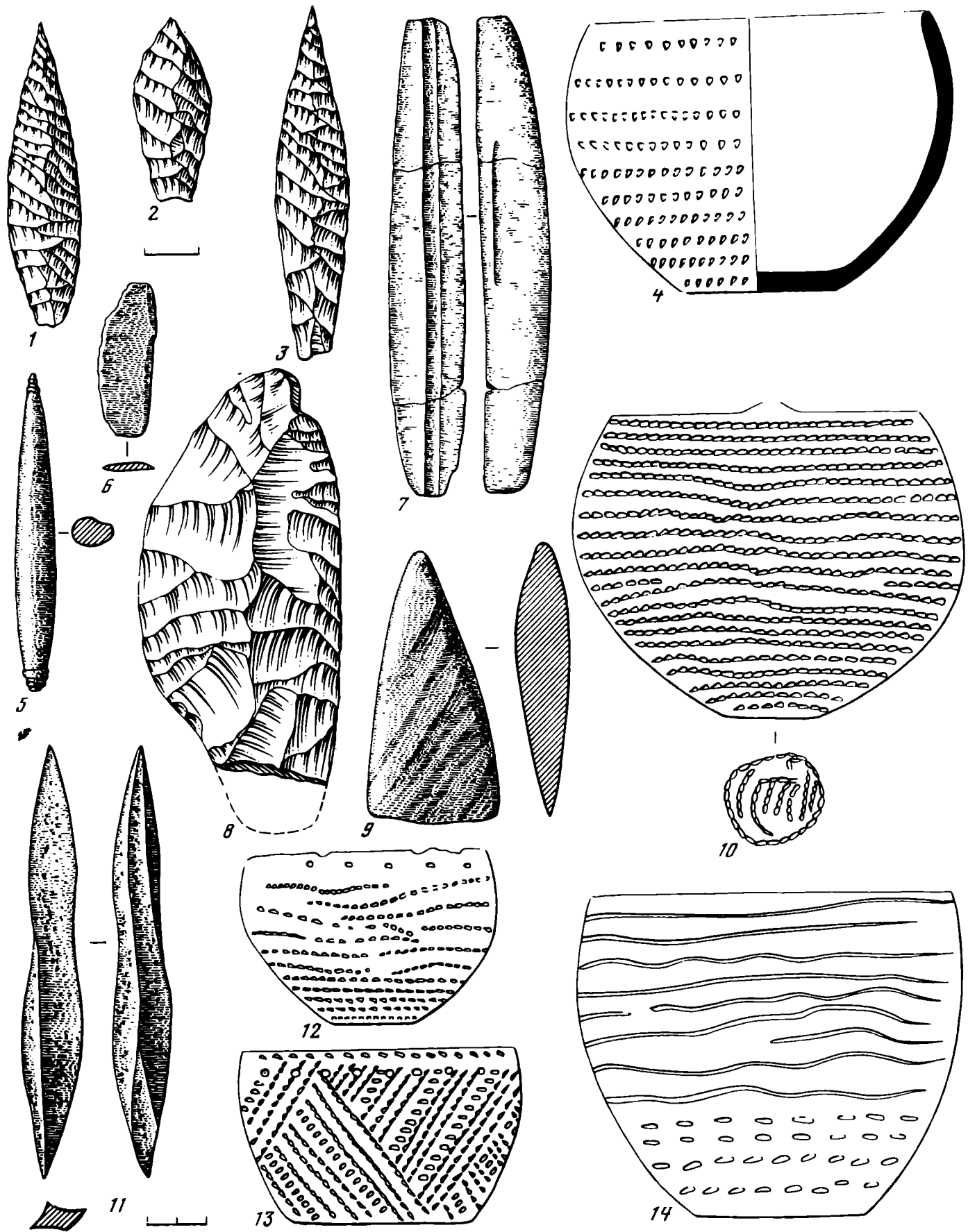

Рис. 94. Эпоха ранней бронзы. Томско-Чулымский регион. Игрековский этап. Керамика и каменный инвентарь

1—9, 11, 13, 14 — могильник на Мусульманском кладбище;
10 — Игреков Остров; 12 — Томский могильник, Большой
Мыс. 1—3, 5—9, 11 — камень; остальное — глина

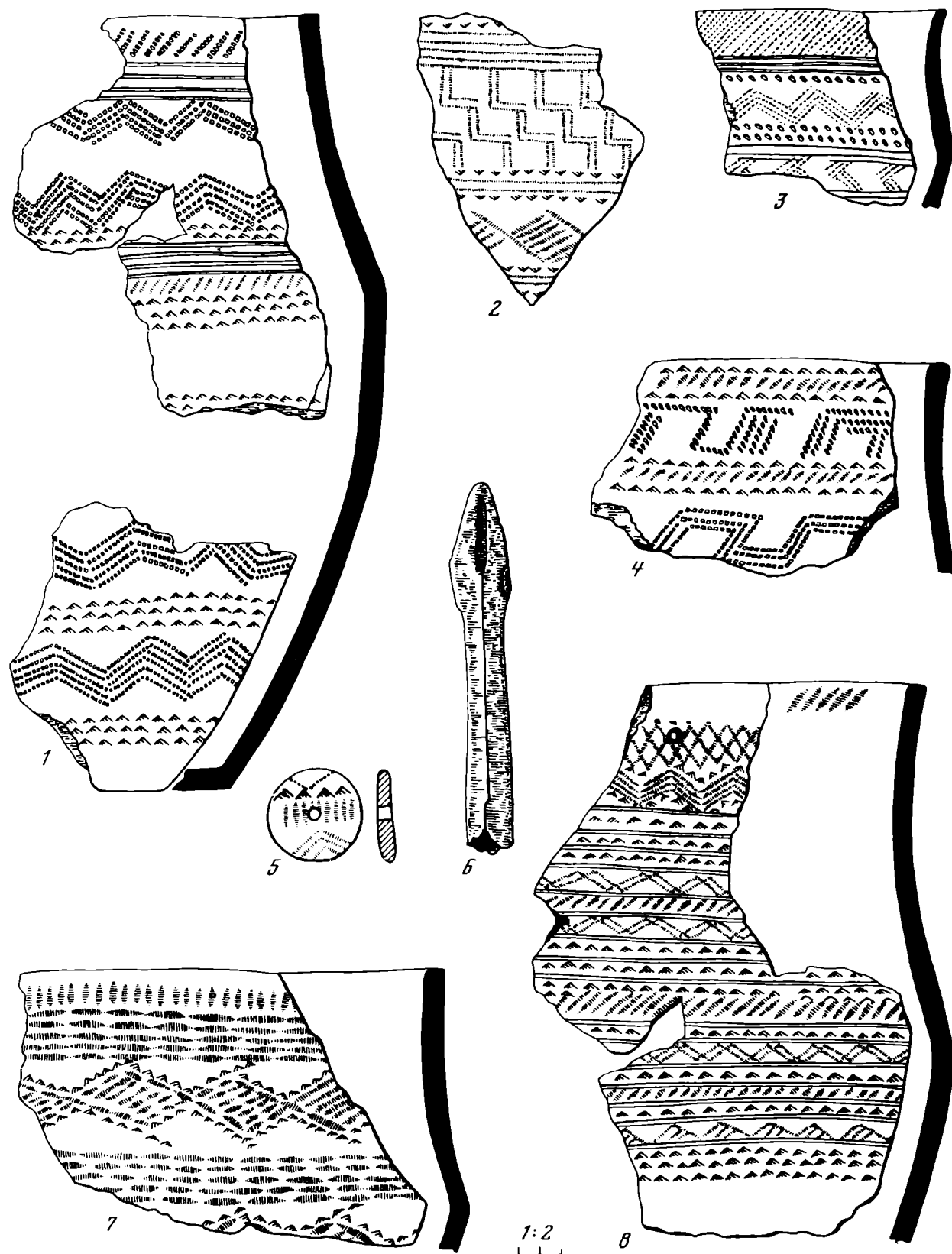

Рис. 95. Самусьско-сейминская эпоха. Свердловско-Тагильский регион. Керамика и бронзовое копьё коптяковского этапа

1, 3, 4, 7, 8 — Коптяки V; 2 — Коптяки II; 5 — Карасье озеро II; 6 — оз. Шарташ

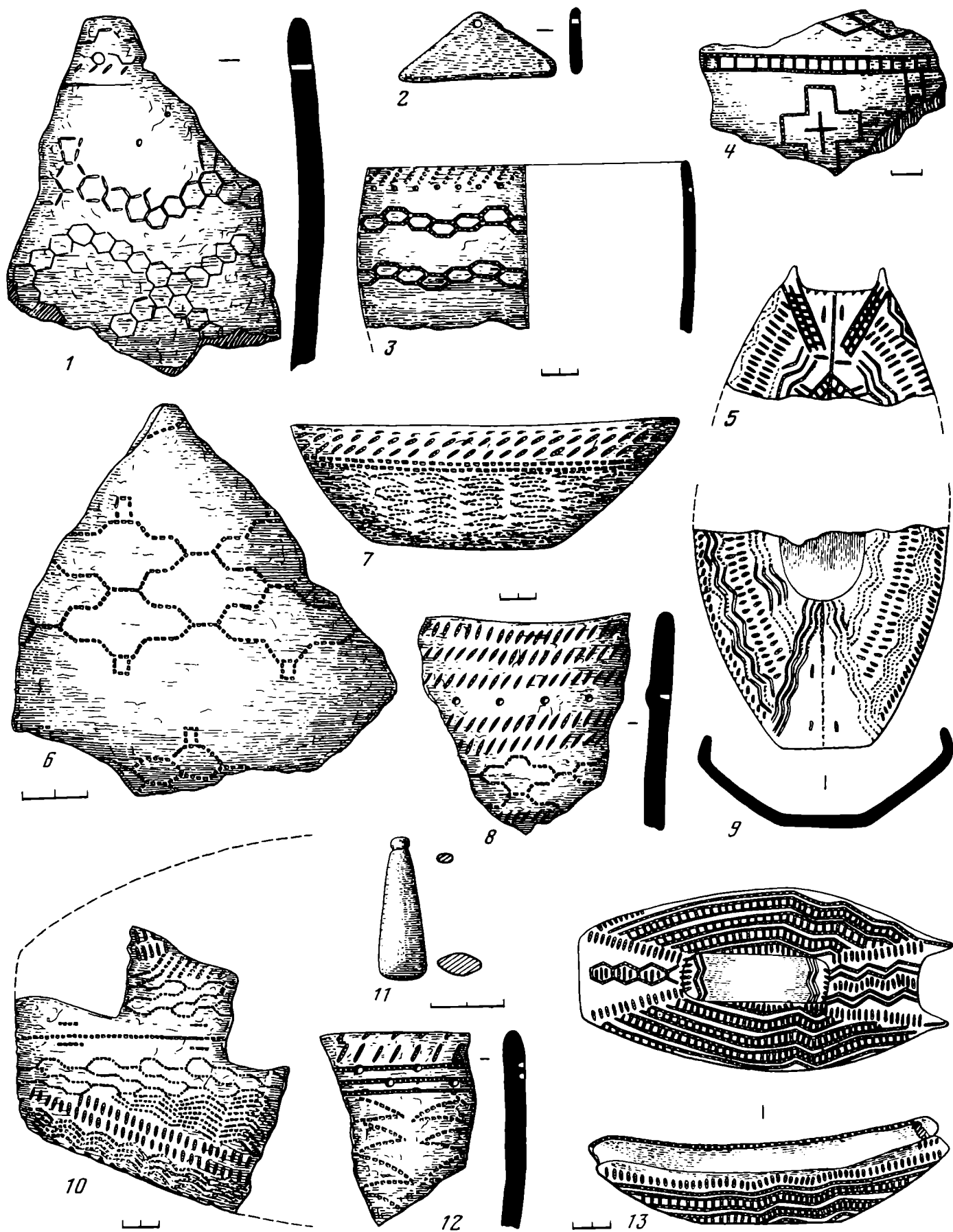

Рис. 96. Самусьско-сейминская эпоха в северотаяжном Приобье. Керамика и каменные изделия сартынской культуры

1—4, 7, 11, 12 — Сартынья I; 5, 13 — Шеркалы XIII; 6, 8—10 — Малый Атлым I. 2, 11 — камень; остальное — глина

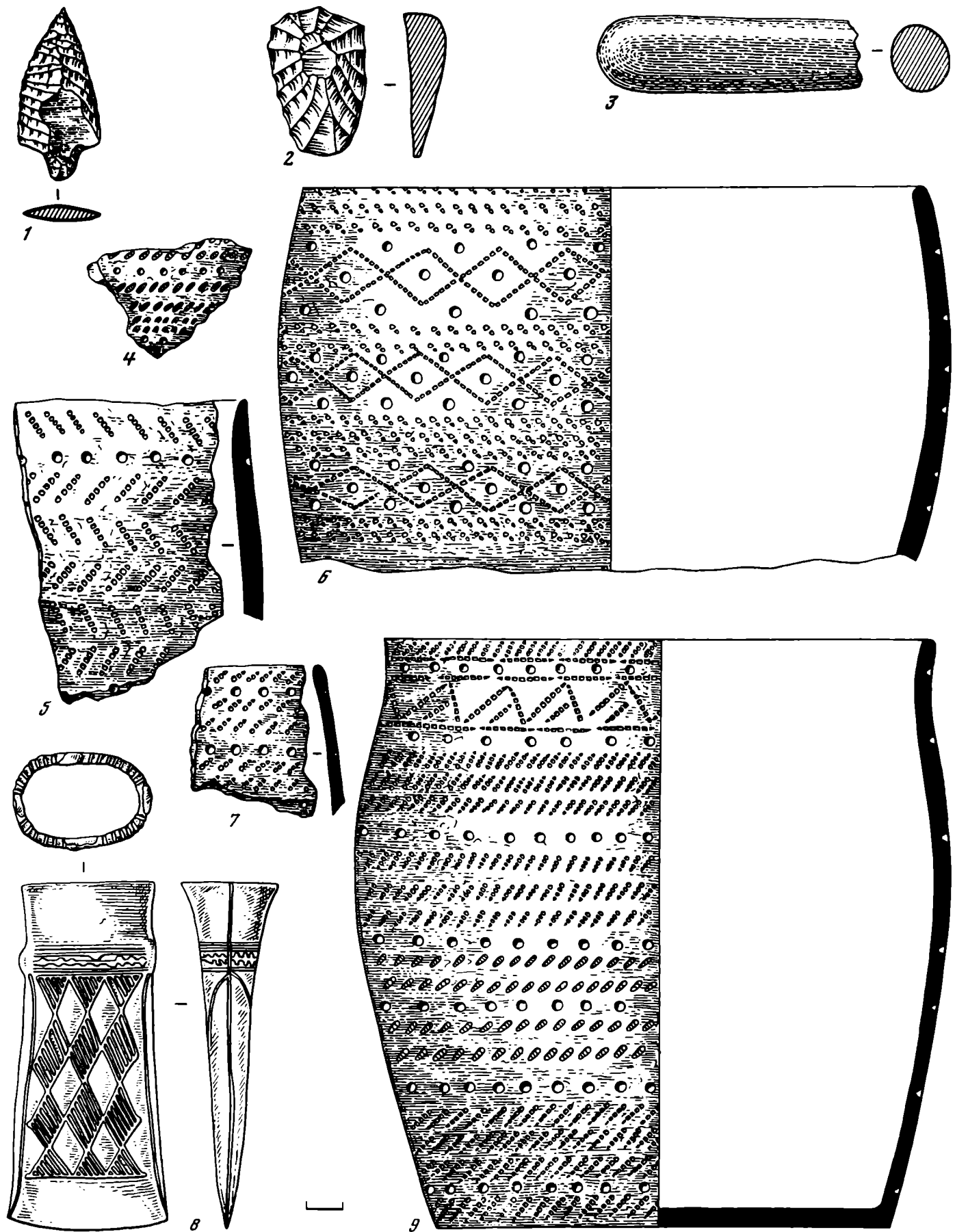

Рис. 97. Самусьско-сейминская эпоха в таежной зоне Западной Сибири. Керамика с гребенчато-ямочным орнаментом и сопровождающие ее орудия

1—3, 6 — Большой Ларьяк II; 4 — Ишкуль I; 5, 7, 9 — Самусь IV; 8 — р. Тенга. 1, 2 — камень; 8 — бронза; остальное — глина

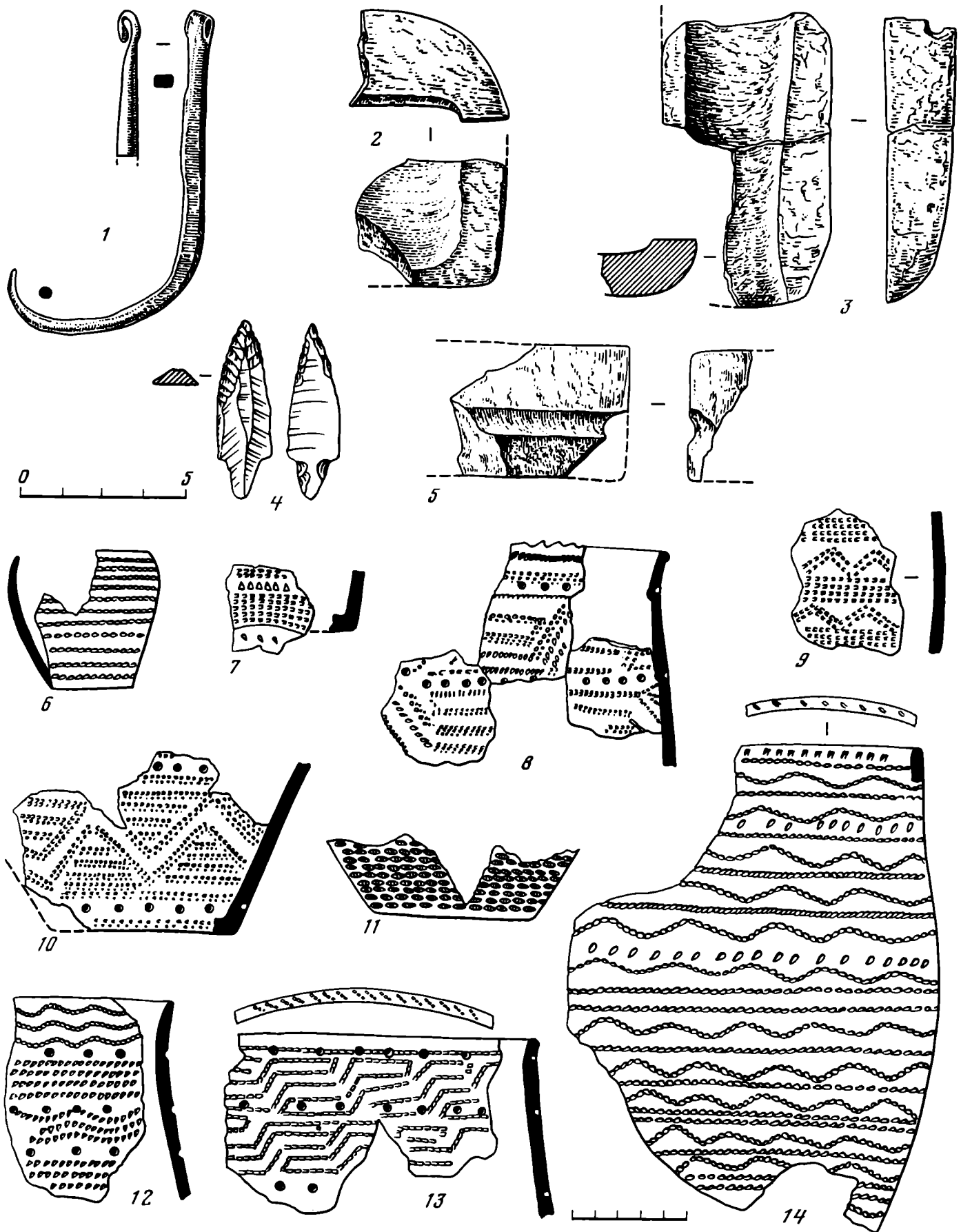

Рис. 98. Самусьско-сейминская эпоха в Тюменском Притоболье. Тюменский вариант самусьской культурной общности. Глиняная посуда и производственный инвентарь

1 — раскоп I участка VI южного берега Андреевского озера;
2—5, 8, 10, 11 — Иркуль I; 6, 13, 14 — раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера; 7 — Андреевское озеро;

9 — Липчинская стоянка; 12 — Андреевская II стоянка. 1 — бронза; 4 — камень; остальное — глина

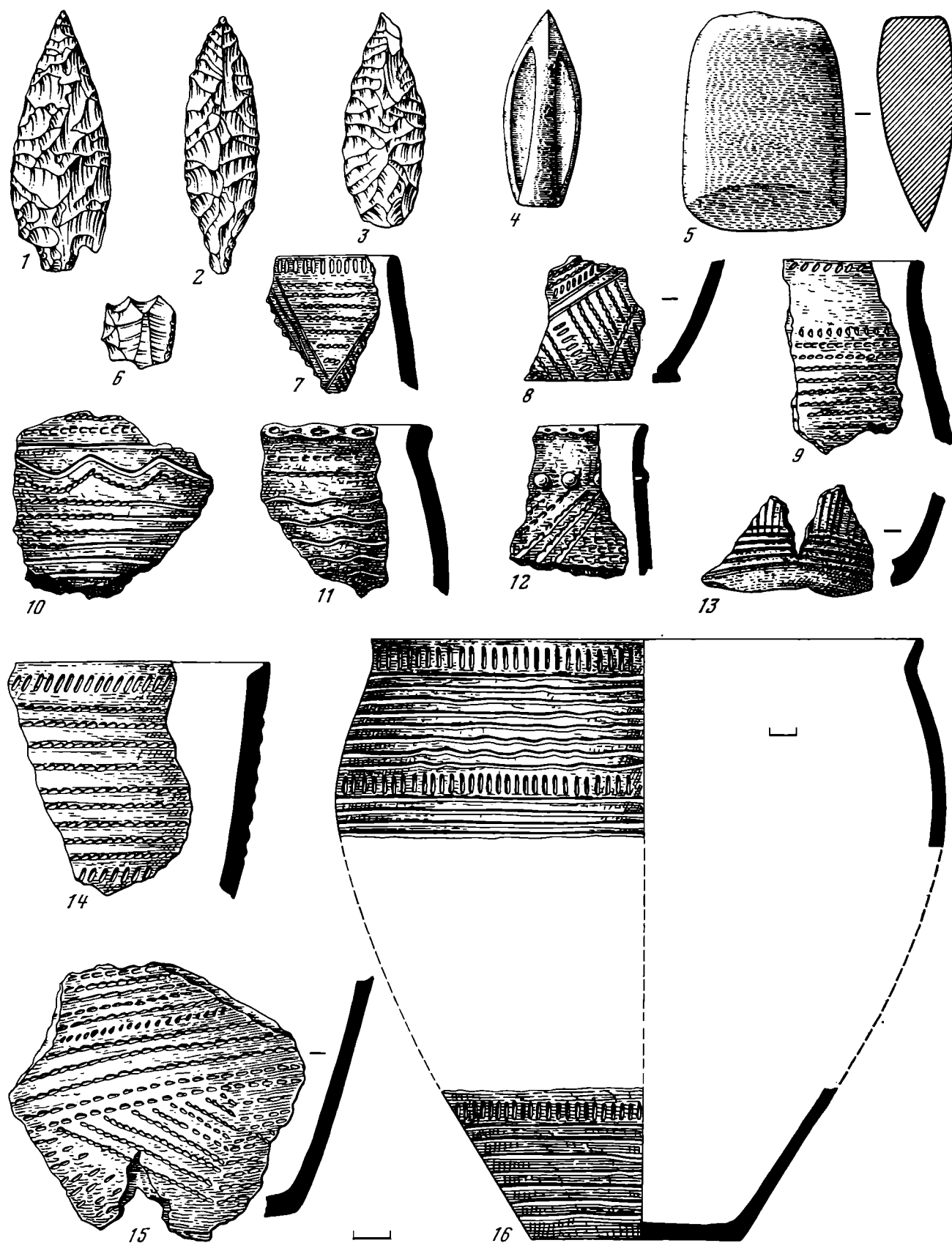

Рис. 99. Самусьско-сейминская эпоха. Среднеишимский (3—8, 11, 13, 14, 16) и среднеиртышский (1, 2, 9, 10, 12, 15) варианты самусьской культурной общности

1, 2, 9, 10, 12, 15 — Черноозерье VI; 3—8, 11, 13, 14, 16 — Логиновское городище. 1—3, 5, 6 — камень; 4 — бронза; остальное — глина

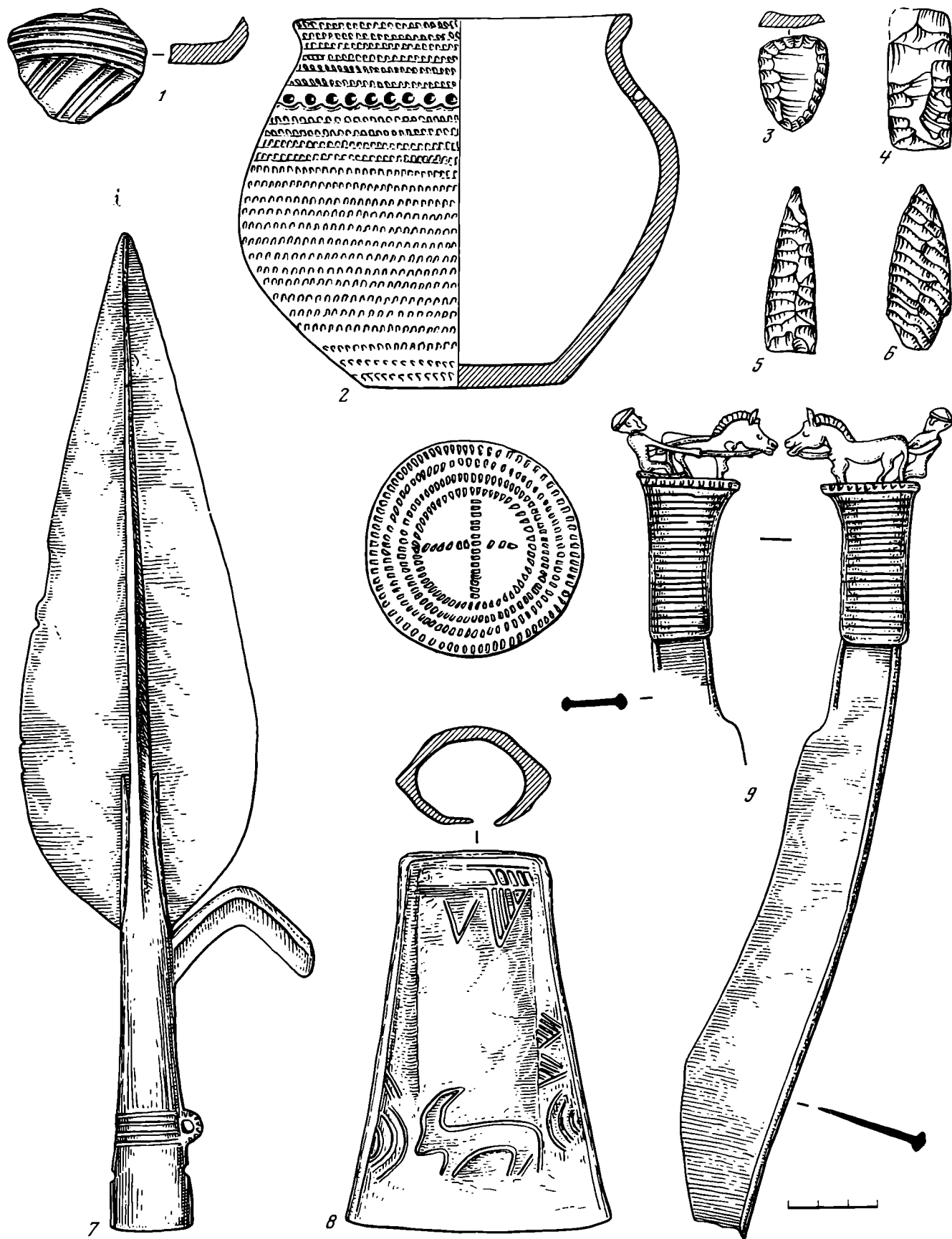

Рис. 100. Самусьско-сейминская эпоха в Среднем Прииртышье. Ростовкинский могильник
 1, 2 — глина; 3—6 — камень; остальное — бронза

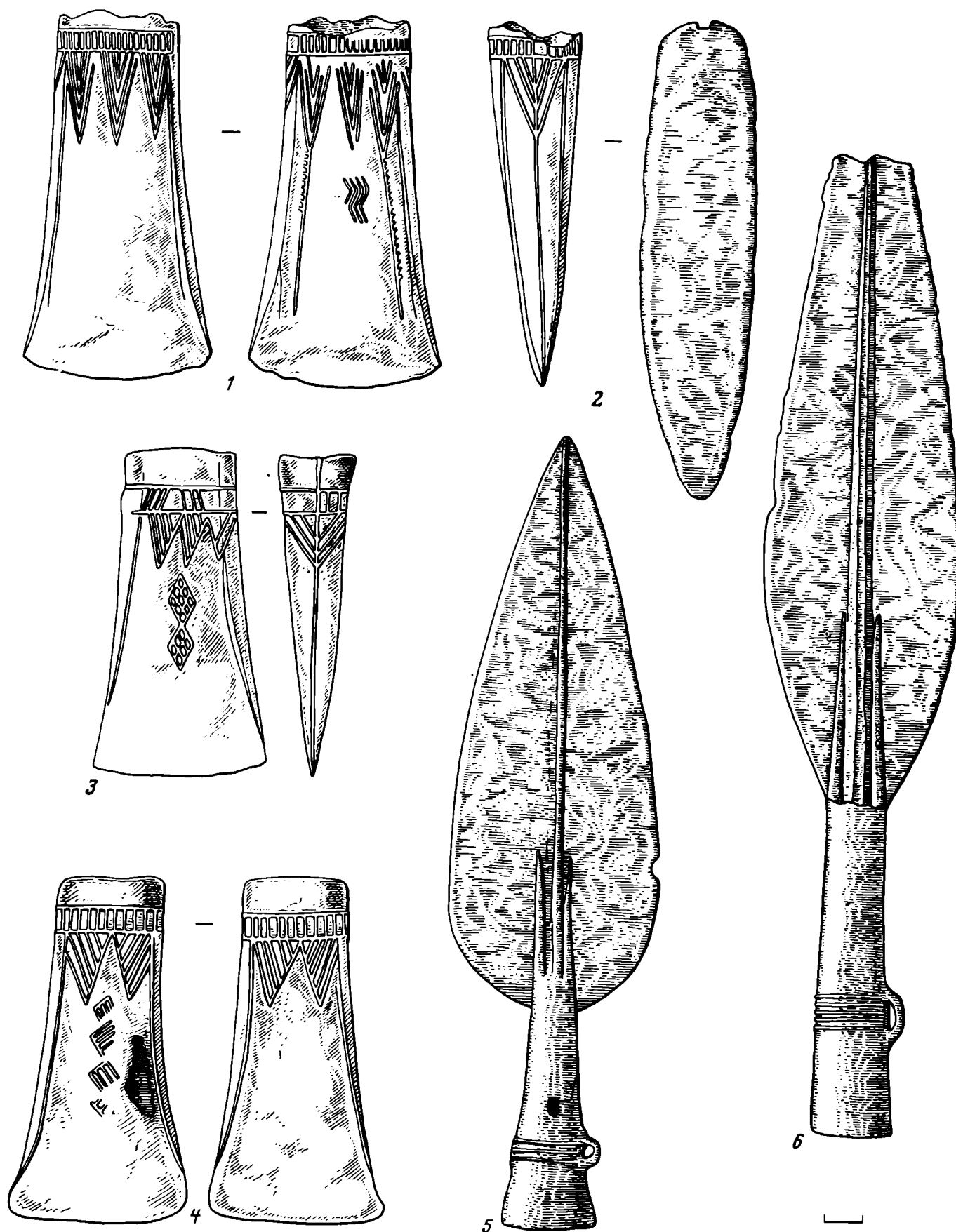

Рис. 101. Самусьско-сейминская эпоха. Бронзовые изделия из разных мест Среднего Прииртышья
 1 — г. Омск; 2, 4, 5 — Омский клад; 3 — Ростовкинский могильник; 6 — устье р. Тары

Рис. 102. Самусьско-сейминская эпоха. Томско-Чулымский регион. Самусьская культура. Керамика Самусьского IV поселения

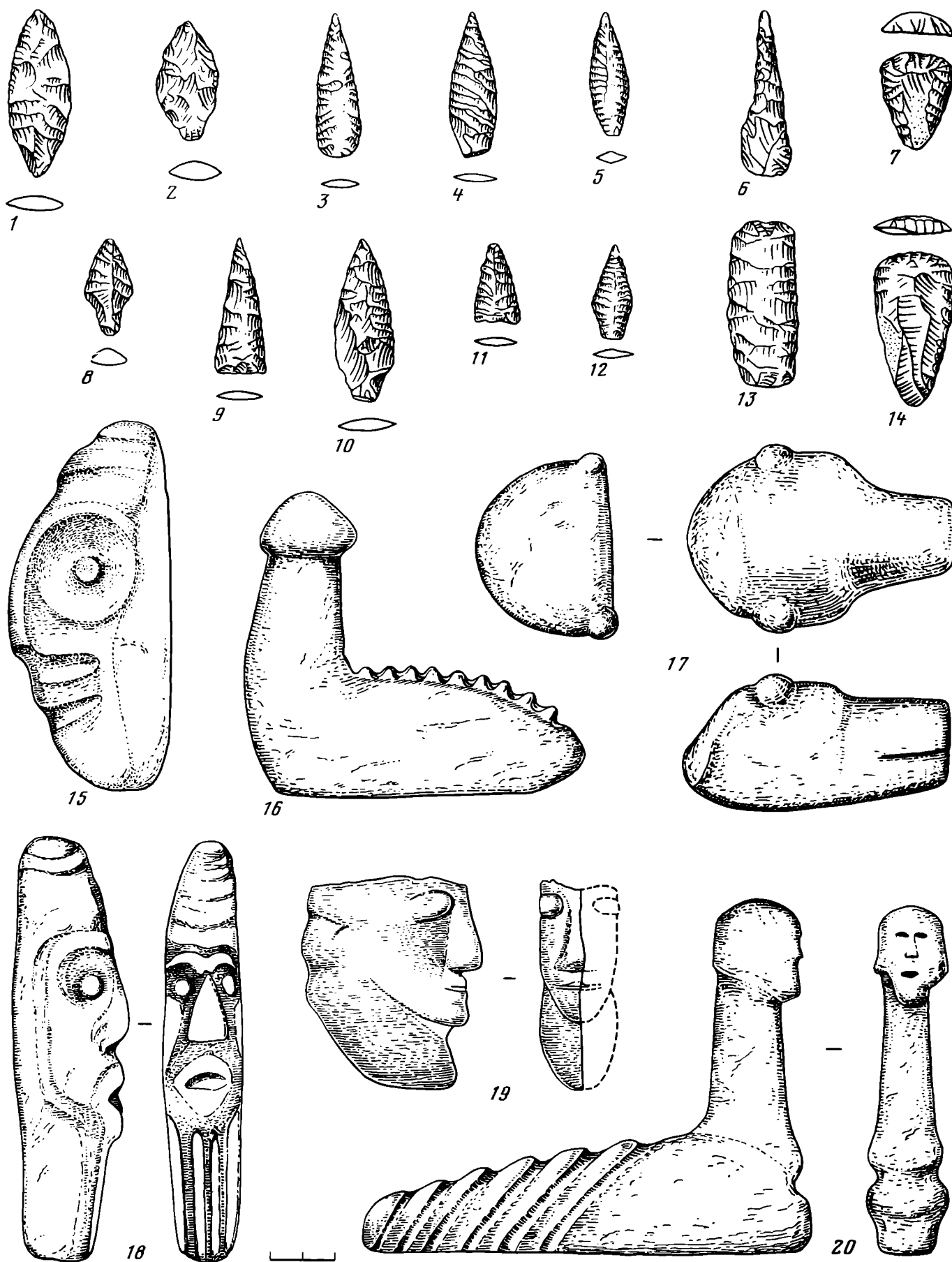

Рис. 103. Самусьско-сейминская эпоха. Томско-Чулымский регион. Каменные изделия самусьской культуры
 1—19 — Самусь IV; 20 — пос. Держинский на правом берегу
 Томи напротив Томска

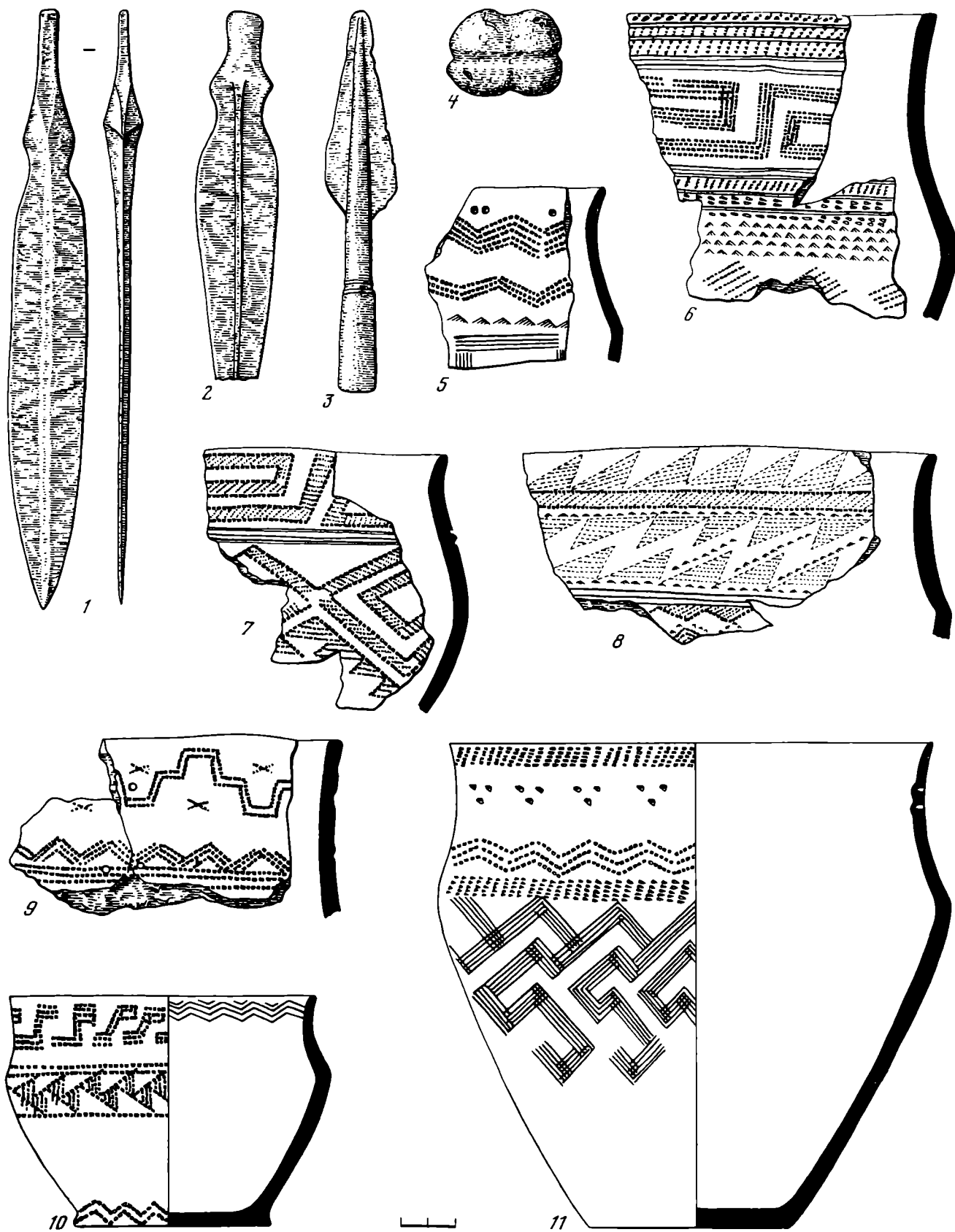

Рис. 104. Андроновская эпоха в Среднем Зауралье и Тюменском Притоболье. Нижнетобольский вариант андроновской общности. Керамика первой группы. Производственный инвентарь.

1 — оз. Кунгур; 2 — с. Красногорское на р. Исети; 3 — Тюменская обл.; 4 — раскоп 2 участка V южного берега Андреевского озера; 5 — Иркуль II; 6, 8 — Коптяки V; 7 — Исетское озеро; 9 — Карасье озеро; 10, 11 — поселение на северном берегу Андреевского озера. 1—3 — бронза; остальное — глина

Рис. 105. Андроновская эпоха в Нижнем Притоболье. Нижнетобольский вариант андроновской общности. Керамика второй группы

1 — Исетское озеро; 2, 6, 12, 13 — Чесноковская Пашня; 3 — Карасье озеро; 4, 9, 10 — Коптяки V; 5 — Ново-Исетский завод; 7, 8 — Погорожки; 11 — Калмацкий Брод; 14—18 — Дуванское XVII

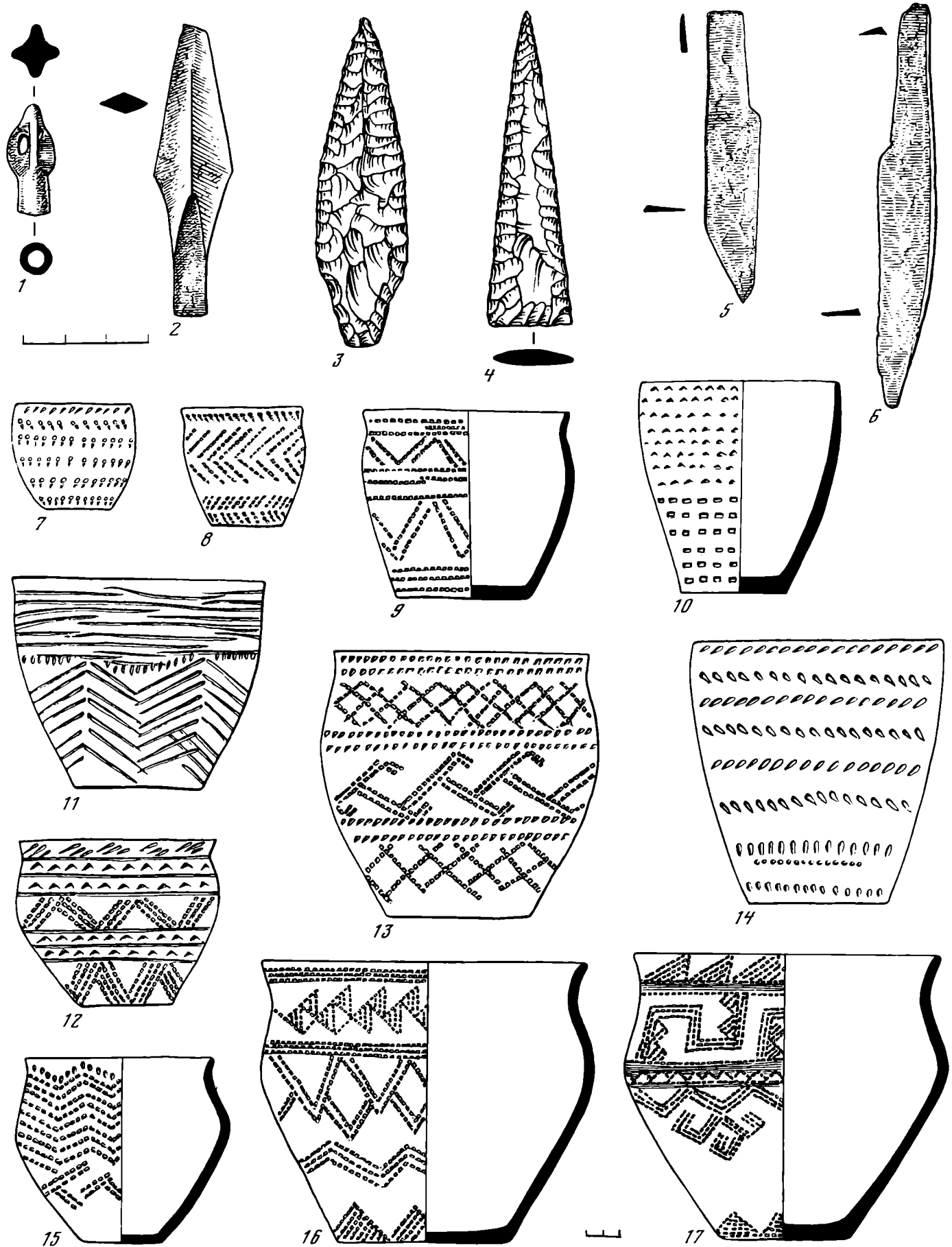

Рис. 106. Андроновская эпоха. Томское Приобье. Черноозерско-томский вариант андроновской общности

Глиняная посуда и хозяйственно-бытовой инвентарь из Томского могильника на Малом Мысе (7—10, 13) и из ранних

погребений Еловского II могильника. 1, 5, 6 — бронза; 2 — кость; 3, 4 — камень; остальное глина

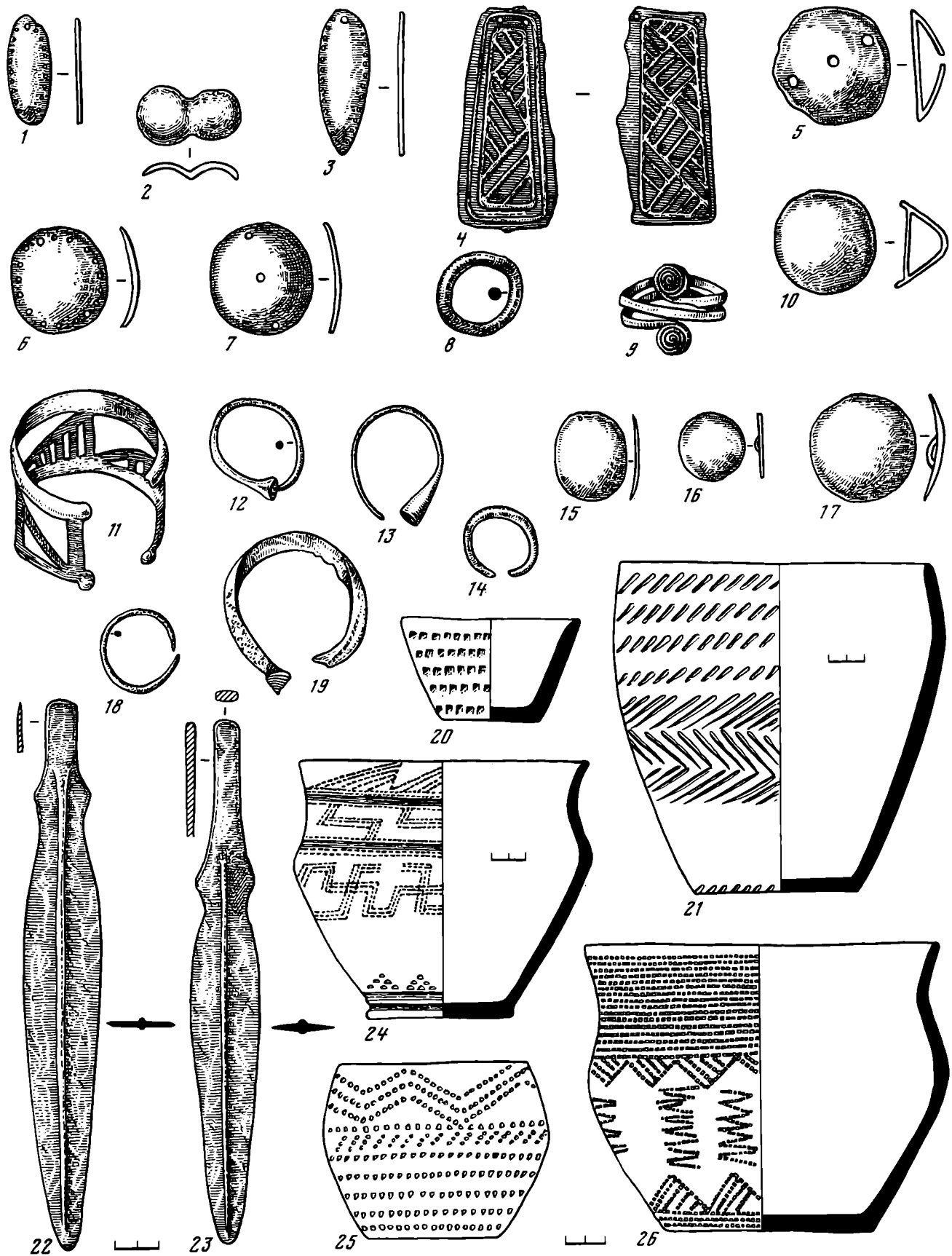

Рис. 107. Андроновская эпоха в предтаежном Прииртышье и на юге Среднего Приобья. Черноозерско-томский вариант андроновской общности

1—3, 6, 7, 12, 15—19, 21—25 — Еловский II могильник; 4, 5, 8—11, 14, 20, 26 — могильник Черноозерье I. 1—19, 22—23 — бронза; остальное — глина

Рис. 108. Андроновская эпоха в лесном Зауралье. Андроновидный культурный массив. Глиняная посуда и производственный инвентарь черкаскульской культуры

1, 3, 7 — Береговая I стоянка; 2 — Калмацкий Брод; 4 — Липовая Курья; 5 — Березовское поселение; 6 — Горбуновский торфяник; 8 — Исетское озеро; 9 — Новая III; 10 — Коптяки V. 2 — бронза; 3, 6, 7 — камень, остальное — глина

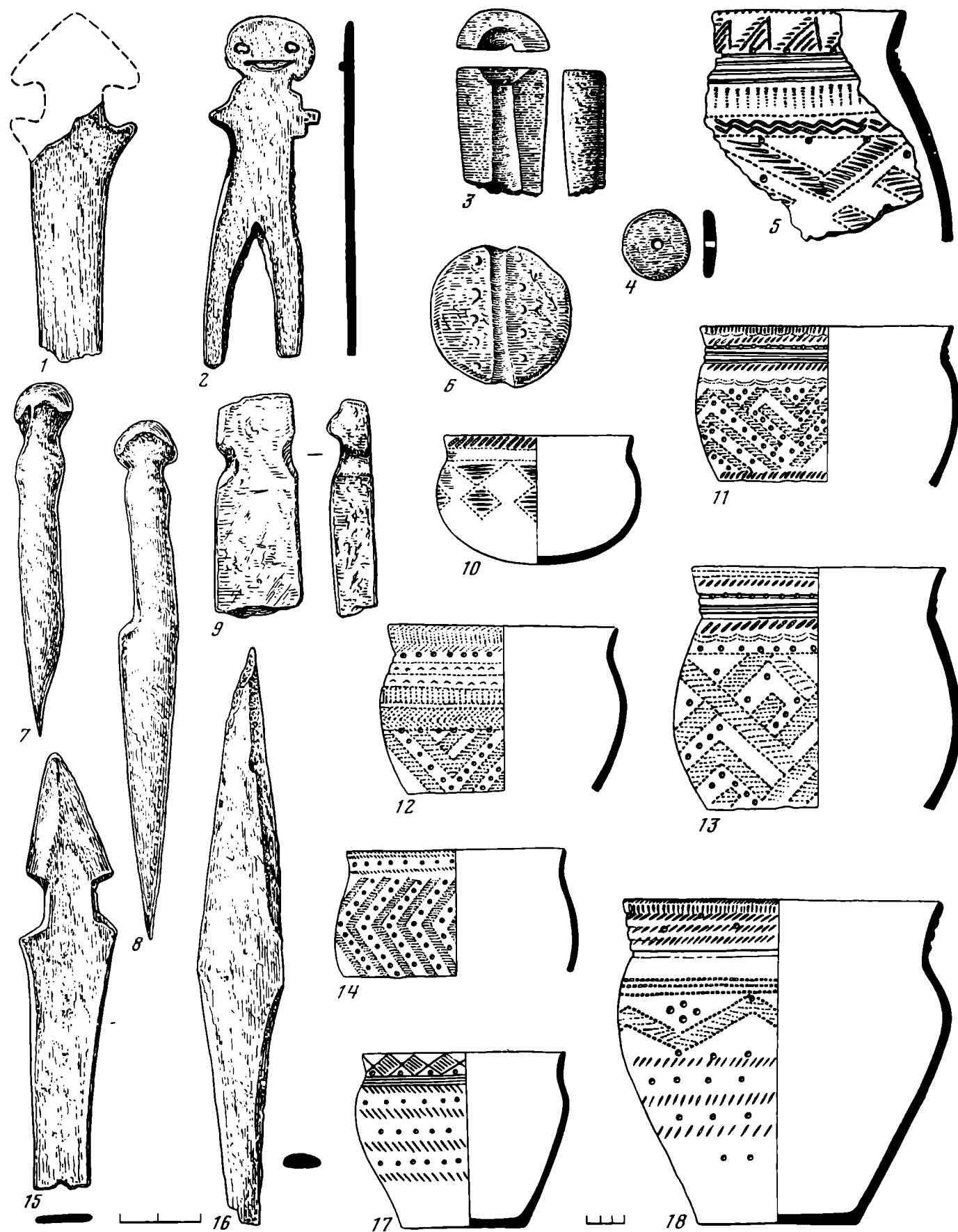

Рис. 109. Андроновская эпоха в среднеиртышской тайге. Андроновидный культурный массив. Материалы сузгунской культуры из городища Чудская Гора

1, 7-9, 15, 16 — кость; 2 — бронза; остальное — глина

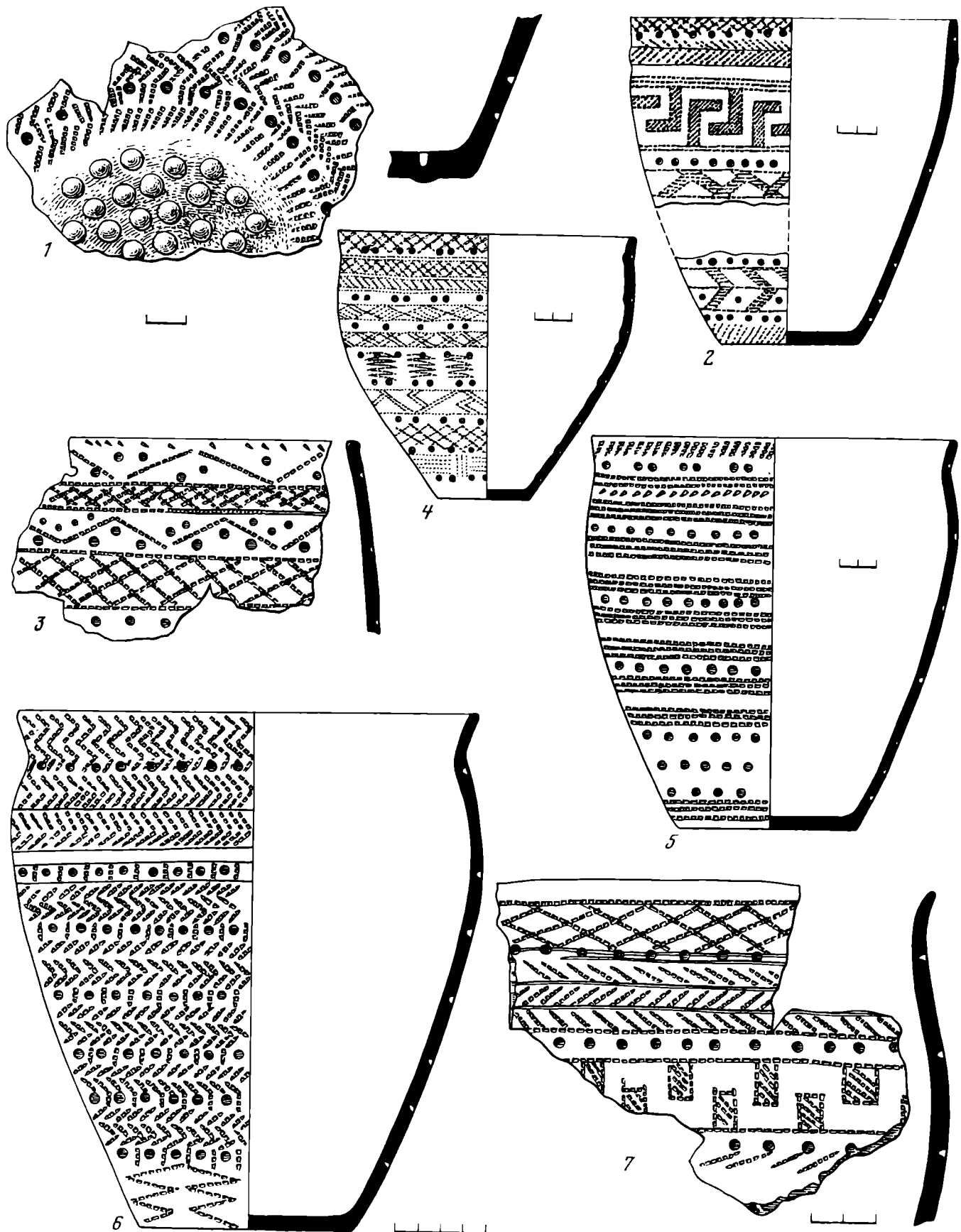

Рис. 110. Андроновская эпоха в Томско-Нарымском Приобье. Андронovidный культурный массив

Глиняная посуда первой (1, 3, 5, 6) и третьей (2, 4, 7) групп еловской культуры. 1—4 — Малгет; 5, 7 — Десятовское поселение; 6 — Еловское поселение

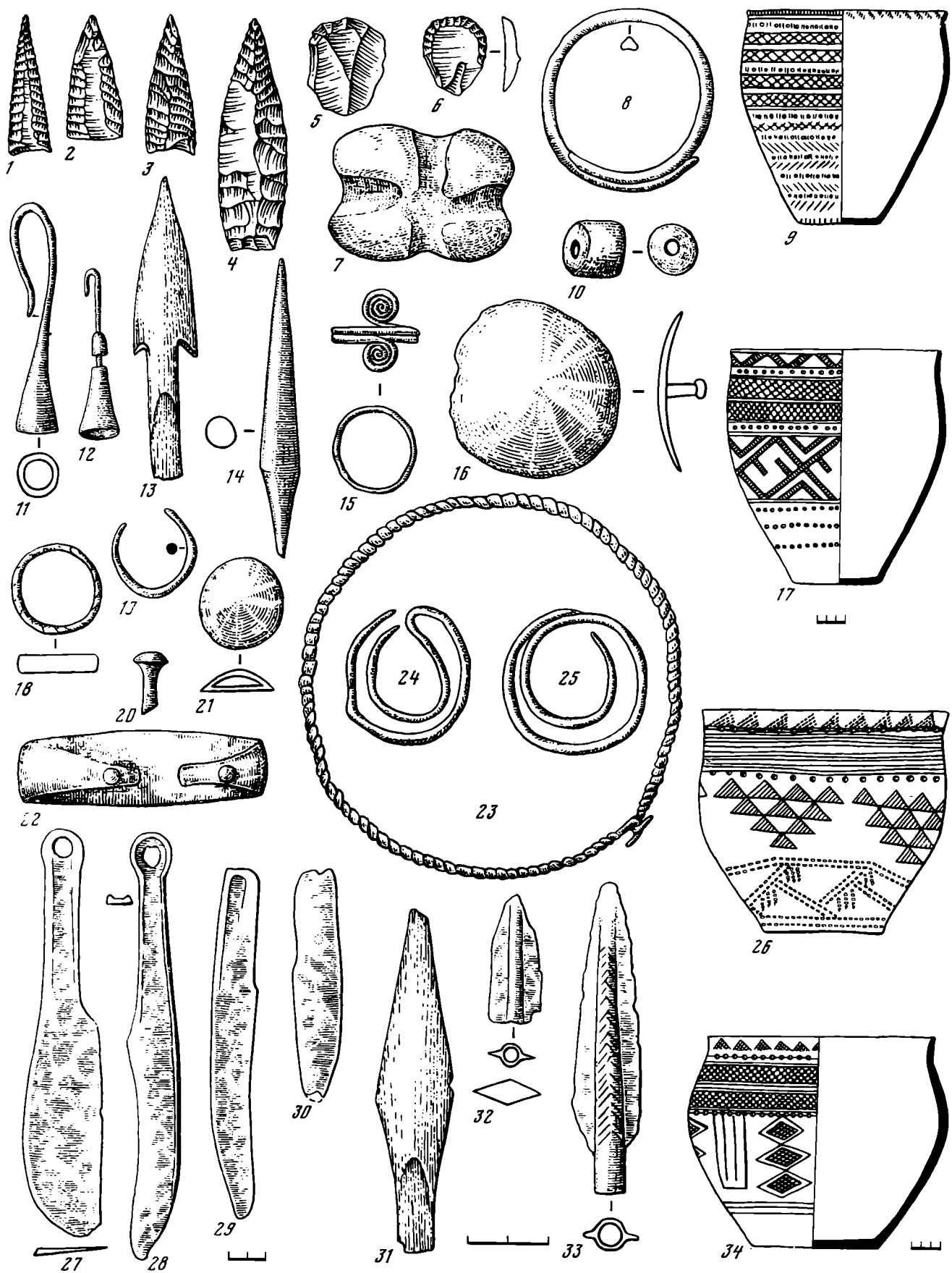

Рис. 111. Андроновская эпоха в Томско-Чулымском регионе. Андроновидный культурный массив. Еловская культура

Керамика второй (9), третьей (17, южный вариант), четвертой (26), пятой (33) групп и сопровождающий инвентарь. 1-7, 9, 10, 17 — Десятовское поселение; 8, 16, 18, 19, 21-28, 33 — Еловский II могильник; 13, 14, 30, 32, 34 — Еловское по-

селение; 31 — поселение Чекист; 11, 12, 15, 20, 29 — Еловский I могильник. 1-6 — камень; 7, 9, 10, 17, 26, 34 — глина; 13, 14 — кость; 23 — золото; остальное — бронза

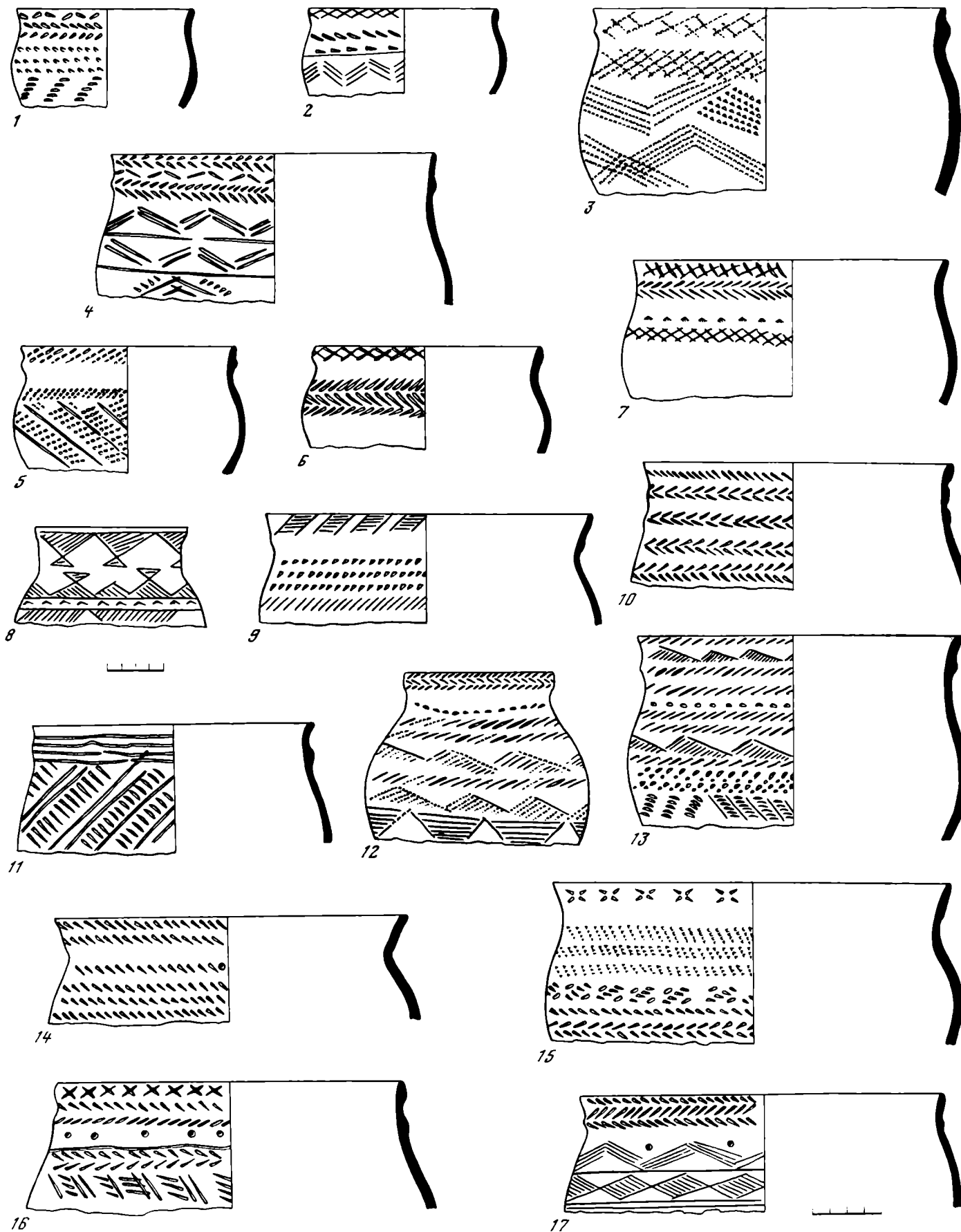

Рис. 112. Эпоха поздней бронзы. Район Свердловска. Глиняная посуда межовской культуры
 1, 3–5, 7, 9, 10, 14, 17 — Коптяки II; 2, 11–13, 15, 16 — Коптяки I; 6, 8 — Коптяки IV

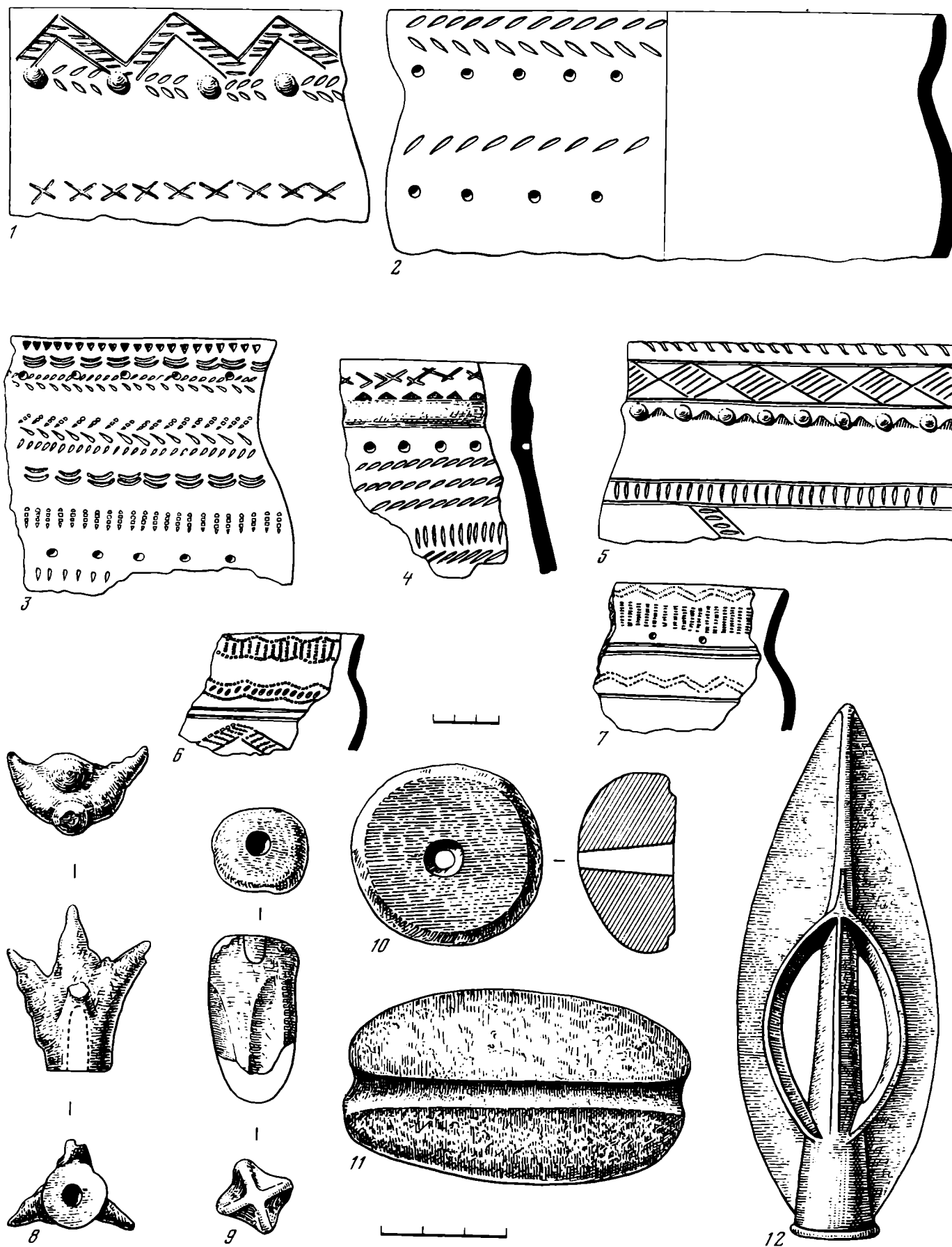

Рис. 113. Эпоха поздней бронзы в предтаежном (1, 2, 4, 5, 10–12) и южнотаежном (3, 6–9) Приуртышье
 1, 2, 5, 10, 11 — Черноозерье VIII; 3, 6–9 — Чудская Гора; 4 —
 Евгачинское поселение; 12 — из сборов братьев Усовых в
 Тарском округе. 12 — бронза; остальное — глина

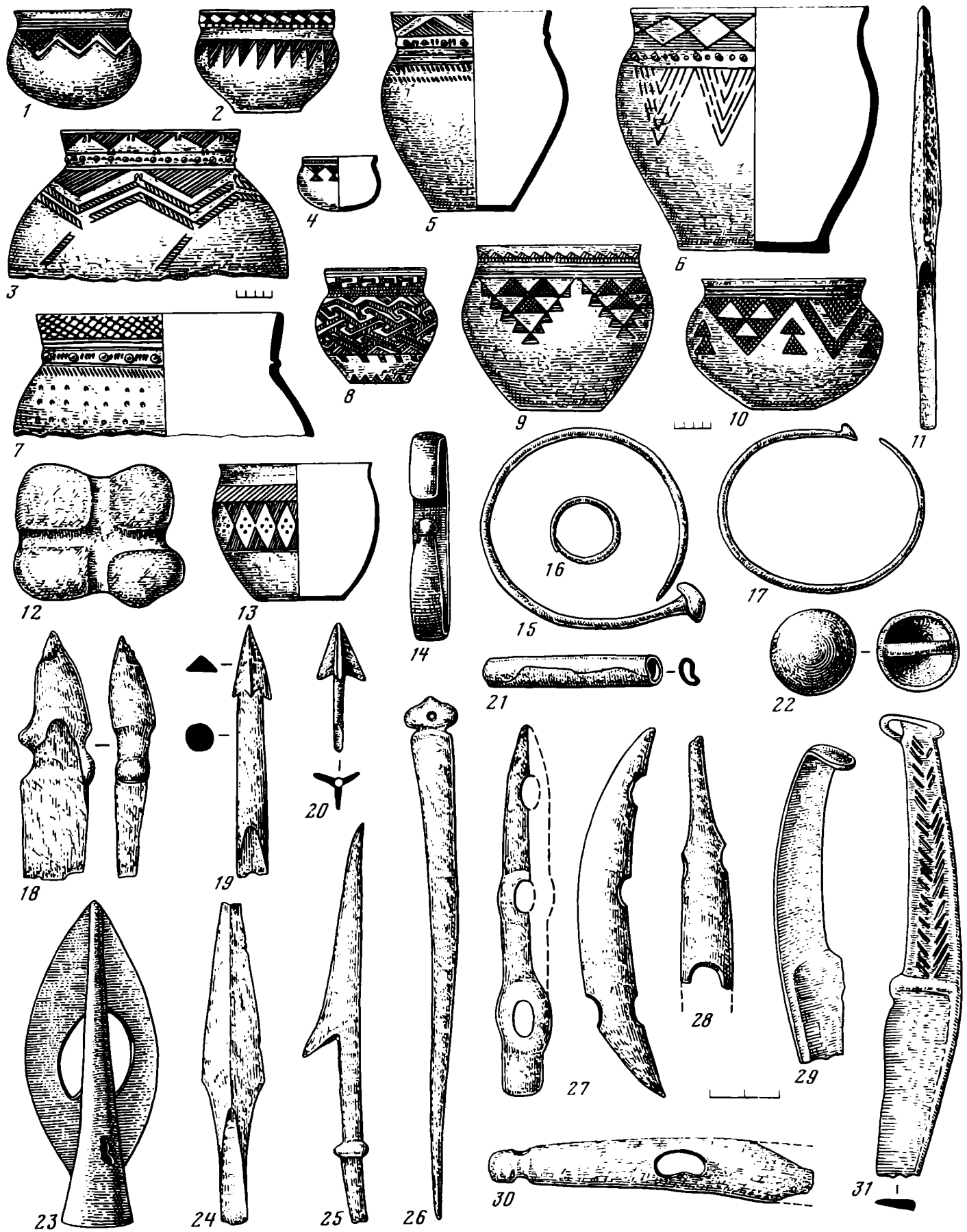

Рис. 114. Эпоха поздней бронзы в Нижнем Притомье и Верхнем Приобье. Изделия ирменской культуры

1, 2, 10 — Еловский II могильник; 3 — Басандайское городище; 4, 5, 12, 13, 18—20, 23, 25—31 — Еловское поселение; 6 — могильник Красный Яр; 7, 11, 24 — поселение «Чекист»; 8, 9 — Еловский I могильник; 14—17, 21, 22 — могильник Камышска на Северном Алтае. 1—10, 12, 13 — глина; 11, 18, 19, 24—28, 30 — кость; остальное — бронза

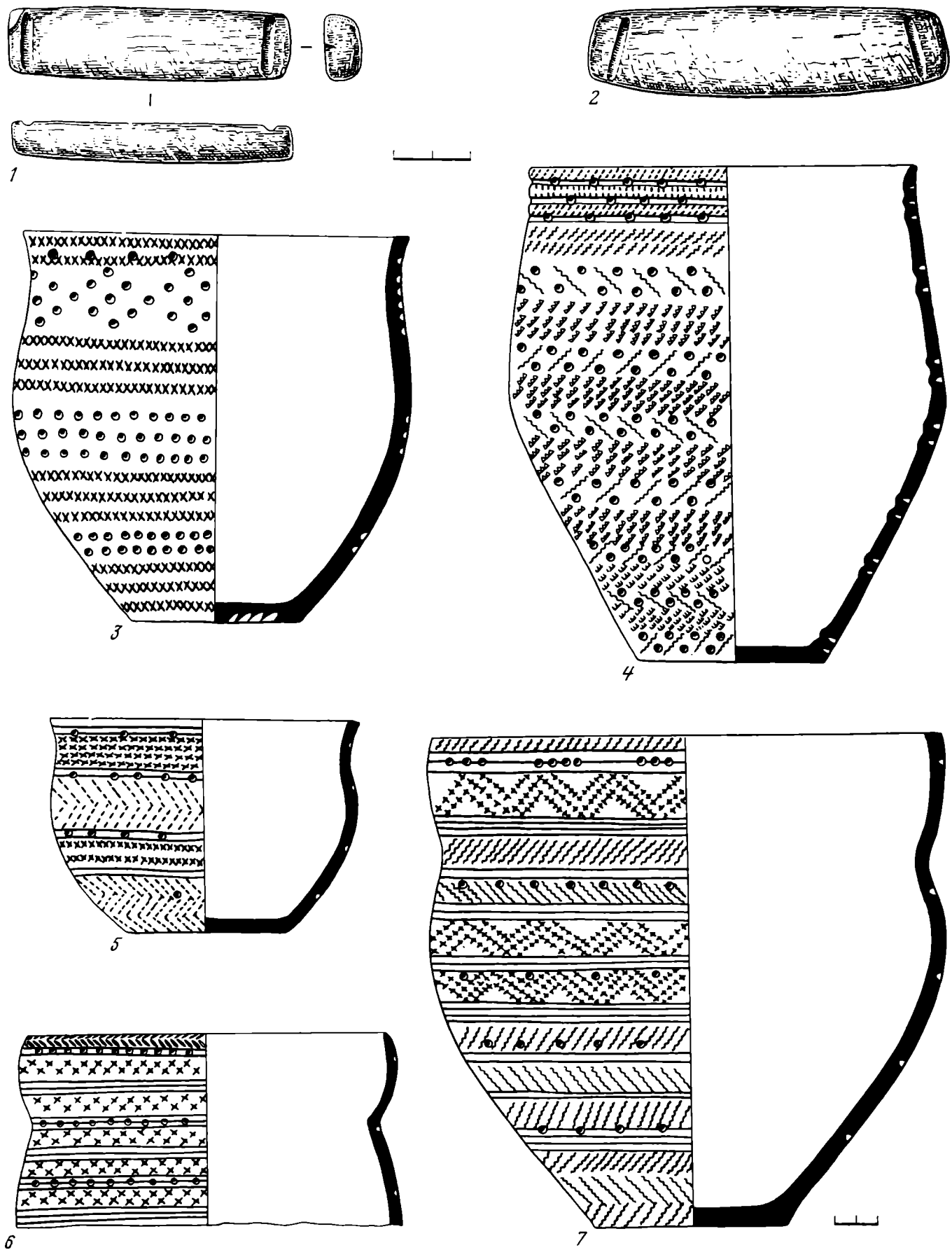

Рис. 115. Эпоха поздней бронзы в Сургутском и северотаежном Приобье. Керамика и каменный инвентарь

1, 5, 6 — Барсов Городок 1/10; 2—4, 7 — Малый Атлым. 1, 2 — камень; остальное — глина

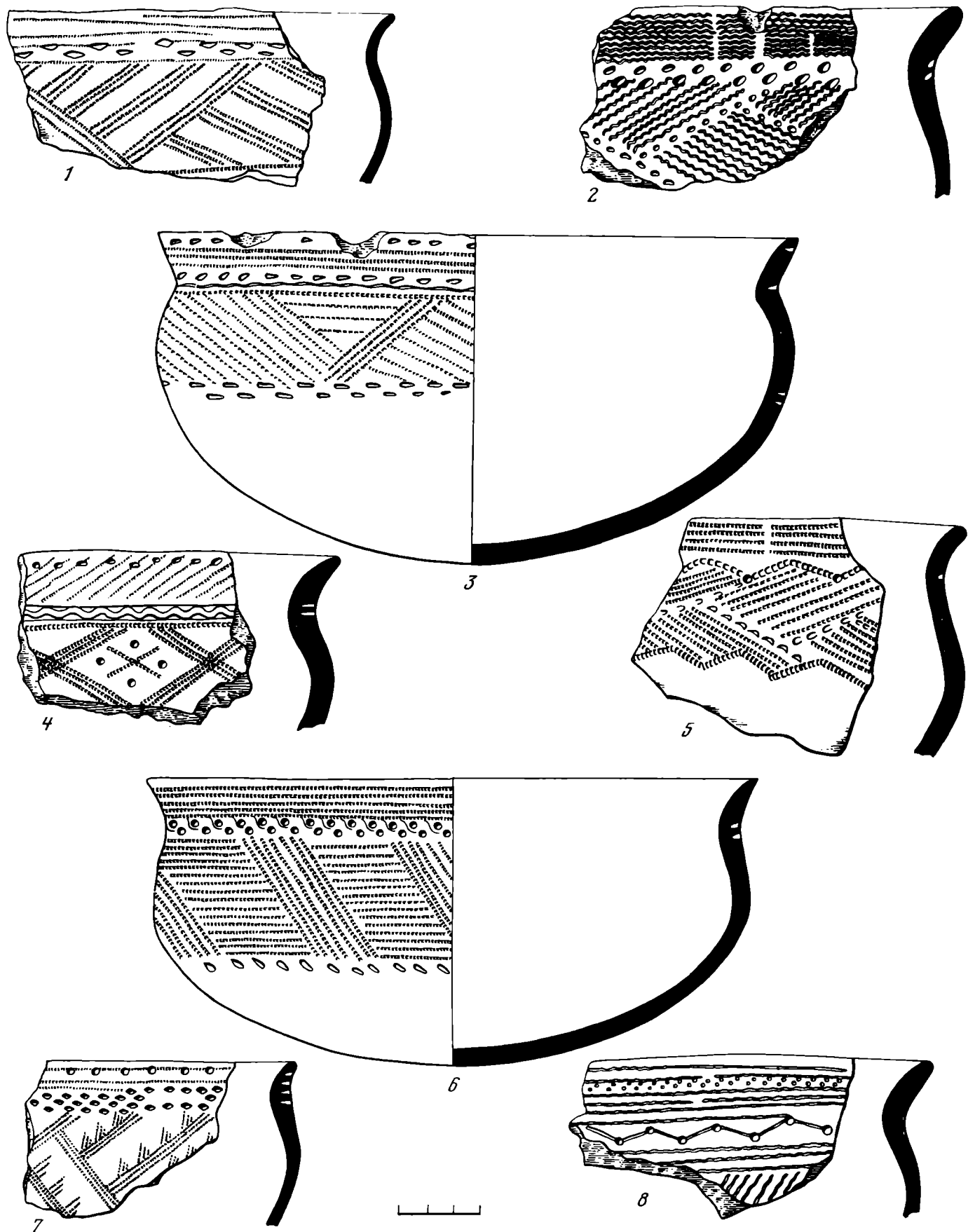

Рис. 116. Переходное время от бронзового века к железному. Среднее Зауралье. Гамаюнская культура. Керамика первой группы

1, 4 — Свердловская обл.; 2 — Карасье II озеро; 3, 6 — Карасье I озеро; 5, 8 — Палкинские стоянки; 7 — Ипкуль I

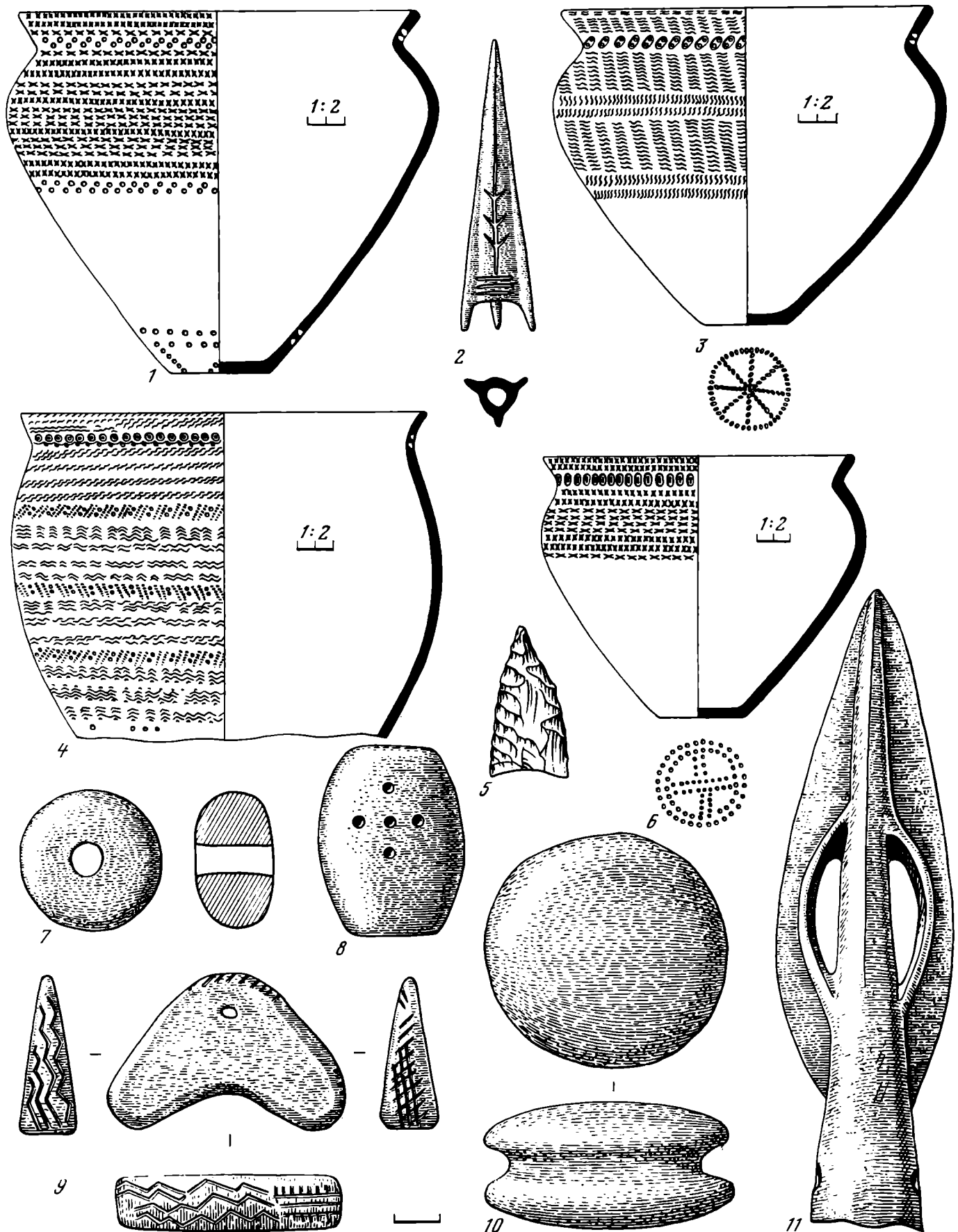

Рис. 117. Переходное время от бронзового века к железному. Свердловско-Тагильский регион. Гамаюнская культура. Посуда второй группы, инвентарь

1, 6 — Шайдуриха; 2, 5 — жертвенное место Еловое; 3 — Аятские поселения; 4, 10 — Голый Камень; 7, 9 — гора Малень-

кая; 8 — Карасье II озеро; 11 — Каменогорское городище. 2, 11 — бронза; 5 — камень; остальное — глина

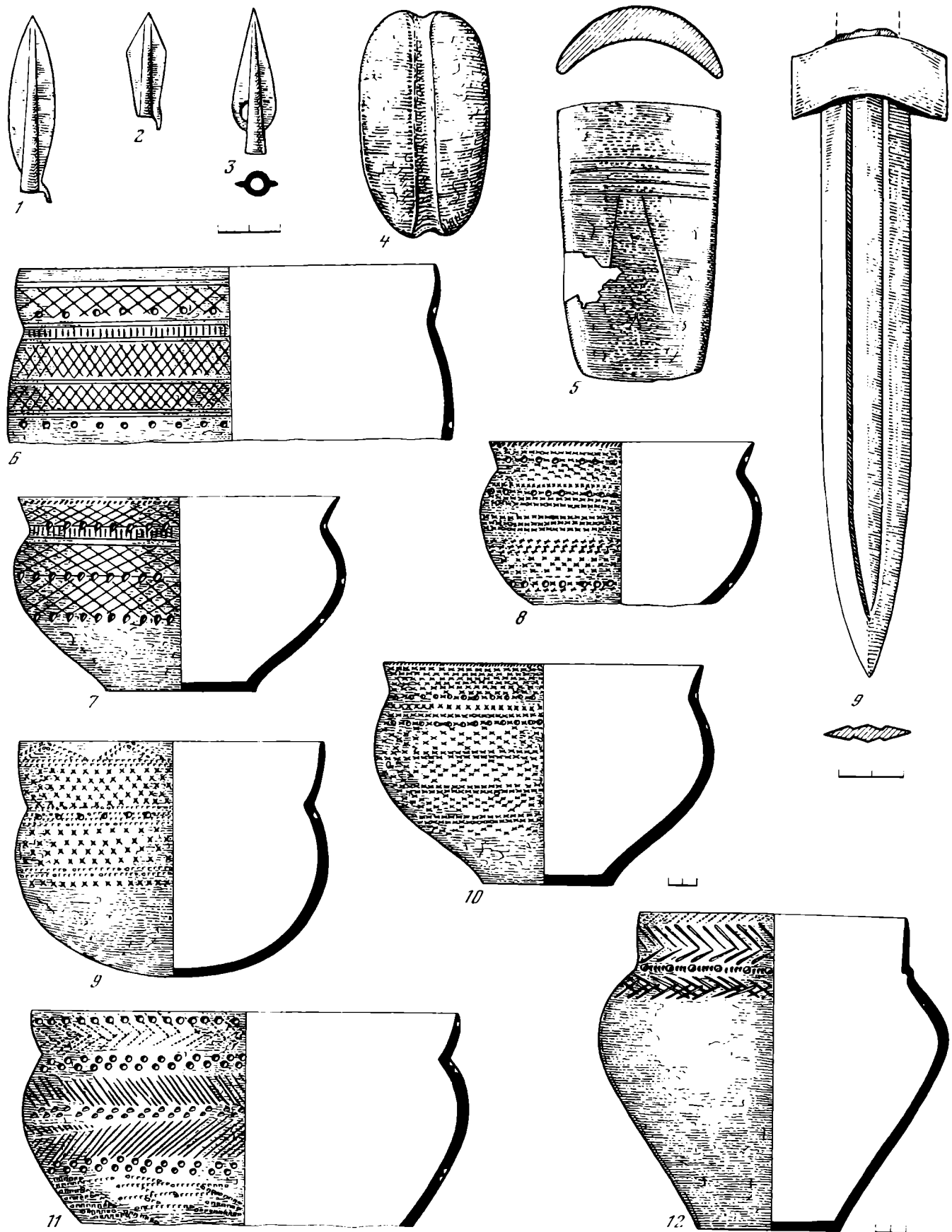

Рис. 118. Переходное время от бронзового века к железному в предтаежной полосе Западной Сибири. Посуда красноозерского (5—8, 10, 11) и завьяловского (9, 12) типов; производственный инвентарь

1, 2, 5, 6, 11 — Инберень; 3, 9, 12 — Завьялово V; 4 — Омская обл.; 7, 8, 10 — Старо-Масляное. 1—3, 9 — бронза; остальное — глина

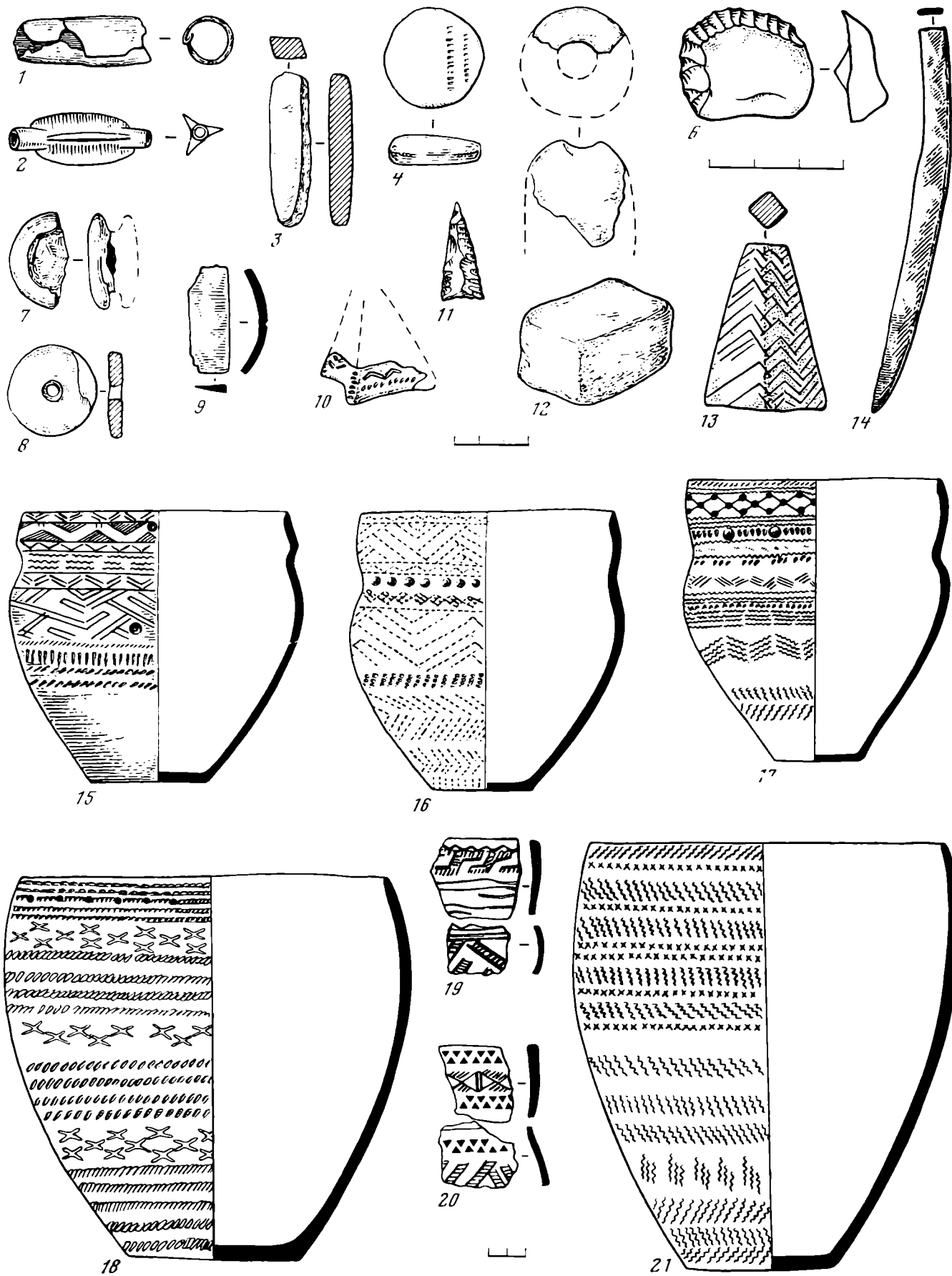

Рис. 119. Переходное время от бронзового века к железному в правобережной части Нарымского Приобья. Молчановская культура

1, 5, 8, 11, 17 — Остяцкая Гора; 2, 14, 18—20 — Десятовское поселение; 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16 — Шайтанское горо-

дце; 21 — Тургайские материковые ямы. 1—3, 9, 14 — бронза; 3, 6 — камень; остальное — глина

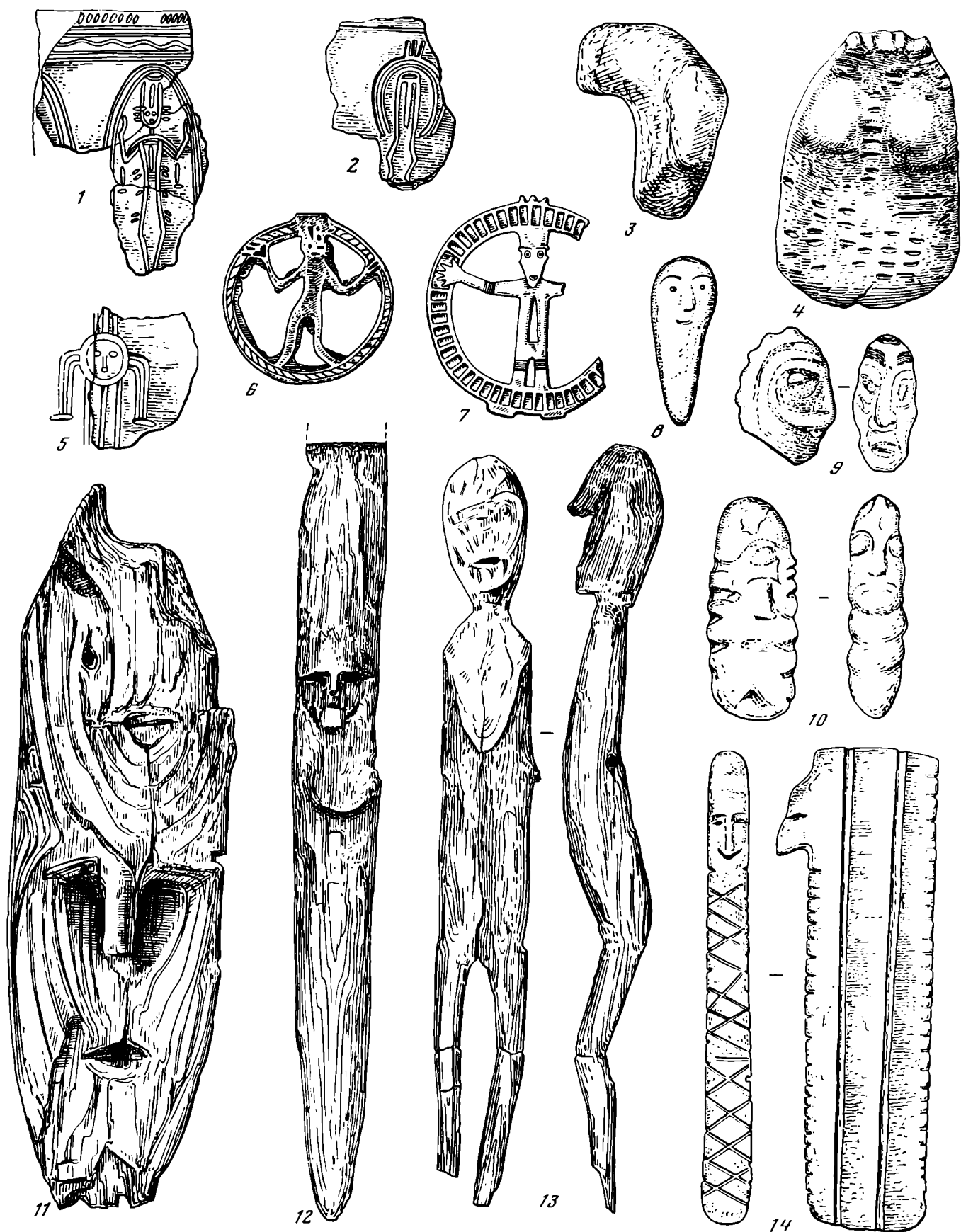

Рис. 120. Антропоморфные изображения Восточного Урала и Западной Сибири

1, 2, 5, 9, 10 — поселение Самусь IV; 3 — поселение Большой Ларьяк II; 4 — поселение Мыс Березовый; 6 — поселение Завьялово IA; 7 — с. Напас на р. Тым; 8 — поселение на р. Болдинка; 11—13 — Горбуновский торфяник; 14 — поселе-

ние Палатки II. 1, 2, 5, 6, 9, 10 — самусьско-сейминская эпоха; 3, 4, 8, 11—14 — эпоха ранней бронзы; 7 — железный век; 1—5 — глина; 6, 7 — бронза; 8—10, 14 — камень; 11—13 — дерево

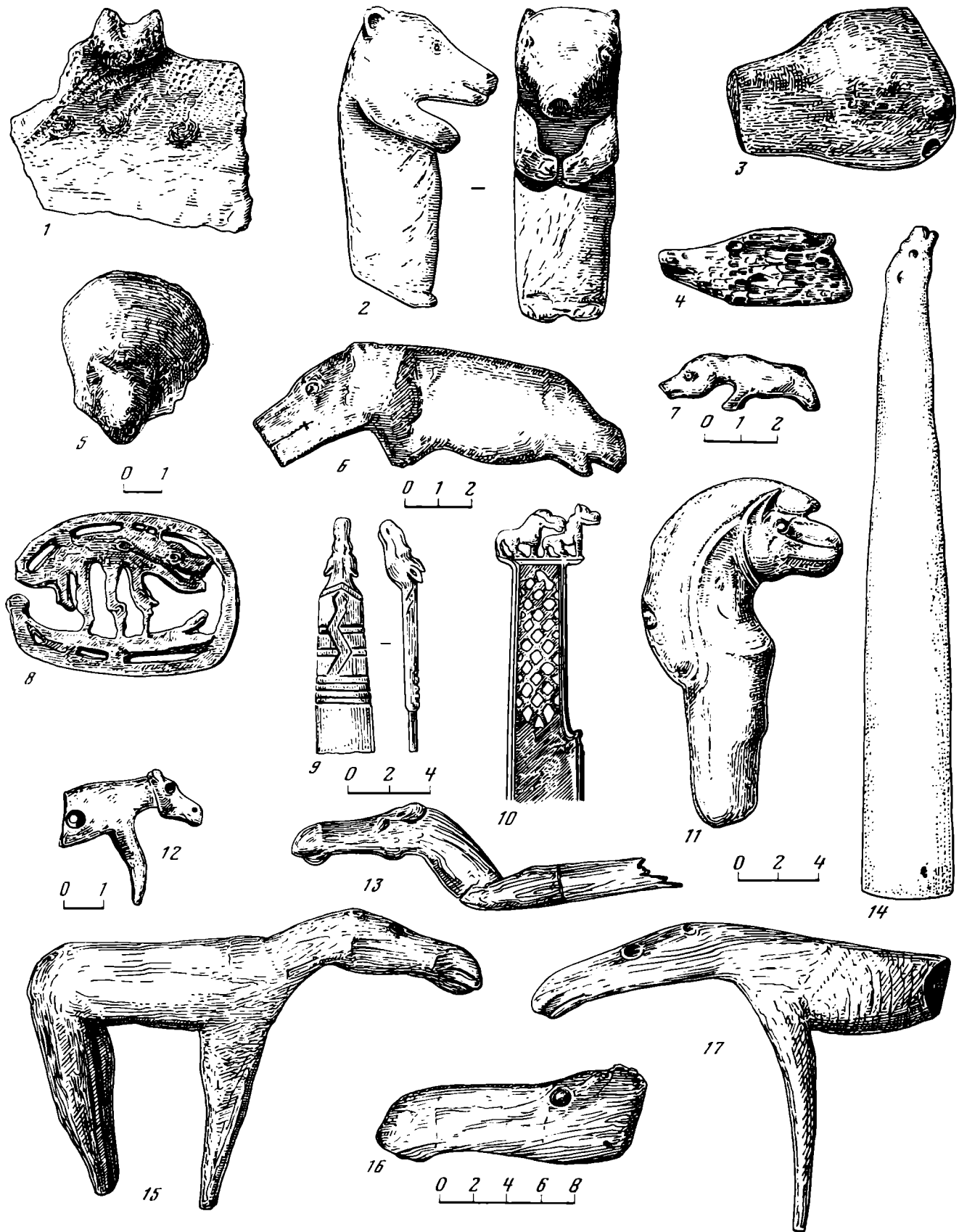

Рис. 121. Анималистические изображения Восточного Урала и Западной Сибири

1 — стоянка Береговая I; 2 — Самусьский могильник; 3 — могильник Усть-Куюм; 4 — Шигирский торфяник; 5, 8 — поселение Самусь IV; 6 — могильник на Мусульманском кладбище; 7 — Васьковский могильник; 9, 10 — Сейминский могильник; 11 — Прииртышье; 12 — Еловское поселение; 13 — Шигирский торфяник; 14 — оз. Иткуль; 15—17 — Горбунов-

ский торфяник. 1, 3, 14, 15, 17 — эпоха ранней бронзы; 2, 6 — переходное время от неолита к эпохе бронзы; 4, 5, 8—11, 13, 16 — самусьско-сейминская эпоха; 7 — неолит; 12 — поздний этап бронзового века. 1, 5 — керамика; 2, 3, 6, 11, 14 — камень; 4, 13, 15, 17 — дерево; 7, 12 — кость; 8—10 — бронза; 16 — рог

Рис. 122. Изображения птиц и змей в искусстве Восточного Урала и Западной Сибири

1, 2, 4—8 — Горбуновский торфяник; 3 — Шигирское городище; 1, 2, 4—8 — эпоха бронзы; 3 — поздний этап бронзового века. 1, 2, 4—8 — дерево; 3 — глина

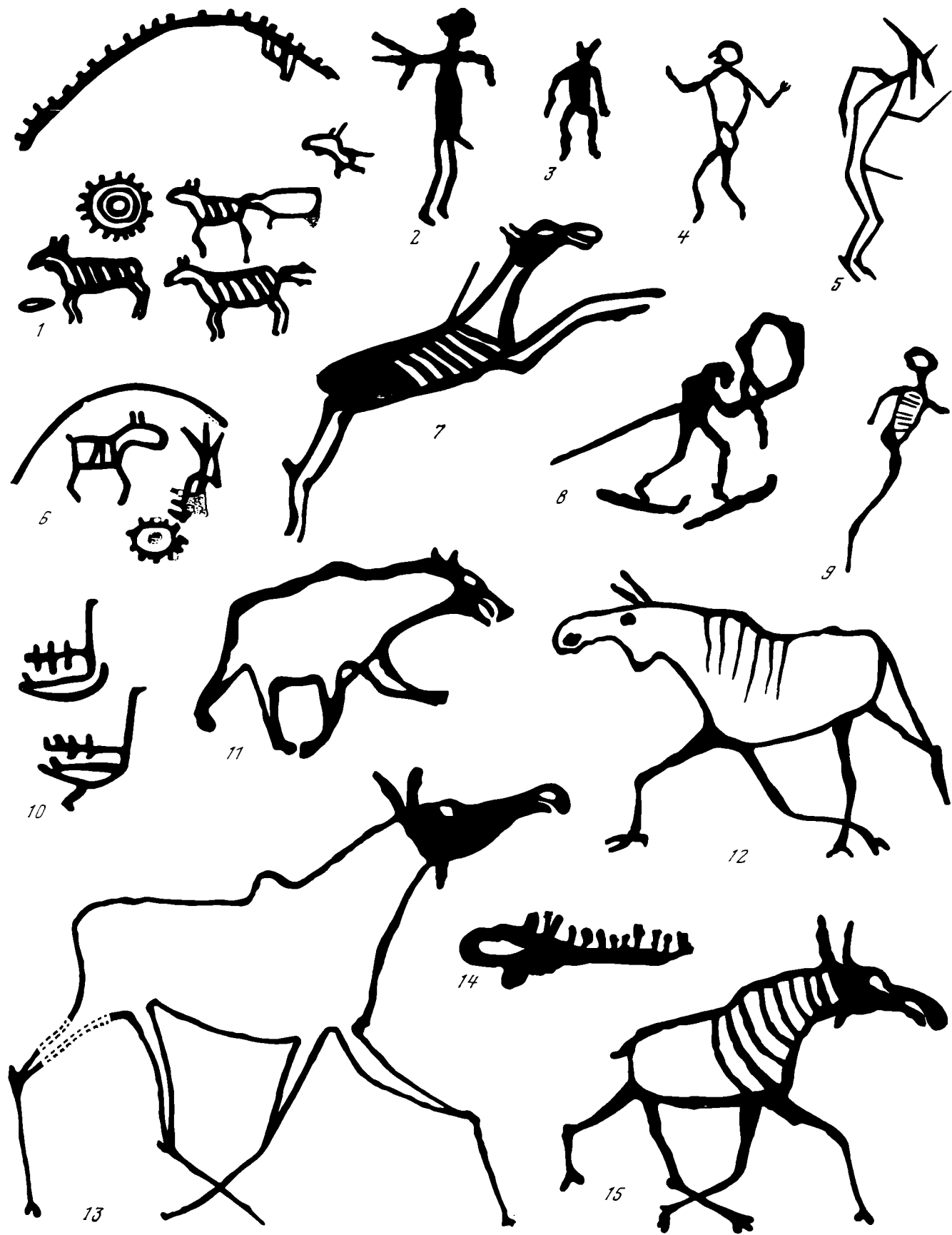

Рис. 123. Основные сюжеты наскальных рисунков Восточного Урала и Западной Сибири

1 — Зенковская писаница (р. Тагил); 2, 3, 5, 7—9, 11, 12, 15 — Томская писаница; 4, 13 — Тутальская писаница; 6 — «скала с пещерой» (р. Тагил); 10 — скала «Змиев Камень» (р. Тагил); 14 — Новоромановская писаница

Рис. 124. Схемы погребений бронзового века Прибайкалья и реконструкции облика людей глазковской культуры

1 — Усть-Уда, погребение 1; 2 — Шивера, погребение 5; 3 — Нохой, погребения 3 и 4; 4 — Шумилиха, погребение 43; 5 — Ленковка, погребение 2; 6, 7 — Нохой, погребение 3 и

реконструкция облика женщины по находкам из этого погребения; 8, 9 — Ленковка, погребение 1 и реконструкция облика мужчины по находкам из этого погребения

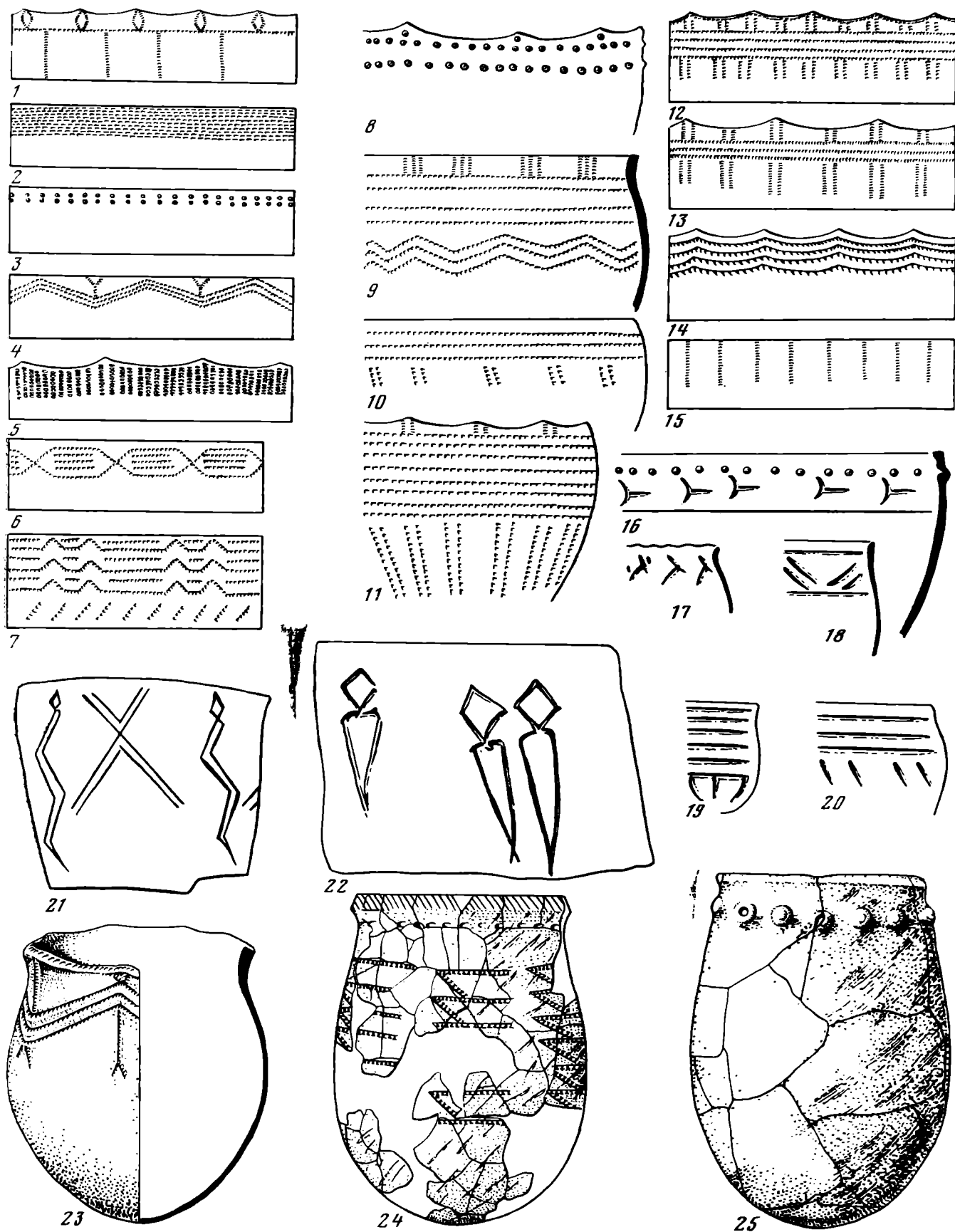

Рис. 125. Керамическая посуда глазковской культуры и ее орнаментация

1—21, 23 — Улан-Хада, II—VIII слои; 22 — жертвенное место на р. Лене; 24 — Горелый Лес, II культурный горизонт

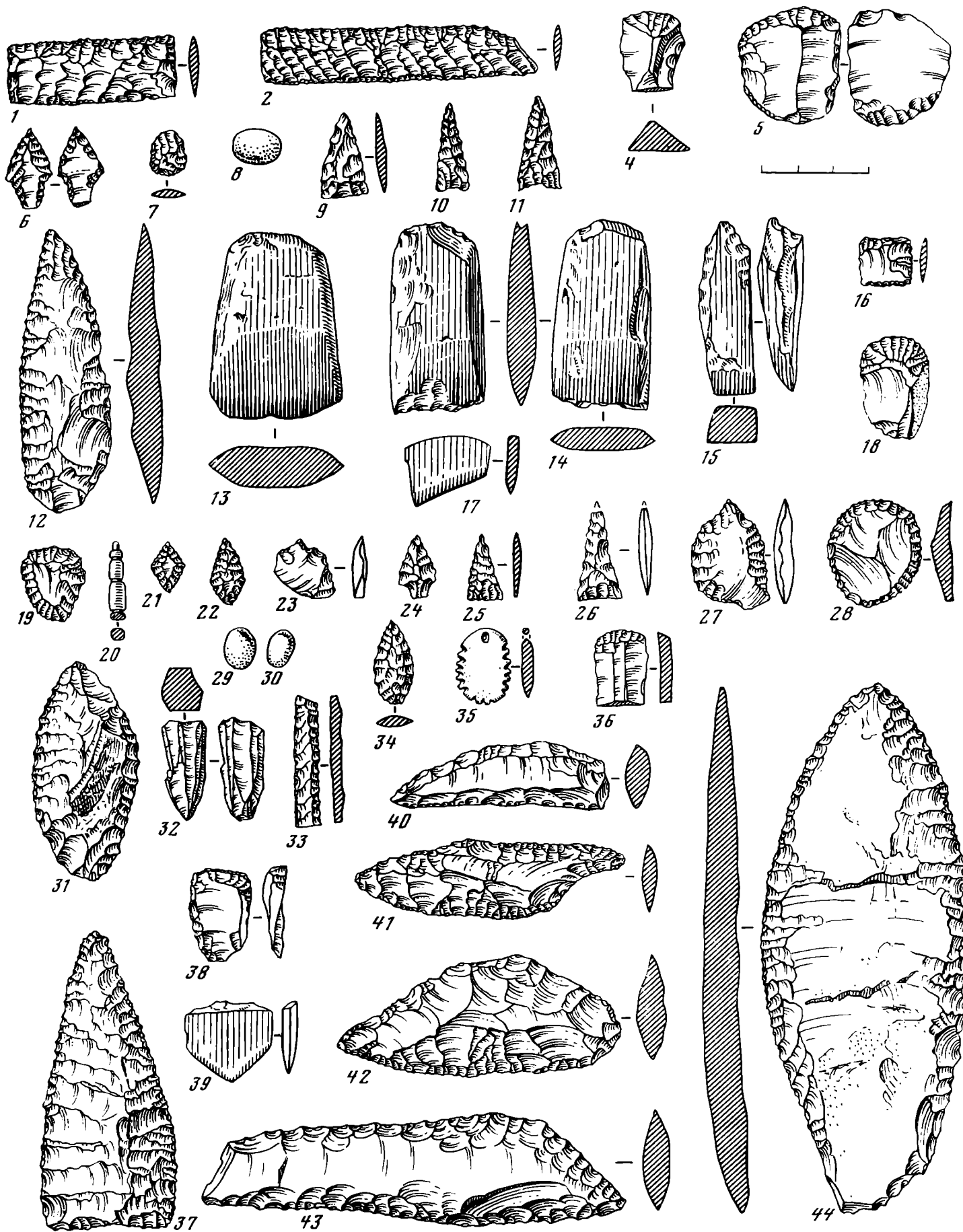

Рис. 126. Каменные изделия глазковского времени из II—VIII слоев поселения Улан-Хада

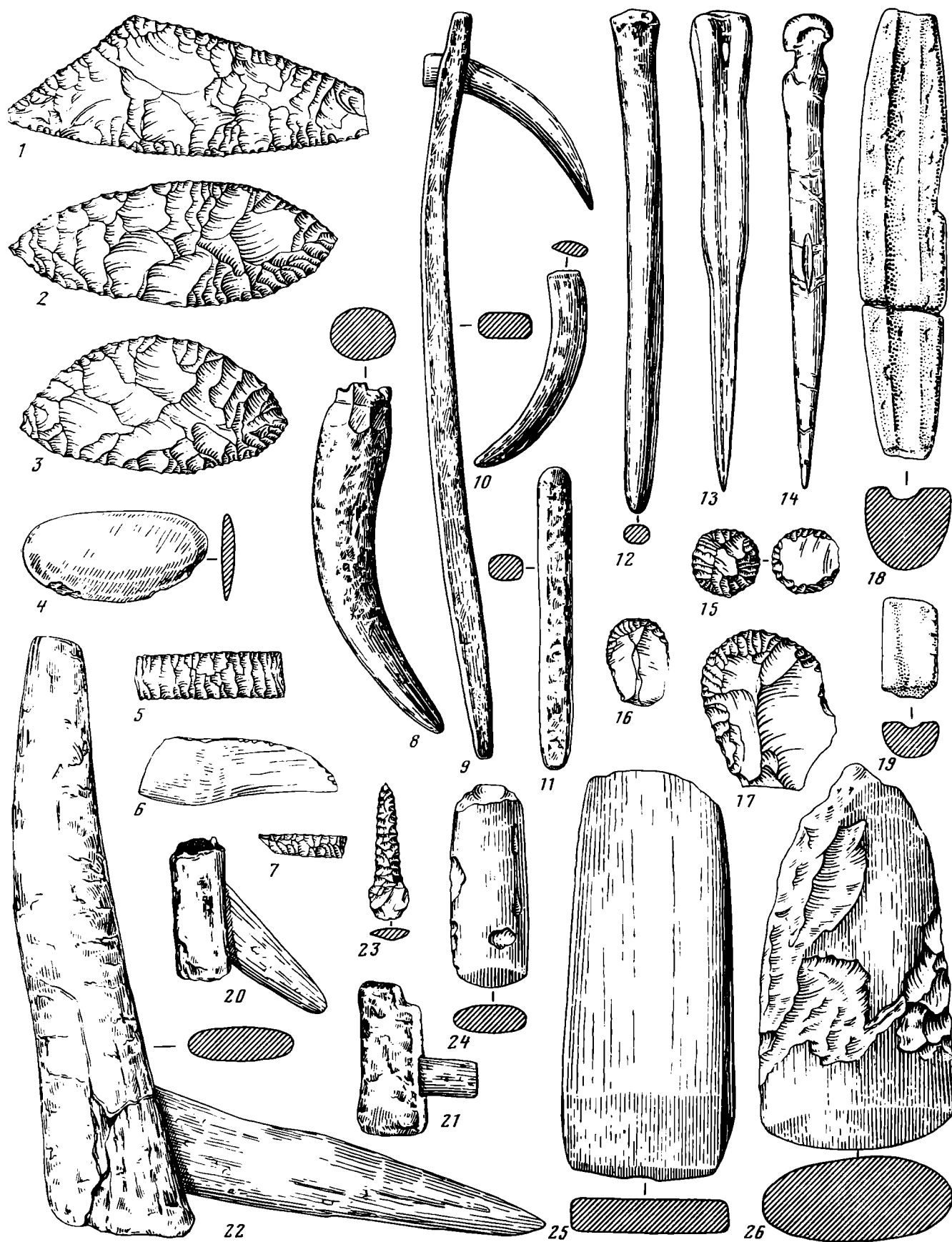

Рис. 127. Изделия из погребальных комплексов глазковской культуры

1, 6 — Семеново, погребение 11; 2, 3, 17, 22 — Ленковка, погребение 1; 4 — Семеново, погребение 8; 5, 7 — Семеново, погребение 6; 8—12 — Верхняя Буреть, погребение 1; 13, 14 — Усть-Уда, погребение 9; 15 — Аносово, погребение 1; 16 —

Нохой, погребение 3; 18 — Усть-Уда, погребение 6; 19 — Семеново, погребение 10; 20 — Серово, погребение 14; 21 — Глазково; 23 — Усть-Уда, погребение 5; 24 — Усть-Уда, погребение 1; 25, 26 — Пономарево, погребение 3

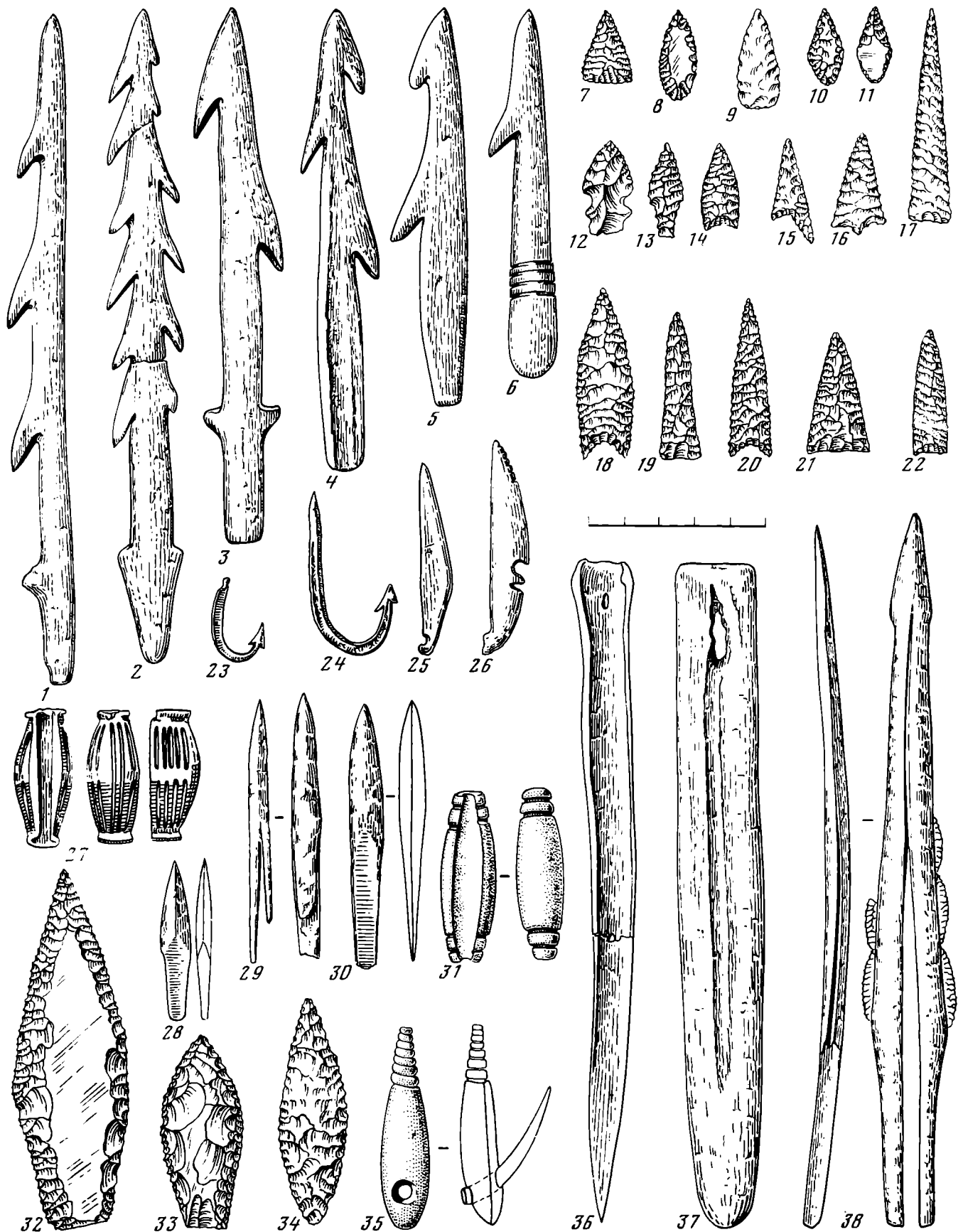

Рис. 128. Изделия из погребальных комплексов глазковской культуры

1 — Сухая Падь I, погребение 3; 2, 9, 15 — Семеново, погребение 8; 3, 7, 19, 23, 24, 30, 31 — Ленковка, погребение 1; 4 — 6, 14, 21, 22 — Верхняя Буреть, погребение 1; 8 — Аносово, погребение 1; 10, 11 — Пономарево, погребение 3; 12 — Семеново, погребение 6; 13 — Серово, погребение 14; 16 — Усть-Уда, погребение 12; 17 — Семеново, погребение 4; 18, 20, 32 —

Пономарево, погребение 17; 25, 36 — Верхне-Средкино, погребение 2; 26 — Падь Светлая, погребение 2; 27 — Усть-Уда, погребение 8; 28 — Усть-Уда, погребение 3; 29 — Евсеево, погребение 1; 33 — Гаранкин Лог, погребение 2; 34 — Серово, погребение 16; 35 — Падь Глубокая, погребение 1; 37 — Нохой, погребение 3; 38 — Подострожное, погребение 4

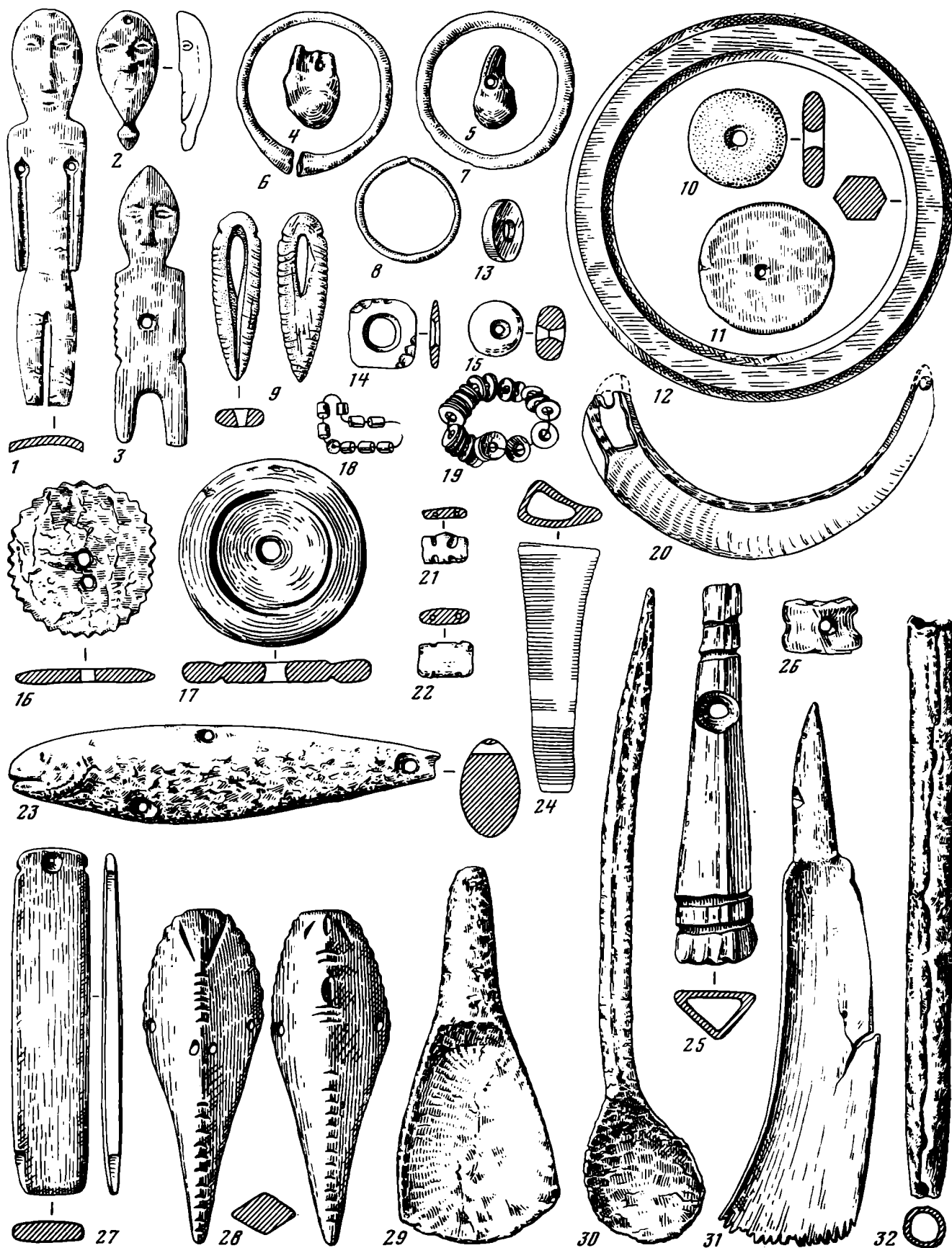

Рис. 129. Изделия из погребальных комплексов глазковской культуры

1 — Усть-Уда, погребение 6; 2, 16, 26 — Усть-Уда, погребение 9; 3 — Братский Камень, погребение 1; 4, 5, 10, 18, 19 — Верхняя Буреть, погребение 1; 6 — Сухая Падь I, погребение 3; 7, 8 — Серово, погребение 18; 9 — Семеново, погребение 6; 11 — Ленковка, погребение 1; 12, 14, 15, 25, 27, 28 — Глазково; 13 — Пономарево, погребение 3; 17 — Пономарево,

погребение 8; 20, 29 — Аносово, погребение 2; 21, 22 — Падь Глубокая, погребение 2; 23 — Верхленская Гора, погребение 14; 24 — Нохой, погребение 3; 30 — Семеново, погребение 8; 31 — Шаманский Мыс, погребение 2; 32 — Усть-Илга, погребение 1

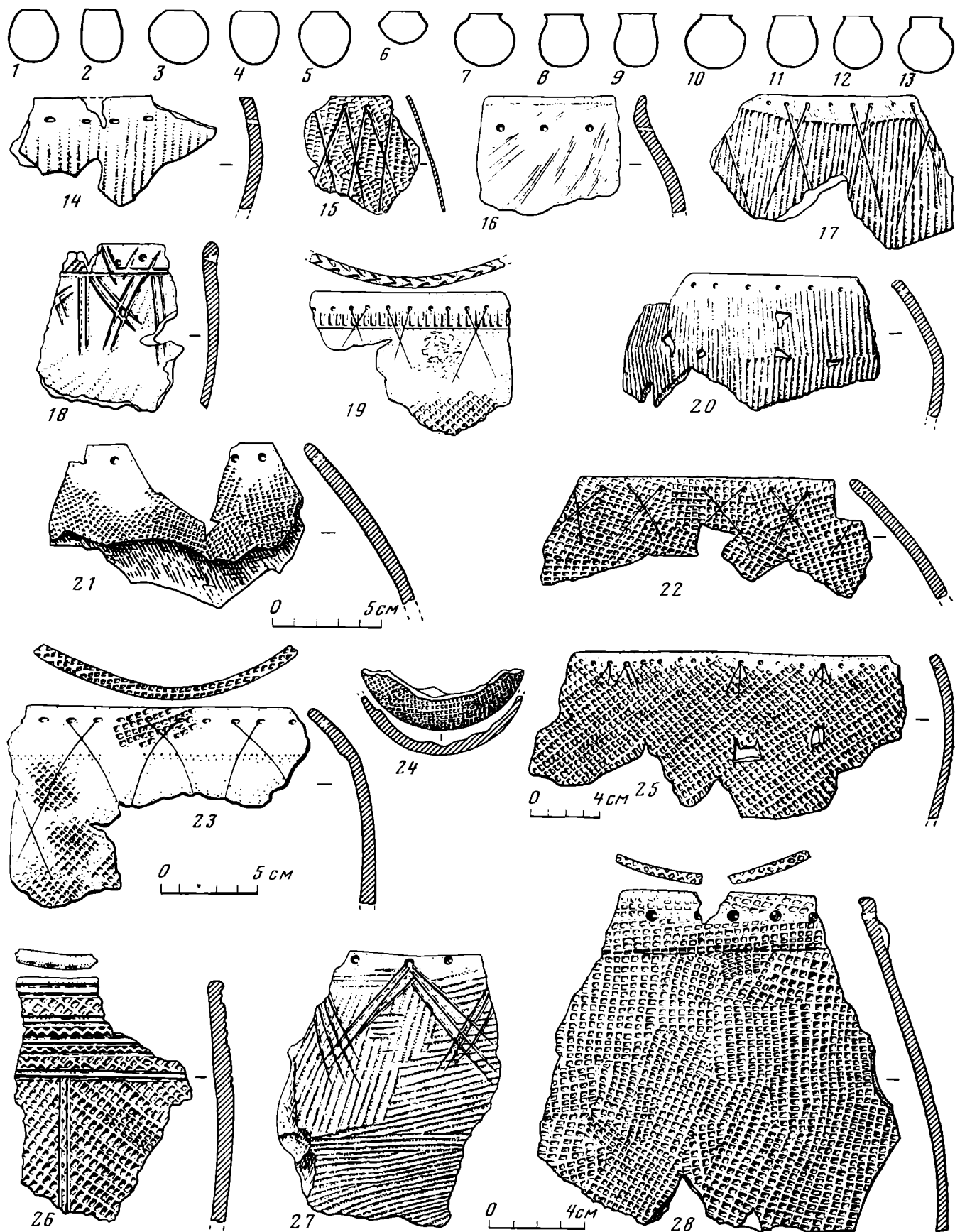

Рис. 130. Керамика ымяхтахской культуры

1—13 — формы горшков; 14—28 — типы орнаментации сосудов

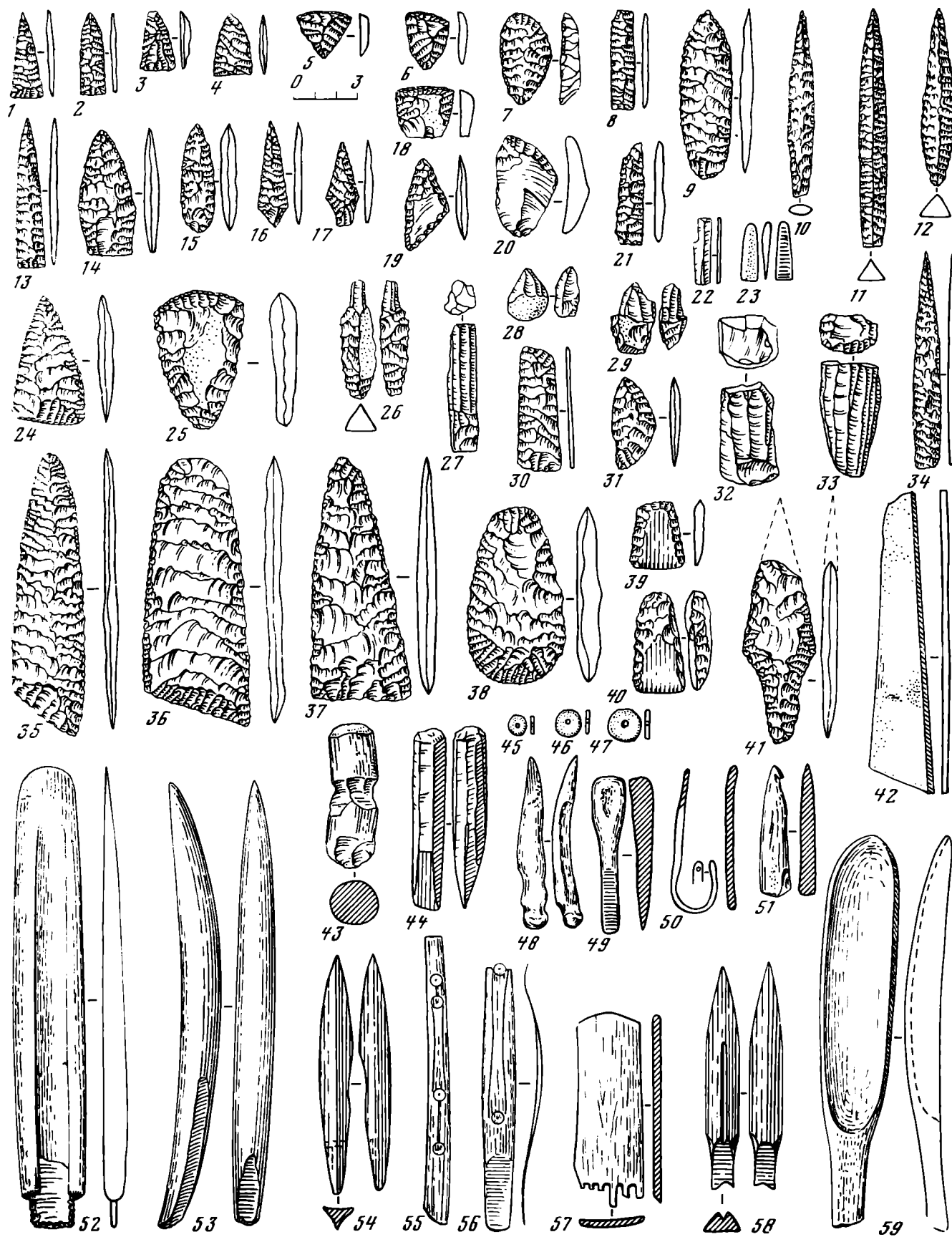

Рис. 131. Каменные (1—42) и костяные (43—59) изделия ымыяхтахской культуры

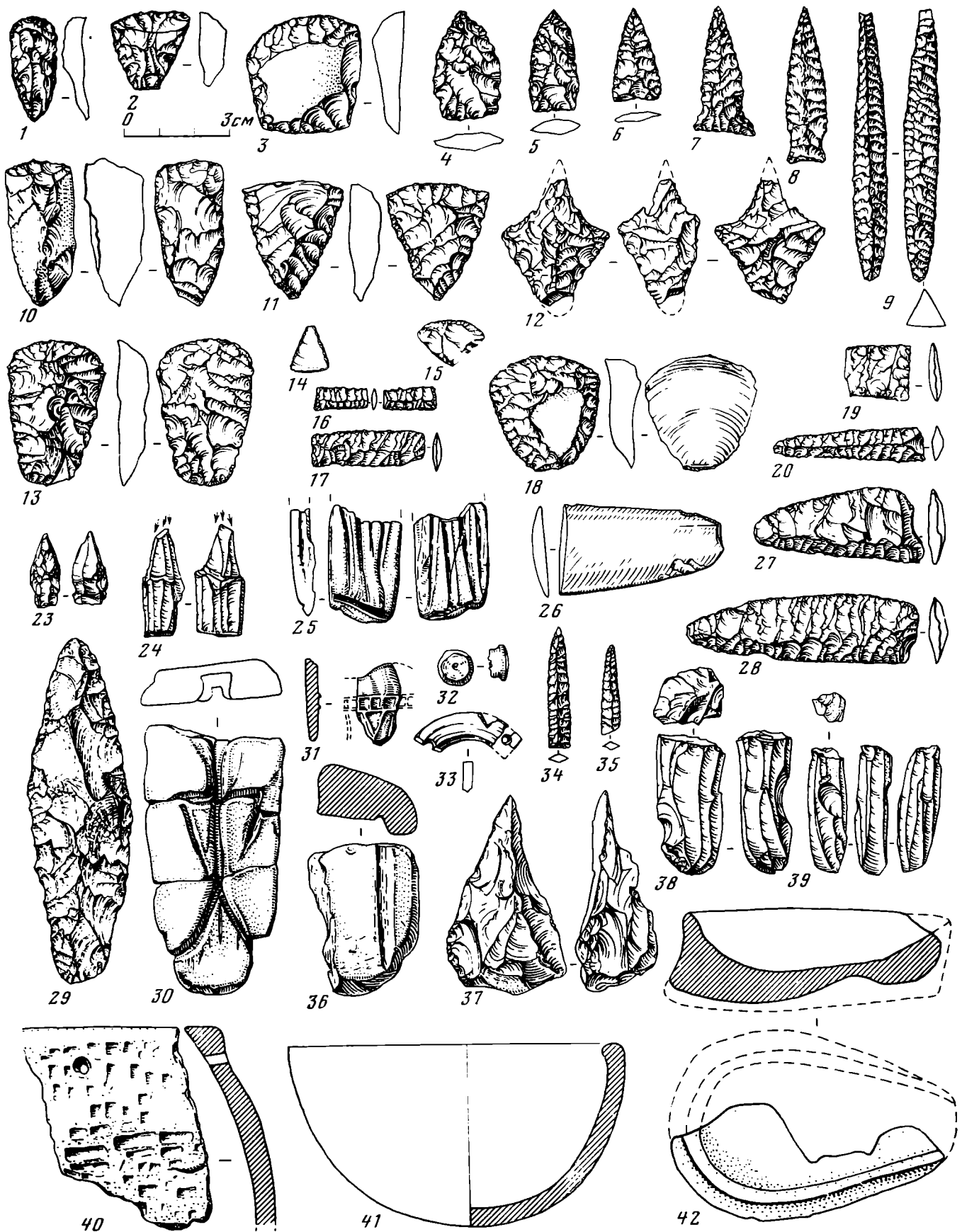

Рис. 132. Изделия периода ранней бронзы Таймырского Заполярья

1—7, 9—11, 13, 16—28, 30, 31, 33—39, 41, 42 — Абылаах I; Ивановская; 29 — Пясина V; 32 — Харги III; 40 — Холод-
 8 — Тагенарское озеро 1; 12 — Лабаз III; 14 — Кылкай; 15 — ная III

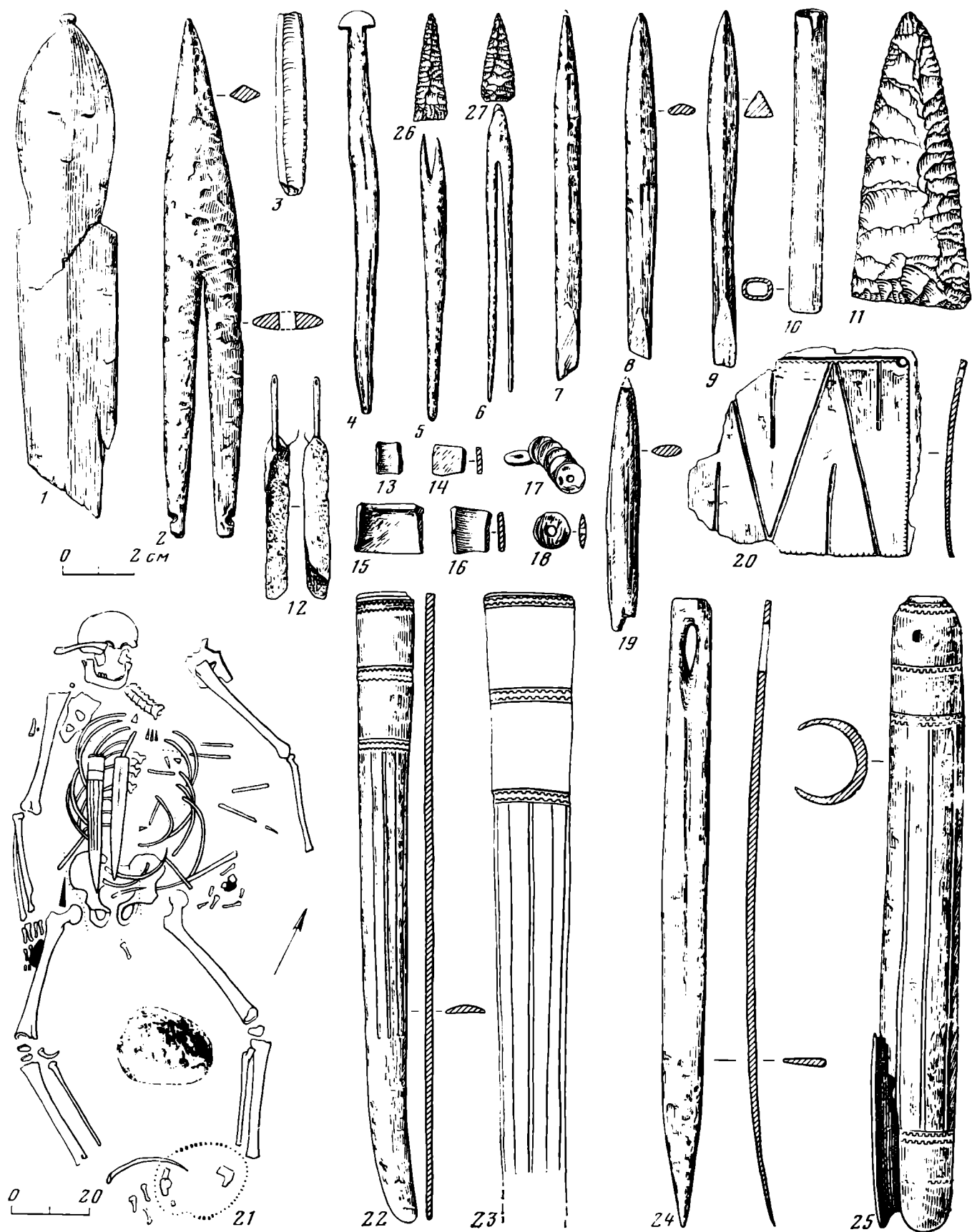

Рис. 133. Погребальные комплексы ымыяхтахской культуры

1 — погребение на р. Куллаты; 2, 3, 5, 6, 10—16, 18, 21—24, 26, 27 — Букачанское погребение и его инвентарь; 4, 7—9, 19 — Покровское погребение; 17, 20, 25 — Иччиляжское погребение

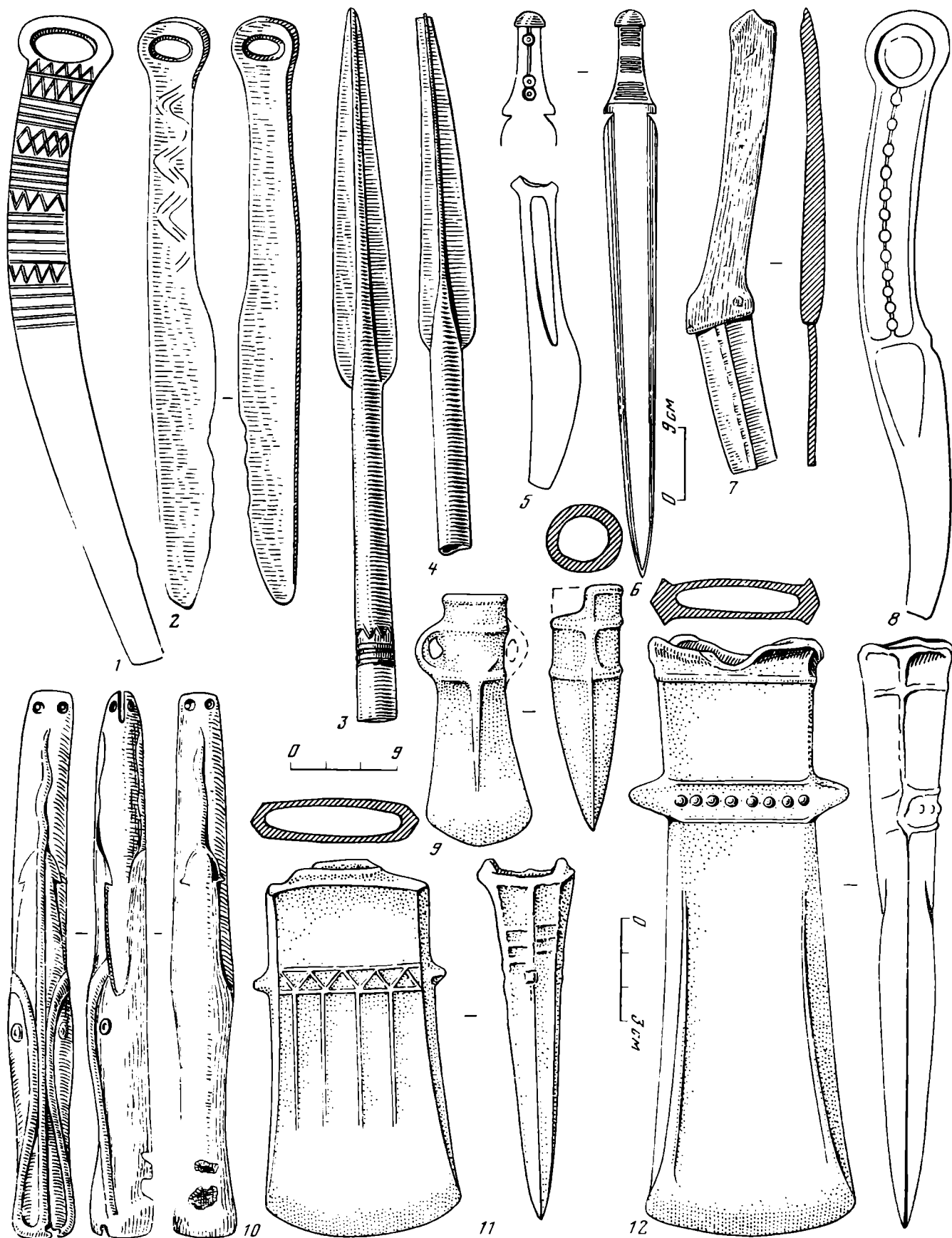

Рис. 134. Бронзовые изделия карасук-шиверского времени из Восточной Сибири

1 — с. Кудя; 2 — остров Коноваловский на р. Ангаре; 3, 4 — устье р. Мархи, р. Алдан; 5, 12 — Байкальский (Горемыки); 6 — оз. Силькумджа, бассейн Вилюя; 7 — Усть-Мильская сто-

янка; 8 — улус Нуры на оз. Байкал; 9 — могильник Шумплиха, погребение 37; 10 — Шиверский могильник, погребение 5; 11 — Березовый мыс, оз. Байкал

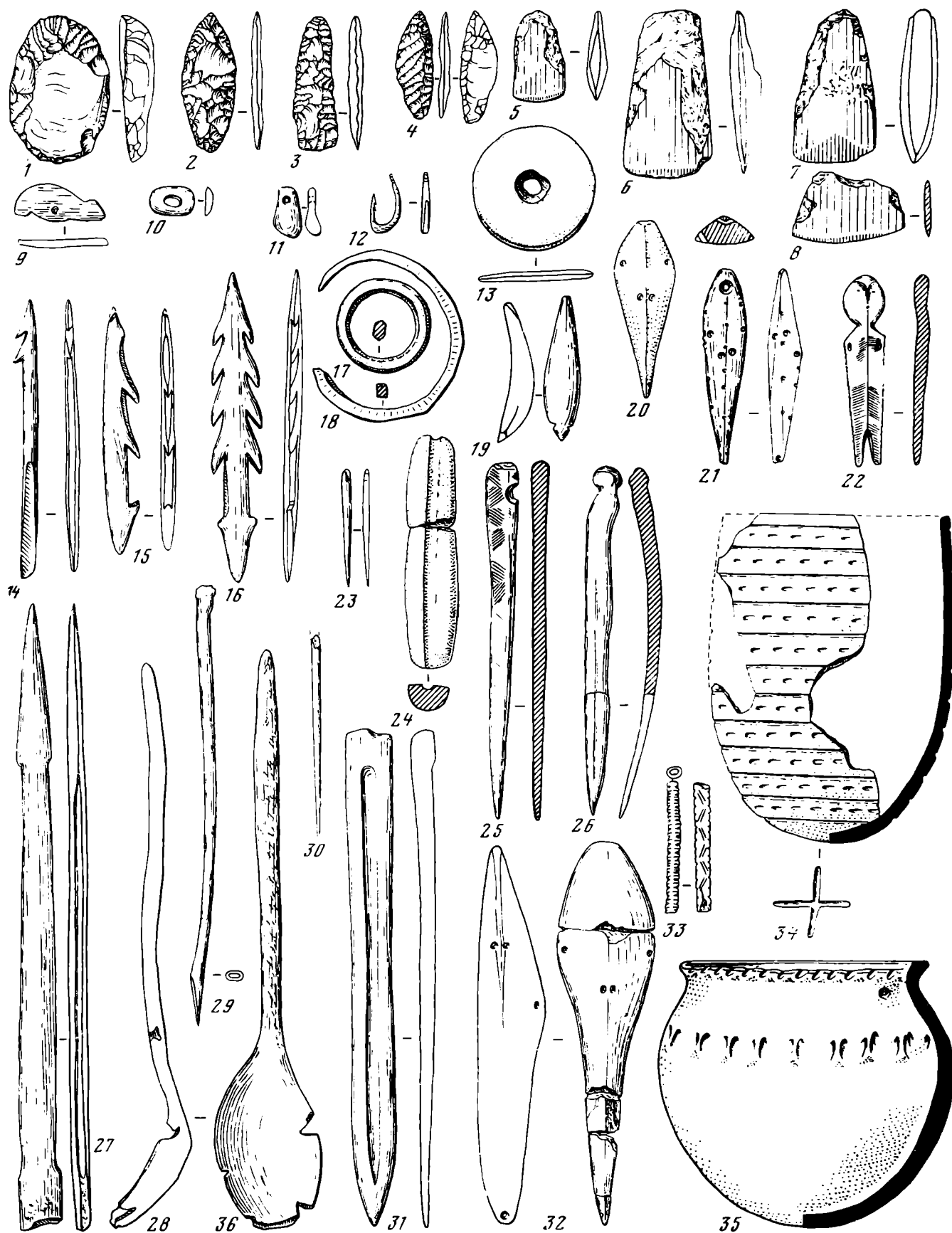

Рис. 135. Изделия шиверской культуры

1—33, 35 — могильник Шумилиха; 34 — Шиверский могильник, погребение 1

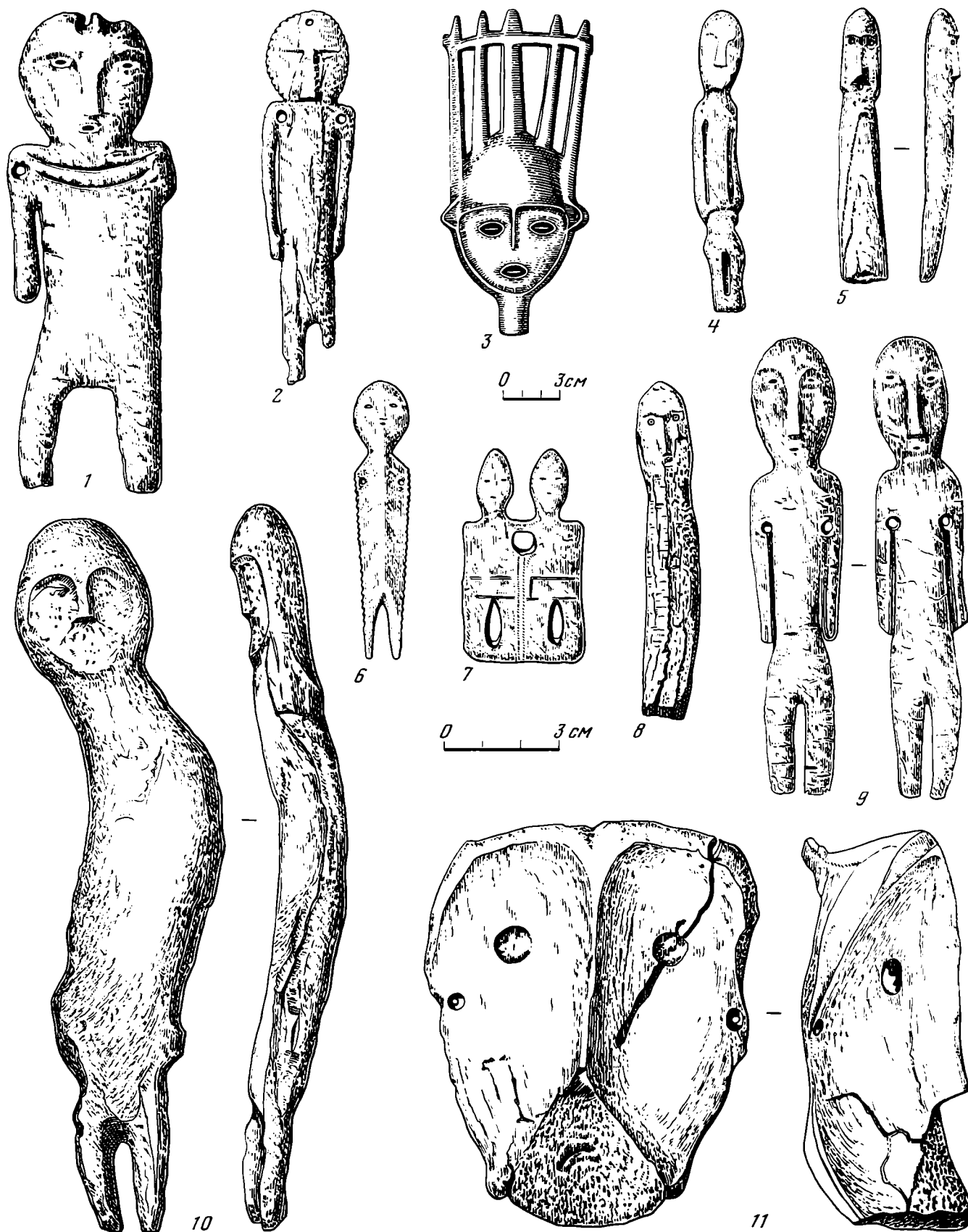

Рис. 136. Антропоморфные изображения Восточной Сибири

1, 2, 9 — Усть-Уда; 3 — Усть-Илим; 4 — Семеново; 5, 8 —
 Кода; 6, 10, 11 — Шумлиха; 7 — Верхнееленск. 1, 2, 4—11 —

эпоха ранней бронзы; 3 — переходное время от эпохи бронзы
 к железному веку. 1, 2, 4—11 — кость, рог; 3 — бронза

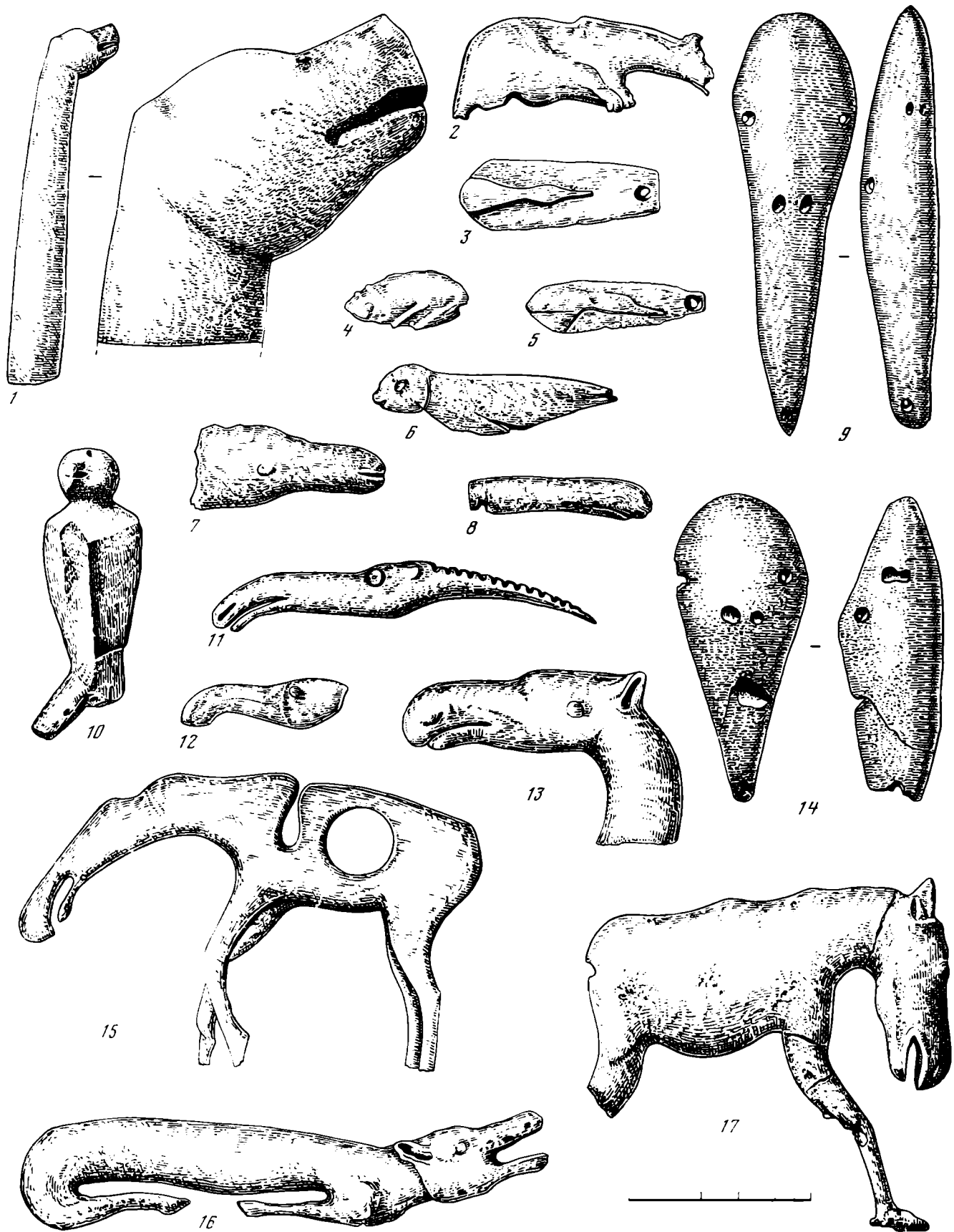

Рис. 137. Анималистические изображения Восточной Сибири

1 — окрестности Братска; 2 — Шумилуха; 3, 5, 7 — ключ Гремячий; 4, 8, 15 — Усть-Уда; 6 — Идан; 9 — Верхоленск; 10, 13, 16, 17 — Базайка; 11 — стадион «Локомотив»; 12 — Улан-Хада; 14 — Усть-Белая. 1, 2, 4, 8, 9, 12, 14, 15 — эпоха раппей

бронзы; 3, 5, 7, 10, 13, 16, 17 — переходное время от неолита к эпохе бронзы; 6 — поздний этап эпохи бронзы; 11 — неолит. 1, 9, 14 — камень; 2-8, 10-13, 15-17 — кость и рог

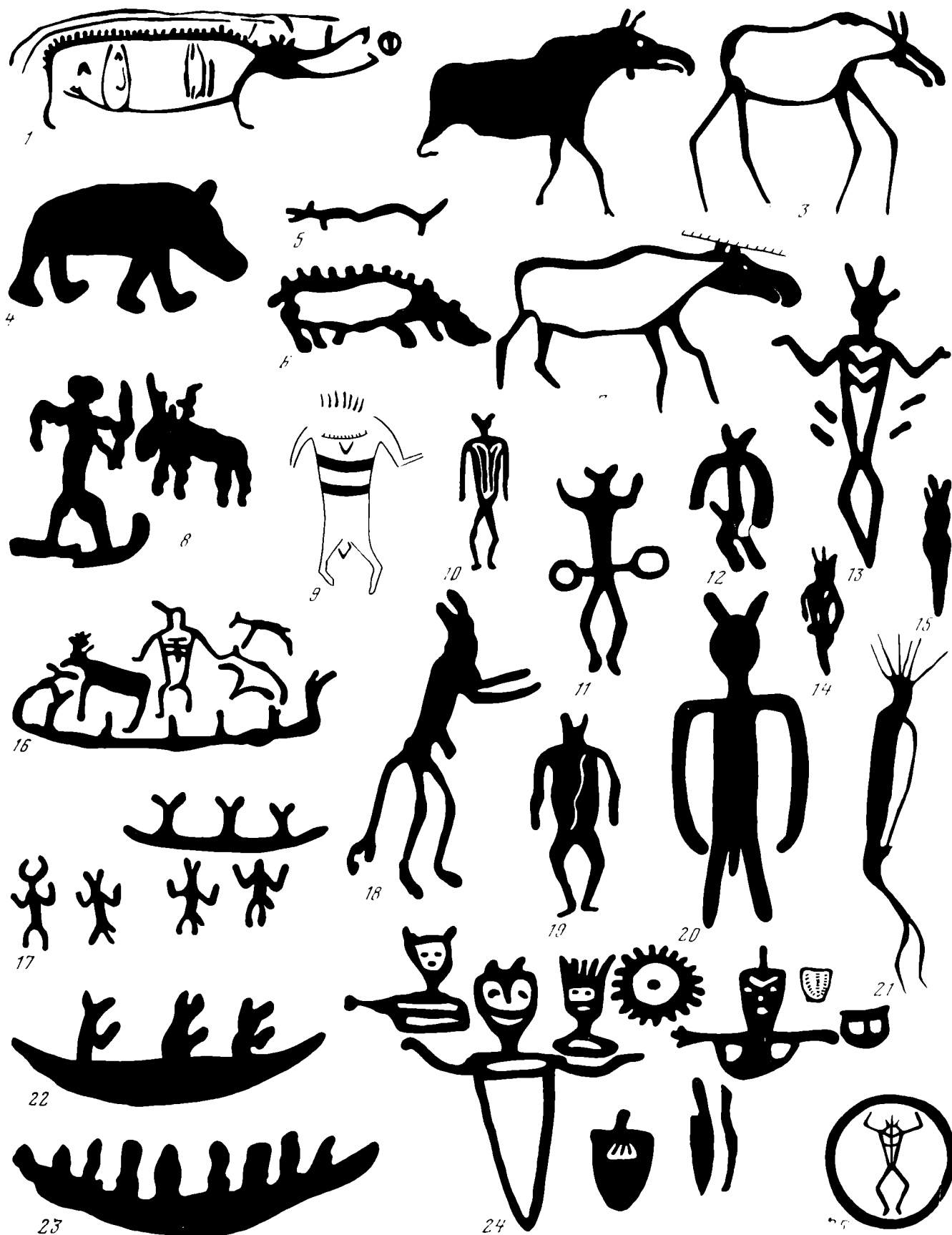

Рис. 138. Ведущие сюжеты наскальных рисунков Восточной Сибири

1, 9, 17, 21, 22 — Шишкино (Верхняя Лена); 2, 3, 7 — 2-й Каменный Остров (р. Ангара); 4 — Токко (р. Олекма); 5 — Арби (р. Зея); 6, 23 — 3-й Каменный остров (р. Ангара); 8, 11, 13 — низовья Ангары; 10, 19 — бухта Сагаи-Заба (оз. Байкал); 12 — Еланка (Средняя Лена); 14, 15 — Воробьево (Верхняя Лена); 16 — устье р. Басынай (р. Олекма); 18 — Верхняя Буреть (Верхняя Ангара); 20 — устье р. Крестях (р. Олекма); 24 — Майская писанца (р. Алдан); 25 — р. Белая у с. Мальта (р. Ангара)

16 — устье р. Басынай (р. Олекма); 18 — Верхняя Буреть (Верхняя Ангара); 20 — устье р. Крестях (р. Олекма); 24 — Майская писанца (р. Алдан); 25 — р. Белая у с. Мальта (р. Ангара)

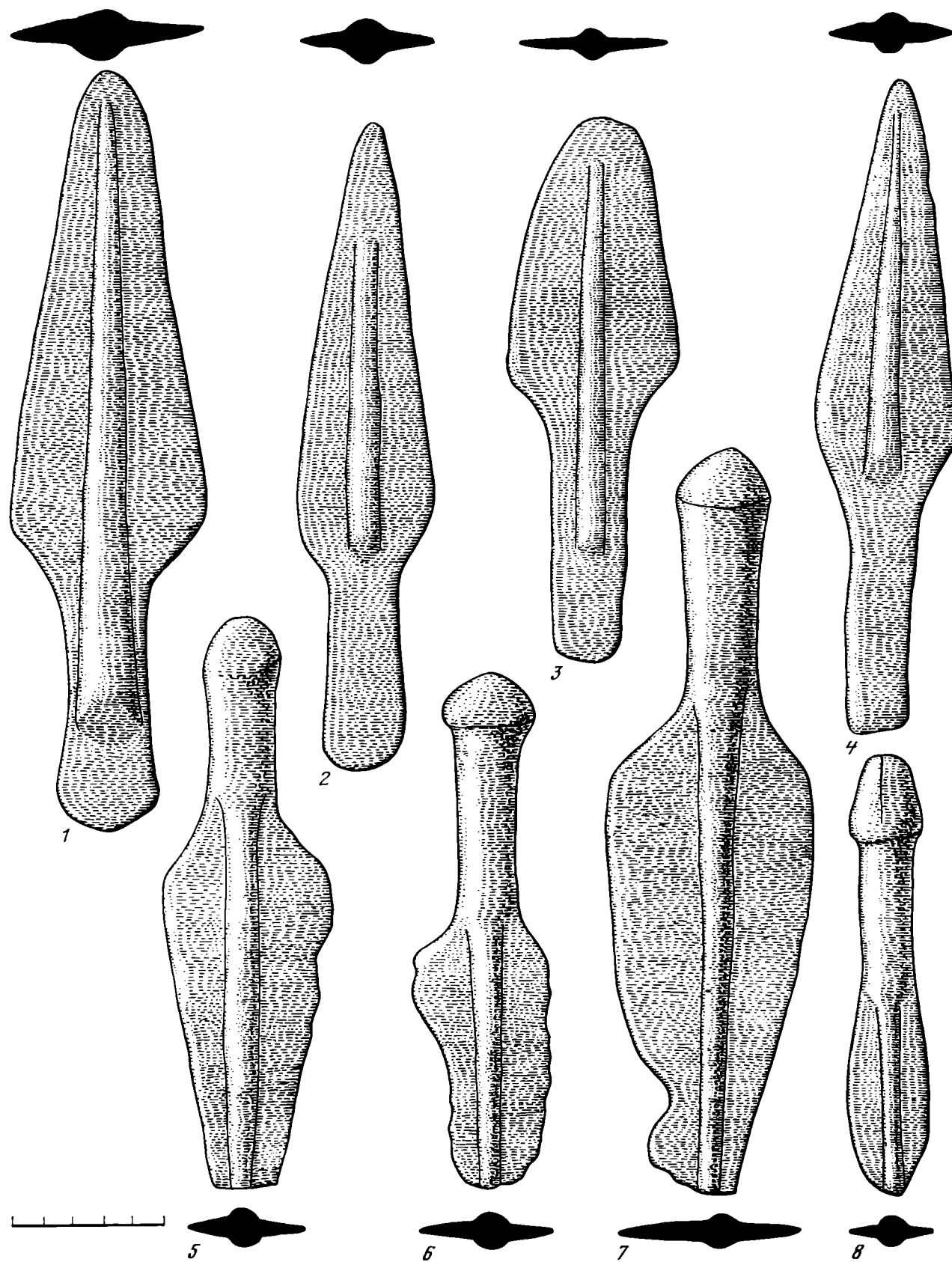

Рис. 139. Бронзовый век Приморья и бассейн Амура. Каменные подражания бронзовым изделиям. Случайные находки. Наконечники копий

1 — оз. Пресное, Приморский край; 2 — д. Циммермановка, Хабаровский край; 3 — пос. Дальнегорск, Приморский край; 4 — г. Артём, Приморский край. 5—8 — кивжалы (5 — с. Чер-

нышевка, Приморский край; 6 — с. Шамаковка, Приморский край; 7 — с. Спасское; 8 — Забайкалье)

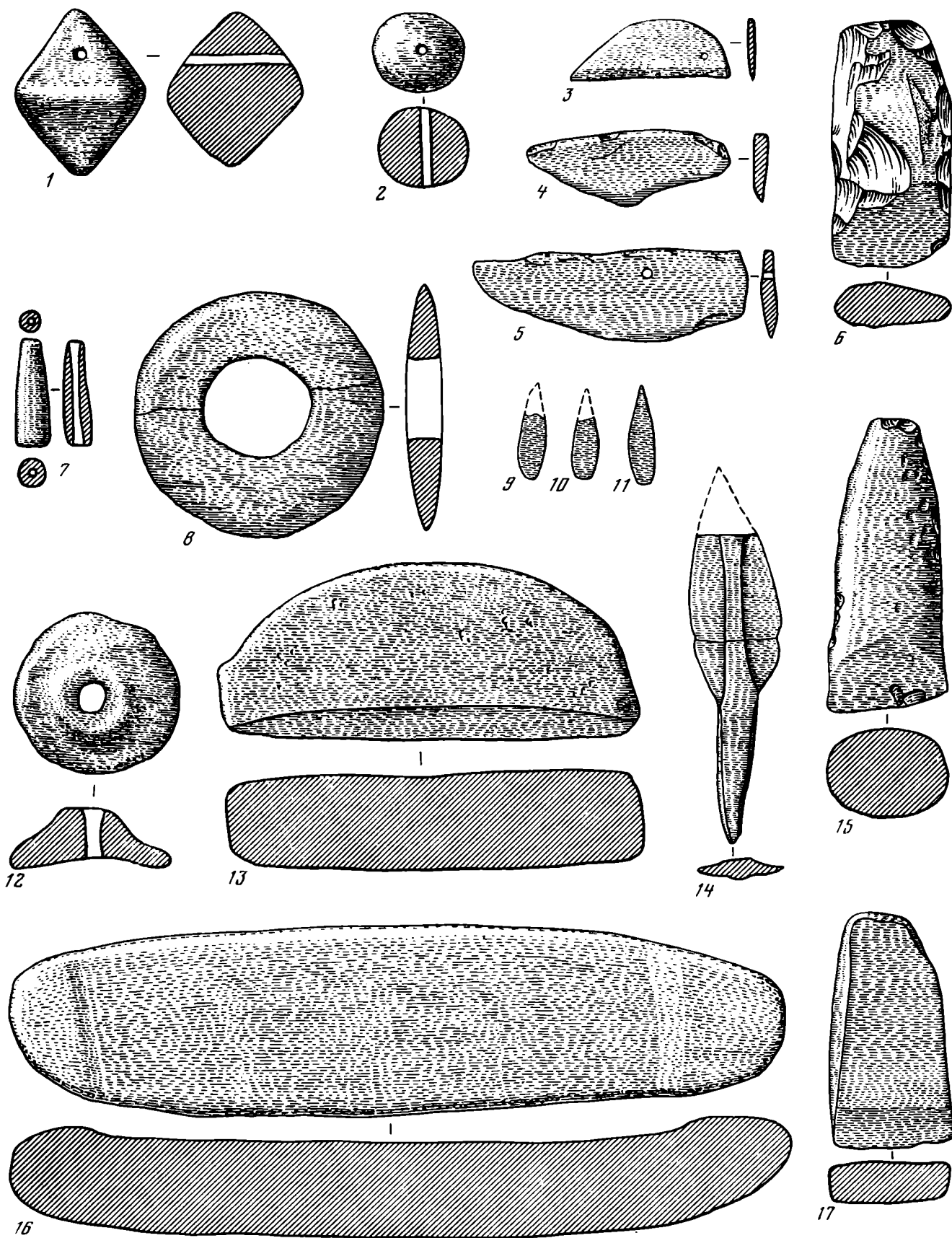

Рис. 140. Синегайская культура. Приморский край. Поселение Падь Харинская. Изделия из глины (1, 2, 7, 8, 12) и камня

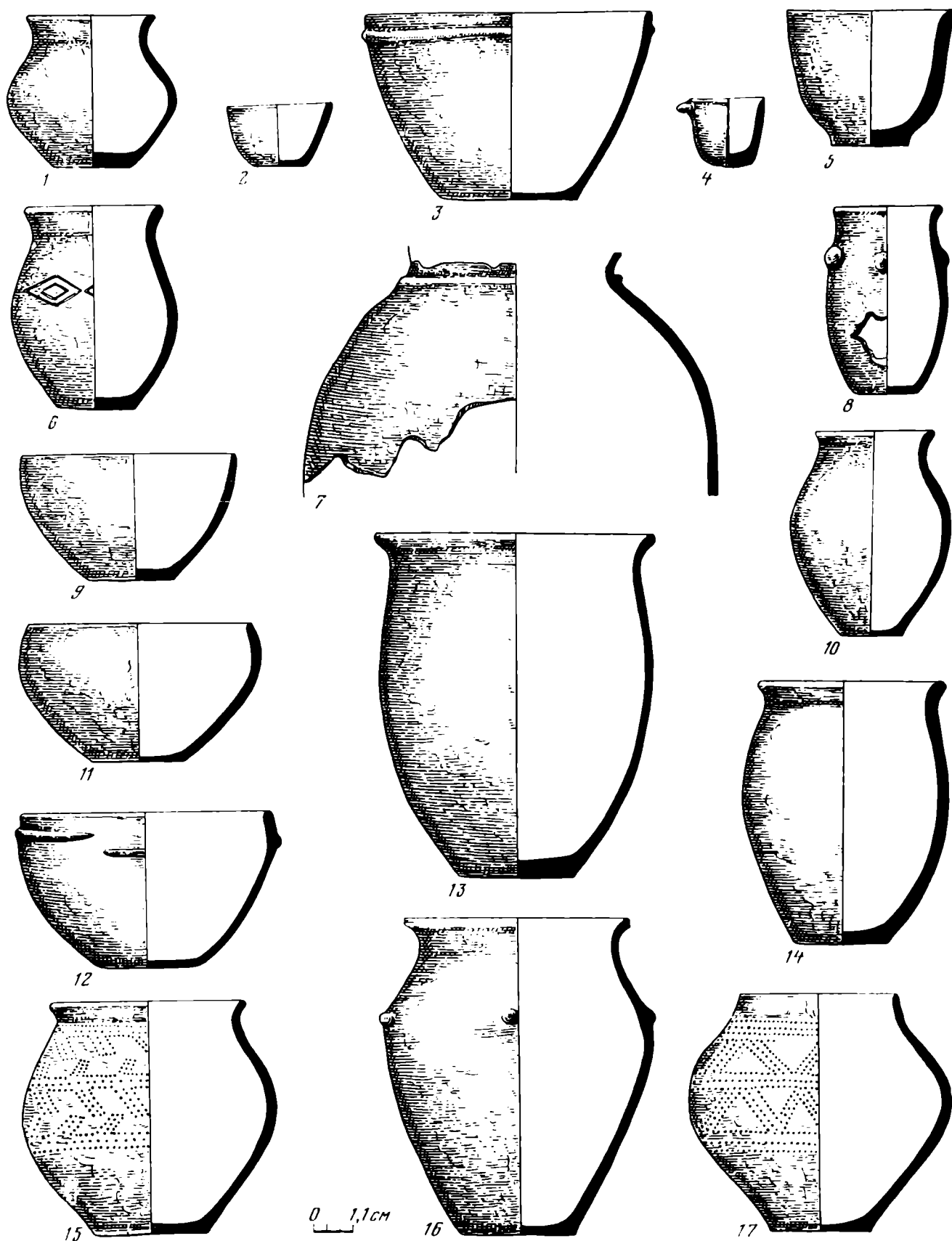

Рис. 141. Синегайская культура. Приморский край. Глиняная посуда поселения Падь Харинская

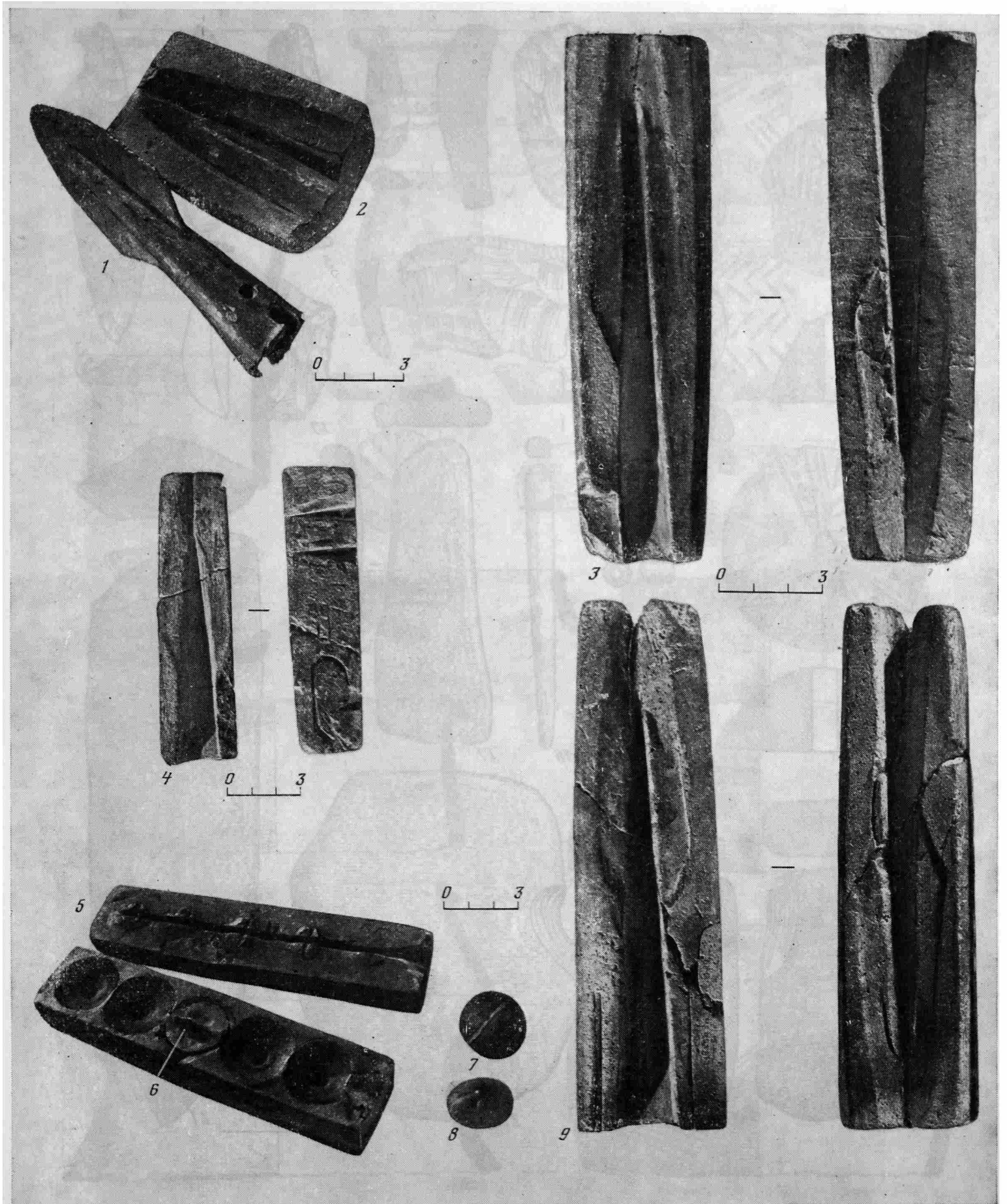

Рис. 142. Маргаритовская культура. Приморский край. Поселение Синие Скалы. Каменные формы для отливки медно-бронзовых изделий

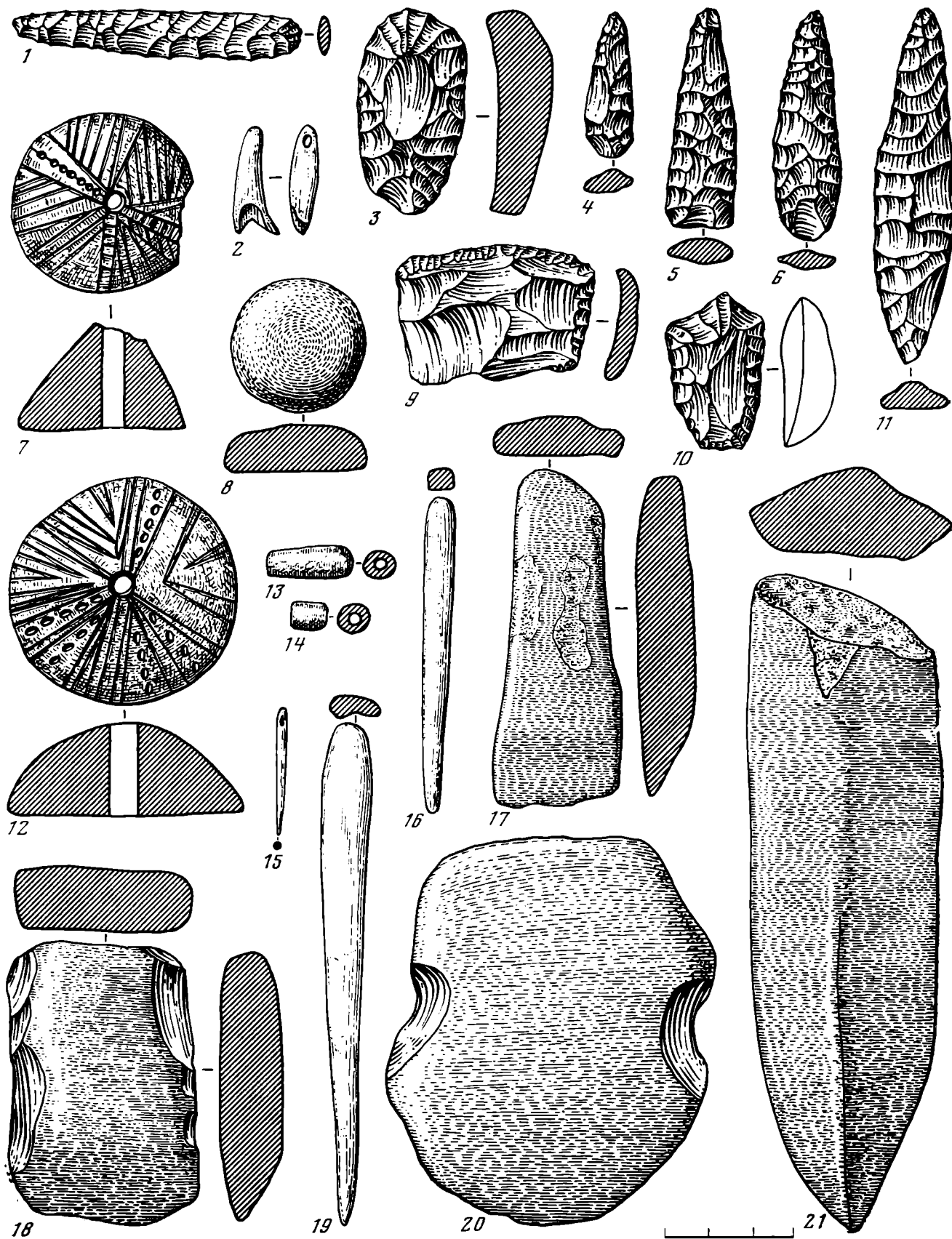

Рис. 143. Маргаритовская культура. Приморский край. Находки из поселения с гротами у подножья Синих Скал

2, 15, 16, 19 — кость; 7, 12 — глина; остальное — камень

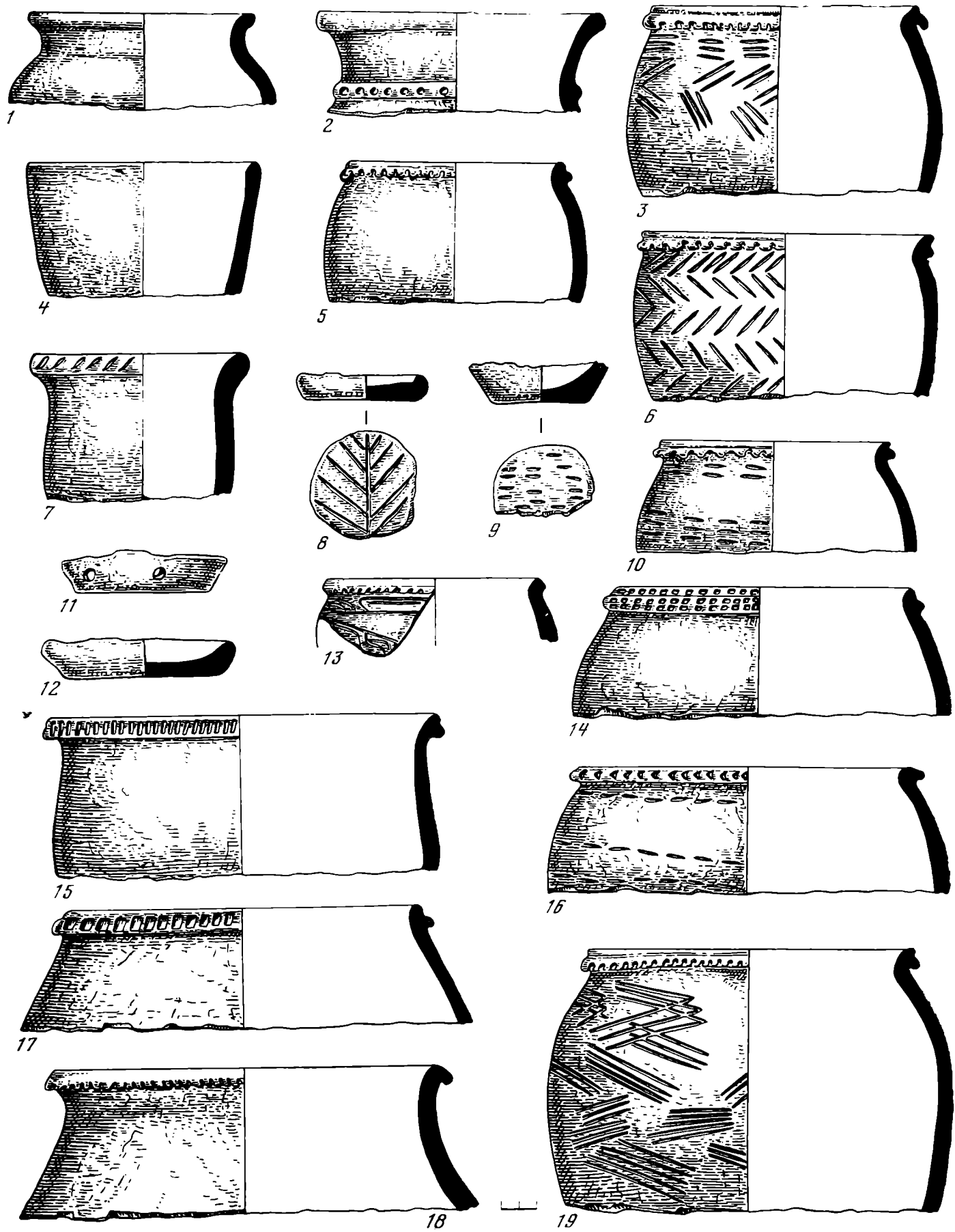

Рис. 144. Маргаритовская культура. Приморский край. Глиняная посуда поселения с гротами у подножья Синих Скал

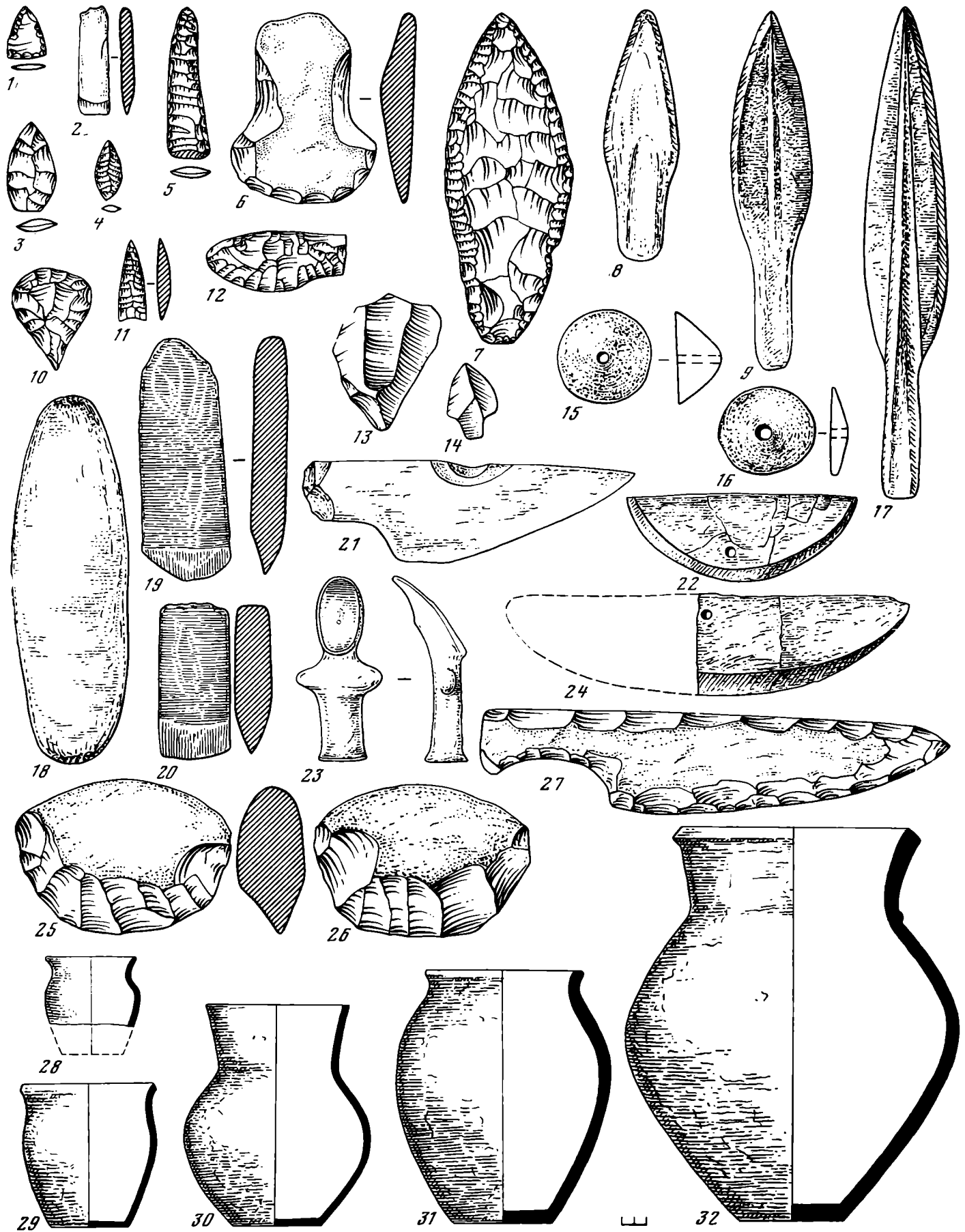

Рис. 145. Лидовская культура. Приморский край. Каменные и керамические изделия
 15, 16, 23, 28—32 — глина; остальное — камень. Указанный масштаб относится лишь к глиняной посуде (28—32)

Рис. 146. Петроглифы Нижнего Амура

1—4, 6, 8, 10, 12—14 — Сакачи-Алян; 5 — Кия; 7, 9, 11 — Шереметьевское

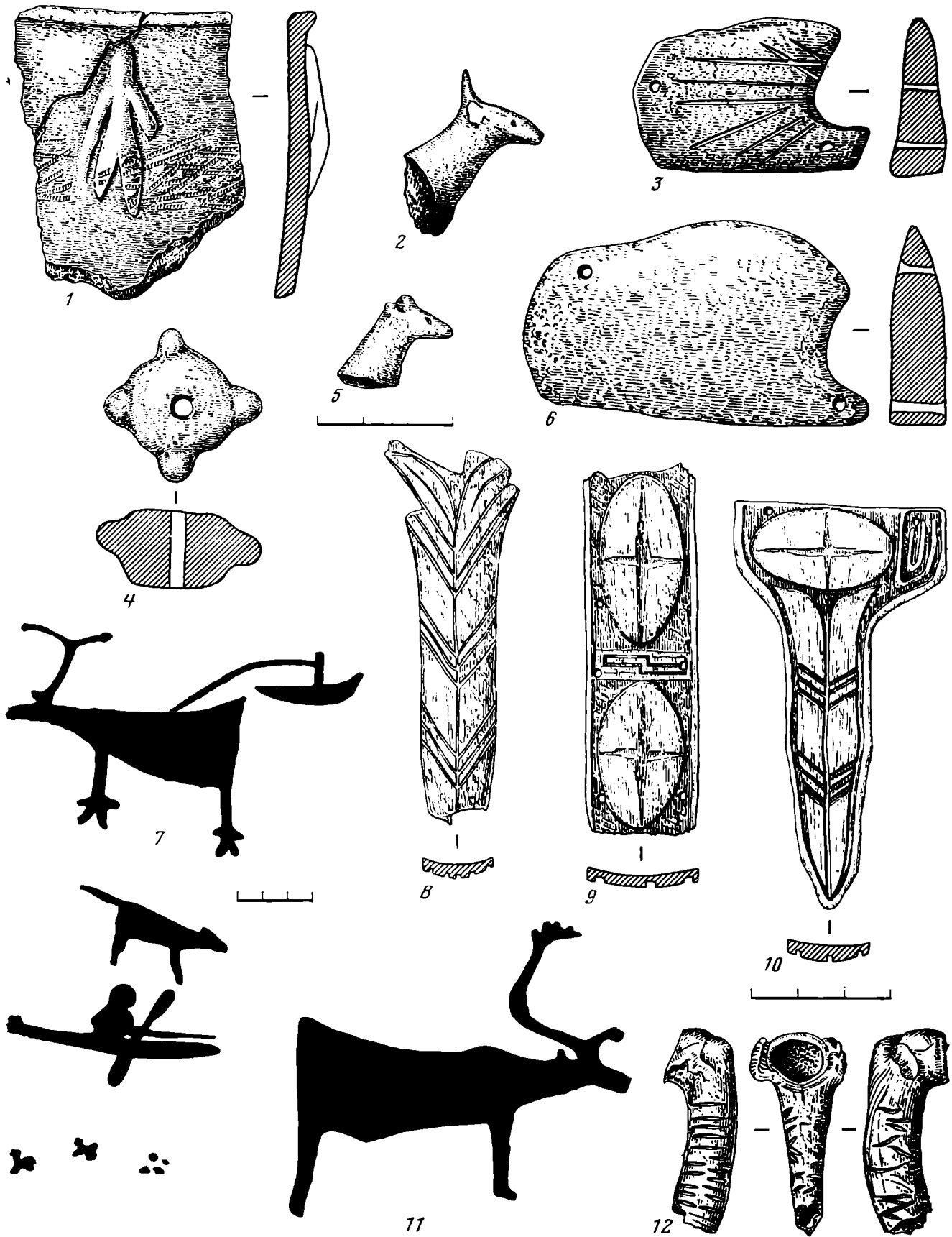

Рис. 147. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы

1 — Валентин-Перешеек; 2, 4, 5, 8—10, 12 — поселение Синий Гай; 3, 6 — поселение в Харинской пади; 7, 11 — рисунки на

скалах р. Печтымель (Чукотка); 1—6 — глина; 8—10, 12 — кость

Заключение

В вводной части уже говорилось, что настоящий том подытоживает в основном источниковедческий уровень археологических исследований. Необходимость таких работ, помимо их познавательного значения, заключается в том, что они служат базой для широких обобщающих исторических трудов. Это значит, что следующим шагом в реализации информации, заложенной в томах «Археологии СССР», должна явиться подготовка многотомной серии «Древней истории СССР», где основное внимание должно быть уделено анализу исторического процесса в широком хронологическом диапазоне — от глубин каменного века до средневековья, реконструкции экономического и социального уклада древних обществ, исследованию эпохальных и региональных закономерностей и тенденций социально-экономического развития, воссозданию конкретных эпизодов хозяйственно-бытовой, политической и этнической биографии древних народов, выявлению содержания и обусловленности древних этических норм, верований, культов, представлений о мире. Сказанное выше в значительной мере определяет цели, задачи и методы дальнейших историко-археологических исследований.

Сейчас стало совершенно очевидным, что традиционные археологические методы сами по себе, без их дальнейшей разработки и внедрения в них новых подходов, уже не в состоянии обеспечить новых ступеней историзма в археологии, новых уровней теоретических обобщений. Насущной задачей нашей археологической науки на нынешнем этапе ее развития является разработка методов интерпретационного, исторического, теоретического уровней. Среди них наиболее перспективны экологический, палеоэтнографический и системный подходы.

Первым важным направлением экологического подхода в археологии является исследование древних миграционных процессов. В них наиболее наглядно представлены пути приспособления человеческих коллективов к иному естественногеографическому, социально-экономическому и этнокультурному окружению, разные манеры экономической, социальной и культурной адаптации. Не менее важна и другая сторона проблемы, касающаяся причинно-следственных связей разных сторон и этапов миграционного процесса.

В свое время К. Маркс сформулировал тезис о перенаселенности и давлении избытка населения на производительные силы как основной причине древних миграций (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 8, с. 568). Однако следует иметь в виду, что проблема перенаселенности могла решаться не только посредством миграции, но и путем перехода на другой уровень экономики. Оба варианта достигали сходной цели — приводили в соответствие объем пищевых ресурсов с возросшей численностью населения, но

во втором случае имел место более активный акт — отказ от традиционной формы хозяйства, а не стремление сохранить его.

Таким образом, эти два внешне непохожих явления — миграция и смена формы хозяйства — протекают в русле единой исторической закономерности и представляют собой всего лишь разные варианты выхода из одного и того же кризисного состояния. Их историческая сопоставимость проявляется, в частности, в том, что миграция нередко завершается переходом на другой уровень экономики, т. е. сам миграционный процесс выступает здесь по существу как процесс перехода от одной формы хозяйства к другой, причем этот переход обычно сопровождается социальной и этнической трансформацией, а также существенными изменениями в материальной и духовной культуре. Отсюда исключительная важность изучения древних миграций для понимания практически всех сторон истории древних обществ.

Другим важным направлением экологического подхода в археологии является исследование факторов и проявлений неравномерности социально-экономического развития. Это направление имеет два ракурса — региональный и эпохальный. Региональный проявляется в том, что наиболее быстрые темпы социально-экономического развития имеют место не в районах с чрезмерно суровой или чрезмерно щедрой природой, а там, где отрицательные и положительные факторы природной среды как бы уравновешивают друг друга. Отрицательные факторы стимулировали активный поиск новых социально-экономических возможностей, положительные — способствовали успеху этих поисков. Для западносибирской территории наилучшие возможности в этом отношении, начиная с эпохи металла были в районах, прилегающих к пограничью таежной и лесостепной зон, т. е. в местах, удобных для ведения рационального и надежного многоотраслевого хозяйства, динамично сочетавшего присваивающие промыслы (охоту и рыболовство) и производящие отрасли (скотоводство и земледелие). Именно поэтому здесь сложились и существовали такие богатые, колоритные и развитые культуры, как самусьская, кротовская, черкаскульская, сузгунская, еловская (бронзовый век), саргатская, кулайская (эпоха раннего железа), потчевашская, релкинская (раннее средневековье) и др.

Эпохальный ракурс неравномерности социально-экономического развития проявляется в том, что один и тот же фактор природной среды в разные исторические периоды мог иметь прямо противоположные исторические последствия. Так, отсутствие в Западной Сибири хорошего кремня и, наоборот, обилие в Восточной Сибири, в частности в Приангарье, источников сырья для каменной индустрии предопределили в дальнейшем разную степень сти-

муляции технического прогресса. В Западной Сибири скудость источников каменного сырья вызвала по мере развития производительных сил насущную необходимость поставить свое хозяйство на более прочную техническую основу. Используя опыт южных соседей, население Обь-Иртышья начинает осваивать местные месторождения самородной меди и касситерита и создает собственную бронзовую металлургию, о богатстве и своеобразии которой говорят такие блестящие памятники, как Самусьское IV поселение в низовьях Томи и Ростовкинский могильник близ Омска. Население же Восточной Сибири, особенно северо-восточных ее районов, где месторождения высококачественных пород камня были удобны для эксплуатации и практически неиссякаемы, продолжает использовать в основном прежние, доставшиеся в наследство от неолита сырьевые источники, тем самым консервируя свое производство.

Этим обстоятельством следует объяснять тот парадоксальный факт, что неброский, внешне невыразительный (особенно по кремню) неолит Западной Сибири рождает изумительные по богатству культуры эпохи металла и, наоборот, население восточносибирской тайги, создавшее в эпоху неолита богатые, колоритнейшие культуры, позднее консервируется в своем развитии и начинает отставать от своих западносибирских соседей. Исследование вопросов, связанных с проблемой неравномерности социально-экономического развития, чрезвычайно важно для выявления и понимания общих, эпохальных и региональных закономерностей исторического процесса.

Третьим важным направлением экологического подхода в археологии является исследование переходных исторических эпох, особенно периодов, лежащих между каменным и бронзовым, бронзовым и железным веками. В эти узловые эпохи история как бы уплотнялась во времени, социально-экономическое развитие шло удесятенными темпами. Для понимания стимулов таких «скачков» очень важен тот факт, что в аридных областях Евразии и на юге Западно-Сибирской равнины переход от неолита к эпохе бронзы (и одновременно от охотничье-рыболовческого хозяйства к пастушеско-земледельческому), равно как переход от эпохи бронзы к эпохе железа (и одновременно от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству) произошли в условиях жестоких экологических кризисов. Выявление конкретных исторических, экологических, экономических обстоятельств, сопутствовавших этим «скачкам», изучение их соотношения и взаимосвязи внесло бы много нового в понимание содержания и динамики древних исторических процессов, помогло бы полнее и глубже проникнуть в факторы и движущие силы величайших экономических трансформаций древности.

Экологический подход в археологическом исследовании тесно связан с палеоэтнографическим подходом, и они нередко выступают в органическом единстве. Это объясняется тем, что обращение археолога к этнографии наиболее правомерно тогда, когда сопоставляемые археологические и этнографические факты отражают экологическую обусловленность явления, представляют собой закономерный результат рационального приспособления человеческого коллектива к окружающей среде. Поэтому мы остано-

вимся вкратце на специфике палеоэтнографического подхода.

Палеоэтнографический подход во многом близок традиционному сравнительно-историческому методу, но имеет свои особенности. Раскрывая содержание сравнительно-исторического метода, К. Маркс писал: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 42). Из приведенного следует, что сравнительно-исторический метод, исходя из общих закономерностей и конкретных тенденций исторического развития, позволяет прогнозировать будущее на основе прошлого и реконструировать прошлое на основе настоящего и менее далекого прошлого.

Специфика палеоэтнографического подхода основана на том, что аналогом прошлой (археологической) действительности может выступать живая (этнографическая) действительность. Тактика палеоэтнографического подхода заключается в выборе наиболее адекватной этнографической модели реконструируемого археологического явления. В известном смысле палеоэтнографический подход является приемом этнографического моделирования в археологии. Так, объясняя факт увеличения доли лошади в стаде степного населения эпохи поздней бронзы, мы ищем этнографический аналог этому явлению. Данные по этнографии казахов-кочевников показывают, что в прошлом столетии переход отдельных кочевых казахских групп к оседлости сопровождался уменьшением процента лошади и возрастанием доли крупного рогатого скота, а в случае возвращения к кочевничеству удельный вес лошади в стаде опять увеличивался. В свете приведенной этнографической аналогии (модели) увеличение доли лошади в стаде степного населения на поздних этапах бронзового века можно трактовать как отражение процесса накопления элементов кочевого быта у степняков в связи с переходом от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству.

В тех случаях, когда интересующие нас тенденции и закономерности прослеживаются в течение нескольких исторических эпох, палеоэтнографический подход может выступать на уровне сравнительно-исторического метода. К сожалению, это обстоятельство обычно остается вне поля зрения археологов. Нередко приходится слышать упрек: «Как можно, характеризуя хозяйственно-бытовой уклад ранних кочевников, обращаться за аналогиями к поздним кочевникам! Ведь это две разные ступени исторического развития». Между тем в зависимости от цели исследования бывает можно и нужно сопоставлять уклад не только ранних и поздних кочевников, но кочевников и оленеводов, кочевничество эпохи железа и подвижную охоту на степных копытных каменного века, так как эти разные формы хозяйства демонстрируют во многом сходную манеру адаптации к окружающей среде.

Основу системного подхода в научном исследовании составляет анализ явления (системы) в многомерной, многоуровневой и многогранной связи как с внутренними структурными составляющими, так и

с другими системами, образующими полисистемный комплекс. Сущность системного мышления была определена Ф. Энгельсом, который, в частности, отмечал, что одно из основных условий научного познания тех или иных явлений — определение их «места в системе природы» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 547*).

В археологии нередки случаи, когда закономерные различия в системных уровнях воспринимаются как взаимоисключающие противоречия. Так, если рассматривать бронзовый век Западной Сибири в целом, можно говорить об одновременном существовании нескольких орнаментальных (культурных) традиций: андронидной, гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой; если же касаться отдельных районов этой территории — Тюменского Притоболья, лесостепного Прииртышья, Томско-Чулымского Приобья и др., то там одна культурная традиция сменяется другой, другая — третьей, и они воспринимаются как разновременные, причем последовательность культурных напластований на одновременных памятниках разных районов могла быть не вполне одинаковой. Случаи неоднозначной стратиграфии особенно часты в контактных зонах, где тесно взаимодействовали два или несколько культурных ареалов. Это неоднократно вводило исследователей в заблуждение, порождая споры о том, какая стратиграфия верна, а какая является результатом ошибочной методики раскопок (например, многолетняя дискуссия о хронологическом соотношении федоровских и алакульских комплексов). Между тем, если бы стратиграфия памятников разных микрорайонов рассматривалась в связи с общей историко-культурной стратиграфией региона, т. е. системно, с учетом особенностей микро- и макростратиграфии, с умением видеть не только отдельные «деревья», но и «лес» в целом, перед исследователями предстала бы действительная стратиграфическая картина во всей ее сложности и неоднозначности.

Системный подход наиболее перспективен при реконструкции крупных экономических и социальных трансформаций древности — таких, как переход от каменного века к эпохе металла, от присваивающего хозяйства к производящему, от родового строя к раннеклассовым образованиям, когда динамичное взаимодействие разноуровневых факторов (ландшафтно-климатических, экологических, социально-экономических, социально-политических, этнических, демографических и др.) было особенно сложным и многоплановым. Не менее рационален он при анализе структуры древних формаций. В этом отношении удачным опытом системного анализа можно считать, например, статью Е. Н. Черных и А. Б. Венгерова «Нормативная система в структуре древних обществ» (Черных, Венгеров, 1984).

Следует оговориться, что для большей акцентировки мы, может быть, излишне жестко оторвали системный подход от экологического и палеоэтнографического, сузив круг его эвристических функций до конкретных задач историко-археологического познания. Между тем на более широком исследовательском фоне, особенно на уровне интеграции наук, системный подход может органично включать в себя другие подходы, в том числе экологический и палеоэтнографический.

Наш заключительный очерк будет неполным, если мы не остановимся еще на двух актуальнейших проблемах исторического уровня археологического исследования. Одна из них касается вопросов этнической интерпретации древних культур, другая — путей реконструкции древнего мировоззрения.

Комплексное изучение этнической истории исследуемых регионов затруднено тем, что разные ученые — археологи, этнографы, лингвисты и антропологи вкладывают в понятия «этнос», «этническая общность» неодинаковый смысл. В обозначении разных категорий этнических общностей у нас существует по крайней мере четыре параллельные терминологии: 1) археологическая: этнокультурная общность, культура, локальный вариант культуры; 2) этнографическая: этнолингвистическая общность, этнос, этнографическая группа; 3) лингвистическая: языковая группа, язык, диалект; 4) антропологическая, обозначающая разные по объему, вписывающиеся друг в друга популяции в зависимости от широты эндогамных кругов и степени проницаемости генетических барьеров. Слить названные аспекты в один не представляется возможным, ибо здесь имеют место несколько разных специализированных подходов, несколько разных систем характеристик. Это естественно — так же как естественны, например, специфические акценты в понимании четвертичного периода у геологов, палеонтологов, гляциологов и палеоботаников.

Антропологическая преэминентность далеко не всегда совпадает с культурной, культурная преэминентность не обязательно сопровождается языковой и антропологической. Так, афанасьевский антропологический тип в Хакасско-Минусинской котловине близок тагарскому, однако из этого не следует, что тагарская культура генетически вытекает из афанасьевской. Современные шорцы — тюркоязычная народность, но по своему антропологическому типу и многим особенностям культуры они близки угросамодийским группам севера Сибири. Поэтому при попытках выявить ретроспективным путем далеких предков современных народов надо в каждом отдельном случае оговаривать, какую ретроспективную линию мы считаем ведущей, т. е. во избежание разночтений необходимо уточнять, какие предки интересуют нас прежде всего: предки по языку, предки, оставившие в наследство специфический комплекс культурных черт, или предки, передавшие более поздним группам характерные антропологические особенности.

Думается, что археологи, коль скоро они имеют дело с материальной культурой древних народов, должны обращать основное внимание на историко-культурную преэминентность. Способность передавать из поколения в поколение традиционные черты культуры, специфику погребального ритуала, своеобразие культурных атрибутов и т. д. является наиболее ярким показателем этнической цельности. В подходе к проблемам этногенеза надо, видимо, исходить из допущения, что археолог вправе искать предков современных народов так далеко в глубине веков, насколько глубоко в древность позволяет идти ретроспективная линия культурной преэминентности, независимо от того, сопровождается она на всем ее протяжении антропологической и языковой преэмет-

венностью или нет. Разрабатывая вопросы этнической истории на археологических материалах, необходимо выявлять и изучать этапы преемственности культурных традиций — с древнейших времен до этнографической современности. Это позволит в будущем успешней использовать ретроспективный метод в исследовании вопросов этногенеза. Новые археологические изыскания, видимо, следует направить в первую очередь на изучение глубинных северных районов, демонстрирующих наиболее «чистые» линии культурной преемственности. Вместе с этим надо продолжать активные работы в районах, лежащих на стыке культурных ареалов, где полнее, чем где-либо, должны были отражаться наиболее важные события этнической истории разных народов, особенности их этногенеза, характер и направление этнических связей.

Большим недостатком нынешнего этапа археологических исследований является слабая разработка вопросов, связанных с реконструкцией древнего мировоззрения. К сожалению, те немногие археологические источники, которые при умелом подходе могли бы пролить свет на древнее миропонимание, например погребальные ритуалы, зачастую используются формально, без должного внимания к этнографии. Так, обычно считают, что древний похоронный обряд был призван обеспечить благополучный уход покойника (его души) из мира живых в мир мертвых. Но этот в общем верный тезис раскрывает лишь функциональную сторону погребального ритуала. Гораздо важнее понять семантику погребального комплекса в целом. Археолого-этнографические материалы говорят о том, что древняя могила являет собой, во всяком случае начиная с энеолитической эпохи, не что иное, как модель мира: подземная часть символизирует нижний мир, надземная — верхний.

Это членение соответствовало представлению о двух основных «душах» человека. Первая из них известна в этнографии как душа-тень. Ее посмертное существование связано с низом, с севером, со стороны солнечного заката. Это темная сила. Вторая

из двух душ, известная в урало-западносибирской этнографии как душа-имя, душа-птица, являлась олицетворением бессмертия человеческого рода, носительницей наследования жизни. Ее посмертное существование было связано с верхом, с югом, со стороны солнечного восхода. Вообще идея совмещения в человеке, как и во всем сущем, двух противоположных начал — темного и светлого — лежала в основе всего первобытного мировоззрения.

В целом история древних верований отражает процесс приспособления человека как к природе, так и к человеческому коллективу, к формирующимся хозяйственно-бытовым, социальным, культурным и этническим традициям, во имя объяснения, оправдания и закрепления этих традиций. Этот процесс в разных географических условиях, у носителей разных хозяйственных типов и в разных исторических ситуациях не мог быть сходным.

Неудачи русских духовных миссий в распространении православия среди финских, угорских, самодийских, тунгусских и других северных народов объясняются тем, что христианская религия, классовая по своему содержанию и пастушеско-земледельческая по своему происхождению, не соответствовала потребностям, духу и морали аборигенных охотничье-рыболовческих обществ, не вышедших до конца из состояния первобытности. Известно, что святой Николай-Чудотворец, считавшийся по христианским представлениям покровителем охотников и рыболовов, повсеместно и довольно легко вошел в религиозный пантеон христианизируемых угров, тунгусов и др., но на языческий манер, не изменив существа исконных верований этих народов. Таким образом, подлинная история древних народов может быть воссоздана лишь в том случае, если материальная культура и социально-экономические процессы будут изучаться в неразрывной связи с историей духовной культуры. Это прекрасно понимали такие крупные археологи, как А. А. Спицын, А. П. Окладников и В. Н. Чернецов, в работах которых реконструкциям духовного мира древних обществ всегда уделялось большое внимание.

Библиография к части первой

- АКБ, 1976. Археологическая карта Башкирии. М.
- Акимова М. С., 1947. Антропологический тип населения фатьяновской культуры.— ТИЭ, т. 1.
- Акимова М. С., 1963. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника.— В кн.: Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.
- АКТ, 1981. Археологическая карта Татарской АССР. Предуралье. М.
- Ализова А. Е., 1956. Абашевские курганы близ с. Зояское Рязанской обл.— КСИИМК, вып. 64.
- Амбургер Н. П., 1956. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі.— АП, т. VI.
- Андреева Е. Г., Петренко А. Г., 1976. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Артеменко И. И., 1960. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья.— КСИИМК, вып. 78.
- Артеменко И. И., 1961а. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г.— КСИА, вып. 84.
- Артеменко И. И., 1961б. Поселение бронзового века на Кузиной горе.— СА, № 2.
- Артеменко И. И., 1962. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.— КСИА, вып. 88.
- Артеменко И. И., 1963а. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры.— КСИА, вып. 93.
- Артеменко И. И., 1963б. Среднеднепровская культура.— СА, № 2.
- Артеменко И. И., 1964а. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы.— КСИА, вып. 101.
- Артеменко И. И., 1964б. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Артеменко И. И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы.— МИА, № 148.
- Артеменко И. И., 1970. Новый могильник среднеднепровской культуры в Верхнем Приднепровье.— КСИА, вып. 123.
- Артеменко И. И., 1972а. Изучение памятников бронзового века Белоруссии.— В кн.: Беларуска старажытнасці. Матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мінск.
- Артеменко И. И., 1972б. Раскопки курганов бронзового века в Брянской области в 1970—1971 гг.— В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України) на XV науковій конференції Інституту археології АН УРСР. Одеса.
- Артеменко И. И., 1973. Юдиновский могильник.— КСИА, вып. 134.
- Артеменко И. И., 1975. Могильник эпохи бронзы в пос. Белье Берега Брянской области.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Артеменко И. И., 1976а. Бельнецкий могильник (раскопки 1970—1971 гг.).— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Артеменко И. И., Пронін Г. М., 1976б. Пам'ятки абашівської культури на Десні.— Археологія, вип. 20.
- Артеменко И. И., 1976в. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Артеменко И. И., Смирнов О. С., 1977а. Партизанське — багатопаровий пам'ятник на Десні.— Археологія, вип. 23.
- Артеменко И. И., 1977б. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце неолита и в эпоху бронзы.— Автореф. докт. дисс. М.
- Архипов Г. А., 1962. Ананьинские городища на р. Вятке.— Тр. Мар. АЭ, т. II.
- Архипов Г. А., Никитин В. В., 1977. Ужумкинское поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Никитин В. В., 1981. Археологические исследования в 1976—1980 гг. (экспедиции Марийского НИИ и университета).— В кн.: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола.
- Азмеров Р. Б., 1952. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени.— КСИИМК, вып. 48.
- Бадер О. Н., 1936. Археологические работы у д. Языково.— АЖ, № 2.
- Бадер О. Н., 1937а. Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры).— СА, II.
- Бадер О. Н., 1937б. Неолитические погребения на Верхней Волге.— СА, III.
- Бадер О. Н., 1939. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.— ВДИ, № 3.
- Бадер О. Н., 1940а. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии.— СА, VI.
- Бадер О. Н., 1940б. Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматической схемой Блитта Сернадера.— Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода, № 6-7.
- Бадер О. Н., 1950а. К вопросу о балановской культуре.— СЭ, № 1.
- Бадер О. Н., 1950б. Неолитические поселения Петровских озер.— МИА, № 13.
- Бадер О. Н., 1953а. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции.— Уч. зап. ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков.
- Бадер О. Н., 1953б. Усть-Гайвенский могильник и Подгремяченское местонахождение турбинского типа на Каме.— Уч. зап. ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков.
- Бадер О. Н., 1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере.— СА, XXI.
- Бадер О. Н., Кадиков Б. Х., 1957. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом.— СА, № 3.
- Бадер О. Н., 1959а. Новые раскопки Турбинского I могильника.— ОК(В)АЭ, вып. 1.
- Бадер О. Н., 1959б. Мытищинский могильник фатьяновского типа.— КСИИМК, вып. 75.
- Бадер О. Н., 1960. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала.— МИА, № 79.
- Бадер О. Н., 1961а. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы.— ОК(В)АЭ, вып. 2.
- Бадер О. Н., 1961б. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, № 99.
- Бадер О. Н., 1961в. Второй Турбинский могильник.— КСИА, вып. 86.
- Бадер О. Н., 1961г. Балановская культура.— СА, № 4.
- Бадер О. Н., 1962. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой.— АСГЭ, вып. 5.
- Бадер О. Н., 1963. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.
- Бадер О. Н., 1964а. Древнейшие металлурги Приуралья. М.
- Бадер О. Н., 1964б. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями.— АСГЭ, вып. 6.
- Бадер О. Н., 1965. Первый Турбинский могильник.— КСИА, вып. 100.
- Бадер О. Н., 1966а. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе.— Тезисы докладов и сообщений археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М.
- Бадер О. Н., 1966б. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе.— СА, № 3.
- Бадер О. Н., 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О. Н., 1971. Бронзовый нож из Сеймы с лошадыми на навершии.— КСИА, вып. 127.

- Бадер О. Н.*, 1972а. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской ГЭС и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 гг.—ОНКАЭ, вып. 1.
- Бадер О. Н.*, 1972б. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой.—В кн.: Проблемы археологии и древней истории утров. М.
- Бадер О. Н.*, 1976а. Работы Окской экспедиции.—АО 1975 г. М.
- Бадер О. Н.*, 1976б. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями.—В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев.
- Бадер О. Н.*, 1977. Северная палеолитическая и Окская экспедиции.—АО 1976 г. М.
- Бадер О. Н., Халиков А. Х.*, 1976. Памятники балановской культуры.—САИ, вып. В1-25. М.
- Бадер О. Н., Черников В. Ф.*, 1978а. Новый могильник сейминского типа на Оке.—СА, № 1.
- Бадер О. Н., Черников В. Ф.*, 1978б. Новые находки сейминского типа у с. Решное на Оке.—В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Бадер О. Н., Выборнов А. А.*, 1980. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита-энеолита Приуралья.—В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Балагури Э. А.*, 1968. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа на Закарпатье в 1966—1967 гг.—АИ, вып. II. Киев.
- Балагури Э. А.*, 1969. Фельшесевч-Становская группа памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Потисье.—СА, № 2.
- Балагури Э. А.*, 1970. Новейшие памятники фельшесевчской культуры на территории Закарпатья.—В кн.: Сборник трудов археологического симпозиума. Сегед.
- Балагури Э. А.* 1971. Археологічні пам'ятки Закарпаття. Ужгород.
- Балагури Э. А.*, 1972а. Шелестівське городище — пам'ятка населення ранньозалізної доби Закарпаття.—В кн.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород.
- Балагури Э. А., Гранчак І. М.*, 1972б. Археологічні дослідження в зонах меліоративних робіт Закарпатської області.—В кн.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород.
- Балагури Э. А., Пеняк С. І.*, 1976а. Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород.
- Балагури Э. А.*, 1976б. Новые данные к истории поздней бронзы Закарпатья.—В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Балагури Э. А., Бідзіля В. І., Пеняк С. І.*, 1978а. Стародавні металурги Українських Карпат. Ужгород.
- Балагури Э. А., Гранчак І. М.*, 1978б. Нові дані про заселення північно-східної частини Карпат в давнину.—В кн.: Матеріали музею у Свіднику. Пряшів.
- Барбон М. Б., Березанська С. С.*, 1970. Поселення сосницького типу біля с. Зазим'є на Київщині.—Археологія, т. XXIII.
- Березанская С. С.*, 1957а. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма.—КСИИМК, вып. 67.
- Березанская С. С.*, 1957б. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі.—Археологія, т. XI.
- Березанская С. С.*, 1960. Культура средней бронзы в Левобережном Полесье Украины.—КСИА АН УССР, вып. 10.
- Березанська С. С.*, 1961. Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпров'я (за матеріалами експедиції «Великий Київ» 1947—1952 рр.).—Археологія, т. XII.
- Березанская С. С.*, 1967. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине.—СА, № 2.
- Березанская С. С.*, 1971а. О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии.—СА, № 4.
- Березанська С. С.*, 1971б. Тшинецька культура.—В кн.: Археологія Української РСР, т. 1. Київ.
- Березанська С. С., Іллінська В. А.*, 1971в. Мар'янівсько-бондарихинська культура.—В кн.: Археологія Української РСР, т. 1. Київ.
- Березанська С. С.*, 1971 г. Поселення сосницького типу у с. Гришівка.—В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1970 р. Київ.
- Березанская С. С.*, 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.
- Березанская С. С.*, 1974. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днестре. Киев.
- Березанская С. С.*, 1975. О местной основе в сложении среднеднепровской культуры.—В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. 1. Киев.
- Березанская С. С.*, 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в Лесостепной Украине.—В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Бернякович К. Б.*, 1959. Львівський історичний музей. Відділ історії феодализму. Львів.
- Бондарь Н. Н.*, 1974. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев.
- Бондарь Н. Н.*, 1975. Новые данные о путях сложения среднеднепровской культуры.—В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. 1. Киев.
- Бочкарев В. С.*, 1969. Проблема Бородинского клада.—В кн.: Проблемы археологии. Л.
- Брюсов А. Я.*, 1928. Федоровская стоянка.—ТСА РАНИОН, т. III.
- Брюсов А. Я.*, 1940. История древней Карелии.—ТГИМ, вып. IX.
- Брюсов А. Я.*, 1948. Заселение Севера Европейской части СССР по археологическим данным.—Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковед., т. 2.
- Брюсов А. Я.*, 1949. Северная археологическая экспедиция.—КСИИМК, вып. XXVI.
- Брюсов А. Я.*, 1950. «Сетчатая» керамика.—СА, XIV.
- Брюсов А. Я.*, 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской обл.—МИА, № 20.
- Брюсов А. Я.*, 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Брюсов А. Я.*, 1953. Некоторые теоретические основы хронологии неолита.—СА, XVIII.
- Брюсов А. Я.*, 1961. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э.—СА, № 3.
- Брюсов А. Я.*, 1965. Восточная Европа в III тыс. до н. э.—СА, № 2.
- Брюсов А. Я., Зимина М. Н.*, 1966. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР.—САИ, вып. В4-40. М.
- Брюсов А. Я.*, 1968. Проблемы происхождения культур каменного века в северной части Европейской части СССР.—СА, № 4.
- Буров Г. М.*, 1965. Вычегодский край. М.
- Буров Г. М.*, 1967. Древний Синдор. М.
- Буров Г. М.*, 1983. О нижнем хронологическом пределе лебяжьей культуры.—СА, № 2.
- Ванкина Л. В.*, 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига.
- Ванкина Л. В.*, 1975. Памятники каменного века на территории Риги и ее окрестностей.—В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Ванкина Л. В.*, 1980. Шнуровая керамика на территории Латвии.—В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Васильев И. Б.*, 1978. Южные районы лесостепного Поволжья в волосоское время.—В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волососко-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Васильев И. Б., Иванов В. А.*, 1979. О южной границе предананьинской общности.—В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И. Б.*, 1980. Энеолит лесостепного Поволжья.—В кн.: Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Оренбург.
- Васильев И. Б., Габяшев Р. С.*, 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья.—В кн.: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Васк А.*, 1983. Завершение раскопок Пукульского курганного могильника.—АО 1981 г. М.
- Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.*, 1981. Второй Каракольский клад Киргизии.—КСИА, вып. 167.
- Виноградский Ю. С.* Опись археологических коллекций Сосницкого музея.—Научный архив Ин-та археологии АН УССР.
- Вовк Хв.*, 1900. Знахідки в могилах між Верем'єм і Стретівкою і біля Трипілля.—В кн.: Матеріали українсько-руської етнології, т. III. Львів.
- Воеводский М. В.*, 1949. Памятники каменного века на Десне.—КСИИМК, вып. XXVI.

- Выборнов А. А., 1984. Неолит и эпоха раннего металла правобережья нижней Белой.— Автореф. канд. дисс. Л.
- Габяшев Р. С., Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х., Хлебникова Т. А., 1976. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Габяшев Р. С., Старостин П. Н., 1978. О памятниках воловско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в воловско-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Габяшев Р. С., 1981. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки.— В кн.: Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Габяшев Р. С., 1982. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии.— В кн.: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Габяшев Р. С., Беговатов Е. А., 1984. Тенишевский («Сорокин бугор») энеолитический могильник.— В кн.: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, вып. 8.
- Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А., 1965. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, вып. 100.
- Гадзяцкая О. С., 1966. Костяные изделия стоянки Сахтыш II.— КСИА, вып. 106.
- Гадзяцкая О. С., 1969. Фатьяновские памятники в Костромской и Ивановской областях.— КСИА, вып. 115.
- Гадзяцкая О. С., 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа.— САИ, вып. В1-21.
- Генинг В. Ф., 1954. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере.— СА, XXI.
- Генинг В. Ф., Совцова Н. И., 1967. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности.— Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь.
- Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьева О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Генинг В. Ф., Старостин П. Н., 1972. Кумысская стоянка и могильник.— ОНКАЭ, вып. 1.
- Генинг В. Ф., 1975. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Генинг В. Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен.— СА, № 4.
- Георгиев В. И., 1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. М.
- Гириникас А. А., 1982. Поздний неолит Восточной Ливонии (по данным материалов памятников оз. Крятуонас).— Автореф. канд. дисс. Видный.
- Глушков И. Г., 1983. Бронзолитейный комплекс поселения Кроха-Левка I.— В кн.: Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Горбунов В. С., 1976. Классификация абашевских могильников Башкирии.— В кн.: Древности Южного Урала. Уфа.
- Городцов В. А., 1900. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г.— Древности, т. XVII.
- Городцов В. А., 1914а. О находке близ станции Сейма Московско-Нижегородской железной дороги.— Древности, т. XXIV.
- Городцов В. А., 1914б. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г.— Древности, т. XXIV.
- Городцов В. А., 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М.
- Городцов В. А., 1923. Археология. Каменный период. М.; Л., т. 1.
- Городцов В. А., 1926. Панфиловская палеометаллическая стоянка.— Труды Владимирского гос. обл. музея. Владимир.
- Городцов В. А., 1927. Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, т. VIII.
- Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94.
- Граудонис Я. Я., 1967. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига.
- Граудонис Я. Я., 1977. Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и вопросы этногенеза балтов.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига.
- Григорьев Г. П., Третьяков В. П., 1973. [Рец.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.]— СА, № 1.
- Гуревич Ф. Д., 1962. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л.
- Гурина Н. Н., 1948. Каменные лабиринты Беломорья.— СА, X.
- Гурина Н. Н., 1951а. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова.— МИА, № 20.
- Гурина Н. Н., 1951б. Памятники эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера.— МИА, № 20.
- Гурина Н. Н., 1953. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей.— МИА, № 39.
- Гурина Н. Н., 1955. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии.— В кн.: Древние поселения и городища. Таллин.
- Гурина Н. Н., 1960. Неолитическое поселение Борань.— МИА, № 79.
- Гурина Н. Н., 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, № 87.
- Гурина Н. Н., 1963. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, № 110.
- Гурина Н. Н., 1967. Из истории древних племен западных областей СССР.— МИА, № 144.
- Гурина Н. Н., 1970. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР.— МИА, № 166.
- Гурина Н. Н., 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.— КСИА, вып. 131.
- Гурина Н. Н., 1973. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР.— МИА, № 172.
- Гурина Н. Н., Тимофеев В. И., Шумкин В. Л., 1977. О работах Кольской экспедиции.— АО 1976 г. М.
- Гурина Н. Н., Тимофеев В. И., Шумкин В. Л., 1978. Исследования на Кольском полуострове.— АО 1977 г. М.
- Гусенцова Т. М., 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Гусенцова Т. М., Сенникова Л. А., 1980. Многослойное поселение Лобань I.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Гусенцова Т. М., 1981. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья.— КСИА, вып. 165.
- Даниленко В. Н., 1955. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.— КСИА АН УССР, вып. 4.
- Даниленко В. М., 1956. Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 г.— АП, т. VI.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР.— ТИЭ, т. IV.
- Денисов В. П., 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке.— СА, № 3.
- Денисов В. П., 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье.— ВАУ, вып. 1.
- Денисов В. П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь.
- Денисов В. П., 1972. Раскопки поселений эпохи бронзы на Нижней Каме.— ОНКАЭ, вып. 1.
- Денисова Р. Я., 1966. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры.— СЭ, № 4.
- Денисова Р. Я., 1975. Антропология древних балтов. Рига.
- Денисова Р. Я., 1980. Генезис балтов.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Довженок В. И., 1961. Землеробство Древней Руси. Київ.
- Дубынин А. Ф., 1970. Троицкое городище.— В кн.: Древние поселения в Подмосковье. М.
- Евстропов Н. Т., 1960. Стоянка периода поздней бронзы в районе г. Гостомель.— КСИА АН УССР, вып. 9.
- Евтюхова О. Н., 1959. Абашевские курганы у селений Турново и Троицкое Марийской АССР.— Тр. МарНИИЯЛИ, вып. XIV. Йошкар-Ола.
- Евтюхова О. Н., 1961. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры.— МИА, № 97.
- Евтюхова О. Н., 1964а. Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье. Автореф. канд. дис. М.
- Евтюхова О. Н., 1964б. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков. М.

- Евтюзова О. Н.*, 1965. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья.— МИА, № 130.
- Евтюзова О. Н.*, 1966. О происхождении абашевской культуры.— СА, № 1.
- Ерофеева Е. Н., Крайнов Д. А.*, 1971. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— АО 1970 г. М.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н.*, 1961. Абашевская культура в Поволжье.— МИА, № 97.
- Жуков Б. С.*, 1925. Доисторические культуры Нижегородского края.— Труды Нижегородского пед. ин-та, т. 1. Нижний Новгород.
- Жуков Б. С.*, 1927. Музей Центрально-Промышленной области. Москва. Сопровождение палеозтологов. 1926.— В кн.: Материалы к доистории ЦПО.
- Жуков Б. С.*, 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур Восточной Европы.— Этнография, № 1.
- Журавлев А. П.*, 1974. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии.— СА, № 3.
- Журавлев А. П.*, 1975. О древнейшем центре металлообработки в Карелии.— КСИА, вып. 142.
- Журавлев А. П.*, 1979. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки.— КСИА, № 157.
- Заверняев Ф. М.*, 1964. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны.— СА, № 1.
- Загорский Ф. А.*, 1967. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии.— Автореф. канд. дисс. Рига.
- Замятнин С. Н.*, 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры.— СА, Х.
- Затарук Ю. Н.*, 1957. Новое поселение культуры шнуровой керамики на Волыни.— КСИА АН УССР, вып. 7.
- Затарук Ю. Н.*, 1959. Погребения в каменных гробницах около с. Поповцев Тернопольской обл.— КСИА АН УССР, вып. 8.
- Збруева А. В.*, 1947. Мало-Окуловские курганы.— СА, IX.
- Збруева А. В.*, 1961. Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, № 80.
- Збруева А. В., Тихонов Б. Г.*, 1970. Памятники эпохи бронзы в Башкирии.— В кн.: Древности Башкирии. М.
- Зимица М. П.*, 1968. Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях.— СА, № 2.
- Зимица М. П.*, 1973. Работы Северо-Западной экспедиции.— АО 1972 г. М.
- Зимица М. П.*, 1974. Раскопки поселения Старая Яксарка.— АО 1973 г.
- Зимица М. П.*, 1975. Работы Северо-Западной экспедиции.— АО 1974 г. М.
- Зимица М. П.*, 1976. Работы Северо-Западной экспедиции.— АО 1975 г. М.
- Зимица М. П.*, 1984. Северо-Западная экспедиция.— АО 1982 г. М.
- Иванов В. А.*, 1977. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау.— В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Иверсен В. М.*, 1903. Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека.— ЗОРСА РАО, т. V.
- Иллінська В. А.*, 1957. Нові дані по пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу.— Археологія, т. X.
- Ильинская В. А.*, 1959. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола.— КСИА АН УССР, вып. 8.
- Ильинская В. А.*, 1960. Поселение комаровской культуры у с. Мошны.— КСИА АН УССР, вып. 10.
- Ильинская В. А.*, 1961. Бондарихинская культура бронзового века.— СА, № 1.
- Исаенко В. Ф., Черняевский М. М.*, 1967. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. т. 1.
- Ишмурадова Г. Р.*, 1967. Приказанская и раннеананьинская керамика поселения Курган.— Уч. зап. ПГУ, № 148, Пермь.
- Йовайша Е., Даканис Б.*, 1976. Новый тип грунтовых погребений в Литве.— АО 1975 г. М.
- Казаков Е. П.*, 1979. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии.— СА, № 1.
- Калинин Н. Ф.*, 1948. Древнейшее население на территории Татарии.— В кн.: Материалы по истории Татарии. Казань. т. 1.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.*, 1954а. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.— МИА, № 42.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.*, 1954б. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.— Тр. КФАН, серия гум. наук, вып. 1.
- Канивец В. И.*, 1956. Памятники высокого типа как исторический источник.— Автореф. канд. дисс. Киев.
- Канивец В. И.*, 1964. Канинская пещера. М.
- Канивец В. И.*, 1974. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.
- Казовский В. Ф.*, 1963. Чурачикский курган в Чувашии.— СА, № 3.
- Качалова Н. К.*, 1976. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСГЭ, вып. 17.
- Кирошин Ю. Ф.*, 1980. Работы Алтайской экспедиции.— АО 1979 г. М.
- Киселев С. В.*, 1949. Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9.
- Киселев С. В.*, 1965. Бронзовый век СССР.— МИА, № 130.
- Китицина Л. С.*, 1977. Изображения водоплавающих птиц на сосудах стоянки Сахтыш I.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Кнабе Г. С.*, 1962. Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках).— ВЯ, № 1.
- Ковалева И. Ф.*, 1981. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1957. Поселения периода поздней бронзы и раннего железа поблизу м. Охтирки.— Археологія, т. XI.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1967. Племена скифского часу на Ворскле. Київ.
- Козырева Р. В.*, 1972. Стоянка Ильинский Остров в Архангельской обл.— КСИА, вып. 126.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 1980. Мало-Окуловский грунтовый могильник волосовской культуры.— СА, № 4.
- Коногорова Л. А.*, 1961. Жилища 3—8 поселения Камский Бор II.— ОК(В)АЭ, вып. 2.
- Корнеевский С. Н.*, 1973. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области.— СА, № 1.
- Корнеевский С. Н.*, 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, № 4.
- Коробкова Г. Ф.*, 1972. Локальные различия в экономике ранних земледельческих обществ.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- Косарев М. Ф.*, 1964. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья.— Автореф. канд. дисс. М.
- Косарев М. Ф.*, 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М. Ф.*, 1981а. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М. Ф.* 1981б. К истории взаимоотношений человека и природы в Западной Сибири (по материалам археологических исследований).— В кн.: Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.
- Косарев М. Ф.*, 1984. Западная Сибирь в древности. М.
- Косменко М. Г., Казаков Е. П.*, 1976. О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы.— СА, № 2.
- Косменко М. Г.*, 1982. Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII.— В кн.: Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.*, 1984. Зооморфная скульптурка со стоянки Григорово I.— КСИА, № 177.
- Крайнов Д. А.*, 1928. Стоянка Усть-Ярэнга.— Сборник научно-археол. кружка МГУ, вып. 1.
- Крайнов Д. А.*, 1941. Вауловский могильник.— ТГИМ, вып. XII.
- Крайнов Д. А.*, 1962. Кухмарский курганный могильник.— КСИА вып. 88.
- Крайнов Д. А.*, 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа.— САИ, вып. В1-19. М.
- Крайнов Д. А.*, 1964а. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.— САИ, вып. В1-20. М.
- Крайнов Д. А.*, 1964б. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры.— СА, № 4.
- Крайнов Д. А.*, 1964в. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.— КСИА, вып. 97.
- Крайнов Д. А.*, 1964г. Итоги работы Верхневолжской экспедиции и некоторые спорные вопросы древнейшей истории Верхнего Поволжья.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М.

- Крайнов Д. А.*, 1965. Новые исследования памятников фатьяновской культуры.— МИА, № 130.
- Крайнов Д. А.*, 1966. Изучение территории Верхнего Поволжья.— АО 1965 г. М.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.*, 1967. Археологические исследования в Верхнем Поволжье.— АО 1966 г. М.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.*, 1968. Исследования в Верхнем Поволжье.— АО 1967 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1969. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО 1968 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1972а. Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях.— АО 1971 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1972б. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н. э. М.
- Крайнов Д. А.*, 1973а. Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО 1972 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1973б. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Крайнов Д. А.*, 1974. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО 1973 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1975а. Работы Верхневолжской экспедиции.— АО 1974 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1975б. Болшневский могильник фатьяновской культуры.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Крайнов Д. А.*, 1976а. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО 1975 г. М.
- Крайнов Д. А.*, 1976б. Спорные вопросы неолита Верхнего Поволжья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Крайнов Д. А.*, 1977а. Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО 1976 г. М.
- Крайнов Д. А., Хогинский Н. А.*, 1977б. Верхневолжская ранне-неолитическая культура.— СА, № 3.
- Крайнов Д. А.*, 1977 в. Фатьяновская культура в этногенезе балтов.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига.
- Крайнов Д. А.*, 1978а. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, вып. 153.
- Крайнов Д. А.*, 1978б. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО 1977 г.
- Крайнов Д. А.*, 1978в. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Крайнов Д. А.*, 1980. Фатьяновская культура в этногенезе балтов.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Крайнов Д. А.*, 1981. К вопросу о происхождении волосовской культуры.— СА, № 2.
- Крайнов Д. А.*, 1982. Новые исследования стоянки Сахтыш II.— КСИА, вып. 169.
- Крайнов Д. А.*, 1984. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I.— КСИА, вып. 177.
- Крайнов Д. А.*, 1985. Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО 1983 г.
- Краснов Ю. А.*, 1967. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы.— СА, № 1.
- Краснов Ю. А.*, 1968. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.— СА, № 2.
- Крживицкий Л.*, 1925. Хозяйство и общественный строй первобытных народов. М.; Л.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1938. Горкинский могильник.— ТГИМ, вып. VIII.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1941. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь.— Тр. ГИМ, вып. 12.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1947а. Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, вып. XVI.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1947б. Абашевский могильник (раскопки 1945 г.).— КСИИМК, вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. Алексеевское поселение и могильник.— ТГИМ, вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1949. Бессарабский клад.— ТГИМ. Памятники культуры, вып. 1. М.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1965. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46.
- Крижевская Л. Я., Халиков А. Х.*, 1959. Каменный инвентарь поселений бронзы в Казанском Поволжье.— Тр. КФАН, Серия гум. наук, вып. 2.
- Крижевская Л. Я., Прокошев Н. А.*, 1961. Турбинский могильник на р. Каме (по материалам раскопок 1934—1935 гг.).— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.
- Крижевская Л. Я.*, 1964. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге.— МИА, № 110.
- Кропоткин В. В.*, 1952. Бельнецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, вып. XLVII.
- Кропоткин В. В.*, 1959. Новые исследования Бельнецких курганов.— КСИИМК, вып. 75.
- Крушельницкая Л. I.*, 1972. Про зв'язки лужицької та висоцької культур.— Археологія, вып. 6.
- Кузьмина Е. Е.*, 1980. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей.— КСИА, вып. 161.
- Кузьмина О. В.*, 1984. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье.— Автореф. канд. дис. М.
- Кузьминых С. В.*, 1976а. Литейная форма из Козьмодемьянского музея.— СА, № 2.
- Кузьминых С. В.*, 1976б. О химическом составе металла Соколовского могильника.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Кузьминых С. В.*, 1977а. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии.— СА, № 2.
- Кузьминых С. В.*, 1977б. О химическом составе металла Соколовского могильника.— СА, № 4.
- Кузьминых С. В.*, 1980. Первые анализы меди с энеолитических поселений р. Вятки.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Кузьминых С. В.*, 1981. Металлообработка срубных племен Закамья.— В кн.: Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Кузьминых С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Куликаускас П.*, 1966. Исследования городищ Запеманья — юго-западной части Литвы.— В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин.
- Куратов А. А.*, 1973. Древние лабиринты архангельского Беломорья.— В кн.: Историко-краеведческий сборник. Вологда.
- Куратов А. А.*, 1978. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск.
- Кухаренко Ю. В.*, 1962. Первобытные памятники на территории Полесья.— САИ, вып. В1-18. М.
- Куртин Б. А.*, 1925. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ.— В кн.: Материалы к доистории ЦПО. М.
- Лагодовська О. Ф.*, 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині.— Археологія, т. II.
- Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М.*, 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника.— АП, т. VI.
- Левицкий И. Ф.*, 1931. Стация у ур. Пищаному біля Народич.— Антропология, т. IV.
- Лесков А. М.*, 1964. Древнейшие роговые псаляки из Трахтемирова.— СА, № 1.
- Лесск Ф.*, 1932. Правик Подкарпатской Руси. Ужгород.
- Либеров П. Д.*, 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.
- Либеров П. Д.*, 1971. Древняя история населения Подонья.— Автореф. докт. дисс. М.
- Либеров П. Д.*, 1977. О хронологии абашевской культуры.— СА, № 2.
- Лисицина Г. Н.*, 1959. Результаты микропалеонтологического исследования образцов торфа Бисерова озера.— КСИИМК, вып. 75.
- Лозе И. А.*, 1969. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике.— СА, № 3.
- Лозе И. А.*, 1970. Отражение древнейших верований и традиций в искусстве каменного века Восточной Прибалтики. Рига.
- Лозе И. А.*, 1971. Абсолютная датировка памятников каменного века Восточной Прибалтики методом радиоактивного углерода (C-14).— Изв. АН ЛатвССР, № 1(282). Рига.
- Лозе И. А.*, 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига.
- Лозе И. А.*, 1980. Вопросы картографирования находок янтаря эпохи неолита на Европейской части СССР.— Изв. АН ЛатвССР, № 9(398).
- Лозе И. А.*, 1982. Радиоуглеродное датирование памятников каменного века Лубанской равнины.— Изв. АН ЛатвССР, № 8(421).
- Лузгин В. Е.*, 1972. Древние культуры Ижмы. М.

- Лыугас В. А.*, 1970. Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н. э. до начала н. э.). Автореф. канд. дисс. Таллин.
- Лявданский А. Н.*, 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии.— Труды смоленских музеев, т. 1. Смоленск.
- Лявданский А. Н.*, 1927. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии.— Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. IV, вып. 3. Смоленск.
- Лявданскі А. Н.*, 1928. Археологічна доследы у Смаленскай губэрні за 1918—1928 гг.— Працы, I.
- Лявданскі А. Н.*, 1932. Археологічныя доследы у Смаленшчыне.— Працы, II.
- Мансуров А. А.*, 1937. Археологическая карта р. Прони, ч. 1.— СА, № 4.
- Мансуров А. А., Бадер О. Н.*, 1974. Археологическая карта окрестностей Касимова.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.
- Марк К. Ю.*, 1956. Палеоантропология Эстонской ССР.— ТИЭ, т. 32.
- Матюшин Г. Н.*, 1970. К проблеме энеолита Южного Урала.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Матюшин Г. Н.*, 1971. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья.— КСИА, вып. 127.
- Матюшин Г. Н.*, 1982. Энеолит Южного Урала. М.
- Матющенко В. И.*, 1959. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи.— СА, № 4.
- Матющенко В. И.*, 1961. Томская культура эпохи бронзы.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Матющенко В. И.*, 1968. Работы Томской экспедиции.— АО 1967 г. М.
- Матющенко В. И.*, 1970а. Исследования могильника у д. Еловка Томской области и у д. Ростовка в окрестностях Омска.— АО 1969 г. М.
- Матющенко В. И.*, 1970б. Нож из могильника у деревни Ростовки.— КСИА, вып. 123.
- Матющенко В. И.*, 1972. Раскопки в Томской и Омской областях.— АО 1971 г. М.
- Матющенко В. И.*, 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. II. Самульская культура. Томск.
- Матющенко В. И.*, 1974а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-ирменская культура.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 12. Томск.
- Матющенко В. И.*, 1974б. Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Матющенко В. И.*, 1975. Могильник у д. Ростовка.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Матющенко В. И.*, 1978. Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Матющенко В. И., Чагаева А. С., Павленок Л. А.*, 1967. Раскопки в Омской и Томской областях.— АО 1968 г. М.
- Матющенко В. И., Ложникова Г. В.*, 1969а. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 2. Томск.
- Матющенко В. И., Чиндина Л. А.*, 1969б. Работы в Томской и Омской областях.— АО 1968 г. М.
- Мазно Е. В.*, 1949. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева.— АП, т. II.
- Мазно Е. В.*, 1957. Нові пам'ятки періоду бронзи на Київщині та Сумщині.— Археологія, т. X.
- Мельниковская О. Н.*, 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.*, 1984. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI.— В кн.: Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Мерперт Н. Я.*, 1958. Из древней истории Среднего Поволжья.— МИА, № 61.
- Мерперт Н. Я.*, 1960. Раскопки абашевских курганов в Чувашии в 1957 г.— Уч. зап. Чуваш. НИИ, т. XIX, Чебоксары.
- Мерперт Н. Я.*, 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии.— МИА, № 97.
- Мерперт Н. Я.*, 1962. Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, № 111.
- Мерперт Н. Я.*, 1966. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке.— Sbornik narodního muzea Praze, v. XX, № 1/2.
- Мерперт Н. Я.*, 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Автореф. докт. дисс. М.
- Мерперт Н. Я.*, 1976. Древнейшая культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Михайлова Л. В.*, 1976. Раскопки на р. Колпи.— АО 1975 г. М.
- Молодин В. И.*, 1977. Эпоха неолита и бронзы Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1980. Сопка 2 — могильник эпохи доандроновской бронзы в Барабинской лесостепи.— АО 1979 г. М.
- Молодин В. И.*, 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка 2.— В кн.: Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Моора Х. А.*, 1950. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии.— КСИЭ, вып. 12.
- Моора Х. А.*, 1954. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных.— СА, XXI.
- Моора Х. А.*, 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Моора Х. А.*, 1958. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, № 2.
- Моора Х. А.*, 1964. К вопросу о возникновении Прибалтийской историко-культурной области. М.
- Мулло И. М.*, 1966. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья.— В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л.
- Наговицин Л. А.*, 1980а. Из истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Наговицин Л. А.*, 1980б. Поселение Усть-Лудяна II.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Наговицин Л. А.*, 1983. Энеолит бассейна р. Вятки.— Автореф. канд. дисс. М.
- Наговицин Л. А.*, 1984. Периодизация энеолитических памятников Вятского края.— В кн.: Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Нейштадт М. И.*, 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.
- Никитин А. Л.*, 1963. Дикариха.— МИА, № 110.
- Никитин А. Л.*, 1965. Рождественская стоянка на озере Неро.— СА, № 1.
- Никитин А. Л.*, 1974. Существовала ли «волосовская культура?» — СА, № 2.
- Никитин А. Л.*, 1976. Эпоха бронзы на Плещеевом озере.— СА, № 1.
- Никитин А. Л.*, 1977. Неолитическое поселение Плещеево IV.— СА, № 1.
- Никитин В. В.*, 1976а. Некоторые особенности материальной культуры волосовских памятников Марийского Поволжья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Никитин В. В., Шикаева Т. Б.*, 1976б. Новые волосовские памятники Марийского Поволжья (по материалам разведок 1974—1975 гг.).— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Никитин В. В.*, 1977. Ахмыловское II поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.
- Никитин В. В.*, 1978. Волосовские племена на Средней Волге.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Никитин В. В., Старостин П. Н.*, 1978. Материалы к археологической карте Марийской АССР, вып. II. Йошкар-Ола.
- Никитин В. В.*, 1984. Красноостовские поселения финального неолита.— В кн.: Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Окладников А. П.*, 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время), ч. III.— МИА, № 43.
- Окладников А. П.*, 1970. Неолит Сибири и Дальнего Востока.— МИА, № 166.
- Овсянников О. В., Григорьев Г. В.*, 1964. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс.— КСИА, вып. 102.

- Ошибкина С. В., 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре.— СА, № 4.
- Ошибкина С. В., 1975. Краткая характеристика позднескаргопольской культуры.— КСИА, вып. 142.
- Ошибкина С. В., 1976. О работе Вятской и Северной экспедиций.— АО 1975 г. М.
- Ошибкина С. В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С. В., 1980а. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье.— КСИА, вып. 161.
- Ошибкина С. В., 1984. О находках сейминского времени в Восточном Прионежье.— КСИА, вып. 179.
- Ошибкина С. В., 1980б. Поселение Юртик. Результаты исследования.— В кн.: Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Падин В. А., 1963. Курганы эпохи бронзы около Трубчевска.— СА, № 1.
- Паликарпович К. М., 1928. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажы (на досьледах 1926 г.).— Працы, I.
- Паликарпович К. М., 1930. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажы.— Працы, II.
- Поликарпович К. М., 1957а. Стоянки Среднего Посожья (Материалы обследования 1928 г.).— Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск.
- Поликарпович К. М., 1957б. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг.— В кн.: Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск.
- Панкрушев Г. А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л.
- Панкрушев Г. А., 1966. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений.— В кн.: Новые памятники истории древней Карелии.— СА, № 3.
- Панкрушев Г. А., 1978. Мезолит и неолит Карелии, т. 1—2. Л.
- Пассек Т. С., Латынин Б. А., 1928. Разведки в районе Брянска.— ТСА РАНИОН, т. IV.
- Пассек Т. С., 1947. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, вып. XVI.
- Пассек Т. С., 1949. Селища эпохи бронзы в районе Канева.— КСИИМК, вып. XXV.
- Патрушев В. С., 1978. Памятники волосовского типа у пос. Юрино и с. Кокшайск.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Патрушев В. С., 1979. Экспедиция Марийского университета.— АО 1978 г. М.
- Патрушев В. С., 1980. Экспедиция Марийского университета.— АО 1979 г. М.
- Пелецишин М. А., 1971. Нові поселення стжижовської культури на Волині.— Археологія, вип. 1.
- Пеняк С. И., 1969. Негровский клад бронзовых мечей (Закарпатская область УССР).— КСИА, вып. 115.
- Пестрикова В. И., 1979. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Петренко А. Г., 1977. К истории фауны памятников волосовской культуры с территории Марийской АССР.— В кн.: Археология и этнография Марийского края. Вып. 2. Йошкар-Ола.
- Поляков И. С., 1882. Исследование по каменному веку в Олонечкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги.— ЗРГО, отд. этнографии, т. IX. СПб.
- Пономарев П. А., 1886. Из археологической поездки на Каму.— ИОАИЭ, т. VI, вып. 1. Казань.
- Попова Т. Б., 1960. Происхождение поздняяковской культуры.— ТГИМ, вып. 37.
- Попова Т. Б., 1961. Эпоха бронзы на Тамбовщине.— СА, № 3.
- Попова Т. Б., 1965а. Коренецкий могильник и стоянка.— СА, № 1.
- Попова Т. Б., 1965б. Поздняяковское погребение в Борисоглебском могильнике.— МИА, № 130.
- Попова Т. Б., 1966. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников.— ТГИМ, вып. 40.
- Попова Т. Б., 1967. Новый памятник поздняяковской культуры.— СА, № 1.
- Попова Т. Б., 1969а. Битюковские курганы под г. Муромом.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Попова Т. Б., 1969б. Допоздняяковские памятники в Окском бассейне.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М.
- Попова Т. Б., 1970. К вопросу о связях племен поздняяковской и абашевской культур.— Сб. ГИМ. М.
- Попова Т. Б., 1971. Племена поздняяковской культуры.— ТГИМ, вып. 44.
- Попова Т. Б., 1973. Погребальный обряд племен поздняяковской культуры.— СА, XX-2.
- Попова Т. Б., 1974. Исследование памятников эпохи бронзы на Капищевских дюнах под Рязанью.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.
- Попова Т. Б., 1975. Поздняяковский грунтовый могильник Фелов Бор.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Попова Т. Б., 1984. Металлообработка у племен поздняяковской культуры.— ТГИМ, вып. 60.
- Попова Т. Б., 1985. Значение керамических форм и орнаментальных мотивов для датировки поздняяковских памятников на Средней Оке.— ТГИМ, вып. 60.
- Портнягин И. Г., Урбан Ю. Н., 1972. Работы Калининского отряда.— АО 1971 г. М.
- Пряхин А. Д., 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А. Д., 1972. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево.— СА, № 3.
- Пряхин А. Д., 1975. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья.— СА, № 4.
- Пряхин А. Д., 1976а. Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А. Д., 1976б. История древних скотоводов II тыс. до н. э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность).— Автореф. докт. дисс. М.
- Пряхин А. Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А. Д., Горбунов В. С., 1979. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А. Д., 1980. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А. Д., 1981. Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии.— В кн.: Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А. Д., 1982. Абашевские древности и проблемы культурного развития эпохи бронзы евразийской лесостепи.— В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван.
- Потушняк Ф. М., 1958. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород.
- Пясецкий В. К., Нові пам'ятки тшинської культури в Хмельницькій і Житомирській областях.— Археологія, вип. 11. Київ.
- Пяткин Б. И., 1983. Металлообрабатывающее производство как одна из характеристик культурного прогресса (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири).— В кн.: Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул.
- Равдоникас В. И., 1947. История первобытного общества, т. 2. Л.
- Радлов В. В., 1894. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб.
- Радлов В. В., 1902. Сибирские древности, т. II, вып. 1. СПб.
- Раушенбах В. М., 1950. Неолитическая стоянка у д. Большое Буньково.— КСИИМК, вып. XXXII.
- Раушенбах В. М., 1953. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы.— ТГИМ, вып. XXII.
- Раушенбах В. М., 1960. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз.— ТГИМ, вып. XXXVII.
- Раушенбах В. М., 1969. Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М.
- Раушенбах В. М., 1970. Племена льяловской культуры.— ТГИМ, вып. 44.
- Рерих Н. К., 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежицкой.— ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1.
- Римантене Р. К., 1960. Стоянка каменного и бронзового веков Самантошис.— СА, № 2.
- Римантене Р., 1962. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореф. канд. дисс. Вильнюс.
- Римантене Р., Гириникас А., 1975. Раскопки поселения каменного века у с. Нида на Куршской косе.— АО 1974 г. М.
- Римантене Р., Богушене О., 1976. Раскопки поселения эпохи камня у с. Нида на Куршской косе.— АО 1975 г. М.
- Римантене Р. К., 1977а. К вопросу об образовании балтов.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига.

- Римантене Р., Богушене О., Гириникас А., 1977б. Раскопки у с. Нида на Куршской косе.— АО 1976 г. М.
- Римантене Р. К., 1978. Раскопки у с. Нида.— АО 1977 г. М.
- Римантене Р. К., 1980. К вопросу об образовании балтов.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Розен М. Ф., 1983. Древняя металлургия и горное дело на Алтае.— В кн.: Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул.
- Розенфельдт И. Г., 1950. Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, вып. XXXI.
- Рудинский М. Я., 1930. Мар'янівська стація.— Антропология, т. III.
- Рыбаков Б. А., 1975. Макрокосм в микрокосме народного искусства.— Декоративное искусство СССР, № 1, 3.
- Рыбаков Б. А., 1976. Новые данные о культе небесного огня.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Савватеев Ю. А., 1977. Залавруга, ч. 2. Л.
- Сальников К. В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале.— СА, XXII.
- Сальников К. В., 1962. К истории древнейшей металлургии на Южном Урале.— В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 1. Уфа.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Самойловский И. М., 1966. Следы могильника с трупосожжением эпохи бронзы около с. Вишенки под Киевом.— СА, № 4.
- Самоквасов Д. Я., 1892. Основания хронологической классификации и каталог коллекций древностей. Варшава.
- Самоквасов Д. Я., 1908а. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М.
- Самоквасов Д. Я., 1908б. Могилы русской земли. М.
- Сафронов В. А., 1964. К вопросу о Турбинском могильнике.— В кн.: Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л.
- Сафронов В. А., 1965. О древнейших металлургах Приуралья [Рец. на: Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964].— Вест. ЛГУ, № 20(4).
- Сафронов В. А., 1968. Датировка Бородинского клада.— В кн.: Проблемы археологии, вып. 1. Л.
- Сафронов В. А., 1970. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М.
- Свешников И. К., 1958. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подольи.— Автореф. кан. дисс. М.
- Свешников И. К., 1961. Памятники культуры шнуrowой керамики у с. Здолбича (УССР).— КСИА, вып. 85.
- Свешникова И. К., 1962. Памятники культур шнуrowой керамики в бассейне р. Устья.— МДАПВ, вып. 4.
- Свешников И. К., 1964. Поселение культуры шнуrowой керамики у с. Городок Ровенской области.— КСИА, вып. 97.
- Свешников И. К., 1971. Культура шнуrowой керамики західної частини УРСР.— В кн.: Археологія Української РСР, т. 1, Київ.
- Свешников И. К., 1973. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга.— СА, XXI-1.
- Свешников И. К., 1974а. Племена культур шнуrowой керамики.— В кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ.
- Свешников И. К., 1974б. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ.
- Седов В. В., 1961. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси.— СА, № 2.
- Седов В. В., 1965. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье.— СА, № 4.
- Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья до XIV в. М.
- Седов В. В., 1973. О роли балтийского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья.— СА, № 3.
- Седов В. В., 1980. Балты и славяне в древности (по данным археологии).— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Серебренников Б. А., 1957. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого балтийским.— Тр. АН Лит. ССР, серия А, 1(2). Вильнюс.
- Серебренников Б. А., 1968. Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо?— В кн.: Сов. финно-угроведение, т. IV. Таллин.
- Сидоров В. В., 1971. Многослойные стоянки в Подмосковье.— АО 1970 г. М.
- Сидоров В. В., Балинский И. М., 1973. Раскопки на Тростенском озере и Масловом болоте.— АО 1972 г. М.
- Сидоров В. В., Балинский И. М., 1975. Работы Московского отряда Окской экспедиции.— АО 1974 г. М.
- Сидоров В. В., 1976. Раскопки в Московской Мещере.— АО 1975 г. М.
- Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953).— МИА, № 60.
- Синюк А. Т., Килейников В. В., 1976. Курган у с. Введенка на Дону.— СА, № 1.
- Смирнов А. П., 1961. Железный век Чувашского Поволжья.— МИА, № 95.
- Смирнов В. И., 1937. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области.— СА, IV.
- Смирнов В. И., 1940. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе.— СА, № VI.
- Смирнов В. И., 1941а. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске.— КСИИМК, вып. IX.
- Смирнов В. И., 1941б. Архангельская область. Побережье Белого моря.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.
- Смирнов В. И., 1947. Говядиновский могильник.— СА, № IX.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Смирнова Г. И., 1969. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатья (вторая половина XIII — середина VII в. до н. э.).— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.
- Смолин В. Ф., 1928. Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерк археологических раскопок в 1925 г.). Чебоксары.
- Спицын А. А., 1893. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— МАВГР, вып. I. М.
- Спицын А. А., 1903а. Медный век в Верхнем Поволжье.— ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1.
- Спицын А. А., 1903б. Галичский клад.— ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1.
- Спицын А. А., 1904. Северные лабиринты.— ИАК, вып. 6.
- Спицын А. А., 1905. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России.— ЗОРСА РАО, т. VII, вып. 1.
- Спицын А. А., 1926. Турбинские находки.— В кн.: Пермский краеведческий сборник, вып. 2. Пермь.
- Спицын А. А., 1928. Археологические заметки.— ТСА РАНИОН, т. IV.
- Степанов П. Д., 1950. Фатьяновские поселения на Средней Суре.— КСИИМК, вып. XXXII.
- Степанов П. Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.
- Степанов П. Д., 1969. Памятник абашевской культуры в Мордовии.— АО 1968 г. М.
- Стоколос В. С., 1972. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. М.
- Стоколос В. С., 1973. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Сибиря.— Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока, вып. 5.
- Стоколос В. С., 1984. Старо-Нагаевский могильник.— В кн.: Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
- Стоколос В. С., 1986. Древние поселения Меденской долины. М.
- Стоянов В. Е., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века.— В кн.: Проблемы хронологии культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Студайцкая С. В., 1966. Фигурный молот из Карелии.— ТГИМ, вып. 40.
- Студайцкая С. В., 1969. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху палеолита и ранней бронзы.— В кн.: Экспедиция ГИМ. М.
- Телегин Д. Я., 1956. Дослідження поселень епохи бронзи на Діпці.— АП, т. VI.
- Телегин Д. Я., 1959. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг.— КСИА АН УССР, вып. 8.
- Телегин Д. Я., 1965. Основні результати робіт Київської експедиції 1962—1964 гг.— Археологія, т. XIX.
- Телегин Д. Я., 1968. Дніпро-донецька культура. Київ.
- Телегин Д. Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.
- Тереножкин А. И., 1961. Предкифский период на Днепровском правобережье. Киев.

- Тереножкин А. И., 1965. Основы хронологии предскифского периода.— СА, № 1.
- Тимофеев В. И., 1975. Работа Калининградского неолитического отряда.— АО 1974 г. М.
- Титов В. С., 1971. Итоги работы Закарпатской экспедиции.— АО 1970 г. М.
- Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, № 90.
- Третьяков В. П., 1961. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94.
- Третьяков В. П., 1966. Неолитические племена Волго-Окского междуречья.— Автореф. канд. дисс. Л.
- Третьяков В. П., 1967а. Волосовская керамика Папфловской стоянки.— СА, № 1.
- Третьяков В. П., 1967б. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического» стиля.— КСИА, вып. 111.
- Третьяков В. П., Григорьев Г. П., 1968. Некоторые вопросы неолита Прибалтики [Рец. на: Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР].— СА, № 4.
- Третьяков В. П., 1969. Старо-Мазиновская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры.— СА, № 2.
- Третьяков В. П., 1970. Майданская стоянка волосовской культуры.— СА, № 3.
- Третьяков В. П., 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.
- Третьяков В. П., 1975а. В защиту единства волосовских древностей.— СА, № 4.
- Третьяков В. П., 1975б. Соотношение поздняяковских памятников и культуры сетчатой керамики.— КСИА, вып. 142.
- Третьяков П. Н., 1935. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья.— ИГАИМК, вып. 106.
- Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.— МИА, № 5.
- Третьяков П. Н., 1948. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары.
- Третьяков П. Н., 1953. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н., 1961. Абашевская культура.— In: Památky archeologické, ročník LII, číslo 2.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Л.
- Третьяков П. Н., 1975. Землянка бронзового века в Среднем Подесенье.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Трофимова Т. А., 1949. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры.— СЭ, № 3.
- Трубникова Н. В., 1960. Отчет о работе второго отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г.— Уч. зап. Чуваш. НИИ, т. XIX. Чебоксары.
- Туремнов С. И., 1960. Археологические находки в торфяниковых отложениях и датировка возраста торфяных отложений.— Труды Московского общества испытателей природы, т. 3.
- Туремнов С. И., 1962. Сохранность пыльцы в торфяниковых и озерных отложениях голоцена.— В кн.: К первой международной палинологической конференции. Доклады советских палинологов. М.
- Уваров А. С., 1881. Археология России. Каменный период. Т. 1—2. М.
- Уманский А. П., Демин М. А., 1983. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае.— В кн.: Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Урбан Ю. Н., 1969. Работы на севере Калининской области.— АО 1968 г. М.
- Урбан Ю. Н., 1970. Работы Калининского отряда Верхневолжской экспедиции.— АО 1969 г. М.
- Урбан Ю. Н., 1971. Исследование неолитических памятников в Калининской области.— АО 1970 г. М.
- Фоломеев Б. А., 1974. Жилища стоянки Фефелов Бор I.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.
- Фоломеев Б. А., 1975. Тюков Городок.— СА, № 1.
- Фосс М. Е., 1938. Погребения на стоянке Кубенино.— ТГИМ, вып. VIII.
- Фосс М. Е., 1940. Стоянка Кубенино.— СА, V.
- Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, № 29.
- Фосс М. Е., 1959. Неолитическая стоянка Бисерово озеро.— КСИИМК, вып. 75.
- Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н., 1976. Разведки в Мещере.— АО 1975 г.
- Халиков А. Х., 1953. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье.— КСИИМК, вып. 50.
- Халиков А. Х., 1959. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье.— СА, № 2.
- Халиков А. Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— Тр. Мар. АЭ, т. 1. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— МИА, № 97.
- Халиков А. Х., Халикова Е. А., 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы.— МИА, № 110.
- Халиков А. Х., 1964. Балаповские памятники в Татарии.— КСИА, вып. 97.
- Халиков А. Х., 1965. Новомордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен).— МИА, № 130.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган. Абашевский человек.— Тр. Мар. АЭ, т. III. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1966. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы.— Автореф. докт. дисс. Казань.
- Халиков А. Х., 1967. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь.
- Халиков А. Х., 1968. Приказанская культура.— СА, № 2.
- Халиков А. Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Халиков А. Х., 1976. Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Халиков А. Х., 1977а. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII—VI вв. до н. э. М.
- Халиков А. Х., 1977б. Пятый Новомордовский могильник.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Халиков А. Х., 1980. Приказанская культура.— САИ, вып. В1-24.
- Халикова Е. А., 1967. Второй Полянский могильник.— Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь.
- Хлобыстин Л. П., 1973. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы.— МИА, № 179.
- Худяков М. Г., 1935. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области.— ИГАИМЕ, вып. 141.
- Цветкова И. К., 1947. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником.— КСИИМК, вып. XVII.
- Цветкова И. К., 1948. Стоянка Володары (По материалам раскопок 1946 г.).— КСИИМК, вып. XX.
- Цветкова И. К., 1953. Волосовские неолитические племена.— ТГИМ, вып. XXII.
- Цветкова И. К., 1957. Волосовский клад.— ТГИМ, вып. XXIII.
- Цветкова И. К., 1958. Неолитические жилища на стоянке Володары.— СА, № 2.
- Цветкова И. К., 1959. Стоянка Черная Гора.— КСИИМК, вып. 75.
- Цветкова И. К., 1960. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского.— ТГИМ, вып. XXXVII.
- Цветкова И. К., 1961а. Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, № 2.
- Цветкова И. К., 1961б. Неолитические поселения в бассейне Белого озера.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.
- Цветкова И. К., 1965. Неолитические погребения на стоянке Ибердус I.— ТГИМ, вып. 40.
- Цветкова И. К., 1969а. Раскопки на Черной Горе.— АО 1968 г. М.
- Цветкова И. К., 1969б. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М.
- Цветкова И. К., 1969в. Погребения поздняяковской культуры на Черной Горе.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Цветкова И. К., 1970. Племена рязанской культуры.— ТГИМ, вып. 44.
- Цветкова И. К., 1975. Ритуальные «клады» стоянки Володары.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Цветкова И. К., 1980. Погребение на стоянке Владыченская-Береговая.— ТГИМ, вып. 51.
- Цветкова И. К., 1985. Раскопки Волосовской стоянки.— АО 1983 г. М.

- Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. М.
- Чередниченко Н., 1976. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Чернецов В. Н., 1971. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. В4-12. М.
- Черников С. С., 1949. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- Черников С. С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88.
- Черных Е. П., 1963. Спектральные исследования медных изделий из могильников балаповского и фатьяновского типов.— В кн.: Бадер О. П. Балаповский могильник. М.
- Черных Е. П., 1964. О металле абашевской культуры.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Черных Е. П., 1965. Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада.— СА, № 1.
- Черных Е. П., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е. П., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, № 172.
- Черных Е. П., 1971. Металл доńskiego варианта абашевской культуры.— В кн.: Прыгин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Черных Е. П., 1972. История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Автореф. докт. дисс. М.
- Черных Е. П., 1976. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.
- Черных Е. П., Кузьминых С. В., 1977. О химическом составе металла в волосовских поселениях Верхнего и Среднего Поволжья.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.
- Черных Е. П., 1978а. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Черных Е. П., 1978б. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, № 4.
- Членова Н. Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи.— МИА, № 182.
- Членова Н. Л., 1976. Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Членова Н. Л., 1977. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурой?— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Членова Н. Л., 1981. Связи культур западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Чуев С. А., 1903. Результаты раскопок, произведенных в Брянском уезде Орловской губернии летом 1901 г. членом Орловской архивной комиссии С. А. Чуевым.— Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1901—1902 гг. Орел.
- Шилов В. П., 1961. К вопросу о происхождении ананьинской культуры.— В кн.: Исследования по археологии СССР. М.
- Шмидт А. В., 1933. О хронологии доклассового общества.— В кн.: Проблемы истории культуры, вып. 7-8. М.
- Шмидт А. В., 1935. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового строя.— ИГАИМК, вып. 106.
- Шмидт Е. А., Заверняев Ф. М., 1959. Археологические памятники бассейна Верхней Десны.— МИСО, вып. III.
- Шмидт Е. А., 1961. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тыс. до н. э.— МИСО, вып. IV.
- Шмидт Е. А., 1974. О некоторых находках бронзового века в верховьях Днепра.— МИСО, вып. VIII.
- Штерн Э. Р., 1914. Бессарабская находка древностей в 1912 г.— МАР, 34.
- Штуkenберг А. А., Высоцкий Н. Ф., 1885. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии.— Тр. Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XIV, вып. 5. Казань.
- Штуkenберг А. А., 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России.— ИОАИЭ, т. XVII, вып. 4. Казань.
- Шрамко Б. А., 1954. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца.— КСИИМК, вып. 54.
- Шрамко Б. А., 1957. Новые памятники предскифского периода на Северном Донце.— КСИИМК, вып. 67.
- Шумилова Л. В., 1962. Ботаническая география Сибири. Томск.
- Янитс Л. Ю., 1952. Поздне-неолитические могильники в Эстонской ССР.— КСИИМК, вып. 42.
- Янитс Л. Ю., 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Янитс Л. Ю., 1957. Новые данные по неолиту Прибалтики.— СА, XIX.
- Янитс Л. Ю., 1959а. Неолитическое поселение Валма.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Янитс Л. Ю., 1959б. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин.
- Aberg N., 1937. Kulturmotsättningar i Danmarka stenalder. Stockholm.
- Äyräpää A., 1933. Über die Streitaxtkulturen in Russland.— Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. VIII.
- Äyräpää A., 1952. Estnische Bootäxte.— AA, 23.
- Bader T., 1978. Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei: Cultura pretracică și tracă. București.
- Bagušienė O., Rimantienė R., 1974. Akmeniniai gludinti dirbiniai.— Lietuvos TSR archeologijos atlasas. I. Vilnius.
- Bahder O. N., 1929. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA.
- Bahder O. N., 1957. Kulturen der Bronzezeit im Zentralrussland.— SMYA, 59.
- Balodis Fr., 1938. Senākia laiki. Latviešu senvēsture.— Latviešu vēsture. Fr. Baloža un A. Tentela red. Rīga.
- Bernjakovic K., 1960. Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales.— SA, 8.
- Brondsted J., 1960. Nordische Vorzeit. Band 1. Neumünster.
- Buchholtz A., Spreckelsen A., 1914. Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands von den Anfängen bis 1913.— In: Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Berlin.
- Budinský-Krička V., 1967. Východoslovenské mohili. SA, 2.— Bukowski Z., 1959—1960. Lużyckie osiedle obronne w Sobieju-chach pow Znin.— Wiadomości Archeologiczne, 26, 3—4.
- Coudrjanzew P. P., 1893. Le vestige de l'homme préhistorique de l'âge de pierre près du village des Volosovo.— Congrès intern. 2-eme session à Moscou.
- Edgren T., 1967. Einige neue Fund von kammkeramische Vögelbildern und Tierskulpturen aus Ton.— FM, 74.
- Edgren T., 1970. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland.— SMYA, 72.
- Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg.
- Forssander J. E., 1933. Die Schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen. Lund.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
- Gimbutas M., 1955. Borodino, Seima and their Contemporaries.— Proc. of the Prehistoric Society, v. XXII. Cambridge.
- Gimbutas M., 1956. The prehistory of Eastern Europe. I. Cambridge (Mass).
- Gimbutas M., 1965. Bronze age cultures in Central and Eastern Europe. Paris-London.
- Girininkas A., 1977a. Sārneles vēlyvojo neolito (III tūkstantm. pr. m. e. pab.) gyvenvietē. (Шарняльское поселение позднего неолита. III тыс. до н. э.)— MAD, A 1(58).
- Girininkas A., 1977b. Siaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai (1. Jaros I neolito (III tūkstantm. pr. m. e.) gyvenvietē). (Памятники каменного века северо-восточной Литвы. Ярайское I поселение неолита. III тыс. до н. э.)— MAD, A 4(61).
- Glob P. V., 1945. Studier over den jyske Enkelgravkultur.— In: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1944. København.
- Graudonis J., 1961. Reznū kapulauks.— AE, 3.
- Graudonis J., 1968. Par Latvijas agro metālu perioda iedzīvotāju sakariem.— AE, 8.
- Graudonis J., Loze I., Mugurevics E., Snore E., 1968. Arheologiskie izrakumi Baltija 25 gados.— AE, 8.
- Graudonis J., 1974. Par dažiem Latvijas agro metālu perioda kaula rotadatu tipiem.— AE, 11.
- Grigalavičienė E., 1975, 1976. I tūkstantmeciū pr. m. e. Lietuvos piliakalnio kaulo dirbiniai. (1. Darbo irankiai).— MAD, A.
- Grigalavičienė E., 1979. Egliskiu pikapiai.— Lietuvos archeologija, 1. Vilnius.
- Hachmann R., 1957. Die frühe Bronzezeit im Westlichen Ostseegbiet und ihre Mittel- und Südosteuropäischen Beziehungen. Hamburg.

- Hüttel H.-G., 1981. Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropas.— PBF, XVI, 2.
- Indreko R., 1938. Ein Hockergrab in Ardu, Ksp. Kose.— Opetatud Eesti Seltsi Toimetustest, XXX. Tartu.
- Indreko R., 1939. Asva linnus-asula.— In: Muistse Eesti linnused. Tartu.
- Jaaniits L., 1965. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland.— FM, LXXII.
- Jaaniits L., 1966. Venekirveste kultuuri asulatest Eestis. (О поселениях культуры ладьевидных топоров в Эстонии)— В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин.
- Jaaniits L., 1971. Über die estnischen Bootäxte von Karlova-Typus.— FM, 78.
- Jaaniits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E., 1982. Eesti esiajalugu. Tallin.
- Jablonskyte-Rimantienė R., 1965. Radikiu (Kauno raj.) akmens amžiaus stovyklos.— MAD, A, 1(18).
- Jankovich J., 1931. Podkarpatskà Rus v prehistorii. Mukacevo.
- Joki A., 1973. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen.— MSFOu, N 151.
- Jovaisa E., 1978. Raudonenu, kapinytas.— Archeologiniai tyrimai Lietuvoje 1974, 1975 metais. Vilnius.
- Kalicz N., 1960. A későbronzkori felsőszöcsi csoport leletei és kronologiai helyzete.— Archeologiai éretesítő, 3. Budapest.
- Kalicz N., 1968. Die Frühbronzezeit in Nord-Ost Ungarn. Budapest.
- Kilian K., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn.
- Kivikoski E., 1967. Finland. London.
- Kossina C., 1928. Ursprung und Verberifund der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig.
- Kostrzewski J., 1958. Kultura lużycka na Pomorzu. Poznań.
- Kruse Fr., 1842. Necrolivonica oder Alterthumer Liv-, Esth- und Curlands zur Einführung der Christlichen Religion in der Kaiserlich Russischen Ostsee.— Gouvernements. Dorpat—Leipzig.
- Kulikauskas P., Kulikausiene R., Tautavicius A., 1961. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
- Lang V., 1983. Ein neues Steischiffsgrab in Nordestland.— Изв. АН ЭССР, серия общ. наук, 32.
- Lehoczký T., 1892, 1912. Adatok hazánk archeológiajához különös tekintettel Begermegyere és környékére, t. I—II. Munkács.
- Lozé I., 1968. Jauns neolīta laikmeta kapulauks Austrumlatvijā (Zus: Neues neolithisches Gräberfeld in Ostlettland).— ZAV, N 4.
- Lozé I., 1975. Neolithic amber Ornaments in the Eastern Part of Latvia.— Przeglad Archeologiczny, v. 23.
- Lozé I., 1978. Neolīta celtnu vietās Austrumbaltijā. (Жилища эпохи неолита Восточной Прибалтики)— AE, 12.
- Lõugas V., 1970. Sõrve laevkalmed.— In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.
- Luchtanas A., 1981. Zalvario apdirbimas ankstyvuosiuose ritu Lietuvos piliakalniuose.— Lietuvos archeologija, 2. Vilnius.
- Meinander C. F., 1954. Die Bronzezeit in Finnland.— SMYA, 54.
- Mozsolics A., 1967. Bronzefunde des Karpatenbeckens, Budapest.
- Mozsolics A., 1973. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest.
- Oancea A., 1976. Brauches de mors an corps en forme de disque.— In: Thraco-Dacica. Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès Intern. de Thracologie. București.
- Ozols J., 1962. Ursprung und Herkunft der Zentralrussischen Fatianowokultur. Berlin.
- Puzinas J., 1933. Bronzos amžius Lietuvoje.— Lietuviškoji enciklopedija, t. LV, Vilnius.
- Puzinas J., 1938. Naujausiu proistoriniu tyrinėjimu duomenys.— Kaunas.
- Rimantienė R., 1974. Akmens amžiaus paminklai.— Lietuvos TSR archeologijos atlasas. I. Vilnius.
- Rimantienė R., 1980. Sventoji. Pamarių kultūros gyvenvietės. Vilnius.
- Scherbring C., 1880. Gräber bei Schlaszen an der russischen Grenze. Kr. Memel.— Sb. Prussia, Bd. 6.
- Schmidt A., 1927. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama.— FUF, Anzeiger, Bd. XVIII, H. 1—3, Helsingfors.
- Smoline V., 1927. La nécropole d'Abachevo.— ESA, 1.
- Stenberger M., 1977. Vorgeschichte Schwedens. Berlin.
- Snore E., 1936. Izrakumi Doles pagasta Klanģu pilskalnā.— SM, Sturms Ed., 1927. Akmenslaikmets Latvija. II. Savrupatradumi un kultūras raksturojums. Riga.
- Sturms Ed., 1931a. Ein steinzeitlicher Wohnplatz am Zebrus-See in Kurzeme.— In: Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. 19—23. VIII 1930. Riga.
- Sturms E., 1931b. Die bronzezeitlichen Funde in Lettland.— In: Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. 19—23. VIII 1930. Riga.
- Sturms E., 1935. Die Kulturbeziehungen Estlands in der Bronze- und frühen Eisenzeit.— In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estn. Gesellschaft. Tartu.
- Sturms E., 1936a. Primās bronzas laikmeta kapenes Latvijā.— SM, 1.
- Sturms Ed., 1936b. Akmens laikmeta atradumi Riga.— SM, 3.
- Sturms E., 1936c. Latvijas akmens laikmeta materiāli, I.— Latviešu aizvēstures materiāli, II Riga.
- Sturms E., 1936d. Die ältere Bronzezeit in Ostbaltikum.— Vorgeschichtliche Forschungen, 10. Berlin.
- Sturms Ed., 1937. Neolita apmetnes Dundagas Purciemā.— SM, 1.
- Sturms Ed., 1946. Die erste schnurkeramische Siedlung in Lettland.— In: Contributions of Baltic University. Hamburg, N 17.
- Sturms Ed., 1970. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Boon.
- Suliminski T., 1933. Die schnurkeramischen Kulturen und die indoeuropäischen Kulturen und die indoeuropäischen Problem.— Congress Intern. des Science Historiques, v. 1. Warszawa.
- Suliminski T., 1956. Thuringian amphore.— Proc. of the Prehistoric Society for 1955, new ser., v. XXI.
- Szova P., 1943. Ungvar öskora. Ingvár.
- Szukiewicz W., 1921. Cmentarzysko szkieletowe w Lankiszkach.— Przeglad Archeologiczny, 2.
- Tallgren A. M., 1911, 1919. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. Bd. I—II. Helsingfors.
- Tallgren A. M., 1915. Ett viktigt fornfynd från mellersta Rysland.— Särtryck ur Finskt Museum.
- Tallgren A. M., 1919. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale.— SMYA, XXXI. Helsinki.
- Tallgren A. M., 1922. Zur Archäologie Eestis, I.— Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, Bd III-6, Dorpat.
- Tallgren A. M., 1925. Neues über Russische Archäologie.— FUF, Anzeiger, Bd. XVII, Heft 1—3, Helsingfors.
- Tallgren A. M., 1926. Le Pontide preseptique après d'introduction des métaux— ESA, 11.
- Tallgren A. M., 1931. Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit.— MAGW. Bd. 61.
- Tyszkiewicz E., 1850. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotow sztuki i rzemiosl i t. d. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej.— Wilno.
- Urbanek H., 1941. Die Frühen Flachgräberfeldern Ostpreussens.— Schriften der Albertus Universität, Geistwissenschaftliche Reihe, 33. Königsberg (Pr.)— Berlin.
- Vankina L., 1962. Kalniešu pirmais kapulauks.— Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti. Archeologija Rīga.
- Vassar A., 1939. Iru Linnapäre.— In: Muistse Eesti linnused. Tartu.
- Vladar J., 1973. Osteuropäische und Mediterrane Einflüsse in Gebiet der Slawakei während der Bronzezeit.— SA, XXI, 2.
- Zagorskis F., 1961. Kreiču neolīta kapulauks.— AE, 3.
- Zagorskis F., 1963. Kreiču neolīta apmetne.— ZAV, N 4.
- Zagorskis F., 1974. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija.— AE, 11.
- Zarina A., 1982. Atradumi nocietinātā apmetne Lielvārdes Dievukalnā.— ZAV, N 5(418).
- Zatlukāl J., Zatlukāl E., 1937. Adatok Podkarpatska Rusz praehistoriajához. Munkács.

Библиография к части второй

- Абрамова З. А., 1961. Палеолитическое искусство на территории СССР.— САИ, вып. А4-3. М.
- Авдеев А. Д., 1957. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам.— МАЭ, т. 17.
- Авдеев А. Д., 1959. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. М.; Л.
- Александров А. В., Аругюнов С. А., Бродянский Д. Л., 1982. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток.

- Алексеев В. П., Мамонова Н. Н.*, 1979. К палеоантропологии эпохи неолита верховьев Лены.— СЭ, № 5.
- Алексеевко Е. А.*, 1960. Культ медведя у кетов.— СЭ, № 4.
- Андреев Г. И.*, 1964. Исследования в бухте Валентин.— КСИА, вып. 97.
- Андреева Ж. В.*, 1970. Древнее Приморье. М.
- Андреева Ж. В.*, 1977. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. М.
- Андреева Ж. В., Гарковик А. В.*, 1979. Раскопки на поселении Синие Скалы.— АО 1978 г. М.
- Андреева Ж. В., Конькова Л. В.*, 1978. Десятый полевой сезон на поселении Синие Скалы.— АО 1977 г.
- Анисимов А. Ф.*, 1949. Представления эвенков о «щингкэпах» и проблема происхождения первобытной религии.— МАЭ, т. 12.
- Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. В., Романова Е. Н., Руденко С. И.*, 1961. Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста.— В кн.: Работы лаборатории Института археологии АН СССР. М.
- Бадер О. Н.*, 1961. Поселения турбинского типа в Прикамье.— МИА, 99.
- Бадер О. Н.*, 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.
- Бадер О. Н.*, 1970а. Неолит Урала.— МИА. 166.
- Бадер О. Н.*, 1970б. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О. Н.*, 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Бадер О. Н.*, 1974. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. Вильнюс.
- Базрушин С. В.*, 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках.— Изв. научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. Л., вып. 3.
- Беккер Э. А.*, 1970. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера.— Языки и топонимия Сибири. Томск, № 2.
- Белокобыльский Ю. Г., Матющенко В. И.*, 1969. Исследования ранних памятников у д. Могильники Кожевниковского района Томской обл.— ИИС. Томск, вып. 2.
- Бельтикова Г. В.*, 1982. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников.— В кн.: Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Берс Е. М.*, 1960. Памятники и керамика гамаюнской культуры.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск.
- Берс Е. М.*, 1974. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куом.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Бобров В. В.*, 1976. Художественные и стилистические особенности в скифо-сибирском искусстве звериного стиля.— Изв. Лаборатории археологических исследований Кемеровского университета. Кемерово, вып. 7.
- Богораз-Тан В. Г.*, 1926. Миф об умирающем и воскресающем звере.— В кн.: Художественный фольклор, т. 1. М.
- Борзунов В. А.*, 1977. Исследование городищ эпохи раннего железа на реках Багаряк и Синаре.— АО 1976 г. М.
- Борзунов В. А.*, 1978. Раскопки Зотинских городищ на р. Багаряк.— АО 1977 г. М.
- Борзунов В. А.*, 1982. Гамаюнская культура (основные характеристики).— В кн.: Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Бородкин Ю. М.*, 1976. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьковского могильника.— Изв. Лаборатории археологических исследований Кемеровского университета. Кемерово, вып. 7.
- Бродянский Д. Л.*, 1964. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.)— Автореф. канд. дис. Новосибирск.
- Бродянский Д. Л.*, 1973. Неолит и бронзовый век Приморья в свете ретроспективного метода.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Бродянский Д. Л.*, 1974. К истории заселения и хозяйственного освоения Южного Приморья в голоцене.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. Вильнюс.
- Бродянский Д. Л.*, 1975. Приморско-маньчжурская археологическая провинция в IV—I тысячелетиях до н. э.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
- Бродянский Д. Л.*, 1978. Еще одна область неолитического искусства на Дальнем Востоке.— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск.
- Бродянский Д. Л.*, 1983. Произведения искусства в синегайской культуре.— В кн.: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.
- Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981.
- Брюсов А. Я.*, 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Бубрих Д. В.*, 1948. К вопросу о соотношениях между самодийскими и финно-угорскими языками.— Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, т. VII, вып. 6.
- Вадецкая Э. Б.*, 1967. Древние идолы Енисея. Л.
- Вадецкая Э. Б.*, 1969. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений.— СА, № 1.
- Вадецкая Э. Б.*, 1980. Изваяния окуневской культуры. Л.
- Василевич Г. М.*, 1969. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). М.
- Василевич Г. М.*, 1948. О культе медведя у эвенков.— Сб. МАЭ, 1971, т. 27.
- Васильев Б. А.* Медвежий праздник.— СЭ, № 4.
- Васильев В. И.*, 1962. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров.— ТИЭ, т. 78.
- Васильев В. И.*, 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.
- Васильев Е. А.*, 1978. Работы в Нижнем Приобье.— АО 1977 г. М.
- Васильев Е. А.*, 1981. Исследования в таежном Приобье.— АО 1980 г. М.
- Васильев Е. А.*, 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.
- Васильев Е. А.*, 1983. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы.— В кн.: Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Васильевский Р. С.*, 1971. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск.
- Викторов В. П., Борзунов В. А.*, 1974. Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше.— ИИС. Томск, вып. 15.
- Викторова В. Д.*, 1968. Сосновый Остров— стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья.— СА, № 4.
- Викторова В. Д.*, 1976. Раскопки жилищ по берегам Андреевского озера.— АО 1975 г. М.
- Викторова В. Д., Юрская В. Т.*, 1975. Работы Тюменского отряда.— АО 1974 г. М.
- Воскресенский С. С., Логинова И. Э., Мазова Ю. В.*, 1970. Природа Амуро-Зейской равнины в неогене и плейстоцене.— Изв. ВГО, № 4.
- Врангель Ф.*, 1841. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г., ч. I, П. СПб.
- Гарковик А. В.*, 1973. Поселение с гротами у подножья Синих Скал.— В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток.
- Гарковик А. В.*, 1980. Исследования на Валентин-перешейке.— АО 1979 г. М.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.*, 1969. Поселение Кокуй I.— ВАУ. Свердловск, вып. 8.
- Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондрагеев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.*, 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В.*, 1969а. Логиновское городище.— ВАУ. Свердловск, вып. 8.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В.*, 1969б. Старо-Масляное поселение.— ВАУ. Свердловск, вып. 8.
- Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.*, 1973. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье 1.— ИИС. Томск, вып. 5.
- Генинг В. Ф., Стефанова Н. К.*, 1982. Черноозерье IV— поселение кротовской культуры.— В кн.: Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.
- Герасимов М. М.*, 1941. Реки Селенга и Белая.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936. М.; Л.
- Герасимов М. М.*, 1944. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.— МИА, 2.
- Герасимов М. М., Черныш Е. Н.*, 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.
- Глуская З. К.*, 1963. Новое в искусстве неолита на Енисее.—

- В кн.: *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края*. Красноярск.
- Глушинский П. И., Хлобыстин Л. П.*, 1966. Буолкалах — новая стоянка древнего человека на Крайнем Севере Сибири.— *Древняя Сибирь*. Новосибирск, вып. 2.
- Голдина Р. Д.*, 1969. Городище Кучум-Гора.— В АУ. Свердловск, вып. 8.
- Городцов В. А.*, 1916. Культура бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Исторического музея за 1914 г. М.
- Горюнова О. И.*, 1974. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II.— В кн.: *Древняя история народов юга Восточной Сибири*. Иркутск, вып. 2.
- Готман И. И.*, 1961. Древний череп с Чукотки.— В кн.: *Записки Чукотского краеведческого музея*. Магадан, вып. II.
- Грачева Г. Н.*, 1981. Культурный комплекс иганасан.— МАЭ, 35.
- Григорьева Е. Н.*, 1956. О повторяемости высоких весенних разливов на реках Туре, Тоболе, Иртыше с 1931 по 1950 г.— Изв. АН СССР, серия геогр., № 1.
- Гришин Ю. С.*, 1965. Стоянка Будулан в Восточном Забайкалье.— МИА, 130.
- Гришин Ю. С.*, 1975. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.
- Гришин Ю. С.*, 1931. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.
- Грязнов М. П.*, 1956а. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— МИА, 48.
- Грязнов М. П.*, 1956б. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, вып. 64.
- Гурина Н. Н.*, 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических племен.— КСИА, 131.
- Деревянко А. П.*, 1969. Проблема бронзового века на Дальнем Востоке.— Изв. СО АН СССР, серия обществ. наук, № 6, вып. 2.
- Деревянко А. П.*, 1973. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск.
- Деревянко А. П.*, 1976. Приамурье. I тысячелетие до н. э. Новосибирск.
- Диков Н. Н.*, 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
- Диков Н. Н.*, 1971. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пеггымеля). М.
- Диков Н. Н.*, 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.
- Диков Н. Н., Бродянский Д. Л., Дьяков В. И.* 1983. Древние культуры Тихоокеанского побережья СССР. Владивосток.
- Дмитриев П. А.*, 1928. Липчинская неометаллическая стоянка.— ТСА РАНИОН, вып. II.
- Дмитриев П. А.*, 1948. Жертвенные камни Зауралья.— КСИИМК, вып. IX.
- Дмитриев П. А.*, 1951а. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы.— МИА, 21.
- Дмитриев П. А.*, 1951б. Шигирская культура на восточном склоне Урала.— МИА, 21.
- Долгих Б. О.*, 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ, т. 55.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. И.*, 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии.— В кн.: *Проблемы абсолютного датирования в археологии*. М.
- Дроздов Н. И.*, 1974. Кодинское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта.— В кн.: *Древняя история народов юга Восточной Сибири*. Иркутск, вып. 1.
- Дрябина Л. А., Кругских Н. А., Шорин А. Ф.*, 1977. Раскопки на островах Аргазии.— АО 1976 г. М.
- Дрябина Л. А., Жилина И. В., Кругских Н. А., Шорин А. Ф.*, 1978. Исследование черкаскульских могильников в Челябинской обл.— АО 1977 г. М.
- Дульзон А. П.*, 1952. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории.— В кн.: *Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири*. Томск.
- Дульзон А. П.*, 1961. Дорусское население Западной Сибири.— В кн.: *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск.
- Дульзон А. П.*, 1966. Землянка эпохи бронзы на Средней Оби.— Ученые записки ТГУ, № 60.
- Дьяков В. И.*, 1979а. История исследования на среднем Сихотэ-Алине в 1972—1976 гг.— В кн.: *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск.
- Дьяков В. И.*, 1979б. История исследования и историография археологических памятников Северо-Восточного Приморья.— В кн.: *Сибирь в древности*. Новосибирск.
- Дьяков В. И., Дьякова О. В.*, 1976. Раскопки в Северном Приморье.— АО 1975 г. М.
- Дьяков В. И., Дьякова О. В.*, 1977. Древнее поселение на мысе Страшном в Приморье.— СА, № 2.
- Дьяков В. И., Семениченко Л. Е.*, 1979. Нижний слой поселения Круглая Долина в Приморье (К вопросу о распространении лидовской культуры).— В кн.: *Сибирь в древности*. Новосибирск.
- Дэвлет М. А.*, 1976. Петроглифы Улуг-Хема. М.
- Дэвлет М. А.*, 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.
- Евдокимов В. В., Стефанов В. И.*, 1980. Поселение Прорва.— В кн.: *Археология Прииртышья*. Томск.
- Евдокимова Г. В.*, 1973. К вопросу о молчановской культуре.— ИИС. Томск, вып. 7.
- Елькина М. В.*, 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье.— В кн.: *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири*. Свердловск.
- Збруева А. В.*, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30.
- Зданович Г. Б.*, 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской обл.— В АУ. Свердловск, вып. 12.
- Зданович Г. Б.*, 1975. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Поишимья.— Автореф. канд. дис. М.
- Зданович Г. Б., Мошинская В. И.*, 1973. Об антропоморфном изображении из Прииртышья.— В кн.: *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М.
- Зданович С. Я.*, 1979. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.
- Земцов А. А.*, 1976. Геоморфология Западно-Сибирской равнины (северная и центральная части). Томск.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.*, 1974. Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур.— *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. 1(5). Тарту.
- Иванов С. В.*, 1937. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура.— В кн.: *Памяти В. Г. Богораз*. М.; Л.
- Иванов С. В.*, 1954. *Материалы по изобразительному искусству Сибири XIX — начала XX в.* — ТИЭ, вып. XXII
- Иванов С. В.*, 1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.
- Иванов С. В.*, 1975. Маски народов Сибири. Л.
- Ивашина Л. Г.*, 1976. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— Автореф. канд. дис. М.
- Ивашина Л. Г.*, 1979. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск.
- История Сибири*, т. 1. Новосибирск, 1968.
- Итина М. А.*, 1977. *История степных племен Южного Приамурья (II — начало I тысячелетия до н. э.)*. М.
- Кипарисова Н. П.*, 1960. О культурах лесного Зауралья.— СА, № 2.
- Кириллов И. И.*, 1969. Каменный век Восточного Забайкалья.— Автореф. канд. дис. Новосибирск.
- Кириллов И. И.*, 1970. Древние памятники Ингоды.— *Древняя Сибирь*. Новосибирск, вып. 3.
- Кириллов И. И.*, 1979. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск.
- Кириллов И. И.*, 1981. Восточное Забайкалье в древности.— Автореф. докт. дисс. Новосибирск.
- Кириллов И. И., Рижский М. И.*, 1973. *Очерки древней истории Забайкалья*. Чита.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 1972. Археологические работы в Среднем Приобье.— АО 1971 г. М.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 1976. Бронзовый век Васюганья.— Автореф. канд. дис. М.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 1983. Изображения птиц и животных на керамической посуде из южнотаежного Приобья.— В кн.: *Пластика и рисунки древних культур*. Новосибирск.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.*, 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.
- Киселев С. В.*, *Древняя история Южной Сибири*.— МИА, 9.
- Киселев С. В.*, 1960. Неолит и бронзовый век Китая.— СА, № 4.
- Ковалева В. Т.*, 1977. Энеолитическое поселение на Андреевском озере.— В кн.: *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири*. Свердловск.
- Ковалева В. Т.*, 1979а. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку.— Автореф. канд. дис. М.

- Ковалева В. Т.*, 1979б. Андреевская группа памятников в Нижнем Приобье.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.*, 1976. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.*, 1977. Новые памятники на оз. Андреевском.— АО 1976 г. М.
- Ковалева В. Т., Сериков Ю. Б.*, 1982. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени.— В кн.: Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.
- Кожин П. М.*, 1981. О каменных изваяниях Хакасско-Минусинских степей.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск.
- Комарова М. Н.*, 1952. Томский могильник—памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 24.
- Комарова М. Н.*, 1956. Неолит Верхнего Приобья.— КСИИМК, вып. 64.
- Комарова М. Н.*, 1981. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Кондратьев О. М.*, 1974. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г.— ИИС. Томск, вып. 15.
- Константинов И. В.*, 1978. Ранний железный век Якутии. Новосибирск.
- Короткий А. М., Караулова Л. П.*, 1976. Радиоуглеродный (C_{14}) контроль четвертичной стратиграфии Приморья.— В кн.: Геоморфология и четвертичная геология Дальнего Востока. Владивосток.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И.*, 1983. Поселение федорсзской культуры.— В кн.: Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Косарев М. Ф.*, 1965. О культурах андроновского времени в Западной Сибири.— СА, № 2.
- Косарев М. Ф.*, 1969. К вопросу о кулайской культуре.— КСИИМК, вып. 119.
- Косарев М. Ф.*, 1964а. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья.— СА, № 3.
- Косарев М. Ф.*, 1964б. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья.— Автореф. канд. дис. М.
- Косарев М. Ф.*, 1964в. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике.— СА, № 1.
- Косарев М. Ф.*, 1974а. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М. Ф.*, 1974б. К проблеме западносибирской культурной общности.— СА, № 3.
- Косарев М. Ф.*, 1976. Бронзовый век Западной Сибири.— Автореф. докт. дис. М.
- Косарев М. Ф.*, 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М. Ф.*, 1984. Западная Сибирь в древности. М.
- Косарев М. Ф., Потемкина Т. М.*, 1975. Поселение Ипкуль I.— СА, № 4.
- Косвен М. О.*, 1960. К вопросу о военной демократии.— ТИЭ, т. 44.
- Косинская Л. Л.*, 1974. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу.— ИИС. Томск, вып. 15.
- Крайнов Д. А.*, 1975. Ритуальный памятник Сахтышских стоянок.— Природа, № 8.
- Крайнов Д. А.*, 1981. К вопросу о происхождении волосовской культуры.— СА, № 2.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. 17.
- Крижевская Л. Я.*, 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.
- Кузьмина Е. Е.*, 1973. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников андроновского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Кулемзин В. М.*, 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов.— В кн.: Из истории шаманства. Томск.
- Кызласов Л. Р.*, 1956. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии.— КСИИМК, вып. 63.
- Ларичев В. Е.*, 1964. Неолит Забайкалья.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.
- Ларичев В. Е.*, 1978. Неолит и бронзовый век Кореи.— В кн.: Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П.*, 1985. Север Западной Сибири в эпоху бронзы.— КСИИМК, вып. 185.
- Левин М. Г.*, 1953. Древний череп с реки Шилки.— КСИЭ, вып. XVIII.
- Левин М. Г.*, 1958. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, т. XXXVI.
- Леонтьев Н. В.*, 1975. Каменные фигурные жезлы Сибири.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.
- Леонтьев Н. В.*, 1978. Антропоморфные изображения окупевской культуры.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Лескова Н. В., Федосеева С. А.*, 1975. Химический состав бронзовых изделий устьмильской культуры Якутии.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск.
- Липский А. Н.*, 1961. Новые данные по афанасьевской культуре.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Липский А. Н.*, 1970а. Енисейские изваяния. Абакан.
- Липский А. Н.*, 1970б. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
- Ложникова Г. В.*, 1972. Раскопки на Игрековом острове.— АО 1971 г. М.
- Лозе И.*, 1973. Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Любарский П.*, 192. Краткое известие о Пермских Чердынских Вогуличах, собранное Свяжского монастыря Архимандритом Платоном фамилии Любарских.— Российский Магазин. СПб., кн. 1.
- Максименков Г. А.*, 1961. Новые данные по археологии района Красноярск.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Максименков Г. А.*, 1970. Окуневская культура и ее окружение.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Мамонтова Н. Н.*, 1973. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Маннай-Оол М. Х.*, 1963. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.— Ученые записки ТНИИЯЛИ, вып. X.
- Маргулан А. Х.*, 1979. Бегазы-дандыбайская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Матющенко В. И.*, 1960. Вопросы датировки томских неолитических памятников.— Ученые записки ТГУ, № 35.
- Матющенко В. И.*, 1961. Об антропоморфных изображениях на стенках глиняных сосудов с поселения Самусь IV.— СА, № 4.
- Матющенко В. И.*, 1964. Духовная культура томских племен эпохи неолита и бронзы.— Труды ТГУ. Томск, т. 167.
- Матющенко В. И.*, 1970. Бронзовый нож из Ростовки.— КСИИМК, вып. 123.
- Матющенко В. И.*, 1973а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 1. Верхнеобская культура.— ИИС. Томск, вып. 9.
- Матющенко В. И.*, 1973б. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 2. Самусьская культура.— ИИС. Томск, вып. 10.
- Матющенко В. И.*, 1973в. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 3. Андроновская культура.— ИИС. Томск, вып. 11.
- Матющенко В. И.*, 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 4. Еловско-ирменская культура.— ИИС. Томск, вып. 12.
- Матющенко В. И.*, 1978. Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Матющенко В. И., Игольникова Л. Г.*, 1966. Поселение Еловка—памятник второго этапа бронзового века Средней Оби.— В кн.: Сибирский археологический сборник, вып. 2.
- Матющенко В. И., Ложникова Г. В.*, 1969. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска 1966—1969 гг.— ИИС. Томск, вып. 2.
- Матюшин Г. Н.*, 1970. К проблеме энеолита Южного Урала.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Матюшин Г. Н.*, 1971. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья.— КСИИМК, вып. 127.
- Матюшин Г. Н.*, 1975. О наконечниках стрел кельтемпарского типа на Урале.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Мильков Ф. Н.*, 1977. Природные зоны СССР. М.
- Миллер Г. Ф.*, 1939. История Сибири. М.; Л.

- Молодин В. И.*, 1973. Преображенка III — памятник эпохи раннего металла.— ИИС. Томск, вып. 7.
- Молодин В. И.*, 1975а. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья.— Автореф. канд. дис. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1975б. Кротовская культура и ее окружение.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1976. Об искусстве племен эпохи неолита и ранней бронзы в лесостепном Обь-Иртышье.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1979. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе.— В кн.: Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1980. Сопка 2 — могильник эпохи доандроновской бронзы в Барабинской лесостепи.— АО 1979 г. М.
- Молодин В. И.*, 1983а. Бараба в древности.— Автореф. докт. дис. Новосибирск.
- Молодин В. И.*, 1983б. Погребение литейщика из могильника Сопка 2.— В кн.: Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Раевнушкин В. Н.*, 1980. Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Молодин В. И., Зах В. А.*, 1979. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоков.— В кн.: Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Молодин В. И., Соболев В. И.*, 1983. Предметы мелкой пластики Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы).— В кн.: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.
- Мочанов Ю. А.*, 1967. Ымыяхтахская позднелинитическая культура Якутии.— В кн.: Любите и охраняйте природу Якутии. Якутск.
- Мочанов Ю. А.*, 1969. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.
- Мошинская В. И.*, 1952. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья.— КСИИМК, вып. 43.
- Мошинская В. И.*, 1953. Жилище устьполуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде.— МИА, 35.
- Мошинская В. И.*, 1957. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 58.
- Мошинская В. И.*, 1973. Об одной категории западносибирской мелкой пластики.— КСИА, вып. 136.
- Мошинская В. И.*, 1975. Некоторые новые данные к вопросу о древних контактах в уральской среде.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Мошинская В. И.*, 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мягков И. М.*, 1929. Древности Нарымского края.— Труды ТКМ. Томск, т. II.
- Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Новгородова Э. А.*, 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.
- Новицкий Гр.*, 1884. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким в 1715 г. СПб.
- Обыденнов М. Ф.*, 1976. Памятники черкасульской культуры на территории Башкирской АССР.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Обыденнов М. Ф.*, 1981. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века.— Автореф. канд. дис. М.
- Овчинников М. П.*, 1904. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска.— Изв. ВСОРГО. Иркутск, т. XXV, № 3.
- Окладников А. П.*, 1928. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии.— Северная Азия, кн. 3.
- Окладников А. П.*, 1941. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока.— КСИИМК, вып. IX.
- Окладников А. П.*, 1946. Ленские древности. Якутск, вып. 2.
- Окладников А. П.*, 1948. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири.— СА, X.
- Окладников А. П.*, 1949. История Якутии, т. 1. Якутск.
- Окладников А. П.*, 1950а. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II.— МИА, 18.
- Окладников А. П.*, 1950б. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири.— СА, XIV.
- Окладников А. П.*, 1950в. Археологические исследования в низовьях р. Селенги.— КСИИМК, вып. XXXV.
- Окладников А. П.*, 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III.— МИА, 43.
- Окладников А. П.*, 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея.— СА, № I.
- Окладников А. П.*, 1959а. Шилкинские писаницы. Иркутск.
- Окладников А. П.*, 1959б. Далекое прошлое Приморья. Владивосток.
- Окладников А. П.*, 1960а. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура.— МИА, 86.
- Окладников А. П.*, 1960б. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке.— Тезисы докладов и сообщений II научной конференции по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток.
- Окладников А. П.*, 1961. Рец. на кн.: М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, 1958, т. XXXVI.— СА, № 1.
- Окладников А. П.*, 1962. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии.— В кн.: Древний мир. М.
- Окладников А. П.*, 1964а. Олень-золотые рога. М.
- Окладников А. П.*, 1964б. Древнее поселение в бухте Пхусун.— В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1966. Петроглифы Ангары. М.; Л.
- Окладников А. П.*, 1968а. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология.— История СССР, № 6.
- Окладников А. П.*, 1968б. Лики древнего Амура. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1968в. Из предистории искусства амурских народов (Петроглифы на р. Кия, Уссур).— СА, № 4.
- Окладников А. П.*, 1969. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1971. Петроглифы нижнего Амура. Л.
- Окладников А. П.*, 1972а. Петроглифы средней Лены. Л.
- Окладников А. П.*, 1972б. Отчет о раскопках древнего поселения у с. Вознесеновского на Амуре, 1966 г.— В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1974. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1975а. Миниатюрные изваяния Минусинской степи.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.
- Окладников А. П.*, 1975б. Неолитические памятники средней Ангары. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1976. Неолитические памятники нижней Ангары. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1977. Взаимодействие древних культур Тихого океана.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Америки. М.
- Окладников А. П.*, 1978. Новые наскальные рисунки на Дубынинском-Долгом пороге.— В кн.: Древние культуры Приангарья. Новосибирск.
- Окладников А. П.*, 1979. Сибирская археология на современном этапе.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.*, 1969. Дальневосточный очаг древнего земледелия.— СЭ, № 2.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1971. Приморье и Приамурье во II тысячелетии до н. э.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири, ч. 1. Новосибирск.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.
- Окладников А. П., Дьяков В. И.*, 1979. Поселение эпохи бронзы в пади Харинской.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Окладников А. П., Кирилов И. И.*, 1980. Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
- Окладников А. П., Мазин А. И.*, 1976. Писаницы Олекмы в Верхнего Приамурья. Новосибирск.
- Окладников А. П., Мазин А. И.*, 1979. Писаницы бассейна р. Алдан. Новосибирск.
- Окладников А. П., Мартынов А. И.*, 1974. Сокровища томских писаниц. М.

- Окладников А. П., Молодин В. И., 1978. Турчакская писаница (Алтай, долина р. Бии).— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Окладников А. П., Молодин В. И., Волков И. А., 1979. Памятник у с. Малый Атлым на реке Оби.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Окладникова Е. А., 1978. Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Ошибкина С. В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Паллас П. С., 1786. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Часть вторая, половина первая. СПб.
- Панина С. Н., 1980. Экспедиция Свердловского краеведческого музея.— АО 1979 г. М.
- Панкрушев Г. А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л.
- Патканов С., 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям.— Живая Старина, вып. III, IV.
- Петри Б. Э., 1916. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада.— Сб. МАЭ, т. III.
- Петров А. И., 1978. Работы в таежном Прииртышье.— АО 1977 г. М.
- Петров А. И., 1980. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья (предварительное сообщение).— В кн.: Археология Прииртышья. Томск.
- Плетнева Л. М., 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск.
- Подольский Н. Л., 1973. О принципах датировки наскальных изображений: по поводу книги Формозова А. А. «Очерки по первобытному искусству».— СА, № 3.
- Попов С. А., 1964. Археологические находки на территории Оренбургской обл.— Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. II.
- Посредников В. А., 1973. Большеларьякское II поселение — археологический памятник Сургутского Приобья.— ИИС. Томск, вып. 5.
- Потемкина Т. М., 1975. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тоболе.— СА, № 1.
- Потемкина Т. М., 1976. Культура населения Среднего Приобья в эпоху бронзы.— Автореф. канд. дис. М.
- Потемкина Т. М., 1977. Раскопки в таежном Прииртышье.— АО 1976 г. М.
- Потемкина Т. М., 1979. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, № 2.
- Потемкина Т. М., 1984. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.
- Прокофьева Е. Д., 1961. Шаманские бубны.— В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.
- Прокофьева Е. Д., 1971. Шаманские костюмы народов Сибири.— Сб. МАЭ, вып. XXVII.
- Пяткин Б. Н., 1982. Шалаболинские петроглифы.— Автореф. канд. дис. Л.
- Радлов В. В., 1894. Сибирские древности.— Материалы по археологии России. СПб., вып. III.
- Рассадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф., 1976. Древнейшая скульптура лесного Зауралья.— СА, № 4.
- Раушенбах В. М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— Труды ГИМ, вып. 29.
- Раушенбах В. М., 1965. Женская статуэтка со стоянки Берзовый Мыс.— МИА, 180.
- Романова М. В., Сухина Л. В., 1974. Городища 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере.— ИИС. Томск, вып. 15.
- Савельев Н. А., Горюнова О. И., 1971. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище.— Изв. ВСОРГО. Иркутск, т. 68.
- Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокигин А. В., Смирнова О. Н., 1976. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачки.— Научно-теоретическая конференция Иркутского гос. университета. Иркутск.
- Савинов Д. Г., 1978. Окуневские могилы на севере Хакасии.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Сальников К. В., 1961. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 21.
- Сальников К. В., 1963. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, № 2.
- Сальников К. В., 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы.— ВАУ, Свердловск, вып. 6.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Семенов С. А., 1969. Каменные орудия эпохи раннего металла.— СА, № 2.
- Симченко Ю. Б., 1965. Тамги народов Сибири XVII в. М.
- Симченко Ю. Б., 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
- Словцов И. Я., 1887. О находках каменного периода близ Тюмени.— Зап. ЗСОРГО, Омск, кн. 7, вып. 7.
- Смирнов Н. Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья.— ВАУ. Свердловск, вып. 13.
- Советский Союз. Географическое описание. В 22 томах. Т. 5. Западная Сибирь. М., 1971.
- Старков В. Ф., 1970а. Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— СА, № 1.
- Старков В. Ф., 1970б. К вопросу о периодизации зауральского неолита.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Старков В. Ф., 1976. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Старков В. Ф., 1980а. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
- Старков В. Ф., 1980б. Новые раскопки на Горбуновском торфянике.— АО 1979 г. М.
- Старков В. Ф., Куйбышев А. В., 1975. Раскопки стоянки Шапкуль I в Тюменской обл.— АО 1974 г. М.
- Старков В. Ф., Хотинский Н. А., Алексашенко А. А., Калинина И. В., 1979. Раскопки на Горбуновском торфянике.— АО 1978 г. М.
- Стефанов В. И., 1974. Поселения эпохи бронзы в Среднем Прииртышье.— ИИС. Томск, вып. 15.
- Стефанов В. И., 1977. Исследования в Среднем Прииртышье.— АО 1976 г. М.
- Стефанов В. И., 1980. Исследование андроновских поселений в Тюменской обл.— АО 1979 г. М.
- Стоколос В. С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- Стоянов В. Е., 1969. Ранний железный век западносибирской лесостепи.— Автореф. канд. дис. М.
- Студцицкая С. В., 1966. Фигурный молот из Карелии.— Труды ГИМ, вып. 40.
- Студцицкая С. В., 1969а. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М.
- Студцицкая С. В., 1969б. Бронзовый кинжал из собрания ГИМ.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Студцицкая С. В., 1970. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика).— СА, № 1.
- Студцицкая С. В., 1973. Искусство енисейских племен в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Студцицкая С. В., 1976. Соотношение производственных и культурных функций сибирских неолитических изображений рыб.— ИИС. Томск, вып. 21.
- Студцицкая С. В., 1978. Изображения человека на сосудах из Приморья и Восточной Сибири.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск.
- Студцицкая С. В., 1981. Скульптура эпохи ранней бронзы на верхней Ангаре.— В кн.: Бронзовый век Приангарья. Иркутск.
- Ступина Н. М., 1965. Западно-Сибирская лесостепь.— Автореф. канд. дис. М.
- Теплоузов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— Материалы по этнографии. Л., т. IV, вып. 2.
- Токарев С. А., 1958. Этнография народов СССР. М.
- Токарев С. А., 1964. Ранние формы религии. М.
- Толыбеков С. Е., 1971. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX в. Алма-Ата.
- Троицкая Т. Н., 1970. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Троицкая Т. Н., 1976. Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья в I тысячелетии до н. э.— V в. н. э.— ИИС. Томск, вып. 21.
- Троицкая Т. Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

- Труфанов А. Я.*, 1983. Жертвенное место Хутор Бор I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья).— В кн.: Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Федосеева С. А.*, 1970. Новые данные о бронзовом веке Якутии. Якутск.
- Федосеева С. А.*, 1980. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
- Формозов А. А.*, 1969. Очерки по первобытному искусству.— МИА, 165.
- Формозов А. А.*, 1973. Новые книги о наскальных изображениях СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.).— СА, № 3.
- Фосс М. Е.*, 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29.
- Фролов Б. А.*, 1975. Персонаж с семью лучами в наскальном искусстве.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Хайду П.*, 1953. К этногенезу венгерского народа.— Acta Linguistica. Budapest, t. 2.
- Хван Ги Дек*, 1963. О начале бронзового века в бассейне р. Туманган.— Кого Минсок, № 4.
- Хлобыстин Л. П.*, 1964а. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри).— КСИА, вып. 97.
- Хлобыстин Л. П.*, 1964б. Древние культуры побережья оз. Байкал.— Автореф. канд. дис. М.
- Хлобыстин Л. П.*, 1968. Липовая Курья—поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья.— КСИА, вып. 114.
- Хлобыстин Л. П.*, 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Хлобыстин Л. П.*, 1976. Поселение Липовая Курья. Л.
- Хлобыстин Л. П.*, 1978. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири.— КСИА, вып. 153.
- Хлобыстина М. Д.*, 1971. Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири.— СА, № 1.
- Хороших П. П.*, 1960. Зооморфные изображения на неолитической керамике из Прибайкалья.— СА, № 2.
- Чалая Л. А.*, 1972. Озерные стоянки Павлодарской обл. Пеньки I, II.— В кн.: Поиски и находки в Казахстане. Алма-Ата.
- Чан Су Бу*, 1977. Поздний дзедмон Хоккайдо.— Автореф. канд. дис. Новосибирск.
- Чемакин Ю. П., Корогаев В. П.*, 1976. Многослойное городище Барсов Городок 1/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье).— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Чернецов В. Н.*, 1951. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы.— Тезисы докладов и выступлений по методологии этногенетических исследований. М.
- Чернецов В. Н.*, 1953а. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н.*, 1953б. Бронза устьполуйского времени.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н.*, 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, 58.
- Чернецов В. Н.*, 1959. Представление о душе у обских угров.— ТИЭ, т. 51.
- Чернецов В. Н.*, 1964а. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре.— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- Чернецов В. Н.*, 1964б. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. В4-12. М.
- Чернецов В. Н.*, 1971. Наскальные изображения Урала.— САИ, В4-12(2). М.
- Чернецов В. Н.*, 1973. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Черников С. С.*, 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 88.
- Черных Е. Н., Венгеров А. Б.*, 1984. Нормативная система в структуре древних обществ.— В кн.: Конференция «Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное». Тезисы докладов. М.
- Чиндина Л. А.*, 1977. Могильник Релка на средней Оби. Томск.
- Членова Н. Л.*, 1955. О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири.— СА, XXIII.
- Шнитников А. В.*, 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария.— Зап. Геогр. общества СССР, т. 16, новая серия.
- Шорин А. Ф.*, 1980. Исследование черкаскульских памятников на о-ве Актуба.— АО 1979 г. М.
- Штернберг Л. Я.*, 1936. Культ орла у сибирских народов.— В кн.: Первобытная религия. Л.
- Шумилова Л. В.*, 1962. Ботаническая география Сибири. Томск.
- Эдинг Д. Н.*, 1940. Резная скульптура Урала.— Труды ГИМ, вып. X.
- Юргенс Н. Д.*, 1885. Экспедиция к устью р. Лены с 1881 по 1885 г.— Изв. РГО, т. XI, вып. 4.
- Юрковская В. Т.*, 1973. Классификация и относительная хронология археологических памятников на Андреевском озере у г. Тюмени.— ВАУ, вып. 12. Свердловск.
- Aberle D. F.*, 1961. Matrilineal Descent in Crosscultural.— In: Matrilineal Kinship. Berkely and Los Angeles.
- Ailio J.*, 1912. Zwei Tierskulturen.— SMYA, Helsinki, XXVI.
- Arne T. I.*, 1934. Benidoler froan persien.— Excavationes et Studia, Helsinki.
- Binford L.*, 1970. Post-Pleistocene. Adaptation.— In: New Perspectives in Archaeology. Chicago.
- Gimbutas M.*, 1955. An Ancient Art of Hunters and Fishers.— Archaeology, v. 8, № 4. N. Y.
- Kivikoski E.*, 1961. Suomen historia. Part I. Porvoo-Helsinki.
- Leppäaho J.*, 1953. Eine Bährenkopfaxt aus Paltamo.— SM, 60.
- Meinander C. F.*, 1957. Die Kiukaiskulturen.— SMYA, Helsinki, 58.
- Miettinen T.*, 1964. En idol fran Hietaniemi i Luopioinen.— FM, 71.
- Murdock G. P.*, 1957. World Ethnographic Sample.— American Anthropologist, 59.
- Murdock G. P.*, 1968. The Current Status of Worlds Hunting and Gathering Peoples.— In: Man the Hunter. Chicago.
- Okladnikov A. P.*, 1964. Sur la tradition paleolithique dans l'art des tribus neolithique de la Sibirie.— VI congress intern. des sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscou.
- Savenkov I.*, 1893. Sur les restes de l'epoque néolithique.— Congrès internat. d'Archeol. et d'Anthropol. prehistoriques, II-ème session, a Moskou, 1892, t. II. Moscou.
- Tallgren A. M.*, 1915. Ett viktigt fomfind från mellesta Rusland.— FM.
- Tallgren A. M.*, 1938. Some North-Eurasian Sculptures.— ESA, Helsinki, XII.
- Toivonen J.*, 1950. Zum Problem des Protoloparischen. Helsinki.
- Won Yong Kim*, 1967. New Light on Korean Archaeology.— Asian Perspectives, v. X.

Список сокращений

- АЖ — Антропологический журнал. М.
АИ — Археологические исследования
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВСОРГО — Восточносибирский отдел Русского географического общества
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДВНЦ СО АН — Дальневосточный центр Сибирского отделения АН СССР
Древности — Труды Московского археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗСОРГО — Западносибирский отдел Русского географического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИС — Из истории Сибири
ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО — Материалы по изучению Смоленской обл. Смоленск
ОК(В)АЭ — Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М.
ОНКАЭ — Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.
ПГУ — Пермский государственный университет
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ТГУ — Томский государственный университет
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТКМ — Томский краеведческий музей
Тр. КФАН — Труды Казанского филиала АН СССР
Тр. Мар АЭ — Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЦПО — Центральная промышленная область
AA — Acta archaeologica. Kobanhavn
AE — Arheologija un etnografija. Rīga
ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki
FM — Finst Museum. Helsingfors
LA — Latvijas arhailogija. F. Baloza redakcija. Rīga, 1926
LAB — P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki
SA — Slovenska archeologia. Bratislava
SM — Senatne un Māksla. Rīga
SMYA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki

Указатель имен

- Аберле Д. Ф.** 312
Адрианов А. В. 250, 267, 279, 280, 302
Айлио Ю. 147
Акимова М. С. 78
Андреев Г. И. 351, 352
Андреева Ж. В. 351, 354
Антонович В. В. 58
Арсеньев В. К. 351
Артеменко И. И. 35, 37, 38, 41, 42, 75, 106, 107, 111, 112, 119, 129

Бадер О. Н. 11, 13, 14, 19, 25, 28–32, 63, 66, 75, 76, 78, 79, 81, 85–87, 130, 136, 139, 140, 148, 251, 252, 254, 259, 260, 275, 314
Баран В. Д. 44
Беккер Э. Г. 315
Беляшевский Н. Ф. 116
Березанская С. С. 35, 106, 107, 109, 112, 115, 118
Берс Е. М. 254, 297–299
Бинфорд Л. Р. 311
Богораз-Тан В. Г. 350, 351
Бондарь Н. Н. 35, 38
Борзунов В. А. 279, 297–299
Бранденбург Н. Е. 37, 33
Брикнер 248, 250
Бродянский Д. Л. 351–353, 362
Брюсов А. Я. 10, 11, 13, 19, 25, 27, 35, 59, 76, 147, 152
Брызга Богдан 313
Бубрих Д. В. 315, 317
Буйнов Ю. В. 116–118
Буров Г. М. 88, 155, 156
Бухвальдек М. 43
Быдловский А. 38

Вадецкая Э. Б. 320
Васильев В. И. 310
Васильев Е. А. 251, 259, 260, 269–271, 295–297
Васильев И. Б. 28
Васильевский Р. С. 344, 352
Венгеров А. Б. 429
Викторов В. П. 279
Викторова В. Д. 253
Витковский Н. И. 327
Врангель Ф. 307
Вульпе А. 115
Выборнов А. А. 28
Высоцкий Н. Ф. 139

Габяшев Р. С. 28, 31
Гаккель А. И. 250
Гардавский А. 49, 106
Гаркавик А. В. 354
Гебауэр Ф. Ю. 250
Генниг В. Ф. 136, 251, 263, 279, 281, 292, 300
Герасимов М. М. 24, 342
Гимбутас М. 35, 85, 102
Глоб П. 35, 43
Голубев В. А. 352
Городцов В. А. 10, 13, 15, 19, 20, 22, 37, 58, 66, 84, 85, 101, 131, 328
Граков Б. Н. 118, 119
Гриневич К. Э. 293
Гришин Ю. С. 328, 335, 336, 339
Грязнов М. П. 251, 287, 292–294, 302
Гурина Н. Н. 11, 147, 151, 152
Гусенцова Т. М. 28, 263

Даниленко В. Н. 35
Дебец Г. Ф. 330, 334
Денисов В. П. 28, 140, 145
Денисова Р. Я. 24, 35, 57, 71, 75
Деревянко А. П. 351, 357
Диков Н. Н. 339, 344, 352, 363
Дмитриев-Мамонов А. И. 313
Дмитриев П. А. 251, 256, 260, 261
Долгих Б. О. 307, 308
Домбровский Я. 115
Дульзон А. П. 301, 315
Дьяков В. И. 355–357
Дэвлет М. А. 359

Евдокимов В. В. 300
Евминова А. Ф. 116
Европиус А. 55
Евтюхова О. Н. 125, 130
Елькина М. В. 251, 296
Ермак 313
Ещенко Н. К. 279

Жуков Б. С. 131
Журавлев А. П. 151

Заверняев И. Ф. 112
Зайберт В. Ф. 251
Замятин С. Н. 20–22
Збруева А. В. 140

Зданович Г. Б. 251, 269, 281, 306
Зданович С. Я. 250, 305
Земляков Б. Ф. 147
Зимица М. П. 11

Иванов С. В. 318, 320, 346
Иванский Л. К. 58
Ивашина Л. Г. 328, 334, 335
Ильинская В. А. 116–118
Иностранцев А. А. 147
Исаенко В. Ф. 116
Итица М. А. 305

Калинин Н. Ф. 139
Канивец В. И. 88, 154, 156
Кастрен М. А. 317
Кащенко Н. Ф. 250
Кириллов И. И. 328, 335, 336
Кирюшин Ю. Ф. 251, 271, 272, 284, 286, 287, 309, 324
Киселев С. В. 101, 251
Клер О. Е. 250, 268
Ковалева В. Т. 250–261
Ковальчик Я. 51
Ковпаненко Г. Т. 116, 118
Козырева Р. В. 352
Комарова М. Н. 251, 266, 278, 302
Кондратьев О. М. 243, 273
Конев А. М. 86
Константинов И. В. 344
Корневский С. А. 127
Кортаев В. П. 296
Корочкова О. Н. 276–278, 281
Косарев М. Ф. 34, 85, 86, 251, 264, 272, 313, 319–321, 324
Крайнов Д. А. 11, 13, 14, 17, 35, 40, 42, 56, 57, 63, 64, 79, 80, 129, 130, 260, 315
Крашенинников С. П. 351
Кривцова-Гракова О. А. 63, 76, 130, 251
Крижевская Л. Я. 264
Крушельницкая Л. И. 45
Кузнецов А. К. 327
Кузнецов С. К. 250, 302
Кузьминых С. В. 11, 20, 136
Куратов А. А. 154
Куфтин Б. А. 131
Кухаренко Ю. В. 116

Ларичев В. Е. 339, 351
Лащук Л. П. 258, 259, 271, 287, 288, 315

* Указатели составлены А. Энговатовой.

- Лебединская Г. В. 24, 71
 Левашова В. П. 251
 Леонтьев Н. В. 319, 320, 325, 349, 359
 Лесков А. М. 116
 Либеров П. Д. 119, 125
 Ложникова Г. В. 274
 Лозе И. А. 22, 23
 Лузгин В. Е. 154
- Малахов М. В. 250
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 250
 Мамонова Н. Н. 330
 Маргулян А. Х. 305
 Маркс К. 81, 313, 427, 428
 Мартынов А. И. 325
 Матюшин Г. Н. 257, 258
 Матющенко В. И. 84, 86, 88, 251, 264–266, 272–274, 281, 284, 286, 287, 293, 294, 313, 319, 322, 323, 362
 Мерперт Н. Я. 125, 130
 Миеттинен Т. 320
 Молодин В. И. 136, 139, 263–267, 278, 281, 292, 302, 303
 Монтеллус О. 122
 Моора Х. А. 42, 54, 55–57, 75, 112
 Моруженко А. А. 118
 Мочанов Ю. А. 328, 336, 339, 344
 Мошинекая В. И. 283, 284, 291, 318, 322, 324
 Мэрдок Д. П. 312
- Наговицин Л. А. 28
 Никитин В. В. 11, 17, 25
 Новицкий Г. 309
- Обыденнов М. Ф. 290, 291
 Овчинников М. П. 327, 328, 332, 334
 Одинцова С. М. 116
 Окладников А. П. 101, 251, 318, 325, 327, 328, 330, 332–336, 338, 341, 342, 344–352, 354, 355, 357–359, 360, 362, 430
 Окладникова Е. А. 359
 Островский Н. И. 45
 Ошибкина С. В. 11, 28, 147, 260
- Паллас П. С. 308
 Панина С. Н. 319
 Пассек Т. С. 37, 38
 Петренко А. Г. 76
 Петри Б. Э. 327, 331
 Петров А. И. 262, 263, 316
 Петтерсон-Шнитников 250
 Поляков И. С. 58, 147
 Понамарев П. А. 84
 Посредников В. А. 251, 271, 272, 284, 286, 287
 Потемкина Т. М. 284, 305
 Приль Л. Н. 271
- Прокофьева Е. Д. 320
 Прокопьев Н. А. 28, 85, 87
 Пялси С. 147
- Равдоникас В. И. 147
 Раушенбах В. М. 11, 14, 25, 308, 320
 Римантене Р. К. 56
 Розенберг Г. 35
 Рыбаков Б. А. 21
 Рыбалова В. Д. 115
 Рындина Н. В. 51
 Рыжников Н. А. 250, 268
 Рябов И. М. 250
- Савватеев Ю. А. 151
 Савельев Н. А. 328
 Сальников К. В. 129, 130, 142, 251, 255, 268, 269, 282, 283, 289, 291, 297, 298, 306, 313
 Самоквасов Д. Я. 37, 38
 Сафронов В. А. 85, 101
 Свешников И. К. 35, 42–51, 106, 113–115
 Седов В. В. 57, 112, 118
 Серебренников Т. А. 57, 75
 Сериков Ю. Б. 256
 Сидоров В. В. 11
 Сямченко Ю. Б. 307
 Словцов И. Я. 250
 Смирнова Г. И. 115
 Смолин В. Ф. 124
 Сосновский Г. П. 327
 Спицин А. А. 37, 85, 131, 430
 Станиловский А. М. 341
 Старков В. Ф. 253, 254, 257, 258, 283, 322
 Степанов П. Д. 76
 Стефанов В. И. 251, 276–278, 281, 300
 Стефанова Н. К. 251
 Стоколос В. С. 34, 155, 283, 289
 Струве К. 35, 43
 Студзицкая С. В. 25
- Тальгрэн А. М. 84, 85
 Телегин Д. Я. 42, 116
 Теплоухов С. А. 251
 Тереножкин А. И. 116, 118
 Тихонов Б. Г. 127, 275
 Толмачев В. Я. 250
 Толстов С. П. 66
 Топоров В. Н. 112
 Третьяков В. П. 17
 Третьяков П. Н. 11–13, 25, 35, 42, 59, 66, 76, 81, 112, 115, 118, 129
 Троицкая Т. Н. 302
 Трубачов О. Н. 112
 Трубникова Н. В. 78
- Уваров А. С. 58, 131
- Фадеев К. И. 250
 Федосеева С. А. 328, 336, 339, 344
- Фицке Я. 48
 Фишер У. 35
 Флореску М. 115
 Флоринский В. М. 250
 Формозов А. А. 318, 325, 345
 Фосс М. Е. 11, 76, 147, 149, 320
 Фролов Б. А. 349
- Халиков А. Х. 11, 13, 14, 17, 20, 25, 63, 76, 79, 86, 125, 129, 130, 131, 134, 139, 140
 Хвойко В. В. 37
 Хлобыстин Л. П. 156, 251, 258, 259, 271, 283, 287, 288, 307, 315, 328, 341, 344
 Хойслер А. 35
 Хороших П. П. 332, 341
- Цалкин В. И. 101, 143, 330, 332
 Цветкова И. К. 11, 13, 17, 25, 27
 Цивкаловский О. 45
- Чайлд В. Г. 74
 Чемякин Ю. П. 251, 296
 Чернецов В. Н. 251, 253, 256, 259, 260, 283, 307, 308, 311, 314, 317, 325, 430
 Черников В. Ф. 87
 Черных Е. Н. 11, 20, 29, 51, 70, 76, 78, 80, 94, 118, 125, 127, 129, 143, 429
 Чиндина Л. А. 251, 271, 284
 Членова Н. Л. 85, 102, 142, 292, 294
 Чугунов С. М. 250
- Шавкунов Э. В. 351.
 Шмидт А. В. 84, 85, 87, 147, 258
 Шмидт Е. А. 112
 Шнитников А. В. 249
 Шорин А. Ф. 283
 Шорин Д. А. 250
 Шрамко Б. А. 116, 118, 119
 Штернберг Л. Я. 351
 Штукенберг А. А. 139, 143
 Штурмс Э. 55, 119
 Шубин В. О. 352
- Эдинг Д. Н. 251, 318, 322
 Энгельс Ф. 429
 Эуропеус А. 38
- Юргенс Н. Д. 307
 Юровская В. Т. 260, 269, 271, 273, 276
- Яжджевский К. 35
 Янитс Л. Ю. 54, 55, 57

Указатель географических и этнических названий

- Аввакумовка, р. 354
Азия 70, 102, 103
Актуба, о-в 283
Алатау Кузнецкий 248
Алдан, р. 336, 339, 341, 360
алеуты 7
Алтае-Саяны 249, 250, 316, 317, 320, 342
Алтай 5, 85, 88, 89, 93, 95, 97, 101, 102, 104, 248, 250, 295, 306, 317, 321, 325, 340
Алтай Западный 101
Алтай Южный (Монгольский) 101
Алтайская горная система 103, 104
Амур, р. 6, 312, 318, 341, 349, 352, 357–362
Амуру-Зейский регион 250
Амуру-Уссурийский регион 357
Анадырь, р. 339, 344
Ангара, р. 328, 330, 331, 341–350
Ангаро-Байкалье 249, 265, 327, 328
Англия 153
Анго, р. 354, 357
Андреевское оз. 254–262, 269, 271–273, 276, 277, 311, 320, 322
Анзерский, о-в 154
Аральское море (Арал) 256
Арби, р. 350
Аргази, оз. 283
Архангельск, г. 147, 153
Архангельская обл. 62
Ахмыловское, оз. 145
Африка 70
Ая, бухта 350
Аятское оз. 320
- Байкал, оз. 6, 7, 101, 104, 327–329, 334–336, 341, 342, 344, 349
Байкало-Карпаты 98, 103
Байрың, оз. 310
Балканы 93, 103
Балканы Северные 102
Балтийская общность (балты) 7, 37, 56, 57, 59, 74, 75, 112, 113
Балтийское море 53, 122
балто-германо-славяне 84
Барабинская лесостепь (Бараба) 248, 263, 264, 278, 292, 294, 295, 315
Баргузин, р. 341
- Баренцево море 152, 153
Басынай, р. 350
Бауска, г. 120
Башкирия 62, 64, 70, 124, 125, 140, 262
Бежецкий р-н 62
Белая, р. (Башкирия) 33, 62, 64, 70, 80, 89, 124, 136, 139, 140, 141, 145
Белая, р. (Вост. Сибирь) 332, 342, 346
Белое море 6, 153
Белое, оз. 62, 148, 156
Белозерск, г. 149
Беломорье 22, 25, 27, 148, 153, 154, 243, 244
Белоруссия 6, 66, 74, 75, 81
Белоруссия Западная 18
Белоруссия Северо-Западная 57
Белорусская ССР 38, 116
белорусы 7
Бий-Хем, р. 6
Бирск, р. 62, 64, 70
Бия, р. 325
Болдинка, р. 320
Болонь 6, 351
Большая Кокшага, р. 12
Большеземельская тундра 271, 288, 339
Большой Заяцкий о-в 154
Большой Кинель, р. 145
Брестская обл. 116
Брянская обл. 38, 63, 110, 111
буряты 320
Бухтарма, р. 324
Быстрица, р. 43
- Вагай, р. 283
Вагиль, р. 297
Вазуза, р. 63
Васюган, р. 248, 275
Васюганские болота (Васюганье) 248, 267, 271, 272, 274, 275, 295, 301, 304, 309, 320, 322, 324
Вах, р. 271, 287, 295, 304
Великолукская обл. 62
Венгрия 114
Верхне-Волжское междуречье 135
Верхне-Кизыльское месторождение 128
Верхнее Поволжье см. Поволжье Верхнее
- Верхнее Подесенье см. Подесенье Верхнее
Верхнее Поднепровье см. Поднепровье Верхнее
Верхнее Поднестровье см. Поднестровье Верхнее
Верхнее Подонье см. Подонье Верхнее
Верхнее Приобье см. Приобье Верхнее
Верхнее Притоболье см. Притоболье Верхнее
Верхний Днепр см. Днепр Верхний
Верхний Иртыш см. Иртыш Верхний
Верхняя Волга см. Волга Верхняя
Верхняя Вычегда см. Вычегда Верхняя
Верхняя Кама см. Кама Верхняя
Верхняя Обь см. Обь Верхняя
Верхняя Ока см. Ока Верхняя
Ветлуга, р. 12, 15, 76, 82, 145, 146
Висла, р. 35, 57, 74, 75
Витебская обл. 38, 40
Вишера, р. 34
Владимирская обл. 11, 12, 59, 63, 134
вогулы (манси) 308, 348
Волга, р. 6, 23, 35, 62–64, 72, 75, 78, 80, 82–84, 86, 89, 119, 122, 128, 131, 140–145, 147
Волга Верхняя 10–15, 17, 23, 24, 26–28, 57, 59, 63, 65, 71–75, 83, 136, 139, 147
Волга Средняя 15, 17, 23, 24, 27, 59, 62–65, 72–74, 76, 81, 130, 131, 147
Волго-Вятское междуречье 79, 81, 83, 125, 129
Волго-Вятский р-н 130
Волго-Камье 11, 25–27, 29, 31, 59, 82, 95, 139, 142, 143, 145, 146
Волго-Клязьминское междуречье 42, 135
Волго-Окское междуречье 10, 15, 18, 20, 22, 25, 35, 59, 62, 64, 71, 74–76, 84, 118, 132, 135, 155, 315, 316
Волго-Уралье (Волго-Уральский регион) 93, 98, 103

- Волжск, г. 140
 Вологда, г. 12
 Вологда, р. 148
 Вологодская обл. 11, 12, 62, 63
 Волхов, р. 63
 Волинская обл. 47, 48, 50, 116
 Волинское Полесье 49
 Волынь 37, 74
 Волынь Восточная 38
 Волынь Западная 47
 Волынь Северо-Западная 49
 Воронеж, г. 83, 124, 125
 Воронеж, р. 124, 125, 131
 Воротынский р-н 145
 Ворскла, р. 116, 117
 Восточная Волынь см. Волынь
 Восточная
 Восточная Европа см. Европа
 Восточная
 Восточная Карелия см. Карелия
 Восточная
 Восточная Латвия см. Латвия
 Восточная
 Восточная Литва см. Литва
 Восточная
 Восточная Прибалтика см. Прибалтика
 Восточная
 Восточная Сибирь см. Сибирь
 Восточная
 Восточная Финляндия см. Финляндия
 Восточная
 Восточно-Европейская равнина 28
 Восточно-Европейская часть СССР 28
 Восточно-Прибалтийский регион 121
 Восточное Прионежье см. Прионежье
 Восточное
 Восточный Казахстан см. Казахстан
 Восточный
 Восточный Тянь-Шань см. Тянь-Шань
 Восточный
 Выга, р. 151
 Выксунский р-н 87
 Вуртсярв, оз. 53
 Вычегда, р. 130, 146, 147, 154-156
 Вычегда Верхняя 155
 Вязники, г. 10
 Вятка, р. 28-30, 32, 62, 76, 77, 82, 83, 144, 145
 Вятский край 28-31, 33, 34
 Вятско-Ветлужское междуречье 64, 70
- Галичское оз. 156
 ГДР 43
 германцы 37, 59, 74
 Гнилая, р. 43
 Гомельская обл. 38
 Горький, г. 84
 Горьковская обл. 63, 87, 145
 Горынь, р. 45, 47, 49, 50, 106
 Готланд, о-в 121
- Дальний Восток 5-8
 Даниловский р-н 58
 Дания 53, 64, 74, 77, 81, 121
 Даугава, р. 119-122
 Двина, р. 23
 Десна, р. 37, 41, 62, 64, 75, 118, 124, 129, 131
 Диксон, о-в 5
 Днепр, р. 35, 37, 42, 57, 63, 64, 72, 74, 75, 106, 110, 119, 122, 124, 142
 Днепр Верхний 41, 42, 74, 76, 122
 Днепр Средний 66, 74, 106
 Днепропровское левобережье 145
 Днепропетровский р-н 117
 Днестр, р. 43, 46, 113
 Долгая Гора, месторождение 128
 Дон, р. 83, 116, 130, 135
 Донецкая обл. 117
 Дубис, р. 54
 Дуван, р. 276
- Евразийская металлургическая провинция 98, 102
 Евразия 6, 81, 84, 88, 96, 99, 100, 102, 103, 105, 142, 144, 145
 Евразия Северная 89, 101, 102, 105, 121
 Европа 6, 35, 57, 81, 96, 101
 Европа Восточная 7-9, 24, 25, 35, 37, 42, 45, 74, 76, 81, 84, 90, 95, 100, 103, 124, 136, 139, 143, 147, 204
 Европа Северная 74
 Европа Средняя 35, 43, 71, 74, 115
 Европа Центральная 122
 Европейская часть СССР 5-7, 9, 10, 27, 35, 51, 59, 62, 69, 75, 106, 119, 152-154, 156
 Европейский Север 148
 Евстафия, бухта 352
 Екабпилс, г. 120
 Елец, г. 83
 Енисей, р. 5-7, 101, 104, 279, 281, 315, 318, 327, 340, 344, 345, 347, 348, 359
 Енисейский бассейн 7
 Еравинские озера 329
- Житомирская обл. 38, 110
 Жуковский р-н 111
- Забайкалье 318, 327, 330, 331, 334-336, 339-344, 349, 357, 358
 Заволжье 82, 83, 128, 138
 Замостье, г. (ПНР) 49
 Западная Белоруссия см. Белоруссия
 Западная
 Западная Волынь см. Волынь
 Западная
 Западная Двина, р. 40, 54, 57, 62-64, 72, 75
- Западная Литва см. Литва
 Западная
 Западная Подолия см. Подолия
 Западная
 Западная Сибирь см. Сибирь
 Западная
 Западная Эстония, см. Эстония
 Западная
 Западно-Сибирская равнина 5, 6
 Западное Полесье см. Полесье
 Западное
 Западный Алтай см. Алтай
 Западный
 Западный Буг, р. 45-47, 49, 50, 106, 113
 Заполярье 154, 156
 Заполярье Печорское 156
 Заполярье Таймырское 327, 336, 338, 340, 343, 344
 Заполярье Якутское 339, 340
 Зауралье 7, 33, 34, 92, 95, 96, 125, 128, 130, 143, 147, 154, 156
 Зауралье Северное 297, 315
 Зауралье Среднее 251, 268, 296-298, 315, 317, 320
 Зауралье Южное 269, 280-282, 295, 297, 306, 315, 317
 Звенигов, г. 140
 Зеинско-Буренская равн. 351
 Зей, р. 357
 Зимний берег Белого озера 147, 153
 Змиевский р-н 117
 Золотая Липа, р. 43
 Зубовский р-н 62
- Ивано-Франковская обл. 43-46, 113
 Ивановская обл. 11-13, 15, 59, 62-64, 66, 72, 74
 Ижма, р. 147, 154-156
 Ика, р. 33, 144
 Иква, р. 45, 47, 50
 Икско-Бельское междуречье 139
 Илеть, р. 12
 Илим, р. 346, 348
 Ильменское оз. 63
 Ингода, р. 335, 336
 Индигирка, р. 327, 336, 338, 344
 Иня, р. 294
 Ишкуль, оз. 310
 Иртыш, р. 6, 88, 89, 99, 104, 207, 248, 249, 253, 259, 275, 283, 289, 292, 296, 306, 310, 317
 Иртыш Верхний 89
 Иртыш Средний 89
 Исеть, р. 254, 255, 258, 261, 264, 278
 Иска, р. 258, 271, 310, 312
 ительмены 7

- Иткуль, оз. 269, 277, 321
Иткуль, р. 207
Ишим, р. 249, 261, 289, 306
Ищимо-Иртышье 264, 271, 303, 315, 316
- Кавказ 41, 70, 74, 93
Кавказ Северный 102
Казань, г. 139, 140
Казахстан 134
Казахстан Восточный 261–263, 279, 281, 306
Казахстан Северный 257, 267, 269, 279, 281, 295, 305, 306
Казахстан Центральный 305
Калинин, г. 83
Калининградская обл. 55, 71, 74
Калининская обл. 11–13, 59, 61–63, 66, 71, 122
Калужская обл. 38, 59, 61, 71
Калязинский р-н 62
Кама, р. 10, 12, 25, 27–30, 32, 34, 56, 62, 80, 81, 86, 87, 89, 136, 139–146
Кама Верхняя 143, 145
Кама Нижняя 12, 30, 63
Кама Средняя 30, 89, 145
Камско-Вятский регион 28
Камское Приуралье (Прикамье) см. Приуралье Камское
Камчатка 351, 352
Кан, р. 340
Канин Нос 153
Капсуковский р-н 120
Карагуз, оз. 207
Карасук, р. 274
Карасье, оз. 255, 269, 276, 290
Карелия 5, 21, 22, 25, 27, 124, 147, 148, 151–153
Карелия Восточная 152, 155
Карелия Северная 151, 152, 155
Карелия Южная 151, 152, 155
Карельский перешеек 147
Карлов (Эстония) 55
Карпато-Дунайский металлургический центр 114
Карпато-Дунайский район 115
Карпаты 56, 93, 102, 106, 109
Касимов, г. 83
Кашинский р-н 62
кеты 7, 316, 344
Кеть, р. 274, 300, 301, 323
Киев, г. 40
Киевская обл. 38, 118
Кильмезь, р. 143
Кимрский р-н 62
Кпнема, р. 148
Кировская обл. 62, 63, 83
Китай 105
Кия, р. 360, 361
Клязьма, р. 62, 63, 72, 75, 82, 136
Кода, р. 342, 346
- Кокшага Б., р. 83
Кокшага М., р. 83
Кольский п-ов 5, 6, 147, 152, 155
Колыма, р. 307, 327, 351
коми 7, 34, 146
Коми АССР 88
Конда, р. 251, 253, 255, 261
коряки 7, 344
Косминские озера 155
Кострома, р. 139
Костромская обл. 12, 13, 59, 63
Костромское Поволжье см. Поволжье Костромское
Крайний Север 259, 308, 344
Красное оз. 6, 351
Краснохолмский р-н 62
Красноярск, г. 5
Красноярское месторождение 123
Красныстав, г. (ПНР) 49
Кретингский р-н 121
Крютуонас, оз. 53, 54
Кудьма, р. 83
Кузнецкий Алатау см. Алатау
Кузнецкий
Куйбышев, г. 145
Куйбышевская обл. 11, 84
Куйбышевское водохранилище 140
Кулунда 263
Кунгур, оз. 278
Курилы, о-ва 351, 352
Курская обл. 63
Куршская коса 51–54
- Ладожское оз. 6
ламуты 7
Латвийская ССР 119–122
Латвия 12, 23, 27, 51, 52, 54–56, 74, 121–123, 177–179
Латвия Восточная 54, 74, 75
Латвия Северная 121
латыши 7
Лена, р. 5, 6, 227, 249, 328–330, 332, 334, 336–339, 342, 347, 349, 350
Ленинградская обл. 148, 151, 152, 155
Летний берег Белого озера (моря) 147, 153
Леушинский туман, оз. 255
Лиелаис Лудзас, оз. (Латвия) 55
Лиелупа, р. 120
Лиепайский р-н 121
Литва 6, 51–56, 71, 74, 122, 123, 177, 178
Литва Восточная 53
Литва Западная 54
Литовская ССР 119–122
литовцы 7
Литориновое море 74
Ловать, р. 63, 64, 75
- Лубанас, оз. 54
Лубанская низменность 14, 23, 55–57, 71
Лубанская равнина 54
Лух, р. 15
Львовская обл. 43–47, 113, 115
Люблинское воеводство (ПНР) 49
Люлех, р. 15
- Магдалиновский р-н 117
Майкопчегай, р. 207
Малая Азия 103
Малая Печора, р. 88
манси 7
Маргаритовка, р. 353, 354
мари 146
Марийская АССР 15, 27, 124, 125, 139
Марийско-Чувашское Поволжье см. Поволжье Марийско-Чувашское
Марийское Поволжье см. Поволжье Марийское
марийцы 7, 314
Марха, р. 337, 341
Мая, р. 360
Мезень, р. 147, 155, 156
Мелинковский р-н 134
Мерля, р. 117
меря, 76
Мжа, р. 117
Миасс, р. 297
Минская обл. 38, 40
Минусинская котловина 207
МНР 207
Могилевская обл. 38
Моечное оз. 84
Мокша, р. 63, 75, 81–83
Молдавия 84
Молога, р. 147
Монголия 6, 84
монголы 330, 342, 345, 359
Моравия 47
мордва 7, 146
Мордовия 130
Мордовская АССР 63
Москва, г. 5
Москва, р. 63, 64, 75, 83
Московская обл. 11, 12, 59, 61–63, 71, 74
Мста, р. 63, 75
Муром, г. 10, 11, 83
Муху, о-в 51, 52
- Нанайцы 7, 358
Нарымское Приобье см. Приобье Нарымское
нганасаны 7, 308, 334
Неман, р. 40, 42, 54, 74, 120
ненцы 7, 318
нивхи 7, 358
Нижнее Подесенье см. Подесенье Нижнее

- Нижнее Приобье см. Приобье Нижнее
 Нижнее Притоболье см. Притоболье Нижнее
 Нижнее Причулымье см. Причулымье Нижнее
 Нижнекамская ГЭС 140
 Нижняя Кама см. Кама Нижняя
 Нижняя Ока см. Ока Нижняя
 Нижнее Посурье см. Посурье Нижнее
 Нижнее Прикамье см. Прикамье Нижнее
 Нижняя Припять см. Припять Нижняя
 Нижняя Сура см. Сура Нижняя
 Никольское, рудник 95, 127
 Новгородская обл. 11–13, 59, 62
 Новосибирское Приобье см. Приобье Новосибирское
 Нотора, р. 341
 Нура, р. 324
- Обхой, р. 342
 Обь, р. 6, 104, 142, 248, 249, 253, 254, 295, 296, 301, 302, 310, 317, 319
 Обь Верхняя 88
 Обь-Иртышский бассейн 7
 Обь-Иртышское междуречье 139
 Обь-Иртышье Среднее 260
 Одер, р. 57, 74, 75
 Ока (Вост. Европа), р. 10–14, 16, 17, 21, 24–28, 40, 57, 59, 62, 64, 72, 75, 81, 82, 84–87, 89, 135, 136, 139, 144, 148, 269, 278, 325
 Ока (Вост. Сиб.), р. 349
 Ока Верхняя (Вост. Европа) 75, 131
 Ока Нижняя (Вост. Европа) 10–12, 86, 131, 146
 Ока Средняя (Вост. Европа) 11, 12, 86, 131, 135
 Окский бассейн 135
 Олекма, р. 349, 350
 Ольхон, о-в 341
 Омск, г. 84, 88, 101
 Омская обл. 88
 Омский р-н 88
 Омь, р. 88, 89, 207, 275, 279, 324
 Онега, р. 153
 Онежский берег Белого моря 153
 Онежское оз. 6, 150, 151
 Оноп, р. 6, 336, 351
 Орель, оз. 6, 351
 Оренбургская обл. 11
 Орловская обл. 38, 63
 орочи 7
- Оса, г. 32
 Острогжск, г. 83
 остяки (ханты) 308–310, 348
 Оханск, г. 32
 Охотское побережье 5, 7, 8, 352
- Паланга, г. 53
 палеоазиатская общность (палеоазиаты) 7, 344, 353
 Памир 248
 Пегтымель, р. 363
 Пеза, р. 155
 Пенза, г. 12, 62, 81, 83
 Пензенская обл. 63
 Передний Восток 103
 Пермская обл. 80
 Пермь, г. 84, 87
 Песчаное оз. 313
 Петрозаводск, г. 152
 Печора, р. 89, 101, 146, 147, 154–157, 271, 297
 Печора Средняя 147, 154
 Печорское Заполярье см. Заполярье Печорское
 Печорское Приполярье см. Приполярье Печорское
 Пижака, р. 120
 Пижма, р. 83
 ПНР 47, 49–51, 116
 Поволжье 22, 37, 76, 81, 82, 124, 125, 127–131, 134–136, 138, 144, 145
 Поволжье Верхнее 10, 13, 14, 16, 21, 23, 25, 26, 29, 71, 74, 81, 84, 129, 131
 Поволжье Костромское 27
 Поволжье Марийско-Чувашское 125
 Поволжье Марийское 11, 15, 22
 Поволжье Среднее 11–14, 16, 20, 23, 26, 28, 33, 34, 58, 59, 62, 70, 76, 80–83, 124, 125, 128–130, 135, 140, 145
 Подесенье 37, 39, 42, 111, 119
 Подесенье Верхнее 112
 Подесенье Нижнее 107
 Подесенье Среднее 112
 Поднепровье 39, 42, 103, 112, 115, 128
 Поднепровье Верхнее 35, 37–40, 42, 57, 74, 75, 106, 107, 109, 112, 113, 145
 Поднепровье Среднее 35, 37–42, 74, 106, 107, 109, 112, 113, 114
 Поднепровье Южное 75
 Поднепровье 35
 Поднепровье Верхнее 45, 113
 Поднепровье Среднее 113
 Подолия 42, 43, 45, 74, 115
 Подолия Западная 37, 115
 Подовье 117, 124, 125, 128–130
- Подонье Верхнее 125
 Поишимье (Приишимье) 251, 262–264, 267, 282, 289, 300, 316, 317
 Поишимье Среднее 289
 Полесье 47
 Полесье Западное 47
 Полуй, р. 255, 259
 Польша 43, 74, 114, 122
 Польша Северная 120
 Польша Южная 47
 Полярный круг 6
 Понеманье 57
 Посеймье 107, 119
 Посожье 39, 40
 Посулье 117
 Посурье Нижнее 82
 Правобережная Украина см. Украина Правобережная
 прафино-угры 25
 прафинский этнос 11
 Предкавказские степи 103
 Предкарпатье 42, 43
 Предкарпатье Северо-Восточное 47
 Предуралье 34
 Приамурье 317, 350–352, 357, 358, 360, 362
 Приамурье Среднее 5
 Приангарье 338, 342, 344, 447
 Приаралье 258, 305, 314, 316
 Прибайкалье 265, 318, 327, 328, 331, 335, 336, 340–350, 358, 360
 прибалтийские племена (пребалты) 57, 76
 Прибалтика 10, 12, 14, 18, 21–27, 34, 42, 51, 54, 55, 66, 72, 74–77, 81, 82, 119
 Прибалтика Восточная 35, 37, 42, 51–57, 75, 89, 119–123, 176–179
 Прибалтика Западная 122
 Прибалтика Северо-Восточная 10
 Прибалтика Юго-Восточная 57
 Прибалтика Южная 74
 Приднепровье 56
 Приильменье 42
 Прииртышье Среднее 145, 249, 251, 262, 263, 267, 274, 275, 283, 291, 292, 296, 299, 300, 303, 317
 Прикамье (Камское Приуралье) 10, 14, 20, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 34, 74, 76, 82, 86, 136, 137, 139, 140, 145, 147, 154, 254, 259, 308, 314
 Прикамье Нижнее 26, 28, 30, 31, 33, 34, 80, 144
 Прикамье Среднее 28, 31–34, 139
 Прикарпатье 37, 43, 59, 70, 72, 74, 75, 115
 Прикаспий 256, 314, 316
 Приладожье 147, 151–154

- Приморье 351, 352, 354, 355, 357–359, 361, 362
 Приморье Южное 5
 Принеманье 75
 Приобье Верхнее 251, 257, 264–266, 272, 278, 280, 281, 284, 292–294, 316
 Приобье Нарымское 250, 251, 266, 271, 287, 296, 301, 302, 317, 320, 323
 Приобье Нижнее 251, 262, 266, 295, 299, 314, 315, 317, 322
 Приобье Новосибирское 139, 249, 267, 295, 300, 302, 306, 317
 Приобье Среднее 249, 265, 316, 323, 324
 Приобье Сургутское 249, 265, 285, 295, 299, 320
 Приобье Томско-Нарымское 264–267, 278, 283–285, 300, 319
 Приобье Томско-Чулымское 253, 272, 287, 303, 304, 429
 Приобье Томское 281, 285, 292, 293, 321, 323
 Прионежье 147, 152–154
 Прионежье Восточное 147–149, 152, 155, 237, 239, 241, 242
 Приполярье 147, 154
 Приполярье Печорское 271
 Припять, р. 37, 75, 106
 Припять Нижняя 41
 Притоболье Верхнее 255, 282, 295, 317
 Притоболье Нижнее 252–254, 256–258, 260, 263, 278, 283, 306, 310–312, 316
 Притоболье Среднее 305, 311, 315, 316
 Притоболье Тюменское 251, 252, 255–264, 267, 268, 271, 272, 276, 281, 291, 297, 304, 316, 429
 Приуралье 9, 10, 22, 51, 74, 95, 124, 127, 130, 134, 145
 Приуралье Камское (Прп-камье) 254, 259
 Приуралье Южное 135
 Приханкайская равнина 351, 352, 362
 Причерноморье 74
 Причерноморье Северное 102
 Причудымье 300
 Причудымье Нижнее 296, 300–302
 Проня, р. 135
 протобалто-славяно-германская общность 75
 протобалты 56, 57, 75
 протославяне 75
 протофинны 25, 57, 75, 130
 Прут, р. 113
 Псковская обл. 62
 Псковское оз. 6, 62
 Псла, р. 116
 Птушами, р. 346
 Пьяна, р. 82
 Пышма, р. 276
 Рейн, р. 35, 56, 59, 74
 Решное, село 87
 Ржевский р-н 62
 Рига, г. 120, 121
 Рижское взморье 5
 Ровенская обл. 47, 48, 50, 116
 Ровно, г. 49
 Россия Центральная 123
 Ростов (Ярославский), г. 71
 Рось, р. 57, 58
 РСФСР 38
 Румыния 114
 Русская равнина 5, 9, 10, 25–28, 58, 72, 75, 76, 106, 109
 русские 7
 Рязанская обл. 63
 Саамы 7, 315
 Саарема, о-в 51, 52, 121
 Салым, р. 329
 Самара, р. 145
 самодийская общность 7
 самодийцы (самоеды) 308, 314–317, 344, 430
 Сан, р. 45
 Саранск, г. 81
 Саратовская обл. 11
 Сахалин, о-в 5, 352
 Саяно-Алтай 95, 101, 103, 207, 208
 Саяно-Алтайская горная система 104
 Саяны (Саянский коньон), горы 104
 Саяны Восточные 5
 Саяны Западные 5
 Свердловск, г. 5
 Свирь, р. 151
 Свяга, р. 62–64, 79, 81–83, 144
 Север 147, 149
 Север Европейской части СССР 9, 147
 Северная Двина, р. 153, 154
 Северная Евразия см. Евразия
 Северная
 Северная Европа см. Европа
 Северная
 Северная Карелия см. Карелия
 Северная
 Северная Латвия см. Латвия
 Северная
 Северная Польша см. Польша
 Северная
 Северная Сосьва, р. 253, 255, 259, 270
 Северная Украина см. Украина
 Северная
 Северная Эстония см. Эстония
 Северная
 Северное Зауралье см. Зауралье
 Северное
 Северное Причерноморье см. Причерноморье
 Северное
 Северные Балканы см. Балканы
 Северные
 Северный Кавказ см. Кавказ
 Северный
 Северный Казахстан см. Казахстан
 Северный
 Северный Ледовитый океан 5
 Северный Урал см. Урал
 Северный
 Северо-Восток Европейской части СССР 154
 Северо-Восточное Предкарпатье см. Предкарпатье
 Северо-Восточное
 Северо-Западная Белоруссия см. Белоруссия
 Северо-Западная
 Северо-Западная Волынь см. Волынь
 Северо-Западная
 Северский Донец, р. 116
 Сейм, р. 40, 106, 118, 124
 Сейм, станция 86
 Сейминская дюна 148
 Селенга, р. 328, 330, 331, 334
 селькупы 7, 317
 Серьга, р. 325
 Сибирь 5, 7, 84, 85, 92, 95
 Сибирь Восточная 5–8, 85, 101
 Сибирь Западная 5–8, 85, 89, 104, 139, 145, 207, 208
 Сибирь Южная 249, 279, 334, 339, 340, 341, 357, 358
 Силезия 71, 122
 Силькумджа, оз. 341
 Синдорское оз. 154
 Сихотэ-Алинь, хр. 351, 354, 362
 Скандинавия 123, 153
 Скандинавия Южная 35, 81
 Скема, р. 40
 славяно-балтская общность 57
 славянская общность (славяне) 7, 37, 57, 59, 74, 75
 Словакия 41, 45, 47, 51
 Случь, р. 47, 106, 113
 Смоленская обл. 38, 59, 63
 Советский Союз 6
 Сожь, р. 37, 41
 Соловецкие острова 154
 Средиземноморье 122
 Средне-Сибирское плоскогорье 5
 Среднее Зауралье см. Зауралье
 Среднее
 Среднее Обь-Иртышье см. Обь-Иртышье
 Среднее
 Среднее Поволжье см. Поволжье
 Среднее
 Среднее Подесенье см. Подесенье
 Среднее
 Среднее Поднепровье см. Поднепровье
 Среднее
 Среднее Подвостровье см. Подвостровье
 Среднее

- Среднее Поишимье см. Поишимье Среднее
 Среднее Приамурье см. Приамурье Среднее
 Среднее Прииртышье см. Прииртышье Среднее
 Среднее Прикамье см. Прикамье Среднее
 Среднее Приобье см. Приобье Среднее
 Среднее Притоболье см. Притоболье Среднее
 Средний Днепр см. Днепр Средний
 Средний Иртыш см. Иртыш Средний
 Средний Урал см. Урал Средний
 Средняя Азия 103, 310, 312, 358
 Средняя Волга см. Волга Средняя
 Средняя Европа см. Европа Средняя
 Средняя Кама см. Кама Средняя
 Средняя Ока см. Ока Средняя
 Средняя Печора см. Печора Средняя
 СССР 5, 8, 10, 43, 59, 116
 Старый Свет 102, 103
 Стучкинский р-н 121
 Стырь, р. 45, 47, 106, 113
 Сула, р. 116, 117
 Сумская обл. 38
 Сура, р. 62, 63, 78, 81–83, 130
 Сура Нижняя 84
 Сургутское Приобье см. Приобье Сургутское
 Сурско-Окское междуречье 83
 Сурско-Свияжское междуречье 83
 Сухона, р. 147–150, 238, 240
 Сухоны бассейн 147
 Сучу, о-в 359, 361
- Тавда, р. 310
 Тагил, р. 325
 Таз, р. 287
 Таймыр, п-ов 323, 336, 338, 341
 Таймырское Заполярье см. Заполярье Таймырское
 Талсинский р-н 121
 Тальма, р. 349
 Тара, р. 207, 275, 233, 284
 Тарту, г. 52
 Татарская АССР 63, 140
 татары, тюрки 311, 429
 Таш-Каэган, рудник 95, 127, 130
 Тернопольская обл. 45, 46, 113
 Теша, р. 83
 Тиман Центральный 155
- Тихий океан 5
 Тобол, р. 124, 128, 145, 249, 306, 310, 312, 313
 Тоболо-Иртышье 269, 292, 318, 324
 Тоболо-Ишимье 289
 Томашув Любельский (ПНР) 49
 Томск, г. 85
 Томское Приобье см. Приобье Томское
 Томско-Нарымское Приобье см. Приобье Томско-Нарымское
 Томско-Чулымское Приобье см. Приобье Томско-Чулымское
 Томь, р. 250, 251, 271, 293, 302, 310, 315, 316, 319, 321, 349, 362
 Троицко-Печорский р-н 88
 Тростинское оз. 20
 Тува 346, 347, 359
 Туй, р. 275
 тунгусо-маньчжурская (языковая ветвь) 7, 358
 тунгусоязычное население 333, 344, 346, 347, 358, 430
 Турбино, д. 87
 Туров, г. 106
 Туруханск, г. 6
 Тух-Эмтор, оз. 274, 275, 309, 322, 324
 Тшинц (ПНР), г. 116
 Тым, р. 274
 Тюменское Притоболье см. Притоболье Тюменское
 Тюмень, г. 5
 Тянь-Шань 248
 Тянь-Шань Восточный 101
- Угорская общность 7
 Угра, р. 63
 угро-самодийцы 429
 угры 314–319, 322, 324, 326, 348, 430
 Уда, р. 117
 удмурты 7, 34, 146, 314
 удэгейцы 7
 Уй, р. 275
 Уйбат, р. 319
 Украина 74, 115
 Украина Правобережная 35
 Украина Северная 106, 107
 Украинская ССР 38, 116
 украинцы 7
 ульчи 7
 Урал 6, 21, 31, 80, 84, 93, 95, 100–104, 128, 131, 145, 156, 207, 208
 Урал Северный 315
 Урал Средний 282
 Урал Южный 105, 124, 125, 123–131, 253, 256, 258, 269, 276, 281, 282, 289
- Уральская горно-металлургическая область 95
 Уральские горы 28, 84, 248, 252, 253, 256, 257, 266, 282, 283, 295
 Уральская языковая семья (общность) 316, 344
 СССР 50
 Уссури, р. 352, 358, 362
 Уфа, р. 297
 Ух, р. 253
- Фатьяново, дер. (Ярославская обл.) 58
 Финляндия 51, 53, 64, 74, 84, 95, 121, 124, 130, 152
 Финляндия Восточная 152
 Финляндия Южная 77, 81, 89
 финно-угры 25, 75, 84, 121, 131, 314, 317
 финская общность (финны) 7, 25, 57, 75, 76, 121
 финноязычное население 314, 315, 430
 ФРГ 43
- Хакасско-Минусинская котловина 281, 285, 293, 306, 318, 321, 325, 340, 350, 359, 429
 Ханка, оз. 6, 351, 352
 ханты 7
 Харьковская обл. 116, 117, 118
 Хинган 340
 Хмельницкая обл. 45, 47
- Центральная Азия см. Азия Центральная
 Центральная Европа см. Европа Центральная
 Центральный Казахстан см. Казахстан Центральный
 Центральный Тиман см. Тиман Центральный
 Цивиль, р. 62, 63, 82, 83
 Цна, р. 82, 135
 Цзинско-Мокшанское междуречье 116
- Чаны, оз. 248
 Чарыш, р. 207
 Чебоксарская ГЭС 140
 Челябинская обл. 131
 Черкасская обл. 38
 Черниговская обл. 38, 45
 Черновицкая обл. 113
 Черное море 35, 103
 Чехия 47, 71
 Чехословакия 35, 43, 74, 114
 чувашы 7
 Чувашия 76, 124, 129, 130, 134
 Чувашская АССР 59, 63, 78, 124, 125
 Чувашско-Марийское Поволжье 124
 Чудское оз. 6

Чукотка, п-ов 331, 339, 344,
351, 352, 363
Чукчагирское оз. 6, 351
чукчи 7, 344, 363
Чулым, р. 296, 300, 315 316,
348
Чусовая, р. 32, 87, 89, 136

Шапкуль. оз. 258, 310
Швейцария 35
Швеция 56, 81
Швеция Южная 59, 74, 77
Шексна, р. 147
Шешупа, р. 54
Шилка, р. 6, 336, 351
Шип, р. 275
шорцы 429
Шустовая, гора 87

Эвенки 7, 333, 334, 344, 346–
349
Эвенкия 331, 336, 338, 340
эвены 333
Эворок, оз. 357
энцы 7
эскимосы 7, 339
Эстония 12, 21, 23, 24, 27, 51–
56, 71, 121–123, 177, 178

Эстония Западная 121
Эстония Северная 121
Эстонская ССР 119, 121, 122
эстонцы 7, 51

Юго-Восточная Прибалтика
см. Прибалтика Юго-Восточ-
ная
Южная Карелия см. Карелия
Южная
Южная Польша см. Польша
Южная
Южная Прибалтика см. При-
балтика Южная
Южная Сибирь см. Сибирь
Южная
Южная Скандинавия см. Скан-
динавия Южная
Южная Финляндия см. Фип-
ляндия Южная
Южная Швеция см. Швеция
Южная
Южное Зауралье см. Зауралье
Южное
Южное Поднепровье см. Под-
непровье Южное
Южное Приморье см. При-
морье Южное

Южное Приуралье см. При-
уралье Южное
Южный Алтай см. Алтай Юж-
ный
Южный Урал см. Урал Юж-
ный
юкагирская общность (юкаги-
ры) 7, 333, 334
Юнга, р. 82
Юргаркуль, оз. 283

Якутия 7, 8, 328, 335–341
Якутия Центральная 5
Якутск, г. 5
Якутское Заполярье см. За-
полярье Якутское
Ямал 5, 259, 271, 287, 288, 296,
339
Яна, р. 327
Янгельна, р. 297
Янцзы, р. 6
Японское море 5, 351, 355
Ярославская обл. 11–13, 58,
59, 63, 64, 66, 72, 74
Ярославско-Костромское По-
волжье 63
Ярсалинское оз. 255

Указатель археологических памятников к части первой*

- Абаспур, к-н м-к 127
 Абашево, к-н м-к 125, 127, 225
 Абора I, м-к 52, 54–56, 71, 176, 178, 179
 Абушковский м-к 61
 Аитово, к-н м-к 127
 Акали, ст-ка, м-к 24, 52, 54
 Акашево, к-н м-к 127
 Акбута, пос. 127
 Акозино, пос. 132, 134, 144, 227, 229
 Алатава, к-н м-к 127
 Алгаши, к-н м-к 125, 127, 225
 Алеево, к-н м-к 127
 Алеканово, пос. 83, 132, 134–135, 144, 228
 Александрия, пос. 127
 Алексеевская ст-ка 20
 Алексеевский Правобережный м-к 127
 Алексеевское пос. (абашевская культура) 127
 Алексеевское пос. (прикарпатская культура) 145
 Алешки, пос. 127
 Алой, к-н 121
 Алферьевка I, пос. 127
 Алькснине, пос., м-к 52–53
 Альмухаметовский I м-к 127
 Амерово, к-н м-к 127
 Андозеро 2, ст-ка 148
 Андреевка, пос. 109
 Андреевский к-н 83
 Андрианов, к-н м-к 127
 Анна, пос. 127
 Антоновцы, пос. 45
 Аньковский м-к 67
 Арду, м-к, пос. 51–53, 176
 Аркуль III, пос. 29, 32–33
 Аркуль IV, пос. 28, 30, 33
 Артюховка, пос. 109
 Артюшкино, пос. 127
 Асаревичи, пос. 37
 Асва, пос. 119, 123
- Асне, м-к 52, 54
 Асоте, пос. 119
 Астраханцевское, пос. 29, 31, 165
 Атабаевское, пос. 139, 141, 143, 145
 Аткарск, к-н м-к 127
 Атли-Касинский м-к 61, 76, 78, 82
 Ахлыстино, пос. 127
 Ахмерово I, пос. 127
 Ахмыловское II, ст-ка, пос. 12, 15, 16, 137, 138, 142, 163
 Ахтырский м-к 61
 Ашна-Пандинское, пос. 83
- Базяково, пос. 127
 Балавбаш, пос. 127
 Балавовский м-к 59, 65, 69, 70, 76, 78–82, 200
 Балачи, к-н 37, 43, 44, 171
 Балымская ст-ка 140, 141, 143
 Барановка, пос. 117, 118
 Барковская, ст-ка, пос. 81, 130, 132
 Барковское пос. 127
 Басенький Борок, пос. 29, 165
 Баудеес, клад 123
 Безводная ст-ка 12
 Безводнинское пос. 132
 Безлюдовка, пос. 117
 Белая гора, пос. 109, 116
 Белогорка, к-н 37, 45, 46, 172
 Белегородка, гр. погр. 109
 Белое озеро, ст-ка 23
 Белозерская ст-ка 149, 150, 152, 241, 242
 Белокриница, гр. м-к 37, 46, 50, 172
 Белые Берега, к-н, пос. 37, 40, 109, 110, 168
 Белый Ключ, пос. 127
 Белый Поток, гр. м-к 109, 113
 Бельнец, пос., к-н 37–40, 109, 110, 169
 Бердыж, пос. 109
 Береговский к-н м-к 127, 226
 Береговское I, II, пос. 124, 125, 127, 226
 Бережновский I, II к-н м-к 127
 Берёзовка, пос. 127
 Берёзовка-Омары, м-к 87–89, 204
 Беремьяны, гр. м-к 46, 113, 114
- Берендеево, ст-ка 13, 24
 Берестечко, гр. погр. 37
 Беркозовка, к-н 37, 38, 167
 Беседки, гр. погр. 37
 Беседовка, пос. 116, 118
 Бесец I, к-н м-к 37, 107, 109, 111
 Бесец II, к-н м-к 107, 109, 111, 211
 Бессоновка, пос. 127
 Бирск, г., погр. 78
 Битице, пос. 117
 Битюково, пос., к-н м-к 132, 134, 228
 Бишкин, пос. 109
 Бобрица, гр. погр. 109, 111, 211
 Бовшев, пос. 37, 43, 44
 Богородское пос. 142
 Богуславка, пос. 127
 Бозяково III, м-к 88, 89
 Бойцовское пос. 32, 139, 142
 Бокино, пос. 127
 Бологое, ст-ка 11–14, 27
 Болтоновский м-к 69
 Большая Даниловка, пос. 116
 Большая Зимница, гр. погр. 37, 39
 Больше-Козинское пос. 86
 Больше-Попово, к-н м-к 127
 Болшневский м-к 61, 65, 66, 76, 193
 Большие Верхи, к-н м-к 127
 Большие Ясарки, пос. 127
 Большое Бельское гор-ще 116
 Бондариха, пос. 109, 116, 117, 213
 Бор I, пос. 29, 31, 165
 Бор II, пос. 29, 32, 139
 Бор IV, пос. 30
 Бор V, пос. 32, 165
 Бор-Левва, м-к 87–89, 204
 Бородинский клад, 84, 85, 95, 102
 Борань, ст-ка 12, 13, 61, 62, 132, 137, 139
 Борзна, пос. 37, 109
 Борисовка, пос. 109
 Борисоглебское пос., к-н м-к 132, 134, 135, 227–229
 Борки, пос., гр. погр. 37, 45
 Борковская ст-ка 81
 Боровое, пос. 127
 Боровое озеро VI, пос. 32
 Бортничай I–II, пос. 109, 209

* Принятые сокращения:
 гор-ще – городище;
 гр. м-к – грунтовый могильник;
 гр. погр. – грунтовое погребение;
 к-н м-к – курганный могильник;
 к-н – курган;
 м-к – могильник;
 пос. – поселение;
 ст-ка – стоянка.

- Бортнич, пос. 37, 109
 Борщево, пос. 127
 Борщево — «Лисья поляна», к-п м-к 127
 Брасово, гр. погр. 37
 Брикули, пос. 119
 Бродовое, пос. 127
 Бронники, пос. 47
 Бронницкий м-к 61
 Брусовка, пос. 109
 Брянск, уроч. Куракин Бор, пос., гр. погр. 37
 Буглив, к-н 37, 45, 46, 172
 Будкивка, к-н 37
 Бужаровский м-к 61
 Бузенки, пос. 127
 Буй, г., м-к 61
 Буй I, пос. 77, 78, 82
 Буй II, пос. 34, 61, 77, 78, 82
 Букивна, к-н м-к 109, 113—115, 212
 Буланинский м-к 61
 Булюмуйж, к-н 121
 Булькунавка, пос. 127
 Буньково, ст-ка 12
 Буньковский м-к 61, 82, 183
 Бурецкое, пос. 144
 Буровка, пос. 127
 Бурты, к-н 37, 38, 167
 Быково I, к-н м-к 127

 Важненка, пос. 109
 Валгома, ст-ка 151
 Валентинов, гр. м-к, пос. 37, 50
 Валма, м-к, ст-ка 21, 24, 52, 54, 55
 Валуйки, к-н 127
 Ванвиздинская ст-ка 155
 Варзино 8, ст-ка 152
 Варнаскрогс, м-к 52, 54
 Васильсурское пос., гор-ще 61, 77, 78, 80—84, 136—139, 236
 Васюково, к-н м-к 127
 Вауловский м-к 59, 61, 64, 65, 69, 71, 184, 192
 Вашкай, клад 122, 123
 Вашутино, ст-ка 12, 15, 22, 24, 132
 Ваютино, клад 134, 227
 Введенка, к-н 127
 Вейга, ст-ка 153
 Вейна с/х, гр. погр. 37
 Велемичи, пос. 109
 Велетьминская, пос. 132, 134
 Великая Бабка, пос. 109
 Великая Даниловка, пос. 109
 Великая Озимина, к-п 37
 Великая Плавуча, к-н 37, 46
 Великая Тополяха, пос. 109, 116, 117
 Великие Базы, пос. 109
 Великие Бережцы, пос. 45
 Великий Боратин, к-н 37, 50, 51

 Великий Олексин, пос., гр. погр. 37, 48
 Великолеше, к-н м-к 127
 Великосельский м-к 59, 61
 Велятичи, гр. погр. 37, 39, 168
 Вербилово, пос. 127
 Верейский м-к 61, 67
 Верхне-Зареченский, пос. 127
 Верхне-Савинское, погр. 80
 Верхнее Веретье, ст-ка 148, 150, 242
 Верхив, гр. погр. 37, 48
 Верховая, гр. погр. 48
 Вершина, пос. 109
 Веселе, пос. 47, 49
 Веселое, пос., гор-ще 116—118
 Веть, пос. 37, 109
 Вёкса I, ст-ка 148, 238
 Викторов к-н 37
 Вилла, м-к 52, 54
 Виловатово I, к-н м-к 127
 Виловатово II, к-н м-к 125, 127, 224, 225
 Виловатовские дюны, пос. 127
 Вильгир, к-н 37
 Вильхово, пос. 37
 Вильял, к-н м-к 127, 224
 Винакалнс, пос. 120
 Вис I, II, III, ст-ка 154
 Вишенки, пос., гр. погр. 37, 109, 118, 209
 Владимировка, пос., к-н м-к 127
 Владычино-Береговая, ст-ка 13, 24
 Владыченский м-к 70
 у Вогрэвской дамбы, пос. 127
 Водоба II, ст-ка 150
 Вознесенка, пос. 127
 Вознесенск, с., к-н 83
 Военская Гребля, пос. 109, 117
 Волица Радванецкая, пос. 47
 Волица Стракливская, гр. погр. 50
 Волковское пос. 127
 Володары, ст-ка 12, 15, 16, 19, 20, 23, 24
 Володары IV, пос. 137, 139
 Волосвин, пос. 47
 Волосово-Даниловский м-к 14, 59, 61, 65, 66, 69, 70, 71, 76, 180, 184, 186—188, 191, 192, 194
 Волосовская ст-ка 10, 12—15, 19—22, 24, 132, 227, 228
 Волынцево, пос. 37, 107, 109
 Волютино, клад 132
 Ворокса, д., ст-ка 61, 62
 Ворокский м-к 61
 Воронковский м-к 61, 66, 69, 183, 184, 186
 Воронковка, пос., гр. погр. 37, 109
 Воскресенское пос. 127

 Выгодное, м-к 61
 Выжумское I, ст-ка 12
 Вырив, к-н 37
 Высоцкое, к-н 37, 45, 46
 Выстелишна, пос. 31, 32, 165
 Вышний Волочек, ст-ка 61

 Гавриловка, ст-ка, пос. 12, 132
 Гагары II, пос. 30
 Гадиловичи, пос. 109
 Гайшин, пос. 37
 Галанкина Гора, пос. 61, 77, 78, 82, 136, 137—139, 197, 234
 Галдарея I, II, III, ст-ки 153, 243
 Галичская (Туровская) ст-ка 61
 Галичский клад 128, 136—138, 204
 Галово I, II, ст-ка 154
 Гамарня, к-н 37
 Гамарня-Яблоновка, к-н 37
 Гапановичи, пос. 109
 Гапоновичи, гр. м-к 111
 Гарозас Рутеннеки, пос. 54
 Гатное, к-н 38, 39
 Гвоздец, к-н 37, 46, 172
 Глазково, ст-ка 101
 Глинск, гр. погр. 48
 у Глубокого озера, пос. 127
 Гнедава, гр. м-к 37, 50
 Гноево, к-н, пос. 37, 109
 Говядиново, пос. 132
 Говядиновский м-к 61, 65, 69
 Голдым I, пос. 127
 Голосок, к-н 37, 109, 111, 211
 Голузинский м-к 61, 66, 69
 Гончаровка, пос. 45, 173
 Гора Пристпи, к-н м-к 127
 Горицкий м-к 61, 76
 Горицы, с., м-к 61
 Горки, пос. 47
 Горкинский м-к 59, 69, 70
 Горлов, пос. 109, 116
 Городище, к-н м-к 109, 113—115, 212
 Городница, гр. м-к 109, 113
 Городное, пос. 116, 118
 Городовка, гр. погр. 37, 39
 Городок, к-н 37, 50, 51
 Городок, пос., гр. погр. 37, 47, 48, 174
 Городолюбля, с., м-к 61
 Горохватка, к-н 37
 Горошков, гр. погр. 107, 109, 209, 210
 Горюши, пос. 127
 Гостомель, гр. погр., пос. 109—111
 Грабовец, пос. 47
 Грачев Сад, пос. 127
 Гречаники, к-н 37
 Грибаша, м-к 52
 Григорковский м-к 69
 Григорьевка, пос. 127

- Гринкишкис, пос. 52
 Гришевка, пос. 109, 209
 Гришина Слобода, пос. 109
 Грищенцы, к-н 37, 39, 168
 Грудек Надбужный (ПНР),
 гр. м-к 37, 50
 Груновка, пос. 117
 Грушино, пос. 127
 Грязи, пос. 127
 Губарево, пос. 127
 Губцевский м-к 61
- Давлекановское пос. 127
 Давыдковский м-к 61
 Дальние Солонцы, к-н м-к 127
 Данильцевский м-к 67
 Дармодехинское пос. 127
 Дасаево, к-н м-к 127
 Даугмале, пос. 119
 Дача, пос. 127
 Двигица IV, V, ст-ка 148
 Дедылов, гр. погр. 46
 Демьянов, гр. погр. 37
 Дениска Нова, гр. м-к 37
 Денисовский м-к 69
 Деражичи, пос. 109
 Дергачи, пос. 109
 Деренковец, к-н 37
 Деревянное I, ст-ка 151
 Деревянное, клад 118
 Дерябкино, пос. 127
 Детчинский м-к 61, 69, 183
 Дехтяревка, пос. 109
 Диброва, пос. 109
 Диевукалис, м-к 120
 Дикариха, ст-ка, пос., к-н м-к
 61, 62, 132, 135, 227, 228
 Добрынин остров, пос. 132,
 232
 Долинка, к-н 37-39, 168, 169
 Долинское пос. 110
 Дом инвалидов, пос. 127
 Домантово, пос. 37
 Донское, к-н м-к 127
 Досаевский к-н 83
 Дробышево, пос. 109
 Дубно, гр. м-к, пос. 37, 51,
 109
 Дубны, пос. 37
 Дубовая роща, к-н 127
 Дубово-Гривские, пос. 33, 144
 Дубовое, пос. 127
 Дубровичи, пос. 132
 Дубровка, к-н 37, 169
 Дусанов к-н 37, 46
 Дыниска Нова, гр. м-к, пос.
 50
 Дьковский м-к 61
 Дятьковичи, к-н м-к 127, 129
- Евминка, гр. погр., пос. 37,
 39
 Елга, м-к 61
 Елизавет-Михайловка, пос. 127
- Елимбетово (Ембетбаево), к-н
 м-к 127
 Еловское пос. 145
 Елунино I, м-к 87, 88, 101,
 102, 207
 Емчиха, к-н 37
 Еремичи, пос. 109
 Ерзовское пос. 142, 145
 Ермаково, пос. 84
 Ефановское пос. 131, 135
 Ефремов, пос. 127
- Жарковский м-к 69
 Желобнянский м-к 61
 Жилкинский м-к 69
 Жорнов к-н 50, 51
- Забара, к-н 37, 38, 167
 Забойное I пос. 31, 144, 145,
 165
 Забороль, гр. погр. 37, 48, 174
 Заборьевский м-к 61
 Завадинцы, к-н 37
 Завадовка, пос. 37
 Завалье, пос. 38, 40
 Заворонежское пос. 127
 Загоринцы, пос. 109
 Загоринцы, пос. 37
 Задонское гор-ще 116
 Зазимовье, пос. 110
 Зазимье, клад 118
 Займище III, ст-ка 140, 141,
 143, 144
 Заказанка, пос. 109, 116
 Залавруга I, II, III, IV, ст-ка
 151
 Залесье, пос., гр. м-к 109, 111
 Залужье, к-н 37, 47
 Залуквы, к-н 44
 Замарайка, к-н м-к 127
 Заосиново IV, м-к 87-89, 204
 Заречье, ст-ка 12
 Зарубицы, пос. 37
 Засеченское II, пос., к-н м-к
 132, 134, 227, 228
 Заюрчим I, пос. 143, 145
 Звейнишки, пос. 52, 179
 Звенигород, м-к, пос. 37, 46,
 109, 113-115, 173, 212
 Здвиженка, гр. погр. 107, 109
 Здолбица, гр. погр., пос. 37,
 47, 48, 49
 Зеленки, к-н 37-39, 167
 Земское, к-н м-к 127
 Зимняя Золотица, ст-ка 153,
 243
 Злочев м-к 46, 47, 173
 Змеевский м-к 61
 Змиев, пос. 109
 Знаменка, пос. 109, 127
 Знаменская ст-ка 154
 Забороль, гр. м-г 37
 Зозов I-III, пос. 37, 41, 47-
 50, 174, 175
- Зомолец I, VI, XI, XX, ст-ки
 151
 Золоторучье III, пос. 25
 Золоторучьинская ст-ка 61,
 62
 Зуево-Ключевский м-к, пос.
 136-139
- Ибердус I-III, ст-ка, к-н м-к,
 пос. 12, 15, 20, 132, 135, 144,
 163, 227, 229
 Иванково I, IV, ст-ка 11-13,
 15
 Ивановка, к-н м-к, пос. 37,
 107, 109, 113, 167, 209
 Ивановогорский м-к 61, 183
 Ивановское III, ст-ка 11-14,
 25
 Ивановское VII, ст-ка 11-14,
 22, 24-26
 Ивановское пос. 38
 Иванье, к-н 115, 212
 Игимское пос. 139
 Игодовский м-к 61
 Изосимово, пос. 127
 Изсады, ст-ка 151, 152
 Изяславль, к-н 37
 Икково, к-н м-к 127
 Икшанский м-к 61
 Илекса, ст-ка 148, 152
 Иловец, ст-ка 12, 13, 20, 23,
 24, 27
 Ильинско-Хованский м-к 61,
 69, 182
 Ильичёвка, пос. 116
 Ильичёвское пос. 127
 Ильмень, к-н 127
 Ильмураино, пос. 127
 Ильчигулово, пос. 127
 Иманле, пос. 127
 Иру, пос. 119
 Исаково, ст-ка 101
 Исеть, пос. 208
 Исковщина, пос. 38, 40, 169
 Исмаилово, пос. 127
 Исток Мельничный, пос. 137,
 139
 Истринский м-к см. Трусов-
 ский м-к
 Ича, м-к 52, 54
 Ичет-Нюр, ст-ка 154
 Ишеево, к-н м-к, пос. 127
- Кавск, пос., к-н 43, 44, 115,
 170, 212
 Казбуруновский III к-н м-к
 127
 Калынешский I м-к 121
 Камарное, к-н 37
 Каменно-Вражский к-н 127
 Каменное, пос. 127
 Камский Бор II, пос. 139, 165,
 234
 Кандава, пос. 52

- Каннинская пещера, святилище 86, 87–89, 98–101, 154, 204
 Канское пос. 37
 Капитаново, пос. 127
 Капитонишкис, м-к 52
 Караевичи, пос. 37, 47
 Карамыш, к-н 127, 148
 Карамышево, пос. 127
 Каратель II, ст-ка 154
 Каратово, пос. 127
 Карашам, к-н м-к 127
 Карашский м-к 61
 Каргарлык, к-н 37
 Каргашино, гор-ще 116
 Каргулино, м-к 87, 88, 148, 204
 Карлова, пос. 52
 Карповцы, шахты по добыче кремня 57
 Карташихинская I, II ст-ка 139, 140, 143
 Касимов, г., м-к 61
 Касьяновская ст-ка 145
 Катергино, к-н м-к 127, 225
 Катынь, пос. 37
 Каупе, м-к 71
 Качановка, к-н 37, 45, 46, 172
 Кветунь, к-н 107, 109, 209
 Кельчиур II, ст-ка 154
 Кибикинское пос. 109
 Кивисааре, м-к, пос. 51–53, 122
 Кивуткалнс, пос., м-к 119, 120, 123, 214, 215
 Кийлов I–II, пос. 57, 109
 Кпнель-Черкасы, пос. 127
 Кириковка, пос. 109
 Кирпичные сараи, пос. 127
 Киселев к-н 46
 Китой, ст-ка 101
 Кидевка, пос. 109, 117
 Клепиково, м-к 87, 88
 Климентовская, пос. 132
 Климовцы, гр. погр. 45, 46, 172
 Клинковцы, к-н 37
 Клины, гр. погр. 37, 109
 Клубовка, пос. 109
 Клячино I, II, ст-ка 11, 13, 15
 Княгино, гр. погр. 37, 48
 Князево, пос. 127
 Ковровский м-к 61
 Козельский м-к 61
 Козинцы, пос. 37, 38, 109, 110
 Козловка, пос. 127
 Козловский м-к 61, 78, 79, 81
 Козыльяры, к-н м-к 127
 Кокавня, гр. погр. 37
 Коки, пос. 52
 Кокнесе, пос. 119
 Колва-вис XII, ст-ка 156
 Колодезный Бугор, пос. 110
 Колоколин к-н 37, 43, 44, 171
 Коломыйщина I, пос. 42
 Коломцы, ст-ка 11–13, 24, 27
 Колонец, к-н 37
 Колосовка (бывш. Войцеховка), к-н 109, 110, 210
 Колпец, к-н 43, 44, 170, 171
 Колць I, ст-ка 14
 Колянур, к-н м-к 127
 Комарное, к-н 44
 Комаров к-н 37, 43, 44, 171, 212
 Комарово, м-к, пос. 109, 113–115
 Комаровское пос. 127
 Кондрашевка, к-н м-к 127
 Конецбор I, II, V, ст-ка 154
 Кончанское, ст-ка 11, 12, 23, 24
 Конь-Колодезь, пос. 127
 Коогу, пос. 52
 Копанище, пос. 127
 Копаново, пос. 132
 Копринская ст-ка 61
 Копыль, пос. 127
 Кордайловка, пос. 127
 Коренец, ст-ка, пос., гр. м-к 12, 14, 83, 132, 133, 135, 229, 231
 Коркинский м-к 69
 Короли, к-н м-к 127
 Коропуж, к-н 37, 43, 171
 Коротнинская ст-ка 144
 Корчевка, пос. 37, 43, 44
 Коршак I, ст-ка 154, 156
 Коршев, пос. 37, 48, 175
 Коршуново, м-к 87, 88
 Коршуновский клад 128, 204
 Корытное, к-н 37, 45
 Костенки IV, пос. 127
 Кочановка, к-н 45, 46, 172
 Кочуровское IV, пос. 28–30, 164
 Кошиловцы, гр. погр. 46, 172
 Кошкино, д., м-к 61
 Красавка Верхняя и Нижняя, пос. 127
 Красная Гора, ст-ка 153, 244
 Красновидовский м-к 61, 82
 Красногорский III к-н м-к 127, 226
 Красное, к-н 37
 Красное село, шахта до добыче кремня 57, 58
 Краснополье Ровное, к-н м-к 127
 Краснохолмский м-к 61
 Красные Пески, пос. 127, 145
 Красный Восток, пос. 127
 Красный Полуостров, пос. 127
 Красный Хутор, гр. погр. 37
 Красный Яр, м-к 87–89
 Красов к-н 37, 43, 44
 Крахалевка I, пос. 93
 Крейчи, пос., м-к 52, 55
 Кривна, пос. 37
 Кривцовский м-к 61, 69, 82, 186, 188
 Крилов, крем. мастерская 48
 Крилос, к-н 37, 43, 44, 171
 Криушинские дюны, пос. 127
 Крокшлис, м-к 52
 Кротово, ст-ка 139
 Крятаунас 1А, пос. 52, 53
 Ксеназова Гора, пос. 38, 39
 Кубашево, пос., ст-ка 12, 61, 77, 78, 80, 83, 136–139, 197, 235
 Кубенино, ст-ка 13, 150
 Куземкино, с., м-к 61
 Кузина Гора, пос. 109
 Кузнечиха, ст-ка 153
 Кузьминский м-к 61, 73, 183, 184, 192
 Кулламяги, м-к 52, 54
 Кульчицы, к-н 37, 43, 44, 170, 171
 Кумак-Касинский к-н 82
 Кумлекульская ст-ка 145
 Кумысская ст-ка 143
 Кувила, м-к, пос. 51, 52
 Куракии Бор, гр. погр. 39
 Курган, пос. 142
 Куренгурт III, пос. 33
 Куриловка, к-н 109
 Курлакино, пос. 127
 Курмайчай, пос., м-к 52
 Курманская, пос. 132
 Курмышский м-к 61
 Курштирякское пос. 127
 Кутянка, гр. погр. 37, 45, 46
 Кухмарь, к-н м-к 125, 127, 129, 130
 Кучумово, к-н м-к 127
 Куселев, пос. 127
 Кыльяла, пос. 52
 Кюласема, пос., м-к 52
 Кяо, пос. 52
 Лагажа, пос. 52, 123, 179
 Ланкупай, пос. 52
 Лапутьки, пос. 109
 Латное, к-н м-к 127, 223
 Лауменай, м-к 52, 122
 Лебедевка, пос. 109, 111
 Лебяжская ст-ка 154
 Левашовка, пос. 127
 Левая Россопь, к-н м-к 127
 Левобережное Костеновское пос. 127
 Левшинка, ст-ка 165
 Легалин Бор, ст-ка 12
 Ледырьский гр. м-к 82
 Лейманишки, ст-ка 71
 Лелев, пос. 109
 Леясбитены, м-к 52
 Леяцискас, пос. 54
 Леяцискас, м-к 52
 Лиеджерис, м-к 52

- Липовец, к-н 37
 Липа, гр. м-г (погр.) 37, 48—51, 174
 Липа, клад 37, 50, 51
 Липки, к-н м-к 132
 Липовка, пос. 127
 Лисичинцы, к-н 37, 45
 Лихачевка, пос. 118
 Лихачевский м-к 61
 Лихула, пос., м-к 52
 Лобань I, пос., м-к 29, 33, 136—139, 143, 145, 234
 Лобковичи, пос. 109
 Логинов Хутор, пос., к-н м-к 131—134, 227, 229, 231, 232
 Лозьевский м-к 61, 69
 Лооне, м-к 119, 121
 Лопавши, пос. 37
 Лотатники, к-н 37, 43, 44, 171
 Луговое, пос. 118
 Луговская I ст-ка 141—143
 Лужки, пос. 37
 Лука-Райковецкая, пос. 109
 Лукьяновское, погр. 118
 Лунево, к-н 37—39, 41, 109, 111
 Лучин, гр. погр., пос. 37, 112, 169
 Любеч, гр. погр., пос. 37, 109
 Любны, пос. 37
 Людиновский м-к 61
 Люлинка, ст-ка 153
 Ляпичев, пос. 127
- Малага, пос. 113, 115
 Майдан-Моквинский, пос. 37, 47, 48
 Майданская ст-ка 12, 15, 20, 23
 Макарьевское пос. 136—139
 Маклашевский взвоз, м-к 141, 143
 Максимовка, пос., к-н м-к 127
 Максютково, к-н 127
 Малая Иловица, пос. 45
 Малая Рублевка, пос. 117, 118
 Мало-Кизыльское пос. 127, 226
 Мало-Кокузинская ст-ка 20, 143
 Мало-Яушское пос. 83
 Мало-Окулово, пос., гр. м-к 132, 134, 137, 227, 229
 Малое Перещепино, пос. 109
 Малые Будки, пос. 109, 117, 118, 213
 Малые Роги, пос. 37
 Малый Бор, пос. 133
 Малый Олексин Остров, кремн. мастерская 48
 Мамалаевский к-н 79
 Маргяй, м-к. пос. 52, 53
 Мари-Кугунур, к-н м-к 127
 Марийская Лиса, гр. м-к 83
 Марки, пос. 109
 Марки I, II, к-н м-к 127
- Мартисовский м-к 61
 Марциноконис, м-к 52
 Марьевка, к-н м-к 127
 Марьинская ст-ка 144
 Марьяновка, пос. 37, 109, 110, 211
 Маскаука, м-к 52
 Маслово Болото VII, ст-ка 12
 Масловское 1, 2 пос. 127, 131
 Масюгино, к-н м-к 127
 Маткулес, пос. 54
 Матчерка, пос. 127
 Маховщина, пос. 127
 Маяк, ст-ка 152
 Медвежий о-в, пос. 132
 Медвин, к-н 37, 169
 Межинец, к-н 37
 Мезин, пос. 109
 Мерефа, пос. 117, 118
 Метев-Тамак, м-к 127, 226
 Метейку, пос. 52
 Мешкосгалва, пос., м-к 52
 Микены, гробница 102
 Милославский м-к 61
 Миняшкино, к-н м-к 127
 Мирогоща, к-н, пос. 37, 47
 Миткишкес, пос., м-к 52, 53
 Митявичи, пос. 109
 Михайлов к-н 37
 Михайловка, пос. 118
 Михеевский м-к 61, 69
 Мишин, к-н 37, 45
 Младший Волосовский гр. м-к 132, 134, 135, 146
 Мнужевка, пос. 109
 Модлона, ст-ка 11—14, 19, 21, 23, 24, 27, 148
 Мой-Ярей, ст-ка 156
 Мозырь, пос. 109
 Моклевка, к-н 37
 Мокрое, гр. погр. 37, 48, 49
 Молодово, к-н 37, 47
 Морозовский клад 128
 Мосоловка, пос. 127
 Моства, гр. погр. 37, 40, 109, 112
 Мохов, пос. 107, 109
 Мошны, пос. 109—111, 211
 Мстиславль, пос. 37
 Муравица, пос. 37
 Муранское, пос. 127
 Мурэяха I, м-к 87—89, 99
 Мурминская ст-ка 83
 Мыс Очкинский, гр. погр. 39
 Мытищинский м-к 61, 70, 76
 Мян, к-н 121
- Наакамяэ, м-к 52, 54
 Набережные курганы, к-н м-к 127
 Нагоряны, гр. м-к 109, 113
 Надлуговая ст-ка 143
 Нарва, м-к, ст-ка 24, 52, 54
 Нарва-Рийгикюла, м-к 52
 Наркунай Б., пос. 119, 123
- Нарминская ст-ка 83
 Наровля, пос. 109
 Народичи, к-н 107, 109, 110
 Нартасы, к-н м-к 127
 Наумово, пос., гр. м-к 131, 132
 Наумовский м-к 61, 67, 69
 Неверижес, пос. 119
 Незвиско, пос. 109, 113
 Немеричи, к-н м-к 127, 128
 Нендриняй, м-к 52
 Невокса, ст-ка 153
 Непряха IV, пос. 29
 Нерпичья губа, ст-ка 152
 Нетеребки, к-н 37
 Нетесос, м-к 52
 Нечивцы, к-н 37
 Нещеров, пос. 109
 Нида, пос. 51—53, 178
 Нижне-Чуракаево, к-н м-к 127
 Нижне-Условское пос. 137
 Нижне-Шувьское пос. 144
 Нижнее Хозяйство, пос. 127
 Нижний Тюкун, пос. 127
 Нижний Услон, пос. 84
 Нижняя Водуга, к-н м-к 127
 Никифоровский кордон, м-к 127, 226
 Николаевка, к-н 117
 Николаевка, к-н м-к 127
 Николо-Перевоз, с., ст-ка, м-к, пос., к-н м-к 12, 20, 61, 62, 76, 132, 183
 Никольская II, ст-ка 21
 Никольское, м-к 87, 88
 Никольское, к-н. пос. 127
 Никульдинский м-к 61, 67, 69, 183, 184, 188, 192, 195
 Ницаха, пос. 109, 116—118, 213
 Новая Деревня, ст-ка 151
 Новая Лалюга, ст-ка 151, 152
 Новая Украинка, гр. погр. 107, 109
 Новая Украинка-Таценки, гр. погр. 109, 111
 Новлянский м-к 61, 69
 Ново-Байбатырево, м-к 134
 Ново-Бяктымрово, пос. 127
 Ново-Доновка, пос. 109
 Ново-Ильинское II, III пос. 29, 30, 139, 164
 Новобелица, пос. 109
 Нововоронежск. пос. 127
 Новолпцовка, к-н м-к 127
 Новомордовский II, III к-н м-к 127
 Новоселки. шахты по добыче кремня 57. 58
 Новоселки, к-н, гр. погр. 37, 50, 168
 Новоселки-Лиски, к-н 37, 172
 Новоселовское пос. 83, 137, 139
 Новосимоновка, пос. 127
 Новотроицкое пос. 116

- Новоукраинка, пос. 37
 Новые Турбаслы, пос. 127
 Новый Кумак, к-н 127
 Новый Курлак, к-н м-к 127, 223
 Новый Набир, пос. 127
 Носелы, пос. 137
- Обидовичи, пос. 37
 Обсерватория III, ст-ка 12
 Обухов, пос. 110, 209
 Овинищинский м-к 61
 Огубь, к-н м-к 127
 Одерады, к-н 37
 Озерки II, пос. 127
 Озименки, ст-ка 61, 86
 Озлив, пос., гр. погр. 37, 50, 51, 175
 Озьяг I, II, ст-ки 155
 Октябрьский, пос. 127
 Оленья Гора, Оленегорское пос. 78, 82, 83, 136, 137, 139
 Олочинский м-к 61, 182, 186, 187
 Омский клад, 87, 88
 Опечки, уроч. Лысая гора, пос., гр. погр. 37, 107, 109
 Орлецкая ст-ка 153
 Оров-Губа, ст-ка 152
 Оров-Наволоок, ст-ка 151
 Осиновская I, II ст-ка 149, 240
 Осиновые ямы, пос. 127
 Осиповцы (Юсковцы), к-н 37
 Оскол, пос. 109, 116, 117, 213
 Основа, пос. 116, 117
 Остапово, к-н 37
 Остапье, к-н 45, 46, 172
 Отрешка I, II, III, пос. 127
 Очкинский мыс, гр. погр. 37
 Ош-Пандо, пос. 61, 77, 78, 80, 83
 Ошитки I-II, пос. 109, 111
 Ощурковский м-к 61, 64, 183, 186
- Пабаляйский клад 123
 Павлушатский м-к 82
 Пайгусовский м-к 82
 Пакрятуоне IA, пос. 52, 53
 Пановское пос. 137
 Панфиловская ст-ка 10, 12, 13, 15, 19, 20, 23, 24, 61
 Паратмары, к-н м-к 127
 Партизанское пос., гр. погр. 37, 39, 40, 109, 110
 Пасиеняй, пос. 53
 Паштува, пос., м-к 52
 Паювески, пос. 52
 Пегрема I, ст-ка 151
 Пекари, пос. 37
 Пенкино, к-н м-к 127
 Пеньково, ст-ка 25
 Пепкинский к-н 83, 125, 128, 130, 225
- Первалка, м-к 52, 53
 Первомайское пос. 29, 165
 Переможное, к-н 44, 171
 Перерослив, к-н 37
 Пересопница, гр. мог. 37, 50
 Перикса, пос. 127
 Перховта, ст-ка 149
 Пестяковский м-к 69
 Петровка, пос. 127
 Петровск, пос. 127
 Петровские озера, ст-ка 12
 Петряево, пос. 127
 Петяриха, к-н м-к 127
 Печенеги, пос. 109
 Печуры, гр. погр. 37, 39
 Пиколосы, гр. мог. 37
 Пикульский к-н м-к 121
 Пикшик, к-н м-к 125, 127
 Пирос, ст-ка 20
 Плеханов Бор, ст-ка 61
 Плитовище, гр. погр. 109-111
 Плотина Липецкого водохранилища, пос. 127
 Плужное, к-н 37, 45, 46
 Победа I, II, к-н м-к 127
 Повейсиникай м-к 120
 Погореловка, пос. 37
 Погост, пос. 37
 Погостище, пос. 132
 Погостище II, ст-ка 148
 Погребы, гр. погр. 109, 111, 211
 Под Сопкой, ст-ка 151
 Подборица-Щербининская, ст-ка, пос. 12, 15, 20, 132
 Подборновское пос. 127, 131-133, 135, 232
 Подвыское, к-н 37
 Подгорное 1, 4, пос. 127
 Подгорцы, пос., гр. м-к, к-н 37, 109-111
 Подгощинский м-к 61
 Подклетное, к-н м-к 125, 127, 223
 Поздняково, пос. 132-134
 Покровские курганы, к-н м-к 127, 131
 Покровское пос. 132
 Политодельское, к-н м-к 127
 Половли, место по добыче кремня 48
 Польцо, ст-ка 12-14, 62
 Поляна, ст-ка 13
 Полянское III, пос. 137
 Полянский м-к 143
 Попова Дача, к-н м-к 127
 Поповцы 46
 Поркинский м-к 61
 Порубежное, пос. 109
 Поток, к-н 37
 Почапы, пос. 37, 46, 47, 49, 106, 173
 Почап, пос. 110, 111, 211
 Преображенка, ст-ка 139
 Преполовекки I, к-н м-к 127
- Пречистинский м-к 61
 Придача, пос. 127
 Прилуки, пос. 116
 Пристанное пос. 127
 Пришиб, пос. 109
 Привороть, пос. 127
 Прокопьевка, к-н м-к 127
 Пролетариат, пос., гр. м-к 37, 40, 41, 109, 169
 Пролетарское, гор-ще 116
 Проскурни, пос. 109
 Протасовский м-к 61, 183
 Проходнянские 4-6, пос. 127
 Пужбольский м-к 69
 Пукули, м-к 119
 Пурциемс, пос. 54
 Пустынка, пос. 106, 109, 110, 210
 Пядьки, к-н 37
 Пятницкий м-к 61
- Радзимин, к-н 37
 Радив, гр. мог. 37
 Радикяй, м-к 52
 Радуль I-IV, пос. 109
 Радутино, гр. погр., к-н 37, 39, 107, 109
 Ракитное, к-н, гор-ще 37, 116
 Раскильдинский к-н 78, 82
 Раудоненай, гр. м-к 120
 Радиборовицы (ПНР), гр. м-к 37, 50, 51
 Резнес, м-к 119-123
 Репище, ст-ка 11-13, 20, 23, 24, 27
 Решевка, к-н м-к 127
 Реутец, к-н 127
 Речица, к-н 37, 39, 168
 Речки, к-н 37, 39
 Решетиha, пос. 137
 Решное, м-к, пос. 84-89, 91, 95, 97-100, 134, 136, 137, 139, 203
 Ридала, пос. 119
 Рипнев, пос., гр. погр. 37, 46, 47, 173, 174
 Рисувере, пос. 52
 Рогачевка, к-н м-к 127
 Родной Край, пос. 116-118
 Рождественский о-в, ст-ка 15, 28, 61, 62
 Ройский Шихан, пос. 136, 137, 138, 139
 Рокитное, к-н 43
 Романовичи, пос. 109
 Романовка I, III, VIII, пос. 127
 Ромош, пос. 37
 Ронское I-III, ст-ка 11-13, 21, 25
 Ростовка, м-к 84-89, 93, 95-101, 104, 139, 205
 Ростопи, пос. 127
 Рудня-Споницкая, гр. м-г 37, 39, 107

- Русилов к-н 37, 46, 172
 Русская Бектяшка, пос. 127
 Русская Тростянка, пос. 127
 Русский Кугланур, к-н м-к 127
 Русско-Азиебейское III пос. 28, 30, 33
 Русское-Тангирово, к-н 127
 Русьей, м-к 52, 53
 Рутеннеки, пос., м-к 52, 54, 178
 Руткинская ст-ка 12
 Рыболовский м-к 69
 Рыжановка, к-н 38
 Рыкань, пос. 116—118

 Саввинки, пос. 109, 111
 Садовое пос. 127
 Садовый Бор, пос., к-н м-к 132, 227
 Сады, к-н м-к 127
 Саба, пос. 52
 Салихово I, II, пос. 127
 Салнейский клад 123
 Салтановка, м-к 127, 129
 Самарская Лука, пос. 84
 Самусь IV, ст-ка 85, 86, 93, 101, 208
 Сарайха, ст-ка 153
 Саркани, пос. 52, 177
 Сарнате, ст-ка 23, 54
 Сарское гор-ще 67
 Сауз I, II, пос. 30
 Саушкино, пос. 131, 132, 134, 227, 228, 232
 Сауз II, пос. 29
 Сахаево, пос. 127
 Сахтыш I, ст-ка, пос. 11—16, 19—28, 62, 132, 157, 160—162
 Сахтыш II, ст-ка, м-к 11—16, 19—28, 62, 137, 139, 157, 160—163
 Сахтыш IV, ст-ка 13, 62
 Сахтыш VII, ст-ка 11, 12, 14—16, 23
 Сахтыш VIII, ст-ка, м-к 11—16, 18, 20—24, 26, 28, 62, 157, 160, 162
 Сваремье, пос. 111
 Свентес, пос. 119
 Северобирский м-к 70
 Северо-Восточное пос. 127
 Сейма, ст-ка, м-к 61, 82, 84—87, 89—91, 95, 97—101, 136—139, 148, 201, 235
 Селище III, V, пос. 37, 38, 40
 Селище, ст-ка 148—150, 242
 Семаки, гр. м-к 37, 50, 51
 Семейкино, к-н м-к 127
 Сергачский м-к 61, 82
 Сердюково, пос. 127
 Серники, к-н 44
 Серово, ст-ка 101
 Сивки, к-н 37, 45, 46, 172
 Сидоры, к-н 127
 Силиньупе, пос. 54

 Симусааре, м-к 52, 54
 Синичное, пос. 109
 Синташтинское пос., к-н м-к 125, 127, 131
 Синтиш-Тамак, к-н 127
 Синцово, д., м-к 83
 Синцовский к-н 61, 78, 79
 Синяя Гора, ст-ка 21
 Сирпаки, к-н 37
 Скатовка, к-н 127
 Скоморохи Малые (ПНР), гр. м-к 37, 51
 Скомороховский м-к 61, 82
 Славгород 37
 Слащевка, к-н м-к 127
 Слободка, ст-ка 12
 Снопоть, пос. 37
 Соза-Курбатовский м-к 82
 Соколенский клад 118
 Соколовка, м-к 86—89, 99, 100, 204
 Соколовский м-к 137
 Сокольское ст-ка, пос. 12, 15, 127, 130
 Сокольское II пос. 132
 Сокорка, пос. 132
 Солнечногорский м-к 61
 Соловьевское 131
 Солоное, пос. 37
 Сомовское I, II пос. 136, 137, 139, 145
 Сопе, м-к, пос. 51, 52, 54, 178
 Сопка 2 87—89, 96, 101, 139, 152, 206
 Сорочьи Горы, пос. 137, 139
 Сорока, пос. 137
 Сосница, пос. 107, 109
 Сосновка, к-н м-к 127
 Сосновка II, пос. 127
 Сосонка, гр. погр. 40
 Софиевка, пос., гр. погр. 37
 Среднее Шадбегово I, пос. 29, 30, 164
 Среднее Шадбегово III, пос. 32, 33
 Средняя Апочка, к-н м-к 127
 Сретенка, к-н м-к 127
 Ставки, гр. м-к 109, 113, 114
 Ставок, гр. м-к, пос. 37, 50, 51, 109
 Стадники, гр. погр. 37, 48, 49, 174
 Станок, ст-ка 12, 13, 61, 62, 132, 137, 139
 Старая Каменка, гр. погр. 37
 Старая Тышанка, пос. 127
 Старая Тойда, пос. 127
 Старая Яблонка, пос. 127
 Старо-Александровка, пос. 127
 Старо-Какрыбашевское пос. 127
 Старо-Куручево, к-н м-к 127
 Старо-Юрьево, к-н м-к 125, 127

 Старое Ардатово, к-н, пос. 127, 128, 130
 Старое Семейкино, пос. 127
 Старорусский м-к 61
 Староселье I—III, пос., гр. погр. 37, 109
 Старушка I, III, пос. 145
 Старший Волосовский гр. м-к 132
 Старые Ябалаклы, к-н м-к 127
 Старый Курлак, пос. 127
 Стасева, к-н 37
 Стеблевка, клад 37, 50, 51, 175
 Степное I, к-н м-к 127
 Степной к-н м-к 127
 Стерня, гр. погр. 46, 172
 Стжижов, пос. (ПНР) 47, 49, 50
 Стожок, пос. 45
 Столпники, гр. погр. 37, 39
 Стоянцы, к-н 37, 43
 Стратин, к-н 37
 Стрелица, гр. погр. 37—41, 112, 169
 Стрелка I, II, ст-ка 11—13, 15—19, 21—24, 26, 160—162
 Стретовка, к-н 37—39, 168
 Стриганов, к-н 46
 Студеницы, гр. погр. 46
 Студеновка, к-н м-к 127
 Студенок II, V, пос. 109, 116—118
 Студеный ключ, к-н м-к 127
 Суворово, пос. 37, 109
 Сумская ст-ка, пос. 12, 137, 236
 Сурушское пос. 127
 Сусловка I—III, пос. 37, 109
 Сущевский м-к 61, 65, 71
 Сынташево (Ишмухаметово), к-н м-к 127
 Сырве, к-н 119
 Сябровичи, гр. м-к, пос. 37—40, 107, 109, 168, 169

 Тавлыкаевский IV к-н м-к 127, 226
 Тавровское II, III пос. 127
 Тавровское Левобережное пос. 127
 Тавровское Правобережное пос. 127
 Такталачукский м-к 144
 Тамас, пос. 52
 Тамица, ст-ка 153
 Тамула, ст-ка, м-к 24, 52, 54, 55, 71
 Тапшер, к-н м-к 127, 224
 Тарновка, пос. 127
 Тархан I, пос. 33
 Таскаихский м-к 61
 Татаро-Азиебейское II пос. 28—30, 33, 164

- Таутовский гр. м-к, к-н м-к 61, 82
 Теби-Касы, к-н м-к 127
 Телец, гр. погр. 37, 39
 Темневка, пос. 109
 Тенетинки, к-н м-к 109, 113
 Терлипка, пос. 109
 Тетеревка, пос. 109
 Тетильковцы, гр. погр. 37
 Техумарда, клад 123
 Тешков, пос. 109
 Тика, пос. 52, 178
 Тилтагалый, м-к 52
 Тимофеевский м-к 59, 61, 65, 66, 69, 82, 180, 182, 184, 193, 195
 Тимченки, пос., гр. м-к 109, 116, 213
 Тиханкино, к-н м-к пос. 78, 127
 Тихманга, ст-ка 148, 237
 Токаревская ст-ка 12
 Толбухинский м-к 69
 Толстуха, ст-ка 11-13, 15, 62
 Торбеевские дюны 127
 Торговище, ст-ка 11, 28, 62
 Торопец, г., м-к 61
 Торфболото II, пос. 127
 Торчин, гр. м-к, пос. 37, 50, 51, 175
 Тохмеевское пос. 78, 83, 125
 Точка, пос. 127
 Тояты, пос., м-к 52, 54
 Травяное пос. 118
 Трахтемиров, пос. 37
 Трашкин Бугор, пос. 127
 Троицкий к-н м-к 127, 225
 Тростенское оз., ст-ки 12
 Тростянка, с., к-н 83
 Троянов к-н 109, 110
 Трусовский (Истринский) м-к 61, 64, 67, 73, 82, 183, 184
 Туаш-Касы, к-н м-к 127
 Тугаево, к-н м-к 127
 Тумча, ст-ка 152
 Турбинский м-к 29, 84-88, 95, 97-101, 136-139, 202
 Тургиновский м-к 14, 61, 64, 67, 71, 183
 Туров, пос. 37, 109
 Туровская ст-ка 62, 137
 Турунью I, ст-ка 154
 Туруново, к-н м-к 127, 225
 Тутку, пос. 52
 Туула, пос., м-к 52, 123
 Тхомеево, к-н м-к 127
 Тымченки, пос., гр. м-к 116-118
 Тырнова Слобода, пос. 132, 135
 Тышковичи, пос. 109
 Тубетево, пос. 127
 Тюзиково-Михайловское пос. 127
 Тюков Городок, гор-ще 135
 Тюнино, к-н 127, 223
 Тюремка I, пос. 28-30
 Тюремка II, III, пос. 32, 139
 Тюрлема, к-н м-к 127
 Тюрүш-Тамак, пос. 127
 Убыни, к-н 37, 172
 Уваровское пос. 127
 Угловая Рудня, гр. погр. 109
 Угольный, пос. 127
 Удельно-Шумецкая ст-ка 12
 Уды, пос. 109
 Ульяновское пос. 127, 130
 Уница, ст-ка 11-14, 20
 Упирово, пос. 109
 Уренский м-к 61, 83
 Уржумкинское пос., ст-ка 16, 137, 138, 163
 Урняк, пос. 127
 Уршак, пос. 127
 Усатово, к-н 127
 Усманка II, пос. 127
 Успенское пос. 127
 Устиновское пос. 127
 Усть-Гайва, к-н 86-89, 204
 Усть-Лудяна II, пос. 29, 32-34, 165
 Усть-Паль, пос. 30
 Усть-Рыбежна I, II, ст-ка 151, 152
 Усть-Уза, пос. 127
 Усть-Яренга, ст-ка 153
 Устьянка, м-к 87, 88
 Утевка VI, к-н 127
 Ухов, пос. 109
 Ушмар, ст-ка 12
 Уяэпа, м-к 52
 Фатьяновский м-к 58, 59, 61, 65, 69, 70, 76, 184
 Федоровская ст-ка 13, 62, 132, 137, 139
 Федюково I, ст-ка 25
 Фефелов Бор, к-н м-к 132, 135, 227-231
 Фефеловское Придорожное пос. 132
 Хаапси, пос. 52
 Хабарное, м-к 134, 228
 Халдеевский м-к 61, 180, 186, 193
 Ханевский м-к 61, 182, 184, 186
 Харинское пос. 132, 135
 Харьевка, к-н 107, 109
 Хатьяновка I, пос. 109
 Хильчицы, пос. 109
 Хитров Луг, пос. 127
 Хировка, к-н 37
 Хлебное, пос. 127
 Хлебородное, пос. 127
 Хлопице, пос. (ПНР) 47
 Хмаровка, пос. 118
 Хмелевское пос. 137
 Ходосовичи, к-н, гр. погр. 37, 39, 40, 107, 109, 112, 169, 209
 Холмовогорский м-к 61, 65, 67, 71
 Холломониха, ст-ка 12, 15, 20, 24
 Хоростков к-н 37, 46, 172
 Хоршов, гр. погр. 40
 Хотопино, с., м-к 61
 Хотьяновка, пос., м-к 110
 Хотынь, к-н 37
 Хохольский к-н м-к 127, 223
 Худяковское пос. 29
 Хула-Сюч, м-к 61
 Хухра, пос. 109, 116, 118, 213
 Царев Курган, к-н 127
 Чапаевский м-к 42
 Частые курганы, к-н м-к 127
 Чаусовка, пос., м-к 127
 Чебаково, пос. 77
 Чекап, пос. 127
 Черкасский Бишкин, м-к 117
 Черная Гора, ст-ка, м-к, к-н м-к 12, 132, 135, 229, 230
 Чернелица, гр. м-к 109, 113
 Чернетчина, к-н 117
 Черники, гр. м-н 37, 50
 Черное озеро, пос. 127
 Черноозерье III, пос. 145
 Чернушка I, пос. 29, 32, 33
 Черняное, пос. 127
 Черняхов, к-н 37
 Черск, к-н 106, 116
 Чертово городище, гор-ще 82
 Чечуровка, пос. 37
 Чигла Н. и С., пос. 127
 Чижиков, гр. погр., пос. 37, 46, 47, 173
 Чижовское II, IV пос. 127
 Чирковское пос. 132, 136-139, 236
 Чубаров, пос. 109
 Чудва, пос. 48
 Чукраклы, к-н м-к 127
 Чурачирский м-к 61, 70, 78-80, 82
 Чурачирский I, II к-н 61
 Чуркинский м-к 82
 Чутайское гор-ще 136, 139
 Чутеево I, II, пос. 137
 Шабановка, пос. 127
 Шава II, пос. 131
 Шаврики, гр. погр. 37
 Шавское пос. 132
 Шакина, пос. м-к 52
 Шандра, к-н 37, 167
 Шарнейская ст-ка 144
 Шашевский м-к 61
 Швендубре, м-к 52
 Швянтойи 1-4А, 9, пос., м-к 51-54, 56, 178
 Шивица, гр. м-к 37

- Шелонский м-к 61
 Шягонские дюны, пос. 127
 Шикиринцы, к-н 37
 Шиловское пос. 117, 118, 124, 127, 218, 223
 Шинур, к-н м-к 127
 Шлажяй, м-к 120, 122
 Шмаровка, пос. 116
 Шойрукшин остров, ст-ка 151
 Шоркино, к-н м-к 127
 Шоркинское пос. 83
 Шукшиевский к-н м-к 127
 Шульгинка, пос. 127
 Шуляки, к-н 37
- Щельяюр I, ст-ка 154
 Щучье, к-н м-к 127
- Эглишкяй, м-к 119, 121
 Эйгуляй, м-к 52
- Эйни, м-к, пос. 52, 54, 55, 71
- Юдиново, гр. погр. 109, 110, 210
 Юдичи, к-н 37
 Юкалекулево, пос., к-н м-к 127, 128
 Юлдуз, к-н м-к 127
 Юльялы, пос. 137, 204
 Юмакаево, пос. 127
 Юодкранте, пос., м-к 52; 53
 Юраковская ст-ка 83
 Юревичи, пос. 109
 Юринское пос. 136–138
 Юрковичи, пос. 37, 109
 Юрманки, пос. 127
 Юргик, пос. 29, 32, 33
 Юрьевоцкий м-к 61
 Юрьевский м-к 61
- Ябалаклы, пос. 127
 Ябара, м-к 52, 121
 Яблоновка, к-н 37
 Ягала, м-к 52
 Язьково, ст-ка 12, 14, 23–25
 Яковлево, ст-ка 149, 150
 Якупово, м-к 127
 Ялуксе, пос., м-к 52
 Ямари, пос., м-к 52
 Янгильдино, к-н м-к 127
 Яндашево, ст-ка 12
 Яново III, гр. погр. 40
 Янымово, пос., к-н 78, 79, 127
 Яра, пос. 52
 Ярлуковская протока I, пос. 127
 Ясеневка, к-н 46
 Ясенец, пос. 109
 Ясиновка, к-н 37, 45
 Ясногородка, пос. 109

Указатель археологических памятников к части второй

- Абрамово II, пос. 297, 302
 Абрамово III, пос. 290
 Абрамово IV, пос. 277, 290
 Абрамово IVa, пос. 255
 Абрамово V, пос. 277, 290
 Абрамово Ха, пос. 269
 Абрашино I, гор-ще 290, 323
 Абселямовская ст-ка 256
 Абылаах I, мастерская 329, 336–338, 341, 343
 Александровка I, пос. 262
 Александровское пос. 295
 Алексеевское пос. 282
 Амгуема IV, пос. 329
 Анго, пос. 354, 357
 Анд-озеро II, пос. 320
 Андреевская II ст-ка 255, 260, 261
 Андреевские 5, 7 городища 297
 Андреевское озеро, пос. 254–262, 269, 271–273, 276, 277, 311, 320, 322
 Аносово, м-к 329
 Аньян 274
 Артынская ст-ка 255
 Ахметово I, пос. 290
 Ая, петроглифы 350
 Аятские I. II пос. 252–257, 261, 269, 298, 315
- Базаиха 325, 329, 345–347
 Байкальское пос. 329
 Байкемда, пос. 329
 Байкит, пос. 329
 Байрык IB, пос. 257, 283
 Байрык ID, пос. 252, 253, 256, 315
- Байрык VI, пос. 311
 Байрык-Иска, пос. 255, 315
 Байрык-Иска II, пос. 262
 Барсова Гора (Барсов Городок) 277, 285, 287, 288, 290, 295–297
 Бархатово, пос. 290
 Басагдайское гор-ще 290, 293
 Басынай, петроглифы 350
 Батуринское пос. 290, 293
 Белоусово, м-к 329, 330
 Белькачи I, пос. 329, 336
 Береговая I ст-ка 253–255, 269, 282, 283, 322
 Бережки V, пос. 277, 289
 Березки Уг, м-к 283, 291
 Березовка, пос. 357
 Березовское пос. 283, 290
 Березовый Мыс 320, 341
 Билир, пос. 329
 Бичили, пос. 262, 315
 Благодатное III, пос. 354–356
 Боборькино II, пос. 255, 256, 277
 Боборькино VI, пос. 290
 Бобровка, пос. 297
 Большепичугинский м-к 278
 Большой Ларьяк, пос. 269, 271, 277, 287, 288, 290, 297
 Большой Ларьяк II, пос. 255, 265, 271, 320
 Большой Ларьяк III, пос. 255, 271, 295
 Большой Лог, гор-ще 290
 Большой Сор, пос. 269
 Бор I, пос. 254
 Боханский аймак 341
- Братская Када, петроглифы 349
 Братский Камень, м-к 329, 333, 334
 Будулан, пос. 329, 336
 Букачан, м-к 329, 338
 Буолкалаах, пос. 329
 Булочка, пос. 355
 Буреть, м-к 329, 330, 334
 Буреть, пос. 346
 Бурмистрово, м-к 290
 Бурулгино, пос. 329, 336
 Бухта Находка, пос. 269, 271, 277, 287
 Бухусан, м-к 329, 334
- Валентин-Перешеек, пос. 352, 362
 Васьковский м-к 321
 Вахрушевский м-к 277, 278
 Венгеро I 277
 Венгеро IA 261, 264
 Венгеро II 269
 Венгеро III 255, 263, 269, 315
 Венгеро IV 263
 Венгеро IVa 290
 Венгеро VII 277
 Венгеровский м-к 290
 Вертенис, гор-ще 255
 Верхоленский м-к 328–330, 333, 334, 342
 Верхне-Тройцкое пос. 329
 Верхний Сор, пос. 272
 Вишневка I, пос. 257, 260, 267
 Вознесенское пос. 359

- Волванча I, пос. 269
Вуграсян-вад 253
- Гамаюнское гор-ще 297
Гандичевский м-к 290
Глазковский м-к 328, 329, 332
Глубокая Падь, м-к 333
Горбуновский торфяник 255, 257, 261, 266, 268, 269, 277, 282, 290, 308, 318, 321, 322, 324, 325, 346
Горелый Лес, пос. 329
Гремячий Ключ, м-к 347, 348
- Десятово, пос. 277, 284–287, 290, 297, 300, 301
Долгая Грива, м-к 290, 292, 294
Доронинское пос. 329, 335
Дубровинский Борок III, пос. 250
Дуван V, пос. 252, 253, 314
Дуван XVII, пос. 276–278, 281
- Евгашинское пос. 290, 292
Евстюниха, пос. 315, 322
Екатерининка I, пос. 255, 262, 263, 315
Екатерининка II, пос. 255, 262, 263, 315
Екатерининка IV, пос. 315
Елабаны Ближние IV 290, 294
Елбаны Ближние XII, XIV и др. 278, 297
Елбаны Дальние I 290
Еловский I м-к 277, 285–287, 290, 293, 294
Еловский II м-к 277–281, 285–287, 290, 293, 294
Еловское пос. 277, 284, 286, 293, 294, 323
Еловый Мыс, пос. 290
Елунинский м-к 269
Еравинские озера, м-к 329
- Журавлевка II, пос. 262
- Завьялово I, пос. 302, 317
Завьялово IA, пос. 320
Завьялово II, пос. 316
Завьялово V, гор-ще 297, 302, 317
Завьялово VIII, пос. 316
Зеньковская писаница 325
Замараевское пос. 290, 295, 297
Змиев Камень, петроглифы 325
Змеевка, м-к 290
Зотинские городища 297–299
- Ивановское пос. 329
Игреков Остров I, II, пос. 255, 266, 322
Идан, м-к 348
Иконниково, м-к 277
- Ияберень V–VIII 299–300, 317
Ияберень X 269
Иня III, пос. 255, 265
Ипкуль I, пос. 256, 261, 268, 269, 271, 272, 276, 277
Ипкуль II, пос. 262
Ипкуль VIII, пос. 260, 262, 269, 271
Ипкуль XIII, пос. 315
Ир II, пос. 255
Иринский Борик, пос. 293
Иргень, пос. 329
Ирмень I, пос. 277, 278, 290, 293, 294, 323
Ирмень IIa, пос. 265
Исаковка III, пос. 255
Искер 313
Иткульские ст-ки 253
Иччилах. м-к 329, 338, 339
Иштанский м-к 293
- Иоркутинская ст-ка 255, 259
- Кагинское пос. 297
Казачка, пос. 329, 340
Калвис 16, пос. 271
Калмацкий Брод. пос. 256, 268, 277, 282
Кама 1, м-к 297, 302, 303
Кама 2, пос. 261, 264
Каменногорское городище 297
Каменный Мыс, пос. 272
Каменный Остров, петроглифы 350
Камень, пос. 278, 290
Камышное 2, пос. 295
Кантвеем, пос. 329
Карасий Бор III, пос. 264
Карасук II, м-к 321, 348
Карасье I, II озеро, пос. 255, 269, 276, 290
Каргат VI, пос. 261, 264, 269, 277, 290
Киевка, пос. 354
Кижирово, пос. 341
Кипринская ст-ка 261, 265, 266
Кировское I пос. 352–354
Козлов Мыс I, пос. 255, 258
Кокшаровское погребение 253, 261, 277
Кокшаровское I пос. 254, 261, 277, 282, 283
Кокуй I, пос. 315
Кокуй II, пос. 262
Колпаковское городище 299
Кондон, пос. 354, 357, 359, 361
Конзабой, пос. 329
Коптяки I, пос. 289, 290
Коптяки II, пос. 269, 277, 289, 290
Коптяки V 268, 276, 277
Корчаги IA, пос. 277, 287, 290–292, 297
Корчажка V, пос. 269, 284, 295
- Костенкова Избушка, пос. 269
Кош-Карагай, пос. 264
Кошкино V, пос. 254
Красногорское 278, 297
Красногорский I м-к 291
Красноозерское пос. 299, 317
Красноярка, пос. 315
Красный Бор, пос. 271
Красный Камень, гор-ще 299
Красный Яр, пос. 277, 278, 290, 294
Кротово VII, VIII 269
Кроуновка, пос. 351
Крохалевка, пос. 269, 272
Крохалевка IV, пос. 269
Крохалевка VII, пос. 277
Крохалевка XII, пос. 269
Круглая Долина, пос. 354–356
Кулайка 323
Куллаты. м-к 329, 338, 339
Кучум-Гора. гор-ще 289, 290
Кыларса, пос. 329, 339
Кылкай, пос. 329
Кытмановский м-к 277, 278
Кыштовка 1a, 2a 255
- Лабуя, пос. 329
Лавровская ст-ка 255, 315
Лагерное городище 290, 293
Ладейка, пос. 329, 341
Лая, пос. 268
Левшинская ст-ка 258
Ленковка, м-к 329, 330, 332, 342
Лидовка I, пос. 354–357
Липовая Курья, пос. 277, 282, 283
Липчинская ст-ка 255, 256, 260, 261
Лиственная Губа, пос. 328, 329
Логиново VI, пос. 264
Логиновское городище 269
Луговая I, пос. 262
Лужки, пос. 276, 289, 290
Лысая Гора, пос. 297
- Макарово, м-к 330
Макуша, пос. 268, 269
Малгет, пос. 264, 266, 269, 271, 277, 284–288, 290, 297
Малое Плесо, пос. 322
Мальта, пос. 346
Малый Атлым (Малоатлымское городище) 261, 262, 277, 288, 290, 295–297, 310
Малый Барашек, пос. 255, 258–261
Мальшевское пос. 264
Мамбетовский IV м-к 291
Марково 2, пос. 261, 264
Марха, пос. 329
Махтыли, пос. 315
Мая, писаница 360
Медведка, пос. 268
Межовское пос. 289, 290

- Мелкое, гор-ще 298
 Мельское, пос. 297
 Мехат, пос. 277
 Милованово, пос. 277
 Могильники I, пос. 261, 266, 267
 Могильники II, пос. 261
 Могильники III, пос. 269
 Моршинская ст-ка 255
 Моряк-Рыболов, пос. 353–356
 Мугур-Саргол, петроглифы 346
 Мусульманское кладбище, м-к 261, 266, 267, 321, 348
 Мыс I, IIa, пос. 277, 287
 Мысовое пос. 297
 Мысовское пос. 289–291
- Нижне-Троицкое пос. 329
 Нижняя Макуша, пос. 252–254, 314
 Нижняя Суетка, м-к 277, 278
 Новая III, пос. 269, 277, 282
 Ново-Буринский м-к 283
 Новокусовская ст-ка 261, 265–267, 300
 Новопетрово, пос. 277, 283
 Новочекино I, пос. 290
 Новочекино III, пос. 295
 Новочекино IIIa, пос. 255
 Новочекино V, пос. 261, 264
 Новошадрино, пос. 227
 Новый Кучуг, м-к 333
 Ноху, пос. 329
 Нохой, м-к 330
- Обхой, м-к 328
 Одино, пос. 261–264, 267
 Озерки Восточные, пос. 269
 Окунево III, IV 255, 262
 Окуневский м-к (Зап. Сиб.) 263
 Оленеостровский м-к 339
 Омская ст-ка 277
 Омь, зольник 297
 Ортинская ст-ка 271
 Ордынское I, пос. 261, 269, 302, 317
 Ордынское XII, пос. 277, 284
 Ордынский м-к 255, 267, 293, 294
 Осинки, м-к 293
 Осинники, пос. 286, 293, 294
 Остядкая Гора, гор-ще 290, 297, 300, 301
- Палатка II, пос. 319
 Палкино I, пос. 297
 Палкинские ст-ки 255, 256, 261, 289, 290
 Павтелеяха I–IV, пос. 329
 Пачангский м-к 277, 286, 287
 Пашкин Бор I, пос. 255, 269
 Пегтымель, петроглифы 363
 Пеньки I, II, пос. 255, 263, 315
- Первомайское пос. 254
 Перевозный Ia, м-к 283
 Пермское пос. 353, 354
 Пернашор, пос. 269, 271, 277, 290, 297
 Петровичи, пос. 359
 Петушки, пос. 329
 Пещерный Утес, петроглифы 349
 Писанный Камень, петроглифы 325
 Плотбище, пос. 332, 346, 347
 Погоролка, пос. 255
 Погорошки, пос. 276
 Подгорно-Байларский м-к 291
 Подострожное, м-к 328–330
 Покровское, м-к 329, 338
 Полигус, пос. 329
 Пономарево, м-к 329, 342
 Потчеваш 290, 313
 Преображенка 2 290
 Преображенка 3 269, 277, 278, 281, 290
 Приангарье 328, 342, 344, 447
 Прорва, пос. 297
 Пьяново, м-к 293, 294
 Пясина V, пос. 329
- Разбойничий Остров 268
 Релка, м-к 301
 Розановское городище 290, 292
 Ростовкинский м-к 269, 274, 279, 283, 324, 428
 Рудная Бухта, пос. 352, 354, 355
- Саган-Заба, петроглифы 349, 350
 Сайма, пос. 256
 Сабакты 3, пос. 297
 Сакачи-Алян, петроглифы 358–361
 Салехардская ст-ка 255, 259, 261, 269
 Самусь III, пос. 272
 Самусь IV, пос. 269, 271–273, 277, 293, 300, 312, 319–325, 362, 428
 Самусьский м-к 265–267, 321
 Сарголь, пос. 357
 Саргуль I, пос. 290
 Сартынья I, II, пос. 253, 259, 261, 269, 270, 277, 314
 Свирская писаница 349
 Сейминский м-к 269, 274, 275, 278, 322, 325
 Семеново, м-к 328, 329, 333, 345
 Серовский м-к 329, 345
 Сиктях, мастерская 329, 337, 338
 Синий Гай, пос. 352–354, 359, 361, 362
- Синие Скалы, пос. 353–355
 Синие Скалы, пос. с гротами 354
 Синьская писаница 350
 Сопка II, м-к 269, 277, 279
 Сопка IIIa, пос. 261, 264
 Сосновый Остров, пос. 252, 253, 257, 262, 314, 315
 Староалейка, м-к 269
 Старо-Масляное пос. 297, 300
 Старо-Яппарово, пос. 295
 Старый Сад I 255
 Степаниха, пос. 354, 357
 Степановский м-к 267
 Степановское пос. 272
 Сузгун II 277, 283, 284, 287, 290, 291
 Сумнагин I, пос. 336, 337
 Суртайка, м-к 290, 293
 Сухая Падь, м-к 329
 Сухрино, пос. 277
 Сучу, пос. 359, 361
- Тазовское IV пос. 277, 287, 290, 297
 Тайлаково I, II, 255
 Такталачукский м-к 291
 Таланда 2, пос. 337
 Тасс-хааза 326
 Тартышевский I м-к 291
 Ташково I, пос. 255, 258, 259, 261
 Тенга, пос. 269, 271, 287, 341
 Титовский м-к 293
 Тихое Плесо, м-к 330
 Томмот, пос. 329
 Томская писаница 324, 325, 361
 Томский м-к на Большом Мысе 266, 267, 297, 302
 Томский м-к на Малом Мысе 277–281
 Туктубаево, м-к 281
 Туманское пос. 297
 Туой-Хая, пос. 329
 Тура I, пос. 336
 Турбинский м-к 269, 273–275
 Туруновка IV, пос. 297, 302
 Тутальская писаница 325, 326
 Турочакская писаница 325
 Тух-Сигат IV, пос. 265, 300, 324
 Тух-Эмтор I, пос. 309
 Тух-Эмтор II, пос. 264, 266, 269, 271, 272, 277, 284, 290, 297, 300, 309, 320
 Тюрмпяки, гор-ще 255
 Тытыль, пос. 329
- Улан-Хада, пос. 327–329, 331–333, 336, 343
 Уларовская Протока, пос. 329
 Улярба, м-к 329, 330, 342
 Умна III, пос. 302

- Уолба, пос. 329
 Ур, м-к 277, 278
 Усть-Белая, пос. 329
 Усть-Бельский м-к 339, 344
 Усть-Билир, пос. 329
 Усть-Волосница, пос. 297
 Усть-Илга, м-к 329, 330, 332-334
 Усть-Иля, пос. 329
 Усть-Куюм, м-к 321
 Усть-Собакино, пос. 340
 Усть-Тимптоц, пос. 329
 Усть-Чиркус, пос. 329
 Усть-Уда, м-к 329, 330, 333, 334, 345-348
 Усть-Ямный м-к 329
 Учино II, пос. 329
- Фоминское пос. 290
 Фофановский м-к 328-330, 332, 334, 336, 342, 344
- Хабсагаевское погребение 330
 Хадыта I, пос. 339
 Харга, м-к 329, 334
 Харги III, пос. 329
 Харинская Падь, пос. 352-354, 361
 Хахарь I, пос. 329
 Холодная III, мастерская 329
 Хотлох, пос. 290, 295, 297
 Хулом-сунт, гор-ще 255, 259
 Хутор Бор I, пос. 255, 262, 297
 Хэяха, пос. 290, 296, 297
- Чагда I, II, пос. 329
 Чадобец, пос. 329
 Частые Пади, м-к 342
- Чащиха, пос. 252, 253, 314
 Чебаркульская ст-ка 256
 Чекист, пос. 290
 Черкаскуль I, пос. 253
 Черкаскуль II, пос. 276, 277, 282, 283
 Черновая VIII, м-к 350
 Черноозерье III, V, пос. 269
 Черноозерье VI, пос. 262, 269, 272-274, 290
 Черноозерье VIII, пос. 292
 Черноозерский I м-к 277-281
 Черноозерское городище 277, 279, 281
 Чертово городище 294
 Чесноковская Пашня, пос. 276, 313
 Честыйяг, пос. 253, 255, 259, 262, 314
 Чикаевское пос. 329
 Чингис I, пос. 290, 293, 294, 300
 Чича I, гор-ще 297, 303
 Чудская Гора, гор-ще 277, 283, 284, 287, 289-292, 297, 313
 Чупино, пос. 290, 293, 294, 300
 Чучур-Муран, м-к 329, 337, 338
- Шайдуриха, пос. 297
 Шайтанка III, пос. 266, 261, 267
 Шайтанское городище 297, 300, 301, 310, 323
 Шаманский Мыс (Зап. Сиб.), гор-ще 269
 Шаманский Мыс (Вост. Сиб.), м-к 329
 Шапкуль I, пос. 255, 258, 262
 Шапкуль VI, пос. 260, 261, 263, 264, 271, 311
 Шапкуль VIII, пос. 260
 Шевьинская 329, 335, 336
 Шеломок, гор-ще 290
 Шереметьевские скалы, петроглифы 359, 360, 362
 Шеркалы IX, X 290, 295, 297
 Шеркалы XI, XIII 261, 269
 Шивера, м-к 329, 330, 341, 350
 Шиде, пос. 329, 342
 Шигирский торфяник 261, 308, 318, 321, 322
 Шилкинская Пещера 329, 336
 Шишкинская скала, петроглифы 346, 349, 350, 358
 Шилово-Курьинская ст-ка, 255, 263
 Шипуново, м-к 277
 Шумилиха, м-к 329, 342, 343, 346-350
- Ымыяхтах, пос. 329
- Эворон, пос. 357
- Юкалеулевское пос. 290
 Юнари, пос. 329
 Юргаркуль III 225, 260, 277
 Юргаркуль IV 255
 Юрматинский м-к 291
 Юрьинская IV ст-ка 255, 256, 277, 282
- Явленка I, пос. 282, 295
 Язеве I, пос. 295
 Яйский м-к 348
 Ямсыса IV, V, VIII, пос. 255, 262

Оглавление

Введение	5	Поздняковская культура (<u>О. Н. Бадер</u>], Т. Б. Попова)	131
(М. Ф. Косарев, Д. А. Крайнов)		Чирковская культура (А. Х. Халиков)	136
Часть первая		Приказанская культура (А. Х. Халиков)	139
Бронзовый век Восточной Европы		Глава четвертая	
Глава первая		Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР	
Энеолит центра Русской равнины и Приуралья	10	(С. В. Ошибкина)	147
Волосовская культура (Д. А. Крайнов)	10	Иллюстрации к первой части	157
Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры (Л. А. Наговицын)	28	Часть вторая	
Глава вторая		Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока	
Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР	35	Глава первая	
1. Культуры раннего бронзового века южной по- лосы лесов Европейской части СССР	35	Историко-географический очерк и история археологического изучения бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири	
Культуры шнуровой керамики: среднедне- провская, подкарпатская, городокско-здол- бицкая, стжижовская (И. И. Артеменко)	35	(М. Ф. Косарев)	248
2. Культуры раннего бронзового века Прибалти- ки, лесной полосы Европейской части СССР и Приуралья	51	Глава вторая	
Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике (Д. А. Край- нов, И. А. Лозе)	51	Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку	
Древние шахты (Н. Н. Гурина)	57	(М. Ф. Косарев)	252
Фатьяновская культура (Д. А. Крайнов)	58	1. Нижнее Притоболье. Памятники с гребенча- той керамикой	252
Балановская культура (<u>О. Н. Бадер</u>], А. Х. Халиков)	76	2. Нижнее Притоболье и бассейн Исети. Па- мятники с отступающе-накольчатой и линей- но-накольчатой керамикой	254
Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии (Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)	84	3. Памятники с энеолитической гребенчатой керамикой на севере Западной Сибири	259
Глава третья		4. Тюменское Притоболье. Комплексы с ямоч- ной керамикой (андреевская культура)	260
Поздний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР	106	5. Лесостепное и таежное Тоболо-Иртышье. По- селения с гребенчато-ямочной керамикой	261
1. Культуры позднего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР	106	6. Памятники эпохи раннего металла в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье	264
Сосницкая культура (И. И. Артеменко)	106	Глава третья	
Комаровская культура (И. И. Артеменко)	113	Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско- сейминская эпоха)	
Бондарихинская культура (И. И. Артеменко)	116	(М. Ф. Косарев)	268
2. Культуры позднего бронзового века Прибал- тики и лесной полосы Европейской части СССР	119	1. Свердловско-Тагильский регион. Копяков- ский этап	268
Восточная Прибалтика (Я. Я. Граудонис)	119	2. Культуры севера Западной Сибири	269
Абашевская культура (А. Д. Прягин, А. Х. Халиков)	124		

3. Таежное Обь-Иртышье. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой (предсузгунский этап)	271	Глава восьмая	
4. Самусьская культурная общность	272	Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы (С. В. Студзицкая)	318
Глава четвертая		Глава девятая	
Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха)	276	Бронзовый век Восточной Сибири (Л. П. Хлобыстин)	327
(М. Ф. Косарев)		1. Некоторые общие вопросы	327
1. Северные варианты андроновской культурной общности	276	2. Ранний период бронзового века Восточной Сибири	328
2. Андронидная культурная общность	282	3. Заключительный период бронзового века Восточной Сибири	340
3. Гребенчато-ямочный ареал. Тазовская культура на севере Западной Сибири	287	4. Проблемы социально-экономической и этнической истории	343
Глава пятая		5. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы (С. В. Студзицкая)	344
Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному (М. Ф. Косарев)	289	Глава десятая	
1. Эпоха поздней бронзы	289	Бронзовый век Дальнего Востока (Ж. В. Андреева)	351
2. Переходное время от бронзового века к железному	296	1. Памятники и культуры бронзового века южной части Дальнего Востока	352
Глава шестая		2. Проблемы связей, исторических судеб и этнической принадлежности культур бронзового века Приамурья и Приморья	357
Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири	305	3. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы (С. В. Студзицкая)	358
(М. Ф. Косарев)		Иллюстрации ко второй части	364
1. Ареал производящей экономики	305	Заключение	
2. Ареал присваивающей экономики	306	(М. Ф. Косарев)	427
3. Многоотраслевое хозяйство предтаежной и южнотаежной полосы	312	Литература	431
Глава седьмая		Список сокращений	448
Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири (М. Ф. Косарев)	314	Указатели	449

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Эпоха бронзы лесной полосы СССР

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства
С. Н. Васильченко

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Н. Н. Кокина

Корректоры
А. Б. Васильев, Л. А. Лебедева, Л. В. Щеголев

ИБ № 32160

Сдано в набор 05.05.86

Подписано к печати 26.08.86

Т-13850. Формат 60×90^{1/8}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 60. Усл. кр. отт. 65.

Уч.-изд. л. 70,4

Тираж 23 800 экз. Тип. зак. 2614

Цена 5 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6